

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ШАРОДНAGO ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХХVI.

1893.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Наб. Екатерининского кан., № 80.

1893.

Свб. Екатерин. нац., д. 80.
8021.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХХVI.

1893.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Наб. Екатерининского кан., № 8^о.

1893.

Спб. Екатерин. наб., д. 80.
8027.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЕННЯ.

1. (16-го ноября 1892 года). *Объ учреждениі въ московскихъ мѣщанскихъ училищахъ, на проценты съ пожертвованною мѣстными трактиро-содержателями капитала, двухъ стипендій, въ память чудеснаго спасенія Его Императорскаго Величества и Августайшой Семьи отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 года.*

Министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія ходатайство общаго собрания трактиро-содержателей въ городѣ Москве объ учреждениі въ мѣстныхъ мѣщанскихъ училищахъ, на проценты съ пожертвованного ими капитала въ десать тысячъ руб., двухъ стипендій, одной для мальчика и другой для девочки, въ память чудеснаго спасенія Его Императорскаго Величества и Августайшой Семьи отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 года.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему министру народнаго просвѣщенія о семъ докладу, въ 16-й день ноября 1892 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій и повелѣлъ благодарить жертвователей.

2. (3-го декабря 1892 года). *О временномъ допущеніи свидѣтельствованія документовъ, выдаваемыхъ изъ Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, однимъ изъ членовъ Виленской археологической комиссіи.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 3-й день декабря 1892 г. Высочайше соизволилъ на временное до-

пущеніе свидѣтельствованія документовъ, выдаваемыхъ изъ Вилен-скаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, однимъ изъ членовъ Виленской археологической комиссіи.

3.. (10-го дѣкабря 1892 года). *О подчиненіи училищъ, состоя-щихъ при римско-католическихъ церквахъ въ Имперіи, вѣдомству ми-нистерства народнаго просвѣщенія.*

Государь Императоръ, по всеподданійшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 10-й день декабря 1892 г., Высочайше по-зволѣть соизволилъ передать всѣ училища при римско-католическихъ церквахъ въ Имперіи вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, на общемъ основаніи, и съ тѣмъ, чтобы, при новомъ порядкѣ управлениія, сохранено было право католического духовенства наблю-дать за религіознымъ образованіемъ юношества въ названныхъ заве-деніяхъ.

4. (1-го января 1893 года). *О подчиненіи учебной части Внутрен-ней киргизской орды вѣдѣнію Казанскаго учебнаю округа.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 1-й день января 1893 г., Высочайше соизволилъ на подчиненіе учеб-ной части Внутренней киргизской орды вѣдѣнію Казанскаго учеб-наго округа.

5. (1-го января 1893 года). *Объ учрежденіи С.-Петербургскаго математическаго общества.*

По выслушаніи записки министра народнаго просвѣщенія, отъ дѣкабря 1892 г. (по деп.), объ учрежденіи С.-Петербургскаго мате-матическаго общества, комитетъ министровъ полагалъ: испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учре-жденіе означеннаго общества, съ предоставлениемъ статьи-секретарю графу Делянову утвердить представленный въ и исправленный по замѣчаніямъ комитета, проектъ устава оного.

Государь Императоръ, въ 1-й день января 1893 года, на сіе Вы-сочайше соизволилъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (19-го января 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени тайного советника Аракина въ университетъ Св. Владимира.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала пять тысячъ пятьсотъ рублей (5.500 р.), представленнаго въ министерство юстиціи кіевскимъ нотаріусомъ коллежскимъ советникомъ Пантелеимономъ Константиновичемъ Скордели, бывшимъ воспитанникомъ университета св. Владимира, учреждается при семъ университѣтѣ для студентовъ юридического факультета „стипендія, имени бывшаго товарища министра юстиціи тайного советника Аракина“, въ видахъ сохраненія памяти о немъ въ судебномъ вѣдомствѣ чрезъ представленіе возможности бѣднѣйшимъ молодымъ людямъ изъ семействъ этого вѣдомства получать высшее образованіе въ университѣтѣ.

§ 2. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ ежегодно получаемыхъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала, который для сего долженъ заключаться въ болѣе доходныхъ государственныхъ бумагъ подъ наименованіемъ „неприкосновеннаго капитала нотаріуса Скордели для стипендіи имени Аракина въ университетѣ Св. Владимира“

§ 3. Стипендія предоставляется, по выбору министра юстиціи, одному изъ студентовъ, признанныхъ юридическимъ факультетомъ заслуживающимъ ея по учебнымъ успѣхамъ и поведенію изъ числа дѣтей недостаточныхъ лицъ, получившихъ образованіе въ университетѣ св. Владимира и служащихъ или служившихъ по судебному вѣдомству въ округѣ Кіевской Судебной Палаты.

§ 4. Зачисленный на стипендію имени Аракина студентъ относительно своихъ научныхъ занятій подчиняется правиламъ, установленнымъ для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія и получаетъ содержаніе въ сроки, назначенные правилами для прочихъ стипендіатовъ университета.

§ 5. Выдача стипендіи стипендіату прекращается съ окончаніемъ полнаго курса университета или съ выбытиемъ изъ оного до окончанія курса или за малоуспѣшность; но стипендіату по болѣзни не удовлетворившему требованіямъ правилъ о зачетѣ полугодій стипендія можетъ быть сохранена по ходатайству факультета.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки

процентовъ съ пожертвованнаго г. Скордели капитала присоединяются къ капитальной суммѣ и обращаются въ государственные % бумаги для увеличения размѣра учрежденной стипендіи или для составленія другой такой же стипендіи.

2. (19-го января 1893 года). Циркулярное предложеніе и. Попечителя учебныхъ округовъ о внесеніи въ формуларные списки учителей уѣздныхъ училищъ надлежащихъ отмѣтокъ объ усердномъ веденіи ими метеорологическихъ наблюдений.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа донесъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ вѣренного его управлѣнію округа производятся метеорологическія наблюденія на тѣхъ же условіяхъ, какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и городскихъ училищахъ.

Принимая во вниманіе, что въ формулярныхъ спискахъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ случаѣахъ усерднаго веденія ими метеорологическихъ наблюдевій и руководства производствомъ онъкъ, дѣлаются, согласно циркулярнымъ предложеніямъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 26-го апрѣля 1882 г. за № 4.925 и 6-го апрѣля 1884 г. за № 5.199, надлежащія о томъ отмѣтки, Попечитель вышеназваннаго округа просилъ распространить это право и на преподавателей уѣздныхъ училищъ, которыми производится такія наблюденія.

Всѣдѣствіе сего и признавая, съ своей стороны, изъясненное хода тайство заслуживающимъ уваженія въ интересахъ науки и въ видахъ справедливаго поощренія тѣхъ учителей уѣздныхъ училищъ, которые занимаются метеорологическими наблюденіями на условіяхъ, выработанныхъ Главною физическою обсерваторіею, я разрѣшаю распространить на сихъ лицъ дѣйствіе поманутыхъ циркулярныхъ предложеній за №№ 4.925 и 5.199.

О вышепизложенномъ имѣю честь уведомить Ваше Превосходительство, для зависящихъ распоряженій.

3. (23 января 1893 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы контр-адмирала Марии Алексеевны Стройниковой при Севастопольской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1861 г. учреждается при Севастопольской женской гимназіи одна стипендія

имени вдовы контръ-адмирала Марии Алексеевны Стройниковой на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу руб., завѣщаннаго ею съ этой цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% банковыхъ билетахъ втораго выпуска, составляя неотъемлемую собственность гимназіи и оставаясь на вѣчные времена неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала за исключеніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. обращенію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендиатки.

§ 4. Избраніе стипендиатки предоставляется педагогическому соѣту изъ ученицъ православнаго исповѣданія, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 5. Если состояніе на лицо банковые билеты выйдутъ въ тиражъ погашенія или подвергнутся конверсіи, то они замѣняются другими государственными процентными бумагами.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендиі остатки причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендиі.

§ 7. Пользованіе стипендией не налагаетъ на стипендиатку никакихъ обязательствъ.

4. (29-го января 1893 года). *Положеніе о стипендиѣ имени почтеннаго тайного советника Владимира Григорьевича Трирого при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университете.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, пожертвованнаго вдовою тайного советника Натальею Алексеевну Трирогою и заключающагося въ двухъ заладныхъ листахъ государственного дворянскаго земельнаго банка съ шестью купонами каждый, на нарицательную сумму двѣ тысячи рублей, учреждается при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ стипендиа „имени тайного советника Владимира Григорьевича Трирого“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенного капитала выдаются стипендиату для уплаты за слушаніе лекцій въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ.

§ 4. Стипендіатъ избирается министромъ государственныхъ имуществъ изъ сыновей чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, наиболѣе заслуживающихъ помощи по своему семейному и материальному положенію, при чмъ отдается предпочтеніе сыновьямъ чиновниковъ департамента общихъ дѣлъ.

§ 5. Если избранный стипендіатъ, за неуспѣхи въ наукахъ, или по другимъ законнымъ причинамъ, будетъ исключенъ изъ университета, то обѣ этомъ сообщается министру государственныхъ имуществъ для избрания, на мѣсто выбывшаго, другаго лица.

§ 6. Стипендія не налагаетъ никакихъ обязательствъ на пользовавшихся ею лицъ.

5. (31-го декабря 1893 года). Циркулярное предложеніе и. попечителямъ учебныхъ округовъ о передачѣ всѣхъ училищъ при римско-католическихъ церквяхъ въ Имперіи вѣдомству министерства народного просвѣщенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ 10-й день декабря прошлаго года, Высочайше повелѣть соизволить передать всѣ училища при римско-католическихъ церквяхъ въ Имперіи вѣдомству министерства народного просвѣщенія, на общемъ основаніи, и съ тѣмъ, чтобы, при новомъ порядкѣ управления, сохранено было право католического духовенства наблюдать за религіознымъ образованіемъ юношества въ названныхъ заведеніяхъ.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мнѣ статье-секретаремъ Дурново, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для надлежащаго распоряженія по вѣренному вамъ учебному округу, присовокупляя, что мною, вмѣстѣ съ симъ, сдѣлано сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о доставленіи полнаго списка означенныхъ выше школъ, который, въ надлежащей его части, будетъ своевременно вамъ сообщенъ.

6. (11-го февраля 1893 года). Положеніе о стипендіи имени дѣятельного статского советника Владимира Ильича Грибанова при Императорскомъ С.-Петербургскому университету.

(Утвержденъ г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала десять тысячъ пятьсотъ рублей, заключающагося въ 4% внутренняго займа 3-й серии облигаций съ купонами по 15 июня 1893 года, пожертвованаго наследниками

дѣйствительного статского советника Владимира Грибанова, учреждается при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ стипендиа имени дѣйствительного статского советника Владимира Ильича Грибанова.

§ 2. Вышеозначенный стипендіальный капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ С.-Петербургскому губернскому казначейству.

§ 3. Стипендиа назначается студенту, безразлично какого факультета, русского происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія изъ сословія объединившихъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, уроженцевъ Вологодской, Архангельской и Вятской губерній, при чемъ преимущество дается уроженцу Вологодской губерніи, а если такого нѣть, то Архангельской и затѣмъ Вятской губерніи.

§ 4. Право избранія стипендіата предоставляется пожизненно вдовѣ дѣйствительного статского советника Грибанова, Аннѣ Абрамовѣ Грибановой, которая обѣ избранномъ ею стипендіатѣ извѣщається правленіе университета, а посль неи стипендіатъ назначается правленіемъ университета.

§ 5. Стипендіатъ пользуется стипендіей со дня поступленія въ университетъ и до окончанія полнаго курса, при чемъ, если стипендіату по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ не будетъ зачтено полугодіе, онъ не лишается стипендіи.

§ 6. Проценты съ указанныхъ въ п. 1 облигаций 4% внутреннаго займа, за вычетомъ изъ нихъ 5% подоходнаго налога, выдаются стипендіату правлеziемъ университета ежемѣсячно впередъ равными частями.

§ 7. За полученіемъ стипендіи студентъ обязанъ являться лично; получение стипендіи по довѣрности допускается только въ особо уважительныхъ случаяхъ, а также и въ канунулярное время.

§ 8. Въ случаѣ неодобрительного поведенія и уклоненія отъ исполненія предписанныхъ правилами университета обязанностей, стипендіатъ можетъ быть, по решенію правленія, съ утвержденія попечителя округа, лишенъ стипендіи, о чемъ извѣщаєтся вдова дѣйствительного статского советника Анна Абрамовна Грибанова, которая поступаетъ тогда согласно п. 4 настоящаго положенія.

§ 9. Въ случаѣ образованія остатка отъ стипендіи вслѣдствіе временнаго незамѣщенія ея или по другимъ какимъ либо причинамъ, таковой выдается въ пособіе стипендіату при окончаніи имъ полнаго

университетского курса, если онъ пользовался стипендией въ продолжение не менѣе шести семестровъ.

§ 10. Пользованіе стипендией не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 11. Въ случаѣ выхода въ тиражъ какой либо изъ вышеозначенныхъ въ п. 1 облигаций на правленіе университета возлагается обязанность приобрѣсти новыя процентныя бумаги того же достоинства.

7. (11-го февраля 1893 года). *Положеніе о двухъ стипендиахъ, при Императорскомъ Московскомъ университете изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ рублей, завѣщанного потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Николаемъ Сергеевичемъ Мазуринымъ и заключающаюся въ 12 облигаций 3-го восточнаго займа по 1000 р. каждая за №№ 266195, 266196, 266197, 266198, 266199, 266200, 266201, 266202, 266203, 266204, 266205 и 266206 съ 17-ю купонами при каждой.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ рублей учреждаются при Московскомъ университѣтѣ двѣ стипендии имени завѣщателя сего капитала потомственнаго почетнаго гражданина Николая Сергеевича Мазурина.

§ 2. Размѣръ каждой стипендиї, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала пятипроцентнаго государственнаго налога — двѣсти восемьдесятъ пять рублей въ годъ.

§ 3. Стипендиї назначаются, на основаніи общихъ на этотъ предметъ правилъ, студентамъ медицинскаго факультета, христіанамъ, преимущественно православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія званій, но при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, преимущество отдается дѣтямъ лицъ торгового и промышленнаго класса.

§ 4. Изъ годовой стипендиальной суммы, 285 р. въ годъ, перечисляются въ соответствующіе источники деньги, причитающіяся со стипендіата за слушаніе лекцій, а за симъ остальная сумма выдается стипендіату установленнымъ порядкомъ.

5. Свободные остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу для увеличенія размѣра стипендий.

III. ОПРЕДЪЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определениями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: профессора Цесельского. „Пчеловодство, основанное на наукѣ и многолѣтней практикѣ, или доходное пасѣчное хозяйство. Часть первая. Природа пчелъ: Казань. 1893. 8°. VIII, IV и 305 стр., съ 57-ми рис. Цѣна 2 р.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ городскихъ и сельскихъ училищъ.

— Книги В. И. Альбіцкаго, профессора Харьковскаго Технологического института; 1) Болтовое скруїпленіе, расчетъ его и вычерчиваніе. Съ 2-ма таблицами чертежей, рѣзанныхъ на камнѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Харьковъ. 1892. 51 стр. Ц. 50 коп.; 2) Цилиндрическія зубчатыя колеса, ихъ теорія, расчетъ и вычерчиваніе. Съ 3-ма таблицами чертежей, рѣзанныхъ на камнѣ. Изданіе второе, совершенно передѣланное и значительно дополненное. Харьковъ. 1892. 158 стр. Ц. 1 р.; 3) Определение чиселъ зубьевъ въ круглыхъ цилиндрическихъ зубчатыхъ колесахъ. Съ 2-мя таблицами чертежей, рѣзанныхъ на камнѣ. Харьковъ. 1892. 47 стр. Ц. 40 коп.—Первые двѣ книги рекомендовать для фундаментальныхъ и одобрить для ученическихъ библіотекъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а послѣднюю одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книгу: „Святый благовѣрный великий князь Александръ Ярославичъ Невскій. Подробное жизнеописаніе съ рисунками, планами и картами. М. Хитрова. Москва. 1893. Стр. VI+277. Цѣна 2 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго и среднаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ институтовъ и семинарій.

Сочиненіе іеромонаха Киево-Печерской лавры Алексія Виноградова подъ названіемъ: „Исторія Англійско-Американской Библіи. Части II и III, особенная. С.-Пб. 1891—1892 г.“—допустить къ приобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

Книжки подъ заглавіемъ: „Нашему юношеству разказы о хорошихъ людяхъ. А. П. Мунт-Валуева С.-Пб. 1892: 1) „Не отъ міра сего. (Изъ жизни Елизаветы Кульманъ. 1808—1825). Стр. 56.

Цѣна 10 коп."—„Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ (аббать Л' Эле, Самуилъ Гейніке и Валентинъ Гей). Стр. 41. Цѣна 10 коп."; 3) „Венѣаминъ Франклінъ. Стр. 50. Цѣна 10 коп."—*первую* допустить, а *вторую* и *третью* одобрить для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній; а послѣднія двѣ, сверхъ того, включить въ каталогъ книгъ, одобренныхъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Практическій краткій учебникъ латинскаго синтаксиса съ упражненіями для перевода съ русскаго языка на латинскій для III, IV, V, VI классовъ гимназій, согласно съ новыми учебными программами (1890 г.). Составилъ И. Виноградовъ, преподаватель въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1893. Стр. XI+312".—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства въ среднихъ и старшихъ классахъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Антигона Софокла. Латинскія партіи трагедіи, съ метрическими дѣленіями, музыкой и иллюстраціями, съ приложениемъ указаний для постановки трагедіи на сценѣ, издалъ Степанъ Цымбульскій, учитель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи. 1890. Въ 4-ю д. л. Стр. 48. Цѣна 3 руб."—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Элементарная алгебра. Составилъ А. Киселевъ. З-е, улучшенное изданіе, содержащее курсъ классическихъ гимназій и 6-ти классовъ реальныхъ училищъ. Москва. 1893. Стр. VII+IV+287. Цѣна 1 руб. 25 коп,"—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Дополнительные статьи алгебры. Курсъ дополнительного класса реальныхъ училищъ. Составилъ А. Киселевъ. Москва. 1893. Стр. IV+104"—одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи алгебры въ дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ.

Книгу: „Курсъ элементарной геометріи А. Боса и М. Ребера. Перевелъ Н. Де-Жоржъ, преподаватель математики С.-Петербургской 8-й гимназіи. Издание 2-е. С.-Пб. 1892. Стр. VII+406. Цѣна 1 руб. 65 коп."—одобрить въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ.

Книгу: „Курсъ низшей геодезіи. Составилъ А. Бикъ, ме-

жевой инженеръ, старшій преподавателъ Константиновскаго межеваго института. Часть I. Москва. 1891. Стр. XVI+410. Цѣна 3 руб.—Часть II. Москва. 1892. Стр. IX+353. Цѣна 3 руб.—рекомендовать для библиотекъ фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка, Томъ I. Составилъ В. Потто. С.-Пб. 1892. Въ 4-ю д. л. Стр. VIII+193“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Книги, составленныя К. Смирновымъ, подъ заглавіемъ. „Учебная книга географіи. Издание 32-е. С.-Пб. 1892; 1) „Азія, Африка, Америка и Австралия въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназіческій. Стр. 128. Цѣна 60 коп.“ — и 2) „Европа въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназіческій. Стр. 96. Цѣна 60 коп.“ — одобрить въ видѣ руководства по географіи для среднихъ учебныхъ заведеній.

Книгу: „Lectures et exercices de langue fran aise pour les classes inf erieures et moyennes par Alfred Anspach, maître de langue et litt rature fran aise   l'ecole St.-Pierre. St.-P etersbourg. 1893. Pages 422+VIII. Prix 1 rouble“ — допустить, какъ пособіе при преподаваніи французскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы для слѣдующаго изданія авторъ тщательно пересмотрѣлъ и исправилъ свой трудъ согласно съ замѣченіями ученаго комитета и обратилъ особенное вниманіе на исправленіе словаря и отделья: Gallicismes et proverbes.

— Книги: 1) „Максъ Фишеръ. Deutsche Grammatik. Etymologie, Syntaxis, Po tik, Orthographisches W rterzeichniss. Zweite Auflage. (Нѣмецкая грамматика. Этимологія, Синтаксись, Стихосложеніе, Орѳографический указатель. 2-е изданіе). Москва. 1892. Стр. XX+267. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — 2) „Die beliebtesten M rchen der Br der Grimm. Лучшія сказки братьевъ Гrimmовъ. Пособіе для класснаго чтенія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обработалъ и словаремъ, методическими вопросами для повторенія текста и 160 темами для письменныхъ и устныхъ упражненій (изложеній, описаній, сочиненій и т. п.) снабдилъ Максъ Фишеръ, помощникъ инспектора Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Изданіе 4-е. Москва. 1892. Цѣна 60 коп.“ — одобрить — первую какъ руководство для среднихъ

учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, гдѣ нѣмецкая грамматика преподается на нѣмецкомъ языѣ; а вторую—какъ весьма полезное пособіе при обученіи нѣмецкому языку въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

Книгу: „Deutsches Lesebuch von Th. Anderson. II Theil. 2 Auflage. Нѣмецкая хрестоматія Т. К. Андерсона. Часть II. Издание 2-е. С.-Пб. 1892. Стр. 269. Цѣна 75 коп.“—одобрить, какъ учебное пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ.

Броншюру: „Бережного Богъ бережетъ. Что такое холера, какъ отъ нея уберечься и чѣмъ ее лѣчать. Съ рисунками и картой. Составилъ врачъ С. Бѣлицъ-Гейманъ. Москва. 1892. Стр. 45. Ц. 15 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для библиотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Практическая фармакология по рецептамъ современныхъ клиницистовъ. Составилъ М. Боялубовъ, докторъ медицины. Издание 2-е, вновь обработанное и распространенное, съ 1800 рецептами. Москва. 1893. Стр. X 338. Ц. 3 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, при которыхъ вообще состоится врачь.

Книгу: „Грамматика древне-(церковно) славянскаго языка. Для среднеучебныхъ заведеній, составилъ П. Бракенгеймеръ. Издание 3-е. Одесса 1892 г., стр. 56. Ц. 35 к.“—допустить, какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы при сlijдующемъ изданіи авторъ сдѣлалъ въ ней измѣненія, указанные ученымъ комитетомъ и упростила могущіе затруднить учениковъ IV класса филологические объясненія и термины.

— Книгу: „Берегите здоровье! Общедоступныя бесѣды о строеніи человѣческаго тѣла и сохраненіи здоровья. Посвящаются сельскому духовенству и народнымъ учителямъ. Составила М. М. Соколова, учительница начальной городской школы, подъ редакціею женщины-врача Е. Н. Залъзовой. Москва. 1893 г. стр. XIII + 272. Ц. 50 к.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, также учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Курсъ Парижской кройки“. М-мъ Теодора. С.-Пб. 1890. Ц. 3 р., съ тетрадью чертежей. 183 стр.—одобрить къ употребленію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОТКРЫТИЕ УЧИЛИЩЪ.

— Попечителемъ кавказского учебного округа разрѣшено открыть при Ейской женской прогимназіи пятый и шестой классы.

— По донесенію попечителя Киевскаго учебнаго округа 8-го ноября прошаго года послѣдовало открытие однокласснаго приходскаго училища въ гор. Житомирѣ, въ ознаменование 25-тилѣтія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

По донесенію попечителя Киевскаго учебнаго округа, 1-го ноября минувшаго года открыто одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ с. Курномъ, Новоград-волынскаго уѣзда, Волынскай губерніи, при 80-ти учащихся.

— По донесенію попечителя Кавказскаго учебнаго округа, 1 октября минувшаго года послѣдовало открытие начального училища въ селеніи Гренадерскомъ, Карской области, при 30 учащихся.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 25-го истекшаго февраля, на награжденіе ученика VI класса астраханской гимназіи, сына коллежскаго совѣтника Николая Свидерскаю, за совершенный имъ подвигъ человѣколюбія, серебряною медалью съ надписью „за спасеніе пошибавшихъ“ на Владимирской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ.

II. ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

27-го февраля 1893 г. утверждены: главный ботаникъ Императорскаго С.-Петербургскаго ботаническаго сада, коллежскій совѣтникъ Коржинскій—адъюнктомъ Императорской Академіи наукъ, по ботаникѣ, съ 9-го января 1893 г., съ оставлениемъ въ занимаемой имъ по ботаническому саду должности; действительные статскіе совѣтники: Топоровъ, Никола Терещенко и Козловъ, коллежскій совѣтникъ Сукачевъ, надворный совѣтникъ Авдѣевъ, титуллярный совѣтникъ Йозефовичъ, коллежскій секретарь князь Кудашевъ, отставной поручикъ Лутгининъ, потомственный почетный гражданинъ Хараджаевъ и первой гильдіи купцы шуйскій Павловъ и одесскій Весле—почетными попечителями гимназій на три года: Топоровъ—С.-Петербургской Ларинской, Терещенко—Глуховской, Козловъ—Орловской, Сукачевъ—Ир-

бутской, Авдѣевъ—Александровской Корочанской, Іозефовичъ—Воло-
годской, князь Кудашевъ—Елатомской, Лугининъ—Костромской, Ха-
раджаевъ—Александровской Маріупольской, Павловъ—Шуйской и
Весле—Одесской третьей; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Без-
пальчевъ*, потомственный почетный гражданинъ *Зотовъ*—и временный
московскій второй гильдіи купецъ *Гиммелъгеберъ*—почетными попечи-
телями реальныхъ училищъ на три года: Безпальчевъ—Роменского,
Зотовъ—Костромского и Гиммелъгеберъ—при Евангелическо-Лютеран-
ской церкви св. Михаила въ Москвѣ; иркутскій первой гильдіи ку-
пецъ *Родіоновъ*—почетнымъ попечителемъ Иркутскаго промышленного
училища на три года.

Назначенъ, чиновникъ особыхъ порученій VI класса при мини-
стрѣ народнаго просвѣщенія, коллежскій асессоръ *Лобойковъ*—дѣло-
производителемъ V класса особаго отдѣленія департамента народнаго
просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами, съ 8-го
февраля 1893 года.

Продолжена срокъ командировки съ ученою цѣлью, приватъ-до-
центу Императорскаго Казанскаго университета *Лихачеву*—въ Россіи
и за границу, на одинъ годъ, съ 8-го марта 1893 года; приватъ-до-
центу Императорскаго Харьковскаго университета *Барабашеву*—за гра-
ницу, но 1-е апрѣля 1893 года.

Командированы: чиновники особыхъ порученій VI класса при ми-
нистрѣ народнаго просвѣщенія: въ званіи камеръ-юнкера, надворный
совѣтникъ князь *Волконский* и коллежскій секретарь *Ковалевскій* и
причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, приватъ-до-
центъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій ас-
сессоръ *Дымша*—на всемирную выставку въ Чикаго, съ 1-го марта
1893 года до окончанія сей выставки.

Командированы за границу съ ученою цѣлью: ординарный акаде-
микъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный тайный совѣт-
никъ *Чебышевъ* и сверхштатный лаборантъ Императорскаго Новорос-
сійскаго университета *Альбоевъ*—на два мѣсяца; приватъ-доцентъ Им-
ператорскаго С.-Петербургскаго университета *Греесъ*—на пять мѣсяцъ,
съ 1-го мая 1893 года; сверхштатный ассистентъ при Гинеко-
логической клинике Императорскаго Московскаго университета, док-
торъ медицины *Бобровъ*—на шесть мѣсяцъ, съ 1-го марта 1893 года;
экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго универси-
тета *Станкевичъ*—съ 1-го іюня 1893 г. по 1-е мая 1894 г.; орди-
нарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета,

действительный статский советникъ *Щерцъль*—съ 10-го мая 1893 г. по 30-е апреля 1894 года; приватъ-доцентъ Императорского Московскаго университета, князь *Трубецкой* и докторъ медицины *Поповъ*—на одинъ годъ, съ зачетомъ первому въ сю командировку 28-дневнаго, съ 8-го января 1893 г., заграничного отпуска; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ съ дипломомъ первой степени *Эльмановичъ*—на два года.

Продолженіе срока отпуска, по болѣзни: классной надзирательницѣ Тифлисской первой Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназии *Фирсовой*—въ Россіи, по 10-е мая 1893 года; почетному поцепителю Ришельевской гимназіи *Макрокордато*—за границу, на два мѣсяца; причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, надворному советнику *Омѣтѣ*—на одинъ годъ.

Уволены въ отпускъ за границу ассистенты при каѳедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней Императорскаго Харьковскаго университета, лѣкарі *Тихомировъ* и *Поповъ* на четыре съ половиною мѣсяца, съ 1-го апреля 1893 года; приватъ-доцентъ Императорскаго харьковскаго университета *Мухинъ* и сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ офтальмологіи сего университета, докторъ медицины *Незнамовъ*—на шесть мѣсяцевъ; приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, надворный советникъ *Оришанскій*—на десять мѣсяцевъ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

8. (19-го февраля 1893 года). *Положеніе о стипендиѣ имени умершей вдовы тайного советника Ольги Николаевны Фанъ-деръ Флита, при Псковской Марининской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5 декабря 1881 года учреждается при Псковской Марининской женской гимназіи одна стипендиѣ имени умершей вдовы тайного советника Ольги Николаевны Фанъ-деръ Флита на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, изъертвованыхъ съ этой цѣлью сыномъ ея, действительнымъ статскимъ советникомъ Николаемъ Феодоровичемъ Фанъ-деръ-Флитомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ облига-

ціахъ четвертаго 4%, внутреннаго займа за №№ 388.841—388.845 на пятьсотъ рублей и за №№ 1.208.741—1.208.750 на одну тысячу рублей, составляетъ неотъемлемую собственность Псковской Маринской женской гимназіи и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года обращенію въ казну, употребляются на уплату за право учения избранной стипендіатки, могущіе же образоваться при этомъ остатки выдаются стипендіаткѣ на покупку учебныхъ пособій.

§ 4. Право избрания стипендіатки изъ числа ученицъ гимназіи принадлежитъ дѣйствительному статскому советнику Н. Ф. Фанть-деръ Флиту, а послѣ его смерти Псковскому уѣздному земскому собранію.

§ 5. Стипендіатка пользуется стипендіею до окончанія курса гимназіи, но можетъ быть и лишена оной по заявлению педагогического совета о неусидчивомъ ея учениіи или неодобрительномъ поведеніи, а также въ случаѣ выхода ея изъ гимназіи по болѣзни. Если стипендіатка выйдетъ изъ гимназіи по какимъ-нибудь причинамъ до окончанія полнаго курса, то уплаченныя за ея обученіе деньги возврату не подлежать.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

9. (23-го февраля 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго статскаго советника Владимира Григорьевича Бенедиктова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университете.*

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ пятнадцать тысячъ рублей, заключающагося въ 5%, именныхъ банковыхъ билетахъ, завѣщанныхъ умершему дочерью коллежскаго советника Варварою Григорьевною Бенедиктовой, учреждается, согласно волѣ жертвовательницы, одна стипендія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университете, имени дѣйствительнаго статскаго советника Владимира Григорьевича Бенедиктова.

§ 2. Выпосаженный стипендіальный капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Размеръ стипендіи опредѣляется количествомъ получаемыхъ со стипендіального капитала процентовъ.

§ 4. Стипендія назначается, на основанії общихъ на этотъ предметъ правиль, бѣднѣйшему изъ студентовъ юридического факультета.

§ 5. Стипендія не налагается на получавшаго ее никакихъ обязательствъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

21-го февраля 1893 г. Утверждены: исполняющей обязанности вице-директора Николаевской главной астрономической обсерваторіи, статской советникъ *Соколовъ*—въ сей должности, со 2-го декабря 1892 года; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—дѣйствительный статской советникъ *Помяловскій* и Казанскаго—дѣйствительный статской советникъ *Осокінъ*—въ званіи заслуженнаго ординарного профессора: первый—съ 14-го декабря и послѣдній—съ 27-го октября 1892 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статской советникъ *Сергѣевичъ*—вновь деканомъ юридического факультета сего университета, на четыре года, съ 27-го октября 1892 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Любовичъ*—деканомъ историко-филологического факультета сего университета, на три года, съ 24-го декабря 1892 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статской советникъ *Еланчикскій*—ординарнымъ профессоромъ сего университета, по каѳедрѣ частной патологии и терапіи, съ 1-го января 1893 года; исправляющей должность чиновника особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Извольскій*—въ сей должности, со времени истечения четырехмѣсячнаго срока по назначеніи его исправляющимъ должность; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статской советникъ *Постильовъ*—штатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, съ 6-го декабря 1892 года; приват-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Корелинъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета, по каѳедрѣ всеобщей исторіи, съ 12-го января 1893 года; преподаватель С.-Петербургской Введенской гимназіи, коллежскій советникъ *Гинтовъ*—наставникомъ-руководителемъ по латинскому языку гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскому историко-филологическому институту, съ 12-го января 1893 года;

окружной инспекторъ западно-сибирскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вахрушевъ* и инспекторъ новгородской гимназіи, статскій совѣтникъ *Ещеновъ* директорами гимназій: первый—Вѣренской, съ 10-го декабря 1892 г. и второй—Нарвской, съ 7-го января 1893 года; инспекторъ Курскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Головинъ*—директоромъ сего училища, съ 12-го января 1893 года; заслуженный преподаватель Иркутскаго промышленнаго училища, надворный совѣтникъ *Сабуровъ*—директоромъ Троицко-савскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, съ 5-го декабря 1892 г.; исправляющіе должностіи инспекторовъ народныхъ училищъ состоящей при управлѣніи Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волынской, надворные совѣтники *Борышкевичъ* и *Швачка*—въ сей должностіи, съ 7-го января 1893 г.; преподаватель Ташкентской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Граменицкий*—инспекторомъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края, съ 15-го декабря 1892 г.; преподаватель Кологривскаго низшаго сельско-хозяйственнаго техническаго, имени надворнаго совѣтника Ф. В. Чижова, училища *Ивановъ*—директоромъ сего училища, съ 26-го ноября 1892 года; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Листовскій*, коллежскій совѣтникъ *Бельгардъ* и чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камер-юнкера, надворный совѣтникъ князь *Волконскій*—вновь почетными попечителями прогимназій на три года: Листовскій—Суражской, Бельгардъ—Ефремовской и князь Волконскій—Борисоглѣбской Александровской; второй гильдіи купецъ *Ненюковъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Красноснѣльской прогимназіи впредь до закрытія оной; поселанинъ-собственникъ *Харченко*—вторымъ почетнымъ попечителемъ Преславской учительской семинаріи, на три года; потомственный почетный гражданинъ *Нѣмчиновъ*—товарищемъ почетнаго попечителя Иркутскаго промышленнаго училища, на три года; Симбирскій первой гильдіи купецъ *Шатровъ*—почетнымъ попечителемъ Симбирской чувашской учительской школы, на три года; исправляющей должностіи дѣловъпроизводителя VIII класса, департамента народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь князь *Волконскій*—въ сей должностіи со времени истеченія четырехмѣсячнаго срока по назначеніи его исправляющимъ должностіе.

Назначеніе: исправляющей должностіи экстраординарнаго профессора Императорскаго университета въ гор. Юрьевѣ Озѣ—временно исправляющимъ должностіе декана историко-филологическаго факуль-

тета сего университета, съ 11-го февраля 1893 года; ректоръ Императорскаго университета въ гор. Юрьевѣ, дѣйствительный статскій советникъ *Будиловичъ*—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета, по каѳедрѣ славянской филологии, съ 27-го сентября 1892 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій советникъ *Сорокинъ*, исправляющій должность экстраординарного профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, надворный советникъ *Федоровъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ прикладной математики *Лапуновъ*—ординарными профессорами сихъ университетовъ, по каѳедрамъ: первый—агрономіи, съ 19-го, второй—торгового права и торгового судопроизводства, съ 10-го, и третій—механики, съ 1-го января 1893 г.; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, надворный советникъ князь *Сергій Волконскій*—чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ 13-го февраля 1893 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ-медицины *Голубовъ*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ частной патологіи, съ 15-го января 1893 г.; помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета, лѣкарь *Федоровъ*—исправляющимъ должность прозектора сего университета, при каѳедрѣ анатоміи человѣка, съ 16-го ноября 1892 года; секретарь совѣта Императорскаго Московскаго университета, надворный советникъ *Рахмановъ*—правителемъ канцелярии попечителя Московскаго учебнаго округа, съ 28-го ноября 1892 года.

Перемещены: директоръ Нарвской гимназіи, статскій советникъ *Давиденковъ*—директоромъ С.-Петербургской Введенской гимназіи, съ 7-го января 1893 г.; директоръ Ревельской Александровской гимназіи, статскій советникъ *Тихомировъ*—директоромъ Митавской гимназіи, съ 28-го ноября 1892 г.; директоръ Митавской гимназіи, статскій советникъ *Розанковскій*—директоромъ ревельской Александровской гимназіи, съ 28-го ноября 1892 года.

Определены: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университете, съ дипломомъ второй степени, *Дебольскій*—дѣлоизводителемъ VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, съ 12-го января 1893 г.; изъ отставныхъ: статскіе советники: *Кимакъ* и *Солнцевъ* и коллежскій ассесоръ *Ростовцевъ*—вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному: *Кимакъ*—

съ 18-го ноября 1892 г., съ откомандированиемъ въ распоряженіе начальника Одесского учебного округа, Солицеръ — съ 16-го января 1893 г. и Ростовцевъ — съ 16-го ноября 1892 г.; кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Иванъ Бочаевъ и окончившіе курсъ: въ томъ же университетѣ, съ дипломомъ первой степени, Григорій Эльмановичъ и въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ — Александръ Михайловъ — на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному: первый — съ 13-го января, второй — съ 24 января 1893 г. и третій — съ 24-го декабря 1892 г.; бывшій смотритель поселеній Енисейской губерніи, не имѣющій чина Иванъ Петрашевичъ и окончившіе курсъ въ городскихъ училищахъ: Самсоньевскому — сынъ надворнаго советника Александра Герасимова и Владимірскому — сынъ титулярнаго советника Михаила Ежова — на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, канцелярскими служителями сего департамента: первый съ 30-го ноября 1892 г., второй — съ 9-го и третій — съ 28-го января 1893 года.

Переведены на службу по министерству народнаго просвѣщенія: помощникъ оберъ-секретаря первого департамента Правительствующаго Сената, коллежскій секретарь Ковалевскій — съ назначеніемъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ 12-го января 1893 г., и дѣлопроизводитель III округа акцизного управления Орловской губерніи, коллежскій регистраторъ Кладо, съ утвержденіемъ экономомъ и экзекуторомъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологического института, съ 19-го февраля 1893 года.

Причислены къ министерству народнаго просвѣщенія чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, титулярный советникъ князь Волконскій — съ увольненіемъ, согласно прошенію, отъ настоащей должности, съ 25-го января 1892 года.

Оставлены на службѣ: директоры реальныхъ училищъ: Ровенскаго — дѣйствительный статскій советникъ Радкевичъ, съ 13-го января 1893 г., и Череповскаго — статскій советникъ Корчакъ-Гречина, съ 3-го декабря 1892 г., директоръ виленской дирекціи народныхъ училищъ, дѣйствительный статскій советникъ Ставровичъ, съ 27-го декабря 1892 г., и директоры учительскихъ семинарій: Исковской дѣйствительный статскій советникъ Кестнеръ, съ 17-го ноября 1892 г., и Череповской статскій советникъ Сциборскій, съ 29-го января 1893 г., всѣ патеро — на три года; директоръ Севастопольскаго ре-

ального училища, статский советникъ *Милановичъ* по 1-е июля 1896 г.; окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа, тайный советникъ *Вейнбергъ*, съ 7-го декабря, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статский советникъ *Помяловскій*, съ 14-го декабря, ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго статский советникъ *Ясинскій*, съ 19-го ноября, Новороссийскаго статский советникъ *Перетятковичъ*, съ 13-го декабря 1892 года и Варшавскаго—дѣйствительный статский советникъ *Струве*, съ 29-го января 1893 г., директоры гимназій: С.-Петербургской второй—тайный советникъ *Смирновъ*, съ 10-го января 1893 г. и Елецкой—дѣйствительный статский советникъ *Симонъ*, съ 11-го апреля 1892 г., директоръ Бакинскаго реальнаго училища, дѣйствительный статский советникъ *Каменскій*, съ 15-го июня, директоры народныхъ училищъ: Ревельскій статский советникъ *Благовѣщенскій*, съ 8-го декабря, Рижскій—статский советникъ *Сомчевскій*, съ 17-го декабря и губерній: Харьковской—дѣйствительный статский советникъ *Жаворонковъ*, съ 11-го декабря, Херсонской—дѣйствительный статский советникъ *Фармаковскій*, съ 29-го декабря и Ставронольской—статский советникъ *Красновъ*, съ 1-го сентября 1892 г. и директоръ Полоцкой учительской семинаріи, статский советникъ *Смирновъ*, съ 9-го января 1893 г., все четыридцать — на пять лѣтъ; ординарные профессоры Императорскаго Московскаго университета: заслуженный, дѣйствительный статский советникъ *Клейнъ*, съ 10-го октября и дѣйствительный статский советникъ *Нейдинъ*, съ 13-го августа 1892 г., оба по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части.

Командированъ директоръ Казанскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статский советникъ *Ланье*—въ С.-Петербургъ и Финляндію, съ 20-го мая по 20-е августа 1893 года.

Уволены въ отпускъ за границу: почетный смотритель казенныхъ начальныхъ въ Москвѣ училищъ, инженеръ-технологъ *Миндеръ*—по 4-е марта 1893 г.; классная надзирательница Казанской Марининской женской гимназіи *Баутина*—на два мѣсяца; причисленный къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ званіи камергера, князь *Геройчикъ*—на четыре мѣсяца.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству, титуллярный советникъ *Губинъ*, съ 14-го января 1893 г., по случаю опредѣленія его младшимъ кандидатомъ на судебныя должности при Нижегородскомъ окружномъ судѣ.

Уволены, согласно прошениямъ: ординарные профессоры Императорского университета въ городѣ Юрьевѣ, дѣйствительный статский советникъ *Вальтицъ* и статский советникъ *Муккѣ*, отъ должностей въ семъ университетѣ: первый—профессора, съ 24-го января и второй—декана историко-филологического факультета, съ 11-го февраля 1893 г.; почетные попечители учительскихъ семинарий: Тотемской—коллежскій регистраторъ *Поповъ*, съ 8-го января 1893 г. и Херсонской—потомственный почетный гражданинъ *Амирковъ*, съ 16-го ноября 1892 г., отъ сей должности; директоры гимназій: С.-Петербургской Введенской—дѣйствительный статский советникъ *Чистяковъ*, съ 7-го января и Гольдингенской—статский советникъ *Бютнеръ*, съ 31-го января 1893 г. и директоръ Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, статский советникъ *Солдатовъ*, съ 5-го декабря 1892 г., всѣ трое отъ службы, съ дозволеніемъ первому и послѣднему носить въ отставкѣ мундиры полукофтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Пензенскаго реальнаго училища, дѣйствительному статскому советнику *Гевличу*—за сдѣланныя имъ пожертвованія въ пользу учениковъ сего училища; бывшему законоучителю Кронштадтской мужской гимназіи, протоіерею Иоанну *Сергіесу*—за пожертвованія въ пользу недостаточныхъ учениковъ и ученицъ Кронштадтскихъ мужской и женской гимназій и реальнаго училища и на обновленіе иконостаса въ церкви временно состоящей въ вѣдѣніи мужской гимназіи и посѣщаемой учениками и ученицами гимназій; Серпуховскимъ: предводителю дворянства *Рюмину*, исправнику *Дляконову* и городскому головѣ *Иннатову*, дворянину *Коншину*, директору фабрики Коншина *Выборному*, потомственному почетному гражданину *Костякову* и Серпуховскому первой галльдіи купцамъ Т. И. и В. И. *Каштановымъ*—за оказанное ими содѣйствіе къ устройству домовой церкви при Александровской Серпуховской прогимназіи; учителю Туккумскаго правительственноаго мужскаго начального училища, Курляндской губерніи, *Креману*—за пожертвованія въ пользу сего училища и отлично-усердное исполненіе своихъ обязанностей; Юхновскому уѣздному предводителю дворянства *Воронецъ*—за пожертвованія въ пользу Бабыновскаго сельскаго начального училища; непремѣнному члену Себежскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ прі-сутствія, Витебской губерніи, коллежскому ассесору *Павловскому*—за его труды на пользу народнаго образованія; потомственному почет-

ному гражданину *Бродскому*—за пожертвование на постройку зданія для Златопольской гимназіи; Варшавскому первой гильдіи купцу *Розенблому*—за пожертвование въ пользу Варшавского городского трехклассного ремесленного училища имени Конарского; бывшему делегатомъ турецкаго правительства на международномъ конгрессѣ въ Москвѣ *Галиль-Эдхем-Бею*—за пожертвование Лазаревскому институту восточныхъ языковъ коллекціи турецкихъ педагогическихъ, школьніхъ и научныхъ изданій; почетному смотрителю Александровскаго евангелическаго въ Москвѣ училища, Московскому второй гильдіи купцу *Руперти*—за постоянныя его заботы о семь училищъ; почетнымъ блюстителемъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ: Вознесенскаго—инженеръ-механику *Миндеру* и Серединскаго—Волоколамскаго уѣзда, волоколамскому купцу *Богатыреву* и попечителямъ и попечительницамъ начальныхъ училищъ: Богомскаго, Волоколамскаго уѣзда, въ званіи камергера *Шилову*, Абрамцевскаго, Дмитровскаго уѣзда, потомственной почетной гражданкѣ *Мамонтовой* и Володькинскаго, того же уѣзда, *Синѣковой*, за особыя заботы о вибранныхъ ихъ попеченію начальныхъ училищахъ Московскаго учебнаго округа; землевладѣлицѣ Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, *Скребицкой*—за пожертвование въ пользу Славенскаго начальнаго училища того же уѣзда.

Исключения изъ списковъ умершихъ: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Кокшаровъ*, директоръ промышленныхъ училищъ имени надворного совѣтника Ф. В. Чижова, действительный статскійсовѣтникъ *Соколовъ*, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскійсовѣтникъ *Ментингъ*, инспекторъ студентовъ Демидовскаго юридическаго лицей, статскійсовѣтникъ *Владыченскій*, причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: статскійсовѣтникъ *Гарусовъ* и въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, надворныйсовѣтникъ *фонъ-Верманъ* и экономъ и экзекуторъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологического института, коллежскій ассесоръ *Кедровъ*.

V. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определениями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книги: 1) „*Павсанія*. Описание Еллады или Путешествие по Греции во II вѣкѣ по Р. Х. Переводъ съ греческаго, съ толкованіями и съ приложеніемъ статей: Историко-литературное значение Павсаніи; Краткій очеркъ исторіи искусства; Родословная таблицы еллинскихъ династій и пр. Г. Янчевецкаю, директора Ревельской Александровской гимназіи. С.-Пб. 1887—1889. Стр. 839. Цѣна 5 руб.“ и 2) „*Ф. А. Экштейнъ*. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ, съ предисловіемъ В. Шрадера, попечителя университета въ Галле. Переведено подъ редакціей Г. Янчевецкаю. Ревель. 1889. стр. 132. Цѣна 3 руб.“ рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Издание: „Историческое обозрѣніе. Сборникъ Исторического Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карпева. Томъ I—1890.—Томъ II—1891.—Томы III, IV, V—1892 г.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ сравнительной географіи шестого класса реальныхъ училищъ. Составилъ примѣнительно къ новой программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія 1888 г., преподаватель Киевскаго реального училища И. П. Матченко. Изданіе 2-е. Киевъ. 1892. Стр. II+204. Цѣна 1 руб.“—допустить въ видѣ руководства для VI класса реальныхъ училищъ впередъ до появленія болѣе удобнаго учебника и одобрить для библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*B. N. Травинъ*. Руководство къ пизшей геодезіи. Часть I. Съ приложеніемъ 29 таблицъ чертежей. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное В. В. Травиннымъ (сыномъ), преподавателемъ геодезіи и математики въ Цензенскомъ землемѣрномъ училищѣ. Москва. 1893. Стр. VII+324. Цѣна 2 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: Маленький лордъ Фонтлерой. *Франциски Бёрнстѣнъ*. Переводъ съ англійскаго С. Долюса. Съ рисунками Реджинальда Бёрчи. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Москва. 1893. Стр. 288“—

одобрить для библиотекъ младшаго и средняго возраста средникъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

Книгу: „Латинская христоматія для I, II, III и IV классовъ гимназій. Примѣнительно къ новымъ программамъ министерства народного просвѣщенія составилъ И. Семеновичъ, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназіи. Часть I и II. Издание 2-е, исправленное, Москва. 1893. Стр. II+133+II+159. Цѣна за обѣ части 1 руб.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства.

Книги: 1) „Начальная греческая христоматія. Связныя статьи греческія и русскія, для упражненія въ греческой этимологіи. Для III, IV и V классовъ гимназій. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Часть первая. Склоненіе именъ и спряженіе правильныхъ глаголовъ на *ω*. Издание 3-е, исправленное. Москва. 1893. Стр. X 162. Цѣна 75 коп.“—2) „Книга упражненій въ греческой этимологіи по руководству П. Везенера и и другимъ, съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ, составилъ Э. Черный. Издание 8-е, исправленное. Москва. 1893. Стр. VII+280. Цѣна 1 р. 30 к.“—3) „Греческая грамматика гимназического курса Э. Черного. Часть первая. Этимологія. Издание 8-е, исправленное. Москва. 1893. Стр. VI+243. Цѣна 1 руб.“—одобрить первую и вторую въ видѣ учебнаго пособія, а третью въ качествѣ руководства по греческому языку для гимназій и прогимназій министерства народного просвѣщенія.

Книгу: „Э. Баховъ. Сборникъ статей для перевода съ греческаго на русскій и съ русскаго на греческий. Курсъ III и IV классовъ гимназій. Переводъ съ немецкаго Н. Счастливцева, преподавателя Виленской 1-й гимназіи. Издание 2-е, исправленное, Вильна. 1893. Стр. 249. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій министерства.

Брошюру: „Народныя сказки и пѣсни обѣ Іоаннъ Грозномъ. Іосифъ Сениловъ. С.-Пб. 1893. Стр. 42. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки средникъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Contes et r閏its tir閑s des meilleurs auteurs Fran鏾is contemporains, recueillis et annot閑s par Alexandre Crottet et Alexandre Mann. Troisi鑝e Fascicules. St.-P閞tersbourg. 1893. Prix 40 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ пособія при преподаваніи французскаго языка въ старшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Сочиненіе А. И. Незеленова (въ двухъ частяхъ). Часть первая—съ древнѣйшихъ временій до Карамзина.—Часть вторая—Карамзинскій и Пушкинскій періоды. Слб. 1892“,—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Издание Сосновицкаго Александровскаго училища „Новая школа русскаго чистописанія, въ 7 тетрадахъ. Бреславль. 1892. Цѣна каждой тетради 10 коп.“—допустить къ употребленію въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Описаніе Архангельской губерніи для народныхъ училищъ. (Родиновѣдѣніе). Составилъ В. Бѣловъ. Архангельскъ. 1892. Въ 8-ю д. л., 80 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить для класснаго употребленія въ двухклассныхъ и городскихъ училищахъ Архангельской губерніи и въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ.

— Книгу: „Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ по типамъ. Составилъ А. Терешкевичъ. М. 1893. Въ 8-ю д. л., 100 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторомъ были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

Книгу: „Разказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Составилъ Н. Рубакинъ. Изданіе С.-Пб. Комитета грамотности. С.-Пб. 1892. Въ 12-ю д. л., 115 стр. Цѣна 20 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданную Харьковскимъ обществомъ распространенія въ народѣ грамотности книгу: „Какъ и откуда добывается шелкъ? М. Н. Емко. Изданіе 2-е. Харьковъ. 1892. Въ 16-ю д. л., 37 стр. Цѣна не обозначена“ одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Изданія того же общества: 1) „Желѣзныя дороги. 1892. Стр. 54“, 2) Сибирь и переселенцы. Н. К. Истоминой, 1892. Стр. 64“

3) „Друзья“ (разказъ). 1992. Стр. 32⁴, 4) „Среди французовъ. Два рассказа А. Доде. 1891. Стр. 23⁴, 5) „Жанна д'Аркъ, дѣвь Орлеанская. 1891, Стр. 38⁴ и 6) „Прекрасная Нивернеза. Исторія одного стараго судна. По Доде. 1892. Стр. 56. Цѣна 4 коп.“ (цѣна остальныхъ брошюре не обозначена)—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗВѢЩЕНИЕ.

Сознавая пользу и необходимость существования такихъ воспитательныхъ заведеній, въ коихъ иногородные и небогатые родители могутъ за умѣренную, сравнительно, плату помѣщать своихъ дѣтей, не боясь оставить ихъ безъ надзора или на попеченіи лицъ, не всегда опытныхъ въ дѣлѣ воспитанія, министерство народнаго просвѣщенія, съ Высочайшаго на то соизволеніемъ, въ началѣ 1891 года, обратило особенное вниманіе попечителей учебныхъ округовъ и начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній на крайнюю необходимость устройства пансионовъ и общежитій, тамъ, где ихъ нѣть, при учебныхъ заведеніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просило генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, предводителей дворянства и почетныхъ почетчиковъ сихъ заведеній оказывать свое содѣйствіе въ этомъ несомнѣнно полезномъ и благомъ дѣлѣ и склонять къ тому мѣстныя общества.

На этотъ призывъ министерства, дворянство, общества и частныя лица отнеслись весьма сочувственно, выражая полную готовность и горячее желаніе всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами содѣйствовать учрежденію интернатовъ.

Матеріальное участіе мѣстныхъ обществъ и частныхъ лицъ въ содержаніи пансионовъ и общежитій выразилось со времени означеннаго воззванія слѣдующимъ образомъ. Полтавское губернское земство отпустило на это дѣло 40 т. рублей, Омская городская дума 10 т. рублей, жители г. Тифлиса собрали по подпискѣ 24.033 руб. 44 коп., бакинскій 1-й гильдіи купецъ Арамянцъ далъ 11.286 руб., Таганрогская городская дума принесла въ даръ пустопорожнее мѣсто близъ зданія гимназіи въ размѣрѣ 2.500 кв. саж., опѣниваемое въ 10 т. рублей, Изюмское уѣздное земство ассигновало 8 т. рублей, коммерціи совѣтникъ Стакъевъ и иѣкоторые другіе изъ жителей г. Елабуги внесли 2.300 руб., въ Люблинской губерніи собрано 2.303 руб. 60 коп.

Николаевское биржевое общество, церковно-приходское попечительство и отделение торговых домовъ въ Николаевѣ 970 руб., почетный попечитель Изюмского реального училища А. В. Дементьевъ пожертвовалъ 2.000 руб., почетный попечитель Елатомской мужской гимназіи князь Кудашевъ предоставилъ деревянный домъ въ 5 комнатъ, а при некоторыхъ заведеніяхъ за это время уже устроены и открыты общежитія и пансионы.

Съ начала 1891—1892 учебнаго года открыты общежитія при съединенныхъ учебныхъ заведеніяхъ:

1) При Казанской 3-й мужской гимназіи, въ зданіи заведенія, на плату, взимаемую съ самихъ учениковъ, живущихъ въ общежитіи, въ размѣрѣ 20 руб. съ каждого.

2) При Сергіево-Посадской мужской прогимназіи, при пособіи почетного попечителя заведенія Ф. Н. Плевако, на счетъ пособія отъ общества вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ, на пожертвованія местнаго городскаго общества и на взносъ платы за содержание воспитанниковъ.

3) При Вятской женской гимназіи, на пожертвованія разныхъ лицъ, въ суммѣ 4.219 рублей 26 копѣекъ, съ ежегодной платой по 160 руб.

4) При Сѣдлецкой женской гимназіи, въ наемномъ домѣ, насчетъ платы съ пансионерокъ по 200 руб. въ годъ. На первоначальное обзаведеніе общежитія употреблена сумма изъ специальныхъ средствъ гимназіи.

5) При Петроковской мужской гимназіи, съ платой по 180 руб. съ каждого; расходы по первоначальному устройству и по содержанию общежитія покрыты и покрываются изъ взносовъ родителей и опекуновъ.

6) При Люблинской мужской гимназіи, съ платой по 225 рублей за полное содержаніе и за помощь въ научныхъ занятіяхъ, въ помѣщеніи бывшаго монастыря визитокъ, приспособленномъ для этого на счетъ специальныхъ средствъ гимназіи, съ тѣмъ, что деньги эти будутъ возвращены изъ доходовъ общежитія.

7) При Ростовской-на-Дону мужской гимназіи преподавателемъ гимназіи Козачковымъ устроено общежитіе, съ платой по 300 рублей въ годъ съ воспитанника.

8) При Александровской Борисоглѣбской мужской прогимназіи обществомъ вспомоществованія нуждающимся ученикамъ прогимназіи—общежитіе, въ наемномъ помѣщеніи на счетъ платы съ учениковъ.

Съ начала 1892—1893 учебнаго года открыты:

- 9) При Бѣлоцерковской мужской гимназіи интернатъ.
- 10) При Глуховской мужской гимназіи (открыть) пансионъ на средства почетного попечителя заведенія, дѣйствительного статского советника Николы Артемьевича Терещенко.
- 11) При Якутскомъ реальному училищѣ, пансионъ во вновь отстроенному зданіи.
- 12) При Нарвской мужской гимназіи, въ помѣщеніи, нанятомъ и устроенному на средства почетного попечителя А. Ф. Гана, общежитіе, съ платой за квартиру, столъ и стирку бѣлья по 20 руб. въ мѣсяцъ.
- 13) При Бобровской мужской прогимназіи, въ наемномъ помѣщеніи, приспособленномъ и обставленномъ на счетъ частныхъ пожертвованій, коихъ собрано до 4.000 руб. Общежитіе съ платою за содержаніе по 125 руб.
- 14) При Пермскомъ Алексіевскомъ реальному училищѣ общежитіе.
- 15) При Сарапульскомъ Алексіевскомъ реальному училищѣ, во флигелѣ училищнаго зданія, приспособленномъ и обставленномъ на средства почетного попечителя А. Т. Шипова и отчасти мѣстнаго уѣзда земства, общежитіе съ платою по 12 руб. въ мѣсяцъ съ каждого воспитанника.
- 16) При Дерптской мужской гимназіи пансионъ, съ платой за пансионеровъ по 210 руб. (кромѣ 50 руб. единовременно при первоначальномъ поступлениі) и съ полупансионеровъ по 100 руб. въ годъ, сверхъ платы за учение.
- и 17) При Ревельской гимназіи Императора Николая I, пансионъ съ платою за пансионеровъ по 226 руб. въ годъ и, сверхъ того, по 25 руб. единовременно на первоначальное обзаведеніе, и за полупансионеровъ съ платою по 70 руб. въ годъ, сверхъ платы за учение въ обоихъ случаяхъ.
- Послѣдніе два пансиона открыты исключительно на счетъ ожидаемаго сбора за содержаніе воспитанниковъ.
- Кромѣ перечисленныхъ выше вновь открытыхъ пансионовъ и общежитій уже издавна существуютъ: при 62 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—пансионы, а при 35—общежитія.

БОККАЧЬЮ О МИФОЛОГИИ И ПОЭЗИИ.

(*De Genealogiis Deorum*).

Вопросъ о значеніи и назначеніи поэзіи поставленъ въ средѣ ранніхъ итальянскихъ гуманистовъ; они первые увидѣли въ призваніи поэта серьезное общественное служеніе, увлеченіе красотами латинской поэзіи объективировало для нихъ процессы творчества, до тѣхъ порь протекавшіе безсознательно, и они естественно старались выяснить себѣ, къ чому влекло ихъ инстинктивно. Средніе вѣка полны поэзіи, но этихъ вопросовъ они себѣ не ставили; поэзія для нихъ либо забава, нерѣдко грѣшная, либо виртуозное владѣніе риѳмой и формой; для школьно-латинскихъ поэтовъ это стилистический трудъ. Аполлонъ, рождающійся изъ иочныхъ бдѣній; либо это—назиданіе; цѣля назиданія оправдывали то, что могло казаться забавой.

Поэзія—назиданіе: этотъ взглядъ лежитъ въ основѣ ея гуманистического определенія у Петрарки и Боккачью. Въ немъ много восторженности и идеализаций, вызванной цѣлями самозашиты. Точкой отправленія и образцами была поэзія классиковъ; Боккачью присоединилъ къ нимъ и Данте. Приходилось отбиваться отъ нападеній: надѣ людьми, позволявшими себѣ считать поэзію дѣломъ, глумились не только практики, дѣльцы, но и представители профессиональной науки, тогда какъ ревнители нравственности и церкви усматривали скандалъ въ обновленіи языческихъ басенъ и соблазнительныхъ миѳовъ, осуждая то и другое, какъ вредное. Защита основывалась главнымъ образомъ на принципѣ аллегоризма. Аллегоризмъ, какъ показатель общественного сознанія—а такій онъ былъ въ средніе вѣка—это безсознательное искаленіе компромисса между разными моментами развитія, стараніе согласовать чужое съ своимъ, либо узаконить дорогое прош-

лое въ обязательномъ настоящемъ, объяснивъ его съ точки зрѣнія этого настоящаго. Когда грубый реализмъ старыхъ классическихъ миѳовъ пересталъ удовлетворять требованіямъ религіозной мысли, боги остались, но въ нихъ отыскали демоновъ или обоготворенныхъ людей, имена очутились иносказательными выраженіемъ историческихъ фактовъ либо физическихъ и этическихъ истин; вся Енеїда представилась иносказаніемъ. Древнійшія апологіи христіанства, отъ Юстинія до Ариобілія, покоятся на ідеѣ, что предыдущія формы религіозной мысли были лишь неполнымъ его откровеніемъ; въ этой связи Орфей могъ представиться символомъ Доброго Пастыря. Когда церковь упрочилась и окрѣпла, сознаніе этой исторической преемственности ослабѣло, но осталось аллегорическое пониманіе миѳа: ревнители находятъ въ немъ готовое орудіе для борьбы съ суетлѣемъ, хотя и позже, напримѣръ, у Винценція изъ Бовѣ и Альберта Великаго встречаются отголоски старого заглавія на естественное богоопознаніе языческихъ мыслителей. И въ то же время уменіе страха передъ соблазнами язычества обнажило въ миѳахъ ихъ абстрактно-поэтическія красоты; такъ поэзія природы возникаетъ, когда изъ нея удаляются боги. Имена Юпитера, Венеры не внушили болѣе опасеній, ихъ жало притупилось, и аллегоризмъ призванъ на защиту поэзіи миѳа, какъ прежде объяснялъ его содержаніе.

Такова ея защита у Данте, у Петрарки; иносказаніе снимало съ поэзіи вообще долю нареканій. Въ письмѣ къ своему брату Герарду (Fam. X, 4) Петрарка доказывалъ, что поэзія не стоитъ въ противорѣчіи съ теологіей, что „теология — это поэзія, сюжетъ которой — Богъ“ (*theologiam poeticam esse de Deo*). Эта красавая фраза болѣе обѣщаетъ, чѣмъ даетъ. Все сводится, по видимому, къ сходству фігурного языка, изъ котораго заключаютъ о сходствѣ содержанія. Развѣ название Христа то львомъ, то агнцемъ, то червемъ — не поэтическая фигура? спрашиваетъ Петрарка; притчи Спасителя не въ стилѣ аллегоріи, приличествующей поэзіи? Разумѣется, сюжетъ другой: въ теологіи это истинный Богъ, въ поэзіи ложные боги и смертные люди. Поэты были первыми богословами, говорилъ Аристотель (*et apud Aristotelem primos theologizantes poetas legimus*); когда первые люди, влекомые естественнымъ желаніемъ уразумѣть истину, пришли къ познанію иѣкой высшей силы, всѣмъ правящей, рѣшили чествовать ее болѣе и торжественнѣе, чѣмъ обычно; оттуда учрежденіе храмовъ и священнослужителей, статуи и алтари; а дабы честь воздавалась не молчаливо (*ne mutus honos fieret*), положили

чествовать божество широковещательными словами, далекими отъ низменной, народной рѣчи, подчиненными известнымъ размѣрамъ (*numeris insuper adhibitis*) въ цѣляхъ украшения. Это надлежало сдѣлать не въ народной, а въ иѣкой искусственной, изобрѣтенной и необычной формѣ, которую по-гречески называли поэтикой; тѣ-же, которые употребляли ее, назывались поэтами (*id sane non vulgari forma, sed artificiosa quadam et exquisita et nova fieri oportuit, quae quoniam graeco sermone poetices dicta est, eos quoque qui hac utebantur poetas dixerunt*).

Петрарка приводилъ, въ подтверждение своего взгляда, Варрона, Светонія, Исидора и успокаивалъ брата-монаха указаниемъ на священное писаніе, отцевъ церкви и христіанскихъ поэтовъ, отъ Моисея до Седуля. Всѣ они прибѣгали къ средствамъ поэтическаго слова; псалтырь—это христіанская поэма; изящной формой гнушаться нельзя, ибо только дуракъ или ханжа способенъ хвалить пищу въ глиняномъ сосудѣ и отвернуться отъ нея, когда она подана будетъ на золотомъ блюдѣ.

Мы сказали, что Петрарка рѣшаетъ вопросъ скорѣе реторически, чѣмъ по существу, но его взгляды предполагаютъ безсознательное, быть можетъ, обобщеніе, характерное для современной ему поэтики. Богословіе—неадекватное выраженіе философской истины, учили аверроисты; можно было, не становясь на ихъ точку зрѣнія, утверждать неадекватность откровенной истины съ ея символическимъ, человѣческимъ выражениемъ. Параллель съ поэзіей подсказывалась сама собой; и здѣсь то-же несоответствіе между содержаніемъ и аллегорической формой, и въ тѣхъ же цѣляхъ: охранять сокровище знанія, тайны сущаго отъ небрежной руки, отъ безцѣльного любопытства тошы, сдѣлать ее привлекательнѣе своею недоступностью, и вмѣстѣ суггестивностью. Это шло къ аристократическому самосознанію гуманистической поэзіи: аллегоризмъ для нея такой же оберегъ, какъ символизмъ для современныхъ декадентовъ.

Вотъ эти-то воззрѣнія Петрарки и повторяетъ Боккаччо въ своемъ жизнеописаніи Данте, воспроизводя тѣ-же аргументы, иногда тѣ-же фразы, напримѣръ, о поэзіи (*la quale forma appellaroni i greci poetes; laonde nascue, che quello che in cotale forma fatto fosse, si appellasse poesis, e quelli che ciò facessero e cotale modo di poetare usassero, si chiamassero poeti*). Боккаччо не разъ пользуется цѣѣтами краснорѣчія Петрарки, не всегда называя его; такъ и здѣсь; разумѣется, это не намѣренное умолчаніе; въ Генеалогіяхъ боговъ XIV с. 8, повторяя

1*

о поэзии сказанное въ биографии, онъ ссылается на бесѣды своего славного учителя Петrarки; въ комментаріяхъ на Божественную Комедію (ed. Milanesi, Iez. v. I, III), гдѣ онъ резюмируетъ соотвѣтствующія положенія биографіи и Генеалогій, онъ прямо указываетъ на письмо Петrarки къ брату Герарду. Но и въ биографіи онъ относится къ нему съ извѣстной самостоятельностью, развиваетъ новыми прихѣрами, анализуетъ и старается вдуматься, гдѣ Петrarка только называетъ. Такъ, говоря о происхожденіи поэтическаго слова въ связи съ началами религіи, онъ подробнѣе расчленяетъ ея языческие элементы: первые люди будто-бы чествовали единое божество, послѣдующіе признали ихъ нѣсколько, хотя подъ началомъ одного; обоготворялись силы природы; первичная поэзія развивалась въ связи съ ихъ культомъ. Затѣмъ явились цари, правители, захватившіе власть надъ народами, кто тѣмъ, кто другимъ способомъ; съ ними блескъ и торжественность и требование почета и обоготовленіе ихъ предковъ; смѣлыхъ людей стали уподоблять богамъ, воспѣвая ихъ подвиги и битвы. И этой потребности отвѣтили поэты: поэтический стиль, сложившійся въ культѣ древнихъ боговъ, приложился и къ новымъ. Такъ выясняются взгляды Боккачо на двойственный характеръ мноа и на смѣну религіозной и героической поэзіи. Его отношенія къ теологии поставлены такъ же вѣнѣніе, какъ у Петrarки, та же ссылка на мнѣніе Аристотеля, что поэты были первыми богословами; связью является аллегорія, въ этомъ отношеніи древніе поэты слѣдовали, по мѣрѣ человѣческаго разумѣнія, по стопамъ Св. Духа. и какъ видѣніе Моисеемъ неопалимой купины означаетъ дѣвство Богородицы, такъ миѳ о Сатурнѣ, пожирающемъ своихъ дѣтей, иносказательно выражаетъ всепоглощающее время. При сходствѣ средствъ есть и разница: предметомъ богословія является божественная истина, поэзіи—языческіе боги и люди; она говоритъ о многомъ ложномъ, противномъ христіанскому ученію, но также и о многихъ истинахъ, раскрывая въ изящныхъ образахъ причины вещей, слѣдствія добродѣтелей и пороковъ, къ чему намъ стремиться и чего избѣгать, дабы, изощряясь въ добродѣтеляхъ, достигнуть цѣли, въ которой люди, не знавшіе истиннаго Бога, полагали высшее благо.

I.

Итакъ, лучшая защита поэзіи будетъ въ раскрытии наставительного, нерѣдко глубокаго, либо просто исторического содержанія древнихъ миевъ, а вмѣстѣ и ихъ относительной безобидности въ употреблении поэтическаго стиля. Таково назначеніе Генеалогій боговъ, надъ которыми Боккаччо работалъ болѣе 20-ти лѣтъ, постоянно гlosсируя ихъ, исправляя и оставляя слѣды разновременныхъ замѣтокъ, которыхъ, казалось бы, не трудно было помирить при пересмотрѣ. Но какъ другіе большиe труды Боккаччо, его Филоколо и Декамеронъ, такъ и Генеалогіи не получили окончательной отдельки. Работы надъ ними начаты были ранѣе 1350 года, когда Беккино Беллинчони еще разъ поощрилъ Боккаччо, отъ имени заказчика, кипрскаго короля Гуго, къ продолженію труда. Гуго скончался въ 1359 году; изъ посвятительного письма къ нему, открывавшаго Генеалогіи, видно, что уже въ то время либо онъ были написаны вчернѣ, либо ихъ планъ и распределеніе материала сознательно продуманы; но, напримѣръ, свѣдѣнія по греческой миологии, внесенные уже въ 4-ю главу 1-й книги со словъ Леонтия Пилата, указываютъ на болѣе позднее время: съ Пилатомъ Боккаччо познакомился лишь лѣтомъ 1359 года и почти три года (до ноября 1361 г.) жилъ съ нимъ, участь у него по гречески. Позднѣе, уступая просьбамъ Гуго да Санъ Северино, Боккаччо позволилъ ему списать свои Генеалогіи, но съ тѣмъ, чтобы не распространять ихъ безъ поправокъ, которыхъ авторъ внесетъ въ свой собственный экземпляръ, и еще въ 1372 году онъ просить исправленій къ своему труду, который возилъ съ собою, работая надъ нимъ. Не смотря на все это и въ послѣдней редакціи остались недосмотры: такъ въ I. IV, с. 44 и I. XIV с. 10 упоминается о *De Vita Solitaria* Петrarки (нац. въ 1346—1366 годахъ), во второмъ случаѣ и о *De Remedies*, тогда какъ въ I. XV с. 6 о послѣднемъ труде сказано, что онъ еще имѣть появиться въ свѣтѣ; опль написанъ былъ въ 1366 году: Боккаччо не согласилъ двѣ разновременные записи, какъ и разнорѣчивыя свѣдѣнія о недавнемъ (перег I. XV, с. 6; см. то же I. IV, с. 53) и давнишнемъ (I. VIII, с. 29: *jam pridem*) вѣничаніи Петrarки. Такъ и о Леонтии Пилатѣ говорится, какъ будто онъ еще живъ (I. XIV, с. 8: *Leontius affirmat*; I. XV с. 6: *aspects horriflans homo est*), тогда какъ онъ погибъ въ 1366 году. Указание I. XV с. 13, что еще находятся въ живыхъ Беккино Бел-

личьони и Павель Геометръ (\dagger 1367), посредники между Боккаччо и заказчикомъ труда, королемъ Гуго, можетъ относиться лишь ко времени до 1359 года, года смерти Гуго, ибо, ссылаясь на нихъ, Боккаччо держитъ рѣчь королю. Эти личные обращенія идутъ чрезъ всю книгу, сочетаясь съ фактами, которыхъ Гуго уже не могъ быть свидѣтелемъ. Въ одномъ изъ подобныхъ обращеній (I. XV, с. 13) говорится, что до Генеалогій Боговъ ни одно изъ сочиненій Боккаччо не было обращено къ какому бы то ни было лицу, кроме Буколики, посвященной Донату дельи Альбанцани; но собраніе эклогъ предполагаетъ неаполитанскую поѣзду Боккаччо въ 1361—1362-хъ годахъ; послѣдняя, посвятительная эклога, представляющая автора живущимъ въ Чертальдо, относится, вѣроятно, къ 1363 году. Это свѣдѣніе, странное своей небрежностью или яеряшливостью, осталось и въ послѣднемъ текстѣ Генеалогій послѣ того, какъ книги обѣ Именитыхъ Женщинахъ и Роковой участіи славныхъ мужей уже были украшены посвященіями и первенство Буколики утратило свой смыслъ.

Такимъ образомъ работа надъ Генеалогіями продолжалась приблизительно отъ 1350 года по 1372 годъ. Боккаччо оставался ими недоволенъ до конца, хотя сознавалъ все значеніе своего труда. Плодъ замѣчательной начитанности и терпѣливатаго анализа, онъ грѣшилъ иѣкоторою беаформенностью: материалы и обобщенія переросли планъ, затѣянный въ началѣ, а планъ остался и вызвалъ критику современниковъ (I. XV, с. 3).

Посвятительное письмо къ королю Гуго изложено въ формѣ разговора автора съ Доннино изъ Пармы, служилымъ человѣкомъ (militis) короля, передавшимъ ему желаніе его величества, чтобы онъ написалъ генеалогіи языческихъ боговъ и пошедшихъ отъ нихъ, по язышленіямъ древнихъ, героевъ, а вмѣстѣ и о томъ, чтѣ славные нѣкогда мужи открывали подъ пеленою басенъ. Малому человѣчу не подобаетъ добиваться причины королевскихъ побужденій и не приходится говорить о своей неприготовленности (insufficientiam), дабы это не понято было, какъ желаніе отстранить отъ себя обузу. Боккаччо предпочитаетъ передать свою бесѣду съ Доннино: король уразумѣть изъ нея, какова у него смѣлость, что онъ отважился ему повиноваться.

Распространившись о научныхъ занятіяхъ твоего величества и славныхъ подвигахъ твоего плаванія, Доннино сталъ убѣждать меня разными доводами, изъ которыхъ иные казались мнѣ вѣскими, чтобы я исполнилъ твое желаніе. Я отвѣчалъ: Ты полагаешь, быть мо-

жеть, или полагаетъ твой король, которого я скоро назову своимъ, что неразуміе древникъ, побуждавшее ихъ возводить свой родъ къ богамъ, ограничилося небольшимъ уголкомъ земли и было непродолжительно. Но ты ошибаешься: оно обніяло широкія пространства, началось у сиконцевъ, быть можетъ, въ пору юности Авраама, и продолжалось до паденія гордаго Илiona, и нѣтъ сомній, что, гдѣ оно было въ силѣ, тамъ написаны были огромныя книги, чтобы сохранить въ потомствѣ память о богорожденныхъ предкахъ. Сказывалъ при мнѣ Паоло изъ Перуджі, человѣкъ серьезный и ревностный изслѣдователь такого рода вопросовъ, что онъ слышалъ отъ калабрійца Варлаама, хорошаго знатока греческой литературы: будто въ тѣ времена, когда царило это неразуміе, не было во всей Греціи ни одного властивующаго либо выдающагося мужа, который не доказывалъ бы, что онъ происходит отъ боговъ. А ты хочешь, чтобы я исполнилъ желаніе короля? Но чтобы одолѣть такія пространства, горы и пустыни и моря, надо прожить несолько вѣковъ, а еслиъ это и удалось какимъ-нибудь чудомъ, необходимо знать письмена и языки разныхъ народовъ, всюду находить на готовѣ книги, и все безъ изъяна; кто-же, наконецъ, обладасть—не говорю о себѣ—такимъ умомъ и памятью, чтобы въ состояніи быть все это увидѣть, уразумѣть, удержать и изложить письменно?

Ты присоединилъ еще просьбу: чтобы я истолковалъ, что подъ потѣшною личиною басенъ скрыли мудрые люди. Ясно, что имѣнитый король считаетъ безразсудными инѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что мужи столь глубоко ученые тратили время на сложеніе басенъ, не имѣющихъ ничего общаго съ истиной и ограниченныхъ лишь виѣшнимъ, дословнымъ смысломъ (пес *praeter literalem sensum habentes*). Я порадовался этой разсудительности короля,—ты не даромъ говорилъ объ его божественномъ умѣ,—и готовъ быть бы уступить его желанію, еслибы у меня достало силъ. Но вѣдь это дѣло теолога, того рода теологии, которую Варронъ называетъ мистической, другое, можетъ быть, лучше, физической; она часто обманчива (*etsi plurimum ridenda falſitatis habet*), но требуетъ большаго искусства. Надо соображать силы и способности человѣка и согласно съ тѣмъ давать ему работу; а я что? Человѣкъ маленький, силь у меня нѣть, умъ неноворотливъ, память слабая; если есть кто, кому была бы по плечамъ эта ноша, то это славный Франческо Петrarка, издавна мой наставникъ (*ciujus jam dñs ego auditor sum*), одаренный божественнымъ талантомъ и необычайной памятью, краснорѣчивый; ему вѣдомы

исторіи всѣхъ народовъ. значеніе басенъ. однимъ словомъ. всѣ тайны философіи.

Я умолкъ, а онъ отвѣчалъ благодушно и привѣтливо: Знаю, что все это правда, сознаю и трудности; но неужели ты думаешьъ, что нашъ король не сообразилъ всего этого? Онъ разсудителенъ и милостивъ, и не только не желаетъ утруждать кого-бы то ни было, но всегда всѣмъ готовъ оказать помощь. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть и исполнять его веленія. Я понимаю, что тѣ народы и ихъ писанія, о которыхъ ты говоришь, не достижимы; но онъ желаетъ, чтобы ты занялся лишь тѣмъ, что дошло отъ грековъ до латинянъ и что объявилось у самихъ латинянъ, и если не всѣмъ, то тѣмъ, что тебѣ доступно. И до Кипра дошла всесвѣтная слава Франческо Петрарки, но судьба не свела меня съ нимъ, можетъ быть, Господь такъ устроилъ, чтобы я поберегъ его, занятаго важными дѣлами, а на тебя, молодаго человѣка (*juventuti tuae*) возложилъ почетный трудъ, дабы имя твое, уже начинающее приобрѣтать извѣстность (*per regis in aures exire incipiens*), тѣмъ болѣе среди насъ прославилось.

И такъ ты полагаешьъ, отвѣчалъ я, что если, оставивъ въ сто-
ронѣ писанія варваровъ, ограничиться греками и латинянами, можно
будеть написать цѣлый трудъ? Вѣдь этимъ допущеніемъ ты от-
нимаешьъ его большую часть! Но положимъ, мы поступимъ, какъ по-
ступили римскіе императоры, раздѣливъ имперію на восточную и за-
падную; пусть у этого чудовища будуть двѣ головы, варварская и
греко-латинская; вѣдь и съ этимъ ограниченіемъ не достигнуть того,
чего ты желаешьъ. То заблужденіе было древнее, но древни и враги
книгъ: пожары, наводненія уничтожили не одну александрийскую би-
бліотеку; первые проповѣдники Христа, нападая на язычество, уни-
чтожили, безъ сомнѣнія, и множество книгъ, наполненныхъ его вос-
поминаніями. Присоедини къ этому и силы любостяжанія: поззія
не приносить выгоды, и книги были заброшены тѣми, кто ничего не
видѣлъ выше золота; гибельная ненависть нѣкоторыхъ властителей
обрушилась не только на поэтическія, но и на научныя творенія
(*non solum fabularum, sed quarundam facultatum volumina*); многаго
не пощадило и время. Я не отрицаю, что многое и осталось, но
сколько мнѣ извѣстно, ничего похожаго на желаемый тобою трудъ:
имена и роды боговъ разсѣяны повсюду, одно найденъ въ этой
книгѣ, другое въ другой, придется собирать по мелочамъ. Ужъ лучше
отказаться.

Я ожидалъ такого отвѣта, сказалъ онъ, но отъ тебя не отстану.

Сдѣлай, что можешь. Неужели и отъ этого ты откажешься? Видно лѣнъстъ (torpor ignavus) подсказываетъ тебѣ отговорки; нѣть ничего гиуснѣ недѣятельнаго юноши. Но будь уменъ, помни, что трудъ все побѣждаетъ, а фортуна помогаетъ смѣлыемъ.

Я побѣженъ, говорю я ему, скорѣе твоимъ краснорѣчiemъ. чѣмъ доводами; ты побуждаешь меня, настаиваешь, и хотя нехотя, мнѣ надо повиноваться.

Такъ спорили мы долго, милостивѣйшій властитель, я и твой Донинио, и я согласился; покинувъ горныя раковины и толція поля Чертальдо, я, неопытный шловецъ, пустился на утлой ладье въ море, полное водоворотовъ и скаль; буду собирать изъ безчисленныхъ книгъ остатки языческихъ боговъ, полуразрушенныхъ временемъ, но ужасаюсь при мысли, какъ мнѣ свести ихъ въ одно цѣлое, въ генеалогію; это вѣдь не по силамъ было бы даже Прометею. Потому не ожидай, именитый король, чего нибудь совершенного, какъ-бы много времени и труда я не положилъ на него, пробѣлы будуть; я не надѣюсь также, что въ объясненіи тайного значенія, скрытаго подъ корой басенъ, я всегда угадаю мысли составителя (*intentio-rem fingentium*). Кто-бы въ наше время былъ въ состояніи проникнуть въ помыслы людей, давно отжившихъ? Понятно, что относительно ихъ сужденія современниковъ могутъ расходиться, но я успокоиваю себя тѣмъ, что и глаголы вѣчной истины, если они прикрыты тонкимъ покровомъ иносказанія, вызываютъ множество толкований. Если я ошибусь въ чемъ либо, вызову тѣмъ другаго, болѣе умнаго; приводя мнѣнія древнихъ, и приведу, если они покажутся мнѣ неудовлетворительными, и свое собственное, дабы доказать невѣжественнымъ хулителямъ поэтовъ, что хотя они были и не христіане (*catho-licios*), обладали мірскою мудростью, ибо не найти произведений человѣческаго ума, гдѣ-бы иносказаніе было такъ художественно (*artificiosius*), слово такъ украшено, тогда какъ подъ родословiemъ ложныхъ боговъ раскрываются нѣкія природныя тайны (*naturalia quaedam.... occultata misterio*).

Трудъ будеть обширнѣе, чѣмъ ты предполагаешь; для удобства я раздѣлю его на книги съ родословными древомъ во главѣ каждой; въ концѣ я присоединю еще двѣ книги, изъ которыхъ въ первой отвѣчу тѣмъ, кто порицаѣтъ поэзію и поэтовъ, въ послѣдней тѣмъ, кто, быть можетъ, нападетъ на меня. Не вини меня, если тебѣ случится прочесть нѣчто, столь противное истинѣ и взаимно противорѣчивое, что того не вмѣнить не только философамъ, но и чевѣж-

дамъ (*rusticis*); либо иное, не согласное съ хронологіей (*pessime temporeibus congruentia*). Не мое было дѣло порицать это или исправлять, развѣ исправленіе являлось само собою; я только сообщалъ, что находилъ, предоставляемъ разборъ ученымъ (*desputationes philosophantibus liquam*).

Ощущая тяжесть предпринятаго труда, Боккаччо призываетъ помочь Божію на свое надменное начинаніе (*superboque соerpti meo*), а хулиителямъ сулить понопеніе и позоръ и вѣчное осужденіе (*asiegnia damnatio*).

Самосознаніе Боккаччо отвѣчало дѣйствительному положенію дѣла: труда, подобного тому, котораго ожидалъ отъ него король и какой рисовался въ его воображеніи, до него дѣйствительно не существовало. Въ молодые годы онъ сдѣлалъ для себя извлечений изъ *Collectanea Паоло* изъ Перуджіи, въ которыхъ много было мифологического материала, смѣшанного съ другимъ (*Gen. Deor. XIV 6*); это было, стало быть, сборникъ, замѣтокъ, выписокъ и толкований, не задававшихъся ихъ систематизаціей. Не видно ея и въ дошедшій до насъ краткой „генеалогіи героевъ и боговъ по Паоло изъ Перуджіи“, ни въ подобномъ же перечиѣ, носящемъ имена Франческо дельи Альбіони и Форезе деи Донати. Обѣ статьи находятся въ одной изъ рабочихъ тетрадей Боккаччо, обѣ называются въ началѣ родословной боговъ Демогоргона, какъ и Боккаччо, но онъ не могутъ быть поставлены ему въ счетъ. Разборъ его источниковъ, его приемовъ оставить за нимъ заслугу не только болѣе обстоятельнаго подбора фактovъ, но и методического, хотя бы иногда и вѣнчания ихъ свода въ грандиозную родословную, при постоянномъ стремлении проникнуть въ ихъ суть путемъ иносказательного толкованія.

Объемъ и характеръ боккаччьевскихъ чтеній извѣстенъ: латинскіе классики—и средневѣковые энциклопедисты, если они представляли подходящій материалъ; греческие писатели въ переводахъ или цитатахъ изъ вторыхъ рукъ, но Гомеръ уже прочтены въ подлинникѣ при помощи Леонтія Пилата—въ первый разъ въ новой Европѣ. Данныя греческаго миѳа идутъ наконецъ изъ первоисточника; Леонтій Пилатъ предоставилъ автору результаты своихъ чтеній и воспоминаній, часто легковѣсныхъ и самоувѣренныхъ; пригодились теперь и старыя замѣтки Варлаама; Боккаччо вѣрить ему, нерѣдко съ сомнѣніями, но приводить: вѣдь онъ живой показатель греческой мудрости. Въ латинскую онъ проникаетъ самъ обширнымъ чтеніемъ: экспериментируются поэмы, историки; Цицеронъ въ своемъ

De Natura Deorum и *Divinae Institutiones* Лактанція познакомили его съ теоріей эзгемеризма; въ поискахъ за материаломъ миес ему слу-чается разказывать неслыханныя басни и исторіи; читатели могутъ отнестись къ нимъ недовѣрчиво, но это ихъ дѣло: онъ почерпнулъ ихъ изъ древнихъ комментаріевъ (XV 5). Разумѣются не только ком-ментаріи въ родѣ Сервіева, но и безыменный гlosсы, на которыхъ Боккаччо и ссылается (XV, 6.: *glosulas etiam auctoris carentes по-mine*); таковы могли быть тѣ гlosсы, которыхъ онъ хотѣлъ занести въ свой экземпляръ Стациа: можетъ быть, гlosсы Лактанція Пла-цида? Такъ называемый третій ватиканскій миеографъ извѣстенъ ему подъ именемъ Альберика. Иные свѣдѣнія взяты изъ средневѣко-выхъ энциклопедистовъ и грамотѣевъ: Исидора, Рабана Мавра, Аи-сельма, Напіи и друг.; привлекаются наконецъ и современные авторы. Эти ссылки на „неслыханныхъ древнихъ и неизвѣстныхъ но-выхъ писателей“ могли возбудить сомнѣнія, но у Боккаччо есть го-товый на то отвѣтъ, характеризующій его критические взгляды и колебанія между авторитетомъ древности и нравственнымъ авторите-томъ писателя; между тѣмъ и другимъ объективная критика тек-стовъ и показаний незримо иrolагаетъ себѣ путь. Древніе писатели были когда-то новыми, отвѣчаетъ онъ, что пережило вѣка, то освящено временемъ; оттуда ихъ значеніе. Будеть-ли то съ новыми, хотя бы и достойными? Я того мнѣнія, что лишь тѣ изъ нихъ переживутъ, ко-торые получили признаніе въ свое время (*cum ab eorum novitate ne-cessere sit exordium approbationis sumendum*); такихъ я и привожу въ свидѣтели; либо я зналъ ихъ лично (*cum vivos noverim*), либо зналъ о нихъ, какъ о людяхъ, всю жизнь отдававшихся наукѣ, вращавшихся въ обществѣ подобныхъ себѣ мужей, почтенныхъ правами,ничѣмъ не запятнанныхъ, чьи слова и писанія одобряются всѣми разумнѣй-шими. И онъ приводить имена Андалоне ди Негро, Даляте, Франческо да Барберино, Варлаама, Паоло изъ Перуджіи, Леонтия Пилата, Павла геометра, наконецъ Петрарки (XV, 6). Ими мы и займемся.

Петрарка упоминается не разъ, не какъ источникъ миологиче-скихъ свѣдѣній, а съ цѣлью панегерика, либо чтобы закрѣпить его словомъ и примѣромъ какое-нибудь общее положеніе. Въ главѣ, по-священной защитѣ современныхъ ученыхъ (XV 6), Боккаччо го-ворить о немъ, какъ о своемъ почтеннѣйшемъ учителѣ, недавно вѣничаниномъ въ Римѣ, болѣе достойномъ стоять въ ряду древнихъ, чѣмъ новыхъ знаменитыхъ мужей. Онъ—слава Италіи, но его знаютъ Галлія и Германія и далекій уголокъ Англіи, и греки, его имя дошло,

несомнѣнно, и въ Кипръ до короля Гуго. Многія сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ, свидѣтельствуютъ о его божественномъ дарованіи: его Африка, порывающаяся на свѣтъ изъ своего затворничества (*sub conclavi clausa*); Буколика, знаменитая повсюду книга стихотворныхъ посланий къ друзьямъ, два громадныхъ тома писемъ въ прозѣ, столь богатыхъ содержаніемъ, сентенціозныхъ и изящныхъ, что добросовѣстный читатель не поставить ихъ ниже цицероновскихъ. Извѣстна его инвективы противъ медика, книга объ уединенной жизни; вскорѣ явится другая: О средствахъ противъ счастливой и несчастной судьбы (*De remediis utriusque fortunae*); есть у него въ работѣ и еще многое, что мы не замедлимъ прочесть. Такого ли свидѣтеля мнѣ устранивъ? Кто ему не повѣрить? Какихъ бы еще похвалъ я не прибавилъ, еслибы недавно (*paulo ante*) не написалъ о немъ скромныи стилемъ (*tenui calamo*)!

Если разумѣется биографическій очеркъ Петrarки, составленный въ 1347—8-хъ годахъ, то отзывъ Генеалогій принадлежитъ къ первому ихъ наброску. Тогда Боккаччо писалъ по слухамъ, теперь въ восторженности очевидца и поклонника. Противники поэзіи опирались на мнѣніе Платона, что поэтъ слѣдуетъ изгнать изъ государства; неужели онъ быль-бы на столько безуменъ, спрашиваетъ Боккаччо, что приказалъ бы удалить и Петrarку? Съ юности ведя безбрачную жизнь (*se libet vitam*), онъ такъ страшится мерзостей Венеры, что всѣмъ его знающимъ является собой священный образъ чистоты (*honesti*); ложь его смертельный врагъ; онъ ненавистникъ пороковъ, святилище истины, украшение и веселіе добродѣтели, мѣрило христіанской святости (*catholicae sanctitatis pugna*); набожный, благодушный, благочестивый, на столько скромный (*verecundus*), что его зовутъ вторымъ Партенемъ (какъ Вергилия); онъ—слава поэзіи, увлекательный, краснорѣчивый ораторъ; философія открыла ему свои вѣдра, его умъ не по-человѣчески проницателенъ, его память полна всевозможныхъ свѣдѣній, какія только доступны смертнымъ; оттого его произведенія, въ прозѣ и стихахъ, сияютъ такимъ блескомъ, такъ изящны, такъ прѣтисто украшены, такъ прелъщаются звучностью, слова и чудно уснащены изреченіями, что, кажется, это дѣло скопье божественнаго, чѣмъ человѣческаго ума. Но къ чему распространяться? Онъ болѣе, чѣмъ человѣкъ (*hominem superat*), и его силы далеко превышаютъ человѣческія. Я расточаю ему хвалы, точно древнему, давно умершему мужу; но, по милости Божіей, тотъ, чьи достоинства я превозношу, еще живъ и здоровъ, и милые хулители, ко-

торые не поверили бы моимъ строкамъ, могутъ увидѣть его своими глазами. Я не сомнѣваюсь, что на немъ оправдается, что оправдывалось часто на знаменитыхъ людяхъ: личное впечатлѣніе окажется не ниже молвы, по словамъ Клавдіана; я утверждаю смѣло, что оно окажется выше: такова сановитость его нравовъ, обаяніе рѣчи, привѣтливость и старческое благообразіе (*composita senectute conspicuus*), что о немъ можно повторить слова Сенеки о Сократѣ: что его слушатели получали болѣе изъ его нравовъ, чѣмъ изъ устъ (XIV, 6).

И въ другихъ случаяхъ Петrarка цитуется не иначе, какъ съ эпитетами: славѣйший, мой учитель, съ ссылками на трактатья объ Уединенной жизни, въ подтверждение отрицательного взгляда на женщины (IV, 44, сл. XIV, 10), на Африку, недавно вѣнчанного поэта (VI, 53; иначе VII, 29; jam pridem; объ Африкѣ XV, 13), на его инвективу противъ врача (VII, 36; XIV, 12), эклогу *Argus* (XI, 1). *De Remediis* (XIV, 10); приводится его взглядъ на происхожденіе поэзіи (XIV, 8) и раскрываются высокія христіанскія назиданія, таящіяся въ иносказаніи его Буколики (XIV, 21; сл. 10). Петrarка и Данте приводятся наконецъ (XIV, 11) въ свидѣтельство того, что если поэты ищутъ уединенія, то не потому, чтобы они были люди неотесанные, не знающіе нравовъ: они часто водились съ высшими, Данте водилъ дружбу съ Фридрахомъ арагонскимъ, королемъ Сициліи, съ Кане делла Скала, Петrarка былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Карлу IV королю французскому Іоанну, Роберту, королю Сициліи и Єрусалима, и ко многимъ папамъ; былъ бы близокъ и къ вынѣшишимъ, еслибы захотѣлъ. Отъ Петrarки авторъ ждетъ себѣ и критики (XV, 14).

Въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ матеріалу Генеалогій стоять упоминанія Данте. Въ главѣ, посвященной современнымъ писателямъ, которыми пользовался Боккаччо (XV, 6), онъ говорить, что ссылался и на Данте Алигьери, известного флорентинскаго поэта, какъ на мужа достойнаго и заслуживающаго прославленія (*tanquam praesertim aliquando invoco virum; megetur quidem*), ибо онъ возвышался среди гражданъ своимъ благородствомъ, и хотя состояніе у него было незначительное и семья, а впослѣдствіи и долгое изгнаніе, стѣсняли его, онъ не переставалъ отдаваться естественно-научнымъ (*physicis*) и богословскимъ занятіямъ и парижская школы помнятъ его побѣдоносные диспуты (*adhuc Julia fatetur Parisius in eadem saepissime adversus quoscunque circa quamcunque facultatem volentes responsionibus aut positionibus suis objicere disputans intravit gymnasium*). И въ поэзіи

онъ былъ ученымъ, и лишь изгнаніе лишило его лавра, ибо онъ желалъ быть увѣнчаннымъ лишь на родинѣ, чего не допустили. За него говорить его знаменитое произведение, написанное имъ въ стихахъ, съ чудеснымъ искусствомъ и на флорентинскомъ діалектѣ, подъ заглавиемъ Комедіи, въ которой онъ проявилъ себя не языческимъ, а христіанскимъ. вдохновеннымъ богословомъ (*non mythicum, sed catholicum atque divinum potius ostendit theologum*). Его знаетъ почти весь свѣтъ; не знаю, дошла ли его слава и до твоего Величества, обращается Боккаччо къ королю Гуго. Богословомъ, выражавшимъ подъ личиной поэтическихъ вымысловъ священные истины христіанства, Данте названъ и въ другихъ мѣстахъ (XV, 8, XIV, 10, сл. *Comit. ed. Milanesi*, I, 158); въ своей Комедіи, написанной художественно, хотя и на отечественномъ языкѣ (*dato sermone materno*), онъ изобразилъ, согласно съ учениемъ церкви (*juxta sacrae theologiae doctrinam*), троекратное состояніе усопшихъ по смерти (XIV, 22). Но что особенно привлекаетъ Боккаччо, это именно дантовскія иносказанія, его личные символические образы, къ которымъ онъ относится почти такъ, какъ къ миѳологическому материалу, почерпнутому у классиковъ или ихъ отраженій, настоящему материалу своихъ Генеалогій. Эта неразборчивость—характерная черта его Генеалогій, объясняется какъ понятною невыработанностью взгляда на значеніе и исторію миѳа, такъ и принципіальнымъ отождествленіемъ поэзіи и богословія, то-есть, миѳологии, со стороны ихъ виѣшнихъ признаковъ: символического языка, аллегоріи. Точка зреїнія Петrarки и Боккаччо на этотъ вопросъ намъ извѣстна: поэты были первыми богословами. поэтические образы повторяютъ и воспроизводятъ миѳические. Эволюціонное ученіе вновь откроетъ этотъ взглядъ и воспользуется имъ, какъ руководящей нитью, чтобы усѣдить развитіе отъ безсознательного творчества миѳа къ сознательному творчеству поэта; но для Петrarки и Боккаччо поэзія представлялась исключительно личнымъ актомъ, въ ихъ пониманіи первые поэты-богословы также творили символы и миѳы, какъ изобрѣтали ихъ напримѣръ Петrarка. когда въ своей 10 эклогѣ онъ воображаетъ себѣ, что троицъ римскихъ императоровъ былъ кленовый, потому что изъ клена былъ сдѣланъ и деревянный конь, введененный въ Трою; орудіе гибели стало орудіемъ возрожденія, какъ въ легендахъ о крестномъ райскомъ древѣ (*Fam. XXII*, 2). Съ этой точки зреїнія становится понятнымъ, что Боккаччо не отличаетъ старого миѳического символа отъ поэтической фигуры, канриза личной фантазии, либо философскихъ отвлеченій Цицерона. Здѣсь Данте и всту-

паль въ свои права: говорится, со словъ Цицерона, объ обманѣ (Frans), сынѣ Эреба—и приводится и разбирается по признакамъ символический образъ Геріона въ XVII пѣснѣ Ада (I, 21); глава объ Ахеронѣ (III, 5) даетъ поводъ къ такому же разбору извѣстнаго эпизода (Inf. XIV 94 слѣд.) о старцѣ на островѣ Критѣ, тѣло котораго источаетъ слезы—оттуда адскія рѣки; Варгайлѣ помѣщается Лету въ Елисейскихъ поляхъ, нашъ Данте наверху горы Чистилища (III, 17); упоминается городъ Дита (VIII, 6; сл. Inf. VIII и слѣд.) и мистическая процессія въ XXIX пѣснѣ Пургаторія, съ грифомъ, влекущимъ колесницу и семью свѣтильниками (XIV 10).

То же отношеніе обнаруживаеть Боккаччо къ Франческо да Барберино, канонисту болѣе, чѣмъ италіанскому поэту, человѣку чистыхъ нравовъ, благочестивому и почтенному (XV, 6). Онъ цитируетъ его въ главѣ о Кулидонѣ, сыне Марса и Венеры (IX, 4), вслѣдъ за Цицерономъ, Овидіемъ и Сервіемъ. Дѣло идеть объ итальянскомъ стихотвореніи Барберино, гдѣ Амуръ изображается съ завязанными глазами, ногами грифа и поясомъ, полнымъ сердца. Слѣдуетъ непосредственно цитата изъ Апулея.

Адалоне ди Негро, старый учитель Боккаччо, какъ и Павель Геометръ, былъ главнымъ источникомъ астрономическихъ, астрологическихъ и хронологическихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ Генеалогіяхъ въ объясненіи того или другаго миѳа (сл. I 6, II, 7, III, 21, 22, IV, 5, 16; VII введеніе; VII, 2: Andalò и Павель Геометръ); къ нему, вѣроятно, восходятъ указанія на арабскихъ астрономовъ Ali (IX, 4—Сomп. ed. Milanesi, v. I, 481) и Альбумасара (II, 2, 7, III, 22, VIII, 1), но онъ же разказываетъ миѳ о Нимѣ Гарамантисѣ (XI, 11) и объясняетъ физическими законами басню о Юнонѣ, зачавшей отъ латука (*frigus intensus*) богиню юности и весеннаго возрожденія.

Павла Геометра или Dell' Abbaco, математика и поэта въ извѣстныя минуты, Боккаччо зналъ лично; въ извѣстной мѣрѣ, онъ былъ посредникомъ между нимъ и королемъ Гуго въ вопросѣ о Генеалогіи Боговъ (сл. I, XV, 13). Боккаччо распространяется въ похвалахъ своему собрату, флорентійцу: никому въ его время ариометика, геометрія и астрология такъ не открыли своихъ тайнъ, какъ ему. никто не былъ такъ искусенъ въ наблюденіи свѣтиль собственноручно сдѣланными для того инструментами; не только во Флоренціи и Италии, онъ извѣстенъ и далѣе: въ Парижѣ, среди бретонцевъ, въ Италии и Африкѣ, гдѣ эта наука особенно въ чести. Онъ былъ бы счастливымъ

человѣкомъ, еслибы духъ его былъ предпримчивѣе (*si animo erat ardentior?*) или самъ онъ родился въ болѣе благополучный вѣкъ (*Obi-beriori saeculo*, XV, 6; сл. ссылку на него въ VII. 2).

Съ Павломъ изъ Перуджіи (XV 6) мы возвращаемся къ одному изъ неаполитанскихъ руководителей Боккаччо, скромныхъ каменщиковъ градущаго возрожденія; мы ничего не знали бы о немъ, еслибы благодарный ученикъ не сохранилъ намъ память объ его эрудиціи и знаменитыхъ *Collectanea*. Имя Паоло и связанныя съ нимъ имена Теодонція и Варлаама принадлежать, такъ сказать, къ фундаментамъ Генеалогій, къ ея древнѣйшему остову, который лишь постепенно приращался данными новаго чтенія; тогда къ показанію Павла присоединились другія, столь же серьезныя или и болѣе вѣскія, и Боккаччо разбирался въ нихъ, порой устраниая мнѣніе Паоло (IV. 19: *falsum*), иногда опираясь на него (V. 20). Но встрѣчаются и такія главы, где свидѣтельство Паоло стоитъ одиноко: это, быть можетъ, остатокъ первичнаго наброска, другихъ источниковъ не нашлось. „Ди-
масъ, говорить Паоло, былъ сынъ Аона, отецъ Азія и Аскенирроа.
Иного о немъ я не читалъ“ (XII. 42; сл. XII. 29 и *passim*).

Collectanea Паоло до нась не дошли; небольшой генеалогическій перечень боговъ и героевъ, сохранившійся съ его именемъ, не всегда совпадаетъ съ тѣми данными, при которыхъ въ Генеалогіяхъ стоитъ имя Паоло. Такъ въ введеніи къ послѣднимъ и въ перечнѣ одинаково цитуются, по поводу Демогоргона, стихи Лукана (*Phars.* VI, v. 744 слѣд.), но напримѣръ *Acheron* является въ Генеалогіяхъ сыномъ первой Цереры (III. 5), въ перечнѣ его отецъ *Infernus*; тамъ (III. 6—10, 13, 14) и здѣсь отъ Ахерона ишли Фуріи, Викторія, Аскалафъ и Стиксъ, при чёмъ материю Аскалафа является нимфа Орне (*Ovid. Met.* V, v. 539; *Огрѣпѣ*): именно такова форма имени въ перечнѣ Паоло, которую Боккаччо не только удержалъ, но и объяснилъ этиологически; но въ Генеалогіяхъ *Fama*—дочь земли, самородная (I, 10), какъ объяснилъ Паоло, тогда какъ въ перечнѣ она дочь Титана и т. д.

Упоминаніе Павла встрѣчается въ 81-й главѣ Генеалогій; не счи-
тая повторенія въ одномъ и томъ же отдѣлѣ¹⁾). Чаще всего онъ

¹⁾ Сл. I, 9, 10, 12, 14. II, 9, 12, 15. 29, 31, 44, 48, 50, 68;
III, 3, 5, 10, 11, 20; IV, 19, 25—27, 47, 51, 63, 67, 68; V, 20, 21, 28,
39, 49, 50; VI, 1, 17, 19, 23, 39, 40, 45; VII, 5—8, 19, 41, 62; VIII, 7; IX,
13, 19; X, 31, 48, 63; XI, 7, 11; XII, 3, 29, 30, 41, 42, 54, 56, 57, 59, 65,
66; XIII, 1, 18—20; XIV, 8; XV 6.

является показателем какого-нибудь мифологического факта, этимологи (с. I, 7: *Paulus in libro*, quem *Collectionum intitulat dicit Phanox seu Phaneta idem esse quod apparitio*; IV, 63: въ борьбѣ титановъ съ Юпитеромъ Минерва сразила одного изъ нихъ, Палланта, оттуда имя Паллады; XII, 53: название пиратовъ отъ Пирра, сына Ахилла; XIII, 1; *Herculem dici ab erix, quod est lis, et cleos—gloria*); или она записала въ *Collectanea* два разныхъ миева о Ярбѣ (XI, 11)—и Боккачъ повторяетъ ихъ, не сводя; либо Боккачъ разказываетъ басню о земнородномъ Тагетѣ (I, 12) и о Молвѣ (*Fama*), которую божественный Виргилъ называетъ дочерью земли, Навель же повѣстуетъ о ней слѣдующее (*talis a Paulo recitatur fabula*): въ борьбѣ съ гиѣвымъ Юпитеромъ и другими богами погибли всѣ титаны, сыны земли; ожесточившись, она (*coacto utero*) произвела на свѣтъ истительницу, Молву, разглагшающую преступленія боговъ (*Famam emisit scelerum superum relatricem*). Приведя по Виргилю характеристику и изображеніе Молвы, Боккачъ иносказательно толкуетъ басню Паоло: боги—это свѣтила въ ихъ воздействиіи на судьбу смертныхъ, по власти, данной имъ Создателемъ; воздействиіе это необъяснимо, и когда внезапно погибаютъ праведные цари, храбрые воины, люди вмѣняютъ это гиѣву боговъ. Оттого гиѣвны боги, но гиѣвается и земля, то-есть мужественный человѣкъ, ибо всѣ мы отъ персти и стремимся создать себѣ молву, поступая такъ, чтобы наше имя стало извѣстнымъ и сохранилось наперекоръ тѣмъ, кто, убивъ человѣка, полагаетъ, что уничтожилъ его совѣтъ. Что Молва создана съ цѣлью возвѣстить о преступленіяхъ боговъ, означаетъ не что иное, какъ то, что меньшая братія (*minores*), не будучи въ силахъ бороться съ могущественными людьми (*majores*), стремится къ мести, позоря ихъ словомъ, бесславія (*illata verbis.. infamia conantur ulcisci*). Что *Fama* дочь земли—объясняется тѣмъ, что она основана на земныхъ подвигахъ; дѣятель часто остается неизвѣстнымъ; оттого у Молвы и нѣть отца. (I, 10; сл. *Comm. ed. Milanesi* I, 225 слѣд.).

Таково объясненіе Боккачо; мы не знаемъ подсказано ли оно Паоло, который въ своихъ толкованіяхъ миевъ является то рационалистомъ, то натуралистомъ, то склоняется къ евгемеристической точкѣ зрѣнія. Гермафродитъ названъ былъ сыномъ Меркурія, ибо Меркурій первый вразумилъ египтянъ, что Гермафродиты не чудовища, которыхъ слѣдуетъ выкидывать, а рождаются естественнымъ путемъ (III, 20); титанъ Эгеонъ былъ пиратъ, жившій на пустынномъ островѣ Эге (IV, 26); миевъ о Мелеагрѣ, скончавшемся,

когда мать бросила въ огонь пень (stipes), съ которымъ роковымъ образомъ была связана его жизнь, объясняется такъ, что подъ пнемъ слѣдуетъ разумѣть коренную, жизненную влагу (*radicale humidum*), изъяновеніе которой и было причиной смерти (IX. 19).

Въ *Collectanea*'хъ Паоло Боккаччо нашелъ итальянскую генеалогическую сказку о Дарданѣ, сыне царя Корита, по имени которого называлъ быль его городъ, нынѣ Корнето (VI, 1); свѣдѣнія о началахъ поэзіи у грековъ (XIV 8) и пластическое представление Побѣды (*Victoria*), отличное отъ тѣхъ, которыя встрѣчаются у Клавдіана и Теодонція: она весела, ея вооруженіе покрыто пражомъ и пылью, руки обагрены кровью, она пересчитываетъ пѣнниковъ и добычу; украшеннія, въ которыхъ ее изображаютъ иные, принадлежать не ей, а ея сыну, Чести (*Honor*, III. 10).

Паоло былъ большой книгочай: онъ цитируетъ Хризиппа (I. 4, 14, 25, III. 3), пользовался, по мнѣнію Боккаччо, Августиномъ (V 21), Евстахиемъ, вѣроятно, венузинскимъ, котораго читалъ Діонисій да *Borgo Sen Sepolcro*¹⁾ и Боккаччо не знаетъ. То, что онъ сообщаетъ о пнемъ, со словъ Паоло (VII 41), подтверждаетъ его итальянское происхожденіе: дѣло идеть о школьной сказкѣ въ объясненіе происхожденія той или другой мѣстности. Разказываетъ Паоло со словъ какого-то (*nescio quem*) Евстахія, что въ царствованіе Спарата у ассирийцевъ Эриданъ, Фаэтонъ тоже, сынъ египетскаго Солнца, спустившись со своими людьми по Нилу, прибылъ, при попутномъ вѣтрѣ, въ заливъ, который мы зовемъ лигурійскимъ. Сойдя послѣ долгаго, утомительного плаванія на берегъ и направившись, по договору своихъ, внутрь страны, онъ оставилъ одного изъ своихъ спутниковъ, Генуина, ослабѣвшаго отъ морской болѣзни, и тѣ нимъ часть людей, въ качествѣ стражей при корабляхъ. Въ союзѣ съ мѣстными, дикими племенами Генуинъ построилъ городъ, который назвалъ, по своему имени, Генуей; Эриданъ же, перейдя горы, вступилъ въ обширную плодородную равнину и, въ надеждѣ смягчить грубые и жестокіе нравы туземцевъ, поселился у Не; судя по словамъ Паоло, Евстахій былъ того мнѣнія, что Туринъ построенъ Эриданомъ и названъ въ началѣ его именемъ. Тамъ онъ царствовалъ некоторое время, пока не утонулъ въ Не, названномъ оттого Эриданомъ, оставивъ сына Лигура.

Говоря о своихъ выпискахъ изъ *Collectanea* Паоло, Боккаччо особо упоминаетъ его замѣтки изъ иѣкоего Теодонція (*ea quae sub no-*

¹⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1891, № 10, стр. 558, прим.

mine Theodontii apposita sunt. XV, 6). Имѣются ли въ виду замѣтки, внесенные въ составъ Collectanea, или особый списокъ „генеалогій“ Теодонція—рѣшить трудно; гоноря, со словъ Теодонція, о Батилль, сынѣ Форка, Боккаччо замѣчаетъ: можетъ быть, онъ (то-есть, Теодонцій) сообщаетъ о немъ и еще нѣчто, „но вслѣдствіе поблекшихъ буквъ“ (*literis a litura deletis*) и ничего прочесть не могъ и болѣе ничего о немъ не встрѣчалъ“ (*nec aliud usquam alibi vidisse memini*).

Свидѣтельствомъ Теодонція Боккаччо чрезвычайно дорожить, указанія на него, попадающіяся съ первой страницы, разсѣянны въ 171-й главахъ¹), не считая повтореній; ссылки на „Теодонція и Паоло“ (II, 44, 48: *dicit Theodontius et post eum Paulus*; III, 11; IV, 2, 68; V, 50: *Theodontius et post eum Paulus*; VII, 8; VIII, 7; X, 31; XIII, 20: *Theodontius et post eum Paulus*) указываютъ, съ вѣроятностью, на свое происхожденіе изъ свода Collectanea; въ иныхъ случаяхъ оба имени встрѣчаются въ одной и той-же главѣ, каждое съ своими показаніями (I, 12; II, 21; IV, 26, 47). Теодонцію Боккаччо склоненъ вѣрить: онъ предпочитаетъ его свидѣтельство свидѣтельству Цицерона (I, 5), Паоло (XII, 59), Исидора (X, 58), хотя порой становится противъ него на сторонѣ Сервія (X, 3), сомнѣвается, не былъ-ли онъ введенъ въ заблужденіе сходствомъ имѣнь (V 38: *Argulus* и *Aregillus*). и недоумѣваетъ, что побудило его признать одного изъ Меркуріевъ, именно бога краснорѣчія, сыномъ Майи, ибо Теодонцій не привель своихъ доводъ (XII, 62). Но вообще онъ для него остроумѣйший истолкователь миѳовъ (*hacrum regum sollertissimus indagator* IV, 14; X, 58), читавшій греческія рукописи (*dicit Theodontius in quibusdam graecorum codicibus legisse XIII, 1*), цитующій Филохора (X, 9; сл. еще II, 12: *Theodontius dicit et Corvillus?*) и загадочнаго поэта Пронапида въ его Протокозѣ (I, 3; III, 4 = *Comm. I. c. I*, 270—271; IV, 54); оттуда главнымъ образомъ взять материалъ космогоническо-философскихъ отвлеченностей, наполняющей первую книгу Генеалогій. Нѣть

¹ I. I введеніе, гл. 3, 4, 5 (сл. *Comm. ed. Milanesi* II 177—178), 11, 13, 34; II 2, 12, 13, 21, 39—35, 39, 40, 44, 46—50, 55—59, 68; III 4, 6 (*Comm. ed. Milanesi* II 195—197), 10, 11, 18—22; IV 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 18, 21, 22, 25, 26, 28, 29, 31, 33, 42, 44, 46—49, 54, 58, 62—65, 68; V 1 3, 6, 12 (*Comm. ed. Milanesi* I 393), 16, 19, 30, 38—41, 45, 48—51; VI 32; VII 1, 6—10, 17, 19, 22, 32, 34, 36, 37, 40, 48; VIII 1, 4, 7—9, 13, 14; IX 2, 8, 11, 13, 17 (*Comm. I. c. II 285*), 20, 22, 24; X 3—5, 7, 9, 10, 11 (*Comm. I. c. I* 203, 204, 206), 16, 24, 28, 29, 31, 33, 48, 50, 52, 53, 58, 62, 63; XI 2, 3, 10, 11, 16—19, 21, 24, 40; XII 2, 8, 11, 12, 14, 19, 20, 35—37, 41, 54, 57—59, 62, 66; XIII¹, 20; 38, 65, 70; XV 6.

сомнѣнія, что и другія ссылки на Пронапида, безъ указанія на посредничество Теодонція, идутъ изъ того-же источника; сл. I, 6, 7, 9—*Comm. l. c. I, 198; Gen. Deor. I, 5*: о родословной сказано: *Theodontio potius adhaereo=Comm. l. c. II 178: io m'accosto piu con l'opinione di Teodonzio;* при этомъ замѣчено, что слѣдуетъ разказать миѳъ у Пронапида 'о фатахъ, но его нѣтъ ни въ *Gen. Deor.*, ни въ комментаріяхъ. Въ послѣднихъ (I. c. I, 270, 321) Пронапидъ названъ наставникомъ Гомера; Теодонцій могъ вычитать это у Діодора (I. III, 67; *Пропагібту тов' Ομήρος διδάσκαλον εὐφυῆ γεγούστα μελετούν*); Тцетцъ (*Chil. XIII, 630* слѣд.) повторяетъ это извѣстіе, у комментатора къ *Dionysius Thrax* Пронапидъ является изобрѣтателемъ новѣйшихъ письменъ (Bekker, *Anecd. стр. 783, 20* слѣд.; стр. 786, 13, слѣд.); Таціанъ (*Oratio ad Graecos ed. E. Schwartz, стр. 41*) считаетъ его писателемъ до-гомеровской эпохи ¹⁾.

Но и самъ Теодонцій не менѣе загадоченъ, чѣмъ Пронапидъ; все, что мы о немъ знаемъ, восходитъ къ Коллектанеямъ Паоле и свидѣтельству о нихъ Боккаччо. По характеру своей работы онъ продолжаетъ позднихъ латинскихъ миографовъ; Боккаччо (*Gen. Deor. введеніе*) зоветъ его человѣкомъ „не новымъ“, замѣчательнымъ изслѣдователемъ миологическихъ вопросовъ. Онъ толкуетъ латинскіе синонимы (VIII, 7: *Venerari deos oportet, maiores autem homines revereri*), знаетъ миѳы съ специальнымъ итальянскимъ пріуроченіемъ: Ангіція, сестра Цирцеи, жила неподалеку отъ нея въ Кампаниї (*in agro Campania IV, 15*); у *Buthes*, сына царя Бебриковъ и красавицы-гетеры *Lycastes*, жившей въ Сициліи, въ Дрепанѣ—сынъ Эриксъ, который, ставъ царемъ, соорудилъ на сосѣдней горѣ храмъ Венеры Эрицинской (X, 4, 5); Аонъ сынъ не Нептуна, а иѣкоего богатаго апулійца Онхеста отъ жены Парихіи (X, 24; сл. XII, 41); обычай кипрійскихъ женъ и дѣвушекъ, наученныхъ Венерой, жертвовать своимъ щѣломудріемъ, перешель и въ Италию (XI, 4); *Daunus*, сынъ Нилумна и Даана, царилъ въ Апуліи (XII, 58. Сл. еще X 62, 63 и др.). Все это, вмѣстѣ съ чтеніемъ греческихъ текстовъ и греческими, хотя и небезупречными этимологіями (напримѣръ *gorgonaе—terrae cultrices, nam graege georgii agricultores dicantur*, X, 10) указываетъ на уроженца южной Италии, грека или какого-нибудь обитальяниншагося лонгобарда, знавшаго по-гречески; имя *Theodontius*, можетъ быть, искаженіе *Theodotion*, либо латинизованное производное отъ *thiudan* (см. у

¹⁾ Послѣднимъ указаниемъ я обязанъ В. К. Ернштедту.

Прокопія Феодоніана (thiudinanthс), по тилу: Leontius, Dracontius. Паоло изъ Перуджіи могъ познакомиться съ его генеалогіями, такъ сказать, на мѣстѣ, какъ знакомъ съ Евстаѳіемъ изъ Венозы: оба принадлежали мѣстному литературному течению, предварившему возрожденіе классическихъ знаній, и виѣ его неизвѣстны.

У Теодонціи можно встрѣтить варианты къ извѣстнымъ миѳамъ (напримѣръ, IX, 2: беременность Юноны отъ латука; X, 50: Ипполитъ; XI, 40: Уллісъ), но Боккаччо особенно цѣнитъ въ немъ ихъ толкователя, не чуждавшагося конъктуру (VIII, 48). Тамъ, гдѣ Теодонцій не идетъ по стезямъ своего Пронапида, его экзегеза напоминаетъ пріемы Паоло, можетъ быть, опредѣленные его же вліяніемъ: также склонность сводить миѳъ къ исторії, къ житейскимъ отношеніямъ, хотя бы самымъ плоскимъ и зауряднымъ, либо къ выраженню какого-нибудь физического закона. Поззія золотаго дождя исчезаетъ въ миѳѣ о Діанѣ: боясь отцевскаго гнѣва за свою любовь къ Юпитеру, она отдалась послѣднему за деньги, чтобы имѣть средства къ побѣгу (II, 33); Дирке обращена въ источникъ: это она обливалась слезами, утративъ царство и преданная истязаніямъ; что она зовется дочерью солнца, означаетъ, что либо ея отецъ назывался Sol, либо ея мать прозвала ее такъ за красоту (IV, 7). Эзакъ преслѣдуется бѣгущую отъ него Гесперію, которая, наступивъ на змѣю, умираетъ отъ ея укушенія, а онъ, бросившись въ море, обращенъ въ гагару; смыслъ басни тотъ, что Эзакъ, не умѣвшій плавать, вынырялъ (какъ гагара) прежде, чѣмъ утонуть; либо, когда онъ утонулъ, вынырнула гагара, которую за него и приняли (VI, 32; сл. въ X, 2 то-же объясненіе въ миѳѣ объ Алкіонѣ, обращенной въ зимородка). Ина и Мелицертъ, бросившіеся въ море, были приняты, по просьбѣ Венеры, въ число морскихъ боговъ; реальное объясненіе такое: въ своемъ бѣгствѣ на кораблѣ они прибыли къ Сизифу, которого иные называютъ Эіопомъ; онъ воспыпалъ къ нимъ любовью (Венера) и въ награду поставилъ ихъ начальниками надъ портомъ, доходами съ котораго они пользовались (оттуда—морские боги? Сл. XIII, 70). Юпитеръ (V, 1), Полифемъ (VII, 17; VIII, 14), Борей (IV, 58) и друг. были простые смертные, Горгоны—богатыя женщины (X, 10); наоборотъ, Ахелой, сынъ солнца и земли (VII, 19), является въ миѳѣ о Геркулесѣ и Деянирѣ рѣкой, разлившейся на два русла, соединеніе которыхъ и поставлено Геркулесу условіемъ брака (IX, 17). Прометей учился у халдейскихъ мудрецовъ, затѣмъ, удалившись на вершины Кавказа, долгимъ опытомъ и размышленіемъ позналъ течение свѣтиль, причины молніи и

многихъ вещей; ассирийцевъ онъ научилъ астрологіи, людей, жившихъ по звѣриному, сдѣлалъ культурными (IV, 44). Почему Эскулапъ называется сыномъ Аполлона? спрашиваетъ Теодонцій, отрицая, что онъ былъ сынъ Аполлона и Корониды. Можно предположить, что онъ вырѣзанъ былъ изъ чрева матери, чтѣ не обходится безъ помощн врача, поэтому онъ и могъ быть названъ сыномъ Аполлона, изобрѣтателя медицины; либо потому, что рождающихся такимъ образомъ древніе считали посвященными богу, ибо произведенными на свѣтъ какъ бы съ его помощью. почему и семья Цезаря, также вырѣзанного изъ чрева матери, особенно чтила Аполлона. Или его называли его сыномъ, просто, какъ известнаго медика (V, 19).

Таковы „конъектуры“ Теодонція, исключительно основанныя на увѣренности, что медикъ Эскулапъ не могъ быть сыномъ бога. Любопытно, какъ серьезно-наивно относится къ нимъ Боккаччо: онъ приводить въ ихъ подтвержденіе мнѣніе Тарквиція у Лактанція, что Эскулапъ произошелъ отъ неизвѣстныхъ родителей; правда, Цицеронъ различаетъ трехъ Эскулаповъ, называетъ и ихъ отцевъ, между прочимъ Аполлона, но вѣдь съ любымъ изъ этихъ Эскулаповъ могло случиться, что съ однимъ изъ именитыхъ мужей Флоренціи (*ex principibus patriae*), который былъ покинутъ ребенкомъ, а затѣмъ принялъ фамилию своего воспитателя.

Понятно, что такие собиратели мифовъ, какъ Паоло и Боккаччо, должны были обрадоваться случаю проверить свои свѣдѣнія въ области, мало извѣстной или и недоступной имъ въ первоисточникахъ. Этимъ объясняется приемъ, оказанный въ Неаполѣ монаху Варлааму. Его личность хорошо извѣстна, Паоло, сблизившися съ нимъ, получилъ отъ него массу свѣдѣній по греческой мифологіи и древности (XV 6: *eo medio innumerata exhausit a grecis*)—по памяти или источникамъ? Варлаамъ ссылался на греческія лѣтописи (*annales* IV, 47; IX, 1). Боккаччо, часто цитующій его¹⁾, познакомился, если не съ нимъ, то съ его показаніями черезъ Паоло: со словъ Паоло онъ приводить (IV, 47) его толкованіе миѳа о Девкаліонѣ и Паррѣ, у Паоло онъ могъ видѣть и замѣтки Варлаама, о которыхъ говорить въ XV 6 (*scripta quaedam in nullum redacta librum nec aliquo insignita titulo*): можетъ быть, замѣтки, написанные для Паоло, напримѣръ,

¹⁾ I 11, 20; II, 29; III 20; IV 20, 21, 46, 47, 48; VI 34; VII 10, VIII 1, 8; IX 1, 7, 8, 19; X 47, 53, 59; XI 15; XII 3; XIII 4, 67, 68; XIV 8; XV 6. Сл. еще упоминаніе Варлаама въ посвященіи королю Гуго.

по поводу того или другого мѣста Теодонція. Въ Генеалогіяхъ показанія Варлаама нѣсколько разъ какъ бы вызваны вопросами и недоумѣніями; въ такихъ именно случаяхъ могли обращаться къ его учености. Теодонцій говоритъ, напримѣръ, (I, 11), что Тартаръ рожденъ землею, безъ участія отца; Варлаамъ добавляетъ, что онъ покончился не- движимо въ утробѣ матери, ибо Луцина не пожелала оказать ей своей помощи въ наказаніе за то, что она произвела на свѣтъ Молву на поношеніе богамъ; легенду о Молвѣ мы уже знаемъ въ пересказѣ Паоло (сл. выше стр. 17). И въ другихъ случаяхъ (напримѣръ, VII, 10) встречается такое-же чередованіе показаній: Хиронъ, изобрѣтшій орошение садовъ, потому и названъ сыномъ Филлары, ибо *Phylladros* означаетъ по-гречески стражъ или любитель воды (VIII, 8); такъ утверждаютъ Теодонцій и Варлаамъ.

Миологическую экзегезу Варлаама не трудно опредѣлить: онъ — евгемеристъ (напримѣръ, IX, 7, 8; X, 47; XIII, 67), иногда грубоватый (X, 59: сатиръ = педагогъ; III, 20: происхожденіе Меркурия); разказываетъ басню (I, 20) о *Dolus*—Обманѣ (сынѣ Ночи и Эреба по Цицерону), будто онъ былъ пріятелемъ Улисса и подальше насовѣтѣ греческихъ вождей хитроумную мысль устроить деревянного коня, при помощи котораго и взята была Троя. Элада и эллины (*Ellades*) названы по Эллану, сыну Девкаліона (IV, 48); троянцы назывались тевкрами, не по Тевкру, сыну Пріама, а по его соименнику, сыну критскаго Скамандра (VI, 34). Отъ Варлаама идутъ и нѣкоторые греческія этимологіи (сл. VIII, 8 и III, 20); съ его именемъ мы ожидали бы встрѣтить ихъ и болѣе въ числѣ тѣхъ, которыми Боккаччо любить пощеголять. Большую часть изъ нихъ онъ взялъ готовыми изъ латинскихъ источниковъ, которыми пользовался¹), но

¹) Считаемъ не лишнимъ сдѣлать, хотя, быть можетъ, и неполными указанія на главы, где такихъ этимологіи и объясненія словъ встречаются, отмѣтая кстати и нѣкоторыя латинск. Онъ характеризуютъ степень греческихъ познаній Боккаччо; кое-что, впрочемъ, придется поставить насчетъ неисправныхъ списковъ, которыми руководились и старые издатели: I, 4 (ніфа *Syringa*, любимая Паниомъ, по Леонтию Шиллату, отъ *syrin*, quod latine sonat Deo cantans), 7 (по Паоло), 34; II, 2 (*Iupiter* graece dicitur *Zephys*, quod latine *vita* sonat; сл. IV, 61: *Zeph* = *vita*) 3 (сл. III, 6, IV, 16, VI, 12), 7 (*Ariarches* — *armorum princeps*, nam *Aris* graece *Mars* latine sonat, et *archas* *princeps*. Но *Ariarches* изъ *ἀριάρχες* у Cic. *De Nat. Deor.* III, 2, 53), 12 (прозвище Меркурия *Stilbon*, quod *velox* latine sonat, по Леонтию); III, 4, 8 (по Фульгентію *Thisiphones* idem quod *Tritoniphones*, i. e. *irarum vox*; сл. VII, 1: *triton secundum quosdam idem sonat*, quod *terram terens*; VII, 7: *triton sonus secundum quosdam interpretatur*; X, 1:

онъ измышляетъ, очевидно, и собственныя; его Ариархъ (II, 8) ничѣмъ не хуже его Филострата и Филокопо, продуктовъ его первой неаполитанской поры, къ которой восходить и его первое знакомство съ греческимъ языкомъ. Это знакомство, всегда остававшееся

maris sonus), 20 (Hermes: hermena=interpres по Варлааму), 22 (peristera—columba sonat; graeci acidas curas vocant; с. V, 35), 23 (drepanum; spuma.. quae graece aphrodos dicitur).—IV, 2, 3 (phoebus — novus), 5, 10 (Ariadna... eo quod andros graeca vir sonat), 16 (Hecates.... centum interpretatur; Arthemis вм. Aërothemis, i. c. aërem secans) 21, 30 (oves graecis malae seu mala dicuntur), 33 (hyas—pluvia), 34 (plyon graece pluralitatem sonare latine), 45 (Pandora: a pan quod est totum et doris quod est amaritudo. Сл. VII, 8; doris: munus либо amaritudo, либо у Virg. Eclog. X, Doris amara), 59, 61 (thyella—procella), 65 (по Паою), 67 (cynosura отъ cynos—canis и uros—bos silvaticus; arctos—ursa; graece elyci dicuntur gyri), 68 (Egla quod idem sonat quod capra); V, 3, 12 (Orpheus quasi aurea phogni, e. bona eloquentiae vox), 19, 25 (Bromius a bromin quod est consumere, Lyeus a lyen, quod est tractus, либо a ligogas, modeste autem sumptum, то-есть, вино, dispersas vires colligit augetque), 26 (hymen.... graece dicitur membrana), 45 (Athenas quod latine immortales sonat); VI, 14 (a redemptione Priamus).—VII, 1 (Oceanus: ego autem a cianes, quod latine nigrum sonat), 6 (climenes interpretatur humiditas; с. VII, 41), 9, 10 (sunt qui dicunt quod Melantho albedo interpretatur.... ego unde hoc ab his sumptum sit nescio, cum sciam melan graece nigrum sonare latine), 11 (Idothea, ut quidam volunt, formosa interpretatur dea), 13 (Nereus: vulgo enim graece neros aqua dicitur), 14 (nays—fluctus vel commotio; napaea quasi napteas, idest aquaram fomites, nam napta apud persas fomes est; Oron graece latine mons dicitur), 16 (Thetys—furens), 20 (iligi—circulus seu gyrum, с. IV, 67), 22 (forum отъ Форона), 36, 41 (Phaeton..., ut ait Leontius Thessalus, latine sonat incendium);—VIII, 1 (Apollophanes comicus dicit in epico carmine Saturnum quasi sacrum num, nus enim graece, aut Satorum num, quasi divinum sensum creantem omnia), 2, 6 (объяснение названий коней Плутона), 8 (Phylladros—aque custos vel amator по Варлааму; Сатурнъ, застигнутый женой въ слизи съ Филадром, обращается въ коня, equus: eo quod causam suam apud turbatam conjugem justicaverit dicens, quod ob id aliarum mulierum concubitum quaereret, si forte masculos filios suscipere posset, cum sibi prolem melioris sexus ex ea conceptam ob promissum Titano factum servare non posset, et sic ob hoc aequa agere visum est, et inde aequus, id est justus. Chirou называнъ такъ, либо изобрѣлъ chirurgiam, либо chyron graece manus est).—IX, 1 (Irim dici quasi erim, quod certamen est; по Леонтию Иллату: Juno graece dicitur Ἡρη, quod quidem venit ab era, quod est terra, et fit mutatio ε iu et fit Ἡρη, cui mutata ε in η fit Ἡρη), 20, 25 (phlegon quod est flamma), 28 (противъ этимологии: centauri отъ centum и Arios = Mars, или centum aurae, сказано: haec latina etimologia est quam graecae dictiones minime patiuntur), 35 (Dichtyna отъ dithia: piscatorum retia).—X, 9 (glaucus... graec luscitus dicitur; Anthedon... graecae quasi Anthodon, quod nos latine contrarium videns dicimus), 10 (горгоны: terrae cultrices), 16 (Cyclops отъ cyclus и copis oculus), 27 (Pegasus отъ pege = fons; оттуда

поверхностными, не доходившее до раздельного знания грамматическихъ формъ, тѣмъ не менѣе поднимало его самосознаніе: я знаю, что *μέλαν* по-гречески означаетъ черное (VII, 10), говорить онъ, указываетъ, что *νερός*—вода слово простонародное (VII, 13), произносить по-новогречески *φρογνί* φωνὴ (V, 12), *Ηερακλίου* (XIII, 15), *Ζεφύς Ζεύς*, увѣряя себя, что *Ζεφ* означаетъ жизнь (II, 2; IV, 61). Появление Варлаама въ неаполитанскихъ ученыхъ кружкахъ подняло, если не вызвало этотъ интересъ къ занятію языками, который обѣщалъ наконецъ раскрыть заповѣдную книгу за семью печатями: греческую древность. Петrarку къ ней манили откровенія Платона, Боккачью, иродолжавшаго работать надъ Генеалогіями, должны были интересовать гомеровскія поэмы, древнѣйший источникъ эллинского богословія. Серьезнымъ отношеніемъ къ своей задачѣ объясняется его рѣшимость снова отдаваться изученію греческаго языка. Петrarка пытался обучиться ему у Варлаама; еще въ 1354 году онъ жалуется, что Сигерь не съ нимъ: онъ ввелъ бы его въ пониманіе Гомера (Fam. XVIII, 2)—и онъ благословляетъ Боккачью на занятія съ Леонтиемъ Пилатомъ, новѣйшимъ изъ современниковъ, названныхъ въ Генеалогіяхъ.

III.

Боккачью познакомился съ нимъ въ 1359 году во время своей миланской поѣздки къ Петrarкѣ; Леонтій пробирался изъ Греціи въ Авиньонъ (Gen. Deor. XV, 7)—искать удачи; въ то время это былъ дѣловoy центръ, где могли находить себѣ сбыть такие искатели приключений, какъ неизвѣстный калабріецъ, котораго Боккачью называетъ порой солунцемъ (I. c. XV, 6: *thessalonicensem*; VII, 41 *Thessalus*); потому ли только, что Леонтій находилъ выгоднымъ заявляться то грекомъ, то итальянцемъ, какъ утверждалъ Петrarка? Но

pagus, ибо строились у рекъ, и *pagani*, quasi *ivo pege*, i. e. fonte vel flumine potantes), 61 (имена гарпий, по Фульгентію) XI, 25 (*amygdalus graece phylla vocatur*)—XII, 10 (*Egistus ab ege s. capra nutrice*), 24, 39 (*rubrum mare nazzano по Эритрею, quo nomine adhuc græci vocant, s. erithra talasson, nam thalasson latine sonat mare*), 52 (Ахиль, по Леонтію отъ а, quod est sine, et chilos—cibus, quasi sine cibo nutritus), 53 (по Паоло), 76 (*cacos graece latine malum sonat*). XIII, 1 (по Леонтію: *Hercules отъ hera terra и cleos gloria; или отъ heros и cleos; по Паоло отъ erix = lis и cleos. Hunc graeci Heracim vocant, propter quod nos Heracles, non Herculem dicere debemus; alce=virtus*).

Леонтий говорилъ о себѣ также какъ объ ученикѣ калабрійца Варлаама (Gen. Deor. XIV, 8, XV, 6; IV, 46); но могъ ли онъ быть его слушателемъ въ Солуни?

Его путь лежалъ на Падуя, гдѣ Петрарка могъ увидѣть его зимой 1358 года; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Боккаччо отъ 12-го августа 1360 года (Var. 25) онъ говорить, что познакомилъ его съ нимъ какой-то падуанскій пріятель. Старое, платоническое увлеченіе эллинизмомъ проснулось въ Петраркѣ при видѣ ученаго грека, обладавшаго къ тому-же и иѣкоторымъ знаніемъ латинскаго языка; очевидно, по его просьбѣ Леонтий перевѣль пѣсолько пѣсень Иліады; на этотъ-то первый опытъ перевода Петрарка указываетъ въ письмахъ къ Боккаччо (Var. 25), къ Гомеру (Fam. XXIV, 12) обѣщающій прислать Заноби да Страти (Var. 2), ими онъ пользуется въ примѣчаніяхъ къ полному переводу гомерическихъ поэмъ, за который, во почину Боккаччо, возмется впослѣдствіи Леонтий (см. De Noihas, Petrarche et l'humanisme стр. 332, 340, 342, 353—355).

О Леонтиѣ Боккаччо узналъ отъ Петрарки; возможность познакомиться съ Гомеромъ, вновь приняться за греческія штудіи, обогатить свои свѣдѣнія по греческой древности и миѳу—все это восхитило его, и онъ рѣзко взялся за дѣло. Неизвѣстно, гдѣ онъ именно сблизился съ Леонтиемъ, въ письмахъ Петрарки къ Боккаччо отъ 1359 года, написанныхъ послѣ миланскаго свиданія, о томъ ничего не говорится. Какъ бы-то ни было, но Боккаччо увлекъ его съ собой: Леонтий будетъ жить у него, заниматься съ нимъ, вѣроятно за плату; замѣтимъ, что самъ Боккаччо нисколько не обеспеченъ, что жалобы на отсутствие безбѣднаго ученаго приволья не покидаютъ его; на этотъ разъ ихъ неслышно за восторженныемъ интересомъ къ наукѣ и сознаніемъ совершаемаго подвига. „Часто привожу я Леонтия Пилата, солунца, и, какъ онъ утверждаетъ, слушателя упомянутаго Варлаама, говорить онъ въ биографическо-литературномъ эпизодѣ Генеалогій (XV, 6). Человѣкъ онъ съ виду страшный (*horridus*), некрасивый лицомъ (*turpi facie*), съ длинной бородой и черными волосами; всегда погруженный въ свои мысли (*meditatione occupatus continua*), неотесанный и непривѣтливый (*moribus incultus nec satis urbanus homo*), но, какъ показалъ опытъ, въ греческой литературѣ ученѣйшій, неисчерпанное хранилище (*agacium*) греческихъ сказаний и басенъ; латинскимъ онъ еще мало обученъ. Никакого его труда я не знаю, привожу лишь то, что узналъ отъ него лично, ибо въ теченіи почти трехъ лѣтъ (*fere tribus annis*) я слышалъ его толкованія Гомера (*eum legentem*

Нометум) и дружескія бесѣды (*mecum singulari amicitia conversantem*), такъ что, при другихъ заботахъ (*vergentе etiam alia cura animam*), никакая память не удержала бы его безчисленныхъ разсказовъ, если-бы я не записывалъ ихъ на листкахъ (*cedulis*)⁴. И въ другомъ мѣстѣ (XV, 7), отвѣчая хулителямъ, глумившимся надъ его слабостью къ греческимъ цитатамъ, онъ отвѣчаетъ, что это—его право. „Не я ли моими совѣтами удержалъ Леонтия Пилата отъ долгаго пути въ западный Вавилонъ (Авиньонъ)—на моей скромной родинѣ (*in patria tenui*)? Не я ли пріютилъ его въ собственномъ домѣ, долго держалъ его гостемъ и много есторанія положилъ на принятіе его въ число профессоровъ флорентинскаго университета (*ut inter doctores florentini studii suscipere retur*) съ платой изъ общественныхъ средствъ (*ex publico mercede apposita*)? Я первый на мои собственныи средства вернулся въ Этрурію творенія Гомера и другихъ грековъ, удалившихся много вѣковъ тому назадъ безъ надежды на возвращеніе; и не въ Этрурію только, но и на родину (то-есть, во Флоренцію). Первый изъ латинянъ я частнымъ образомъ слушалъ у Леонтия Пилата Иліаду, устроилъ публичные чтенія Гомеровой книги, и хотя не достаточно понималъ, уразумѣль на сколько могъ, и не сомнѣваюсь, усвоилъ бы и полно, еслибы тотъ непосѣда (*homo illi vagus*) дольше остался среди насть. Но какъ-бы мало я ни научился изъ многаго, кое-что уразумѣль изъ повторенныхъ наставлений (*demonstratione crebra*) учителя и внесъ въ свой трудъ, гдѣ показалось нужнымъ“

„Вернуть“ въ Этрурію творенія Гомера указываетъ ли на ихъ латинскій переводъ, сдѣланный для Боккаччо Леонтиемъ Пилатомъ? „Другіе греки“ пришлись къ слову, хотя намѣренія были широкія: хотѣли перевести и другихъ, между прочимъ Платона, творенія котораго, собранныя въ большомъ томѣ, Боккаччо видѣлъ у своего достопочтенѣйшаго учителя Петrarки (*Comm. ed. Milanesi I, 370*). Если такъ, то переводъ Гомера исполнить былъ на средства Боккаччо, онъ не преминулъ бы вспомнить съ обычной похвалой и Петrarку, если-бы онъ участвовалъ въ расходахъ; но упоминаній нѣть, а между тѣмъ въ письмѣ отъ 1374 года къ папскому секретарю Лукѣ делла Пенна Петrarка (*Sen.XVI, 1*) говорить о Гомерѣ: „переведенномъ на латинскій языкъ моимъ попеченіемъ и иждивеніемъ и нынѣ охотно пребывающемъ у меня среди латинянъ.“ Едва ли Петrarка имѣть въ виду лишь расходы по перепискѣ своего экземпляра Гомера, какъ съ другой стороны трудно вычтать изъ приведеннаго выше показанія Боккаччо, что ему принадлежитъ лишь пріобрѣтеніе (возвращеніе

„въ Этрурию“) греческаго текста Гомера, что оставило-бы за Петраркой траты по переводу (иначе *De Nolhac*, I. c. стр. 344—345).

Петрарка отнесся къ предпріятію съ видимымъ увлеченіемъ. Изъ его письма отъ 18-го августа 1360 года (*Varr. 25*), единственного, въ которомъ онъ высказался передъ Боккаччо относительно своего миланскаго пребыванія, оказывается, что дѣло уже было въ ходу, ибо встрѣчились и препятствія. Ты просишь ссудить тебѣ, если только я его приобрѣль, тотъ списокъ Гомера, что продавался въ Падуѣ, пишетъ Петрарка, дабы нашъ Леонтий могъ перевести его съ греческаго на латинскій языкъ на пользу твою и всѣхъ нашихъ занимающихся (*studiosi*) согражданъ. Я видѣлъ этотъ списокъ, но оставилъ его, ибо онъ показался мнѣ гораздо неисправнѣе моего собственнаго, давно находящагося въ моей библиотекѣ, но его нетрудно будетъ пріобрѣсти при помощи того самаго лица, которое доставило мнѣ знакомство съ Леонтиемъ; оба мы напишемъ ему, горячо побуждая къ желанному труду. Еслибы тотъ списокъ ускользнулъ отъ насъ, чтѣ нѣвѣроятно, мой къ вашимъ услугамъ, ибо я всегда жаждалъ того перевода, жаждалъ научиться греческому языку, и еслибы не моя судьба и ранняя смерть моего достойнаго учителя (Варлаама), я быль бы теперь кое-чѣмъ большимъ, чѣмъ начинающимъ. И такъ, разсчитывайте на меня въ этомъ предпріятіи и будьте увѣрены въ моей дѣятельной помощи. Если утраченъ древній латинскій переводъ Гомера, принадлежавшій, быть можетъ, Цицерону, то пусть хотя бы трудъ чужеземцевъ восполнить утраченное по нашей небрежности, и да улыбнутся вамъ музы и поспѣшествуетъ Аполлонъ. Что касается до меня, то ни изъ Серики, ни изъ Аравіи, ни отъ Еритрейскаго моря не придетъ товара, тѣхъ, который быль бы мнѣ милѣе этого.—Петрарка пользуется случаемъ, чтобы защитить употребленіе слова *тѣхъ* въ прямомъ падежѣ, но далѣе грамматика забыта, и слѣдующій совѣтъ переводчику ставить ему эстетическія требования. Вы говорите, что переводъ будетъ дословный, пишетъ онъ Боккаччо; прислушайтесь, что говорить Иеронимъ въ предисловіи къ своему переводу *De templis* Евсевія Кесарійскаго: тотъ, кто утверждаетъ, что красоты подлинника не утрачиваются въ переводѣ, пусть попытается передать Гомера на латинскомъ языкѣ, переводя слово въ слово, и онъ увидѣть, что вещь выйдетъ достойная смѣха и краснорѣчивѣйшій изъ поэтовъ окажется косноязычнымъ. Вотъ что я хотѣлъ тебѣ напомнить, дабы трудъ оказался не напраснымъ. Впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете, я такъ лакомъ до по-

добнаго рода благородныхъ яствъ, что уподобляюсь голодному, кото-
рому все равно, какъ поваръ приготовить кушанье, и я жажду ду-
ховной пищи, какова бы она ни оказалась. И въ самомъ дѣлѣ: хотя
начальные стихи Гомера, когда-то переведенные для меня Леонтиемъ
латинской прозой (имѣется въ виду первый опытъ перевода, сдѣланный
для Петrarки) и оправдываютъ мнѣніе Иеронима, тѣмъ не менѣе
переводъ нравится, въ немъ есть какая-то своя особая красота (*Et
prefecto quoddam breue, ubi Homeri principium Leo idem latinis ver-
bis olim mihi quasi totius operis gustum obtulit, etsi Hieronymi sen-
tentiam faveat, placet tamen; habet enim et suam delectationem ab-
ditam*), и я не прочь уподобить его кушанью, назначенному явиться
въ вадѣ студня, но связь не удалась, иѣтъ формы, хотя есть и
вкусъ и ароматъ. И такъ, да благопріятствуетъ небо благому начи-
нанію, да возстановится утраченный для насъ Гомеръ; заботу о
другихъ (писателяхъ) предоставимъ Богу. Вы просите также при-
слать томъ Платона, который мнѣ удалось спасти изъ погрома моей
трансальпинской виллы; хвалю ваше рвение, вы получите книгу въ
свое время, за моей помощью столь благородное дѣло не станетъ;
но смотрите, хорошо ли соединять двухъ великихъ вождей греческой
мудрости и будетъ ли по силамъ поднять ихъ одновременно? Помѣ-
ряйтесь, въ добрый часъ, съ однимъ изъ нихъ и начните съ того,
кто дисалъ за нѣсколько столѣтій впередъ,

Вскорѣ послѣ того Петrarка получилъ свѣдѣнія о новомъ переводѣ
съ пространнымъ посланіемъ отъ имени Гомера, въ которомъ великий
поэтъ представлялся сѣтующимъ на свою судьбу и ставивъ себя подъ за-
щиту Петrarки. Но нашему мнѣнію, посланіе могло быть написано са-
мимъ Боккаччо; мы знаемъ лишь отвѣтъ Петrarки отъ 9-го октября
1360 года (Fam. XXIV, 12). Давно и сбирался писать тебѣ, обра-
щается онъ къ Гомеру, но мѣшало незнаніе твоего языка, а твои
старые переводы на латинскій потеряны по нерадѣнію потомковъ.
Но вотъ въ наши дни явился нѣкто, кто вновь подарилъ тебя нашей
рѣчи. Твоя Пенелона не ждала такъ страшно Улисса, какъ я твоего
появленія; я уже потерялъ надежду, ибо ничего твоего не видѣлъ
по латыни, кроме нѣсколькихъ начальныхъ стиховъ (указаніе на
первый обращикъ Леонтиевскаго перевода), по которымъ воображалъ
тебя, какъ издали представляютъ себѣ образъ друга по кончикамъ
волося и неясному, быстрому движенью зрачковъ подъ бровями.
Книжица, ходящая подъ твоимъ именемъ, хотя и извлеченнная изъ
тебя, тебѣ очевидно не принадлежитъ (разумѣется такъ называемый

Pindarus Thebanus; сл. еще Fam. X, 4); а тотъ человѣкъ сумѣть перевести тебя цѣликомъ, если хватить у него жизни, и начало перевода позволяетъ намъ насладиться не только благороднымъ содержаніемъ твоихъ божественныхъ твореній, но ихъ красотами и ароматомъ стиля. Теперь я понимаю, что сила великаго таланта оказывается въ какой бы то ни было формѣ. Помню, я писаль, слѣдя мнѣнію иѣкоего Иеронима, почитаемаго между нами за свое знаніе языковъ, что если не только перевести тебя дословно по латыни, но и переложить въ греческую прозу, ты покажешься не краснорѣчивѣшімъ, а грубымъ писателемъ; теперь, къ моему удивленію, я нахожу тебя прекраснымъ и въ латинской прозѣ. И вотъ пишу тебѣ, не какъ къ Виргилію, въ его же метрахъ (сл. посланіе къ Виргилію Fam. XXIV 11), а прозой, въ стилѣ тебѣ, быть можетъ, несвойственному. мнѣ обычномъ—въ стилѣ полученнаго мною письма.—Съ его содержаніемъ мы знакомимся изъ отвѣтнаго посланія Петрарки: онъ благодаритъ Гомера за свѣдѣнія о его, дотолѣ неизвѣстныхъ ему наставникахъ, о происхожденіи поэзіи и первыхъ служителяхъ музъ, въ числѣ которыхъ упоминался Кадмъ, сынъ Агенора, и Геркулесъ; Алкидъ или нѣтъ? спрашивается Петрарка (Sl. Gen. Deor. VII, 32: о Геркулесѣ, сынѣ Нила, изображеніи, по Теодонцію, письмена для фригійцевъ). Его интересуютъ ученыя путешествія Гомера, ему пріятно узнать настоящее число его книгъ, большая часть которыхъ оставалась неизвѣстной итальянцамъ; многие его труды утрачены, къ стыду грековъ, имѣющихъ себя во всемъ выше латинянъ: въ нерадѣніи они дѣйствительно ихъ побѣдили. Гомеръ жаловался на своихъ подражателей, на Виргилія; подражателей тебѣ бояться нечего; вотъ я. человѣкъ незначущій, а радуюсь, когда кто идетъ за мной слѣдомъ, и счастливъ, если онъ опередить меня. А ты всегда будешь первымъ; правда, иные колеблются между тобой и Виргиліемъ; я упомянулъ о томъ не потому, чтобы склонялся къ тому или другому мнѣнію, а чтобы показать тебѣ, какъ различно судили о тебѣ потомки. Виргилія, на котораго ты такъ жалуешься, я хочу защитить: ты обвинялъ его въ томъ, что, украсивши твоими доспѣхами, онъ никогда не упомянулъ твоего имени. Но онъ называлъ тебя въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, называлъ бы и въ лучшей послѣдней части своей божественной поэмы, еслибы до нея дожилъ. Онъ слишкомъ былъ порядочень, скроменъ и нравственъ, чтобы не сдѣлать того; а еслибы и оставались какія соомнѣнія, слѣдуетъ всегда предполагать лучшее. Ты сѣтуешь

на людей, которые, обобравъ тебя, осыпаютъ тебя хулою, на юристовъ и медиковъ, которые не держать тебя въ чести, какъ то дѣлали встарь ихъ предшественники. Но порицаніе такихъ людей тебѣ въ похвалу; тѣ-же изъ современниковъ, у которыхъ есть въ груди хотя бы искра дрえней доблести, почитаютъ тебя не только священнымъ философомъ, но и величайшимъ изо всѣхъ, ибо изящная красоты философіи ты умѣешь скрыть лодъ тончайшимъ покровомъ (поззія). Еще есть у тебя одна жалоба, но я чуть не принялъ ее въ шутку; или человѣку съ испорченнымъ желудкомъ все кажется горькимъ и ты не радуешься, а плачешь, что нашъ пріятель, котораго ты считаешь явившимся изъ Фессалии (сл. *Thessalus* у Боккаччо—*Thessalonicensis*), я—изъ Византіи, побуждаетъ тебя, незнакомаго, или, какъ ты говоришь, скитальца и изгнаника, вступить въ стѣны моей цвѣтущей родины (Флоренції)? Знай и будь увѣренъ, что дѣлаетъ онъ это изъ любви и живѣшаго уваженія къ тебѣ, почему такъ и дорожать имъ всѣ твои, хотя и немногочисленные, почитатели. И такъ ты видишь, что несправедливо сбѣтуешь на того, которому мы, преданные тебѣ поклонники, считаемъ долгомъ принести отъ своего и твоего имени величайшую благодарность, ибо если небо будетъ благопріятствовать ему, онъ намѣренъ возвратить тебя итальянскимъ музамъ и намъ, тщетно тебя ожидавшимъ. Не дивись, что въ долинѣ Фьезоле и на берегахъ Арио обрѣтаются всего трое людей, тебѣ преданныхъ и пріяненныхъ; этого не мало, а много, большие, чѣмъ можно было ожидать въ городѣ (Флоренції), преданнымъ торговлѣ и наживѣ. Найдется, пожалуй, и четвертый; я могъ бы присоединить и пятаго, вѣнчаннаго дельфійской или алфеевой вѣтвью, но его, не знаю какъ, похитилъ у насъ западный Вавилонъ. Если тебѣ мало кажется пяти человѣкъ, одновременно живущихъ въ одной городской чертѣ, то посмотри, сколько ихъ въ другихъ городахъ: въ Болоньѣ, хотя и именитомъ пристанищѣ наукъ, всего одинъ¹), двое въ Веронѣ, одинъ въ Сульмонѣ, одинъ въ Мантуѣ, но онъ покинулъ твоя знамена для Птолемея; въ Римѣ, главѣ мира, не находится, къ удивленію, ни одного; былъ одинъ въ Перуджіи, много обѣщавшій, но, бросивъ заботу о себѣ и о Парнасѣ, онъ оставилъ за собой Апенины и Альпы, и состарѣлся, скитаясь по Испа-

¹) Загадочныя слова, обращенные къ Гомеру: *tua illa Bononia, qua suspitata... unum habet*. Если перевести *qua suspitata*: на которую ты жалуешься (*Fracassetti*), — имѣется, быть можетъ, въ виду болонские юристы, хулители Гомера.

ній, пытаясь первомъ заработать богатства. Были и другіе по другимъ городамъ, которыхъ я зналъ, но ихъ уже нѣть.

И такъ пойми, куда я веду рѣчь: не жалуйся болѣе на пріятеля, приведшаго тебя въ городъ, гдѣ у тебя столько почитателей, какъ ни въ какомъ другомъ. Развѣ ты не знаешь, какъ они стали рѣдки на свѣтѣ? Я полагаю, что во всей Греціи, кромѣ нашего пріятеля (Леонтия), никого не найдется. Былъ еще одинъ, когда-то мой учитель (Варлаамъ), который раскрылъ мнѣ сердце для сладостной надежды, но онъ умеръ въ началѣ моихъ занятій, да и ранѣе того покинулъ меня, когда, болѣе заботясь о немъ, чѣмъ о самомъ себѣ, я старался доставить ему епископство.

Не гнушайся-же малочисленностью твоихъ поклонниковъ; ихъ всегда было мало, теперь и того меньше, а въ будущемъ, думается мнѣ, не будетъ никого, кто-бы держалъ въ чести и цѣнилъ почтенныя занятія. Останься въ обществѣ этихъ людей, на берегахъ Арио, среди нашихъ смѣющихихъ холмовъ, гдѣ цвѣтутъ таланты и свили гнѣзда благозвучныя филомелы; ихъ не много на самомъ мѣстѣ, но поведи глазомъ кругомъ и вблизи, ихъ наберется и много; а за ними толпа чесальщиковъ, ткачей, кузнецовъ, не говоря объ обманщикахъ, мытыряхъ, ворахъ всякаго рода и грязномъ ремесленномъ сорѣ. Твое имя и произведенія да останутся имъ неизвѣстными!

О себѣ, послѣднемъ по дарованію и времени, говорю подъ конецъ, такъ какъ ты удостоилъ попросить моей помощи. О еслибы я могъ помочь столь великому мужу! Но клянусь истиннымъ Богомъ, котораго ты не зналъ, что я въ состояніи лишь соболѣзновать тебѣ, подать совѣты. Да и что можетъ сдѣлать для другаго человѣкъ, который ничего не можетъ сдѣлать для себя? Самъ ты и твои послѣдователи были предметомъ зависти и посмѣяній; если такъ было съ тобой въ твоихъ ученийшихъ Аениахъ, то что будетъ съ другими въ нашихъ распутныхъ городахъ? Я самъ изъ числа тѣхъ, которыхъ зависть, не знаю почему, избрала своею мишенью; а ты ищешь защиты подъ моимъ покровомъ! Ты, для котораго раскошнѣйшій дворецъ былъ бы недостойнымъ пребываніемъ, еслибы талантъ давалъ почести, какъ судьба раздаетъ свои дары! Но слѣпой, надмѣнnyй рокъ распоряжается нами, великие умы избѣгаютъ золотыхъ налать, гдѣ юится нечестіе, и предпочитаютъ бѣдное пристанище, гдѣ обитаютъ трудъ и наука. Что касается до меня, то хотя я и не достоинъ принять столь великаго гостя, я давно уже пріютилъ тебя, грека, и надѣюсь вскорѣ получить тебя знатииномъ, если тотъ,

кого ты зовешь фессалайцемъ, я полагаю византійцемъ. приведеть свой трудъ къ благополучному концу. Но болѣе вѣрный пріютъ я готовлю тебѣ въ душѣ; моя любовь къ тебѣ свѣтлѣе и жарче солнца, никто болѣе меня не благоговѣетъ передъ тобой. То, что было въ моихъ силахъ, я для тебя сдѣлалъ, отецъ мой; уберечь тебя отъ на-
смѣшекъ невѣжественной толпы не могу ни я, и никто, кроме Бога.

Многое я наговорилъ тебѣ, точно самъ ты былъ со мною; но пора умѣрить фантазію, письмо вышло длинное, какъ пространно было и твое. Прощай, поклонись отъ меня Орфею, Лину, Евріпиду и всѣмъ твоимъ товарищамъ.

Орфей, Линъ, Евріпидъ въ товарищахъ Гомеру — таковы фантастическія представленія гуманистовъ, вышедшихъ на открытие новаго для нихъ міра греческой древности. Они его не знаютъ, тѣмъ восторженіе ихъ ожиданія; они снимутъ съ него завѣсу, и Гомеръ снова вернется къ италійскимъ музамъ. Ихъ немногого, людей, въ которыхъ еще тлѣть искра древней доблести; гуманизмъ аристократиченъ: за немногими тотчасъ-же начинается ремесленная толпа. Петрарка перечисляетъ людей, интересовавшихся въ его время греческимъ языккомъ и литературой, но нѣкоторыя изъ его указаній неопределены (сл. Fracassetti, Lettere v. V. р. 197), и мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, на сколько интересъ отвѣчаетъ приблизительному знанію. Въ числѣ флорентійскихъ эллинистовъ разумѣется, несомнѣнно, Боккаччо, и, вѣроятно, монахъ Тедальдо делла Каза, учившійся вмѣстѣ съ нимъ у Леонтия Пилата (Mehus, Vita Ambr. Camald. стр. 234); подъ лауреатомъ, похищеннымъ западнымъ Вавилономъ, т. е. Авиньономъ, скрывается Заноби да Страда; для Болоньи можно предположить Пьетро дель Мульо, для Вероны предположили Гвильельмо да Пастренго и Ринальдо да Виллафранка, для Мантуи нѣкоего Андрея, одного изъ корреспондентовъ Петрарки. Все это были любители, начинаящіе и чающіе, наконецъ учащіеся; всѣ ждали откровеній отъ фессалайца Леонтия Пилата.

Боккаччо былъ у Петрарки въ Миланѣ въ началѣ 1359 года; вскорѣ послѣ того Леонтий могъ приняться за свой трудъ; къ Ноябрю 1361 года, когда Боккаччо собрался въ Неаполь, конченъ былъ переводъ Иліады и Одиссеи, что приблизительно отвѣчаетъ показанію Боккаччо, что Леонтий пробылъ у него около трехъ лѣтъ. Очевидно, этотъ непосѣда оставилъ его ранѣе его отѣзда, иначе непонятенъ былъ бы ни этотъ упрекъ, ни то отрицательное настроение Боккаччо, которое сквозить въ письмахъ Петрарки. Куда послѣ

того дѣлалъ Леонтий, мы не знаемъ; онъ могъ быть у Петрарки въ Венеции ранѣе, чѣмъ лѣтомъ 1363 года видѣлся тамъ съ Боккаччо; Петрарка жилъ въ Венеции съ сентября 1362 года (Sen I. 7); его письма доскажутъ намъ судьбу Леонтия и гомеровскаго перевода.

Петрарка разгадалъ Леонтия, очевидно, послѣ продолжительнаго съ нимъ общенія; его характеристика подтверждаетъ портретъ угюмаго, непокладистаго солунца у Боккаччо, но она ярче, жизненнѣе; забыты реторическая похвала „другу Гомера“, единственному, понимающему его изъ современныхъ грековъ. Серьезнаго у меня ничего нѣтъ, а хочется поговорить съ тобою, пишетъ Петрарка Боккаччо 1-го марта 1364 года (Sen. III, 6; сл. Fracasetti. Lettere v. IV p. 98); разскажу, что изъ недавняго времени подсказываетъ мнѣ память. Нашъ Леонтий, на самомъ дѣлѣ калабриецъ (сл. Sen. XI, 9: въ наши дни были въ Калабрии люди ученыиѣше въ греческомъ языкѣ, особенно монахъ Варлаамъ и Леонъ или Леонтий; сл. выше письмо къ Гомеру); хотя выдаетъ себя за солунца, потому—ли, что греческое происхожденіе считаетъ благороднѣе итальянскаго, или, какъ мнѣ кажется, потому, что ему нравится являться иностранцемъ, грекомъ между нами, итальянцемъ между греками. И такъ вотъ этотъ Леонтий, откуда бы къ намъ ни явился, оказался большимъ дурнемъ и послѣ твоего отѣзда самъ захотѣлъ уѣхать, болѣе глухой къ моимъ просьбамъ и убѣженіямъ, чѣмъ тѣ утесы, где онъ снова хочетъ заѣсть. Ты знаешь насъ обоихъ, но не можешь себѣ представить, что большие: его ли природная инохондрия, или моя веселость; а такъ какъ душевные недуги заразительнѣе тѣлесныхъ и я опасался, какъ бы постоянное общеніе съ нимъ не сказалось и на мнѣ, я отпустилъ его, тѣмъ болѣе, что удержать его можно было не лаской и не просьбами, а развѣ какими нибудь цѣнами; даль ему на дорогу Теренцій, его комедіи очень ему нравятся, я и самъ давлюсь: что можетъ быть общаго между этимъ грекомъ-ворчуною и тѣмъ веселымъ африканцемъ? Такъ онъ и уѣхалъ въ концѣ лѣта, наговоривъ мнѣ массу мерзостей по адресу Италии и итальянцевъ. Должно быть, онъ еще не дѣхалъ, какъ я получилъ отъ него письмо, болѣе длинное и безобразное, чѣмъ его борода, въ которомъ онъ величаетъ до небесъ столь ненавистную ему Италию, а Грецию и Византію, которыхъ прежде такъ превозносилъ, хулить и порицаетъ; при этомъ просить меня вызвать его къ себѣ, и такъ заклинаетъ и страстно молитъ, какъ не молили Христа ап. Петра на Галилейскомъ морѣ. Мнѣ это смѣшило и я удивляюсь столь быстрой измѣнчивости рѣшений; или лучше не удив-

ляюсь, ибо знаю, что нѣть въ мірѣ ничего измѣнчивѣе души. которая не пустила корней въ добротѣли и мудрости. Тамъ, гдѣ этихъ корней нѣть. наука и знаніе не только не приносятъ пользы, но и положительно вредны, ибо они дѣлаютъ человѣка алчнымъ, научаютъ мѣстностямъ и путямъ. даютъ средства, горячать фантазію и, возбуждая живѣшее желаніе видѣть многое, не только не обуздываютъ духъ, отъ природы непостоянныій, но и подталкиваютъ и увлекаютъ. Ни на комъ не оказалось это такъ явственno, какъ на нашемъ Леонтии. Марморійскій левъ (*Leo*) въ лихорадкѣ не мечется такъ безнокойно и страстно по берлогѣ, какъ нашъ левъ (игра словами: *leo* и *Leontius*) по всѣмъ концамъ свѣта; не будь онъ болѣе жалокъ и несчастенъ, чѣмъ страненъ, я сказалъ бы, что въ немъ болѣе птичей, чѣмъ львиной природы. Однимъ я доволенъ, что, не повѣривъ словамъ, онъ сдался доказательствамъ факта и его каменный мозгъ нѣсколько смягчился силой опыта. Впрочемъ, я не вѣрю его постоянству, и что бы онъ ни обѣщалъ, не думаю, чтобы при его характерѣ и въ его годы можно было серьезно надѣяться на перемѣну. А теперь послушай и посмѣйся: просить онъ меня, между прочимъ, чтобы я рекомендовалъ его письменно константинопольскому императору, кото-
раго я не знаю ни лично ни по имени; но онъ желаетъ того, потому и представляетъ себя, что онъ также благосклоненъ и милостивъ, какъ римскій императоръ; точно сходство титула отождествляетъ ихъ, или потому, что греки называютъ Константинополь вторымъ Римомъ, осмѣливаясь считать его не только равнымъ древнему, но и превосходящимъ его зданіями и богатствами. Если бы это было и такъ, что я отрицаю (да простить мнѣ Создатель), то нѣть такого безсмыслен-
наго грека, который позволилъ бы себѣ сравнить ихъ по отношенію къ ихъ дѣятелямъ, великимъ своимъ мужествомъ и разною доблестью.

Подъ конецъ, дабы не безъ пользы прошла моя болтовня о вѣ-
тринномъ пріятелѣ, я попрошу у тебя одной услуги: пришли мнѣ,
какъ можно скорѣе, хотя бы переписанное твоей рукой, то мѣсто Одис-
сеи, переведенной нашимъ пріятелемъ по твоему совѣту. гдѣ поэть
описываетъ схожденіе Улисса въ адъ и мѣстности въ преддверія Эреба.
Пока сдѣтай это, и тотчасъ-же, ибо мнѣ это крайне нужно, впослѣд-
ствіи же постараися устроить такъ, чтобы всѣ произведенія Гомера
явились въ латинской одеждѣ, (переписанныя) на мой счетъ, въ моей
библиотекѣ, уже давно владѣющей ихъ греческимъ оригиналомъ. Знаю,
что возлагаю тяжелую ношу на твои плечи, обремененные своей соб-
ственной; но у меня нужда, а я слѣпо вѣрю въ твою дружбу.

Въ письмѣ къ Боккаччо отъ 10-го декабря 1365 года (Sen. V, 3; сл. Fracassetti, Lettere v. IV р. 98) Петрарка прибавляетъ въ концѣ, что не намѣренъ вызывать къ себѣ Леонтия, тѣмъ болѣе, что и его другъ того же мнѣнія: пусть поплачетсѧ тамъ, куда повело его нахальство. Ежели въ тщеславіи, непріяличномъ во всякомъ положеніи, тѣмъ болѣе при его бѣдности, онъ презиралъ прелести Флоренція, пусть насладится теперь нищенствомъ своей Византіи; онъ отвернулся надменно отъ прекрасныхъ долинъ Италии, теперь погніть до старости въ гемонійскихъ лѣсахъ и будеть пищей греческимъ червямъ, если не предпочтеть вернуться туда, гдѣ, я знаю, коли не знаешь ты, онъ прожилъ долгое время привратникомъ критскаго лабиринта. А онъ быль бы намъ крайне полезенъ въ нашихъ занятіяхъ, не будь онъ столь грубыхъ нравовъ и странныхъ обычаевъ, которые я объясняю прирожденной надменностью или желаніемъ, какое встрѣчалось у многихъ, прослыть и сдѣлаться знаменитымъ именно своюю странностью. Пусть себѣ проваливаетъ съ своими мужицкими привычками, своей бородой, плащемъ и голодомъ.

Еще до отъѣзда Петрарки въ Павію, лѣтомъ 1365 года, Боккаччо выслалъ ему въ Венецію отрывокъ перевода; между тѣмъ 20-го августа самъ онъ выѣхалъ въ Авиньонъ посланикомъ флорентійской комуны; 4-го ноября онъ быль уже на обратномъ пути, черезъ Геную во Флоренцію, откуда писаль Петраркѣ; туть отвѣтилъ ему письмомъ изъ Павіи отъ 14-го декабря 1365 года (Sen. V, 1), ласково упрекая, что онъ не завернуль къ нему; было вѣдь такъ близко, такъ хорошо было бы повидаться.

Въ заключеніи письма снова вопросъ о переводѣ Гомера: Петрарка благодаритъ Боккаччо за доставленіе требуемой выписки, и ему со-вѣстно, что его другъ положилъ на это много лишняго труда. Миѣ интересно было узнать не то, что дѣлается въ аду у грековъ, достаточно и того, что дѣлается у латинянъ (да устроить Господь, чтобы мы узнали о томъ лишь изъ описанія, а не собственнымъ опытомъ, шутить Петрарка), а разбирало любопытство, какимъ образомъ Гомеръ, рожденный въ Греціи или Азіи, и что еще чуднѣе, слѣпой, описалъ пустынныя мѣстности Италии, Эолійскіе острова. Авериское озеро и Цирцейскую гору. Но все это я надѣюсь найти въ полномъ твореніи, которое ты обѣщаешь мнѣ выслать; только я недоумѣваю: ты посыпаешь мнѣ всю Иліаду, а Одиссеи, гдѣ и находится иско-мое, только часть; или у тебя самого ея нѣть? Впрочемъ, когда вер-нусь домой, посмотрю въ чемъ дѣло, велю списать твою рукопись,

чтобъ тебя не лишить такого сокровища, а на Донато (деви Альбанцами) сержусь: пишеть мнѣ о всякомъ пустякѣ, а ничего не написалъ о томъ, что для меня крайне важно, какъ само по себѣ, такъ и по отношению къ посылавшему.

Письмо это Петрарка отправилъ вмѣстѣ съ предыдущимъ, написаннымъ четырьмя днями раньше, и третьимъ, которому прошло уже болѣе года (Sen. V, 2, 28-го августа 1364 года). Таковы были условія письменного общенія: писали съ окказіей, письма залеживались—и зачитывались по дорогѣ. Такъ случилось и на этотъ разъ: какой-то дурень выпросилъ у Петрарки для прочтенія именно его три письма къ Боккаччо, зачиталъ и отдалъ лишь тогда, когда Петрарка на него накричалъ, но истрепанный и испачканный. Петрарка направилъ ихъ къ Донату, для доставленія Боккаччо, 1 сентября 1366 года. (Sen. V, 3). Когда онъ получилъ ихъ, бѣднаго Леонтия, можетъ быть, уже не было въ живыхъ. Надѣюсь, до тебя дошли три длиннѣйшія посланія, писанныя въ разное время, но посланныя вмѣстѣ въ прошломъ году изъ Павии, пишеть Петрарка къ Боккаччо 25-го января 1367 года (Sen. VI, I). Въ Венецію я прибылъ поздно вечеромъ, а на другой день иришель напіть Донато, и мы бесѣдовали съ нимъ одинъ на одинъ, съ чувствомъ той близости, которую усиливаетъ разлука. Говорили обо всемъ, разумѣется, всего болѣе о тебѣ и о Гомерѣ, о которомъ ты пишешь, что послалъ мнѣ его; но я его не получалъ; справься, что съ нимъсталось. Это приводить мнѣ на память того, благодаря которому Гомеръ явился у насъ по латыни. Бѣдный, несчастный Леонтий! Въ былое время онъ поднималъ во мнѣ желчь, теперь же ложь позволяетъ мнѣ говорить о немъ безъ отвращенія. По свсему, онъ былъ къ намъ привязанъ, хотя онъ такъ былъ созданъ, что не умѣлъ любить ни другихъ, ни себя; родился онъ при несчастныхъ предзнаменованіяхъ, скончался при еще болѣе несчастныхъ, не испытавъ ни одного свѣтлаго дня. Припоминая его теперь, я дивлюсь, какъ въ такую печальную, мрачную душу могъ заглянуть зусть поэзіи и небесной гармоніи.—Онъ постоянно просилъ меня призвать его, каясь въ своихъ заблужденіяхъ, умоляя такъ униженно, что смирился бы всякий гнѣвный духъ; но я зналъ его непостоянство, зналъ, что въ извѣстные годы люди трудно мѣняются, опирался на конецъ на твое мнѣніе (которому я всегда желалъ бы слѣдоватъ, ибо въ тебѣ два драгоценныхъ свойства совѣтодателя: умъ и честность)—и не отвѣчалъ ему. А его тянуло къ намъ, онъ устыдился своего несправедливаго сужденія объ Италии, и расчитывая на меня,

сообразилъ, что еслибы онъ явился ко мнѣ и не званный, я бы его не прогналъ. И вотъ, не смотря на неногоду, онъ храбро сѣлъ на корабль и вышелъ въ море изъ Византіи. Приготовясь, другъ мой, выслушать иѣчто ужасное, вставляетъ Петrarка, переходя къ реторическому разказу о бурѣ, застигшей корабль уже въ виду итальянскаго берега: матросы бросались каждый за своимъ дѣломъ, одинъ Леонтій ухватился за мачту и пораженъ упавшей на нее молнией. Петrarка играетъ по этому поводу двоякимъ значеніемъ слова *malum* (*malum*, мачта, была Леонтию посѣдней невзгодой, *malum*), удивляется, что одна и та же судьба постигла Капанея, Туллія Гостила, Кара,—и Леонтия, ученаго, но темнаго человѣка, которому ни разу не улыбнулась судьба, не осѣнило своимъ вѣяніемъ довольство; вспоминаю теперь, какое облако грусти лежало постоянно на его лицѣ, и думаю, что то было предчувствіе грозившаго ему удара. Его бѣдные пожитки и засаленныя книги спаслись; посмотрю я, не найдется ли между ними Евріпидъ, Софокль и другіе, которыхъ онъ обѣщалъ поискать для меня. Тѣло его обрѣло могилу въ морѣ; такъ онъ сталъ жертвой итальянскихъ рыбъ, не греческихъ червей, какъ писалъ я тебѣ въ другомъ письмѣ.

Лишь въ 1367 году Петrarка получилъ полный переводъ Гомера; „это залогъ твоей любви, пишеть онъ Боккаччо въ концѣ одного письма, посвященнаго вопросамъ личной свободы (Sen. VI, 2); вмѣстѣ съ тѣмъ печальная память о несчастной судьбѣ его переводчика“; онъ исполнилъ довольства и радости не только меня, но и всѣхъ грековъ и латинянъ моей библіотеки.

Переводъ Леонтия сохранился (см. Hortis, Studi стр. 508 прим. 2 и отрывки, стр. 543 слѣд.); сохранился и экземпляръ Иліады, принадлежавшій Петrarку, списанный и украшенный миніатюрами у него на дому, какъ значится изъ его записи въ концѣ (Domi scriptus, Patavi coepitus, Ticini perfectus, Mediolani Illuminatus et Ligatus anno 1369), съ его собственноручными объясненіями и гlosсами, относящимися къ послѣднимъ годамъ его жизни. Такимъ же образомъ списывалась для него и Одиссея, но онъ не дожилъ до окончанія труда; его собственноручные помѣтки прекращаются на 21 страницѣ, далѣе мыняется и рука писца. Дечембріо записалъ на первомъ листѣ: „Франческо Петrarка умеръ 23-го июня 1374 года, въ то время, какъ гlosсировалъ (*dum illuminaret*) эту книгу; онъ прожилъ такимъ образомъ пять лѣтъ послѣ написанія Иліады“ (Hortis I. c. стр. 507—508 прим. 47: 543: De Nolhac I. c. стр. 347 слѣд.).

Глоссы и замѣтки Петрарка къ гомеровскимъ поэмамъ характеризуютъ его интересъ къ дѣлу, желаніе овладѣть поэзіей Гомера сквозь дословный, иногда непонятный, часто безграмотный переводъ Леоптія, котораго онъ часто зоветъ Leon, какъ и въ письмахъ. Онъ борется съ нимъ самимъ, его же оружіемъ, повѣряя переводъ, доставленный Боккачью, по немногимъ отрывкамъ первого перевода, сдѣланнаго Леонтиемъ для него самого (De Nolhac, I. c. стр. 353—354). Но онъ связываетъ незнаніемъ греческаго языка, въ которомъ профанъ; приходится довѣрять Леонтию, когда, съ развязностью невѣжи, который стыдится не отвѣтить на предложенный ему вопросъ, онъ даетъ такое напримѣръ, объясненіе къ разказу о жизни Пенелопы: будто у древнихъ грековъ былъ обычай не свататься за женщину, занятую тканьемъ, дабы не отвлекать ее другими заботами (de Nolhac, I. c. стр. 356—357 прим. 3). Только кое гдѣ онъ отмѣчалъ на поляхъ, что значение такого-то слова Леонтий не понималъ, не знать, либо не умѣть перевести (I. c., стр. 354 прим. 7), что его толкованіе непонятнѣе текста (I. c. стр. 357), что онъ ошибся (I. c. стр. 360). Петрарка переносить въ свой экземпляръ глоссы Леонтия, находившіяся въ спискѣ Боккачью, съ невѣроятными греческими этимологіями, напоминающими соотвѣтствующія въ Генеалогіяхъ боговъ (см. у De Nolhac стр. 365: elicopida: eli—traho и copos. oculus и Gen. Deor. X, 16: Cyclops отъ ciclus и copis, oculus¹); De Nolhac, стр. 49: этимологія Hercules==Gen. Deor. XIII, I, съ именемъ Леонтия и др.), но начинаетъ сомнѣваться, когда Леонтий пускается въ миоологическія и реальная объясненія, гдѣ другіе, латинскіе источники Петрарки говорили иное. Леонтий утверждалъ, напримѣръ, что Додона—городъ, Петрарка замѣчалъ: не городъ, а лѣсь, (I. c. 357); часть глоссъ посвящена такимъ археологическимъ, миоологическимъ, литературнымъ дополненіямъ и параллелямъ и аллегоризаціи миовъ, съ ссылками на Аристотеля, Халцидія, Цицерона, Ливія, Виргилія, Овидія, Беозія и др. (I. c. стр. 363 слѣд.). При склонности Петрарки—и Боккачью—къ морализаціи прочитаннаго, понятно появленіе этого элемента и въ глоссахъ; рѣчь Онейроса, принявшаго образъ Нестора, къ Агамемнону, что совѣтодателю мужей не подобаетъ покониться, вызываетъ восклицаніе: Внемлите

¹) Сл. Eustathii Comm. 56, 41 слѣд.: ἐλί· οὐε· τὰς κώπας ἔκισσοντες, ἦγουν χαυτικοὶ κούρῃ δὲ ἡ ἐλικηπτὶς τοὺς ἑραστὶ ἐφελκομένη ἢ καὶ ἡ μέλανοφθαλμὸς.... διά τὸ ἐλικοῦς, μέλανας ἐχειν τοὺς ὥπας. Сл. ibid. 120, 39; 206, 22.

этому цари, преданные сну и чревоугодію! (л. с. стр. 361—362); а въ концѣ Иліады помѣчено: уразумѣй это, читатель, и помни: ~~ж~~ло смертныхъ рукъ, начатое въ гнѣвѣ и гордынѣ, кончилось сѣтова-
ніемъ и могилой (л. с., стр. 363). Эти скорбныя замѣчанія старѣющагося поэта не мѣшали ему обращать вниманіе на литературную, поэтическую сторону памятника; онъ знаетъ цѣну переводу Леонтія, и въ первой же гlosсѣ приводить, въ его извиненіе (pro excusatione Leonis nostri qualis qualis interpretis л. с. стр. 358), известную намъ изъ письма къ Боккачо цитату Иеронима.—о непоэтичности прозаичнаго, дословнаго перевода. Большая часть его примѣчаній носить стилистический характеръ: неуклюжая фразеология Леонтія ему противна, онъ предлагаетъ въ замѣчу болѣе литературныя выраженія; но къ изученію гомеровской поэтики онъ приступаетъ съ реторическими схемами, которыя выражаются такими же гlosсами на поляхъ, какими онъ нерѣдко сопровождалъ латинскіе тексты: разказъ, сравненіе, рѣчь, вопрошеніе, отвѣтъ и т. д. (narratio, comparatio, oratio, interrogatio, brevis imprecatio, сл. De Nolhac, л. с. стр. 355 прим. 2); известное сравненіе людской судьбы съ листьями вызываетъ его восторгъ: изящное изреченіе! (elegantissima sententia: л. с. стр. 98 прим. 4). но въ гомеровскій стиль онъ не вжился: рѣчь Нестора въ концѣ XI-й пѣсни Иліады кажется ему слишкомъ пространною: болтливый, какъ старики, онъ начинаетъ длинный, довольно занудленный разказъ, едва ли соотвѣтствующій моменту (л. с. стр. 358). Что онъ вынесъ изъ Гомера. ссылки на котораго учащаются въ его послѣдніхъ произведеніяхъ,— это обновленный интересъ къ его мирамъ и героямъ, о которыхъ говорили его любимые латинскіе поэты.

Такъ съ почина Петрарки началось въ Италии то, что можно бы назвать гомеровскимъ вопросомъ XIV вѣка; Боккачо былъ въ немъ главнымъ дѣятелемъ и исполнителемъ. Вопросъ этотъ создало сплетеніе обстоятельствъ, въ которыхъ случайность играла, пожалуй, большую роль, чѣмъ естественный спросъ гуманистической эволюціи. Случайно затерялся въ 1359 году по дорогѣ, между Венециею и Авиньономъ, неотесанный грекъ, калабріецъ или солунянинъ; какъ разъ въ 1359 году Боккачо закончилъ въ чернѣ, судя по посвященію королю Гуго, свои Генеалогіи боговъ; Леонтій судить ему Гомера, и Боккачо и Петрарка восхитились пришлецомъ. Внослѣдствіи его поняли; его характеристика у Петрарки принадлежитъ къ самымъ удачнымъ въ смыслѣ психологического пониманія типа; по попытка идеализовать вѣчно печальное настроеніе Леонтія не отрицаетъ впечатлѣнія,

что знаніе не соединялось въ немъ ни съ добродѣтелью, ни съ мудростью. Это впечатлѣніе можно, кажется, обобщить, не противорѣча Петраркѣ: доблесть и мудрость на сторонѣ латинянъ, не грековъ, кичащихся своимъ культурнымъ превосходствомъ, ставящихъ Византію выше Рима, тогда какъ ихъ современное нѣвѣжество извѣстно всему миру (*Sen. V*, 6, 1367 г.). Такова точка зрѣнія первыхъ гуманистовъ: Гомеръ, но водворенный къ италійскимъ музамъ, греческая древность, но объясняющая свою, национальную, стоящую гораздо выше ея (сл. *Sen. XII*, 2, (1); *Fam. I*. 3)—вотъ что ихъ интересуетъ. Если Петрарка увѣряетъ Гомера, что не рѣшаетъ въ вопросѣ о преимуществѣ между нимъ и Виргилиемъ, то это любезность по адресу старшаго; характерна самая первѣштѣльность, и она осталась, вѣроятно, и послѣ того, какъ Гомеръ былъ прочтенъ вполнѣ. Это освѣщаетъ для настѣнѣ значеніе гомеровскаго вопроса въ XIV вѣкѣ и должно предупредить противъ крайнихъ оценокъ, когда дѣло идетъ о роли Боккаччо въ исторіи новѣйшаго эллинизма. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ, можетъ быть, самый серьезный изъ всѣхъ, отдавшихся изученію греческаго языка; увлеченіе новизной сказывалось порой ребячливо: прежде онъ цитовалъ греческія слова, теперь приводить въ оригиналѣ стихи изъ Иліады (*Gen. Deor. III*, 22 II. XIV, 214 слѣд.; *Gen. Deor. IV*. 18—II. I, 402 слѣд.) и Одиссеи (*Gen. Deor IV* 41; сл. I, 7: стихи приписанные Орфею); этого большинство его читателей не понимало и надѣялось трунили, но онъ защищался и дѣйствовалъ примиромъ и пропагандой: публичныя чтенія Леонтия начались, вѣроятно, уже въ 1359-мъ году. Его самосознаніе — первого обновителя греческихъ штудій въ Италии — поддерживается въ слѣдующемъ поколѣніи свидѣтельствомъ Манетти (*Vita di G. B.* стр. 91), но его спросъ отъ греческой древности былъ чисто вѣшнимъ, Гомеръ не обновилъ ея Генеалогій, а обогатилъ ее новыми фактами, свидѣтельствомъ древности, которой не всегда отдается предпочтеніе. Ссылки на Гомера, цитаты и не-рифразы встрѣчаются въ Генеалогіяхъ въ цѣломъ рядѣ главъ¹⁾;

¹⁾ Сл. I, 3; II, 15, 17, 30, 37; III, 22; IV, 4, 6, 14, 18, 41, 58; V, 3, 30 (bis), 31, 33, 34, 43, 44; VI, 5, 6, 8, 12, 13, 14 (ter), 16, 18, 20, 22, 24, 25, 30, 31, 33, 35—39, 41, 44, 45, 51, 52 (bis); VII, 1—3, 9, 11, 14, 18—20, 45, 46, 52—54, 63—64, VIII, 4, 8, 16; IX, 1—3, 10, 11, 19, 21, 22, 34; X, 1, 9, 14, 15, 17—23, 32, 35—37, 39, 41, 43, 44, 47, 58, 61; XI, 8, 14, 19, 21, 31—34, 39, 40; XII, 2, 12, 14, 15, 17, 33, 34, 43, 63, 70, 71; XIII, 1, 2, 11—18, 16, 20, 34, 35, 38, 39, 41, 45, 47, 53, 56—62.

•

иные ограничиваются свѣдѣніемъ съ указаниемъ на Гомера: онъ, очевидно, принадлежать послѣдней редакціи, по-леонтьевской; такъ въ V 33 читаемъ: Кааратъ былъ сынъ Юпитера и Антионы, какъ говорить Гомеръ въ Одиссеѣ; о немъ я ничего не узналъ, промѣ имени и т. п. Но другія главы были уже составлены по латинскимъ памятникамъ. Теодонцію и Паоло, и гомеровская цитата пристраивалась, какъ могла, нерѣдко за поздними свидѣтельствами, либо въ такомъ, напримѣръ, видѣ: Гомеръ въ Иліадѣ и поэзія Сенека въ трагедіи Троас говорять и т. д. (VI. 25), или: Сервій и Горацій говорятъ, что Орионъ былъ пораженъ стрѣлами Діаны; это подтверждаетъ и Гомеръ въ Одиссеѣ (XI, 19) и т. п. Боккаччо видимо провѣрялъ ссылки на Гомера, встрѣчавшіяся въ его источникахъ, путая его текстъ съ показаніями схоластиковъ, очевидно, по соображеніямъ Леонтия, и удивляясь, что не могъ провѣрить цитату изъ Гомера у Сервія (VI, 39), тогда какъ, напримѣръ, Паоло приводить свидѣтельство Гомера, не указывая на книгу (VI, 45); къ ясному пониманію соотношеній греческой и латинской традиціи это не привело. Указывается на зависимость Виргилія отъ Гомера (X, 1), но напримѣръ въ описаніи внѣшности Сциллы (X, 9) ихъ показанія просто сопоставлены; либо противорѣчія Гомера разрѣшаются ссылкой на Лукана (XI, 14): Гомеръ называетъ Ксанеа сыномъ Зевса, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ говорить о рѣкахъ, какъ о дѣтяхъ Океана; но у Лукана Ксанеъ является потокомъ, а потоки питаются болѣе дождевой, чѣмъ почвенной влагой, вотъ почему Ксанеъ и названъ сыномъ Зевса, то-есть воздуха, изъ которого рождаются дожди! Въ иныхъ случаяхъ латинскому преданію просто отдается перевѣсь, безъ объясненія: Геба, говоритъ Теодонцій, была дочерью Юноны безъ участія отца, съ чѣмъ согласны всѣ латинскіе поэты, и хотя Гомеръ въ Одиссеѣ утверждаетъ, что она зачата отъ Зевса, я не внесъ ее въ родословную (IX, 2). Или: Агамемнона былъ сынъ Плиссеена, мальчикомъ оставшійся у Атрея; былъ онъ царемъ Микенъ и наследникомъ Тізета, какъ говорить Гомеръ по поводу скипетра Агамемнона (приводится пересказъ и. И. ст. 100 слѣд.); но такъ какъ въ стихахъ не соблюденъ порядокъ генеалогіи, я приведу ее, слѣдя латинскимъ авторамъ (XII, 15).

Ясно, что латинскіе авторы, скорѣе, готовыя генеалогії Теодонція и другихъ связывали своею цѣльностью, выработалась уже и своя система интерпретаций, почему, напримѣръ, Геба дочь одной Юноны, и Гомеръ не въ силахъ быть ее нарушить. Въ переводѣ Леонтия онъ

и не могъ увлечь своей поэзіей; Петрарка угадывалъ ее между строками или же обманывалъ себи; для Боккаччо это былъ сборникъ свѣдѣній, драгоценныхъ, но часто сбивчивыхъ и неточныхъ, ибо его учитель, цитовавшій Лицофона и Ферекида, часто не понималъ гомеровскаго текста или не умѣлъ его передать при плохомъ знаніи латинскаго языка. Боккаччо спрашивалъ его о значеніи *diáktoro*; *ἀργειφόντης*, онъ наивно переводилъ: *diactoro argifonte*; *μερόπων ἀνθρώπων* — *меропомъ hominum*; если взять въ расчетъ его этимологію въ глоссахъ Petrарки и Генеалогіяхъ (I, 4; II, 12; VII, 41; IX, 1; XIII, 1), станутъ понятны у Боккаччо и смышеніе гомеровской *Ἄτη* съ *Littigium* (I, 3), и дословный переводъ въ VII, 1: *Θεῶν γένεσιν=deorum natio-*пем (объ Океанъ, родоначальникъ боговъ). Боккаччо вѣрилъ всему этому безусловно, его собственный знанія языка были слишкомъ недостаточны, чтобы ему самому стать судьей „ученаго грека“; но когда дѣло шло о его толкованіяхъ миѳа, нерѣдко рѣшиительныхъ въ своей голословности (V 48: *paucis absolvit*), онъ неисчерпаемыхъ розказияхъ Леонтия, который приходилось записывать на карточкахъ (XV 6; сл. II, *graecus homo et talium abundantissimus*), Боккаччо, подобно Петраркѣ, чувствовалъ почву подъ ногами: здѣсь онъ начитанъ, и его опытность толкователя даетъ ему право на критерій. Онъ вносить въ свой трудъ разказы, объясненія, этимологія Леонтия ¹⁾), но часто

¹⁾ I, 4, 13; II, (сл. V, 1), 3, 4, 7, 9, 11, 12, 31, 36, 65; III, 20; IV, 14, 18, 19, 42, 46, 59, 66, 67; V, 1, 12, 16, 24, 33, 41, 44, 48, 50, 51; VI, 4, 7, 24, 53; VII, 3, 6, 16, 18, 20, 22, 36, 39, 41, VIII, 4 (р. Comm. ed. Milanesi II, 47, 83), 9, 13, 16; IX, 1; X, 3, 4, 9, 32, 33, 44, 58, 61; XI, 7, 11, 40; XII, 10—12, 17, 43, 45, 48, 49, 51, 52 (Comm. I. с. I, 467—468); XIII, 1, 15, 16, 31—54; XIV, 8 (Comm. I. с. I, 394); X, 6, 7. Сл. въ Comm. I. с. I, 319 слѣд., со словъ Леонтия, біографію Гомера по Каллимаху, съ тѣми-же перечнями городовъ, что и въ Генеалогіяхъ XIV, 19. Грамматику Каллистрата привисываются критическая работы по гомеровскому тексту и *Σόδα*:хта, въ которыхъ сообщались, между прочимъ, разныя черты изъ біографій древнихъ поэтовъ (сл. *Susemihl Gesch. d. griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit*, I, 449—450). Въ разнотеніяхъ къ тексту Таціана и въ выпискѣ изъ него у Евсевія вмѣсто Каллистрата стоятъ Каллимахи. Не это-ли Каллимахъ Леонтия? Резумѣетъ Боккаччо могъ обработать его дактиль при помощи другихъ источниковъ; многое у него напоминаетъ стиль среднечѣковыхъ *Vitae philosorbiæ*, привнесенныхъ между прочимъ королю Роберту. Изъ Гомеровскихъ біографій у *Westermann'a* (*Vitatum scriptores, graeci & hispani*) одна (Прѣхлоду пері Орѣхро) объясняется загадочное свѣдѣніе у Боккаччо: обѣ одномъ труда Гомера, *chiamato Egam* (*Westermann* I. с. 27: Аїца); другая (стр. 45) приурочивается, согласно съ Боккаччо, къ кончинѣ Гомера, старый и некогда загадку о ловцахъ не искавшихъ, что ловили (рыбу), и словившихъ, что не искали (нечистъ).

выражаетъ свое несогласіе съ нимъ (II. 37; VI. 53; XII. 17; XIII. 31), колеблется (II. 9, 11); миѳ о заговорѣ боговъ, задумавшихъ наложить цѣпи на спящаго Зевса, котораго предупредила о томъ Фемида, этотъ миѳ Леонтій толковалъ хаотической борьбой высшихъ и низшихъ стихій, замиренной—влагой; и многое другое онъ еще говорилъ, достойное болѣе смѣха, чѣмъ памятованія (*plura ridenda potius quam scribenda* IV 18).

Приведенное толкованіе Леонтія не даетъ полнаго понятія о его пониманіи миѳа. Въ большинствѣ случаевъ онъ евгемеристъ: первый Юпитеръ, напримѣръ, былъ благородный мужъ изъ Аркадіи, по имени Лизанія, и лишь аѳинянине, которыхъ онъ научилъ законамъ и нравамъ, сдѣлали его царемъ и прозвали богомъ Зевсомъ (II. 2; сл. V 1). Но Леонтій допускаетъ и натуралистическую экзегезу (XI. 7), являясь рационалистомъ (VI. 1, объ Аантігонѣ) и морализуя по поводу миѳа о нимфѣ Меранѣ (II. 31). У него есть особый разказъ о Сциллѣ (X. 9), о смерти Уллеса (XI. 40) и, по Лиофрону, о невѣрности Пенелопы; но здѣсь Боккаччо протестуетъ, какъ протестовалъ въ *De claris Mulieribus*: не повѣрю я тому, кто запятнаетъ честь Пенелопы, прославленную столькими и столь достойными писателями, чтобы ни злословить Лиофронъ (V 44; сл. X. 59; XII. 68. Сл. Eustath. Comit. 1435).

Сообщенія Леонтія и откровенія Гомера были послѣдними вкладами въ Генеологію боговъ. Ихъ системы они неизмѣнили: ученость Леонтія не выходила за уровень Теодонція, Паоло, Варлаама, гомировскіе факты укладывались въ готовую работу. Намъ остается оцѣнить ея критическіе пріемы.

IV.

Боккаччо хочетъ дать намъ генеалогію боговъ; ея планъ предусмотрѣнъ въ нѣсколькихъ строкахъ біографіи Данте: древніе чествовали въ началѣ единое божество, распавшееся впослѣдствіи на множество боговъ, олицетворившихъ силы природы; позже явились боги—обоготверенные люди. Наполнить этотъ планъ помогли древніе генеологические перечни, которые, гдѣ можно, повѣряются по подлинникамъ; обильныя цитаты изъ самыхъ разнообразныхъ авторовъ, особенно латинскихъ поэтовъ, приводятся подъ рядъ, стихи нерѣдко цѣликомъ, но въ ихъ обоюдной оцѣнкѣ желаніе соглашенія преобладаетъ надъ элиминацией, чутье къ различному качеству источниковъ и ихъ генеологическимъ отношеніямъ отзываются понятной слабостью,

какъ нерѣдко и пониманіе текстовъ (сл. напр. IV, 1 о Титанѣ, рожденномъ *quinta luna* съ Virg. *Georg.* I 277 слѣд., гдѣ вмѣсто *luna* слѣдуетъ разумѣть *dies*), ошибки которыхъ принимаются на вѣру (сл. *Citheonius*, сынъ Тибра VII, 51, изъ Virg. *Aen.* X, 198: *clet Oenus; Orna* III, 13 изъ *Omphale*, Ovid. *Met.* V, 539; сл. еще IV 11, 21 и Cic. *De Nat. Deor.* III, 19, 48: *patre matricida* изъ *patrē, matre Idyta*; гл. IV, 13 обѣ Аристеѣ съ *Justin.* I. XIII, с. 7; XI, 42 съ Ovid. *Fast* IV 72: *stabant agricolae* см. *argolicæ*) и серьезно толкуются. Намъ внушаютъ недовѣrie къ Папію, ибо Боккачью часто уличають его въ разногласіи съ истиной (V, 20), но онъ же цитируетъ Ансельма и Гервасія, авторовъ хотя новыхъ, но серьезныхъ (поп та-*men parvae sunt gravitatis* XII, 22), а въ вопросѣ о томъ, чей сынъ былъ Латинъ, отдаетъ преимущество мнѣнію Виргилія—ибо его держатся все (см. *universalis fama Virgilio faveat* VIII, 17; гл. VII, 51). Онъ готовъ согласиться съ Плініемъ относительно реального существованія нерейдъ, но смеется надъ безмозглыми бабами и невѣжественными крестьянами, когда, не краснѣя, они разказываютъ, что сами видѣли выходившихъ изъ источниковъ красавицъ-ламій (VII, 14).—Когда источники противорѣчатъ другъ другу, онъ ограничивается ихъ сопоставленіемъ (см. напр. XII, 20 и *passim*), готовъ предположить искаженіе собственныхъ именъ (XI, 28), выходить изъ противорѣчій ироніей: Кастроръ и Поллуксъ. Елена и Клитемнѣстра—дѣти Леды отъ Тиндара или второго Юпитера? Я полагаю, что отъ Тиндара, хотя вовсе не желаю отнять у цѣломудренного бога дѣтей, которыми одарила его щедрая древность (V, 40)—а въ XI, 7 подробно сообщается мнѣніе о діоскурахъ—сыновьяхъ третьяго Юпитера!—Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о герояхъ и обоготовленныхъ людяхъ. Боккачью надѣялся найти помошь въ хронологіи; тогда онъ наводилъ справки, преимущественно у Евсевія. и миѳы и боги обѣщали распределиться въ порядкѣ времени (см. напр. II, 3, 19, 62, 63; V, 3, 12, 25, 28; XI, 8, 26; XII, 25; XIII, 56 и *passim*); но часто ни хронология, ни толкованія не помогали. и Боккачью терялся: не знаю, чому вѣрить, говорилъ онъ (II, 9; XIV 8), какъ согласить разнорѣчія (II, 55), пусть распутаютъ истину болѣе остроумные (IV, 41; гл. VII: 24; XII, 3), читатель можетъ держаться какого хочеть изъ двухъ мнѣній (XII, 2), ибо писанія погибли по ветхости и нерадѣнію (*vetustate et ignavia librariorum*), такъ что относительно многаго невозможно доискаться правды, даъ вполнѣшій произволъ измышеніемъ и всякий пишеть о древности, что придетъ

ему въ голову (V, 16). Самъ Боккаччо справлялся въ книгѣ Гермеса Трисмегиста *de Idolо* и не нашелъ того, что вычиталъ тамъ Августинъ: очевидно по моему неразумію, замѣчаетъ онъ скромно; я не рѣшусь обвинить Августина (V 21).

Между тѣмъ какъ хронология указывала, повидимому, на несомнѣстистость нѣкоторыхъ именъ, разнорѣчія одного и того-же миѳа приводили не къ ихъ критикѣ, а къ попыткѣ распределить ихъ во времени, предположеніемъ, что могло быть нѣсколько лицъ, носившихъ одно и то-же имя. Такъ поступали уже тѣ миѳологи, о которыхъ говорить Цицеронъ (*De Natura Deor.* III, 16—21—23). Такъ и у Боккаччо явились двѣ Кирки (IV. 14), три Эскулапа, какъ училъ Цицеронъ (V 19), два Сарпедона (XI, 34), два Сизифа (XIII. 56)—и далѣе, съ Цицерономъ, хотя не всегда согласно съ нимъ, ряды однотипныхъ боговъ: три Юпитера, четыре Минервы, три Купидона, четыре Иракла, шесть Меркуріевъ, но одинъ Аполлонъ, хотя Цицеронъ говорилъ о четырехъ (V 3).—Это углубило перспективу родословной, иная поколѣнія которой спускаются отъ боговъ въ міръ героевъ Гомеровскаго и Оианскаго эпосовъ, тогда какъ въ глубинѣ возсѣдаетъ, отвѣчая идеѣ Боккаччо о первоначальномъ единобожіи, таинственный Демогоргонъ, окруженный своимъ, столь-же безформеннымъ и отвлеченнымъ отродьемъ (Сл. Cic. *De Nat. Deor* III, 7: о порожденіяхъ Эреба и Нои; 18, 24. Сл. Tuscil. IV 8, 16). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе яркою плотью одѣваются боги, тѣмъ они многочисленнѣе, пока идея многобожія снова не торжествуютъ уже на почвѣ героического эпоса—въ лицѣ послѣдняго Зевса. Такова въ общихъ чертахъ миѳологическая система Боккаччо.

Въ введеніи, слѣдующемъ за посвѣтительнымъ посланіемъ къ королю Гуго, онъ ставитъ вопросъ: кого первого чтили язычники богомъ? Готовясь выйти въ великое море, онъ хочетъ знать, отъ какого берега отвязать ему свою ладью, дабы при благопріятномъ вѣтрѣ вѣрище добраться до желанной цѣли. Люди, достойные вѣры, хотя и разныхъ религіозныхъ толковъ, согласно утверждали, что богъ одинъ, только язычники заблуждались, вмѣняя созданію свойства создателя. поэты, которыхъ Аристотель зоветъ первыми богословами, называли первыми богами то, въ чёмъ они видѣли причину всѣхъ вещей, и такъ какъ миѳы были разныя, то у разныхъ народовъ явились разные и многие боги, при чёмъ каждый народъ считалъ своего бога истиннымъ и единственнымъ, отцомъ и властителемъ всѣхъ другихъ. И вотъ Боккаччо обращается съ своимъ вопросомъ къ мудрецамъ:

(см. Cic. De Nat. Deor. I, 10 слѣд.): Фалесъ говорить, что начало всему—вода, Анаксименъ, что воздухъ, Хризиппъ—огонь, Алкмеонъ (*Alcinous*) утверждаетъ, что солнце, луна, свѣтила и небо создатели сущаго; Макробій говорилъ объ одномъ солнцѣ, но Теодонцій, человѣкъ, какъ я полагаю, не новый (*non novus homo*) и тщательный исследователь подобныхъ вопросовъ (*taliū investigator praeceptorius*), указывалъ на мѣнѣе древнихъ аркадцевъ, что причиною всего была земля и прирожденный ей божественный духъ, который называли Демогоргонъ, что подтверждается ссылкой на Лактанція (*Lact. Placidi* гласы къ Stat. Theb. IV, 516: *dicit deum Daemogorgona summum, cuius possem scire non licet. Infiniti autem philosophorum, magorum, Persae etiam confirmant re vera esse, praeter hos, deos incognitos, qui in templis coluntur, alium principem et maxime deum caeterorum ordinatorem, de cuius genere sint Sol atque Luna*). Боккаччо разбираетъ мѣнїя философовъ и, приводивши стихіи къ ихъ миѳологическому выражению, воду къ Океану, Юпитера къ огню и т. д., находить въ своихъ генеалогіяхъ, что всѣ они рождены отъ кого-нибудь и имъ нѣтъ мѣста въ началѣ родословной; оно остается за Демогоргономъ, ибо Боккаччо ничего не отыскалъ у поэтовъ объ его отцѣ, но читаль о немъ, какъ о родоначальнике другихъ боговъ. Логический выводъ ясенъ, не принято лишь въ соображеніе, что у Демогоргона потому только нѣть восходящей генеалогіи, что самъ онъ продуктъ поздней философской абстракціи.

И вотъ Боккаччо спускается въ нѣдра земли, гдѣ Демогоргонъ предстаетъ передъ нимъ, въ туманахъ и иракѣ, страшный самымъ име-немъ, окутанный блесковатымъ мохомъ (*pallore quodam muscoso et neglecta humiditate amictus*), издавая острый запахъ земли (*terrestrem, tetricum foetidumque evaporans odorem*). Сознаюсь, я улыбнулся (*risi, fateor*) при видѣ того, кого древніе, по своему неразумію, считали творцомъ всего сущаго, говоритъ Боккаччо, ссылаясь на Теодонція и Лактанція, объясняя и имя Демогоргона: по латыни это означаетъ бога земли, ибо, по Лактанцію, демонъ—богъ, *Gorgon*—земля; или скорѣе: мудрость земли, такъ какъ демонъ часто означаетъ знающаго или мудрость; иные толкуютъ: страшный богъ. У него, по словамъ Теодонція, двѣ супруги: Вѣчность (*Aeternitas* I, 1) и Хаосъ (I, 2); его дѣти: Раздоръ (*Litigium* I, 3), Панъ (I, 4), Парки (I, 5), *Polus* (I, 6), *Phython* (I, 7), Земля (I, 8) и Эребъ (I, 14). То, что сообщается объ этомъ первомъ поколѣніи боговъ, идетъ отъ Теодонція, ссылающагося на поэта Пронапида въ его *Протокосмъ*. Оттуда

взята, напримѣръ, слѣдующая басня (*fabula*) о рожденіи Раздора: когда Демогоргонъ поконился въ вертепѣ Вѣчности (*in Aeternitatis antro I, 3*), услышалъ движение въ утробѣ Хaosа, почему, протянувъ руку, онъ вскрылъ утробу, вырвалъ оттуда бушевавшій Раздоръ и, увидѣвъ его безобразіе, швырнуль въ воздухъ; онъ тотчасъ-же поднялся, не будучи въ состояніи спуститься, ибо тамъ все было занято Демогоргономъ. Между тѣмъ Хаось продолжалъ мучаться въ родахъ, и Демогоргонъ извлекаетъ изъ него Пана и трехъ Парокъ; Пана онъ назначилъ правителемъ своего дома, сестеръ далъ ему въ услугеніе (о *Litigium* сл. еще IV, 54). *Polus* родился при слѣдующихъ обстоятельствахъ: сидя у воды, Демогоргонъ слѣпилъ изъ глины (ех *ex illi lato*) небольшой шарикъ, который и назвалъ Полусъ; онъ-же, гнувшись бездѣльемъ отцовскаго крова, поднялся въ воздухъ, и такъ какъ онъ былъ еще въ мягкомъ состояніи, такъ раздулся, что окружилъ собою все, созданное отцомъ. Но не было у него никакого убранства; и вотъ, когда однажды онъ присутствовалъ при работѣ отца, ковавшаго свѣтоносный шаръ (солнце: *lucis globum*), онъ спряталъ за пазуху выпавшія изъ подъ молота искры, которыми и украсилъ себя (I, 6). Подъ свѣтоноснымъ шаромъ разумѣется *Rhyton* (вѣроятно, вѣсто *Rhaethon*), другое порожденіе Демогоргона, которому, по рассказу Пронапида, надоѣла безконечная тьма, почему, взобравшись на Акрокеровскія горы, онъ оторвалъ отъ нихъ громадную огневую глыбу, округлилъ ее клещами, затѣмъ выковалъ на Кавказскихъ вершинахъ, шесть разъ окунулъ ее въ море за островомъ Танробане и столько-же повращалъ въ воздухѣ, дабы она не уменьшалась при дальнѣйшемъ врашениіи, не ржалася и могла бы двигаться быстро— и она, блестящій шаръ, тотчасъ-же взлетѣла на воздухъ. вступила въ обитель *Polus'a*, наполнивъ свѣтомъ отчій домъ (I, 7).

Все это вовсе не напоминаетъ стиль традиціонныхъ греческихъ миѳовъ и отзыается не то метафизическими, не то отречеными баснями Пронапида.

Изъ дѣтей Демогоргона только у двухъ есть потомство: у Земли (I, 9—13; между прочимъ, Ночь, Тартарь, Гама) и Эреба (I, 14—34; II, 1); послѣдній породилъ (по Цицерону) цѣлую массу отвлеченныхъ существъ, никогда не роившихся въ миѳической фантазіи народа: Любовь, Грацію, Трудъ, Зависть, Страхъ, Обманъ, Вѣдность и Гододъ, Старость, Сонъ и Смерть; Харона и День Всѣ они бесплодны; только у Ээтира (*Aether* II, 1) есть дѣти—и изъ абстракцій первой книги мы вступаемъ наконецъ въ реальную генеалогію боговъ

У Энира два сына: первый Юпитеръ и Coelius (то-есть, Уранъ). Вторая книга занята родословiemъ первого Юпитера; у него дѣти: Минерва (II, 3), Sol (II, 5), Діана (II, 6), Меркурій (II 7), Геркулесь (II, 9), Прозерпина (II, 10), Либеръ (II, 11)—всъ съ обозначениемъ „первыхъ“, въ отличие отъ позднѣйшихъ одноименныхъ; наконецъ, Эпафъ (II, 19). Генеалогія Либера первого, его сына Меркурія втораго (II, 12) и внука Купидона (II, 13) доводить насъ до Улисса (II, 11—18); отъ Эпафа и его внуковъ Эгиста (II, 27) и Агешора (II, 44) рядомъ поколѣнія мы доходимъ съ одной стороны до Деинфилы (II, 42) и Аргіи (II, 43), съ другой до Лавдакидовъ и Полицакова сына Терсандра (II, 75).

Родословie Целія-Урана, втораго сына Энира, занимаетъ III-ю книгу; изъ числа его дѣтей выдѣляются: первая Опсъ (III, 2), Фетида великая (III, 3), первая Церера (III, 4), первый Вулканъ (III, 18), Меркурій (III, 20; сл. II, 7, 12), Венера великая (III, 22), Венера вторая (III, 23); Титанъ (IV 1), Юпитеръ второй (V, 1), Океанъ (VII, 1) и Сатурнъ (VIII, 1). Разсмотрѣны лишь порожденія первой Цереры (у нея отъ сына Ахеронта III, 4 внуки: Фуріи III, 6—9, Викторія—побѣда, съ сыномъ Нопог и внучкой Maestas III 10—12, и Стиксъ съ отродьемъ адскихъ рѣкъ III, 14—17), первого Вулкана (у него сынъ Аполлонъ первый III, 19), Меркурія и второй Венеры (съ сыномъ Кунидономъ III, 24; сл. II, 13).

Четыре сына Целія-Урана съ ихъ поколѣніями выдѣлены въ особы книги: Титанъ въ IV-ую, Юпитеръ второй въ V-ую и VI-ую, Океанъ въ VII-ую, Сатурнъ въ VIII-ую.

Въ многочисленномъ родѣ Титана (IV, 1) стоять особо поколѣніе Гиперіона (IV, 2—15), Япета (IV, 28—30), Атланта съ сыновьями Эниметеемъ, Прометеемъ и др. (IV, 31—51); Астрея (IV, 52—61); у Надлене, дочери Титана, дочь Минерва (IV, 64).

Въ V-й книгѣ разсмотрѣна лишь часть родословной Юпитера втораго: первая Діана (V, 2), второй Аполлонъ съ его потомствомъ (V, 3—23), Вакхъ (V, 25), Лакедемонъ, родъ котораго доведенъ до Пенелопы (V, 36—44), Геркулесь и его порожденіе (V, 46—51), Минерва, названная второю (V, 42), хотя двѣ уже встрѣчались (II, 3, IV, 64).—VI-я книга продолжаетъ родъ Юпитера втораго въ области гернической легенды: отъ его сына Дардана (VI, 1) къ Илону (V, 5) и его брату Ассараку (сл. V, 40); родъ первого доведенъ до Пріама и его сыновей (V, 14—48), родъ втораго (V, 49—73) останавливается у преддверія римской исторіи съ Амулемъ, Нумиторомъ и Иліей.

Въ родословной Океана, наполняющей VII-ую книгу, мы встрѣчаемъ Нерея съ дочерями-нимфами (VII, 13—18, между прочимъ Фе-тидой VII, 18), и цѣлый рядъ миѳологическихъ рѣкъ: Ахелой (съ доче-рьми сиренами VII, 19—20), Инахъ (VII, 21), Пеней (VII, 27), Тибръ (VII, 50) и др.; особенно Ниль (VII, 30), среди дѣтей которого мы снова видимъ дублеты знакомыхъ именъ: Минерву (VII, 31; сл. II, 3, V, 48), Геркулеса (VII, 32; сл. II, 9, V, 46), Меркурия (VII, 34) и его одноименного сына (VII, 36; сл. выше II, 7, 12; III, 20. IV, 2), Вулкана (VII, 38; сл. III, 18), у которого сынъ Sol (VII, 40), тогда какъ другой Sol названъ сыномъ самого Океана (VII, 65; сл. II, 5; IV, 3).

Сатурнъ является въ VIII-й книгѣ съ дѣтьми: Вестой (VIII, 3; сл. III, 2), Церерой (VIII, 4; сл. III, 4), Плутономъ (VIII, 6, дочь Veneratio c. 7), Пикомъ и его родословной до Латина, Лавиніи и Пренести (VIII, 10—19).

Юнонѣ, Нептуну и третьему Юпитеру, также дѣтямъ Сатурна, отведены послѣднія книги Генеалогій: они родоначальники послѣдняго поколѣнія боговъ.

Юнона (IX, 1) родила безъ участія мужа Гебу (IX, 2) и Марса (IX, 3); изъ его потомства отмѣтимъ Купидона (IX, 4; кн. II, 13. III, 24), Партаона, генеалогія которого висходитъ до Діомеда (IX, 11—22). Флегія (IX, 25) съ сыномъ Иксіономъ и пошедшими отъ него кентаврами (IX, 27—32), наконецъ, Рема и Ромула (IX, 40—1).

Х-я книга занята мелкимъ отродьемъ Нептуна. Съ XI-й начинается потомство Юпитера третьего, и Боккаччо ставить общиі вопросъ, какимъ образомъ отъ явленія многобожія снова перешли къ понятію если не единаго бога, то отца боговъ. Юпитеръ царилъ въ началѣ или въ пору разцвѣта героического поколѣнія и языческихъ поэтовъ-богослововъ. Онъ возвышался надъ другими людьми, самъ искалъ божескихъ почестей; его имя—Юпитеръ—издавно было славно, присвоено истинному богу (*vero deo attributum*); наконецъ, онъ и жилъ на Олимпѣ, а этимъ именемъ мы обозначаемъ небо. Все это повело къ тому, что его не только называли отцемъ и властителемъ боговъ, не только перенесли на него, что разказывалось о двухъ первыхъ Зевсахъ, но, что гораздо хуже, многое, касающееся истинного Бога, и наоборотъ, истинному богу вѣнили принадлежалее Юпитеру: его прелюбодѣянія, измѣны и войны. Я знаю, что мудрые люди (*Illustres viri*) разумѣли въ такихъ миахъ не бога, а естественные акты природы, его созданія, но чтобы божественное мо-

гущество выражалось соблазнительными баснями—этого я не одобряю. Что же касается множества боговъ, то разумные люди видѣли въ нихъ лишь выраженія различныхъ свойствъ одного и того же истинного божества, дѣйствующаго какъ-бы透过其间的 слугъ, какъ то разъясняетъ Апuleй (*De dogmate Platonis*), какъ и мы говоримъ о служителяхъ господнаго правосудія (демонахъ), милосердія (ангелахъ) и о тѣхъ, во власти которыхъ находится судьба и питаніе человѣка (*alias, opportunum et victus, ut supracoelestia cognoscantur XI, 1.*)

Потомство Юпитера третьяго раздѣлилось неравномѣрно. Въ XI-й книгѣ встрѣчаемъ въ числѣ его дѣтей: Музъ (XI, 2), Венеру (XI, 4; сл. III, 22, 23) съ сыномъ Амуромъ (XI, 5; гл. I, 15), Прозерпину (XI, 6; сл. II, 10), Кастора и Поллукса (XI, 7), Елену и Клитемнестру (XI, 8—9), Луцифера (XI, 15), Ориона (XI, 19), Миноса (XI, 26), Сарпедона (XI, 34), Радаманта (XI, 36).—Въ XII-ю книгу отнесены другіе его сыновья: Танталъ съ его родомъ, до Ореста (XII, 1—23), Діонисъ (XII, 24); затѣмъ: Персей, Аонъ, Эакъ, Пилумъ, Меркурій (XII, 62; сл. II, 7, 12; III, 20; IV, 20; VII, 34, 36; у него сынъ Ианъ XII, 69, сл. I, 4) и Булканъ (XII, 70; сл. III, 18, VII, 38), каждый съ своимъ потомствомъ. — Иракломъ и Эоломъ и ихъ родами наполнена XIII-я книга и кончается потомство третьяго Зевса. Я могъ-бы присоединить къ нему и еще двухъ предполагаемыхъ сыновъ Зевса, говорить Боккаччо въ послѣдней (71-й) главѣ: Александра Македонскаго и Сципиона Африканскаго, но такъ какъ въ ихъ времія уже вышелъ изъ употребленія неразумный обычай—величать имениныхъ людей, возводя ихъ къ отродью боговъ, и настали вѣка, когда слава добывалась доблестью, мнѣ казалось, что было бы смѣшно прославить ихъ такимъ образомъ. Къ тому же честолюбивые вымыслы, придуманные или только молчаливо допущенные, не легко возбуждаютъ довѣrie (*non satis juste conceditur*). Александръ попустилъ разказывать, что Зевсъ, подъ видомъ змѣи, смыкался съ его матерью: моловой обѣ ея цѣломудрія онъ пожертвовалъ изъ желанія прослыть сыномъ бога; что за пустое, презрѣнное стремленіе къ славѣ! Вотъ почему мы устранимъ его по праву, дабы онъ не пользовался плодами обмана, когда могъ вызвать хвалы своею доблестю (*qui virtutis poterat laudari*). И о Сципионѣ рассказывали въ народѣ, что онъ сынъ Зевса, но какъ-человѣкъ мудрый, онъ никогда не утверждалъ этого, хотя и не отрицалъ; и такъ какъ, казалось, онъ самъ молчаливо устранилъ отъ себя эту пустую честь, умолчу о ней и я, положивъ конецъ отродью Зевса, а вмѣсть и этой книжицѣ.

Пересказывая фактически содержание Генеалогий боговъ, я имѣлъ главнымъ образомъ ввиду выяснить распорядокъ ихъ материала; самъ по себѣ онъ указываетъ на приемы автора, на преобладаніе компилиативно-собирательного элемента надъ критицизмомъ — при желаніи критики. Мы особенно подчеркнули серію одноименныхъ боговъ, по которымъ располагаются ихъ главные роды, и на повтореніе однихъ и тѣхъ же именъ въ разныхъ генеалогіяхъ. Бокаччо видимо старается разобраться во множествѣ созвучныхъ именъ и образовъ, распредѣляя между ними символические атрибуты и успокаивается на этомъ, нерѣдко субъективномъ распределеніи. У Цицерона и Теодонція онъ прочелъ о Купидонѣ, сынѣ Меркурія и первой Діаны; это былъ, вѣроятно, красивый юноша, оттого на него и перенесли имя Купидона, сына Венеры, и изображали крылатымъ, потому что онъ былъ быстръ на бѣгу (II, 15). Поищемъ настоящаго Купидона: такъ звался сынъ второй Венеры, рожденный ею безъ мужа, какъ утверждаетъ поэтъ Симонидъ въ Сервій, „но такъ какъ о немъ придется разказать многое въ другомъ мѣстѣ, я ограничусь здѣсь его упоминаніемъ“ (III, 24); о немъ подробно говорится въ IX, 4, — но какъ о сынѣ Венеры и Марса. Или обратимся ко многимъ Меркуріямъ Генеалогій: первый — сынъ первого Юпитера и Нимфы Слене, какъ училъ Леонтій; его характеристика и символика у латинскихъ поэтовъ приводить къ заключенію, что имѣется въ виду — планета Меркурій съ ея астрологическими свойствами. Шляпа Меркурія указываетъ, напримѣръ, на планету, почти всегда скрывающуюся въ лучахъ солнца, на настроение человѣка, подверженного влиянию свѣтила: онъ хитро скрываетъ свои замыслы. Меркурій своимъ кадуцеемъ выводить души изъ Орка: планета вліяетъ на зародышъ въ утробѣ матери, именно въ шестомъ мѣсяцѣ, когда въ зародышъ вселяется разумная душа; онъ какъ бы выводить ее изъ Орка. Меркурій владѣеть вѣтрами; холодная планета нерѣдко вызываетъ ихъ и т. д. При этомъ не обращено вниманіе на то, что въ цитатѣ Гораций Меркурій названъ внукомъ Атланта; это не отвѣчаетъ его родословной у Бокаччо; но онъ могъ бы отвѣтить намъ, что это перешло на его Меркурія такъ же, какъ его смыщеніе съ другими соименниками повело къ признанію его богомъ краснорѣчія, купцовъ и воровъ (II, 7).—Второй Меркурій (по Теодонцію и Корвіллю) — сынъ Либера и Прозерпины; по Леонтію, къ милю котораго Бокаччо склоняется, онъ прозванъ Стильбономъ за свою быстроту; человѣкъ красивый, краснорѣчивый, замѣчательно способный на всѣ ручныя подѣлки (*mannaia* орега), онъ и есть патронъ воровъ. Имя бога на него перенесено.

какъ и атрибуты другихъ Меркуріевъ (II, 12). Отъ Целія родился третій Меркурій, Гермесъ по Варлааму, которому слѣдуетъ здѣсь Боккачъю (III, 20): въ Египтѣ онъ научился ариѳметикѣ, геометріи и астрологіи, но его специальность медицина. И его прозвали Меркуріемъ и совершилось то же перенесеніе символовъ, но съ другимъ толкованіемъ, наивнымъ въ своей произвольности. Мы помнимъ, какое значение давалось шляпѣ, кадуцею, вѣтрамъ при Меркуріи — планетѣ; тѣ же атрибуты выражаютъ теперь иное содержаніе: шляпа — это покрывающее всѣхъ часъ небо съ его свѣтилами, вліяющими на здоровье больнаго, указывающими и на цѣлечибы средства; его-то особенно подобаетъ наблюдать и знать врачу; кадуцей — это жезль, символъ его знанія, авторитетъ, переданный ему изобрѣтателемъ медицины, Аполлономъ; вѣты, — это ложныя представленія больнаго, которыя врачъ устраниетъ своими доводами, либо вѣты, отъ которыхъ онъ его освобождается. Гермесъ Трисмегистъ (сынъ Нила) и его сынъ были мудрые, ученые люди, на которыхъ также перевели имя божества: это четвертый и пятый Меркуріи (VII, 34, 36). На послѣдняго перешли и знакомые намъ символы, но у него есть и своя специальность: Теодонцій говорить о немъ, что онъ удалился изъ Египта на крайній западъ, гдѣ научилъ жителей многому, касающемуся торговли, мѣръ и вѣсовъ, почему его почитали богомъ купцовъ; его атрибутъ, пѣтухъ (*gallus Illius arropit-tus cingulo*: VII, 36), обозначаетъ ихъ исключую бдительность, ибо въ это время они вычать товары, сводятъ счеты (*in componendis mercimonis et in revidendis rationibus*) и путешествуютъ; его не даромъ прозвали Трифономъ, то-есть, на всѣ руки (*conversibilem*), ибо таковъ норовъ купцовъ, что они прилагаются къ обычаямъ всякаго народа, дѣла свои устраиваютъ ловко, хитро заплетая рѣчи (I. с. *quadam astuta sermonis circuvolutione*).

Остается еще шестой Меркурій, сынъ (третьяго) Юпитера и Майи: Меркурій вульгаты (XII, 62). Теодонцій считаетъ именно его богомъ краснорѣчія: по какой причинѣ, не знаю, говоритъ Боккачъю, но полагаю, что какой-нибудь изъ Меркуріевъ почитался таковымъ, ибо по мнѣнию математиковъ (то-есть, астрологовъ) всѣ звучащіе органы нашего тѣла находятся подъ вліяніемъ планеты Меркурій. Оттого онъ и явился богомъ краснорѣчія и вѣстникомъ боговъ — я Боккачъю принимаю толковать съ этой точки зрѣнія ту самую символику, которую онъ дважды объяснялъ при Меркуріѣ — планетѣ и Меркуріѣ — богѣ врачества: шляпа — это прочный покровъ краснорѣчія.

чія противъ молниеносныхъ ударовъ зависти; кадуцей, которымъ выводятся души изъ Орка—это сила краснорѣчія, многихъ вырывавшая изъ пасти смерти; кто извлекъ изъ Орка Милона, Помилія Левата, если не слово Цицерона? Меркурій возбуждаетъ вѣтры, краснорѣчіе—страстный движенія, какъ напримѣръ, рѣчь Куріона къ Цесарю подъ Римині и т. д.

Содержаніе символа предполагается такимъ образомъ видоизмѣняющимся, двоящимся, троящимся при одномъ и томъ же образѣ—и эта точка зреїнія можетъ быть защищена принципами новѣйшей миѳологической экзегезы, потому что по мѣрѣ того, какъ развивается внутреннее содержаніе божества, и его атрибутамъ начинаютъ придавать не тотъ смыслъ, какой они имѣли ранѣе. Но чтобы заключать такимъ образомъ, необходимо, чтобы материалъ символики былъ разобранъ критически, распределенъ по времени и качествамъ источника. Этого Боккаччо не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что и его взглѣды на тождество миѳа и поэзии покойились, какъ мы видѣли, на гипотезѣ личного вымысла, а это уравнивало въ его глазахъ права древняго миѳического атрибута и, напримѣръ, описания Вѣчности у какого нибудь Клавдіана (I, 1). Такимъ образомъ его анализъ содержательного развитія символа вызванъ не органическимъ его пониманіемъ, а необходимости привести его въ соотвѣтствіе съ однимъ изъ усвоенныхъ имъ взглѣдовъ на значеніе языческихъ боговъ. Они могли быть выражениемъ какого-нибудь физического закона, созданія, принятаго за создателя, но могли быть и просто именитыми людьми, героями, изобрѣтателями, возведенными въ боги. Боккаччо колебался и приравнивалъ символъ къ той или другой возможности: Аполлону врачу приписаны, напримѣръ, лира, потому что, какъ согласіе струнъ производить мелодію, такъ правильное битіе пульсовъ— здоровье. Но Аполлонъ, можетъ быть, и солнце, въ такомъ случаѣ лира имѣть отношеніе къ мелодическому вращенію небесныхъ сферъ и т. п. (V, 3).

Толкованіе символовъ приготовило нась къ толкованію миѳовъ вообще, то-есть, къ той части Генеалогій, которой Боккаччо давалъ едва-ли не большее значеніе, чѣмъ накопленію и распределенію фактическаго материала. Онъ такъ же тщательно собиралъ и отмѣчалъ старыя и новыя объясненія миѳовъ, отъ Лактанція и Фульгенція до Паоло изъ Перуджіи и Леонтия Пилата—и самъ лускался въ экзегезу. Причудливыя фантазіи Фульгенція нерѣдко ставили и его въ тупикъ: Фульгенцій говорить не кстати (*minime opportunam verborum effundens copiam* IV, 24), по своему обыкновенію усматриваетъ

всюду превысиренній смыслъ, котораго не имѣли въ виду создатели миа (Fulgentius... more suo ex abyso conatur in aethera educere intellectum; IV 30, с. XI, 7 и XIII, 58)—но иная объясненія самого Боккаччо могли бы вызвать ту же оцѣнку. Онъ отмѣтаетъ себѣ (IV, 68) разумное мнѣніе Августина, что не во всякомъ разказанномъ событии слѣдуетъ искать смыслъ, иное прибавлено просто для разкзана, какъ и въ музыкальныхъ инструментахъ лишь струны отвѣчаютъ цѣлямъ пѣнія, не тѣ части, къ которымъ они приложены. Но именно Боккаччо стремится объяснить по возможности все; это та же склонность къ микроскопической обстоятельности, къ выписыванію мелочей, которую мы наблюдаемъ въ стилистѣ Декамерона.

Его взгляды на значеніе миа не отличаются отъ тѣхъ, на которыхъ онъ воспитался чтеніемъ другихъ толкователей. Въ Генеалогіяхъ (XV, 8) онъ говорить, слѣдя Варрону, о трехъ видахъ богословія: общественномъ (*civilis seu politica*), миеническомъ и физическомъ: это дѣление стоиковъ. Подъ общественной теологіей онъ разумѣлъ область культа, подъ миенической (или мистической) баснословные разкзаны позитовъ о богахъ, разкзаны, скрывавшіе подъ личиной миа дѣйствительныя историческія отношенія. Это область евгемеризма, къ которой стоики относились отрицательно; ихъ толкованія касались физической теологии, раскрывавшей въ миа выраженія, природныхъ явлений и разумнаго міроваго устройства. Если въ *De Claris Mulieribus* Боккаччо стоялъ на сторонѣ эвгемеризма, то въ Генеалогіяхъ Боговъ онъ является поочередно сторонникомъ то исторической, то физической экзегезы; рационалистомъ, иногда очень забавнымъ. Дочери Прета, красавицы, осмѣялись возгордиться предъ Юпакой, и богиня наказала ихъ тѣмъ, что они вообразили себя коровами; Мелампъ исцѣляетъ ихъ, очистивъ въ источникѣ, вода котораго дѣлала человѣка трезвымъ (*abstemius*). Онъ, стало быть, были просто охочи до вина и, однажды охмѣявъ, стали возноситься надъ отцемъ; гнѣвъ Юпакы—это его гнѣвъ (II, 30). Пигмаліонъ изваялъ изъ слоновой кости образъ красавицы, которую, по его просьбѣ, Венера оживила; полагаю, говорить Боккаччо, что Пигмаліонъ подозрительно отнесился къ цѣломудрію взрослыхъ дѣвушекъ, почему и выбралъ себѣ дѣвочку (*virgunculam*), блѣдную и пѣжную, какъ слоновая кость, ее онъ и воспиталъ согласно съ своимъ нравомъ (II, 49). По приказанію Юпитера Меркурій сгоняетъ стадо къ берегу, гдѣ обыкновенно рѣзвилась съ подругами Европа, которую Юпитеръ и похищаетъ, принявъ образъ быка. Меркурій—это какой-нибудь ловкій сводникъ, вы-

манившій красными словами дѣвушку изъ города на берегъ, либо купецъ, увлекшій ее на корабль обѣщаніемъ показать ей драгоцѣнныя вещи; что до Юпитера, обратившагося въ быка, то изображеніемъ бѣлого быка украшенье былъ его корабль, про то знаютъ и полуумныя старухи (*Jam apud deliras aniculas vulgatum II 62; сл. De Clar. Mul. с. 9.*) Семела — беременная женщина, убитая молвіей (*II, 74*); Лаомедонть не вернулъ денегъ, взятыхъ имъ залмообразно на построеніе стѣнъ и назначенныхъ на требы Нептуна и Аполлону, а такъ какъ затѣмъ случилось наводненіе и морь, которые насылаются этими богами, то и стали разказывать, что они сами работали надъ возведеніемъ стѣнъ и, обсчитанные Лаомедонтомъ, наказали его такимъ образомъ (*VI, 6*).

Въ другихъ случаяхъ натуръ-философскому объясненію отдается предпочтеніе передъ историческимъ рационализмомъ. Мы уже знаемъ, что подъ Меркуріемъ первымъ разумѣется планета; то же толкованіе допускается и для Амура (*XI, 5*) и для Ориона (*XI, 19*). Въ миѳѣ о Тифеѣ, на котораго Зевсъ обрушилъ Сицилію, раскрываются причины землетрасеній; пень Мелеагра объясняется (согласно съ Паоломъ изъ Перуджія *IX, 19*), какъ жизненная влага (*IX, 15*); мальчикъ Гіацинтъ, любимый Аполлономъ-солнцемъ, убитый Бореемъ — цвѣтокъ этого имени (*IV, 58*). Въ миѳѣ обѣ Іо объясненіе выходитъ изъ области физического процесса къ правоученію: Зевсъ — солнце возлюбилъ дочь рѣки Инаха, то-есть, жизненную влагу человѣческаго сѣмени; дабы воздѣйствовать на нее, онъ окружилъ ее мракомъ, чтобы отвести глаза Юнонѣ и, когда та разсѣяла его, обратилъ Іо въ корову: мракъ — утроба матери, откуда Юнона, помощница при родахъ, выводить на свѣтъ ея плодъ. Далѣе Боккаччо допускаетъ передержку: Аргусъ, приставленный къ Іо, не къ ея сыну, толкуется, какъ многоочитый разумъ, данный въ охрану новорожденному и усыпляемый Меркуріемъ, то-есть, лукавыми побуждѣніями плоти и т. д. (*VII, 22*).

Нерѣдко миѳъ объясняется чисто виѣшней аллегоріей, игрой словъ, совпаденіемъ. О Гіадахъ, дочеряхъ Атланта, говорили, что онѣ перенесены въ созвѣздіе Тельца; сколько звѣздъ въ его головѣ, столько было и Гіадъ; перенесеніе представлена и имени совершилось случайно, въ шутку (*IV 33*). Такъ появленіе птицы у костра Мемнона подало поводъ къ разказу о его обращеніи въ птицу (*VI, 11*) и сходно толкуется превращеніе Левкотеи (*XII, 38*). Сатурна, явившагося въ Италии, назвали сыномъ неба, потому что о людяхъ замѣ-

чательныхъ или внезапно явившихся мы часто говоримъ, что они съ неба упали (VIII, 1). Горгоны, всѣхъ привлекавшія своей красотой, названы дочерьми Форка и морского чудовища (по Теодонцію), ибо о морскомъ чудовищѣ, именно китѣ (*balena*), разказываютъ люди, изслѣдовавшіе природу животныхъ, что когда онъ разбываетъ пасть, все наполняется благовоніемъ, на которое вдуть рыбы, а онъ ихъ пожираетъ, пока не насытится (X, 10). Любовники Цирцеи (она—*sheretrix famosa*) добивались ея расположенія дарами, а чтобы добыть ихъ, принуждены были пускаться на разныя грязныя дѣла; таково значение звѣриныхъ образовъ, въ которыхъ будто бы зачаровала ихъ Цирцея (IV, 14); но и теперь еще у ея горы жители слышать ревъ дикихъ звѣрей.

Можно было-бы попытаться выдѣлить изъ числа толкованій особую группу, которая должна была отвѣтить вкусамъ Боккаччо: нравственно-аллегорическую; хотя точное выдѣленіе невозможно. Толкуя, напримѣръ (I, 14), обѣ Эребѣ, который отождествляется съ Тартаромъ, адомъ и т. д., Боккаччо говорить обѣ обычномъ представлениіи мѣста мученій въ нѣдрахъ земли—но предполагаетъ, что миѳніе древнихъ мудрецовъ было иное: что тѣ страшные образы, которые Виргилій помѣщаетъ въ преддверія своего Эреба, не что иное, какъ виѣшия причины, вызывающія душевная страданія человѣка, или внутреннія причины, выражаютсѧ во виѣшихъ образахъ (сл. у третьяго ватиканскаго миѳографа —Альберика отдѣль о Плутонѣ, *Bode, Scriptores gerum mythicarum I*, стр. 176, § 5. стр. 187 § 22). Въ легендѣ о Пазифаѣ она сама—душа, управляемая разумомъ (Миносъ), по совращенія вождѣніемъ (Венерой) къ мірскимъ соблазнамъ (быкъ), которые доводятъ до скотскаго порока (Минотавръ, сл. IV, 10); Энцеладъ, ворочающійся подъ бременемъ Эты—образъ надменного, яростнаго человѣка (IV, 25); гарпіи—заботы и беспокойства, гложущія скучновъ (IV, 59); Эхо—слава (VII, 59) и т. д.

Боккаччо зачастую не ограничивается однимъ какимъ-нибудь толкованіемъ миѳа, а предлагаетъ ихъ пѣсколько, на выборъ, какъ, напримѣръ, и Альберикъ; это то-же колебание и изобилованіе, какъ при символікѣ, ибо и миѳъ можетъ имѣть то или другое значеніе. Для Боккаччо эта многозначительность аллегоріи—принципъ, о которомъ онъ предупреждаетъ съ самого начала, который разъясняетъ примѣромъ Персея, убивающаго Горгона, и побѣдоносно улетающаго. Этотъ разказъ можетъ имѣть дословный, исторический смыслъ (*historialis*), но и нравственный (*moralis*): побѣда разумнаго мужа надъ порокомъ.

и обращение къ добродѣтели; либо аллегорический: презрѣніе къ мирскому соблазнамъ и пареніе къ небу; наконецъ, аналогический: поѣда Христа надъ княземъ мира сего и его вознесеніе (I, 3).—Такія параллельныя толкованія проходять черезъ всю книгу. Семела, напримѣръ, означаетъ, какъ мы видѣли, беременную женщину—или и виноградную лозу (V, 25). Различные образы, принимаемые Протеемъ,—либо человѣческія страсти, которыя символически ими выражаются (*rei similitudinem gerentes*), либо изиѣничное, въ своей образности, журчаніе водъ (*quaes sui cursus murmure plurimas imitantur formas*), либо волхвованіе гидромантіей совершалось при ихъ теченіи (VII, 9). Цирцея запретила Уліссу касаться стада, которое пасутъ въ Сициліи нимфы Phaeusa и Salempetii, дочери Солнца и Нереи, но товарищи Улісса посагнули на него по уговорамъ Эврилоха, за что и были наказаны. Солнце и Нерея, т. е. жарь и влага, производить лѣса и пастбища, подающія стадамъ тѣнѣ и питаніе; въ этомъ смыслѣ нимфы и названы блюстительницами стада, то-есть, питаютющими растительную и чувственную душу; но разумная душа должна умѣренно пользоваться этой пищей, не поддаваться соблазнамъ чувственности (Эврилоху), иначе она подлежитъ смерти. Но можно объяснить этотъ миѳ и такъ, что когда неблагопріятная погода задержала Улісса въ Сициліи, его товарищи такъ предались яствамъ и питію и женщинамъ, что, выйдя снова въ море, пренебрегли необходимыми иѣрами и погибли. Такъ и воиновъ Аннібала изнѣжила и погубила Капуанская нѣга (IV, 6. Сл. еще IX, 37, XI, 19, 22 и passim).

Такимъ образомъ миѳы оказывались поочередно отраженіемъ исторического прошлаго, правоучительнымъ апологомъ, откровеніемъ естественныхъ законовъ. Ихъ содержаніе серьезнѣе, чѣмъ можно было бы судить по ихъ часто соблазнительной оболочкѣ; говоря по поводу Ахеронта (III, 14) о двухъ родахъ скорби (*tristitia*), Боккаччо выдѣляетъ ту, которая бываетъ вызвана внутреннимъ сознаніемъ нашей неправедности: это сознаніе и питаетъ ту добродѣтель, которая побудила язычниковъ обращаться къ своимъ богамъ, христіанамъ указываетъ путь къ вѣчному блаженству (*nam ex minus bene commissis dolere et tristari nil aliud est, quam alimenta praebere virtuti per quam in deitates suas gentiles ruere, et nos christiani in beatitudinem imus aeternam*). Язычники могли заблуждаться, но ихъ побужденіемъ была добродѣтель. Логически это возврѣніе не имѣетъ ничего общаго съ средневѣковымъ взглядомъ на языческія божества, какъ на дѣйстви-

тельная демоническая сила; этот взглядъ мы встрѣчаемъ отчасти въ эпизодахъ Дантовскаго ада; Петрарка и Боккаччо освободились отъ него на высотѣ поэтическаго синкретизма, безмножно орудовавшаго именами и легендами классическихъ боговъ для выражения христіанскихъ сущностей; въ Генеалогіяхъ мы встрѣчаемъ его снова, онъ вторгается со стороны, непослѣдовательно, въ всякой связи съ общей системой толкованія. Только что объясненъ былъ физическимъ явленіемъ миѳ о рожденіи Аполлона и Діаны, и тутъ-же говорится, что неизвѣстно по какимъ чарамъ (*nescio cujus maleficio*) демонъ долгое время пророчилъ на Делосѣ подъ именемъ Аполлона (IV, 20); въ слѣдующей главѣ (IV, 21) онъ уже названъ діаволомъ (см. еще введеніе въ V книгу); Эскуланъ привезенъ въ Римъ въ образѣ змѣи, по дѣйствію діавола (V, 19; с. VI, 6); некромантія и узнаваніе будущаго дѣло нечистыхъ духовъ (VI, 53, сл. XI, 40); Боккаччо дивится на развалины храма Самоской Юноны: сколько труда и ума положено было здѣсь — чтобы послужить діаволу (IX введеніе).

Отъ „добродѣтели“, побуждавшей язычниковъ создавать себѣ боговъ — въ смутномъ чалнѣ истиннаго бога, отъ боговъ, какъ выраженія одной и той же божественной сущности, до вѣры въ реальныхъ, враждебныхъ демоновъ существуетъ несомнѣнно логический скачокъ, который Боккаччо едва-ли сознавалъ; „добродѣтель“ подсказана была ему его любовью къ классикамъ, смутнымъ пониманіемъ эволюціи религіозной мысли, демонизмъ упрочившимся взглядомъ, боязливымъ оберегомъ своей католической репутаціи. Желаніе спасти любимую поэзію отъ напрасныхъ пареканій находило здѣсь свои границы: недаромъ онъ глумится надъ языческими божествами, постоянно напоминаетъ намъ, что онъ человѣкъ вѣрующій, читаетъ въ XV книѣ (гл. 9) символъ вѣры, и его введенія въ отдельные книги Генеалогій кончаются молитвеннымъ обращеніемъ къ трединому Богу (сл. введенія въ кн. II—XV). Въ его защите поэзіи отъ укоровъ христіанскихъ блестителей чувствуется порой какъ-бы суевѣрный страхъ: что если это такъ!

Александръ Веселовскій.

(Окончаніе сълѣдуетъ).

ПО ПОВОДУ МЕТОПОВЪ, НАЙДЕННЫХЪ ВЪ СЕЛИНУНТЪ ВЪ 1891 ГОДУ.

Въ мартѣ иѣсяцѣ 1892 года появилась моя работа „Метопы древне-греческихъ храмовъ. Изслѣдование въ области декоративной скульптуры“. Въ добавлениі къ этой работе (стр. 195 и слѣд.) я коснулся не только метопа, найденного въ 1890 г. и опубликованного въ *Monumenti antichi* (т. I, стр. 245 съ табл.), но еще и трехъ другихъ, открытыхъ въ 1891 г., въ то время еще не изданныхъ. Моя замѣчанія относительно этихъ трехъ метоповъ были сдѣланы только на основаніи краткаго извѣщенія о нихъ въ *Berliner phil. Wochenschrift* (1892, № 11, стр. 323)¹⁾. То обстоятельство, что всѣ четыре метопы выкопаны были на Селинунтскомъ акрополѣ²⁾ и что всѣ относятся къ архаическому періоду древне-греческой пластики, привело меня къ заключенію, что всѣ они служили орнаментомъ одного и того же сооруженія³⁾. Теперь съ изданіемъ находки

¹⁾ „Die Ausgrabungen, welche der Unterrichtsminister auf der Akropolis von Selinunt wieder aufnehmen liess, haben eine werthvolle Frucht getragen. Es wurden drei neue Metopen mit Reliefs gefunden, von denen die einen den Raub der Europa darstellt und Spuren von Bemalung zeigt. Nach dem Urtheil des Prof. A. Salinas, des Directors des Nationalmuseums von Palermo, der sofort eine Drahtmeldung über den Fund hierher sandte, sind diese drei sehr gut erhaltenen Metopen zu den bedeutendsten archaischen Werken der griechischen Plastik zu rechnen und bilden demnach eine werthvolle Ergänzung für die Metopensammlung, die den Hauptthrum des palermoschen Museums ausmacht“.

²⁾ Ср. статью *Patricolo* въ *Monumenti antichi* I, стр. 245, и предыдущее при-
мѣчаніе.

³⁾ Метопы древне-греческихъ храмовъ, стр. 197.—Прибавлю, возможность принадлежности всѣхъ четырехъ метоповъ къ одному храму, не исключена абсолютно: дѣло въ томъ, что вышина метопа 1890 г., отъ которого не сохранилось нижней части, повидимому, равнялась вышинѣ метопа 1891 г. (ср. *Monum. ant.*, стр. 246); правда, онъ нѣсколько шире послѣднихъ, но и эти разнятся между

1891 г.¹), обнаружилась громадная разница въ стилѣ этихъ изваяній: метопъ 1890 г. отдѣленъ отъ метоповъ 1891 г. цѣлымъ столѣтіемъ: первый принадлежитъ къ образцамъ зреаго архамизма, остальные пополняютъ число древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ памятниковъ елинскаго искусства.

Три метопа, къ описанію которыхъ мы теперь обратимся, найдены были между стѣною акрополя и развалинами театра (?), находившагося на томъ же возвышеніи²).

Метопъ, обозначенный у Салинаса буквою А, сохранился очень хорошо, оббиты только края, рельефъ же почти не поврежденъ. Мы видимъ на немъ женщину, скачущую на быкѣ вправо, она держится лѣвой рукою за правый рогъ, а правою опирается о спину животнаго; на ней надѣть длинный хитонъ съ пелериной, покрывающею ея фигуру до пояса; эта пелерина, украшенная въ нижней части зубчиками, совершенно не похожа на часто встрѣчающійся напускъ, состоящій изъ одного куска съ хитономъ; она во всякомъ случаѣ надѣвалась отдельно. Волосы женщины за ушами перевязаны лентою и спадаютъ длинными локонами на спину и правое плечо. Голова быка поставлена en face, лѣвая передняя нога поднята впередъ, правая отставлена назадъ; заднія ноги находятся въ одинаковомъ положеніи, придаваемомъ изображенію скачущихъ четырехногихъ; длинный хвостъ захлестнутъ впередъ. Подъ быкомъ видныются два дельфина, у которыхъ не достаетъ только передней части головы. Дельфины, какъ извѣстно, служатъ въ античномъ искусствѣ условнымъ обозначеніемъ воды, при чемъ весьма часто волны совершенно не показаны³). Итакъ, быкъ скачеть со своею ношою по поверх-

собою по ширинѣ. Принимая во вниманіе, что храмы А и В слишкомъ малы для такихъ метоповъ, храмъ же С великъ, остается думать, что всѣ они, какъ увидимъ ниже, относились къ храму D. Конечно, при этомъ нужно будетъ предположить, что храмъ этотъ реставрировался, при чемъ нѣкоторые изъ старыхъ метоповъ замѣнены были новыми. Не скрою, однако, что подобного рода реставраціи малоѣмѣрны.

¹) (Салинасъ, *Nuove metope archaiche selinuntine* (Mon. ant. I, стр. 957 и слѣд. съ 3 табл.).

²) Ibid., стр. 958. См. планъ въ изданіи Бенндорфа, *Die Metopen von Selinunt*, табл. XIII, рис. 6, f.

³) Ср. рис. Евсекія у Геріарда, *Auserlesene Vasenbilder XLIX*; этотъ рисунокъ по просьбѣ вновь изданъ въ *Wiener Vorlegeblätter für archäol. Uebungen* 1888, табл. VII, рис. 1а, или похищеніе Европы у Овербека, *Kunstmythologie*, атласъ, табл. VI, рис. 18 и 20.

ности воды. При такихъ данныхъ едва ли можно сомнѣваться, что въ женщинѣ слѣдуетъ видѣть Европу, а въ быкѣ Зевса, превратившагося въ это животное¹).

На метопѣ В., сохранившемся не хуже только что описаннаго, изображенъ вправо крылатый сфинксъ, ирисѣвшій на заднія лапы. У сфинкса, какъ и у Европы, волосы, собранные за ухомъ, спускаются на спину и плечи; лѣвая передняя лапа поставлена отвѣсно, правая отодвинута нѣсколько назадъ, хвостъ, забранный промежъ ногъ, виднѣется опять изъ-за правой ноги, пересѣкаетъ туловище и еще разъ завертывается, описывая такимъ образомъ вполнѣ форму латинскаго S.

Достаточно одного взгляда на отлогій профиль лицъ, большие выпуклые глаза, представленные почти en face при положеніи головы въ профиль, высоко поставленные уши (въ особенности у сфинкса), острый, выдающійся подбородокъ (въ особенности у Европы), условное изображеніе локоновъ и совершенное неумѣніе изображать складки платья, чтобы въ этихъ изваяніяхъ признать произведенія раннаго архаизма. Но если Европа и сфинксъ уже носятъ явные слѣды младенческаго искусства, то эти слѣды еще рѣзче бросаются въ глаза при взглядѣ на быка²); геральдическій сфинксъ удался значительно лучше реалистического четвероногаго животнаго. Въ особенности поражаетъ голова быка съ ея короткою, притупленною мордой, огромными, причудливо поставленными глазами, обрамленными двойнымъ ободкомъ, маленькими, пизко поставленными ушами и условнымъ изображеніемъ волосъ на лбу: волосы эти имѣютъ видъ двойнаго ряда подвитыхъ локоновъ. Крайне странное впечатлѣніе производятъ также параллельныя складки на шеѣ быка и волосы конца черезтурь длиннаго хвоста. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить особенно неудачное изваяніе правой передней ноги и дисгармонію въ положеніи переднихъ ногъ по отношенію къ заднимъ.

Можно было бы привести еще множество мелочей, но достаточно этого общаго описанія для характеристики архаичности нашихъ метоповъ.

¹) Нашъ рельефъ представляетъ собою самый древній изъ памятниковъ съ изображеніемъ Европы; вторымъ по времени долженъ считаться вазовый рисунокъ, помѣщенный у Овербека (Kunstth., атласъ, табл. VI, рис. 7).

²) Салинась преувеличиваетъ достоинство найденныхъ имъ рельефовъ, гоноря (стр. 961): „Qui insieme ad una buona composizione, ad un disegno vigoroso e franco nell' animale, abbiamo una figura umana di fini proporzioni e finalmente scolpita nella faccia“

Обратимся теперь къ техникѣ. Хотя описываемые памятники, изванные изъ бѣлого туфа, по выпуклости своей должны быть названы горельефами, они производятъ плоское впечатлѣніе, зависящее отъ трактовки поверхности фигуръ: тамъ, где фигуры пересѣкаются между собою, части, наиболѣе близкія къ зрителю, вызваны не столько выпуклостью, сколько углубленіемъ контура. Особенно ясно это, если мы посмотримъ на хвостъ, пересѣкающій задъ быка: хвостъ не выдается надъ общимъ уровнемъ рельефа животнаго, а лежитъ какъ бы въ лощинѣ, вырубленной для него на пересѣкаемой поверхности.

Плоская трактовка поверхности, знакомая намъ уже изъ древнѣйшихъ, доселѣ известныхъ метоповъ Селинунта¹), еще гораздо разительнѣе въ данныхъ рельефахъ.

Цереходимъ теперь къ третьему метопу. Онъ сохранился гораздо хуже предшествующихъ двухъ; ясно только, что изображена была борьба между человѣкомъ и четвероногимъ. Передняя часть животнаго, обращенного вправо, придавлена къ землѣ; сравнительно длинныя ноги животнаго снабжены копытами, следовательно животное не принадлежитъ къ хищнымъ звѣрямъ. Конецъ сохранившагося хвоста решаетъ вопросъ въ пользу быка. Отъ человѣка, весьма большаго сравнительно съ животнымъ, осталось очень мало. все-же изъ слѣдовъ ясно видно, что онъ опустился на правое колѣно, а лѣвая согнутая нога была выставлена впередъ. Небольшое треугольное углубленіе между спиной животнаго и фигурой человѣка, какъ мнѣ кажется, доказываетъ, что онъ обвилъ шею животнаго рукой, и при томъ, повидимому, лѣвой, такъ какъ весь верхній слой, въ которомъ должна была находиться правая рука, отломленъ. Салинасъ въ этой группѣ видитъ Иракла, укрощающаго быка (стр. 959). Мнѣ кажется, что вопросъ не решается такъ просто; во всякомъ случаѣ есть нѣкоторыя обстоятельства, которыя, повидимому, допускаютъ другое толкованіе не менѣе, если не болѣе, вѣроятное.

Дѣло въ томъ, что на всѣхъ архаическихъ памятникахъ, изображающихъ борьбу Иракла съ быкомъ. Иракль стоитъ рядомъ съ нимъ во весь ростъ или нацадаетъ на него спереди и за рога пригибаетъ къ землѣ; въ томъ и другомъ случаѣ Иракль прибѣгаетъ къ помощи веревки, которую связываетъ быка. Если эта веревка на нѣкоторыхъ рисункахъ опущена, то это обстоятельство слѣдуетъ скорѣе прини-

¹⁾ См. Метопы древне-греческихъ храмовъ, стр. 19.

сать небрежности гончара-живописца, нежели существование еще третьего типа¹⁾.

Однако точно такое же положение известно изъ памятниковъ живописи и скульптуры, но въ этихъ случаяхъ Иракль борется не съ животнымъ, а съ чудовищемъ, а именно съ тритономъ²⁾). Тритонъ, какъ известно, изображается въ видѣ змѣообразно извивающейся рыбы, къ которой приставлена верхняя часть туловища и голова человѣка. Иракль, опустившись на одно колѣно, обхватываетъ человѣческий корпусъ тритона и сжимаетъ ему грудь или хватаетъ его за обѣ руки.

Сходство Иракла въ этихъ случаяхъ съ нашимъ Иракломъ невозможно заставить думать, не представлена ли и въ настоящемъ случаѣ борьба героя съ какимъ либо мнѣческимъ существомъ. Такое существо, состоящее изъ быка, къ которому вмѣсто шеи и головы животнаго приставленъ корпусъ человѣка, мы имѣемъ. Это рѣчное божество—Ахелой.

Въ греческомъ искусствѣ распространены собственно только два типа Ахелоя: въ архаическомъ періодѣ онъ изображается совершенно аналогично кентаврамъ, съ тою разницею, что онъ состоить не изъ соединенія человѣка и коня, а изъ соединенія человѣка съ быкомъ, при чемъ человѣческая голова его слабжена однимъ или двумя громадными рогами. Начиная съ V вѣка до Р. Хр. типъ этотъ измѣняется, человѣческое туловище и руки опускаются и замѣняются шеей быка, къ которой приставляется бородатая и рогатая голова мужчины. Первый типъ известенъ изъ ряда черно-фигурныхъ вазъ³⁾, второй типъ мы встрѣчаемъ на красно-фигурныхъ сосудахъ и монетахъ⁴⁾, при томъ преимущественно изъ Сицилии. На нашемъ рельефѣ мы, конечно, можемъ ожидать лишь первый типъ.

¹⁾ Ср., впрочемъ, статью *Фуртвенглеръ „Herakles“* въ *Ausf黨rlches Lexicon d. griech. u. röm. Mythologie Romera* (стр. 2201).

²⁾ *Monumenti inediti*, III, 34; *Ἐρημεῖς ἀρχαιολογίῃ*, 1887, пл. 7, 5; тотъ же фрагментъ изданъ въ *Athenische Mittheilungen*, 1886, табл. II; *Athenische Mittheil.* 1990, табл. II. Въ живописи на вазахъ Иракль обыкновенно изображается не рядомъ съ тритономъ, какъ на памятникахъ скульптуры, а верхомъ на немъ: ср. напримѣръ, *Герардъ, Auserl. Vasenb.* CXI.

³⁾ См. *Archäol. Zeitung*, 1885, табл. 6; *Gazette archéologique*, 1875, табл. 20. Неизданные еще рисунки вазъ съ изображеніемъ Ахелоя перечислены въ статьѣ *Lehnerdt'a (Arch. Zeit.* 1885, стр. 107).

⁴⁾ Объ изображеніяхъ Ахелоя см. упомянутую статью *Фуртвенглеръ у Ромера*, стр. 2209.

При толкованіи на столько фрагментированнаго памятника необходимо коснуться еще одного вопроса: возможно ли въ данное время ожидать изображенія предлагаемой сцены? Правда, тѣ памятники, на которыхъ мы встрѣчаемъ борьбу Иракла и Ахелоя—черно-фигурныя вазы и монеты—принадлежать ко времени болѣе позднему, нежели нашъ рельефъ¹), но за то мы имѣемъ другія свидѣтельства, въ которыхъ изображеніе этого миаа приписывается эпохѣ, несомнѣнно предшествовавшей изваянію нашего памятника, а именно Павсаній, при описаніи троиа въ Амиклахъ (III, XVIII, 16), говорить: „πεποίηται καὶ ἡ πρὸς Ἀχελόφον Ἰρακλέος τάλπη“; въ другомъ мѣстѣ (VI, XIX, 12), говоря о сокровищницѣ мегарянъ въ Олимпіи, сообщаетъ слѣдующее: „Μεγαρεῖς δὲ οἱ πρὸς τῷ Ἀττικῷ θηραυρῷ τε φυλαριζόστοι καὶ ἀνάθημα ἀνέθεσαν ἐς τὸν θηραυρὸν κεδροῦ Κύδια χρυσῷ διηγνωσμένα, τὴν πρὸς Ἀχελόφον Ἰρακλέους μάχην... τὰ δὲ ἀναθήματα ἐκ παλαιοῦ σφᾶς ἔχειν εἰκός, ὅ γε ὁ Λακεδαιμόνιος Δόντος Διποίνου καὶ Σκόλλιδος μαθητῆς ἐποίησε“. Если къ этому мы еще прибавимъ, что въ томъ и другомъ случаѣ художниками упомянутыхъ памятниковъ были дориане, Селинунтъ же тоже дорическая колонія, то съ этой стороны устраивается сомнѣніе въ возможности изображенія предлагаемой мною сцены. Что касается техническаго вопроса, то-есть, возможности включенія въ данное мѣсто метопа голову быка или голову рогатаго человѣка, то при первомъ же взгляде всякий убѣдится въ возможности того и другаго. А то обстоятельство, что данная схема такъ сильно напоминаетъ борьбу съ другимъ чудовищемъ, тритономъ, и что единоборство Иракла съ Ахелоемъ обыкновенно называется τάλπη, по моему мнѣнію, говорить въ пользу предлагаемаго толкованія.

Если неясный слѣдъ указываетъ на лѣвую руку, то представляю себѣ, что этой рукой Ираклъ обхватилъ туловище Ахелоя, а правой рукой ломаетъ ему рогъ, если же слѣдъ относится къ правой руцѣ, то онъ оплѣтъ его обѣими руками, какъ и тритона.

Въ концѣ своей статьи (961) Салинасъ приводить характеристику метоповъ и указываетъ на то, что они имѣютъ сходство съ наиболѣе древними терракотами, носящими еще отпечатокъ востока. Восточное влияніе онъ готовъ признать и въ данныхъ рельефахъ и причину видеть въ сношеніяхъ съ финикианами. Наконецъ, онъ указываетъ и на то, что, по его мнѣнію, и сюжеты говорять въ пользу такой за-

¹) См. рисунки *Пракоэса* въ *Monumenta Xantiaca*, табл. IV, V. Эти рельефы изданы теперь *Брунномъ* въ *Denkmäler griech. u. gdm. Sculptur*, табл. 107.

всюмости: „весьма важно присутствие сфинкса и Иракла, божества столиц дорогое финикиянамъ; похищениe Европы также имѣть параллель на востокѣ. гдѣ почитали Астарту на быкѣ“.

Салинасъ, собственно говоря, указываетъ на родство темъ нашихъ рельефовъ съ восточными мотивами, но сходство идетъ дальше. Высоко поставленныи уши человѣческихъ фигуръ, какъ бы подвиные волосы на лбу быка и заплетенные волосы хвоста напоминаютъ восточные образцы; всего же яснѣе обнаруживаетъ эту связь сфинксы, особенно форма его крыльевъ. Но есть еще обстоятельство, которое въ решеніи вопроса важнѣе упомянутыхъ выше признаковъ: дѣло въ томъ, что восточные сфинксы, ведущіе свое начало изъ Египта, суть мужскіе сфинксы; въ греческомъ искусствѣ, напротивъ, мы видимъ женскихъ сфинксовъ. Нашъ сфинксъ по лицу своему и чрезвычайно выпуклой закругленной груди производить впечатлѣніе женщины; если же мы сравнимъ его съ архаическими сфинксами изъ Ксанеа, съ ихъ вполнѣ развитыми женскими грудями, снабженными ясно показанными сосцами, то убѣдимся, что нашъ рельефъ стоять ближе къ восточнымъ образцамъ и составляетъ какъ бы переходную ступень отъ восточныхъ сфинксовъ къ сфинксамъ египетскимъ. Итакъ, въ нашихъ рельефахъ еще чрезвычайно ясная связь съ востокомъ, что указываетъ на весьма раннее происхожденіе ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они принадлежать, какъ думаетъ и Салинасъ, къ концу VII вѣка или къ началу VI вѣка; я полагаю, что они нѣсколько древнѣе доселѣ известныхъ метоповъ храма С въ Селинунтѣ.

Размѣры нашихъ метоповъ, одинаковыхъ по высотѣ и различающихся только по ширинѣ, доказываютъ, что они, какъ замѣтилъ уже Салинасъ, принадлежать къ одному и тому же сооруженію. Это подтверждается еще тѣмъ, что они въ верхней своей части снабжены одинаковымъ орнаментомъ, а именно овами, прилегающими къ широкой фасціи.

По времени, какъ сказано, они близки къ метопамъ храма С, но они не могли принадлежать этому сооруженію, такъ какъ они значительно меньше метоповъ этого храма¹⁾.

Принимая во вниманіе, что наши рельефы послужили впослѣдствіи материаломъ для укрѣплений, возведенныхъ на акрополѣ, надо полагать, что они относились къ зданію, находившемуся на этомъ возвышеніи; съ другой стороны, врядъ ли можно думать, что на акрополѣ

¹⁾ См. у Бенндорфа, Metopen von Selinunt, стр. 39.

былъ еще храмъ, кромѣ тѣхъ четырехъ, слѣды которыхъ извѣстны давно. Даѣшь, такъ какъ къ храму С они не могутъ относиться по размѣрамъ, а храмы А и В болѣе позднія сооруженія, то остается только храмъ D¹). Этотъ храмъ нѣсколько менѣе храма С, и при томъ, какъ уже полагалъ Вемперъ, наидревнѣйшій изъ всѣхъ²). Такимъ образомъ считаю весьма вѣроятнымъ, что наши рельефы украшали нѣкогда собою фризъ дорического храма D. Прибавимъ еще, что этотъ храмъ былъ болѣе близокъ къ мѣсту нахожденія нашихъ скульптуръ³).

Можно еще сказать нѣсколько словъ о порядкѣ, въ которомъ слѣдовали наши рельефы во фризѣ. Какъ уже было упомянуто, наши метопы при одинаковой высотѣ (84 ст.) отличаются шириной. Такая же особенность подмѣчена у метоповъ храма С⁴). Тамъ оказалось, что промежутки между колоннами отъ центра къ угламъ суживаются, чѣмъ и повлекло за собою разницу въ ширинѣ метоповъ. Очевидно и храмъ, къ которому принадлежали наши метопы, весьма близкій по времени къ храму С, былъ выстроенъ въ томъ же родѣ, а слѣдовательно, плита съ Иракломъ (70 ст.) стояла на среднемъ или близкомъ къ центру мѣстѣ, а плита съ сфинксомъ была крайняя, ибо она значительно ужѣ (64 ст.); наконецъ, послѣдній рельефъ съ изображеніемъ Европы (69 ст.) помѣщался между ними, при чемъ, очевидно, находился ближе къ первому, такъ какъ разница въ размѣрахъ чрезвычайно мала.

Въ упомянутомъ выше изслѣдованіи я указалъ на то, что древнѣйшимъ по типу украшеніемъ метоповъ слѣдуетъ считать то, въ которомъ на ряду съ мифологическими существами встречаются и обыкновенные животные. Такая черта присуща метопамъ храма въ Ассосѣ; въ метопахъ храма С въ Селинунтѣ мы встрѣчаемся исключительно съ сюжетами, взятыми изъ мифологии; наконецъ, среди описанныхъ метоповъ, наряду съ подобными же сценами, мы видимъ сфинкса. Итакъ, если на основаніи этого незначительного числа метоповъ позволительно дѣлать заключеніе, то по системѣ украшенія храмъ

¹⁾ Ibid., табл. XIII, рис. 6.

²⁾ Der Stil II, стр 420.

³⁾ Почему Салинасъ заключаетъ (960), что метопы не могли служить украшеніемъ одного изъ извѣстныхъ наий храмовъ, не знаю; доводовъ онъ никакихъ не приводитъ.

⁴⁾ Бендорфъ, Metopen v. Selinunt, стр. 39.

Д (?) занимаетъ средину между ассосскимъ храмомъ и храмомъ С. Въ той же работѣ было высказано положеніе, что въ декоративной полосѣ раньше подчеркивается центръ, нежели конечные пункты, служащіе какъ бы рамкою всего ряда. Въ ряду метоповъ ассосскаго храма, какъ я старался доказать, въ двухъ центральныхъ метопахъ было по парѣ сфинксовъ, а въ только что описанномъ триглифномъ фризѣ сфинксъ занималъ угловое мѣсто (ему, вѣроятно, соотвѣтствовалъ другой на противоположномъ углу); следовательно, и въ этомъ отношеніи храмъ напѣзъ занималъ второе мѣсто въ ряду тѣхъ, метопы коихъ были украшены рельефами.

В. Мальмбергъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ПРАВА.

I.

Образование территории Литовского государства.

Литовское государство обнимало собою, кроме собственной Литвы, „самую коренную и древнейшую Русь: Киевскую, Съверскую, Волынскую, Полоцкую и Туровскую земли, то-есть, территорию *зарождения и развития всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси* (Русской Правды)¹). Институты эти строго хранились въ значеніи истинной „правды“ русскихъ земель и послѣ присоединенія ихъ къ Литвѣ, являлись въ XV и XVI столѣтіяхъ коренными основами литовскихъ земельныхъ уставовъ, судебнага, статутовъ и пр.

Въ виду несомнѣнаго, глубокаго средства институтовъ древнерусскаго и позднейшаго литовскаго права, еще въ 60-хъ годахъ, въ одной изъ первыхъ работъ по литовско-русскому праву („Русская Правда и Литовский Статутъ“), была высказана мною мысль о „настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русского права“ Дѣйствительно, послѣдняя имѣть значение исторіи права *русскаго народа*, а не государства, со всѣмъ составомъ населенія русскаго и инородческаго, и потому, какъ исторія права *всей* русской народности, она должна обнимать и исторію права такихъ частей этой народности, которые въ старое время не входили (Литовская Русь) или донынѣ не входятъ въ составъ Русского государства (Русь Галицкая и Угорская)².

¹⁾ См. М. Владимірскаю-Буданова, Помѣстья Литовск. государства, стр. 2.

²⁾ Владимірскаю-Буданова, Обзоръ ист. русск. права, I, введ., стр. IV.

Въ нашей историко-юридической литературѣ, между тѣмъ, лишь въ сравнительно недавнее время стали появляться специальная изслѣдованія по литовскому праву. Самые существенные вопросы по этой древнейшей отрасли русского права остаются доселѣ открытыми вопросами, безъ всякой научной разработки. Существующія работы по истории памятниковъ литовско-русского законодательства (Чацкаго, Даниловича, Чарнецкаго, Ясинскаго и др.) далеко не исчерпываютъ всего предмета. Лишь въ послѣднее время стали появляться изслѣдованія по истории литовско-русскихъ сословій, въ особенности крестьянскаго и городскаго (труды Антоновича, Владимірскаго Буданова, Новицкаго, Бершадскаго и др.), также по нѣкоторымъ вопросамъ права гражданскаго (новѣйшіе труды по истории литовско-русского землевладѣнія—Владимірскаго-Буданова и г-жи А. Ефименко, по истории наслѣдованія—Бершадскаго и пр.). Меньше всего затронута и разработана въ нашей историко-юридической литературѣ история государственного устройства и управления Литовской Руси. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь объ общихъ курсахъ по литовскому праву, какіе имѣются по истории восточно-русского права (Владимірскаго-Буданова, Сергеевича).

Затрудненія въ дѣлѣ научной разработки истории права Литовской Руси кроются въ самомъ свойствѣ предмета научныхъ изслѣдованій. Право Литовской Руси стоитъ на рубежѣ русскаго и западноевропейскаго права, представляетъ, особенно въ позднѣйшія эпохи своего развитія, такую пеструю амальгаму началь права русскаго, литовскаго, польскаго и нѣмецкаго, что необходимы долговременные усиленія со стороны историковъ и юристовъ для того, чтобы путемъ кропотливой, детальной разработки отдельныхъ вопросовъ можно было разобраться во всей пестротѣ и разнообразіи началь, на почвѣ которыхъ развивалось литовско-русское право. Детальная разработка его въ указанномъ направлѣніи началась лишь въ сравнительно недавнее время. Затѣмъ, если русскіе историки-юристы, за немногими исключеніями, ограничиваются въ своихъ штудіяхъ восточно-русскимъ правомъ и оставляютъ безъ вниманія памятники политico-правового быта Литовской Руси, то причину этого слѣдуетъ искать, между прочимъ, въ не совсѣмъ вѣрномъ возврѣніи на связь литовскаго права съ польскимъ и русскимъ и на ту роль, какую въ старое время играли въ литовско-русскихъ областяхъ элементы польскаго и нѣмецкаго права. Давая такимъ элементамъ по многимъ существеннымъ вопросамъ характеръ чуть ли не исключительныхъ основъ литовско-русского права,

историки мало обращали внимания на огромное значение, какое удерживали здесь, не смотря ни на какая внешняя влияния, начала древняго русского быта¹⁾.

Причина малой разработки въ русской историко-юридической литературѣ основныхъ вопросовъ, въ особенности по древнему государственному устройству Литовской Руси, заключается также въ характерѣ и направлениіи самихъ источниковъ. Официальные памятники — старыя грамоты, акты и другіе документальные источники, изданные до настоящаго времени, представляютъ богатый запасъ историческихъ данныхъ, въ огромномъ большинствѣ относящихся къ болѣе позднему времени существованія Литовско-Русского государства. Раннія эпохи его, исторіи можно изучать лишь по лѣтописямъ русскимъ, съ весьма скучнымъ, однако, запасомъ данныхъ касательно древней исторіи Литовской Руси, главнымъ же образомъ — по литовскимъ и

¹⁾ См. наше изслѣдованіе „Русск. Правда и Литовск. Статутъ“, стр. 91. Для призыва укажемъ на господствующую доселѣ въ нашей исторической литературѣ теорію „литовско-кѣменскаго феодализма“, которая доселѣ лежитъ въ основѣ изслѣдований о происхожденіи и развитіи всего политического и административного строя Литовско-Русского государства, — о происхожденіи сословій, формѣ землевладѣнія и т. д. Теорія эта, развиная еще старыми польскими историками — Чапкимъ (См. Dziѣta Tad. Czackiego, f. I, стр. 76, 287), Яромѣвичемъ (Obraz Litwy, I, 122, II, 64) и другими, признается доселѣ неоспоримою научною аксиомой лучшими нашими изслѣдователями — В. Антоновичемъ (Моногр., I, 186 — 137; О престынкахъ, 9) Незабитовскимъ („Чиншевое владѣніе“) и др. Между тѣмъ, по совершенно вѣрному замѣчанію Новицкаго, „феодальный“ оттѣновъ сословныхъ отношеній въ Литвѣ (мы прибавимъ къ отношеній поземельныхъ и административныхъ) объясняется вѣрѣ преемственнымъ развитіемъ тѣхъ бытовыхъ условій, какія существовали уже раньше во всѣхъ русскихъ земляхъ, — объясняется „параллелизмъ“ государственного устройства Руси западной и восточной, въ періодъ до болѣе тѣснаго сближенія первой изъ нихъ съ Польшию“, параллелизмъ, который „могъ возникнуть только вслѣдствіе общности происхожденія“ (Арх. Ю.

Р., ч. VII, т. I, стр. 8 — 5). Та же мысль о старомъ параллелизмѣ политico-правового быта западной и восточной Руси начинаетъ высказываться въ послѣднее время и польскими историками. (См. Яблоновскую, Ziemia Wołyńska w rokowie XVI w. Źródła dziedzowe, 1877, t. VI, стр. LXIV). О древне-русскомъ „феодализмѣ“ Червонной Руси см. Шараневича, „Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w drugiej połowie XV w.“ (1869), стр. 56 — 69. Вопросъ о формахъ землевладѣнія Литовской Руси поставленъ на строго-научную почву лишь въ новѣшее время, въ трудахъ проф. М. Ф. Владимірской-Буданова: „Помѣсты Литовск. государства“ (1889) и „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литвѣ“ (1892). Авторъ выходитъ не изъ теоріи литовско-кѣменскаго феодализма, а изъ идеи параллелизма въ развитіи нормъ права Литовской и Московской Руси.

польскимъ хроникамъ, наполненнымъ иногда совершенно вымыщленными и противорѣчавшими одно другому данными, нерѣдко съ самыми тенденціозными (польскими) направленіемъ, замѣтнымъ, напримѣръ, у Длугоша, Кояловича, Кромера, Стрыйковскаго и др.

Настоящій очеркъ служить началомъ цѣлаго ряда этюдовъ, въ которыхъ будетъ въ существенныхъ чертахъ изложена исторія литовско-руssкаго права. Для настоящаго очерка мы избрали одинъ изъ основныхъ вопросовъ по государственному устройству Литовской Руси,—вопросъ объ *образованіи территоріи Литовско-Русскаго государства* и о главнѣйшихъ *формахъ территоріальныхъ союзовъ*, изъ какихъ сложилось это государство. Въ русской и польской историко-юридической литературѣ нѣтъ ни одного специального изслѣдованія по этому вопросу; отдѣльные замѣтки и этюды разбросаны въ общихъ и специальныхъ трудахъ по исторіи Литвы и отдѣльныхъ областей, входившихъ въ составъ Литовско-Русскаго государства. Мы и намѣрены въ настоящемъ очеркѣ свести въ одно мѣсто то, что сдѣлано по нашему вопросу въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ, и по возможности проverить избранный вопросъ документальными данными по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ въ новѣйшее время.

Ближайшими и наиболѣе надежными источниками по исторіи литовско-руssкаго права служать памятники законодательные, акты административной и судебнай практики и разнаго рода частные акты—сдѣлки и пр. Заслуга изданія сборниковъ важнѣйшихъ памятниковъ литовско-руssкаго права принадлежитъ главнымъ образомъ Петербургской археографической комиссіи, также временнай комиссіи для разбора древнихъ актовъ, учрежденной при Киевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генераль-губернаторѣ, и комиссіи, учрежденной для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ. Затѣмъ, изданіе нерѣдко весьма важныхъ памятниковъ западно-руssкой юридической старинѣ принадлежитъ трудамъ отдѣльныхъ изслѣдователей русскихъ (Григоровичъ, Мухановъ, В. Антоновичъ и др.) и польскихъ (Дубинскій, Дзялынскій, Рачинскій, Нарбутъ, Даниловичъ, Прохаска и др.)¹⁾.

¹⁾ Приведемъ перечень главнѣйшихъ сборниковъ памятниковъ по исторіи литовско-руssкаго права: *P. Dubiński*, *Zbiór praw u przywilejów miast stołecznego W. X. Lit. Wilnowi nadanych* (1788). *I. Григоровичъ*, Бѣлорусск. архивъ древа. грам. (1824). *Napierski*, *Index corp. hist.-diplom. Livoniae* (1839). *Voigt*, *Codex diplom. Prussicus* (1836—53). *П. Мухановъ*, Сборникъ (1836; второе изд. 1866). *A. Тургеневъ*, *Historica Russiae monumenta* (1841); *Supplementa* (1848). (*hr. Dzialyński*) *Zbiór praw Litewskich*, od г. 1389 до г. 1529. *Tudzież gorzrawy*

Кромъ того, памятники, относящіеся къ Литовско-Русскому государ-

sejmowe o źychże prawach od č. 1544 do č. 1563 (1841). *Wojtowicz*, Opisanie Rymanic, музея (1842). Собрание древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, правосл. монастырей и церквей по разн. предметамъ. Изд. Археограф. Комм. (1843). *E. Baclynski*, Codex diplomaticus Lithuaniae (1845). Памятники, изд. Времени. Комиссіей Киевской (1845—1859). Акты, относящ. къ исторіи западн. Россіи. Изд. Археогр. Комм. (1846—1858). Собрание древн. актовъ и грамотъ городовъ Минской губ. Изд. Археогр. Комм. (1849). *Narbut*, Pomięjsze pisma historyczne, szezególnie do historii Litwy odnoszące się (1856). Грамоты, касающ. до сношенній съв.-запад. Россіи съ Ригой и Ганзейск. городами. Изд. Археогр. Комм. подъ редакціи *K. E. Напѣрскаго* (1857). Собрание государственна. и частн. актовъ, касающ. Литвы. Изд. Виленск. Комм. подъ ред. *M. Крупинича* (1858). Архивъ юго-западн. Россіи, изд. Врем. Комм. въ Киевѣ (1859—1891). *I. Daniłowski*, Skarbiec dyplomatów etc., posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów (1860—1862). Акты, относящ. къ исторіи Южной и Западн. Россіи, изд. Археогр. Комм., подъ ред. *H. И. Костомарова*, съ X т. *G. Ф. Карпова* и др. (1860—1890). Акты, изд. Виленск. Комм. (1655—1890). Документы, объясняющіе исторію зап.-руск. края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ, изд. Виленск. Комм. (1865). Сборникъ правъ, привилегій, декретовъ, листрacciй, илебисциотовъ и иныхъ документовъ, относящихся до цѣлости границъ, вольностей, прерогативъ и доходовъ г. Бѣльска. Сост. *B. Ярошинич* 1796 г. Равобр. и изд. *B. Кошелевскій* (Гродненск. Губ. Вѣд. № 39, 40, 48, 50; отд. 1866). *J. Ф. Голозапскій*, Памятники дипломатического и судебно-дѣлового языка русского изъ древнемъ Галицко-Владимирскомъ книжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ со второй половины XIV вѣка (Науков. Сборн., 1865). Археографич. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи съв.-зап. Россіи, изд. при управлении Виленск. Учебн. Округа (1867—1876). Грамоты вѣл. князей литовскихъ, собр. *B. Актомосичемъ* и *K. Кошельскимъ* и изд. при Унив. Кіевск. Изв. (1868). Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Pospolitej Polskiej, z archiwum tak zwanego Bergardynskiego we Lwowie, w skutek fundacji S. A. hr. Stadnickiego. Wydane starańem Galicyjskiego Wydziału krajowego (1866—1892). Актыовая книга, содержащая въ себѣ привилегіи, данины дворянамъ и священникамъ Пинского повѣта (добавл. къ „Ревизії пущъ и зѣфрии, переданныхъ въ бывш. вѣл. княж. Литовскому“, 1867). Русско-Ливонск. акты, собр. *K. Е. Напѣрскаго*. Изд. Археогр. Комм. (1868). Описаніе дѣлъ, хранящихъ въ архивѣ Виленск. ген.-губ., изд. подъ ред. *A. Энгеля* (1869); съ же Архивъ Виленск. ген.-губернатора (1870). *P. Гильтебрандт*, Рукописи, отдѣление Виленск. публ. библіотеки (1871). Историко-юридич. материалы, извлеч. изъ актовъ книгъ губ. Витебской и Могилевской, изд. подъ ред. *Созомова* (1871—1881). *M. Ф. Владимірскій-Буданов*, Христоматія по ист. русск. права, т. II (1878). *Sokołowski-Szczęski*, Codex epistolaris saeculi XV (Monum. medii aevi hist., 1876, т. II, отдельно—1876). Права, по которымъ судится малорос. народъ. Изд. подъ ред. *A. Ф. Кистяковскаго* (Унив. Кіевск. Изв., 1878—1879; отд. 1879). *Ф. Добрынскій*, Описаніе рукописей Виленской публич. библіотеки (1882). *C. А. Бершадскій*, Документы и регистры къ исторіи литовск. евреевъ (1882). *A. Prochaska*, Codex epistolaris Vitoldi, Magni Duc Lithuaniae, 1376—1480 (1882).

ству, содержатся въ сборникахъ польского права¹⁾. Затѣмъ, дан-

Карпогъ, Памятники дипломатическихъ сношений Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ (Сбори. Ипп. Русск. Историч. Общ., т. XXXV). *Hildebrand*, Liv.-Est.-u. Curländisches Urkundenbuch (1884). Archivum ksiąza Lubartowiców-Sanguszków w Szawucie, wyd. nakładem właściciela pod kierownictwem Z. L. Radziwiłłskiego, przy współudziale P. Skobielskiego i B. Gorczaka (1887—1890). *M. исинский*, Уставная земская грамоты Литовско-Русск. государства (Унив. Кіеск. Ізб. 1889; отд. 1889). *A. Prochaska*, Materiały archiwalne, wyjęte główne z Metryki Litewskiej od 1848 do 1807 г. (1890). Издания отдельныхъ памятниковъ—Статутовъ и пр., будуть указаны въ одномъ изъ слѣд. очерковъ—о литовскомъ законодательствѣ.

¹⁾ Укажемъ на польские сборники главнымъ образомъ съ половины прошлаго вѣка. Памятники, относящіеся къ Литовской Руси (по преимуществу договоры литовскихъ князей съ польскими королями), входятъ также въ составъ старыхъ польскихъ сборниковъ, начавшихъ издаваться съ XVI столѣтія (Сбори. *Ласкаю*, *Прымускаю*, *Гербурта Фульстымскаго*, *Сарникаю*, *Янушевскаго*, *Щербича*, *Завашкаю*, *Ладовскаго*, *Колудзкаю*, *Кожуховскаго* и другихъ); но всѣ эти памятники цѣлкомъ изданы піарами въ ихъ „Volumina legum“. Съ этого польскаго „свода законовъ“ мы и начинаяемъ перечень важнѣйшихъ польскихъ сборниковъ. *Volumina legum. Leges, statuta, constitutiones, privilegia regni Poloniae*, Mg, Duc, Lithuaniae etc. In typographia S. R. M. et Reipublicae Collegij Varsaviensis Scholarium Piarum (1732—1782; нов. изд. *Ioz. Ohrysko*, 1859—1860). X. A. K. Zeglicki, Inwentarz nowy praw statutow, kostytucji koron. u W. X. Lit. (1754). M. Gliszczyński, Compendium legum reg. Poloniae (1754). M. Dogiel, Codex diplom. reg. Poloniae et M. D. Lithuaniae (1758—1764). M. Stóski, Accessoria Statut. u konstytucye (1760, 1765). St. Bursiński, Zebranie wszystkich seymów u praw polskich (1765). A. Zamajski, Zbiór praw sądowych na mocy konstytucji 1776 (1778); вѣн. перев.—Sammlung gerichtlicher Gesetze f. d. Königr. Polen u. Gr. Herzth. Lithauen (1780). U. X. Jasinski, Zbiór konstyt. koron. (1781). X. T. Waga, Inwentarz prawa statutow, konstyt. koron. u W. X. Lit. (1782, 1789). Zbiór rezoluzy Rady Nicustajaczej (1785—1788). Fr. Piekarski, Zbiór praw polskich i W. X. Litew. (1813). I. U. Niemcewicz, Zbiór pamiątek historycznych o dawnej Polszcze (1822—1833; нов. изд. I. Bobrowicza, 1838—1842). I. W. Bandtkie, Ius polonicum (1831). M. Wissniewski, Pomniki historyj i liter. polakiéj (1837). K. Stronczyński, Wzory pism dawnych w przerisach wystawione i objaśnione (1839). M. Grabowski A. Przedziecki, Zrzódła do dziejów Polskich (1843—1844). L. Rzyszczewski i A. Muczkowski, Codex diplom. Poloniae, I—II (1847—1852); wyd. Bartoszewicza, t. III (1858). St. Górska, Acta Tomiciana (1852—1860). K. Jarochowski. Teka Gabr. junoszy Podoskiego (1854—1862). W. S. hr. de Broel-Plater, Zbiór pamiątek do dziejów polskich (1858). A. Theiner. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae (1860—1864). E. Rykaczewski, Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum, scripturarum et monumentorum quaecunque in archivo regni in arce Cracoviensi continentur, (1862). T. Lubomirski, Codex diplomaticzny księstwa Mazowieckiego (1863). Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia (1874—1882).

ныя по истории литовско-русского права содержатся въ лѣтописяхъ русскихъ, литовскихъ, прусскихъ и польскихъ, запискахъ современниковъ и пр.¹⁾.

¹⁾ *I. Daniłowicz*, *Latopisiec Litwy i kronika Ruska* (*Dziennik Wilen*, 1824; отд. 1827). Перепеч. въ журн. *Руссова „Воспоминанія“* (1832). Изд. А. Попова: Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ (Учен. Зап. II Отд. Акад. Наукъ, т. I; отд. 1854). Нов. изд. въ Поли. Собр. лѣт., т. 16. *T. Narbutt*, *Kronika Litewska*. Лѣтопись Быховска (Ромп. do dziej. Litew., 1846; нов. изд. въ Поли. собр. лѣт., т. 16). Русская лѣтопись: Лаврентьевская (1672), Ипатьевская (1871), Густынская (П. С. Л., II), Воскресенская (ib., VII—VIII) и др. Лѣт. Никоновская (1767); Супрасльская лѣт., изд. ии. М. Оболенскимъ (1836). Южно-русская лѣтопись: лѣт. Самоидца (Член. въ Общ. Ист. и Др., 1848, кн. I, годъ 2; нов. изд. 1878); лѣт. Сам. Велички (1848—1864); лѣт. Гр. Грабянки (1854); южно-русск. лѣтопись, открытъ и изд. Н. Бѣлозерскимъ (1856); Сборники лѣтописей, относящихся къ истории Южной и Западной Россіи, изд. Врем. Кіевск. Коммісіею (1888). Пруссія лѣтописи: *Scriptores rerum Prussicarum* (1861—1874). *Jahrbücher Joh. Lindenblatt's hrsgab. V Voigt* (1823). *Kronika Wiganda z Marburga*, wyd. Voigt i Raczyński (1842). Польская лѣтопись и записи современниковъ: *M. Gallus*, *Chronicon Polon.* (Изд. Пертиа, IX; A. Bielowski, *Monumenta Polon. hist.*; изд. I. W. Bandtke, 1824). *Vinc. Kadłubko*, *Res gestae principum et regum Poloniae etc.* (1824); *Ею же—Chronicon Polon.*, ed. *Przesdiecki* (1862). *Ian Dlugosz*, *Historiae Polonicae libri XII* (1615, 1711—12); *Dziejów Pol. ks. 12* (1867—1870). *Ею же Lites ac res gestae inter Polonus Ordinemque Cruciferorum etc.*, ed. *Działyński* (1855—1856). *Ian z Czarnkowa*, *Chronica Polon.* (*Sommersberg*, *Scriptores rerum Silesiacarum*, т. II). *Mathiae de Michowia* (Матвій з Мічова), *Chronica Polon.* (1519, 1521; въ сборн. *Pistorii*, Polon. Hist. Corpus, 1589, т. I). *Martin Cromer*, *De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX* (1555, 1558, 1568, 1589); перевод. Блацлавского—1611; новое изданіе—*Kronika Polska* (1857). *Ею же Polonia* (1577 и др. годы); Сборн. *Pistorii*, I; перевод. *Сырокомли—Polska* (1853). *Marcin Bielski*, *Kronika swiata* (1534 и др. год.; послѣдн. изд. *Туровскіе въ Bibl. Polska*, 1830). *Joach. Bielski*, *Kronika Polska* (1829—33; изд. въ Bibl. Polska, 1856); *Dalszy ciąg. kroniki Pol.*, wyd. I. Bielski (1851). *Michalonis Lithuaniae De moribus Tartarorum, Lithuaniae et Moschorum fragmina X* (1544, 1610—1615); извѣщенія—въ *„Respublica, s. status Reg. Poloniae“ etc.* (1627). Русск. перевод. С. Шестакова: О правахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ (Архивъ Калачова, 1855, II, и Вѣстн. Зап. Россіи, 1864, №№ 2 и 3). *St. Orzechovius* (*Orzechowski*) *Kroniki Polskie* (1805); *Annales*, ed. *Działyński* (1854); польск. перевод. *Вѣлинскаго—Dzieła w niektórych przedmiotach pisane etc.* (1826). *A. Guagnini* *Sarmatiae Europeae descriptio, seu Polonia, Lithuania, Russia etc.* (1578, 1581); *Kronika Sarmacyey Europskiey* (1611). *Ею же Res Poloniae* (1584). *Ею же Deductio et origo gentis Lithuanorum* (Polon. hist. corpus, f. II, 1582); *De Lithuaniae gentis origine et moribus* (Сборн. Elzewira, 1627). *M. Stryjkowski*, *Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi* (1582; *Zbior dziejepis. pol.*, 1766, II; нов. изд. 1846). *S. Herberstein*, *De Lithuaniae (Pistorii, Poloniae Historiae Corpus, 1589, т. I).* *B. Wapowski*, *Historia Polon.* (дополненіе къ Кромеру 1589); польск. перевод.—*Dzieje korony Polskiej i W. Ks.*

Что касается литературныхъ пособій по исторіи государственного устройства и управлениі Литовской Руси, то, какъ замѣчено выше, въ русской историко-юридической литературѣ мы не находимъ по этому вопросу ни одного специального изслѣдованія. Польские юристы точно также изучали главнымъ образомъ исторію своего роднаго права и оставили весьма мало работъ, посвященныхъ специальному изслѣдованию политico-правовой жизни Литовскаго государства. Отрывочные, далеко не полныя, свѣдѣнія по этому вопросу разбросаны отчасти въ общихъ курсахъ древняго польскаго права (Гарткноха, Залашовскаго, Ленгниха, Бандтке и др.) ¹⁾, отчасти въ отдѣльныхъ

Lit. (1845—1848). K. W. Kojałowicz, Historiae Lithuaniae partes duae (1650—1669); (Нѣм. перев. Шлецера). *Eio же* Miscellanea regum ad statum Ecclesiast. in M. D. Lith. (1650). *Eio же* Commentarius rerum in M. D. Lithuaniae per tempus rebellionis Russiae gestorum (1653). W. Le Vasseur sieur de Beauplan, Description d'Ukrainie, qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transilvanie. Ensemble leurs moeurs, facons de vivre etc. (1650, 1660); польск. перев. Нѣмичевича (1822); русск. перев. Ф. Устрилова: Описание Україны (1832). Monumenta Poloniae historica, польскія лѣтописи, изд. А. Быляскало и Краковск. Акад. (1864—1884).

¹⁾ Указанія на специальные работы по отдѣльнымъ вопросамъ будуть дѣлаться, по мѣрѣ надобности, въ послѣдующихъ очеркахъ. Теперь мы ограничимся перечисленіемъ лишь общихъ трудовъ по древнему польскому праву: Th. Zawacki, Compendii, to jest, krótkiego zebraania wszystkich a wszystkich praw, statutów y constytucji koronnych Rozdziai I królewski, II senatorski, III sądowy, IV rycerski, V wojenny, VI kieſtew koronnych (1618). T. Dresner, Institutionum juris regni Poloniae libri IV ex statutis et constitutionibus collecti (1613). M. Chwontkowski, Regni Poloniae jus publicum (1676, 1684). Ch. Hartknoch, Jus publicum Reipublicae Poloniae, Lithuaniae etc. (Respublica Polonica, 1687, 1698). M. Załaszowski, Ius publicum regni Poloniae ex statutis et constit. ejusdem Regni et M. D. Lith. collectum et additionibus ex jure civili romano, canonica, saxonica etc. historiisque illustratum (1700—1702; вт. изд. 1741—1742); третье, не оконченное, изд.—Syntagma juris universi regni Poloniae (s. l.—до 1750). G. Lengnich, Ius publicum regni Poloniae (1742—1746; втор. изд. 1765); польск. перев. Moszczeńskiego Prawo pospolite króл. Polskiego (1781; нов. изд. 1836). M. Gliśczenki, Compendium legum et constitutionum (1754). I. I. Załuski, Manuale juris publ. Poloniae (1764). X. W. Skrzetuski, Prawo polityczne narodu Polskiego (1782—84; вт. изд. 1787). Ch. Th. Steiner, Exercitationes ad juris Polon. tam publ., quam privatum (1786). Hugon X. Kołłątay, Prawo polityczne narodu Polskiego (Do st. Małachowskiego o przyszlym seymie Anonyma listów kilka, 1788, cz. IV, 2). Uwagi polityczne, anonyma pod tyt.: Prawo pol. nar. Polsk. (1791). A. Trębicki, Prawo polityczne i ciwfne korony polskiej y W. X. Lit. (1789); I. W. Bandtkie-Stężyński, Historya prawa polskiego (1850). S. Hüppé, Verfassung d. Republik Polen (1867). K. B. Hoffmann, Historya reform politycznych w dawne, Polsce (1867).

монографияхъ по исторіи Литвы и Польши. По исторіи Литвы существуетъ цѣлый рядъ работъ ученыхъ нѣмецкихъ (Шлецерь, Коцебу, Фойхтъ), польскихъ (Богушъ, Лелевель, Нарбутъ, Ярошевичъ, Юцевичъ, Крашевскій, Барташевичъ, Шайноха, Стадницкій, Смолька. Вольфъ и др.) и русскихъ (Боричевскій, Гильфердингъ, Кояловичъ, Костомаровъ, И. Бѣляевъ, В. Антоновичъ, Дацкевичъ, Барбашевъ и др.)¹⁾). Изъ польскихъ источниковъ мы укажемъ только на гла-

¹⁾) *A. L. Schröder u. L. A. Gebhardt*, Gesch. v. Littauen, Kurland' u Lieland (1875). *I. Lelewel*, Rzut oka na dawność litewskich narodów (1808). *Eto же* Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską (1839; втор. изд. 1844; третье изд. въ Polskaj drieje i rzeczyzej, m. v.); франц. перев. Е. Rykaczewskiego: Hist. d. l. Lithuaniae et d. l. Ruthenie etc. (1861). *X. Bohusz*, Rozprawa o poczatkach narodu i jzyka litewackiego (1808). *T. Narbut*, Badania starożytnosci Litewskich (Tygodn. Wileń. 1817, II, № 71 и слѣд.). *Eto же*, Dzieje starożytnego narodu Litewskiego (1835—1741). *Eto же* Pomierniki do dziejów Lit. (1846). *A. von Kotzebue*, Swidrigail. Ein Beitrag z. d. Gesch. v. Lithauen (1820); русск. перев.: Свидригайло, великий князь лит. (1835). *Voigt*, Gesch. v. Preussens (1827—1839). *P. Kepniew*, O происхождении, языке и литературѣ литовск. народовъ. (Материалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, 1827, кн. 3); нѣм. перев. р. v. Schrötter, съ примѣч. С. Е. Napierski (*Magaz. d. lit. lit. Gesellsch.* 1829, Bd. I, St. 8); польск. перев.: о Litewskiem narodzie (1827; *Dziennik Wilen.*, 1829, I). *Eto же*: Литовцы (*Журн. Мин. Вѣд.*, 1851, ч. 84); нѣм. пер. Der litthauische Volksstamm (Bull. hist.-phil. d. Ak., 1851, VIII). *Z. Onacewicz*, Panowanie Kazimierza etc. (1827). Ueber Litthauens Verhältnisse zu Polen (1831). *I. Jaroszewicz*, Uwagi nad stanem Litwy do przyjęcia wiary Chrześcijańskiej (Znicz, 1834). *Eto же*, O cywilizacji Litwy we trzech pierwszych jej Chrześcijańskich wiekach (Znicz, 1835; Biruta, 1837). *Eto же*, Obraz Litwy pod. względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII (1844—1845). *Kirkorow*. Czerty i zarysy historii i życia litowsk. naroda (1844—1845; втор. изд. 1854). *I. Borichevskij*, Свѣдѣнія о древн. литовцахъ (*Журн. Мин. Нар.*, 1844, ч. 48). *Eto же*, Извѣдованія о происхождении названія и языка литовск. народа (ib., ч. 46). *Eto же*, Otrywki z historii (ib., ч. 48). *Eto же*, Православіе и russsc. народность въ Литвѣ (1851). *Ludwik z Pokiewia* (A. L. Iuciewic), Litwa pod względem starożytn. zabytków, obyczajów i zwyczajów skreślona (1846). *I. L. Krassowski*, Litwa. Starożytnie dzieje, ustawy etc. (1847—1850). *Eto же* Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy. *Eto же*, Litwa za Witolda (1850). *Golębiowski*, Panow. Władysł. Jagiełły (1846). *K. Stadnicki*, Synowie Gedymina, Wielkiego władcy Lity (Bibl. naukowa zakładowa Ossolin. 1847; отдѣльн. изд. 1849—1858; 2-e издание первого тома, 1881). *Eto же*, Bracia Władysława-Jagiełły (1867). *Eto же*, Olgerd i Keistut (1870). *Eto же*, Koryjat Gedym. i Koryjatowicze (Rozpr. wydz. fil.-hist. Akad. Um., VII). *A. Гильфердингъ*, Литва и Жмудь (Сочин. II). Взглядъ на исторію зап. Россіи (1848). *Przedziecki*, Zycie domowe Iadwigi (1854). *K. Szajnoha*, Jadwiga i Jagiełło (1855; вт. изд., 1861); russск. пер. В. Кеневича (1880) и Чуйко (1882). *W. Syrokoma*, Wycieczki po Litwie w promienach od Wilna (1857). *I. Костомаровъ*, Русские инородцы. (*Русск. Слово*,

виѣйшіе труды по польской исторіи—Нарушевича, Лелевеля, Репеля и Каро, Балинскаго, Шмита, Шуйскаго, Бобржинскаго и другихъ¹⁾.

1860, № 5). *M. O. Колловичъ*, Люблинск. унія (1863). *Ею же*. Лекціи по исторіи зап. Россіи (1863—1865). *Ею же*. Членіи по ист. зап. Россіи (1884). Імть въ отношеніи дъ Россіи и Польшѣ (*Вѣстн. юго-зап. Росс.*, 1862, іюнь—окт.). *P. Эркертъ*, Взглядъ на исторію и энтомографію зап. губерній (1864). *Кукольники*, Историч. замѣтки о Литвѣ (1864). Историч. изслѣдованія о запад. Россіи. Напечат. по опредѣленію Археогр. Комиссіи (1865). *G. Карпова*, Исторія борьбы Московскаго государства съ Полско-Литовскимъ, 1462—1508 (*Член. въ Общ. Ист. и Др.*, 1866, кн. 3). *H. Бѣльевъ*, Очеркъ исторіи сѣв.-зап. Россіи (1867). Памятники старинъ въ западн. губерніяхъ, изд. подъ ред. *Батюшкова* (1868—1891). *M. Смирновъ*, Ягелло-Яковъ-Владиславъ и первое соединеніе. Імть съ Польшею (1868). *H. Никитскій*, Кто былъ Гедиминъ? (*Русск. Стар.*, 1871, авг.). *B. Васильевскій*, Обращеніе Гедимина въ католицизмъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1872, кн. 2). *A. Mosbach*, Roczniki Unii Lubelskiej (1872). *F. Boldt*, Die Deutschen Orden u. Lithuaniae 1370—1886 (1873). *Гр. Д. А. Толстой*, Римск. католицизмъ въ Россіи (1876). *B. Антоно维奇ъ*, Очеркъ исторіи вел. княжества Литовск. до половины XV вѣка, (1878; Монogr., I). *I. Wolff*, Ród Gedimina (1886). *St. Smolka*, Szkiece historyczne (1882). *Ею же*, Rok 1386 (1886). *Ею же*, Kiejszt i Jagiełło (1888). *Kętrzynski*, Szkiece Prus Wschodnich (Przewodn. Literacki, 1876). *H. Дашиевичъ*, Литовско-Русское государство, условія его возникновенія и причины уладка (*Учебн. Кіеўск. Ізв.*, 1884, № 5). *Ею же*, Замѣтки по исторіи Лит.-Русск. государства (1885). *Ею же*, Первая унія Литвы съ Польшой. *Ею же*, Борьба культуры и народностей въ Лит.-Русск. государствахъ (*Кіеўск. Учебн. Ізв.*, 1884, окт.). *P. Брянскій*, Исторія Литовскаго государства (1889). *Теобальдовъ*, литовско-языческія очерки. Историят. издѣл. (1890). *A. Барбашевъ*, Очерки литовско-русск. исторіи XVI вѣка. (1891). *H. Малышевскій*, Люблинскій съездъ 1569 (Памятн. русск. старинъ въ зап. губ. 1885 г., вып. VIII). *D. Иловайскій*, Послѣдній Ягеллонъ и Любл. унія (*Русск. Вѣд.*, 1888, сент.). *H. Дашиевичъ*, Любл. унія и ея послѣдствія (*Кіеўск. Учебн. Ізв.*, 1885, авг.). *A. Boniecki*, Roczet rodów w W Ks. Lit. (1887); ср. *Ateneum* 1888, III, 525. *M. Любавскій*, Област. дѣлженіе и мѣст. управление Лит.-Русск. государства во времени издания перв. літовск. статута (*Член. въ Моск. Общ. Ист. и Др.* 1892, кн. 3 и 4).

¹⁾ *Naruszewicz*, Historia Polska (1808; втор. изд. 1836). *I. Lelewel*, Dzieje Polski (1829, 1830, 1848); фр. пер. Hist. de Pologne (1844); русск. пер. Я. Ивановскаго: Краткіе очерки исторіи польского народа (1862). *Ею же*, Polska wiekow srednich (1846—1851). *Ею же*, Materiały do dziejów polskich (1847); Сборникъ Polska, dzieje i Rzeczy jej. *Röpell* u. *Caro*, Gesch. Polens (1840—1869). *A. Grabowski*, Starozytności historyczne Polskie (1840). *W. A. Maciejowski*, Polska až do pierwszej połowy XVII w. (1842). *Ею же*, Pierwotne dzieje Polski i Litwy (1846). *Marassewski*, Dzieje Rzeczy Pospolitej Polskiej (1842—1855). *Ею же*, Starozytności Polskie. *M. Baliński* i *T. Lepiński*, Starożytna Polska (1843—1846; второе изд. Ф. Мартыновскаго, 1885—1888). *M. Baliński*, Studye historyczne (1856). *H. Schmitt*, Rys dziejów narodu Polskiego (1855—1857); русск. пер. Ю. Шреера—Исторія польск. народа (1864—1866). *Kosłowski*, Dzieje Mazowsza (1858). *Szujski*, Dzi-

Наконецъ, болѣе или менѣе обстоятельные этюды и замѣтки по отдельнымъ вопросамъ литовско-русского права разбросаны въ общихъ курсахъ и изслѣдованіяхъ по русской истории Татищева, Карамзина, Погодина, Соловьевъ, Иловайскаго и Бестужева-Рюмина¹⁾.

I.

Литовско-Русское государство образовалось изъ двухъ племенныхъ элементовъ—литовскаго и русскаго²⁾. Литва и Русь различались между собой въ этнографическомъ, религіозномъ, бытовомъ и культурномъ

еje Polski podlуг ostatnich badań (1862—1865). T. Moraowski, Dzieje narodu Pol. (1875—1877). M. Bobrzyński, Dzieje Polski (посл. изд. 1887); russk. перев. подъ ред. проф. Н. Карамзина: Очеркъ истории Польши (1888). О тенденціозномъ напраalenіи польской исторіографіи, въ особенности въ отношеніи къ истории Литвы и Руси, см. замѣтки въ обстоятельномъ изслѣдованіи проф. И. П. Филевича: Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владим. наслѣдие, 1890, стр. 227—233. Ср. W. Smoleński, Szkoly historyczne w Polsce (Ateneum, 1886, VI).

¹⁾ В. Татищевъ, История Россійска. (1768—1784). Н. Карамзинъ, Исторія государства Россійск. (1816; нов. изд. 1850—1853). М. Погодинъ, Исследованія, замѣчанія и лекціи по русской истории (1846—1859). С. Соловьевъ, Исторія Россіи (1851—1853). Д. Иловайскій, Исторія Россіи (1876—1888). К. Бестужевъ-Рюминъ, Исторія Россіи (1872—1885).

²⁾ Къ вопросу объ образованіи литовско-русской территории относятся слѣдующія сочиненія: I. Krasinski, Polonia (1574);польск. перев. S. Budzinskiego: Polska, czyli opisanie topograficzno-polityczne Polski (1852). Cromer, Polonia, sive de situ, populis etc. (1578); польск. перев. W. Syrokomla: Polska (1853). A. Cellarius, Regni Poloniae magnique ducatus Lithuaniae descriptio (1657). M. Dogiel, Limites regni Poloniae et M. Duc. Lithuaniae (1758). Rozkład województw, ziem i powiatów z oznaczeniem miast, a w nich mieyść konstytucyjnych dla seyników w prowincjach koronnych u W. X. Litewskim (1791). Moszyński, Dzienn. rząd. ekonomiczny r. 1790.—Sirisa, Polens Ende, historisch-statistisch u. geographisch beschrieben (1797). Rodecki, Obraz jeogr.-stat. Królest. Polskiego (1830). A. Friederich, Historisch-geographische Darstellung Alt-u. Neu-Polens (1839). Plater, Opisanie jeograf., topogr., hist. i statyst. wiel. kz. Polskiego (1841). T. Świecki, Opis staroїtnej Polski (1828). M. Baliński i T. Lipiński, Staroїtna Polska pod wzglѣdem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana (1843—1846; втор., дополн. издание Ф. К. Мартыновскаго, 1885—1888). I. Wiślicki, Opis królestwa Polskiego (1850). I. Lelewel, Opisanie krajów Polskich (1859). St. Mikołowski, Opis królestwa Polskiego pod wzglѣdem geografii, statystyki i historii (1861). A. Pawłowski, Polska XVI wieku, pod wzglѣdem geograficzno-statystycznym (Zródła dziejowe, 1883, f. XII и слѣд.). С. Шомковичъ, О границахъ Польской короны и вел. княж. Лит.-Русск. (Пам. russk. стар. въ зав. губ.. VIII). Uwagi do projektu wieczystych rolnych kantonów (1789). Hr. A.

отношенияхъ. Начало государству положило иногородческое племя—литовцы. Ихъ страна, залегавшая бассейнъ рѣмана, занимала менѣе $\frac{1}{10}$ доля всей территории государства и населена была цѣльмъ ря-

Stadnicki, O wsiach tak zwanych Wołoskich na połnocnym stoku Karpat (1848). *X. T. Lubomirski*, Północno-wschodnie Wołyńskie osady. Starostwo Rateńskie (Bibl. Warsz., 1855—1856; Sprawa włościańska, I). *Emo же*, Rolnicza ludność w Polsce, od XVI do XVIII w. (1862). *Ханенко*, Историч. очеркъ межев. учреждений въ Малороссии (1864). *Н. Иванчевъ*, О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи (Русск. Бесѣда, 1857, III; отд. 1863); реценз. *Кошелева* (*Сельск. Благоустр.*, 1858, № 11). *B. Mańkiewski*, Gólosz na Polzhi po słuchu sporu russkichъ писателей о началѣ и развитіи общинъ (Русск. Бесѣда, 1859, кн. 18). *Emo же*, Древняя польская сельская община (1877). *E. Stawiski*, Poszukiwania do dziejów rolnictwa krajowego (1852). *A. Rembowski*, O gminie (*Ekonomist*, 1872—1873; отд. 1873). *G. Wiercienski*, Gmina w obecnym i możliwym ustroju (1877). *Н. Лучицкий*, Малороссийская сельская община въ сельское духовенство въ XVIII вѣкѣ (*Земск. Обзоръ*, 1883, № 6; отд. 1883). *Emo же*, Сборникъ материаловъ для исторіи общинъ и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ (1884). *Emo же*, Czѣdy ogólnego zemlewladѣnia w lѣwobережnej Ukrainѣ (Отеч. Зап., 1882, № XI). *Emo же*, Сибиринное землевладѣніе (*Съб. Вѣсти*, 1889, № I). *Д. Балязъ*, Займщина въ лѣвобережной Украинѣ (*Кievsk. Star.*, 1889, № XII). *M. Владимирукъ-Будамо*, Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XV вѣка (Арх. Ю. З. Р., 1886, VII, т. I, и отд. 1886). *Emo же*, Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XV до Люблинской унии (ib., VII, т. II, и отд. 1891); рецензія—въ *Kievsk. Starina*, 1892, окт. *A. Jabłonowski*, Starostwa Ukrainskie (*Źródła dziejowe*, 1887, f. V). *A. Lazarewski*, Извь исторіи села и сельчанъ лѣвобережной Україны (*Кievsk. Starina*, 1891, №№ I и II). *Г.-жъ А. Ефименко*, О дворищахъ юго-западной Россіи (въ сочин. o дво-рищномъ землевладѣніи—въ *Русск. Мысли*, 1892, апрѣль и маѣ). *A. Mędrzecki*, Wiadomość o pierwiastkowej miast zasadzie w Polszczce, jch szczególnych przymieliach i wolnościach, oraz o przyczynach upadku tychże miast (послѣ 1789). *A. Trębicki*, Miasta nasze królewskie w krajach Rzeczypospolitey (1791). Listy do przyjaciela w okolicznościach miast tyczących się (s. a.). Prawa miast polskich do władzy rzadowej, wykonawczej i sądowniczej (s. a.). *W. Surowiecki*, O upadku przemysłu w miast w Polszczce (1810). *Dr. Ludkiewice*, O zamkach (Teka Wileńska). *Н. Даниловичъ*, Исторический взглядъ на древнее образование славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII вѣка (Русск. Историч. Сборн., 1841, кн. 2 и 3). *Fr. Dubois de Montpereux*, De tumulus, des parts et des remparts de la Russie occidentale (*Annuaire d. voyage et d. l. géogr.*, 1845, I и II). *K. hr. Tyszkiewicz*, Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszcach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. Wyd. H. Kirkor (1859). *Emo же*, O kurhanach na Litwie i Rusi (1868). Городскія поселенія Россійской имперіи, съ указаниемъ по каждому поселенію постановленій до 1860 г. (1860—1861). *M. Владимирукъ-Будамо*, О городахъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (въ соч. Нѣмецкое Право въ Польшѣ и Литвѣ, 1868). *B. Антоновичъ*, Извѣдованіе о городахъ въ Юго-Западномъ краѣ по актаамъ 1432—1798 гг. (Арх. Ю.

домъ отдельныхъ литовскихъ народовъ, первоначально не имѣвшихъ между собой никакихъ политическихъ связей, жившихъ совершенно обособленно и независимо одинъ отъ другого. Съ половины XIII столѣтія къ Литвѣ постепенно прымкаетъ сѣверная половина

З. Р., 1869, ч. V, т. I; отд. 1870; Моногр., I). Къ исторіи литовско-русскихъ городовъ (Предисл. къ III т. Акт. Виленск. Археогр. Комм., 1870). *A. J. (Rolle), Zamieczki Podolskie* (1880). *D. Самоквасовъ*, Древніе города Россіи (1875); реценз. *Ф. Леонтьевича*, Сборн. госуд. знаній, 1875, т. II. *Д. Батюраевичъ*, Историч. значеніе городицъ (Волынск. Губ. Вѣд., 1880, №№ 89 и 93; 1881, №№ 27—29). *Kartografia*, Lexikon geograficznny (1766). *Echard*, Dykcyonarz geograficzny (1782). *F. Sulimierski, B. Chlebowski i W. Walewski*, Słownik geograficzny król. Polskiego i innychъ krajów słowiańskichъ, т. I—XX (1880—1892). *Полутина*, Географический словарь (1773). *Максимовичъ и Щекатовъ*, Геогр. словарь (1801—1808). *Надеждинъ*, Опытъ историч. географіи русск. міра (Бібл. д. Чт. 1837, т. 22, № 7). *Шарамесичъ*, Издѣлование на полѣ отечест. географіи и исторіи (1869). *Н. Барсогъ*, Материалы для историко-геогр. словаря Россіи (1865). *Ею же*, Очертанія русской историч. географіи (1873—1885); реценз. *Маклова въ Журн. Мих. Нар.* 1874, авт.; *Замысловская*, —ib., 1875 февр.; см. *Вѣсти. Евр.*, 1886 г., январь.

Люстрации, инвентари, податные тарифы и описанія границъ собственной Литвы, Бѣлоруссіи, Черной Руси и Литовского Полѣсся: Археогр. Сборникъ, т. I: 9 инвентарей №№ 18—22, 24, 31 и др.; т. II: № 97. Акты Южн. и Зап. Россіи, II, № 165. Акты, изд. Виленск. Арх. Комм., т. II, № 93; т. XI, № 86; т. XII, № 28; т. XIII, №№ 91, 98 и 99, 100 и 101; т. XIV, 94 инвентаря воронежск. и частн. имѣній. Памятн. Киевск. Комм., т. III, отд. II, № IV. Ревизія пушъ и переходовъ земельныхъ въ бывш. вел. кн. Литовск. 1559 (1867). Люстрація г. Бѣльска (Гродн. Губ. Вѣд., 1865). Ординанція корол. пушъ въ лѣстничествахъ бывш. вел. кн. Лит. 1641 (1871). Писцовые книги бывш. Пинскаго староства, 1561—1566 (1874). Ревизія Кобринск. экономіи, 1563 (1876). Ревизія Городенск. экономіи, 1560 (1881). Писцовая книга Несвиж. и Клецкаго княжествъ, 1552—1555 (1884). Люстраціи и инвентарі юго-зап. Россіи XVI—XVIII вѣковъ помѣщены въ сѣдѣ. сборникахъ: Архивъ юго-зап. Россіи, ч. I, т. I, №№ 7, 89—91; т. VI, № 116; ч. IV, т. I, №№ 10, 14 и 15; ч. VI, т. I—40 инвентарей №№ 2, 8, 35 и др.; ч. VI, т. II—33 инвентаря. №№ 1, 5, 7 и др.; ч. VII, т. I—20 инвент. № 14 и слѣд.; ч. VII, т. II—18 люстрацій, №№ 1, 4, 5 и др. Памятн. изд. Киевск. Комм., т. III, отд. 2-е—три инвентаря, №№ 1—3. *Źródła dziejowe*, т. V. *Lustracye królewsczyzny ziem ruskich: Wołynia, Podola i Ukraynę z pierwszej połowy XVI w.*, wyd. i monog. hist. o starostwach Ukrajnnych poprzedz. *A. Iablonowski*. Т. VI: Rewizya zamków ziemi Wołyńskiej w połowie XVI w. wyd. i szkicem hist. poprzedz. *A. Iablonowski*. Т. XIX: *Taryfy Podola*, 1530—1542. Материалы для истор. заселенія Кіевск. губ. —люстр. Житоміра и пр. *E. Solecki*, Awulsia Humania (1862)—люстр. Уманск. и Звениг. повѣтъ, XVII вѣка. Акты южн. и зап. Россіи, т. II, № 70; т. X, прилож. къ № 5. стр. 782 и слѣд. *Baliński Lipiński*, Staroż. Polska, т. II—IV, извѣщ. изъ люстрацій и тарафонъ.

Западной Россіи, обнимавшая древнюю территорію земель кривичей и дреговичей (Чернан и Бѣлая Русь и Литовское Полѣсье). Литва и сѣверо-западная Россія представляли собой основное ядро великаго княжества Литовскаго до и послѣ Люблинской унії. вплоть до присоединенія княжества къ Россіи. Съ XIV столѣтія въ составѣ Литовскаго государства входятъ южно-русскія земли (Кievская, Волынская и др.), принадлежавши къ нему около двухъ столѣтій; съ Люблинской унії 1569 г. земли эти были присоединены непосредственно къ Польшѣ, вошли въ составъ польскихъ провинцій и лишь подъ конецъ прошлаго вѣка отошли къ Россіи. Въ указанномъ порядке областей мы и разсмотримъ образованіе территории Литовско-Русского государства.

Литовскія племена жили съ древнѣйшихъ временъ по Балтійскому морю, между устьями Вислы и Западной Двины, въ нынѣшней Пруссіи, Курляндіи и частью Лифляндіи. Главный же составъ литовскаго племени, послужившій основаніемъ Литовско-Русского государства, занималъ своими поселеніями нижнюю половину бассейна Западной Двины, почти весь бассейнъ Нѣмана, достигаю на западѣ до нижовьевъ Вислы, а на югѣ—до средняго теченія Западнаго Буга. Такимъ образомъ, литовцы, давшіе начало новому государству, въ ста-рину населяли нынѣшнія губерніи Ковенскую, часть Виленской, Сувалкской, Минской и Гродненской¹⁾). Жившее въ этихъ территориальныхъ границахъ литовское племя распадалось въ древніе времена (въ X-XI вѣкахъ) на слѣдующіе народы:

1) *Летгола* (нынѣшніе латыши)²⁾—литовское племя, жившее въ сѣверной оконечности литовской территории, на правой сторонѣ Западной Двины, между нижнимъ теченіемъ этой рѣки и предѣлами финскихъ племенъ—эстовъ и ливовъ.

2) *Жемала* (семигаллы, Semigallia)³⁾ жила вдоль лѣваго берега Западной Двины, отъ средняго ея теченія до моря.

3) *Корсъ* (куроны) занимала полуостровъ, между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ.

¹⁾ К. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, I, 82; В. Антоновичъ, Моногр., I, 7.

²⁾ Такъ называется это племя въ русскихъ ятчописяхъ. Мѣстное название—Letgola, Latwin-gals—„Литвы конецъ“ (см. *Latoszewics, Obraz Litwy*, I, 7).

³⁾ Мѣстное название этого племени Жемегалас—„земли конецъ“ (*Latoszewics*, I, 7).

4) *Прусы* (Prussi, Borussi)—крайнее западное племя, жившее по Балтийскому побережью, между Неманомъ и Вислой.

5) *Жмудь* (Žomojten¹⁾) занимала своими поселеніями нижнее течение Немана и его притокъ—Дубису и Невяжъ, а также поморье у устья Немана.

6) *Литва* (Letuwis, Lietuwa, Lietuvnikas²⁾) жила на среднемъ течении Немана и на его притокѣ Визіи. Имя этого народа сдѣлалось позже общимъ названіемъ всего племени.

7) *Ятвяли*—южная отрасль литовского племени, вдававшаяся узкимъ клиномъ между славянскими племенами—мазовицами и дреговичами. Ятвяжскія поселенія достигали до Западнаго Буга и вверхъ по течению этой рѣки до ѿверныхъ предѣловъ Волынского княжения³⁾.

Всѣ эти части литовского племени не только не составляли въ своей совокупности цѣльнаго государства, но и каждая племенная вѣтвь въ отдѣльности имѣла значеніе „народа“ только въ этнографическомъ смыслѣ этого слова. Вся политическая и общественная жизнь древнихъ литовцевъ ограничивалась лишь тѣсными предѣлами незначительныхъ сельскихъ волостей и общинъ. „Волости эти не только не были связаны между собою никакою общую, государственную властью, но и весьма часто не сознавали общихъ политическихъ интересовъ по отношенію къ иностраннымъ племенамъ; каждая волость и каждый вождь дѣйствовали на свою руку, независимо, иногда врозь и даже во вредъ другъ другу. До половины XIII вѣка литовское племя не составляло государства; оно представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, безъ всякой политической связи другъ съ другомъ. Народы литовского племени объединялись только общностью этнографическую и культурную: тождество происхожденія и быта составляло между различными народами литовского племени связь этнографическую; тождество преданий и религиознаго культа служило связью нравственную, культурную“⁴⁾.

¹⁾ Отъ Žemai, низкій (*Iarossewicz*, I. 3).

²⁾ У латинскихъ писателей называется Auxtote, Auxtechia, отъ лат. слова auksztas, высокий, въ противоположность жмуди—отъ с.-ж. žemaz, низкий (*Iarossewicz*, I. 38).

³⁾ См. В. Б. Антоновичъ, Моногр., I. 8—9. *Baliński i Lipiński*, Starož. Polska, 2-е изд., 1886, т. IV стр. 10. *Iarossewicz*, Obraz Litwy, I, 7 и слѣд. (Сочиненіе Балинскаго будетъ цитироваться въ настоящей статьѣ по второму изданію (1885—1888 г.)

⁴⁾ Положенія эти обстоятельно развиты въ извѣстной монографіи В. Б. Антоновича: „Очеркъ исторіи вел. княжества Литовскаго до смерти вел. кн. Ольгерда“ (См. Моногр., I. 9—16).

Въ такомъ положеніи находилось литовское племя до конца XII и начала XIII вѣка, времени появленія на сѣверныхъ границахъ литовской территории пѣмецкихъ поселеній. Завязавшаяся затѣмъ упорная борьба литовцевъ съ заневателными стремлѣніями пѣмцевъ должна была неизбѣжно повлечь за собой глубокія перемѣны во всемъ политическомъ быту литовского племени. Завоевательная дѣятельность пѣмецкихъ крестоносцевъ въ отношеніи къ Литвѣ, по своимъ результатамъ, представляетъ собой такое же аналогическое явленіе, какъ и монгольскій погромъ въ отношеніи къ Руси. Тамъ и здѣсь виѣшний гнетъ, грозившій народу потерей политической независимости и самобытности, заставилъ его сплотиться политически, подумать о необходимости иныхъ формъ общественныхъ, которыхъ бы болѣе обеспечивали национально-политическую независимость цѣлаго народа.

Параллельно съ потерей политической самостоятельности и подчиненіемъ пѣмцамъ литовскихъ народовъ, занимавшихъ сѣверные части литовской территории и подъ конецъ XIII вѣка окончательно вошедшихъ въ составъ пѣмецкихъ владѣній¹⁾, въ центрѣ литовскихъ поселеній постепенно образуются съ половины XIII вѣка болѣе тѣсныя связи между разрозненными до тѣхъ поръ волостями и общинами, полагаются первыя начала политического ихъ единства.

Начало территориальнаго объединенія Литовскаго княжества полагается въ собственности Литвѣ Миндовгомъ, сыномъ Рынгольда, владѣтеля небольшой Керновской волости. Литовскія преданія приписываютъ еще Рынгольду подчиненіе нѣкоторыхъ мелкихъ владѣльцевъ литовскихъ волостей, а также сосѣднихъ русскихъ земель (въ Черной Руси); но только лишь его сынъ Миндовгъ первый проложилъ историческій путь къ политическому объединенію собственно Литвы и къ образованію затѣмъ обширнаго Литовско-Русскаго государства. Дѣло собиранія литовскихъ земель, начатое Миндовгомъ, неуклонно продолжали затѣмъ послѣдующіе литовскіе князья, въ особенности представители новой династіи—Витенъ и Гедиминъ, какъ полагаютъ, сыновья Пу-

¹⁾ Первая попытка пѣмецкихъ крестоносцевъ покорить пруссовъ принадлежитъ началу XIII в.: въ концѣ этого вѣка Пруссія окончательно подчинилась ордену: той же участіи подверглись и другія сѣверные племена Литвы — короны, жемгала и латыша. См. *Narbut, Dzieje*, III, 320, 373, 439; *Бестужевъ-Рюминъ*, Ист., I, 299—301; *Актоносчи*, Монogr. I, 17—18. Ср. *Watterich, Die Gründung des Ordensstaates in Preussen (1857)*; *Boldt, Der deutsche Orden u. Lithuania (1873)*; *Voigt, Geschichte v. Preussen (1827—1839)*.

тивера, князя Эйраголы въ Жмуди¹). Территориальный составъ Литовско-Русского государства окончательно опредѣляется въ теченіе второй половины XIV вѣка²).

Остановимся пока на вопросѣ о томъ, какъ и какимъ путемъ западная и южная Россія въ теченіе почти одного столѣтія (съ половины XIII до 60-хъ годовъ XIV столѣтія) очутилась подъ властью великихъ князей литовскихъ и образовала изъ себя въ XV столѣтіи обширное Литовско-Русское государство.

Вопросъ атотъ имѣть существенное значеніе въ исторіи не только литовскаго, но и вообще русскаго права. Разъ будетъ доказано, что въ XIII и XIV стол. западная и южная Русь, на территоріи которой, какъ раньше замѣчено, зародились и развились всѣ правовые институты древнерусскаго быта (Русской Правды), была завоевана Литвой и сдѣлалась военною добычей литовскихъ князей, распоряжавшихся страной по праву завоеванія, какъ „своей личной собственностью“ (Антоновичъ), мы должны, по вѣрному замѣчанію профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова³), вмѣстѣ съ тѣмъ „признать, что въ эпоху литовскую исторія русскаго права попытилась назадъ ко временамъ первобытнымъ“. или же признать, что такъ было вездѣ въ древней Руси.

Съ легкой руки польскихъ историковъ и юристовъ—Чацкаго, Ярошевича и другихъ, впервые обратившихъ вниманіе на древніе памятники литовско-русскаго права, вошла въ обращеніе гипотеза „нѣмецко-литовскаго феодализма“, какъ ближайшаго результата завоеванія Руси Литвой⁴). Та же самая гипотеза пользуется доселѣ почти полнымъ кре-дитомъ и среди русскихъ историковъ и юристовъ. Завоеваніе западной и южной Руси Литвой, вмѣстѣ съ прямымъ результатомъ такого

¹⁾ Wolff, Ród Gedimina, 6.

²⁾ Jaroszewicz, Obraz Litwy, I, 38 и др. В. Антоновичъ, Моногр.. I. 24—38. О Гедиминѣ и Ольгердѣ, какъ собирателяхъ Литовско-Русского государства, см. приведенные выше монографіи Стадникало, Вольфа, Дашиевича и др.

³⁾ См. его „Очерки изъ исторіи лит.-руск. права“, I. Немѣцтва Литовскаго государства, стр. 2.

⁴⁾ Чацкій, за нимъ и другие польские историки и юристы ложи въ одинъ голосъ высказывать мысль о завоеваніи Руси вез. винзкими литовскими, сдѣлавшимися по праву завоевателей „panami i dzidzicami wszystkich ziem w kraju“, ихъ единственными собственниками, устроившими свои владѣнія по образцу нѣмецкихъ феодаловъ Ордена, господствовавшаго надъ сѣверными литовскими землями. (См. Tad. Czackiego Dziela, t. I, стр. 204, 219, 268, 278, 287—290 и др. Jaroszewicz, Obraz Litwy, I, 122, 153; II, 64).

завоеванія—военнымъ, феодальнымъ строемъ Литовской Руси, обращеніе всей западной половины русской территории, по праву завоеванія, въ „военную добычу“ литовскихъ князей. въ ихъ личную собственность и т. д.—вотъ положенія, которая лежать въ основѣ какъ общихъ трудовъ по исторіи Литовского государства и отдѣльныхъ его областей. такъ и историко-юридическихъ изслѣдований о сословіяхъ, землевладѣніи Литовской Руси и пр.¹⁾).

Въ виду важности вопроса необходимо остановиться на фактическихъ данныхъ касательно „завоеванія“ Литвой западной половины русской территории. Нѣть надобности при этомъ входить въ детальный разборъ всѣхъ данныхъ: главный изъ нихъ достаточно выяснены въ трудахъ тѣхъ самыхъ историковъ, которые принимаютъ на вѣру гипотезу литовского завоеванія Руси.

Первые извѣстія о „зависимости“ русскихъ земель и русскихъ князей отъ литовцевъ встрѣчаемъ еще въ XII столѣтіи. Въ половинѣ этого столѣтія (1159 г.) Городенскій князь Володаръ Глѣбовичъ былъ

¹⁾ По словамъ В. Антоновича, „происхожденіе аристократіи вел. княжества Литовского основано было на завоеваніи литвицами обширныхъ юго-западныхъ русскихъ земель“ Тѣсные иѣциами, литвины „бросаются на сопѣдніе русскіе уѣдѣ, овладѣваютъ безъ труда обширной территорію и стараются дать ей такое устройство, которое болѣе всего могло бы способствовать усиленію военнаго контингента, нужнаго для борьбы съ крестоносцами. Военное устройство новозаключенныхъ земель и извлеченіе изъ нихъ возможнаго количества боевыхъ силъ—вотъ задача, господствовавшая по преимуществу при первоначальномъ устройствѣ вел. Лит.-Русск. княженія“ Образецъ для такого устройства „былъ на лицо въ устройстве иѣмца, государства; форма феодальная была примѣнена литвицами. Великіе князья литовскіе завоеваніемъ Руси пріобрѣли огромныя пространства земли и немедленно употребили всю доставшуюся имъ землю, какъ капиталъ, годный для найма военныхъ людей. Признавая въ принципѣ, на основаніи права завоеванія, всю землю свою личною собственностью, они немедленно отчуждали ее, на основаніи личной зависимости, потомственной и личной—удѣльными князьями, землями, общими городскимъ и сельскимъ и, наконецъ, отдѣльными землевладѣльцами, подъ непремѣннымъ условіемъ военной службы. Этимъ путемъ установилась въ Литовской Руси особая сословная организація, въ кориѣ разрушившая старый земскій строй русскихъ областей Литовского государства (см. Архивъ Ю.-З. Р., ч. VI, II, стр. 8—9). Положенія эти затѣмъ повторяются на разные лады позднѣшими изслѣдователями исторіи отдѣльныхъ литовско-русскихъ областей. Таконо, напримѣръ, положеніе г. Молчановскаго о „строгой феодальной іерархіи“, имѣвшей мѣсто въ организаціи населенія литовско-русскихъ областей и пр. (См. Молчановскаго Очеркъ извѣстій Подольской земли, 312—313. Ср. Петрова Подолья, 64: Независтовскую—о чиншевомъ владѣніи—въ Собраниі сочин., 306; г-жи А. Ефименко—о дворицкомъ землевладѣніи, въ Русс. Мысли 1892, апрѣль, и др.).—

не только въ союзѣ съ Литвой, но и въ какой-то зависимости отъ со-сѣднихъ литовскихъ волостей: „ходяще подъ Литовою въ лѣсахъ“. Незавѣтный въ русскихъ лѣтописяхъ князь Всеволодъ изъ Герсики не только состоялъ въ союзѣ съ литовцами, но и женился на дочери одного изъ ихъ вождей (Дангеруте) и признавалъ себя въ извѣстной отъ него зависимости¹⁾). Ни откуда не видно, чтобы въ обоихъ слу-чаяхъ зависимость русскихъ князей отъ литовцевъ устанавлилась именно путемъ завоевания. Въ началѣ второй четверти XIII ст. въ Смоленскѣ сидѣла „литва“; литовский князь, правившій Смоленскомъ, былъ удаленъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ²⁾). И здѣсь лѣто-писи не выясняютъ, какимъ образомъ Литва очутилась въ Смоленскѣ. Завоеванія въ данномъ случаѣ нельзя предполагать: чтобы завоевать Смоленскъ, нужно было пройти сначала вооруженною силой промежу-точныя русскія земли—Полоцкую и Витебскую, на что въ лѣтописяхъ нѣть ни малѣйшаго намека. Остается одно: смольяне могли *самы* посадить у себя литвина³⁾). Обычай посаженія на столъ литовскихъ князей, постоянно практиковавшійся позже въ Псковѣ и Новгородѣ, могъ явиться лишь воспроизведеніемъ старой практики, какая раньше несомнѣнно имѣла мѣсто въ соѣднѣхъ съ Литвой русскихъ земляхъ до окончательного ихъ присоединенія къ слагавшемуся Литовскому государству. Такой же характеръ имѣть „нападеніе“ въ 1247 году литовскаго князя Лугвенія на Пинскую область: какъ видно изъ лѣ-тописнаго разказа, Лугвенію помогалъ пинскій князь Михаилъ, кото-рый съ „недоброжелательствомъ“ встрѣтилъ рать галицкаго князя, шедшаго противъ Литвы. Въ данномъ случаѣ нападеніе Литвы, оче-видно, не обошлось безъ содѣствія и, быть можетъ, вызова со стороны мѣстнаго населенія, желавшаго освободиться отъ власти галицко-

¹⁾ В. Амбоновичъ, Моногр., I, 21.

²⁾ Тамъ же, 24.

³⁾ Изъ лѣтописнаго разказа видно, что при изгнаніи Ярославомъ литовскаго князя, происходила борьба („иде Ярославъ Смоленску па литву и литву побѣди“) и именно съ смольянами—сторонниками князя-литвина. Подъ „литвой“ здѣсь можно скорѣе всего разумѣть русскихъ—сторонниковъ, стоявшихъ за своего князя-литвина, какъ подъ „татарскими людьми“ Подолія въ XIV разуиѣлись рус-скія вѣности, державшіяся татарскихъ темниковъ и атамановъ. Тотъ же Яро-славъ, по удаленіи литвы, какъ бы по праву побѣдителя, называется („посади у нихъ“) смольянамъ князъ, а не предоставляетъ имъ самимъ посадить князя у себя на столѣ, какъ бы слѣдовало при обычной теченіи дѣлъ (См. В. Амбоновичъ, Моногр., I, стр. 24, прим. 2).

волынскихъ князей¹). Наконецъ литовскія преданія, записанныя лишь въ половинѣ XVI ст. (лѣт. Быховца), сообщаютъ темныя, легендарныя извѣстія о литовскомъ „завоеваніи“, около половины XIII ст.. сосѣднихъ съ Литвой русскихъ областей—Черной Руси съ Берестейской землей, литовскимъ вождемъ Эрдивиломъ. Полоцка—Мингайломъ и Пинскаго Полѣсся (Пинска, Турова и Мозыря)—Скирмунтомъ. Но признанію самихъ историковъ, послѣдователей теоріи „завоеванія“, всѣ эти темныя легендарныя извѣстія „не могутъ быть сочтены достовѣрными въ подобностяхъ и заслуживаются только вниманія, какъ свидѣтельство позднаго преданія, указывающее на то, что въ половинѣ XIII ст. случилось общее движеніе многихъ литовскихъ вождей на Русь съ цѣлью территоріального захвата“²).

Достовѣрныя извѣстія о присоединеніи къ Литвѣ сосѣднихъ съ ней русскихъ земель начинаются главнымъ образомъ со временъ Миндовга. Древнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ Литвы считается Черная Русь, по литовскимъ преданіямъ занятая (путемъ ли завоеванія, или иначе,—не ясно) еще Рынгольдомъ, отцомъ Миндовга; въ началѣ второй половины XIII ст. здѣсь мы находимъ русскаго князя (Романа Даниловича), правившаго эту землей по договору съ литовскими князьями, подъ условіемъ признанія надъ собой власти Миндовга³). Подъ такимъ же условіемъ зависимости отъ литовскаго вождя Пинское Полѣсье, при Миндовгѣ, продолжало управляться своими старыми русскими князьями⁴). При вынужденномъ подчиненіи, путемъ завоеванія, русскіе князья едва ли бы удержались въ своихъ удѣлахъ. Лѣтописи, затѣмъ, мало разъясняютъ, при какихъ именно условіяхъ воинчились племянники Миндовга въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ; известно только, что вскорѣ они были удалены Миндовгомъ изъ своихъ удѣловъ за попытку отложиться отъ литовскаго вождя, коему они подчинялись въ значеніи удѣльныхъ князей⁵).

Пріобрѣтенія Гедимина широко развили территорію слагавшагося при немъ государства; лѣтописи не даютъ, однако, точныхъ, несомнѣнныхъ указаний на завоевательный характеръ дѣятельности основателя Литовскаго государства.

¹⁾ B. Антоновичъ, Моногр., I, 24.

²⁾ Ibid., 23.

³⁾ Ibid., 24, 27, 44.

⁴⁾ Ibid., 25.

⁵⁾ Ibid., 25—26.

Такъ, известно, что еще при Витенѣ, отцѣ Гедимина, Полоцкъ окончательно упирчился за Литвой (по Стрыйковскому, въ 1307 г.); но какъ и при какихъ обстоятельствахъ совершилось его присоединеніе къ Литвѣ, не известно; вопросъ этотъ остается не выясненнымъ¹⁾.

При Гедиминѣ утвердилась зависимость Минской земли отъ Литвы. При немъ сидѣлъ въ Минскѣ, въ качествѣ литовского подучника, русскій князь Василій; но опять таки и въ этомъ случаѣ не имѣется въ источникахъ точныхъ указаний на обстоятельства, при какихъ установилась зависимость Минской земли отъ литовскихъ князей²⁾.

Источники, затѣмъ, не даютъ никакихъ категорическихъ указаний на завоевательный характеръ присоединенія къ Литвѣ при Гедиминѣ Берестейской земли (Подляхіи). Есть, напротивъ, полное основаніе заключать, что переходъ Подляхіи, зависѣвшей отъ волынскихъ князей, подъ власть Кейстута былъ результатомъ давниго недовольства населенія волынскими князьями и потому совершился безъ особенной борьбы съ населеніемъ Берестѣя. Изъ-за пріобрѣтенія, а затѣмъ удержанія за собой этой области, литовскіе князья должны были бороться не съ самимъ населеніемъ, но съ волынскими князьями, а затѣмъ съ Польшой³⁾.

Не находимъ также точныхъ лѣтописныхъ указаний на время и обстоятельства окончательного присоединенія къ Литвѣ, при Гедиминѣ, княжествъ Туровскаго и Пинскаго; известно только, что княжества эти уже входили въ составъ владѣній Гедимина⁴⁾.

¹⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 45. Ср. Stadnicki, *Bracia Jagieły*, 21.

²⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 46.

³⁾ См. Андріашевъ. Очерки истории Волынск. земли, стр. 95. Вотъ что говорить по этому вопросу почтенный авторъ: „Послѣдней (въ половинѣ XII вѣка) Берест. земля вошла въ составъ Волыни и первой отошла отъ нея: въ началѣ XIV вѣка она уже принадлежала Кейстуту. Переходъ этотъ совершился, жалется (мы обѣ этомъ очень мало знаемъ), безъ особенной борьбы. Вообще, жители этой земли были недовольны волынск. князьями и постоянно старались выбѣтись изъ-подъ ихъ власти: въ концѣ XII вѣка они ищутъ помощи у минскаго князя; послѣ смерти Владимира Васильковича обращаются къ Юрию Львовичу. Наконецъ, неожиданная преданность, которую они высказали по отношенію къ Романовичамъ во время ихъ дѣтства, тоже очень и очень подозрительна и ее съ полнымъ основаніемъ можно истолковать тѣмъ же стремленіемъ добиться нѣвѣтровой самостоятельности“.

⁴⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 46. Раньше замѣчено, что старые русскіе князья сидѣли въ Пинскѣ еще при Миндовгѣ, въ качествѣ подучниковъ ему удѣльныхъ князей. Затѣмъ, не ясно, при какихъ именно условіяхъ русскіе князья при Ге-

Остаются, наконецъ, два существенно важныхъ пріобрѣтенія Литвы при Гедиминѣ: центръ Бѣлоруссіи—Витебскъ, и центръ Южной Руси—Волынь. Пріобрѣтенія эти, однако, носятъ совершенно мирный характеръ, безъ намека на завоевательную дѣятельность литовскихъ князей. Оба княжества сдѣлались достояніемъ Литвы вслѣдствіе родственныхъ связей Гедиминовичей съ мѣстными русскими князьями. Сынъ Гедимина Ольгердъ женился въ 1318 году на единственной наследницѣ послѣдняго витебского князя, Ярослава Васильевича и, по смерти тестя (въ 1320 г.), получилъ Витебское княжество, въ качествѣ вѣна жены¹⁾). На такомъ же точно основаніи другой сынъ Гедимина, Любарть, вскорѣ затѣмъ утвердился на Волыни, именно вслѣдствіе брака также съ единственной наследницей послѣдняго волынского князя—Андрея Юрьевича²⁾). На мирный характеръ присоединенія Волыни и Витебска къ литовскому государству указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ литовскую эпоху въ обѣихъ областяхъ удерживались до позднейшаго времени, въ качествѣ удѣльныхъ владѣтелей, подручныхъ великимъ князьямъ литовскимъ, потомки мѣстныхъ русскихъ князей—князья Друцкіе, Острожские, Заславские, Четвертинские и др.³⁾.

Затѣмъ болѣе поздніяя литовскія преданія приписываютъ Гедимину „завоеваніе“ и другихъ русскихъ земель (Кіевицны, напримѣръ), которыхъ присоединены были гораздо позже къ литовскому княжеству⁴⁾.

Нѣть также категорически-непреложныхъ указаний на завоевательный характеръ тѣхъ территоріальныхъ пріобрѣтений, какія сдѣлались достояніемъ Литовскаго княжества при Ольгердѣ. Къ такимъ достояніямъ Литвы принадлежать: Мстиславъ, Могилевъ и пограничные города Смоленской земли (со стороны Витебскаго княжества), Сѣверицна. Подолія и земля Кіевская. Къ княженію же Ольgerда

диминѣ уступили свой удѣльь литовскіи князьяи (Наримунту). Несомнѣнно одно: первоначальное присоединеніе Литовскаго Полѣса совершилось путемъ добровольного подчиненія Литвѣ мѣстныхъ князей и, конечно, населенія; иначе—русские князья сдѣлали бы оставаться при Мендовгѣ въ своихъ удѣлахъ, разъ съ ихъ стороны было вынужденное подчиненіе литовскому вождю.

¹⁾ Антоновичъ, 46; Wolff, Rѣd Gedimina, 26; Stadnicki, Bracia Jagie{\l}ly, 10.

²⁾ Wolff, Rѣd Gedimina, 74. И. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Волынск. наслѣдіе, стр. 48. Его же—Къ вопросу борьбы Польши и пр. (Журн. Мин. Нар. Пр., 1891, № 12, стр. 325 и слѣд.).

³⁾ См. объ этомъ ниже.

⁴⁾ Антоновичъ. Моногр., I, 46.

относится временное присоединение къ литовскому государству западной окраины русской территории—Руси Галицкой¹⁾.

Что касается Мстислава и другихъ пограничныхъ волостей Смоленской земли, то, по выражению Стадницкаго, волости эти добыты Ольгердомъ „*pajszreścię zniemaczka, mnię przemocą, niż wojsennym podstępem*“²⁾. Но въ первомъ замѣчанію того же ученаго, занятіе Ольгердомъ Брянска и вообще Сѣверской земли также едва ли могло имѣть завоевательный характеръ³⁾. Правда, въ Никоновской лѣтописи (единственномъ, достовѣрномъ источникѣ по данному вопросу) подъ 1355 г. говорится, что Ольгердъ „*воевалъ Брянскъ*“; но затѣмъ излагается слѣдующее, не совсѣмъ ясное. но, тѣмъ не менѣе, для насъ существенно важное извѣстіе: „*Того же лѣта князь Василий прииде изъ Орды отъ царя съ пожалованіемъ и сяде на княженіи въ Брянскѣ, и мало времени пребывъ тамо и преставилъся. И бысть въ Брянскѣ мяtekъ отъ лихихъ людей и замятнія велія и опустѣніе града; и потомъ нача обладати Брянскомъ князь литовскій*“⁴⁾. Изъ этого разкѣза не видно, чтобы была какая либо непосредственная связь между военными дѣйствіями Ольгерда въ началѣ года и послѣдовавшимъ затѣмъ обладаніемъ Брянскомъ. Очевидно, обладаніе имъ досталось Ольгерду, какъ прямой результатъ той внутренней смуты и усобицы, какая послѣдовала въ Брянскѣ послѣ смерти князя Василия—ордынского подручника. Какъ видно изъ лѣтописныхъ извѣстій о предыдущихъ событияхъ въ Брянской землѣ, брянцы болѣе всего вооружались противъ посаженія на княжій столъ ордынскихъ подручниковъ; изъ-за этого главнымъ образомъ и шла постоянная борьба въ Брянскѣ (какъ, впрочемъ, и въ другихъ русскихъ городахъ) между сторонниками разныхъ князей, какъ и съ самими князьями⁵⁾. Такъ могло быть и въ данномъ случаѣ: послѣ смерти князя Василия, „*замятнія велія*“ могла обозначать именно такую же борьбу между сторонниками какого либо русского князя, ордынского подручника, и сторонниками сильпаго литовского вождя, владѣвшаго всѣми

¹⁾ Аntonовичъ, 86, 113 и сл. *Stadnicki*, Olgerd, 184; *Smolik Kiejstut*, 6; Филевичъ, Борьба Польши и Литвы-Руси, 84 и слѣд.; Къ вопросу борьбы, 332—340.

²⁾ K. *Stadnicki*, Olgerd i Kiejstut, 184.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Никон. лѣт., III, 207.

⁵⁾ См. Никон. лѣт., III, 106, 172 и пр. Ср. В. Антоновичъ, Моногр., I, 114.

средствами для освобождения Брянской земли оть ордынской зависимости. По всей видимости, въ этой борьбѣ верхъ взяли сторонники Ольгерда, который, такимъ образомъ, и могъ „начать обладати“ Брянскомъ, но только не по праву завоеванія, а въ силу признанія его власти самимъ населеніемъ¹⁾). Вслѣдъ за Брянскомъ послѣдовало добровольное же подчиненіе Ольгерду многочисленныхъ удѣловъ Чернигово-Сѣверского княжества; здѣсь продолжали сидѣть и въ литовскую эпоху старые удѣльные русскіе князья (Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе и т. д.). очевидно, свободно признавшіе надъ собой власть великихъ князей литовскихъ²⁾).

Едва ли можно отыскать какіе либо признаки прямаго завоеванія и въ извѣстіяхъ касательно присоединенія Подолія къ Литовскому государству³⁾). По общему признанію историковъ, присоединеніе этой южно-русской окраинной области произошло безъ примѣненія военной силы къ населенію, безъ борьбы и сопротивленія со стороны послѣдняго⁴⁾. Въ лѣтописномъ разказѣ о присоединеніи Подолія къ Литовской Руси особенно ярко обрисовывается политика, какой неизмѣнно слѣдовали литовскіе вожди въ дѣлѣ собиранія русскихъ земель, управлявшихся ордынскими данниками. Политика эта выражается въ общей тенденціи „очищать“ ордынскую область оть татаръ совокупными силами государства, затѣмъ „входить оу пріязъ“ съ мѣстнымъ населеніемъ, „бороти“ его оть орды, путемъ организаціи мѣстныхъ боевыхъ силъ, при помощи, въ нужныхъ случаяхъ, могучихъ средствъ всего государства. Но совершиенно вѣрному замѣчанію историковъ, рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ имѣла не Синеводская битва съ татарами, по союзу съ „атаманами“, соглашеніе съ населеніемъ,

¹⁾ *Stadnicki*, Olgert, 134.

²⁾ *Актоносичъ*, Моногр. I, 115.

³⁾ Древній литовскій лѣтописи (изд. *Поповъ*, стр. 44; *Даниловичъ*, 49; ср. также *Быховъ*, 19) сохранили слѣдующее преданіе о ближайшихъ обстоятельствахъ присоединенія Подолія къ Литовскому государству: „Когда государемъ былъ на Литовской земли князь великий Ольгердъ и шедъ въ поле съ Литовскими вискомъ, побилъ татарь на Синей водѣ... Княжата Кориатовичи со князя великого Ольгердомъ произволеніемъ и съ помощью Литовской земли (пошли въ Подольскую землю)... княжита Кориатович пришелъ въ Подольскую землю и вошли оу пріязъ со атаманы—почали бороти Подольскую землю отъ татарь, а босакомъ (баскакамъ) выхода не почали давати... все Подольские города омууровали и всю землю Подольскую осели“ (См. *Молчановскую* Очеркъ изв. о Подольск. земль. 170—173).

⁴⁾ *Актоносичъ*, Моногр., I, 229; *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольск. землѣ. 182, 193.

ради защиты земли оть ордынцевъ. Присоединение Подолія къ Литвѣ произошло „при участі самаго населенія, для котораго Корiatовичи являлись лишь сильными атаманами, которые, опираясь на Литву, могли играть на Подолѣ крупную роль“¹⁾.

Той же политикѣ, съ тѣми же пріемами, несомнѣнно слѣдуетъ литовскій вождь и въ дѣлѣ присоединенія къ Литвѣ Киева²⁾. Въ лѣтописномъ разказѣ нѣть никакого намека на сопротивление Ольгерду со стороны мѣстного населения³⁾. Подобно Подолію, Киевская земля точно также „очищается“ оть татарской зависимости; затѣмъ, съ полною вѣроятностью можно предполагать и здѣсь такую же „пріязнь“ съ мѣстнымъ населеніемъ и ту же организацію мѣстныхъ силъ для охраны края оть ордынцевъ, какія одновременно имѣли мѣсто въ Подольской землѣ.

Наконецъ, при Ольгердѣ присоединяется временно къ Литовско-Русскому государству все Галицкое княжество (Червонная Русь). Послѣ смерти послѣдняго галицкаго князя Юрия Болеславича (въ 1340 году), Волынскій князь Любартъ Гедиминовичъ, по своимъ родственнымъ связямъ, единственный законный претендентъ на Галицко-Волынское наслѣдіе, вступаетъ во всѣ права галицкихъ князей и управляетъ Червонной Русью до 1349 года, времени завоеванія Львовской земли польскимъ королемъ Казимиромъ⁴⁾.

¹⁾ Молчановский, Очеркъ изв. о Подольск. землѣ, 182. Петровъ, Подолія, 83.

²⁾ Густынская лѣтопись (П. С. Л., II, 350) подъ 1362 г. сохранила слѣдующее преданіе о взятии Ольгердомъ Киева вслѣдъ за Синеводскимъ пораженіемъ ордынцевъ, къ узусу которыхъ принадлежалъ въ то время Киевъ съ Подоліемъ; „Ольгердъ Киевъ подъ Федоромъ княземъ (ордынск. подручникомъ) взялъ и посади въ немъ Владимира, сына своего. И нача надъ симъ владѣти, имъ же отци его дани даиху“.

³⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 127, 229; K. Studnicki Bracia Jagiełły, 114.

⁴⁾ Въ исторической науцѣ до послѣдняго времени не подлежалъ никакому сомнѣнію фактъ завоеванія Галицкой Руси Казимиромъ тотчасъ по смерти послѣдняго галицкаго князя Юрия Болеславича въ 1340 г. (Антоновичъ, Моногр., I, 79). Впервые поколебалъ это возврѣніе Karo (Gesch. Pol., II, 229; III, 54), но его замѣтки не измѣнили установившагося взгляда. Не могло измѣнить этого взгляда и указаніе K. Бестужева-Рюміна на 1349 г., какъ на время присоединенія Галицкой Руси къ Польшѣ (Русск. Ист., I, 298). Полное разъясненіе этого вопроса, какъ и вообще вопроса о судьбѣ Галицко-Владимірского наслѣдія въ XIV столѣтіи, всецѣло принадлежитъ прекрасному труду И. П. Филевича. Рядомъ неопровергнутыхъ данныхъ ему удалось, между прочими, доказать, что волынскій князь Любартъ въ 1340 г. управлялъ Галицкой Русью, отошедшей къ Польшѣ лишь послѣ завоеванія Казимиромъ Львовской земли въ 1349 г. (См. „Борьба Польши

Собственно при Ольгердѣ заканчивается образование основной территории Литовского государства. Приобрѣтенія, сдѣланныя затѣмъ при Витовтѣ, состояли изъ такихъ областей, которыхъ принадлежали къ составу Литовского государства лишь временно и отошли отъ него далеко раньше Люблинской уніи. Такова Смоленская земля. Какъ полагаютъ, зависимость ея отъ Литвы началась еще при Гедиминѣ; сидѣвшіе въ Смоленскѣ русскіе князья иѣрно „служили“ великимъ княземъ литовскимъ. Окончательное подчиненіе имъ этой области принадлежитъ 1404 г.; въ началѣ XVI ст. она отошла къ Москвѣ¹). При Витовтѣ же становится въ зависимость отъ Литвы на нѣкоторое время Рязанская земля. Князь Иванъ Федоровичъ (1427—1456), тѣсненный соображеніями, заключаетъ съ Витовтомъ договоръ о подчиненіи ему Рязанской земли, признаетъ себя подручникомъ великаго князя литовскаго и уступаетъ Витовту нѣкоторыя пограничныя волости—Тулу и пр. Зависимость эта окончилась вмѣсть со смертью Витовта²). Наконецъ, лѣтописное преданіе приписываетъ Витовту походы въ глубь южныхъ татарскихъ степей, расширение литовской территории вплоть до Черноморскаго побережья, построеніе цѣлаго ряда укрѣпленныхъ замковъ и поселеній на нижнемъ Днѣпѣ, съ подчиненіемъ Литвѣ окрестныхъ земель³). Но эти широкія границы Литовского государства на югѣ держались не болѣе полѣвѣка: подъ напоромъ татарской (Крымской) орды южная граница Литвы отодвигается съ конца XV ст. далеко на югъ—къ берегамъ Росіи и срединного теченія Ингула. За Черкасами и Подольской твердыней—Каменцомъ, къ югу шла „Дикія Поля“ пустынная степь, сдѣлавшаяся вскорѣ поприщемъ неустанной борьбы казачини съ татарами и зависившей отъ нихъ Ногайской ордой⁴). Сохранилась, впрочемъ,

и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наслѣдіе“, 1890. стр. 66, 84 и слѣд. *Бюлл. жж.* „Къ вопросу о борьбѣ“ и пр., 332 и слѣд.).

¹⁾ K. Stadnicki, Bracia Wlad.-Iagiełły, 289; T. Smolka, Kiejstut, 10.

²⁾ А. А. Э., I, № 25.

³⁾ Молчановскій, Очеркъ изв. о Подольск. землѣ, 253, 294, 325. Актоносичъ, Монogr., I, 245.

⁴⁾ Актоносичъ, Монogr., I, 245—246. На принадлежность къ Литвѣ Черноморскаго побережья въ XV ст. указывается, между прочими, одинъ современный актъ—о владѣніяхъ подольскихъмагнатовъ Яловенскихъ на Черномъ морѣ, въ той жеѣстности, гдѣ была при Витовтѣ гавань Качубей, потомъ Хаджибей (нынѣ Одесса). Часцій сообщаетъ объ этомъ интересномъ актѣ слѣдующее: „Widzialemъ ląd decyzyi Władysława Jagiełłończyka (Варненчика), 1442 г. między Iazłowieckim, którymi tę częśczi ziemi nad Czarnym mormem, gdzie był i jest mały port Ka-

въ литовской метрикѣ одна старая запись (безъ даты), записанная въ числѣ актовъ 1540 г. и составленная для „свѣдѣтства“ короля (какого—не сказано) по показаніямъ старыхъ людей—кіянъ, черкесанъ и калевцевъ, о границахъ великаго княжества Литовскаго, приблизительно въ тѣхъ предѣлахъ (со включеніемъ Черноморскаго побережья), въ какихъ границы эти были опредѣлены завоеваніями Витовта¹). Въ XVI ст. Черноморье и Дикія Поля. во всякомъ случаѣ не входили въ составъ литовской территории. Въ указанныхъ въ записи границахъ могли простираться въ это время не фактическія владѣнія Литовскаго государства. а лишь одно „право“, обоснованное на Витовтовыхъ завоеваніяхъ. По всей вѣроятности, запись о южныхъ границахъ литовскихъ владѣній была составлена не позже второй половины XV ст., для „свѣдѣтства“ Казимира-Ягеллона, при которомъ Литовское государство на югѣ еще могло держаться старыхъ границъ, намѣченныхъ во времена Витовта.

Въ предыдущихъ замѣткахъ изложенъ, кажется, довольно ясно постепенный процессъ образования територіи литовскаго государства. О „завоеваніяхъ“ можетъ быть рѣчь въ начальную пору этого процесса, при первыхъ литовскихъ вождяхъ (когда еще не вполнѣ обозначалась политика, какой затѣмъ неуклонно держались главные со-биратели Литовской Руси). да въ концѣ этого процесса—при Витонѣ, когда къ литовскимъ владѣніямъ присоединились, путемъ завоеванія, такія области, какъ южная Дикія Поля и пр. Прибѣгать къ завоеваніямъ не было никакой надобности тамъ, гдѣ гнетущія бытовыя условія старого времени, *volens-nolens*, должны были заставлять русскія земли и русскихъ князей вступать въ союзъ, а затѣмъ и добровольно подчиняться власти сильныхъ и энергичныхъ литовскихъ вождей. Вспомнимъ, что систематическое „завоеваніе“ Литвой сосѣднихъ русскихъ земель, съ Мендовга и особенно Гедимина, когда литвины, тѣснимые нѣмцами, по выражению проф. В. А. Антоновича, „бросаются на со-сѣдніе русскіе уѣзы“ и безъ труда овладѣваютъ обширной терри-

czubej, darował, a swemi urzędnikami, którzy dowodzili, iż w przywileju nie było danych przesypsk (tenepem. Ileperem), a te od sto okładem lat zostały przez morze dane: quia mare abstulit alius, nostro vero dominio adjunxit: Musiała ta rzecz byc znaczna, kiedy oto był spór, i Iazłowiecki stawianiu domów straży na tym przysipisku się opierał: jak Władysław ten spór ukonczył, nie mogłem zna- leść dowodów" (Dzieła Tad. Czackiego, zebry. prz. Raczyńskiego, t. II, 179 primęć 333).

¹⁾ A. 3. P., II, № 129.

торієй¹⁾), починається якъ разъ въ разгаръ татарскаго разоренія русскихъ земель, обезсиливаемыхъ и безъ того. иногда до полной безнамошности, раздорами и усобицей князей и общинъ. Оплотъ противъ татарскаго разоренія русское населеніе видѣло не въ ордынскихъ подручникахъ—русскихъ князьяхъ, по въ энергическихъ литовскихъ вождяхъ: смѣна первыхъ посѣдними вытекала изъ жизненныхъ условій русскихъ земель. Лишь благодаря литовскому объединенію, „руsskія области получили гарантіи для спокойнаго развитія своей внутренней жизни“ Въ свою очередь, и политика литовскихъ князей, особенно на первыхъ порахъ, выражалась именно въ этомъ направленіи. Отдавая явное предпочтеніе русской гражданственности и русскимъ людямъ, литовскіе князья „съ удивительнымъ политическимъ тактомъ и безпристрастiemъ всесфѣро опираются на русское населеніе государства, оберегаютъ его вѣрованія, обычай и права, постепенно подчиняются его культурному вліянію, считаютъ свой родъ вступившимъ во всѣ права русскаго княжескаго рода и примѣняютъ къ себѣ всѣ понятія о княжеской власти и ея отношеніяхъ къ землѣ, выработанныя потомками Владимира Св.“²⁾). Въ логической связи съ этой общей политической программой литовскихъ князей стоитъ и та политика, какой они неуклонно слѣдовали въ дѣлѣ объединенія русскихъ земель,—политика „пріязни“ съ населеніемъ и „очищенія“ русскихъ земель отъ ордынцевъ и ордынской зависимости. Сказанное выше о способахъ и приемахъ присоединенія Подолія къ Литвѣ можно съ полнымъ правомъ примѣнить и къ объединенію другихъ русскихъ земель: подчиненіе ихъ власти литовскихъ князей совершилось путемъ не завоеванія, а „пріязни“, по всѣмъ видимостямъ—при содѣйствіи самого же населенія, видѣвшаго въ литовскихъ вождяхъ оберегателей (по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, до сближенія Литвы съ Польшей) спокойнаго развитія его внутренней жизни.

Со временемъ Витовта³⁾ начинается внутреннее объединеніе госу-

¹⁾ Арх. Ю. Р., ч. VI, т. II, 8.

²⁾ В. Актоносич, Монogr., I, 229; Житіе народностей въ южной Руси (Кievsk. Старина, 1884, сент., 14 и сл.); Петровъ, Бѣлоруссія и Литва, 63. 75; ею же, Надолія, 26, 59.

³⁾ Кроме приведенныхъ выше монографій К. Стадницкаго, Вольфа и др., Витовтъ см. также сочин.: A. Hlebowicz, Krótki rys źycia Witolda (1821); J. Bartoszewicz, Witold (Encykł. Powsz. f. XXIII, 301); A. Prochoruk, Ostatnie lata Witolda (1882); A. Барбашевъ, Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1885).

дарства, путемъ постепенной отмѣны старой удѣльной розни между отдѣльными литовско-русскими областями. Къ концу XV столѣтія удѣльная система падаетъ лишь въ главныхъ центрахъ отдѣльныхъ областей государства. Внутреннее объединеніе всего состава государства подъ непосредственnoю властью литовскихъ „господарей“ окончательно завершается лишь въ началѣ шестаго десятилѣтія XVI столѣтія. Инициаторовъ единодержавія въ Литвѣ нельзѧ, конечно, ставить на одну доску съ творцами единодержавія московскаго, энергически осуществлявшими, безъ всякихъ колебаній, систему добыванія удѣловъ и земель всяческими „примыслами“ (завоеваніемъ, куплей, завѣщаніемъ и пр.). Литовское единодержавіе никогда не достигало такой силы и напряженія, какъ это было въ Москвѣ при Иванѣ III. а тѣмъ болѣе при его преемникахъ — строгихъ и неуклонныхъ систематикахъ, не разбиравшихъ средствъ и случаевъ для территориального расширенія и объединенія государства. Въ большинствѣ случаевъ литовские великие князья подчинили удѣльные владѣнія своей непосредственной власти по праву вымерочности, при прекращеніи рода удѣльныхъ князей, или же удаляли ихъ изъ удѣловъ лишь при явномъ стремленіи къ отдѣленію отъ государства, когда отлагавшійся отъ литовского господаря удѣльный князь „не вехоте покоры учинити и челомъ ударити“, какъ это было въ 1392 году съ витебскимъ княземъ Свирдгайломъ или всѣдѣ затѣмъ съ Владиміромъ Ольгердовичемъ, княземъ кievskimъ¹⁾). Что литовские господари не были строгими систематиками въ дѣлѣ объединенія государства, видно изъ исторіи Киевскаго княжества. Послѣ удаленія Владимира Ольгердовича, княжество это не присоединяется къ владѣніямъ великаго князя, а дается въ удѣль Скиргайлу и только послѣ безлотомной его смерти (въ 1396 г.) обращается въ старство. Въ 1440 году Киевскій удѣль опять восстанавливается въ родѣ бывшаго удѣльного князя Владимира Ольгердовича, переходитъ сперва къ его сыну (Александру Олельковичу), а затѣмъ внуку. По смерти

¹⁾) *Литовское, Моногр., I, 232; Молчановский, Очеркъ изв. о Подольск. землѣ, 232; Stadnicki, Bracia, 306.* На такихъ же основаніяхъ и по тѣмъ же новодамъ отбирались удѣлы и въ послѣдующее время, напримѣръ, въ 1482 году у князей Ольшанскихъ, Олельковичей и Бѣльскихъ, за заговоръ объ отдѣленіи отъ Литвы (Stadnicki, Bracia Wladyslawa-Jagieły, 198). Удѣлы ихъ были причислены къ владѣніямъ великаго князя; но затѣмъ, большей частью, снова перешли въ другие руки удѣльныхъ князей (Stadnicki, Bracia, 202; Wolff, Röd Gedimina, 111; Baliborski, Staroz. Polska, 2-е изд. IV, 181).

послѣднаго Казимиръ вовсе не думалъ закрывать Киевскій удѣль, а намѣревался передать его сыну умершаго князя (Василію Олельковичу), о чём и было заявлено королемъ радѣ. Заявленіе королевское встрѣтило, однако, сильныя возраженія со стороны литовскихъ магнатовъ—Монвидовъ, и въ особенности всесильнаго тогда Гастольда, расчитывавшаго самому сѣсть въ Киевѣ въ качествѣ полновластнаго старосты; король принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Киевъ дѣйствительно поступилъ въ управление Гастольда¹⁾.

При прекращеніи мужскихъ линій удѣльныхъ князей, когда представлялся „удобный случай“ объединенія, великие князья литовскіе, однако, строго заботились о поддержаніи и сохраненіи установившихся обычаевъ въ дѣлѣ преемства удѣльныхъ владѣній. Обыкновенно удѣлы, до позднѣйшаго времени, переходили въ такихъ случаяхъ въ женскія линіи владѣтельныхъ родовъ до полнаго ихъ прекращенія. Такъ было поступлено, напримѣръ, съ княжествомъ Кобринскимъ (около 1490 г.) по смерти князя Ивана Семеновича, съ которымъ престѣллось мужское поколѣніе мѣстныхъ князей: ихъ владѣтельный права перешли сначала къ вдовѣ умершаго князя, затѣмъ къ его дочери; только послѣ бездѣтной смерти послѣдней княжество Кобринское обратилось въ старство. Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, Кобринскій удѣль опять возстанавливается пожалованіемъ его королевѣ Бонѣ, послѣдней княгинѣ кобринской²⁾.

Владѣтельный права, переходившія въ женскія линіи, удерживались за ихъ представительницами обыкновенно подъ условіемъ брака съ „равными“ владѣтельными лицами. Около 1489 года прекратился родъ князей Мстиславскихъ въ мужскомъ поколѣніи; наслѣдницамъ предоставлены были права на удѣль подъ указаннымъ условіемъ; удѣль Мстиславскій въ слѣдующемъ году перешелъ къ князю Михайлу Заславскому, женившемуся на одной изъ владѣтельницъ удѣла³⁾.

¹⁾ Василію Олельковичу данъ быть другой удѣль. (См. Stadnicki, Bracia, 152; Wolff, Rѣd Gedim., 107, 109).

²⁾ Wolff, Rѣd Gedim., 189—143. Королева, какъ увидимъ изъ очерка образования отдельныхъ областей Литовско-Русского государства, владѣла въ теченіе многихъ лѣтъ чуть ли не половиной западно-русскихъ областей (Кобринскимъ погѣтомъ, большей частью Литовскаго Полѣсъя съ Рогачевымъ на Днѣпрѣ и пр.) на полныхъ правахъ удѣльной „господарини“. Лишь въ 1556 году, съ выѣздомъ изъ Литвы этой послѣдней представительницы старого удѣльного режима, въ Литовской Руси устанавливается единодержавіе на всей территории государства.

³⁾ Wolff, Rѣd, 161.

Вообще говоря, въ Литовской Руси идея единодержавія никогда не возводилась въ сколько нибудь строгій принципъ, который бы съ надлежашей настойчивостью проводился въ жизнь литовскими господарями. Въ XV вѣкѣ объединительная тенденція, повидимому, сдѣлала уже значительные успѣхи; между тѣмъ, мы видимъ, что и въ это время, какъ и раньше, рядомъ съ удѣлами Гедиминовичей, создавались новые удѣлы для князей, отѣзжавшихъ изъ Москвы. Для примѣра укажемъ на Московскихъ выходцевъ—князей Боровскихъ, которымъ даны были въ половинѣ XV столѣтія два отдельные удѣла. Василий Ярославичъ получилъ въ удѣль Мстиславъ и Сѣверские города, его сынъ—Клецкъ, Рогачовъ и городокъ Давидовъ¹⁾.

Внимательное изученіе вопроса объ объединеніи Литовского государства приводить насъ къ тому убѣжденію, что установление единодержавія въ Литовской Руси далеко не было закончено Казимиромъ²⁾,

¹⁾) *Wöllf*, R6d, 29. Такимъ же образомъ, въ 1496 году, другому выходцу изъ Москвы, князю Семену Ивану Можайскому, дана была почти половина Сѣверской земли (Черниговъ, Стародубъ, Гомель и Каравеъ съ волостами) въ „вотчину вѣчно ему и его женѣ и ихъ дѣтямъ“ (А. З. Р., I, № 139).

²⁾) Положеніе вопроса объ удѣлахъ при Казимирѣ и вообще въ XV вѣкѣ до некоторой степени иллюстрируется перепиской, возникшей въ 1496 году между польскимъ и литовскимъ правительствами о предоставлении польскому королевичу Сигизмунду удѣла въ Литвѣ. Великий князь литовский Александръ такъ мотивируетъ свой отказъ: „Тое нашо панство, великое князество, иколи не было дѣлено зданиемъ, съ нашихъ предковъ (?). А чѣмъ быхмо и хотѣли то очинити (предполагалось дать Кіевъ и другіе города) для нашего брата, ино панове рада наша и вся земля никако не хотѣть того дозволити и допустити, до гордъ своихъ, и то мовитъ завжди передъ нами, иже не звѣти двухъ пановъ мѣти, бо того иколи передъ тымъ не бывало“ (!). Господарь литовскій, лично ничего не имѣвши противъ домогательства поляковъ, отказалъ въ виду сопротивленія пановъ ради. Не такъ отнесся къ этому вопросу восточный соудъ, московскій великий князь Иванъ III, строгій сторонникъ объединительной политики. Узнавъ, что „князь великий да и панове (сторонники поляковъ) думаютъ, а хотятъ Жыгимонту дать въ Литовскомъ въ великому княжеству Кіевъ да и иные города“, Иванъ III пишетъ въ Литву къ своей дочери, великой княгинѣ Еленѣ: „ибо, дочи, сыхахъ я, каково было нестроеніе въ Литовской земли, коли было государей много, а въ нашей земли, сыхаха еси, каково было нестроеніе при моемъ отцѣ, а онослѣ отца моего каково были дѣла и мнѣ съ братюю И только Жыгимонту будеть въ Литовской земли, ино вашему которому добру быти?“ (А. З. Р. I, № 135, 136). Великий князь литовскій не даромъ ссыпалъ на радныхъ пановъ—магнатовъ, преслѣдовавшихъ вездѣ и во всемъ лишь свои узкіе, сословные интересы. Удѣльные князья не были на руку магнатамъ, не принадлежавшимъ къ владѣтельнымъ родамъ: удѣлы князей шли въ разрѣзъ съ стремлениемъ магнатовъ превратить

при которомъ, какъ обыкновенно полагаютъ, будто бы окончательно пала удѣльная система въ Литовской Руси¹). Факты, напротивъ, показываютъ, что удѣльное многодержавіе стало окончательно терять силу лишь въ началѣ третьей четверти XVI столѣтія, то-есть, почти предъ самой Люблинской унії.

Великие князья литовскіе Александръ и Сигизмундъ I получили отъ Витовта и Казимира, въ видѣ наслѣдія, не немногіе мелкіе удѣлы, владѣтели которыхъ, „снизойдя на степень служилыхъ князей, не играли уже никакой политической роли“, а весьма компактный составъ чуть ли не болѣе 20-ти удѣльныхъ владѣній (въ собственной Литвѣ, Черной Руси, Бѣлоруссіи, Литовскомъ Полѣсіѣ, Сѣверщина и особенно на Волыни). Ихъ „Божію милостію“ наследственные „пани“ и „отчины“ представляли, въ своей совокупности, замѣтную политическую силу, съ которой во всякомъ случаѣ должны были считаться литовскіе „господари“, силу, которая заявляла себя иногда съ большой энергией и въ господарской радѣ-сеймѣ, и на такихъ важныхъ въ политическомъ отношеніи урядахъ, какъ намѣстники господарские, воеводы, старости и т. д.

Сила эта глухо сказывается, между прочимъ, въ упорномъ протестѣ литовскихъмагнатовъ противъ унії съ Польшей; между такими протестантами стояли на первомъ планѣ потомки старыхъ удѣльныхъ князей (Радзивиллы, Острожскіе, Сангушки, Слуцкіе-Олеlkовичи, Чарторыскіе, Корецкіе и др.), преслѣдовавшіе въ своемъ протестѣ не только идею государственной самобытности Литвы, но и далеко не угасшая тенденція династическая. Тенденціи эти ясно высказываются князьями-магнатами даже въ ихъ официальныхъ актахъ второй половины XVI столѣтія. Князь Николай Радзивиль, потомокъ старыхъ

государство въ силошную сѣть старостъ и державствъ, скерва пожизненныхъ владѣній пановъ, а затѣмъ ихъ наследственныхъ вотчинъ, не многимъ отличавшихся отъ старыхъ княжескихъ удѣловъ. Въ данномъ случаѣ паны-рада времена Александра руководились такими же мотивами, какъ и рада при Казимирѣ, съ Гостольдомъ во главѣ, оппонировавшимъ изъ-за своихъ личныхъ цѣлей противъ остановленія Киева на старомъ удѣльномъ положеніи по смерти послѣдняго его князя (см. выше). Удѣльная система пала въ Литовской Руси не въ силу ясно сознанного принципа государственного единодержавія, не подъ вліяніемъ объединительной политики литовскихъ господарей, но подъ давленіемъ сословныхъ интересовъ магнатовъ. Со второй половины XVI столѣтія удѣльная рознь въ Литвѣ уступила место не единодержавію литовскихъ господарей, а напротивъ—безграничному многодержавію польско-литовскихъ велиможныхъ пановъ.

¹⁾ Ясинский. Усъ. земск. грамоты, 48.

удѣльныхъ князей Биржанскихъ, посланный въ 1562 г. Сигизмундомъ-Августомъ въ Ливонію, титууетъ себя въ грамотахъ къ землянамъ: „Мы, Николай Радзивіллъ, *Боожію милостію, князь Олітскій и Несвіжскій*“¹). Мысль о реставраціи старого удѣльного порядка далеко не была чужда даже знаменитому творцу Люблинской унії—королю Сигизмунду-Августу. Предлагая въ 1567 г. (за два года до Люблинской унії) возвратиться въ Литву потомкамъ удѣльныхъ князей Литвы—Мстиславскимъ, Бѣльскимъ и Воротынскимъ, отъехавшимъ раньше въ Москву и служившимъ здѣсь въ качествѣ государевыхъ намѣстниковъ и пр., Сигизмундъ-Августъ обѣщаетъ сдѣлать ихъ удѣльными князьями въ ихъ старыхъ „отчінныхъ земляхъ літовскихъ“ или дать имъ новые удѣлы и волости²).

Былаа удѣльная рознь, *de jure* прекращающаяся въ Литовской Руси въ началѣ второй половины XVI столѣтія, на дѣлѣ, въ самой жизни, не исчезала до и послѣ Люблинской унії. Къ „цвѣткамъ“ уніи историки не безъ основанія относятъ переходъ государственной власти въ руки всемогущаго шляхетства³). Съ этихъ поръ въ Литовской Руси не существуетъ больше старый „господарь“, требовавшій „покоры“ и отъ удѣльного князя, и отъ простаго земянина. Право на такую покору Люблинская унія передала шляхетному магнату: номинальный подданный Речи Посполитой, онъ явился на дѣлѣ, въ своемъ замкѣ и своихъ маєтностяхъ, старымъ удѣльнымъ княземъ, но безъ былой „покоры“ не существующему для него больше господарю. Если въ старое время верховная власть разбивалась въ Литовской Руси между князьями великими и удѣльными, то теперь, съ половины третьей четверти XVI столѣтія, она расползается по всѣмъ

¹) *Н. Малышевский*, Любл. съѣздъ 1569 (Памятн. русск. старинъ въ зак. губ. 1885, вын. VIII, стр. 115). Тѣ же династическія тенденціи проглядываютъ въ XVI вѣкѣ въ потокѣ современныхъ літовскихъ магнатовъ Волынской и другихъ земель за установлениемъ генеалогическаго родства ихъ съ Любартовичами (напримеръ, Сангуши), Корiatовичами и другими Гедиминовичами. Тенденціи эти, какъ увидимъ ниже, особенно усиливаются послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ и установления избирательной системы преемства господарской власти: князья-магнаты, усвоивъ „przydomky“ Корбыгутовъ, Любартовичей и пр., прямо становились въ ряды кандидатовъ на занятіе трона, чего, какъ извѣстно, и достигли Вишневецкіе-Корбыгуты, на дѣлѣ принадлежавшіе къ потомкамъ старыхъ русскихъ князей—Рюриковичей (см. объ этомъ ниже).

²) Дрэл. Росс. Віны., т. XV, №№ 3, 5 и 6; Skarbiec Daniłowicza, №№ 2373—2375.

³) С. Бернадский, Литовск. епарх., 318.

шляхетскимъ маестностямъ и замкамъ. Каждый, мало-мальски заможный панъ могъ безнаказанно вести себя, какъ независѣвши отъ кого „господаря“, могъ по праву обрывать своимъ *veto* на сеймѣ всяческое рѣшеніе государственной власти, могъ отвѣтчать въ своемъ замкѣ на законныя требованія судебнай и правительственной власти вооруженной силой, ружейной и пушечной пальбой¹⁾).

II.

Перейдемъ теперь къ вопросу о *территоріальномъ составѣ отдельныхъ областей*, изъ которыхъ постепенно сложилось Литовско-Русское государство. Скажемъ сначала объ образованіи территоїи собственной Литвы, а затѣмъ—руssкихъ областей и входившихъ въ ихъ составъ удѣльныхъ владѣній и волостей.

Территориальное объединеніе собственной Литвы, лишь слабо начатое Керновскимъ владѣтелемъ Рынгольдомъ, было начато на болѣе прочныхъ основаніяхъ его сыномъ Миндовгомъ. При помощи значительныхъ силъ, добытыхъ въ присоединенныхъ къ Литвѣ русскихъ земляхъ, Миндовгъ успѣлъ поставить въ зависимое отъ себя положеніе большинство мелкихъ литовскихъ владѣльцевъ. Подчиняя себѣ разрозненный литовскія владѣнія, Миндовгъ силою обстоятельствъ являлся въ роли верховнаго вождя всей Литвы²⁾, первого собирателя независимыхъ литовскихъ волостей и общинъ въ сложные политическія единицы—земли и княженія. Въ теченіе XIII вѣка волости собственной Литвы начинаютъ постепенно группироваться въ болѣе или менѣе крупныя земли, составлявшія удѣлы мѣстныхъ литовскихъ князей, подъ верховнымъ главенствомъ великихъ князей литовскихъ. Къ такимъ землямъ относятся княжества: Керновское, Трокское, Виленское, Кревское, Гольшанскоe (или Ольшанское), Свирское, Лидское и другія.

Земля Керновская (по рѣкѣ Вилѣ, къ сѣверо-западу отъ Вильны)

¹⁾ Образчикъ такихъ „державныхъ“ отношеній литовской поземельной шляхты къ исполнительной власти, имѣвшій мѣсто послѣ Люблинской упіи, приводится проф. С. А. Бершадскимъ въ сжатомъ, но фактически обстоятельномъ этюдѣ о „Госуд. власти и литовск. обществѣ“ въ XVI вѣкѣ (См. „Литовск. евреи“, стр. 314).

²⁾ Какъ известно, въ 1250 г. совершилось коронование Миндовга королемъ всей Литвы—„in regem totius Litvoniæ ac terram omnium“, по выражению изданий по этому поводу буллы папы Иннокентія IV (см. *Dniowski, Skarbiec*, № 122; ср. Антонович. Моногр., I, 38).

составляла съ XIII вѣка удѣль князей рода Мендовга, первого собирателя Литовской земли. Главный городъ этого удѣла Керновъ считается древней литовской столицей (еще во время княжения Рынгольда, отца Мендовга) до временъ Гедимина, избравшаго (ок. 1321 г.) своей резиденціей Троки, а затѣмъ Вильну. При Гедимиинѣ Керновскій удѣль достался старшему его сыну Монвиду. По смерти (въ 1392 г.) послѣдняго керновского князя Александра-Вигунта (сына Ольгерда), не оставившаго потомковъ, его удѣль былъ присоединенъ къ владѣніямъ великихъ князей, вошелъ въ число литовскихъ староствъ. При учрежденіи въ Литвѣ воеводствъ (въ 1413 г.) Керновское староство вошло въ составъ Виленского воеводства¹⁾.

Съ половины XIII вѣка выдѣляется удѣль Трокскій, составлявшій настаринное владѣніе Мендовга и послѣдующихъ князей его рода, а затѣмъ князей новой династіи (Витена). Въ XIV вѣкѣ (собственно съ Гедимина) Трокская земля становится однимъ изъ главныхъ центровъ Литвы, къ которому постепенно примыкаетъ почти вся западная половина Литовской земли. При Гедимиинѣ Трокская земля, подъ общимъ названіемъ „княжества“, простиралась къ Лидѣ и Ковно, затѣмъ вверхъ Подляхіи до границы Пруссской; пространство это, обнимавшее въ то время позднѣйшее воеводство Трокское, затѣмъ Берестье, Гродно и Жмудь, служило военной границей, закрывавшей Литву отъ западныхъ сосѣдей—Польши и Нѣмецкаго Ордена. Во главѣ этого удѣла стоялъ до своей смерти Кейстутъ Гедиминовичъ, строго оберегавшій слагавшееся государство отъ посягательства западныхъ сосѣдей. Ягелло, враждебно относившійся къ своему сопернику Кейстуту, послѣ удушенія послѣдняго (по приказу Ягеллы) въ 1382 г., передалъ Трокскій удѣль Скиргайлѣ; чрезъ десять лѣтъ Витовтъ заставилъ короля возвратить ему отцовскій удѣль (Трокскій), а затѣмъ и великокняжеское достоинство. Съ тѣхъ поръ Троки составляли основной удѣль, „отчину“ Кейстутовичей. Такое воззрѣніе на Трокскую землю удерживалось еще въ XV вѣкѣ, какъ это видно изъ записи (1482) великаго князя Сигизмунда Кейстутовича и его сына, заявившихъ, что по ихъ смерти все Литовское княжество должно

¹⁾) *Baliński i Lipiński, Staroż. Polska*, 2-ое изд., т. IV, 165 и слѣд. *Sulimierski, Słown. geogr.* IV, 47. *K. Stadnicki, Synowie Gedymina*, I (изд. 1881), 81; *то же, Bracia Wladysława-Jagieły*, 241, 244; *Wolf, Ród Gedim.*, 10, 162. О Керновскомъ князѣ Монвиде см. *Latop. Dzikowicza*, 1; *хрон. Вышограда*, 17; *Długosz, Dzieje Pol.*, III, 877; *Narbutt*, IV, 626; V, 2. Послѣдній Керновскій князь Вигунтъ (*dux Kiernowiensis*) подписался на грамотѣ 1382 г. (*Skarbiec*, № 480).

стойдти къ польскому королю, кроме ихъ отчина Трокъ и другихъ отчинныхъ владѣній, остающихся въ ихъ родѣ. Съ Витовта княжество Трокское управлялось намѣстниками и старостами, а съ 1413 г. воеводами¹).

Съ конца XIII и начала XIV вѣка (собственно съ новой династіи лѣтковскихъ князей въ лицѣ Витена и Гедимина) восточная половина Литовской земли, состоявшая изъ мелкихъ удѣльныхъ княжений, начинаетъ постепенно группироваться около другого главного центра Литвы—*Виленскую княжество*, съ Гедимина составлявшаго непосредственное владѣніе великихъ князей литовскихъ. При Еанутѣ, первомъ великому князю послѣ Гедимина, великокняжеский удѣль состоялъ изъ Вильны и пригородовъ: Ошмяны, Вилькомира и Браслава Литовского. Ольгердъ, смѣнившій вскорѣ Еанута, владѣль, сверхъ центрального удѣла, также полученнымъ еще при отцѣ, небольшимъ удѣломъ Кревскимъ, а съ 1320 г. Витебской землей (по браку съ наследницей послѣдняго витебского князя). При Ягелѣ къ великокняжескому удѣлу присоединяются земли: Мстиславская, Минская и Новогродская; въ границахъ этихъ земель находились еще дробные удѣлы Гедиминовичей (Заславъ, Свислочь). Въ это время великокняжеский удѣль былъ значительно меныше остальныхъ княжескихъ удѣловъ и немногимъ больше удѣла Кейстута (Трокского). Собственно съ Витовта центральный литовскій удѣль начинаетъ расширяться во все стороны; къ нему примыкаютъ земли Трокская, Жмудская и пр.. хотя, впрочемъ, еще при Сигизмундѣ Кейстутовичѣ, какъ мы видѣли, удерживалось противоположеніе великокняжескаго удѣла, обнимавшаго восточную половину литовской территории, Трокской землѣ, какъ „отчинному“ владѣнію Кейстутовичей. Лишь съ Казимиромъ владѣнія великихъ князей литовскихъ окончательно утрачиваются прежній удѣльный характеръ,—понятіе великокняжескаго удѣла сливаются съ общимъ понятіемъ „великаго княжества Литовскаго“²).

¹⁾ *Baliński*, Starož. Polska, 2-е изд., IV, 239. *Naruszewicz*, Hist. Pol., VII, 125, 191. *Stadnicki*, Olgerd, 28, 196, *Ego же*, Bracia, 259, 270. *Bartoszewicz*, Zygm. Kiejstut. (Encyklop. Powsz., XXVIII, 827). *Wolff*, Ród Gedim., 47, 62—63, 145—146. *Smolka*, Kiejstut, 5—7. Latop. *Danił.*, 27, 28, 39. *Litop. Nowosa*, 38; *Byłozewicz*, 83. *Stryjkowski*, Hist. Pol., VII, 125 и 191. *Skarbiec*, №№ 480, 482, 542, 1630.

²⁾ *K. Stadnicki*, Sybow. Gedym. (2-е изд.), 71 и слѣд. *Ego же*, Bracia, 20; *ego же*, Olgerd, 23. *B. Antonowicz*, Monogr., I, 76. *Wolff*, Ród Gedim., 26. *Smolka*, Kiejstut, 7, 10. Latop. *Danił.* 27; *Byłozewicz*, 17; *Długosz*, X, 60; *Stryjkowski*, Hist., I, 381. Ср. *J. Kroczyński*, Wilno od poczatkow jego do r. 1750 (1840—42);

Кромъ княжествъ, составлявшихъ первоначальный удѣльный владѣнія великихъ князей литовскихъ, существовалъ еще цѣлый рядъ княжескихъ владѣній, облагавшихъ со всѣхъ сторонъ центральные пункты старой Литвы и постепенно примыкавшихъ къ великокняжескому удѣлу. Къ владѣніямъ рода великихъ князей литовскихъ принадлежали небольшія княжества: Кревское, Лидское и Лошское. Остальные земли и княженія составляли удѣлы другихъ юбстныхъ князей, зависѣвшихъ отъ великихъ князей литовскихъ.

Крево (Krew) выдѣляется въ значеніи удѣла при Гедиминѣ. Тянувшія къ этому городу волости занимали долину р. Березины до истоковъ Вилии; при раздѣлѣ литовскихъ владѣній между сыновьями Гедимина, Кревская земля досталась (ок. 1338 г.) въ удѣль Ольгерду, а послѣ того Ягеллѣ. По смерти (въ 1391 г.) послѣдняго кревского князя (брата Ягеллы), Александра-Вигунта, не оставившаго потомства, Кревская земля, въ качествѣ выморочного владѣнія, была присоединена къ великокняжескому удѣлу и позже вошла въ составъ Виленского воеводства¹⁾.

Княжество Лидское (къ югу отъ Вильны, на рубежѣ Литвы съ Черной Русью) выдѣляется также при Гедиминѣ, въ началѣ XIV вѣка. Замокъ Лида съ сосѣдними волостями, въ качествѣ небольшаго княжества, принадлежалъ къ владѣнію Ягеллы (ок. 1387 г.); чрезъ 4 года Лидскій удѣль перешелъ къ Дмитрію-Корыбуту (брату Ягеллы), а вскорѣ затѣмъ къ Витовту. Въ 1397 г. княжество Лидское поступило во владѣніе одного изъ татарскихъ выходцевъ въ качествѣ староства и съ тѣхъ поръ числилось въ составѣ великокняжескихъ владѣній²⁾.

Къ литовскимъ же владѣніямъ Гедиминовичей, кажется, принадлежала *Лошская* волость, съ главнымъ городомъ Лоскъ (близъ Крево).

В. Васильевскій, Очертанія г. Вильно (Памятники Рус. Старин въ западн. губерніяхъ имперіи, вып. V и VI). *Baliński*, Staroż. Polska (2-е изд.), IV, 99. *Ею же*, Opisanie statyst. m. Wilna (1885). *Ею же*, Historia m. Wilna (1886—1887). *Ею же*, Dawna Akademia Wileńska (1862). Jan ze Sliwina (Kirkor), Przehadzki po Wilnie i jego okolicach (1857; втор. изд. 1869). *Ею же*, Przewodnik (1862). *Przyałgowski*, Żymoty biskopów Wileńskich (1860). W. K., Wilno (Encykł. Powsz., 1867, t. XXVII).

¹⁾ *Baliński*, Star. Pol., 2-е изд., IV, 179, 191. *Ею же*, Krewo (Журн. Nieraportinajki, 1844.) *Sulimierski*, Słown. geogr., IV, 667. *Stadnicki*, Olgerd, 23, 177. Latop. Даниловича, 33.

²⁾ *Baliński*, IV, 206; *Sulimierski*, Słown. geogr., V, 215; *Stadnicki*, Bracia Wład., 45. *Smolka*, Kiejstut, 11; Latop. Даниловича, 30.

Въ XIV ст. волость эта составляла владѣніе князей Лошскихъ, удѣживавшихъ владѣтельныя права до конца XV столѣтія ¹⁾). Изъ одной записи начала XVI столѣтія (1505 г.) видно, что Лоскъ раньше составлялъ удѣль одного изъ князей Гедиминовичей, именно бывшаго сѣверского князя Дмитрия-Корыбута (Ольгердовича ²⁾).

Перечисленныя княжества составляли родовыя владѣнія великихъ князей литовскихъ — Миндовга, Гедимина и другихъ собирателей Литовско-Русского государства. Эти-то центральныя земли Литвы, послужившия первымъ основаніемъ великаго княжества Литовскаго, находились въ непосредственномъ управлѣніи великихъ князей или же предоставлялись ими въ удѣль ихъ сыновьямъ и братьямъ. Вообще же говоря, большинство князей династій Миндовга и Гедимина старались заручиться удѣльными владѣніями въ составѣ русскихъ земляхъ, ставшихъ входить съ Миндовга въ составъ слагавшагося государства. Такъ, племянники Миндовга — Эрденъ и Товтивиль, утверждались, подъ его руководствомъ, въ земляхъ Полоцкой и Витебской. Точно также при Гедиминѣ въ русскихъ областяхъ имѣли удѣлы: его братъ Войнъ и сыновья — Наримунтъ, Коріатъ, Ольгердъ, Любартъ и Кейстутъ ³⁾.

Такимъ образомъ, собственно литовскія владѣнія князей-собирателей Литовско-Русского государства сложились постепенно въ XIII—XIV столѣтіи изъ волостей и общинъ, управлявшихся въ старое время своими мѣстными старшинами и вождями безъ всякихъ сколько-нибудь прочныхъ связей и зависимости между собой. Съ XIII столѣтія волости центральной Литвы сводятся въ три отдельныя земли: Керновскую, Трокскую и Виленскую, въ значеніи родовыхъ „дѣльницъ“ и „отчинъ“ великихъ князей литовскихъ. Въ концѣ того же вѣка и началѣ слѣдующаго образуются двѣ новыя группы волостей Гедиминовичей, вошедшихъ послѣ въ составъ великокняжескихъ владѣній. Одна группа общинъ образовалась въ Кревской и сосѣдней съ ней Лошской волости, на рубежѣ Литвы съ Бѣлоруссіей (Минской землей),

¹⁾ Sulimierski, Słown. geogr., V, 755. Balinski, Staroż. Pol., 2-ое изд., IV, 188.

²⁾ Отъ 1505 г. сохранилась запись о правахъ пинского князя на владѣніе „отчиной“ Лоскъ, но браку его съ внучкою князя Корыбута Ольгердовича (новогородъ-сѣверского). Лоскъ былъ въ то время во владѣніи сестры жены князя пинского; но ея смерти Лоскъ долженъ быть передѣтъ по праву „близкости“ къ женѣ князя пинского (A. P. I, № 214).

³⁾ В. Акимовичъ, Моногр., I, 25—26, 76.

другая—въ землѣ Лидской, на южной окраинѣ Литвы, прилегавшей къ Черной Руси.

Въ остальныхъ частяхъ территории собственной Литвы, за рубежемъ владѣній князей рода Гедимина, объединеніе и собирашеніе раздробленныхъ и независимыхъ одна отъ другой волостей и общинъ въ болѣе или менѣе обширныхъ земляхъ и княжества было дѣломъ князей, не принадлежавшихъ къ роду Миндовга и Гедимина,—потомковъ мѣстныхъ волостныхъ вождей и старшинъ. Они сумѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ, съ правами удѣльныхъ князей, иногда довольно значительный составъ волостей и общинъ, бывшихъ съ своими удѣльными князьями въ общей зависимости отъ великихъ князей центральной Литвы, какъ верховныхъ „господарей“ возникавшаго государства. Нѣкоторые изъ такихъ литовскихъ вождей и старшинъ еще въ первой половинѣ XIII столѣтія стали выдѣляться въ качествѣ собирателей Литовской земли, дѣйствовавшихъ въ этомъ направленіи независимо отъ князей рода Миндовга (Мингайло, Скирмунтъ¹⁾). Такая дѣятельность мѣстныхъ литовскихъ вождей непремѣнно предполагаетъ значительная владѣнія ихъ на родинѣ, которыхъ могли бы давать князьямъ достаточныхъ силы и средства для территориальныхъ (хотя бы и временныхъ) приобрѣтеній въ соѣднѣхъ русскихъ земляхъ.

По недостатку документальныхъ данныхъ, невозможно определить со всей точностью и подробностью территориальный составъ владѣній всѣхъ удѣльныхъ князей, второстепенныхъ собирателей Литовской земли, дѣйствовавшихъ въ этомъ направленіи параллельно съ великими князьями литовскими. Впрочемъ, и то, что известно доселе по этому вопросу, даетъ возможность, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ намѣтить образованіе территории отдельныхъ литовскихъ земель, составлявшихъ въ теченіе XIII и XIV вѣковъ удѣльные владѣнія разныхъ мѣстныхъ князей и затѣмъ постепенно присоединившихъ къ центральнымъ владѣніямъ великихъ князей по праву вымороочности—вслѣдствіе прекращенія рода мѣстныхъ князей, и пр.

Въ источникахъ сохранились извѣстія о территориальномъ составѣ лишь болѣе значительныхъ удѣльныхъ владѣній мѣстныхъ князей, не принадлежавшихъ къ Гедиминовичамъ²⁾). Волости такихъ князей из-

¹⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 23.

²⁾ По неяснымъ и сбивчивымъ указаніямъ литовскихъ хроникъ, принятыхъ на вѣру старыми польскими геральдиками (Папроцкимъ, Окольскимъ, Несецкимъ

стари располагались въ Завилейскомъ краѣ (отъ р. Вилии до Западной Двины), отчасти также въ восточной половинѣ старой Литвы (Гольшаны и др.), между Трокской и Виленской землями съ одной стороны, Лидской и Кревской землями—съ другой.

Весь съверный край Литвы, отъ р. Вилии до Западной Двины, настари извѣстенъ былъ подъ именемъ Завилейской земли. Здѣсь располагались съ XIII вѣка владѣнія разныхъ мѣстныхъ князей, не принадлежавшихъ къ Гедиминовичамъ, именно княжества: Биржанское, Утенское и Гедройское. Затѣмъ, мѣстнымъ князьямъ, не Гедиминовичамъ, принадлежали въ юговосточной половинѣ Литвы княжества: Свирское—къ съверу отъ Кревской земли до Полоцкихъ рубежей, и княжества Гольшанское и Трабское—къ западу отъ Кревской земли (въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею). Въ указанномъ порядкѣ мы и скажемъ о княжествахъ, принадлежавшихъ разнымъ мѣстнымъ литовскими князьямъ.

Княжество Биржанское занимало съверный уголъ Литвы, на побережье со старой землей Жемгали, съ конца XIII вѣка составлявшей владѣніе немецкихъ крестоносцевъ. Къ Биржанскому княжеству тянулся цѣлый рядъ литовскихъ волостей, заключавшихъ въ себѣ стольный городъ Бирже, до 10-ти пригородовъ и значительный составъ сельскихъ поселеній. Всѣ эти волости разбивались на двѣ половины: съверную—съ главнымъ городомъ княжества, и южную (съ пригородами Дубинки и Мушники); волости послѣдней располагались по съвернымъ рубежамъ Керновской земли¹). При Гедиминѣ одинъ изъ князей Биржанскихъ (Лиздейко) получилъ, какъ гласить преданіе, наименование *Радзивилла* (по-литовски — „добрый думца“, или совѣтникъ князей), сдѣлавшееся затѣмъ родовой фамиліей князей Биржан-

и др.), всѣ эти князья принадлежать къ роду завилейского князя Ромунда, происходящаго отъ одного изъ полумифическихъ родоначальниковъ Донишрунга (или Дорширунга). Позднѣйшіе польскіе историки (Бартопевичъ и др.) полагаютъ, что всѣ эти князья происходить отъ мѣстныхъ старшинъ-сподвижниковъ Миндовга, Гедимины и др.

¹) Въ XV и XVI столѣтіяхъ князьямъ Биржанскимъ-Радзивилламъ принадлежали также, кроме родовыхъ вотчинъ въ Литовской землѣ, обширная владѣнія въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ: Охта—въ Трокской землѣ; Несвижъ, Клецкъ и Мирже—въ Новогродскомъ повѣтѣ; Гродекъ и другія поселенія въ Минскомъ повѣтѣ; Гонядзъ и Медемъ — въ съверной Подлясіи, именно въ Бѣльской землѣ (см. *Niesiecki*, *Herb.*, VIII, 44, 57, 61; *Balinski*, III, 459; IV, 167, 171, 268, 280, 504, 525, 528, 688 и др.).

скихъ¹). При Ягеллѣ и Витовтѣ они еще удерживали вполнѣ значение удѣльныхъ владѣтелей; лишь во второй половинѣ XV вѣка князья Биржанские-Радзивиллы стали входить въ разрядъ литовскихъ служи-лыхъ князей²). Съ конца XIV столѣтія родъ князей Биржанскихъ раздѣлился на существующія доселѣ двѣ линіи: *Остиковъ* и *Прис-ковъ*, которые до послѣдняго времени удержали за собой основный владѣнія старыхъ князей Биржанскихъ³).

Утенское (или Уцянское) княжество сложилось въ XIII вѣкѣ изъ Завилейскихъ волостей,сосѣднихъ съ Биржанскимъ княжествомъ. По лѣтописному преданию, главный городъ этого княжества — Утена (Утина или Уцяна) основанъ еще въ XII вѣкѣ Утенесомъ, однимъ изъ старыхъ вождей Литвы Завилейской. Изъ пригородовъ упоминаются въ источникахъ: Девалтовъ, Сѣсики и др. Всѣ эти волости составляли удѣль мѣстныхъ князей Утенскихъ. Позже княжество Утенское перешло въ родъсосѣднихъ князей Гедройскихъ. Княжество Утенское существовало въ качествѣ самостоятельной области до конца XIV вѣка, когда большая его часть вошла въ составъ коронныхъ владѣній великихъ князей литовскихъ⁴). Во владѣніи потомковъ князей

¹) Родословная князей Биржанскихъ-Радзивиллъ составлена въ прошломъ стоятѣм (см. *Icones familiae ducatis Radivilianae*, 1775). По литовскимъ преданіямъ, князья Биржанские происходятъ отъ одного изъ военныхъ сподвижниковъ Гедимины. Польскіе геральдики (Напроцкій, Несецкій и др.) указываютъ, главнымъ образомъ, на Наримунта, старшаго сына Завилейского князя Ромунда, какъ на родоначальника Радзивилловъ (*Антононч*, Предисл. къ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 9).

²) Впрочемъ, Радзивиллы еще долго пользовались, если не *de jure*, то *de facto* положеніемъ владѣльческихъ князей. Въ 1564 г. Кристоффъ Радзивиллъ даетъ г. Бирже привилѣи на магдеб. право, подтвержденный затѣмъ королемъ (*Baliński, Star. Polska*, IV, 369). Какъ выше замѣчено, Николай Радзивиллъ титулуется въ грамотѣ 1562 года „Божію милостію“ княземъ Олітскимъ (Холмск. Русь, 1886, стр. 115).

³) Есть, впрочемъ, извѣстія, что нѣкоторыя волости Биржанского княже-ства (напримеръ, пригородъ Дубинки) еще при Витовтѣ были причислены къ короннымъ владѣніямъ вел. князей литовскихъ. См. *Baliński*, IV, 171. О Рад-зивиллахъ см. *Archivum Sangusz*, I, стр. 114—116 и др.; III, 41, 85 и др. О Рад-зивиллахъ-Остиковыхъ — *ibidem*, I, 48, 60; III, 12. Ср. *Niesiecki, Herbarz*, 2-е изд. 1839 г., VII, 140; VIII, 39. *Baliński, Star. Pol.*, 2-е изд., IV, 368. *Sulimierski, Słown. Geogr.*, I, 233. *E. Tyzikiewicz, Birże, rzut oka na przeszłość miasta, zamku i ordynacji* (1869). Ср. *Boniecki, Rocznik rodów*, 269.

⁴) Въ числѣ лицъ, подписавшихъ привилѣи евреямъ 1388 г., упоминается дер-живавца Утенскаго — князь Михаилъ Глинскій (*Zbiór pr. Lit.*, 109).

Утенскихъ оставались до позднѣйшаго времени старые пригороды Девалтовъ и Сѣсики съ ихъ волостями. Владѣльцы ихъ образовали позже двѣ родовыхъ линіи служилыхъ литовскихъ князей: *Слесицкихъ* и *Девалтовскихъ*¹).

Третья Завилейская область, непосредственно граничившая съ Керновской землей, составляла съ XIII столѣтія отдѣльную волость князей *Гедройскихъ*, какъ полагаютъ, принадлежавшихъ вмѣстѣ съ князьями Биржанскими и Утенскими къ одному роду старыхъ Завилейскихъ князей. Къ городу Гедройце (Giedrejicis), стольному центру княжества, тянули волости, расположавшіяся къ євверу (параллельно съ Утенскимъ княжествомъ) до Западной Двины и границъ Лифляндіи (польск. Inflant). Поаже, въ XIV столѣтіи, вслѣдствіе раздѣла княжества на меныши удѣлы, выдѣлились линіи Гедройскихъ князей: *Гойтусовы*, съ ихъ особымъ удѣломъ Goigtis, и *Кульвецкіе*, съ удѣломъ—Kulwa. Князья Гедройскіе владѣли своими волостями на положеніи удѣльныхъ владѣтелей до начала XV вѣка. При Витовтѣ большая часть ихъ волостей была присоединена къ короннымъ владѣніямъ. За Гедройскими князьями остались только волости, составлявшія раньше удѣлы Goigtis и Kulwa, но безъ старыхъ владѣтельныхъ правъ. Часть отобранныхъ владѣній была, впрочемъ, возвращена Гедройскимъ великимъ княземъ Сигизмунтомъ Кейстутовичемъ (ок. 1440 г.), въ значеніи жалованныхъ вотчинъ (то-есть, подъ условіемъ земской службы, лежавшей на мѣстной шляхтѣ). Потомки старыхъ князей Гедройскихъ-Кульвичевыхъ еще въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія владѣли Кульвой, составлявшей вѣкогда одинъ изъ удѣловъ рода князей Гедройскихъ²).

Въ восточной половинѣ собственной Литвы мѣстными князьями принадлежали княжества: Свирское, Гольшанско и Трабское.

Волости, составлявшія съ главнымъ городомъ Свиро въ XIII столѣтіи отдѣльное *Свирское княжество*, первоначально принадлежали къ удѣлу князей Биржанскихъ; отъ нихъ волости эти перешли затѣмъ

¹) См. *Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 220—225. *Sulimierski, Słown. geogr.*, X, 600. *Niesiecki, Herbarsz*, 2-е изд., III, 473; IV, 119; VIII, 370.

²) *Niesiecki, Herbarsz*, 2-е изд., IV, 85, 119, 361. *Baliński, St. Pol.*, IV, 169. *Sulimierski, Słown. geogr.*, II, 546. *Bartoszevitcz, Kniaz i książę (Dziela Bartoszewicza*, т. III, 368, 371). Отъ временъ Витовта сохранилась грамота (безъ даты) о раздѣлѣ озера Исето между князьями Гедройскими и Виленскими епископомъ (А. З. Р., I, № 16). Ср. *Любавскую Област. дѣление* (*Чтения въ общ. ист. и др.* 1892, IV, 111). *Boniecki, Roczet. rodów*, 61.

къ одному изъ Утенскихъ князей (Довмонту), выѣсто отнятаго у него Утенского княжества. Этотъ то Довмонтъ считается родоначальникомъ князей Свирскихъ. На старомъ удѣльномъ положеніи князя Свирские упоминаются еще въ XVI столѣтіи¹⁾.

Княжество Гольшанское (или Ольшанское) образовалось, по литовскимъ преданіямъ, еще въ XIII столѣтіи изъ волостей, располагавшихся на западныхъ рубежахъ Кревской земли и принадлежавшихъ старымъ Завилейскимъ князьямъ²⁾.

Первый документальный свѣдѣнія объ этомъ княжествѣ принадлежать посдѣдней четверти XIV столѣтія. Въ это время княжество составляло особый удѣль, раздѣлившійся на три отдельные части: центръ удѣла составляло собственно Гольшанское княжество въ Литвѣ, съ столичнымъ городомъ Гольшаны (Ольшаны) на р. Гольшанкѣ, впадающей въ Березину, притокъ Нѣмана; затѣмъ къ тому же удѣлу принадлежали: Глуская волость въ Минской землѣ, съ городомъ Глускомъ, и въ Волынскомъ Полѣсьѣ, ниже Пинска, княжество Дубровицкое, съ главнымъ городомъ Дубровицей (или Дубровной). Князья, владѣвшіе этимъ сложнымъ удѣломъ, носили название князей Ольгимунтовъ, Гольшанскихъ и Дубровицкихъ. Первое название (Ольгимунты, Ольгимунтовичи)—несомнѣнно родовое; оно указываетъ на родоначальника князей этого рода. Остальные названія произошли отъ наименованій двухъ основныхъ частей удѣла. Первый владѣтель Гольшанского

¹⁾ Въ 1508 г. Свирскій князь Богданъ, очевидно, пользовавшійся еще владѣльческими правами, далъ, между прочимъ, мѣстной церкви жалованную грамоту на десятину. Родъ служилыхъ князей Свирскихъ прекратился въ концѣ XVII столѣтія (*Niesiecki*, VIII, 579; *Baliński*, IV, 197; *Sukimierski*, *Słown. geogr.*, XI, 713). *Boniecki*, *Poczet rodów*, 339—342.

²⁾ Другого, Стрыжковскій и старые польскіе геральдики, руководясь темными преданіями литовскими, выводятъ князей Гольшанскихъ отъ одного рода съ князьями Биржанскими, Утенскими и Гедройскими,—рода замілайского князя Ромунда. Полагаютъ, что Гольша, одинъ изъ его сыновей, получилъ въ концѣ XIII столѣтія отъ великаго князя Наримунта Гольшаны въ удѣль и сдѣлался родоначальникомъ князей Гольшанскихъ. Родъ послѣднихъ выводятъ также отъ литовскаго князя Трабуса (*Sukimierski*, *Słown. geogr.*, III, 102; *Baliński*, *Star. Pol.*, IV, 181). Позднѣйшіе исследователи полагаютъ вообще, что Гольшанскіе не принадлежать къ Ягеллонамъ, а происходить отъ какого либо мѣстнаго литовскаго князя до Ягеллоновъ или отъ одного изъ сподвижниковъ Гедимина (*Bartoszewicz*, *Dzieła*, 871; *Антоновичъ*, Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, 9). Стадницкій и другие новѣйшіе историки считаютъ исторически достовѣрнымъ родоначальникомъ Гольшанскихъ—князя Ивана Ольгимунтовича, упоминающагося въ актахъ второй половины XIV столѣтія (*Stadnicki*, *Olgierd*, 168; *Wolf*, *Röd Gedäch.*, 49 и пр.).

удѣла упоминается въ актахъ послѣдней четверти XIV столѣтія подъ именемъ князя Ивана, сына Ольгимунта Гольшанскаго (*Iwan de Galscha, Iwan Sohn Awmunt,—Иванъ Ольгимунтовичъ*¹). Какимъ путемъ Ольгимунтъ Гольшанскій пріобрѣлъ удѣлъ, путемъ-ли пожалованія отъ великихъ князей литовскихъ, или же по праву „близкости“ отъ своихъ предшественниковъ,—объ этомъ нѣтъ никакихъ докumentальныхъ, достовѣрныхъ свѣдѣній. Несомнѣнно одно: княжество Гольшанское существовало уже въ половинѣ XIV столѣтія (если только не раньше), когда, по всѣмъ видимостямъ, жилъ князь Ольгимунтъ. Его-то и слѣдуетъ считать родоначальникомъ князей Ольгимунтовъ-Гольшанскихъ и ихъ отрасли—князей Дубровицкихъ, жившихъ въ Волынскомъ Полѣсѣ. Первый князь, упоминающійся въ актахъ подъ именемъ Ивана Ольгимунтова Гольшанскаго, по своимъ владѣтельнымъ правамъ, ничѣмъ не отличается отъ удѣльныхъ князей Гедиминовичей. Наравнѣ съ послѣдними, онъ участвуетъ въ дипломатическихъ договорахъ великихъ князей съ нѣмцами, скрѣпляя ихъ своей подписью; подобно всѣмъ литовскимъ князьямъ, онъ даетъ присягу вѣриности (*omagium*) королю Владиславу-Ягеллю, обязуется „не отлучаться отъ короны польской со всѣми имѣніями, съ городами, съ мѣстами и съ земли“, даетъ въ качествѣ удѣльного князя жалованія грамоты на земли монастырямъ (Киево-Печерской Лаврѣ); послѣ Скиргайлы ему вѣряется управление Киевскимъ удѣломъ чуть ли не на правахъ удѣльного князя; наконецъ, онъ родится съ Ягеллонами: его дочь выходитъ замужъ за Витовта. Положеніе преемниковъ князя Ивана Ольгимунтова не измѣняется. Еще въ концѣ XV столѣтія они титулуются въ издаваемыхъ ими актахъ князьями „Божію милостію“, вполнѣ самостоятельно распоряжаются своимъ удѣломъ, имѣютъ своихъ боярь-думицевъ² и т. д. Значеніе самостоятельного удѣла, подчинявшагося верховному главенству великихъ князей Литовскихъ, княжество Гольшанское утрачиваетъ не раньше начала XVI столѣтія, хотя и позже князья Гольшанскіе долго еще выдѣлялись во многомъ изъ состава второстепенныхъ слу-

¹) А. З. Р., I, №№ 18. *Skarbiec*, № 694, 695. *Dogiel*, Cod. dipl., IV, 360.

²) Arch. Sangusz., I, стр. 82. Въ актахъ нерѣдко бояре князей Гольшанскихъ стоять рядомъ съ боярами великихъ князей Гедиминовичей. Напримеръ, въ одномъ актѣ 1491 г. перечисляются бояре: „бояринъ королевъ Иванко Релич, а бояринъ князя Александровъ Юрьевича (Гольшанскаго) Юшко Гладкій“ и пр. (C. Arch. Sangusz., I, стр. 98).

жилыхъ князей, участвовали въ господарской радѣ, были каштелянами (напримѣръ, Вильны), маршалками, намѣстниками и т. д.¹⁾.

По сосѣдству съ Гольшанскимъ княжествомъ (къ сѣверу отъ него) располагались владѣнія (съ главнымъ городомъ Трабы, на р. Клевѣ) старыхъ князей *Трабскихъ*, повидимому одного корня съ князьями Гольшанскими. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія, за прекращеніемъ мужской линіи князей Трабскихъ, ихъ владѣнія перешли по праву „близкости“ къ панамъ Гаштольдамъ²⁾.

Кромѣ крупныхъ удѣловъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ родамъ литовскихъ князей, въ Литвѣ существовалъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ еще цѣлый рядъ мелкихъ волостей-княжествъ, разбросанныхъ въ различныхъ частяхъ литовской территории.

Въ XIII столѣтіи, по литовскимъ лѣтописямъ, самостоятельныхъ князей имѣли многія земли и волости, не принадлежавшія къ крупнымъ княжескимъ удѣламъ: земля Заналешанская, *Ошияна*³⁾, *Эйшишки*⁴⁾, *Гравжишки* и пр. Къ современникамъ Мендовга, первого собирателя Литовско-Русского государства, лѣтописи относятъ цѣлый рядъ мѣстныхъ литовскихъ князей; таковы: Довмонтъ, князь Нальцанскій, Минайло, Скирмунтъ, Лугвеній, Рушковичи и др.

¹⁾ О князьяхъ Гольшанскихъ см.: K. Stadnicki, Olgerd, 168. *Eto же:* Bra cia Wlad.-Jagieły, 198, 195. *Bartoszewicz*, Dzieła, 371. *Wolf*, Ród Gedim., 30 49, 57. B. Антонович (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 9). *Baliński*, Starož. Pol., 2-е изд., IV, 181. *Sulimierski*, Słown. geogr., III, 102. *Niesiecki*, Herbarsz, IV 360. *Długosz*, IV, 202. П. С. Л. II, 352; VI, 233. А. З. Р., I, №№ 18, 72, 202, 203, 212; примѣр. № 15; II, №№ 14, 44; *Skarbice*, №№ 694, 695, 1768. *Dogiel*, Cod. dipl., IV, 193. *Archiv. Sangusz.*, I, стр. 79, 82, 89 и др.; III, 10, 39, 84, 105 и др.; IV, 47, 97 и др. *Prochaska*, Cod. epist. Vit., № 234.

²⁾ Князей Трабскихъ, какъ и Гольшанскихъ, выводятъ отъ древнаго литовского воожда Трабуса (*Baliński*, III, 188. *Boniecki*, 381. *Любавский*, въ *Чтенияхъ*, 1892, IV, 115).

³⁾ Въ XIII столѣтіи Ошияна составляла отдѣльную волость самостоятельныхъ князей, родоначальниковъ поэздѣйшей шляхетской фамиліи Гаштольдовъ. Послѣдніе при Гедиминѣ еще продолжали владѣть „околицей Ошиянской“, въ значеніи простой вѣтчины; владѣльцы ея уже въ началѣ XIV столѣтія занимали должности великокняжескихъ намѣстниковъ, старости и пр. (*Niesiecki*, Herb., IV, 79; *Sulimierski*, Słown., VII, 757. Ср. Arch. Sangusz., I, 39, 67, 78, 124; III, 109, 241 и др.).

⁴⁾ По литовскимъ лѣтописямъ, кн. Эрдинилъ пожаловалъ, въ 1065 г., одному изъ своихъ вождей Эйшису (*Ejszius*, *Eikbis* или *Ejsa*) волость, где онъ устроилъ замокъ Ейшишки. Въ Ейшишкахъ, при Мендовгѣ, сидѣли удѣльные князья-родоначальники шляхетского рода Довмонтовъ (Антоновичъ, Моногр., I, 16; *Niesiecki*, III, 394; *Sulimierski*, Słown., II, 319).

Точно также послѣ Мендовга (съ 1263 г.) въ лѣтописяхъ упоминаются независимые литовскіе князья: Готорть, Люмбей, Люгайло, Бурквидъ. Гильгинъ, Трабусъ и др. Всѣ эти мелкие волостные старшины и вожди литовскіе, при новой династіи (Витена и Гедимина), утрачиваютъ былую самостоятельность; потомки ихъ образовали въ XIV и XV столѣтіяхъ главный контингентъ литовской шляхты, безъ всякихъ притязаній на наследственное званіе князей¹⁾.

Въ источникахъ XIV и XV столѣтій встрѣчаемъ также указанія на цѣлый рядъ литовскихъ князей, не принадлежавшихъ къ прямымъ потомкамъ Гедиминовичей. Повидимому, всѣ такие князья были мелкими удѣльными владѣльцами. Источники не даютъ точныхъ указаний ни касательно ихъ происхожденія, ни ихъ удѣловъ. Къ такимъ князьямъ литовскимъ въ XIV столѣтіи относились²⁾: князь Юрій Витовтовичъ³⁾, Свердейке (Swerdeyke⁴⁾), Остей⁵⁾, Коватъ⁶⁾ и Айкша⁷⁾. Въ XV столѣтіи также были литовскіе князья, не принадлежавшіе къ Гедиминовичамъ: Иванъ Швешлай (Szveszlaj)⁸⁾, Судемундъ—Fürst von Vesisken⁹⁾, Ямунтовичи¹⁰⁾, Киндиры (Киндировичи)¹¹⁾ и Довговдъ (Довголдъ)¹²⁾. Между мало известными князьями выдѣляется въ особенности послѣдній. Его удѣль не указывается въ источникахъ, но, по всѣмъ видимостямъ, онъ владѣлъ какимъ-то удѣ-

¹⁾ В. Антоновка, Моногр., I, 16; *Iacobovicz*, Obraz Litwy, I, 38, 41.

²⁾ Данная касательно князей не-Гедиминова рода, собраны *Вольфомъ*, см. Röd Gedim., 49—50.

³⁾ Упоминается въ русск. лѣтописяхъ, какъ начальникъ отряда Ольгерда подъ Псковомъ въ 1342 г. См. II. С. Л., IV, 56, 186; V, 12, 14, 223; VII, 208.

⁴⁾ Участвовалъ въ походѣ Кейстута и Ольгерда въ землю Нѣмецк. Ордена въ 1376 г.; Свердейке былъ также самостоятельнымъ вождемъ своего отряда, какъ и Ольгердъ и Кейстутъ. См. Skarbiec, № 457.

⁵⁾ Лѣтопись именуетъ его ошибочно внукомъ Ольгерда; умеръ въ 1382 г. См. II. С. Л., IV, 87; Wolff, 27, 49.

⁶⁾ Убитъ въ 1385 г. См. Kötzebie, Switrigail, 19.

⁷⁾ Въ 1349 г. было отправлено Ольгердомъ посольство къ татарамъ; въ числѣ литовск. князей, участвовавшихъ въ посольствѣ, упомин. Айкша. См. Wolff, 20.

⁸⁾ Подпись трактать 1422 г.; см. Dogiel, Cod. dipl., IV, 115. Skarbiec, № 1359.

⁹⁾ Лѣтопись называетъ его швагеромъ Витовта. См. Lindenblatt, 54; Prochaska, Cod., стр. 1029.

¹⁰⁾ Ямунтовичи—родовое название визей Клецкихъ и Подбережскихъ, имѣвшихъ удѣлы въ Черной Руси. См. ниже.

¹¹⁾ Князья Киндиры, повидимому, относились къ удѣльнымъ смоленскимъ князьямъ. См. ниже.

¹²⁾ Wolff, Röd Gedim., 49.

домъ. Это видно, между прочимъ, изъ присяжного листа князя Юрия Довговда 1401 г., въ которомъ онъ удостовѣряеть, что по смерти великаго князя Витовта не будетъ искать „иного господаря, ниже короля полскаго Володислава, и коруны полской не отступати“ ¹⁾. Подобный же „*omagium*“ дали въ томъ же году и другіе литовскіе князья: Стародубскій, Гольшанскій и Заславскій, несомнѣнно владѣвшіе удѣлами ²⁾). Въ послѣдующее время источники говорятъ о князѣ Глебѣ Довголовичѣ (сынѣ первого князя), какъ именно объ удѣльномъ князѣ, который даетъ жалованія грамоты на земли ³⁾, участвуетъ въ господарской радѣ, подписываетъ трактаты съ иѣмцами ⁴⁾ и привилеи великихъ князей ⁵⁾.

Изъ сдѣланнаго нами обзора удѣльныхъ владѣній въ собственной Литвѣ видно, что литовскія княжества въ большинствѣ утрачиваются независимость къ концу XIV вѣка. Княжества: Лошское, Биржанское,

¹⁾ А. З. Р., I, № 20.

²⁾ Ibid., №№ 17—19.

³⁾ Круловичъ, Собр. грамотъ, стр. 20.

⁴⁾ Dogiel, Cod. dipl., IV, 133.

⁵⁾ Собр. древ. грам. и акт. г. Вильны, I, стр. 9. Skarb., № 1768. *Stadnicki*, (*Synowe Gedym.*, 2-е изд., I, 198) отождествляетъ князя Довговда съ Довгирдомъ, позднѣшими воеводой виленскимъ, а Рыкачевскій (*Inventarium*, стр. 877) считаетъ его сыномъ Лугенія Ольгердовича. Съ большою основательностью рѣшаеть вопросъ Вольфъ. Не имѣя документальныхъ основаній считать князя Довговда сыномъ Кейстута или Ольгерда, Вольфъ доказываетъ, что Довговдъ бытъ во всякомъ случаѣ княземъ: „należał do rzędu tych kniaziów czysto Litewskiego pochodzenia, którzy albo pozostawali w pewnym stosunku pokrewieństwa z rodem Gedymina, albo byli potomkami poprzednię dynastii“ (Ród Gedimina, 49). Замѣтимъ, что, кромѣ перечисленныхъ князей, происхожденіе которыхъ доселѣ мало выяснено, въновь изданныхъ актахъ встрѣчаемъ указанія на цѣлые ряды литовскихъ князей стараго времени, безъ точнаго обозначенія ихъ происхожденія и принадлежавшихъ имъ удѣловъ. Для примѣра укажемъ на присяжную запись 1388 г. князей и боярь—рады новгородско-ѣверского князя Дмитрия-Корыбута. Послѣдними изъ такихъ князей, зависѣвшими отъ єверского „господаря“, упоминаются удѣльные князья Григорій и Иванъ Несвижскіе (Несвижъ одинъ изъ городовъ Черной Руси; см. обѣ этихъ князыхъ ниже). Нужно полагать, что и другие князья, участвовавши въ радѣ Дмитрия-Корыбута и имѣвшіе, какъ видно изъ записи 1388 г., „свои земли и города, въ бояры и съ людми“, принадлежали, подобно князьямъ несвижскимъ, къ мелкимъ удѣльнымъ владѣтелямъ. Таковы князья: *Rusian Plakasich*, *Федоръ Евлакиосович* и *Хвороща* съ братомъ *Иваномъ* (Arch. Sangusz., I, стр. 8; см. также А.Ю.З.Р., I, № 2). Князь *Иванъ Евлакиосовичъ* упоминается въ числѣ литовскихъ князей, павшихъ въ битвѣ съ татарами на р. Ворскѣ въ 1399 г. (См. Wolff, Ród Gedim., 86).

Свиеское и Трабекое, а также удѣлы князей Довговдовичей и другихъ мелкихъ удѣльныхъ владѣльцевъ, утрачиваютъ удѣльный характеръ къ концу XV столѣтія. Къ началу XVI вѣка удерживаетъ за собой самостоятельность, по всему видно, лишь одно княжество лышан ское, сдѣлавшееся простой провинціей въ первой половинѣ XVI столѣтія. Въ концѣ концовъ вся территорія собственной Литвы стягивается къ двумъ главнымъ центрамъ: Трокамъ и Вильямъ. Къ началу XV вѣка Литва раздѣляется на двѣ почти равныя части—княжества Виленское и Трокское. По опредѣлению Городельского сейма 1413 г. обѣ эти половины Литовской земли составили воеводства Виленское и Трокское. Въ такомъ территоріальномъ составѣ Литовская земля существовала вплоть до конца прошаго вѣка (до 1795 г.), времени присоединенія къ Россіи литовскихъ областей бывшей Речи Посполитой¹⁾.

Другая литовская область, вошедшая въ составъ Литовско-Русскаго государства, была Жмудьская земля. Первые начали объединенія независимыхъ волостей-общинъ, изъ какихъ изстари слагалась эта литовская область, принадлежать и времени Миндовга. По указаніямъ источниковъ, онъ является (около 1241 г.) не только общимъ вождемъ, но и „паномъ и королемъ“ Литвы и Жмуди²⁾). По смерти Миндовга (1263 г.) большую частью Жмуди завладѣлъ одинъ изъ мѣстныхъ князей—Путуверъ, владѣлецъ Эйрагольской волости, какъ полагаютъ, родоначальникъ новой династіи великихъ князей литовскихъ (съ Витена)³⁾. Въ XIV ст. Жмудь составляла удѣль Кейстута Гедиминовича⁴⁾, а затѣмъ Витовта. Кромѣ удѣльныхъ князей, управлявшихъ всей Жмудьской землей, литовскія лѣтописи упоминаютъ (особеннѣ при Миндовгѣ и послѣ него) о мѣстныхъ „князьяхъ“, сидѣвшихъ въ отдельныхъ волостяхъ въ качествѣ ихъ старшинъ и управлявшихъ ими чуть ли не на такомъ же положеніи, какъ въ собственной Литвѣ мелкие удѣльные князья. Значеніе такихъ волостныхъ старшинъ нало-

¹⁾ *Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., т. IV, 239—240.

²⁾ Послѣднє управляемъ при Миндовгѣ князь Тройнатъ, въ качествѣ его наѣстника (*Baliński i Lipiński*, IV, 890).

³⁾ Въ литовскихъ хроникахъ Путуверъ называется также Путуверь, Лютуверь, Лютуверъ. Ср. Хрон. Быховца, 13. *Wolff*, Röd Gedim., 6.

⁴⁾ Кейстутъ получилъ княжество Трокское; по хроникѣ Нарбута (стр. 17), Ольгердъ прибавилъ послѣ къ Кейстутовымъ владѣніямъ также Жмудь, чтѣ Стадницкій признаетъ достовѣрными. Си. *Stadnicki*, Olgerd, 11, 23. Сх. *Петровъ*, Бѣлоруссія, стр. 69: авторъ, повидимому, полагаетъ, что Кейстутъ получилъ Жмудь во владѣніе еще при раздѣлѣ Гедиминовскаго наслѣдія между его сыновьями.

въ эпоху зависимости Жмуди оть Нѣмецкаго Ордена, особенно же со времени окончательного присоединенія Жмуди къ Литовско-Русскому государству (1411 г.)¹). Исторія этой области показываетъ, что населеніе ея, привыкшее къ областной старинѣ, энергически отставало свою политическую независимость оть великихъ князей литовскихъ. Мало того: состѣній нѣмецкій Орденъ долго не оставлялъ притязаній на обладаніе Жмудью; она нѣсколько разъ переходила во владѣніе пѣмцевъ. Такимъ образомъ, тотъ же Миндовгъ, такъ заботившійся о территориальномъ объединеніи литовскихъ областей, силой обстоятельствъ вынужденъ былъ (въ 1259 г.) уступить Жмудь Нѣмецкому Ордену; вскорѣ, впрочемъ, она опять примкнула къ Литве²). Точно также при Витовтѣ (въ 1398 г.) западная часть Жмуди была занята нѣмцами и, хотя вскорѣ (въ 1401 г.) Литва возстановила свое обладаніе Жмудью, но черезъ три года вся эта область была снова уступлена Ордену. Лишь со времени Торунскаго трактата 1411 г. Жмудь окончательно вошла въ составъ Литовского государства, въ качествѣ его провинціи, подчиненной великимъ князьямъ литовскимъ. Съ этихъ поръ Жмудь составляла „княжество“, бывшее въ управлении особаго мѣстнаго старости (съ 1413 г.) на правахъ воеводъ другихъ литовскихъ провинцій³); тиуны (или вайты) управляли отдѣльными волостями (въ числѣ 28), изъ какихъ изстари состояла Жмудьская земля⁴.

¹⁾ *Иловайскій*, Исторія Россіи, II, 211. *Дашкевичъ*, Борьба культуры (*Киевск.* Унів. *Изв.*, 1884, окт. 293). *Петровъ*, Бѣлоруссія, 105.

²⁾ См. *Raczyński*, Cod. dipl. Lit., 15.

³⁾ О жмудьскихъ старостахъ см. *Zbiór praw Lit.*, 72, 73, 91; Arch. Sangusz., III, стр. 43, 50; IV, 44, 328 и др. Ср. Уставы Жмудск. земли—въ А. З. Р., I, 108; III, 59; *Zbiór praw Lit.*, 67, 131; *Skarbiec Daniłowicza*, II, стр. 295.

⁴⁾ Полный составъ жмудьскихъ волостей приведенъ у *Balińsko* (*Starozyt. Pol.*, IV, 405). Какъ видно изъ источниковъ, составъ жмудьскихъ волостей не всегда былъ одинаковъ; волости то раздѣлялись, то соединялись. Въ концѣ XIV вѣка существовали двѣ волости: Козынны и Кнетовъ; позже онѣ вошли въ составъ состѣній волостей (*Baliński*, IV, 392). Въ уставѣ 1529 г. обѣ управления жмудьскими волостями упоминаются волости: Скюрстемонъ и Юрбарогъ (Юрборкъ), которая позже слилась съ волостью Вѣлоны. Другая волость—Дырявны, разбилась послѣ на двѣ новые волости: большой и малый Дырявны (*Zbiór praw Lit.*, 131; ср. *Baliński*, IV, 405). Какъ видно изъ упомянутаго выше устава 1529 г., большинство жмудьскихъ волостей (18) составляло „królewsczszupu“, взятыхъ „w mos i w podanie“ великихъ князей литовскихъ и присоединенныхъ къ господарскимъ экономіямъ. Остальные волости (до 10-ти) управлялись на общемъ положеніи литовско-русскихъ повѣтовъ или же состояли въ частномъ владѣніи, какъ, напримѣръ, Россіене или Кро же (*Baliński*, IV, 413, 433).

Волости эти позже получили общее название повѣтovъ и въ административномъ отношеніи дѣлились на двѣ части. или гардтиcуе (Россіенскую и Тельшевскую, въ XVIII вѣкѣ перенесенную въ Шавля). Кромѣ того, до позднѣйшаго времени удерживалось изстарине дѣление Жмуди на такъ называемыя тракты (Запупцанскій, Лауданскій, Дацновскій и пр.). Какъ полагаютъ, послѣднее дѣление беретъ свое начало еще въ тѣ времена, когда въ этой лѣсной странѣ колонизація шла исключительно по „путямъ“, главнѣйшимъ пунктамъ, соединившимъ между собой отдельныя волости и общины¹).

Послѣдняя литовская область—Подляхія, вошедшая въ составъ Литовско-Русского государства, занимала территорію бывшей Ятвяжской земли²). Въ древнее время ятвяги, составлявшіе отдельную отрасль Литовскаго племени, занимали территорію къ югу отъ собственной Литвы, по лѣвымъ притокамъ Нѣмана-Молчади, Шарѣ, Зельвѣ, Роси и Свислочи, затѣмъ страну между Западнымъ Бугомъ и Припятью, почти до самаго волынскаго рубежа³). Съ древнихъ временъ въ землѣ ятвяговъ стала развиваться русская колонизація, сначала со стороны дреговичей, затѣмъ дулѣбовъ-волынянъ. Со временъ кievскаго князя Владимира начинается борьба русскихъ съ ятвягами; въ началѣ XI вѣка ихъ страна входила уже въ составъ кievскихъ волостей. Съ половины XII столѣтія Ятвяжская земля подчиняется волынскимъ князьямъ, и съ этихъ поръ особенно усиливается въ этой странѣ русская колонизація и раздвигаются владѣнія русскихъ князей. Борьба съ ятвягами принимаетъ решительный характеръ въ особенности при Романѣ и Даниилѣ, галицко-волынскихъ князьяхъ. Подъ ударами волынскихъ князей ятвяги постепенно отступаютъ въ глубь страны на сѣверо-западъ, за Наревъ, Лыковъ и далѣе за Бобръ, въ болота и дебри прусскія. Послѣ разгрома Ятвяжской земли при Даниилѣ (въ 1248, 1253 и 1256 гг.), окончательно загнавшаго ятвяговъ въ глубину за-Бобрианскихъ и за-Наревскихъ болотъ и лѣсовъ, ятвяги подчинились вскорѣ литовскому князю Тройдену (при Миндовгѣ); съ этихъ поръ за-Наревскія поселенія ятвяговъ вошли въ общий составъ литовскихъ волостей⁴). На старыхъ сельби-

¹) *Bański, Staroż. Polska*, 2-е изд., IV 390—405; *St. Stecki, Opis dycezyi Źmudzkiej* (1830). *Ludwik z Pokiewia* (A. J. Iucewicz), *Spomnienia Źmudzkiej* (1842).

²) См. A. Siörgren, Ueber die Wohnsitze u. die Verhältnisse d. Iatvagen (1858). Записки о западной части Гродненск. губ. Ятвяги (Этнограф. Сборн.. 1858, вып. 3).

³) *Андріашевъ*, Очерки исторіи Волынск. земли, 39.

⁴) *Андріашевъ*, Очерки, 41—42, 180—181. *Филевичъ*, Борьба Польши и Литвы-Руси, 191.

ицахъ осталась лишь незначительная часть ятвяговъ, подчинившихся волынскимъ князьямъ еще раньше разгрома при Данилаѣ съверныхъ ятвяжскихъ поселеній и подчиненія ихъ Литвѣ. Въ эпоху зависимости отъ Волыни, съ половины XII столѣтія, бывшая Ятвяжская земля становится известной подъ общимъ именемъ *Берестейской земли*, также *Подляшія*, или *Подляхіі*, *Подльські*, тянущагося узкой полосой, съ юга на съверъ, отъ границъ Волыни до Нарева и Бобра. Подляхія слагалась изъ собственно Берестейской земли (Берестѣя), затѣмъ земель Дрогической, Мельницкой и Бѣльской; западную окраину Подляхія составляла такъ называемая Украина (Вкраиница—полоса по лѣвому берегу Буга и между Бугомъ и Наревомъ), съ городами: Волынь, Нуръ и Визна. Къ собственно Берестейскимъ городамъ принадлежали: Берестѣе, Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Каменецъ (на Лоснѣ), Кобринъ и др.¹⁾. Въ такомъ составѣ Подляхія въ первой четверти XIV столѣтія (около 1316 г.) вошла при Гедиминѣ въ составъ Литовского государства, въ значеніи особаго удѣльного владѣнія (Кейстута)²⁾. Подляхія оставалась на удѣльномъ положеніи до половины XV столѣтія (до 1445 г.), когда она (кромѣ Кобринской волости) была присоединена къ непосредственнымъ владѣніямъ великихъ князей литовскихъ³⁾.

Близкое сосѣдство Подляхіи съ Польшей, естественно, должно было повести къ столкновеніямъ Литвы съ Польшей изъ-за обладанія этой страной, а затѣмъ и къ раннему развитію полонизации края, вмѣстѣ съ распространениемъ въ немъ польского права. Притязанія Польши на обладаніе Берестѣемъ заявляются еще при волынскихъ князьяхъ. Въ 30-хъ годахъ XIII столѣтія Дрогичская земля была

¹⁾ *Петровъ*, Бѣлоруссія, 39—44. *Андріїшевъ*, Очерки, 46, 95—99. Ср. *П. Бобровскіо* Брест—Литов. (*Вѣсты Юго-Зап. Росс.*, 1867, ви. XI). О Берестѣѣ см. *Baliński*, IV, 584; *Słown. geogr.*, I, 399. О Дрогичинѣ—*Baliński*, III, 404; *Słown.*, II, 149. О Мельнику—*Baliński*, III, 425; *Słown.*, VI, 346; о Бѣльскѣ—*Baliński*, III, 437; *Słown.*, I, 214.

²⁾ *Андріїшевъ*, Очерки, 46, 95, 201.

³⁾ По словамъ Нарушевича (*Hist.*, IV, 318), погѣты Дрогицкій, Брестскій, Бѣльскій, Каменецкій, Мельницкій и Кобринскій составляли со временемъ Сигизмунда I (съ 1513—1520 г.) отдельное воеводство. Воеводы, впрочемъ, встрадчались въ отдельныхъ земляхъ Подляхіи и раньше. Въ 1430 г. Дрогичская земля, принадлежавшая къ бывшему удѣлу Витовта, управлялась воеводой въ качествѣ княжеского намѣстника (*Skarbiec*, №№ 1427, 1491; *Prochaska. Cod. epist. Vit.* №№ 1364, 1653). Въ 1432 г. упоминается воевода Бѣльскій (*Skarbiec*, № 1639).

захвачена мазовецкими княземъ и возвращена Волыни только при
Даниилѣ¹). Польскія притязанія на обладаніе Подляхіей возобнов-
ляются вскорѣ послѣ ^{зиненія} этой области къ Литвѣ и пре-
кратились лишь со ^{зора} ворота литовскихъ князей съ польскимъ
королемъ Казимиромъ ^{та} Подляхія была окончательно при-
знана литовской ^{та} го^ю²). ^{не менѣе} это не препятствовало
развитию въ Подляхіи польской колонизации, которая особенно усили-
вается съ концѣ XIV вѣка. Иль Въ ³ та западная часть Подляшскихъ
земель (Дрогичинъ, Мельникъ, Суражъ и Бѣльскъ), отошедшихъ въ
распоряженіе короля Владислава-Іиг⁴ бѣгства къ рыцарямъ
бывшаго владѣтеля Подляхіи—Витовта ^{на} королемъ мазо-
вецкому князю Янушу, нѣвѣщему ^{въ} Кейстута притя-
заніе на бывшій его удѣлъ въ Немія ^{въ 132 г.} пытавшемуся
(неудачно, впрочемъ) овладѣть имъ во ^{ужешн} силой⁵). Обстоятель-
ство это, естественно, должно было ^{за} собой усиленную поло-
низацію всей западной Подляхіи. Въ Бѣльскомъ округѣ къ началу
XVI вѣка, польское населеніе, если ^{ко} преобладало, то нисколько не
уступало русскому. Въ уставѣ великаго князя Александра, данномъ
въ 1501 г. Бѣльскому повѣту, всѣ главныя положенія, въ особеннос-
ти касательно земельного устройства, основаны преимущественно на
началахъ польского права⁶). Всѣдѣ за возвращеніемъ (въ 1443 г.)
Дрогичинской земли изъ-подъ власти мазовецкихъ князей, въ ней вво-
дится Казимиромъ польское право, чѣмъ было затѣмъ подтверждено Алек-
сандромъ и Сигизмундомъ⁷). Къ началу XVI столѣтія населеніе
Подляхіи, какъ полагаютъ, уже на половину состояло изъ поляковъ⁸).
Полонизацію этого края окончательно довершила Люблинская унія
1569 г., въ числѣ условій которой было оговорено, между прочимъ,

¹) Послѣдній вскорѣ затѣмъ, какъ известно, короновался въ Дрогичинѣ. См.
И. Филевича, Борьба Польши и Литвы-Руси, 191.

²) По договору 1366 года „король не будетъ имѣть никакого притязанія на
замки Кейстута: Берестье, Каменецъ, Мельникъ и Бѣльскъ; за вел. князей Оль-
гердовъ остается Кобринъ“ (*Skarb., № 432*).

³) *Длугошъ, Hist. L., X, p. 64. Baliński, Staroż., Polska, 2-е изд., III, 405.*
Вскорѣ послѣ того, какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ, Янушъ отступилъ
отъ Бѣльска; Дрогичинская же земля была выкуплена у мазовецкихъ князей лишь
Казимиромъ въ 1443 г. (*Длугошъ, Hist., X, 38. Baliński, III, 406, 438*).

⁴) А. З. Р., I, № 189. Привилей 1501 г. подтверждены съ нѣкоторыми измѣненіями
Сигизмундомъ-Августомъ въ 1547 г. (*Vol. leg., I, 287*).

⁵) *Zbiór pr. Lit., 118—121. Vol. leg., I, 287.*

⁶) *Ялинскій, Уставн. земск. грамоты, 71.*

присоединение къ Польшѣ земель Дрогичской, Мельницкой и Бѣльской¹). Въ составѣ великаго княжества Литовскаго осталась лишь Берестейская земля, образовавшая послѣ Люблинской унії отдѣльное воеводство, вмѣстѣ съ сосѣднимъ русскимъ Полѣсіемъ, то-есть, бывшими княжествами Пинскимъ и Туровскимъ²).

Что касается удѣльного строя Подляхіи со времени присоединенія ея къ Литвѣ, то собственно Берестейская земля, при волынскихъ и литовскихъ князьяхъ, составляла одинъ удѣль, съ главнымъ городомъ Берестѣемъ, безъ раздѣленія княжества (кромѣ Кобринъ, Бѣльска и Городна) на меньшія удѣльныя владѣнія, которыхъ бы распредѣлялись по отдѣльнымъ Берестейскимъ пригородамъ³). Первымъ литовскимъ княземъ, владѣвшимъ Берестѣемъ со временія Гедимина, считается трокскій удѣльный князь Кайстутъ Гедиминовичъ; Берестейской землей онъ владѣлъ до своей смерти (въ 1382 г.). Изъ удѣла Кайстута, нужно полагать, еще при Гедиминѣ выдѣлился Кобринъ съ его окружомъ, составлявшій вмѣстѣ съ Крево отчину Ольгерда; въ значеніи его личнаго удѣла Кобринъ упоминается еще въ договорѣ 1366 г.⁴). Въ 1384 г. Подляхія была уступлена королемъ Владиславомъ Витовту въ значеніи его отчины.

¹⁾ *М. Колюбичъ*, Присоединеніе Подляхіи къ Польшѣ на Любл. сеймѣ 1569 г. (Памятн. Русск. Старины въ зап. губ. 1885, вып. VIII). Въ актѣ 5 марта 1569 г. о присоединеніи Подляхіи къ Польшѣ такт мотивируется этотъ вопросъ: „земля Подлясія принадлежала къ коронѣ польской вѣчно, полнымъ правомъ, еще предъ Владиславомъ-Ягеллой и во все время его господарства, также при сынѣ его Владиславѣ; потомъ король Казимиръ, поставленный надъ обоми народами, хотѣлъ было владѣть Подляхіей отдѣльно отъ королевства, то-есть, отдѣленной отъ Мазовіи и оторванной отъ собственнаго тѣла, чemu противились и не соглашались на то коронные стати; и мы сами считаемъ за благо заботиться о той землѣ, дабы она была возвращена къ коронѣ. По этимъ причинамъ мы присоединяемъ ту землю до неразрывной цѣлостности, какъ свой подданный членъ, къ первому и собственному тѣлу и головѣ, то всѣми ея городами, замками, мѣстами, селами и поселками, — присоединяемъ къ титулу коронному и къ одному тѣлу возвращаю и возсоединяемъ на вѣчныя времена“ (*Baliński, Staroż. Polska*, 2-е издан. III, стр. 401).

²⁾ *Sukimierski*, Słown. geogr., VIII, 412. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е издан., III, 400; IV, 583.

³⁾ *Андрющевъ*, Очерки истории Волынской земли, 46. Въ лѣтописяхъ есть указаніе на существование особаго Дрогичскаго княжества. Полагаютъ, что Дрогичинъ, въ указанное лѣтописью время, могъ быть только временной столицей князя, владѣвшаго всей Подляхіей (*ibid.*, 46 и слѣд.).

⁴⁾ *Skarbiec*, № 432.

Берестейскимъ удѣломъ онъ владѣлъ до 1390 г.¹⁾, когда, послѣ бѣгства Витовта къ рыцарямъ, его владѣнія въ Подляшіи отошли къ королю. Какъ выше замѣчено, западная часть Подляшіи отдана была королемъ мазовецкому князю; возвращена Литвѣ лишь при Казимирѣ. Сдѣлавшись великимъ княземъ (въ 1392 г.), Витовтъ получилъ обратно сначала Каменецкій округъ (въ 1394 г.), затѣмъ Бѣльскъ и наконецъ (съ 1408 г.) Берестѣ²⁾. Въ 30-хъ годахъ XV ст., послѣ Витовта, Берестѣе принадлежало къ удѣлу Сигизмунда Кейстутовича и его сына Михаила. Въ 1445 г. Подляшія окончательно отошла къ непосредственнымъ владѣніямъ литовскихъ великихъ князей³⁾.

Въ Берестейской землѣ, какъ видно изъ мѣстныхъ актовъ, въ старое время (до начала XV столѣтія) существовало отдельное княженіе, составлявшее владѣніе князей *Городенскихъ, Бѣльскихъ и Кобрынскихъ*. Указаніе на это княженіеходимъ въ трехъ актахъ, касающихся одной изъ бѣльскихъ церквей⁴⁾. Грамотой 1507 г. король Александръ предписалъ войту и подстаростѣ бѣльскому перенести на болѣе удобное мѣсто бѣльскую церковь Рождества Богородицы, основанную „эъ наданья княгини Вассы Михайловое, бабки наше“⁵⁾. Затѣмъ, въ „ревизіи“ бѣльскихъ церквей, составленной въ 1637 г., говорится, что бѣльская церковь Рождества Богородицы основана „нѣкогда княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобрынскимъ и кнегине Вассою“⁶⁾. Наконецъ, въ описаніи (specyfikacuї) фундушей бѣльскихъ церквей, составленномъ

¹⁾ Въ поручной записи 1987 г. Витовтъ называется княземъ берестейскимъ *Prochaska, Cod. epist., V, p. 13*.

²⁾ *Baliński, Starož. Polska, 2-е изд., III, 406, 438; IV, 585. A. Z. P., I, № 189. Skarbiec, № 649.*

³⁾ *Stadnicki, Syn Gedym. II, 24, 127, 164. Esto же, Bracia, 272, 274. Wolf, Ród Gedim., 16. Smolka, Kiejstat, 10. Яснікій, Уст. земск. грамоты, 71.*

⁴⁾ Бѣльскъ—одинъ изъ старыхъ русскихъ городовъ; виѣстѣ съ Дрогичиномъ, Мезыникомъ и пр. изъ принадлежащихъ къ Берестейской землѣ (см. выше).

⁵⁾ Въ грамотѣ 1507 г. о церкви Пречистенской въ Бѣльскѣ говорится слѣдующее: „ижъ бо дѣлъ наданья княгини Вассы Михайловое, бабки наше, созвдана есть, гдѣ жъ бо и тѣло еи положено предъ Богородицею, которое съ бого мольемъ перенеси“ (Археогр. Сборн., I, стр. 7).

⁶⁾ „Церковь Рождества Пресвятой Владычицы нашея Богородицы, зостаюча на старомъ мѣстѣ, преисенная року 1562 зъ замку Бѣльскаго, фундованная нѣкогда княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобрын скимъ и княгине Вассою, яко написъ опѣваеть (показываетъ) на таблицѣ эъ образами тремя намѣстными, украшенными златомъ“ (Арх. Сборн., I, стр. 280).

въ 1787 г., повторяется тот же фактъ основанія Богородичной церкви въ Бѣльскѣ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ, Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобринскимъ „дѣдичемъ“, при чёмъ этотъ князь названъ „княземъ русскимъ“¹⁾). Сколько намъ известно, изъ всѣхъ историковъ старыхъ литовскихъ князей лишь одинъ Вольфъ касается вопроса о происхожденіи и владѣніяхъ загадочнаго князя Михаила Семеновича и его жены, княгини Вассы. Вольфъ полагаетъ, что этотъ князь принадлежалъ къ роду князей *Городецкихъ*²⁾, владѣвшихъ въ послѣдней четверти XIV столѣтія и позже Давидовымъ Городкомъ (ниже Турова), однимъ изъ старыхъ городовъ Литовского Полѣсъ³⁾). Тотъ же историкъ отождествляетъ княгиню Вассу (жену князя Михаила Семеновича) съ княгиней Василисой, жившей въ XV столѣтіи (ум. ок. 1484 г.), дочерью князя Андрея Ивановича Гольшанского, бывшей первоначально замужемъ за Иваномъ Владимировичемъ⁴⁾, княземъ Бѣльскимъ, владѣвшимъ въ первой половинѣ XV столѣтія городомъ Бѣлымъ (старымъ Бѣлгородомъ) въ Смоленской землѣ⁵⁾. Словомъ, по предположенію Вольфа, въ приведенныхъ выше актахъ рѣчь идетъ объ одномъ изъ литовскихъ князей, участвовавшихъ въ XV столѣтіи во владѣніи удѣлами Литовского Полѣсъ (Городецкими) и Смоленской земли (Бѣльскими). Всѣ эти предположенія нисколько, однако, не оправдываются при ближайшей повѣркѣ ихъ съ документальными данными. Къ этимъ даннымъ, по всему видно, поченныйпольскій историкъ отнесся не съ надлежащимъ вниманіемъ. Название князя Михаила Семеновича *Городецкимъ* княземъ усвоено

¹⁾ „Cerkiew pod tytułem Narodzenia N. P. Maryi ab aevo immemorabili w zamku na górze fundowana od I. O. ksiązat Ruskich Michała y Wasila Semenowiczow Horodeńskich, Bielskich y Kobińskich dziedziców, a ztamtąd za konensem najjaśn Alexandra króla Polskiego wydanym r. 1507, do miasta przeniesiona; ten konsens Ruskim dyalektem pisany na pergaminie y teraz jest w cerkwi Przeczyskiej, gdzie wyraża, aby ciała tychże ksiązat były przeniesione z cerkwię“ (Археогр. Сбори., II, стр. 257). Но поводу этого сообщенія Вольфъ совершенно основательно заявляетъ, что авторъ описаний церковныхъ фундушей не умѣлъ прочесть старинного русского „пергамина“ и изъ князя Михаила Семеновича и княгини (его жены) Вассы сочинилъ князей Михаила и Василія (Ród Gedim., стр. 104).

²⁾ Ród. Gedim., стр. 31, 144.

³⁾ См. ниже о князьяхъ Городецкихъ въ Литовскомъ Полѣсъ.

⁴⁾ Сыномъ бывшаго кievского князя—Владимира Ольгердовича.

⁵⁾ Wolff, стр. 103—104. О князьяхъ Бѣльскихъ Литовской Смоленщины см. ниже о Смоленскомъ княжествѣ.

Вольфомъ совершенно произвольно: въ приведенныхъ выше извлеченияхъ изъ актовъ XVI—XVIII вѣковъ, этотъ князь называется Городенскимъ, а не Городецкимъ, чтѣ, какъ сейчасъ увидимъ, далеко не одно и то же. Затѣмъ, название того же князя Бѣльскимъ не имѣть ничего общаго съ названіемъ князей Бѣльскихъ, владѣвшихъ смоленскимъ городомъ Бѣлымъ. Акты, въ которыхъ сохранились свѣдѣнія о князѣ Городенскомъ, Бѣльскомъ и Кобринскомъ, относятся къ старымъ памятникамъ не Литовскаго Полѣсъя и Смоленщины, а Берестейской земли (Подляхии или Подлясья). Изъ берестейскихъ актовъ XVI столѣтія, помѣщенныхъ въ томъ же сборникѣ¹⁾, гдѣ находятся и акты со свѣдѣніями о князѣ Михаилѣ Семеновичѣ и его женѣ, княгинѣ Вассѣ, видно, что Городно принадлежалъ въ это время къ числу берестейскихъ городовъ, и что границы тянувшихъ къ нему волостей сошрикались съ волостными границами берестейскихъ городовъ: Бѣльска (главнаго города Бѣльской земли), Гонязя и Райгорода²⁾. Здѣсь-то, въ сѣверо-восточной окраинѣ Берестейской земли, въ литовскую эпоху и располагалось княжество, въ составѣ котораго, при Михаилѣ Семеновичѣ, входили берестейские города: Городно, Бѣльскъ и Кобринъ³⁾. Когда возникло это княжество и къ какому именно времени слѣдуетъ относить княженіе Михаила Семеновича и княгини Вассы, источники не даютъ точныхъ указаний. Есть, впрочемъ, одно обстоятельство, заставляющее предполагать, что этотъ

¹⁾ Археографический сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, 1867, т. I и II.

²⁾ Изъ актовъ 1522—1529 гг. видно сосѣдство Городна съ Гонядземъ и Райгородомъ (Арх. Сборн., стр. 12—13). Въ 1536 г. назначена была особая комиссія для опредѣленія границъ между Городномъ и Бѣльскомъ, съ одной стороны, и Гоняземъ и Райгородомъ, съ другой; первые два города входили въ составъ одной волости или староствы—Бѣльского (*ibid.*, стр. 14). Изъ описи старыхъ границъ Гонязскихъ 1586 г. видно, что по сосѣдству съ ними располагались нивы лѣса, боры и ловы Городенскіе и пр. (*ibid.*, стр. 26—27).

³⁾ На картѣ Андріяшева обозначены только Бѣльскъ и Кобринъ. Первый лежалъ недалеко отъ одного изъ притоковъ западнаго Буга, на одной линіи съ гор. Нуromъ (къ востоку отъ него); Кобринъ находился южнѣе Бѣльска (за Каменцемъ) по одной линіи съ Берестъемъ, къ востоку отъ него (*Андріяшевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли, 282). Гдѣ-то, по сосѣдству съ Бѣльскомъ находился и Берестейскій Городно. Отъ послѣднаго слѣдуетъ отличать Городень Полѣсскій, находившійся недалеко отъ Пинска (къ югу отъ него) и составлявшій въ до-литовскую эпоху особый удѣлъ Городенскихъ князей (см. ниже о Городецкихъ князьяхъ).

князь жилъ еще до начала XV столѣтія. Князь Михаилъ Семеновичъ съ женой, какъ видно изъ ихъ титула, владѣли Кобриномъ, а мы увидимъ дальше, что этотъ городъ съ тянувшими къ нему волостями въ началѣ XV столѣтія выдѣляется въ удѣльное владѣніе одного изъ сыновей Федора-Сангушки, князя Ратненскаго (сына Ольгерда), потомки которого безъ перерыва владѣли Кобриномъ до конца втораго десятилѣтія XVI столѣтія¹⁾. Значить, князь Михаилъ Семеновичъ могъ владѣть Кобриномъ лишь до князей Сангушекъ, то-есть, въ XIV вѣкѣ, при Ольгердѣ, Кейстутѣ и Витовтѣ, считавшихся въ то время берестейскими князьями. Изъ договора литовскихъ князей съ королемъ польскимъ Казимиромъ (1366 г.) видно, что въ это время городъ Бѣльскъ входилъ въ составъ удѣла Кейстута, Кобринъ же составлялъ личное владѣніе великаго князя Ольгерда Гедиминовича²⁾. Къ роду одного изъ этихъ князей, по всѣмъ видимостямъ, принадлежала жена Михаила Семеновича, княгиня Васса³⁾. Король Александръ, въ грамотѣ 1507 г., называетъ ее своей „бабкой“⁴⁾ въ общемъ смыслѣ прародительницы, а въ позднѣйшемъ описаніи фундушей бѣльскихъ церквей она и мужъ одинаково называются „дѣдичами“ Бѣльско-Городенскаго княжества. Въ обоихъ случаяхъ, какъ намъ кажется, дается указаніе на принадлежность княгини Вассы къ роду мѣстныхъ литовскихъ князей владѣвшихъ Берестейской землей, а таковыми въ XIV столѣтіи могли быть лишь Ольгердъ, Кейстутъ и Витовтъ. Княжество Михаила Семеновича, заключавшее въ себѣ Бѣльскъ и Кобринъ, могло возникнуть именно въ такое время, когда оба эти города принадлежали къ одному удѣльному владѣнію. Такимъ моментомъ можно скопрѣء всего считать время, послѣдовавшее за смертію Ольгерда. Можно предположить, что по смерти Ольгерда (въ 1377 г.) Кобринъ отошелъ къ удѣлу Кейстута; въ это-то время Кобринъ вмѣстѣ съ Бѣльскомъ и могъ быть данъ Кейстутомъ княжнѣ Вассѣ (дочери или иной родственницѣ, — неизвѣстно) въ значеніи вѣна, по случаю

¹⁾ См. объ этомъ ниже въ свѣдѣніяхъ о княжествѣ Кобринскомъ.

²⁾ Skarbiec, № 432.

³⁾ По наслѣдованію Волфа, Кейстутъ имѣлъ трехъ дочерей: Микловсу-Марію, Даничу-Анну и Рингалу-Елизавету (Röd, 52). У Витовта была одна дочь Софія (ibid., 58). Число дочерей Ольгерда неизвѣстно. Въ источникахъ упоминаются 4 дочери (одна безъ имени) отъ первого брака и три — отъ втораго брака; между ними Васса не числится (ibid., 27—32).

⁴⁾ См. выше.

брака елъ съ княземъ Городенскимъ Михаиломъ Семеновичемъ. Связь кн. Вассы съ Бѣльскомъ, какъ ея „отчиной“, во всякомъ случаѣ ясно констатируется въ источникахъ. Можно именно думать, что удѣльный владѣнія князя Михаила Семеновича и его жены состоялись изъ двухъ отдельныхъ отчин: старого владѣнія мужа и примкнувшего къ нему отчина вѣна жены. Князь Михаилъ Семенович во всѣхъ актахъ титулуется прежде всего княземъ *Городенскимъ*; а это, какъ намъ кажется, даетъ поводъ предполагать о томъ, что Городно составляла изстаринную его „дѣдину“; лишь послѣ брака его съ княгиней Вассой къ старой его дѣдинѣ могли, затѣмъ, примкнуть Бѣльскъ съ Кобрикомъ въ значеніи вѣна жены¹⁾). Наконецъ, въ послѣднемъ изъ приведенныхъ выше актовъ о бѣльскихъ церквяхъ обращаетъ на себя вниманіе наименование князя Михаила Семеновича княземъ „*русскимъ*“²⁾). Указаніе это, содержащееся въ актѣ несомнѣнно официального характера³⁾, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки исторической достовѣрности. Здѣсь мы наталкиваемся на фактъ, имѣвшій мѣсто чуть ли не во всѣхъ русскихъ областяхъ Литовского государства,—фактъ существованія удѣльныхъ князей русского происхожденія и послѣ присоединенія западной Руси къ Литвѣ. Русское происхожденіе князя Михаила Семеновича, какъ кажется, можно объяснить лишь въ томъ смыслѣ, что въ его лицѣ являлся послѣдній представитель бывшихъ русскихъ князей въ Берестейской землѣ, удерживавшій за собой въ XIV столѣтіи небольшой Городенскій удѣль, въ сѣверномъ уголку бывшихъ обширныхъ владѣній его предковъ, старыхъ Берестейскихъ князей. Вотъ все, что можно было извлечь изъ того скучного материала, какой доступенъ въ настоящее время по вопросу о бывшихъ Городенскихъ и Бѣльскихъ князьяхъ. Высказанный выше положенія имѣютъ, большою частію, характеръ предположеній, далеко не рѣшающихъ вполнѣ вопроса; тѣмъ не менѣе, нельзя, кажется, сказать, чтобы въ основѣ

¹⁾ Изъ приведенныхъ выше извлеченій изъ берестейскихъ актовъ, въ которыхъ говорится о князѣ Михаилѣ и его женѣ, видно, что князь Михаилъ жила именно въ Бѣльскѣ, какъ своей старой дѣдинѣ; въ основанной ею Пречистенской церкви она и была погребена.

²⁾ См. приведенное выше извлеченіе изъ описанія фундушей бѣльскихъ церквей 1787 г.

³⁾ Нужно полагать, что указаніе на русское происхожденіе князя Михаила Семеновича взято изъ надписи обѣ основателяхъ Пречистенской церкви въ Бѣльскѣ: надпись эта, какъ видно изъ ревизіи бѣльскихъ церквей 1637 г., сохранилась въ Пречистенской церкви на „таблицѣ“ съ наимѣстными иконами.

настоящай замѣтки не было вовсе документальныхъ данныхъ. Дальнѣйшая судьба Бѣльско-Городенскаго княжества мало извѣстна. Можно вообще думать, что, по смерти князя Михаила Семеновича и его жены, какъ видно, не оставившихъ потомства, г. Бѣльскъ снова отошелъ къ владѣніямъ Берестейскихъ князей, Кобринъ же, какъ сей-часъ увидимъ, возвратился въ родъ прежнаго его владѣтеля Ольгерда, именно сдѣлался въ началѣ XV столѣтія удѣломъ потомковъ одного изъ Ольгердовичей (Федора-Сангушки). Въ 40-хъ годахъ XV столѣтія бывшее Городенское княжество, вмѣстѣ со всей Берестейской землей (кромѣ Кобрина), вошло въ составъ владѣлій великихъ князей литовскихъ¹⁾.

Изъ состава подляшскихъ земель выдѣляется въ концѣ XIII столѣтія особое удѣльное княженіе—*Кобриинское*. Въ литовскую эпоху княженіе это, въ значеніи самостоятельнаго удѣла, возстановляется, какъ замѣчено раньше, еще съ Гедимина и затѣмъ удерживаетъ за собой относительную самостоятельность до второй половины XVI столѣтія. Кобринъ (на р. Мухавцѣ и Кобринцѣ, притокахъ Западнаго Буга), къ востоку отъ Бересты²⁾, какъ полагаютъ, принадлежитъ къ старымъ пунктамъ славянской колонизаціи въ Ятвяжской землѣ³⁾. Въ документальныхъ источникахъ Кобринъ упоминается впервые въ послѣдней четверти XIII столѣтія. Волынскій князь Владіміръ Васильковичъ, распредѣляя въ 1286 г. свои владѣнія между наслѣдниками, выдѣлилъ женѣ своей Ольгѣ Романовнѣ особый удѣль, состоявшій изъ городовъ Кобрина и Городла⁴⁾ съ нѣсколькими селами⁵⁾.

¹⁾ Что касается Бѣльска, то сохранилось извѣстіе о томъ, что въ 1447 г. король Казиміръ отдалъ Бѣльскъ, съ тиунувшими къ нему подляшскими пригородами—Брянскомъ и Суражемъ, князю Михаилу, сыну бывшаго великаго князя Сигизмунда, получившему, кроме того, удѣльныя владѣнія въ Черной Руси (Клецкъ), Минской землѣ (Койдановъ) и Сѣверщинѣ (Стародубъ). Впрочемъ, черезъ два года всѣ эти владѣнія были отобрани у Михаила Сигизмундовича (*Bałozowicz*, 55. *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 168. *Wolff*, Rѣd Ged., 66). Удѣльное значение Бѣльской земли возстанавливается въ XVI столѣтіи, при Сигизмундѣ I, который въ 1507 г. отдалъ королевѣ Еленѣ Бѣльскѣ съ Брянскомъ и Суражемъ (A. Z. P., II, № 8). О Подляшскомъ Брянскѣ, на р. Нурцѣ, притокѣ Нарева, см. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., III, 446; о Суражѣ на р. Наревѣ—*ibid.*, 447.

²⁾ *Sulimierski*, Słown. geogr., IV, 205. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., IV, 619.

³⁾ *Baliński*, IV, 619.

⁴⁾ Городѣль (Городло)—въ Белеской землѣ (*Baliński*, III, 350).

⁵⁾ Собрание госуд. грамотъ и договоровъ, изд. Румянцева, II, №№ 4 и 5. Инат. лѣтоп., стр. 596. Ср. *Андріяшевъ*, Очеркъ истории Волынск. земли, 99, 196.

Первымъ документальнымъ извѣстіемъ о Кобринѣ и кобринскихъ князьяхъ литовской эпохи принадлежать XIV столѣтію. По договору 1366 г., заключенному Ольгердомъ и другими литовскими князьями съ польскимъ королемъ Казимиромъ, Кобринъ считается удѣломъ великаго князя Ольгерда¹⁾, получившаго Кобринъ, нужно думать, еще при отцѣ, вмѣстѣ съ Кревской волостью. По смерти Ольгерда, какъ мы видѣли, Кобринъ принадлежалъ къ составу Бѣльско-Городенскаго княжества, а затѣмъ отошелъ къ владѣнію Витовта. Привилеемъ 1404 г. Витовтъ пожаловалъ своему „сыновцу“ (сыну брата, племяннику) князю Роману во владѣніе Кобринъ и Грушовую, вмѣстѣ съ Несухоѣжемъ и Милановичами²⁾. Вопросъ о происхожденіи князей Кобринскихъ³⁾ до послѣдняго времени оставался весьма мало разысканнымъ въ русской и польской исторической литературѣ. Только въ недавнее время одному изъ польскихъ историковъ (Вольфу) удалось, на основаніи документальныхъ данныхъ, удовлетворительно раз-

¹⁾ Skarbiec, № 432. Ср. Андрющева, Очеркъ, 217—218.

²⁾ Wolff, 118, 128. Привилей 1404 г. помѣщенъ въ сборн. *Рыкачевско-Inventory*, стр. 378, и у Голембюеско — *Dzieje Polski od 1386 do 1506*, I, стр. 88. Въ сборникѣ Даниловича только упоминается этотъ привилей (Skarbiec, № 789). Поселеніе Грушовая (и земля того же имени) принадлежало къ Кобринской волости (Ревизія пущъ, стр. 4, 5, 134, 143). Несухоѣже и Милановичи — поселенія на Волыни; въ началѣ XVI столѣтія принадлежали князьямъ Сапгурскимъ (Arch. Sang., I, 147).

³⁾ Балинскій полагаетъ, что въ литовскую эпоху Кобринские князья, подчинявшіеся великимъ князьямъ литовскимъ, принадлежали къ роду Ольгерда, именно роду его сына Владимира, князя кіевскаго, и что Кобринъ, вмѣстѣ съ Пинскомъ, былъ въ рукахъ однихъ и тѣхъ же князей, существовавшихъ еще до временъ короля Сигизмунда I (*Staroѣ. Poѣka*, 2-е изд., IV, 620). Всѣ эти положенія не оправдываются, однако, документальными данными. Изъ источниковъ не видно, чтобы въ старое время (до XVI столѣтія) Кобринъ состоялъ когда либо одно владѣніе вмѣстѣ съ Пинскомъ. Связь между ними устанавливается лишь при Сигизмундѣ I, передавшемъ королевѣ Бонѣ въ удѣлъ Кобринскую волость и большую часть Литовскаго Полѣсъя, именно бывшія книженія Пинское и Городецкое (объ этомъ см. ниже). До начала XV вѣка Кобринъ стоялъ въ связи не съ Пинскимъ, а Берестейскимъ удѣломъ, именно съ землей Бѣльской, составлявшей, какъ замѣчено выше, во второй половинѣ XIV столѣтія особую удѣльную волость: князья Городенскіе, владѣвшіе въ то время Бѣльскомъ, назывались также князьями Кобринскими. О князьяхъ Кобринскихъ см. монографіи: *Radzimiński, Okniasiach Kobryńskich (Rozprawy i sprawozdania z posiedzień Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętnosci*, t. VII), J. Wolff, Kniaziowie Kobrynscy (ibid., t. VIII). *Eto же*, Ród Gedim., 116, 118, 128 и др.

рѣшить вопросъ о происхождении и послѣдующихъ удьбахъ кобринскихъ князей и принадлежавшаго имъ княжества¹⁾.

Родоначальникомъ князей кобринскихъ, по документальнымъ даннымъ, является сынъ Ольгерда—Федоръ Сангушко, владѣвшій въ началѣ XV столѣтія волынскимъ удѣломъ — Ратно²⁾). Князь Романъ, сынъ Сангушки, упоминается въ источникахъ раньше получения имъ Кобринскаго удѣла³⁾). По обычаю, практиковавшемуся при королѣ Владиславѣ со времени его брака съ Ядвигой, въ ихъ дворцовой жизни принималъ участіе „князь Романъ“ выѣтѣ съ другими литовскими князьями⁴⁾.

Кобринскій князь Романъ Федоровичъ имѣлъ двухъ сыновей: Семена и Федора⁵⁾; изъ нихъ послѣдній, по всему видно, умеръ до

¹⁾ Мы сведемъ главныя данныя касательно кобринскихъ князей и сдѣлаемъ съ своей стороны нѣкоторыя поправки по актамъ, очевидно, не имѣвшимися въ виду г. Вольфомъ.

²⁾ Лѣтоп. Быховца, 22. Археогр. сбери. докум., стр. 84. Wolff, 116 и слѣд. О князьяхъ Сангушкахъ см. ниже — о волынскихъ князьяхъ. Родство Сангушекъ съ кобринскими князьями подтверждается родословной литовскихъ князей, помѣщенной въ Воскрес. лѣтописи (П. С. Л., VIII, 266), а также однимъ изъ актовъ XVI ст. (1522 г.). Изъ этого акта видно, что, по смерти послѣдней княгини кобринской (внучки князя Романа), жившія въ то время дѣлъ линіи князей Сангушковичъ зиявали въ 1522 г. себя единственными наследниками умершей, имѣвшими право на владѣніе имѣніями „по смерти ихъ сестры“ (Wolff, 140). Указанія на князя Федора, какъ на родоначальника князей кобринскихъ и Сангушекъ, находятся въ синодикахъ Киево-Печерской Лавры. Изъ нихъ видно, между прочимъ, что внукъ князя Романа Федоровича, князь Иванъ Семеновичъ кобринскій, поручилъ лаврскому клиру молиться за души его предковъ и, вычисляя ихъ поименно,ставить на первомъ планѣ своихъ прадѣда, дѣда и отца — князей Федора, Романа и Семена. Синодики князей кобринскихъ и Сангушекъ хранятся въ рукахъ отдѣльной Румянц. музея въ Москве (Wolff, 119).

³⁾ „Князь Романъ Федоровичъ“ упоминается въ числѣ князей, давшихъ въ 1387 г. королю Владиславу поруку въѣхать въ службу Олехна Дмитріевича (Arch. Sang., I, стр. 11). Въ 1393—1394 г. „князь Романъ Литовскій“ предводительствуетъ новгородцами въ войнѣ ихъ съ великимъ княземъ московскимъ и Псковомъ (П. С. Л., IV, 100; V, 245—246; VI, 128; VIII, 64. Ср. Wolff, 128).

⁴⁾ О жизни князя Романа при дворѣ Владислава и Ядвиги упоминается въ актахъ, подъ 1394 и 1411—1417 гг. См. Wolff, Rѣd Gedim., 128. Preziedniecki, Zycie domowe Jadwigi etc., 51. 98—104.

⁵⁾ Вольфъ говоритьъ, что князь Романъ имѣлъ только одного сына — Семена (Rѣd Gedim., 128), а между прочимъ, въ современныхъ актахъ упоминается также „князь Федоръ Романовичъ“, несомнѣнно, сынъ кобринского князя Романа. Федоръ Романовичъ упоминается въ числѣ литовскихъ князей, подписавшихъ въ 1386 г. докончанье великаго князя смоленскаго Юрия Святославича съ королемъ Влади-

полученія отцомъ Кобринскаго удѣла. По смерти Романа Федоровича, всѣ его владѣнія перешли къ его сыну — Семену Романовичу, владѣвшему отцовскимъ удѣломъ до своей смерти въ началѣ второй половины XV столѣтія ¹⁾). По лѣтописнымъ извѣстіямъ, князь Семенъ Романовичъ являлся сторонникомъ Святогайла и принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ послѣдняго съ королемъ Владиславомъ ²⁾). Сохранились два акта, принадлежащіе князю Семену Романовичу: о пожалованіи боярину Даниилѣ села Пришахвосты и обѣ обезспеченіи вѣна княгини Ульяны, назначениемъ ей въ особой записи (1454 г.) опредѣленной суммы на отчинахъ князя: Кобринѣ, Черевачицахъ и Грушовой ³⁾). По смерти (ок. 1460 г.) кобринскаго князя Семена Романовича, Кобринское княженіе становится достояніемъ его семьи, то-есть, вдовы умершаго князя, княгини Ульяны, сына Ивана и двухъ дочерей Маріи и Анны. По выходѣ послѣднихъ замужъ, Кобринъ съ волостями остался во владѣніи князя Ивана Семеновича съ матерью. Со смертью этого князя (около 1490 г.) прекратилось мужское поколѣніе князей кобринскихъ ⁴⁾). На основаніи вѣновныхъ записей князя Ивана Семеновича, данныхъ имъ своей женѣ Федорѣ на по-жизненное владѣніе Кобринскимъ удѣломъ ⁵⁾ „вѣчино, (отдаляющи) отъ близкихъ своихъ“, и подтвержденныхъ вскорѣ великимъ княземъ

сдавомъ великимъ вилягамъ литовскимъ Смиртайомъ; имя княза Федора Романовича стоитъ на первомъ планѣ (См. Arch. Sangusz., I, стр. 4). Въ Архивѣ Сангуш., изданномъ позже монографіи Вольфа, помѣщено впервые полный текстъ докончанъ 1386 г.; въ сборникахъ Соколовско-Шумского (№ 7) и Прогаски (№ 28) помѣщены только извлечения, и при томъ со ошибками въ текстѣ памятника. Нужно полагать, что князь Федоръ Романовичъ умеръ еще до получения отцомъ Кобринскаго удѣла; по крайней мѣрѣ, о князѣ Федорѣ Романовичѣ, сколько известно, не упоминается пѣгдѣ въ актахъ позже 1386 г.

¹⁾ Калько полагаютъ, князь Семенъ Романовичъ умеръ около 1460 г. (Wolff, 129).

²⁾ Когда король въ 1481 г. двинулъ войска противъ Святогайла, запершагося въ Луцкѣ, князь Семенъ Романовичъ первый преградилъ путь Владиславу. По словамъ Дауноша (Dzieje, IV, 411), воевода Владислава, Грыцко Кирдѣвичъ, въ битвѣ „z kniaziem Semionem, synem kniæœcia Romana“, разбилъ его отрядъ на голову и самого князя „trupomъ положилъ“. Послѣднее обстоятельство не вѣрно: князь Семенъ, какъ видно изъ современныхъ актовъ, жилъ еще долго послѣ битвы 1481 г. (Wolff, 129).

³⁾ Обѣ записи открыты Вольфомъ въ Литовской метрикѣ. См. Rôd Gedim., 129.

⁴⁾ Wolff, 132.

⁵⁾ Записи эти приведены изъ Литовской метрики Вольфомъ (См. его Rôd Gedim., 131).

литовскимъ Александромъ¹⁾), княгиня Федора (Софія—послѣ принятия католицизма) владѣла Кобриномъ на общемъ удѣльномъ положеніи до своей смерти (около 1512 г.)²⁾. Въ это время единственою наследницей князей кобринскихъ оставалась сестра послѣдняго изъ нихъ (Ивана Семеновича)—княгиня Анна Семеновна, бывшая замужемъ за маршалкомъ Венц. Костевичемъ. Ей-то по праву „близкости“ король Казимиръ и далъ привилей на владѣніе отчизной—Кобринскимъ удѣломъ³⁾). Со смертью ея въ 1517 г. окончательно прекратился родъ старыхъ князей кобринскихъ; ихъ удѣль отошелъ къ короннымъ владѣніямъ великихъ князей литовскихъ. Перечисленные владѣтели и владѣтельницы Кобрина и тянувшихъ къ нему волостей считались въ одинаковой мѣрѣ удѣльными „господарями“, владѣли своимъ удѣломъ „Божію милостью“⁴⁾). Какъ видно изъ современныхъ актовъ, Кобринское княжество въ XV столѣтіи имѣло два главныхъ центра: Кобринъ и Грушовую, и соответственно съ этимъ дѣлилось на два намѣстничества или воеводства, управлявшіяся отъ имени кобринскихъ князей особыми воеводами или намѣстниками⁵⁾). Всѣ старые кобринские князья управляли своимъ княженіемъ, какъ видно, при непремѣнномъ участіи своей „рады“, состоявшей изъ мѣстныхъ бояръ, въ томъ числѣ и воеводъ⁶⁾). Въ значеніи же удѣльныхъ владѣтелей

¹⁾ Wolff, 132; См. А. Ю.-З. Р., I, № 43.

²⁾ Княгиня Федора, въ 1492 г., вышла замужъ за пана Юрія Паповича „съ Кобриномъ“, какъ ея вѣномъ; овдовѣвши затѣмъ чрезъ 7 лѣтъ, она испросила у короля новое подтвержденіе владѣнія Кобриномъ, въ виду притязанія на него родственниковъ умершаго князя кобринскаго. По этому новому пожалованію Федора владѣла Кобриномъ до своей смерти (Wolff, 129—134. Ср. Акты Віленск. Ком., III, №№ 1 и 2).

³⁾ Wolff, 137.

⁴⁾ Напримѣръ, князь Иванъ Семеновичъ, въ своеѣ привилѣй 1469 г., подобно другимъ удѣльнымъ князьямъ Литовского государства, титулуется кобринскимъ княземъ „милостю Божьею“ (Wolff, 130).

⁵⁾ См. привилѣи, открытые Вольфомъ въ Литовской метрикѣ (Rid Gedim., 129—132). См. также привилѣи кобрицкихъ князей, помѣщенные въ А. Ю.-З. Р., I, №№ 32, 226, 227; Акт. Віленск. Ком., I, № 2 и пр.

⁶⁾ Въ актахъ кобрицкихъ нерѣдко говорится, что пожалованіе дается княземъ, не только „помыслившемъ“ съ своею женой или сыномъ (А. Ю.-З. Р., I, № 230 и пр.), но и „погадавши зъ своими бояры и зъ нашихъ вѣркою радою“ (А. Ю.-З. Р., I, №№ 227, 228; Wolff, 131, примѣч. 2); „подали (земли) есмо зъ наими бояры слугами нашими вѣрными“ (Wolff, 130, прим. 3). Въ некоторыхъ грамотахъ просто говорится, что при ихъ составленіи были „добрѣе люди“, „бояре наши ко-

князья и княгини кобринские до послѣднаго времени выдавали членамъ своей семьи, церквамъ, служилымъ людямъ и другимъ мѣстнымъ жителямъ привилеи, листы и записи на имѣнія и по другимъ случаюмъ¹⁾.

По смерти княгини Анны Семеновны, послѣдней наследницы кобринскихъ князей, Кобринъ съ его волостями, по праву выморочности, отошелъ въ составъ непосредственныхъ владѣній литовскаго господаря. Еще при жизни княгини Анны король Сигизмундъ I далъ ея мужу маршалу Костевичу (1516 г.) привилей на владѣніе Кобринской волостью на случай смерти жены. Это распоряженіе короля тояло въ связи съ засісью княгини Анны, обеспечившей для мужа владѣніе послѣ нея Кобриномъ назначениемъ въ его пользу опредѣленной выкупной суммы (очевидно, со стороны короля). Маршалъ Костевичъ дѣйствительно вступилъ въ 1519 г. во владѣніе Кобринской волостью, но уже не на правахъ удѣльного князя, а лишь въ качествѣ простаго старосты, владѣвшаго своимъ наданьемъ лишь въ значеніи „доживотъ“ а не вотчины²⁾. Вскорѣ затѣмъ выданъ былъ королевъ Бонѣ привилей о переходѣ Кобринской волости въ ся владѣніе по смерти маршала Костевича. Полагаютъ, что послѣдний владѣлъ своимъ староствомъ вплоть до своей смерти (въ 1532 г.), когда королева Бона, въ силу данного ей привилея, вступила въ управление Кобриномъ³⁾; но, какъ видно изъ современныхъ актовъ, положеніе этого вопроса на дѣлѣ было иѣсколько иное. Въ сборникѣ актовъ Литовскаго Полѣсъя (въ „Ревизіи пущъ и переходовъ звѣринъхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ“ 1867) есть цѣлый

бринскіе и грушевскіе, дворянинъ и *мищанъ*⁴⁾ (см. Wolff, 129, прим. 5; А. Ю.-З. Р., I, №№ 32, 226; Акт. Вил. Комм., I, № 2 и пр.). Всѣ эти „добрые люди“ князей кобринскихъ несомнѣнно имѣли значеніе ихъ думцевъ, радныхъ паповъ.

¹⁾ *Больфъ* открылъ въ Литовской метрикѣ цѣлый рядъ такихъ актовъ (см. Röd, 129 и сѣд.). У него есть, однако, указаний на Кобринскіе акты, давно наданные въ русскихъ сборникахъ (А. Ю.-З. Р., I, №№ 32, 226—228, 230; Акт. Вил. Комм., I, №№ 1 и 2; А. З. Р., I, 85, 111). Въ Архивѣ Сангушекъ, изданномъ, впрочемъ, послѣ появленія монографіи *Больфа*, есть также кобринскіе акты (I, стр. 58, 83, 139 и др.).

²⁾ Старостинскій характеръ приобрѣтенныхъ Костевичемъ правъ на Кобринъ выражается, между прочимъ, въ томъ, что тотчасъ послѣ получения въ 1516 г. привилея Костевичъ долженъ былъ уплатить королю часть обычной въ такихъ случаяхъ старостинской платы; другая часть этой же суммы была уплачена королю Костевичемъ при вступлениі на управление Кобриномъ (Wolff, 139).

³⁾ Wolff, 142—143.

рядъ актовъ (въ числѣ 11-ти), изъ которыхъ видно, что уже въ 1529 г. (то-есть, за 4 года до смерти Кобринскаго старосты) королева Бона распоряжалась Кобринскою волостью, какъ совершенно полновластная удѣльная княгиня¹⁾). Съ этого времени несомнѣнно возстановляется на старомъ положеніи бывшее Кобринское княжество²⁾.

Какъ видно изъ современныхъ актовъ, удѣльь королевы Боны далеко не ограничивался одной Кобринской волостью, составлявшей при ней отдельный „пovѣтъ“, съ подраздѣленіемъ его по-прежнему на два намѣстничества-старостства, Кобринское и Грушовое³⁾. Ея владѣнія простирались далеко къ сѣверо-востоку отъ Кобрина, достигали рубежей Литовскаго Полѣсъя, а къ сѣверу, повидимому, соприкасались съ южными границами бывшей Черной Руси. Все это пространство обнимало подчиненный королевѣ Бонѣ Селецкій повѣтъ, называвшійся также волостью и староствомъ⁴⁾, съ центральнымъ пунктомъ—замкомъ Сельцемъ, или Селецкимъ дворцомъ⁵⁾. Какъ будеть сказане ниже, владѣнія королевы Боны далеко не ограничивались повѣтами Кобринскими и Селецкими, заключали въ себѣ также повѣты: Пинскій, Городецкій, Клецкій и Рогачевскій, то-есть, тянулись длинною полосой по всему Литовскому Полѣсью, захватывали часть южныхъ предѣловъ Черной Руси и достигали Приднѣпровской Бѣлоруссии. Обширныя владѣнія королевы представляли, въ своей совокупности, дѣйствительную „державу“, управлявшуюся королевой совершенно независимо отъ общей администраціи великаго княжества Литовскаго. Владѣніями своими королева управляла при посредствѣ органовъ центральныхъ и мѣстныхъ. лично при королевѣ находился дворъ, устроенный по образцу двора литовскихъ господарей и со-

¹⁾ Ревизія пущъ, стр. 146, 147, 149—159.

²⁾ Бывшій староста Костевичъ, по всѣмъ видимостямъ, въ 1529 былъ во-все вытѣсненъ королевой Боной изъ его старостства, или, если и стоялъ въ немъ, то лишь въ качествѣ частнаго лица, владѣвшаго нѣкоторыми имѣніями, влѣнными за нимъ до его смерти.

³⁾ Ревизія пущъ, стр. 2, 134, 139, 148, 151.

⁴⁾ Ревизія, стр. 148, 158—157.

⁵⁾ Какъ видно изъ карты Польскаго королевства 1772 г., изданной въ 1887 г. *Орнелѣбраторомъ* въ приложении къ сочин. *Баллинская (Starož. Polska, 2-е изд., IV, 720)*, Селець лежалъ къ сѣверо-востоку отъ Кобрина, на одномъ изъ истоковъ Препети, нѣсколько выше Здитова, какъ этоѣ посѣдѣній показанъ на картаѣ *Андріашева* (Очеркъ истории Волынск. земли, 232). О Сельцѣ см. Ревиз. пущъ, стр. 147, 148, 158.

стоявший изъ цѣлаго ряда высшихъ и низшихъ урядниковъ: канцлера, маршалковъ, охмистровъ, писарей и др.¹⁾). Главныи урядникомъ, заправлявшимъ всѣми владѣніями королевы, являлся староста, называющійся въ актахъ „старостой кобринскимъ, селецкимъ, ниинскимъ, городецкимъ, клецкимъ и рогачевскимъ“²⁾). Въ зависимости отъ главнаго старости и, какъ кажется, по его назначенію, сидѣли въ отдѣльныхъ повѣтахъ мѣстные старости (намѣстники, державцы, воеводы и пр.)³⁾. Всѣ эти урядники считались въ одинаковой мѣрѣ служилыми людьми королевы: каждый изъ нихъ „на замку нашомъ во врадѣ будучи ни на чьей, одно на наше господарское послузѣ есть“⁴⁾). Послѣдняя грамота королевы Боны по управлѣнію принадлежавшими ей волостями относится къ 1555 году⁵⁾). Въ слѣдующемъ году, съ выѣзданіемъ королевы изъ Литвы въ Италію⁶⁾) всѣ ея владѣнія перешли въ составъ коронныхъ волостей. Въ лицѣ королевы Боны ушла изъ Литовско-Русскаго государства послѣдняя представительница старого удѣльнаго режима; послѣ ея ухода на всей территоріи государства водворилось единодержавное „господарство“ великихъ князей литовскихъ. При введеніи въ 1564 г. въ литовскихъ областяхъ новыхъ земскихъ учрежденій (новѣтовыхъ сеймиковыхъ, судовъ и пр.) Кобринъ съ его волостью принадлежалъ къ составу воеводства Брестъ-Литовскаго⁷⁾.

Изъ изложенного очерка территоріального состава бывшихъ литовскихъ областей видно, что изъ всего литовскаго племени вошли полностью въ составъ возникавшаго Литовско-Русскаго государства только два народа: собственно литва и жмудь, занимавши центръ литовскихъ поселеній. Бывшая Ятвяжская земля вошла въ составъ Литовско-Русскаго государства въ сѣверной (за-Бобрянскай земля) да юго-восточной ея окраинахъ (Берестѣ и Кобринѣ); вся западная

¹⁾ Ревизія пущъ, стр. 337 и др.

²⁾ Ревизія пущъ, стр. 153, 338, 346, 358.

³⁾ Иногдасосѣднія волости, напримѣръ, Ниинская и Городецкая, соединялись въ рукахъ одного старости (Ревизія, 334); иногда же и одна волость или повѣтъ разбивался на отдѣльныя намѣстничества и староста, какъ это было, напримѣръ, къ повѣтѣ Кобринской (см. выше).

⁴⁾ Ревизія, 346.

⁵⁾ Ревизія, 174. По управлѣнію собственно Подляскими волостями послѣдняя запись королевы сохранилась отъ 1550 г. (*ibid.*, 157).

⁶⁾ *Balїnski, Staroї Polska*, 2-е изд., IV 620.

⁷⁾ *Balїnsk' IV*, 619.

половина этой области отошла къ Польшѣ. Затѣмъ. сѣверные отрасли литовского племени (прусы. куроны, жемгала и латыши) заняты были въ XIII вѣкѣ упорной борьбой съ нѣмеckими крестоносцами, въ концѣ этого вѣка вошли въ составъ нѣмеckихъ владѣній и, следовательно, вовсе не участвовали въ образованіи Литовско-Русского государства. Лишь чрезъ два съ половиной вѣка, за нѣсколько лѣтъ до Люблинской унії (то-есть, почти предъ самимъ паденіемъ политической самостоятельности великаго княжества Литовскаго), сѣверные области (Курляндія и Лифляндія), въ которыхъ встарицу жили куроны, жемгала и латыши, вошли (съ сильно онѣмѣченными бытовыми формами) въ составъ Литовско-Русского государства. Послѣдній мастеръ Тевтонскаго ордена (Г. Кеттлеръ), тѣснимый врагами, добровольно подчинился Речи Посполитой, со всей своей страной, оставивъ ее за собой, по акту 1561 г., въ качествѣ ленна великаго княжества, зависѣвшаго отъ польскихъ королей. Новая область, подъ названіемъ *Inflant Polskich*, должна была, по акту Люблинской унії 1569 г., составлять общее владѣніе Литвы и Польши. При Сигизмундѣ III Инфлянты отошли отъ Польско-Литовского государства. и только позже (по Олискому трактату 1660 г.) восточная часть этой страны была возвращена Речи Посполитой, въ значеніи общаго владѣнія Литвы и Польши. Въ 1677 г. Польские Инфлянты были преобразованы въ отдѣльное воеводство и въ такомъ видѣ существовали до 1772 г., когда, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими областями бывшей Речи Посполитой, они отошли къ Россіи¹⁾.

Ф. Леонтовичъ.

(Продолженіе следуетъ).

¹⁾) Sulimierski, Słown., III, 278. Balański, IV, 697. A. Hilsen, Inflanty w dawnych swych y wieorakich aż do wieku naszego dziejach (1750). G. Mantewffel, Inflanty Polakie (1879). A. Сапунова, Инфлянты. Историческая судьбы края, известного подъ именемъ Польскихъ Инфлянты (Памятная книжка Витебской губерніи на 1887 г.).

БАЛТИЙСКИЙ ВОРОСЪ ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТИЯХЪ¹⁾.

(1544—1648).

ГЛАВА IV

Первые годы съверной семилѣтней войны, 1563—1565.—Второй Ростокскій мирный конгрессъ.—Участіе въ немъ Помераніи и отношенія ея къ Данії и Швеції въ первыѣ годы войны.—Любекъ и его роль на конгрессѣ.—Померанскіе города.—Посредничество ихъ въ концѣ 1564 и въ 1565 г.—Отношеніе Польши къ Данцигу, Зунду и наарскому плаванію.—Широкіе размѣры наарской торговли.—Сигизмундъ и Нидерланды.—Внутреннія движения въ Германіи: Лотарингія, Грумбахъ и Веймаръ.—Проекты 1564 и 1565 годовъ.—Мѣры, принятыя Даніей въ Саксоніей противъ Лотарингіи.—Закрытие Зунда и дипломатическія сношенія Даніи съ Нидерландами.—Максимилианъ и его указъ 5-го ноября 1565 года.—Августъ на аугсбургскомъ рейхстагѣ.—Конецъ борьбы съ веймарскимъ герцогомъ и Грумбахомъ.—Значеніе ихъ катастрофы.—Военные события 1566—1567 годовъ.—Посредничествующая роль аугсбургскаго рейхстага.—Участіе въ немъ Польши и Помераніи.—Любекъ и его отношеніе къ императору.—Новое движение въ Германіи въ пользу сближенія съ Москвою.—Ливонско-балтійскій проектъ крупныхъ торговыхъ фирмъ.—Довесенія Любенауера и Сенга.—Значеніе новаго вѣянія въ имперіи на ходъ событий.—Эрикъ и Москва.—Ливовскія события съ 1564 по 1567 годъ.—Швеція и Москва.—Coup d'état въ Швеції въ 1568 году.

Семилѣтняя съверная война, начавшаяся въ 1563 году, главнымъ образомъ изъ-за Ливоніи, является событиемъ интереснымъ не только для съверной Европы: значеніе ея простирается за предѣлы Скандинавіи и Балтійского моря. Въ этой борьбѣ каждому прибалтійскому государству назначено было свое мѣсто, никто не оставался празднымъ зрителемъ ея, все поневолѣ вовлекались въ нее, прямо или посредственно. „Балтійскій вопросъ соединяетъ въ себѣ съ этихъ поръ интересы династические, государственные, коммерсіальные“ Съ

¹⁾) Продолженіе. См. февральскую книжку Журн. М. Н. Пр. за текущій годъ.

1563 года мы должны слѣдить за двумя театрами войны, въ Скандинавіи, на Балтийскомъ морѣ и въ Ливоніи.

Семилѣтняя сѣверная война началась въ августѣ 1563 года. Датчане, во главѣ которыхъ стоялъ самъ король, покинувшій Копенгагенъ еще въ юль, направились въ Сконе, первые удары ихъ были направлены на важную въ стратегическомъ отношеніи крѣпость Эльфсборгъ, при верховьяхъ Гётаэльфа. Моментъ, выбранный Фридрихомъ II для вторженія въ Швецию, былъ какъ нельзя болѣе удобнымъ и выгоднымъ для него: Эрикъ XIV все еще занятъ былъ финляндскимъ восстаниемъ, военные силы его были разбросаны и пойдти на помощь Эльфсборгу онъ не имѣлъ никакой возможности. Въ распоряженіи Фридриха было 28.000 чл. Осада Эльфсборга началась 1-го сентября, 3-го городъ былъ уже въ рукахъ датчанъ¹⁾, а съ нимъ и большиe запасы оружія и пороха. Въ октябрѣ кампанія окончилась, датскія войска расположились на зимовку въ Сконе, король возвратился въ Копенгагенъ. Вѣсть о сдачѣ Эльфсборга застала Эрика въ Норркѣлингѣ; она не смутила короля, напротивъ—онъ съ небывалою энергией отдался войнѣ, дѣлалъ новые наборы, разсыпалъ воззванія къ народу, склонилъ дворянъ и крестьянъ на защиту отечества, назначалъ чрезвычайные налоги; ожидались только припасы изъ Стокгольма, чтобы двинуться на датчанъ. Обращался Эрикъ и къ Ревелю съ просьбой доставить ему кнектовъ и сѣѣтные припасы, указывая при этомъ, какъ безкорыстно онъ помогъ городу въ великой нуждѣ его въ 1561 году, какія большія затраты сдѣланы были для охраненія торговли города и для уничтоженія шарскаго плаванія; война съ Даніей и Любекомъ, писалъ Эрикъ Ревелю, начата исключительно ради Ревеля²⁾. Эрика удивило отступленіе датчанъ на зимнія стоянки, къ нему приходили самые противорѣчивыя извѣстія о намѣре

¹⁾ Фридрихъ Августу саксонскому, 5-го сент. 1568. Дрезд. арх.—*Tegel*, 100, говорить, что Фридрихъ II взялъ Эльфсборгъ хитростью. *Hövel*, 28. Начальникъ датчанъ при штурмѣ города былъ Георгъ фонъ Голле. Дрезд. арх. Донесеніе Генриху брауншвейгскому изъ Ростока: Sonnabend nach Nativitatis Mariae. Die Sage ist, dass das hauss Olsburk in Schmallandt gelegen von dem K. zu Denmark belegen, durch Georg von Holle gesturinet, vnd am tag Egidij mit dem Sturm erobert sei. Въ Эльфсборгѣ было 700 человѣкъ, они были снабжены провизіомъ на 2 мѣсяца. См. труды *Westling'a* и *Vaupell*, Den nordiske Syvaarskrig 1568—1570. Кjøbenhavn, 1891.

²⁾ *Nalzen*, 147: Der Krieg ist fast nur euretwegen entstanden. Въ другой разъ: Doch vornehmlich euretwegen werden die Kriege geführt, Sonst sässen wir wohl im Frieden.

ніяхъ датского короля. Свѣтлые надежды смѣнялись у него безнокойствомъ и страхомъ; подъ давленіемъ этихъ чувствъ король быстро издавалъ рядъ указовъ и столь же быстро отмѣнялъ ихъ; въ его дѣйствіяхъ на время исчезаетъ всякий планъ. всякая система, ему не доставало выдержки, спокойствія, военного такта, онъ точно не зналъ, на что рѣшился. Мало по малу однако шведскія силы группируются у Іенкевинга, къ немъ присоединяются и войска, возвратившіяся изъ Финляндіи. Въ октябрѣ Эрикъ рѣшился двинуться на югъ; 23-го числа онъ съ 28.000 войскомъ началъ осаду Гальмстада, важной крѣпости въ южной Швеціи. Два первыхъ штурма были безуспѣшны; на третій солдаты отказались идти. 8-го ноября на помонь къ осажденному городу подоспѣли датчане. ваканунѣ же шведы отступили ¹⁾). Датчане бросились преслѣдовывать ихъ. взяли главное знамя шведского войска. 50 орудій и убили до $4\frac{1}{2}$ тысячи человѣкъ ²⁾). Августъ саксонскій, извѣщая ландграфа гессенскаго, о военныхъ событияхъ, съ ироніей замѣчаетъ, что Эрикъ проявилъ удивительную храбрость; курфюрста возмущало презрительное отношение короля къ нѣмецкимъ наемникамъ ³⁾.

Въ первый годъ войны шведы сдѣлали рядъ наступательныхъ попытокъ въ Норвегіи, но также не имѣли успѣха. Морскія событія этого года были очень незначительны. У шведовъ было 28 кораблей; завидѣвъ союзный флотъ (въ немъ было 38 кораблей), шведы скрылись въ шкерахъ, и союзный флотъ былъ полнымъ господиномъ на морѣ ⁴⁾). И на сушѣ, и на морѣ датчанамъ и ихъ союзникамъ принадлежало первенство.

1564-й годъ начался вторженіемъ шведовъ въ Норвегію; имъ уда-

¹⁾ Дрезд. арх. Kriegsübung zwischen den Königen Dänenmark und Schweden vnd darher angebottene gütliche underhandlung. Письмо Генриху Брауншвейгскому. 14-го ноября.

²⁾ Цифры сильно колеблются; у *Менкенія*. 516, читаемъ, что шведовъ было 7000 человѣкъ, оружія взято 60. Цифры текста по актамъ Дрезд. архива.

³⁾ Дрезд. арх. Письмо Августа отъ 12-го дек., Grillenburg: „Es haben aber E. L. aus dem brieff so der König zu Schweden an Graue Guntern zu Schwartzburg geschrieben gnugsaam zuuermercken. mit was Dapperkeit gewelter König diesen Krieg furet, vnd wor für er die Deutschen Kriegaleute heldt, das er Inen so grobe unkeuscheit darf anmuten haben wir nie erfahren, das auch durch fremde Nationen ein solch vuerbar anmuten an ein deutsch Kriegsvolck gescheen were“

⁴⁾ Дрезд. арх. Monumenta Historiae Danicæ, II, 95. Число кораблей у датчанскихъ пословъ передается такъ: шведск. было 35, датск. 38. Acta Internacionis, 1563, IX. v. 14.

лось утвердиться въ Трондъемѣ. Бергенѣ и др. пунктахъ, но вскорѣ уже населеніе, недовольное высокими поборами шведовъ, стало подниматься противъ нихъ, и начальникъ шведскихъ войскъ Collart долженъ былъ сдаться въ пленъ датскому военачальнику Эрику Мунку. За шведами оставались лишь Herjedalen и Jemteland. Въ августѣ этого года Эрикъ сдѣлалъ попытку занять Блекингъ, но неуспѣшино.

Датчане должны были въ 1564 году двинуться къ Кальмару; имѣлось въ виду осадить этотъ городъ и съ суши, и съ моря, но такъ какъ флотъ запоздалъ, то войска начали одни осаду. На этотъ разъ датчане потерпѣли неудачу: Кальмаръ стойко отражалъ всѣ ихъ приступы.

Гораздо значительнѣе были морскія событія этого года.

Всю зиму и весну 1564 года союзники и Эрикъ XIV дѣятельно готовились къ морской войнѣ. Въ Даніи и Любекѣ строились новые корабли, старые обновлялись, отовсюду ссыпались моряки и дѣлались запасы провіанта для флота¹⁾; чтобы воспрепятствовать сношеніямъ Швеціи съ Германіей Фридрихъ принялъ въ свой флотъ и множество каперскихъ кораблей²⁾. Въ мартѣ вышло два указа короля, обращенныхыхъ къ городамъ и духовенству; въ первомъ, говоря о своемъ намѣреніи тотчасъ-же послѣ Пасхи снарядить свои военные корабли, онъ просить города содѣйствовать набору экипажа и снаряженію всего нужного для отплытія въ море; къ 16-му апрѣля они должны были явиться въ Копенгагенъ. Во второмъ обращеніи король просить священниковъ въ Зеландіи и Фюненѣ и крестьянъ доставить къ 16-му же апрѣля провіантъ для военнаго флота³⁾. Въ маѣ у Фридриха II было наготовѣ 28 военныхъ кораблей⁴⁾, подъ командою адмирала Герлуфа Тролле. Это былъ человѣкъ испытанный, „герой въ морскихъ дѣлахъ“ любимецъ моряковъ, которые готовы были за него идти на явную смерть⁵⁾. Къ датскому флоту присоединились и корабли Любека подъ командой Фридриха Кнебеля. Всѣхъ кораблей

¹⁾ Дрезд. арх., Фридрихъ II Августу саксонскому, 18-го марта 1564 г.

²⁾ Westling, II, 479. Ср. для морскихъ событій W. Graah, Udkast til Danmarks Søekrigshistorie, 1818.

³⁾ Corpus Constitutionum Daniae, I, 241 и 242.

⁴⁾ Ср. Monumenta Historiae Daniae, II, 279 и д. Schlegel, 249. Гранвель въ письмѣ къ барону Bolwiller'у говоритъ о 25 корабляхъ. Lettres de Granvelle, VII, 456.

⁵⁾ Ср. Hammerich, 51.

у Любека было 24, не считая мелких судовъ, яхтъ и т. д.¹⁾). Любекскій рать настаивалъ на томъ, чтобы союзный флотъ уже раннею весною вышелъ въ море и преиятствовалъ нведамъ собрать свои корабли и начать первымъ враждебныя дѣйствія противъ союзниковъ. Главною задачей Любекскаго флота было оградить своихъ торговцевъ на пути ихъ въ Нарву и изъ Нарвы²⁾). При всей многочисленности союзного флота—ему недоставало экипажа³⁾ и провіанта⁴⁾.

Эрикъ XIV въ заботахъ объ усовершенствованіи шведскаго флота также проявилъ свойственную ему энергию⁵⁾. Къ концу 1563 года число кораблей, стоявшихъ у Стокгольма, было 65, считая и военные и транспортныя суда. Желая увеличить это число, король обращался съ воззваніемъ къ народу—доставлять моряковъ и провіантъ; онъ велѣлъ также собрать въ Стокгольмскую гавань всѣ корабли, стоявшіе въ Финляндіи и у Кальмаря. Эрикъ писалъ своему штатгальтеру въ Финляндіи Густаву Финке, чтобы онъ и въ Финляндіи готовилъ суда для отплытия въ море при первой навигації. Адмираломъ своего флота онъ назначилъ Якова Багге, „большаго тиранна и врага нѣмцевъ“, говорить любекскій хроникеръ⁶⁾. Планъ, начертанный Эрикомъ для похода 1564 года, поражаетъ, какъ всегда, своею грандиозностью. Багге съ флотомъ долженъ былъ отплыть въ Зундъ, пожечь тамъ датскія селенія на островахъ и взимать пошлину съ иностраннныхъ купцовъ. Въ это время самъ Эрикъ съ сухопутнымъ войскомъ рѣшилъ съ юга вторгнуться въ датскія владѣнія южной Швеціи и совмѣстно тѣснить ихъ съ двухъ сторонъ. На рейхстагѣ этого года въ Упсалѣ король доказывалъ необходимость войны съ Данией, на которой лежитъ вся вина въ возникновеніи ея; король просилъ представителей рейхстага доставить ему конницу, людей и сѣст-

¹⁾ Любекскій арх. Число любекскихъ кораблей разно передается. *Hövel*, 1ab Chronik, 38, говоритъ о 10 большихъ и хорошо вооруженныхъ корабляхъ, „der geliken vorlangs nepe gesetn“, и нѣсколькоихъ маленькихъ. Другіе источники—14 большихъ и 3 малыхъ. *Hannmerich* говоритъ всего о 6 любекскихъ корабляхъ. Самъ Фридрихъ въ письмѣ къ Августу саксонскому отъ 3 мая говоритъ, что союзный флотъ состоялъ изъ 50 кораблей большихъ и малыхъ. (Дреа. арх.). Съ этимъ согласно и донесеніе одного голландца, прибывшаго лѣтомъ 1564 г. въ Данцигъ. Ср. Данцигскій архивъ.

²⁾ Любекскій архивъ.

³⁾ *Celsius* 181; Ср. *Chytraeus*, 622.

⁴⁾ *Regesta diplomatica Historiae Daniae*, II, 249.

⁵⁾ „Ein grot tiranne und van nature den Dudeschen viendt“. *Hövel*, 38; ср. *Warmholz*, *Bibliotheca Sveo-Gothica*. V 66.

ные привасы.¹⁾ Въ первыхъ числахъ мая датскій флотъ выплылъ въ море; онъ былъ раздѣленъ на три колонны; каждому кораблю указано было мѣсто, на которомъ онъ долженъ быть находиться. Мимо береговъ Сконе флотъ приплылъ къ Борнгольму; 18-го мая сюда явился и любекскій флотъ²⁾. По предложенію Кнебеля рѣшено было двинуться къ Страндингу, где, полагали союзники, у Nydyb'a находился шведскій флотъ; не найдя здѣсь шведовъ, враги разыщляли, плыть ли имъ къ Ростоку или Борнгольму, какъ вдругъ получили извѣстіе, что шведы у Борнгольма захватили 15 торговыхъ судовъ, возвращавшихся съ товарами изъ Нарвы, и варварски съ ними расправились: связанные по рукамъ и ногамъ купцы были размѣщены на одномъ старомъ суднѣ, которое и подожгли: все они сгорѣли³⁾.

24-го мая союзный флотъ достигъ острова Karlsön⁴⁾; датчанс и любчане жестоко отомстили шведамъ за захватъ ихъ кораблей; на Эландѣ они пожгли множество деревень и 8 церквей. У союзниковъ начались заразныя болѣзни; не смотря на это Тролле рѣшился отыскать враговъ и дать имъ битву. 30-го мая—оба флота столкнулись у Эланды. Шведскій флотъ былъ многочисленнѣе союзного, но не всѣ корабли принимали участіе въ битвѣ: бурей флотъ былъ разсѣянъ наканунѣ битвы. Въ шведскомъ флотѣ, состоявшемъ изъ 23 кораблей съ экипажемъ въ 2647 чел., выдавался „Марсъ“ или „Magelös“, защищенный множествомъ пушекъ, съ большимъ запасомъ пороха и съ экипажемъ до 1000 человѣкъ⁵⁾. До 1563 года на Балтийскомъ морѣ еще

¹⁾ Equos, viros et cetera necessaria. *Nilson*, 28. На этомъ реихстагѣ разсматривалось и дѣло Іоанна. 31: Åven 1564 fick riksdagen tjenstgöra säsom politisk domstol.

²⁾ Danske Magazin, III, 2, 81. *Westling*, 477

³⁾ Danske Mag., 1747, 247. Cp. Papiers d'etat du Cardinal de Granvelle, VII, 160, Monumeta Hist. Daniae II, 281. Regesta Diplom. Hist. Daniae, II, 256.

⁴⁾ Danske Mag., 1747, 214: 25-го мая вечеромъ, въ 10 часовъ. Cp. *Arnoldi*, 272. *Celsius*, 181, говоритъ, что у шведовъ было 35 кораблей, *Resen*—50, *Tornqvist*—35, *Trolle*—38. *Westling*—37. О морскихъ событияхъ 1564 года ср. *Hanslingar*, II, стр. 262 и д.

⁵⁾ *Höbel*, 37, говорить о 700 пушкахъ Марса: *Fryzell*, 213,—о 200; ср. *Hantmerich*, стр. 51, *Garde*, 173. Съ этимъ согласны и данные, сопоставленны у *Zettersten'a*, 415. Пушки были вынуты изъ колоколовъ, отобранныхъ у католическихъ церквей и монастырей, и потому, когда вѣсть о 31 мая достигла Стокгольма, католики говорили, что шведы понесли достойную кару за то, что ограбили церкви. Ср. Danske Magazin, III Røkke, 2, 2, стр. 81. Ср. Danske Magazin 1747, стр. 217, гдѣ помѣщенъ списокъ всего, что находилось на Марсѣ. Ср. *Granvella*, VIII, 275. Въ любекскому архивѣ есть донесеніе о Эландской битвѣ

не появлялось корабля такихъ грандиозныхъ размѣровъ. Гарде говорить, что „Марсъ“ по величинѣ разніялся 70 каперскимъ кораблямъ нашего времени. До начала битвы съ обѣихъ сторонъ слышно было пѣніе и молитвы. Битву началъ шведскій адмиралъ Багге; напомнивъ экипажу о клятвѣ, данной имъ королю на вѣрность, онъ сдѣлалъ нападеніе на союзный флотъ. Борьба продолжалась до вечера, шведы повсюду оставались побѣдителями. Датскій адмиралъ велѣлъ стрѣлять въ „Марса“, и долгое время всѣ корабли сгруппировались около этого „чуда“ Балтійского моря. „Море покрылось огнемъ и дымомъ“. „Марсъ“ съ успѣхомъ отражалъ всѣ нападенія враговъ и заставилъ Тролле отступить со своею „Фортуной“. Одинъ изъ любекскихъ ко-

датскихъ комиссаровъ на Ростокскомъ конгрессѣ, отъ 4 июля. Datum in grosser Eile den 4 Iul. unter Carlsons (Cp. Zeitung 1564 года, въ Мюнх. кор. библиотекѣ):

Newe Zeitung, vnd Warhaftige beschreibung, eines gehaltenen Scharmützels, zwischen Königlicher Maiestat inn Denmarck vnd Schweden, in welchem der König drey Schiffe gewonnen vnd eröbert, Darauff bey sieben hundert Man gefangen, Mit bericht, wie solche Gefangen in Schweden gehalten worden, Auch wie etzliche von solchen wieder aus Schweden entkommen sein. Geschehen auf der Sehe, bey der Insel Bornholm, Anno 1564. Beschrieben durch einen guten Gesellen, welcher von anfang, zu ende bey solchen Kriegshendeln gewesen, und in Druck geben.—(Экз. Мюнх. библ. Eur. 339198. in 4-to).

Anno 1564. am Pfingsttage, lagen des Königs in Denmarck Schiff, Eylffe an der zal, bey der Insel Bornholm im Hafen, Vnd nach dem sie sich der zeit keines Feindes befahrten oder dauen wusten, kommen im mitten tage Neuntzehn Schiffe mit vollem Siegel dort her gelaufen, welche dem Könige in Schweden zustunden. Gegen die rüsteten sich auch von Stund an die Eylff Schiffe, vnd ließen jhnen entkegen. Vnd als sie so nahe zusammen kamen, das eins das ander mit dem Geschütz erreichen kundt, ward auff beiderseits Schiffen, ein gewaltiga schiessen gethan, Dermassen, das acht von des Königa inn Denmarck Schiffen die flucht nemen musten, Vnd wie solche abwichen, ward dem Ammeral Schiffe, der Mittelmast in der Mitte herab geschossen, darauff waren sieben Schützen oben im Mastkorbe, die fielen mit Mast vnd Korbe inn die Sehe, wurden aber semptlich mit dem leben wider aus der Sehe errettet. Wie nun dieser Ammeral so versehret, hett er kein enthalt mehr. Must er sich derhalb dem Schweden gefangengegeben.

Diesen Ammeral wolt ein Schiff, der Hirsch genandt, neben vnd mit dem Hector erretten, Wurden sie dermassen auch versehret vnd geschossen, das sie, wie die andern acht Schiffe gethan, die flucht nemen wolten, Geschicht auff bey—derseits Schiffen ein versehren, das sie mit den Trachen zusam hencken. Werden über solchen versehren dem Schweden auch gefangen, vnd wart auff dem Hirsch bey Achtzehen Man geschossen, das Schiff auch so viel bekommen, das es begannete zu sincken, welchs durch den Zimmerman, mit hülff aller, so darauff waren, verstopft vnd zugemacht ward.—

раблей получилъ такія сильныя поврежденія, что потонулъ со всѣмъ своимъ экипажемъ: спаслось лишь нѣсколько человѣкъ. Битва возобновилась на утро слѣдующаго дня—31-го мая. Это былъ день Троицы. Союзный флотъ терпѣлъ недостатокъ въ провиантѣ и оружії; ему помогло то, что вѣтеръ, наканунѣ благопріятствовавшій шведамъ, теперь измѣнился. Багге съ большимъ искусствомъ и мужествомъ старался отогнать враговъ съ сѣвернаго берега Эланды. У него оставалось всего два корабля: сѣверо-западный вѣтеръ помогъ союзникамъ; они со всѣхъ сторонъ окружили шведскаго адмирала. Вскорѣ его оставили и два остававшихся съ нимъ корабля, и онъ все-таки не терялъ мужества и удачно отбивалъ всѣ приступы враговъ на „Марса“. „Фортуна“ должна была отступить; получая сильныя поврежденія, любчане съ мачтъ своихъ кораблей стали метать копья и капканы на матросовъ „Марса“. Но шведы такъ удачно направляли свои выстрѣлы на любчанъ, что они „какъ птицы падали съ мачтъ“. Битву рѣшило прибытие двухъ новыхъ датскихъ кораблей; близко приплывши къ „Марсу“, они открыли огонь; возникла ужасная рѣзня, „не виданная ни на Балтийскомъ, ни на другомъ морѣ“, говорить очевидецъ. На „Марсъ“ разорвало пушку, начался пожаръ. Багге, замѣтивъ, что огонь достигаетъ уже крють-камеры, сдался въ плѣнъ адмиралу любекскаго флота съ вице-адмираломъ, бургомистромъ Стокгольма и 100 матросами. По другому донесенію Багге самъ поджегъ крють-камеру, отчаявшись въ возможности спасенія¹⁾. Любчане кинулись на „Марсъ“, въ надеждѣ найти на немъ богатую добычу; раздался оглушительный трескъ: произошелъ взрывъ крють-камеры, въ которой находилось 13 ластъ пороха²⁾. „Марсъ“ пошелъ ко дну, погибло 300 любчанъ, въ томъ числѣ и адмиралъ ихъ и 800 шведовъ. Послѣ битвы союзный флотъ, по желанію любчанъ, направился къ Борнгольму, гдѣ занялись поисками кораблей, а оставшиеся шведскіе корабли, предводи-тельствуемые Флеммингомъ, Грипомъ и Банеромъ, отступили къ Dalarö³⁾.

Результатомъ Эландской битвы было временное господство датчанъ на Балтийскомъ морѣ.

¹⁾ Hðsel, 34: Und war ein gruwlick specktakel.

²⁾ Monumenta Historiae Daniae, II, 283. Донесеніе Фридриху II его адми-рала Тролле, Danske Mag. 1747, 188 и д. Подробный разказъ у Ludwickson'a въ Handlingar, томъ II, стр. 267 и д.

³⁾ Granella, VIII, 275.

Когда вѣсть о событіи 31-го мая дошла до Стокгольма, католики покачивали головой и говорили, что шведы понесли достойную кару за то, что вылили изъ церковныхъ колоколовъ пушки. Самъ Эрикъ не потерялся при этой вѣсти и уже черезъ мѣсяцъ велѣлъ своему флоту снова перейти въ наступательное движение. 4-го июля Флемингъ выплылъ въ море; 14-го шведскій флотъ появился въ виду Борнгольма. Союзный же флотъ, опустошившій въ третій разъ Эландъ, отплылъ на югъ къ нѣмецкому берегу. Союзники терпѣли недостатокъ въ порохѣ и оружії¹⁾; среди нихъ начались заразительные болѣзни. Одна треть экипажа сдѣлалась жертвой заразы. Тролле просилъ короля доставить ему корабли, находившіеся въ Норвегіи, такъ какъ часть своихъ онъ долженъ былъ отдѣлить для наблюденія за тѣмъ, чтобы шведы не сносились съ Норвегіей²⁾). Въ іюль датскій адмираль совсѣмъ всю армаду поплылъ къ Ревелю, чтобы служить прикрытиемъ торговымъ судамъ, направлявшимся къ Нарвѣ³⁾); это предложеніе не было принято, и мы имѣемъ извѣстіе о томъ, что шведы въ іюль же захватили 22 любекскихъ торговыхъ судна, плывшихъ изъ Нарвы, и 8 голландскихъ, нагруженныхъ солью⁴⁾).

Шведскій флотъ съ Борнгольма повернуль къ Эланду и остановился у сѣверныхъ береговъ этого острова, откуда адмиралы доносили королю, что и ихъ постигли заразительные болѣзни и чувствовался недостатокъ въ пищѣ и водѣ; запасы къ августу вовсе истощились; въ хлѣбѣ и водѣ завелись черви длиною въ палецъ⁵⁾.

Первая незначительная стычка съ союзниками произошла 4-го августа у Борнгольма; противный вѣтеръ заставилъ шведовъ отступить. Это разсердило Эрика, который не задумался смѣнить Флеминга и передать адмиральство Класу Кристерссону Горну⁶⁾.

13-го августа произошло новое столкновеніе съ союзнымъ флотомъ у сѣверного мыса Эланда. Датскаго и любекскаго адмираловъ соединила тѣснѣйшая дружба, они дѣйствовали съ необычайнымъ муже-

¹⁾ Regesta Diplomatica Historiae Daniae, II, Hafniae, 1870, стр. 256. Сообщеніе Шведера Кеттинга.

²⁾ Донесеніе Тролле, въ Danske Mag. III Raekke.

³⁾ Любек. арх.: „Damit unsere Narva khauffhart von dar desto sicherer wie der gewöhnlich herausser vergleitten worden“.

⁴⁾ Handlingar, II, 270—271.

⁵⁾ Ср. Донесеніе Мессершмидта изъ Конентагена любекскому рату, 25-го авг. Люб. арх. См. Zettersten, 416.

⁶⁾ Zettersten, ibidem.

ствомъ и единодушiemъ. Битва продолжалась и слѣдующie два дня, субботу и воскресенье послѣ Лаврентія. Между 7 и 8 часами утра 14-го августа шведы первые открыли огонь и продолжали стрѣлять до часа дня; съ перемѣною вѣтра и союзники перешли въ наступленіе. Датскій оберъ-адмиралъ оставилъ намъ любопытное донесеніе объ августовскихъ стычкахъ; канонада съ обѣихъ сторонъ была такъ сильна, пишетъ онъ рату, что на Балтийскомъ морѣ такой прежде не слыхали. Не смотря на то, что вѣтеръ благопріятствовалъ шведамъ, союзники вышли побѣдителями изъ битвы; одинъ изъ шведскихъ кораблей, финскій „Гекторъ“, былъ совершенно разбитъ. Любекскіе моряки обнаружили въ эландской битвѣ необыкновенную стойкость; всѣ прославляли ихъ искусство стрѣлять. Пять разъ схватывались враги, и въ концѣ концовъ шведы должны были отступить¹⁾). Датчане потеряли три корабля. Горнъ отступилъ къ Кальмарзунду, откуда въ сентябрѣ вернулся въ Стокгольмъ.

Сухопутная война 1565 года была болѣе чѣмъ неудачна для шведовъ; всѣ старанія ихъ утвердились въ Норвегіи и южной Швеціи, гдѣ они пробовали занять Эльфсборгъ, окончились полной неудачею; за то они взяли Варбергъ, особенно важный въ виду его превосходнаго торгового положенія, его прекрасной гавани, соединенной съ моремъ широкимъ, длиннымъ каналомъ. Варбергъ палъ, и шведы предали его страшному раззоренію; за Варбергомъ шведы заняли и крѣпость города Варбергузъ. Эрикъ преслѣдовалъ въ войнѣ тотъ принципъ, чтобы опустошать пограничныя мѣстности и этимъ лишить датчанъ возможности проникнуть въ предѣлы Швеціи. Шведы оставляли за собою цѣлые груды развалинъ, выжигали цѣлые города и села, избивали поголовно всѣхъ побѣжденныхъ. Датчане напрягли всѣ свои силы, чтобы вытѣснить шведовъ изъ Галланда, и это имъ удалось; они прежде всего сосредоточили значительныя военные силы въ Эльфсборгѣ, Баагузѣ и Акерсгусѣ; съ паденiemъ этихъ крѣпостей Фридрихъ II долженъ былъ считать свое дѣло проиграннымъ. Главная заслуга въ укрѣплении этихъ городовъ, въ снабженіи ихъ войскомъ и провиантромъ всецѣло принадлежитъ лучшему тактику того времени Даниилу Рантцау²⁾). Съ его выступленіемъ на военномъ поприщѣ дѣла

¹⁾ Любекск. арх. Ср. Донесеніе Тролле Фридриху II, *Danske Magazin III Raekke*, 2, 82—83.

²⁾ Лучшая характеристика этого „датскаго“ героя у *Tidander, Studier bfer Slaget vid Axtorna den 20 oct. 1565. Halmstad*, 1888, стр. 15.

Данії снова улучшились. Его походы противъ шведовъ — это рядъ блестящихъ военныхъ триумфовъ. Данія переживала тяжелое время: моровая язва сократила значительно население ея, налоги вызывали въ народѣ ропотъ. первые два года войны обошлисъ ей въ 7 миллио-новъ талеровъ; среди дворянъ началось движение противъ короля, бунтасались. какъ бы Фридриха II не постигла одна судьба съ Хри-^{ст}омъ II. Лотарингскія смуты также отвлекали вниманіе короля. Ещѣ бы рядъ военныхъ неудач — и Швеція могла бы расчитывать на побѣду, но Рантцау спасъ Данію въ этуъ для нея критическій мо-^{ментъ}; счастливая побѣда его подняла мужество въ датчанахъ. въ нихъ по прежнему сильно стало патріотическое чувство, они соглашались все вынести, только бы доставить славному вождю средства для даль-нейшей борьбы со шведами. Горизонтъ прояснился для Даніи послѣ того, какъ въ битвѣ при Свартеро разбиты были лучшія силы шве-довъ. Эта битва должна была рѣшить участъ двухъ воевавшихъ на-^{родовъ}, одинъ историкъ назвалъ ее „et Dommedagsslag“ ¹⁾). Датчане побѣдили, шведы въ безпорядкѣ бѣжали, потерявъ до 5.000 чол. и 53 орудія ²⁾). Походъ Рантцау отъ Варберга и до Свартеро — это удивительный военный шедевръ, доставившій ему неувидаемые лавры.

Зимою 1565 года Эрикъ XIV со свойственномъ ему энергіей зани-^{мался} увеличеніемъ своего флота. Сословія обѣщали помочь ему при постройкѣ новыхъ кораблей. Выискивались иностранные моряки, исправлялись попорченные корабли, торговыя суда перестраивались въ военные. Изъ-за границы въ Швецію свозили порохъ и оружія. Эрикъ желалъ довести число кораблей до 80. Какъ въ предшество-^{вавшемъ} году, такъ и теперь, онъ имѣлъ въ виду соединить съ глав-нымъ флотомъ и корабли, оставшіеся въ Кальмарѣ и финляндскихъ гаваняхъ, но прибытие ихъ замѣдлилось. Въ виду недостатка съѣст-^{ствъ} и мѣдянины и пушечнаго ядра, было пред-^{видѣно}

1) А. Г. ГАУЧИШВІРІДІЧ

нр

тистор. *Wifeld*, T9: *Tegel* 148 и дакъ 205; *Westling*, 80.

2) Берія, *Хеінаг*, вид. Denmark, Чо Резену битва при Свартеро была 15 октября, до донесенія Петра Билле къ Д. Рантцау 20, по Резену шведы по-теряли 38 орудій, по Билле — 48, по Резену пало 5.000 человѣкъ, по Билле 4,000,

Резену силы шведовъ равнялись 25.000, по Рантцау 24.000. Ср. *Danake Mag.* въ *Kække*, II, 86—88. Рантцау послѣ битвы жаловался на дурное состояніе своихъ коней: *In summa wir sein derrnassen geschwecht, vnd ist solche vnoordnunge unther Reutern vnd Knechten, weill kein gelt, oder prouiantd vorhanden, das einem auch vordriessen sollte, leugter bei Ihnen zu bleibem, ich geschweig dan, über sie zugebieten.*

вить нужное количество ихъ. Дѣлались и новые военные наборы; каждого третьяго человѣка записывали въ строй.

Адмираломъ шведского флота назначенъ былъ Горнъ, известный уже своею дѣятельностью въ Финляндіи и проявившій въ послѣднихъ морскихъ походахъ свои способности, какъ морякъ. 15-го мая онъ вышелъ въ море изъ Даларѣ съ 38 кораблями¹⁾). Адмиральский корабль „Святой Эрикъ“ былъ вооруженъ 90 пушками; въ распоряженіи Горна было 4.034 ботсмановъ и отрядъ кнѣхтовъ. Согласно королевской инструкціи Горнъ долженъ былъ прежде всего отплыть къ Борнгольму, оттуда къ Стралзунду, чтобы освободить задержанные тамъ шведскіе корабли. Затѣмъ Горну было предписано двинуться на западъ къ Эрезунду и тамъ взимать съ проѣзжавшихъ тоннажныхъ судовъ транзитную пошлину.

Плаваніе шведскаго флота сопровождалось цѣлымъ рядомъ успѣховъ. У Готланда онъ захватилъ одинъ датскій корабль, у Эланда любекскій; тамъ-же, у Эланда, шведы присвоили себѣ нѣсколько купеческихъ судовъ, плывшихъ изъ Риги съ коноплей и каболкой; эти корабли они отправили въ Кальмаръ. Первое столкновеніе съ союзнымъ флотомъ произошло близъ Рюгена. Фридрихъ II еще въ январѣ 1565 года обратился ко всѣмъ купеческимъ городамъ въ Даніи, съ просьбою доставить ему ботсмановъ, шкиперовъ, рулевыхъ и корабельныхъ плотниковъ, въ виду его намѣренія снарядить новые корабли и отправить свой флотъ весною въ море. Всѣмъ слѣдуетъ собраться у королевскаго адмирала Герлуфа Тролле; ботсманамъ короля обѣщалъ по три гульдена жалованья, остальнымъ—смотря по ихъ заслугамъ. Вѣроятно, просьба короля тогда не была исполнена, потому что онъ 17-го мая вторично обратился съ таковою къ купеческимъ городамъ²⁾). Соединившись съ любекскими кораблями, адмиралъ датскаго флота имѣть въ виду закрыть сообщеніе Швеціи съ Померанскимъ берегомъ, но въ битвѣ союзники были разбиты и обращены въ бѣгство. Нѣсколько кораблей ихъ укрылись у Грѣйфсвардена, другіе были заперты въ заливѣ Jasmund. Не будучи въ состояніи

Копен. арх. Russland, 9 в. *Chytraeus*, 623. *Monumenta historiae Daniae*, II, 330 и д. *Zellersten*, 418 и *Celsius*, 226. *Regesta diplomatica Hist. Daniae*, II, 263. *Warmholtz*, V, 70. Тутъ опредѣляется число шведскихъ кораблей въ 50, что невѣрно, какъ указалъ *Центнертен*, 418. Подробныя сіѣдѣнія о морскихъ событияхъ 1565 года также у *Hövel'a*, 36—39. *Lindemanns Memorial Buch*, 26: Die schwedische armada fast vierzig schieff.

¹⁾ *Corpus Constitutionum Daniae*, I, 279 и даље.

оборониться, датчане сами сожгли свои корабли. Шведы получили большую добычу и хотѣли преслѣдоватъ датчанъ, но Филиппъ Померанскій, державшійся въ тогдашней войнѣ строгаго нейтралитета, не позволилъ шведамъ преслѣдоватъ союзные корабли, укрывшіяся у Грейфсвальдена; чтобы лишить союзниковъ возможности препятствовать сношеніямъ шведовъ съ Помераніей, онъ далъ шведамъ обѣщаніе арестовать оставшіяся корабли союзниковъ. Послѣ Рюгенскаго дѣла 60 торговыхъ кораблей, стоявшіе въ нѣмецкихъ гаваняхъ, безпрепятственно поплыли въ Швецію, нагруженныя провіантомъ и разными военными снарядами¹⁾.

Отъ Рюгена шведы поплыли къ Мёну. Не успѣли они достигнуть Фальстербо, какъ любекскій флотъ отступилъ передъ ними и уплылъ въ Эрезуць. Въ половинѣ мая 18 большихъ и малыхъ кораблей были отправлены изъ Любека въ Копенгагенъ²⁾. Датскій флотъ все еще не былъ готовъ къ отплытію; цѣлый рядъ обстоятельствъ замедлялъ отплытіе. Среди экипажа начались болѣзни, значительно уменьшившия число моряковъ, пришлось сдѣлать новые наборы и только въ началѣ юна флотъ могъ начать свои дѣйствія. Шведы показались въ концѣ мая у Драгера на Амагерѣ. Появленіе ихъ въ виду датской столицы произвело среди жителей ея страшную панику. Вѣсть о прибытіи шведовъ въ Зундъ дошла до жителей Копенгагена въ воскресенье, когда большая часть жителей и самъ король были въ церкви. Случилось, что Фридрихъ II именно въ этотъ день праздновалъ свадьбу одного изъ своихъ вельможъ; такимъ образомъ, страшная вѣсть застала датчанъ совершенно не подготовленными. Горнъ, ставши въ Зундѣ, взималъ пошлину со всѣхъ кораблей, прибывающихъ въ Зундъ³⁾; голландцы, прибывшіе сюда изъ Данцига въ количествѣ 250 кораблей, должны были заплатить Горну по два золотыхъ розенобля съ каждого корабля⁴⁾. Шведы завладѣли и большимъ числомъ датскихъ шкунъ, нагруженныхъ сѣбѣстными припасами; они спокойно плыли къ Зунду, не зная, что тамъ ихъ ожидаетъ адмиралъ шведскаго флота. Шкуны были разрублены и потоплены, люди взяты въ пленъ, всѣ же товары перевезены на шведскихъ корабляхъ въ Швецію. Господство Горна въ Зундѣ про-

, Celsius, 208. Stralsundische Chroniken, II, 26.

²⁾ Hövel, 36.

³⁾ Ibid. Handlingar, 11, 278. Stralsundische Chroniken, II, 26.

⁴⁾ Handlingar, II, 273.

должалось не долго. 30-го мая онъ долженъ быть оставить его, такъ какъ поднялся сильный западный вѣтеръ, и отплыть къ Травемюнде. 1-го июня за нимъ двинулся и союзный флотъ; у любчанъ было 12 кораблей, у датчанъ 13; но все эти корабли были очень дурно вооружены. Горнъ сдѣлалъ попытку захватить адмиральский корабль любчанъ „Styr-Schweden“; но это ему не удалось. Рѣшительная битва между шведами и союзниками произошла 4-го июня при Буховѣ между Ростокомъ и Висмаромъ въ Мекленбургѣ¹⁾). Кнебель, адмираль любекскаго флота, не совѣтовалъ вступать въ битву со шведами. Тролле же, адмираль датскаго флота, рѣшилъ сдѣлать нападеніе на шведовъ. Послѣ молитвы и рѣчи къ морякамъ, въ которой онъ напоминалъ имъ о чести и долгѣ, Тролле въ 12 часовъ дня велѣлъ сдѣлать первый выстрѣлъ. Въ половинѣ втораго битва была въ полномъ разгарѣ. Тролле, со свойственной ему отвагой, велѣлъ идти на абордажъ, сцепляться съ шведскими кораблями, но вскорѣ былъ раненъ. Опасаясь прибытія свѣжихъ силъ со стороны шведовъ, онъ велѣлъ отступать. На слѣдующій день на морѣ стоялъ штиль, такъ что продолжать битву было невозможно. 6-го числа поднялся вѣтеръ и шведы могли преслѣдовать союзный флотъ; понеся сильныя потери, онъ отступилъ и уже 7-го июня былъ у Драгѣра. Тегель говоритъ, что союзники потеряли 700 человѣкъ, но онъ часто преувеличиваетъ потери противниковъ. Любекскій флотъ долженъ былъ уступить шведамъ 11 кораблей²⁾). Послѣ битвы Горнъ поплылъ къ Борнгольму, гдѣ оставался цѣлую недѣлю. 17-го июня онъ снова вышелъ въ море съ 48 кораблями, опустошилъ Менъ и двинулся къ Помераніи. Шведы господствовали на всемъ Балтийскомъ морѣ. 3-го июля флотъ ихъ увеличился новыми кораблями, прибывшими изъ Финляндіи. Союзники рѣшились еще разъ попытать свое счастье и показались на морѣ; у нихъ было 36 кораблей. Адмираломъ датскаго флота назначенъ былъ Отто Руде.

7-го въ субботу произошла вторая битва обоихъ флотовъ между Борнгольмомъ и Нидьюпомъ; это была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ морскихъ битвъ, когда либо происходившихъ на Балтийскомъ морѣ. Сначала бились безъ всякаго опредѣленного плана. затѣмъ битва распалась собственно на двѣ: съ одной стороны, датскій адмиральский корабль „Нактмейстеръ“ сцепился съ „Св. Эрикомъ“, съ друго-

¹⁾ Girs, 64—65. Handlingar II, 274 и далѣе.

²⁾ State Papers, Foreign series, 1870, 400.

гой—любекский адмиральский корабль сдѣлалъ нападеніе на шведскаго „Гектора“. Вскорѣ остальные корабли присоединились къ этимъ двумъ группамъ, и съ обѣихъ сторонъ бились съ небывалымъ ожесточеніемъ. Въ началѣ битвы успѣхъ былъ на сторонѣ союзниковъ; „Св. Эрикъ“ сильно потерпѣлъ отъ вепрятельского огня, и Горнъ принужденъ былъ перейти на другой корабль. Вскорѣ на одномъ изъ шведскихъ кораблей произошелъ пожаръ, среди дыма и огня съ трудомъ отличали враговъ отъ друзей; Отто Руде, самъ того не зная, потопилъ одинъ датскій корабль. Сильныя потери потерпѣли датчане; у Руде къ вечеру оставалось всего 6 кораблей; его адмиральский корабль былъ совершенно поврежденъ. Изъ 900 человѣкъ экипажа на немъ осталось всего 150 человѣкъ. Шведы къ концѣ битвы оправились, овладѣли адмиральскимъ кораблемъ датчанъ и послѣ шестичасового сопротивленія взяли самого Руде въ плѣнъ. Плѣну датскаго адмирала Гюлленшерна приписываетъ главную причину пораженія датчанъ.

Ночь прекратила кровопролитіе¹⁾. Шведы во второй разъ вышли побѣдителями изъ морской битвы съ союзниками, хотя побѣда и стоила имъ великихъ жертвъ; они потеряли три корабля, 362 человѣка убитыми и 523 ранеными. Союзники лишились своего адмирала и потеряли 4000 человѣкъ. Число потерянныхъ кораблей съ точностью не опредѣляется въ источникахъ; со стороны шведовъ оно колеблется между 4 и 5, со стороны датчанъ отъ двухъ до семи. Послѣднее число приводить Фрюксель, по обыкновенію не указывающій своего источника. Союзники, по окончаніи битвы, отплыли спачала къ Борнгофу, затѣмъ къ Зундѣ; шведскій флотъ сдѣлалъ попытку высадиться на Борнгофъ, но не успѣлъ этого и отплылъ въ Стокгольмъ. Тамъ Горнѣ была устроена триумfalная встрѣча. Уже въ началѣ августа

¹⁾ По другимъ источникамъ, битва окончилась въ часовъ дня. Handlingar, II, 278.

²⁾ Флорент. арх. Nouitates Danicae. 7 Julij, anno 65. Julij die 7 naues sibi occurrentes conuenerunt, Suetici cum 46 Danici et Lubecenses cum 36, minoribus cum majoribus permixtis, magnaque clade affecti fuerunt, nam ex utraque parte circiter 4000 interisse putantur. Lubecensi Admirali nauigia 4 ad oram—portum peruenierunt, quorum tria Bombarda. vi funditus deleuit et unum combussit, Attamen si non a nauigio quodam, Argentoratum appellato, subuentum illi fuisset, capitis aut interitum certe passus ubi fuisset. Quatuor enim horis circumdatum bombardis petiuerunt. Sex alij sociorum ipsius facti nequam nullum prestiterunt auxilium.

Горнъ, по желанію Эрика XIV, долженъ быть снова выплыть въ море; адмиралъ повиновался, но противный вѣтеръ задержалъ его въ Эльфенаббенѣ до 5-го сентября. Шведскій флотъ крейсировалъ у Борнгольма и Готланда, но нигдѣ не встрѣтилъ враговъ. Шведы могли считать себя абсолютными господами на Балтикѣ. Фридрихъ II съ трудомъ снарядилъ нѣсколько кораблей, которые, завидѣвъ шведскій флотъ у Борнгольма, отступили къ Зунду. Оставивъ шесть кораблей у Борнгольма. Горнъ съ остальными кораблями отплылъ къ Кальмарзунду, гдѣ оставался до конца октября. Только 1-го ноября главная часть флота вернулась на зимовку въ Стокгольмъ. На Балтийскомъ морѣ осталось небольшое число кораблей, которые должны были захватывать капрескіе корабли датчанъ и поляковъ и поддерживать свободное и безпрепятственное сообщеніе шведовъ съ сѣверной Германіей. Союзный флотъ всю осень бездѣйствовалъ¹⁾.

Въ продолженіе 1564 и 1565 годовъ державы-посредники старались примирить обоихъ скандинавскихъ государей; въ этомъ направлении особенно усердно дѣйствовали нѣмецкіе князья и Франція²⁾. Карлъ IX

Danorum et Lubecensium naues undecim adversus Sueticos rem strenue gesserunt, reliquae antiquum obtinuerunt morem.

Danicus et Sueticus Admirales simul ad oram peruenerunt, Danicus quinque Sueticis circumdatus fuit, cum quibus illi sex horis dimicandum fuit. ita ut ex Bombardarum ictibus ei mali et vela omnia sublata fuerint. Et cum nullum habberet subsidium, coactus fuit se cum suis dedere. Captus itaque et Admiralis Danicus cum bombardarum armatura omni, tamquam (!) Electoris fuit quae (?) reliqua maxime insigni. Danicus Christoffer (similiter fundit) et deletus. Ex Sueticis nauibus interierunt Hector, Leo aureus anfer, Grypho, cum duabus alijs unaque capta. Virgo ante Elsburgum capta Suetico Admirali multum danni intulisse putatur ita ut mergeretur, altero tamen die unus ex regis Admiralibus submersus dicitur, Herloff Troll in proxima pugna ex bombardae ictu perijt, nunc Otto Rutt Admiralis fuit, de cuius vel vita vel morte nihil constat.

Ср. донесеніе Гюльденшернъ о Борнгольмской битвѣ въ *Danske Magaz.* III, 84—85. *Hövel*, 98, говоритъ, что союзники вышли побѣдителями и что шведы потеряли 4000 человѣкъ, но данныхы *Hövel*'я опровергаются донесеніемъ Гюльденшернъ, въ которыхъ онъ говоритъ: „att vi nu icke slogo de Swenske“. *Garde*, 75—77. Ср. *Monumenta Hist. D.* II, 339. *Regesta Historiae Dan.* 264.

¹⁾ *Regesta*, 267: Шведеръ Кеттингъ штатгальтеру Копенгагенского замка Маркусу Гюльденшернѣ, отъ 25-го октября 1565 г.: „at en svensk Flaade paa 12 skibe, der ledsagede 26 Kiöbmandsskibe til Stralsund, er kommen forbi Oen og tog underveis 2 skibe; han klager over den danske og lybske Flaadcs *Uvirkshed*“

²⁾ *Droysen*, 27, мѣтко говоритъ о попыткахъ посредничества: Fast wie mit Pendelschwingungen war es mit allen Interpositionsversuchen: immer in entgegengesetzten Plänen arbeitet man.

просилъ Августа Саксонскаго принять всѣ отъ него зависящія мѣры для примиренія воевавшихъ сторонъ; онъ заявлялъ, что не потерпить униженія одного изъ нихъ насчетъ другаго. Съ еще большей энергией, чѣмъ Карлъ IX за дѣло примиренія взялись императоръ и сынъ его Максимилианъ¹⁾; необходимость Императорскаго посредничества вызывалась очень вѣскими мотивами: война на Балтійскомъ морѣ подрывала торговые обороты нѣмецкихъ городовъ, затѣмъ отъ вниманія императора не могло ускользнуть и дипломатическое сближеніе одного изъ скандинавскихъ государей съ недовольными элементами внутри самой имперіи, сближеніе, вызванное необходимостью имѣть союзниковъ въ войнѣ. Эти соображенія главнымъ образомъ руководили Фердинандомъ и Максимилианомъ, когда они на май 1564 г. рѣшились собрать князей на конгрессъ въ Ростокѣ²⁾; къ участію на конгрессѣ кромѣ нѣмецкихъ князей приглашались Фридрихъ II и Эрикъ XIV, затѣмъ Любекъ и Польша, какъ союзники Даніи. 22-го мая назначено было для открытия конгресса³⁾. Въ Ростокѣ съѣхались представители отъ Даніи, Польши, Любека, Брауншвейга и Саксоніи. По инициативѣ Гранвеллы сюда прибылъ и посолъ отъ Нидерландскаго правительства—докторъ Филиппъ Кобеліусъ, энергически возстававшій противъ незаконныхъ стремленій Швеціи присвоить себѣ господство на Балтійскомъ морѣ и въ увлечениі обѣꙗвашій Даніи помочь артиллеріей и кораблями; представителемъ Франціи былъ извѣстный намъ уже дипломатъ Данз, также стоявшій за свободу нарвскаго плаванія.

Любекскіе депутаты, явившіеся въ Ростокѣ, должны были добиться восстановленія прежнихъ привилегій Любека въ скандинавскихъ государствахъ и свободного плаванія на Нарву; они должны были также потребовать себѣ вознагражденія за военные издержки въ количествѣ 500.000 талеровъ. Въ своей рѣчи къ императору они указывали на несправедливость и на несообразность закрытія Нарвскаго плаванія Любеку, тогда какъ всѣ иностранцы продолжаютъ пользоваться имъ; возставая противъ нарвскаго плаванія, Эрикъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ стремленіе создать Швеціи абсолютное господ-

¹⁾ Представителями Максимилиана были Heinrich von Walstain и Niclas von Warnstorff. Archiv für Kunde Oestr. Gesch., 212.

²⁾ Ср. Danske Magazin, 1750, стр. 201 и слѣд.

³⁾ См. Auszug aus König Maximilians II. Copey Buch vom Jahre 1564. Von A.R. Perger въ Archiv für Kunde Oesterreichischer Geschichtsquellen. 1864. Wien.

ство на Балтийскомъ морѣ (Domination der Ostseehe) ¹⁾). Вторая часть рѣчи Любекскихъ депутатовъ непріятно поразила представителей Польши; въ ней они передавали слухъ о намѣреніи московскаго царя построить флотъ и набрать иностранныхъ моряковъ. Нѣть сомнѣнія, говорили депутаты Любека, что какъ остальные европейскіе государи, такъ и московскій царь, желаетъ пользоваться Балтийскимъ моремъ и всѣми выгодами свободныхъ торговыхъ союшеній съ западными государствами; любекскій ратъ полагаетъ, что при необыкновенной способности и восприимчивости русскихъ царь скоро достигнетъ своей цѣли: сегодня у него 4 корабля, черезъ годъ ихъ станетъ 10, потомъ 20, 40, 60 и т. д. ²⁾).

Нѣть сомнѣнія въ томъ, что слова Любека глубоко запали въ душу Максимилюну, тѣмъ болѣе, что требованія Любека поддерживались и Августомъ саксонскимъ, представители которого на ростокскомъ съѣздѣ — графъ Людвигъ фонъ-Нейгарденъ, Адрианъ фонъ-Стайнбергъ, докторъ Георгъ Кракау, Генрихъ фонъ-Глейссенталь и Эрикъ Фолькмаръ фонъ-Берлештѣр — решительно настаивали на свободѣ нарвскаго плаванія ³⁾). Въ инструкціи своимъ посламъ Максимилюнъ говоритъ, чтобы они во всемъ сообразовались съ представителями Августа саксонскаго ⁴⁾). Мы увидимъ, что, сдѣлавшись императоромъ, Максимилюнъ издалъ рядъ мѣръ съ цѣлью поднять торговое значеніе Ганзейскихъ городовъ. Какъ, однако, Любекъ понималъ свободу нарвскаго плаванія, всего лучше видно изъ переговоровъ, въ какіе онъ вошелъ во время ростокскаго конгресса съ московскимъ правительствомъ. Любекскій ратъ обратился къ царю, на-

¹⁾ Любекс. арх. Акты Ростовскаго собрания. 1564.

²⁾ Etliche Puncts, so bei wehrendem Schwediischen Krieg als gemeiner wolffart hoch angelegen zu betrachten. Wie dann nicht ohne das albereit der Muscowiter vnd seine vnterwörfige sich vmb schiffe beworben, denenn auch schon etliche erlangt, dannit gleichs andern der Sebe gebrauchen, vnd durch die mannigfaltige, hantierung ab vnd vf Russlandt, nach dem das Muscowiterische Volck auch sunst fur sich der gewalt vnd allem was vorteil gibt mit unmessiger begir unnachlessig nachtrachtet, in stehender dieses kriegs unruhe, dar leicht zugeschehenn, das der Muscowiter heut 4, ubers jar 10, dann 20, 40, 60 und so vmmersforth vflegendt mher eigene schif zu wege bringen, sein volck sich damit vben lassem, vnd in kurtzem mit mherer solcher gewalt zur Sebe sich sterckenn mocht, das er nachmals durch alle ander benachbarte schwerlich wurde abgewheret werden kannen.

³⁾ Droyzen, Aus den dän. Büchern, 404.

⁴⁾ Archiv für Kunde oest. Geschichtsquellen, 31, 223.

дѣясь найдти въ немъ себѣ покровительство; онъ воспользовался посольствомъ, отиравленнымъ въ Москву магистромъ пѣмецкаго ордена. и одному изъ членовъ посольства передалъ свои порученія.

Іоаннъ Вагнеръ,—такъ звали того члена посольства, который везъ съ собою прошьбу Любекскаго рата,—вошелъ въ переговоры съ окольничимъ Головиниымъ, къ которому и любекскій ратъ самъ обращался два года назадъ, добиваясь чрезъ него свободной торговли и безпошлиниаго ввоза и вывоза товаровъ въ Россію. Царь соглашался даровать Любеку иѣкоторыя торговыя преимущества, но никакъ не желалъ допустить ею монополіи, что снова поставило бы русскую торговлю *въ зависимость отъ Любека*. Что Любекъ домогался монополіи на нарвскую торговлю, то это явствуетъ изъ крайняго недовольства его, когда вслѣдъ за его купцами въ Нарву стали приѣзжать купцы изъ Гамбурга, Данцига, Стральзунда, изъ Англіи, Франціи, Шотландіи, Испаніи и Нидерландъ.

Опаснѣшими соперниками любчанъ явились англичане, дѣйствовавшие по той же своекорыстной программѣ, какъ и сами они. Англичане стремились сдѣлать нарвскую торговлю своей монополіей, какъ это вѣдь уже удалось относительно Бѣломорской; они думали, что въ Грозномъ встрѣтить недальновиднаго Карла IX или бездѣятельнаго Фердинанда I. Ошиблись, однако, и тѣ и другіе претенденты на монополію. Нарва до самаго своего паденія продолжала оставаться „общеверопейскимъ рынкомъ“. Что царь отказалъ англичанамъ въ ихъ нарвскихъ искательствахъ, тѣмъ болѣе говорить въ пользу политической дальновидности Іоанна, что вѣдь онъ осыпалъ англичанъ такими щедротами на Бѣломъ морѣ, которыхъ удивляли самихъ англичанъ; то, что было возможно относительно бѣломорской торговли, было немыслимо въ Нарвѣ: царь высоко цѣнилъ этотъ пунктъ, понималъ, что въ Нарвѣ у него звено, соединяющее его подданныхъ съ Западной Европой, въ Нарвѣ у него лучшая коммерческая школа для его еще начинающихъ коммерческій курсъ подданныхъ. Онъ вѣдь готовъ былъ поступиться, только не этимъ любимымъ дѣтищемъ своимъ. Англичане напрасно думали, что Іоаннъ не видѣлъ насквозь ихъ своекорыстія; когда оно не вредило Россіи, онъ его допускалъ, но какъ скоро съ этимъ связывалось все будущее его государства,—онъ решительно отказывался отъ прежней тактики, которой держался съ англичанами. Передать имъ Нарву значило потерять счастливую связь съ Европой.

Ростокскій конгрессъ съ большими нетерпѣніемъ ожидалъ де-

путатовъ отъ шведского короля; долгая неявка ихъ заставила Фердинанда отправить къ Эрику XIV нарочного, чтобы узнать о причинѣ замедленія со стороны шведского правительства. Императорскаго гонца долго задержали въ Швеціи. Въ Ростокѣ замѣтилось не малое замѣшательство среди собравшихся тамъ депутатовъ. Наконецъ, вернулся изъ Швеціи посланецъ императора; онъ везъ съ собою письмо отъ Эрика, въ которомъ заключались лаконическія слова, что шведскихъ депутатовъ на конгрессѣ не будетъ. Письмо не объясняло странной выходки Эрика; онъ выражалъ только желаніе и готовность заключить миръ съ Польшей и Любекомъ, если они согласны отдѣлиться отъ коалиціи съ Даніей¹). Если, говорилось въ письмѣ Эрика, Данія желаетъ начать съ нами переговоры о мире, то пусть она пришлетъ своихъ пословъ въ Кальмаръ, куда не откажется явиться и представители посредниковъ.

Письмо Эрика показывало ясно, какъ мало онъ склоненъ бытъ къ мирному разрѣшенію своихъ отношеній къ Даніи. Представителямъ конгресса оставалось разъѣхаться по домамъ. Мирныя попытки императора и его сына оказались столь же неуспѣшными, какъ раньше попытки Франціи и князей. Цѣлый рядъ причинъ, вносящихъ въ выставленныхъ Эрикомъ, между прочимъ и на рейхстагѣ 1563 года²), не могли оправдать его оскорбительнаго поступка съ членами конгресса. Успѣхи шведского флота вдохнули въ Эрика надежду на благопріятный исходъ предпринятой войны, они еще болѣе возбудили честолюбивые политическіе его замыслы, и онъ считалъ не сообразнымъ съ интересами Швеціи сложить въ такой моментъ оружіе. Эрикъ многаго ожидалъ и отъ завязавшихся тогда сношеній Швеціи съ Лотарингско-Груибаховской партіей. Въ письмѣ къ померанскимъ герцогамъ онъ также высказывалъ согласіе участвовать на конгрессѣ, еслибы онъ былъ созданъ въ какомънибудь пограничномъ съ Даніей

Въ маѣ Эрикъ сдѣлагъ дѣйствительно попытку заключить миръ съ Польшей. 30-го числа онъ далъ своимъ посламъ инструкцію, въ которой имъ предписывалось: 1) настасть у Сигизмунда II на освобожденіи изъ пѣтии Христофа Мекленбургскаго; 2) обратиться къ королю съ предложеніемъ заключить съ Швеціей оборонительный союзъ; воевать съ Россіей Эрикъ не соглашался. Если, говорилось въ инструкціи Эрика, польский король не согласится на миръ, то слѣдовало склонить его къ заключенію перемирия. Сигизмундъ II отвергнулъ предложеніе Эрика, соединившись на свой договоръ съ Даніей (Ср. Данц. арх. IX, 15, гдѣ Данцигъ, посолъ заранѣе уже предсказываетъ неудачу мирной попытки Эрика).

¹) *Nisbet.*, 31.

городѣ и еслибы его. Эрика, предупредили обѣ этомъ за 4 или 6 недѣль. Эрикъ такъ писалъ герцогамъ Помераніи, дабы поддержать въ нихъ надежду на возможность мирного разрѣшенія своихъ отношеній къ Даніи; онъ не терялъ надежды на то, что герцоги и города Помераніи, притѣсняемые Даніей, въ концѣ концовъ примкнутъ къ союзу съ Швеціей и явятся активными участниками въ балтійской борьбѣ.

На ростокскомъ конгрессѣ были представители какъ отъ герцоговъ Помераніи, такъ и отъ городовъ; тѣ и другіе дѣйствовали съ большимъ единодушіемъ; роль ихъ на конгрессѣ будетъ вполнѣ ясна, если мы предварительно разсмотримъ отношенія къ нимъ воевавшихъ государей въ продолженіе 1564 и 1565 годовъ.

Нейтральность Помераніи не могла быть желательной ни для Даніи, ни для Польши, ни для Любека. Въ виду того, что уже въ первый годъ войны датчане стали ощущать недостатокъ въ сѣбѣстныхъ припасахъ. Фридрихъ II тогда уже обратился къ Штеттину, Стральзунду и др. померанскимъ городамъ съ просьбою доставить въ Данію хлѣбъ и сѣбѣстные припасы. Король никакъ не могъ согласиться съ точкою зѣбнія, господствовавшей въ померанскихъ городахъ, что они, какъ города нейтральной державы, въ правѣ поддерживать торговыя сношенія какъ съ одной, такъ и съ другой воюющей стороной, что ихъ гавани открыты и для датчанъ, и для шведовъ. Въ глазахъ Фридриха II такая политика померанскихъ городовъ была равносильна открытой враждѣ по отношенію къ нему и его подданнымъ, и онъ не переставалъ всѣми силами склонять померанскіе города на свою сторону. То же дѣлалъ и Эрикъ XIV Съ необыкновеннымъ искусствомъ онъ старался удержать доброяя отношенія къ Стральзунду, являясь этому городу нерѣдко свою королевскую милость, такъ напр., онъ возвратилъ ему однѣ корабль, захваченный его каперами на нарвскомъ фарватерѣ.

Въ продолженіе 1563 года датчане и любчане были очень сильны на морѣ, такъ что Стральзунду и другимъ городамъ приходилось не-пытывать на себѣ ихъ силу и превосходство. Союзный флотъ поставилъ себѣ задачей не допускать сношеній Помераніи съ Кальмаромъ или Стокгольмомъ; Данія и Любекъ поставили свои коммерческія суда около Геллена и Гиддензее, чтобы не пропускать ни одного корабля въ Швецію. Не смотря однако на всѣ эти предосторожности сношенія съ Швеціей все таки поддерживались, хотя померанскимъ смѣльчакамъ и приходилось сильно терпѣть отъ обоихъ союзниковъ. Даніи

и Любека. Въ одномъ 1563 году датскіе каперы захватили 17 кораблей и лодокъ, мотивируя этотъ захватъ нежеланіемъ померанскихъ городовъ помочь Данії.

Фридрихъ II отъ угрозъ переходилъ къ дипломатическимъ интригамъ; онъ сдѣлалъ попытку разъединить интересы герцоговъ и городовъ померанскихъ, желая вселить раздоры между ними, но безуспѣшино, такъ какъ герцоги и города сходились въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ и рѣшили держаться полнаго нейтралитета. Герцоги переслали городамъ письма короля, въ которыхъ онъ обвинялъ ихъ въ сношеніяхъ съ Швеціей; города отвѣчали протестомъ, указывали на стѣснительныя мѣры, введенныя въ Даніи по отношенію къ ихъ торговцамъ, жаловались на репрессіи и насилия; съ своей стороны они никакой вины за собою не сознавали, напротивъ, всѣми своими дѣйствіями они старались обнаружить свою дружбу и расположение къ Даніи; въ одно лѣто 1563 года туда отправлено ими до 2000 ласть хѣба и большое количество пива. Фридрихъ этимъ не трогался, продолжалъ держаться своего взгляда на дѣло и настаивалъ на томъ, чтобы ни одинъ померанскій городъ не соискался со шведами. Насилія со стороны Даніи не прекращались. Король для виду придавалъ вѣру всѣмъ толкамъ о шведскихъ сношеніяхъ Стральзунда, обвинялъ этотъ городъ въ нарушеніи нейтралитета, пытался поднять противъ него герцоговъ и выставлять себя совершенно правымъ; король находилъ поддержку въ своемъ постоянномъ союзникѣ и единомышленникѣ Августѣ саксонскомъ: оба они были государи, проникнутые макіавелизмомъ, двуличные и большие интриганы. Фридрихъ II совершенно своеобразно—и, вѣроятно, опять таки для виду—понималъ слово нейтральность; по его понятіямъ померанскіе города вовсе не были нейтральными въ шведско-датской распрѣ. „Вы стараетесь лишь о собственныхъ выгодахъ, писалъ онъ городамъ; поддерживая торговля сношенія и съ Даніей, и съ Швеціей, вы одни извлекаете изъ нихъ пользу¹⁾; воюющая же державы остаются не при чемъ, точно одураченныя!“ Фридрихъ II требовалъ, чтобы Стральзундъ совершенно отказался отъ всякой торговли, не допускалъ пребыванія въ своемъ городѣ ни шведовъ, ни датчанъ, однимъ словомъ онъ посягалъ на самое существованіе города, державшагося одною торговлею. Это, по

¹⁾ „das Jr vns erstlich prilien verkauffen, vnd darnach beyde vns vnd vnseren veindt gleich als zusannenziehen vnd aus beyder Reiche verderb euren gewinst vnd eigenen natz suchen vnd befurderen wollet“. Blumcke, 220.

ловамъ короля, была бы полная и правдивая нейтральность. Стальзундъ, Вольгасть и др. города видѣли въ требованіи короля желаніе новое разорить ихъ или этимъ путемъ заставить примкнуть къ датско-любекскому союзу. Беззаконныя требованія короля шли въ разрѣзъ съ международнымъ правомъ, въ силу котораго, какъ утверждали представители городовъ, *"штица союзгесіа"* для купеческихъ городовъ разрѣшается и свободна не только въ мирное, но и въ военное время. Городскіе раты Стальзунда и Ростока указывали датчанамъ на Швецію, которая требовала отъ нихъ лишь одного, чтобы они не доставляли датчанамъ и Любеку кораблей, денегъ и наемниковъ.

Швеція, дѣйствительно, держала себя по отношенію къ померанскимъ городамъ гораздо сдержаннѣе и осторожнѣе и успѣвала, благодаря этому, достигнуть большихъ результатовъ. Стокгольмскій дворъ щедрость удовольствіемъ слѣдилъ за обострившимися отношеніями Помераніи къ Даніи; такія отношенія были въ его интересахъ, и онъ старался продлить ихъ; осенью 1563 года въ Стальзундѣ находились канцлеръ Эрика XIV—Нильс Гюлленшерна и герцогъ Францъ Саксен-лауенбургскій; они старались увѣрить городской совѣтъ въ искреннемъ расположении своего государя къ городамъ, въ готовности его оказать имъ *всякое содѣйствіе*.

1563 годъ приближался къ концу. Отношенія Помераніи къ Даніи не улучшались. Политическая опытность подсказала теперь Фридриху II, что слишкомъ натягивать тетивы не слѣдуетъ, что его система репрессий, захвата кораблей, насилия по отношенію къ купцамъ, конфискацій и т. д. можетъ ожесточить какъ герцоговъ, такъ и города, и вызвать въ нихъ рѣшимость примкнуть къ шведскому лагерю, и вотъ въ концѣ 1563 и въ началѣ 1564 года онъ уже смягчаетъ свой тонъ въ письмахъ и переговорахъ съ представителями Помераніи, выражаетъ готовность сдѣлать имъ даже нѣкоторые уступки. Смягченію тона Фридриха II способствовали и другія обстоятельства. Данія заключила наступательный союзъ съ Польшей, антишведская коалиція расширилась, и король Фридрихъ II теперь сталъ опасаться, какъ бы эти счастливыя политическія коньюнктуры не были нарушены лигой Лотарингско-Грумбаховской партіи съ померанскими городами. Король слышалъ уже о намѣреніяхъ Лотарингіи, Грумбаха и герцога саксонского произвести диверсію на Голштинію; осуществленію этого плана Померанія по своему географическому положенію могла бы оказать наиболѣшее содѣйствіе. Вотъ въ виду этого то, главнымъ образомъ, Фридрихъ II и не рѣшался доводить своихъ отношеній къ Помераніи до полного разрыва.

Союзникъ Фридриха II—Любекъ также сдѣлалъ попытку склонить померанскіе города къ участію въ антишведской коалиції. Принявъ участіе въ борьбѣ двухъ скандинавскихъ государствъ, Любекъ совершенно потерялъ свое значеніе среди прочихъ ганзейскихъ городовъ и въ особенности среди венденскихъ; съверная война не была популярной среди городовъ, и всѣ они рѣшились держаться въ лей *нейтрализата*. Расположеніе и уваженіе къ Любеку замѣнилось враждою, недовѣріемъ; въ особенности натянуты были отношенія къ Стральзунду, Анкламу, Ростоку, Висмару и др. послѣ того, какъ Любекъ за одно съ датчанами сталъ захватывать купеческія суда ихъ, направлявшіяся въ Швецію и изъ Швеціи; Фридрихъ далъ многимъ любчанамъ патенты на захватъ всѣхъ венденскихъ торговцевъ, предоставивъ имъ $\frac{1}{10}$ добычи и оставляя себѣ лишь одну десятую. Изъза этихъ захватовъ кораблей и товаровъ возникла цѣлая переписка между обиженною стороною и любекскимъ ратомъ, но она не привела ни къ какимъ результатамъ.

Въ началѣ 1564 года померанскіе герцоги рѣшились снарядить въ Данію посольство, которое должно было принести королю жалобу на притѣсненія, какимъ подвергаются подданные имъ города, и просить удовлетворенія. Имъ надлежало также обратить вниманіе датского правительства на то, что торговцы Стральзунда, Ростока и др. городовъ не могутъ быть спокойны даже въ своихъ фарватерахъ, что даже туда проникаютъ датскіе и любекскіе канеры. Послѣдній пунктъ посольской инструкціи касался совершившейся готовности герцоговъ явиться посредниками къ примиренію обѣихъ державъ соперницъ, разъ обѣ стороны этого захотятъ. Послы померанскихъ герцоговъ прибыли 17 марта въ Копенгагенъ; послѣ зуденціи у короля они продолжали переговоры съ его совѣтниками до начала апрѣля. Отвѣтъ, данный посламъ королемъ, былъ составленъ въ самой дружелюбной формѣ, но по существу дѣла Фридрихъ оставался вѣренъ своему взгляду. Такъ онъ, по просьбѣ пословъ, соглашался предоставить стральзундскимъ депутатамъ право отдѣльныхъ переговоровъ съ его представителемъ въ Копенгагенѣ, но съ тѣмъ, чтобы они уже къ концу мая дали ему рѣшительный отвѣтъ относительно того, какого образа дѣйствій они будутъ держаться. Заранѣе уже Фридрихъ II далъ знать стральзундцамъ, что не возвратить имъ конфискованныхъ товаровъ на томъ основаніи, что они, стральзундцы, противозаконно поддерживали торговыя сношенія со Швеціей; король соглашался оказать имъ нѣкоторое снисхожденіе только въ томъ случаѣ, если они

дадутъ ему выкупъ въ 10.000 талеровъ и обѣщаютъ до окончанія войны со Швеціей не дозволять своимъ торговымъ людямъ торгововать со Швеціей и содѣствовать успѣшной задержкѣ всѣхъ купцовъ, направлявшихся въ Швецію. И это обязательно не только по отношенію къ Стальзунду, но и къ другимъ померанскимъ городамъ. Всѣмъ подданнымъ померанскихъ герцоговъ, говорилось въ письмѣ короля, не запятнавшимъ себя вѣроломными сношеніями съ врагами Даніи, Фридрихъ II разрѣшаетъ безпрепятственно проѣзжать черезъ Зундъ и другія воды своего королевства¹).

Что касается, наконецъ, до посредничества, предложенного померанскими герцогами, то король сказалъ имъ, что всегда готовъ воспользоваться имъ, если только на это выразить согласіе и Эрикъ XIV. Свое миролюбіе, продолжалъ король, онъ уже обнаружилъ, когда съ большою готовностью принялъ посредничество императора, курфюрстовъ, князей и французского короля. Ему только пріятно, если померанские герцоги пришлютъ и своихъ депутатовъ на назначенный въ Ростокѣ конгрессъ или если они инымъ путемъ будутъ способствовать возстановленію мирныхъ отношеній между Даніей и Швеціей.

Отвѣтъ Фридриха II замѣчательенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ распадается на двѣ части. Король, какъ видно изъ этого отвѣта, никакъ не желаетъ видѣть въ герцогахъ и городахъ представителей одного государства, единодушного и солидарного во всѣхъ своихъ политическихъ предпрыятіяхъ; онъ намѣренъ такъ держать себя съ герцогскими и стальзундскими послами, какъ будто имѣть въ виду два посольства, отъ двухъ различныхъ государствъ.

Къ герцогскимъ посламъ онъ относился много милостивѣ и дружелюбнѣе, обнаруживъ готовность компромисса; не то было съ стальзундскими послами. Фридрихъ II уже и раньше, въ 1563 году, выискивалъ всевозможныя средства, чтобы только разъединить интересы городовъ и герцоговъ, но искусные дипломатическіе приемы его ни къ чему не привели. Антагонизмъ князей и городовъ уступилъ мѣстополному единодушію въ виду опасности, могущей обрушиться на страну изъ за вражды обоихъ скandinавскихъ государей.

Двойной маневръ Фридриха II яствуетъ и изъ обстоятельнаго доклада пословъ по возвращеніи ихъ изъ Даніи домой. Изъ этого доклада видно, что въ Даніи къ стальзундскимъ посламъ относились наскѣчливо и враждебно, обвиняли ихъ въ сношеніяхъ съ Швеціей.

¹⁾ Blattcke, 289—240.

въ чём усматривали вредный примеръ для остальныхъ городовъ. Советники Фридриха II рѣзко подчеркнули въ своемъ отвѣтѣ стральзундскимъ посламъ, что всѣ уступки, сдѣланные городу королемъ, являются лишь результатомъ расположения его къ герцогамъ. Король, какъ оказывается, выражалъ даже сожалѣніе, что еще не имѣлъ возможности лично познакомиться съ Іоанномъ Фридрихомъ. По возврашении своихъ пословъ, городской совѣтъ Стральзунда и все бурггерство единодушно подтвердило свое прежнее рѣшеніе — не подчиняться требованіямъ датского короля и не порывать со Швеціей, дружба съ которой бывала всегда столь выгодной для всѣхъ померанскихъ городовъ. Съ Стральзундомъ были согласны всѣ померанскіе города; одинъ только Штеттинъ держался совершенно особой политики. Фридрихъ II высоко цѣнилъ дружбу съ этимъ городомъ, доставлявшимъ ему съѣстные припасы, хлѣбъ и пр. Городской совѣтъ Штеттина запретилъ своимъ жителямъ сношенія съ Швеціей, и съ этихъ поръ между Штеттиномъ и Даніей заключается тѣсный союзъ. Всѣ интересы этого города заключались въ его Сконской торговлѣ и въ ней-то разгадка обосабленной политики штеттинцевъ.

При такихъ отношеніяхъ къ Даніи, герцоги и города Помераніи должны были страстно желать примиренія воевавшихъ государей и, дѣйствительно, энергично выступили на конгрессѣ какъ за свои права, такъ и за мирное рѣшеніе скандинавскаго спора.

Они прежде всего обратились къ имперскимъ представителямъ съ жалобою на стѣсненія, причиняемыя имъ датчанами и старались оправдаться отъ обвиненій, введенныхъ на нихъ Фридрихомъ II. Любопытно, что стральзундскимъ депутатамъ было предписано войти въ отдѣльное соглашеніе съ шведскими комиссарами, съ цѣлью склонить ихъ добиться включения Помераніи въ мирный трактатъ съ Даніей, еслибы таковой состоялся. Предвидя и возможность неудачи ростокскаго конгресса, герцоги уполномочили своихъ пословъ отправить въ Швецію нѣсколькихъ депутатовъ съ предложеніемъ посредничества померанскихъ герцоговъ¹⁾.

Конгрессъ объявляли уже закрытымъ, когда померанскіе депутаты вошли въ отдѣльные переговоры съ представителями императора объ отношеніяхъ своихъ правительствъ къ воевавшимъ державамъ. Они сочли это тѣмъ болѣе важнымъ, что Фридрихъ II продолжалъ обвинять въ особенности стральзундцевъ въ упорныхъ сношеніяхъ съ Шве-

¹⁾ Ср. Blumcke, 248.

цій, куда они, будто бы, доставляютъ и провантъ, и оружіе, и наемниковъ. Гнѣвъ датскаго короля обрушился не на одинъ Стальзундъ, но и на другіе города, какъ Грейфсвальденъ. Кольбергъ. Ругенвольде и др.: и ихъ корабли захватываются въ Зундѣ, товары конфискуются, шкиперовъ бросаютъ въ тюрьму. Померанскіе послы настаивали на томъ, чтобы датское правительство возвратило герцогамъ и городамъ отнятые товары и суда, чтобы оно не препятствовало болѣе свободному плаванію на Балтийскомъ морѣ. но Фридрихъ II оставался глухъ ко всѣмъ этимъ требованіямъ, не соглашался ни на какой компромиссъ съ Помераніей. Померанскіе послы имѣли рядъ данныхъ, говорившихъ и противъ Любека. Они, не взирая на вышеприведенные заявленія любекскихъ депутатовъ, настаивали на томъ, что Любекъ беззаконно поддерживаетъ запрещенные сношенія съ Москвою, доставляетъ русскимъ оружіе и другіе запрещенные товары, тогда какъ померанскіе города въ силу императорскаго указа совершенно оставили нарвское плаваніе. Война съ Швецией, говорили они, дѣло одного Любека. ее не рѣшали на газетагѣ, почему померанскіе города и не считаются для себя обязательнымъ принимать участіе въ войнѣ противъ Эрика XIV Система Фридриха II и его союзниковъ противна всѣмъ международнымъ сношеніямъ; арестуются суда, направляющіяся не только въ Нарву, но и въ ливонскія гавани, Ригу и др., а также и тѣ, которыхъ отваживаются держать свой курсъ на западъ къ Нидерланды.

Императорскіе послы обѣщали померанскимъ депутатамъ, что обо всемъ донесутъ императору, который не замедлитъ оказать герцогамъ и городамъ содѣйствіе къ возвращенію ихъ правъ нейтральной державы. Уполномоченные отъ Фридриха II также соглашались передать ему все слышанное; щедры были обѣщанія любчанъ, рѣшительно отвергавшихъ обвиненіе въ сношеніяхъ съ Москвою.

Твердый и рѣшительный тонъ, съ которымъ померанскіе послы говорили въ Ростокѣ, не остался совсѣмъ безъ дѣйствія. Къ половинѣ 1564 года политическій горизонтъ сѣверной Европы нѣсколько видоизмѣнился; всѣ обстоятельства приводятъ Коненгагенскій дворъ къ необходимости сохранить дружбу съ Помераніей. 25 июля на Германскій престолъ вступилъ Максимилианъ II. Онъ болѣе, нежели Фердинандъ I, склонялся въ пользу саксонской программы дѣйствій и далъ согласіе на опалу (Reichsacht) противъ Грумбаха и Іоанна Фридриха эрнестинскаго.

Между тѣмъ и шведская дипломатія успѣла достигнуть нѣкото-

рыхъ немаловажныхъ результатовъ, и хотя нельзя еще говорить объ организованной шведской партии въ Германіи, но несомнѣнно, что сторонники Швеціи все тѣснѣ сплачивались, что Эрикъ XIV въ это именно время старался улучшить свои отношенія къ Москвѣ, не прочь былъ и отъ отдѣльного мира съ Польшей, онъ вѣль и успѣшилъ переговоры съ Лотарингіей. Обстоятельства складывались такъ, что Данія не безъ основанія стала оглядываться на югъ, боясь враждебной диверсіи съ этой стороны, и на востокъ, неувѣренная въ искренности дружбы Московскаго царя. Приготовить себѣ въ такое время еще нового врага въ Помераніи было не политично, и вотъ съ осени 1564 года Фридрихъ II начинаетъ дѣлать рядъ уступокъ, правда слабыхъ, померанскимъ городамъ, чтобы хоть на время обезпечить себя съ ихъ стороны. Несомнѣнно, что Августъ саксонскій имѣлъ на него и тутъ большое влияніе; хотя свое сдѣлало и политическое чутье самого короля. Въ августѣ 1564 года Фридрихъ далъ знать герцогамъ Помераніи, что изъ расположения къ нимъ разрѣшаетъ городамъ свободный проѣздъ чрезъ датскія воды, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они не оказывали помощи шведамъ ни въ самой Швеціи, ни въ Ливоніи.

Осенью 1564 года сами померанскіе герцоги рѣшились спарадить посольство къ скандинавскимъ королямъ, съ предложеніемъ своего посредничества и съ цѣлью выяснить свои отношенія къ нимъ. Во главѣ посольства въ Данію стали Христіанъ Кюссовъ и Гансъ Саве. Аудіенція ихъ у короля происходила 14-го сентября. Выразивъ желаніе и готовность герцоговъ взять на себя посредничество въ борьбѣ Даніи съ Швеціей, они просили короля согласиться на перемиріе отъ св. Мартина до Троицы; съ померанскими герцогами согласенъ соединиться для посредничества и герцогъ брауншвейгскій; затѣмъ— Кюссовъ и Саве обратили вниманіе короля на стѣсненія померанскихъ купцовъ и отъ имени герцоговъ склоняли его дать удовлетвореніе за все перетерпѣянное и впредь не препятствовать взаимнымъ торговымъ сношеніямъ Помераніи съ Даніей (*mutua commercia*). Герцоги тѣмъ болѣе надѣются на удовлетворительный отвѣтъ, что король нѣ письмѣ къ нимъ отъ 9-го августа соглашался пойти на compromissъ¹⁾.

Король выразилъ крайнее сожалѣніе о бесплодности ростокскаго конгресса и соглашался принять посредничество герцоговъ, если они

¹⁾ Blaumcke, 267 и т. д., по архивнымъ даннымъ Стальзунда.

заранѣе заручатся и согласиемъ Эрика XIV, прежде не желавшаго вести переговоры со всею враждебною ему коалиціей- Данія, Любекъ и Польша. Городамъ король готовъ дать удовлетвореніе и вернуть имъ прежнія привилегіи, коль скоро онъ совершенно убѣдится въ томъ, что города болѣе не будутъ поддерживать сношеній съ Швеціей; въ знакъ дружбы къ герцогамъ, король теперь же даетъ свободу заключеннымъ въ Готландѣ торговцамъ ихъ.

Въ отвѣтѣ Фридриха было столь же мало искренности, какъ и во всей тогданѣй дипломатіи; говоря съ послами герцоговъ въ такомъ мирномъ тонѣ, онъ подготовлялъ высадку въ Блекинге и осаду Кальмара. Переговоры о мирѣ были только средствомъ удержать герцоговъ отъ сближенія ихъ съ Швеціей; герцоги же померанскіе сами говорили, что такъ усердно хлопотали о мирѣ изъ боязни, чтобы московскій царь не воспользовался борьбою скандинавскихъ государей и не утвердился въ Ливовіи и на Балтійскомъ морѣ—любимая тема нѣмецкихъ князей, которую они прикрывали собственными честолюбивыми стремленіями! Герцоговъ не удовлетворилъ отвѣтъ Фридриха, въ которомъ каждый пунктъ ставился въ зависимость отъ цѣлаго ряда условій, но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился продолжать свою примирительную политику и съ этой цѣлью снарядилъ посольство въ Швецію и Польшу; оба посольства рѣшено было отправить одновременно. Не успѣли назначенные въ Польшу послы уѣхать, какъ Сигизмундъ II Августъ прислалъ полное угрозъ письмо, въ которомъ упрекалъ ихъ въ дружелюбіи къ Швеціи и въ своекорыстіи и требовалъ, чтобы они присоединились къ антишведской коалиціи. Это письмо сначала нѣсколько поколебало герцоговъ въ ихъ рѣшеніи, но въ концѣ концовъ, послы были снабжены инструкціями и уѣхали ¹⁾.

Въ ноябрѣ послы прибыли въ Петроковъ; Сигизмундъ, какъ всегда, выставляя на видъ свое миролюбіе, сказалъ посламъ, что Эрикъ XIV добивался отдельного мира съ нимъ, но что онъ не могъ его принять, такъ какъ связанъ договоромъ съ Даніей; депутатовъ онъ охотно пришлетъ на новый конгрессъ, если онъ будетъ созванъ въ одномъ изъ померанскихъ городовъ, Штеттинѣ, Ростокѣ или др. и не лѣтомъ, а зимою. На частной аудіенціи у вице-канцлера короля посламъ пришлось выслушать рядъ обвиненій въ поддержкѣ враговъ Польши; послы называли такія обвиненія незаконными, ссылались на дружественные сношения своихъ правительствъ съ Швеціей, что не помѣшало

¹⁾ Blumcke, 271 и д.

нимъ одновременно доставлять провіантъ союзнику Польши, королю датскому и разрѣшить многимъ дворянамъ поступать на датскую службу. Іоаннъ Дульчицкій (такъ звали вице-канцлера Сигизмунда II) усматривалъ въ дружбѣ герцоговъ къ Швеціи прямое нарушеніе договоровъ и ленныхъ отношеній Помераніи къ Польшѣ (*feudus et feudum*). Поддерживая шведовъ въ войнѣ, герцоги и города сами содѣйствуютъ продленію войны и дѣлаютъ невозможнымъ всякое посредничество.

Отвѣтъ Сигизмунда заключалъ въ себѣ также мало положительного, какъ и отвѣтъ Фридриха; разница только та, что Сигизмундъ еще и угрожалъ, и ссылался на ленные отношенія Помераніи къ Польшѣ, возникшія въ средніе вѣка; все это давало особое, отнюдь не миролюбивое освѣщеніе всей его политикѣ.

Дипломатія померанскихъ городовъ оказывалась очень легковѣрной; отвергнуть усердія герцоговъ нельзѧ, но за то напрасно искать въ дѣятельности ихъ пониманія политическихъ отношеній, ясновидѣнія, знанія людей; 1564 годъ приближался къ концу, дипломатическая же старанія Помераніи ни на шагъ не подвинули впередъ дѣло мира. Положеніе Помераніи становилось между тѣмъ все затруднительнѣе, ее отовсюду тѣснили, торговыми сношеніями препятствовали; казалось, „ей сужено было служить наковальней и терпѣливо спускать всѣ удары“. Датскіе и любекскіе пираты не обращали никакого вниманія на обѣщаніе, данное померанскимъ герцогамъ Фридрихомъ II, и продолжали преслѣдовать померанскихъ торговцевъ на пути ихъ въ Швецію; иногда дерзость пиратовъ доходила до того, что они высаживались на материкъ и тамъ еще преслѣдовали виновныхъ, по ихъ мнѣнію, купцовъ; нерѣдко они вторгались въ померанская владѣнія и тамъ дерзко своеизличали¹⁾; высадка любекскихъ пиратовъ на Рюгенѣ, напримѣръ, сопровождалась небывалыми опустошениями. Померанское правительство не рѣшалось прибѣгать къ энергическимъ мѣрамъ, зная, что сторону Любека держали императоръ и курфюрстъ саксонскій, благосклонные къ датско-любекской коалиції.

Города Помераніи высоко цѣнили торговые сношенія съ Швеціей и, не смотря ни на какие запреты, продолжали ихъ; такъ акты говорять намъ о торговыхъ сношеніяхъ съ Швеціей Грейфсварльдена, Стальзунда, Трептова, Кольберга, Рюгенвальда и др. Въ Кольбергѣ была известная фамилія Дамитцъ, представители которой служили торговыми агентами въ Швеціи; не смотря на всю зоркость датскихъ и

¹⁾ Подробности у *Bluntsche*, 279 и др.

любекскихъ каперовъ, померанскимъ смѣльчакамъ удавалось доставлять въ Швецию значительное количество зерна. Не порывались и дипломатическая сношенија съ Швецией; такъ, три шведскихъ агента провели большую часть 1564 года въ Стравальзундѣ; отсюда они споси-
лись съ германскими наемниками, входили въ дипломатические переговоры съ нѣмецкими князьями, здѣсь они затѣвали выгодные финансовые обороты и нерѣдко имъ удавалось доставать въ заемъ значительные денежные суммы¹⁾). Все это дѣлалось, конечно, не официально, секретно. Деньги, полученные въ заемъ шведскими агентами, шли на наемъ рейтеровъ и киехтовъ. При всемъ стараніи Швеции скрыть эти операциі отъ сосѣднихъ державъ, обѣихъ узнали: полякамъ удалось перехватить нѣсколько писемъ шведскихъ агентовъ, которая и открыли имъ всю сущность такъ называемой померанской „нейтральности“. И говорить нечего, какую тѣнь подобная разоблаченія бросали на герцоговъ, недавно ручавшихся въ томъ, что они не допустятъ никакихъ сношений своихъ подданныхъ съ Швецией²⁾. Перехваченные письма шведскихъ дипломатическихъ агентовъ очень любопытны, такъ какъ даютъ возможность проникнуть во всѣ интриги и „практики“ стокгольмского двора; изъ этихъ писемъ, между прочимъ, видно, что одинъ изъ агентовъ, Мѣллерь, сносился съ графомъ Эдуардомъ Остфрисландскимъ и добивался отъ него для своего короля наемниковъ; Мѣллерь находился въ сношенияхъ и со многими другими предводителями нѣмецкихъ дружинъ, этими нѣмецкими кондотьерами, число которыхъ такъ возросло во второй половинѣ XVI столѣтія; одинъ нирибергскій житель, Matthes Ebner, соглашался доставить королю отъ 30 до 40 тысячъ флориновъ, если только король по окончаніи войны предоставить ему право за умѣренную цѣну закупить всю имѣющуся въ Швеции мѣдь. Переинска шведскихъ агентовъ показываетъ, что правительство нерѣдко давало плѣннымъ любчанамъ паспорты для плаванія на Нарву, и хотя оно назначало за нихъ очень высокія цѣны, они на расхватъ покупались,—такъ выгода и заманичива была русская торговля! Мѣллерь прибѣгалъ нерѣдко къ шпionетвамъ, средству, охотно практиковавшемуся самимъ Эрикомъ; онъ получалъ отъ „своихъ людей“ свѣдѣнія о ходѣ рейхстаговъ, зналъ, что дѣлалось при иностранныхъ дворахъ, слѣдилъ за вѣшними событиями и изъ всего этого старался извлечь выгоду для Швеции.

¹⁾ Въ 1564 году, 8 ноября 1.000 гульденовъ, 12 ноября—3.100 гульденовъ.

²⁾ Blumcke, 287 и д.

Герцоги едва-ли знали сами о тайныхъ сношенияхъ городовъ съ Швецией: по крайней мѣрѣ, когда Сигизмундъ открылъ имъ содержание перехваченныхъ писемъ шведскихъ агентовъ,— и Барнімъ, и Іоаннъ Фридрихъ очень неодобрительно отнеслись къ поведенію городовъ, указывали, какъ вредно это отзовется на мирномъ посредничествѣ, взятомъ на себя герцогами, напоминали имъ о нарушении нейтральности. Герцоги въ особенности возмутились, узнавъ, что въ Брондегагенѣ наготовѣ 2.000 наемниковъ, ожидающихъ только случая перѣѣхать въ Швецию. На требование герцоговъ, чтобы Мѣллеръ и др. агенты распустили привезенныхъ или наемниковъ, имъ отвѣчали, что они же разрѣшили померанскимъ дворянамъ становиться подъ датскія знамена¹⁾. Герцоги, какъ умѣли, извиляясь передъ Фридрихомъ II, старались выставить все дѣло въ наиболѣе мягкой формѣ, надѣялись еще на возможность мирныхъ путемъ уладить отношенія Швеціи къ Даніи, но напрасно: Фридрихъ уже принялъ свои мѣры, онъ рѣшился скинуть маску миролюбія и въ январѣ 1565 года закрылъ Зундъ для всѣхъ народовъ безъ различія, такъ что теперь стало не возможно какъ попасть въ Балтийское море, такъ и выйтіи изъ него. Этюю мѣрою онъ справедливо надѣялся нанести самый рѣшительный ударъ шведамъ. Такимъ образомъ, 1565 годъ начался для померанскихъ городовъ самыми неблагопріятными ауспиціями, онъ сдѣлался неблагопріятнымъ и для всѣхъ европейскихъ государствъ, торговавшихъ на Балтийскомъ морѣ. Строгое выполнение январскаго указа было прежде всего смертельнымъ ударомъ для южно-балтийскихъ городовъ; оно было равнозначимо совершенному обѣдненію ихъ, безповоротному социальному раззоренію. Январскій указъ поэтому сдѣлалъ необходимымъ новое дипломатическое сближеніе Помераніи съ Даніей. Въ 1565 году герцоги дѣлаютъ рядъ новыхъ попытокъ возстановить свои сношения съ копенгагенскимъ дворомъ. Въ февралѣ они шлютъ посольство къ Фридриху, съ просьбою принять ихъ посредничество и согласиться на временное перемирие. Фридрихъ отклонилъ второе предложеніе. Эрикъ XIV, который, до декабря 1564 года, медлилъ отвѣтить на предложеніе померанскихъ герцоговъ, пожелалъ прежде всего узнать, какія условія мира будуть ему предложены посредниками, писаль,

¹⁾ Blautes говоритъ о прибытіи въ Вольгастъ герцога Магнуса саксен-лауенбургскаго, сторонника Швеціи, и о переговорахъ его съ вольгастскими герцогами, но о результатахъ этихъ переговоровъ не имѣется до сихъ порь никакихъ данныхъ.

что ожидаетъ въ Кальмарѣ для переговоровъ о мирѣ вдовствующую королеву Давідъ Доротею и до окончанія переговоровъ съ ней не можетъ отвѣтить ничего опредѣленнаго. Весною, на пути въ Лотарингію, шведские послы остановились въ Штеттинѣ, гдѣ вели переговоры съ уполномоченными померанскими герцогами. Поблагодаривъ померанское правительство за доставку шведамъ съѣстныхъ припасовъ, они просили ихъ съ открытиемъ навигаціи снова прислать въ Швецию различные товары, за которые имъ заплатить наличными деньгами. Шведскимъ посламъ отвѣчали, что герцоги всегда согласны допустить „щита commercia“, но только до тѣхъ поръ, пока это не противорѣчитъ ихъ нейтральности. Въ письмѣ къ Эрику герцоги предлагали съѣхаться для переговоровъ о мирѣ въ Ростокъ. Герцоги такъ твердо вѣрили въ возможность примиренія обоихъ сѣверныхъ королей, что даже составили предварительные условия мира. Любопытно, что въ этихъ предварительныхъ главной причиной сѣверной войны выставлена Ливонія; герцоги считаютъ совершенно неосновательными требования Дании и Польши, чтобы шведский король отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній на востокѣ Балтийского моря. Герцоги даже проектировали временное перемирие, такъ какъ вести переговоры о мирѣ въ полный разгаръ военныхъ дѣйствій всегда бесполезно. Перемирие, по плану герцоговъ, должно было быть заключено на такихъ условіяхъ, что каждая сторона удерживаетъ на время за собою все, что ею завоевано, торговыя сношенія объявляются свободными, ни одна сторона не должна вооружаться, плѣнныхъ обмѣниваются или освобождаются, каждое нарушеніе перемирия строго наказывается. плаваніе на Нарву простоянливается. Еслибы во время перемирия какой-нибудь иноземный государь вздумалъ захватить въ свои руки господство на морѣ, всѣ должны соединиться противъ него, на время забыть свои личные счеты и повести борьбу съ узурпаторомъ. Легко угадать, кого герцоги разумѣютъ подъ иноземцемъ-узурпаторомъ—московскаго царя. Эти предварительные условия перемирия были вполнѣдѣствіи приняты въ 1570 году.

Герцоги полагаютъ главнымъ условіемъ мира открытие Зунда, съ чѣмъ связано проѣздтаніе Штеттина, вся торговля котораго шла чрезъ Зундъ. Весь зундскій вопросъ рассматривался въ особой, побочной инструкціи, также составленной усердными герцогами; тутъ обращается вниманіе на то, что шведы никакимъ образомъ не могутъ усилиться отъ того, что штеттинцы чрезъ Зундъ будутъ проѣзжать въ Англію, Шотландію, Францію, Нидерланды и Испанію.

Фридрихъ II, услышавъ о новыхъ мирныхъ стараніяхъ герцоговъ, соглашался участвовать въ будущемъ конгрессѣ, если и Эрикъ XIV пришлѣтъ туда своихъ депутатовъ. Относительно перемирия онъ также отказывался отъ какого бы то ни было рѣшительного отвѣта, не узнавши раньше мнѣнія Швеціи и Польши. Просьбу штеттинцевъ о свободномъ плаваніи черезъ Зундъ король принялъ, взявши съ нихъ обѣщаніе, что они не станутъ доставлять шведамъ хлѣба, военныхъ спаридовъ и пр., проѣздъ черезъ Зундъ король только будетъ допускать по особымъ паспортамъ, съ условіемъ не сноситься съ шведами.

Въ іюнѣ померанскіе послы прибыли въ Швецію. Удачныя дѣйствія шведовъ на морѣ не обѣщали посламъ успѣха. Дѣйствительно, весь поглощенный войною, Эрикъ не даль имъ удовлетворительного отвѣта; тонъ его рѣчи былъ рѣзкимъ, повелительнымъ; онъ обвинялъ датское правительство въ томъ, что оно вѣ-время не давало его посламъ паспортовъ для проѣзда на мирные конгрессы, упрекалъ его въ томъ, что оно никогда точно не формулировало своихъ требованій. О перемирии Эрикъ не хотѣлъ и слышать. Въ Ростокѣ послать своихъ депутатовъ онъ также не желалъ, а предлагалъ Кальмаръ. Долго померанскіе послы оставались въ Швеціи, въ надеждѣ склонить короля къ миру, напрасно—рѣвностная миссія ихъ не удалась. Герцоги надѣялись теперь на то, что, быть можетъ, польский и датскій короли согласятся прислать своихъ депутатовъ въ Кальмаръ, но на это согласія не послѣдовало. Въ письмѣ къ герцогамъ Сигизмунду II Августу съ злой ironіей спрашивалъ ихъ, поняли ли они теперь, наконецъ, сколько вѣры можно придавать заявленіямъ шведского короля о миролюбії.

Не удалось и посредничество Франціи.

Вражда Даніи и Швеціи была слишкомъ глубокою, силы ихъ были еще слишкомъ значительны, чтобы отказаться отъ поединка. Дипломатія померанскихъ герцоговъ оказывалась неудачною главнымъ образомъ отъ того, что мало сообразовалась съ общимъ политическимъ настроениемъ, съ истиннымъ положеніемъ дѣль.

Въ 1565 году любекскій ратъ рѣшилъ созвать „ганзетагъ“, чтобы отъ лица всей ганзы предложить мирное посредничество воевавшимъ государямъ. Ганзетагъ 1565 года рельефно обнаружилъ разногласіе и взаимное недовѣріе, господствовавшее среди городовъ. За Швецію оказались все померанскіе и мекленбургскіе города, за исключеніемъ Штеттина, готоваго за одинъ годъ торговыхъ сношеній съ Даніей

на 20 лѣтъ лишиться своихъ привилегій въ Швеціи. На ганзетагѣ любекскому рату указывали, что онъ не имѣлъ права безъ согласія всѣхъ городовъ начинать войны съ Швеціей, не по праву и теперь требуетъ себѣ помощи противъ Эрика XIV. Представители городовъ обѣщали довести до свѣдѣнія своихъ ратовъ проектъ посредничества между Швеціей и Даніей и, ни на чёмъ не остановившись, разѣхались. Новый ганзетагъ, созданный въ слѣдующемъ году, также мало успѣлъ, и депутатъ Штеттина, Гадемеръ, доносилъ своему рату, что взаимная несогласія городовъ все ростутъ, и нѣкогда славная Ганза близка къ своему паденію.

3-го августа представители „тага“ предложили сѣвернымъ королевмъ сѣхаться для мирныхъ переговоровъ въ Стальзундѣ или Штеттинѣ.

„Коллегіальное“ посредничество не обѣщало успѣха, переписка ратовъ съ королевами замедляла ходъ переговоровъ, между тѣмъ наружу всплывали новыя недоразумѣнія, новыя неудовольствія, и о мирѣ мало кто серьезно думалъ. Намъ необходимо теперь остановиться на этихъ недоразумѣніяхъ и неудовольствіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ отношеніяхъ одного изъ союзниковъ Даніи, Польши къ Данцигу. Въ предыдущей главѣ мы уже отмѣтили общий характеръ этихъ отношеній. Какъ Фридрихъ II хотѣлъ склонить на свою сторону померансіе города, такъ Сигизмундъ употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы укротить Данцигъ и обратить его въ польскую гавань. Первымъ ударомъ Данцигу должно было служить запрещеніе нарвскаго плаванія.

Еще въ 1562 году Сигизмундъ рѣшился издать первые эдикты, запрещавшіе плаваніе на Нарву¹⁾; это тогда уже вызвало энергическій протестъ со стороны Данцига. Отношенія города къ польскому королю еще болѣе обострились, когда послѣдній заключилъ свой договоръ съ Даніей противъ Швеціи²⁾. Теперь къ прежнимъ запрещеніямъ присоединилось новое—прекратить торговыя сношенія съ Швеціей. Этого же требовалъ и Фридрихъ II, который систематически захватывалъ всѣ корабли, направлявшіеся черезъ Зундъ въ Швецію; въ руки королевскихъ чиновниковъ нерѣдко попадали и данцигскіе корабли. Городской совѣтъ Данцига обратился къ Сигизмунду II съ жалобой на самовольный, безсовѣстный захватъ датскимъ правитель-

¹⁾ Дан. арх. Überfeld—гор. магистрату, 22-го апр. 1562.

²⁾ Весь вопросъ объ отношеніяхъ Сигизмунда къ Данцигу на основаніи документовъ Данц. архива.

ствомъ его торговыkhъ людей; Сигизмундъ сначала пообѣщалъ городу уладить этотъ вопросъ, снесшись съ Фридрихомъ II; на дѣлѣ же онъ намѣренно оттягивалъ съ году на годъ исполненіе своего обѣщанія. Предъ нами письмо польского короля къ Фридриху II, отъ 23 февраля 1564 года, которое какъ нельзя лучше рисуетъ намъ крайнюю нерѣшительность короля: то въ немъ проскальзываетъ рѣшительная вотка—Сигизмундъ требуетъ безпрепятственного проѣзда своихъ подданныхъ черезъ Зундъ, то онъ самъ же содѣйствуетъ стѣсненію Данцига. Сигизмундъ хотѣлъ своими запретительными указами о шведской и русской торговлѣ достичнуть совершенного обѣдненія Данцига, чтобы тѣмъ легче покорить себѣ этотъ городъ, а затѣмъ и остальные прусскіе города сдѣлать орудіемъ своей воли.

Данцигъ нѣкоторое время сносилъ такую несправедливость, но вскорѣ уже уполномоченные города энергично требуютъ отмѣны стѣсненій, указываютъ королю, что всѣ его старанія клонятся лишь къ обогащенію померанскихъ и мекленбургскихъ городовъ, къ которыхъ теперь перешла вся шведская торговля. Запрещеніе нарвскаго плаванія, говорили данцигскіе депутаты королю, также всего тяжелѣ ложится на Данцигъ; Любекъ, союзникъ Даніи и Польши, продолжаетъ же сноситься съ русскими и извлекаетъ изъ этихъ торговыхъ сношеній громадныя выгоды. Почему же одинъ Данцигъ только лишень права пользоваться этой торговлею? Новые мѣры короля доведутъ его до совершенного паденія; онъ уже и такъ годъ отъ году бѣдвѣтъ; въ городѣ, къ тому же, благодаря занесеннымъ заразительнымъ болѣзнямъ, началась большая смертность¹⁾.

Въ началѣ 1564 года Данцигъ вошелъ въ сношенія съ Фридрихомъ II, чтобы отъ него добиться свободнаго плаванія черезъ Зундъ; городъ жаловался на беззаконный стѣсненія королевскихъ чиновниковъ. 14-го февраля послѣдовалъ характерный отвѣтъ Фридриха II: король далекъ отъ того, чтобы посягнуть на привилегіи города и дѣйствуетъ только на основаніи своихъ регалій, своего королевскаго права. Отнимая у торговцевъ ихъ товары (зерно, солодъ и др.), присваивая себѣ ихъ корабли, онъ выплачиваетъ имъ за всѣ убытки и, стало быть, вовсе не нарушаетъ мирныхъ и добрыхъ отношеній къ городамъ²⁾. Если Данцигъ желаетъ пользоваться своими прежними при-

¹⁾ Missivi.

²⁾ Danz. arch. Urkunden Sammlung, XCIV. B. 92. 22920... als wir dann auch jenen deren schiff, geschutz, oder Potsgesellenn wir vnnserm dienstt angenohmenn, auff geburlich mäss, oder Werdirung versicherung zustellenn lassen oder

вилегіями. то пусть, какъ добрый соѣдъ, доставить королю въ Гельзингборгъ или Гельмстедтъ съѣстные припасы, хлѣбъ, пиво, муку, соль—что много помогло бы королю въ виду его скораго похода въ Швецію. Осеню же этого года Фридрихъ просилъ Данцигъ уступить ему 8 кораблей.—Всѣ эти просьбы Фридриха II были отклонены, такъ какъ исполненіе ихъ нарушило бы нейтральность города, которой онъ рѣшился держаться.

Въ 1565 году послѣдовало временное закрытие Зунда. Настала еще болѣе тяжелыя времена для нейтральныхъ городовъ. Датскіе каперы захватывали корабли Данцига, товары залеживались, приходилось платить высокіе выкупы. Данцигъ искалъ заступничества Сигизмунда: онъ, какъ государь прусскихъ городовъ, казалось бы, долженъ быть энергично вступиться за ихъ интересы, на дѣль же вмѣсто рѣшительнаго заступничества—просьбы къ Данцигскому магистрату—терпѣливо снести это временное закрытие датскихъ проливовъ¹⁾, вызванное въ интересахъ общаго блага; такою мѣрою Даніи легче удастся склонить къ миру шведскаго короля. Въ перепискѣ Данцига съ Сигизмундомъ мы наблюдаемся и на другой страницѣ: король обѣщаетъ похлопотать у своего союзника о свободномъ пропускѣ данцигскихъ купцовъ черезъ Зундъ, но не надѣется на успѣхъ, такъ какъ обнаружено, что данцигскіе купцы, проѣхавъ Зундъ, тайкомъ направляются въ Швецію, доставляютъ туда всевозможные товары, забывая, что Швеція врагъ Даніи и Польши.

Данцигскіе депутаты отвѣчали на такія заявленія короля, что шведамъ и помимо Зунда доставляютъ все вужное для войны изъ Помераніи и Мекленбурга, и просили его дать торговымъ людямъ города особые паспорты или свидѣтельства²⁾, по которымъ датскій король пропускалъ бы ихъ черезъ Зундъ. Сигизмундъ II опять таки ограни-

sonst der Besoldung halber richtige verordnung gethan, zuletzt auch des abgenommenen Korns und Maltz halber bezalung zuthun. Ср. ХСV. В. 100. 22924. и ХСV. В. 96. 22198 гдѣ заключается просьба о доставкѣ кораблей „bloss auff diesen vorstehenden fruelingk“

¹⁾ Дац. арх. Acta Intern. 1565, IX, vol. 16: dass vnser Herr in die Schließung des Sundes bewilliget.

²⁾ Die vnsers herren furschrift oder saluum conduct haben wurden. Клефельдъ Данцигу, 13-го апр. Dan was sie erstlich der Certification halben einbilden, ist derselben zu warheit nie im geringsten gedacht, vielweniger das Ire M. dem K. von Dennemarck einreummen sollte, das die Schiffe aus Dantzig jn den Sundt kommende, dasselbst certificiren solten.

чился одними обѣщаніями и, имѣя въ виду все дѣло отложить *ad Saledas Graecas*, дѣйствовалъ необыкновенно вяло и пехотя.

Наконецъ, данцигскіе послы стали требовать, чтобы въ Данію отиравлено было посольство, которое должно было добиться у Фридриха II отмѣны зундскихъ стѣсненій. Извѣстно, что у городскихъ депутатовъ начались продолжительные дебаты съ совѣтниками „лѣниваго“ короля; не дѣло города, говорили послѣдніе, указывать королю, что ему дѣлать; онъ составить инструкцію по своему усмотрѣнію и не нуждается въ совѣтахъ Данцига¹⁾). На этотъ разъ, однако, Данцигъ добился своего—король согласился снарядить въ Данію посольство, и инструкція, данная посламъ, дѣйствительно, была составлена съ вѣдома и по соглашенію съ городскими депутатами 10 марта 1565 года. Этого же числа магистратъ Данцига обратился съ пропорциональнымъ письмомъ къ Фридриху II, въ которомъ выражалъ и сожалѣніе и неудовольствіе по поводу решенія короля закрыть Зундъ его торговымъ людямъ, тогда какъ Данцигъ всегда относился къ Даніи съ искреннимъ дружелюбіемъ, наблюдалъ за ея интересами, всѣмъ жертвовалъ ради нея. Предшественникъ Фридриха II въ признательность за это даровалъ городу льготы и привилегіи—безпрепятственно торговать по всей Даніи, проѣзжать чрезъ проливы, входить во всѣ города и гавани; Зундъ былъ открытъ данцигскимъ кораблямъ и на пути якъ въ Нѣмецкое море и обратно въ Балтийское; не было стѣсненій, ни задержекъ, не назначались ни поборы, ни пошлины, и привилегіи эти имѣли одинаковую силу какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Теперь все, что было нѣкогда даровано городу и подтверждено за нимъ клятвою, нарушается безъ всякаго права. Въ виду такихъ отношеній прежнихъ датскихъ королей къ Данцигу, онъ и теперь проситъ короля прекратить стѣсненія и возстановить прежнія привилегія его²⁾.

Чрезъ мѣсяцъ, 8-го апрѣля, Данцигъ, еще не получивъ отвѣта на первое письмо, отправилъ Фридриху второе письмо, но уже въ гораздо болѣе решительномъ тонѣ и снова требовалъ отмѣны торго-

¹⁾ Sie seint nicht schuldig die Instruction zu stellen, wie die Stadt will, sondern wie sie wollen. Ноильскіе совѣтники хотѣли помѣстить въ инструкціи, между прочимъ, такой пунктъ: wo ferne der K. von Denuemark den freien pass ghar abschluge, das auf den fall dennoch des eides gedacht wurde, das alleine die so aus dem Oressundt auf Dantzig siegeln schweren sollen, nicht auf schweden zu lauffen; пропущены были слова: „durante bello“.

²⁾ Акты и письма, II, стр. 5, № 9.

выхъ стѣсненій, ничѣмъ со стороны города не вызванныхъ; письмо оканчивалось угрозою: если Зундъ не будетъ открытъ данцигскимъ кораблямъ, магистратъ города заключить договоръ съ Швеціей и будеть доставлять ей всѣ нужные товары.

За этими письмами послѣдовало официальное посольство города въ Данію.

До отправленія данцигскихъ пословъ случилось событіе, также еще содѣйствовавшее ухудшенію отношений Сигизмунда II къ Данцигу. Отправляема весною 1565 г. пословъ къ герцогамъ померанскимъ и мекленбургскимъ, король требовалъ, чтобы и Данцигъ принялъ участіе въ этомъ и также прислалъ нѣсколькихъ представителей. Думая, что посольство это имѣть цѣлью склонить вышеназванныхъ герцоговъ принять на себя посредничество въ борьбѣ Швеціи съ Даніей-Польшей, данцигскій ратъ согласился участвовать въ немъ. На дѣлѣ же оказалось, что инструкція, данная королемъ его посламъ, заключала въ себѣ просьбу къ герцогамъ присоединиться къ наступательному союзу противъ Швеціи. Участіе въ такого рода посольствѣ, разумѣется, выставило бы Данцигъ въ глазахъ Эрика въ враждебномъ свѣтѣ; оно было бы равносильно разрыву съ нимъ,—и магистратъ города поспѣшилъ отказаться отъ такой миссіи. Сигизмундъ, какъ оказывается изъ бумагъ данцигскаго архива, сначала тщательно скрывалъ отъ города содержаніе данной посламъ инструкціи, надѣясь, впослѣдствіи, заставить Данцигъ примкнуть къ антишведской коалиціи, что представлялось ему рѣшительно необходимымъ въ виду значительного флота, какимъ городъ обладалъ. Неудача эта еще только усилила его недовольство своеобразнымъ городомъ. Напрасны были всѣ резоны Данцига, въ переговорахъ съ королевскими совѣтниками онъ ничего не могъ добиться. Тогда ратъ города рѣшился войти въ непосредственные переговоры съ самимъ Эрикомъ, но Сигизмундъ рѣшительно запретилъ ему это¹⁾ и упорствовалъ, не смотря на то, что депутаты города въ яркихъ краскахъ представляли ему, какія большія бѣдствія повлечетъ за собою для города простоянка шведской торговли; они указывали Сигизмунду и его секретарямъ, что шведское правительство при первомъ же удобномъ случаѣ отомстить Данцигу, какъ скоро городъ исполнитъ желаніе своего государя, прекратить торговыя сношенія съ Швеціей; стѣснены будутъ прежнія торговыя преимущества города какъ въ Швеціи, такъ и въ ливонскихъ владѣніяхъ шведского короля.

Уже теперь шведские товары покупаются въ Данцигѣ за двойную цѣну; въ городской гавани число иностранныхъ кораблей все рѣдѣеть; многие иностранцы по иѣсколько лѣтъ ждутъ разрѣшенія короля уѣхать, но тщетно: запретительные эдикты его строго выполняются.

Шведское правительство въ виду этого дало уже своимъ каперамъ право захватывать всѣ данцигскія купеческія суда, показывающіяся на ревельскомъ и нарвскомъ фарватерахъ.

Положеніе города становилось безвыходнымъ. Справедливость требуетъ, писалъ Данцигъ къ Сигизмунду, чтобы всѣ приморскіе города были лишены какъ шведской, такъ и русской торговли; на дѣлѣ же терпить одинъ Данцигъ, потому что мекленбургскіе и померанскіе города сносятся со Швеціей, а Любеку самъ же Сигизмундъ въ 1563 году въ Ростокѣ разрѣшилъ пользоваться привилегіей нарвской торговли; это Любекъ самъ открылъ данцигскому рату, когда въ 1565 году, по приказанию Сигизмунда, рать велѣла схватить иѣсколько любекскихъ кораблей, возвращавшихся изъ Нарвы. Кромѣ любчанъ и датскіе подданные сносятся съ русскими.

Допустить шведскую торговлю Сигизмундъ II никакъ не соглашался; кроме обязательства по отношенію къ Даніи, ему это было важно и въ виду его враждебныхъ отношеній къ Швеціи въ Ливоніи. Чтобы не довести своихъ отношеній къ Данцигу до совершенного разрыва, опять съ 1565 года начинаетъ склоняться къ необходимости открыть Данцигу по крайней мѣрѣ свободныя сношепія съ западной Европой черезъ Зундъ, онъ даже самъ 15 апрѣля слѣдующаго года писалъ обѣ этомъ къ Фридриху II¹⁾). У послѣдняго, однако, были свои воззрѣнія и онъ не поддавался на просьбы своего союзника.

Когда весною 1566 года данцигскіе послы явились въ Данію, они успѣли добиться у короля только одного, что онъ допустить проѣздъ данцигскихъ кораблей черезъ Зундъ, но не раньше, чѣмъ союзный датско-любекскій флотъ успѣсть выплыть въ море. Данцигъ командировалъ въ Данію Павла Варникена, съ тѣмъ чтобы онъ въ Гельзингерѣ наблюдалъ за интересами Данцига и доносилъ городу объ всѣхъ мѣрахъ, какія предпринимаются противъ него въ Даніи; онъ долженъ былъ, кромѣ того, оказывать данцигскимъ торговцамъ, приѣзжающимъ въ Данію, всевозможное содѣйствіе, а главное—какъ можно чаще и обстоятельнѣе доносить магистрату обо всемъ, что дѣлается въ Да-

¹⁾ Der König—fast bœse dantzkerich vermercken lassen.

пії¹⁾). Изъ донесенія этого Варникена и другихъ данцигскихъ по- словъ мы узнаемъ, что настроеніе Фридриха II къ городу было очень враждебное²⁾. онъ не могъ не возмутиться угрозою Данцига — пристать къ Швеціи, онъ не могъ забыть, какъ рѣшительно возсталъ городъ противъ его желанія принять активное участіе въ войнѣ противъ Швеціи, какъ онъ отказалъ ему даже въ пустой просьбѣ—доставить или продать ему нѣсколько кораблей, какъ неодобрительно онъ отнесся къ польско-датскому сближенію и т. д.

Изъ Копенгагена данцигскіе послы отправились въ Любекъ³⁾, гдѣ въ переговорахъ съ ратомъ поднять былъ вопросъ о нарвскомъ плаваніи. Любекъ твердо отстаивалъ свои права пользоваться русской торговлею и въ военное, и въ мирное время и отражалъ всѣ нападки Данцига. Пренія, возникшія по нарвскому вопросу, прияли острый характеръ; любекскіе депутаты обвиняли данцигскій магистратъ въ томъ, что онъ за деньги продаетъ паспорты всѣмъ торговцамъ, не зависимо отъ того, куда они отправлялись, въ дружескія или враждебныя государства⁴⁾; данцигскіе послы въ долгу не оставались и поздравляли Любекъ съ паденіемъ Полоцка, говоря, что этимъ успѣхомъ русскіе обязаны Любеку. Какъ и можно было предвидѣть, данцигскіе послы ничего не добились отъ Любека, ратманы упорно стояли на

¹⁾ Донесенія Ферберса и Якова Губенера Данцигу.

²⁾ Данц. арх. Missiv.... Das ihr die gantze zeit der schiffart darselbst am houe vnd zu Helscheneer eine beharliche mansion halten sollet, vnd da vnsere schippern was beschwerliches oder nachteiliges beiegnete, denselben rehtlich hulfllich vnd beitendiglich zu sein, domit sie von allem beschwer des ortes gefreit vnd ungehindert hin vnd herwider passiren muegen vnd vns sonstens was darselbst am houe von allerlei vorlossen muchte berichten.

³⁾ Данц. арх. Urk. Sammlung, XCIV B. 93. 20916.... ut vsum maris ac transitum cum nauibus mercibusque suis ita illi (Данцигу) permittat, vt sine ullo pignorationis metu comertia sua cum externis ultro citroque exercere possit: sicut et aequitas ipsa, et mutua nostra cum Serenitate Vra necessitudo atque conjunctio postulat et requirit.

⁴⁾ 21 июня 1566: Die von Lübeck verteidigen sich nicht alleine mit vngerimpften vnd vnfreutlichen worten, sondern treiben auch allerlej seltsame Practiken mit beschuldigung das sie nicht theten wie die Dantzker, die gelt nemen vnd yhres gefallens wem sies gönten Pasport geben, mit den Schiffen zu laufen wo sie wolten, darob dan vnsers teils auch nicht vergessen, vnd gar harte rede gefallen, auch die congratulation der eroberung Polotzko, doch mitt angeheftet, wie wir berichtet, yhnen auch auf die cost geleget, welche sie dan hart beneinet vnd angenommen znuorantworten, darüber zwischen vns beiderseits sehr scharpfie rede vorgelauffen.

своемъ и не допускали возможности — подѣлиться со своими привилегіями или временно отказаться отъ нихъ.

Сигизмундъ II Августъ, между тѣмъ, рѣшился на новую мѣру, не направленную первоначально противъ Данцига, но навлекшую на послѣдній негодованіе всѣхъ европейскихъ государствъ. Король назначилъ особыхъ морскихъ сыщиковъ, пиратовъ, которые, имѣя свою станцію около Данцига, должны были въ открытомъ морѣ захватывать всѣ корабли, направлявшіеся къ Нарвѣ. Въ виду того, что морскіе „speculatores“ короля нерѣдко производили свои грабительства у самой данцигской гавани, у потерпѣвшихъ являлось убѣжденіе, что морскіе сыщики — подвластны городу, имъ поставлены, для него пиратствуют; обѣ этомъ они доносили своимъ государямъ. и вотъ — данцигскіе торговцы, ни въ чемъ неповинные, несутъ за это тяжкія наказанія въ Англіи, Голландіи, Франціи, Швеціи и Дани: ихъ арестовывали, отбирали товары и т. д. ¹⁾.

Новая бѣда для Данцига! Съ 1566 года начинается переписка его съ Сигизмундомъ обѣ этихъ морскихъ спекуляторахъ; городъ просить короля отмѣнить ихъ, онъ посыаетъ въ Польшу своихъ уполномоченныхъ; но никто на его жалобы и просьбы не обращаетъ вниманія, ихъ влекутъ изъ одной инстанціи въ другую, отъ однихъ чиновниковъ къ другимъ; одни взваливаютъ это дѣло на другихъ, и (какъ замѣчаютъ данцигскіе послы въ одномъ своемъ донесеніи) „не было такого храбреца, который бы рѣшился погѣсть кату колокольчикъ“ ²⁾.

Данцигъ употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы только добиться отмѣны вреднаго учрежденія спекуляторовъ ³⁾, пересыпался съ иностранными государствами, доказывалъ, что морскіе сыщики поставлены королемъ, но тѣмъ не менѣе терпѣль изъ-за нихъ.

Сигизмундъ имѣлъ основаніе настаивать на закрытіи нарвскаго плаванія, такъ какъ къ русскимъ въ Нарву прѣѣзжали иностранцы изъ Франціи, Англіи, Голландіи (Амстердама) и Шотландіи, изъ Гамбурга, Висмара и др. городовъ. Любекъ также поддерживалъ сношенія съ Нарвой, хотя и жаловался на уменьшеніе оборотовъ своей восточной торговли. Въ 1567 году въ Нарвуѣздали по 15 и болѣе торговыхъ судовъ изъ Любека. Нерѣдко, изъ опасенія шведскихъ и поль-

¹⁾ Ist aber niemands, der der Katzen die schellen anhingen will. Акты и съма, II, № 4.

²⁾ Die freibeutere abzuschaffen.

³⁾ Мюнх. арх. Aus Lübeck, 30 июля 1567; Ср. Silverstolpe, 94 и 122.

скихъ канеровъ, любекскіе корабли не рѣшились покидать нарвскаго рейда, такъ лѣтомъ того же 1567 года въ Нарвѣ было 33 любекскихъ корабля. Съ русскими изъ Нарвѣ торгуютъ купцы изъ Данцига, Бременія, Аугсбурга, Нюриберга, Лейпцига и Амторфа. Успѣшиѣ всего идуть въ Россіи торговыя дѣла англичанъ. У нихъ во всѣхъ большихъ городахъ свои складочные магазины, черезъ Россію они проникаютъ въ Персію и Арменію, о чёмъ никто раньше не слышалъ, не помышляяль. Изъ Бѣлого моря англичане надѣются найти путь въ Греціандію¹). Стеченіе иностраннѣхъ купцовъ въ Нарвѣ было по временамъ громадное, туда иногда свозилось столько товаровъ, что продавать ихъ приходилось по очень низкой цѣнѣ. Ніенстедтъ говорить, что иѣкоторые товары продавались тутъ дешевле, чѣмъ въ Германіи. Царь радовался, продолжаетъ тотъ же поэтический авторъ, такъ какъ этимъ путемъ онъ всего легче надѣялся добиться утвержденія въ Ливоніи. Иностранные факторы въ Нарвѣ были въ большомъ почетѣ, ихъ приглашали во дворецъ царскаго намѣтника, угождали имъ, какъ своимъ дѣтьмъ-любимцемъ.

Занятый одной идею—поднять общеевропейскую коалицію противъ шведовъ²), Сигизмундъ II не забылъ и нидерландскаго правительства. До начала ливонской войны отношенія Польши къ Нидерландамъ носили характеръ исключительно торговый; изъ сохранившейся переписки Сигизмунда съ Маргаритой видно, что недоразумѣнія, возникавшія тогда между обоими правительствами, вызывались главнымъ образомъ нарушениемъ торговыхъ привилегій нидерландскихъ подданныхъ въ польскихъ владѣніяхъ, а поляковъ въ Амстердамѣ и другихъ торговыхъ пунктахъ испанскихъ провинцій³). Всего болѣе терпѣль отъ торговыхъ тѣсненій Данцигъ.

Характеръ отношеній Польши къ Нидерландамъ и Испаніи измѣняетсяъ съ начала 1558 г.; теперь они уже прямо враждебны, ибо польское правительство въ своихъ торговово-политическихъ интересахъ стало претендовать всѣхъ торговцевъ, направлявшихся въ Нарву; такимъ образомъ, и въ польско-испанскихъ отношеніяхъ все опредѣлялось нарвскимъ вопросомъ. Отъ 1564 и 1565 годовъ сохранилось много писемъ Маргариты къ Сигизмунду II, въ которыхъ она жалуется на стѣсненія своихъ подданныхъ на пути ихъ въ Нарву и пр. ливонскія гавани.

¹⁾ Мюнх. арх.

²⁾ Ср. прекрасную страницу въ этомъ у *Le Bray*, II. 128.

³⁾ Брюсс. арх. Письмо Сигизмунда Маргаритѣ 28 февр. 1557 года. (Акты, № 1).

Захватъ кораблей, направлявшихся на Востокъ, продолжался и въ слѣдующихъ годахъ. Сигизмундъ пустилъ въ ходъ всю свою дипломатическую мудрость, чтобы убѣдить нидерландское правительство временно до окончанія войны съ Москвою, остановить свои торговыя сношения съ Россіею. Въ 1567 году Маргарита писала Сигизмунду, что подданные испанского короля снова, не смотря на неоднократныя жалобы ея, подверглись преслѣдованію, хотя не везли съ собою запрещенныхъ товаровъ, пороха, оружія и пр. Ей ясно теперь, гдѣ кроется причина такого враждебнаго къ испанскимъ подданнымъ отношенія Польши и ея прусскихъ городовъ. Данцигъ стремился сосредоточить въ своихъ рукахъ всю русскую торговлю, сдѣлать ее своею монополіею, чо этого не потерпитъ, не допуститъ Филиппъ II, такъ какъ его подданные издавна уже вели прибыльную для нихъ торговлю съ русскими.

Любопытно, чо Сигизмундъ приводилъ въ оправданіе практикованшейся имъ каперской системы захвата всѣхъ иностранцевъ, юдившихъ въ Нарву. Предъ нами письмо его къ Маргаритѣ отъ 13 сент. 1567 года. И въ этомъ письмѣ знакомая уже намъnota. ценскреннія. плохо вижущаяся съ образомъ мыслей короля: „Ведя войну тяжелую и опасную, пишетъ онъ, съ московскимъ и шведскимъ государями, варварами, схизматиками и тиранами, онъ уже неоднократно запрещалъ провозить черезъ свои земли какіе либо предметы своимъ врагамъ; легко понять, какъ усиливается Московитъ, врагъ Польши и всего христіянства, пока его поддерживаютъ европейскіе торговцы; онъ съ каждымъ днемъ становится опаснѣе. Не смотря на это, многіе торговцы изъ личныхъ выгодъ старались обойти наши постановленія и продолжали сноситься съ нашимъ врагомъ, цѣпя свои интересы выше общаго блага всего христіянства“ (реди арестованныхъ торговцевъ, какъ видно изъ докладовъ польскихъ консуловъ въ Данцигѣ, некоторые оказались подданными испанскаго правительства; это поразило короля тѣмъ болѣе, чо онъ, какъ знаетъ и сама правительница, всегда съ особенной заботливостью относился къ выгодамъ Нидерландцевъ, высоко цѣнилъ дружбу съ Испаніей. Въ виду того, чо Сигизмундъ все еще преисполненъ дружбы и расположенія къ испанскому королю, онъ просилъ Маргариту, впервыхъ, не лишать его подданныхъ, данцигскихъ торговцевъ, тѣхъ привилегій, какими они издавна пользовались въ Нидерландахъ, а вовторыхъ, запретить своимъ подданнымъ подвозить русскимъ оружіе и провіантъ, доставлять имъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей. Въ заключеніе король говорилъ: если онъ рѣшился не допускать сношений съ русскими, то главнымъ образомъ

не изъ-за собственныхъ выгодъ, а ради спасенія всѣхъ христіанскихъ государей, которые не устоять противъ Москвы. какъ скоро она усвоить военное искусство западной Европы. Достанутъ русскимъ съѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ людей тѣмъ опасище, что *руsskіе все быстро усваиваютъ легко постигаютъ*, стоитъ имъ лишь разъ показать.

Итакъ, благо всего христіанства—вотъ движущій мотивъ всей политики Сигизмунда. Любопытно, что Сигизмундъ не выдержалъ до конца взятаго имъ тона; въ послѣдніхъ строкахъ письма онъ проговаривается, говоря, что въ видахъ *самосохраненія* опасается развитія военного дѣла въ Москвѣ. Усваивая себѣ съ необыкновенною быстротою всѣ пріемы западно-европейской военной тактики, русскіе безъ труда могли справиться съ разъединенными польско-литовскими войсками; устоять въ борьбѣ съ Россіей, которой достаточно было лишь нѣсколько уроковъ западныхъ учителей, будеть трудно. невозможно для Польши—вотъ истинная причина всѣхъ дипломатическихъ маневровъ Сигизмунда, не всегда искусно и умѣло прикрывавшаго свою цѣль фразами обѣ общемъ благѣ всего христіанства и т. д.

Какъ Маргарита, такъ и Филиппъ II мало тронулись риторическими краснорѣчивыми пріемами вѣнценоснаго дипломата и сами прибѣгли къ репрессаліямъ. Альба рѣзко заявилъ Сигизмунду, что дѣйствія его пиратовъ беззаконны и могутъ вызвать месть со стороны его государя. 23-го марта 1568 года онъ писалъ Сигизмунду, что одинъ голландскій корабль, потерпѣвшій крушеніе, былъ захваченъ пиратами польского короля. Думая, что корабль этотъ шелъ изъ Нарвы. Поляки велѣли стрѣлять по нему. Когда начальнику польской пиратской эскадры заявили, что голландскій корабль не изъ Нарвы, онъ все-таки велѣлъ сдѣлать еще нѣсколько выстрѣловъ въ него; убить былъ одинъ изъ голландскихъ моряковъ, капитанъ же корабля, Эбертъ Адріансонъ, съ товарищами выпуждены были прибѣгнуть къ вооруженной защите, но, конечно, должны были уступить численно превосходившему ихъ противнику; ихъ взяли въ пленъ и содержали подъ самымъ строгимъ надзоромъ¹⁾.

¹⁾ Брюсс. арх. Correspondance du duc d'Albe avec Sigismond II Roi de Pologne 1569—71. Альба Сигизмунду II (дупликатъ Данцигу), 23-го марта 1568: Da hate sich zugetragen, das Ime sinss von E. Kun. W. Kriegsschiefe die sij bey jetzt werender Irer Kriegsvbung wider den Moscowiter zu verhinderung vnd abwehrung der Schiffart usf die Nerua vnd andere daselbst vmbliegende ortter in Russlandt jn die Sehe bey Danzig aussgemacht vnd verordnet. usfgeslossen, wel-

Вотъ одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ самоволія польскихъ пиратовъ. Сигизмундъ долгое время представлялъ дѣло такъ, будто эти пираты дѣйствуютъ въ интересахъ Данцига, Данцигомъ поставлены на морѣ, и поэтому наиболѣе сильные удары ожидали въ Нидерландахъ данцигскихъ купцовъ. Король искугался Альбы, вѣльзъ своимъ комиссарамъ разсмотрѣть дѣло Адриансона, который и былъ оправданъ и за все потери, ему причиненные, возлагражденъ.

Подробно разсмотрѣвши нами отношенія Польши къ Данцигу сдѣлаютъ понятными старанія этого города вмѣстѣ съ номерапскими и др. ганзейскими городами, добиться мира въ сѣверной Европѣ. Но номерапскимъ городамъ роль мирныхъ посредниковъ не представляла затрудненія, такъ какъ и герцоги вмѣстѣ съ ними жаждали мира; Данцигъ-же во всѣхъ своихъ стараніяхъ встрѣчался съ упорнымъ нежеланіемъ Сигизмунда даровать Швеціи мира. Въ то время, какъ ганзейские города и Померанія прилагали свое стараніе къ подворенію мира въ сѣверной Европѣ, континентъ этимъ мирнымъ попыткамъ создавались „революционно“ партіей въ Германіи. Ея представителями. Іоанну Фридриху саксонскому, Грумбаху и Христинѣ лотарингскойничто не было менѣе желательно, какъ миръ между Данцигомъ и Швеціей; война ихъ была имъ выгодна, они надѣялись воспользоваться ею для своихъ плановъ и замысловъ противъ императора и Августа саксонского. Знаменитое Лотарингско-Грумбаховское движение во второй своей стадіи представляетъ цѣлый рядъ любопытныхъ дипломатическихъ моментовъ.

Г. Форстенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ches haubtman auss eytelern wahn vnd vermauthung, das gemelte suppl. Schiff von der Nerua, oder andern Reussischen Ortern gekommen were, also bald zwee Schuess in jre der Suppl. Schiffe thuen vnd nach Veindes gebrauch uff der Sehe die Segel zustrichen ruffen lassen, welchem er Suppl. zu erzaigung, das Er kain veindt als bald gehorsamst vnd seine Mast Seiler sinckhen vnd darbey jm haubt man was sein begern seie, angeschrien, vnd wol verhofft hette, Er solte ine daruber nach altem vblichen gebrauch vnd gewonheit Sehe weiter nicht vergewaltigt oder beschwerdet haben, so hette Er haubtman doch ausserhalb Rechtes vnd ohn ainiche befuegne vrsach noch 3 Schuess in ir der Suppl. Schiff thuen lassen, daraus erfolgt, das nachdem einer von den schiffleuten erschossen t. d. „in harter gefenghnus enthalten“.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Идеалистическое направление въ славянской наукѣ.

- И. М. Собѣтіанскій.* Ученія о национальныхъ особенностяхъ характера и юридического быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892.
- Д. И. Багалъї.* Къ исторіи учений о бытѣ древнихъ Славянъ. (Критическая оценка книги проф. Собѣтіанского). Кіевъ. 1892.
- А. Н. Деревицкій.* Сообщеніе о диссертатіи г. Собѣтіанскаго въ Харьковскомъ университете. (*Историческое Обозрѣніе*, т. V., стр. 179—191).

Судьбы славянской исторической науки изучались до сихъ поръ очень мало, служили темою болѣе для историко-литературныхъ очерковъ, чѣмъ научныхъ изслѣдованій, необходимость которыхъ вызывается тою справедливой мыслью, что наука развивается также органически, какъ и объекты ея изслѣдований; поэтому изученіе исторіи науки должно служить однимъ изъ залоговъ ея будущихъ успѣховъ.

Славянскую исторіографію до сихъ поръ любить называть наукой молодою, хотя она уже имѣть свою исторію, очень интересную и поучительную. Изученію одного направлѣнія, одного воззрѣнія въ славянской исторіографіи посвящена и книга проф. И. М. Собѣтіанского, диссертациія на степень доктора государственного права, защита которой, по словамъ г. Деревицкаго, представляла выдающееся явленіе въ ученой жизни Харьковского университета, и которая подверглась очень рѣзкому осужденію въ брошюре проф. Багалъї.

Проф. Собѣтіанскій такъ опредѣляетъ въ предисловіи задачу своего труда: „вопросъ о характерѣ древнихъ славянъ, объ ихъ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ принадлежитъ къ числу самыхъ запутанныхъ въ славянской исторической литературѣ. Между тѣмъ не подлежитъ

сомнѣнію, что правильное выясненіе этого важного отде́ла славянскихъ древностей является главнымъ условіемъ успешной разработки не только исторіи первобытнаго славянскаго права, но и древнеславянской исторіи вообще. Господствующій нынѣ взглядъ на характеръ древнихъ славянъ можно назвать сентиментально-поэтическимъ. Но слѣдователи его рисуютъ намъ нашихъ предковъ въ крайне идеализированномъ видѣ, имѣющемъ мало что общаго съ дѣйствительностью. Такой взглядъ выработался въ наукѣ подъ влияніемъ причинъ главнымъ образомъ политического характера. Выяснить эти причины, показать, какъ подъ ихъ влияніемъ сложилась господствующая въ наукѣ характеристика древнаго славянства, на сколько, далѣе, характеристика эта соответствуетъ дѣйствительности, и почему высказываемые время отъ времени трезвые взгляды на этотъ предметъ не имѣли успѣха— вотъ задача настоящаго труда¹. Такимъ образомъ г. Собѣстіанскій поставилъ себѣ въ сущности двѣ задачи: представить исторію такъ называемаго сентиментально-поэтическаго взгляда на древнихъ славянъ и, такъ какъ онъ признаетъ этотъ взглядъ господствующимъ въ наукѣ и ложнымъ, то доказать его несостоятельность, то-есть, подвергнуть быть и характеръ славянъ самостоятельному изученію. Обѣ эти задачи при всей своей взаимной близости на столько, однако, самостоятельны, что могутъ послужить каждая темою особаго труда. Но уже изъ оглашения книги видно, что центръ тяжести всего труда заключается въ первой задачѣ; обозрѣнію ученій посвящены 6 главъ первой части и 3 главы второй, и только по одной главѣ въ каждой части отведено „свидѣтельствамъ источниковъ“. Сентиментально-поэтическое воззрѣніе на столько глубоко, по мнѣнію автора, проникло въ науку, что изучать его исторію значитъ изучать общий характеръ славянской науки вообще²). Мы совершенно несогласны съ г. Багалѣемъ, который, упрекая проф. Собѣстіанскаго за то, что онъ увлекся исторіей ученій, утверждаетъ, „что она представляетъ интересъ не столько сама по себѣ, сколько для уясненія древне-славянского быта“³). И сама по себѣ исторія науки и отдельныхъ ученій такъ же интересна и важна, какъ и изслѣдованіе научныхъ вопросовъ; исторію вопроса можно съ полнымъ правомъ отде́лить отъ его решенія; вообще недостатки книги г. Собѣстіанскаго заключаются не въ ея замыслѣ, хотя онъ и остается нѣсколько двойственнымъ, а въ исполненіи.

¹) Ист. Обозр., т. V, стр. 187.

²) Къ тойкіи ученій бытъ древнихъ славянъ,

Остановимся еще на минуту на приведенной выпискѣ изъ предисловія. Не понятно, почему г. Собѣстіанскій вопросъ о характерѣ древнихъ славянъ, обѣ ихъ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ считаетъ только отдельомъ, хотя и важнымъ, славянскихъ древностей. Вѣдь характеръ, бытъ, нравы и обычай и составляютъ весь кругъ содержанія этой дисциплины.

Книгу свою г. Собѣстіанскій раздѣлилъ на двѣ части: первую посвятилъ обзору ученій и свидѣтельствамъ источниковъ о характерѣ древнихъ славянъ, вторую—обѣ ихъ юридическомъ бытѣ. Д. И. Багалѣй справедливо указываетъ на невыдержанность этого дѣленія и его неудобство, заставляющее г. Собѣстіанскаго излагать иѣкоторыя ученія въ обѣихъ частяхъ¹⁾; но этого мало. Намъ кажется, что отдельить изученіе характера отъ изученія юридического быта *древнихъ славянъ* невозможно въ принципѣ. Народъ, стоящій на первыхъ ступеняхъ культуры, тѣмъ и отличается отъ своихъ старшихъ братьевъ, что его бытъ не отлился еще въ юридической формѣ. Если по отношенію къ народу высоко-культурному терминъ *юридический бытъ* можетъ обозначать только одну сторону его жизни, то по отношенію къ народу малокультурному онъ уже теряетъ свою опредѣленность и охватывается всѣ стороны быта. Г. Собѣстіанскій, доказывая, что древнимъ славянамъ неизвѣстны были начала безусловнаго равенства и всеобщаго братства, приводитъ многочисленныя свидѣтельства о широкомъ распространеніи рабства у славянъ, обѣ обычай многоженства, умерщвленія новорожденныхъ и дряхлыхъ стариковъ (стр. 198—205). Всѣ эти явленія, рисующія прежде всего характеръ народа, конечно, могутъ быть подведены и подъ категорію юридического быта, если брать послѣдній въ самомъ широкомъ смыслѣ, а не въ томъ специальному, въ какомъ его употребляютъ, напримѣръ, по отношенію къ римскому рабству и семье. Наконецъ, именно въ юридическомъ бытѣ и должно искать особенностей національного характера.

Тотъ фактъ, что идеализированный взглядъ на древнихъ славянъ выработался въ наукѣ подъ влияніемъ причинъ, главнымъ образомъ, политического характера, показываетъ, какъ широко должна быть поставлена задача его изученія; изслѣдователь не можетъ ограничиться специально научными трудами и параллельно съ ними долженъ изучать и политическое положеніе общества и господствующія въ немъ настроения, вліявшия на ходъ науки. Но въ книгѣ г. Собѣстіанскаго,

¹⁾ Ibidem, 13.

если исключить нѣкоторыя отрывочные фразы, совершенно нѣтъ цѣльного очерка *политическихъ* причинъ, обусловившихъ известное направление исторіографіи, какъ нѣть и характеристики враждебной славянству нѣмецкой литературы; отъ детальнаго изученія ея онъ былъ въ правѣ, конечно, уклониться, но указать ея вліяніе на славянскую литературу было его прямой задачей.

Въ шести главахъ первой части г. Собѣстіанскій излагаетъ ученія о характерѣ славянъ нѣкоторыхъ писателей XVIII вѣка, главнымъ образомъ Антона, потомъ Гердера, Суровецкаго, Карамзина, Шафарика, Ваделя, Мандельсона, Шуйскаго, русскихъ славянофиловъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ. Исторія всѣхъ изложенныхъ ученій распадается на двѣ эпохи, рубежемъ которыхъ служитъ появившееся въ 1791 г. сочиненіе Гердера „Идеи къ философіи истории человѣчества“ „Славистамъ прошлаго столѣтія.—говорить г. Собѣстіанскій,—была чужда идея объ особенныхъ національныхъ чертахъ древне-славянского характера. Представленная ими характеристика „тревнаго славянства была результатомъ объективнаго изученія источниковъ... Новая эпоха открылась съ появлениемъ въ свѣтѣ ученія Гердера о національныхъ особенностяхъ отдѣльныхъ племенъ“ (стр. 9). Профессоръ Дриновъ указалъ г. Собѣстіанскому, что такихъ писателей, какъ Мавро Орбина, Ломоносова, отчасти Татищева, нельзя помыслить въ число славистовъ, потому что они имѣли о славянахъ весьма смутное представленіе¹⁾). Такимъ образомъ, изъ „трезвыхъ“ славистовъ прошлаго вѣка остается одинъ Аントонъ. Но уже изъ краткаго изложенія сочиненія послѣдняго „Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse“ видно, что характеристика г. Собѣстіанскаго не совсѣмъ вѣрна дѣйствительности. Правда, Антонъ говоритъ и о храбrosti и воинственности славянъ, но онъ отмѣчаетъ, что эти качества славяне обнаружили только въ известный періодъ своей исторіи: „нѣкогда покорные и заслоняемые другими народами, они вдругъ вырываются на свободу и предаютъ пламени большую часть Европы“²⁾). Жестокость славянъ въ иныхъ случаяхъ объясняется вліяніемъ нѣмцевъ. Даѣше Антонъ отмѣчаетъ, какъ отличительную черту древнеславянского характера, гостепріимство, въ чёмъ славяне преосходили нѣмцевъ, заботу о бѣдныхъ и отсутствие воровства. Терпінъ *правыj*.

¹⁾ Сообщеніе Деревицкаго (*Ист. Обозр.*, V 180).

²⁾ Собѣстіанскій, 5—6.

которымъ славяне, отличавшися высокой справедливостью, называли все хорошее и благородное, перенесенъ къ нѣмцамъ въ формѣ *braf*, *brawe*. Наконецъ, обычай человѣческихъ жертвоприношений Антонъ объясняетъ, какъ позднѣйшее заимствованіе у нѣмцевъ¹⁾). Такимъ образомъ, виднѣйший славистъ прошлаго вѣка, вопреки утвержденію г. Собѣстіанскаго, не только не отрицалъ национальныхъ особенностей древне-славянского характера, но явно ихъ идеализировалъ въ сравненіи съ нѣмцами.

Ученію Гердера о древнихъ славянахъ, какъ типѣ мирной, гуманной вародности, изложеному во второй главѣ, г. Собѣстіанскій присыпываетъ, какъ уже сказано, самое рѣшительное вліяніе на послѣдующихъ славистовъ. Прамыхъ фактовъ въ доказательство вліянія Гердера онъ приводить всего два: напечатаніе разсужденія Гердера въ журналѣ Добровскаго *Slavon* и въ „Грамматикѣ славянскаго языка“ Копитара. Къ этому можно прибавить еще одинъ фактъ: въ 1838 г. разсужденіе Гердера было переведено на польскій языкъ И. В. Быховцемъ²⁾). Рѣшительное утвержденіе автора, что въ трудахъ Суровецкаго „Гердеровское ученіе о характерѣ древняго славянства получило свою окончательную формулировку и въ такомъ исправленномъ и дополненномъ видѣ было усвоено Шафариковъ, а вслѣдъ за нимъ и другими славистами“ (стр. 25), — вызвало возраженіе со стороны гг. Дринова и Багалѣя, указавшихъ на ученную самостоятельность Суровецкаго, никогда не ссылающагося на Гердера, и на ту цѣль, которую онъ преслѣдовалъ въ нѣкоторыхъ своихъ трудахъ,—возбудить интересъ къ изученію славянскихъ древностей и указать на материалъ³⁾). Въ общемъ г. Собѣстіанскій, конечно, правъ, когда отмѣчаетъ идеализацію древняго славянства въ трудахъ Суровецкаго, Шафарика и другихъ, но на это были причины и помимо Гердера. Такъ онъ нѣсколько разъ называетъ Гебгарди, съ которымъ полемизируютъ и Суровецкій и Шафарикъ, но ни о самомъ Гебгарди, ни о томъ возврѣніи нѣмецкой исторіографіи, выразителемъ котораго онъ былъ, читатель книги г. Собѣстіанскаго не вносить никакого представленія; а между тѣмъ объясненіе идеализаціи славистовъ реакцией нѣмецкимъ историкамъ напрашивается само собою. Точно также остаются не выясненными и политическая причины, которымъ авторъ присыпалъ такое значеніе въ предисловіи.

¹⁾ Ibidem,

²⁾ *Pomysły do filozofie dziejowej rodu ludzkiego*, Вильна, 1838.

³⁾ *Ист. Обозр.*, V 181; „Къ исторіи ученій...“, 17.

Глава пятая, посвященная Шафарiku, проникнута явною тенденцией—разъянить автора „Славянскихъ древностей“ и до некоторой степени оправдать отзывъ о немъ Добровского: „Шафарикъ—жалкий компилиаторъ и фразеръ“ Не останавливаемся на этой главѣ, потому что значеніе ея совершенно уничтожено критическими замѣчаніями профессоровъ Дринова и Багалля. И послѣ книги г. Собѣстіанскаго Шафарикъ останется чистъ отъ обвиненій и въ плагіатѣ изъ труда Коллара, и въ волюющихъ противорѣчіяхъ, и въ желаніи разрѣшить неразрѣшимую задачу: доказать въ одно и то же время и воинственность и невоинственность древнихъ славянъ¹⁾.

Въ той же главѣ, по поводу рѣзкаго отзыва о Шафарикѣ Добровскаго, г. Собѣстіанскій пишетъ: „весьма возможно, что такой строгий приговоръ Добровского вызванъ былъ главнымъ образомъ знакомствомъ съ занимающей насъ V главой. Добровскій, руководившися въ своихъ научныхъ трудахъ однимъ лишь желаніемъ доискаться истины и всегда возстававшій противъ всякаго рода научныхъ поддѣлокъ, не могъ не вознегодовать, когда послѣ столь много обѣщавшаго введенія Шафарика, онъ, вмѣсто самостоятельного научнаго изслѣдованія, встрѣтился съ нѣмецкимъ переводомъ церковныхъ проповѣдей Коллара“ (стр. 45—46). Вотъ все, что нашелъ нужнымъ сказать авторъ о Добровскомъ, этомъ патріархѣ славянской науки, какъ онъ самъ его называетъ. Не говоря уже о томъ, что безъ знакомства съ энциклопедической дѣятельностью Добровского нѣть возможности дать вѣрную характеристику славянской науки въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка,—изложеніе взглядовъ Добровского на древнихъ славянъ было существенно необходимо для г. Собѣстіанскаго потому, что Добровскій былъ главой того критическо-научнаго направленія, отсутствие которого въ славистикѣ совершенно напрасно оплакивается въ разбираемомъ труде. Вообще изо всѣхъ многочисленныхъ недочетовъ въ книгѣ г. Собѣстіанскаго невниманіе къ Добровскому представляется намъ наиболѣе непростительнымъ. Съ несравненно болѣшимъ правомъ авторъ могъ бы отказаться отъ изложенія взглядовъ Карамзина (гл. 4-я), не отличавшагося самостоятельностью въ области славистики и даже древней русской исторіи. Если нельзя не согласиться съ г. Собѣстіанскимъ, что глава Карамзина о характерѣ и нравахъ древнихъ славянъ близко подходитъ къ ученію Антона, то потому только, что оба они одинаково сгруппировали въ своихъ трудахъ всѣ

¹⁾ Ист. Обозр., т. V, 182; Багалль, 40—45.

известных имъ данныхъ о древнихъ славянахъ и не принадлежали къ одному определенному направлению, какъ думаетъ г. Собѣстіанскій и какъ несправедливо обвинили Карамзина западные слависты¹).

Такое же несоответствие въ иложении встрѣчается и въ шестой главѣ, трактующей о литературѣ послѣ Шафарика. Пять страницъ текста отведено не имѣющей никакого научного значенія книгѣ Воделя, представляющей популяризацию данныхъ Зеленогорской и Кралеворской рукописей; на одной страницѣ выписаны самыя общія и мало-значащія фразы изъ исторіи славянскихъ законодательствъ Маньйовскаго, а его замѣчательное разсужденіе о методахъ изученія національного характера древнихъ славянъ отнесено въ приложение и не удостоено ни одного слова комментарія²).

Слѣды того же сентиментальчаго взгляда г. Собѣстіанскій указываетъ и въ трудахъ позднѣйшихъ польскихъ историковъ. Шуйскаго, Бобржинскаго и Богуславскаго. Здѣсь авторъ односторонне представилъ воззрѣнія Бобржинскаго. Въ приведенной цитатѣ Бобржинскій не только не идеализируетъ древнихъ славянъ, но, наоборотъ, скрѣпляетъ ихъ недостатки. Сказавъ о мирномъ образѣ жизни славянъ, мирномъ по необходимости, потому что славяне не могли и мечтать о томъ, чтобы сравняться съ германцами и вступить съ ними въ борьбу изъ-за той роли, которую послѣдніе начали играть на исторической сценѣ, Бобржинскій выставляетъ на видъ, что славяне не выработали въ себѣ уваженія къ закону и деспотической власти, они не понимали значенія той силы, какую даютъ внутренняя дисциплина и солидарность: далѣе, наряду съ кротостью, гостепріимствомъ, благородствомъ онъ отмѣчаетъ и легкомысліе, нецелесообразность, беспечный оптимизмъ безъ заботы о завтрашнемъ днѣ³). Но главное—то, что Бобржинскій все сказанное относитъ только къ *одной* известной эпохѣ исторіи славянъ; предшествовалъ этой эпохѣ военно-кочевой образъ жизни, когда славяне вытѣшили остатки германцевъ въ восточной Европѣ. Для Бобржинскаго периодъ мирной жизни кажется даже ненормальнымъ; онъ называетъ его периодомъ „солнечки“, отъ которой славяне были снова пробуждены къ жизни и дѣятельности звукомъ нѣмецкаго оружія⁴).

¹) С. также замѣчанія г. Воделя, 44—46.

²) Г. Собѣстіанскій, стр. 60—64 и прим. 119.

³) Г. Собѣстіанскій, 247—248.

⁴) Очеркъ исторіи Польши. I. стр.

Заканчивается шестая глава коротеньkimъ, въ семь страницъ, обзоромъ русской научной литературы. Здѣсь центромъ идеализаціи славянства было, конечно, славянофильство, явленіе, мало и недостаточно изученное научно. Г. Собѣтіанскій болѣе подробно излагаетъ ученія славянофиловъ во второй части своей книги, здѣсь же ограничивается голословнымъ и совершенно невѣрнымъ заявленіемъ, что исходной точкой сочиненій нашихъ славянофиловъ сдѣгалось западнославянское ученіе о кроткомъ, пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ (стр. 72). Если ученіе нашихъ славянофиловъ соприкасалось въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ воззрѣніями западной славистики, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно было заимствовано. Не смотря на то, что славянофильство до сихъ поръ было предметомъ болѣе публицистической, чѣмъ научной оцѣнки, одно несомнѣнно, что оно развилось у насъ самостоятельно на широкомъ основаніи германской философіи.

Слѣды того же идеализированного взгляда г. Собѣтіанскій указываетъ въ трудахъ Соловьевъ, Кавелина, Бестужева-Рюмина и въ общихъ курсахъ исторіи Петрова и Осокина. Изъ числа ученыхъ, протестовавшихъ противъ идеализаціи славянства, называются Венелинъ, Дриновъ и Иловайскій. Но, не смотря на протесты нѣкоторыхъ ученыхъ, сентиментально-идеалистическое отношеніе къ древнему славянству остается господствующимъ,—таковъ главный выводъ изъ первой части книги г. Собѣтіанскаго, возбуждающій крупныхъ недоразумѣнія. Читателю остается непонятнымъ, что собственно разумѣеться авторъ подъ именемъ „сантиментально-поэтическій взглядъ“ и въ какомъ смыслѣ надо признавать его господствующимъ? Г. Собѣтіанскій одинаково говоритъ о широкой и тенденціозной идеализаціи славянства у Гердера, въ школѣ Шафарика, въ ученіи славянофиловъ, и о тѣхъ фразахъ въ трудахъ Соловьевъ, Кавелина и Бестужева-Рюмина, где говорится преимущественно о мирныхъ свойствахъ славянъ. Но изображать славянъ мирнымъ народомъ еще не значитъ идеализировать ихъ; мы видимъ, что Бобржинскій прямо приписываетъ мирнымъ свойствамъ славянъ и отрицательное значеніе. Точно такъ же смотрить на семейный бытъ русскихъ славянъ Кавелинъ: „здѣсь (то-есть, въ семейномъ быту) человѣкъ какъ-то расплывается; его силы,ничѣмъ не сосредоточенные, лишены упругости, энергіи и распускаются въ морѣ близкихъ, мирныхъ отношеній. Здѣсь человѣкъ убаюкивается, предается покою и нравственно дремлетъ“. Не надо забывать, кромѣ того, что Кавелинъ и Соловьевъ говорятъ только о русскихъ славя-

нахъ, и ври томъ съ точки зрењія родового быта. Наконецъ, Бестужевъ-Рюминъ ясно говоритъ, что славяне далеко не были лишены воинственности¹⁾). Такимъ образомъ, хотя позднѣйшіе писатели и характеризуютъ славянъ тѣми же чертами, что и представители старыхъ школъ, однако въ общихъ возврѣніяхъ между тѣми и другими наблюдается громадная разница, не позволяющая объединять ихъ подъ знаменемъ одного идеалистического направления. Съ этой точки зрењія говорить о господствѣ идеализаціи въ наукѣ нельзя.

Отвѣчая на возраженія профессора Дринова, г. Собѣстіанскій разъяснилъ, „что если въ своей книгѣ онъ и указываетъ на противоположность между двумя группами ученыхъ, то дѣлаетъ это различие, имѣя въ виду исключительно ихъ отношеніе къ вопросу о воинственности и насилии славянъ, какъ прирожденномъ свойствѣ послѣднихъ. Ученые первой категоріи („трезвые“) смотрѣли на этотъ вопросъ болѣе широко и считали воинственность принадлежностью (?) всѣхъ первобытныхъ народовъ, въ томъ числѣ и славянъ, а ученые второй категоріи въ мирномъ характерѣ славянъ видѣли отличительное свойство самой ихъ натуры“²⁾). Но при такой постановкѣ вопроса авторъ попадаетъ въ очень неловкое положеніе: онъ долженъ въ такомъ случаѣ въ рады сторонниковъ сентиментально-поэтическаго направленія поставить ихъ непримиримыхъ враговъ, нѣмецкихъ историковъ, которые вѣдь тоже отвергали у славянъ воинственность и способность къ самостоятельной и энергичной дѣятельности. Противъ этого нѣмецкаго взгляда борется Забѣлинъ въ „Исторіи русской жизни“ тоже доказывающій воинственность славянъ. Итакъ, выходитъ, что слависты опровергали нѣмцевъ, которые въ сущности съ ними были согласны, а историкъ, опровергающій нѣмцевъ, въ то же время не согласенъ и съ славистами. Получается *qui pro quo*, которое не легко распутать.

Такая же путаница выходитъ въ опредѣленіи понятія „господствующей“. Въ своей вступительной рѣчи докторантъ ясно опредѣлилъ, что его цѣлью было указать на важнѣйшія заблужденія *новѣйшихъ ученыхъ*³⁾). Между тѣмъ въ первой части книги изложеніе ученій о характерѣ славянъ онъ прерываетъ на Погодинѣ, во второй части изложеніе ученій обѣ общинѣ—на К. Аксаковѣ; что же ка-

¹⁾ Цитаты у г. Собѣстіанскаго, 251—245.

²⁾ *Ист. Обозр.*, V, 181.

³⁾ *Ibidem.* 180.

сається трудовъ позднѣйшихъ ученыхъ, то здѣсь самъ авторъ гово-
ритъ только о вліяніи извѣстнаго направлениія, а не о господствѣ.

Не выяснивъ въ точности понятія „сентиментально-поэтическаго
направленія“ произвольно отождествивъ его съ учениемъ о преиму-
щественно мирныхъ свойствахъ славянъ, авторъ впаль въ грубое
заблужденіе, признавъ идеалистическое направление господствующимъ
въ новѣйшей литературѣ.

Наконецъ, г. Собѣтіанскій не выполнилъ еще одной задачи. Въ
предисловіи онъ обещаетъ выяснить, „почему высказываемые время
отъ времени трезвые взгляды на этотъ предметъ (то-есть, характеръ и
быть славянъ) не имѣли успѣха“, но въ текстѣ оставляетъ этотъ
вопросъ совершенно безъ вниманія.

Къ главѣ седьмой, содержащей „свидѣтельства источниковъ“ о ха-
рактерѣ славянъ, критики—гг. Остроумовъ, Вязигинъ и Багалѣй, от-
неслись, по нашему мнѣнію, слишкомъ строго, предъявляя къ ней
требованія, какъ къ критическому изслѣдованію¹⁾. Цѣль г. Собѣтіан-
скаго была очевидно болѣе скромная; онъ желалъ сгруппировать извѣ-
стія источниковъ о воинственности славянъ, опровергающія господ-
ствующій въ науцѣ взглядъ. Но таъ какъ послѣднее мнѣніе есть
только недоразумѣніе, то и седьмая глава теряетъ свое *raison d'etre*.

Переходимъ ко второй части, излагающей ученыи о національныхъ
особенностяхъ юридического быта древнихъ славянъ. И здѣсь авторъ
сосредоточиваетъ все свое вниманіе на идеалистическомъ учени, оста-
вляя на заднемъ планѣ другія направлениія, благодаря чему впадаетъ
въ ту же односторонность и тѣ же ошибки, какъ и въ первой части.
Честь правильнаго пониманія древне-славянскаго юридическаго быта
приписывается только двумъ ученымъ прошлаго вѣка, Татищеву и
Болтину, которые на основаніи сравнительного метода объяснили сход-
ство юридического быта древнихъ народовъ не заимствованіями, а
аналогичнымъ творчествомъ. Но наука не удержалась на этой пра-
вильной точкѣ зрѣнія и попала двумъ ложными путями: одно, немец-
кое, направлениѣ стало доказывать усвоеніе германскаго права славя-
нами; другое, славянское, идеалистическое, отстаивало полную само-
бытность славянскаго права и оставалось неопровергнутымъ до по-
явленія книги г. Собѣтіанскаго. Слѣдовательно, славянская юриди-
ческая наука съ прошлаго вѣка не только не сдѣлала никакихъ успѣ-

¹⁾ Ист. Обозр., 1, 188—190; Багалѣй, 19—27.

ховъ, но неизмѣнно регрессировала. Къ такому странному заключенію приходитъ читатель второй части разбираемаго труда.

Возникновеніе идеалистического учения о древнеславянскомъ правѣ г. Собѣтіанскій приписываетъ вліянію того же Гердера, безъ всякихъ фактическихъ на то доказательствъ, и не придаетъ значения цѣлому ряду такихъ фактovъ, которые стоятъ въ прямой связи съ развитіемъ славянской юридической науки. Первый толчекъ къ учению о самобытности славянскаго права былъ данъ изданіемъ самихъ древнихъ памятниковъ, а не априорными построеніями нѣмецкихъ и французскихъ философовъ. Первое, что бросилось въ глаза ученымъ,—говорить г. Собѣтіанскій,—при ознакомленіи съ этими памятниками (Русской Правдой и Судебникомъ), было ихъ сходство съ законами древнихъ германцевъ” (стр. 100). Вотъ въ этомъ-то сходствѣ и заключается первая причина того, что извѣстная группа ученыхъ стала отстаивать самостоятельность славянскаго права въ то время, какъ другая школа объяснила сходство рецензіей германского права. Затѣмъ авторъ не разъ говорить о ссылкахъ ученыхъ на подложныя Зеленогорскую и Краледворскую рукописи, но совершенно умалчиваетъ о спорѣ по вопросу обѣ ихъ подлинности; а не познакомивъ читателя съ исторіей этого спора, онъ не смогъ оцѣнить и ту роль, которую сыграли знаменитыя рукописи въ славянской наукѣ.

Другою кореннюю причиной, побуждавшею защищать самобытность славянскаго права, было появленіе той школы, производившей славянское право отъ германскаго, которую авторъ называетъ нѣмецкою. Онъ упоминаетъ о ней въ такихъ же общихъ и неопределенныхъ выражениахъ, какъ и о тѣхъ нѣмецкихъ историкахъ, съ которыми полемизировали Суровецкій и Шафарикъ. Но тѣхъ и другихъ надо строго различать, потому что вліяніе ихъ на славянскую науку было разное. Тогда какъ писатели въ родѣ Гебгарди явно руководились національными антипатіями, послѣдователи Шлѣпера были представителями строго-научнаго, критического направлѣнія, благодаря чему они нашли себѣ не мало сторонниковъ и въ славянской наукѣ: въ польской—Чацкаго, Бандке, Нарушевича, въ русской—Эверса и Погодина. Послѣднему его крайній норманизмъ не мѣшалъ быть въ то же время самымъ горячимъ патріотомъ,—прямое доказательство того, что вопросъ обѣ отношеніяхъ славянскаго права къ германскому совсѣмъ не имѣть острого и жгучаго характера. Если для Суровецкаго и Шафарика защита древнихъ славянъ отъ нападеній нѣмецкихъ историковъ была дѣломъ національной чести, то для сторонниковъ самобытности сла-

ванско право этот вопросъ былъ прежде всего вопросомъ науки, и говорить о стремлении къ идеализации въ послѣднемъ случаѣ надо очень осторожно.

Но значеніе измѣцкой науки для славистики не ограничивалось только тѣмъ, что она вызывала протесты своимъ одностороннимъ решеніемъ вопроса. Въ тридцатыхъ годахъ въ западно-европейской науки начинаетъ утверждаться ученіе Пухты о национальности права, о народномъ убѣжденіи, какъ его источникѣ. Еслибы г. Собѣстіанскій направилъ въ эту сторону свое изслѣдованіе, онъ, вѣроятно, не сталъ бы такъ чрезмѣрно преувеличивать вліяніе Гердера и Руссо.

Но въ ряду съ собственно-научнымъ направленіемъ дѣйствительно существовало направленіе идеалистическое, основанное на априорныхъ философско-политическихъ точкахъ зренія, и г. Собѣстіанскій вполнѣ правъ, ставя во главѣ этого направленія польскую исторіографію, преимущественно школу Лелевеля. Но, считая идеи Руссо источникомъ Лелевелевской теоріи общинного быта, онъ впаль въ обычную для него односторонность. Правда, отиѣчая на возраженія профессора Стоянова, не удовольствовавшагося приведеннымъ доводами въ пользу тѣсной связи Лелевелевского ученія съ доктриною женевского философа и указавшаго на возможность воздействиа со стороны германской философіи и науки, г. Собѣстіанскій заявилъ, что на Руссо онъ остановился, какъ на главномъ виновникѣ ученія объ общинномъ бытѣ¹⁾. Но на столько ли были маловажны другие второстепенные факторы образованія этого ученія, чтобы ихъ можно было пройти молчаніемъ въ „историко-критическомъ изслѣдованії“? Бобржинскій въ своей характеристицѣ исторической школы Лелевеля, цитируемой и г. Собѣстіанскимъ, обрисовалъ ее гораздо глубже и разностороннѣе: онъ указалъ на вліяніе политическихъ отношеній, которымъ самъ г. Собѣстіанскій въ предисловіи объщался выставить на первомъ мѣстѣ, на вліяніе доктринъ чешской исторіографіи, основанныхъ на данныхъ подложнаго чешскаго эпоса, на скудость и неразработанность источниковъ, на отсутствіе правиль исторической критики²⁾.

¹⁾ *Ист. Обозр.*, V, 186—187; *Базаль*, допускшая воздействиа философіи Руссо на политический образъ мыслей Лелевеля, отрицааетъ его въ ригорѣ въ историко-юридическихъ изслѣдованіяхъ. На это можно замѣтить, что вліяніе Руссо наблюдается и на представителяхъ старо-нѣмецкой историко-юридической школы, напримѣръ, на договорной теоріи происхожденія Франкскаго государства Эйхгорна.

²⁾ Очеркъ исторіи Польши, т. I, 20—21, 36.

Г. Собѣстіанскій очень подробно распространяется о той популярности, которую приобрѣло учение Лелевеля; онъ разказываетъ о курсахъ Мицкевича по истории славянскихъ литературъ, читанныхъ въ Парижѣ въ 40-хъ годахъ, почти цѣликомъ передаетъ содержаніе статьи Лебра, представляющей резюме этихъ курсовъ, упоминаетъ о статьѣ другаго французскаго ученаго Робера о панславизмѣ и польскомъ возрожденіи. Всѣ эти факты, конечно, очень интересны, имѣютъ очень мало отношенія къ истории собственно научныхъ учений. Изображая трудъ Лелевеля, Мацѣйовскаго и другихъ польскихъ историковъ, какъ сплошной панегирикъ и идеализацію, а следовательно и полное извращеніе древне-славянского быта, г. Собѣстіанскій говоритъ, что теорія „гминовладства“ лишь изрѣдка вызывала слабые протесты (стр. 136). На нихъ-то авторъ долженъ быть остановиться съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ слишкомъ много удѣлилъ не имѣющимъ никакого самостоятельного значенія французскимъ статьямъ, тѣмъ болѣе, что школа Лелевеля при всѣхъ своихъ недостаткахъ имѣла громадное положительное значеніе въ истории славянской науки, чѣдѣ признаетъ и главный ея противникъ проф. Бобржинскій.

Такъ же односторонне излагаетъ г. Собѣстіанскій и чешскую историко-юридическую литературу, изображая ее столь же увлекающеюся и идеалистической, какъ и польскую, съ тою только разницей, что источникъ чешскихъ заблужденій былъ доморощеній, „фальсификаторъ Ганки“. Но даже изъ изложенія г. Собѣстіанскаго не трудно замѣтить, что чешские историки сравнительно съ польскими отличались болѣшимъ спокойствиемъ и болѣе широкою точкой зрѣнія. Такъ, чехи глубже проводятъ сравнительный методъ. Наладкій, напримѣръ, одинаково допускаетъ существованіе платы за убийство въ славянскомъ и германскомъ правѣ, хотя и съ болѣшимъ различіемъ; во взглядахъ же его на круговую поруку есть какое-то недоразумѣніе¹⁾. Вопель, котораго г. Собѣстіанскій относитъ тоже къ числу горячихъ защитниковъ национальныхъ особенностей древне-славянского быта, возставалъ противъ мѣнѣй Наладкаго, доказывавшаго славянское происхожденіе некоторыхъ чертъ феодального быта (стр. 141). Наконецъ, въ Иречкѣ авторъ видѣтъ принципиальнаго противника господствующаго направлѣнія. Но, по его мнѣнію, высказавъ здравую мысль о тождествѣ правовыхъ обычаевъ первобытныхъ народовъ, Иречекъ затѣмъ впалъ въ противорѣчіе, когда сталъ изображать задружно-общинное

¹⁾ Г. Собѣстіанскій. стр. 140 и прим. 313.

устройство, какъ исключительную принадлежность славянского быта. На дѣлѣ никакого противорѣчія нѣть, и логический ходъ мыслей Иречка вполнѣ послѣдователенъ. Тождество юридического быта Иречекъ относить во временемъ самой древней формы общественной жизни, патріархального быта, о которомъ повѣствуютъ книги Ветхаго Завѣта и индійскія Веды. Съ тѣхъ поръ судьба этого устройства у различныхъ народностей была неодинакова. Славяне болѣе германцевъ удержали свое первобытное общественное устройство; но, тогда какъ чехи утратили его нѣсколько вѣковъ тому назадъ, другія славянскія племена до нашихъ дней сохранили въ довольно чистой формѣ древнюю патріархальную форму ихъ общежитія. Наконецъ, еще большими консерватизмомъ отличаются нѣкоторые азіатскіе народы¹⁾. Ясное дѣло, что, говоря о задружно-общинномъ бытѣ, Иречекъ имѣть въ виду не времена Ветхаго Завѣта и Ведъ. Гдѣ же тутъ противорѣчіе?

Мы уже упомянули о томъ, что чешскіе историки права съ особыннмъ довѣріемъ относились къ сравнительному методу; не чуждались его и польскіе ученыe: Масевскій основывался на родствѣ славянскихъ народовъ съ санскритомъ и славянской религіей съ индускою; его примѣру слѣдовалъ Раконецкій; Мацѣйовскій ссылался на Гримма и Маурера; Иречекъ повторялъ мысль Гримма о родствѣ европейскихъ народностей. Достаточно этихъ немногочисленныхъ примѣровъ, знакомыхъ и г. Собѣстіанскому, чтобы видѣть, что славянская наука довольно глубоко отражала на себѣ и усвоивала великія реформы, совершившіяся въ наукѣ западно-европейской и отмѣченныя именами Боппа и Гримма. Разъясненіе и подробное изслѣдованіе этихъ отношеній не было бы излишнею роскошью въ разбираемомъ трудѣ: оно было существенно необходимо и для правильной оцѣнки того направленія, за которымъ исключительно гоняется г. Собѣстіанскій; оно показало бы, что идеализація и поэтизированіе совсѣмъ не такъ глубоко проникали въ научное творчество славянскихъ ученихъ, что въ основе лежалъ правильный методъ.

„Мы видѣли, какъ западно-славянское ученіе о національныхъ особенностяхъ древне-славянского характера въ концѣ тридцатыхъ годовъ проложило себѣ дорогу въ русскую историческую науку“ Такими словами начинаетъ г. Собѣстіанскій третью главу, посвященную русской научной литературѣ. На самомъ дѣлѣ онъ показалъ вліяніе западной славянской литературы только на двухъ ученихъ, Бодан-

¹⁾ Ibidem, стр. 142—145.

скомъ и Шафарикѣ, относительно же славянофиловъ ограничился голословнымъ заявлениемъ, на стр. 72, что исходнымъ пунктомъ ихъ доктрины было западно-славянское учение. Достаточно сопоставить съ этимъ еще нѣсколько цитатъ, чтобы видѣть, какъ смутно представляетъ себѣ авторъ взаимное отношеніе обоихъ ученій. На стр. 148-й онъ уже ограничиваетъ свой прежній взглядъ и говоритъ, что „новое направлѣніе развивалось въ русской историко-юридической литературѣ подъ значительнымъ вліяніемъ западно-славянскихъ ученій“, а на стр. 159-й ставить вопросъ: „могло ли установить какую нибудь связь между этими двумя аналогичными ученіями? По нашему мнѣнію, это были два параллельныхъ теченія въ духѣ времени, при чемъ западно-славянское учение, какъ сложившееся раньше, должно было оказать вліяніе на русское учение объ общинномъ бытѣ; съ другой стороны и труды русскихъ славянофиловъ не остались впослѣдствіи безъ вліянія на западно-славянскую литературу“.

Не давъ иснаго представленія о возникновеніи славянофильской доктрины, допуская такое, болѣе чѣмъ не точное, выраженіе (стр. 158—159), что „начало новому ученію въ русской наукѣ было положено въ 1839 г. статьею Хомякова „О старомъ новомъ“, г. Собѣстіанскій не могъ оцѣнить научного значенія теоріи общиннаго быта еще и потому, что поставилъ ея изложеніе виѣ связи съ другими направленіями науки, въ особенности виѣ связи съ теоріей родового быта. Едва ли нужно доказывать, что послѣднее условіе есть *conditio sine qua non* правильной оцѣнки общинной теоріи. Таковы причины, почему характеристика славянофильской теоріи вышла очень блѣдною, и отношеніе къ ней получилось отрицательное. Что же касается теоріи родового быта, то г. Собѣстіанскій ограничивается изложеніемъ статьи Петра Кирѣевскаго „О древней русской исторії“, упоминаніемъ о сходствѣ взглядовъ Кирѣевскаго со взглядами Соловьевъ въ его „Очеркѣ нравовъ, обычаяхъ и религіи славянъ“, напечатанныхъ въ 1850 г., и двумя вскользь брошенными замѣчаніями о полемикѣ славянофиловъ съ представителями родовой теоріи¹⁾). Неизвѣстно, съ какой цѣлью указываетъ авторъ на большое сходство между статьями Кирѣевскаго и Соловьевъ; подозрѣвать вліяніе первого на послѣдняго нельзя, потому что родовая теорія была развита Соловьевымъ уже въ его диссертацияхъ, появившихся въ 1846 и 1847 гг., слѣдовательно почти одновременно со статьей Кирѣевскаго. Итакъ, объ отношеніяхъ родо-

¹⁾ Ibidem. стр. 171—179, 180.

вой теорія къ славянофильской авторъ не сказалъ въ сущности ничего; о томъ же, какое мѣсто сама по себѣ должна была найти родовая теорія въ книгѣ, посвященной ученіямъ о древне-славянскомъ бытѣ, распространяться не будемъ, не желая увеличивать и безъ того не малое количество указанныхъ пропусковъ и недочетовъ въ труда г. Собѣстіанскаго.

Славянофилами, въ частности К. Аксаковымъ, заканчивается обзоръ ученій, такъ какъ въ произведеніяхъ Аксакова, по признанію г. Собѣстіанскаго, онъ видѣть типичнѣйшее выраженіе теоріи общинности, какого она когда либо достигала¹⁾). Послѣдующей литературѣ объ общинѣ посвящены заключительныя строки третьей главы: „теорія общинного быта оказала сильное вліяніе на послѣдующую научную литературу. Она нашла особенно горячихъ защитниковъ въ лицѣ Гильфердинга, Лешкова и О. Миллера; мы встречаемся съ нею далѣе въ трудахъ Леонтовича, Бестужева-Рюмина и Первольфа; не избѣжали ея вліянія Макушевъ и Котляревскій“ (стр. 187). Въ примѣчаніяхъ приводятся выписки изъ трудовъ поименованныхъ ученыхъ. Такъ какъ авторъ не входить въ подробное разсмотрѣніе этого вліянія, то и мы не будемъ на немъ останавливаться; нельзя только не замѣтить, что выписанные строки могутъ ввести не посвященного читателя въ глубокое заблужденіе относительно характера современной русской литературы объ общинѣ. Послѣ трудовъ многихъ западныхъ ученыхъ, въ особенности послѣ трудовъ Маурера, общинный бытъ пересталъ считаться исключительно особенностью славянского племени, изученіе общины поставлено на строго научную почву, самый терминъ, употреблявшійся славянофилами очень произвольно, получилъ опредѣленное значеніе.

Относительно заключительной главы (4-й) посвященной свидѣтельствамъ источниковъ, слѣдуетъ повторить то же, что сказано о седьмой главѣ первой части, то-есть, что на обѣ эти главы надо смотрѣть не какъ на самостоятельное изслѣдованіе объ юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ, а какъ на разборъ и опроверженіе главнѣйшихъ основаній критикуемой теоріи мирнаго характера славянъ и общинного быта. Не много найдется въ наукѣ терминовъ, подобныхъ „общинѣ“, „общинному быту“, которые бы означали столь несходнаго по своему объему понятія. „Быть общинный, — говорить К. Аксаковъ, — именно таковъ, что онъ отъ самого широкаго объема доходитъ до самыхъ

¹⁾ Ист. Обозр., V, 185.

тѣснѣкъ, до одной деревни, напримѣръ¹⁾). Дѣйствительно, расширяясь въ учениіи славянофиловъ до обозначенія всей Россіи („вся земля, то-есть, вся русская община“ — говорилъ тотъ же Аксаковъ), терминъ „община“ въ современной наукѣ суживается до „задруги“ По представлению же г. Собѣстіанскаго, общинная теорія отождествляла общинный бытъ съ демократіей²⁾, съ той идеальной общиной, которая основана на безусловной свободѣ, равенствѣ и братствѣ³⁾. Проф. Куллеваскій добавилъ, что слависты разумѣли подъ этимъ названіемъ не только неземельную общину, но и народныя собранія, профессоръ же Остроумовъ наоборотъ высказалъ, что славянофилы возставали противъ пониманія общины въ смыслѣ народодержавства: они противополагали общину не монархіи, а родовому быту⁴⁾). Оставляя въ сторонѣ неточности и этихъ поправокъ, заключаемъ, что, по сколько видно изъ сообщенія г. Деревицкаго, диспутантъ и его оппоненты не пришли къ соглашенію въ попыткѣ дать точное опредѣленіе понятія общины. Намъ кажется, что найти одну общую формулу для всѣхъ существовавшихъ учений объ общинѣ прямо не возможно. Такимъ образомъ, остается совершенно неяснымъ заявленіе г. Собѣстіанскаго о томъ, что онъ опровергаетъ существованіе только идеальной демократической общины,—заявленіе, не объясняющее, какимъ собственно писателямъ онъ приписываетъ учение о такой общинѣ. Изъ того, что типичнейшимъ выразителемъ общинной теоріи онъ признаетъ К. Аксакова, можно догадаться, что опроверженію подлежитъ славянофильская теорія.

Г. Собѣстіанскій разбираетъ тѣ мѣста изъ Прокопія, Маврикія, Титмара Мерзебургскаго и русской лѣтописи, на которыхъ ссылаются приверженцы общинного быта. Но здѣсь мы опять сталкиваемся съ нѣкоторымъ недоразумѣніемъ. Если опровергается такаянибудь теорія, то надо опровергнуть сначала главныя основы, а потомъ уже второстепенные доказательства, которымъ только подтверждаютъ уже созданную теорію подобно тому, какъ контрфорсы только поддерживаютъ уже давно выстроенное зданіе. А разбираемыи авторомъ свидѣтельства источниковъ составляютъ ли настоящія основы идеалистической теоріи, какъ думаютъ авторъ и профессоръ Дриновъ? Не

¹⁾ Сочиненія, изд. 2-е, т. I, стр. 196.

²⁾ Ученія о нац. особенн., стр. 188.

³⁾ Ист. Обозр., V, 185.

⁴⁾ Ibidem, 184, 189.

самъ ли г. Собѣтіанскій доказывалъ, что она создавалась *априористическимъ* путемъ, что игнорирование источниковъ — ея характерный признакъ? Не будь этихъ свидѣтельствъ Прокопія, Маврикія, Титмара, общинная теорія все равно существовала бы. Кругъ ея источниковъ несравненно обширенѣе. Славянофилы черпали свои доказательства изъ позднѣйшихъ эпохъ, изъ московскаго периода, наблюдали строй современного общинного быта; этнографическій матеріаъ игралъ большую роль въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ обѣи общинъ. Наконецъ, свидѣтельства источниковъ, которыми занимается г. Собѣтіанскій, не составляли исключительной принадлежности общинной теоріи; ими пользовались съ одинаковой увѣренностью и противники учения. Въ статьѣ „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ частности“ К. Аксаковъ пользуется этими самыми свидѣтельствами Прокопія, Маврикія, Титмара, „Любушна Суда“, которыми Соловьевъ приводить въ доказательство родовой теоріи¹⁾). Такимъ образомъ г. Собѣтіанскій опровергаетъ не основы, а только нѣкоторыя второстепенные доказательства общинной теоріи, никогда не считавшейся бесспорными.

Оканчивая рецензію, мы должны оговориться, что наши замѣчанія по необходимости носятъ общий характеръ, такъ какъ въ книгѣ г. Собѣтіанскаго гораздо большие недоразумѣній и пропусковъ, чымъ прямыхъ ошибокъ; входить въ частности не позволяетъ самъ авторъ, заявившій, „что, стремясь главнымъ образомъ выяснить общий характеръ развитія славянской науки, онъ избѣгалъ уклоняться отъ намѣченной цѣли въ сторону разработки деталей“²⁾.

Остается дать общую оцѣнку труда г. Собѣтіанскаго. Въ этомъ отношеніи отзывы критиковъ значительно расходятся. Оппоненты на диспутѣ отнеслись къ книгѣ довольно сочувственно. Профессоръ Дриновъ, какъ на достоинства, указалъ на то, „что авторъ напомнилъ вновь о весьма рѣдкихъ нынѣ и почти забытыхъ, но важныхъ сочиненіяхъ старыхъ славистовъ, изъ которыхъ въ его диссертациіи приведено много интересныхъ выдержекъ. Онъ сличилъ тексты источниковъ съ переводами и въ послѣднихъ открылъ нѣкоторыя неточности. Онъ указалъ неосновательность нѣкоторыхъ упрековъ, дѣлаемыхъ западными славистами Карамзину, и сумѣлъ рельефно оттѣнить увлеченія другихъ ученыхъ, такъ что въ этомъ отношеніи книга его можетъ

¹⁾ Сочиненія, изд. 2-е, т. 1, стр. 82—90.

²⁾ Ист. Обозр., V, 187.

опредѣляющимъ (?) образомъ воздѣйствовать на будущихъ изслѣдователей¹). Въ томъ же духѣ отозвался профессоръ Кулеваскій²). Наиболѣе же лестный отзывъ принадлежитъ профессору Стоянову, выразившему убѣжденіе, „что книга эта есть научное изслѣдованіе со многими положительными качествами, — со стремлениемъ къ само-состоительности, основанной на тщательномъ изученіи не только обширной литературы, но и источниковъ первыхъ рукъ, со строго критическимъ отношеніемъ къ избранному предмету, съ умѣніемъ найти и установить живую историческую связь между фактами, между ходомъ послѣдовательного развитія этихъ фактовъ и смѣною тѣхъ учений и мнѣній, которыхъ высказывались о различныхъ сторонахъ культурной жизни славянъ. Самый выборъ темы можетъ быть вмѣненъ въ заслугу автору по многимъ причинамъ: по трудности, сложности и даже опасности изслѣдованія такого предмета, который затрагиваетъ самые существенные и дорогіе интересы одного изъ великихъ племенъ въ культурной исторіи человѣчества³). Рѣзкимъ диссонансомъ съ этими отзывами звучитъ мнѣніе профессора Багалѣя, старавшагося доказать, что книга г. Собѣстіанскаго не есть ни критическое, ни историко-литературное изслѣдованіе, и что для изученія вопроса о характерѣ и юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ нужно написать новое сочиненіе, ибо книга профессора Собѣстіанскаго его совсѣмъ не разрѣшає⁴).

Мы думаемъ, что все сказанное въ настоящей рецензіи даетъ право оцѣнить докторскую диссертацию г. Собѣстіанскаго не какъ историко-критическое изслѣдованіе, а какъ поверхностный и крайне односторонній очеркъ идеалистического направленія въ славянской науцѣ, совсѣмъ не выясняющій общаго характера ея развитія.

С. Р—еній.

¹⁾ Ibidem, 188—184.

²⁾ Ibidem, 184.

³⁾ Ibidem, 187.

⁴⁾ Къ исторіи ученія и т. д., стр. 34, 48, 59.

Житіе імк во святыхъ отца нашего Феодора архиепископа Едесскаго. По двумъ рукописямъ Московской синодальной библиотеки изданъ И. Помяловскій. С.-Пб. 1892.

Въ прошломъ году профессоромъ С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскимъ былъ изданъ впервые одинъ изъ довольно интересныхъ памятниковъ средневѣковой греческой литературы, а именно греческій подлинникъ житія Феодора, архиепископа Эдесскаго. Хотя краткая (менѣе чѣмъ въ страницу) рецензія на это изданіе уже появилась въ послѣднемъ номерѣ новаго иѣменскаго журнала *Byzantinische Zeitschrift*¹⁾, тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ съ нимъ познакомиться подробнѣе.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ на важность этого житія было указано проф. Васильевскимъ, который въ *Палестинскомъ Сборнике* привелъ изъ него небольшой отрывокъ²⁾, заимствую послѣдній изъ Московской синодальной кодекса XV (по каталогу Маттеи), легшаго въ основу изданнаго г. Помяловскимъ текста³⁾. Написано житіе Василиемъ, епископомъ г. Емесы, племянникомъ Феодора⁴⁾, сопровождавшимъ послѣдніго почти во всѣхъ его странствованіяхъ. Благодаря разказу житія о сошеніяхъ багдадскаго халифа при посредствѣ Феодора съ византійскимъ императоромъ Михаиломъ (842—867) и царицею Феодорой, можно заключить, что самое житіе написано Василиемъ во второй половинѣ IX вѣка⁵⁾. Древній. XI вѣкъ, славяно-русскій переводъ его, изданный литографически Императорскимъ обществомъ любителей древней письменности въ №№ XLII, LXI и LXXII его публикацій, къ сожалѣнію, не даетъ почти никакихъ интересныхъ вариантовъ⁶⁾. Краткія свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Феодора, основанные на славянскомъ перевѣдѣ житія, можно найти въ русской духовно-исторической литературѣ⁷⁾. Перейдемъ теперь къ изложенію греческаго подлинника.

¹⁾ *Byzantinische Zeitschrift*, I Band, 3—4 Heft 632.

²⁾ *Палест. Сборникъ*, т. IV, вып. II, стр. 263.

³⁾ Описание этой рукописи см. въ „Житіи Феодора Едесскаго“, стр. I—IV.

⁴⁾ „Житіе Феодора“, стр. 3.

⁵⁾ „Житіе Феодора“, стр. 89.

⁶⁾ Житіе Феодора Едесскаго изъ рукописи, принадлежащей ин. Вяземскому № LXXXIX, списано литографскими чернилами на прозрачную бумагу Феодоромъ Елисеевымъ. Вып. I 1879 г.; вып. II 1880 г.; вып. III 1885 г.

⁷⁾ Филаретъ „Историческое учение объ отцахъ церкви“. С.-Пб. 1882. III т., ст. 231—234 (§§ 276—277). Серій „Полный иѣменесловъ Востока“ I и II тт.

Начало житія сплошь составлено по известному шаблону: мать Феодора Марія, долго не имѣя сына, обращается съ молитвой къ муч. Феодору, который вскорѣ является ей во снѣ, предвѣщаю близкое рождение сына (гл. III). Безболѣзно рожденный сынъ не проявляет никакихъ умственныхъ дарованій и способностей (гл. IV), пока архіепископъ города не посвящаетъ его въ чтецы (гл. V), послѣ чего Феодоръ превращается, если такъ можно выражаться, во всесторонне образованного человѣка (гл. VI). Потерявъ на 18-мъ году отца, а на 19-мъ мать, онъ раздаетъ все свое имущество сестрѣ и бѣднымъ, отправляется въ Іерусалимъ (гл. VII) и оттуда въ обитель св. Саввы, гдѣ настоятель Иоаннъ и постригаетъ Феодора въ монахи (гл. VIII—X). По смерти Иоанна Феодоръ удаляется въ уединенную келлю (гл. XIV), гдѣ со всевозможными лишеніями проводить 24 года (гл. XV). Здѣсь въ житіи есть упоминаніе, что онъ былъ авторомъ богоизбранныхъ книгъ, которыхъ до времени Василія Емесскаго, какъ иѣко сокровище, хранились въ лаврѣ св. Саввы (гл. XVI). Слава о подвижничествѣ Феодора далеко распространилась, и къ нему со всѣхъ сторонъ стекались жаждущіе совѣта и утѣшения (гл. XVII и XVIII). Далѣе въ житіи упоминается о завоеваніи Финикии и Палестины сарацинами, главной причиной котораго являются людскіе грѣхи и нечестіе греческаго императора Константа, убившаго своего брата Феодосія, изгнавшаго въ Херсонесъ Мартина, папу Римскаго, изувѣчившаго св. муч. Максима и т. д.; всѣ вышеназванныя злодѣянія Константа, какъ извѣстно, фактъ историческій. Ко времени этого императора житіе и приурочиваетъ нашествіе Мохаммеда, пораженіе греческихъ вождей Влаана (*Βλάνης*)¹ и Василиска, взятие Дамаска и подчиненіе Св. Земли власти магометанъ (гл. XXI); послѣ этого идетъ описание тяжелаго и угнетеннаго положенія христіанъ и христіанскихъ церквей на Востокѣ (гл. XXII—XXIII). Здѣсь въ житіи бросается въ глаза анахронизмъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ не ко времени императора Константа (642—668), а ко времени Ираклія (610—651) относится появление Мохаммеда и завоеваніе арабами Палестины и Сирии; то для житія былъ нуженъ имѣніе нечестивый и жестокий императоръ, достойный столь тяжелой небесной кары, какъ нашествіе Мо-

Москва, 1875—1876. II т., I подъ 9-е іюля (стр. 181), 3-е и 4-е маі (115—116)
II т., II ч., стр. 198. „Добротолюбіе“ въ русск. переводѣ, дополненное, Москва.
1889, ч. III, стр. 345—346.

¹⁾ Въ слав. переводѣ (стр. 45).

хаммеда: такъмъ и являлся Константъ. Кроме того, въ житії покоренів арабами Палестины и Сиріи принадлежить какъ-бы всецѣло одному Мухаммеду, имя котораго, какъ основатели богопротивной религіи, совершенно поглотило имена тѣхъ правовѣрныхъ халифовъ, дѣятельности которыхъ собственно и принадлежить рядъ блестящихъ арабскихъ завоеваний.

Отъ XXIV до XXXIV главы сообщается поэтическая легенда о мученичествѣ инона Михаила. Какой-то персидскій царь (βασιλεὺς Περσῶν) Адрамелехъ (*Ἀδραμέλεχ*¹) со своею супругой Сеидою (*Σεΐς*) прибыли изъ Вавилона, то-есть Багдада²), во святый градъ Йерусалимъ; съ христіанами обращался Адрамелехъ кротко и даже любиль вступать съ ними въ разсужденія. Во время ихъ пребывания въ Йерусалимѣ сюда для продажи монастырскихъ издѣлій былъ посланъ Феодоромъ изъ обители св. Саввы инона Михаилъ. Увидѣвъ красиваго, молодаго монаха. Сеида всѣми силами старается соблазнить его, но безуспѣшино, послѣ чего разсерженная египтянка³) отсылаетъ несчастнаго Михаила въ оковахъ къ своему мужу, обвиняя монаха въ оскорблении ея личности и требуя его смерти. Адрамелехъ-же, пораженный умными отвѣтами Михаила, пытается черезъ какого-то законника еврея⁴) склонить его къ принятію магометанства, вслѣдствіе чего между Михаиломъ и евреемъ возникаетъ споръ объ ап. Павлѣ и Мухаммедѣ, окончившійся торжествомъ Михаила къ радости находившихся тутъ христіанъ писцовъ и врачей⁵). Нѣсколько ниже еще разъ упоминается въ житії о такомъ-же присутствіи врачей и писцовъ изъ христіанъ при дворѣ багдадскаго халифа (гл. LXX стр. 73—74). Эта интересная подробность имѣть за собою вполнѣ историческое основаніе, такъ какъ извѣстно, что халифи со временеми Мансура (754—775) держали при дворѣ очень много христіанъ врачей, ученыхъ евреевъ и христіанъ, которые должны были знакомить арабовъ преимущественно съ греческою философіей и добывать греческія руко-

¹) Вероятно, испорченное арабское имя съ окончаніемъ „мелекъ“. какъ примѣръ, Абдал-халикъ и др.

²) Житіе Феодора, стр. 72: ἡπελλεῖν βαζαλῶν καὶ Πέρσαις λουμένη Βαγδάδ.

³) Такъ Сеиду называетъ житіе: μέγρι τῆς Βύρας ταγωτίου τῆς γένες Αιγυπτίας (стр. 18).

⁴) Житіе стр. 22: εἰχε δὲ καὶ τινὰ Εβραῖον σικεῖον εἰτῷ νομοθεσὴ καὶ λόγιον.

⁵) Житіе стр. 25—26: δὲ χριστιανοῖ, οἵτε γραφεῖς καὶ ιατροῖ...

писи¹). Далѣе въ житіи описываются мученія Михаила, который, сойдя невредимымъ съ костра и не поддавшись дѣйствію яда, былъ, наконецъ, усѣченъ. Монахи обители св. Саввы погребли останки мученика у себя въ лаврѣ (гл. XXXIV*). Послѣ вышепизложеннаго экскурса житіе вновь переходитъ къ Феодору, разказывая про его воздержаніе (гл. XXXVII), и о его бесѣдахъ съ иноками, одна изъ которыхъ приводится даже въ текстѣ (гл. XXXIX). Эти душеполезныя бесѣды Феодора были записаны находившимся здѣсь писцомъ и раздѣлены на 100 главъ (XL)²). Въ это время на праздникъ Пасхи въ Иерусалимъ прибылъ патріархъ антіохійскій. И вотъ, къ нему и патріарху іерусалимскому обратились міряне и духовенство города Едессы съ просьбою назначить имъ нового епископа, жалуясь на осиротѣлость Едесской церкви и на пагубные успѣхи въ иной различныхъ еретикъ. По общему согласію епископомъ Едессы былъ избранъ Феодоръ, который, будучи вызванъ изъ плѣнительного для него уединенія обители св. Саввы въ Иерусалимъ, сперва отказывался отъ предлагаемаго ему высокаго сана, но потомъ, уступая всеобщему желанію, принялъ его и въ Великій Четвергъ страстной недѣли былъ рукоположенъ антіохійскимъ патріархомъ; во времена самаго таинства бѣлый голубь спустился на голову рукополагаемаго Феодора. Проведя Пасху въ Иерусалимѣ и трогательно простившися съ братію столь дорогой ему обители св. Саввы и съ Иерусалимомъ, Феодоръ отправляется на мѣсто своего нового служенія (гл. XLI—XLIII); кѣтѣтъ съ нимъ былъ составитель этого житія Василій Емесскій и еще два другихъ брата (пач. гл. XLIV*). Во времена пути до Евфрата Феодоръ страшно тосковалъ, задумалъ даже плачь бѣгства, но видѣніе свыше одобрило и укрѣпило его (гл. XLIV*). За Евратомъ въ Харранѣ новому владыкѣ устроили торжественную встречу (нач. гл. XLV). Принятый радостно Едессцами, Феодоръ сейчасъ-же поѣтиль вѣѣ мѣстныхъ святыни, вошелъ въ дѣла своей паства и, видя какіе глубокіе корни пустили различныя еретическія ученія, онъ въ одно изъ ближайшихъ воскресеній сказалъ въ церкви весьма пространное слово, гдѣ убѣждая своихъ духовныхъ дѣтей

¹) См. Weil, „Geschicte der Chaliften“, В. II, S. 281. Ср. W. Muir, „The Caliphate, its rise, decline and fall“, 1892 р. 463.

²) ...φυλακῆς καφάλαις, ἀπο τι παρόντων τις ταγματάρχος ἐστημένωσατο ένε τοι καφάλαις. Эти главы по-гречески и по-латыни изданы въ Thesaurus Asceiticus Rovaniensis; ихъ славянскій переводъ см. въ „Добротолюбіи дополненію“ 1889 г., III, стр. 347—373. Ср. Филаретъ, Историчес. учение объ отцахъ церкви“, III, стр. 283, § 277.

твърдо хранить завѣты первыхъ шести вселенскихъ соборовъ и недавно созванного въ Никѣ противъ иконоборцевъ седьмаго собора; въ этой проповѣди перечисляются главнѣйшиe еретики, какъ Арий. Македоній, Несторій, Евтихій. Савеллій и др., и разбираются ихъ еретическая ученія. Всѧ рѣчъ Феодора дышетъ ревностью къ истиному православію и ненавистью къ еретикамъ и иконоборцамъ (гл. XLV—LIII). Въ слѣдующихъ главахъ житіе разказывается о столпникахъ Феодосій, единственномъ подвижникѣ, который остался въ живыхъ въ окрестностяхъ Едессы; какъ воспоминаніе объ умершихъ столпникахъ здѣсь, по словамъ житія, осталось много столповъ, построенныхъ во время благочестиваго царя Маврикія, то-есть, въ концѣ VI вѣка (гл. LIV). Феодоръ ведеть долгія бесѣды со старцемъ Феодосіемъ, который предрекаетъ ему обращеніе въ христіанство персидскаго царя (гл. LV) и разказываетъ легендарную исторію про одного богача Адера (*"Адер"*), оставилшаго всѣ свои мірскія услады и поселившагося въ обители Саввы Освященнаго подъ именемъ Асанасія (гл. LVI—LVII), про его жену и сыновей, младшій изъ которыхъ въ теченіе семи лѣтъ занималъ патріаршій престолъ въ Іерусалимѣ (гл. LVIII—LXI), и наконецъ, излагаетъ свою собственную исторію (гл. LXV—LXVII). Тутъ-же по близости, по указанію Феодосія, Феодоръ посѣщаетъ южній монастырь (гл. LXII—LXIV). Но, не смотря на чисто отеческое отпошеніе Феодора къ своей паствѣ, у него было не мало враговъ въ лицѣ еретиковъ, которымъ совершенно не по душѣ была такая исключительная ревность новаго епископа къ православію. Видя ихъ недоброжелательство и беспрестанныя козни, Феодоръ рѣшается ѻхать для обличенія еретиковъ и ихъ происковъ въ Вавилонѣ, то-есть въ Багдадѣ, гдѣ царемъ былъ въ то время какой-то Моавія (*Μωάβιος*)¹⁾. Феодора сопровождалъ Василій Емесскій съ нѣсколькими другими священниками и діаконами. Встрѣченный радушно православнымъ митрополитомъ въ Багдадѣ²⁾, Феодоръ сообщилъ о причинѣ своего прибытія (гл. LXX) и просилъ доложить о немъ царю. Но послѣдній

¹⁾ Въ слав. переводе: *Жалъ*, стр. 187 и др.

²⁾ *Assenani* (Bibl. Orient. t. II, p. 123—124) упоминаетъ о иконобитскомъ патріархѣ Філоксеї-Василіѣ, жившемъ въ Багдадѣ въ началѣ IX вѣка, и еще о нѣсколькихъ другихъ; около 851 г. якобитскимъ патріархомъ былъ Феодосій. Съ 300-хъ же годовъ хиджры греческому читрополиту было запрещено имѣть постояннное мѣсто пребываніе въ Багдадѣ; ему позволялось только наѣзжать туда и по устроеніи дѣлъ возвращаться въ свою страну (См. *Assen.* B. Or., t. II, p. 441).

былъ въ это время опасно боленъ, и всѣ врачи уже отчаялись въ его спасеніи. Тогда передъ нимъ явился Феодоръ и силою молитвы исцѣлилъ восточного владыку, послѣ чего между ними происходили частыя бесѣды, слѣдствіемъ которыхъ было полное возстановленіе православія въ Едесской церкви, такъ какъ отобранныя у нея имѣнія были возвращены, изъ еретиковъ, упорствовавшихъ въ своихъ заблужденіяхъ. одни казнены, другіе изгнаны и т. д.; впрочемъ, многіе изъ нихъ возвратились къ православію. Итакъ, Едесская церковь стала единымъ стадомъ подъ управлениемъ единаго пастыря (гл. LXX—LXXV). Разказавъ затѣмъ о чудѣ съ письмомъ Феодосія Столпника къ одному отшельнику, живущему въ окрестностяхъ Багдада (гл. LXXVI—LXXVII), житіе переходитъ къ интереснѣйшему, но загадочному эпизоду, а именно къ обращенію Моавіи въ христіанство. Въ своихъ частыхъ бесѣдахъ съ нимъ Феодоръ подъ видомъ различныхъ аллегорій доказывалъ все превосходство христіанской религіи и, наконецъ, выслушавъ Евангеліе, сказалъ вдохновенное слово о томъ, что единственный путь къ спасенію заключается въ христіанской вѣрѣ (гл. LXXVIII—LXXX); послѣ этого Феодоръ читалъ и объяснялъ Моавіи св. Евангеліе, что для первого было не трудно, такъ какъ онъ говорилъ по-гречески, сирійски, измаелитски и по-персидски (гл. LXXXI). На другой день послѣ чтенія Евангелія Моавія выскажалъ желаніе креститься. Феодоръ вручилъ ему написанный по-сирійски символъ вѣры, трисвятую пѣнь и Отче нашъ, послѣ чего Моавія сдѣлалася христіаниномъ, предавъ анаоею Мухаммеда и его учение (гл. LXXXI). Немногого времени спустя, въ присутствіи только Василія Емесского, Феодоръ на берегахъ Тигра крестилъ Моавію, нарекши ему имя Иоаннъ, и его трехъ слугъ изъ иллени аланъ; воспріемникъ Моавіи былъ Василій (гл. LXXXII). Въ порывѣ религіознаго воодушевленія новообращенный проситъ Феодора достать ему частицу Животворящаго креста, для чего епископъ съ письмомъ Моавіи отправляется къ византійскому императору въ Константинополь, где тогда царствовалъ Михаилъ вмѣстѣ съ благочестивою Феодорой (гл. LXXXIV). Въ столицѣ Феодоръ былъ радушно принятъ, творилъ чудесныя исцѣленія; между прочимъ, онъ исцѣлилъ самое царицу Феодору отъ бѣльма на глазу. Императоръ Михаилъ далъ Феодору золотой, украшенный драгоценными камнями ипікъ, въ которомъ были положены частица Животворящаго креста и священное изображеніе Спасителя (гл. LXXXV—LXXXVI), написалъ письмо обращенному Моавіи и съ честью отпустилъ Феодора, который черезъ Едессу при-

быть благополучно въ Багдадъ (гл. LXXXV) и быть восторженно встрѣченъ Моавіей. Положеніе христіанъ все улучшалось, что возбуждало зависть у іудеевъ. Одинъ изъ нихъ, богатый и влиятельный человѣкъ, добился разрѣщенія устроить открыто преніе о вѣрѣ. Споръ, происходившій въ присутствіи Моавіи, массы его приближенныхъ, судей и народа, окончился къ полному торжеству христіанства¹⁾, а самъ зачинщикъ спора іудей вдругъ по новеллѣю Феодора онѣмѣлъ и получилъ обратно даръ слова лишь послѣ того, какъ чистосердечно раскаялся и крестился (гл. LXXXVI—XCI). Далѣе житіе разказывается про посѣщеніе Моавіею, вмѣстѣ съ Феодоромъ. Василіемъ и тремя новообращенными слугами, пустынника, бывшаго товарища Феодосія Столпника (гл. XCII—XCIX). Въ его бесѣдахъ съ Моавіей встрѣчается интересное упоминаніе о томъ, что въ пустыняхъ Индіи по берегамъ Краснаго моря, тамъ, гдѣ въ него впадаетъ рѣка Гагъ (Гаут);, около высочайшихъ горъ Арканы и Гирканы находятся остатки старины, а именно какіе-то громадныя бочки ($\pi\deltaοι$), стоящія не прямо, а лежащія на боку²⁾; на этихъ $\pi\deltaοι$ подвизались во время пустынника знатные и богатые христіане, раздавши свое имущество бѣднымъ. Этихъ подвижниковъ видѣлъ самъ багдадскій пустынникъ³⁾. Что это за памятники, для настъ остается загадкой, такъ какъ сопоставлять ихъ съ известными разрядомъ буддійскихъ священныхъ сооружений, называемыхъ ступами⁴⁾, нѣтъ, кажется, особыхъ основаній. Всеною произошло трогательное прощеніе Феодора съ его новымъ духовнымъ сыномъ, и первый, съ большими сокровищами для раздачи іерусалимскимъ, едесскимъ и другимъ церквамъ, уѣхалъ изъ Багдада (гл. C—CIII); съ нимъ былъ и Василій Емесский. Сначала, заѣхавъ не падолго въ Едессу, Феодоръ прибылъ въ Іерусалимъ, одарилъ храмъ Воскресенія, обитель св. Саввы и другія церкви, послѣ чего черезъ Антиохію вернулся къ своей настѣ въ Едессу (гл. CIV—CV). Моавія-же, или Іоаннъ, предчувствуя близость своей кончины, велѣлъ черезъ глашатыхъ собратъ народъ на Адуумійской равнинѣ ($\epsilon\mu \pi\alpha\delta\omega\tau\alpha \Delta\mu\omega\mu\pi\omega\mu$) и въ присутствіи всѣхъ объявилъ себя христіаниномъ, за что потерпѣлъ мученическую кончину, будучи убитъ

¹⁾ Ср. аналогичный споръ о вѣрѣ агаринами въ это же время житія Константина (Кирилла). Папіонскія житія Кирилла и Меѳодія, стр. 8—9 (Чтение въ Императорскомъ обществѣ истории и древностей россійскихъ, 1863, Книга II).

²⁾ Житіе, гл. XCIV, стр. 101.

³⁾ ...παν τῆς ἀσκήσεως καὶ ἀγέλεικης πολιτεί ἀγώ θεατης ἐγενόμην (с. 01).

⁴⁾ См. Минаевъ, „Буддизмъ“, С.-Пб. 1887 стр. 183, 100

разсвирѣніи толпою¹); останки его были похоронены христіанами (гл. CXI—CXI). Узнавъ черезъ видѣніе о кончинѣ Моавіи-Іоанна и склонивъ въ это-же время Феодосія Столпника, св. Феодоръ сильно затосковалъ и не много ихъ пережилъ: уже черезъ три года послѣ мученическаго вѣнца Іоанна, Феодоръ во снѣ увидѣлъ его зовущимъ къ себѣ, послѣ чего, собравъ свою паству и распростишись съ иею, онъ отправился въ Йерусалимъ, а оттуда въ обитель св. Саввы, гдѣ черезъ три недѣли почилъ²) и 19-го июля былъ погребенъ (гл. CXII—CXV). Этимъ житіе и кончается. Мощи Феодора видѣль въ началѣ XII вѣка Даніилъ, первый русскій паломникъ, о чёмъ онъ упоминаетъ въ своемъ хожденіи³).

Теперь является вопросъ, на чёмъ основана вышеизложенная легенда обѣ обращеніи халифа Моавіи въ христіанство, и кто былъ этотъ халифъ? Халифа Моавіи въ IX вѣкѣ не было; да и вообще, если не считать незначительного правления Моавіи II († 683 г.)⁴), то кромѣ основателя династіи Омайадовъ Моавіи на арабскомъ престолѣ не было ни одного халифа съ такимъ именемъ. Относительно имени обращенного халифа интереснѣйшую версію даетъ еще неизданный арабскій переводъ житія Феодора, о которомъ, кажется, до сихъ поръ нигдѣ не было упомянуто; а именно: въ каталогѣ арабскихъ рукописей Парижской національной библіотеки мы читаемъ слѣдующее: *Vie du saint père Abbâ Théodore qui par sa devotion et par sa mortification, pendant qu'il était moine dans la laure de S. Saba, mérita d'être élevé au Siège épiscopal d'Edesse. Cet écrit a pour auteur Basile disciple de Théodore et évêque de Manbadj (Bambyce, Hiéropolis). On trouve dans cette notice (folio 196 v° et suiv.) une longue et singulière histoire de la conversion du Calife al-Mâmoûn au christianisme par Théodore et du martyre de ce prince⁵.*

¹) 3—4 мая (см. *Серпій*, „Мѣсяцесловъ Востока“, II ч., стр. 114—116: Убієніе си. великаго чуч. Моавія, крещенію Іоанна, царя перскаго, ученика Феодора Едесскаго).

²) *Серпій*, „Мѣсяцесловъ Востока“, II ч., стр. 181, подъ 9-е июля: Св. Феодора, Едесскаго, и иныхъ съ нимъ угодниковъ Божіихъ въ IX вѣкѣ.

³) „Хожденіе Даніила“, изд. Веневитинова (*Палест. Сборн.*, т. I, вып. 3. 1884 г., стр. 55): „и святый Феодоръ ту лежить и Михаилъ сыновецъ его“.

⁴) Онъ правилъ несколько мѣсяцевъ и умеръ 21 года.

⁵) Catalogue des manuscrits arabes de la Bibliothèque nationale par M. Le Baron de Slane. 1 fascicule, p. 33.

Очевидно, здесь речь идет ни о каком другомъ, какъ о наименовании житія Феодора Едесского; только составитель житія Василій Едесский названъ епископомъ города Манбиджа (др. *Niegarpolis*; сир. *Mabbūg* или *Mabūg*; виз. *Mētētēs*). Обращенный же халифъ носить имя Альмамуна, а не Моавіи, что по времени гораздо болѣе подходитъ къ нашему разказу, хотя, строго говоря, и Альмамунъ, умерший въ 833 г., не былъ настоящимъ современникомъ императора Михаила, вступившаго на престолъ въ 842 г. Предполагать, что греческое „*Moawīs*“ произошло вслѣдствіе испорченности текста рукописи или ошибки переписчика изъ имени Мамунъ, было бы слишкомъ рискованно, хотя нельзя не сознаться, что послѣднее имя гораздо болѣе здесь на мѣстѣ, чѣмъ первое. Извѣстность имени Альмамуна и его славы могли побудить составителя житія приписать честь хотя бы даже, какъ напримѣръ здѣсь, и вымышленного обращенія такого лица въ христианство своему избранному святому.

Не смотря на наши старанія отыскать въ другихъ источникахъ хоть какія-нибудь указанія на счетъ разказанного въ житіи обращенія Моавіи въ христианство, нѣчто подходящее къ этому разказу нашли мы только у одного писателя второй половины XII в., а именно у патріарха антиохійскаго Михаила Сирійца, умершаго въ 1199 г.¹⁾). Разказывая о халифѣ Мутасимѣ (833—842), братѣ Альмамуна, то-есть, современнику византійскаго императора Феофила (829—842), Михаиль сообщаетъ слѣдующее: „*Aboussabol (Motassel) découvrit un complot, ourdi par Abbas son neveu qui avait contracté une alliance avec les Romains en vue de détruire la puissance des Dadjiks (Arabes) et de monter sur le trône, après avoir embrassé le christianisme. Aboussabol (Motassel) se saisit de sa personne et le fit mourir de faim. La relation de son crime fut publiée par son ordre dans tout l'empire des Dadjiks (Arabes); c'est pour cela que tous les Dadjiks (Arabes) détestent et maudissent Apas*“²⁾.

Въ основу этого отрывка положенъ, слѣдовательно, исторический

¹⁾ Оригиналь хроники Михаила Сирійца, написанный на сирійскомъ языке и только недавно открытый, еще не изданъ (Си. *Krumdacher, Geschichte der byzant. Literatur*, а. 154). Раньше былъ извѣстенъ армянский переводъ этой хроники, который въ свою очередь былъ переведенъ на французскій языкъ: „*Chronique de Michel le Grand, patriarche des Syriens Jacobites*“, traduite pour la 1-re fois sur la version arménienne du prêtre Ischôk par V Langlois. Venise. 1868. Этимъ переводомъ мы пользовались.

²⁾ „*Chronique de Michel le Grand*“, р. 275.

фактъ. Аббасъ, о которомъ здѣсь идеть рѣчь, былъ сынъ покойнаго Альмамуна. Извѣстно, что послѣ смерти послѣдняго, нѣкоторая часть войска провозгласила халифомъ этого самаго Аббаса, который былъ въ то время намѣстникомъ Сѣверной Сирии и Месопотамія и не разъ уже отличился въ борьбѣ съ византійцами. Мутасиму, брату Альмамуна, удалось однако подчинить всю страну своей власти. И вотъ, нѣсколько времени спустя, когда Мутасимъ былъ занятъ войною съ Византіей, въ войскѣ и при дворѣ въ пользу Аббаса составился заговоръ, который былъ, впрочемъ, во время открыть; участники жестоко поплатились, а самъ Аббасъ долженъ былъ умереть отъ жажды¹).

При сопоставленіи двухъ разказовъ, разказа Михаила и житія, невольно является предположеніе о тождествѣ исторической личности Аббаса съ легендарнымъ Моявіей житія и Мамуномъ арабскаго перевода; оба разказа относятся къ одному и тому-же времени; ничего подобнаго о другомъ лицѣ источники не говорятъ. Наконецъ, въ арабскомъ переводѣ славное имя Мамуна могло легко явиться вместо имени его сына Аббаса. Вообще интересно было бы прочесть вышеупомянутый арабскій переводъ, который дальбы, можетъ быть, и еще не мало интересныхъ разнотеній.

Итакъ, житіе Феодора Едесскаго въ чисто историческомъ смыслѣ не имѣть большаго значенія, хотя и сообщаетъ нѣсколько интересныхъ историческихъ частностей.

Съ вѣнчаной стороны изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Во вступлениі описаны все извѣстныя рукописи житія, причемъ приведены варианты рукописи г. Пападопуло-Керамевса, содержащей первую половину этого житія. Въ прекрасно изданномъ греческомъ текстѣ также приведены аккуратно рукописныя разнотенія. Въ концѣ житія приложены тщательно составленные указатели собственныхъ имёнъ и наиболѣе замѣчательныхъ словъ и выражений.

А. Васильевъ.

¹) См. Weil, „Geschichte d. Chalifen“, B. II, S. 296. 316—320. W. Muir, „The Caliphate“, p. 508. 512.

Археологические известия и заметки, издаваемы Императорскимъ Московскимъ археологическимъ обществомъ подъ редакціей действительнаго члена А. В. Оршиникова. № 1. М. 1893.

Нельзя не сознаться въ томъ, что въ просвѣщенной части европейскаго общества интересъ къ археологии значительно возрастаетъ: то, что прежде казалось только предметомъ празднаго любопытства, становится все болѣе и болѣе одною изъ основъ исторіи. Великія открытия, совершившіяся и совершающіяся на нашихъ глазахъ, много способствовали усиленію этого интереса, плодами котораго было умноженіе числа археологическихъ обществъ, появленіе археологическихъ журналовъ, археологическихъ съѣздовъ; наконецъ, даже повременная печать обратила вниманіе на новые находки: въ журналахъ и газетахъ постоянно встрѣчаемъ извѣстія о раскопкахъ. Извѣстія эти посвѣтъ характеръ случайный. Труды же археологическихъ обществъ появляются въ неопределенные сроки и заключаются въ себѣ сочиненія преимущественно членовъ, статьи по большей части обширныя и чисто специальные. Слѣдственно ни своеевременности сообщеній, ни полноты, ни общедоступности нельзя ожидать отъ этихъ изданій, представляющихъ по большей части солидные вклады въ сокровищницу науки. Еще въ началѣ существованія Московскаго археологическаго общества, при незабвенномъ его первомъ предѣдателѣ, возникла мысль о periodическомъ изданіи, назначенномъ для распространенія свѣдѣній о новыхъ археологическихъ трудахъ и новыхъ книгахъ по этой отрасли званія. Возникшій тогда, при главномъ сотрудничествѣ теперь покойнаго А. А. Котляревскаго, *Археологический Вѣстникъ* просуществовалъ только годъ. Изданіе Петербургскаго археологическаго общества, носившее тотъ же характеръ и называвшееся *Извѣстіями Императорской археологической общества*, просуществовало долѣе, но и оно прекратилось, и долгое время русское общество не имѣло подобнаго органа и археологическая новости сообщались ему болѣе или менѣе случайно и отрывочно. Мысль о такомъ изданіи не разъ возникала въ Московскому археологическому обществу, „но всякий разъ—говорится въ предувѣдомленіи къ № 1-му *Археологическому Извѣстію* была оставляема, главнымъ образомъ, за отсутствиемъ лица, которое бы могло взять на себя редакцію такого органа и было бы расположено посвятить этому дѣлу не малое количество трудовъ и времени“ Наконецъ, такое лицо нашлось: бывшій секретарь общества А. В. Оршиниковъ принялъ на себя редакцію.

Положили издавать журналъ ежемѣсячными выпусками по два листа; подписанная цѣна назначена самая дешевая: 3 р. въ годъ. Въ составъ журнала входятъ: самостоятельный археологическія статьи (не болѣе одной на №), извѣстія о раскопкахъ и важныхъ находкахъ въ Россіи и за-границей и о пріобрѣтеніяхъ археологическихъ музеевъ, библиографія русскихъ и по возможности иностранныхъ книгъ, свѣдѣнія о дѣятельности Московскаго и, по мѣрѣ возможности, другихъ русскихъ археологическихъ обществъ, разныя археологическія замѣтки. Россія должна стоять на первомъ планѣ, но и важнѣйшия новости по иностранной археологии залмутъ мѣсто въ этомъ журналѣ. Такимъ образомъ, создается органъ, существующій способствовать быстрѣшему обмѣну мыслей между людьми, интересующимися археологіей, и съ тѣмъ вмѣстѣ распространенію точныхъ свѣдѣній о новыхъ пріобрѣтеніяхъ науки. Периодическая печать получитъ теперь возможность сообщать правильныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается, и невѣроятныя свѣдѣнія и разказы, съ которыми мы иногда встрѣчались на ея столбцахъ, отойдутъ въ область преданія. Съ другой стороны, каждое лицо, встрѣтившееся съ затрудняющимъ его фактамъ или почувствовавшее надобность въ какомъ-либо разъясненіи, можетъ обратиться къ *Археологическимъ Извѣстіямъ* съ своими вопросами и сомнѣніями и получить въ скоромъ времени разрѣшеніе своихъ недоумѣній, если окажется къ тому возможность. У англичанъ не только существуетъ отдѣль "Notes and Querries" въ нѣкоторыхъ журналахъ (напримѣръ, въ *Athenaeum*), но даже особый журналъ подъ этимъ заглавіемъ. Искренно желаемъ, чтобы *Археологическія Извѣстія*, между прочимъ, стали бы такимъ органомъ. Передъ нами № 1; онъ открывается весьма счастливо статьею патріарха русскихъ археологовъ И. Е. Забѣлина, который разказываетъ на основаніи документовъ исторію построенія первой въ Россіи церкви въ честь Пречистой Богородицы Неопалимой Купины. Мы говоримъ: "счастливо" потому, что эта статья является какъ бы благословеніемъ новому журналу. Небольшая статья И. Е. Забѣлина отличается и документальностью изложенія, и основательностью замѣчаній археологического характера. Надѣемся, что и на будущее время статьи этого отдѣла будутъ подходить по своей занимательности и серьезности къ этой первой. Второе отдѣленіе журнала заключаетъ въ себѣ краткое, но точное обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтений древностей музеями и пр. въ Россіи и за-границей (конечно, извѣстія русскія отличаются большей полнотою; иностранныя же сообщаются только наиболѣе важ-

ны). Затѣмъ слѣдуютъ „разныя извѣстія“, между которыми важно сообщеніе о появившемся недавно фототипическомъ снимкѣ подписи Аны Ярославовны, жены Генриха I и дочери Ярослава Владимировича; подпись—славянскими буквами. Въ библиографіи помѣщены содергательные замѣтки о нѣсколькоихъ новыхъ книгахъ. Затѣмъ сообщаются протоколы засѣданій Московского археологического общества, Одесского общества исторіи и древностей и Петербургского археологического общества. Надѣемся, что со временемъ эта отдельность будетъ расширенъ. Книжка оканчивается некрологомъ сибирского археолога Витковскаго. Съ пріятнымъ чувствомъ закрыли мы эту книжку, наящно изданную, съ необходимыми по мѣстамъ изображеніями, и составленную чрезвычайно дѣлько и разнообразно. Надѣемся, что новый органъ будетъ долговѣчнѣе своихъ предшественниковъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

ОТВѢТЬ КРИТИКУ.

По поводу статьи Г. Амфіана Лебедева объ историческомъ исслѣдованіи „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“

Если прежнія наши монографіи, излагавшия частныя стороны вопроса объ иностранцахъ въ Россіи, обыкновенно были бытіемъ ученого критикою, то послѣднее наше сочиненіе „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“ (М., 1890 г.), объединяющее и дополняющее ихъ за взятый нами здѣсь періодъ, вызвало рядъ критическихъ замѣтокъ и статей въ ученыхъ и литературныхъ журналахъ. Первою по времени статьей явился разборъ, данный въ *Журналѣ Министерства Народного Просвѣщенія* (1890 г., юль, 151—163 стр.) И. А. Лебедевымъ,магистерская диссертацией которого по всеобщей исторіи близко соприкасается съ излагаемымъ у насъ предметомъ. Вслѣдъ затѣмъ появилась статья проф. В. З. Завитневича (*Труды Киевской Духовной Академіи*, 1890 г., сент., 148—155 стр.) и рецензіи, безъ подписей ихъ авторовъ, въ *Вѣстникѣ Европы* (1890 г., сент., 386—390 стр.) и *Русскомъ Вѣстнике* (1890 г., сент., 292—295 стр.). Послѣ нихъ напечаталъ свою рецензію проф. Д. И.

Багалтъ, въ которой онъ сжато воспроизвелъ большую часть замѣчаній, высказанныхъ имъ во время нашихъ продолжительныхъ съвимъ преній на моемъ докторскомъ диспутѣ въ Харьковскомъ университѣтѣ, и присоединилъ нѣсколько новыхъ соображеній.

Почти одновременно съ выходомъ нашего отвѣта г. Багалтю¹⁾, мы встрѣтили въ печати большую статью проф. А. Г. Брикнеръ (*Russische Revue*, 1891 г., I т., 129—148 стр.), которую мы ожидали съ большими интересами. Среди современныхъ специалистовъ по русской истории проф. Брикнеръ ближе другихъ знакомъ съ иностраннымъ вопросомъ въ Россіи и болѣе ихъ сдѣлалъ и дѣлаетъ въ изученіи и разъясненіи его; онъ давно уже внимательно слѣдила за нашими работами, пользуясь ими въ своихъ статьяхъ, и особенно въ своемъ изслѣдованіи „Die Europäisierung Russlands“²⁾, при всей разности нашихъ взглядовъ на нѣкоторые основные вопросы. Ученый критикъ, со свойственными ему опытностію и знаніемъ дѣла, изложилъ и разобралъ наше сочиненіе послѣдовательно, главу за главой, нерѣдко означая, что въ каждой изъ нихъ нового и имѣющаго преимущественное значеніе, и чего можно бы еще ожидать, или что можно бы сдѣлать въ ней болѣе. Такія сужденія и указанія весьма цѣнны для насъ, помогая намъ въ установкѣ требованій и задачъ при дальнѣй-

¹⁾ См. По поводу статьи проф. Д. И. Багалтія объ историческомъ изслѣдованіи «Протестантизмъ и протестанты въ Россії до эпохи преобразованій» (*Варшавскій Университетскій Извѣстій*, 1891 г., кн. IV, и отдельно). Чѣмъ касается до общаго характера суждений ученыхъ критиковъ о нашемъ изслѣдованіи, то доля разномыслия съ нами не послужила препятствіемъ къ признанію того, что здѣсь „вопросъ представляется болѣе позио и связно“, чѣмъ было въ предыдущихъ нашихъ работахъ (*Выстѣнник Европы*), что „вопросъ о протестантахъ разработанъ въ книгѣ многосторонне, исчерпавъ всѣ существенные стороны его“ (проф. *Багалтъ*), „непосредственное изученіе первоисточниковъ и критический тактъ не только сообщили произведенію богатство содержанія, новость и точность данныхъ, но и облегчили автору сдѣлать исправленія въ трудахъ предшественниковъ, касавшихся того или иного частнаго вопроса или факта“ (*Русский Выстѣнник*); не воспрепятствовала указать „спокойное отношеніе къ разматриваемому вопросу“ (проф. *Засимовъ*) и значеніе книги для объясненія западнаго вліянія на Москву и отношенія русского правительства къ чужеземцамъ и выразить, что „теперь мы имѣемъ возможность правильно судить, какъ существовалъ и понимался въ XVI и XVII вѣкахъ такъ называемый нынѣ вѣмецкій вопросъ“ («Лѣбедевъ»).

²⁾ О нашемъ изслѣдованіи „Изъ исторіи иностраннѣй исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“ проф. Брикнеръ далъ въ свое время подробный отчетъ въ *Russische Revue* (1886 г., III т., 274—318 стр.).

шахъ специальныхъ розысканихъ, и мы пользуемся здѣсь слу-
чаемъ принести нашу искреннюю признательность почтенному
автору какъ за его указанія, по его мнѣнію, положительныхъ таクъ—
и еще болѣе—за означеніе отрицательныхъ свойствъ нашей книги¹⁾.

Позднѣе всѣхъ появилась въ печати рецензія проф. Амбіана Лебедева (*Журналъ Министерства Народного Просвещенія*, 1892 г., мартъ. 175 и сл. стр.). имѣвшаго уже случай однажды показать своей интересъ къ изучаемому нами предмету. Въ 1884 г. имъ были изданы два полемическія сочиненія конца XVII вѣка, случайно доставшіяся ему. Эти небольшія произведенія онъ снабдилъ руководственнымъ для ученыхъ предисловіемъ, которое при первомъ же прикосновеніи критики, къ сожалѣнію, оказалось весьма неудобнымъ путеводителемъ. Списокъ первого изъ этихъ сочиненій „Слово на латиновъ и лютеровъ“ московскаго архимандрита Игнатія (Корсакова) г. Амф. Лебедевъ объявилъ единственнымъ экземпляромъ, не зная, что существуетъ еще и другой его списокъ; онъ счелъ это „Слово“ напи-
санымъ послѣ сверженія Софы, „въ царствованіе Ioanna и Петра Алексѣевичей (1689—1696)“ тогда какъ оно составлено въ первую половину правленія царевны. Подъ упоминаемый въ текстѣ „Слова“ „пѣкоемъ изъ первосовѣтниковъ“, благодаря которому вышло правительственный разрѣшеніе на постройку каменной лютеранской церкви въ Москвѣ, и подъ лицомъ для котораго архимандритъ Игнатій назначалъ это свое произведеніе, съ цѣлью убѣдить этого вельможу къ содѣйствію обѣ отмѣнѣ прежняго разрѣшенія. г. Лебедевъ увидѣлъ два лица, „вѣроятно, Лефорта“ и простаго русскаго человѣка, между тѣмъ какъ здѣсь подразумѣвалось одно и то же лицо, по всѣмъ признакамъ, кн. Вас. Вас. Голицынъ. Содержаніе „Слова“ не давало г. Лебедеву повода къ такой странной путаницѣ въ ком-
ментированіи. „Нѣкій изъ первосовѣтниковъ“ принятый имъ за Ле-
форта, выставляется въ „Словѣ“ членомъ православной церкви, че-
ловѣкомъ православно-русскимъ и на столько сильнымъ, что авторъ

¹⁾ Основную точку зреініи проф. Брикнера на нашу книгу можно видѣть изъ его заключительныхъ словъ: „Diese kurzen Hinweise auf den Inhalt des neuen Zwjetajew'schen Buches mogen darthun, Welch' grosse Verdienste der ausgezeichnete Forscher sich damit um die Kenntniss der Geschichte Russlands im XVI. und XVII Jahrhundert erworben habe. Er muss unbedingt als der beste Kenner der Geschichte der Auslander im Staate Moskau gelten, und mit Spannung sehen wir weiteren Arbeiten des unermudlichen Gelehrten entgegen“ (*Russ. Revue*, 1891, I, 148).

считать необходимымъ оправдать предъ нимъ свою смѣлость, ссылаясь на свой духовный санъ; Лефорть же, какъ всѣмъ известно, былъ женевецъ родомъ, реформатъ по вѣроисповѣданію, во время дѣйствительного написанія „Слова“ не игравшій въ правительствеъ влиятельной роли. Разказывая исторію построенія первой каменной лютеранской церкви въ Москвѣ и пользуясь этимъ „Словомъ“ мы подробно разъяснили всю несостоятельность домысловъ издателя и комментатора¹). И поправка наша была потомъ принята научною критикою²).

Таковъ былъ дебютъ г. Амф. Лебедева на полѣ изысканій по вопросу объ иностранцахъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Нынѣ этотъ ученый выступилъ съ разборомъ уже нашей книги, сосредоточивъ свое вниманіе на „научномъ методѣ“ изслѣдованія. Посмотримъ же на эти его новыя „точныя“, „научно-методическія“ указанія.

I.

Свою рецензію критикъ начинаетъ примѣрами неправильнаго, по его сужденію, пользованія нами литературою предмета и историческими фактами и открываетъ этотъ рядъ самыми, съ его точки зрѣнія, яркими случаемъ неправильности—это нашимъ пониманіемъ свидѣтельства Герберштейна о Нали (или Наливкахъ). Но моему мнѣ-

¹) Въ нашей брошюрѣ „Построеніе первой каменной протестантской церкви въ Москвѣ“ (М., 1885 г.) и потомъ въ книгѣ „Изъ исторіи иностраннѣй исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“ (М., 1886 г., 281—286), куда вошла эта монографія.

²) Проф. А. Г. Брикнеръ такъ отзыается объ этомъ: „Herr Zwjetajew macht auf eine gegen AuslÄnder als Ketzer gerichtete publicistische Schrift aufmerksam, welche vor ganz Kurzem von einem Professor der Universitat Charkow, Lebedew, entdeckt und in den Memoiren der Moskauer Gesellschaft fr Geschichte und Alterthmer (1884, III Bd., II Abth.) verffentlicht wurde. Auch hier wieder legt Herr Zwjetajew eine bewunderungswrdige kritische Schrfie an den Tag, indem er die Frage von der Zeit und den Umstnden der Entstehung dieser polemischen Arbeit einer eingehenden Prfung unterzieht. Dabei erklrt sich Herr Zwjetajew mit den Bemerkungen des Herausgebers nicht einverstanden“ u. s. w. (*Russ. Revue*, 1886, III, 300). Подобнымъ же образомъ характеризовалъ это и покойный проф. русской исторіи въ Варшавскомъ университѣтѣ Н. П. Барсовъ въ своемъ официальномъ отчетѣ о написихъ чинціальныхъ разысканіяхъ по русской исторіи, при соединенія, что невѣрность мнѣнія г. Амф. Лебедева нами доказана „неопровергнуто“.

нию (18—19 стр. изслѣдованія, ср. 239—240 стр.). въ словахъ Герберштейна разумѣется иноземное подмосковное селеніе. название которого и ближайшая причина къ его обособленной постройкѣ характеризуютъ большую часть тогдашнихъ его жителей. какъ людей нетрезвыхъ, по взгляду на пихъ коренныхъ москвитянъ. Г-нъ же Амф. Лебедевъ, напротивъ. утверждаетъ, что мы совершенно напрасно относимъ это къ „иѣмцамъ“ (въ нашей книгѣ: „иноземцамъ“, чтò въ данномъ случаѣ далеко не одно и то же) и на основаніи этого свидѣтельства будто приписываемъ имъ свою „аттестацію“: слова-де текста „громко воплютъ противъ такого примѣненія“ Свидѣтельство и характеристику Герберштейна онъ относить къ русскимъ, и Нали у г. Лебедева оказывается русскимъ селеніемъ. Доказываетъ онъ это однимъ лишь собственнымъ пониманіемъ текста, безъ всякой справки съ литературою затронутаго вопроса и даже безъ упоминанія о сочиненіяхъ, которыхъ нами указаны вмѣстѣ съ Герберштейномъ въ одномъ и томъ же примѣчаніи.

Приведемъ же соответственное мѣсто Герберштейна по изданію, которымъ пользуется и нашъ рецензентъ. „Porro non procul à ciuitate domunculae quaedam apparent, et trans fluuium uillae, ubi non multis retroactis annis, Basilius Princeps satellitibus suis nouam Nali ciuitatem (quod eorum lingua Infunde sonat) exaedificauit, propterea quod cum alijs Ruthenis medonem et ceruisiam bibere, exceptis paucis diebus in anno, prohibitum sit, ijs solis bibendi potestas à Principe sit permissa: atque eam ob rem, ne caeteri illorum convictu corrumpantur, ab reliquorum cōsuetudine sunt seiuuncti“¹). При чтеніи этого сообщенія необходимо имѣть въ виду слѣдующее мѣсто того же автора, совсѣмъ не принятое во вниманіе г. Лебедевымъ: „Certè nobis praesentibus habuit (тотъ же Basilius Princeps) ex Lithuanis, varia que hominum colluicio, mille et quingentos ferè pedites“²).

Приведенное нами въ книгѣ свидѣтельство Герберштейна мы не безъ основанія сопровождали важнѣйшими. поясняющими его, цитатами произведеній другихъ авторовъ. Какъ сочиненіями, которыхъ въ данномъ случаѣ основывались на немъ, такъ и независимыми отъ него, Нали, или Налишки, выдаются первымъ по времени подмосковнымъ иноземнымъ селеніемъ. Вотъ эти извѣстія. а равно и тѣ, о

¹⁾ Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain. Basilae, per Ioannem Oporinum. 1556, 62.

²⁾ Ibid., 50.

которыхъ прежде мы не упоминали и знакомство съ коими было обязательно для г. Лебедева, разъ онъ, вопреки имъ, рѣшился выставить свою собственную теорію русскихъ Наливокъ¹⁾.

Описавъ общий видъ Москвы, казавшейся городомъ необыкновенно обширнымъ и постепенно разростающимся, Гваньинъ²⁾, современникъ Грознаго, отмѣчаетъ:

Denique transfluvium, Basilius pater moderni Principis, pro satellitibus suis, caeterisque extraneis, Polonis videlicet Germanis et Lituanis, (qui à natura Bachum sequuntur,) oppidū³⁾ Nalewki dictum, quod cognomen ab infundendis poculis habet, extruxit. Illic verò omnibus extraneis militibus, et aduenis Satellitibus que Principis, inebrigandi vario potus genere, facultas concessa est, quod Moschovitis graui sub paena prohibetur. Exceptis aliquot diebus in anno videlicet tempore nativitatis n. t. d.

Лучший изъ иностранныхъ писателей слѣдующаго вѣка, Олеарій, бывшій въ Москвѣ нѣсколько разъ, часто сносиившійся съ жившими въ Москвѣ иностранцами и воспользовавшійся массою сочиненій о Россіи⁴⁾, писалъ:

Der vierde Theil der Stadt heist Strelitzia Slawoda ist am Süder-Theil über dem Bach Muska, nach den Tartern zu gelegen, mit Plancken als ein Staquet und höltzern Bollwerken umbgeben. Es soll dieses Theil de Tsyrannen Vater Wasili für die aussländischen Soldaten, als Polen, Littauer und Deutschen haben bauen und sie Naleiki nennen lassen, nemlich, vom Zechen, denn Nali heist auf ihre Sprache Schenke ein. Und solches daher, weil die Aufständler mehr als die Muscowiter dem trincken oblagen, und man nicht wohl vermutete, dass man solche von ihnen so lang getriebene oder gar angebohrne Laster ausstreiben könnte, hat man ihnen die Freyheit zu trincken gelassen, und damit sie gleichwohl die Russen, (welche auch sehr zur Schwelgerey und Füllerey geneiget, ihnen aber das gantze Jahr durch nicht als nur etliche wenig Tage, nemlich, in den höchsten Festen, das vollsauffen vergönnet war) nicht möchten durch böse Exempel verführt werden, musten die nassen Brüder über dem Wasser alleine wohnen. Wie darvon in commentario rerum Moscoviticarum des-

¹⁾ Въ виду возникшаго интереса, мы потомъ представимъ Наливокъ отдельное, болѣе округленное историко-археологическое разысканіе; здѣсь же ограничимся указаниемъ лишь того, чѣмъ служитъ къ разъясненію спора.

²⁾ Al. Guagnini, Sarmatiae Europeae descriptio. Spirae. 1581, 78—79.

³⁾ Въ итальянскомъ текстѣ вмѣсто oppidum стоятъ castello.

⁴⁾ Въ Catalogus Autorum, помѣщенному въ предисловіи ко второму, дополненному изданію (1656 г.) своего сочиненія, онъ приводить заглавія вообще ок. 150 сочиненій, на которыхъ ссылается изъ своего труда. О немъ и изданіяхъ его сочиненія см. въ нашемъ вслѣдованіи, 689—692 и 60—61 стр. Текстъ подзимника мы приводимъ здѣсь по второму изданію, 149 стр.

Herberssteins am 46. Blat und bey dem Gwagnino zu lesen ist. Es wird jätzund dieser Creiss von Strelitzien oder Soldaten, so in Ihr. Zaare Majestat Diensten seynd, und andern gemeinen Pöbel bewohnet.

Такъ думали о Наливкахъ, какъ иноземномъ селеніи, и русскіе историки, и пѣмецкіе авторы, пользовавшіеся Герберштейномъ, начиная, положимъ, съ Карамзина¹⁾ и кончая изслѣдователемъ и комментаторомъ Герберштейна, профессоромъ Е. Е. Замысловскимъ²⁾, много лѣтъ изучавшимъ судьбы московскихъ протестанскихъ общинъ пасторомъ Фехнеромъ³⁾.

Иностранными предмѣстерьми описывали Наливки не одни лица, имѣвшія въ виду Герберштейна или опиравшіяся на него. Михалонъ Литвинъ, между прочимъ, писалъ Сигизмунду Августу въ 1550 году о московскомъ великому князю Василію III:

„*Unde Moscuviam metropolim suam auxit, condito in ea vico Nalevoki, opera mercenariorum nostrorum militum indito ei in opprobrium gentis nostrae ebriosae cognomine. Naley enim Infunde significat*“⁴⁾.

Со словъ Тедальди, итальянского купца, въ первую половину царствованія Грознаго много разъ бывшаго въ Москвѣ. Антоній Поссевинъ въ іюлѣ 1581 года отмѣтилъ въ своей запискѣ:

„*Dice il Toldali che al suo tempo, cio è già sedici anni (percio che per quator dici altri anni inanti fu da dieci o dodici volte in Moscovia) nella citta di Moscovia era una come piccola citta chiamata Nalifca, dove stavano i cattolici, ma senza chiesa, ch' in quelle contrade passavano, et qui vi] havevano fa-*

¹⁾ „Въ будни запрещалось имъ (москвитинамъ) пить; одни иноземные воины, служа государю за деньги, имѣли право быть невоздержанными въ употреблении хмѣльного: для чего слобода за Москвою-рѣкою, где они жили, именовалась Налѣкками, отъ слова наливай“ (Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», изд. Эйнерлинга, VII, 127).

²⁾ См. его докторскую диссертацию «Герберштейнъ и его историко-географическое извѣстія о Россіи». Спб. 1884, 456—455.

³⁾ A. Fechner, Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau. M. 1876, I, 14—15. Мы помнимъ его любопытный разказъ намъ объ его поѣздкѣ къ московской церкви Спаса Преображенія, что въ Наливкахъ, съ цѣлю поискъ въ той мѣстности надгробныхъ плитъ и другихъ подобныхъ остатковъ отъ первыхъ ея иностранныхъ жителей. О нашихъ отношеніяхъ къ этому почтенному покойному труженику см. въ брошюрѣ „Московскій пасторъ А. И. Фехнеръ“. М. 1887.

⁴⁾ Michalonis Litvani. De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum, въ «Архивѣ историко-юридическихъ сбѣдѣній, относящихся до Россіи», издав. Клаачевымъ. М. 1854, кн. II, полов. 2, отд. V, стр. 22—34.—Въ русскомъ переводе, сопровождающемъ этотъ текстъ, название подлинника „Nalevuki“ передано словомъ „Наливки“.

colta di vendere vino, cervosa, et altre cose, le quali non sono permesse a Moscoviti medesimi, conciosiacosa che a costoro che sono inclinati grandemente all'ebrietà, quel Principe che n'è molto alieno non permette che si faccia generalmente cervosa, ne da tutti si venda, eccetto otto giorni inanti et dapo natale che per la festa è conceitudo che si beva" ¹⁾...

Чехъ Таннеръ, приѣзжавшій въ Москву въ 1678 году къ польскомъ послыствѣ, записалъ, нѣсколько перепутывая, впрочемъ, преемственность фактovъ ²⁾:

„Compluribus abhinc annis seu inopia artificum in Moscovia seu negotiationes cum exteris nationibus (sinè quibus commodè vivere sua non poterant) compulit Moscos per magnam ex aerario Czari solutionem, Germanos variarum artium Mechanicarum poritos allicere. Hinc non modica quoque sectarum varietas in Moscoviam penetravit. Reperierunt Germani primum hospitalis Schismaticos; verum temporis lapsu, ob morum et praesertim fidei difformitatem, iisdem illis, quibus antea officiis omnibus accepti fuerant, facti sunt odiosi, exasperatis nonnunquam in mutuas usque caedes animis. Quapropter ut paci utrorumque consuleretur, in cum, quem supra sloboda Strzelecka nominavimus, locum, remissem fuerant Germani, et mutato nomine, recens ea Germanorum sedes, Moscis Naleiki, quod quasi Infundibulum illis sonat, appellata est. Pupugit ea nominis à potibus derivatio Germanorum animos, quod et verbis exprobratum et sarcasmis explosum est, saepius à Moscis, adeò, ut proritati Neoincolas postquam ejusdem potandi libidinis, cujus ipsi arguebantur, reos magis ipsos, qui arguebant, Moscos cernerent, postulato à Czar incolatu alio, ad milliaris dimidium ab Urbe migrare necesse habuerint“

Какъ бы ни разнілись въ частностихъ всѣ приведенные свидѣтельства и мнѣнія, они сходны въ одномъ: Наливки были иноzemными селеніемъ, и название, и ближайшая причина къ основанію ихъ указываютъ на качества ихъ жителей и на характеръ отношений къ нимъ со стороны москвитянъ. А это

¹⁾ La relation de Tedaldi étant inédite, nous la reproduisons ici d'apr s l'original écrit de la main m me de Possevino, издание у Pierling'a Un Nonce du Pape en Moscovie. Paris. 1884, 176.

²⁾ Tanner, Legatio polono-lithuanica in Moscoviam. Norimbergae, 1689, 69—70.—Составитель полного русского перевода этого сочиненія, г. И. Исаакиев замѣчаетъ: „Судя по его книгѣ, онъ не былъ знакомъ ни съ однимъ извѣстнымъ въ его время сочиненіемъ о Россіи. Даже такое извѣстное сочиненіе, какъ записки Герберштейна, и то стало ему немного извѣстно наѣмное лишь по рассказамъ его приятелей изъ Нѣмецкой Слободы, у которыхъ, какъ свидѣтельствуетъ Крижаничъ (см. Русск. Госуд. въ XVII вѣкѣ, разд. X), имѣлись подобного рода книги. Думаю, что разказать его о первыхъ временахъ поселенія иностранцевъ въ Москвѣ дошелъ до него именно этимъ путемъ“ („Преисловіе“, VII—VIII). Это сужденіе переводчика имѣть много за себя основы и несомнѣнно вѣроятно.

и сказано въ моемъ изслѣдованіи, съ тѣмъ однако отличиемъ, что въ своей „аттестації“ мною смягченъ тонъ отзываовъ о жителяхъ Наливокъ, даваемыхъ о нихъ самими иностранными писателями,—чего я не долженъ бы дѣлать, еслибы, по увѣренію г. Лебедева, предна-
мѣренно старался очернить московскихъ иностранцевъ того времени.

На существование иноземческихъ Наливокъ указываютъ и остатки бывшаго тамъ въ XVI вѣкѣ иноземнаго кладбища. Послѣ-
дующія кладбища, какъ достовѣрно известно, были въ мѣстахъ жи-
тельства иностранцевъ и по близости отъ нихъ: нѣть оснований ду-
матъ, что бы иначе было и раньше, съ этимъ старымъ кладбищемъ¹⁾.

Все это и подобное, къ удивленію, осталось для нашего рецен-
зента совершенно неизвѣстнымъ. Но за то г. Амф. Лебедевъ замѣ-
тилъ въ нашемъ изложеніи свидѣтельства Герберштейна отступление
въ одноть словѣ отъ буквального перевода Анонимова²⁾, допущен-
ное нами въ краткомъ изложеніи лишь для большей ясности³⁾.

¹⁾) *Fechner, Chronik, II, Beilage, XXV: Gottesbäcker und Friedhofscomitiat*; наше изслѣдованіе, 115—121 стр. Самымъ точнымъ мѣстнымъ свидѣтельствомъ, ко-
нечно, были бы подворные описи Москвы, которыя, судя по свидѣтельству
иностраницъ, производились въ XVI вѣкѣ много разъ; однако ни одной изъ
нихъ не сохранилось, по крайней мѣрѣ, самая старѣшая изъ извѣстныхъ до-
сегдѣ московскихъ описей относится къ 1621 году. Объ этой описи, найденной
нами въ Архивѣ Московской Оружейной Палаты, см. нашъ отчетъ въ *Москов-
ского Вѣдомостата*, 1885, № 75, въ статьѣ: „Новые материалы къ истории
Москвы“.

²⁾) Выраженіе Герберштейна „eogum lingua“ Анонимова переведено „на
ихъ языѣ“, у насъ „по-русски“, потому что подъ мѣстоименіемъ eogum мы
разумѣемъ Ruthem, но не satellites: вѣдь не на языкѣ же „тѣлохранителей“, а
на языкѣ русскихъ Nali = „нашей“, infunde; не „satellites“ же называли такимъ
образомъ новое зеленіе, а русскіе, которые жили въ самой Москве, и кото-
рыхъ у автора шла передъ тѣмъ рѣчь. Усмотреть отступление, сдѣланное нами
отъ перевода Анонимова, вполнѣ легко: мы тутъ же цитировали этотъ пере-
водъ и вставили въ русскій текстъ слова латинскаго подлинника, опредѣлявшія
это зеленіе.

³⁾) Наливки, населенные первоначально не протестантами, имѣютъ для на-
шего вопроса служебное значеніе, и мы остановились на нихъ, сколько было
надобно для нашей прямой задачи. Кстати отмѣтимъ, что соотвѣтствующее вы-
раженіе Герберштейна („eogum lingua“) иѣsto Олеарія („auf ihre Sprache“) въ
лучшемъ изъ существующихъ переводовъ передано также словомъ „по-русски“
(пер. Пав. Барсова, М. 1870, 112). И самъ г. Амф. Лебедевъ, въ томъ мѣстѣ,
гдѣ укоряетъ насъ за „измѣненіе“ выраженія буквального перевода, наше слово
„иноземцы“ замѣняетъ же другимъ: „нѣмцы“, хотя это уже весьма неточно,
такъ какъ мы разумѣемъ и поляковъ, и литовцевъ, и другихъ, которыхъ „нѣм-
цами“ никто не называетъ и не называется.

Въѣсто того, чтобы ограничиться простою отмѣткой этой разности (буде она уже заслуживала большаго вниманія), г. Лебедевъ до того увлекся своею теоріей исключительно русскихъ Наливокъ, что не счелъ нужнымъ ни принять въ расчетъ второе изъ приведенныхъ нами выше показаній Герберштейна, столь важное для уясненія перваго мѣста, ни обратить обязательного для него вниманія на цѣлую литературу свидѣтельствъ, какъ разъ опровергающихъ его домыслы. Послѣ этого пусть читатель судить самъ, противъ кого „громко волюютъ“ слова источника, противъ меня или противъ г. Амфіана Лебедева.

Въ увлечениіи своимъ неожиданнымъ открытиемъ напѣ критикъ не замѣтилъ и массы несообразностей, которыхъ неминуемо возникаютъ при его толкованіи. Изъ залетныхъ людей, прибывшихъ въ Москву искать себѣ счастія, правительству приходилось для составленія военно-служилаго элемента пользоваться, конечно, тѣмъ материаломъ, какой былъ на лицо¹); но какъ могло бы случиться, чтобы изъ природныхъ русскихъ князь Василій, набралъ себѣ въ „тѣлохранители“ людей худшихъ, по характеристикѣ иностранныхъ писателей, „горькихъ пьяницъ“, которые, къ тому же, мѣсту своего новаго жительства дали бы сами название, „аттестующее“ ихъ главный порокъ?! Если Наливки—чисто русское селеніе, то не пришлось ли бы допустить мысли, что военно-служилые и другие иноzemцы жили тогда совместно съ коренными москвитянами, а тогда чѣмъ объяснить, что протестанты, принятые у насъ на смѣну католикамъ и пользовавшіеся вообще болѣе благосклонностью, жили потомъ обособленно, въ отдельныхъ „немецкихъ“ слободахъ? Какъ объяснить нахожденіе въ предѣлахъ и окрестностяхъ Наливокъ остатковъ иновѣрнаго кладбища? Чѣмъ сдѣлать съ иностранными свидѣтельствами, положительно передающими, что Наливки были селеніемъ иноzemцевъ? Принятіе точки зрѣнія г. Амфіана Лебедева, признаніе Наливокъ русскимъ селеніемъ, устраняетъ всякую почву для изложенія дѣла, согласнаго съ документами и требованиями научнаго метода.

Разъяснивъ важнѣйшее возраженіе, съ шумною торжественностью

Наше изложеніе о военно-служилыхъ иноzemцахъ того времени вполнѣ раздѣляется известнымъ специалистомъ исторіи военного дѣла въ Россіи, проф. Д. Ф. Масловскимъ, изъ его изысканій „Помѣстные войска русской арміи въ XVII столѣтіи“ (*Военный Сборникъ*, 1890, IX, 21).

выдвинутое рецензентомъ въ первую боевую линію, относительно дальнѣйшаго мы ограничимся уже болѣе краткими указаніями.

Рецензентъ оспариваетъ затѣмъ наше изложеніе другаго, лишь затрагиваемаго нами мимоходомъ и нѣсколько стороннаго для наск предмета, именно, изложеніе событий въ сѣверо-западныхъ русско-финскихъ областяхъ, захваченныхъ шведами. Здѣсь онъ упрекаетъ насъ въ „неправильности“ нашихъ ссылокъ на источники и литературу вопроса, и, чтобы эта „неправильность“ оказалась болѣе рѣзкою, г. Амф. Лебедевъ не затруднился, по мѣстамъ, и нашему изложению, и документамъ, лежащимъ въ основѣ этого изложенія, навязать несоответственная мысли; иные же изъ такихъ „неправильностей“ произошли у критика просто отъ того, что онъ не ознакомился (хотя бы и при помоши свѣдущаго лица) съ капитальнымъ финскимъ трудомъ Саленіуса „Греческая церковь въ Финляндіи“ который мы въ примѣчаніи, отмѣтили, какъ сочиненіе основное, руководственное для насъ въ данномъ вопросѣ. Проф. Амф. Лебедевъ не только не имѣлъ этой книги, но онъ не вчитался и въ относящейся сюда и цитируемой нами текстъ С. М. Соловьевъ, которымъ мы въ небольшой части¹⁾ этого вопроса пользовались два раза: болѣе близко въ 1883 г. (Ж. М. Н. Пр. 1883. X, 191 стр.) и съ отступленіями, въ виду новыхъ данныхъ, теперь. Не зная того, нашъ критикъ громко заявляетъ, что „ничего подобнаго не говорится“ ни у Соловьевъ, ни у другихъ авторовъ, также цитируемыхъ мною, да „ничего подобнаго и не было“, а такъ-де, и неправильно, разказано у г. Соколова, у которого, значитъ, мною тутъ все и заимствовано. Пусть ученый критикъ хотя бы прочтетъ соотвѣтственное мѣсто, если ему уже не подѣ силу добраться до подлинника²⁾, и не выдумываетъ якобы „скрытый“ нами „источникъ“

¹⁾ Въ нашемъ текстѣ занимаетъ это всего семь строкъ.

²⁾ Соловьевъ: „Между Московскими государствомъ и областями, ступенными Швеціи, существовала твердая связь—единовѣріе, и правительство московское старалось поддержать ее: въ 1619 году преемникъ Исидора, новгородский митрополитъ Макарій, по царскому указу, разослалъ по этимъ волостямъ грамоты, которыхъ образецъ писать былъ въ Москвѣ“ [въ грамотахъ убѣждагь жителей этихъ волостей твердо держаться вѣры отцовъ и ѿздѣть

Наше изложеніе: „Все, что удалось русскому правительству сдѣлать для облегченія православныхъ, отданныхъ по Столбовскому договору [1617 г.], это оставить за новгородскими митрополитами завѣданіе ихъ духовными дѣлами. Замѣчательно, что *такова* правъ новгородская владыки хлопотали болѣе шады, предвидѣвшіе, что въ противномъ случаѣ все вновь приобрѣтенное православное населеніе перебѣгнуть въ русскую сторону“ [Журн.

и не носится съ этимъ вторымъ своимъ открытиемъ¹⁾, самодовольно повторяя его въ своей рецензіи три раза²⁾.

Въ другихъ цитуемыхъ нами сочиненіяхъ (Лыжина, Берга, Никоновской лѣтописи), въ которыхъ, по словамъ рецензента, тоже „ничего подобнаго не говорится“, сообщается объ условіяхъ Столбовскаго договора и объ обстоятельствахъ, ему предшествовавшихъ,—и совершенно сходно съ изложеннымъ пами предъ тѣмъ.

Въ опроверженіе нашихъ словъ объ отношеніи московскаго и шведскаго правительствъ къ праву новгородскаго митрополита завѣдывать духовными дѣлами православныхъ, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому договору, рецензентъ ссылается на русскія офиціальные грамоты, изданныя въ III-мъ томѣ „Актовъ Археографической Экспедиції“ и въ существенномъ ниже цитированный и мною. Онѣ, между прочимъ, содержатъ призывъ русскаго правительства къ православнымъ по прежнему обращаться по духовнымъ дѣламъ къ новгородскому митрополиту, въ виду де просьбы о томъ шведовъ, выраженной ими чрезъ ихъ посла на другой годъ послѣ Столбовскаго дого-

по духовнымъ дѣламъ въ Великій Новгородъ].... „Шведы смотрѣли подозрительно на переписку новгородскаго митрополита съ русскимъ духовенствомъ въ уступленныхъ имъ волостяхъ, и потому требовали, чтобы митрополитъ о духовныхъ дѣлахъ переписывался съ шведскими правителями, а не прямо съ русскими священниками.. Впрочемъ, шведы всего болѣе опасались, чтобы новгородскій митрополитъ вовсе не прервалъ духовныхъ сношеній съ православнымъ народонаселеніемъ уступленныхъ областей, чтѣ заставило бы послѣднее бѣжать въ русскіе предѣлы: вотъ почему шведское правительство усердно домогалось у московскаго, чтобы новгородскій митрополитъ посвящать священниковъ и освящать церкви въ Корелѣ и другихъ уступленныхъ волостяхъ“ [„Исторія Россіи“, изд. 4, IX, 154—155].

¹⁾ Отчего это случилось съ рецензентомъ, будетъ указано ниже.

²⁾ О первомъ же моемъ открытии, о русскихъ Наливкахъ, оно повторяется даже четыре раза.

M. N. Просв., 1883, X, 191]. Въ изслѣдовавшемъ: „Протестантство и протестанты въ Россіи“ [ст. 590] мы буквально повторяемъ тоже, за исключеніемъ выражения, означеннаго курсивомъ; его замѣняемъ: „такому праву новгородскаго владыки не противились сначала и сами шведы“.

вора. И еслибы мы трактовали о всѣхъ перипетіяхъ исторіи признанія данного права за новгородскимъ митрополитомъ, то, конечно, упомянули бы о фактѣ, разказанномъ рецензентомъ словами этихъ грамотъ, равно и о другихъ подобныхъ частныхъ случаяхъ. А такъ какъ просьбы существеннаго вліянія на положеніе дѣла не имѣли, то, не касаясь ихъ, мы ограничились отмѣткой, что наше правительство для облегченія православныхъ, при тогдашніхъ обстоятельствахъ, могло только „оставить за новгородскимъ митрополитомъ завѣдываніе ихъ духовными дѣлами“ и что шведы сначала „не противились“ такому праву. Но рецензентъ придаетъ шведской просьбѣ самую выдающуюся роль и силится доказать, что правомъ новгородского митрополита, въ религіозныхъ интересахъ православного населенія, дорожили и его усиленно домогались собственно шведы. Когда, лѣтъ десять тому назадъ, при началѣ своихъ специальныхъ занятій исторіей протестантства за московскій періодъ, наши свѣдѣнія о частномъ данномъ предметѣ ограничивались грамотами, извѣстными теперь рецензенту, такъ и вѣкоторыми другими отрывочными русскими данными и соображеніями, не извѣстными ему (но имѣющимися у Соловьевца), мы излагали вопросъ вѣсколько сходно съ тѣмъ, какъ толкуетъ его теперь рецензентъ, сѣдовательно, онъ сообщаетъ намъ не новость. Онъ не вѣрно преувеличиваетъ цѣну указанія русскихъ официальныхъ грамотъ на просьбу шведовъ о регламентациіи права новгородского владыки: содержаніе грамотъ должно было вѣдь сдѣлаться извѣстнымъ русскому зарубежному населенію, иные изъ нихъ прямо назначались для широкаго распространенія среди него. Поэтому русскому правительству надобно было въ глазахъ подозрительной шведской власти какъ бы оправдать свое официальное приглашеніе къ зарубежнымъ православнымъ по прежнему обращаться къ новгородскому митрополиту. Эта ссылка на шведскую просьбу была почти однимъ искусственнымъ дипломатическимъ маневромъ. И шведская, и московская власти поступали, приоравливаясь къ измѣнявшимся и измѣняемымъ обстоятельствамъ. Но какъ ни различались между собою частные случаи вышнихъ отношеній того и другаго правительства къ вопросу о правѣ митрополита, даѣте того, что московская власть „оставила“ было это завѣдываніе, а шведы, въ виду нуждающей необходимости, сначала „не противились“ (болѣе однако наружно) ему, даже были частные случаи ихъ просьбы о немъ, дѣло не подвинулось. При первой же возможности шведы стали открыто затруднять сношенія митрополита и потомъ совсѣмъ прервали ихъ, и московская

власть ничего не могла тут подѣлать. Утверждать же, будто заявъ-
дываніе митрополита явилось благодаря только настойчивой шведской
просьбѣ и что русскія грамоты, сообщающія о ней, „представляютъ
испѣйшее доказательство заботливости самихъ шведовъ... о церков-
ныхъ интересахъ ихъ новопріобрѣтенныхъ подданныхъ“, значитъ
игнорировать прямые задачи грамотъ и не знать дѣйствительныхъ
обстоятельствъ и причинъ ихъ появленія. Напрасно рецензентъ, въ
подкрѣпленіе своего мнѣнія, говоритъ, что такъ дѣло разказано, на
основаніи этихъ документовъ, у Чистовича и преосв. Макарія: онъ
забылъ присоединить, что эти авторы, также ниже цитируемые нами,
с совсѣмъ не придавали дѣлу такой несообразной окраски,
какую сообщилъ своему разказу нашъ критикъ.

Увѣреніе рецензента, будто разгромъ Валаамскаго и Коневскаго
монастырей мы относимъ ко времени послѣ Столбовскаго договора,
основано на навязываніи имъ нашей рѣчи не соотвѣтствующаго
значенія, потому что въ рассматриваемой имъ тирадѣ, какъ и въ
предыдущей, обозрѣваются нами событія, бывшія не только послѣ
Столбовскаго договора, какъ произвольно толкуетъ критикъ, а вообще
за періодъ вторженія и фактическаго и юридического владѣнія шве-
довъ, съ перенесеніемъ лишь въ ней главнаго центра тяжести въ
періодъ послѣ договора ¹⁾.

¹⁾ Любопытнѣй этотъ экспериментъ критика съ нашими словами, именующій
эюю цѣлью приписать имъ не точную дату. Сообщая, въ одной тирадѣ, о фак-
тическомъ и юридическомъ подчиненіи русскихъ власти шведовъ, о размѣрахъ
этого подчиненія и сѣдѣствіяхъ его для русскихъ религіозныхъ интересовъ, мы,
развивая данную мысль, слѣдующую тираду начинаемъ словами: „шведскимъ
правительствомъ употреблены были теперь всѣ, зависящіе отъ него, средства къ
вовлечению въ лютеранство всѣхъ новопріобрѣтенныхъ подданныхъ“. Критикъ
береть это выраженіе, при чёмъ послѣ слова „теперь“ вставляетъ отъ себя, въ
скобкахъ: „то-есть, тотчасъ же по заключеніи Столбовскаго договора“, не отдѣ-
ляя приводимыхъ имъ нашихъ словъ виосными знаками, такъ что читатель, не
справившись съ нашей книгой, можетъ считать эту вставку принадлежащею намъ.
И къ чому это „тотчасъ“? Непосредственно предъ тѣмъ, въ концѣ предыдущей
тирады, сообщалось и о бывшемъ послѣ Столбовскаго договора, такъ что кри-
тику, чтобы быть послѣдовательнымъ въ своемъ толкованіи, требовалось бы еще
поотдалить время. Затѣмъ, сообщивъ о разореніи Валаамскаго и Коневскаго мо-
настырей (слова, напрасно попавшия въ нашъ текстъ: „и превращены въ кирки“,
должны быть опущены) и нѣкоторыхъ приходскихъ храмовъ, мы захѣчаемъ:
„впрочемъ, чтобы поворотъ не казался населенію слишкомъ крутымъ и не вы-
зываѣтъ вспышекъ раздраженій, правительство старалось начать съ мѣра благо-
війныхъ, и принять принужденіе, когда силы православныхъ были уже осла-

Возражение критика противъ нашего пользованія тремя русскими грамотами и наказами о мѣрахъ противъ пропаганды поконится, кроме искаженія смысла нашихъ словъ, на значительномъ измѣненіи и ограниченіи смысла самыхъ памятниковъ. По увѣренію г. Амф. Лебедева, мы ссылаемся на нихъ съ цѣлью „показать широкіе размѣры насильственной лютеранской пропаганды шведской въ ново-приобрѣтенныхъ шведами русскихъ городахъ“, тогда какъ они приводятся у насъ въ качествѣ фактовъ заботы русского правительства противъ пропаганды, даже безъ опредѣленія нами въ данномъ случаѣ послѣдней, была ли она насильственною или простою, дѣйствовавшею или угрожавшею: критикъ произвольно такимъ образомъ подставляетъ одно понятіе вмѣсто другаго¹). Выдуманное нимъ опредѣленіе пропаганды „насильственною“, не существующее у насъ въ данномъ случаѣ, онъ приписываетъ намъ съ укоромъ и съ обнаружениемъ якобы противорѣчія въ нашихъ словахъ. Именно, вторая изъ указанныхъ нами грамотъ (1619 г.), по его словамъ, не можетъ явиться доказательствомъ „насильственной“ шведско-лютеранской пропаганды „даже въ то первое начальное время подданства русскихъ шведамъ, о которомъ самъ авторъ прежде замѣтилъ, что тогда дѣйствовали еще только благовидныя мѣры“. Критикъ не видитъ, какъ мои слова о „благовидныхъ мѣрахъ“ въ первоначальную пору подданства, столь усердливо имъ теперь повторенные, изобличають всю неумѣстность его вставки и всю неосмыслинность укора, на ней

блѣхи“, и потому подробно передаемъ объ этихъ мѣрахъ. Уничтоженіе монастырей и церквей, значитъ, въ первую пору не было явленіемъ обычнымъ; правительство старалось начать съ мѣръ благовидныхъ, какъ и было въ дѣйствительности: разгромъ названныхъ монастырей случился при военномъ покореніи края, и лишь какъ только правительство все взяло въ свои руки, оно для ослабленія православія приняло мѣры иного характера. Критикъ же толкуетъ, будто мной означены сначала факты болѣе поздніе, и уже затѣмъ я возвращаюсь къ болѣе раннимъ, и такимъ образомъ наязываетъ мнѣ отнесеніе разоренія означенныхъ монастырей ко времени послѣ Столбовскаго договора!

¹) Наши слова (594 стр.): „Многіе бѣжали изъ за рубежа съ единовѣріемъ Московское государство, особенно въ виду того, что Москва не прекращала заботъ о парализованіемъ («насильственной» въ нашемъ текстѣ иѣтъ) „шведско-лютеранской пропаганды, пользуясь, главнымъ образомъ, правомъ новгородскаго владыки завѣдывать духовными дѣлами православныхъ въ уступленныхъ шведамъ русскихъ областяхъ“. И затѣмъ приведено нами изъ грамотъ, что относится къ показанію этихъ заботъ русского правительства.

основанного. Напрасно критику представляется, будто мы приписали посланию Михаила Феодоровича къ м. Исидору слова, тамъ не стоящія. „Михаилъ Феодоровичъ“.— говоримъ мы, — „благодарилъ (1617 г.) новгородского митр. Исидора, что онъ, по иѣрѣ силь, охранялъ православныхъ отъ религіозныхъ и политическихъ „насильниковъ германского рода“ (594 стр.; замѣтимъ, что въ нашемъ текстѣ стоятъ во вносныхъ знакахъ только три послѣднихъ слова). Г. Амф. Лебедевъ на это возражаетъ, что въ грамотѣ Михаила Феодоровича эти „насильники германского рода“ „названы“ просто безъ эпитетовъ: „религіозныхъ и политическихъ“. Да развѣ могли стоять въ грамотѣ 1617 г. эти слова, невозможныя для того времени и языка? И развѣ эти эпитеты поставлены мною во вносныхъ знакахъ, какъ бы буквально принадлежащиѣ тексту? Такъ я охарактеризовалъ здѣсь шведовъ на основаніи общаго тона этой грамоты и взгляда на нихъ, проводимаго въ ней. Религіозно-политическими насильниками надъ русскимъ населеніемъ и представлялись вообще тогда шведы и московскому правительству, и новгородцамъ, чѣмъ ясно проглядываетъ какъ въ данномъ посланіи Михаила, такъ еще полнѣе и рельефнѣе это выражалось, когда обстоятельства располагали къ тому¹⁾.

Что же касается до толкованія, даннаго г. Амф. Лебедевымъ царскому наказу (1629 г.) новгородскимъ воеводамъ—развѣдывать о прѣѣзжающихъ изъ-за рубежа, не поплатились ли они въ вѣрѣ, и принимать соотвѣтственный съ тѣмъ мѣры,—то и оно не можетъ быть принято никоимъ образомъ. „Разиѣры лютеранской пропаганды“,

¹⁾ Вотъ чѣмъ, напримѣръ, говорили новгородцы, наканунѣ Столбовскаго договора, Эверту Горну, когда этотъ наставлялъ на присягѣ ихъ королю Густаву Адольфу. Упоминая о договорѣ, заключенномъ между ними и Делагарди о подданствѣ шведскому королевичу, новгородцы продолжали: „Послѣ этого утвержденья, честные обитатели и святые Божіи церкви отъ немецкихъ ратныхъ людей раззорены и разграблены, святые иконы поруганы, расколоты и изложены, многія моиць святыхъ изъ гробовъ выметаны и поруганы, колокола изъ многихъ монастырей и церквей, городовой большой нарядъ и всякий вывесенье въ Свѣйское государство, и около Новгорода литовскіе люди, которые служатъ здѣсь королевскому величеству, уѣздныхъ людей и крестьянъ жгутъ и мучатъ и на смерть побиваются, на правежѣ отъ винихъ приказныхъ людей въ налогахъ безъ ссыку иные на смерть побиты, иные повѣсились, и въ воду погнали, иныхъ изувѣчены и до сихъ поръ лежатъ“ (*Соловьевъ*, изд. 4, т. IX, 87). О взглядѣ московского правительства см. чѣмъ же, стр. 155, также см. царскую грамоту 1624 года, приводимую нами ниже.

утверждает нашъ рецензентъ, „тутъ совсѣмъ не при чёмъ: наказъ... ясно свидѣтельствуетъ не о размѣрахъ лютеранской пропаганды, а о размѣрахъ того православнаго отвращенія къ единовѣрію, при которомъ (отвращеніи) одно уже пребываніе православнаго среди инонѣрцевъ считалось для него оскверненіемъ“ Но еще преосвященный Макарій, на котораго предъ тѣмъ старался опереться критикъ, и который, зная о нѣкоторыхъ средствахъ лютеранской пропаганды, но не имѣя возможности знать фактовъ ея дѣятельности и ближайшихъ послѣдствій, замѣтилъ: „и эта пропаганда была, вѣроятно, не безъ успѣха“ и въ доказательство привелъ этотъ царскій наказъ¹⁾; такъ-же смотрѣть и указываемый нами ученый биографъ патріарха Филарета, профессоръ А. Смирновъ²⁾, обстоятельно воспользовавшися русскими грамотами.

Тѣмъ страннѣе комментарій г. Амф. Лебедева, что факты ни мало не говорять о шведской толерантности. Давно уже известно, что хотя и трудно было положеніе русскаго правительства, вынуждавшагося часто на невольное молчаніе противъ шведовъ.—оно, при первой для себя возможности менѣе дорожить шведскою дружбой, на требование не принимать къ себѣ перебѣжчиковъ, отвѣчало, чтобы шведскіе державцы нашихъ людей въ вѣрѣ не тѣсили и не гнали, иначе отъ нихъ поневолѣ будуть бѣгать; было известно и то, что такихъ, не желавшихъ возвращаться, русскихъ перебѣжчиковъ, не смотря на частую отдачу ихъ назадъ и на препятствія къ приему, ко времени Алексія Михайловича, по официальнымъ даннымъ, накопилось до 50 тысячъ. Все же, въ виду крайней бѣдности русской литературы по данному вопросу, которая не могла удовлетворить насъ и при попутномъ соприкосновеніи съ нимъ, мы должны были обратиться, чрезъ посредство одного изъ ученыхъ специалистовъ, къ финскому сочиненію Саленіуса, столь богатому документальными фактами, и изложили ихъ въ своей книгѣ, сознавая, что послѣдніе, и безъ всякихъ, на этотъ разъ совершенно излишнихъ, разъясненій, будутъ говорить сами за себя и обнаружатъ недостаточность русскихъ данныхъ. Между тѣмъ, незнакомый должностнымъ образомъ и съ фактами, ранѣе извѣст-

¹⁾ *Проесъ. Макарій*, Исторія Русской церкви, XI, 22.

²⁾ „Пропаганда лютеранъ“, говорить онъ: „отозвалась для православныхъ въ Швеціи тѣмъ, что въ 1629 году послѣдовало распоряженіе“, и потомъ сообщаетъ этотъ царскій наказъ (въ главѣ, излагающей „распоряженія обь областяхъ, уступленныхъ шведамъ по Столбовскому договору“, *Член. въ Общ. просвѣщ.*, 1874, I, 268).

ными въ русской литературѣ, нашъ критикъ этихъ новыхъ фактовъ уже совсѣмъ не потрудился усвоить, а потому и глухія общія фразы его о возможной (!) только важности неизвѣстнаго ему сочиненія Салленіуса являются въ нашихъ глазахъ риторическимъ упражненіемъ, ничему наскѣ не научающимъ.

Мы уже не разбираемъ напраслины г. Амф. Лебедева на сочиненія, на которыхъ онъ, яко бы въ опроверженіе наскѣ, рѣшается ссылаться. Для образца отмѣтимъ развѣ одинъ примѣръ. Отъ г. Амф. Лебедева узнаемъ, что г. Чистовичъ, „изложивъ состояніе православной церкви въ Финляндіи подъ шведскимъ владычествомъ по официальнымъ русскимъ даннымъ, которыхъ вездѣ у него и приводятся или цитируются“, на основаніи этого дѣлаетъ свое заключеніе о характерѣ шведско-лютеранской пропаганды и признаетъ за нею „тайные мѣры—учрежденіе славянской типографіи, награды православнымъ, которые выучать Лютеровъ катихизисъ, пасторамъ, которые будутъ говорить проповѣди на русскомъ языкѣ и проч.“. Но что же это за „официальные русские документы“, дающіе возможность г. Чистовичу указывать на перечисленныя критикомъ „тайные мѣры“? Гдѣ они приводятся или цитируются авторомъ? Надѣемся, намъ это означить ученый критикъ, или не замедлить объявить эти „официальные русские документы“, по отсутствію ихъ въ наукѣ не приводимые и не цитируемые ни Чистовичемъ и никѣмъ другимъ.

Чтобы покончить со вторымъ главнымъ возраженіемъ нашего критика, приведемъ мѣсто изъ недавней диссертациіи финляндскаго ученаго г. Меландера трактующее о предметѣ нашего спора:

„Во вновь покоренныхъ областяхъ, приобрѣтенныхъ по Столбовскому договору въ Кексгольмскомъ [Корельскомъ] мѣстѣ и Ингрѣи, преобладала греческая вѣра. Это обстоятельство причинило много заботы какъ шведскому правительству, такъ и духовенству. Намъ нужно помнить, что изображаемая вами эпоха была именно та, когда религиозная ревность и вмѣсть съ тѣмъ нетерпимость по отношенію къ чужой вѣрѣ были наиболѣе сильны. Въ это именно время началась та ужасающая религиозная война, которую называютъ въ исторіи Тридцатигодціей войной. Швеція въ фанатизмѣ не отстала отъ другихъ образованныхъ странъ нашей части свѣта. Тамъ уже около стотѣлій процвѣтѣлъ протестантизмъ, и это новое религиозное движение уже въ правлѣніе Иоанна III-го и Сигизмунда выдержало времена своего испытанія. Оно благополучно побѣдило препятствія и тѣмъ пріобрѣло внутреннюю силу и всеобщую поддержку, но вмѣсть съ тѣмъ стало фанатичнымъ. Естественно было, что процвѣтаніе греческой вѣры въ только что покоренныхъ южнорусскихъ областяхъ не могло нравиться ни лютеранскому духовенству, ни народу.“

„Правительство, которое, будучи поддерживаемо шведскимъ национальнымъ духомъ, въ спорѣ съ Сигизмундомъ боролось и противъ иноземной власти и противъ католицизма, также готово было стѣснить послѣдователей этого чужаго греческаго вѣроученія. Однако жезначаѣ оно обнаруживало осторожность. Оно не хотѣло тотчасъ же оскорбить религіозныя чувства своихъ новыхъ подданныхъ, и въ теченіе нѣкотораго времени не трогало ихъ богослуженія. Хотя въ мирномъ договорѣ ничего не было упомянуто о томъ, что исповѣдующіе греческую вѣру могутъ удержать свою старую вѣру, правительство однако же сперва вело себя по вѣшности такъ, что можно было думать, что оно намѣрено оставить религіозныя дѣла въ прежнемъ положеніи, какъ они были при русской власти, хотя прямые обѣщанія въ этомъ отношеніи давы были лишь жителямъ Ивангорода. Это доказывается исѣе всего тѣмъ фактомъ, что шведскіе послы, отправленные для присутствованія при подkrѣпленіи царемъ мира посредствомъ крестнаго цѣлованія, 20-го мая 1618 года предъявили просьбу о томъ, чтобы новгородскій митрополитъ посвящать русскихъ священниковъ въ уступленныхъ Швеціи областяхъ. На самомъ дѣлѣ шведское правительство противилось этому проекту и по весьма естественнымъ причинамъ. Ибо если священники посвящались въ Новгородѣ и, вслѣдствіе того, становились въ нѣкоторой степени зависимыми отъ тамошняго митрополита, то и русскому правительству, отъ которого зависѣлъ митрополитъ, не трудно было посвященныхъ такимъ образомъ священниковъ поставить въ нѣкотораго рода зависимости отъ себя.

„Вся эта просьба кажется лиши жалко ироніей, такъ какъ правительство еще болѣе, чѣмъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ, 10-го апрѣля, отправило начальнику Орѣховской крѣпости Мильсу Гансону и начальнику Кексгольма (Кореы) приказаніе наблюдать за тѣмъ, чтобы священники въ ихъ областяхъ посвящались не новгородскими митрополитами, а игуменомъ, суперъ-интендентомъ Ингрии. Послѣ того, однако же, ничего не было слышно объ этомъ игуменѣ, назначавшемъ для посвященія священниковъ, и намѣреніе о его назначеніи, повидимому, не было осуществлено. Есть и другое, болѣе ясное свидѣтельство въ томъ же направленіи. Когда два мѣсяца спустя послѣ этой просьбы епископу Элімеусу давали инструкцію о томъ, какъ ему дѣйствовать въ своей новой епархіи, то правительство, какъ видно, въ такой значительной степени измѣнило свой взглядъ, что оно вѣдѣло теперь новому епископу послать въ области, исповѣдующія греческую вѣру, искусствъ и учебныхъ пасторовъ, которые должны были постепенно проповѣдью и предупрежденіемъ обращать отъ заблужденія новыхъ подданныхъ, которые привязаны къ сувѣрному язычеству „и совсѣмъ противны нашей христіанской вѣрѣ“. Онъ долженъ быть также строить лютеранскія церкви въ удобныхъ для того мѣстностяхъ. Выѣтъ съ областными начальниками онъ долженъ быть совѣтоваться, какъ склонить подданныхъ къ тому, чтобы они добровольно принимали участіе, смотря по зажиточности мѣстности, въ постройкѣ церквей и уплачивали десятину. Новымъ пасторамъ епископъ, по совѣту съ областными начальниками, долженъ быть давать усадьбы съ домами каждому на такихъ же условіяхъ, на какихъ давались онѣ приходскимъ пастырямъ вообще въ этихъ мѣстностяхъ. Какъ видимъ,

была полная программа для обращенія

(въ лютеранство) новыхъ областей, программа, которой правительство потомъ со большими упорствомъ следовало. При такихъ обстоятельствахъ трудно допустить, чтобы выше упомянутое, сдѣланное въ Москве двумя мѣсяцами раньше, предложение действительно составляло въ то время, когда оно дѣжалось, главную пѣнь правительства. Оно *имѣло*, какъ мы уже замѣтили, *личь виѣшнюю цѣль, а именно—ускокть какъ подданныхъ русской имп. такъ и Россію...*¹⁾

Но довольно. И изъ приведенного здѣсь отрывка непредубѣжденные читатели могутъ видѣть, какова, по сознанію самихъ шведско-финскихъ ученыхъ, была шведская вѣротерпимость, на запыту которой такъ ревниво ополчился нашъ рецензентъ, и какою имъ должна показаться эта неожиданная защита; читатели усмотрятъ также, насколько для науки пригодно это «яснѣйшее» (!!) доказательство заботливости самихъ шведовъ... о церковныхъ интересахъ ихъ ново-приобрѣтенныхъ подданныхъ». придуманное г. Амф. Лебедевымъ и столь догматически преподанное имъ въ поученіе другимъ. Московское правительство, въ грамотѣ котораго рецензентъ увидѣлъ это „яснѣйшее доказательство“ своему фантастическому домыслу. совсѣмъ не годится въ свидѣтели столь милостивой аттестаціи шведамъ. Зная о религіозныхъ притѣсненіяхъ, учиняемыхъ шведами. православному населенію, оно, при отсутствіи надобности употреблять опасливо-дипломатическія выраженія относительно ихъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Столбовскаго договора и при томъ въ срединѣ періода, въ который появились указанные выше три русскихъ грамоты, пасало (17-го июня 1624 г.) новгородскому воеводѣ князю Ромодановскому: „вѣдомо тебѣ. боярину нашему, подлинно. что тѣмъ русскимъ людемъ. которые въ ихъ (шведской) сторонѣ, въ отаточныхъ городѣхъ, чернѣцомъ и мірскимъ людемъ, въ правослаѣвой христіанской вѣрѣ утѣшенье. и Божиихъ церквей имъ строити це вольно, и многія церкви заперты и запустѣли, и службы въ нихъ нѣтъ. а попомъ и черацомъ въ Новгородъ къ богоомольцу нашему. къ новгородскому митрополиту. для благословенія и наставлениія щадить не велять и отъ вѣры русскихъ людей отводять въ свою вѣру и тѣснить всякими мѣрами“²⁾). Не будь у нашего критика намѣренно предвзятаго предубѣжденія въ пользу толерантности шведовъ и заносчиваго взгляда на

¹⁾ Очеркъ состоянія Финляндіи въ 1617 — 1634 годахъ. I. Академическая диссертация К. Р. Меландера. Гельсингфорсъ. 1887, 201—203. — Переводъ съ финского языка, по нашей просьбѣ, обязательно сдѣланъ для насъ К. И. Якубовскимъ, которому и приносимъ здѣсь искреннюю признательность.

²⁾ „Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка“, сборникъ К. И. Якубова, стр. 272—279.

„православное отвращение къ иновѣрію“ и будь онъ освѣдомленъ съ литературою поближе, онъ могъ бы еще съ иѣкоторою правдоподобностью доказывать намъ противоположную частную мысль, именно, что мы смягчили характеръ первоначального отношенія шведовъ къ дѣлу завѣданія новгородскимъ митрополитомъ духовныхъ дѣлъ православныхъ, уступленныхъ по Столбовскому договору, то-есть, что въ этомъ частномъ пунктѣ намъ надоно бы еще далѣе отступить отъ взгляда и разказа Соловьева.

Третье возраженіе направлено г. Амф. Лебедевымъ противъ одной изъ нашихъ ссылокъ на юридическія изслѣдованія. Мы писали: (7 стр.): „По юридическимъ изслѣдованіямъ (тутъ цитируемъ Witte, Лешкова, Андреевскаго, Мартенса и Владимірскаго-Буданова), Россіи первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительного рѣшенія на практикѣ вопроса о правахъ иностранцевъ“ и затѣмъ, за періоды Рузы до-московскій и московскій, приводимъ рядъ доказательствъ давнаго положенія, какъ заключающихся въ указанныхъ сочиненіяхъ, такъ и своихъ (на сколько правильны послѣднія, это другой вопросъ). Рецензентъ выписываетъ мои слова, пропускаетъ цитату, гдѣ она стоитъ (!), и, встрѣтивъ первое доказательство, какого, по его словамъ, нѣть въ означенныхъ мною сочиненіяхъ, тотчасъ безъ всякой оговорки, переставивъ сюда цитату, съ подчеркивашемъ своихъ словъ, заявляетъ: „Итого—пять сочиненій, не считая „и другихъ““ Но ни въ одномъ изъ названныхъ сочиненій нѣть ни пол слова о томъ, чтобы иностранецъ на Западѣ былъ лишнъ свободы личнаго вѣроисповѣданія!“ Еслибы ученый критикъ перенесъ мою цитату еще пониже, то, конечно, подивился бы еще болѣе интереснымъ своимъ открытиямъ. Моя ссылка отвѣчаетъ только за положеніе, которое всецѣло принадлежитъ указаннымъ мною авторамъ, именно, что „Rossiї первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительного рѣшенія на практикѣ вопроса о правахъ иностранцевъ“, но не въ моихъ напиcеніяхъ было опираться на нихъ во всѣхъ обоснованіяхъ, приводимыхъ мною въ его пользу. Выѣстъ съ тѣмъ. рецензенту, при оправданіи своего мнѣнія, что на Западѣ иностранцы пользовались не менѣею свободой вѣроисловѣданія, чѣмъ въ Россіи, ближе было бы обратить вниманіе хоть на религіозное положеніе грековъ, въ эпоху паденія Константинополя бѣжавшихъ въ папскія владѣнія, тогда бы онъ увидѣль, какая масса этихъ лицъ, особенно тѣ изъ нихъ, которыхъ старались пристроиться на государственно-общественную службу, были стѣснены даже въ личной свободѣ вѣроисловѣданія; и во всякомъ слу-

чай не къ чему было ссылаться ему на приводимое у меня же свидѣтельство о существованіи русскихъ церквей въ Ригѣ. Колывани и Юрьевѣ, во время Бориса Годунова: въ моемъ изслѣдованіи онъ встрѣчаетъ вѣдь и сообщеніе о католическомъ храмѣ, основанномъ въ Новгородѣ за нѣсколько сотъ лѣтъ до Бориса, и о лютеранскихъ пасторахъ и церквяхъ, бывшихъ въ Москвѣ и Нижнемъ Новгородѣ тоже еще до царствованія Годунова, какъ и о бѣдственному положеніи этихъ, перечисленныхъ критикомъ, русскихъ церквей во времена Грознаго.

Рецензентъ утверждаетъ, что на Западѣ лишался свободы вѣроисповѣданія лишь „отступникъ отъ вѣры, господствовавшей въ извѣстной странѣ“. слѣдовательно, внутренній диссидентъ по вѣрѣ „Независимо отъ только что приведенныхъ мною примѣровъ, можно ли, однако, говорить о „не меньшей, чѣмъ въ Россіи“, свободѣ вѣроисповѣданія въ тѣхъ мѣстахъ, где примѣнялся *Jus Vildfangiatus?* По этому праву „иностранецъ“ дѣлался собственностью того, на чью землю онъ становился, по извѣстной аксиомѣ среднихъ вѣковъ: *Die Luft macht eigen*“. Сильное въ средніе вѣка, оно „дѣйствовало особенно въ Германіи до XVII столѣтія“¹⁾). Но оставилъ далекія страны и возьмемъ сосѣднія съ самостоятельную Россіей, примѣръ которыхъ былъ для нея всегда очевиднѣе. Русскіе, терпѣвшіе религіозныя притѣсненія въ Польско-Литовскомъ и Шведскомъ королевствахъ,—должно быть, по г. Амф. Лебедеву, „отступники“ отъ мѣстныхъ вѣръ? Это—совершенная новость. Также „отступники“ и „внутренніе диссиденты“—и тѣ русскіе купцы, которыхъ ревельскія власти не хотѣли пускать на молитву въ церковь, вопреки договорамъ съ московскимъ правительствомъ державшуюся „въ неволѣ“ (*„Протестантство и протестанты въ Россіи“*, 127—128 стр.), когда свободно уже стояло нѣсколько протестантскихъ церквей въ Московской Новоназемской слободѣ и лютеранскій пасторъ Грегорій разѣзжалъ на казенныхъ подводахъ для совершенія требъ у жившихъ вдали военнослужилыхъ лицъ? На неравнomoѣрность свободы общественнаго вѣроисповѣданія для иностранцевъ въ Россіи и для русскихъ на Западѣ жаловался предполѣдній московскій патріархъ, къ концу XVII вѣка. Нельзя опускать изъ виду, что первыя протестантскія церкви въ Московскому государствѣ явились для военнопленныхъ, оставшихся и оставленныхъ на жительство въ Россіи, и

¹⁾ *Андревскій*, О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Иоанна III Васильевича на престолъ великаго княжества Московскаго, Спб., 1854, 3.

что въ свободѣ общественного богослуженія протестанты, жившіе въ немъ постоянно, и находившіеся на службѣ, и искавшіе ея, пользовались преимуществомъ предъ протестантами заѣзжими на короткое время и неслужилыми. Что же касается личаго вѣроисповѣданія христіанскихъ иностраницъ, будь они пришлые, или подданные, неприосновенность его на Руси всегда признавалась прочною, подъ одинимъ условіемъ,—чтобы они, по характерному выраженію Грознаго, „не плодили своего учевія“, не вовлекали въ него русскихъ. Это ли было на Западѣ, особенно въ отношеніи къ военноизбраннымъ и къ искавшимъ службы и натурализированія?

Мнѣніе о широкой свободѣ вѣроисповѣданія, предоставляемой иностранцамъ въ Россіи, начиная съ самыхъ древнихъ историческихъ временъ ея, считается вѣрнымъ и проводится я тѣми изъ названныхъ ино выше ученыхъ юристовъ, которые прямо или косвенно касались данного вопроса. Сообщая объ *Jus Vildfangiatus*, распространенному и долго державшемуся въ иѣкоторыхъ западныхъ странахъ, и указывая вообще на болѣе благопріятное положеніе въ Россіи иностранцевъ, эти авторы даютъ понять свою точку зрѣнія и на вопросъ о свободѣ вѣроисповѣданія¹⁾), а одинъ изъ нихъ, въ своей статьѣ „Взглядъ на состояніе права иностранцевъ по началамъ европейскаго права вообще и въ особенности по законамъ естественнымъ“ прямо заявляетъ: „До реформаціи одна Россія могла хвалиться своею терпимостью, которая только съ Вестфальскаго мира сдѣлалась закономъ Западной Европы“²⁾). Справка съ специальными учеными изслѣдованіями по исторіи права въ главнѣйшихъ западныхъ государствахъ³⁾ подтверждаетъ, что тамъ при нетерпимости въ католическихъ странахъ къ протестантамъ, въ

¹⁾) Напримѣръ, первый изъ нихъ, Witte, говоря о правахъ иностранцевъ во времена Уложенія Алексея Михайловича, замѣчаетъ, между прочимъ: „Ohnehin veranlaßte die nothwendige Rücksicht auf die, aus dem Süden und Osten nach Russland einwandernden Nichtchristen, und auf die, um diese Zeit im Westen sich regenden kirchlichen Wirren, dass auch in Russland, wo bisher unbedingte Glaubensfreiheit geherrschte, auf das Confessionelle des Einzelnen mehr Rücksicht genommen wurde“ (Die Rechtsverhältnisse der Ausländer in Russland, Dorpat, 1847, 20—21, ср. 2). Ср. *Андреевскую*, 33 и дал.

²⁾) Юридическія Записки, изд. П. Ридикіймъ, 1842, II, 2, статья профессора В. Лешкова.

³⁾) Мы спрашивались съ сочиненіями *Ern. Glasson'a* (право англійское), *P. Violett'a* (пр. французское), *Andr. Heusler'a*, *Herm. Schulee* (пр. иѣменецкое и прусское), *S. Bluntschi*, *A. Heffter'a* и *P. Hinschius'a* (пр. государственное, церковное и международное).

протестантскихъ къ католикамъ, иновѣрцы, пріѣзжие и селившіеся на постоянное жительство обыкновенно циркулировались къ внутреннимъ „еретикамъ“ и „диссидентамъ“; взглядъ на православныхъ и отношение къ нимъ, конечно, должны были быть тамъ еще высокомѣрие. Поэтому критикъ, оспаривая превосходство вѣроисповѣдной свободы иностранцевъ въ Россіи, направляется противъ этого положенія, какъ бы принадлежащаго лично намъ: въ своей полемикѣ онъ долженъ имѣть въ виду, прежде всего, ученыхъ юристовъ. При томъ же, каждое изъ „правъ иностранцевъ“ и „Запада“ берутся въ нашемъ изслѣдованіи въ ихъ цѣлости. Иначе можно бы сдѣлать кое-какія замѣчанія, положить, и относительно упоминаемаго нами берегового права (*Strandrecht*), которое въ различныхъ странахъ Западной Европы признавалось неодинаково, но которое въ благопріятномъ смыслѣ, несомнѣнно, было практически рѣшено ранѣе въ Россіи, нежели въ культурныхъ западныхъ странахъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Слѣдующія два замѣчанія (4 и 5). слишкомъ мелкія, выдвинуты г. Амф. Лебедевымъ. надо думать, болѣе для счета, хотя первому изъ нихъ рецензентъ и предноситъ оговорку, что изъ указывающаго примѣра „всего яснѣ“ видна неосторожность автора въ производимыхъ имъ цитатахъ. Просьба Францбекова насчетъ учителя о вѣрѣ, предъ принятиемъ крещенія, не была обычна: „просили обыкновенно лишь „о крещеніи“ и о „верстаніи“ соотвѣтственнымъ государеннымъ жалованьемъ; характерность и интересъ его просьбы отчасти отмѣчены и описателемъ рукописи, Строевымъ¹⁾). А если онъ передъ крещеніемъ просилъ себѣ учителя, который бы ему „предалъ учение о вѣрѣ, св. апостоль и свят. отецъ правила“, и, конечно, получилъ соотвѣтственное наставление, то какъ же это будто бы, опровергаетъ наше предположеніе (и не болѣе), что онъ потомъ „могъ“ говорить королевичу Вольдемару о перекрещиваніи съ убѣжденіемъ, не по одной офиціи (мы вѣдь и не утверждаемъ, что онъ дѣйствительно говорилъ съ убѣжденіемъ)? Или же отсюда прямѣе слѣдствіе, что Францбековъ говорилъ потомъ объ этомъ безъ убѣжденія, какъ хотѣлъ бы, повидимому, доказать нашъ рецензентъ? Не безъ причины же его именно выбрала и послала сама духовная власть быть посредникомъ въ переговорахъ съ Вольдемаромъ по данному вопросу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы и не идеализировали личности Францбекова, напоминая также полученному имъ материальномъ пособія, выдаваемому обыкновенно

¹⁾ Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія Царскому. Разобранные описаны *П. Строевымъ*, М. 1848, сборн. № 461, 219.

каждому перекрещенцу; при отсутствии послѣдняго условия мы имѣли бы полное основаніе говорить о внутреннемъ убѣжденииъ Францбекова уже не предположительно, а какъ о дѣйствительномъ фактѣ.

Другое небольшое свое замѣчаніе критикъ начинаетъ такъ: „на стр. 63—64, разказавъ по Олеарію о разрушениіи нѣмецкой цирихи въ 1632 году по поводу драки въ ней двухъ нѣмокъ изъ-за мѣстъ, авторъ“ и проч. Но такъ разказываемъ совсѣмъ не мы, а, въ сущности, исправляемый нами и не видѣвшій подлинника пасторъ Дальтонъ, утверждавшій, будто виною разрушенія церкви была всего „одна пара женщинъ“: у Олеарія и у насъ сообщается о массовомъ участіи нѣмокъ въ ихъ скорѣ и дракѣ; противъ нашего изложенія факта (63—64 стр.) не находить ничего возразить и рецензентъ. Онъ возражаетъ собственно противъ указаній нашихъ на этотъ фактъ, дѣлаемыхъ совершенно мимоходомъ въ двухъ другихъ мѣстахъ книги (стр. 10 и 281). Въ первомъ случаѣ нами высказана догадка объ участіи въ этой дракѣ и мужчинъ: выставляемые Олеаріемъ русскіе очевидцы, судивши о фактѣ и видѣвшіе „сумятицу“ („d. Tumult“), бывшую продолженіемъ драки въ церкви, говорили вообще о людяхъ („die Leute“, „sie“), чтобъ послужило основаніемъ для нашего предположенія. Второе указаніе наше, сходное со взглядомъ Руцинскаго, тоже слишкомъ ужъ подчеркнуто въ изложеніи критика.

Г. Амф. Лебедевъ не согласенъ, затѣмъ, съ нашей характеристикою моральныхъ качествъ протестантовъ, представленною нами въ IV главѣ изслѣдованія: приводимые нами факты и современные свидѣтельства очевидцевъ, по мнѣнію рецензента, будто бы не подтверждаютъ ея. Авторъ, по утвержденію г. Лебедева, выставляетъ „нѣмца“ „нечистымъ“, „по самой природѣ“ „въ самыхъ непріглядныхъ чертахъ“ рисуетъ нравственныя качества протестантовъ“. „не только въ самомъ рѣшительномъ тонѣ говорить о нравственной распущенности протестантовъ, но, повидимому, не желаетъ признать за ними и способности быть иными“ Но такая мрачная характеристика и этотъ оструйный выводъ принадлежатъ самому критику; излагаемая же у меня данная подтверждаютъ только ту характеристику, которая дается въ моемъ изслѣдованіи.

Приписываемая миѣ критикомъ, якобы основная, точка зреінія, и это удивительное сужденіе „о нѣмцѣ“, „нечистомъ по природѣ“, выведены имъ изъ нашей, не дающей къ тому никакого права, мимоходной замѣтки по поводу попыткѣ вымѣщательства саксонскаго герцога Эрнеста Благочестиваго во внутреннія дѣла московскихъ лют-

ранскихъ общинъ, члены которыхъ враждовали между собою и питали себя нравственными проступками. У насъ сказано: „надежды герцога на умиротворение, мы видѣли уже, не оправдались: неприглядные въ моральномъ отношеніи поступки и свойства протестантовъ не были у нихъ случайностью; напротивъ, они на столько коренились въ нихъ натурѣ, что вмѣшательство жившаго вдали герцога не могло произвести какого либо замѣтнаго улучшения“ (стр. 324). Такимъ образомъ, здѣсь значится только, что неприглядные поступки и свойства московскихъ протестантовъ, съ которыми герцогъ имѣлъ сношенія, оказывались прочиѣ и сильнѣе того, чтобы вмѣшательство герцога произвело здѣсь серіозное воздействиe. Означенное вмѣшательство жившаго вдали герцога изображено у меня отрывочнымъ, не имѣвшимъ опредѣленной организаціи; герцогъ охарактеризованъ сантиментально - мечтательнымъ, непрактичнымъ. Объ организаціи церковно-административного строя, въ дѣла которой вмѣшивался герцогъ, у меня, въ соотвѣтственномъ для того мѣстѣ (III гл.), сказано, что она по своей слабости, бывши на руку неурядицѣ, „однако, не приводила общинъ къ утратѣ того, что придавало смыслъ ихъ жизни“ и при этомъ первою заботою у нихъ выставлена мною — безпрерывность совершения богослуженія, второю—просвѣщеніе, устройство и поддержка церковно-приходскихъ школъ. Споры и тяжбы, за рѣшеніемъ которыхъ протестанты обращались къ правительству, представлены одинимъ изъ благопріятныхъ условій для русской администраціи ближе узнавать не однихъ купцовъ и служилыхъ иноземцевъ, но и пасторовъ и школьнѣхъ учителей; указано, какъ крупная тяжба Баумана на столько ознакомила и выдвинула представителей Баумановской партіи, что при ихъ помоши облегчено было устройство придворнаго нѣмецко-русскаго театра, имѣвшаго, кроме эстетической, и чисто нравоучительную цѣль (стр. 322—323, 228—231, 735—740, 682—683). Предъ фразой, выхваченою и перетолкованою рецензентомъ, у меня прямо указано: „Сами протестанты, по крайней мѣрѣ, лучшие изъ нихъ, выносили изъ своей междоусобной борьбы тяжелыя мысли“ (323 стр.). Въ другомъ, соотвѣтственномъ мѣстѣ, сказано, что въ иноземческой „средѣ находились люди, невольно возбуждавшіе (у русскихъ) уваженіе къ умственнымъ и общественнымъ качествамъ“ (758 стр.). Подробно обрисованы мною и тѣ вѣшнія условія, которыя поддерживали неурядицу, и сказано, что съ измѣнившимися потомъ обстоятельствами „виновники внутреннихъ распирей не находятъ уже себѣ прежней горячей поддержки и вѣкоторые изъ нихъ прямо вы-

даются правительству самими протестантами" (782 стр.). И посль всего этого мой критикъ смыло навязываетъ мнѣ нехѣпое положеніе, будто "иѣменецъ" у меня "является" "нечистыемъ по природѣ" и что протестанты не способны быть иными. менѣе нравственно-расщущенными?! Зачѣмъ въ область ученой критики вносить такое ребячество!

Разказанные мною факты, именно судия дѣла, рецензентъ считаетъ "самыми обыкновенными, заурядными дѣлами". Въ средѣ, изъ которой взяты, они и были заурядными: особенныхъ дѣла всегда исключительны и мало, а нерѣдко и совсѣмъ не служать къ характеристикѣ ия группъ, ни массы. И какъ въ своей передачѣ этихъ дѣлъ ни старался рецензентъ обезличить ихъ. они и въ его редакціи служатъ къ подтвержденію нашего положенія, для иллюстраціи котораго и приведены въ изслѣдованіи: "междуусобные счеты не были у нихъ (иностранцевъ) борьбою ученой, научно-богословской, политической, они не происходили въ области отвлеченнай морали... Борьба вполнѣ соотвѣтствовала свойствамъ населенія: какъ люди практическаго склада, иноземцы вели и житейско-практическіе споры, главнымъ образомъ изъ-за той или иной материальнай прибыли" (282 стр.). При своемъ неудержимомъ стремленіи обезличить и умалить факты, въ самомъ крупномъ изъ нихъ, дѣлѣ генерала Николая Баумана, критикъ не видѣть не только, но сравненію съ другими, необычнаго драматизма, но обзываеть его просто "пресловутымъ", и при этомъ въ такой формѣ передаетъ его, что изъ нея не узнаешь ни почвы, ни мотивовъ, ни размѣровъ тогдашней борьбы; не видишъ даже, почему оно должно называться дѣломъ Баумана, а, положимъ, не пастора Грегори. Передавъ своими словами нами написанное, г. Амф. Лебедевъ самодовольно заключаетъ: "вотъ вкратцѣ суть пресловутаго Баумановскаго дѣла" За собственную передачу дѣла пусть критикъ отвѣтствуетъ самъ. Но инымъ представлялось оно людямъ серьезнаго знанія и важнаго значенія въ разработкѣ предмета нашаго изслѣдованія, напримѣръ, пастору Фехнеру, который первый воспользовался для него главнымъ русскимъ архивнымъ материаломъ. Бекку, автору обширной и документальной биографіи "Ernst der Fromme", пользовавшемуся материалами саксонскаго архива. Не такимъ казалось оно и самимъ участникамъ въ немъ.

Возникло это дѣло, какъ разказано у меня, на почвѣ взаимно-враждебныхъ отношеній между старыми и новыми военно-служилыми иноземцами, и наглядиѣ и полнѣе всякаго другаго изъ известныхъ доселѣ дѣлъ оно раскрываетъ внутреннюю сторону важнѣйшей по

количеству и значенію иноземческой группы, интересы и взаимныя отношенія ея членовъ. Тянулось оно много лѣтъ, и прими и косвѣнными участниками въ немъ была масса лицъ. Непонятное для моего критика, это дѣло получило свое названіе отъ главнаго лица, около котораго оно сосредоточивалось. Быстрое возвышение новопрѣзжаго и счастливатаго по службѣ Баумана, вскорѣ перегнавшаго въ чинахъ всѣхъ военныхъ лицъ и получившаго у насть, сколько извѣстно, впервые для иноземца чинъ полного генерала, вызвало среди служилыхъ иностранцевъ цѣлую бурю, въ которой переплелись взаимныя интриги не только между новыми и старыми иноземцами, но и московскими пасторами и ихъ церковными приходами; одинъ пасторъ старался унизить другаго, одна община уничтожить сосѣднюю; кромѣ жителей подмосковной Нѣмецкой слободы, въ борьбѣ приняли участіе и иноземцы, живши въ отдаленномъ Бѣлгородѣ и другихъ мѣстахъ, и для улаженія неурядицы, независимо отъ содѣйствія московскаго правительства, требовалось участіе заграничныхъ государей, интересовавшихся бытомъ иностранцевъ въ Россіи. Роли прямыхъ участниковъ спора быстро и неоднократно менѣялись, побѣждавшіе не разъ превращались въ побѣжденыхъ, и чѣмъ привилегированіе были дѣятели, тѣмъ болѣе неудобнымъ оказывалось ихъ положеніе. О сторонникѣ Баумана, извѣстномъ внослѣдствіи устроившемъ придворного нѣмецко-русскаго театра, пасторѣ Грекори, когда, по порученію членовъ своего церковнаго совѣта, онъ отправился за границу за сборомъ пожертвованій на церковь и школу, разглашали, будто онъ прежде служилъ въ польскомъ полку, откуда бѣжалъ, за что имъ его, какъ человѣка безчестнаго, было прибито къ висѣльцѣ; что онъ поѣхалъ къ германскимъ князьямъ съ тайными письмами и дарами Ромодановскаго, впадавшаго тогда въ царскую немилость, что онъ настоящій измѣнникъ, и прочее. А когда онъ возвратился, то соперникъ его и сторонникъ враговъ Баумана, пасторъ Фокеротъ, укоряя его на церковномъ совѣтѣ въ утайкѣ денегъ, у себя же на дому, въ присутствіи своихъ единомышленниковъ, прочелъ насквозь, гдѣ говорилось, будто Грекори былъ лишенъ въ Австріи чина, чести и права голоса, а его покровитель Бауманъ—даже и не лютеранинъ, а папежникъ. Затѣмъ соперники и противники Баумана въ своей челобитной государю обвиняли Грекори въ политической и моральной неблагонадежности: по прибытии де изъ Нѣмецкой земли онъ въ киркѣ молилъ Бога сначала о здоровье римскаго цесаря и курфирстовъ и князей цесарской земли, за здоровье же царскаго величества мо-

лился послѣ; русскихъ-де онъ называлъ варварами; находился уже подъ судомъ въ Рейтарскомъ приказѣ, раньше того уѣжалъ изъ Швеціи въ Польшу, изъ одного полка въ другой, но сбѣжалъ и отсюда... Враги добились того, что Грекори былъ лишенъ прежняго прихода.

Но не легко доставалось и его сопернику. Фокероту, котораго, какъ есть извѣстіе, обвиняли „человѣкомъ не въ своемъ умѣ“. Не имѣя силы переносить стѣсненій и оговоровъ Баумана и полковника Эгерата, полковникъ Августинъ Элернъ счелъ лучше совсѣмъ выдти изъ своей родственной среды: „видя единовѣрцевъ своихъ (писалъ онъ Алексѣю Михайловичу) страшныя и богохульныя свидѣтельства, достойно ихъ и вѣры ихъ гнушаюсь, и къ тебѣ, государь, волъ, изволъ приказать научить меня православной христіанской вѣрѣ и потомъ крестить“. Безполезно и самъ Бауманъ, досаждаемый и преслѣдуемый обойденными товарищами по службѣ, сыпалъ рядъ членобитныхъ, въ которыхъ добивался управы надъ своими и Грекоревыми недругами. Не смотря на то, что вслѣдствіе распоряженія власти онъ перенесъ выстроенную имъ церковь на другое мѣсто, съ обязательствомъ выплатить другимъ вкладчикамъ ихъ протори, и былъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ Грекори вытѣсненъ изъ прежней общины, нападки на него не прекращались; онъ, наконецъ, созналъ, что „находится въ страшной скорби“, „не можетъ болѣе нести честь свою, здѣсь въ государствѣ полученную“, и нашелъ себя вынужденнымъ просить объ отпускѣ изъ Россіи. Учитель нѣмецкой школы, Рингуберъ, лицо стороны пострадавшей, доносилъ саксонскому правительству, что „этого позорного дѣла“ онъ не рѣшился „передать ни на словахъ, ни на бумагѣ“.

Съ выѣздомъ Баумана споры утратили ожесточенный характеръ, но не прекращались. Напрѣсно Эрнстъ Благочестивый пытался своимъ выѣшательствомъ пособить дѣлу: деньги, имъ присылаемыя, брались охотно; одно изъ его чувствительныхъ писемъ разъ, при чтеніи въ большомъ собраніи, и сообщеніе привезшаго его Рингубера о заботахъ и вниманіи Эриста растрогали было многихъ изъ присутствовавшихъ; но затѣмъ на ближайшихъ же собраніяхъ члены общинъ не пришли ни къ какому положительному рѣшенію о мѣрахъ къ исправленію: непріглядные поступки и свойства коренились „въ ихъ натурѣ“ сильнѣе того, чтобы серьезно поддаться подобнымъ стороннимъ воздействиимъ, и мы снова видимъ междуусобные счеты и раздоры.

Серьезное измѣненіе во взаимныхъ отношеніяхъ московскихъ протестантовъ замѣчается уже съ поворотомъ въ условіяхъ ихъ жизни.

Все это и сродное съ тѣмъ разказано въ напечь изслѣдованіи, и если оно для г. Амф. Лебедева не важно, то тутъ уже не повинны ни дѣло Баумана, ни наше изложеніе его.

Критикъ усиливается умалить и значение свидѣтельствъ иностранцевъ-современниковъ. За исключеніемъ вносимой имъ маловажной поправки въ передачѣ словъ Мейерберга, касающихся разбирательства иноземческихъ дѣлъ въ русскихъ судахъ, и упоминанія, совершенно неумѣстнаго, что Гордонъ де былъ католикъ¹⁾), изъ оговорокъ и ограниченій, для достовѣрности и значенія свидѣтельствъ, онъ, однако, односторонне искусственно подбираетъ только тѣ, которыхъ находятся и подразумѣваются въ моемъ изслѣдованіи, предлагая ихъ какъ свои, иногда, впрочемъ, съ предупрежденіемъ, моими же словами. Здѣсь у г. Лебедева нѣтъ ни нового факта, ни нового свидѣтельства, ни даже нового штриха. Но за то, пропустивъ приведенное нами характерное свидѣтельство объ иностранцахъ шведа Фербера, изъ времени Алексея Михайловича, онъ съ авторитетнымъ тономъ знатока укоряетъ настъ, что мы не повторили отзывъ голландскаго резидента Келлера, — „ отзывъ хорошо известный автору, приведенный имъ самимъ въ статьѣ „Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго“ но здѣсь почему-то не нашедшій себѣ мѣста“ Данное сужденіе Келлера о современникахъ относится къ десятильгіямъ позднѣйшимъ, не входящимъ въ предѣлы настоящаго нашего изслѣдованія: когда приступимъ къ объединенію нашихъ работъ за слѣдующій періодъ, тогда „найдеть себѣ мѣсто“ и этотъ отзывъ, „хорошо известный“ намъ, но, очевидно, плохо известный нашему рецензенту.

Въ виду такихъ странностей въ разбираемомъ нами возраженіи г. Амф. Лебедева, мы въ заключеніе своего отвѣта на него, счи-

¹⁾ О роли Гордона, какъ католического дѣятеля въ Россіи, нами подробно говорено въ статьѣ „Исторія сооруженія первого костела въ Москвѣ“ (съ некоторыми дополненіями она вошла въ нашу книгу: „Изъ исторіи иностраннѣй исповѣданій въ Россіи“). Нарочитое упоминаніе объ его вѣроисповѣданіи, съ цѣлью на этой основе заподозрѣвать его въ тенденціозности, въ данномъ случаѣ было бы не кстати: онъ характеризуетъ „иноземныхъ офицеровъ“ вообще, безъ различія ихъ по вѣроисповѣданіямъ; да и самъ онъ въ пору данного свидѣтельства далеко не былъ тѣмъ поборникомъ католическихъ тенденцій, какимъ оказался впослѣдствіи въ своей старости.

таемъ законнымъ сопоставить съ нимъ суждение проф. Брикнера, получающее здѣсь особенную цѣну уже по одному тому, что IV глава, содержащая въ себѣ характеристику иностранцевъ, направлена, между прочимъ, противъ одного изъ прежнихъ положеній, высказанаго проф. Брикнеромъ въ литературѣ. Онъ отмѣчаетъ:

„Das vierte Kapitel heisst „Zustände, Sitten der Protestanten und deren Beziehungen untereinander“. Hier wird das Leben und Treiben der Ausländer in den ihnen, gewissermassen als Ghetto's, angewiesenen Vorstädten Moskau's und in verschiedenen russischen Städten, wie Tula, Archangelsk, Wologda, Jaroslaw, u. s. w. geschildert. Aus den Acten des Moskauer Archivs des Ministeriums des Auswärtigen schöpft Zwjetajew hier mancherlei neue Angaben über das Verhalten der Ausländer in Moskau der Feuerpolizei gegenüber (S. 262); den Acten des Ministeriums der Justiz hat er mancherlei Details darüber entnommen, welche Dienstboten—Russen und Tataren—sich in den Häusern der Ausländer befanden (Ss. 256—257). Von Interesse ist auch ein bisher unbekanntes Verzeichniß der Häuser der Ausländer in Wologda (s. S. 264 und d. Note mit entzettelicher Verbalhornung der Namen der Ausländer)... Ein ausserordentlich interessanter Zug ist folgender, das Rechtsverfahren in gewissen Streitfällen zwischen Russen und Ausländern betreffender... Auch bei dieser Gelegenheit, wie sonst an unzähligen Stellen des verliegenden Werkes, ist aus den Citaten, u. A. auch aus den Hinweisen auf ungedrucktes, archivalisches Material zu ersehen, über welch' reichen gelehrten Apparat der fleissige Forscher verfügt...

„S. 278 ff. kommt der Verfasser auf den moralischen Habitus der Ausländer in Russland zu reden. Es kann sich natürlich dabei nur um Durchschnittswerte handeln. Mit einer Charakteristik der Ausländer, wie der bekannte Historiker Ssolowjew dieselbe geliefert hat, ist Zwjetajew nicht einverstanden. Noch weniger zutreffend scheint ihm meine Darstellung der Haupteigenschaften der Bewohner der deutschen Vorstadt zu sein. Er findet meine Behauptung, dass die ausländische Bevölkerung in Russland im Wesentlichen den Eindruck der Tüchtigkeit, Solidität und Respectabilität mache, eineitig, also offenbar zu günstig (Culturhistorische Studien, Riga, 1878. II, 75). Ich bin mir keiner Schönfärberei bewusst und glaube meine Charakteristik gegenüber den Ausführungen Zwjetajew's aufrechterhalten zu können. Ich belege den eitirten Satz mit Hinweisen auf eine ganze Reihe von Persönlichkeiten, welche als Beispiele dienen können, und sodann folgt in meiner Darstellung der ausführliche Hinweis auf die Schattenseiten des moralischen Habitus der zusammengewürfelten Bevölkerung der „Sloboda“. Es liesse sich viel darüber sagen, z. B. darüber, dass der Verfasser geneigt ist, die den Ausländern widerfahrene Unbill und Verfolgung, jenen Überfall der Schaar Iwan's IV oder das Zerstören der Kirchen in erster Linie den schlechten Eigenschaften der Ausländer und dann erst etwa dem Mangel an religiös-nationaler Duldung der Russen zuzuschreiben (s. S. 281). Indessen erfüllen wir eine angenehme Pflicht, indem wir ganz und voll die gemessene und rücksichtsvolle Art der Polemik des Verfassers anerkennen. Andere können in dem Punkte der Ruhe und Gelassenheit bei Behandlung solcher Fragen von Herrn Zwjetajew viel lernen.“

„Sehr dankenswerth ist in dem vierten Kapitel die monographische Darstellung der Vorkommnisse im Leben einzelner Ausländer, wie z. B. Winius, Leslie, Marselis, Baumann u. s. w. Dem Process Baumann's hatte der Verfasser schon früher eine besondere Arbeit gewidmet und eine Fülle neuen Materials für denselben an's Licht gezogen“ ¹⁾.

А вотъ суждение лица, не заинтересованного въ данномъ спорѣ:

„Авторъ отличается подобающимъ историку беспристрастіемъ, не скрывающе отъ насъ темныхъ сторонъ иноземцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ въ допетровскія времена, указываетъ и на положительную сторону ихъ дѣятельности, на пользу, принесенную ими въ Россіи и русскому просвѣщению“ ²⁾.

Другой рецензентъ совершенно согласенъ съ нами, что на иноземцевъ нельзя смотрѣть апріорно, съ точки зрењія обычаго понятія о Западѣ и его культурѣ, и съ предвзятою мыслю возвыншать ихъ свойства, что въ сужденіяхъ о нихъ дѣйствительно надлежитъ ближе держаться къ приводимымъ мною фактамъ изъ ихъ жизни и мнѣніямъ современниковъ ³⁾.

Слѣдующее и послѣднее возраженіе рассматриваемой группы касается привлеченія нами, по выражению критика, „богослужебнаго материала“ и нашего отношенія къ нему.

Раскрывая въ III главѣ изслѣдованія внутреннюю сторону церковно-религіозной жизни протестантовъ, мы въ отдѣль о совершиліи богослуженія передали ближайшія свѣдѣнія о вершителяхъ его, пасторахъ ихъ пріискиваніи, поставленіи, содержаніи, выполненіи ими церковно-приходскихъ обязанностей; далѣе о мѣстахъ богослуженія, храмахъ—ихъ видѣ и устройствѣ; и, наконецъ, собственно о богослуженіи, церковной обрядности. За недостаточностью положительныхъ свидѣтельствъ, нельзя здѣсь категорически говорить даже о тѣхъ „агентахъ“, по которымъ совершалось богослуженіе въ каждой изъ общинъ, нерѣдко разнородныхъ по національностямъ и происхожденію прихожанъ и пасторовъ, а и въ некоторые периоды совмѣщающихъ въ себѣ протестантовъ всѣхъ вѣроисповѣданій и національностей, находившихся на лицо. Но еслибы и имѣлись всѣ надобныя здѣсь свидѣтельства, то все же, по причинамъ вполнѣ понятнымъ, ни само протестантское богослуженіе по богослужебнымъ книгамъ, запечатленнымъ изъ западныхъ государствъ и общинъ, ни вообще его ха-

¹⁾ Russische Revue, 1891, I, 137, 138, 139.

²⁾ Русское Обозрѣніе, 1891, I, 473, рецензія П. В. Безобразова.

³⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1890, VIII, статья И. А. Лебедева. О сужденіи проф. Багалѣя см. въ нашей ответѣ на его статью, 22—23 стр.

рактеръ не могли бы и не должны были входить въ область нашего изложения. Наша задача иная: найти явленія и факты чисто мѣстного происхожденія, указать, какъ богослуженіе в церковная обрядность, со связанными съ ними явленіями, двигались въ мѣстныхъ условіяхъ жизни протестантовъ. слѣдить, какъ отражались здѣсь условія мѣста, времени и характеръ участвовавшихъ. Въ виду этого, говоря, напримѣръ, о похоронахъ королевича Ивана датскаго, жениха Ксении Годуновой, мы интересовались не тѣмы молитвами, которыхъ обычно должны быть читаемы при погребеніи по лютеранскому обряду, но наasz занимала бытовая обстановка: мы обратили вниманіе на то, что въ погребальной процессіи, кромѣ иностранцевъ, участвовали царь, бояре и стрѣльцы, что бояре, по царскому приказу, противъ своего желанія, присутствовали въ киркѣ при отпѣтаніи принца, что пасторъ сказалъ надгробное слово, а канцлеръ—рѣчь, въ которой, упомянувъ обѣ обстоятельствахъ жизни герцога и милостию пріечъ, благодарилъ присутствовавшихъ тутъ москвичей за ихъ участіе въ отданіи послѣднихъ почестей усопшему. Объ интересующей наasz сторонѣ вопроса для слѣдующаго периода имѣются въ нашемъ распоряженіи богатыя данныя; нами, между прочимъ, отысканы составленные въ Россіи церковные уставы, гдѣ регламентируются время, составъ и порядокъ богослуженія, найдено множество случаевъ въ родѣ бывшаго при погребеніи Ивана датскаго; за разматриваемый же нами периодъ нашелся материалъ лишь очень отрывочный. Но это не только не даетъ права пренебрегать имъ, а, напротивъ, побуждаетъ тѣмъ болѣе дорожить каждой частностью и возводитъ ее съ возможной полнотой. И при своей отрывочности эти данные указываютъ случая приоровленія насторонъ въ совершенніи требъ¹⁾ и службы къ различнымъ обстоятельствамъ, случаи новыхъ, чисто мѣстныхъ фактовъ въ содержаніи богослуженія и различныхъ видоизмѣненій въ тонѣ послѣдняго; и при своей отрывочности, нѣкоторые изъ нихъ открываютъ намъ возможность точнѣе опредѣлить корни явленій времени послѣдующихъ.

Иначе смотрѣть на дѣло нашъ критикъ и съ своей точки зрения неудержимо громитъ эту отдельную III главу наслѣдованія.

¹⁾ Напримеръ, у немецко-лютеранского пастора Оксе, въ виду желанія родителей крещагоыхъ и за отсутствіе другихъ духовныхъ лицъ, были случаи крещенія „по англійскому обряду на англійскомъ языке“ и „по древнему апостольскому церковному установленію“, чрезъ троекратное погруженіе въ воду („Протестантство и протестанты въ Россіи“ 199—200 стр.).

„Не зачымъ бы,—рассуждаетъ онъ,—и создавать особаго изслѣдованія о свойствахъ протестантскаго богослуженія въ Россіи... Отъ этого изслѣданія тѣмъ болѣе можно бы воздержаться, что тутъ едва ли есть даже и объектъ изслѣдованія, такъ какъ богослуженіе у немцевъ въ Россіи, нужно полагать, было такое же, какъ и въ ихъ нѣмецкихъ странахъ, какъ объ этомъ, по нашему мнѣнію, совершенно вѣрно замѣтилъ г. Соколовъ: „богослужебные порядки и книги (аганды) московскія протестантскія общины занимствовали каждая изъ своего *Vaterland'a*“ (стр. 27)“

Замѣчаніемъ этимъ и ограничился г. Соколовъ о „богослужебныхъ порядкахъ и книгахъ“: оно выражено у него категорически безъ соотвѣтственнаго документальнаго основанія¹⁾). Тѣмъ не менѣе, подкрѣпляя себя этою „совершенно вѣрной“ наскоро брошенной фразой г. Соколова и усвоивъ не русско-историческую точку зренія, критикъ многоглаголиво доказываетъ, что всѣ приводимые мною случаи „не цѣлесообразны“ вообще для характеристики протестантскаго богослуженія въ Россіи; сужденіямъ имѣющімъ въ изслѣданіи совершенно частный характеръ, на сколько каждое изъ нихъ относится къ тѣмъ или инымъ приводимымъ фактамъ, г. Аиф. Лебедевъ приписываетъ оцѣнить общее значеніе, расширяетъ ихъ смыслъ и навязываетъ намъ такое „внутреннее убѣжденіе“, какое совсѣмъ не выходитъ изъ сужденій, предложенныхъ въ книгѣ и отрываемыхъ критикомъ отъ тѣхъ фактовъ, къ которымъ они относятся и о которыхъ говорять.

Сообщивъ, напримѣръ, изъ Смутной эпохи о произведеніяхъ настора Бера, проникнутыхъ чувствомъ вражды къ русскимъ, мы, чтобы перейти къ случаямъ иного тона, уже не враждебнаго къ русскому быту, писали: „Но если въ богослуженіи замѣты элементы отрицательнаго отношенія къ русской дѣйствительности, то оно не могло миновать и положительнаго влиянія окружающаго, въ нѣкоторой мѣрѣ, подчиненія ему. Лютеране обыкновенно не упускали случая заявлять нашему правительству, что они въ своихъ церквяхъ молятся за здоровье и благополучное царствованіе нашихъ го-

¹⁾ Онъ ссылается на *Fechner'a* (II, 454—456), у котораго, однако, въ данномъ мѣстѣ говорится объ агандахъ московской старой лютеранской общины въ XVIII вѣкѣ, когда общины, послѣ различныхъ видоизмененій, получили уже значительно опредѣленное устройство, и на свидѣтельство *Brand'a* о случаѣ, видѣнномъ членами бранденбургскаго посольства 7-го декабря 1678 года въ московской реформатской церкви. Ссылка на *Brand'a*, очевидно, тоже заимствована

Соколовымъ у *Fechner'a* (I, 357). Объ этомъ свидѣтельствѣ см. въ нашемъ изслѣданіи, стр. 200.

сударей, и донесли на пастора Грегори, когда онъ въ молитвѣ за богослуженiemъ произнесъ имя Алексія Михайловича послѣ имени государей германскихъ. При бракосочетаніи Магнуса, короля Ливоніи, съ племянницей Грознаго Маріей Владимировной и на похоронахъ принца Ивана датскаго, жениха Ксении Годуновой, по политическому видамъ самого правительства, было устроено весьма близкое соприкосновеніе протестантскаго богослуженія съ православно-русскимъ. Отраженіе условій времени сказалось здѣсь, разумѣется, не столько въ составѣ богослуженія, сколько въ сопутствовавшихъ ему обстоятельствахъ” (211—212 стр.). Непосредственно за этимъ мы передали означаемые здѣсь частные случаи иного характера, нежели сообщенные нами выше изъ Смутной эпохи, и въ своей передачѣ оттѣнили, между прочимъ, то, какъ измѣненіе условій, при которыхъ совершились эти случаи, и официальное присутствіе русскихъ людей на богослуженіи неопустительно отражалось здѣсь въ тонѣ богослуженія или въ сопутствовавшихъ богослуженію обстоятельствахъ. Противополагая послѣдніе факты прежде разказаннымъ, мы такъ отозвались о нихъ: „Официальное присутствіе бояръ за протестантскимъ богослуженіемъ каждый разъ смягчало его тонъ. Вмѣсто восхваленій своего вѣроисповѣданія и враждебныхъ выходокъ противъ православно-руssского, протестанты должны были прямо или косвенно выражать свою благодарность присутствовавшимъ и не допускать ничего, чтѣ могло бы оскорблять религиозное чувство нашихъ предковъ” (220 стр.). Далѣе мы передаемъ случай, когда одинъ изъ пасторовъ приѣхъ даже къ угодливости правительству. Взятый въ контекстѣ рѣчи, послѣдній нашъ отзывъ („Официальное присутствіе” и проч.) характеризуетъ лишь частные случаи, разъясненные предъ тѣмъ и противополагаемыя между собою (одни—съ „элементами отрицательного отношенія къ русской дѣйствительности”, другіе—обратнаго свойства), и не имѣть отношенія къ общему, основному характеру протестантскаго богослуженія. А г. Амф. Лебедевъ, выхватывъ это наше сужденіе изъ контекста рѣчи, патетически восклицаетъ:

„Но когда же у нѣмцевъ въ ихъ богослуженіи бывали эти враждебныя выходки противъ православно-руssского, кроме одного совершенно исключительного случая—упомянутой молитвы Бера¹⁾), въ составѣ обыкновенного уст-

¹⁾ Это не точно: нами приведено нѣсколько молитвъ и проповѣдей Бера, сходныхъ по своему отношенію къ православно-руssскому. Нельзя опускать изъ вниманія также, что враждебныя къ русскому „Элена” Бера вѣкоторое время иѣласъ по окончаніи не простыхъ, а именно „богослужебныхъ собраний”.

новленного богослужения, впрочемъ, не входившей¹⁾? А между тѣмъ Цвѣтаева эти враждебные выходки выставляются, какъ постоянныя⁽¹⁾, которыхъ сдерживались только⁽²⁾ официальнымъ присутствиемъ бояръ за этимъ богослуженiemъ, такъ что еслибы^(?), напримѣръ, пасторъ вѣничалъ Магнуса не на пантеры православной церкви, гдѣ могли присутствовать и, вѣроятно, присутствовали бояре, а въ киркѣ, безъ ихъ дозора, то павѣрное^(!!) восхвалилъ^(!!) бы свое протестантское вѣроисповѣданіе и сдѣлалъ^(?) бы какую либѣдь ругательную выходку^(!!!) противъ православно-руssкаго; то же самое^(?) было бы при погребеніи Ивана датскаго^(!!) и даже на уличной похоронной процессіи^(!!) при проводахъ его останковъ въ Данию. еслибы и тутъ не было бояръ^(!!); ибо враждебный^(?) тонъ въ отношеніи къ православно-руssкому, по внутреннему убѣждѣнію^(!!) автора,—обычный^(??) тонъ протестантского богослуженія, который потому^(!!) и звучалъ всегда^(!!) въ этомъ богослуженіи, если^(?) не было помѣхъ со стороны бояръ^(!!)²⁾.

Въ нашемъ изложеніи, напротивъ, прямо указывается, какъ исключительны были передаваемые нами случаи съ элементами отрицательного отношенія къ русской дѣйствительности. проишедшіе въ моментъ самыхъ тяжелыхъ историческихъ условій для московскихъ протестантовъ. Если же гдѣ уже видѣть намекъ на розыскиваемое критикомъ „внутреннее убѣждѣніе автора“ объ „обычномъ тонѣ“ протестантского богослуженія въ Россіи, то совсѣмъ не тамъ, гдѣ ищетъ его критикъ, а развѣ въ слѣдующихъ приведенныхъ нами выше словахъ: „Лютеране обыкновенно не упускали случая заявлять нашему правительству, что они въ своихъ церквяхъ молятся за здоровье и благополучное царствование нашихъ государей“. Но таково ли это „внутреннее убѣждѣніе“, какимъ желалъ бы его выставить г. Амф. Лебедевъ? Это ли—рѣчь будто бы о „постоянныхъ враждебныхъ выходкахъ“ и объ „обычномъ враждебномъ тонѣ“ въ протестантскомъ богослуженіи!...

Однаковой цѣни съ только что разобраннымъ и глубокомысленная разсужденія критика о томъ, къ какому роду молитвословій причислить клятву-присягу доктора Фидлера, составленную пасторомъ Беромъ въ угоду правительству, и о томъ, „церковная“ ли пѣснь элегія Бера³⁾, пѣвшаяся лютеранами послѣ окончанія своихъ богослужебныхъ собраний, и т. д.

Таковы возраженія и замѣчанія на наше изслѣдованіе. сдѣланныя

¹⁾ Въ книгѣ не только не говорится, будто молитвы Бера входили „въ составъ обыкновенного установленного богослуженія“, но и подробно излагаются въ ней тѣ особыя обстоятельства, при которыхъ онѣ были составлены и произнесены Беромъ.

²⁾ Знаки въ скобахъ поставлены нами.

³⁾ См. Appendix къ Хроникѣ Буссова въ Ker. Rossic. Script. exteri, I.

рецензентомъ по существу дѣла. Они не показываютъ ни должного знакомства критика съ предметомъ, настъ занимающимъ, ни такого безпристрастія въ передачѣ фактовъ нашей книги, которое бы дѣлало несомнѣнными его обвиженія и укоры.

II.

(Свойствахъ слѣдующихъ четырехъ отдельовъ рецензіи г. Амф. Лебедева мы скажемъ здѣсь, сколько необходимо для уясненія линии ихъ основнаго характера.

Во второмъ отдельѣ ея рецензентъ занимается логическими соотношеніями въ „созерцанії“ автора изслѣдованія. Слишкомъ свободно отнесясь къ читаемому и ко „внутреннему убѣждѣнію автора“, когда еще все положеніе дѣла вынуждало ближе держаться къ фактамъ и контексту, ученый критикъ, вступая теперь въ область отвлеченно-теоретическую, свое произвольное отношеніе доводить до рѣшительнаго отстраненія отъ надлежащаго значенія текста.

Не ограничиваясь тѣмъ, что то расширяетъ, то суживаетъ смыслъ взятыхъ имъ словъ и выражений, то мыняетъ основы для разсужденія, подставляетъ или смѣшиваетъ нетожественные понятия, то высказываетъ положеніе, якобы отсутствующее въ книгѣ, и доказываетъ его мыслями и фактами изъ самой же книги; не ограничиваясь и противоположеніями подробнымъ сообщеніемъ о тѣхъ или иныхъ предметахъ краткихъ, мимоходныхъ упоминаній о нихъ, навязавъ каждый разъ этимъ упоминаніямъ совершенно несоответственныій односторонній смыслъ.—г. Амф. Лебедевъ не стѣсняется побѣждать стойкость текста внесеніемъ словъ, противорѣчащихъ контексту рѣчи и основной идеѣ сочиненія, и пропускомъ словъ и реченій, неудобныхъ для критика, и въ этомъ видѣ, искаженномъ добавкою и пропусками, онъ приводить выраженія во вносныхъ знакахъ, якобы буквально и сподрядъ заимствованныя изъ книги.

Какъ онъ легко расправляется съ текстомъ, ссылаясь для большей, повидимому, убѣдительности даже на факты въ книгѣ, можно видѣть хотя бы на этомъ примѣрѣ¹⁾). Критикъ увѣряетъ, что наше поясненіе случаевъ выдачи казеннаго жалованья пасторамъ „въ непосредственно слѣдующей строкѣ“ за словами о вѣротерпимости къ

¹⁾ Замѣтимъ, для удобства читателей, что основные положенія и выводы, чѣмъ искажѣе отражается наше „созерцаніе“, вкоротѣ формулированы нами въ введеніи къ книгѣ и въ тезисахъ; послѣдніе мы встрѣтили потомъ перепечатанными въ одномъ изъ отчетовъ нашемъ докторскомъ диспутѣ (*Право-славіе. Обозрѣніе*, 1890 г., №№ 11—12).

протестантамъ, простиравшейся до того, что ихъ пасторы удостоивались иногда казенныхъ наградъ и содержанія, „столько же доказываетъ вѣротерпимость русского правительства“, сколько доказываетъ ее „жалованье врачамъ, офицерамъ“. и въ подтверждение ссылается на приводимый нами фактъ награды пастору Грегори за постановку театральныхъ пьесъ. О „казенномъ жалованьѣ“ пасторамъ говорится дѣйствительно „въ непосредственно слѣдующей строкѣ“ за словами о вѣротерпимости, только въ другомъ отдѣлѣ. начинающемся съ новой, красной строки. Въ этомъ отдѣлѣ трактуется, прежде всего. о содержаніи пасторовъ, получаемомъ ими изъ разныхъ источниковъ. русскихъ и не русскихъ (8 стр.). При такомъ положеніи дѣла. конечно. должны быть факты. которые оправдывали бы наши предыдущія слова о вѣротерпимости, но могли быть и факты. не относящіеся къ ней. Эти два порядка фактовъ. находящихся въ книгѣ. и опредѣляются мною. Къ одному разряду ихъ относится фактъ, предупредительно упоминаемый рецензентомъ, награда Грегори за постановку театральныхъ пьесъ, говоря иначе. „жалованье за прямую тележбу государству“ (въ этомъ случаѣ въ официальныхъ докуменахъ Грегори обыкновенно называется даже не пасторомъ. а „магистромъ“; стр. 224. 194—195). Къ другому разряду фактовъ относится гораздо болѣе многочисленные случаи „казенныхъ наградъ и содержанія“ пасторамъ за „косвенную службу государству“. Это тѣ случаи выдачи, когда прямая служба пасторовъ шла уже къ удовлетворенію религіозныхъ нуждъ протестантовъ, именно: отправка того же пастора Грегори на казенныхъ подводахъ и съ проводникомъ къ жившимъ вдали отъ Москвы военнослужилымъ людямъ для совершения ихъ церковныхъ требъ; жалованье и награда „нѣмецкому попу Матвѣю“, посланному (1620 г.) на службу въ Тобольскъ, другому „нѣмецкому попу, Матвѣю Шаду“, сопровождавшему (1641 г.) въ Пермь Великую рудознатца Петцольда. жалованье пасторамъ при полкахъ, напутныхъ Лесли и приведенныхъ имъ изъ-за границы (194—195, 129—130 стр.). Почему критикъ умалчиваетъ объ этихъ, болѣе многочисленныхъ фактахъ и все малоютъ общей краской? Развѣ они одинаковы съ тѣмъ, на который онъ указываетъ? Напротивъ. они весьма отличны и какъ разъ подтверждаютъ то, что мы говоримъ о вѣротерпимости. Изъ нихъ видно, что правительство не только допускало свободу вѣроисповѣданія, но и способствовало ей, помогая служилымъ протестантамъ въ содержаніи и обеспечении ихъ пасторовъ. Или, можетъ быть, казенное жалованье только тогда „доказывало“ бы вѣротерпимость, еслибы оно выдавалось пасторамъ.

занявшимся религиозною пропагандой и „принесившимъ соблазнъ или вредъ религиозному чувству православныхъ“, или состоявшимъ при богатыхъ купцахъ и другихъ неслужилыхъ иноземцахъ? Мы никогда не давали, разумѣется, и намека на что либо подобное и согласно съ историческими фактами, безъ всякой двусмыслиности утверждали, что „свою вѣротерпимость къ служилымъ иностранцамъ правительство простирало даже до того, что, если не опасалось пропаганды, оно само напоминало или жаловало ихъ насторовъ“ (129—130 стр.).

А какъ критикъ пользуется текстомъ книги и толкуетъ его, ссылаясь въ доказательство на сторонніе документы, возьмемъ примѣръ самой большой выдержки изъ нея, гдѣ, слѣдовательно, уже всего легче критикъ могъ бы избѣжать неправильностей и неполноты въ приведеніи текста и несообразностей въ комментированіи его. Въ своемъ разсужденіи, предложенномъ нами въ одной нераздѣльной тирадѣ, о материальномъ обезлеченіи протестантовъ, обращающихся въ православіе (342—344 стр.), мы выяснили, какъ смотрѣли на это сами русские, и какъ для самихъ обращающихся материальная помощь, возмѣщая потери и принося выгоды, часто служила поощреніемъ къ принятію русского вѣроисповѣданія. О послѣднемъ именно сказано, что хотя находились, конечно, условія, которыя должны были привлекать къ принятію православія и помимо чисто материальныхъ расчетовъ, хотя „нѣкоторые иноземцы не могли не сознавать и не чувствовать силы и обаянія русского вѣроисповѣданія и на себѣ“, однако переходъ иностраницу много облегчался, если съ этимъ не соединялось материальнаго ущерба, а получалась еще и выгода. Условія материальные нами обрисованы господствующими, вполнѣ доказываемыми, остальные—подчиненными имъ, признаются, за недостаточностію на этотъ разъ историческихъ данныхъ (мемуаровъ самихъ перекрестовъ, гдѣ естественнѣе встрѣтить подробныя указанія на внутреннія побужденія, не сохранилось), лишь возможными, допускаемыми. Наши слова о высшихъ побужденіяхъ, стоящія къ концу этой тирады, трактующей объ одной основной мысли, г. Лебедевъ, безъ всякой оговорки, выдаетъ за „начало“ нашего разсужденія о мотивахъ къ принятію протестантами русской вѣры и, приведя эти слова, увѣрияетъ, что это „начало“ мы де заключаемъ такъ:

„Но не каждый могъ быть героемъ, чтобы изъ-за нового вѣроисповѣданія рѣшиться на невзгоды; переходъ былъ легче для него, если съ тѣмъ не съединялось материальныхъ потерь, а скорѣе получались еще выгоды. Иноземцы всегда отличались практичностью; на Русь они являлись съ цѣллю благопріятнаго для себя устройства. Видя, что это достижимѣе при полномъ слаженіи съ русскими, они и прибегали къ этому средству“

Критикъ сопровождаетъ выписку остроумныи вопросомъ: „какъ это заключеніе свести съ началомъ?“ Но если „заключеніе“ тирады относится только къ приведенному критикомъ „началу“, гдѣ говорится о второстепенномъ, лишь о не материальныи мотивахъ, то зачѣмъ же въ данномъ заключеніи, прежде всего, упоминается о геройствѣ и невзгодахъ? Упоминаніе это прямо относится къ тому, что говорится въ дѣйствительномъ началѣ тирады и нашего цѣльного разсужденія и о чѣмъ умалчиваетъ критикъ: „иностранцы были сильны у насъ взаимнымъ содѣйствиемъ; съ обращеніемъ въ православіе помочь отъ ирежнихъ соотечественниковъ прекращалась, напротивъ, они, гдѣ могли, вредили обращенному“ Второе выраженіе, объ облегченіи перехода при полученіи материальныи выгодъ, относится къ нашему сообщенію, опять замалчиваемому рецензентомъ и стоящему какъ разъ предъ словами „начала“ приведенного имъ: „для новообращающихся же получаемое ими жалованье часто служило значительнымъ поощреніемъ къ принятію нового вѣроисповѣданія“. Да не подумаетъ читатель, что критикъ, по крайней мѣрѣ, вѣрно привѣлъ хотя самое заключеніе, отмѣченное въ рецензіи вносыми знаками и мелкимъ шрифтомъ. Между словами „выгоды“ и „иностранцы“ г. Лебедевъ, незамѣтно для читателя, пронускаетъ цѣлое выраженіе: „находились лица, у которыхъ материальныи интересы стояли здѣсь на первомъ планѣ“ Выраженіе это оказывалось для критика весьма неудобнымъ: оно слишкомъ явно изобличало передергки рецензента въ толкованіи нашихъ словъ и его, якобы въ опроверженіе пасъ. ссылки на разказанные въ нашемъ же изслѣдованіи случаи обращенія въ православіе Шлякова и Лесли и на изданныя нами въ „Памятникахъ къ исторіи протестантства въ Россіи“ (М., 1888. I. 42—66) архивныи дѣла о крещеніи иностранцевъ и, между ними, въ особенности на дѣло Либенталия, изъ котораго, по словамъ г. Лебедева, будто бы „видно, что многіе изъ иностранцевъ еще до прїѣзда въ Россію решали вопросъ о принятіи русской вѣры прямо по расчету соединенныхъ съ этимъ выгодъ“ Въ качествѣ несомнѣннаго доказательства своему категорически выраженному объясненію документа критикъ упираеть сильнѣе всего на слова человѣтии Либенталия, вынисывая ихъ, для большей очевидности и для читателя, съ подчеркиваніемъ, перепечатывая курсивомъ: „за выѣздъ и за крещеніе противъ моей братии, новокрещенныхъ иностраницъ твоего великаго государева жалованья мнѣ не дано и ни въ какой чинѣ не записанъ“. Слова „противъ моей братии, новокрещенныхъ иностраницъ“,

означавшія соотвѣтственный просителю въ достоинствѣ разрядъ иноzemцевъ перекрещенныхъ, на одинаковое жалованье съ которыми члобитчикъ, по тогдашнимъ понятіямъ и обычаямъ, имѣлъ право, рецензентъ выдаетъ за прямое свидѣтельство того, что вся эта „братья, новокрещенные иноzemцы“, прїѣхала въ Россію съ рѣшеніемъ еще за границею намѣреніемъ принять православіе по расчету соединенныхъ съ этимъ выгодъ! Названіе это, согласно установившейся формѣ, было тогда обычнымъ терминомъ въ дѣлопроизводствѣ о подобныхъ наградахъ, представляли ли члобитчью иноzemцы новопрїѣзжіе, или такие, которые прожили долго въ Россіи, или родились въ ней и свое принятие православія мотивировали тѣмъ, что они „возвѣбили православную христіанску вѣру“ (см. „Памятники“, I, 51, 52, 53, 54; ср. нашу статью въ *Русскомъ Вѣстнике*, 1883, XI, 63—64). Замѣтимъ, что, тутъ же возставая противъ общей ссылки на подразумѣваемое свидѣтельство объ одномъ случаѣ, самъ критикъ ссылается на примѣръ Либенталя, случившійся лѣтъ 15 спустя послѣ рассматриваемаго нами въ книгѣ периода,—ссылается безъ всякаго предупрежденія о принадлежности его къ позднѣйшему времени и умалчиваетъ, что въ другихъ, гораздо болѣе типичныхъ дѣлахъ той же позднѣйшей эпохи, изданныхъ нами въ „Памятникахъ“, обычнымъ мотивомъ къ принятию православія члобитчики выставляли „возвѣбленіе“ ими православной вѣры.

И зачѣмъ рецензенту понадобилось доказывать намъ материальные мотивы обращенія протестантовъ ссылкой на изложенные у насъ примѣры, на изданныя нами дѣла и по преимуществу на Либентальево дѣло? Развѣ мы отвергаемъ эти мотивы? Послѣднія слова нашего заключенія называны критикомъ „совершенно вѣрными“; существование материальныхъ мотивовъ мы доказываемъ и теоретически и фактами, у извѣстныхъ лицъ прямо объявляемъ ихъ „стоявшими на первомъ планѣ“; пусть рецензентъ и скрѣль это наше выраженіе: уничтожить его въ книгѣ онъ не можетъ.

Мы уже подробно не разбираемъ сплошнаго перетолкованія критикомъ приведенного имъ „начала“ разсужденія, то-есть, словъ о мотивахъ, возвышавшихся надъ расчетами чисто материальными. Допустимость этихъ мотивовъ обосновывается нами и общими соображеніями, и указаніями на историческую почву. Начальный здѣсь слова, выражающія нашъ личный взглядъ, что болѣе сильное, по самой своей сущности, должно быть въ состояніи превозмогать болѣе слабое, г. Лебедевъ относить и къ мнѣнію протестантовъ и требуетъ

доказательствъ этому; непосредственно слѣдующія за этимъ слова, обрисовывающія отношеніе иноземцевъ, гдѣ получение иѣкоторыми протестантами благопріятнаго впечатлѣнія отъ православія выражается нами въ предположительной формѣ („могли“) и обосновывается намекомъ на дѣйствительный, передаваемый у насъ въ другомъ мѣстѣ, случай съ перекрестомъ Толмачевымъ, критикъ объявляетъ, будто мы говоримъ здѣсь категорически и при томъ о „глубокомъ убѣжденіи“ иноземцевъ въ истинности и превосходствѣ православія предъ всѣми другими вѣроисповѣданіями¹), и указываемый нами фактъ онъ толкуетъ вѣ историческихъ условій жизни Толмачева. да кстати относящееся къ иноземцамъ выраженіе наше: „ознакомляясь“ съ новымъ для нихъ вѣрованіемъ, измѣняетъ въ „ознакомась“, чтѣ придаетъ тексту иной смыслъ.

Изъ другихъ примѣровъ комментированія критикомъ нашихъ словъ остановимся еще на одномъ, частномъ, которому потому самъ рецензентъ придастъ особенный вѣсъ. Г. Лебедевъ укоряетъ, что признаніемъ „скрытаго подпольнаго пути“ въ извѣстныхъ случаяхъ протестантской пропаганды въ Россіи авторъ де „сбивается“ „на отвергающую имъ же точку зрѣнія г. Соколова“, „вращается въ противорѣчіяхъ“. Но г. Соколовъ утверждалъ, что протестанты „разставили тайныя пропагандистскія свои сѣти на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи съ православными“ (242 стр.)²). Эту мысль мы признали „не чуждой преувеличенія“ (513 стр.), чтѣ въ дальнѣйшемъ фактическомъ изложеніи и обосновано нами. Логическая неправильность была бы въ нашемъ текстѣ, еслибы мы сначала совершили от-

¹) „Силу и обаяніе“ православія могли „иѣкоторые иноземцы“ до лѣвой степени „сознавать и чувствовать“ на себѣ вѣдь даже безъ убѣжденія въ его превосходствѣ предъ протестантизмомъ, при самомъ вѣнчинѣ непосредственномъ ознакомленіи, напримѣръ, при видѣ крестныхъ ходовъ, какъ это случилось съ Олеаріемъ, отозвавшимся о нихъ, какъ о „пріятномъ зрѣлищѣ“ Въ какой степени мы допускаемъ здѣсь это воздействиѳ русского вѣроисповѣданія на иноземцевъ, видно изъ того, что этотъ возможный мотивъ къ принятию православія мы подчиняемъ другому, достовѣрно извѣстному и доказываемому въ книгѣ многочисленными фактами,—матеріальнымъ расчетамъ рѣшившихся на перекрещивание. *О допустимости* этого благопріятнаго *впечатлѣнія* отъ православія на иѣкоторыхъ иноземцевъ, жившихъ въ Россіи, слѣдовательно, только и можетъ быть здѣсь вопросъ, а не о чёмъ иномъ.

²) Приводя формулу г. Соколова, г. Лебедевъ (204 стр.) и тутъ не удержался отъ неточности: слова „при каждомъ соприкосновеніи“ замѣнилъ словами „при всѣхъ столкновеніяхъ“.

вергли мысль г. Соколова, а потомъ часть ея признали вѣрною; мы же отвергли одинъ „преувеличения“, излишества въ ней, и факты тайной пропаганды видимъ и указываемъ далеко не „на всѣхъ путяхъ“, далеко не „при каждомъ соприкосновеніи“ протестантовъ съ русскими; да при соприкосновеніяхъ и религіозныхъ, при бесѣдахъ о предметахъ вѣры, не всегда была какая либо „тайная пропагандистская сѣть“. Слѣдовательно, „вращеніе въ противорѣчіяхъ“, заключающееся будто бы въ книгѣ, и здѣсь, какъ и во всѣхъ вообще другихъ примѣрахъ, должно быть всецѣло отнесено къ добровольному вращенію самого критика въ сферѣ своего уклоненія отъ дѣйствительнаго значенія читаемаго и комментируемаго имъ текста.

Усвоенная г. Лебедевымъ манера судить съ крайне предвзятою тенденціозностью и съ плеча ставить его въ безвыходное положеніе предъ читателемъ и въ третьей главѣ его рецензіи, гдѣ онъ разбираетъ наше пользованіе „источниками“, точнѣе, книгою г. И. Соколова „Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“ (М., 1880).

Положивъ въ основу своихъ изысканій, на сколько было намъ возможно, архивные, рукописные и печатные материалы, мы старались критически воспользоваться, какъ нами заявлено и въ предисловіи къ книгѣ, и „относящимся сюда научною обработкою“ изучаемаго нами вопроса. По этому сочиненія, болѣе охватывавшія ту или иную его сторону, должны были и болѣе отражаться въ нашемъ изложеніи, и работы, чаще и болѣе другихъ выдавшія въ ошибки, должны были и чаще другихъ подвергаться критическимъ исправленіямъ. Въ такомъ именно положеніи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сочиненіями, оказалась книга г. Соколова, которая, довольно подробно трактуя объ одной изъ сторонъ взятаго нами предмета, въ особенности переполнена всякаго рода ошибками и неточностями. Но совершенно иное хотѣлъ бы приписать нашему изслѣдованію г. Амф. Лебедевъ, и къ стыду для самого себя. По его увѣренію, „справедливость требуетъ сказать“, будто мы „предпочитали черпать“ изъ „одного“ этого „источника“, такъ что „все время“, какъ исали мы „свое сочиненіе, или прежде статьи, изъ которыхъ оно составлено. книга г. Соколова“ намъ „служила для двухъ цѣлей: а) негласнаго заимствованія изъ нея руководящихъ сужденій и б) громкаго обличенія фактическихъ неточностей, которыхъ въ ней дѣйствительно не мало“

Первымъ случаемъ подобнаго предпочтенія нами этого „источника“ (научно слѣдовало бы сказать „пособія“) г. Амф. Лебедевъ приводить

полторы строки изъ общирного введенія къ изслѣдованию¹), именно, что протестанты „въ силу особенностей своего вѣроученія менѣ католиковъ должны были ревновать о вѣроисповѣдной пропагандѣ“. Пожалуй, они отчасти напоминаютъ слѣдующія слова г. Соколова по поводу вѣротерпимости въ Россіи „со временемъ Грознаго“: „по духу своего ученія, они (протестанты) не столько вмѣшивались въ политической дѣла государства, сколько католики, и не столько ревновали о распространеніи своего ученія“²). Но, выдавая эти слова за самостоятельный у г. Соколова, критикъ сразу же обнаруживаетъ свое невѣдѣніе литературы вопроса. Категорическое выраженіе г. Соколова на дѣлѣ оказывается почти буквальнымъ воспроизведеніемъ сужденія, цитируемаго мною въ своемъ мѣстѣ, проф. И. М. Снегирева, который предпочтение со стороны Грознаго лютеранъ католикамъ объяснялъ тѣмъ, что „первые по духу своего ученія не столько вмѣшивались въ политической дѣла государства, сколько послѣдніе, и не ревновали, подобно католикамъ, о пропагандѣ“¹). Сужденіе Снегирева, сдѣлавшееся потомъ въ соотвѣтствии литературѣ общепринятыхъ (иногда повторялось и почти буквально), должно было въ извѣстной мѣрѣ отразиться и въ нашемъ изложеніи. Мысль, что протестанты, по самому духу ученія, менѣ католиковъ ревновали о распространеніи вѣроисповѣдной пропаганды, мы, въ отчаїе отъ него (слѣдовательно, и отъ г. Соколова), признаемъ не какъ положительный фактъ, а, за недостаточностью прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ, только предположительно и принципіально („должны были“). въ силу одной логической связи между особенностями ученія и вытекающими изъ нихъ послѣдствіями.

Объявляя данное частное положеніе „готовымъ мнѣніемъ“, икобы „воспринятымъ“ нами у г. Соколова, г. Лебедевъ спѣшить съ своими опроверженіями его по существу, и въ такой мѣрѣ произвольными, что послѣ нихъ уже наскѣ ни мало не удивляетъ приводимый имъ второй примѣръ „заимствованія“ изъ той же книги. Въ объясненіе стѣсненій, какимъ подвергались отъ правительства московскій протестантскія общины и церкви, г. Соколовъ замѣтилъ: „все зло.

¹) Въ виду служебнаго значенія введенія, вся литература предмета, имѣющая прямое отношеніе къ нашему изслѣдованію, цитируется и характеризуется самомъ изслѣдованіемъ.

²) Соколовъ, стр. 4. Слова приводятся нами по подлиннику, а не въ сокращеніи критика.

всѣ причины этихъ стѣсненій скрывались въ самихъ протестантахъ" (стр. 15 и 21). Обрисовывая моральныя качества жившихъ въ Россіи протестантовъ и припоминая о судьбѣ протестантскихъ церквей, разказанной нами въ одной изъ предыдущихъ главъ изслѣдованія, мы говоримъ: „сваливать вину, какъ нерѣдко дѣлается въ литературѣ, на одну „религіозно-національную нетерпимость“ русскихъ, все объяснять ею — невозможно“ (стр. 281). По увѣренію критика, мы „развиваемъ“ здесь „такую же идею“, какъ и г. Соколовъ, и его идею выдаемъ за свою (!). Въ дѣйствительности же наша мысль одинаково далеко отстоитъ какъ отъ распространеннаго и требовавшаго спеціальной съ нимъ полемики мнѣнія тѣхъ, которые старались объяснить невзгоды одною нетерпимостью русскихъ, такъ и отъ лирически выраженнаго, не нуждавшагося въ опроверженіи сужденія г. Соколова, все свалившаго на самихъ протестантовъ.

И вотъ, какъ ни усиленно старался г. Амф. Лебедевъ отыскать „занимствованія“, онъ самъ во введеніи и первыхъ шести главахъ нашей книги, то-есть болѣе, чѣмъ въ двухъ третяхъ ея ¹⁾), признаетъ, да и то, какъ оказывается, вполнѣ неправильно, всего два незначительныхъ такихъ случая: третій примѣръ овъ встрѣчаетъ уже на 590 страницѣ, въ VII главѣ изслѣдованія ²⁾). На этомъ пространствѣ десятки разъ попутно исправляется нами текстъ г. Соколова, съ означениемъ страницъ его и еще чаще безъ означенія и нарочитой полемики, особенно, гдѣ излагаемые нами факты и мысли не нуждаются въ спеціальной защите ³⁾). Во введеніе и въ первыя шесть главъ книги вошло, съ различными измѣненіями, сокращеніями и дополненіями, цѣлыхъ восемь прежнихъ нашихъ монографій и статей или соотвѣтственныхъ отдельовъ изъ нихъ, при чѣмъ первый примѣръ за-

¹⁾ Смирновъ, О началѣ и распространеніи лютеранскихъ и реформатскихъ церквей въ Москвѣ, *Москвитинъ*, 1843, VI, 272 (статья была потомъ перепечатана въ *Православномъ Обозрѣніи*, 1862, XI). Мысль о различіи протестантовъ и католиковъ въ наклонности къ пропагандѣ то же не оригиналъна у Смирнова: она ясно была сознаваема еще въ московскій періодъ и издана циркулировала въ русской литературѣ.

²⁾ Всѣхъ главъ въ ней 8, страницъ 782.

³⁾ Онъ приводить потомъ примѣры, стоявшіе на страницахъ выше, но въ той же VII главѣ.

⁴⁾ Нѣкоторые критики высказывались противъ того, что мы въ своей книгѣ много занимались полемикой съ г. Соколовымъ: каково же было бы ихъ сужденіе, еслибы мы отмѣтили все его фактическія ошибки и неточности въ сужденіяхъ?

имствованія, созданный г. Лебедевымъ, находится въ одной изъ нихъ, а втораго и совѣтъ нѣть тамъ. Согласно ли это съ разглагольствованіями критика о „подавляющемъ“ значеніи книги г. Соколова и о постоянныхъ („все время“) „заимствованіяхъ“ нами изъ нея руково-дящихъ мыслей въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи и въ прежнихъ нашихъ статьяхъ?

Болѣе обильны указанія рецензента на предполагаемыя имъ заимствованія въ VII и VIII главахъ изслѣдованія. Предметъ VII главы во многомъ совпадаетъ съ главною основой, на которой г. Соколовъ строить выполнение своей задачи: и у насъ, и у г. Соколова обозрѣвается русская противопротестантская полемическая литература, и тѣ-которая доля значенія его книги вызывалась здѣсь сущностью дѣла и положеніемъ литературы вопроса, которою г. Соколовъ воспользовался весьма свободно. Но крайне странно, что г. Амф.Лебедевъ, помимо своего обычая произвольно находить и расширять тожество и сходство въ сужденіяхъ, еще и не ознакомился ни съ одной изъ указанныхъ нами статей о полемическихъ памятникахъ, не ознакомился и съ означенными у насъ статьями и книгами о культурномъ служеніи иностранцевъ, и умалчиваетъ о находящихся въ изслѣдованіи ссылкахъ на книгу г. Соколова вмѣстѣ съ цитированіями работъ другихъ авторовъ. Такъ, онъ приводить якобы одинъ изъ самыхъ очевидныхъ примѣровъ „негласнаго“ заимствованія—въ нашемъ сужденіи (666 стр.) о московскихъ богословахъ, состязавшихся при Михаилѣ Федоровичѣ съ датскимъ пасторомъ Фильгоберомъ. И пусть рецензентъ прочтетъ слѣдующее сопоставленіе взятаго имъ текста книги г. Соколова со словами въ журнальной статьѣ г. А. Никольского.

Никольский¹⁾:

„Когда, съ другой стороны, наши богословы не находятъ, что сказать въ отвѣтъ на доводы и возраженія сильного для нихъ по своей діалектицѣ и образованію лютеранскаго пастора, и не могутъ опровергнуть ихъ: въ та-

Соколовъ (119 стр.):

„Когда, съ другой стороны, наши богословы не находятъ, что сказать въ отвѣтъ на доводы и возраженія противника, сильного для нихъ по своей діалектицѣ и образованію, въ такихъ случаяхъ они не выходятъ изъ себя

¹⁾ Материалы для исторіи русско-церковной полемики противъ лютеранства, въ первой половинѣ XVII столѣтія (въ *Православномъ Собесѣднику*, 1861, II, 415—416). Эта статья г. А. Никольского и соотвѣтственныя страницы книги г. Соколова цитируются нами вмѣстѣ съ другими, относящимися сюда, работами въ са-момъ же началѣ (650—661 стр.) нашего обозрѣнія полемики московскихъ бого-слововъ съ Фильгоберомъ.

кихъ случаяхъ они и не выходить изъ себя и не упадаютъ духомъ, какъ бываетъ, большою частю, въ подобныхъ обстоятельствахъ; они не стыдятся иногда и молчать, или обходить неодолимыя для нихъ трудности въ томъ, конечно, совершенно справедливомъ убѣжденіи, что истина инициала не страдаетъ и тѣмъ менѣе перестаетъ быть истиной отъ того, что исповѣдующій и защищающей ее не можетъ отразить всѣхъ нападений на нее, изобличить и опровергнуть всѣхъ возраженій противъ нея искусствъ и хитрыхъ враговъ”

Или возьмемъ этотъ странный примѣръ, въ которомъ г. Амф. Лебедевъ выполняетъ свое обѣщаніе, со многозначительною миною данное имъ въ началѣ своей рецензіи, объявить источникъ нашего сообщенія о правѣ новгородского митрополита вѣдать духовными дѣлами православныхъ, отошедшихъ къ Швеціи по условіямъ Столбовскаго мира. Въ нашемъ текстѣ говорится, какъ дословно показано нами выше, что русское правительство могло только „оставить за новгородскимъ митрополитомъ завѣдываніе... духовными дѣлами“ русскихъ, отданныхъ Столбовскимъ договоромъ; г-нъ же Соколовъ утверждаетъ, что эти люди „подчинены были новгородскому владыкѣ“, „по настоянию Россіи“. Но какому это лексикону „оставить“ и „настоять“ выдаются г. Лебедевымъ за слова тожественные? Выразумѣть различие ихъ смысла облегчаетъ рецензенту находящееся тутъ же выражение наше, что такому праву новгородского владыки „не противились сначала и сами шведы“ Зачѣмъ же было „настаивать“ о завѣдываніи, когда въ первую же пору подчиненія русскихъ не видѣлось явнаго сопротивленія ему со стороны шведовъ? Рецензентъ благородно приводитъ это наше выраженіе въ передѣлкѣ, съ пропускомъ слова „сначала“, но замаскированный отъ глазъ читателя пропустить слова, стоящаго въ подлинникѣ¹), — не доказательство. Остальное у г. Соколова представляеть почти только сокращенный перифразъ Соловьевскаго текста.

¹⁾ Выраженіе наше рецензентъ приводить здѣсь во вносныхъ знакахъ, какъ бы безъ перемѣнъ и въ цѣломъ видѣ. Это обычный пріемъ „ученыхъ“ цитать г. Лебедева.

Соловьевъ (изд. 4-е, IX, 154—155).

„Шведы смотрѣли подозрительно на переписку новгородскаго митрополита со русскимъ духовенствомъ въ уступленіи имъ волостяхъ, и потому требовали, чтобы митрополитъ о духовныхъ дѣлахъ переговаривался съ шведскими правителями... Впрочемъ, шведы болѣе всего опасались, чтобы новгородскій митрополитъ *всё* не прервалъ духовныхъ сошеній съ православнымъ народомаселенiemъ уступленныхъ областей, чтѣ заставило бы послѣднее бѣжать толпами въ русскіе предѣлы... Шведскіе державцы... требовали” и проч.

Теперь ясно, какое научное и нравственное достоинство имѣть это рѣшительное указаніе нашего официального критика на „дѣйствительный источникъ“, скрытый-де нами, и его увѣреніе, что у цитируемаго нами С. М. Соловьева „ничего подобнаго не говорится; ничего подобнаго и не было“. То же самое достоинство оказывается въ „очевидномъ“ примѣрѣ изъ VIII главы, изъ разсужденія объ опасности, грозившей русскимъ отъ заимствованія иноземческихъ обычаевъ, гдѣ рецензентъ умалчиваетъ о нашей совмѣстной ссылкѣ (765 стр.) на Соловьева и Соколова. Какъ въ общежитіи называются попреки и обвиненія, на столько противорѣчащіе факту,—извѣстно: во всякомъ случаѣ, дѣйствительная „справедливость требуетъ сказать“, что такимъ способомъ своей „критики“ г. Амф. Лебедевъ обнаруживаетъ не только отсутствіе у себя познаній въ специальной литературѣ вопросъ, но и свое малое знакомство съ „Исторіей Россіи“ Соловьева.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ своей статьи г. Амфіанъ Лебедевъ занимается оцѣнкою привлеченаго въ изслѣдованіи материала и разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ разностей между прежними нашими работами и настоящими нашими изслѣдованіемъ. Только что обнаруживъ такое свое незнакомство съ печатными пособіями въ литературѣ предмета и неудержимый произволъ въ сужденіяхъ о текстѣ лишь одной настоящей нашей книги, критикъ, когда берется за оцѣнку архивнаго, рукописнаго и печатнаго материала и за сопоставление сужденій въ разныхъ нашихъ работахъ, все перепутываетъ и себя выдаетъ въ такой мѣрѣ, что мы, оберегая его достоинство предъ общарною публикою, считаемъ необходимымъ повести дальнѣйшую рѣчь уже въ

Соколовъ (161):

„Шведскіе „державцы“ крайне затрудняли сношенія и переписку архипастырей съ настѣами и *всё* не воспретили ихъ потому только, что боялись (,) какъ бы изъ отчужденныхъ областей весь русскій народъ не перебѣжалъ на московскую территорію“.

изданіи, доступномъ небольшому кругу читателей¹⁾), гдѣ они найдутъ разъясненіе всѣхъ остальныхъ замѣчаній и возраженій, находящихся въ этой статьи удивительно „методологически-точной“ рецензіи.

Дм. Щицтасъ.

О письмахъ монаха Іакова.

(Письмо къ редактору).

Доводы, приводимые въ вашей интересной замѣткѣ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1893 г., № 1, стр. 179—185), не убѣдили меня въ томъ, что письма монаха Іакова адресованы къ севастократориссѣ Иринѣ, вдовѣ Андроника II палладія, и вотъ почему:

До 15-го письма, то-есть, почти до конца первой трети рукописи я никоимъ образомъ не думалъ восходить къ VIII вѣку, и былъ увѣренъ, что корреспондентку монаха Іакова надо искать въ вѣкѣ Константина; но слова: „Какъ кто скажетъ, что мудрый умираетъ вмѣстѣ съ безумнымъ, когда память царства твоего будетъ жить вѣчно? Объ этомъ то съ великимъ стараниемъ хлопотала твоя прекрасная свекру... Но она не могъ этого добиться, какъ ни старалася. А твоему царствованію и легко и удобно доставила это милость св. Духа“, — не могутъ быть отнесены къ Кало-Іоанну. Ироніческій смыслъ похвалы свекру не подлежитъ сомнѣнію, а оскорблять память героя императора, при которомъ Ирина жила хорошо, было бы со стороны Іакова большою дерзостью²⁾.

Всѣдѣа, какъ простой титулъ, не привела бы читателя „въ смущеніе и соблазнъ“; но выраженія: „царствуй ради правды, кротости и справедливости“³⁾, „ты дошла до крайняго предѣла власти, и это не даръ судьбы, а награда за добродѣтель“⁴⁾, „ты побѣждашъ вра-

¹⁾ См. *Варшавскій Университетскій Извѣстій*, 1893 г., III и IV кн.

²⁾ Иогда не разъясняютъ точный смыслъ письма и поводъ къ нему, мы считаемъ всякия рѣшительныя заключенія преждевременнымъ и не видимъ необходимости понимать словъ о свекрѣ въ ироническомъ смыслѣ; да и переводъ, здѣсь предлагаемый, мы не считаемъ вполнѣ вѣрнымъ. Ред.

³⁾ Въ письмѣ приводятся слова изъ 44-го псалма: „И настави, и успѣтай, и царствуй истиной ради и кротости и правды“: въ нихъ заключается только приложеніе, а не фактическое указаніе. Ред.

⁴⁾ „Крайній предѣль власти“ — такое выраженіе могло быть употреблено и о севастократориссѣ; тутъ же даѣтъ говорится о царѣ, который былъ виновникомъ возмѣщенія Ирины: ему Іаковъ готовъ воздать похвалу, на которую она никогда не рѣшился бы по отношенію къ Константишу Копрониму. Ред.

тоза оружіемъ», совѣты сдавитъ бока врагу и указаніе на винты и пытку, какъ на средство для укрощенія непокорнаго,—едва ли возможны въ письмахъ къ вдовой принцессѣ, которая, проживая при дворѣ своего шурина, конечно, могла интриговать, но не могла имѣть никакой дѣйствительной власти¹⁾). Вы и сами указываете на ея несчастія и немилость. Этими возраженіями я вовсе не хочу сказать, что твердо убѣждентъ въ необходимости отнести письма, сохранившіяся въ рукописи № 3039, къ императрицѣ Иринѣ VIII вѣка. Я только желалъ указать на невозможность пріурочить ихъ съ достовѣрностью къ Иринѣ, вами указанной. Пока, до новыхъ фактовъ вопросъ, по моему мнѣнію, остается открытымъ. Какого рода будутъ эти факты и какое решеніе обусловлять они, нельзя предугадать. Можетъ быть, окажется что въ рукописи 3039 мы имѣемъ сводъ изъ двухъ или даже болѣе сборниковъ писемъ разнаго времени и къ разнымъ лицамъ. Въ статьѣ своей (стр. 271) я указывала на буквальныя повторенія, совершенно невозможныя въ томъ случаѣ, еслибы рукопись вѣрно воспроизвѣдила, не говорю: текстъ, а даже составъ сборника писемъ монаха Іакова къ Иринѣ.

Недавно, читая слова Іоанна Эвбейскаго (VIII вѣка) на Зачатіе и другіе богочестные праздники (*Migne Patr. Gr., XCVI*), я былъ поражена совпаденіемъ нѣкоторыхъ его идей и образовъ съ гомиліями монаха Іакова; особенно же любопытнымъ показалось мнѣ, что легенда, которую пользуются оба проповѣдника, одна и та же и мѣстами совпадаетъ буквально, мѣстами же представляютъ варианты, исключающіе возможность предположенія, что Іоаннъ Эвбейскій служилъ Іакову источникомъ. Я полагаю, что ближайшее обслѣданіе Іоанна Эвбейскаго дастъ мнѣ возможность пріурочить гомиліи Іакова съ достовѣрностью къ VIII—IX вѣку. Будетъ ли это обязательно для Іакова, автора *всѣхъ* писемъ рукописи 3039.—это другой вопросъ.

А. Кирпичниковъ.

¹⁾ Сдавленіе боковъ, винты и пытка—все это относится къ единичному лицу, по имени Феофилакту. Содержаніе письма передано въ статьѣ А. И. Кирпичникова такъ: «Не давай ему власти, но сдави ему бока, чтобы онъ унился, а то, укрѣшивши, онъ окажеть неповиновеніе: злого раба можно укротить только винтами и пыткой». Выраженіе *сдавитъ бока*,—очевидно, метафорическое, а о винтахъ и пытке говорится въ видѣ риторического сравненія.

Ред.

Книжные новости.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЪ РОССИИ (1796—1828 ГГ.). ВРЕМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ. Е. Лихачевой. С.-Пб. 1893. — Мы имѣемъ передъ собою второй томъ труда извѣстной дѣятельницы по женскому образованію г-жи Лихачевой, которая въ 1891 году выпустила въ свѣтъ первый томъ „Матеріаловъ“, обнимавшихъ время отъ 1086 года, года основанія первого женского училища въ Кіевѣ княжною-янкінью Анною (Янкою) Есеволодовною, до 1796 года, до смерти императрицы Екатерины II. По своему содержанію второй томъ г-жи Лихачевой является непосредственнымъ продолженіемъ книги г-на Шумилорского „Императрица Марія Феодоровна“; изъ этой книги г-жа Лихачева и пачеरпаетъ свѣдѣнія, касающіяся дѣствия и воспитанія императрицы Маріи Феодоровны (стр. 13). Въ настоящемъ томѣ мы находимъ чрезвычайно подробный и интересный очеркъ дѣятельности императрицы Маріи Феодоровны на пользу женского образованія. Императрица Екатерина II скончалась 6-го ноября 1796 г., а 12-го ноября, то-есть, 6 дней спустя, послѣдовало собственноручное повелѣніе императора Павла императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, „начальствовать надъ Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ“, 32 года продолжалась неутомимая дѣятельность императрицы, которая „находила возможнымъ, въ буквальномъ почти смыслѣ слова, лично управлять многочисленными вѣбранными ей учебными и благотворительными заведеніями. Въ этомъ она являетъ собой единственный примѣръ, ибо никогда и нигдѣ во всемъ мірѣ ничего подобаго не было“ (стр. 127). Даже болѣнь не могла отвлечь вниманія императрицы отъ дорогаго ей дѣла: за четыре дня до своей смерти она писала начальницамъ двухъ институтовъ. Служа такъ неутомимо дѣлу женского образованія, императрица Марія во взглядахъ на него существенно расходилась съ своей предшественницей, императрицѣю Екатериной: императрица Екатерина хотѣла, чтобы дѣвушки выходили изъ института людьми вообще просвѣщеными; императрица Марія преслѣдовала цѣль специальнѣо-женского образованія, какое и сама получила, желала, чтобы институты создавали изъ своихъ питомицъ хорошихъ женъ, матерей и хозяекъ. Особенно рѣзко сказывается это различие взглядовъ двухъ императрицъ, когда мы сравнимъ, какую книгу выбрала та и другая императрица для чтенія воспитанницъ въ классѣ: при императрицѣ Екатеринѣ въ Смольномъ институтѣ, какъ и въ мужскихъ заведеніяхъ, читалась „Книга о должностяхъ человѣка и гражданина“, при императрицѣ Маріи—„Отеческіе совѣты моей дочери“. — Пользуясь материаломъ, извлеченнымъ изъ архивовъ канцеляріи совѣта Воспитательного общества благородныхъ дѣвицъ и IV Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, а также материаломъ печатнымъ, г-жа Лихачева подробно излагаетъ исторію множества женскихъ учебныхъ заведеній различного типа и характера, обязаннныхъ своимъ возникновеніемъ или существеннымъ преобразованіемъ императрицѣ Маріи, которая „установленнымъ ею кругомъ занятій и дѣятельности, отведенныхъ для женского образованія, приданными этому образованію характеромъ, . . . на долго опредѣлила норму, за предѣлы которой никто и не мечталъ перейдти“

(стр. 247). Послѣдняя глава настоящаго тома говорить объ образованіи женщина въ первой трети нынѣшняго вѣка и объ отношеніи представителей тогодашней науки и литературы къ вопросу о женскомъ образованіи.

Записки Ивана Ивановича Неплюева (1673—1773). Новое полное изданіе съ пріемѣчаніями. С.-Пб. 1893 г. Записки Неплюева—материалъ уже давно извѣстный въ русской исторической литературѣ. Сокращеніе изъ нихъ помѣщено было въ знаменитомъ труде Голикова; П. П. Свінинъ въ своихъ „Отечественныхъ Запискахъ“ начальствъ имъ хотя довольно несправедливо; въ *Русскомъ Архивѣ* 1871 г. появилось тщательное изданіе ихъ, приготовленное Л. И. Майковымъ. Оно послужило главнымъ материаломъ для трудовъ В. И. Витевского, изъ которыхъ самый обширный: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1754 г.“, изданъ былъ въ Казани (1889—1891 г.) и остался неоконченнымъ. Объ этомъ труде было уже въ свое время сообщено въ *Журнале Министерства Народного Просвещенія*. Новое изданіе, предпринятое А. С. Суворинымъ и приготовленное Л. Н. Майковымъ, является весьма кстати; *Русский Архивъ* 1871 г. составляетъ теперь библиографическую рѣдкость, да и вообще пріятно видѣть такие памятники въ отдельномъ изданіи, а не въ разнокартиерныхъ сборникахъ. Въ изданіи мы встрѣчаемъ варианты (какъ и въ *Русскомъ Архивѣ*) и добавленія изъ Голикова, который жилъ при Неплюевѣ послѣдніе годы и которому издатель весьма вѣроятно принисываетъ описание кончины Неплюева. И. И. Неплюевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ воспитанниковъ петровской школы, которые наиболѣе воспользовались ею. Записки его свидѣтельствуютъ, что онъ былъ человѣкъ умный, наблюдательный (интересны его замѣтки объ испанскомъ флотѣ). Годы своей морской службы и пребываніе за границею онъ сообщаетъ въ видѣ дневника и потому они полны любопытныхъ подробностей; такъ онъ рисуетъ своихъ товарищъ, проявлявшихъ порядочную дозу необузданности, представляетъ свое финансовое положеніе, нерѣдко бѣдственное, знакомить съ морскимъ дѣломъ тѣхъ странъ, где онъ былъ. Всего интереснѣе въ этой части записокъ подробности объ экзаменѣ, который производилъ самъ Петръ новоприбывшій, о простотѣ его отношений къ служащимъ при немъ, о вниманіи, которое онъ оказывалъ уснившимъ, и о строгости его служебныхъ требованій. Живые разказы Неплюева не разъ служили для изображенія Петра Великаго. Слѣдующая затѣмъ дипломатическая карьера Неплюева, его успѣхи и злоключенія по дѣлу Остермана, изъ которого онъ варочемъ вышелъ чистъ, разказаны кратко. Любопытно, что павѣстіе о томъ, что Трубецкой, много ему обязанный по дѣлу Волынского (о которомъ кстати въ запискахъ не разъказывается), былъ противъ него въ дѣлѣ Остермана, издатель извлекаетъ изъ записокъ Поронина. Оренбургская дѣятельность Неплюева и его сенаторство при Екатеринѣ тоже не разъказываются подробно. Записки оканчиваются трогательными письмомъ Неплюева къ сыну Разказъ объ его смерти, какъ уже сказано, съ вѣроятностью принисывается Голикову. Пожелаемъ, чтобы когда-нибудь появилась „Библиотека русскихъ мемуаровъ“ въ такомъ же прекрасномъ тщательномъ и добросовѣстномъ изданіи.

Исторія французской революции. И. Карно. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Семенцовскою. С.-Пб. 1893 г.

Стр. XII + 349. Цѣна 1 рубль. Настоящее сочиненіе написано отцомъ вынѣшняго президента французской республики. Несмотря на свой небольшой сравнительно объемъ, оно съ достаточнотою полнотою изображаетъ первую французскую революцію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходя другія однородныя произведения, посвященные тому же самому вопросу, какъ напримѣръ наиболѣе популярное изъ нихъ (теперь уже устарѣлое) сочиненіе Минье (*Histoire de la révolution française*), имѣющееся въ русскомъ переводе. Книга Минье останавливаетъ вниманіе читателей главнымъ образомъ на чисто виѣшнихъ событияхъ описываемой эпохи (на междуособіяхъ, переворотахъ, военныхъ дѣйствіяхъ и т. п.). Въ сочиненіи Карно такихъ подробностей весьма немного, во за то внутренняя сторона революціи выступаетъ довольно реальне. Исходя изъ того взгляда, что французская революція была переворотомъ не только политическимъ, но и соціальнымъ, и обращая главное вниманіе на соціальную сторону ея, Карно излагаетъ содержаніе (стр. 39—42) депутатскихъ наказовъ (*cahiers*), постановленія учредительного национального собрания (69—84), объясняя при этомъ значеніе главнѣйшихъ изъ нихъ, даетъ краткій обзоръ конституціи 1791 года (102—104, 106) и т. д. Чтобы убѣдиться въ преимуществахъ книги Карно, достаточно сравнить главы въ сочиненіи Минье, посвященныя Национальному конвенту (гл. VI—X включительно), съ отдѣломъ, относящимся къ тому же вопросу, въ книгѣ Карно. Прочитавъ указанные главы въ книгѣ Минье читатель неизбѣжно составить себѣ совершенно превратное представленіе о Конвентѣ: почти все сводится къ описанію партійной борьбы. Карно по своему обыкновенію, скжато, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ достаточнотою для популярной книги полнотою излагаетъ внутреннюю дѣятельность Конвента (стр. 210—222, 249—260). Фаталистической взглядъ, проглядывающей въ сочиненіи Минье, совершенно чуждъ Карно. Послѣдній далекъ отъ всякихъ апріорныхъ заключеній и придерживается исключительно фактической почвы. Минье склоненъ къ нѣкоторому сентиментализму; у Карно нѣть и саѣда его. Наиротивъ, онъ постоянно стремится стать на болѣе высокую точку зреянія, съ которой всѣ дѣятели революціи, не смотря на всѣ свои разногласія, представляются действующими въ союзѣ, идущими къ одной конечной цѣли. Въ глазахъ автора всѣ эти дѣятели, „какъ фигуры на барельефахъ классической древности. следуютъ одинъ за другимъ, обращенные лицомъ въ одну сторону“. Такимъ образомъ, несомнѣнныя достоинства книги Карно заключаются въ слѣдующемъ: авторъ ея не довольствуется передачей только виѣшнихъ событий прекрасно изученнаго имъ періода всемирной исторіи, придерживается исключительно фактическаго основанія, обнаруживаетъ стремленіе къ безпредвѣстію и достигаетъ послѣднаго, на сколько оно по силамъ человѣку. Переводъ, въ общемъ, сдѣланъ удовлетворительно. Въ предисловіи редактора вижесядѣющая строки возвѣдили въ насъ не малое удивленіе. Высказавши свои соображенія о необходимости болѣе близкаго ознакомленія съ явленіями, подобными первой французской революціи, редакторъ продолжаетъ: „между тѣмъ преподаваніе исторіи въ средніхъ учебныхъ заведеніяхъ обыкновенно у насъ не доводится до этого переворота“ (II стр.). Это заявленіе противорѣчить дѣятельности.

Отчетъ Можайскаго благотворительного общества за первыи 25 лѣтъ его существованія. Москва 1893 г. — Эта небольшая брошюра заключаетъ въ себѣ обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности провинциальнаго благотворительного учрежденія, которое, не смотря на ограниченность своихъ средствъ и многочисленныи препятствій, встрѣчавшихся на пути его развитія, успѣло сдѣлать очень много для усилѣнія гражданственности въ городѣ Можайскѣ и его уѣзда. Заслуга этого почетнаго дѣла принадлежитъ графинѣ Прасковѣ Сергеевнѣ Уваровой, состоящей предсѣдательницей общества съ самого его основанія, покойному ея супругу, графу А. С. Уварову, и тѣмъ лицамъ, которыхъ они умѣли привлечь къ участію въ общеполезномъ дѣлѣ. Общество возникло въ 1867 году; но еще ранѣе того, въ 1861 году, графъ А. С. Уваровъ, состоявшій въ то время можайскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, подалъ мысль объ основаніи этого учрежденія. По первоначальному плану, общество должно было имѣть очень широкій пѣн, какъ филантропический, такъ и просвѣтительный; впослѣдствіи, цѣли эти нѣсколько сузились въ примѣненіи на практикѣ; но широта замысла имѣла свое значеніе и оказала то вліяніе, что устроившееся общество могло все-таки коснуться разныхъ сторонъ мѣстной жизни и внести въ нихъ большую или меньшую долю улучшеній. Въ 1868 г. общество открыло сельское училище въ селѣ Горетовѣ, имѣніемъ Ивана Ивановича Бартоломея, и эта школа просуществовала заботами общества въ теченіе девяти лѣтъ, пока живъ былъ мѣстный землевладѣлецъ; по кончинѣ его имѣніе перешло въ другія руки, и купившій его купецъ отказался поддерживать школу; программа преподаванія въ школѣ была выработана сперва самимъ обществомъ, а впослѣдствіи применена къ требованіямъ министерства народнаго просвѣщенія, но съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ особенностей, одобренныхъ учебными вѣдомостями. За девять лѣтъ въ школѣ перебывало 439 учащихся обоего пола. Другими и болѣе прочными предпріятіями общества было основаніе въ Можайскѣ приюта для мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ первые годы его существованія косность мѣстнаго населения дѣлала его положеніе затруднительнымъ, но мало по малу жители оцѣнили пользу учрежденія, и одинъ мѣстный мѣщанинъ пожертвовалъ для сего помѣщевія небольшой каменный домикъ, который впослѣдствіи былъ перестроенъ и расширенъ, преимущественно на средства графа А. С. Уварова, и снабженъ огорождомъ на прикупленномъ мѣстѣ. Въ 1882 г. приютъ былъ обращенъ въ земскую прогимназію, которая имѣла принадлежитъ въ числу лучшихъ въ этомъ родѣ заведеній въ Московскомъ учебномъ округѣ, макъ въ отношеніи учебномъ, такъ и воспитательномъ. Кроме двухъ называемыхъ учебныхъ заведеній, общество устроило въ Можайскѣ публичную библиотеку и учредило книжные склады въ разныхъ мѣстахъ уѣзда; сверхъ того, въ 1885 г. общество основало въ Можайскѣ школу плетенія изъ соломы для дѣвочекъ, и это ремесленное учебное заведеніе вскорѣ вошло столь успѣшно, что оказалось возможнымъ открыть его филиальное отдѣленіе въ одномъ изъ селъ уѣзда. Къ сожалѣнію, промышленный затрудненій двухъ послѣднихъ годовъ вредно повлиялъ на дальнѣйшее успѣхи школы. Общество имѣло счастіе многократно пользоваться милостями Царской Семьи и встрѣтило поддержку въ мѣстныхъ землевладѣльцахъ, которые участвовали въ его дѣятель-

ности своими пожертвованиями; другимъ источникомъ для существованія заведеній общества были разныя празднства, устраиваемыя съ благотворительною цѣлью какъ въ Москвѣ, такъ и въ Можайскѣ, но это материальное содѣйствіе было бы бессильно для развитія дѣятельности общества, еслибы во главѣ его не стояло лицо столь энергическое и столь преданное дѣлу, какъ графиня Н. С. Уварова. Ея неусыпная старанія, находившія всегда полное сочувствіе со стороны ся нокойнаго супруга, составляютъ замѣчательный, вполнѣ достойный подражанія примѣръ дѣятельности, направленной на общественную пользу.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народного Просвещенія* поступили слѣдующія книги:

Исторія межеваго законодательства отъ уложенія до генеральнаго межеванія (1649—1765). И. Е. Германъ, межевой инженеръ. М.

Сочиненія Дениса Васильевича Давыдова. Со статьей о литературной дѣятельности Д. В. Давыдова и примѣчаніями, составленными А. О. Крутымъ. Томъ I. Стихотворенія. Проза. С.-Пб.

— Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ VII. Выпуски I—IV С.-Пб.

Систематический указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языке со времени введенія гражданскаго шрифта (1708 г.) по декабрь 1889 г. С.-Пб. 1892.

Лука Пачіоло. Трактатъ о счетахъ и записяхъ. *Tractatus de computis et scripturis*. Первая печатная книга о двойной бухгалтеріи, изданная въ 1494 г. въ Венеції. Переводъ Э. Г. Вальденбергъ. С.-Пб.

К. В. Рыловъ. Очерки по изученію русскаго народнаго языка. Народная этимология въ области съвернаго великорусскаго говора. (Изъ Ученыхъ Записокъ Казанского университета. 1892. Книга IV). Казань 1892.

Важнейшія свѣдѣнія по русскому правописанію. Часть I, II и III. Составилъ Долибекій. С.-Пб. 1892.

Азбука русская и церковно-славянская. Съ самостоятельными упражненіями для учениковъ при изученіи каждой буквы. Составилъ А. Ф. Соколовъ. Издание второе. М.

Методическое руководство къ азбукѣ русской и церковно-славянской въ подровныхъ пріемърныхъ урокахъ. Издание второе. Составилъ А. Ф. Соколовъ. М.

Систематический задачникъ по техническому проекционному черченію. Выпускъ первый. Тама вращения. Для техническихъ, ремесленныхъ, промышленныхъ и железнодорожныхъ училищъ. Составилъ инженеръ-технологъ А. А. Комаровъ. Цѣна 80 к. (вмѣстѣ съ атласомъ). Воронежъ.

Общий очеркъ состояния народныхъ училищъ Таврической губерніи 1891 г. Бердянскъ. 1892.

БОККАЧЬО О МИФОЛОГИИ И ПОЭЗИИ¹⁾.

(De Genealogiis Deorum).

V

Введенія въ отдельныя книги Генеалогій показываютъ въ ихъ авторѣ ту-же внимательность къ литературной обработкѣ и то-же стремленіе къ картиности и разнообразію, какія онъ обнаружилъ въ прологахъ къ *De Casibus*. Онъ началъ съ Демогоргона и, чтобы лицезрѣть его и его ближайшее отродье, спустился въ своей ладьѣ въ глубь земли на стигійскія воды (сл. послѣдовіе къ посвященію королю Гуго). Путь былъ трудный, среди мрака и тумана, но вотъ ладья выводить его на сѣть, родъ Эзира и его сына, Юпитера, увлекать его къ берегамъ Египта и Сиріи—и къ царству короля Гуго. Кипру (II. введеніе). Онъ плыветъ по „древнему морю заблужденій“, когда среди волнъ и скалъ ему предсталь древній старецъ, философъ Нуменій. Боккачъ развиваетъ здѣсь (III введеніе) фразу Макробія (*In somnium Scipionis* I, с. 2; сл. Gen. Deor. I, 3), будто Нуменію боги объявили въ сновидѣніи свой гибель, что своимъ толкованіемъ онъ оповѣстилъ людямъ таинства Елевзиса. И меня, какъ всѣхъ богослововъ, то-есть поэтовъ (*theologizantium, scilicet poetarum*), занимало то-же, что и тебя, предупреждаетъ автора Нуменій и разказываетъ, какъ однажды въ глубокомъ сне онъ увидѣлъ елевзинскихъ богинь: онъ были въ одеждахъ блудныхъ женъ и отдавались каждому приходящему. Нуменій дивится: что сталоось съ цѣломудрыми богинями? а онъ отвѣчаетъ ему гибелью: тебѣ ли спрашивать, преступный

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

Часть CCCLXXXVI (1893, № 4), отд.

сводникъ? Самъ ты всему причиной, насть, дѣственныхъ и цѣломудрьхъ, ты схватилъ за волосы и насильно влечешь на общественный позоръ (*in publicum luponam*). Хотя и одержимый сномъ, Нуменій понялъ, чего не уразумѣлъ на яву: что священные таинства удѣль немногихъ—и онъ оставилъ свое памѣреніе, уговариваетъ оставить и Бокаччо, примѣрами Еризихеона, Пентея, Ніобы; тайны божества нельзя безнаказанно открывать людямъ. Изъ какихъ областей явился ты? спрашиваетъ его авторъ, съ трудомъ останавливая ладью; судя по сѣрному запаху и по законѣтому лицу—видно, что изъ ада. Это Илутонъ хочетъ запугать меня, какъ прежде страшалъ язычниковъ. Но пали старыя цѣпи, притупилось оружіе древняго врага, мы побѣдили, искупленные драгоцѣнною кровью. Я не открываю ложницъ твоихъ богинь, обителей твоихъ боговъ, чтобы увидѣть ихъ мерзость, и дабы показать, что поэты, если право было ихъ представление о богѣ, достойны славы и уваженія. Ты пугаешь меня гибвомъ богоў! Но и тебѣ и имъ и всѣмъ столь же неразумно вѣрующимъ—единъ Богъ Іисусъ Христосъ.—Туть Нуменій исчезъ и авторъ готовъ выплыть въ Эгейское море—разыскивать родъ Целія, съ молитвой къ Тому, кто послалъ волхвамъ путеводную звѣзду.

Введеніе въ IV-ую книгу продолжаетъ эту картину: поднимается страшная буря, точно титаны снова пошли на приступъ неба—и авторъ прославляетъ молнію Юпитера, молить удвоить наказанія, цѣпи для преступныхъ. Буря улеглась по повелѣнію Божію (*jubenti deo*), авторъ можетъ, наконецъ, выйти въ море и издали созерцать исполнинскія тѣла титановъ, полуубожженныя, почернѣлъя, съ знаками цѣпей по всему тѣлу.—Но вѣтры стихли, парусъ лѣниво и устало прильнуль къ мачтѣ; если Юпитеръ утомился, меча молнію, можетъ отдохнуть и авторъ: онъ выходить на аттическій берегъ, взобрался на холмъ, осматривается, и память подсказываетъ ему: вотъ горы Аркадіи съ ихъ миѳологическими воспоминаніями; Аѳинны, скорѣе ихъ развалины; авторъ смеется надъ неразумѣемъ людей, которые считали ихъ бессмертными (сл. этимологію въ V 45); а какъ они блистали въ былое время своими философами и поэтами, словои царей и побѣдами! Двуглавый Парнасъ вызываетъ въ авторѣ чувство благоговѣнія; онъ скорбить о запустѣніи касталійского источника; видеть гротъ дельфійскаго Аполлона, гдѣ древній врагъ увлекалъ къ гибели своимъ вѣщаніямъ—теперь онъ иѣмъ и безсловесенъ, иѣть ни статуй, ни драгоцѣнныхъ камней. все поросло ползучими растеніями, такова Божія воля, возвѣщаемая не обманчивыми рѣчами (*implicitis vocibus*), а

голосомъ святыхъ и пророковъ. Далѣе: видѣніе Фивъ, Лакедемона (втораго ока Греціи), Коринеа (V).

Ладья пристала къ устьямъ Тибра; авторъ уже готовъ отдаться своимъ археологическимъ впечатлѣніямъ („золотой Римъ“, славный своею священнной бѣдностью), когда память о Дарданѣ (родоначальникѣ Энея и Энеады) побуждаетъ его повернуть къ меонийскому берегу (VI). Лишь недавно покинулъ онъ Эльзу, чтѣ у Чертальдо, и тосканскій Арно, для далекаго плаванія, какъ внезапно перенесенъ къ берегамъ Океана и объять трепетомъ: вся книга (VII) посвящена отродью Океана. Въ бурю поднимается туманное, зловредное свѣтило Сатурна, и слѣдуетъ его генеалогія (VIII); авторъ держить путь къ Италии (*in Laurentium littus*), но затѣмъ къ Самосу, гдѣ развалины храма Юноны вызываютъ въ немъ горькія размышленія: люди, христиане, способны на все, когда дѣло идетъ объ ихъ обогащеніи: сверзить нѣдра горъ, странствовать по сѣвернымъ сиѣгамъ, испытывать жару зеоповъ, усыплять ливійскихъ змѣй, бороздить океанъ, а коли можно, пробраться и на небо; но они же грабить на морѣ, устраиваютъ засады на дорогахъ, вламываются въ дома, лжесвидѣтельствуютъ (*falsas signare tabellas*), проливаютъ невинную кровь, всюду, гдѣ можно, тиранствуютъ и насиливаются. Но къ чему это обогащеніе, къ чему бренная роскошь палатъ и пироръ и утвари, когда нашей честью, нашей красой и славой владѣютъ недостойные? Славный городъ Іерусалимъ въ рабствѣ у Агарянъ, христіанскія святыни обезчещены мерзостью варваровъ! Что за непростительный позоръ! Жители небольшаго острова вытесывали изъ горъ колонны, отрывали громадные камни, тратили массу золота, чтобы возвести храмъ непотребной женщины, а вся Европа не думаетъ вывести въ море свои флоты, взяться за оружіе, чтобы вырвать святыню изъ рукъ трусливыхъ враговъ, смыть съ настъ позорное пятно, возвести храмъ не на землѣ, а вѣчный, на небѣ! Но къ чему даромъ тратить слова? Коснѣнныхъ накажетъ Господь, онъ обездолитъ и любостяжателей (IX).

Десятая книга, посвященная роду Нептуна, заводить ладью автора въ Средиземное море; его восторженный панегирикъ культурному значению мореходства напоминаетъ рѣчи Стильбона въ XIII эклогѣ; обиѣнь товаровъ вызываетъ общеніе народовъ, ихъ правовъ (*ritus*) и языковъ—и Боккаччо не находить на этотъ разъ тѣхъ возражений, которыхъ влагать когда-то въ уста Дафниса.

Изъ Ахайи ладья принесла автора въ Сицилію. Ему осталось разказать генеалогію третьяго Юпитера, котораго почитали отцомъ и

нарѣмъ всѣхъ боговъ. Но какъ быть? Ему не взобраться на небо, не увидѣть всего, о чёмъ знали „священные богословы язычества“: каковы палаты Зевса, какъ боги собираются тамъ на совѣщанія, какъ изрекаются законы и распредѣляются власти на устройство смертныхъ. Авторъ паль духомъ, когда его ладью внезапно увлекло къ Криту; тутъ повязка спала съ его глазъ и, просвѣщенный свыше, онъ призналъ колыбель и гробницу Юпитера, не того, кого онъ мнилъ правителемъ неба, а простаго смертнаго (*proletarii Jovis*; сл. I. XI введеніе).

Когда пройдена большая часть пути, возницѣ полагается дать конямъ передохнуть, напиться и попастись по цвѣтущему лугу (*exonerare vesicam permittere et recenti fluvio atque florido recreari prato*), пока самъ онъ выпить и поспить у гостинника; пахарь отпрягаетъ воловъ и пускаетъ ихъ на свободу, хотя и не все поле еще взорано, а самъ, поѣвъ, иѣсней забывается въ лѣсной тѣни отъ тяжелаго труда. Такъ поступаетъ и вонъ, такъ хочеть поступить и Бокаччо; искати, частыи остановки полезны для памяти. И вотъ онъ представляеть себѣ, что вышелъ на авзонійскій, бѣдный пристанями (*impotitusum*) берегъ и любуется остатками древности: здѣсь Кумы, храмъ Дедала и гробница Мизена, островъ Ипарима (Искія), когда-то пріютъ обезьянъ, и оторванная отъ него Прочида; шумныя устья Вультурна и Лириса, туманы Фузинскаго озера и Линтернскія болота, намятныя изгнаніемъ и смертью Сципіона Африканскаго; напротивъ помѣстѣ М. Скавра, еще носящее его имя; развалины Формій и другихъ римскихъ и караагенскихъ сооруженій¹⁾). О какъ возрадовался я духомъ, увидѣвъ, что Италия славою своихъ дѣлъ не только равна болтливой Греціи, но и превосходитъ ее! заключаетъ Бокаччо; онъ отдохнулъ на знакомомъ пейзажѣ байскаго берега и тотчасъ отправляется въ путь—во Фригію, гдѣ ожидаетъ его потомство Тантала (XII введ.). а далѣе къ Оивамъ и на Эолійскіе острова, къ отродью Геркулеса и Эола (XIII введ.).

¹⁾ Veteres Cumae Chalcidiensium opus. Doedali templum, Miseni tumulus atque Juliae aquae admiratione tenebant animum, et ex opposito Inarimae vetus simiarum hospitium et ex Inarimae excussa Prochita distrahebant; sic sonantes revolutionibus aestuantium fluminum Vulturni fauces atque Lyris, Fusini nebulae et Linterni paludes. exilio et morte amplissima viri primi Africani nobilitatae; et in conspectu fere M. Seauri villula suo adhuc insignis nomine atque Formiarum fere deleta vestigia, et longiuscule in radicibus montium Calenus, Stelenates atque Campanus agri mira fertilitate conspicui, et supereminentia agris oppida Suessa, Theanum, Sidicinum, Caselimum, Thelesiae et alia plura tam romanorum quam carthaginensium monumenta (XII введ.).

У Боккаччо была издавная склонность къ географическимъ подробностямъ, особенно если онъ удовлетворяли вкусамъ археолога. Уже въ первомъ романѣ онъ тщательно выписывалъ маршруты своихъ героевъ, Флоріо и Бьянчифьоре, обставляя ихъ рядомъ древнихъ воспоминаний. Все это сказалось и на „введеніяхъ“ кстати Географический словарь Боккаччо составлялся параллельно съ Генеалогіями, авторъ нашелъ въ немъ подходящій матеріяль, какъ не брезгаль и другими средствами стилистического развитія. И въ Генеалогіяхъ, какъ въ остальныхъ его ученыхъ трактатахъ, много общихъ мѣстъ, замѣтокъ по поводу, свѣдѣній и сентенцій, выходящихъ за предѣлы сюжета, но часто интересныхъ своимъ личнымъ колоритомъ. Взглядъ на женщину отрицательный, какъ вообще въ произведенияхъ по-декамероновской поры (IV, 44 съ ссылкой на Петрарку; V, 10: болтливость; IX, по Исидору; X, 57: жадность; XI, 8: искусственно умножаютъ свою красоту). любовь понята реально (III, 22, VI, 51), это нѣкое страстное движение, воспринятое извѣтъ тѣлесными чувствами и усвоенное силами духа, подъ влияніемъ свѣтиль (IX, 4: *mentis quaedam passio ab exterioribus illata et per sensus corporeos introducta et intrinsecarum virtutum approbata, praestantibus ad hoc supergaestibus corporibus aptitudinem*); тройское дѣленіе любви по Платону и Аристотелю напоминаетъ размышенія Фьямметты въ юношескомъ романѣ Боккаччо (Филоколо); въ несчастномъ бракѣ присутствуютъ фуріи (III, 6) — и лишь въ уединеніи, вдали отъ всѣхъ, мы какъ бы похищаемъ истину (какъ Прометей огонь сл. IV, 44; сл. XI. о поэтахъ). Тѣ же намеки и нареканія на честолюбіе правителей (III, 11), на тиранновъ въ противоположность съ праведными царями (IX, 27); Полифемъ типъ тирана: онъ одноглазый, ибо тираны думаютъ лишь о себѣ, не помышляя ни о Богѣ, ни о подданныхъ (X, 14); по поводу сиренъ намекъ на соблазны Авиньона: сирены и демоны плясали въ Вавилонѣ, говорилъ боговдохновенный пророкъ Исаія — чтѣ, быть можетъ, оправдалось и на новомъ (VII, 20). Природа щедра не къ однимъ лишь благороднымъ, хотя судьба и окружаетъ ихъ большими блескомъ (*quamquam nobilium cognoscit fortuna faciat clariora* XIII, 1). Рядомъ съ старыми разсужденіями о значеніи сновъ (I, 31), о влияніи свѣтиль (III, 22; I, 10; IX, 4), объ аллегоріяхъ лавра (VII, 29) и павлина (IX, 1), встрѣчаемъ замѣчанія о случайномъ открытии огня въ связи съ развитиемъ человѣческаго языка и культуры (XII, 70), трактаты о хронології (VIII, 2), о дѣленіи ночи и дня (I, 9, 34), о вѣтрахъ (IV, 54; генуэзцы — лучшіе мореплаватели) и пути Язона (XIII, 26). Мимоходомъ

говорится о рождественскомъ обычая „божича“, который соблюдалъ отецъ Боккаччо (XII, 66), о гробнице Рема (IX, 50), за которую Боккаччо и Петрарка принимали пирамиду Каия Цестія, о находкѣ при императорѣ Генрихѣ III гигантскаго тѣла Палланта (XII, 60, 67) и подобной же, недавней находкѣ (IV 68: *bis diebus; X, 14: his temporibus*) въ пещерѣ подъ Дрепаномъ: исполнена, локтей въ двѣстѣ вышины, который отъ прикосновенія разсыпался въ прахъ; его зубъ, вѣсомъ въ сто унцій, повѣсили въ церкви св. Аннунциаты. Это разказано по поводу гигантовъ.

VI.

Въ первыхъ тринадцати книгахъ Боккаччо дважды касался и вопроса о поэзіи, раскрывая значеніе ея аллегоризма (I, 3), защищая отъ нападеній узкихъ правоучителей. Разумѣется поэзія классикова, поэзія-богословіе, какъ выразились бы Петрарка и Боккаччо, права языческаго миѳа на значеніе поэтическаго сюжета. Боккаччо говорилъ объ этомъ въ біографіи Данте, XIV-я книга Генеологія вся посвящена разбору тѣхъ же положеній, обстоятельному, порой страстно-личному, безъ порядка спѣшащему отъ вопроса къ вопросу, начинаяющему прямо съ нападенія.

Мой трудный путь свершенья обращается Боккаччо къ королю: по твоему желанію я собралъ какіе могъ остатки отъ крушенія стараго язычества, соединилъ ихъ въ одно цѣлое, прибавилъ и толкованія. Теперь выйти бы на берегъ, отдохнуть и съ благодарственной молитвой къ Богуувѣчать лавромъ побѣдоносную ладью! Но я чую возможность бури; что станется съ ладьей безъ коричаго? Надо охранить ее отъ грозы и непогоды, надо защитить свой трудъ отъ враговъ поэзіи и поэтовъ, отъ нападеній на самого автора, подсказанныхъ завистью. Трудъ мой попадеть прежде всего въ руки твоего Величества, и я увѣренъ, что принять его благосклонно, ты подивишся, до какихъ онъ выросъ размѣровъ; я знаю, что, по недостатку книгъ, онъ не полонъ, но когда, читая его, ты увидишь, какъ изъ подъ грубой оболочки негаданный смыслъ выдѣляется, какъ полосы сѣта отъ огненнаго шара (*non aliter quam si ex igneo globo recentes scaturire latices*), ты будешь пораженъ и, получивъ нѣкое удовольствіе, похвалишь (*modesta quadam delectatione laudabis*). Минѣ вѣдь знакомъ твой давній взглядъ на поэтовъ, что они не простые были баснословы, какъ говорятъ завистники, а ученые люди, одарен-

ные какъ бы божественнымъ духомъ и искусствомъ. Какъ бы то ни было, отъ тебя я ожидаю справедливаго сужденія, снисходительной критики и поощрения; это напередъ меня радуетъ; но моя книга не-рейдеть отъ тебя въ руки твоиъ знакомыхъ (*in amicorum manus*)—и здѣсь я начинаю беспокоиться: вѣдь зависть прирождена людямъ со времени грѣхопаденія; набросятся на мой трудъ, найдутъ въ немъ слабыя стороны и начнутъ терзать его. Ихъ то нападенія я и хочу предупредить (XIV, введеніе и с. 1.).

Начну съ болѣе слабыхъ противниковъ. Это люди, для которыхъ высшее благо—ѣсть, пить, предаваться разврату и тунеидству; само-увѣренno и надменно они произносятъ свои сужденія о достойныхъ людяхъ, глумясь надъ ихъ учеными бѣніями и скромными трудами. О безразсудный, скажутъ они мнѣ, сколько времени ты потерялъ, трудясь по-пусту, сколько бумаги извелъ, сколько стиховъ нацарапалъ даромъ! Не лучше ли было бы любить, пить и єсть, чѣмъ писать пустяки?—Стоитъ-ли отвѣтчать этимъ прихлебателямъ и опиваламъ, вырвавшимся изъ гнѣздъ разврата! Ихъ хула въ похвалу достойнымъ людямъ; ибо нѣтъ ничего неприличнѣе и противнѣе невѣжн.; лучше слышать ослиный ревъ, свиное хрюканье и мычанье быковъ, чѣмъ ихъ рѣчи. Пусть служать себѣ мамону (XIV, 2).

Есть еще сортъ людей, болѣе нравственныхъ, но столь-же неразумныхъ. Школы они не видѣли, но слышали когда то имена нѣкоторыхъ философовъ и возмнили себя таковыми; и не столько возмнили, сколько желаютъ таковыми прослыть. Прочти нѣсколько итальянскихъ книжекъ (*visis aliquando nonnullis libellis vulgarium*), схвативъ одни концы (*non nisi de apicibus regum verba faciant*), они любятъ ходить къ ученымъ людямъ, и здѣсь съ притворной степенностью рѣчи и движений (*quadam ficta gravitate verborum et шогум ponderositate*) поднимаютъ вопросы о высокихъ предметахъ: напримѣръ, о трехъ лицахъ единаго Божества, о томъ, можетъ ли Богъ создать подобного себѣ и т. п. На объясненія свѣдущихъ людей они отвѣчаютъ пустыми фразами, показываютъ, что отвѣтъ ихъ не удовлетворяетъ, качаютъ головой и, съ улыбкой поглядѣвъ на присутствующихъ при бесѣдѣ, какъ бы снисходя къ достоинству отвѣщающаго, удаляются. А тамъ, на посидѣлкахъ у бабъ (*apud muliercularum textrinas*) или на перекресткахъ передъ невѣжественной толпой, они выкладываютъ то, что удержала ихъ лѣнивая (*intellectus... remissus*) память, глубоко перевода духъ, точно говорять отъ себя, добытое съ трудомъ изъ нѣдѣль божественного духа; говорятъ не въ томъ порядкѣ,

какъ слышали, а перескакивая отъ одного сюжета къ другому, не приходя ни къ какому заключенію, путая себя и слушателей. Казалось бы, они изучили всѣ свободныя искусства, и когда оказывается, что не слыхали даже именъ Приенціана, Аристотеля, Цицерона, Аристарха, Эвклида и Птолемея, отвѣчаютъ съ противной болтливостью, что пренебрегли ими для высокихъ откровеній богословія. Такъ судятъ они и о людскихъ нравахъ, о дѣяніяхъ героеvъ, о законахъ; когда же дѣло зайдетъ о поэзіи и поэтахъ, они порицаютъ ихъ и отвергаютъ, точно все читали: музъ называютъ косноязычными, Геликонъ и касталійскій источникъ и дубрава Феба—все это выдумки сумасбродовъ, которыхъгодни развѣ мальчикамъ для введенія въ грамматику. Я знаю, что эти люди скажутъ о моей книгѣ, о поэтахъ; но отвѣтить имъ я не стану, мнѣ жаль ихъ: пусть лучше займутся своимъ дѣломъ, либо, если ужъ жажды славы разбираеть ихъ, пусть сначала получатся, почитаются, послушаютъ умныхъ споровъ, памятя правило Пиѳагора, по которому никто въ его школѣ не смѣлъ говорить, не бывъ слушателемъ въ теченіи пяти лѣтъ (XIV, 3).

За нахально-наивными самозванцами науки идетъ третья группа противниковъ поэзіи—это юристы; Боккаччо не долюбливаетъ ихъ издавна; поклонники наживы, они въ пріятельскомъ кружкѣ не прочь похвалить поэтовъ за ихъ ученость и краснорѣчіе, но въ ихъ похвалахъ скрывается и ядъ: поэты—люди неблагородные, ибо отдавались не доходному труду; оттого они всегда были бѣдняками. Да, поэзія не даетъ богатства, какъ и всѣ умозрительные дисциплины; это дѣло ремесленныхъ занятій, юристовъ, чеканящихъ монету молотомъ продажного языка, обращающихся, при помощи своего краснорѣчія, слезы несчастныхъ въ золото. Въ этомъ отношеніи поэзія стоитъ на одной степени съ физикой, изучающей законы природы, съ богословіемъ; она занимается высшими вопросами: обитаю въ небѣ, въ божественныхъ совѣтахъ, она увлекаетъ немногихъ къ вожделѣнію вѣчной истины, внушаетъ возвышенные помыслы, подсказываетъ дивные образы и изящная рѣчи, и когда, склоняясь на коленіи, она сходить на землю въ обществѣ священныхъ музъ,—поселяется не во дворцахъ и не въ роскошныхъ палатахъ, а въ пещерахъ и ущельяхъ, въ тѣни лѣсовъ, у серебристыхъ источниковъ, въ убогихъ приютахъ людей занимающихся. Поэты бѣдны, но не неблагородны, ибо благороднѣе стремиться къ возвышенному, чѣмъ къ бренному, къ постоянному, чѣмъ къ преходящему; законы не вездѣ одни и тѣ-же, по однимъ живеть зеопль, по другимъ савромать, въ

тому же они живутся, почему юриспруденція не наука, а скорѣе искусство (*facultatem legum, non scientiam esse dicendam*); поэзія, незыблемая, поконится на постоянныхъ началахъ, сулитъ долговѣчное благо: славу въ потомствѣ. Поэты бѣдны, но ихъ имя окружено славой; кто изъ юристовъ удостоился памяти и почета Гомера и Платона, Энейя и Виргилия? Если такъ, то и мой трудъ былъ не напрасенъ, заключаетъ Боккаччо, —но тема о бѣдности принадлежала къ его излюбленнымъ, и онъ даетъ намъ ея анализъ: есть бѣдность хорошая, желанная, равносильная ограничению желаній, отсутствие любостяжанія; это бѣдность Диогена, Катоновъ, Курціевъ, —поэтовъ; можно ли представить себѣ Гомера, творящимъ Илладу и въ то-же время судящимся съ крестьяниномъ или требующимъ отчета отъ домоправителя? И есть другая бѣдность, врагъ мира и покоя, гнетущее желаніе наживы при полномъ обезспеченіи. Это бѣдность Тантала, —и напрасно юристы жалѣютъ поэтовъ (XIV, 4).

Типъ ханжей, мечущихъ на поэзію свои благочестивые громы, вышелъ еще ярче, чѣмъ характеристика болтуновъ-начетчиковъ; тѣ и другие отдаютъ стилемъ Декамерона. Есть на землѣ храмъ, на подобіе чертога небеснаго совѣта; въ немъ возсѣдаетъ царственная жена философія, въ лѣвой рукѣ у нея книга, въ правой жезль, за нею на возвышенныхъ сѣдалищахъ ея служители, почтенные, благодушные, блестящи ея ученикъ, которыя она передають людямъ; дающе толща ихъ ревностныхъ учениковъ. Но есть между ними и такие, которые, едва усвоивъ начала знаній, осмѣливаются наложить руки на царственную порфиру и, оторвавъ отъ неї клочки, запасшись разными титулами, которые нерѣдко предлагаются на продажу въ храма, выходить изъ него надменные, точно познали всю божественную мудрость. Они корчать изъ себя добродѣтельныхъ людей, лицо искажаютъ будто это у нихъ отъ бѣднѣй, глаза потуплены, точно они боятся прервать свсі думы; они шествуютъ медленно, дабы дураки вообразили себя, что они надаютъ подъ бременемъ своихъ возвышенныхъ созерцаній. Они одѣваются скромно, не потому, что таково ихъ настроение, а чтобы обмануть другихъ видомъ святости; говорять рѣдко и важно, отвѣчаютъ съ остановками, вздохнувъ и помолчавъ, возведя очи горѣ, потому что до небесныхъ тайнъ вѣдь далеко; исповѣдуютъ благочестіе, святость, правосудіе, часто цитуя пророческія слова, напримѣръ. *Zelus domus dei comedit me.* Вотъ эти-то люди и показываютъ свое удивительное знаніе, порицаю все, чего не знаютъ, и дѣлаютъ это не безъ причины; такимъ образомъ они отклоняютъ вопросы, на ко-

торые не въ состояніи были бы отвѣтить, либо даютъ понять, что преувеличили ими, какъ не стеющими вниманія, и обратились къ болѣе серьезнымъ. Такъ обойда дураковъ, они смѣло вмѣшиваются въ мирскія дѣла, даютъ совѣты, устраиваютъ браки, участвуютъ на пирахъ, пишутъ и приводятъ въ исполненія духовныя завѣщанія и многое другое дѣлаютъ, недостойное философовъ. И слава ихъ ростетъ въ народѣ, сами они проникаются сиѣсью, имъ пріятно, чтобы на нихъ показывали пальцемъ, передъ ними вставали, называли ихъ равви, кланялись бы имъ, приглашали, давали бы первое мѣсто (propontant). Все это придаетъ имъ смѣость; они не стѣсняются жать въ чужомъ полѣ; и вотъ, когда при нихъ случайно зайдеть рѣчъ о поэзіи и поэтахъ, они приходятъ въ гнѣвъ, ихъ глаза горятъ, они рвутъ и мечутъ и такъ голосятъ передъ равнодушной толпой (*valgo inertis*), въ школахъ ли, или на площадяхъ и съ амвоновъ, что слушатели начинаютъ бояться за себя. Поэзія—пустое, достойное смѣха занятіе, говорятъ они, поэты—баснословы (*homines esse fabulosos*), хуже того, обманщики (?*fabulones*), живутъ въ лѣсахъ и на горахъ, ибо не знаютъ городскихъ правовъ; ихъ поэмы и не понятны (*obscure*) и лживы, полны неприличий (*lascivis*) и глупыхъ разказовъ о языческихъ богахъ, напримѣръ, о Юпитерѣ, то прелюбодѣйцѣ и развратникѣ, то отцѣ боговъ, то властителѣ неба; онъ и огонь и воздухъ, то человѣкъ, то быкъ. Кроме того они называютъ поэтовъ соблазнителями, обезьянами философовъ; безъ разбора они готовы изгнать ихъ изъ городовъ, опираясь на мнѣніе Платона, а вмѣстѣ съ ними и ихъ сценическихъ прелестницъ (*scenicas meretriculas*, то есть, музъ), какъ говорить Бозцій.

Къ такимъ-то милостивымъ, нелицепріятнымъ судьямъ попадеть и мой трудъ, говорить Бокаччо, и они стануть ходить вокругъ него, какъ голодные волки, ища, что поглотить. Суды глупые (*inerti*), но сильные въ другихъ отношеніяхъ (*alias tamet valet*)—и Бокаччо боится и трепещетъ, призывая помощь Бога и короля; вѣдь онъ для него и работалъ (XIV, 5). Въ сущности вся слѣдующая защита поэзіи и написана въ виду этихъ судей; другие не стоили такой обороны.

Говорить, поэзія—пустое искусство (*futilis facultas*); но это—противорѣчие въ самомъ себѣ; самое слово искусство указываетъ на содержимое (*aliqualem plenitudinem*), говорить Бокаччо, фехтуя словами, какъ его противники, которыхъ онъ величаетъ то невѣжами, то ироническими людьми тонкими (*elegantes hi viri*), всезнающими. Пустое дѣло не заставило бы столькихъ именитыхъ людей дорожить именемъ

поэта, не вызвало бы столь многочисленныхъ произведений. Но противники ускользнуть въ сторону и слово пустой замѣнить—вреднымъ: поэзія воспѣваетъ мерзости богость. Сознаюсь, есть такія произведенія; но еслибъ Пракситель или Фидій предпочли какой нибудь неприличный сюжетъ цѣломудрой Данѣ, еслибъ Апеллесъ или наинь Джьотто, второй Апеллесъ своего времени (*quo suo aetо non fuit Apelles superior*), вздумали изобразить шашни Марса и Венеры, вмѣсто Зевса, изрекающаго законы съ своего престола, я сказалъ бы, что виной тому сладострастное движение ума; были и поэты, если только возможно называть ихъ поэтами, которые позволяли себѣ подобное изъ выгоды или въ угоду вкусамъ своего времени. Все это подлежитъ осужденію; но исключенія не даютъ повода осуждать всю поэзію. Поэзія—это не только иѣчто, но достойная уваженія наука (*scientia veneranda XIV⁶*)—и Боккачъ пытается дать ей опредѣленіе: это—страстное побужденіе (*furore quidam*) изобрѣсть и выразить изобрѣтенное словомъ; побужденіе, исходящее отъ Бога и врожденное немногимъ. Ея проявленія прекрасны: она вселяетъ потребность высказаться, измышлять новое и неслыханное; измыщенное располагать въ извѣстномъ порядке, украшать необычнымъ подборомъ словъ и изречений, скрывать истину подъ покровомъ пристойнаго баснословія, смотря по сюжету: вооружать царей, выводить рати и флоты, описывать страны и воды, украшать дѣвъ вѣнками и цвѣтами, возбуждать коснѣющіхъ, сдерживать смѣльчаковъ, налагать узы на виновныхъ, восхвалять достойныхъ. Но одного врожденного побужденія недостаточно, если иѣчто обычныхъ орудій для выраженія: необходимо полное знаніе грамматическихъ и риторическихъ правилъ (хотя и были люди, удивительно писавшие на родномъ, то-есть, не на латинскомъ языке, настоящіе поэты: *per singula poesis officia regerentur*), надо владѣть хотя бы началами другихъ свободныхъ дисциплинъ, нравственныхъ и естественно-историческихъ, располагать обилиемъ словъ, видѣть памятники древности, помнить исторіи народовъ, знать расположеніе странъ и морей, рѣкъ и горъ. Полезна поэту прелесть уединенія, спокойствіе духа, стремленіе къ земной славѣ, нерѣдко бываетъ на пользу и пыль юности. Гдѣ всего этого иѣть, тамъ талантъ коснѣеть. А такъ какъ это страстное возбужденіе, изощряющее и просвѣщающее силы ума, можетъ породить лишь иѣчто искусственное (*artificiatum*), то поэзія и называется искусствомъ. Ея название не отъ греческаго: *poou*, *poys*, что означаетъ творю, творить (*ingo*, *ingis*), но отъ древнѣйшаго греческаго слова *poetes*, что означаетъ: изящная рѣчь (*exquisita locutio* сл. *Vita di Dante*), ибо первые вдохновенные

пoэты начали соблюдать въ своей рѣчи количество, въ видахъ благозвучія, а дабы излишняя краткость или пространность не вредили впечатлѣнію, подчинили ее извѣстной мѣрѣ и опредѣленному числу стопъ или слоговъ; что такимъ образомъ получилось, носило название не поэзіи, а поэмы.

Сіятельные порицатели не повѣрять моимъ утвержденіямъ, что даръ поэзіи оть Бога, но, быть можетъ, повѣрять слову Цицерона, въ его рѣчи за Архія, что всѣмъ другимъ наукамъ обучаются, одна лишь поэзія оть природы, отъ возбужденія духовныхъ силъ, какъ бы отъ божественного вдохновенія. И Боккаччо уличаетъ своихъ противниковъ тѣмъ, что и они, отвергающіе поэзію, пользуются ея же средствами, когда говорять, напримѣръ, о небесной лѣствицѣ, заставляютъ деревья выситься до неба и т. п. Они скажутъ, что это средства риторики, и въ извѣстной мѣрѣ я того отрицать не стану, но въ изображеніи поэтическихъ иносказаній и того, что они выражаютъ, риторика не при чемъ: это дѣло поэзіи (*Mera poesis est. quicquid sub velamento componimus et exquiritur exquisite XIV*, 7).

Гдѣ она впервые появилась—сказать трудно. Полагаютъ, что въ связи съ первыми священными обрядами и сопровождавшимъ ихъ молитвословиемъ: одни думаютъ, что у евреевъ (жертвоприношеніе Каина и Авеля, Ноа, Авраама, Моисея), другие, что у вавилонянъ (Немиродъ), какъ утверждаетъ съ обычной болтливостью венеть, епископъ пущольскій, великий изслѣдователь всякихъ исторій; откуда онъ это взялъ—онъ не говорить; часто я читалъ о древности религіи, философіи у ассирийцевъ, объ ихъ великой славѣ; но чтобы у такихъ грубыхъ (*ishmanes*) народовъ зародилось столь высокое искусство, какъ поэзія, мнѣ не вѣрится. Греки приписываютъ ея начало себѣ, какъ утверждалъ Леонтій, и Боккаччо готовъ съ нимъ согласиться, помнай слова своего знаменитаго учителя Петrarки, которая развивалъ въ своей бiографiи Данте. Говорятъ, первыми поэтами у грековъ были Музей, Линъ и Орфей, но у нихъ были соименники; мнѣніе о времени ихъ жизни колеблется,—и высказать вскорѣльз предположеніе о возможномъ тождествѣ Музея съ Моисеемъ, Боккаччо склоняется къ тому, что первыми поэтами были пророки, что Моисей написалъ часть своего Пятикнижія гороическимъ стихомъ (*heroico... sagittale*), а языческіе поэты пошли по стопамъ еврейскихъ только одни писали подъ наитиемъ Св. Духа, другие по внутреннему страстному побужденію, откуда и ихъ имя: *vates* (XIV.8).

Ихъ зовутъ баснословами, но это не укоръ, а призваніе: такъ и

философа не представишь себѣ безъ силлогизма. Что такое басня, вымысел? Это примѣръ или притча, раскрывающая изъ подъ своей оболочки мысли разказывающаго (*Fabula est exemplaris seu demonstrativa sub figmento locuti, cuius amoto cortice patet intentio fabulantis*). Есть четыре вида вымысловъ: первый, гдѣ вѣшняя оболочка лишена всякаго вѣроятія, когда, напримѣръ, выводятся въ басняхъ звѣри или неодушевленные предметы: таковы басни Эзона; его знаетъ и священное писаніе, заставляя деревья избирать себѣ царя (*lingua scilicet silvarum de constituendo rege sibi habuisse colloquium*). Второй родъ смѣшиаетъ дѣйствительное съ невѣроятнымъ (*fabulosa*), когда, напримѣръ, говорится о дочеряхъ Минея, пряхахъ, презрѣвшихъ оргіи Вакха и обращенныхъ за то въ летучихъ мышей. Такие разныи измышляли древнійшии поэты, смѣшивая божественное съ человѣческимъ; у великихъ поэтовъ они служатъ возвышеннымъ цѣлями, вѣкоторые комики искали ихъ, не заботясь о нравственности, служа вкусамъ развратной толпы. Но если отвергнуть ихъ вообще, то придется отвергнуть въ Ветхомъ Завѣтѣ все, что богословы называютъ фигурами, видѣнія Исаіи, Іезекіеля и Даниила. Третій родъ вымысловъ болѣе отвѣчаетъ понятію исторического разназа: такъ Виргилій представляетъ Энея, испытывающаго бурю; у Гомера Уллесъ привязалъ себя къ мачтѣ, чтобы не увлечься пѣснью сиренъ; и тотъ и другой поэты разумѣли въ обоихъ положеніяхъ не то, что изображали. Таковъ пріемъ пристойнѣйшихъ изъ комиковъ, Плавта и Теренція: ничего не подразумѣвая въ томъ, что они писали, они получали и предостерегали читателей изображеніемъ людскихъ нравовъ и дѣяній, если и не дѣйствительно приключившихся, то возможныхъ, такъ они обычны. Если осуждать этотъ родъ вымысловъ, то тоже осужденіе нестигнетъ и притчи Спасителя въ Евангеліи. Есть, наконецъ, еще родъ вымысловъ, гдѣ вѣтъ ни вѣшнаго, ни внутреннаго вѣроятія: это разныи полуумныхъ старухъ (*delirantium vetularum inventio*). Кажется, этотъ родъ басень противники поэзіи и отождествляютъ съ поэтическими вымыслами, заключаетъ Боккачъю, раскрывая ихъ значеніе, ихъ психологическое вліяніе, то успокаивающее, то возбуждающее, на примѣрахъ Хариты у Апулея, короля Роберта, воспитавшагося къ сознанию на басняхъ Эзона (XIV, 9).

Предполагать, что поэты ничего не желали выразить подъ личиной своихъ вымысловъ, а лишь хотѣли блеснуть своимъ краснорѣчіемъ—и смѣшило и глупо. Боккачъю указываетъ на иносказательный смыслъ въ буколикѣ и Энейдѣ Виргилія, на Данте и буколику Пет-

парки, минуя свою собственную, ибо о себѣ не говорять, да онь и не смѣеть сопоставлять себя съ достойнѣшими. Не только люди, взамѣнины музами, полные философскаго знанія, влагали въ свои поэтическія произведенія глубокій смыслъ, но иѣть такой выжившей изъ ума старухи, рассказывающей на зимнихъ посидѣлкахъ у очага про духовъ и фей (*fabellis orci seu fataram vel aminiarum et huiusmodi*), которая, по своему малому разумѣнію, не соединила бы съ своимъ разказомъ какого-либо значенія. иногда далеко не смѣшнаго, страшная ребить, либо потѣшная дѣвушкѣ, или потѣшалась надъ стариками, или просто желая показать, каковы силы судьбы (XIV, 10).

Поэты ищутъ уединенія не потому, что не знаютъ культурныхъ нравовъ и къ нимъ не способны; стоять только припомнить, сколь многіе изъ нихъ были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ царями и именитыми людьми, между прочимъ Данте и Петрарка. Они бѣгутъ изъ города, отъ двора, потому лишь, что тамъ ихъ творчество связано; такъ говорилъ Гораций—и Бокаччо поетъ хвалы уединенію въ природѣ, котораго искали и отшельники и поэты. Но ихъ уединеніе не нравится людямъ, хулящимъ всѣхъ, кто не похожъ на нихъ. Да: поэтамъ не нравится наводить на лица искусственную блѣдность, вызывать похвалы мерзкимъ ханжествомъ; они не только не требуютъ, но и не желаютъ почестей и власти, источниковъ чревоугодія и тунеядства; не толкнутся при дворахъ, не улещаются бабы, чтобы стащить авѣренныя имъ деньги, не превозносятъ ростовщиковъ (*cattigenses*), соразмѣряя похвалы вознагражденію. Какъ-же не иенавидѣть ихъ въ ихъ уединенії? (XIV, 11).

Упрекаютъ поэтовъ въ намѣренной темнотѣ, которою они будто бы щеголяютъ, тогда какъ древнее ораторское правило требовало вразумительности и ясности. Но развѣ у философовъ, къ числу которыхъ безстыдно причисляютъ себя противники поэзіи, иѣть темнотъ, иѣть ихъ въ св. Писаніи, знаніемъ котораго они кичатся (*cuibus ipsi professores haberi cupunt*)? Но поделѣловатому и солнечный день кажется туманнымъ; такъ и имъ. Я не отрицаю, что въ иныхъ поэтахъ есть неясности, но поэтовъ слѣдуетъ не порицать, а скорѣе поощрять, если они набрасываютъ покровъ на то, что достойно памятованія иуваженія, что отъ излишней откровенности потеряло бы цѣну и становится тѣмъ дороже, чѣмъ больше умственного труда потрачено на его откровеніе. Такъ объясняетъ и бл. Августинъ неясности св. Писанія. Надъ ними надо потрудиться; если хулиителямъ поэтовъ непонятна ихъ рѣчь, фигуры и цѣлы краснорѣчія и подборъ неслы-

ханныхъ словъ, пусть снова отправятся въ школу грамматики, испытываютъ ферулу учителя, познакомятся съ вольностами, дозволенными поэтамъ, читаются не одно только свое, итальянское, но и другое, и отринувъ старый духъ, исполняются новаго: тогда темное покажется имъ яснымъ и близкимъ. Святыню, по слову писания, не бросаютъ письма, передъ свиньями не мечутъ бисера (XIV, 12).

Обвинение поэтовъ во лжи заставляетъ Боккаччо еще разъ обратиться къ вопросу о значеніи вымысла — и къ анализу понятія лжи. *mendacium*. Это — вымыселъ, похожий на истину, которымъ иные пользуются противъ нея. Но многие поэтические вымыслы вовсе не похожи на истину, другими, напоминающими формы действительности, поэты пользовались, какъ притчами и примѣрами. Если они говорили о множествѣ боговъ, то не потому, чтобы не признавали единаго Бога, къ познанію которого стремились, на сколько могли, силами человѣческаго ума, а выражая по своему во множествѣ боговъ разныя стороны и свойства одного и того-же божества. Не ихъ вина, если они не знали истиннаго Бога; это вина Аристотеля, Платона, Сократа; они жили до проповѣди Евангелія, а евреи ни съ кѣмъ религіозно не общались; если поэты и философы говорили ложное, то они не лгали. Другое обвиненіе касается искажений, которыхъ позволилъ себѣ Виргилий въ разказѣ о Дионѣ. На это у него были причины, говорить Боккаччо: Виргилий подражалъ приемамъ Гомера, поэтическимъ, не историографическимъ. Историкъ сообщаетъ все, въ порядкѣ времени, отъ начала до конца; вотъ почему Лукана и зовутъ скорѣе историкомъ-стихотворцемъ, чѣмъ поэтомъ; поэтъ часто доказываетъ начало въ серединѣ и концѣ: таковъ разказъ Улисса у Феаковъ, и Виргилий подражаетъ ему, заведя Энея къ Дионѣ, хотя и жившій за нѣсколько столѣтій, и вложивъ въ его уста повѣсть о его предыдущей судьбѣ. Такимъ вымысломъ Виргилий достигалъ и другихъ цѣлей: выразить въ поэтическомъ иносказаніи, какой борьбѣ страстей подвергается человѣческая слабость; восхвалить въ Энеѣ родъ Октавіана Цезаря, возвеличить пророческими словами Диони славу римского имени (XIV, 13).

Развратныхъ, нелѣпыхъ басенъ о богахъ, которыхъ выводить на сцену древніе комики, никто поощрять не станетъ; онѣ вызывали укорь и въ старомъ Римѣ, а со времени Константина и папы Сильвестра овѣ и совѣтѣ отиѣнены; остались произведения честныя, достойныя уваженія; смущаться тѣмъ, что Юпитеръ является богомъ то неба, то воздуха или огня, орломъ или человѣкомъ — нечего, если вспомнить,

что и единаго истиннаго Бога священное писаніе называетъ солнцемъ и пламенемъ, львомъ и змѣемъ и агнцемъ и т. д. (XIV, 14). Если пелигнецъ Назонъ, поэтъ замѣчательный, хотя сладострастный (*claris sed lascivientis ingenii*) написалъ свою *Ars Amatoria*, соблазнительную, но не липнюю (*in quo si multa suadentur nefaria, nil tamquam minus opportinet*), то съ одной стороны нѣтъ теперь юноши или дѣвушки, которые, отдаваясь страсти, не превзошли бы въ уловкахъ того, кого почитали учителемъ, съ другой—есть такие поэты, какъ Гезіодъ, Вирgilій и др., не подлежащіе тому-же порицанію. Ихъ осуждаютъ, не читать, заявляютъ, что и читать не хотятъ, ибо помышляютъ о высшемъ. Господь можетъ опочить, за него неусыпно трудятся другие, занимаются высокими предметами, этимъ движется неподвижное небо. Что я говорю правду, тому доказательство: цѣкій почтенный лѣтами мужъ, извѣстный, впрочемъ, своей святостью и ученоствомъ, толковалъ однажды утромъ въ нашей главной школѣ (*in generali studio nostro*) евангеліе отъ Иоанна, когда случайно, упомянувъ слово поэзіи, внезапно сверкнулъ глазами, поднялъ голосъ и, закусивъ удила, началъ говорить о поэтахъ невѣроятное—а далѣе заявилъ клятвенно, что никогда ихъ не видѣлъ и не желалъ видѣть! Развѣ Духъ Святой настроилъ ихъ такъ строго—но я полагаю, въ столь грязныя души онъ не вселяется. А между тѣмъ поэты не только не совращаютъ къ поклонамъ, но и ведутъ къ добродѣтели: я не говорю о Гомерѣ, ибо по своему языку латинянамъ онъ менѣе знакомъ, а о Виргилиѣ, у которого все было бы свято, еслибы онъ позналъ истиннаго Бога; о Гораци, Персии и Ювеналѣ (XIV, 15). Если хулители считаютъ соблазномъ самую прелестъ поэтической рѣчи, то напрасны были пѣснопѣнія Давида и Іова, Орфея, Гомера и другихъ; если они соединяютъ съ этимъ и соблазнъ содержанія, то тѣмъ самымъ показываютъ, какихъ именно поэтовъ сами они читаютъ. Съ Божьей помощью сами они ухаживаютъ, пускаютъ влюбленные взгляды, пишутъ любовныя записочки, слагаютъ стишкы и нѣсенки, въ которыхъ говорять о своихъ чувствахъ и вздохахъ, и гдѣ не хватить умѣнья, обращаются за помощью къ учителямъ этого искусства, Катулламъ, Проперціямъ и Назонамъ, а затѣмъ ихъ же называютъ соблазнителями! Таковы-то чтенія этихъ людей (XIV, 16), позволяющихъ себѣ называть поэтовъ обезьянами философовъ. Если это говорится не въ насмѣшку, а серьезно, то поэты не обезьяны, не подражатели философовъ, а сами изъ числа ихъ, только ихъ средства разныя: одни дѣйствуютъ силлогизмомъ, другие иносказаниемъ, тѣ пишутъ прозой, эти стихами. Если

поэты кому подражают, то природѣ; но что-же можетъ быть по-
чтеннѣе, какъ не стараться воспроизвести искусствомъ, что природа тво-
рить своими силами (XIV, 17)?

Надо бросить, скажь произведенія поэтовъ, они гибельны для
души, пища демоновъ, какъ говорилъ блж. Иеронимъ въ посланіи къ
Дамазу о блудномъ сыне! Такъ кричать христіанскіе ревнители, при-
выкшіе скрывать свое невѣжество за запретами и кострами, какъ
врачи покрываютъ свои ошибки — землею. Но за что-же? Тѣ поэты
были язычники, не знали Христа, превозносили вѣру, которую почти-
вали святою, измышляли многое, изящное и полезное. Какіе законы
или пророки запрещаютъ читать ихъ? Разумѣется, читать умѣючи; у
кого шлемъ стеклянны, тому не слѣдъ ходить, гдѣ швыряются кам-
нями. Никто не станетъ отрицать, что изучать священное писаніе
полезнѣе, но не у всѣхъ природное влечение одинаковое, и если иные
увлекаются поэзіей, какая въ томъ вина? Мы знакомимся и дружимся
съ варварами, изучаемъ писанія еретиковъ, смотримъ на непристой-
ныя игры скомороховъ (*joculatores*), слушаемъ нескромныя пѣсни по-
тѣшниковъ (*histriones*) на пирахъ; живописцу дозволено изображать
въ храмахъ Цербера, охраняющаго порогъ Дита, Харона и Эриній
и Плутона, назначающаго муки грѣшникамъ — а въ палатахъ царя и
господъ любовныя шашни боговъ; однихъ поэтовъ запрещаютъ чи-
тать наши наставники, можетъ быть, въ желаніи блеснуть передъ
бабенками своей мудростью и дождаться болѣе сдобныхъ приношеній
(ut inde pinguiores consequantur offas). Но познать грѣхъ не
грѣхъ, а грѣхъ творить его (*scire malum malum non esse, sed operari*),
сказалъ апостолъ Павелъ; жемчужину можно найти и въ навозной
кучѣ, истина не станетъ ложью потому лишь, что ее произнесъ
поэтъ; богословы приводятъ въ свидѣтельство діавола, поэта приводить
нельзя; но почему-же цитуемъ мы языческихъ философовъ, избѣгая
поэтовъ, которые на нихъ воспитались? — Что до ссылки на Иеронима,
то она касается тѣхъ низменныхъ комическихъ поэтовъ, которыхъ самъ
Боккаччо осудилъ, а достойныхъ Иеронимъ не только читалъ, но и
приводить въ подтвержденіе своихъ миѣній; такъ и Августинъ, и
Фульгенцій; апостолъ Павелъ цитовалъ стихи Менандра (*cogitavit
mores bonos colloquia mala*) и Эпименида (*Cretenses semper mendaces,
malaes bestiae, ventres pigri*), самъ Спаситель обратился къ апостолу
Павлу съ словами Теренція (*Durum est tibi contra stimulum calcitrare*),
и не взялъ ихъ у него, а попустилъ Теренція изречь то-же, что
и Онъ.

Противники поэзіи опирались на мнѣніе Платона, желавшаго изгнать поэтовъ изъ своего государства, и по отношенію къ дѣйствительному взгляду Платона они были правы. Петрапка (*Contra medicum Invest.* III, 1104; см. *Hortis, Studi*, стр. 375 — 376, прим. 3) и Боккаччо, почерпнувши свои свѣдѣнія о „Республикѣ“ изъ какого нибудь другаго источника, согласно отрицаютъ, что таково могло быть настоящее воззрѣніе философа. Если поэтовъ упрекаютъ за любовь къ уединенію (Гомеръ, Варгилій, Петрапка въ Воклюзѣ), то ихъ нечего и изгонять изъ городовъ, начинаетъ Боккаччо; да ему и не вѣрится, чтобы Платонъ исключилъ изъ нихъ Гомера, котораго священные законы цесарей зовутъ отцемъ добродѣтелей, стихи котораго цитируются въ кодексѣ Юстиніана, какъ то можно видѣть въ пизанскихъ пандектахъ, на котораго притязали семь городовъ, какъ говорится въ одной древнѣйшей греческой эпиграммѣ (*carmine*). Вопросъ о Гомерѣ вызываетъ таковой-же о Солонѣ, Варгиліи, Горациі, Персіи, Ювеналѣ, Петрапкѣ; очевидно, Платонъ имѣлъ въ виду не такихъ поэтовъ, а тѣхъ, которыхъ Боккаччо не разъ касался: такихъ же подонковъ поэзіи, какъ циники и эпикурейцы среди филосовъ, еретики среди христіанъ. Боккаччо называетъ въ числѣ прочихъ, вредно вліявшихъ на нравственность, Плавта и Теренція, хотя и честныхъ людей — и Овидія (XIV, 19). Такую-то поэзію имѣлъ въ виду Бозцій, когда въ его видѣніи философія отстраняетъ отъ него сценическихъ распутницъ (*scenicas meretricias*), предоставляемая уврачевать его себѣ самой и своимъ музамъ (XIV, 20).

Боккаччо кончилъ свою отповѣдь хулителямъ поэзіи: онъ былъ бы рѣзче, еслибы считалъ это приличнымъ, да и его противники внушаютъ ему болѣе состраданія, чѣмъ гнѣва, и онъ предлагаетъ имъ миръ (XIV, 21), надѣясь, что они вразумлены его доводами — и обращается къ изученію и культу поэтовъ, какъ то не постыдился сдѣлать на старости лѣтъ король Робертъ. Если онъ ошибся въ своемъ ожиданіи, и они еще коснѣютъ въ прежней враждѣ, пусть, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ отличie между дурными и хорошими поэтами, не хулять достойныхъ между язычниками, ни еврейскихъ, выдѣлять Данте и Петрапку, а изъ древнихъ христіанскихъ Пруденція и Седулія, Аратора и Ювенка. Не пристало имъ быть строже нашей матери церкви, благо-дущио отнесшайся къ Оригену, писателю необычайного таланта и плодовитости, выбравъ изъ его писаній лишь одно похвальное, какъ разумная дѣвушка срываетъ цветы между колючекъ, не поранивъ пальцевъ,

а колючки оставляет (шоге solertis virginis quae inter spineta flores illaesis colligit digitis et spinarum aculeos sinit separatim recessere; сл. Дек. V, 10, De Clar. Mul. посвящение). Весь и Августин и Иеронимъ нападали не на искусство поэзіи, а на выражавшія въ нихъ языческія заблужденія, и сами представили образы цѣтущей латинской рѣчи. Боккачъ заключаетъ словами Цицерона въ защиту Архія: занятія эти руководятъ юношество, утѣшаютъ старость, въ счастіи—украшеніе, въ несчастіи — убѣжище и утѣха; радуютъ дома, не мѣшаютъ и внѣ его; они почуютъ съ нами, путешествуютъ; еслибы мы сами были и неспособны къ нимъ, мы всегда должны удивляться имъ вчужбѣ, на другихъ. Если противники не вразумлены и послѣ того, Боккачъ болѣе писать не станеть, ибо состраданіе уступило въ немъ презрѣнію (XIV, 22).

Защищая поэзію и поэтовъ, онъ защищаетъ отчасти и себя; но этого недостаточно: ладья обережена, надо оберечь и пловца. Послѣдня книга Генеалогій, посвященная его оборонѣ, носить чисто личный характеръ.

Многіе, при видѣ этого колосса (то-есть, Генеалогій), скажутъ, пожалуй, съ искреннимъ сожалѣніемъ, что трудъ этотъ не нуженъ и не полезенъ. Но что такое нужное? Развѣ нужны наши дворцы и капитоліи, драгоценныя одежды и утварь, когда той-же цѣль можетъ служить мазанка и шерсть животныхъ и глиняная посуда? Къ чему волосы, безъ которыхъ Венера не понравилась бы Марсу? Все это служить украшеніемъ; этой цѣли достигаетъ и мой трудъ: что можетъ быть пріятнѣе, какъ вставить порой въ разговоръ какой-нибудь разказъ, применить его содержаніе? Въ раскрытии этого содержанія, котораго и не подозрѣвали въ поэтическихъ вымыслахъ—вторая цѣль труда и его польза. Богъ дастъ, и впредь будутъ люди, преданные искусству поэзіи, имъ моя книга послужить, по крайней мѣрѣ, своими родословными (*fiet saltem tabulis preciosam*). Лишь бы она понравилась тебѣ, обращается Боккачъ къ королю, а о другихъ инѣніяхъ я не забочусь (XV, 1). Иные станутъ соболѣзновать, что мой трудъ полонъ недочетовъ, непрочень и потому недолгоѣченъ. Но пробѣловъ я ожидаю и предупредилъ о нихъ заранѣе; что до долговѣчности, то вѣдь Илонъ паль скорѣе бѣдной хижинѣ Аглая Софидія; а я напередъ наказалъ своему труду быть смиреннымъ, смиренныхъ Богъ милуетъ. Пусть говорять себѣ, что хотять, я говорю, что желаю (*dicant isti, quod volunt, et ego quod curio arbitror*). Я сдѣмалъ свое дѣло, исполнилъ твои велѣнія, снова взыываетъ авторъ

къ королю; если мой трудъ устоитъ, то по милости Божией и твоей удачей (XV, 2). Трудъ не устоитъ, скажутъ другіе, потому что дурно построено: грудь изъ черепа, изъ груды голени. На это я не знаю, что и отвѣтить. Я сказалъ въ самомъ началѣ, что начало генеалогіи спорное; я избралъ то, которое показалось мнѣ древнѣйшимъ, и къ нему, какъ сумѣль, пристроилъ остальные члены. Иного порядка я не нашелъ, не смотря на то, что трудился прилежно и много книгъ перерылъ. Пусть научать меня фактами, не ограничиваясь голословными обличеніями (XV, 3).

Что многаго у меня недостаетъ, многія лица не упомянуты въ генеалогіяхъ, это я знаю; вину недостатокъ книгъ, моя память. Если порой я позволялъ себѣ толковать смыслъ басенъ, чтѣ не по моимъ силамъ, то я слѣдоваль въ этомъ желанію твоего величества, отвѣтственность на тебѣ; я могъ кое-что проглядѣть. Смыкались глаза и у Аргуса, а у меня всего два глаза, да и ихъ часто побѣждаетъ сонъ. Но пусть мои противники дополнять пропущенное, предложить новые объясненія; думаю, что я работалъ честно и правдиво (*etsi non plene, verum tamquam atque sancte scribere ratus sum*), и хотя обоими ногами ногрязаю въ старости (*etsi jam totis pedibus in senium tendam*), не боюсь, а напротивъ жажду поучиться (XV, 4).

Упрекъ въ томъ, что онъ приводить „неслыханныя басни и исторіи“, трудные тексты онъ устраиваетъ указаниемъ на древнѣйшіе комментаріи, послужившиѳ ему источникомъ; что до трудности текста, то вѣдь ни на кого не угодишь: легкій и понятный вызоветъ обвиненіе, что это писано для школьніковъ. напишешь поискунѣ, назовутъ писателя шероховатымъ (XV, 5). Онъ обращался и къ новымъ авторамъ, характеристики которыхъ мы уже воспользовались, черпаль и изъ мало извѣстныхъ; вѣкоторая неразборчивость объясняется новостью его труда: гражданскіе и каноническіе законы вызвали по множеству текстовъ (умноженныхъ людскою злобой) цѣлый аппаратъ толкованій, философскій, медицинскія книги и священное писаніе (*sacrae litterae*) комментируются и толкуются; одна поэзія, какъ не приносящая выгоды, была въ загонѣ; пришлось брать материалъ, гдѣ онъ попадался, безъ особаго разбора (*absque tam celebri selectione*), даже въ безыменныхъ глоссахъ (XV, 6).

О греческихъ стихахъ (*гтаеса сагміна*), встрѣчающихся, скажутъ несомнѣнно, что приводиль ихъ я для хвастовства. Отвѣчу завистникамъ, по обыкновенію, спокойно: у меня были и еще есть творенія Гомера, изъ нихъ я почерпнулъ многое, ибо лучше брать изъ

источника, чьи изъ потоковъ; къ тому же стихи разбиваются однобразие текста, приведенные въ подлинникѣ дѣйствуютъ убѣдительнѣе, я только подражалъ Цицерону, Макробію, Апулею, Авзонію. Миѣ скажутъ, что тогда это было хорошо, теперь же напрасный трудъ, ибо никто не понимаетъ греческаго языка. Миѣ остается только похвалѣть латинянъ, забывшихъ дать греческую грамоту: въ союзѣ съ греческой литературой, латинская, обнявшая весь западъ, выиграла бы въ блескѣ (*lucidiores*), да и древніе римляне не все взяли у грековъ, осталось многое, намъ неизвѣстное, познаніе чего было бы намъ на пользу. Но объ этомъ въ другой разъ; мои критики, вѣроятно, не знаютъ, что мой трудъ написанъ для ученѣйшаго короля, которому, если вѣрить молвѣ, одинаково знакома и греческая и латинская письменность, при которомъ постоянно пребываютъ греки, имъ эти стихи покажутся не лишними. Но пусть такъ: и написать ихъ—не безъ намѣренія показать себя (*ostentationis causa*); къ чему же прицѣлъ меня за то, на что у меня есть право? Это моя честь и слава, что среди этрусковъ я понимаю греческие стихи (*graecis uti carnibus*).—Боккачъ разказываетъ по этому поводу о своихъ занятіяхъ съ Леонтиемъ Пилатомъ).—А на меня сердятся, что я, противъ обычая времени, вмѣшиваю въ латинскую рѣчь греческие стихи! Дайте же мнѣ хоть немного похвалиться плодами моего труда и снизойдите, памятя слова Валерія Максима, что нѣтъ столь смѣренного человѣка, котораго не привлекала бы сладость славы (XV, 7).

Нѣкоторые духовные люди (*religiosi homines*) могутъ соблазниться названиемъ поэтовъ—теологами. Боккачъ приводить по бл. Августину мнѣніе Варрона о трехъ видахъ теологии (*mythica, physica* и *civilis* или *politica*), повторяетъ знакомое намъ мнѣніе Аристотеля, и удерживаетъ отождествленіе. Название теологии не предполагаетъ непремѣнно христіанское содержаніе. миѳическая теология древнихъ поэтовъ—скорѣе физиология или этология; но поэтъ Данте можетъ быть названъ теологомъ въ христіанскомъ смыслѣ этого слова (XV, 8).

Занятіе языческими суевѣріями и генеалогіями боговъ можетъ увлечь въ заблужденія. Это вѣрно, говорить Боккачъ, инымъ его необходимо запретить, но не всѣмъ, иначе церковь такъ бы и постановила. Въ ту пору, когда насаждались первыя сѣмена христіанства, такое чтеніе могло быть вредно; теперь, когда язычество пришло къ уничтоженію, оно опасно развѣдь для ребятъ и неофитовъ. Что до меня, я не боюсь, хотя бы ничѣмъ другимъ не занимался, ибо со времени моего крещенія, по мѣрѣ бренныхъ человѣческихъ

силь, исповѣдую, что поется въ собраниі вѣрующіхъ. И Боккаччо пафразиуєтъ символъ вѣры, называя Іоанна Предтечу суровымъ пророкомъ отшельникомъ (*ab hispido atque silvycola vate*), дьявола Плутономъ, апостоловъ соратниками Христа. цитуя Фому Аквинскаго и Діонисія Ареопагита. Вотъ вѣчныи истины, глубоко проникшия въ мое сердце, ихъ не искоренитъ никакое язычество, ибо если я и грѣшникъ, то благодаря Бога, не Херея Теренція, котораго изображеніе Зевса, падающаго съ крыши на Даілю (золотымъ дождемъ), возбудило къ желанному имъ проступку. Съ годами прошло и вѣтрнное отношеніе къ подобнымъ вопросамъ, чего, впрочемъ, я за собой не помню, и какъ Митридатъ ядами вооружился противъ яда, такъ я противъ сѣтей древняго врага ученими ап. Павла, Августина и другихъ святыхъ отцовъ. Если, будучи христіаниномъ, я занимался языческими бреднями, то дѣлалъ я это по твоему велѣнію, славный повелитель, подражая, если дозволено сравненіе малаго съ великими, Августину, Іерониму и Лактанцію. Съ малыхъ лѣтъ я знаю, по словамъ псалмопѣвца, что языческие боги—демоны, ихъ дѣянія всегда были мнѣ противны, но, сознаюсь, правы и писанія нѣкоторыхъ поэтовъ, если устраниТЬ вопросъ объ ихъ религії, мнѣ нравились, я хвалилъ ихъ и защищалъ отъ нападеній невѣждъ, ибо убѣжденье, что, еслибы они познали истиннаго Бога, были бы прославлены и среди христіанъ.—Хорошо, скажутъ мнѣ, ты принялъ мѣры противъ враговъ, но, возясь съ смолой, не трудно и замараться; вспомни примѣръ Соломона; ты не сильнѣе-же его?—У него была другаго рода опасность: его совратила жена египтянка—а кто не знаетъ, какъ трудно и тяжело бороться съ любимой женщиной, особенно въ ночныхъ бесѣдахъ съ нею? У меня же борьба съ языческими баснями, которыхъ тицету я знаю, и Господь не попустить, чтобы подъ старость я совратился съ праваго пути, по которому шель съ малыхъ лѣтъ (XV, 9).

Слѣдующая глава напоминаетъ мотивы *De Casibus*: бесѣду автора съ Фортуной и оборону Алкивиада и своего собственнаго поэтическаго призвания (VI, введеніе; III, 13, 14). Онъ отвѣчаетъ на возможный вопросъ, почему не предпочелъ онъ болѣе почтенныя (*studii sanctioribus*) занятія цесарскими и каноническими законами, медицинской, философіей, паконецъ священнымъ писаніемъ (*sacra volumina*), чѣмъ предпочтительнѣе всего. Какъ гитаристъ (*cuitarista*) изъ струнъ различно натянутыхъ и издающихъ не одни и тѣ же звуки извлекаетъ нѣжную мелодію, такъ природа создаетъ различная способности и призвания на поддержаніе человѣческаго рода, иначе немы-

слимое. Воть почему одинь родится ремесленникомъ (*faber*), другой морякомъ, тотъ купцомъ, священникомъ, юристомъ, поэтомъ, философомъ, богословомъ. Чѣмъ бы вышло, еслибы всѣ предались богословію, и не было земледѣльца? Я хорошо знаю, что всѣ мы одарены свободной волей и можемъ побороть ею силы природы, чѣмъ и удавалось, но крайне рѣдко, ибо нась неудержимо влечеть къ тому, на что мы родились. И такъ, если мы родились и воспитывались на разное. довольно и того, что мы по мѣрѣ силь (*plane*) исполнили свое призваніе, не увлекаясь къ другому; кто пытался это сдѣлать, терялъ свое, не ставъ тѣмъ, чѣмъ желалъ. На какое бы дѣло природа не произвела другихъ людей, меня она расположила оть чрева матери къ поэтическимъ соаерціямъ; на это я рожденъ, это доказалъ опытъ.—И Боккачъ разказываетъ о напрасныхъ попыткахъ отца сдѣлать изъ него купца или канониста; къ другимъ занятіямъ его не тянуло, оть богословія его удержали годы (*annosa aetas*) и недостаточность таланта и нежеланіе подъ старость лѣтъ стать школьникомъ въ новой области знанія. И такъ, оставьте сапожника при шилѣ и щетинѣ, меня при моихъ поэтахъ (XIV, 10).

Нѣсколько неожиданнымъ является упрекъ, что Боккачъ потревожилъ прахъ древнихъ царей, предавъ порицанію ихъ славу, и слова возбудилъ вниманіе къ полузабытымъ злодѣяніямъ языческихъ боговъ. Эти обвиненія отзываются язычествомъ (*gentilium animis redolet ista conquestio*), отвѣчаетъ Боккачъ; никѣмъ не воспрещено писать о дѣяніяхъ царей, достойныхъ или недостойныхъ; ихъ было дѣло такъ поступать, чтобы о нихъ можно было разказать лишь достойное. Обнаруживая негодованіе къ откровенности Боккачъ, противники рисуются своимъ великодушіемъ, благородствомъ. Дешево они хотятъ пріобрѣсть его: вѣдь оно дается добрыми нравами, справедливостью, святостью, знаніемъ. Пусть соболѣзнують чemu-нибудь другому, лучшему, ибо нельзѧ соболѣзновать недостойнымъ, хотя бы и не язычникамъ. А что я возбудилъ память о полузабытыхъ мерзостяхъ боговъ, то они не только покоятся сномъ, но и погрязли подъ бременемъ Христовой истины; и я, христіанинъ, потщился увеличить это бремя (XV, 11).

Для однихъ я писалъ слишкомъ сжато, для другихъ—слишкомъ пространно. Первымъ отвѣчу, что я сообщаю лишь то, что находиль въ источникахъ, не умножая и не изобрѣтай; никогда бы не кончилъ, если бы старался быть подробнѣе; писалъ для ученѣйшаго короля и для людей понимающихъ; наконецъ, сжатость полезна и въ томъ

смыслъ, то она изощряеть пытливость; кроме того, я желалъ оставить кое-что и для другихъ, чтобы не отбить у нихъ славы. А если иной разъ я былъ пространнѣе, то меня увлекало мое перо, какъ и многихъ, разумѣйшихъ, чѣмъ я; это можетъ быть полезно для менѣе понимающихъ (XV, 12).

Оставалось удалить еще одно подозрѣніе завистниковъ, будто бы Боккаччо лишь похвастался, что написалъ свой трудъ по повелѣнію короля. Всѣ мы жаждемъ похвалы, лучшими людьми движетъ желаніе славы, какъ сказалъ Цицеронъ; вѣдь для маленькаго человѣка большая честь услужить достойному повелителю. И я также жажду славы, говорить Боккаччо, но ко лжи неспособенъ. Я гордъ, если назвать гордостью то, что лишь Богу воздаю честь и поклоненіе по своей волѣ, а не всѣмъ, кто меня о томъ попроситъ. И Боккаччо припоминаетъ извѣстныя намъ подробности, какъ король побудилъ его къ труду черезъ посредство Доннино, Беккино Беллинчони и Павла Геометра. Никогда не видѣлъ я твоего величества, ни ты меня, говорить онъ; напрашиваться на твое личное, письменное приказаніе я считалъ излишней гордостью (*mihi superbum visum est*); я повѣрилъ твоимъ посредникамъ; изъ нихъ одинъ, Доннино, умеръ почти въ томъ-же году, другіе живы; они и ты можете свидѣтельствовать за меня. Но у меня есть и другіе свидѣтели, не худородные (*ex fece plebeia*), а именитые люди: что еслибъ я захотѣлъ украсить свой трудъ королевскимъ именемъ, мнѣ нечего было измышлять нелѣпую басню о Кипрѣ, ябо былъ иѣкий король, хотя и не столь ученый (? *esto minus intelligens princeps esset*), который самъ попросилъ бы меня посвятить ему мой трудъ, еслибъ расчитывалъ на мое согласіе, полагая, что не его имя принесетъ мнѣ славу, а моя писанія умножатъ его собственную. Ибо похвалами (*suffragatis*) писателей превозносятся имена властивущихъ; недаромъ писателей привлекали къ себѣ и поощряли Александръ Македонскій и Помпей, Сципіонъ и Катонъ Цензоринъ, Марій, Цицеронъ и другіе. Неужели стать бы я должно навязываться къ именитому королю съ непрощенной славой, пятна при этомъ мою собственную? Ни при одномъ изъ другихъ моихъ трудовъ нѣть подобного посвященія; только Буколику я посвятилъ моему дорогому другу (*praeceptor amicus*) Донату Албанцані (Donatus Appenigena), бѣдному, по честному человѣку, по его проосьбѣ; королевскимъ именамъ я не даю предпочтенія. А что короли желаютъ и домогаются такихъ посвященій, то примѣромъ тому славный Робертъ, властитель Іерусалима и Сициліи, про-

съвѣшій знаменитаго мужа, Франческо Петрапку, украсить его именемъ Африку, если онъ не найдеть ей высшаго назначенія (*pi altius tribuisset*), не во славу автора, а себѣ въ честь. Не знатныя имена дѣлаютъ писателей извѣстными, писатели даютъ имъ извѣстность; къ хорошему труду ничего не прибавитъ королевское имя, дурной—не защитить отъ нареканій. Я же повторю о себѣ: я такъ упрямо гордъ (*superbe obstinatus*), что развѣ Богу, но самому Цесарю или Сципиону не посвятиль бы и одного стихотворенія, иначе какъ по ихъ просьбѣ или по дружбѣ. Пусть король извинитъ меня за откровенность и заставитъ умолкнуть тѣхъ, кто стаъ бы утверждать, что этотъ трудъ посвященъ ему не по его просьбѣ, написанъ не по его велѣнію (XV 13).

Трудъ конченъ, сказано многое въ защиту его и автора, который самъ сознаетъ свои недостатки и проситъ короля исправить ихъ, пополнить, что нужно, украсить стилистически. Если же онъ отвлечень государственными обязанностями, то авторъ предоставляетъ себя на судъ людей вѣроятныхъ и благочестивыхъ, особенно именитаго своего учителя Франческо Петрапки: пусть съ свойственнымъ имъ благодушiemъ они устранитъ его заблужденія, либо направятъ ихъ на путь святой истины. Онъ будетъ доволенъ своимъ трудомъ, если удовлетворилъ короля; но не вмѣнай это мнѣ въ заслугу, заключаетъ онъ: не мнѣ честь, и не моему знанію, а Тому, отъ кого исходить все благое. Не намъ, Господи, не намъ, а имени Твоему.

VII.

„Генеалогіи боговъ“ заслуживали подробнаго разбора; послѣ Декамерона это второе казовое произведение Боккаччо: одно завершило его юность, другое—его ученую зрѣлость; оба вызвали оппозицію и защиту трудовъ и автора; между ними лежитъ періодъ колебаній и перелома къ ригоризму въ нравственныхъ понятіяхъ и, что для насъ важнѣе, къ классической эрудиціи отъ итальянской поэзіи: періодъ Корбаччо; а между тѣмъ, у Генеалогій тѣ же враги, что и у Декамерона, отъ котораго Боккаччо уже успѣлъ отречься. Онъ хотѣлъ идти впередъ и уходилъ, измѣнилось многое въ его міросозерцаніи, но осталась та же складка ума, тѣ же приемы мышленія, тѣ же критеріи, не вызванные и не измѣненные новымъ материаломъ знанія, который мы зовемъ гуманистическимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющіе сущность гуманизма, какъ критического начала. Эту цѣльность

направлениі Боккаччо, очевидно, не ощущалъ въ себѣ, но ее чуяла оппозиція.

Въ чемъ состояли нападки на автора Декамерона? Говорили, что онъ занимается баснями, не дающими хлѣба, когда могъ бы заниматься дѣломъ; это нападки практиковъ; говорили особенно о его непристойности, о зломъ языкѣ, не щадящемъ, напримѣръ, монаховъ, и звали его на Парнасъ, къ серьезнымъ музамъ. Въ этихъ противникахъ не трудно угадать тѣхъ, отъ которыхъ ему придется, главнымъ образомъ, оборонять и поззю: люди сколастического закала, старой литературной традиціи, святоши, замыкавшіеся отъ всего нового, ибо оно грозитъ скандаломъ. Что имъ претило въ Декамеронѣ— мы знаемъ: не соблазнъ отдѣльныхъ новелль,— онѣ давно были въ обиходѣ,— а то, что эти новеллы собирались въ одну человѣческую „комедію ошибокъ“, и въ нихъ ищутъ не одного смѣха,—его бы простили,—а материала эстетическихъ и психологическихъ наблюдений, цѣнныхъ сами по себѣ, вѣдь счетовъ съ очередными нравственными воззрѣніями; это и вызвало скандалъ. Смѣхъ или осужденіе уживались съ старымъ критеріемъ нравственности, личный анализъ, не исключая смѣха, грозилъ его устоямъ. Это было новшество Боккаччо; новшество безсознательное: его разкащики люди набожные, въ Декамеронѣ есть партии, проникнутыя не только христіанскимъ, но и церковнымъ благочестіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ струѣ анализа проносился незримый ядъ, и его результаты обѣщали сложиться въ систему личной нравственности, въ которой многое будетъ оправдано и многому прощено, что не оправдывалось и чemu не прощали.

Перейдемъ къ противникамъ Генеалогій, то есть, собственно поэзии. Петрарка защищалъ ее отъ нападеній медиковъ, также опровергалъ доказательства, почерпнутыя изъ Боеція (*Invest. I; сл. Sen. XV, 11*); Боккаччо ломалъ за нее копья съ купцами (эклога XIII), въ XII-й эклогѣ — съ юристами, врачами и богословами; въ Генеалогіяхъ число противниковъ поэзіи возросло: это неучи-тунеядцы и интеллигентные болтуны, юристы и наконецъ тѣ же сколастики-богословы. Оставимъ неучей; врачи и юристы — это, очевидно, тѣ практики Декамерона, которые соблазняли Боккаччо хлѣбными занятіями, но и съ ними нельзѧ не считаться, какъ съ представителями извѣстнаго образовательного преданія, средневѣковой системы знаній, въ которой поэзіи не было мѣста. Интеллигентные болтуны нахватались итальянскихъ книжекъ, да и своимъ скола-

ластикамъ Боккачью совѣтуетъ не ограничиваться такимъ чтенiemъ, а обратиться къ болѣе серьезному; разумѣется, въ первомъ случаѣ тѣ энциклопедическія знакія, которыя составляли ученое содержаніе итальянской до-Боккачьевской литературы: отрывочные переводы кое-какихъ классиковъ, дидактические и правоучительные трактаты; сколастики-богословы приносили съ своей стороны специальную начитанность въ церковныхъ авторахъ и церковные взгляды. Это—чтенія Даите, за вычетомъ свѣтлой виргиліевской струи; сколастиковъ, противниковъ языческихъ поэтовъ, мы павѣрно встрѣтили бы въ той партии, которая подозрѣвала Петрарку въ зависимости отъ творцу Божественной комедіи, въ флорентійскихъ критикахъ Африки, которыхъ Петрарка вызывалъ написать что-нибудь по-латинѣ, не ограничиваясь разглагольствованіемъ по угламъ, среди бабъ и шерстобитовъ, на народномъ языкѣ (*Sen. II, 1*).—Особо стоять въ вопросѣ о поэзіи средневѣковые рационалисты, поклонники Аверроэса, въ тѣхъ новѣйшихъ діалектикахъ, которые осуждали Платона и Аристотеля и пожимали плечами надъ стилемъ Виргилія, потому что онъ слишкомъ злоупотребляетъ союзами (*Sen. V, 2*).

Обратимся къ сколастикамъ, изображеніе которыхъ у Боккачью напоминаетъ характеристику монаховъ-святошъ у Дамьяні (Опис. XII, 17), также падкихъ на кличуку „развѣ“. Ихъ протестъ противъ классической поэзіи обусловленъ ея религіознымъ и нравственнымъ содержаніемъ, то и другое къ соблазну вѣрующихъ; но нечто другое, безсознательное, стояло за этими мотивами, которые и въ XIV вѣкѣ могли казаться обветшальными. Прошло то время, когда церковь поднималась противъ чтенія языческихъ авторовъ; ихъ не только читали, но и пересказывали, путемъ аллегоризма сюжеты и символы икона успѣли занять жѣсто въ духовной живописи; имена обезвреживались иносказаниемъ, „морализовали“ такимъ образомъ самого Овидія. Ко всему этому пріучились; въ чемъ же вина Боккачью? Въ самой затѣ Генеалогії, въ массѣ миѳологического матеріала, послѣдовательно истолкованнаго. Какая-нибудь скандальная новелла, къ какимъ бы ни вела она сомнительнымъ этически выводамъ, не поражала; но сто одна новелла Декамерона указывали на начала этики, независимой отъ церковныхъ книгъ. Отдельные имена толковались иносказательно; это была остроумная забава, не манившая къ обобщенію; въ связи Генеалогії забава очутилась серьезнымъ откровеніемъ: за богами новѣйшей героической формациі

являлись другіе, въ которыхъ древній человѣкъ выразилъ свои понятія о единомъ началѣ сущаго и его проявленіяхъ, свои посильныя стремленія къ добродѣтели и истинѣ. Этотъ взглядъ, лишь кое-гдѣ нарушенный демонизмомъ, поднималъ этическое содержаніе язычества, ставя его не только хронологически, но и по существу, вѣтъ критики христіанства; чѣмъ виноватъ Виргилій, что не причастенъ истинной вѣрѣ? Онъ былъ бы славой христіанского имени. Еслибы Орфей, Виргилій и Овидій постоянно держались того, что смутно ощущали но наитію природы (то-есть, идеи единобожія), они пришли бы къ пониманію той-же истины, что и мы, говорилъ Лактанцій (*Div. Inst. I, 5.*).

Видѣть съ тѣмъ поднималось и значеніе языческой поэзіи, какъ выразительницы миѳа; эта было не нѣчто вредное и лишь терпимое, а высокое искусство, и призваніе, и дѣло, давающее само себѣ, и лишь уклоненія отъ его идеала вызываютъ порицаніе; неясныя, таинственные нити объединяли ее на разстояніи тысячелѣтій, сблизили Музея съ Моисеемъ, заставили языческихъ поэтовъ вступить на стези пророческихъ пѣвцовъ, всѣхъ—искать на разныхъ путяхъ одной и той же истины и беречь ее отъ толпы въ драгоценной оправѣ иносказаній. И здѣсь опека церкви устранилась; поэзія искала себѣ оправданія въ томъ самомъ принципѣ аллегоризма, въ которомъ перковь находила осужденіе—миѳа. Такъ измѣнился критерій, что Боккаччо ратуетъ за поэзію—оружіемъ Лактанція.

Поэзія—богословіе—это идея, высказанная Петраркой, и не имъ впервые; но только Боккаччо обставилъ ее массою примѣровъ, разработалъ аналитически, и получилась система, заставившая сколастиковъ волноваться, какъ отъ нравственныхъ выводовъ Декамерона. Съ сколастиками и считается Боккаччо, защищаясь и нападая; онъ ихъ не уважаетъ, они глупы, но сильны другимъ, и онъ старается показать, что въ состояніи биться съ ними ихъ-же оружиемъ, и постоянно заявляетъ о своемъ нравовѣріи. Мы знаемъ, что былъ и другой поводъ къ такимъ заявленіямъ, психологический: въ колебаніяхъ, иногда овладѣвавшихъ Боккаччо, въ невольныхъ сомнѣніяхъ, когда на новыхъ путяхъ передъ нимъ внезапно возставалъ грозный призракъ прошлаго. Его старый знакомый, Пьетро да Монтефорте, „хоззинъ піэрідъ“, писалъ ему, что его книга о языческихъ богахъ какъ бы чуждается таинствѣ христіанской религіи; онъ объяснялся и защищался, вторилъ Іоанну Салисберійскому, что языческихъ поэтовъ

подобает читать лишь людямъ, крѣпкимъ въ вѣрѣ; когда какой-нибудь изувѣръ, вродѣ Чьянни, пугалъ его вѣчными муками, его воображеніе настраивалось на ужасное, онъ падалъ духомъ—но его неудержимо тянуло въ святилище языческихъ боговъ, и онъ вновь вступалъ въ него съ амулетами молитвы и Символа вѣры,—потому что ему не жить безъ поэзии, которую онъ отождествляетъ съ этикой, съ человѣчнымъ содержаніемъ латинской древности. Онъ по призванію—поэтъ. Не даромъ сказалъ онъ о себѣ въ своей эпиграфѣ:

Studium fuit alma poesis.

Александръ Веселовскій.

БОЛГАРСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ ДРЕВНѢЙШЕЙ ЭПОХИ НА РУССКОЙ ПОЧВѢ.

(Историко-биографические очерки).

Наблюдая произведения русской письменности въ первые вѣка ея существования и следя за источниками, откуда брали они свое начало, мы встречаемъ почти единственно болгарскую литературу, созданную свѣжими и живыми усилиями новыхъ ревностныхъ адептовъ христіанской вѣры. Обстоятельства, при которыхъ явилось это новое христіансское общество, вполне способны были могущественно поддѣлывать на духовныхъ вождей болгарского народа и сразу предоставить имъ широкую арену для самой плодотворной и заманчивой дѣятельности. Возбужденіе было очень велико; равносильнымъ результатомъ его явилась изумительная по своей энергіи просвѣтительная дѣятельность группы лицъ, созданныхъ исключительными условіями времени. Можно указать очень мало примѣровъ, когда бы въ сравнительно такое короткое время создалась литература столь богата, хотя и не самостоятельная, и въ то же время столь существенно важная въ смыслѣ соотвѣтствія новымъ народившимся запросамъ народной жизни. Нѣсколько десятилѣтій сразу поставили новопросвѣщенный болгарский народъ на значительную высоту религіозно-литературного развитія, которое если и не простидалось очень широко въ народной средѣ, за то дало въ результатѣ известную сумму литературныхъ фактовъ, послужившихъ прямымъ источникомъ, изъ которого обильно черпала свое просвѣщеніе другія славянскія народности—сербы и особенно русскіе. Въ этомъ отношеніи общеславянская заслуга болгаръ очень велика и никогда не можетъ быть забыта исторіей, какъ бы низко ни упало политическое значеніе самой націи. Знаменитый царь Симеонъ (893—927) былъ не

только формальнымъ, но и фактическимъ руководителемъ указанного литературного движения, и онъ по справедливости достоинъ быть тѣхъ похвалъ, которыя обильно обращены были къ нему какъ со стороны соотечественниковъ и подданныхъ, такъ и со стороны иностранцевъ, современныхъ ему и позднѣйшихъ¹⁾.

Въ настоящихъ очеркахъ мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ обширный вопросъ о переводѣ книгъ Священнаго Писания на славянскій языкъ и о болгарскихъ участникахъ въ этомъ великомъ дѣлѣ. Въ наукѣ имѣются по этому вопросу различные, иногда противоположные мнѣнія, изъ которыхъ не мало есть очень вѣскихъ въ пользу того, что трудъ этотъ совершенъ былъ въ предѣлахъ Болгаріи и на томъ языкѣ, который былъ литературнымъ языкомъ для древнѣйшей эпохи болгарской литературы. Вопросъ этотъ въ приложеніи къ русской письменности ждетъ еще многихъ монографическихъ изслѣдований, которые, благодаря богатству русскихъ материаловъ, безъ сомнѣнія, прольютъ обильный свѣтъ и на болѣе широкую область общеславянской литературы этой эпохи. Самая важность и обширность этого вопроса, по существу дѣла, не позволяютъ намъ трактовать о немъ въ нашемъ краткомъ обозрѣніи²⁾. Задача наша заключается въ томъ, чтобы взглянуть на нѣкоторыя болѣе частныя, но также довольно важныя, явленія болгарской литературы этой древнѣйшей эпохи съ точки зренія русскихъ материаловъ.

Изъ преемниковъ дѣла Кирилла и Меодія и ихъ ближайшихъ послѣдователей, сосредоточившихъ свою литературно-просвѣтительную дѣятельность въ Болгаріи, въ особенности важныя услуги оказали: Климентъ, Иоаннъ экзархъ и Константинъ. Они действительно были самыми выдающимися писателями эпохи царя Симеона.

¹⁾ *Палагоствъ, Вѣкъ болгарского царя Симеона*, С.-Пб., 1852. стр. 82—84. Ср. *Горскій и Невоструевъ, Описаніе рукописей Моск. Синод. Библіотеки*, II, 1, стр. 5 (слово патріарха Николаа), и *Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей*, М., 1871, стр. 166, прим. (отзывъ Лутпранда).

²⁾ Весьма обстоятельный сводъ мнѣній различныхъ ученыхъ по вопросу о дѣятельности славянскихъ первоучителей можно найти въ рѣчи акад. И. В. Янча: „Вопросъ о Кирилѣ и Меодіи въ славянской филологии” (С.-Пб., 1886). На главнѣйшие труды, вышедшие послѣ этого времени по данному вопросу, есть указанія въ книгѣ Fr. Pastrnak'a *Bibliographische Uebersicht über die slavische Philologie*, 1876—1891, Berlin, 1892.

I. Климентъ.

Климентъ причисляется къ группѣ св. седмичисленниковъ, заключавшей въ себѣ и имена св. Кирилла и Меѳодія. Уже это одно служить выраженіемъ высокой оцѣнки его дѣятельности въ очень давнюю пору. Дѣйствительно, это была личность весьма выдающаяся. Жизнеописатель его знаменитый юнофилактъ, архіепископъ болгарскій († около 1107 года¹⁾), называетъ Клиmenta личнымъ и близайшимъ ученикомъ великаго Меѳодія: онъ „еще отъ юности и съ раннихъ лѣтъ послѣдовавши за нимъ (Меѳодіемъ), видѣлъ все своими глазами, что дѣлалъ его учитель“. Онъ старался во всемъ идти по слѣдамъ Меѳодія: „жизнь его и дѣянія, какъ бы иѣкоторую картину искусства въ живописи художника, взявши за образецъ своей жизни тщательно старался по немъ изобразить себя“. Климентъ, по желанію царя Симеона, былъ сдѣланъ епископомъ Величскимъ или.. по Голубинскому²⁾, Бѣлицкимъ, и въ этой должности, которую онъ, по выражению жизнеописателя, сдѣлалъ для себя „дѣвицей возвышеннія къ Богу“, онъ неустанно работалъ надъ нравственно-религіознымъ просвѣщеніемъ своей паствы: „нашедши, что народъ этой области (Болгаріи) со словомъ Божіимъ и писаніями совершенно неизвестенъ и не наставлень ни въ чёмъ, что украшаетъ церковь и устрояетъ народъ духомъ благочинія и порядка, не давалъ сна очамъ, ни вѣждамъ дреманія, напротивъ, въ попеченіи о народѣ находилъ для себя пищу и удовольствіе; всегда поучалъ и всегда устрояль изгояня невѣжество, упорядочивая беспорядочное, и былъ всѣмъ вся, смотря по нуждѣ каждого“. Въ каждомъ округѣ своей паствы онъ пріобрѣталъ себѣ ревностныхъ учениковъ, изъ которыхъ число болѣе избранныхъ и близкихъ достигало, по словамъ жизнеописателя, до 3.050. Изъ того же источника мы узнаемъ и о литературныхъ трудахъ Клиmenta: удовлетворяя живымъ потребностямъ руководимой имъ паствы, онъ составилъ на болгарскомъ языке на всѣ праздники „поучительныя слова“, простыя и ясныя, которая, не заключая въ себѣ ничего углубленнаго и утонченаго, понятны были и для самаго про-

¹⁾ Принимаемъ мнѣніе о юнофилактѣ, какъ авторѣ этого житія, послѣ мнѣній возраженій, въ томъ видѣ, какъ оно высказано и обосновано у Воронова: „Кириллъ и Меѳодій“, Кіевъ, 1877, стр. 111—139.

²⁾ Краткій очеркъ истории православныхъ церквей, стр. 69.

стого болгара¹ Жизнеописатель отчасти указывает и на содержание этихъ „словъ“ (въ нихъ есть похвалы Богородицѣ, Ioannу Крестителю, пророкамъ и апостоламъ, мученикамъ и преподобнымъ отцамъ); нѣкоторые изъ нихъ написаны въ видѣ молитвъ и благодарственныхъ пѣсней и все „сохраняются людьми трудолюбивыми“ какъ драгоценное наслѣдие великаго учителя. Впрочемъ, и самъ Климентъ приложилъ стараніе къ сохраненію своихъ твореній для потомства: онъ положилъ ихъ въ построенномъ имъ монастырѣ Охридскомъ. Скончался Климентъ въ 916 году.

Таковы свидѣтельства бiографа Клиmenta²). которыми мы не имѣмъ основанія не довѣрять, о жизни и литературной дѣятельности этого „седмичисленника“ Но надобно признаться, что фактическія свѣдѣнія объ этой послѣдней сторонѣ касательно Клиmenta мало соотвѣтствуютъ дѣйствительно важному положенію этой личности въ исторіи славянскаго просвѣщенія: до сихъ поръ мы не имѣмъ даже критическаго изданія его сочиненій. Еще съ 1840 года B. M. Ундольскій († 1864) заинтересовался личностью Клиmenta, какъ писателя, и въ послѣдующіе годы усердно занимался разыскиваніемъ слѣдовъ литературной его дѣятельности среди массы древнихъ рукописей, съ которыми покойному бiблиографу приходилось имѣть дѣло. Разысканія эти были на столько успѣшны, что въ 1845 году, 24-го ноября, была читана Ундольскимъ въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей Россiйскихъ статья, въ которой авторомъ названо было 10 поученій и похвальныхъ словъ, существующихъ быть приписанными перу Клиmenta, при чемъ указывались ихъ списки по рукописямъ различныхъ русскихъ, преимущественно московскихъ бiблиотекъ³). Ундольскій имѣть въ виду сдѣлать возможно полное изданіе открытыхъ имъ сочиненій Клиmenta, для котораго упомянутая статья должна была служить введеніемъ, и дѣйствительно вскорѣ принялася, по порученію общества исторіи и древностей Россiйскихъ, за выполненіе этой мысли, но былъ отвлеченъ отъ окончанія дѣла другими работами. Отпечатанная часть этого труда и рукописный материалъ для остальной части поступили въ 1866 году въ Румян-

¹⁾ Объ изданіяхъ бiографического труда архееннекова Феофилакта см. у Боронова, „Кирхи и Меѳодій“, стр. 109—111. Мы пользуемся русскимъ переводомъ его въ юбилейномъ изданіи Московского университета „Материалы для исторіи письменъ“, М., 1855.

²⁾ Эта статья Ундольского напечатана была позднѣе, уже послѣ смерти автора, въ Бесѣдахъ Общества Любим. Россiйской Словесности, вып. I, М., 1867.

цевский Музей, гдѣ теперь и хранятся (подъ № 1393). Кроме упомянутой статьи 1845 года, имѣется еще и другое извѣстіе о сочиненіяхъ Клиmentа, также вышедшее изъ подъ пера Ундовского и напечатанное въ формѣ письма къ Bodianskому отъ 23-го апрѣля 1848 года¹⁾; тутъ авторъ насчитываетъ уже 15 сочиненій Клиmentа, вмѣсто прежнихъ 10-ти. Этотъ послѣдній перечень, безъ всякой пропѣрки и безъ желанія разобраться, сколько возможно, въ дѣлѣ, принять былъ иѣкоторыми позднѣшими изслѣдователями, напримѣръ, *Палазовымъ*²⁾ и архим. *Леонидомъ*³⁾; послѣднимъ прибавлено указаніе еще на два сочиненія, такъ что число всѣхъ сочиненій Клиmentа увеличено до 17-ти, при чмъ библіографическая указанія архим. *Леонида* отличаются въ данномъ случаѣ крайней неточностью⁴⁾. А между тѣмъ, благодаря трудамъ *Срезневской*, *Bodiansкой*, *Andrea Popova* и иѣкоторыхъ другихъ, посредствомъ опубликованія приписываемыхъ Клиmentу сочиненій, подготавлялся дѣйствительный матеріаl для рѣшенія поставленного вопроса объ объемѣ литературной дѣятельности Клиmentа. Не претендуя со своей стороны на бесповоротное рѣшеніе вопроса, мы главнымъ образомъ на основаніи рукописныхъ указаний полагаемъ возможнымъ, при имѣющихся пока данныхъ, принять за принадлежащія Клиmentу слѣдующія произведения:

- а) Заповѣданія о праздніцахъ Клиmentа епископа словенскаго, егда хотяще въ святыя дни апостоль, ли мученикъ, ли святителя. Поученіе къ людьмъ. *Нач.* Да есте вѣдуще, братіе....
- б) Поученіе на память апостола или мученика. *Нач.* Братія, присно жадая спасенія нашего...⁵⁾.

¹⁾ Членія въ Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ, 1848, №

²⁾ Вѣкъ болгарскаго царя Симеона, стр. 86—89.

³⁾ Библіографическіе разысканія въ области дреинѣшаго періода славянской письменности IX—X вѣковъ, Членія въ Общ. Ист. и Др. Россійскихъ, 1890, III, 13—15.

⁴⁾ Мы слышали, что въ непродолжительномъ времени, подъ редакціей И. А. Лаврова, работа Ундовского о Клиmentѣ въ дополненномъ видѣ будетъ издана въ сѣть въ Членіяхъ въ Общ. Ист. и Др. Россійскихъ. Въ виду этого мы опускаемъ здѣсь библіографическіе наблюденія, извлеченные изъ знакомства съ упомянутой рукописной работой Ундовского.

⁵⁾ Поученіе это, помѣшившееся издавна въ Прологѣ подъ 25-мъ апрѣлемъ, находится въ тѣсной связи съ 3-мъ изъ извѣстныхъ Фрейзингенскихъ отрывковъ. См. *П. Деллена*. Собрание словенскихъ памятниковъ, находящихся въ Россіи, С.-Пб., 1827, стр. 9—11. 21—24; Ундовский, Вестн., I, 33—34; Срезнѣскій. Свѣдѣнія и Замѣтки № XXVI.

в) Поучение св. Клиmentа на св. Воскресение. *Нач.* Должни есмы, братіе, праздники божія честити....

Всѣ три находятся въ Сборникѣ Тр.-Серг. Лавры XII—XIII вѣка, № 12, откуда и были напечатаны *Срезневскимъ* въ Древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка, *Изв. II Отд. Акад. Наукъ*, X, 541—547. О другихъ спискахъ этихъ поученій см. у *Ундовльского*, *Бесѣды*, I, 34—35. и у арх. *Леонида*. стр. 13.

г) Пoучение св. Клиmentа на Преображеніе Господа нашего Иисуса Христа. *Нач.* Послушайте, братіе, скажу вамъ...

Списокъ, кроме указанныхъ *Ундовльскимъ* (*Бесѣды*, I, 35), въ Четьѣ-Минеѣ Моск. Дух. Академіи XVII в., № 96¹⁾). Помѣщается въ печатномъ Прологѣ уже съ первого его изданія 1642—1643 г., подъ 6-мъ авгуستа.

д) Клиmentа епископа Похвала на Представление Богородицы. *Нач.* Се нынѣ свѣтло празднство...

Списки: XV вѣка—Сб. Унд. № 567, Сб. Царск. № 362, Торж. Царск. № 612. Хлуд. Сб. № 105, Солов. Торж. № 369; XVI вѣка—Солов. Торж. № 370, Солов. Сб. № 643, Солов. Сб. № 644, Тр.-С. Лавры Четьѣ-Минеѧ № 680, Толст. Сб. I, 292. Царск. Торж. № 613, Рум. Торж. № 434, Макар. Четьѣ-Минеѧ подъ 15-мъ августва (см. Оглавленіе *Евотія*, стр. 69); XVII вѣка—Солов. Лавсанікъ 1603 года № 454. Тр.-Серг. Лавры Четьѣ-Минеѧ 1627 года № 681, Унд. Сб. № 1307, Моск. Дух. Акад. Четьѣ-Минеѧ № 96, Свирск. Монастыря Сб. № 65, Царск. Четьѣ-Минеѧ № 265; XVIII вѣка—Рум. Торж. № 437.

Напечатано преосв. *Антоніемъ* въ *Правосл. Собесѣднике* 1881 года, ноябрь, стр. 225—228, по списку Солов. № 369. Имъ же напечатана (*Ibid.*, стр. 229—236) и неизвѣстно кѣмъ распространенная редакція этого поученія по списку Торж. Солов. № 370 XVI вѣка.

е) Слово похвальное списано Клиmentомъ на память блаженного Захарія о зачатіи св. Іоанна Крестителя. *Нач.* Свѣтъ восія праведнику...

Списки: XV вѣка—Солов. Четьѣ-Минеѧ № 617; XVI вѣка (кромѣ указ. *Ундовльскимъ*, *Бесѣды*, I, 35)—Тр.-С. Лавры Четьѣ-Минеѧ 1505 г. № 466, Тр.-С. Лавры Четьѣ-Минеѧ № 663. Вил. Публ. библіотеки Четьѣ-Минеѧ № 79. Моск. Д. Акад. Четьѣ-Минеѧ № 88, Унд. Сб. № 1086. Унд. Сб. № 1187. Рум. Торж. № 436; XVI—XVII в.—Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. Сб. I, 321; XVII вѣка—Сол. Четьѣ-Минеѧ № 618.

¹⁾ *Леонидъ*, Описание рукописей Тр.-С. Лавры, поступивш... въ Моск. Дух. Академію, I, 62.

Напечатано въ Макарьевскихъ Четырехъ-Минеяхъ, изд. Археогр. Комиссіей, подъ 5-мъ сентября (Спб.. 1868, ст. 271—278) и преосв. Антоніемъ въ *Правосл. Собесѣдникѣ* 1881 года, декабрь, стр. 350—358, по списку, заимствованному изъ бумагъ Ундорльского.

ж) Въ утрѣ по Богоявленіи Слово хвалыно Ioanni Крестителю. Створено Климентомъ, епископомъ Величкскимъ. *Нач.* Пріиде Iисусъ отъ Галилеи на Йорданъ...

Списки: XIV вѣка—Хлуд. Торж. № 195, XVII вѣка—Вил. Публ. библіотеки Четья-Михея № 80.

Напечатано Андр. Ноповыма въ описаніи рукописей Хлудова (М., 1872), стр. 388—392, по указанному списку этой библіотеки.

з) Въ суботу шестыя недѣли поста. Клиmentа епископа Слово похвально о четверодневномъ Лазари. *Нач.* Се предтечеть свѣтозарное торжество...

Списки: XII вѣка—въ Златоствѣ Импер. Публ. библіотеки, съ именемъ Ioanna Златоуста (см. *Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам.*, № XXII); XIV вѣка—Tr.-С. Лавры № 745; XV вѣка—Царск. Сб. № 364, Моск. Дух. Ак. Торж. № 48. Tr.-С. Лавры Сб. 1445 года № 747; XVI вѣка—Tr.-С. Лавры Сб. № 779, Толст. Сб. I, 256, Царск. Сб. №№ 368 и 369, Царск. Златоустъ № 179, Солов. Измар. № 360, Солов. Торж. № 365, Моск. Дух. Акад. Торж. № 47. Солов. Торж. 1600 года № 367; XVII вѣка—Царск. Торж. № 729, Хлуд. Златоустъ № 56, Солов. Злат. № 362 и 363.

Напечатано въ Златоустѣ (Почаевъ, 1795), л. 168 об.—171, съ именемъ Ioanna Златоуста; въ позднѣйшее время преосв. Антоніемъ въ *Правосл. Собесѣдникѣ* 1881 года, декабрь, стр. 347—350 по списку Солов. № 360.

и) Клиmentа епископа похвала святому и славному Христову мученику и побѣдоносцу Дмитрію мироточцу *Нач.* Наsta, братіе, свѣтло празднество...

Списки: XVI вѣка—Вил. Публ. библіотеки Четья-Минея № 79; XVII вѣка—Tr.-С. Лавры Четья-Минея 1629 года № 668. Tr.-С. Лавры Четья-Минея № 667, Царск. Торж. № 614, Унд. Сб. № 590; новаго времени—Царск. Сл. № 487.

Напечатано по списку Четырехъ-Миней митр. Макарія. изд. Арх. Комм., подъ 26-мъ октября (Сиб., 1880), ст. 1920—1924, и преосв. Антоніемъ въ *Правосл. Собесѣдникѣ* 1881 года, декабрь, стр. 358—361, по списку, заимствованному изъ бумагъ Ундорльского.

и) Слово св. архангелу Михаилу и Гавріилу, створено Климентомъ

епископомъ. *Нач.* Наста, празднолюбцы, пресиѣтлое торжество безплотныхъ силъ...

Списки: XIV вѣка—Хлуд. Сб. № 30, Чуд. Торж. № 20; XV вѣка—Солов. Торж. № 369, Солов. Сб. № 637. Унд. Сб. № 1280. Тр.-С. Лавры Сб. № 754, Царск. Сб. № 362, Царск. Торж. № 612. Рум. Торж. № 435; XV—XVI вѣковъ—Упд. Сб. № 560; XVI вѣка—Рум. Торж. №№ 434 и 436, Солов. Четья-Минея № 623, Сол. Сб. № 639. Унд. Сб. №№ 587, 1086, 1268 и 1279. Вил. Публ. библіотеки Четья-Минея № 79, Вил. Публ. библ. Сб. №№ 103, 258 и 329, Тр.-С. Лавры Четья-Минея № 670, Тр.-С. Лавры Сб. № 775, Толст. Сб. II. 364. Погод. Сб. № 798. Царск. Сб. № 369, Царск. Торж. № 613; XVI—XVII вѣковъ—Вил. Публ. библіотеки Сб. № 106; XVII вѣка—Сол. Сб. № 560, Толст. Сб. III. 59. Погод. Сб. № 801. Царск. Торж. №№ 614 и 729. Флориц. пуст. Сб. № 61.

Напечатано *Андр. Поповыма* по указанному Хлуд. списку въ описании рукописей Хлудова, въ I прибавлениі М.. 1875, стр. 53—56, преосв. *Антоніемъ* въ *Правосл. Собесѣднике* 1881 года, ноябрь, стр. 220—225, по списку Солов. № 369 и *В. Н. Щепкинимъ* въ Библіографическихъ материалахъ А. И. Попова, XX, въ *Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. Росс.*, 1889 г., III, стр. 39—46, по указанному Чудовскому списку.

к) Похвала Клименту папѣ Римскому, списано Климентомъ епископомъ. *Нач.* Небо радостно веселится...

Списки: XIV вѣка—Чуд. Торж. № 20; XV—XVI вѣковъ—Унд. Сб. № 558; XVI вѣка—Солов. Четья-Минея № 623. Погод. Сб. № 798, Новгор.-Соф. Сб. № 1455; XVII вѣка—Царск. Сб. 1602 года № 743. Солов. Житіе Клиmentа Римскаго № 522.

Напечатано *В. Н. Щепкинимъ* въ Библіографическихъ материалахъ А. И. Попова, XX, въ *Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. Российскойхъ*, 1889 г., III, стр. 71—79, по указанному Чудовскому списку.

л) Похвала св. Кириллу, учителю славенску языку, створено Климентомъ епископомъ.

Напечатано *П. И. Савваитовымъ* по списку XV вѣка, принадлежащему издателю, въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ. М.. 1865, стр. 313—318, и *Срезневскимъ* въ Свѣд. и Замѣткахъ, № XXXVII.

Ичисленины 12 поученій, на основаніи указанія рукописей (почти исключительно русскаго происхожденія), могутъ быть сочтены съ достаточной вѣроятностю произведеніями Клиmentа Болгарскаго, который, какъ авторъ ихъ, именуется то „епископомъ“, то „епископомъ Величкскимъ“, то епископомъ „Словенскимъ“, то „святымъ“. Имя Кли-

мента имѣютъ надъ собою, въ томъ или другомъ спискѣ, всѣ означенныя поученія, за исключеніемъ б; но принадлежность его этому лицу также очень вѣроятна, если принять подтверждаемую свидѣтельствомъ очень древней рукописи принадлежность ему же поученій а и в: поученіе б стоить между ними и совершенно однородно съ ними по содержанію, а помѣщеніе его въ Прологѣ нисколько не можетъ говорить противъ его славянскаго, а не греческаго происхожденія. хотя этотъ важный вопросъ относительно славянскаго поучительного элемента въ Прологѣ все еще остается какъ-то загадочнымъ и невыясненнымъ. Иные изъ перечисленныхъ поученій помѣщены въ рукописяхъ совершенно безъ имени Климента (например. Царск. № 729. Рум. № 436) или же подъ другими именами: Иоанна Златоуста (преимущественно въ „Златоустахъ“—Царск. № 179. Сол. № 362 и др.. также въ печатномъ изд.. Пochaевъ. 1795). Климента, папы римскаго (Tr.-Серг. Лавры №№ 747 и 779); первое объясняется извѣстной авторитетностью литературнаго имени Иоанна Златоуста, второе—смѣщеніемъ двухъ знаменитыхъ соименниковъ мало-свѣдущими нашими книжниками. Приведенный выше извѣстія Феофилакта Болгарскаго о литературной дѣятельности Климента, если со-поставить ихъ съ устанавливаемой нами наличностью, не будутъ противорѣчить послѣдней. Безъ сомнѣнія, согласно указанію жизнеописателя, литературная дѣятельность Климента была гораздо обширнѣе, чѣмъ имѣющаяся наличность, но и въ этихъ 12 поученіяхъ находимъ: похвалы Богородицѣ и Иоанну Крестителю (д. е. ж.), апостоламъ, мученикамъ, преподобнымъ (а, б, и. к. л). при чѣмъ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ изъ этихъ поученій имѣется не мало лирическаго элемента, что могло дать биографу основаніе усматривать въ нихъ молитвы и благодарственный пѣсни. Изъ содержанія поученій Климента видно также, что большая часть ихъ дѣйствительно приурочена къ выдающимся церковнымъ праздникамъ (Крещеніе. Преображеніе, Пасха, Успеніе и др.), хотя и не имѣются этихъ поученій на всѣ праздники. какъ свидѣтельствуетъ житіе: восполненія этого проблѣа слѣдуетъ ждать отъ дальнѣйшихъ разысканій¹⁾.

¹⁾ Въ перечинѣ архимандрита Леонида названо еще пять произведеній, какъ принадлежащихъ Клименту:

13 (по счету архимандрита Леонида). Житіе и подвиги иже во снятыхъ отца нашего Константина философа, первого наставника и учителя словенскому языку.

Извѣстенъ списокъ этого произведенія въ Сборникѣ XV вѣка, принадлежащемъ г. Саввафону безъ упоминанія имени Климента, какъ автора его (см. Кн-

Каково же содержание и характеръ произведеній Клиmentа въ тѣхъ предѣлахъ, которыми они могутъ быть ограничены сообразно вышеприведеннымъ данными?

Изученіе ихъ приводить къ тому наблюденію, что они не одного характера, а могутъ быть раздѣлены въ этомъ отношеніи на два разряда: въ одномъ преобладаетъ простая, доступная малопросвѣщенной пачастѣ поучительность, въ другихъ—похвала Богу и святымъ, хотя и произведенія этого втораго разряда также не лишены въ извѣстной

рилло-Меодіевскій Сборникъ, М., 1865, стр. 313, прим.). Принадлежность этого поученія Клиmentу, за которую высказываются также Умольскій (Чтения, 1848 г., № 7) и Савватіев (Кир.-Меод. Об., стр. 314, прим.), могла бы получить вѣроятность лишь въ томъ случаѣ, еслибы подтверждена быта хотя однимъ указаниемъ рукописи.

14. Память и житіе блаженнаго отца нашего и учителя Меодія, архіепископа моравскаго.

Списокъ въ извѣстномъ Сборнику Успенскаго собора XII вѣка, л. 102, напечатанный Бодянскимъ въ Чт. въ Общ. Ист. и Др., 1865 г., I.

15. Слово похвальное на память святыма и преславными учителемъ словенску языку створшему письмены ему, преложшиши новый и ветхій законъ въ языкъ ихъ, блаженному и архіепископу панонському Меодію.

Списокъ—въ томъ же Сборнику XII вѣка, л. 109 об., напечатанный Бодянскимъ въ Чтениахъ, 1865 г., II.

Для приписанія этихъ двухъ произведеній Клиmentу также нельзя указать никакихъ положительныхъ основаній.

16. Слово на Богоявленіе Господа нашего Іисуса Христа.

Издано Амдр. Поповъ по списку Хлуд. Торж. XIV вѣка № 195 въ Чтениахъ въ Общ. Ист. и Др., 1880 г., III, 246—264, и архим. Леонидомъ въ Нам. Др. Письм., 1885 г., при чёмъ оба издателя предполагаютъ принадлежность этого поученія Клиmentу, не представляя на это никакихъ доказательствъ (ср. еще Леонида, Описаниe рукоп. Тр.-С. Лавры, переданныхъ въ М. Дух. Акад. I, 33—34). Предположение это не оправдывается и рукописными свидѣтельствами. Затѣмъ тутъ же Амдр. Поповъ склоненъ былъ приписывать Клиmentу и другое слово „На Рождество Христово“, напечатанное имъ въ той же Хлуд. рукописи въ Чтениахъ 1880 г., III, 157—172, на столь же шаткихъ основаніяхъ, какъ и предыдущее.

17. Слово на Зачатіе Іоанна Предтечи.

Напечатано въ Макарьевскихъ Четьиахъ-Минеяхъ, изд. Арх. Коми. подъ 28-мъ сентября, ст. 1356—1361. Ср. также А. Попова Библіографические материалы въ Чтениахъ въ Общ. Ист. и Др. Росс., 1880 г., III, 311—316. Не видимъ никакого основанія, почему архимандритъ Леонидъ помѣстилъ это слово въ числѣ принадлежащихъ Клиmentу, такъ какъ дѣлать это, только „судя по содержанію и языку“, представляется очень гадательнымъ, особенно въ виду того, что самъ характеръ поученій Клиmentа, по которому бы можно было судить объ этомъ, еще не вполнѣ опредѣленъ.

степени поучительного элемента. Нравственные наставления Климента не выходят за предѣлы той схемы, которая къ его времени, и даже гораздо раньше, выработана была практикою византійской проповѣди. Воть одно изъ выражений такой схемы у Климента: „отрицаюся сотовы и всѣхъ дѣлъ его,—такъ долженъ поклясться въ своей душѣ всякий принимающій истинную вѣру Христову. — си же суть дѣла сотовина: идоложертвія, братоненавидѣнія, клеветы, гнѣводержанія, зависть, ярость, ненависть, татъбы, разбои, цыянство, обѣданіе, плоти угоженіе, обидѣнія, пѣсень бѣсовскихъ, плясанія, хулѣнія, срамословія, волшевенія, дѣтогубья, блужденія, прелюбодѣнія, гордость, лжа, клятвопреступленіе и еже клятися Божіимъ именемъ“¹). Положительная сторона обязанностей христіанства заключается въ томъ, чтобы любить „всю мыслю и всюю крѣпостю ближняго своего, яко самъ ся, братолюбіемъ просвѣтѧщеся, странолюбіемъ просвѣтуше“²); мы тогда только можемъ расчитывать на милость Божію, „егда странніи пріяти будуть нами, егда алчніи накормятся, егда назіи одѣжутся, егда темничніи милостиными посыщены будуть, егда обидимыи помошь нѣкаку створимъ, егда больныи и нищыи помошь нѣкака створится отъ насъ, егда смиреніемъ и нeliцемѣріемъ неистовою любовью другъ друга почтимъ“³). Проповѣдникъ рекомендуетъ покаяніе, соединенное съ воздержаніемъ и постомъ, который заключается не только въ томъ, чтобы „отъ брачна воздержатися, ли отъ цятія“, но и въ томъ, чтобы „всякаго грѣха бѣгати, аки ратника, губяща душу свою, и томити плоть свою страстью и муками Христа ради“⁴); истинный христіанинъ долженъ быть всегда готовъ предстать предъ судомъ Бога, помня завѣтъ Христа объ этомъ и уподобляясь вѣрному и мудрому рабу⁵). Какъ можно видѣть, увѣщенія Климента вращаются въ кругу первоначальныхъ евангельскихъ наставлений, отвѣчая потребностямъ той паствы, къ которой были обращены; это въ особенности должно сказать о поученіяхъ *a*, *b*, *c*, *d*; изъ нихъ первыи три, какъ видно изъ сопровождающей ихъ надписи, предназначались для произнесенія въ церкви на память святыхъ, мучениковъ или апостоловъ; въ текстѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ имени празднико-

¹) *Изв. II Отд. Академіи Наукъ*. X, 543—544.

²) Тамъ же, 544.

³) Тамъ же, 542.

⁴) Тамъ же, 544.

⁵) Прологъ, 6 августа.

святаго, а вмѣсто того — „имя рекъ“, въ цѣляхъ общаго употребленія.

Второй разрядъ поученій Клиmentа, заключающій въ себѣ похвальный слова на разные случаи церковной жизни, отличается элементомъ лиризма; какъ ораторской формой для выраженія похвалы празднуетому лицу или событию, авторъ въ особенности пользуется вопросами и восклицаніями. Въ поученіяхъ этого разряда содержаніе обыкновенно заключается въ передачѣ сущности празднуемаго события и затѣмъ предлагается слушателямъ назиданіе, хотя и не въ столь доступной формѣ, какъ въ поученіяхъ первого разряда. Напримѣрь, въ словѣ на память Захаріи (*е*), разказавъ исторію предсказанія Захаріи о рождении у него сына Іоанна и самого рожденія послѣдняго, воздавъ похвалу ему и его отцу, проповѣдникъ обращается къ слушателямъ со словами назиданія, пользуясь образами и выраженіями, употребленными имъ въ предшествующей повѣствовательной половинѣ похвального слова: назидательная пожеланія проповѣдника къ паству представляютъ извѣстную параллель съ дѣяніями Іоанна Предтечи. Такой же приемъ находимъ и въ словѣ на Богоявление (*ж*). Слова похвальная мученику Димитрю (*и*), безплотнымъ силамъ Михаилу и Гавріилу (*и*) и Кириллу, учителю словенскому (*л*), заключаютъ въ себѣ лирическаго элемента еще больше: въ нихъ уже совсѣмъ почти неѣтъ назиданія.

Помѣщенный выше списокъ рукописей, въ которыхъ находятся произведения Клиmentа (безъ сомнѣнія, неполный), представляетъ до иѣкоторой степени наглядно виѣшнюю судьбу этихъ произведений въ древней русской письменности (списковъ не русскаго, а южнославянскаго происхожденія въ означеніемъ списка весьма немного, исключительно библіотеки Хлудова). Изъ этого списка видно, что наибольшимъ распространениемъ пользовалось похвальное слово Михаилу и Гавріилу; его помѣщали въ Четырехъ-Минеяхъ, Торжественникахъ и Сборникахъ самаго разнообразнаго состава. По степени распространенности слѣдуетъ за нимъ слово похвальное о четверодневномъ Лазарѣ, находившее себѣ място, кроме Сборниковъ неопределенного состава, еще въ Торжественникахъ, Измарагдахъ и Златоустахъ. Почти столь же распространено было и слово на Успеніе Богородицы. встрѣчаемое въ Торжественникахъ, Четырехъ-Минеяхъ и Сборникахъ. Въ рукописяхъ того же состава помѣщались похвальное слово Захаріи и слово о мученикѣ Димитрии Солунскомъ. Похвалу папѣ Клиmentу находимъ въ сравнительно небольшомъ числѣ списковъ въ

Торжественникъ. Четьей-Минеѣ, Сборникахъ и при житіи этого святаго. Слова *б* и *на* Преображеніе получили значительное распространение, попавъ въ Прологъ¹). Сравнительно съ другими меньшимъ распространениемъ пользовались слово на Богоявление и два поученія общаго характера *а* и *в*.

II. Иоаннъ Экзархъ.

Другимъ весьма известнымъ литературнымъ дѣятелемъ эпохи царя Симеона является Иоаннъ Экзархъ, называемый въ то же время „пресвитеромъ“. Мы не имѣемъ никакихъ хронологическихъ указаний относительно его жизни, по что онъ былъ современникомъ царя Симеона и дѣйствовалъ на поприщѣ болгарской литературы подъ его покровительствомъ, это видно изъ обращенія Иоанна къ Симеону въ предисловіи къ составленному Иоанномъ Шестодиеву: „что красище.—говорится тамъ въ самомъ началѣ.—что ли и слаже боголюбцемъ, иже по истинѣ жадять жизни вѣчныя, не єожели присно Бога не отступити мыслию и поминати его добрыя твари? Я и се ты, господи мой, княже славный Симеоне Христолюбче, не престаши взыская повелѣній его и твари, хотя ся ини красити и славити“²). Направленіе его литературной дѣятельности было иное, чѣмъ у Климента: въ то время какъ тотъ, сколько известно, писалъ лишь церковныя поученія, Иоаннъ Экзархъ болѣе чувствовалъ склонность къ занятіямъ ученымъ. Ему принадлежитъ переводъ богословскаго сочиненія Иоанна Дамаскина „О православій вѣрѣ“³, извѣстнаго особенно подъ названіемъ „Небеса“³); онъ сохранился въ очень древней рукописи XII

¹) По поводу появленія въ Прологѣ втораго изъ этихъ поученій проф. Н. И. Петровъ (О происхождении и составѣ славяно-русского печатнаго Пролога, Киевъ, 1875, стр. 248) высказалъ предположеніе, что Клименту могутъ принадлежать и другія поученія Пролога, не обозначенныя его именемъ, между прочими, и тотъ рядъ краткихъ поученій на главнѣшіе праздники и предпразднства, о которыхъ говорить высокопр. Макарій (Ист. русск. церкви, III, 211—214, изд. 1868 г.), какъ о произведеніяхъ не переводныхъ съ греческаго.

²) Кильдовичъ, Иоаннъ Экзархъ болгарскій, стр. 138. Соображенія о томъ, что Иоаннъ Экзархъ былъ дѣйствительно болгарскимъ писателемъ вѣка Симеона и возраженія противъ скептическихъ замѣчаній объ этомъ лицѣ см. у Горскою и Невоструеву, Опис., II, 1, стр. 1—4.

³) Это наслѣднее наименование заимствовано изъ житія Иоанна Дамаскина, составленного Иоанномъ, патріархомъ іерусалимскимъ, который выражается обѣ книгѣ: „юже азъ Небеса нарекохъ, яко же звѣздами премудрыми наказанными и естественными же и писательными эъло художественными просвѣтляеми (Горский и Невоструевъ, II, 2, стр. 295).

или, по крайней мѣрѣ, XIII вѣка Синод. библіотеки № 155—108 и напечатанъ съ этого списка въ Членіяхъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1877 г., кн. 4. Эта книга, вѣроятно, въ славянскомъ переводеѣ была извѣстна еще подъ именемъ „Увѣріе“ автору „чудесъ св. мучениковъ Бориса и Глѣба“ ¹⁾.

Это сочиненіе Іоанна Дамаскина по содержанію представляетъ богословское изложеніе православной вѣры въ 100 главахъ; болгарскій переводчикъ воспользовался для своего труда лишь 48 главами, какъ наиболѣе важными и соотвѣтствующими цѣлямъ просвѣщенія новообращенного болгарского народа; главы, входившія въ слишкомъ тонкія разсужденія о богословскихъ предметахъ или излагавшія слишкомъ детальное опроверженіе мнѣній еретиковъ (несторіанъ, евтихіанъ), опущены. Дѣла значительные пропуски изъ оригинала. Іоаннъ Экзархъ сопровождаетъ свой переводъ иногда дополненіями и поясненіями, впрочемъ, всегда краткими: такъ, въ одномъ мѣстѣ слово *Богъ* онъ приводить въ связь съ словомъ *богатство*, въ другомъ — объясняетъ, примѣнительно къ пониманію славянскаго читателя, греч. слово *просфора* ²⁾). Переводъ снабженъ предисловиемъ самого Іоанна Экзарха ³⁾, въ которомъ онъ, между прочимъ, объясняетъ, что предпринялъ переводъ этотъ подъ влияніемъ совѣтовъ „честнѣйшаго черноризца Дукса“, подъ которымъ обыкновенно разумѣются царя Бориса, приведшаго болгарскій народъ въ христіанскую вѣру ⁴⁾. Этотъ не переводный трудъ Іоанна Экзарха былъ значительно распространенъ въ древней русской письменности; укажемъ на слѣдующіе списки его, кроме упомянутаго древнѣйшаго: XIV вѣка — Тр.-С. лавры № 121, XV вѣка — Тр.-С. лавры №№ 176 и 177; XVI вѣка — Синод. № 156, Хлуд. № 59, Солов. № 249. Моск. Дух. Ак. № 21 (35); XVII вѣка — Толст. II. 136. Царск. № 172, Солов. №№ 250—257 и 259. Моск. Дух. Акад. № 22 (39); новаго времени — Солов. № 258.

Иногда по рукописямъ встрѣчается одно упомянутое предисловіе переводчика, въ сокращенномъ видѣ, напримѣръ, Сол. № 247 XVI—XVII вѣка, Толст. II, 139—XVII вѣка ⁵⁾. Отрывки изъ этого переводного труда Іоанна Экзарха помѣщались нерѣдко въ разнаго рода

¹⁾ Горскій и Невоструевъ, II, 1, стр. 3; II, 2, стр. 295.

²⁾ Горскій и Невоструевъ, II, 2, стр. 297.

³⁾ См. у Калайдовича, Іоаннъ Экзархъ, стр. 129—132.

⁴⁾ Яничъ, Исторія сербско-хорватской литературы, стр. 84.

⁵⁾ Ср. также: Срезневскій, Древніе славянскіе памятники юсowego письма, С.-Пб., 1868, стр. 39—41, 192—198.

Сборникахъ, напримѣръ, въ Азбуковникахъ¹⁾). Какъ видно изъ перечия списковъ, переводъ этотъ продолжалъ свое существованіе даже и тогда, когда рядомъ съ нимъ существовали другіе переводы этого же сочиненія Иоанна Дамаскина: въ XVI вѣкѣ переводомъ этого сочиненія, именно тѣхъ его мѣстъ, которыя были опущены Иоанномъ Экзархомъ изъ греческаго оригинала, занимался кн. А. М. Курбскій; рукопись этого перевода сохранилась въ библиотекѣ Хлудова № 60; тѣмъ, что было переведено Иоанномъ Экзархомъ, Курбскій воспользовался въ своемъ трудѣ, сдѣлавъ въ текстѣ лишь незначительныя подновленія²⁾; въ XVII вѣкѣ заново перевелъ этотъ трудъ Дамаскина Епифаній Славинецкій, переводъ этого напечатанъ въ Москвѣ 1665 г.³⁾.

Иоанну, экзарху болгарскому, приписывается также по рукописямъ переводъ Грамматики якобы И. Дамаскина и его Дialectики, напримѣръ, Царск. №№ 39, 170, 694; Толст. II. 300. Первое сочиненіе (такъ называемая „Книга философская о осми частехъ“), по изслѣдованію Горскаго и Невоструева, не могла быть составлена И. Дамаскинимъ, а есть трудъ какого-то неизвѣстнаго лица. Переводъ этого сочиненія Иоанну Экзарху принадлежать не можетъ, при томъ онъ былъ сдѣланъ не въ Болгаріи, а, вѣроятно, въ Сербіи⁴⁾. Что же касается Dialectики Иоанна Дамаскина, переводъ которой также усвоется рукописями Иоанну Экзарху, то, по мнѣнію тѣхъ же изслѣдователей, и онъ не можетъ принадлежать Иоанну Экзарху, а сдѣланъ позднѣе времени жизни послѣдняго лицомъ намъ неизвѣстнымъ⁵⁾.

Изъ непереводныхъ трудовъ Иоанна Экзарха замѣчательнѣе прочихъ его Шестидневъ. Это сочиненіе представляетъ собою опытъ философско-богословскаго толкованія шестидневнаго творенія мира Богомъ. Авторъ пользовался предшествовавшими ему трудами на эту тему Василія Великаго, Северіана Гавальскаго, отчасти Феодорита, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго. Кое-что изъ этихъ писа-

¹⁾ А. Карповъ, Азбуковники или алфавиты иностраннѣхъ рѣчей, Казань, 1877, стр. 108 и слл.

²⁾ Сличеніе подновленнаго текста кн. Курбскаго и первоначальнаго Иоанна Экзарха см. въ описаніяхъ рукописей Хлудова, стр. 101—102, и въ предисловіи къ изданію приготовленнаго Бодянскимъ текста Богословія въ Чт. въ Общ. Ист. и Др., 1877, IV, стр. 22—69.

³⁾ Параллельныя мѣста этого перевода съ переводомъ Иоанна Экзарха см. у Калайдовича, стр. 38—55.

⁴⁾ Описание рукописей Моск. Синод. библіотеки. II, 2, стр. 312—313.

⁵⁾ Тамъ же. 314—318.

телей Иоанномъ Экзархомъ просто переведено, но не мало составлено и самостоятельно. Древнійшій извѣстный списокъ Шестоднева—сербскій; онъ писанъ въ 1263 году и перешелъ въ Моск. Синод. библиотеку (№ 54) вмѣстѣ съ другими аеонскими рукописями въ половинѣ XVII вѣка, благодаря стараніямъ обѣ этомъ Арсенія Суханова во время его поѣздки на Аеонъ въ 1653—1655 годахъ¹⁾). Вотъ извѣстные намъ другіе списки Шестоднева, находящіеся въ Россіи, большинство которыхъ русской редакціи: XV вѣка—Толст. II. 77, Солов. № 118. Моск. Дух. Акад. № 1 (145); XVI вѣка—Рум. № 194, Солов. № 119. Хлуд. № 44, Моск. Синод. библ. №№ 56 и 57, Унд. № 182, Ант-Сійск. монастыря № 2187; XVI—XVII вѣковъ—Алекс.-Свирск. монастыря № 58; XVII вѣка—Моск. Синод. №№ 58 и 59, Царск. № 173. Солов. №№ 120—123. Флорищ. пуст. № 47.

Кромѣ того, въ разнаго рода сборникахъ нерѣдко попадаются отрывки изъ Шестоднева, напримѣръ, Тр.-С. Лавры № 729 XV вѣка, Погод. № 1560, Царск. №№ 53 и 420—всѣ XVII вѣка. При этомъ надобно замѣтить, что иногда Шестодневъ или выписки изъ него присоединялись въ рукописяхъ къ сочиненіямъ болѣе или менѣе однороднымъ по содержанію, напримѣръ, къ Палеѣ Тр.-С. Лавры № 729²⁾ или къ Похвалѣ Богу Георгія Писида Сол. № 123. Разнообразными свѣдѣніями изъ Шестоднева обильно пользовались древне-руssкіе азбуковники³⁾. Любопытно отмѣтить фактъ, что около половины XVII вѣка какой-то московскій книжникъ съ большой внимательностью изучалъ Шестодневъ Иоанна Экзарха, снабдивъ списокъ его на поляхъ многочисленными цитатами изъ самыхъ разнообразныхъ писателей, съ цѣлью указать въ послѣднихъ мысли, сходныя съ мыслями Иоанна Экзарха. Этотъ экземпляръ можетъ служить интереснымъ образчикомъ русской начитанности въ половинѣ XVII вѣка въ области трактуемыхъ у нашего автора вопросовъ⁴⁾.

Изъ оригинальныхъ произведеній, кромѣ Шестоднева (который,

¹⁾ С. Былокуроевъ, Арсеній Сухановъ, М., 1891, стр. 407. Этотъ списокъ Шестоднева напечатали въ Чт. въ Общ. Ист. и Др., 1879, III.

²⁾ Г. Успенскій называетъ Шестодневъ Иоанна Экзарха въ числѣ источниковъ русской обработки Толковой Палеи, именно въ энциклопедической ея части (Толковая Палея., Казань, 1876, стр. 15, 18, 20.; 32. Ср.: И. Ждановъ, Палея, отт. изъ Кіевск. Унів. Изв. 1881 года, стр. 16—17).

³⁾ Православный Собесѣдникъ, 1860 г., I, 201, статья „Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи“.

⁴⁾ Горскій и Невоструевъ, II, 1, стр. 40—41.

впрочемъ, является таковымъ не всецѣло), Иоанну Экзарху приписывается нѣсколько церковныхъ поученій, носящихъ на себѣ его имя въ большинствѣ списковъ:

а) Слово на Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа. *Нач.* Веселится, небеса, радуйся, земле...

Списки: XIV вѣка—Тр.-С. Лавры Сб. № 9; XV вѣка—Царск. Сб. №№ 362, 364 и 365; Нило-Столб. пустыни Сб. № 25, Моск. Дух. Акад. Торж. № 17 (48); XVI вѣка—Тр.-С. Лавры Сб. № 146, Толст. Сб. I, 106, Царск. Сб. № 379, Солов. Торж. №№ 365 и 368. Унд. Сб. №№ 564, 1087 и 1249.

Напечатано *Бодянскимъ* въ Членіяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1848 г.. № 7, по списку Царск. № 362 и *Калайдовичемъ*: Иоанъ, экзархъ Бодянский, стр. 174—177, по списку библиотеки Іосифо-Волоколамского монастыря 1585 года.

б) Слово на Преображеніе Господне *Нач.* Богъ человѣка первого сотвори и въ рай введе...

Списки: XV вѣка—Царск. Сб. № 362, Царск. Торж. № 612, Солов. Торж. № 369, Солов. Сб. № 637, Унд. Четья-Минея № 282; XV—XVI вѣка—Унд. Сб. №№ 558 и 560; XVI вѣка—Вил. Публ. библиотеки Сб. № 105, Царск. Торж. № 613. Царск. Сб. № 374, Рум. Торж. № 434, Солов. Торж. № 370, Унд. Сб. № 1296; XVII вѣка—Погод. Сб. № 800, Царск. Сб. № 422.

Напечатано *Бодянскимъ* въ Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1848 г.. № 7, по списку Царск. № 362.

Значительное количество списковъ, усвояющихъ два названныя поученія Иоанну Экзарху, дѣлаютъ принадлежность ихъ ему довольно вѣроятной. Гораздо менѣе вѣроятна принадлежность ему слѣдующихъ поученій, извѣстныхъ пока въ очень ограниченномъ числѣ списковъ.

— Слово на Богоявление Господне. *Нач.* Богъ Господь свѣтъ великий и свѣтлый...

Единственный извѣстный списокъ его, съ именемъ „Іоанна пресвитера“, не напечатанъ и имѣется въ Четьей-Минеѣ Виз. Публ. библиотеки XVII в. № 80. л. 266 об. ¹⁾).

Слово на Рождество Христово. *Нач.* Христу правдивому солнцу...

Напечатано *Н. И. Петровымъ* въ Трудахъ Кіевской Дух. Акад. 1889 г., октябрь, стр. 297—302, по списку 1542 года съ именемъ

¹⁾ Ф. Добрянскій, Описание рукописей Виленской Нубличной библиотеки, Вильна, 1882, стр. 119.

„Іоанна экзарха“. О другихъ спискахъ этого слова см. тамъ же стр. 295. прим. 3, и *Чтения въ Общ. Ист. и Др.* 1880 г.. III, 155—157.

Слово отъ сказания евангельского. *Нач.* Отъдоста пакы къ собѣ ученика дивящася...

Имѣется въ указанномъ уже Сборникѣ библиотеки Іосифо-Волоколамскаго монастыря 1535 года (см. *Калайдовичъ: Іоаннъ Экзархъ*, стр. 33 и прим. 118 и 119) и въ Сб. Унд. № 561 XVI вѣка съ именемъ „Іоанна, епископа болгарскаго“¹⁾.

Если судить по двумъ весьма вѣроятно принадлежащимъ Іоанну Экзарху поученіямъ—на Преображеніе и на Вознесеніе, то можно сказать, что въ этомъ кругу своей литературной дѣятельности онъ имѣть много общаго съ Климентомъ: въ немъ есть и простота нравственнаго назиданія, и увлекающейся лиризмъ; только у Іоанна, въ противоположность Клименту, элементы эти соединяются въ одномъ и томъ же поученіи. Общая схема у него въ обоихъ названныхъ поученіяхъ та же, что и у Клиmentа въ словахъ втораго разряда, то-есть, передача события согласно Св. Писанию съ присоединеніемъ своихъ замѣчаній, назиданіе и выражение лирическаго настроенія проповѣдника. Надобно замѣтить, впрочемъ, что или указанное соединеніе двухъ элементовъ въ поученіи, или особенности изложенія и проповѣдническаго таланта Іоанна дѣлаютъ его поученія разнообразнѣе и живѣе Климентовыхъ. Вотъ примѣры. Въ словѣ на Вознесеніе проповѣдникъ, рассказалъ евангельскую исторію этого события, призываетъ слушателей къ духовной радости по этому поводу, дѣлая такимъ образомъ выводъ изъ предшествующей своей рѣчи въ такихъ выраженіяхъ: „Того ради радуемся, братіе. Днесъ бо единородный сынъ Божій, начало плоти наша, юже пріять отъ насъ, къ отцу взыссе. Длесь змѣй

¹⁾ Отмѣтимъ еще, что въ Четырехъ-Минеяхъ и въ Прологахъ подъ 16-мъ января, а также и въ иѣкоторыхъ сборникахъ, напримѣръ, Вахрам. № 226 XVII вѣка, помѣщается Слово о погребающихся въ церквяхъ, нач. Іоанну великому существа..., съ именемъ „Іоанна Экзарха“ въ иѣкоторыхъ спискахъ, но по указанію проф. Петрова (О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога, стр. 204 и 223, и *Труды Киевск. Дух. Акад.* 1889 г., окт., стр. 294) слово это буквально заимствовано изъ Бесѣдъ Григорія, папы римскаго, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принадлежать нашему Іоанну. Наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе загадочное пока указаніе на „книги, глаголемыя Сѣставъ“, которыми „Іоаннъ Экзархъ вчинилъ“ въ концѣ Свѣтскаго Патерика Унд. № 219, л. 449 XVI вѣка: тутъ приходитъ бесѣда св. Макарія съ учениками, которыхъ онъ учищеваетъ имѣть изъ своеи сердцѣ страхъ Божій, чтобы избавиться отъ всякихъ дьявольскихъ извѣденій.

разсѣчень бысть. Днесь грѣхъ человѣческъ не поминается. Днесь Адамъ, преслушаніемъ изъ породы изгнанный, вторымъ Адамомъ не въ земный рай, но въ царство небесное входить. И кто суть свидѣтельствующій Христову возшествію? Дванадесять ученицы. Или не вѣруши, живоине, не вѣруши ли апостоломъ Христовымъ, очеси своимъ видѣвшимъ всходища на небеса Господа? Не вѣруши ли то лица свидѣтелей. Рече бо Моисей: передъ усты двою или трехъ свидѣтелей да станеть всякъ глаголь. Хабленый живоине! Моисей три послухи достойны створи всяцѣй рѣчи, а Лука четырежды три свидѣтели достойно вѣрны повѣдаетъ. Тѣмъ ли не вѣруши, пагубниче и потыблѣ?¹). Проповѣдникъ любилъ пользоваться формулой повторенія, чтобы придать своей рѣчи характеръ силы и энергіи убѣжденія: „Что не подънять насть ради убогихъ.—говорить онъ въ словѣ на Преображеніе, доказывая присутствіе двухъ естествъ въ Христѣ, божескаго и человѣческаго,—являяй божество и человѣчество свершенно? Аще не бы человѣкъ быль, то чия есть мати Марія, и аще не бы Богъ быль, то кому ся поклониша волеви? Аще не бы плотянь быль, то кого Симеонъ рукама ношаще и кому глаголаше: нынѣ пусти раба твоего съ миромъ? И аще не бы плотянь быль, то съ кимъ бѣжа Иосифъ во Египетъ, и аще не бысть Богъ, гдѣ ся было слово то скончало: изъ Египта взвахъ сына моего? И аще не бы плотянь быль, то Иоаннъ кого крещаше, а паки аще не бы Богъ быль, то Отецъ сыновство кому глаголаше: сей есть сынъ мой любимый, сего послушайте? И аще не бы плотянь быль, то кто въ корабли спаше, и аще не бы Богъ быль, кто вѣтромъ и морю, кто запрѣти утишился?²... и т. д.²).

Оба эти поученія Іоанна Экзарха пользовались въ древней русской письменности, повидимому, приблизительно одинаковой распространенностью, причемъ слово на Преображеніе находимъ въ Торжественникахъ, Четырехъ-Минеяхъ и Сборникахъ разнообразнаго состава XV—XVII вѣковъ, а слово на Вознесеніе въ Торжественникахъ и Сборникахъ XIV—XVI вѣковъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ поученія эти то приписываются другимъ лицамъ (Іоанну Златоустому—Тр.-С. Лавры № 9, Сол. №№ 637 и 370, Диадоху, епископу Фотикійскому.—Солов. № 365), то помѣщаются безъ имени (Царск. № 422).

Такимъ образомъ можно видѣть, что поученія Іоанна Экзарха вообще

¹) Изд. Бодянскаю, стр. 45—46.

²) Тамъ же, стр. 54—55.

были распространены менѣе, нежели поученія Клиmentа: тотъ именно извѣстенъ былъ на Руси, какъ проповѣдникъ, а Ioannъ Экзархъ—какъ авторъ ученый, какъ переводчикъ твореній Ioanna Damaskina.

Наконецъ, въ дополненіе къ вопросу о литературныхъ интересахъ Ioanna Экзарха должно упомянуть о припискѣ чѣмкого пресвитера Ioanna, славянскаго переводчика житія Antonія Великаго, принадлежащаго Aeanasию Александрийскому, къ своему труду, въ которой онъ говорить, что этотъ переводъ совершень былъ имъ по настоянію „строителя церковнаго Ioanna, господина нашего архиепископа Болгарскія земли“; по побужденію этого же лица, подъ которымъ естественно предполагать Ioanna Экзарха, тотъ же Ioannъ пресвитеръ совершилъ и переводъ житія священномуученика Панкратія¹).

III. Константинъ, епископъ болгарскій.

Третымъ выдающимся сподвижникомъ царя Симеона на поприщѣ духовнаго просвѣщенія болгарскаго народа былъ епископъ Константина. Изъ данныхъ хронологического характера, находящихся при его Учительномъ Евангеліи и при переводѣ четырехъ словъ Aeanasia Александрийского противъ арианъ, мы узнаемъ, что первый названный трудъ Константина относится къ 894 году, второй къ 906; въ надписи 42-й бесѣды Учительного Евангелія онъ называется „пресвиторомъ болгарскимъ“ а въ записи при второмъ трудѣ—„епископомъ“ Кромѣ того, по послѣдней записи, указывающей на пребываніе въ 907 году Константина на устьѣ рѣки Тычи, которая находилась недалекъ отъ города Переслава, древней столицы Болгаріи, полагаютъ, что онъ былъ епископомъ переславскимъ. Наконецъ, извѣстно, что Учительное Евангеліе составлено Константиномъ по совѣту и настоянію Наума, одного изъ „седмичисленниковъ“ болгарскихъ (къ которому онъ обращается, какъ къ „брату“), переводъ же словъ Aeanasia Александрийского—по повелѣнію князя Симеона²).

Таковы немногочисленныя данныя о жизни Константина, которыхъ тѣмъ не менѣе представляются весьма удовлетворительными сравнительно со скучными биографическими свѣдѣніями объ Ioannѣ Экзархѣ. Но тогда какъ труды послѣдняго, благодаря изслѣдованіямъ Калай-

¹⁾ См. Андрей Поповъ, Описаніе рукописей Худова. стр. 393—394; Описаніе рукописей Солов. библіотеки, I, 337.

²⁾ Горскій и Незоструевъ, II, 2, стр. 33, 411, 418, 422.

довича, сдѣлялись довольно извѣстны съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія, о трудахъ Константина и позднѣе знали столь мало, что еще въ 40-хъ годахъ архіепископъ Филаретъ находилъ возможнымъ отожествлять эту личность съ Климентомъ болгарскимъ, на чьемъ и настаивалъ въ особой статьѣ, напечатанной въ *Чтенихъ въ Общ. Ист. и Др. Росс.* 1846 г., № 4, хотя ему уже была извѣстна рукопись Учительного Евангелія XIII вѣка, на которую за полгода до этого въ первый разъ указалъ Ундовъскій (*Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 3*). Такимъ образомъ Ундовъскому принадлежитъ честь первого обстоятельного указания (есколько и нерѣшительно указывавъ на него и Калайдовичъ) на епископа Константина, какъ ему же принадлежить эта честь еще въ большей мѣрѣ и относительно Клиmentа¹).

По характеру своей литературной дѣятельности епископъ Константина ближе подходитъ къ Клименту, нежели къ Иоанну Экаарху; эта дѣятельность его можетъ быть названа учительно-полемической, такъ какъ одинъ изъ его трудовъ учительного, а другой полемического характера. Оба труда Константина въ основахъ своихъ переводные, при чьемъ обѣ Учительномъ Евангеліи это должно сказать съ ограничениемъ, а о словахъ Аѳанасія—безусловно.

Учительное Евангеліе Константина дошло до насъ, по сколько извѣстно, въ двухъ спискахъ—Моск. Синод. библіотеки № 163 XIII вѣка, русского извода²), и Императ. Публичной Библіотеки изъ собрания Гильфердинга № 32, писанномъ въ 1286 году, южно-славянского извода³), при чьемъ первый выгодно отличается отъ втораго тѣмъ, что въ немъ, кромѣ текста, находится еще въ концѣ хронологическая запись относительно Константина, которой мы уже выше пользовались, и въ началѣ—молитва, сложенная акростихомъ по звучному порядку, а затѣмъ прологъ, или предисловіе. Первая заслуживаетъ вниманія по своей оригинальной формѣ и по содержанію, въ которомъ видна непосредственная свѣжестъ религиознаго чувства; тутъ же авторъ говорить о „словенскомъ племени“, которое путемъ крещенія обращается къ Богу, и о самомъ себѣ: онъ ставить себѣ

¹⁾ Черновые работы Ундовъскаго о Константинѣ находатсѧ числѣ другихъ это бумагъ, въ Рум. Музѣѣ за № 1397. Любопытная исторія вопроса личности и сочиненіяхъ Константина епископа обстоятельноложена преосв. Антоніемъ его соч. „Константина, епископа болгарскаго, и его Учительное Евангеліе“ (Изъ исторіи христіанской проповѣди, Спб.. 1892, стр. 151—171).

²⁾ *Горскій и Невоструевъ*, II, стр. 409—434.

³⁾ См. Отчѣтъ Импер. Публ. библіотеки за 1868 годъ. С.-Пб., 1869, стр. 41—48.

идеаломъ св. первоучителя Константина-Кирилла, по слѣдамъ кото-
рого хочетъ шествовать и дѣлу его послѣдовать—въ проповѣдавіи
„евангельского слова“ и въ литературныхъ трудахъ на „новомъ
языкѣ“ ¹⁾). „Прологъ“ также весьма интересенъ, какъ очень древнее
и типическое выражение авторской скромности Константина относи-
тельно предпринятаго имъ труда; изъ него мы узнаемъ одну черту
изъ отношеній къ автору св. Наума ²⁾.

Учительное Евангелие Константина состоитъ изъ 51 поученія,
предназначенаго для церковной бесѣды на воскресный день каждой
недѣли. Каждое поученіе состоитъ обыкновенно изъ трехъ частей:
вступленія, объяснительной бесѣды на какой либо текстъ св. Писанія
и заключенія. Вторая, самая обширная, часть слова представляетъ
переводъ соответствующихъ мѣстъ изъ греческихъ сборниковъ тол-
кований отцовъ церкви, бывшихъ въ то время въ большомъ распро-
страненіи и известныхъ подъ именемъ „катех.“ Уже въ самъ Кон-
стантинъ говорить въ „прологѣ“ о своемъ греческомъ источникахъ: „азъ
уничиженный убѣженъ бывъ... на сказаніе Святаго Евангелия преложи-
ти отъ греческа языка въ словенскій“, а въ новѣйшее время уче-
ная критика указала и прямые греческія параллели къ бесѣдамъ Кон-
стантина. Что же касается первой и третьей частей поученій, то
есть, вступленій и заключеній, то онѣ принадлежатъ Константину—
если не по содержанію, опять-таки заимствованному изъ греческихъ
источниковъ, въ которыхъ авторъ былъ близко начитанъ и духомъ
которыхъ глубоко проникся, то по формѣ—весмы простой, безыскус-
ственной и доступной пониманію тѣхъ мало просвещенныхъ слуша-
телей, для которыхъ эти поученія были предназначены. Во вступленіи
проповѣдникъ обыкновенно призываетъ слушателей къ усвоенію тѣхъ
истинъ евангельского ученія, которая предложены будутъ во второй
части „слова“ а въ заключеніи преподаетъ имъ назидательные уроки
христіанской нравственности. Кодексъ нравственныхъ назиданій про-
повѣдника не великъ и вполнѣ совпадаетъ съ обычной схемой цер-
ковно-учительной морали, которая усвоена была близко знакомыми
ему греческими образцами, и которую мы видѣли также и у Кли-
мента; можно отмѣтить только, что въ особенности указывалъ Кон-
стантинъ своимъ слушателямъ на дѣла милосердія, какъ на необхо-

¹⁾ См. Гогскій и Неструевъ, II, стр. 410; Антоній, Извъ исторіи хри-
стіанской проповѣди, стр. 173.

²⁾ Антоній, стр. 174.

димое средство нравственного совершенствования христианина и на его прямую обязанность по отношению къ ближнему. Столь же просты были и литературные приемы епископа Константина, вполне гармонировавшіе съ содержаніемъ его поученій.

Но какъ ни проникнуть былъ Константинъ духомъ греческой церковной литературы, которой по необходимости онъ долженъ былъ вполнѣ подчиниться, все же онъ не утрачивалъ сознанія своей славянской національности; онъ близко принималъ къ сердцу устѣхи роднаго ему болгарскаго народа на поприщѣ духовнаго просвѣщенія и съ радостной гордостью говорилъ въ 47-ой бесѣдѣ своего Учительного Евангелия: „не греци бо точю обогатиша отцомъ симъ (Иоанномъ Златоустомъ), но и словенскій родъ, инымъ попранъ быти всѣми“ Выше былъ приведенъ его отзывъ, въ азбучной молитвѣ, о стремлении „словенскаго племени“ къ христіанскому просвѣщенію¹⁾.

Учительное Евангелие Константина не пользовалось въ русской письменности большимъ распространеніемъ, сколько можно судить объ этомъ по одному лишь сохранившемуся доселѣ списку его русскаго извода; за то древность этого списка можетъ указывать на то, что упомянутое произведение сдѣгалось извѣстнымъ у насъ довольно рано. Причины малаго распространенія на Руси Учительного Евангелия въ первые вѣка послѣ его появленія указать теперь трудно, тѣмъ болѣе, что это былъ первый опытъ на славянской почвѣ проповѣдническаго труда, обнимающаго собой весь кругъ церковный, и при томъ такъ составленный, что вполнѣ подходилъ къ потребностямъ русскихъ проповѣдниковъ и пастырей; но что Учительное Евангелие Константина не было распространено у насъ въ позднѣйшіе вѣка, это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что въ XIV вѣкѣ (по однимъ указаниямъ) или въ XV-мъ (по другимъ)²⁾ у насъ переведено было Учительное же Евангелие константинопольскаго патріарха Филофея, заключавшее въ себѣ поученія не только на воскресные дни года, но и на всѣ важнѣйшия праздники; оно дошло до насъ во многихъ спискахъ и дѣйствительно могло явиться серьезнымъ соперникомъ труду Константина. Замѣчательно, что упомянутая выше азбучная молитва и „прологъ“, предваряющіе произведеніе Константина въ синодальной рукописи, нерѣдко помѣщались, по недоразумѣнію, и передъ Учительнымъ Евангелиемъ Филофея, чтѣ производило хронологическія несообра-

¹⁾ Актомъ, стр. 181—191.

²⁾ Горскій и Невоструевъ, II, 2, стр. 667.

разности и даже вводило въ заблуждение повѣйшихъ библиографовъ. напримѣръ, Ундолльского¹). Это обстоятельство во всякомъ случаѣ можетъ указывать на слѣдѣ нѣкогда значительной извѣстности труда Константина, выдержки отдаленныхъ поученій изъ котораго встречаются въ рукописяхъ даже сравнительно позднихъ, XVI и XVII вѣковъ²).

Совершенно естественно, что Учительное Евангеліе предпринято было епископомъ Константиномъ по совѣту святаго Наума, имѣвшаго въ виду широкія и неотложныя потребности молодой еще болгарской церкви и новопросвѣщенаго болгарскаго народа, какъ вполнѣ понятно и то, что другой свой трудъ, переводъ обличительныхъ словъ святаго Асанасія Александрийскаго противъ арианъ, Константинъ предпринялъ по требованію просвѣщенаго книголюбца царя Симеона. Сочиненіе это, справедливо оцѣненное въ образованномъ кружкѣ Симеона, далеко не было такой настоятельной потребностью для болгарской церкви, какъ первый трудъ Константина, но оно удовлетворяло высшимъ и болѣе развитымъ въ богословскомъ и литературномъ смыслѣ требованиямъ и вкусамъ царя Симеона и ближайшихъ его сотрудниковъ, въ числѣ которыхъ одно изъ виднейшихъ имѣть занимать самъ епископъ Константинъ. Такимъ образомъ, Константину пришлось удовлетворять двумъ родамъ совершенню различныхъ требованій, и就必须 признать, что во второмъ случаѣ задача его была гораздо труднѣе: хотя тутъ онъ и не вложилъ ничего самостоятельного въ смыслѣ содержанія, какъ это видѣли мы отчасти въ Учительномъ Евангеліи, однако самый переводъ полемического сочиненія, при обилии и тонкости богословскихъ понятій какъ въ изложеніи догматовъ, такъ и въ разборѣ заблужденій еретиковъ, требовалъ со стороны переводчика большихъ усилий, при совершенной необработанности еще въ ту пору славянской богословской и вообще отвлеченней терминологіи. Многое пришлось изобрѣтать и придумывать въ первый разъ, и, по компетентному отзыву³), нелегкій трудъ этотъ выполненъ былъ Константиномъ съ замѣчательными успѣхомъ.

Въ спискахъ этого труда Константина, кромѣ четырехъ словъ Асанасія противъ арианъ, находится еще Посланіе Асанасія о времени празднованія Пасхи. Тѣ же исследователи, которымъ наука обя-

¹) См. *Антоній*, стр. 163—165.

²) Описаніе рукописей Соловецкой библіотеки, I, 601, 635, 636, 644, 702.

³) *Горскій и Невоструевъ*, II, 2, стр. 35.

зана первымъ обстоятельнымъ объ этомъ трудѣ Константина сообщеніемъ, находятъ возможнымъ приписать ему также и переводъ этого посланія¹⁾.

Слова Асанасія въ переводѣ епископа Константина также не пользовались большимъ распространеніемъ въ русской письменности, какъ и его Учительное Евангеліе²⁾; однако, когда въ XVII вѣкѣ предпринять былъ новый переводъ обличеній Асанасія Александрійскаго противъ арианъ, то переводчикъ, известный Елифаній Славинецкій, пользовался при своемъ трудѣ и древнимъ переводомъ епископа Константина, взявъ изъ него иѣсколько примѣровъ передачи греческихъ словъ³⁾.

Этими двумя трудами собственно и ограничивается литературная дѣятельность болгарскаго епископа, въ предѣлахъ достовѣрности, подтверждаемой свидѣтельствомъ рукописей; но архимандритъ Леонидъ, въ цитованной уже нами его статьѣ⁴⁾, въ противорѣчие прямымъ рукописнымъ указаніямъ, находилъ возможнымъ приписать Константину переводъ житій святаго Антона Великаго и святаго Панкратія, о которыхъ у насъ шла рѣчь выше, какъ о трудахъ, исполненныхъ какимъ-то „пресвитеромъ Иоанномъ“, по порученію и совѣту Иоанна Энзарха. Тотъ же покойный авторъ имѣеть съ этимъ указываль на то, что Константину Болгарскому „приписываются“ переводъ Оглашеній святаго Кирилла Іерусалимскаго, имѣющійся въ рук. Рум. Муз. № 194 XVI вѣка, но тутъ дѣло ограничивается только замѣчаніемъ *Востокова*, при описании этой рукописи, что „переводъ сей есть современный Шестодневу Екзархову (помѣщенному въ той же рукописи) и другимъ памятникамъ древнѣйшей словесности церковно-словенской“⁵⁾.

Е. Шѣтухенъ.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Списокъ его, XVI вѣка, имѣется въ Солов. библіотекѣ № 166 (Описание, I. 224—226).

³⁾ Горскій и Невоструевъ, II, 2, стр. 43.

⁴⁾ Членъ въ Общ. Ист. и Др., 1890 г., III, стр. 13.

⁵⁾ Описание рукописей Рум. Музеума, стр. 245.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГЪ АНГЛІИ СЪ 1688 ГОДА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ¹⁾.

XV

Разобранная въ предыдущей главѣ теорія Прейса представляетъ выдающійся научный и практическій интересъ не только потому, что она казалась идущею навстрѣчу насущнымъ потребностямъ своего времени, но и по эпохѣ, когда она появилась: когда обстоятельства особенно удобно располагались для обнаруженія ея несостоительности чисто эмпирическимъ, опытнымъ, путемъ. Позади былъ опытъ Вольполевскаго погасительного фонда, учрежденнаго въ 1716 г., опытъ положительный, изслѣдованиемъ коего мы и займемся въ настоящей главѣ. Впереди же предстояло въ 1793—1815 годахъ такое новое увеличеніе англійской государственной задолженности, предъ которымъ совершенно блѣдѣло, все, что по части такого увеличенія когда-либо происходило тдѣ бы то ни было.

О Вольполевскомъ погасительномъ фондѣ слѣдуетъ, прежде всего, упомянуть, что, пока его охранялъ его основатель (тщательно избѣгавшій чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ и не останавливавшійся ни передъ чѣмъ для ихъ предотвращенія, когда они для участія Англіи въ войнѣ за Австрійское наслѣдство стали неминуемыми, чтò и было причиной удаленія Вольполя отъ дѣла), фондъ хоть не очень сильно отвлекался отъ своего назначения. Къ этому, однако, для справедливости нужно прибавить: что всякий погасительный фондъ легче не отвлекаться отъ его прямаго назначенія въ первое время его существованія и въ мирное время, когда крупныхъ чрезвычайныхъ расходовъ не приходится производить. Въ первыя 20 лѣтъ, съ 1718 до 1738 года, въ Вольполевскій погасительный фондъ было отчислено: изъ обыкновенныхъ доходовъ 16.257.334 ф. ст. и остатковъ отъ кредитныхъ операций 4.077.058 ф. ст.. всего 20.334.392 ф. ст. Изъ

¹⁾ Продолженіе. См. январскую книжку Журн. М. П. Пр. за текущій годъ.

нимъ въ тѣ же 20 лѣтъ на погашеніе долговъ было употреблено 15.885.703 ф. ст., на иные предметы, посторонніе фонду, 3.772.777 ф. ст., и въ остаткѣ въ 1738 г. имѣлось еще 675.912 ф. ст. Если сбросить съ 15.885.703 ф. ст. выкупленныхъ долговъ сумму 4.077.058, составлявшую поступление изъ остатковъ отъ заключенныхъ долговъ, то нужно считать, что собственно погасительный фондъ, располагая поступлениемъ отъ налоговъ въ 16.257.384 ф. ст.. погасилъ долговъ на 11.808.645. Это—результатъ, который, сравнительно, еще можно считать благопріятнымъ. Совсѣмъ иное оказывается результатомъ слѣдующихъ 50 лѣтъ, въ которые еще дѣйствовалъ Вольполевскій погасительный фондъ. Въ 1739—1788 годахъ погасительному фонду была ассигнована изъ обыкновенныхъ ресурсовъ (налоговъ) немалая сумма 184.356.359 ф. ст. и остатковъ отъ чрезвычайныхъ ресурсовъ (займовъ) 11.313.920 ф. ст.; сверхъ того онъ имѣлъ отъ предшествовавшаго 20-тилѣтія, какъ показано, остатокъ въ 675.912 ф. ст.; всего у фонда было средствъ 196.846.191 ф. ст. Изъ этой-то значительной суммы въ 50 лѣтъ на выкупъ (погашеніе) долговъ употреблено лишь 8.098.641 ф. ст. или съ небольшимъ 4%. а остальные 96% фонда были израсходованы на чуждыя фонду нужды, призвавшіяся болѣе настоятельными: а именно 98.250.994 употреблены были на платежъ процентовъ по государственнымъ долгамъ и 89.996.556 ф. ст.—на разные другіе государственные расходы. Таковы данные специальныхъ отчетовъ о дѣйствіи Вольполевскаго погасительного фонда¹⁾.

Вольполевскій погасительный фондъ просуществовалъ 70 лѣтъ, и еслибы было возможно правильное осуществленіе его основной мысли, то при ежегодномъ ассигнованіи ему 450.000 ф. ст. (столько, приблизительно, ему отпускалось въ первое время, потомъ, конечно, больше)²⁾ и считая $3\frac{1}{2}\%$ на капиталъ выкупленныхъ долговъ, онъ долженъ былъ выкупить долговъ на 134.572.810 ф. ст.. а считая 4% на капиталъ (что вѣрнѣе при тогдашнихъ курсахъ англійскихъ государственныхъ бумагъ) даже 170.487.934 ф. ст., то-есть. онъ парализовалъ бы какъ разъ (безъ малаго) ту значительную прибавку къ государственному долгу, которая явилась изъ-за войны за независимость Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и которая произвела въ Англіи такой переполохъ. На самомъ же дѣлѣ за все время

¹⁾ Return 1869, II, 198—225, 280—283.

²⁾ Среднимъ числомъ ежегодно фонду отпускалось: въ первые три года 468.656 ф. ст., въ слѣдующіи десять лѣтъ по 767.450 ф. ст., а въ 1731—1735 годахъ уже 1.050.019 ф. ст.

своего 70-лѣтняго существованія Вольполевскій погасительный фондъ послужилъ для выкуна суммы долговъ лишь на 23.984.344 ф. ст. Изъ означенныхъ 70 лѣтъ было 40 лѣтъ, въ которыхъ операций выкупа совсѣмъ простоявала и никакого выкуна не производилось. Формально фонду было ассигновано изъ обыкновенныхъ ресурсовъ очень много, а именно 200.613.693 ф. ст., но въ то же время на погасительный фондъ были отнесены чуждые для него расходы: на 98.768.623 ф. ст. для платежей интересовъ по государственнымъ долгамъ и 93.251.704 ф. ст. на разные иные предметы, или всего у фонда взято было обратно изъ ассигнованныхъ ему обыкновенныхъ ресурсовъ 192.020.327 ф. ст.¹⁾). Отчего же эта громадная сумма 192.020.327 ф. ст. была отнята у фонда? Оттого, что иначе пришлось бы установить новыхъ налоговъ на тѣ же 192.020.327 ф. ст. А на такую сумму установление новыхъ налоговъ представлять очень большія трудности, даже когда она раскладывается на 70-лѣтній періодъ. Гораздо легче махнуть рукою на „благодѣтельность“ погасительного фонда.

Однако, английскіе финансовые дѣятели и государственные люди, поступая такимъ образомъ, даже не обременяли ни себя, ни страну, тяжкою виной предъ финансовою исторіею. И безъ погасительного фонда отъ страны много приходилось требовать налоговъ; эти требования ей предъявлялись, хотя, конечно, не съ особеннымъ удовольствиемъ, и страна напрягала свои силы, чтобы выполнить предъявленныя ей требования. Въ 43 года съ 1750 по 1792 г. было въ Великобританіи 19 лѣтъ, въ которыхъ избытки обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ расходами достигали 14.693.466 ф. ст.. и 24 года, въ которые, наоборотъ, обыкновенныхъ доходовъ было менѣе, чѣмъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ, на 152.909.879 ф. ст. Однако, на эти же 24 дефицитныхъ года приходится чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ на 180.223.234 ф. ст., и если ихъ не считать, а сравнивать только обыкновенные доходы съ обыкновенными же расходами, то въ 1750—1792 годахъ было: первыхъ на 485.177.832 ф. ст., а вторыхъ 443.171.011 ф. ст., или избытки доходовъ надъ расходами достигали 42.006.821 ф. ст.. которые и послужили для покрытия

¹⁾ За вычетомъ изъ отчисленныхъ погасительному фонду изъ обыкновенныхъ ресурсовъ 200.613.693 ф. ст., отнятыхъ у фонда 192.020.327 ф. ст., у фонда собственно оставалось обыкновенныхъ ресурсовъ для выкуна долговъ лишь 8.593.366 ф. ст. Но такъ какъ ему еще были ассигнованы остатки отъ займовъ въ размѣрѣ 15.390.378 ф. ст., то его выкуны могли простираться до 23.984.344 ф. Срв. Ret. 1869, II, pp. 282—283, строка итоговъ.

части чрезвычайныхъ расходовъ. Это было менѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе 62 года, съ 1688 по 1749 г., когда обыкновенные доходы въ суммѣ 334.841.762 ф. ст. превышали обыкновенные же расходы въ суммѣ 271.905.815 ф. с. на громадный избытокъ въ размѣрѣ 62.935.947 ф. ст.. послужившихъ для покрытия гораздо болѣе значительной части чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, достигавшихъ тогда 131.531.236 ф. ст. Но именно эти же цифры содержать уже и объясненіе, почему въ первой половинѣ XVIII вѣка почти половина ($47\frac{1}{5}\%$) чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ могла быть произведена изъ обыкновенныхъ доходовъ. тогда какъ во второй половинѣ XVIII вѣка эта часть уменьшилась почти вдвое, едва составляя четверть ($23\frac{1}{3}\%$). Когда въ 62 года, 1688—1749 годы, обыкновенныхъ расходовъ было лишь 271.905.815 ф. ст., то и сумма обыкновенныхъ доходовъ лишь въ 334.841.762 ф. ст. давала избытокъ, достаточный для половины чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, достигавшихъ лишь 131.531.236 ф. ст. Но когда въ слѣдующіе затѣмъ 43 года, 1750—1792, обыкновенные расходы поднялись до 443.171.011 ф. ст., то и изъ возросшей суммы обыкновенныхъ доходовъ въ 485.177.832 ф. ст. оставалось уже едва достаточно для одной четверти чрезвычайныхъ расходовъ, тоже увеличившихся до 180.223.234 ф. ст.¹⁾. Еще нагляднѣе то же самое показываютъ среднія погоды

¹⁾ Приведенные суммы получены посредствомъ слѣдующаго общаго свода итоговъ погодныхъ данныхъ, которыхъ въ различныхъ мѣстахъ нашего изложения показаны при подробномъ разсмотрѣніи отдельныхъ periodовъ.

Периоды.	Государственные расходы.				Всѣ.
	Число: Обыкновен- льгъ ные доходы.	Обыкновен- ные.	Чрезвычай- ные.		
1688—1697	10 в.	32.766.754	16.465.118	32.643.764	49.108.682
1698—1701	4 м.	17.855.079	15.461.505	—	15.461.505
1702—1018	12 в.	64.239.477	43.521.691	50.684.956	93.206.647
1714—1717	4 м.	28.004.899	25.374.806	—	25.374.806
1718—1721	4 в.	24.393.000	19.883.690	4.547.324	24.381.014
1722—1739	18 м.	106.678.589	100.781.289	—	100.781.289
1740—1049	10 в.	65.908.964	51.487.716	43.655.192	95.122.908
1688—1749	62	334.841.762	271.905.815	131.531.236	408.487.051
1750—1755	6 м.	42.659.491	39.748.048	—	39.748.048
1756—1766	11 в.	100.556.123	76.645.797	82.623.738	159.262.535
1767—1775	9 м.	96.732.177	89.617.135	—	89.617.135
1776—1786	11 в.	141.202.620	137.572.189	97.599.496	235.171.685
1787—1792	6 м.	104.028.421	99.587.842	—	99.587.842
1750—1792	43	485.177.832	443.171.011	180.223.234	623.394.245
1688—1792		820.019.594	715.076.826	311.754.470	1.026.831.296

ныя данные, выясняю напряженіе, которое страна должна была дѣлать для того, чтобы ростъ обыкновенныхъ доходовъ не отставалъ отъ расходовъ, даже лишь обыкновенныхъ, а тѣмъ болѣе еще и чрезвычайныхъ. Среднія (по періодамъ военныхъ и мирныхъ) погодные данные показываютъ, прежде всего, что это напряженіе во второй половинѣ XVIII вѣка, сравнительно съ первою половиною, не только не ослабѣло, но напротивъ еще усилилось. Средняя ежегодная сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, состоявшихъ почти исключительно изъ налоговъ, выражалась въ слѣдующихъ суммахъ:

Периоды.	Въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка.			Во второй половинѣ XVIII вѣка.		
	Чис- льть.	Сумма	Периоды	Чис- льть.	Сумма	
1688—1697	10	3,276,675	1750—	6	7,109,915	
1698—1701	4	4,463,920	1756—66	11	9,141,375	
1702—1713	12	3,53,290	1767—75	9	10,748,020	
1714—1717	4	751,225	1776—86	11	12,836,602	
1718—1721	4	6,098,250	1787—92	6	17,328,070	
1722—1739	18	5,926,588	17	92	43	10,306
1740—1749	10	6,590,396				
1688—1749	62	400,67				

Периоды.	Г о д н ы с т ь				Избытки обыкновен- ныхъ бюдже- това.
	Дефицитами.		Избытками.		
Число лѣтъ.	Сумма.	Число лѣтъ.	Сумма.		
1688—1697	10	16,342,128	—	—	16,301,636
1698—1701	—	—	4	2,393,574	2,393,574
1702—1713	12	28,987,170	—	—	21,717,786
1714—1717	3	2,999,096	1	629,189	—2,369,907
1718—1721	2	389,882	2	401,868	4,559,310
1722—1739	5	1,997,309	13	7,894,609	5,897,300
1740—1749	10	29,218,944	—	—	14,436,248
1688—1749	42	79,914,529	20	11,319,240	62,935,947
1750—1755	2	226,402	4	3,137,845	2,911,443
1756—1766	11	58,714,412	—	—	23,909,326
1767—1776	—	—	9	7,115,042	7,115,042
1776—1786	11	98,969,065	—	—	3,630,431
1787—1792	—	—	6	4,440,579	4,440,579
1750—1792	24	152,909,879	19	14,693,466	42,006,821
1688—1792	66	232,824,408	39	26,012,706	104,942,768

(въ означаетъ „военные“ (годы). и. означаетъ „мирные“ (годы); послѣдній столбецъ суммъ полученъ отъ сравненія обыкновенныхъ доходовъ съ обыкновенными же расходами).

Противопоставление это наглядно показывает, что прогрессия возрастания доходовъ, а слѣдовательно и увеличения напряженія, которое страна дѣлала, уплачивая возраставшія суммы налоговъ, была гораздо болѣе сильная во второй половинѣ XVIII вѣка, сравнительно съ первою его половиною. Далѣе, группируя періоды, въ которые приходилось производить очень значительные чрезвычайные расходы, мы находимъ, что ежегодно въ среднемъ обыкновенные государственные доходы и расходы составляли:

в о в р е м я в о й н ы .	о б ы к н о в е н н ы е	
	расходы	доходы.
1688—1697 гг. съ Франціею	1.646.512	3.276.675
1702—1713 за испанское наслѣдство	3.543.474	5.353.290
1740—1749 „ австрійское наслѣдство	5.146.772	6.590.396
1756—1766 въ семилѣтнюю войну	6.967.800	9.141.375
1776—1786 съ Соединен. Штатами.	12.506.563	12.836.802

Въ слѣдовавшіе же за каждымъ военнымъ періодомъ мирные періоды нарастаніе обыкновенныхъ доходовъ и энергія напряженія ординарныхъ ресурсовъ были еще сильнѣе, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Ежегодно среднимъ числомъ составляли:

въ мирные періоды.	о б ы к н о в е н н ы е	
	расходы	доходы.
1698—1701	3.865.376	4.463.920
1714—1739 .	5.614.991	5.926.018
1750—1755 .	6.624.675	7.109.915
1767—1775 .	9.957.459	10.748.020
1787—1792 .	16.597.974	17.338.070

Рассматривая эти данные за разные періоды, военные и мирные, мы замѣчаемъ, что Вольполевское время, 1714—1739 гг., является единственнымъ болѣе продолжительнымъ періодомъ, въ которомъ преобладалъ миръ, но возвышение обыкновенныхъ доходовъ было менѣе сильное, чѣмъ въ остальные періоды. Оттого Вольполевская эпоха—единственная, относительно которой еще допустимо вѣкоторое сомнѣніе, не было ли тогда возможно такое, болѣе сильное, напряженіе налоговыхъ требованій и поступленій, чтобы ими быть покрыть недостатокъ ординарныхъ средствъ для чрезвычайныхъ расходовъ предыдущихъ двухъ военныхъ періодовъ 1688—1699 и 1702—1713 годовъ. Эта недостатокъ выражается въ разности между обыкновенными доходами 26 лѣтняго періода 1688—1713 гг. (114.861.310 ф. ст.) и

всѣми, обыкновенными и чрезвычайными, расходами тѣхъ же 26 лѣтъ съ 1688—1713 года (157.777.034 ф. ст.), составлявшей 42.915.724 ф. ст., или 27,85% обыкновенныхъ доходовъ слѣдовавшаго затѣмъ 26-лѣтнаго Вольполевскаго періода съ 1714 по 1739 годъ, достигавшихъ 154.075.068 ф. ст. Или иначе говоря: для того, чтобы въ 26-лѣтнемъ періодѣ 1714—1739 годовъ были покрыты дефициты отъ чрезвычайныхъ расходовъ предшествовавшихъ 26 лѣтъ 1688—1713 годовъ, обыкновенные доходы въ 1714—1739 годахъ должны были бы возрасти противъ 1688—1713 годовъ не только на тѣ 39.215.178 ф. ст., на которые они дѣйствительно возросли, но на сумму съ лишнимъ вдвое большую, или на 82.130.102 ф. ст. (= 39.215.178 + + 42.915.724). Обыкновенные государственные доходы, составлявшіе въ среднемъ ежегодно въ 1688—1698 годахъ 3.276.675 ф. ст., а въ 1714—1739 годахъ 5.926.018 ф. ст., должны были бы въ 1714—1739 годахъ достигать 7.576.628 ф. ст.: то-есть, сравнительно съ первымъ десятилѣтіемъ (1688—1698 гг.) новой эпохи финансовой исторіи Англіи, чрезъ 16 лѣтъ уже должно было наступить продолжительное время, въ теченіе котораго обыкновенные доходы должны были бы съ лишнимъ удвоиться. Если они въ 1714—1739 гг. были противъ 1688—1698 годовъ на 80% больше, то этого было недостаточно, увеличеніе должно было бы составлять свыше 130%. Но и увеличеніе на 80%, совсѣмъ не малое. А кроме этого извѣстно, что Вольполь очень былъ расположенъ къ такому преобразованію косвенныхъ палоговъ, которое впослѣдствіи было осуществлено Питтомъ и дало значительное увеличеніе обыкновенныхъ доходовъ, но при Вольполѣ вызвало столь сильную оппозиціонную бурю, что его пришлось оставить почти на полстолѣtie.

Во вторую же половину XVIII вѣка мирные промежутки между военными періодами были такъ непродолжительны, что уже совсѣмъ исчезла всякая физическая возможность напряженіемъ ординарныхъ ресурсовъ покрыть ихъ недостатокъ, обнаружившійся въ предшествовавшей военная эпохи. Это сразу бросается въ глаза, когда рядомъ съ данными о томъ, какіе дѣйствительно были, среднимъ числомъ ежегодно, обыкновенные доходы, ставятся данные о томъ, какими они, во всякомъ мирномъ періодѣ, должны были бы быть, чтобы покрывать и всѣ чрезвычайные расходы предшествовавшаго военного періода. Какъ ни сильна прогрессія дѣйствительная, она оказывается слабою сравнительно съ тою, которая требовалась, но которая именно по своей значительности должна была оказываться неосуществимой. А именно,

среднимъ числомъ ежегодно обыкновенные государственные доходы составляли ¹⁾:

	на дѣлѣ	вмѣсто требо- вавшихся.	или менѣе.
въ 1714—1739 годахъ	5.926.018	7.576.628	1.742.666 ф. ст.
1750—1755	7.109.915	10.313.073	3.203.158
1767 1775	10.748.020	17.271.843	6.523.823
1787—1792	17.338.070	32.999.737	16.661.677

Числа эти очень любопытны, показывая опозданія, съ которыми дѣйствительная жизнь достигала требовавшихся результатовъ, когда новые войны опять увеличивали требованія и вызывали новые опозданія. Въ 1714—1739 годахъ были бы покрыты чрезвычайные расходы по предшествовавшимъ войнамъ, еслибы среднимъ числомъ ежегодно обыкновенные государственные доходы достигали 7.576.628 ф. ст. Но въ мирное время 1714—1739 гг. это еще не было возможно и почти осуществилось лишь черезъ 10 лѣть. въ слѣдующій мирный періодъ

Табличка наша составлена слѣдующимъ образомъ. Основаніемъ взяты по періодамъ приведенные выше итоги обыкновенныхъ доходовъ, расходовъ (всѣхъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ) и дефицитовъ, вызванныхъ чрезвычайными расходами, какъ они опредѣляются въ видѣ разности между доходами и расходами. Суммы этихъ-то дефицитовъ всякаго даннаго періода прибавлены къ обыкновеннымъ доходамъ слѣдовавшаго непосредственно за ними (мирнаго) періода и этимъ опредѣлено, какъ велики должны были быть въ каждомъ мирномъ періодѣ его обыкновенные доходы для того, чтобы имъ покрывались не только обыкновенные расходы того-же періода, но и дефициты отъ чрезвычайныхъ расходовъ предшествовавшаго военнаго періода. Данныя представляются при этомъ въ слѣдующемъ видѣ:

Періоды.	Число лѣть.	Обыкновенные доходы.	Всѣ расходы.	Дефициты.	Требовавшиеся доходы.
1688—1713	26	114.861.310	157.777.034	42.915.724	
1714—1739	26	164.076.488	150.537.109		196.992.212
1740—1749	10	65.903.964	95.122.908	29.218.944	—
1750—1755	6	42.659.491	39.748.048	—	71.878.435
1756—1766	11	100.555.123	159.269.585	58.714.412	—
1767—1775	9	96.732.177	89.617.135	—	155.446.589
1776—1786	11	141.202.620	235.171.685	93.969.065	—
1787—1792	6	104.026.421	99.587.842		197.997.486
	106	820.019.694	1.026.831.296	206.811.702	

Показанныя въ текстѣ суммы получены раздѣленіемъ суммъ столбцовъ доходахъ на соответствующія періодамъ числа лѣть.

1750—1755 гг. Но тогда уже для этой цѣли требовалось 10.313.073 ф. ст., а эта сумма вполнѣ оказалась возможной лишь чрезъ 11 лѣтъ, въ слѣдующій мирный періодъ 1767—1775 гг., когда однако уже требовалось 17.271.843 ф. ст. Опять и эта сумма была достигнута чрезъ 11 лѣтъ, въ слѣдующемъ мирномъ періодѣ 1787—1792 гг., но тогда уже требовалось 32.999.737 ф. ст: или почти вдвое болѣе. Если принять за 100 среднегодовую сумму обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ 1688—1697 год., то прогрессія возрастанія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ дѣйствительная и требовавшаяся, противопоставляются въ такомъ видѣ:

Прогрессія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

Періоды.	Дѣйствительная.	Требовавшаяся.
1688—1697	100	100
1714—1739	182	235
1750—1755	217	366
1767—1775	329	527
1787—1792	530	1004

Естественно, что при столь сильномъ прихрамываніи дѣйствительности за обгонявшими ее потребностями, напряженіе налоговыхъ силъ принимало характеръ Сизифовой работы и оттого натяженіе государственныхъ долговъ оказывалось возможнымъ только въ условномъ и очень ограниченномъ смыслѣ¹⁾.

¹⁾ Основаніемъ слѣдующаго за симъ обзора служить помѣщенная въ этомъ примѣчаніи ниже таблица, въ которой обороты по долгамъ, отвержденными и неотвержденными, сгруппированы отдельно для періодовъ мирныхъ и военныхъ, въ которые приходилось производить значительные чрезвычайные расходы, съ 1688 по 1792 г. При этомъ по долгамъ неотвержденныхъ разность, на которую поступлениа превышаютъ возвраты, означена въ столбцѣ, названномъ „займы“, въ смыслѣ, выражающемъ такую сумму, которая оказалась занятою на срокъ, выходящій за предѣлы данного періода; разность, на которую возвраты превышаютъ поступлениа, показана въ столбцѣ „нагашеній“, какъ показывающая, на сколько въ данномъ періодѣ долгъ уменьшился; наконецъ, меньшая изъ суммъ (поступлений или возвратовъ) показана въ столбцѣ „временныхъ позамѣстований“, какъ собственно выражаящая ту часть оборотовъ, которая собственно соотвѣтствовала назначению неотвержденныхъ долговъ. Но долгамъ-же консолидованныхъ разность, на которую поступлениа больше уплаты, означена въ столбцѣ „новые долги“, какъ показывающая, на какую сумму въ данномъ періодѣ консолидованный долгъ увеличился; разность, на которую уплаты больше поступлений, показана въ столбцѣ „нагашеній“, выражаяющая, на сколько въ данномъ періодѣ кон-

Такъ, мы видѣли, что въ первомъ мирномъ періодѣ, 1697—1708 годовъ, неотверженный государственный долгъ уменьшился на 4.420.379 ф. ст., но въ то же время отверженные долги увеличились на 2.190.539; слѣдовательно, на эту послѣднюю сумму произошло не погашеніе всего государственного долга, а лишь консолидациѣ одной изъ его неотверженныхъ частей, и лишь на остальные 2.229.840 ф. ст. уменьшеніе неотверженныхъ долговъ было и дѣйствительнымъ погашеніемъ, произведеннымъ изъ превышенія доходовъ надъ расходами въ 1698—1701 годахъ, достигавшаго 2.393.574 ф. ст. (на остальные 163.733 ф. ст. увеличилась свободная наличность). Въ слѣдующемъ мирномъ періодѣ 1714—1739 год. неотверженный государственный долгъ еще уменьшился на 5.448.452 ф. ст., а по отверженному государственному долгу произведена значительная сумма выкуповъ на 24.080.190 ф. ст. Но не только эти выкупы всецѣло произведены на занятія деньги, такъ какъ въ тѣхъ-же 1714—1739 годахъ новыхъ отверженныхъ долговъ заключено на 26.205.145 ф. ст. (это большое

солидованный долгъ уменьшился; наконецъ, та часть суммъ, которая содержится одновременно въ поступленіяхъ и возвратахъ, показана въ столбцѣ „превращенія“, какъ выражаящая лишь суммы, на которыхъ одни консолидованные долги превратились въ другие консолидованные долги, не произведя никакихъ измѣненій въ общемъ итогѣ сихъ долговъ.

Періоды.	По неотверженнымъ долгамъ.					Временныя заемствова- ния.
	Число ггтъ.	Поступленія.	Возвраты.	Займы.	Погашенія.	
1688—1697	10	35.588.047	22.744.085	12.843.962		22.744.085
1702—1713	12	41.932.863	42.860.320		927.457	41.932.863
1740—1749	10	82.497.223	30.132.300	2.364.923		30.132.300
1756—1766	11	50.155.507	47.726.049	2.429.465		47.726.048
1776—1786	11	73.105.314	68.917.447	4.187.867		68.917.447
Итого въ военные.	54	233.278.954	212.380.201	21.826.210	927.457	211.152.744
1698—1701	4	7.162.687	11.583.066		4.420.379	7.162.687
1714—1739	26	56.334.710	61.783.162		5.448.452	56.334.710
1750—1756	6	15.164.203	18.600.939		3.436.736	15.164.203
1767—1775	9	37.764.712	38.454.378		689.666	37.764.712
1787—1792	6	56.173.406	53.857.787	2.815.619		53.857.787
Итого въ мирные.	51	172.599.718	184.279.332	2.315.619	13.995.233	170.284.098
		405.878.672	396.659.533	24.141.829	14.922.690	381.736.843

движение суммъ по отверженому государственному долгу, какъ было выше объяснено, вызвано было конверсionными операциями 1716—1720 и слѣд. годовъ), но и очень значительная часть уменьшения неотверженыхъ долговъ опять и въ этомъ случаѣ была, въ размѣрѣ 2.124.955 ф. ст., только ихъ консолидациею, а не дѣйствительнымъ погашенiemъ; дѣйствительно-же погашены были долги лишь на остальные 3.323.497 ф. ст., которые взяты изъ превышения обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами въ 1714—1739 гг., простиравшагося до 3.539.379 ф. ст. (на остальные 215.981 ф. ст. и въ этомъ случаѣ усиlena свободная наличность). Въ теченіе третьаго мирнаго периода XVIII столѣтія, въ 1750—1755 годахъ, снова неотверженый государственный долгъ уменьшился на 3.436.736 ф. ст., а по отверженымъ долгамъ, хотя выкупы и возвраты и доходили до 3.686.142 ф. ст. (въ связи съ операциями по Пэльгемовской конверсіи), но средства для нихъ были добыты новыми консолидированными долгами, доставившими бюджетамъ 1750—1755 годовъ сумму 4.099.980 ф. ст. Такимъ образомъ и на этотъ разъ не только выкусы и возвраты на приведенную сумму 3.686.142 ф. ст. не были погашенiemъ долговъ, а лишь ихъ превращенiemъ въ другое, болѣе дешевые, долги, во новые консолидированные долги даи еще на 413.838 ф. ст. для уплаты по неотверженымъ долгамъ, а потому на эти 413.838 ф. ст. уменьшеніе неотверженыхъ долговъ было

Период	Итоги			Око			результаты.
	По	Х	Новые	Испл.	Препар-	Мин.	
	з	годы.			ации.		Уменьше-
1697	10	709.429	3.709.429			16,553,391	
1702—1713	12	30.332.540	30.332.540			29,405,083	
1740—1749	10	27.359.272	27.359.272			29,724,195	
1756—1766	11	58.463.574	874.788 57.588.786	—	874.788	60,018,244	—
1776—1786	11	91.762.304	690.100 91.072.204		690.100	93,260,071	
Итого всѣ годы	54	211.627.119	1.564.888 210.062.231		1.564.888	230.960.984	—
1698—1704	4	2.190.539	2.190.539			2.229.840	
1711—1739	26	205.145 21.080.190	2.124.955	—	24.080.190	3.323.497	
1750—1755	6	4.099.980 3.686.142	41.38		3.686.142	3.022.898	
1767—1775	9	3.520.000 10.282.733	—	762.733	3.520.000	7.452.399	
1787—1792	6	1.189.140 7.552.411	—	.363.271	1.189.140	4.047.652	
Итого всѣ мирины	51	204.804 45.601.476	4.729.332 13.126.004 32.475.472			20.076.286	
	248.831.		.166.364 214.791.563	1	126.004 34.040.360	230.960.984	20.076.286

явить иль консолидациею, но не уменьшениемъ всего государственного долга. За симъ остается изъ уменьшения неотверженныхъ долговъ 3.022.899 ф. ст., на которые уменьшение было и действительнымъ погашениемъ, произведеннымъ на 2.911.443 ф. ст. изъ превышенія доходовъ надъ расходами въ 1750—1755 годахъ, а на 111.456 ф. ст. изъ свободной наличности. Такимъ образомъ, если въ три мирные періода 1698—1701, 1714—1739 и 1750—1755 гг. неотверженный государственный долгъ уменьшился на 13.305.567 ф. ст., то въ составѣ этой суммы 4.729.332 ф. ст. выражали новые консолидированные долги, доставившіе средства для уменьшения, и на эти 4.729.332 ф. ст. уменьшение было не погашениемъ, а консолидациею, и лишь на остальные 8.576.235 ф. ст. уменьшение было и погашениемъ государственного долга, на которое почти всецѣло употребленъ весь избытокъ доходовъ надъ расходами указанныхъ трехъ мирныхъ періодовъ. Весь этотъ избытокъ составлялъ 8.844.396 ф. ст. и за употребленіемъ изъ него 8.576.235 ф. ст. на уменьшеніе неотверженного долга и 268.161 ф. ст. на усиленіе кассовой наличности, отъ него уже ничего не оставалось для погашенія консолидированного долга. Оттого хотя и по послѣднему въ 1714—1739 и 1750—1755 гг. произведены большие выкупы (на 27.666.832 ф. ст.), но они сдѣланы, какъ конверсіи и въ связи съ ними. Въ два мирныхъ періода 1767—1775 и 1787—1792 гг. измѣняется направление, въ которомъ уменьшался государственный долгъ: уменьшается главѣйше консолидированный долгъ, въ 1767—1775 годахъ на 10.282.733 ф. ст., а въ 1787—1792 гг. на 7.552.411 ф. ст.; неотверженные же только долги лишь въ 1767—1775 годахъ уменьшаются на 689.666 ф. ст. Но, впервыхъ, для нѣкоторой части этихъ уменьшений средства были доставлены новыми консолидированными же долгами и въ этой части уменьшения были не погашеніемъ, а лишь превращеніемъ однихъ консолидированныхъ долговъ въ другіе: въ 1767—1775 годахъ на 3.520.000 ф. ст., а въ 1787—1792 годахъ на 1.189.140 ф. ст. Вовторыхъ, другою частью уменьшеніе консолидированного долга въ 1767—1775 и 1787—1792 гг. было превращеніемъ долговъ еще худшаго свойства, потому что оно произведено въ 1787—1792 годахъ на 2.315.619 ф. ст. средствами отъ прямаго увеличенія неотверженного государственного долга. Такимъ образомъ, если въ два мирныхъ періода 1767—1775 и 1787—1792 годовъ произведены по консолидированному долгу большие выкупы на 17.835.145 ф. ст., то въ составѣ этой суммы 7.024.759 ф. ст. были добыты кредитомъ-же (въ томъ числѣ 4.709.140 ф. ст. отъ консолидированныхъ

займовъ и 2.315.619 ф. ст. отъ увеличения неотверженныхъ долговъ) За симъ лишь на остальные 10.810.385 ф. ст. уменьшеніе консолидированного долга было и дѣйствительнымъ его погашеніемъ, произведеннымъ, какъ и уменьшеніе неотверженныхъ долговъ на 689.666 ф. ст., изъ избытка доходовъ надъ расходами, достигавшаго въ 1767—1775 годахъ 7.115.042 ф. ст., а въ 1787—1792 годахъ 4.440.579 ф. ст., или въ оба периода 11.555.621 ф. ст. (на разность въ 55.570 ф. ст. увеличилась свободная наличность).

Если таковы были результаты даже въ мирные периоды, то нѣтъ основанія ожидать лучшихъ—въ периоды, когда велись войны, и большиe чрезвычайные по нимъ расходы не оставляли никакихъ избытковъ для погашенія долговъ. Если поэтому и въ военные периоды въ оборотахъ по государственному долгу происходили иногда уменьшения и выкупы, то они всецѣло могли быть производимы лишь на средства, добытыя кредитомъ, слѣдовательно, лишь какъ косвенные консолидациіи и конверсіи. Такъ, въ 1702—1713 годахъ, неотверженный долгъ уменьшился на 927.457 ф. ст., взятыхъ изъ излишка поступлений отъ новыхъ консолидированныхъ займовъ тѣхъ-же годовъ. Въ 1756—1766 и въ 1776—1786 годахъ произведено выкуповъ по консолидированному долгу на 1.564.888 ф. ст., но и они сдѣланы лишь на остатки отъ поступлений по заключеннымъ въ тѣ-же периоды консолидированныхъ долгамъ, а въ 1786—1792 годахъ часть выкуповъ консолидированныхъ долговъ въ размѣрѣ 2.015.619 ф. ст. сдѣлана посредствомъ увеличения неотверженного долга.

Такимъ образомъ, дѣйствительныхъ, реальныхъ погашеній государственныхъ долговъ, во весь 105-лѣтній периодъ съ 1688 по 1792 годъ было лишь на 9.265.901 ф. ст. по неотверженному государственному долгу и на 10.810.385 ф. ст. по консолидированнымъ долгамъ, всего же на 20.076.286 ф. ст.¹⁾. Больше-же ихъ не могло быть, потому что избытокъ государственныхъ доходовъ надъ расходами въ мирные

¹⁾ А именно, уменьшились долги въ мирные периоды:

	Неотвержд.	Консолид.	Итого.
1688—1701	2.229.840	—	2.229.840
1714—1739	3.323.497		3.323.497
1750—1755	3.022.898		3.022.898
1767—1775	689.666	6.762.738	7.452.399
1787—1792	—	4.047.652	4.047.652
Итого .	9.265.901	10.810.385	20.076.286

периоды оставлять для погашения не болѣе 20.400.017 ф. ст. Изъ этихъ-же 20.400.017 ф. ст. и употреблены: 323.730 ф. ст. на усиление свободной наличности и 20.076.286 ф. ст. на уменьшеніе государственныхъ долговъ.

Этотъ-же самый результатъ обнаружится намъ и изъ общей картины, которая получается, если свести данныя объ исполненіи 105 бюджетовъ съ 1688 по 1792 годъ. Итоги этой сводки—слѣдующіе:

	Фунт. стерл.	Фунт. стерл.
Состояло въ наличности къ 1688 году	—	80.139
Поступило обыкновенныхъ доходовъ	—	820.019.594
отъ займовъ неотвержден.	407.578.923	
отвержден.	248.831.672	656.410.595
Всего ресурсовъ		1.476.510.328
Расходы обыкновенные	715.076.826	—
" чрезвычайные военные	311.754.470	1.026.831.296
Возвраты по долгамъ неотверженными.	398.359.538	
отверженными	47.166.364	445.525.902
Кассовая наличность къ 1793 году		4.153.129

Въ 105 лѣтъ съ 1688 по 1792 годъ обыкновенные государственные доходы Великобританіи простирались до 820.019.594 ф. ст., а обыкновенные государственные расходы—715.076.826 ф. ст., слѣдовательно, избытокъ доходовъ надъ обыкновенными расходами составлялъ 104.942.768 ф. ст. Сравненіе той-же самой суммы обыкновенныхъ доходовъ съ суммою всѣхъ расходовъ, не только обыкновенныхъ, но и чрезвычайныхъ (тѣхъ и другихъ было 1.026.831.296 ф. ст.) обнаруживаетъ, напротивъ, избытокъ расходовъ на 206.811.702 ф. ст. Въ частности изъ 105 лѣтъ отъ 1688 по 1792 годъ было 66 лѣтъ, въ которые государственные доходы обыкновенные были меньше государственныхъ расходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, за 232.824.408 ф. ст., и 39 лѣтъ, въ которые, напротивъ, обыкновенные государственные доходы превышали всѣ, обыкновенные и чрезвычайные, государственные расходы на 26.012.706 ф. ст. Разность между итогомъ 66 дефицитовъ въ 232.824.408 ф. ст. и итогомъ 39 избытковъ дохода въ 26.012.706 ф. ст. и составляетъ приведенную сумму окончательного недостатка обыкновенныхъ доходовъ въ 206.811.712 ф. ст. Изъ 66 дефицитовъ 56 дефицитовъ на сумму 227.601.601 ф. ст. приходятся на 56 лѣтъ периодовъ войны, въ которые производились крупные чрезвычайные военные расходы (1688—1697, 1702—1713,

1718—1721, 1740—1749, 1756—1766 и 1776—1786 годахъ); остальные 10 приходятся на такие годы мирныхъ периодовъ, когда производились чрезвычайные военные расходы, менѣе значительные и случайные, вслѣдствіе угрожавшихъ усложненій; эти 10 дефицитовъ простирались до 5.222.807 ф. ст. Изъ 39 лѣтъ избытковъ дохода 37 избытковъ на 25.610.838 ф. ст. приходятся на мирные периоды, а 2 избытка на 401.868 ф. ст. приходятся на 2 года военного времени. Приведенный итогъ 56 дефицитовъ военного времени на 227.601.601 ф. ст. приходится на такие периоды, въ которые произведено чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ на 311.754.470 ф. ст. Однако, если не считать этихъ чрезвычайныхъ расходовъ и сравнивать обыкновенные государственные доходы лишь съ обыкновенными-же государственными расходами, то даже въ военные периоды, когда производились чрезвычайные расходы, обыкновенные доходы превышали обыкновенные-же расходы на 84.554.787 ф. ст., а съ присоединеніемъ избытковъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами во время мира, достигавшихъ 22.757.938 ф. ст., получается итогъ всѣхъ избытковъ обыкновенныхъ расходовъ надъ обыкновенными-же расходами, онъ составляетъ 107.812.675 ф. ст. За вычетомъ-же дефицитовъ единственныхъ трехъ мирныхъ лѣтъ, въ которыхъ обыкновенныхъ доходовъ недоставало для обыкновенныхъ расходовъ на 2.369.907 ф. ст., мы получаемъ 104.942.768 ф. ст., на которые въ 1688—1792 годахъ обыкновенные доходы въ размѣрѣ 820.019.594 ф. ст. превышали обыкновенные расходы, достигавшіе 715.076.826 ф. ст.

Причина, по которой избытокъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ военное время значительно больше, чѣмъ въ мирные годы, заключается въ томъ, что въ военные годы увеличеніе обыкновенныхъ расходовъ происходило медленнѣе, при чѣмъ главнѣйшее значеніе имѣть то обстоятельство, что въ военные годы лишь постепенно происходило заключеніе новыхъ государственныхъ долговъ, и, слѣдовательно, лишь постепенно увеличивались платежи по государственнымъ долгамъ, тогда какъ въ мирные годы платежи эти увеличивали собою расходы уже полною своею силой.

Такимъ образомъ, на сколько финансовый результатъ 105 лѣтъ съ 1688 по 1792 годъ зависѣть отъ ординарныхъ ресурсовъ, онъ выразился въ избыткѣ послѣднихъ въ размѣрѣ 104.942.768 ф. ст., которые оставались отъ обыкновенныхъ доходовъ для чрезвычайныхъ расходовъ. Этотъ избытокъ составляетъ почти 13% обыкновенныхъ доходовъ, до 15% обыкновенныхъ расходовъ и почти 34% чрезвы-

чайныхъ расходовъ, достигавшихъ 311.754.470 ф. ст. Фактъ этотъ столь замѣчательнъ, что невольно сосредоточивается на себѣ вниманіе именно потому, что онъ не случайный, какого-либо проходящаго короткаго момента, а общій, характеризующій цѣлое столѣтіе. въ ко торое финансовое управліеніе далеко не отличалось совершенствомъ— повсюду и въ Англіи въ томъ числѣ. Именно въ виду его всего менѣе умѣстно копаться въ вопросѣ, сдѣланы-ли были страною вся усиія для того, чтобы на обыкновенные расходы была возложена та доля тягости чрезвычайныхъ расходовъ, которую они на себя должны были взять, ибо вѣдь все равно для болѣе точнаго опредѣленія той доли чрезвычайныхъ расходовъ, которую обыкновенные рессыорсы способны были на себя взять, мы никакихъ основаній не имѣемъ.— Но какъ ни значительна на дѣлѣ оказалась означенная доля, все-таки оставалась еще болѣе значительная часть чрезвычайныхъ расходовъ, на сумму 206.811.702 ф. ст., которые должны были быть произведены на средства изъ экстраординарныхъ ресссыорсовъ. Сверхъ того кассовая наличность, составлявшая къ 1688 году всего лишь 80.139 ф. ст., къ 1798 году располагала уже суммою въ 4.158.129 ф. ст., съдовательно, для ея усиленія потребовалось 4.072.990 ф. ст., которые должны были доставить экстраординарные ресссыорсы. Всего-же отъ нихъ требовалось 210.884.692 ф. ст. Эта сумма и получается въ на шемъ сводѣ, какъ общий результатъ всѣхъ кредитныхъ операций 105-лѣтняго періода съ 1688 по 1792 годъ. Какъ видно изъ нашего свода по всѣмъ кредитнымъ операциямъ въ 1688—1792 годахъ поступила масса капиталовъ 656.410.594 ф. ст., а возвращено капиталовъ кредиторамъ 445.525.902 ф. ст., съдовательно, поступило болѣе, чѣмъ возвращено, тѣ-же 210.884.692 ф. ст.; въ томъ числѣ произошло отъ консолидованныхъ долговъ 201.665.559 ф. ст., или свыше 95%, и только остальные 9.219.133 ф. ст., или менѣе 5% всей суммы, проистекали отъ неотверженныхъ долговъ, затянувшихся болѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Въ частности этотъ результатъ экстраординарныхъ ресссыорсовъ до стигнуть тѣмъ, что изъ всей суммы поступленій отъ неотверженныхъ долговъ, достигавшихъ 407.578.671 ф. ст., свыше 94%, а именно 381.736.843 ф. ст., какъ выше исчислено, не выходили изъ нормаль ныхъ предѣловъ, будучи лишь временными позаимствованіями. Не отверженные долги вышли изъ своихъ предѣловъ лишь на сумму 25.841.828 ф. ст.. да и изъ нихъ 16.622.695 ф. ст. были обратно

уплачены. вслѣдствіе чего неуплаченныхъ и осталось лишь 9.219.138 фунт. стерл.

Можно считать указанные результаты очень скромными, или на-противъ, можно съ удивленіемъ останавливаться предъ фактъмъ, дѣй-ствительно далеко впередъ выдвигающимъ англійскіе финансы и заклю-чающимися въ томъ, что въ теченіе столѣтія, въ которое во всѣхъ другихъ странахъ финансы еще представляли неустроенный хаосъ, въ Англіи ординарными ресурсами могли быть покрыты не только всѣ обыкновенные расходы почти безъ всякаго дефицита, но еще и треть чрезвычайныхъ расходовъ. Во всякомъ случаѣ приведенные результаты и факты потребовали для своего осуществленія, чтобы отъ учрежденного Робертомъ Вольполемъ въ 1716 году погаситель-наго фонда были отвлечены первоначально ему ассигнованныя суммы въ размѣрѣ 192.020.927 ф. ст. Что-же означаетъ этотъ фактъ?

Очевидно, что задаваясь прекраснымъ намѣреніемъ снабдить погасительный фондъ частью средствъ отъ обыкновенныхъ доходовъ въ размѣрѣ громадной суммы 200.607.110 ф. ст., составлявшую цѣ-лую четверть всего того, что получено было отъ обыкновенныхъ го-сударственныхъ доходовъ за время свыше столѣтія, страна задавалась непосильной задачею. Погасительный фондъ оказывался слишкомъ про-жорливымъ чудовищемъ, паразитомъ на тѣлѣ государственного хозяй-ства, которого тяжесть оно не въ состояніи было вынести. И эта-то тяжесть была облегчена обратнымъ направлениемъ, даннымъ самой значительной части изъ ассигнований погасительному фонду: тѣмъ, что 192.020.927 ф. у него были обратно взяты и израсходованы на болѣе настоятельныя нужды, для которыхъ иначе пришлось бы установить новыхъ налоговъ на 192.020.927 ф. с. Невозможность-же столь значи-тельный увеличенія налоговъ явствуетъ изъ того, что большая его часть пришлась бы на вторую половину XVIII вѣка, когда и безъ того на-логи вдвое возросли. Въ самомъ дѣлѣ, при наростиіи изъ сложныхъ 4% ежегодное ассигнованіе въ 100.000 наростиаетъ чрезъ 20 лѣтъ до 3.096.920 ф. ст., а въ слѣдующія 50 лѣтъ еще на 34.789.287 ф. ст.; слѣдовательно, отъ ежегоднаго ассигнованія 450.000 ф. ст. со слож-ными на него 4% должно было бы образоваться (и слѣдовательно, и по-потребоваться новыхъ налоговъ), чрезъ 20 лѣтъ, 18.936.140 ф. ст.. а въ слѣдующіе 50 лѣтъ еще 156.551.794 ф. ст. Такимъ образомъ итогъ обыкновенныхъ доходовъ первой половины XVIII вѣка (384.841.762 ф.ст.) долженъ быть-бы увеличиться еще хоть на сравнительно скромную сумму 13.986.140 ф. ст., на 4%; но обыкновеннымъ доходамъ второй полу-

виях XVIII в. (всего ихъ въ 1750—1792 годахъ было 485.177.832 ф. ст.), которыхъ и безъ того прибавилось 150.386.070 ф. ст. или 45%, потребовалось бы сверхъ этой суммы еще 156.551.794 ф. ст. или еще 17%. Средний годовой бюджетъ и безъ того съ 700.000 ф. ст. въ 1688—1750 годахъ, возросшій въ 1751—1792 годахъ до 11.400.000, долженъ быть бы дойти до 15.125.000 ф. ст., то-есть, не удвоиться, а утроиться. А между тѣмъ ему и удвоиться было очень трудно, и удвоеніе современникамъ казалось непосильнымъ.

Таковы были аргументы противъ Питтова (Прайсовскаго) погасительного фонда со стороны опыта прошлаго; болѣе сильные аргументы предстояло жизни представить вслѣдствіе войнъ, начавшихся съ 1793 года.

Новый погасительный фондъ по мыслимъ Прейса былъ учрежденъ Питтомъ закономъ 1786 года (26 Geo III c. 31), по которому для завѣдыванія новымъ дѣломъ учреждена комиссія погашенія государственныхъ долговъ. Членами этой комиссіи (по-англійски—„комиссарами“, *commissioners for reduction of the national debt*) состояли: предѣдатель (сникеръ) палаты общинъ, министръ финансовъ (канцлеръ казначейства), товарищъ министра юстиціи (*master of the rolls*), главный бухгалтеръ канцлерской палаты (*court of chancery*) и, наконецъ, управляющій и товарищъ управляющаго Англійскаго Банка. По истечениіи каждой четверти года погасительному фонду должно было отпускаться изъ общихъ фондовъ государственного казначейства по 250.000 ф. ст. (слѣдовательно, 1.000.000 ф. ст. ежегодно); платежи по пожизненнымъ и срочнымъ ануитетамъ по истечениіи срока, на который они первоначально были установлены, должны были продолжаться въ пользу погасительного фонда. Всѣ эти суммы комиссары должны были употреблять на выкупъ государственного долга съ правомъ получать проценты на выкупленные долги на общемъ основаніи, для присоединенія этихъ процентовъ къ средствамъ погасительного фонда. Фондъ предназначался для выкупа состоявшаго тогда безсрочнаго государственного долга въ размѣрѣ 238.231.248 ф. ст. и только по погашеніи этой суммы должна была прекратиться уплата погасительному фонду процентовъ на выкупленные его средствами безсрочные долги.

Прибавимъ, что скорость дѣйствія погасительного фонда, учрежденного въ 1786 году Питтомъ и долженствовавшаго служить для выкупа безсрочнаго долга по биржевымъ цѣнамъ, очевидно, зависѣла какъ отъ его средствъ, такъ и отъ этихъ цѣнъ. Такъ, ежегодныи

отчисленiemъ въ фондъ 1 ф. ст., 100 ф. ст. 3%-%аго безсрочнаго долга погашались: въ 35 лѣтъ при биржевой цѣнѣ 3%-%ой ренты въ 75 за 100; въ 37,218 л. при курсѣ 80; въ 39,024 лѣтъ при курсѣ 85; въ 41,935 лѣтъ при курсѣ 90; въ 46,556 лѣтъ при курсѣ 100 и т. д. Короче: чѣмъ выше биржевой курсъ бессрочной ренты и чѣмъ ниже парицательный по ней доходъ, тѣмъ медленѣе идетъ накопленіе сложныхъ процентовъ и тѣмъ болѣе продолжительное время требуется для погашенія. При курсѣ ренты, соотвѣтствующемъ 4½%, на капиталъ ежегодное отчислениe 1 миллиона дало бы ожидаемые для погашенія 238 миллионовъ въ 40 лѣтъ; при курсахъ, соотвѣтствующихъ 4%, потребовалось бы для того-же уже свыше 59 лѣтъ; при курсахъ, соотвѣтствующихъ 3½%, потребовалось-бы уже тѣхъ-же погасительныхъ ассигнованій въ продолженіе 64 лѣтъ съ лишнимъ, а при курсахъ соотвѣтственно 3% на капиталъ—свыше 70 лѣтъ.

XVI.

Въ предыдущей главѣ мы для полноты обзора присоединили къ даннымъ о разсмотрѣнныхъ періодахъ и данныя о мирномъ періодѣ 1786—1792 годовъ, который еще не были нами разобраны въ частности. Восполняя этотъ пробѣлъ, мы кстати будемъ имѣть случай отмѣтить первые шаги и Питтовскаго погасительного фонда. Періодъ 1786—1792 годовъ былъ временемъ, имѣющимъ выдающееся значеніе какъ въ экономической, такъ и въ финансовой исторіи Англіи. Это—мирная эпоха, въ которой частная предпримчивость съ энергию принялась за примѣненіе великихъ механическихъ открытій, которыя скоро сдѣлали Англію наиболѣатѣшою страною на земномъ шарѣ; въ области-же финансовой Питтъ не менѣе энергично взялся за преобразованіе всѣхъ частей финансового управления, органовъ и порядковъ администраціи, смѣтной части, косвенныхъ налоговъ и т. д. Учрежденіе погасительного фонда составляло одно изъ звеньевъ этой совокупности преобразованій, втягивая въ ихъ кругъ не только государственный долгъ, въ видахъ его уменьшенія, но и публичный кредитъ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Ибо, какъ ни увлекался Питтъ идеями доктора Прейса, отъ его трезваго ума ни ускользнуло то ближайшее дѣйствіе, которое могъ оказывать погасительный фондъ, предоставляемый правительству значительныя средства для выкупа безсрочныхъ долговъ по биржевой цѣнѣ: Питтъ отлично понималъ и не скрывалъ, что скоро-ли, или не скоро, послѣдуетъ уменьшеніе государственного долга, во всякомъ случаѣ погасительный фондъ дастъ пра-

вительству средства, на которых оно будетъ выступать на биржѣ покупателемъ безсрочной ренты и, следовательно, поднимать ея цѣну, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвышать публичный кредитъ. Погасительный фондъ былъ средствомъ, съ помощью котораго правительство пропробѣжало вліяніе на биржу, и это, можетъ быть, коренная причина, по которой впослѣдствіи въ Англіи (и въ другихъ странахъ) различные правительства такъ сильно отставали всякие погасительные фонды.

Хотя исполненіе бюджетовъ въ 1786—1792 годахъ¹⁾ дало весьма благопріятные результаты (обыкновенные доходы въ размѣрѣ 104.028.421 ф. ст. превышали государственные расходы въ суммѣ 99.587.842 ф. ст. и дали избытокъ доходовъ, достигавшій 4.440.579 ф. ст.), но они не въ состояніи были дать столько, сколько надлежало отпустить погасительному фонду, которому причиталось немногого менѣе 8.000.000 ф. ст.²⁾. Слѣдовательно, Питту недоставало около половины тѣхъ суммъ, которая онъ долженъ былъ отпустить погасительному фонду, и уже съ первыхъ же шаговъ фондъ этотъ, предназначенный для уменьшенія государственного долга, не въ состояніи былъ пойти предполагавшимся ходомъ безъ увеличенія того-же долга. Но это, видимо, менѣе беспокоило Питта, чѣмъ вопросъ о способахъ добывать недостававшія для погасительного фонда суммы. Выпустить для этого безсрочную ренту, очевидно, значило разрушать одною рукой то, что имѣлось въ виду создавать другою: понижать эту ренту увелич-

¹⁾

	Доходы.	Расходы.	Избытки доходовъ.
1786—87	16.453.927	15.484.445	968.882
1787—88	16.779.896	16.337.687	441.709
1788—89	16.669.147	16.018.331	650.816
1789—90	17.013.724	16.798.410	215.314
1690—91	18.505.663	17.995.573	510.090
1791—92	18.607.164	16.963.396	1.653.768
	104.028.421	99.587.842	4.440.579

²⁾ Такъ какъ операционный годъ погасительного фонда былъ принятъ отъ 5-го января до 6-го января, тогда какъ сѣмѣтній годъ начинался и оканчивался 6-го октября, то полнаго совпаденія суммъ бюджетныхъ отчетовъ и отчетовъ погасительного фонда не могло быть. Но отчеты погасительного фонда въ него поступило съ его учрежденія до 5-го января 1793 года: причитавшихся ему ассигнованій 6.900.000 ф. ст., процентовъ на выкупленные долги 879.099 ф. ст., срочныхъ аннуитетовъ истекшихъ 197.873 ф. ст. и не востребованныхъ интересовъ по государственному долгу 170.659 ф. ст., итого 8.147.631 ф. ст. Данные бюджетныя приводятся ниже. Въ бюджетныхъ отчетахъ ассигнованій погасительному фонду не входили въ итогъ обыкновенныхъ расходовъ и считались между экстраординарными суммами.

ніемъ предложенія ея, тогда какъ фондъ долженъ быть усиливать спросъ на нее и поднимать ее цѣну. Поэтому Питтъ долженъ быть прежде всего налечь на неотверженный государственный долгъ: за исключениемъ первого года (1786—1787, когда избытокъ доходовъ достигалъ 968.882 ф. ст. и недоставшая до 1.058.505 ф. ст., сльдовавшихъ фонду, небольшая разность могла быть восполнена изъ свободной наличности), во всѣ остальные годы рассматриваемаго периода поступленія по билетамъ казначейства превышали возвраты по нимъ. Этимъ путемъ добыты были 2.315.619 ф. ст., на каковую сумму увеличеніе неотверженного государственного долга въ мирное время, при значительныхъ бюджетныхъ избыткахъ и стараніяхъ усовершенствовать финансовую систему, представляло, конечно, весьма ненормальное явленіе. Но указанной суммы все еще было мало, и Питтъ по необходимости долженъ былъ помышлять объ изысканіи иныхъ способовъ. Въ качествѣ таковыхъ въ 1789 году предпочтеніе было отдано двумъ старомоднымъ операциямъ: продажѣ аннуитетовъ на короткій срокъ и тонтина. Аннуитетовъ (на $18\frac{3}{4}$ лѣтъ) продано на 14.002 ф. ст. за наличный капиталъ въ 187.000 ф. ст. или за 100 ф. ст. аннуитетъ въ 7 ф. 7 ш. 7 п., что соотвѣтствовало около $3\frac{4}{5}\%$ за капиталъ. Тонтина доставила 1.002.140 ф. ст. Обѣ операциіи вмѣстѣ дали 1.189.140 ф., которые съ 2.315.619 ф. ст. отъ увеличенія неотверженного долга составили прибавку въ 3.504.759 ф. ст. къ итогу бюджетныхъ избытокъ, составившихъ, какъ упомянуто выше, 4.440.579 ф. ст. Слѣдовательно, всего ресурсовъ имѣлось уже 7.945.538 ф. ст., изъ коихъ 7.552.411 ф. ст. отпущены были погасительному фонду, а на остальные 392.927 ф. ст. увеличилась свободная наличность государственного казначейства ¹⁾.

¹⁾ Погоднныи данные о 1786—1792 гг. сгруппированы нами въ слѣдующей таблицѣ, итоги коей послужили для изложенного въ текстѣ.

	Билеты казначейства.			Аннуитеты и тонтины.	Отпущеное погасительному фонду.
	Поступление.	Возвраты.	Разности.		
1786—87	9.944.277	10.242.637	298.360	—	1.058.505
1787—88	9.489.504	8.272.268	+1.217.236	—	1.112.945
1788—89	9.899.589	9.196.982	+ 202.607	574.000	1.187.255
1789—90	8.319.458	8.203.220	+ 116.238	615.140	1.207.837
1790—91	10.494.922	9.972.507	+1.102.415		1.255.990
1791—92	8.525.656	8.370.173	+ 155.483		1.729.879
	56.173.406	59.857.787	+2.815.619	1.189.140	7.552.411

XVII.

Начавшійся въ 1793 году періодъ войнъ по величественности вызванныхъ имъ финансовыхъ оборотовъ представляетъ явленіе однокое не только въ англійской, но и во всемирной финансовой исторіи и практикѣ. Въ сравнительно-короткій періодъ 24 лѣтъ, съ 1793 по 1816 г. отъ страны потребовалось столь значительное напряженіе финансовыхъ силъ, что самые увлекающіеся сангвиники считали-бы безумiemъ признать возможность подобного напряженія, прежде чмъ оно стало осуществившимся фактомъ.

Наглядное представление о величинѣ вызванныхъ войнами 1793—1816 гг. финансовыхъ оборотовъ даетъ сравненіе ихъ съ англійскими же данными предшествовавшаго и послѣдующаго времени, а также сравненіе чрезвычайныхъ расходовъ по означеннымъ войнамъ съ наибольшими чрезвычайными расходами въ другихъ странахъ.

Выше были приведены данные о поступленияхъ отъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ ресурсовъ, а также объ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходахъ и возвратѣ капитала по государственнымъ долгамъ въ 105 лѣтъ съ 1688 по 1792 годъ. Эти данные касались только Великобританіи, потому что до 1801 года бюджетъ Ирландіи былъ совершенно независимый. Такъ какъ данные періоды 1793—1816 гг., когда производились и покрывались чрезвычайные расходы по войнамъ 1793—1815 гг.¹⁾, обнимаютъ уже обороты по соединеннымъ бюджетамъ

¹⁾ На основании ежегодныхъ бюджетовъ Ирландіи, помѣщенныхъ въ Return 1869, I, 228—425, 484—489, нами составленъ слѣдующій сводъ, который имѣетъ съ показанными въ подлежащихъ тѣстахъ данными о Великобританіи можетъ служить для контроля приводимыхъ нами въ текстѣ итоговъ.

	1689—1750	1751—1792	1689—1792
Кассовая наличность въ началѣ періода.	21.782	228.597	21.782
Обыкновенные доходы	25.436.149	33.941.083	57.377.232
Поступленія отъ займовъ	683.708	6.066.728	6.700.436
Возвратъ ссудъ .	8.144	21.230	29.874
Пособія изъ Англіи разныя	603.417		603.417
Итого	24.708.200	40.257.638	64.732.241
Всѣ расходы	28.995.784	36.628.452	60.624.236
Уплата капитала долговъ	404.141	3.363.490	3.767.621
Выдано ссудъ .	57.382	46.147	103.509
Незачисленныя суммы	17.316		17.316
Наличность въ концѣ періода.	228.597	219.559	219.559
Итого	24.708.200	40.257.638	64.732.241

Великобританіи и Ирландіи, то для правильности сравненія, необходимо сначала прибавить къ вышеприведеннымъ суммамъ еще Ирландскія суммы. Соединивъ бюджетъ Великобританіи и Ирландіи, мы получаемъ основаніе для слѣдующаго противопоставленія. Въ 105 лѣтъ, съ 1688 по 1792 г. включительно, обыкновенные государственные доходы Великобританіи и Ирландіи составляли 877.396.826 ф. ст.; какъ мы сейчасъ увидимъ, только въ 24 года, съ 1793 по 1816 г.. обыкновенные же доходы Великобританіи и Ирландіи составляли 1.217.556.439 ф. ст., то есть, болѣе на 340.159.613 ф. ст. или почти $\frac{2}{5}$ (39%). Среднегодовая сумма жертвъ, которая въ XVIII столѣтіи требовалась отъ страны въ сравнительно скромномъ размѣрѣ 8.356.160 ф. ст., должна была вдругъ возрасти почти въ шесть разъ и простираясь до 50.731.519 ф. ст. (почти 320 милл. рублей). Обыкновенные и чрезвычайные государственные расходы, составлявшіе въ 1688—1792 годахъ 1.087.155.532 ф. ст., въ 24 года съ 1793 по 1816 г. составили 1.648.508.550 ф., то есть, были больше на 561.353.018 ф. ст. или на половину. слѣдовательно—еще сильнѣе, чѣмъ обыкновенные доходы. И еще болѣе сильное развитіе нарияженія обнаруживаютъ кредитныя операции. Поступленія по нимъ составили въ 1690—1792 годахъ, въ 105-лѣтній періодъ, 660.711.031 ф. ст., а въ 24 года, 1793—1816, они съ минимумомъ удвоились и достигли 1.336.912.258 ф. ст. Возвраты капиталовъ по краткосрочнымъ и долгосрочнымъ заемамъ, простиравшіеся въ 1690—1792 годахъ до 447.593.218 ф. ст., въ 1793—1816 гг. тоже почти удвоились и составляли 885.174.296 ф. ст.—При этихъ сравненіяхъ не принято во вниманіе то обстоятельство, что въ 1797—1819 годахъ въ Англіи обращались неразмѣнныя на звонкую монету кредитные денежные знаки, съ 1801 года обращавшіеся ниже нарицательной своей цѣны, въ послѣдующее время въ различной степени въ разные годы, но иногда довольно сильно: въ 1801—1802 гг. лишь на 5%, въ 1803—1807 годахъ уже на 10%, въ 1808—1813 годахъ на 30%, а въ 1814—1816 годахъ на 15%. Это, конечно, должно было искусственно приподнять суммы 1801—1816 годовъ, но если даже сдѣлать съ нихъ соразмѣрныя скидки, то все таки суммы короткаго періода 1793—1816 годовъ все еще въ много значительнѣе суммъ предшествовавшаго продолжительнаго 105-лѣтнаго періода. А именно они составляли, по расчету на звонкую монету, въ фунтахъ стерлингъ:

	въ 1688—1792 гг.	въ 1793—1816 гг.
Обыкновенные доходы.	877.396.826	1.044.423.519
Поступлениа отъ займовъ и въ возвратъ ссудъ.	660.711.031	1.128.205.965
Итого поступлений	1.538.107.857	2.172.629.484
Обыкновенные и чрезвычайные расходы	1.087.155.532	1.406.289.242
Возвраты по займы и выдача ссудъ.	447.593.218	757.900.702
Итого выдачи	1.534.748.750	2.164.189.944

Еще болѣе возбуждаютъ удивление данные о чрезвычайныхъ военныхъ расходахъ 1793—1816 годовъ. Они достигли нарицательной суммы 820.671.744 ф. ст. ¹⁾ (5.170.861.990 рублей); если принять во вниманіе упомянутый выше упадокъ цѣнности обращавшихся тогда въ Англія кредитныхъ денежныхъ знаковъ, то чрезвычайные расходы 1793—1816 гг. простирались до 694.524.536 ф. ст. (4.375.504.577 металлическихъ рублей). А до какой степени эти суммы значительны, можно судить по тому, что чрезвычайные расходы по всѣмъ войнамъ, которая Англія вела до 1793 и послѣ 1815 года (считая съ 1688 по 1890 годы), вмѣстѣ всѣ достигали лишь 460.599.768 ф. ст., то есть, были менѣе стоимости войнъ 1793—1815 гг. (даже если она выражается въ звонкой монетѣ) на 233.924.768, или на 50% ихъ собственной стоимости. Или, иначе еще это выражая: изъ всей суммы, издержанной въ Англіи на чрезвычайные расходы по войнамъ въ размѣрѣ 1.155.124.304 ф. (7.277.288.000 металлическихъ рублей), почти двѣ трети (свыше 60%) израсходованы на одни лишь войны 1793—1815 годовъ.—Если сравнить эту стоимость съ двумя наизнаночнѣйшими приимѣрами чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ въ другихъ странахъ, то и это сравненіе тоже необыкновенно высоко приподнимаетъ приведенные англійскія данныя. Внѣ Англіи самые выдающіеся примѣры

¹⁾ Return 1869, II р. 708, неправильно вычисляетъ стоимость войнъ 1793—1816, включая безъ основанія въ расчетъ и 1817 г., который ib. р. 709 при общей суммѣ не допускается. Сверхъ того реале establishment оказывается 6.294.267 ф. ст. или 35.258 ф. ст. больше, чѣмъ считаетъ Return (израсходовано на войско и флотъ въ 1790—1792 гг. въ Великобританіи 16.980.506 и въ Ирландіи 1.902.295, или всего 18.882.801 ф. ст.). Эти неточности поставили насъ въ необходимость передѣлать расчетъ заново, что и привело къ показанной въ текстѣ суммѣ. Wilson, The national budget, Lond. 1882, pp. 45—46, тоже даетъ неправильную цифру стоимости войнъ 1793—1816 гг., потому что онъ совершенно невѣрно исключаетъ изъ расчета не только 1817 годъ, но и 1816 г.; кроме того онъ исходитъ изъ очень низкой цифры реале establishment въ 5.142.000 для Великобританіи и 603.000 для Ирландіи, хотя уже въ 1790—1792 гг. военно-морские расходы были 6.294.000 ф. ст.

чрезвычайныхъ по войнамъ расходовъ представились: въ началѣ 1860-хъ годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки во время войны за отѣбѣту невольничества и въ началѣ 1870-хъ годовъ во Франціи вслѣдствіе войны съ Германіею. Чрезвычайные расходы Соединенныхъ Штатовъ простирались до 2.928.960.000 руб. металл., а чрезвычайные расходы Франціи (со включеніемъ уплаченной Германіи контрибуціи въ пять миллиардовъ франковъ) составили 2.172.066.600 металл. рублей. Такимъ образомъ, каждая изъ этихъ двухъ странъ израсходовала значительно менѣе, чѣмъ Англія на войны 1793—1815 гг.: а именно стоимость этихъ англійскихъ войнъ была лишь на 15% менѣе соединенной суммы расходовъ Соединенныхъ Штатовъ и Франціи.

Какъ всегда бываетъ въ бумажноденежныхъ странахъ, и въ Англії въ рассматриваемую эпоху суммы выражались на ходячія деньги безъ вниманія къ тому, что звонкая монета исчезла изъ обращенія и пользовалась ложемъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы поэтому должны будемъ исходить изъ суммы чрезвычайныхъ расходовъ по войнамъ 1793—1815 гг. въ 820.671.744 ф. ст. Для соображенія цѣнности на звонкую монету достаточно будетъ имѣть въ виду, что приподанныя суммы для перечисленія на звонкую монету должны быть уменьшены въ общей сложности для всего 24-лѣтняго периода, приблизительно, на 15%.

Какъ ни малопродолжителенъ былъ періодъ, въ который долженъ быть произведенъ значительный чрезвычайный расходъ въ 820.671.744 ф. по войнамъ въ 1793—1815 гг., необходимость его обнаружилась не сразу, а постепенно, хотя и сильными скачками. Средняя годовая сумма чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ составляла: въ первое пятилѣтіе періода (въ 1793—1797 годахъ) немного менѣе 20.000.000 ф., въ слѣдующее пятилѣтіе уже почти по 28.000.000 ф., въ третье пятилѣтіе по 30.500.000 ф. ст., въ четвертое пятилѣтіе почти по 45.000.000 ф. и, наконецъ, въ послѣдніе четыре года свыше 51.500.000 ф. ст. Такимъ образомъ, чрезвычайные расходы въ послѣднюю часть періода были почти въ два съ половиною раза значительнѣе, чѣмъ въ началѣ его. Но какъ они еще ни были сравнительно невелики въ началѣ, вновѣ они тогда производили гораздо болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ когда страна, свыкнувшись съ необходимостию великихъ жертвъ, усвоила себѣ и способность быстро проявлять большую силу для ихъ несения. Поэтому въ 1793—1797 годахъ изысканіе ресурсовъ для покрытия ежегоднаго чрезвычайного расхода въ 20.000.000 ф. ст. казалось необыкновенно трудною задачею, хотя во

главѣ финансового управления тогда стоялъ Уильямъ Питтъ, уже предъ этимъ показавшій, что въ его лицѣ Англія имѣла одного изъ самыхъ замѣчательныхъ министровъ финансовъ. А до какой степени были велики затрудненія, встрѣченныя Питтомъ, когда онъ долженъ былъ дѣлать первые шаги для разрѣшенія поставленной ему крупной задачи, достаточно характеризуется фактомъ, что первую же часть периода, пятилѣтіе 1793—1797 г., пришлось окончить при печальной необходимости простояніи въ февралѣ 1797 г. обмѣнъ кредитныхъ билетовъ Англійскаго Банка на звонкую монету.

XVIII.

Собственно на попеченіи Питта лежало изысканіе ресурсовъ для покрытия той части чрезвычайныхъ расходовъ, которая была связана съ революціонными войнами 1793—1802 годовъ, закончившимися Аміенскимъ миромъ. Стоимость этихъ войнъ (то-есть, связанные съ ними чрезвычайные расходы) составляла 238.057.828 ф. ст. Питтъ приступилъ къ задачѣ по изысканію средствъ для экстраординарныхъ расходовъ съ убѣждениемъ, что только кредитъ въ состояніи ихъ дать. и поэтому вначалѣ всѣ его заботы сосредочивались лишь на томъ, чтобы обеспечить успѣхъ предпринимаемыхъ кредитныхъ операций. Въ этихъ видахъ онъ, впервыхъ, усилилъ погасительный фондъ и, вовторыхъ, добиваясь лишь наивыгоднѣйшихъ предложенийъ отъ банкировъ по условіямъ реализаціи займовъ, онъ соглашался давать имъ ту государственно-долговую бумагу, на которую банкиры указывали, какъ на наиболѣе удобную для наискорѣйшаго ея сбыта и размѣщенія въ публикѣ; этою бумагою была 3% рента. Въ мысли—посредствомъ усиленія погасительного фонда содѣйствовать подъему и прочности государственного кредита, Питтъ въ 1793 г. добился отъ парламента согласія на учрежденіе, сверхъ погасительного фонда въ составѣ прежнихъ его средствъ (которыя должны были служить для погашенія долговъ, заключенныхъ до 1793 г.), еще нового фонда, прямо предназначеннаго для погашенія въ определенное время, около 45 лѣтъ, новыхъ займовъ, которые оказались бы необходимыми съ 1793 г. Въ этихъ видахъ закономъ 1793 г. (32 G. III с. 55) новому фонду ассигновывались: ежегодно 1%, со всѣхъ заключаемыхъ займовъ, все равно рентою или срочными платежами, съ интересами по выкупленнымъ долгамъ впередъ до нарастанія ихъ до 4.000.000 ф. ст.; сверхъ того фонду были добавочно ассигнованы ежегодные 200.000 ф. ст. на все

время дѣйствія фонда и еще 200.000 ф. с. до 1802 года. Въ 1798 году Питтъ отошелъ оть своей мысли покрывать только займами чрезвычайные военные расходы. И достойно вниманія, что представляя объ этомъ парламенту и доказывая ему, что часть чрезвычайныхъ расходовъ должна быть, безъ перемѣщенія на будущія поколѣнія, немедленно покрыта налогами, собранными въ томъ-же году, когда расходы производятся (*to raise the supplies within the year*). Питтъ и по собственному убѣждѣнію, и по убѣждѣнію его современниковъ, даже враждебно къ нему настроенныхъ, относился, какъ первоначальный авторъ, къ этой будто-бы совершенно новой мысли, еще никѣмъ-де не высказанной и никѣмъ-же не испытанной. Одно должно дѣйствительно признать: что весьма несправедливо поступали критики Питта, когда, осуждая его за увлечение займами, они упрекали его за пренебреженіе къ налогамъ, какъ къ способу покрытия чрезвычайныхъ расходовъ. Справедливость требуетъ признать, что этотъ упрекъ неумѣстенъ: Питтъ не ожидалъ и въ свое время не получиль ни отъ кого указанія на односторонность увлечения займами и необходимость налоговъ для чрезвычайныхъ расходовъ. Питтъ дошелъ до этого собственнымъ размышленіемъ и опытомъ, и именно ему, а не кому-либо иному, практика и наука обязаны тѣмъ, что включение налоговъ въ число источниковъ для покрытия чрезвычайныхъ расходовъ было сдѣлано предметомъ сознательно поставленной, строго-обдуманной, практической и теоретической, финансовой задачи. Любопытно, конечно, что какъ разъ въ Англіи, которой принадлежитъ заслуга постановки санкционированной задачи, она прошла чрезъ два фазиса. Одинъ фазисъ, который можно назвать полусознательнымъ, обнимаетъ первую половину XVIII вѣка, когда изъ суммы чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ въ 131.531.236 ф. ст. обыкновенные доходы (то-есть, налоги) дали средства для покрытия 62.935.947 ф. ст. или почти половину (48%); въ это время добивались лишь, чтобы дефициты были возможно меньше, и для этого — чтобы страна платила возможно больше налоговъ, а косвенные по-следствіемъ этого и явилось, что значительная часть чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ была покрыта обычными доходами. Но вслѣдствіе того, что не было вполнѣ сознательной постановки задачи, о ней забыли во второй половинѣ XVIII вѣка, когда изъ чрезвычайныхъ расходовъ по участку Англіи въ войнахъ семилѣтней и за независимость Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, въ совокупности на 180.223.234 ф. обычными доходами было покрыто лишь 42.006.821 ф. или лишь немногого болѣе 23%. Оттого Питту пришлось идти со-

вершенно самостоятельнымъ путемъ и формулированная имъ постановка финансовой задачи покрытия видной части чрезвычайныхъ расходовъ обыкновенными ресурсами должна быть признана его личною заслугою предъ финансовою практикою и финансовою наукою.

Отмѣтимъ при этомъ, что мотивы, коими руководствовался Питтъ, когда онъ выступалъ въ 1798 году передъ парламентомъ съ своею новою задачею, существование отличались отъ мотивовъ, которыми впослѣдствіи руководствовались критиковавшіе его дѣйствія и его несправедливо упрекавшіе за то, о чёмъ онъ раньше ихъ подумалъ и постарался. И должно прибавить, что мотивы Питта были гораздо болѣе разумны и основательны, чѣмъ разсужденія его критиковъ. А именно, Питтъ полагалъ, что когда чрезвычайные расходы очень велики, то, впервыхъ, справедливость требуетъ, чтобы ихъ тяжесть не всецѣло была перемѣщена на будущее, а чтобы нѣкоторую ихъ часть взяло на себя и настояще. Вторыхъ, онъ руководился опытомъ, что когда чрезвычайные расходы всецѣло производятся посредствомъ займовъ, то эти займы приходится заключать на менѣе выгодныхъ условіяхъ и этимъ еще увеличивать тяжесть, перемѣщаемую на будущія поколѣнія. Кредитоспособность государства прежде всего опредѣляется значительностью его обыкновенныхъ доходовъ, и поэтому займы заключаются на условіяхъ, тѣмъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ болѣе велики налоговые ресурсы правительства; но чѣмъ значительнѣе налоговые ресурсы, тѣмъ менѣе нужно займовъ. Слѣдовательно, обилие налоговыхъ ресурсовъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ улучшаетъ положеніе государственного кредита. Въ противоположность этимъ аргументамъ, коренящимся главнымъ образомъ въ охранѣ публичнаго кредита, какъ финансового ресурса, отъ хищнической его эксплуатации и отъ угрожающей ему при такой эксплуатации быстрого иссяканія,—критики, осуждавшіе Питта, исходили изъ парадоксальныхъ мнѣній, что чѣмъ больше страна должна платить налоговъ, тѣмъ менѣе она склонна пускаться въ политическія предприятия, связанныя съ очень значительными чрезвычайными расходами (что совершило противорѣчить историческому опыту), или тѣмъ сильнѣе необходимость очень высокихъ налоговъ стимулируетъ производство богатствъ. Въ дополненіе же къ этимъ недоказаннымъ и едва-ли удободоказуемымъ соображеніямъ приводился статистический расчетъ, который долженъ былъ совершило наглядно показать, что образъ дѣйствий Питта повелъ лишь къ увеличенію государственного долга „внѣ всякихъ разумныхъ предѣловъ“ (*beyond all reasonable bounds*).

Расчетъ былъ слѣдующій ¹⁾. Въ 1793—1816 годахъ собственно расходы гражданскіе и военные, обыкновенные и чрезвычайные, достигали 1.059.658.211 ф. ст.; для платежей-же по долгамъ, заключеннымъ до 1793 года, требовалось лишь 235.446.724 ф. ст. Слѣдовательно, еслибы въ 1792—1816 гг. никакихъ новыхъ долговъ не было заключено, то всѣ государственные расходы, обыкновенные и чрезвычайные, достигали бы 1.295.104.935 ф. ст. А такъ какъ въ тѣ же годы обыкновенные государственные доходы достигали 1.143.777.929 ф. ст., то дефицитъ составилъ бы 151.327.007 ф. ст., или лишь немного болѣе 13%, обыкновенныхъ доходовъ. Неразуміе-же, допущенное тѣмъ, что налоги не были своевременно возвыщены на эти 13%, еще болѣе рѣзко бросается въ глаза, если сдѣлать приведенный расчетъ отдельно для каждой изъ частей всего периода, для времени революціонныхъ войнъ (1793—1802) и для времени наполеоновскихъ войнъ (1803 — 1815). Въ 1793—1802 годахъ гражданскіе и военные расходы, обыкновенные и чрезвычайные, составляли 309.660.424 ф. ст.. а платежи по государственнымъ долгамъ, заключеннымъ до 1793 года, требовали 96.165.871 ф. с., или тѣ и другіе расходы—405.826.295 ф. ст., обыкновенные-же доходы въ то же время составили лишь 248.659.321 ф. ст., слѣдовательно, дефициты доходили до 157.166.974 ф. ст. Совершенно иное обнаруживается періодомъ наполеоновскихъ войнъ 1803 — 1817 годовъ. Расходы гражданскаго управления и военные, обыкновенные и чрезвычайные, простирались до 749.997.788 ф. ст., платежи по долгамъ, заключеннымъ до 1793 года, потребовали бы 139.280.852 ф. ст., поэтому всѣ расходы были бы 889.278.640 ф. ст., обыкновенные доходы-же въ то же время достигали 895.118.608, то-есть, они превышали расходы на 5.839.968 ф. ст. Такимъ образомъ, для періода 1803—1817 годовъ, когда собственно производилась наизначительнейшая часть расходовъ по войнамъ съ Франціею, *никакихъ новыхъ долговъ совсѣма не требовалось*. Если-же на самомъ дѣлѣ и въ это время не только не было излишка доходовъ надъ расходами, но были значительные дефициты, для покрытия коихъ прибѣгали къ займамъ, то единственной причиной этого, будто-бы, было лишь то, что въ десятилѣтіе 1793—1802 гг. не были своевременно установлены налоги для покрытия дефицитовъ этой эпохи на сумму 157.166.974 ф. ст.. вслѣдствіе чего сумма эта была занята, при томъ занятая на тяжелыхъ

¹⁾ Приводимыя въ этомъ расчетѣ суммы не совсѣмъ точны и нынѣ имѣются исправленными, но это въ данномъ случаѣ несущественно.

условіяхъ, платежи же за занятія суммы, возрастая подобно лавинѣ, создавали и увеличивали дефициты уже и въ 1802—1816 годахъ, а потому вели къ новымъ долгамъ. Такимъ-то образомъ въ 1793—1817 гг. пришли къ необходимости занять значительную сумму 429.641.507 ф. ст. хотя собственно во всѣ означеніе годы, вмѣстѣ взятые, дѣйствительные расходы были большие доходовъ лишь на 151.327.007 ф. ст. (составляющими разность между итогомъ дефицитовъ периода 1797—1803 гг. всего на 157.166.974 ф. ст. и превышениемъ доходовъ надъ расходами въ 1803—1815 годахъ на 5.839.968 ф. ст.). Слѣдовательно, занято было больше, чѣмъ было дѣйствительно нужно для реальныхъ, а не искусственно вызванныхъ долгами же расходовъ, на 278.314.500 ф. ст. Критики Питта, однако, снисходительно готовы были допустить, что не всѣ эти 278.314.500 ф. ст. были абсолютно потеряны и растратены, но на весьма своеобразномъ основаніи. Хотя, говорить одинъ изъ критиковъ Питта, система займовъ споспѣшествовала излишству и растратамъ, но она не такъ уже дурна: „тѣмъ, что страну не принуждали платить налоги для немедленного покрытия дефицитовъ, страна-же сохранила у себя соразмѣрныя суммы со сложными процентами на нихъ“ Всѣхъ дефицитовъ въ 1793—1816 годахъ было 195.870.642 ф. ст., и эту сумму со сложными на нее 5% за все время до 1817 года, всего въ размѣрѣ 435.881.999 ф. ст. цитируемый писатель признаетъ выигрышемъ налоговыхъ плательщиковъ; съ другой стороны, однако, въ 1793—1817 годахъ было 9 лѣть, когда государственные доходы превышали расходы на 44.543.635 ф. ст.. и эта сумма со сложными на нее 5%, за подлежащее время, составляющая 57.930.485 ф. ст., признается прямою потерей страны; вычитывая-же потерю изъ выигрыша, получаемъ 377.951.514 ф. ст., какъ выражаютъ ту сумму, которую страна выгадала отъ того, что отъ нея не требовали налоговъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны—вслѣдствіе того, что своевременно не было установлено новыхъ налоговъ на 151.327.000 ф. ст., страна напрасно себя обременила тяжелымъ долгомъ въ 429.641.507 ф. ст.; съ другой же стороны—именно благодаря тому, что означеніе налоги не были установлены и страна у себя оставила соразмѣрныя суммы, она имѣла въ своемъ распоряженіи 377.951.514 ф. ст. Но заключенный долгъ все-таки больше этой послѣдней суммы, а именно на 51.689.993 ф. ст. И вотъ эти-то 51.689.993 ф. ст. (325.650.000 рублей) объявляются уже бесспорною, точнымъ вычисленіемъ опредѣляющеюся, потерю, которую Англія понесла отъ „системы займовъ“ ¹⁾.

¹⁾ *Mac Culloch, Taxation and funding pp. 435—440.*

Не трудно усмотреть несостоительность этихъ разсужденій. Совершенно бесплодно ихъ усложненіе вычисленими выгоды, якобы извлекаемыхъ страною отъ неустановленія налоговъ въ надлежащее время. Что эти „выгоды“ существуютъ лишь въ воображеніи, ясно уже изъ ихъ зависимости отъ того, какъ велика цифра долговъ, съ которыми выгоды сравниваются. Только потому, что цифра выгодъ въ 377.951.514 ф. ст. противопоставляется цифре долговъ въ 429.641.507 ф. ст., въ результатѣ опредѣляется потеря для страны въ 51.689.993 ф. ст. Но еслибы долговъ оказалось лишь на тѣ-же 151.327.007 ф. ст., на которые налоги небыли установлены въ надлежащее время, то, противопоставляя этой цифре долговъ свою цифру выгодъ въ 377.951.514 ф. ст., авторъ долженъ бы признать, что такъ какъ послѣдняя цифра больше первой на 226.624.507 ф. ст.. то страна получила на эту громадную сумму 226.624.507 ф. ст. ($1.427\frac{3}{4}$ милиа. руб.) выгодъ отъ неустановленія въ свое время налоговъ на 151.327.007 ф. ст.: операция, очевидно, великодѣльная, потому что на каждый фунтъ стерлингъ неустановленныхъ налоговъ получается почти полтора фунта стерлинга (150%) выгодъ; на чёмъ-же держались-бы въ такомъ случаѣ осужденія Питта? Или, еслибы долговъ оказалось даже съ лишнимъ вдвое противъ цифры неустановленныхъ въ свое время налоговъ, но, напримѣрь, не больше 326.261.521 ф. ст., то, сравнивая эту цифру долговъ со своею цифрой выгодъ въ 377.951.514 ф. ст. и найдя, что эта послѣдняя цифра больше на 51.689.993 ф. ст., авторъ долженъ былъ бы закончить свои разсужденія, направленныя противъ Питта, констатированіемъ выгоды въ 51.689.993 ф. ст., полученной страною отъ порицаемыхъ дѣйствій Питта. Такимъ образомъ, вздорность разсужденій не видна была ихъ автору лишь по случайной причинѣ, что цифра долговъ оказалась въ 429.641.507 ф. ст. И эта причина дѣйствительно лишь случайная: ниже намъ придется показать, что цифра долговъ въ рассматриваемую эпоху зависѣла отъ махинацій и оборотовъ за счетъ погасительного фонда и никакого отношенія не имѣла къ тому, сколько налоговъ слѣдовало бы установить для покрытия всѣхъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ. Но помимо случайности счета ¹⁾ и по существу дѣла нетрудно усмо-

¹⁾) *Newmarch*, On Loans, p. 281, показываетъ, что Макъ-Коллохъ получилъ свой результатъ, только благодаря тому, что онъ производилъ расчетъ изъ 5%, но еслибы, принимая основаніемъ показаніе парламентской комиссіи 1822 года о лихѣѣ, что въ военную эпоху деньги стоили 6%, произвести тотъ-же расчетъ изъ 6%, то получается противоположный Макъ-Коллоховскому результатъ: выгода отъ неустановленія налоговъ 446.600.000, то-есть, больше чѣмъ страна получала отъ заключенія займовъ на 429.600.000 ф. ст. на 17.000 000 ф. ст.

трѣть, что приведенный авторъ напрасно потерялъ время на вычисление существовавшихъ лишь въ его воображеніи выгодъ и потерю отъ неустановленныхъ и установленныхъ налоговъ. Когда идеть рѣчь о произведенномъ для войны чрезвычайномъ расходѣ, то вопросъ о томъ, *выгоды-ли* было производить его изъ налоговъ или заемовъ, имѣть не болѣе интереса для страны, чѣмъ сколько для курицы имѣть интереса вопросъ, *выгоды-ли* ей быть зарѣзанною для того, чтобы быть зажареною, или развареною. Это совершенно безразлично. Если расходъ произведенъ заемомъ, то страна сберегла равную сумму налоговъ съ процентами на нихъ; а если расходъ произведенъ изъ налоговъ, то страна „сберегла“ капиталъ займа, у нея же взятый со всѣми, какими угодно, простыми или сложными процентами на этотъ капиталъ. Если въ 1793—1816 годахъ было дефицитовъ на 195.870.642 ф. ст., то неосновательно усматривать въ неустановленіи налоговъ на эту сумму воображаемую выгоду и вычислять проценты на эту выгоду, потому что вѣдь расходъ на эти 195.870.642 ф. ст. все-таки былъ произведенъ, и для его производства у страны были взяты средства на эти-же 195.870.642 ф. ст. Если средства не взяты налогами, то взяты заемами и страна уже ими не могла пользоваться, а потеряла ихъ, со всѣми процентами на нихъ. И обратно, если въ томъ-же періодѣ было девять лѣтъ, когда государственные доходы были больше расходовъ на 44.543.635 ф. ст., то эта сумма съ процентами на нее не представляетъ потери для страны, потому что этими 44.543.635 ф. ст. вѣдь покрыта равная сумма произведенныхъ расходовъ, и еслибы расходы ею не были покрыты, пришлось бы добыть посредствомъ займа тѣ-же 44.543.635 ф. ст., которые, благодаря превышению доходовъ надъ расходами, страна могла оставить у себя, со всѣми процентами на нихъ.

Такимъ образомъ, на сколько дѣло касается общихъ соображеній, вопросъ о томъ, ввелъ-ли Питтъ Англію въ убытокъ тѣмъ, что онъ сдѣданъ *системѣ заемовъ* и своевременно не установилъ достаточно налоговъ для всѣхъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, рѣшается довольно просто: общія соображенія въ этомъ вопросѣ не при чемъ. Мы стоимъ въ этомъ случаѣ не предъ вопросомъ о принципѣ, а предъ вопросомъ о факѣ: могли-ли быть установлены налоги ранѣе, чѣмъ о нихъ подумалъ Питтъ, и въ большей мѣрѣ, чѣмъ онъ ихъ установилъ? Но этому вопросу порицатели Питта не даютъ никакихъ указаний и этимъ сами осуждаются, какъ не основательныя, свои порицанія. Тѣ-же, которые дали себѣ трудъ болѣе близко изслѣ-

доватъ, представлялась ли возможность въ первое время военной эпохи, уже въ 1793—1797 годахъ. приступить къ очень значительному воз-
вышению налоговъ, пришли къ заключенію, что именно въ это пяти-
лѣтіе, вслѣдствіе исключительно неблагопріятнаго стечения обстоя-
тельствъ, установление новыхъ налоговъ, особенно на значительныя
суммы, было рѣшительно невозможно¹⁾). Эпоха войнъ революціонныхъ
и наполеоновскихъ началась въ 1793 году какъ разъ во время одного
изъ самыхъ тяжкихъ острыхъ кризисовъ. когда-либо разразившихъ
надъ торгово-промышленную жизнь Англіи, когда многие богатые
люди потеряли состояніе, имѣвшее 'вѣковую' известность, и массы
средняго достатка людей впали въ нищенство. Нужно было время,
чтобъ оправиться отъ этого удара. Съ 1793 же года начинается и
время сильной хлѣбной дороговизны: въ 1793—1794 (сельско-хоз-
яйственному) году четверть пищеницы стоила въ Англіи 15 рублей
металла, въ 1794—1795 году болѣе 19 руб., въ слѣдующіе три
года она нѣсколько понизилась до 12 руб., но въ 1799—1800 году
поднялась до 24 руб., а въ 1800—1801 году дошла до 30 руб.
При такихъ условіяхъ естественно, конечно, что обыкновенные госу-
дарственные доходы, которыхъ въ пятилѣтіе 1793—1797 годовъ
среднимъ числомъ ежегодно поступало по 20.936.294 ф. ст., лишь на
ничтожную разность (около 800.000 ф. ст.) возвысились противъ
предшедшаго пятилѣтія, когда они составляли ежегодно 20.137.759
ф. ст. И скорѣе надобно удивляться, что когда Питтъ съ 1798 года
приступилъ къ поднятію обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ,
то это сказалось на пятилѣтіи 1798—1802 годовъ возвышениемъ
среднегодовой суммы доходовъ на 80%, до 37.521.926 ф. ст. Этого
не было достаточно для покрытия всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ;
но это, впервыхъ, было то, что страна была въ силахъ дать, и мы
не имѣмъ основанія для мнѣнія, что она въ силахъ была болѣе дать;
ввторыхъ, положеннаго начала оказалось достаточно для того, чтобы
продолженіе его дало по истинѣ блестящіе плоды въ слѣдующіе три
пятилѣтія. И, наконецъ, если мѣры, принятые съ 1798 года не сей-
часъ-же дали болѣе для покрытия чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ,
то это было потому, что кромѣ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ
и всѣ прочіе государственные расходы тогда очень сильно возросли.
Въ мирное пятилѣтіе 1788—1792 годъ, предшествовавшее войнѣ, всѣ

¹⁾ W. Newmarch, On loans raised by Pitt in 1793—1801 Journ. of London Stat. soc. XVIII, р.р. 128—125, 108—110 и др.

государственные расходы составляли въ пять лѣтъ 90.777.727 ф. ст.; напротивъ, въ первое пятилѣтие военного времени, въ 1793—1797 годахъ, они потребовали уже 202.017.873 ф. ст., въ томъ числѣ чрезвычайные военные 98.614.932 ф. ст., а остальные 103.402.941 ф. ст. Обыкновенныхъ доходовъ въ 1793—1797 годахъ поступило 104.681.372 (противъ 100.688.797 ф. ст. въ предшествующее пятилѣтие) и, следовательно, за производствомъ прочихъ расходовъ оставалось для чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ 1.278.481 ф. ст. Въ слѣдующемъ же затѣмъ пятилѣтие 1798—1802 годовъ, всѣ расходы достигали уже 295.052.373 ф. ст., въ томъ числѣ чрезвычайные военные 139.442.806 ф. ст., а прочіе, тоже очень сильно поднявшись, дошли до 155.609.477 ф. ст. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что въ составѣ этой суммы прочихъ расходовъ тоже содержатся значительные чрезвычайные, связанные съ войною: это видно изъ увеличенія суммы „прочихъ“ расходовъ въ 1798—1802 годахъ, противъ 1793—1797 годахъ на 52.206.536 ф. ст., а противъ всѣхъ расходовъ мирного пятилѣтия 1788—1792 годъ даже на 64.831.750 ф. ст. Эта категорія расходовъ сполна была покрыта обыкновенными доходами, а такъ какъ ихъ поступило въ пятилѣтие 1798—1802 годовъ уже 187.609.629 ф. ст., то еще оставалось для чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ 32.000.152 фунт. стерл.

Общий результатъ для всей первой части военной эпохи, для периода 1793—1802 гг., закончившагося Аміенскимъ миромъ¹⁾, выражается, прежде всего, въ слѣдующемъ соотношеніи между государственными доходами и расходами:

¹⁾ Слѣдующія затѣмъ таблицы погодныхъ данныхъ за 1793—1802 гг., помѣщенные въ текстѣ, составлены нами посредствомъ соединенія бюджетовъ Великобританіи съ бюджетами Ирландіи за время до 1801 года и посредствомъ такого же соединенія получены приведенные выше сравнительныя данныя за пятилѣтие передъ 1793 г. Съ 1760 до 1799 гг. бюджетный годъ начинался и оканчивался 10-го октября. Съ 1800 года началомъ и концомъ бюджетнаго года было уже 5-е января; поэтому, за время отъ 10-го октября 1799 до 5-го ноября 1800 или за послѣднюю четверть 1799 г. представленъ былъ отдельный отчетъ. Ирландіи только съ 1793 г. начала участвовать въ чрезвычайныхъ военныхъ расходахъ, и оттого съ 1793 г. ея бюджетъ и финансовые обороты получаютъ значение рядомъ съ бюджетомъ Великобританіи. Сводные бюджеты начиная составлены за время съ 1793 по 1800 г., такъ какъ съ 1801 г. имѣются уже официально составленные сводные бюджеты Великобританіи и Ирландіи, а послѣ 1815 г. отдельные бюджеты Ирландіи совсѣмъ прекратились.

Смѣтные періоды	Доходы.	Расходы.	Дефициты.
1792—93	19,310,215	21,203,397	1,893,182
1793—94	20,207,457	31,214,978	11,007,521
1794—95	20,604,980	41,798,591	21,198,611
1795—96	21,094,244	45,473,538	24,379,289
1796—97	23,464,476	62,327,374	38,862,898
1797—98	29,091,219	52,795,167	23,708,948
1798—99	34,800,842	54,035,068	19,234,216
1/4 1799	9,674,033	12,382,911	2,708,878
1800	33,789,437	55,616,598	21,827,161
1801	39,086,074	65,451,765	26,365,691
1802	41,168,024	54,770,874	13,602,850
	292,291,001	497,070,246	204,779,245

Въ составѣ итога расходовъ было: обыкновенныхъ на 259,012,418 ф. ст. и чрезвычайныхъ военныхъ на 238,057,828 ф. ст. (въ томъ числѣ субсидій разныиъ нѣмецкимъ правительствамъ 9,726,644 ф. ст.). Сравнивая обыкновенные доходы съ обыкновенными же расходами, мы замѣчаемъ избытокъ первыхъ въ 33,278,583 ф. ст., каковой избытокъ и представляетъ долю чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, которую въ 1793—1802 гг. было возможно отнести на обыкновенные ресурсы. За этимъ отнесеніемъ оставалось изъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ еще 204,779,245 ф. ст., для которыхъ не хватало обыкновенныхъ доходовъ и необходимо было для нихъ найти средства посредствомъ кредитныхъ операций. Сверхъ того, въ рассматриваемое время въ чрезвычайномъ бюджетѣ являются три новыя статьи, предъявляющія требованія публичному кредиту. Одна изъ нихъ заключается въ ссудахъ мѣстныхъ учрежденіямъ или торговому миру (например, въ 1793 г. вслѣдствіе кризиса); другая заключается въ пособіяхъ Ирландіи; по этимъ двумъ статьямъ обороты въ рассматриваемое время выражались въ слѣдующихъ суммахъ.

Смѣтные періоды.	С С У Д І Й			Обороты съ Ирландією.		
	Выдач.	Возвр.	Р	Выдачи.	Поступл.	Разности.
1792	213,4200		1,804,700			
1793—94	4,000		3,039			
1794—95	815,567		815,567			
1795—96	99,500	5,067	94,433			
1796—97	57,180	101,000	43,820	825,000	83,134	741,866
1797	210,088	62,300	117,788	2,037,226	628,081	1,409,145
1798	80,	362,134	141,424	2,008,393	361,080	1,647,31
1/4 1799	278,	43,000	235,200	41	164,47	690,940
1800	41,000	903,487	562,487	3,335,355	625,688	+2,709,667
1801	229,513	89,679	139,631			
1802	98,947	52,122	46,424	227,879		
Итого.	3	1	329	821	9,289,266	2,214,956
						7,074,310

Слѣдовательно, въ концѣ концовъ ссуды требовали 2.225.824 ф. ст., а пособія Ирландіи 7.074.310 ф. ст. Третью важную статью экстраординарного бюджета были требования погасительного фонда, для которыхъ, какъ увидимъ, требовалась въ 1793—1802 годахъ крупная сумма 37.190.645 ф. ст. Сверхъ того на выкупъ наследственныхъ пенсій требовалось 144.615 ф. ст. Наконецъ, сравнивая наличность въ началѣ и въ концѣ рассматриваемаго периода, мы видимъ, что она увеличилась на 6.352.998 ф. ст. Такимъ образомъ, требованія отъ кредита составили:

для чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ	204.779.245	ф. ст.
" ссудъ	2.225.824	" "
пособій Ирландіи.	7.074.310	" "
выкупа наследственныхъ пенсій	144.615	" "
усиленія наличности.	6.352.998	
" погасительного фонда	37.190.645	" "
Итого	257.767.637	

Обороты по кредитнымъ операциямъ для удовлетворенія этихъ требованій выражались въ слѣдующихъ суммахъ:

Смѣтные періоды.	Обороты по долгамъ кон- солидований.		Обороты по билетамъ казначейства.		
	Поступленія.	Расходы пога- шения.	Поступленія.	Возвраты.	Разности.
1792—93	4.364.721	1.622.326	8.920.505	7.230.109	+ 1.690.396
1793—94	19.801.806	1.610.771	10.288.487	12.514.511	- 2.226.024
1794—95	20.149.655	2.069.465	14.020.878	9.402.538	+ 4.618.397
1795—96	29.415.804	2.461.802	7.546.569	8.096.292	549.723
1796—97	45.398.877	9.247.554	10.950.753	10.880.248	+ 70.505
1797—98	25.919.589	9.979.046	14.888.238	11.411.497	+ 3.426.741
1798—99	21.204.987	4.503.284	27.865.354	25.702.760	+ 2.162.594
1/4 1799	2.674.549	1.216.830	7.082.600	4.186.276	+ 2.896.324
1800	28.808.036	4.851.134	26.640.454	21.894.884	+ 5.245.570
1801	36.553.878	5.495.147	24.423.769	28.524.711	4.100.942
1802	27.550.448	6.133.336	17.094.654	23.403.095	6.308.441
Итого.	250.842.900	37.190.645	169.672.258	162.746.921	+ 20.110.467
					- 18.186.130
					+ 6.925.337

Такимъ образомъ консолидованные займы дали 250.842.900 ф. ст., а увеличеніе неотверженаго государственнаго долга 6.925.337 ф. ст., или вѣсть кредитныя операции дали указанную выше сумму 257.767.637 ф. ст., или: только въ одно десятилѣтіе—больше, чѣмъ добыто было кредитными операциями во всѣ предшествовавшіе 105 лѣтъ съ 1688 г.

XIX.

Прежде чмъ обратиться къ разсмотрѣнію кредитныхъ операций 1793—1802 гг., бросямъ взглядъ на состояніе государственного долга въ началѣ этой эпохи. Долговъ состояло 5 января 1793 года ¹⁾:

	Капиталы долговъ.	Годовые платежи.
Акционерные капиталы 3-хъ торг. К°.	19.549.886	586.487
Южно-Океанійская (3%) рента .	18.817.019	564.510
3% безсрочная рента (коинсоли и пониженные).	139.002.750	4.170.077
4% рента	32.750.000	1.310.000
5% рента	17.869.993	893.500
всего по Великобританіи.	227.989.148	7.524.574
, Ирландія	1.625.297	59.861
итого безсрочныхъ.	229.614.445	7.584.425
срочныхъ .	20.585.393	1.312.671
итого отверженныхъ	250.149.838	8.897.096
Билеты казначейства	6.958.000	208.740
Обязательства разныхъ вѣдомствъ.	2.461.521	181.295
Неотверженные долги Ирландскіе	629.455	24.024
	260.198.814	9.311.155

Данные эти очень опредѣленно показываютъ, въ какомъ видѣ англійскій государственный долгъ шелъ навстрѣчу новому фазису въ его развитіи, начавшемуся съ 1793 года. Самую значительную часть государственного долга и тогда (какъ всегда наканунѣ войнъ во второй половинѣ XVIII столѣтія) составляла 3%-ная безсрочная рента; но въ его составѣ входила и безсрочная рента 4%-ная и 5%-ная и это возвышало нарицательный ростъ безсрочной ренты всѣхъ трехъ видовъ до 3⁸/10%, въ общей сложности. Изъ первоначально выпущенныхъ ея суммъ выкуплено было сравнительно немного; реализованный ею капиталъ опредѣлялъ общесложный курсъ ея реализаціи немногимъ болѣе 80, что (при нарицательномъ доходѣ въ 3.⁸/10%) соотнѣтствовало росту реализаціи около 4%. Если сравнительно съ 1739 г., или за полстолѣтіе передъ 1793 г., государственно-долговая сумма увеличилась на сумму свыше 210.000.000 ф. ст., а платежи по всему долгу возросли почти на 7.320.000 ф. ст., то по исчи-

¹⁾ Таблица нами составлена главнѣйше по Return 1869, II, 541, 543; но съ дополненіемъ данныхъ о неотверженныхъ долгахъ изъ Return 1858 р. 35 и о срочныхъ долгахъ по Grellier.

сленіямъ того времени, которыя и нынѣ признаются достаточно приближающимися къ истинѣ, народный капиталъ въ то же время увеличился на 900—1000 миллионовъ ф. ст. и доходилъ до 1.500.000.000 ф. ст., а доходъ отъ него составлялъ 93—95 миллионовъ ф. ст. Такимъ образомъ, народный капиталъ и доходъ отъ него увеличились въ четыре раза сильнѣе, чѣмъ государственный долгъ и платежи по нему, и увеличеніе государственного долга за полстолѣтіе передъ 1793 г., которое такъ пугало даже такихъ мыслителей, какъ Ад. Смитъ и Юмъ, поглотило лишь около *одной пятой* части народныхъ сбережений, образовавшихся въ то же время, оставивъ народному хозяйству остальные четыре пятыхъ въ размѣрѣ громаднаго капитала почти въ миллиардъ фунтовъ стерлинговъ.

О цвѣтущемъ состояніи, въ которое послѣ мирнаго промежутка 1786—1792 гг. англійскій публичный кредитъ снова пришелъ, можно судить по слѣдующимъ курсамъ государственныхъ бумагъ на Лондонской биржѣ: 3%—ная безсрочная рента на ней стоила въ 1791 г. 76—90, а въ 1792 г. 89—97; четырехпроцентная безсрочная рента отмѣчалась въ 1791 году 97—107, а въ 1792 году 100—107; пятипроцентная безсрочная рента стоила въ 1791 году 114—123, а въ 1792 году 116—126.

Мы видѣли, что изъ 257.767.637 ф. ст., доставленныхъ бюджетомъ кредитными операциами въ 1793—1802 годахъ, только 6.925.337 ф. ст. приходятся на увеличеніе неотверженного государственного долга. Изъ этого окончательнаго результата, однако, ошибочно было бы заключить, что участіе неотверженного государственного долга въ экстраординарныхъ финансовыхъ оборотахъ 1793—1802 гг. было сравнительно скромное. Напротивъ, это участіе такъ далеко вышло изъ своихъ нормальныхъ предѣловъ, что привело Англійскій Банкъ въ полное разстройство и въ февралѣ 1797 года поставило правительство въ необходимость въ силу особаго королевскаго декрета (лишь потомъ санкционированного закономъ) пріостановить размѣръ кредитныхъ билетовъ Банка на звонкую монету, сначала лишь на нѣсколько недѣль, а по ихъ истечениіи на все время войны¹⁾). Изъ приведенныхъ выше данныхъ о поступленіяхъ и возвратахъ по билетамъ казначейства видно, что въ періодъ 1793—1802 гг. было семь лѣтъ, въ которыхъ поступлений было больше, чѣмъ возвратовъ въ совокупности на 20.110.467 ф. ст., и только въ остальные три года большие возвра-

¹⁾ См. наше изслѣдованіе „Неразмѣнныя бумажныя деньги Англіи“, № 6. 1877.

щено, чѣмъ поступило, на 13.185.130 ф. ст., и оттого въ окончательномъ результата превышеніе поступленій надъ возвратами уменьшилось до 6.925.337 ф. ст. Главная часть означеныхъ уменьшений на 13.185.130 ф. ст., какъ видно изъ нашей таблицы объ оборотахъ по государственнымъ долгамъ въ 1793—1802 годахъ, произошла въ 1801 и 1802 годахъ. Объясняется это тѣмъ, что въ 1793—1800 гг. кредитными операциими добыто всего 204.072.691 ф. ст., изъ коихъ консолидованными займами 186.737.971 ф. ст., а на увеличеніе неотверженного государственного долга приходилась значительная сумма 17.384.720 ф. ст. Эта-то слишкомъ большая сумма понудила правительство въ 1801 и 1802 гг. энергически заняться упорядоченіемъ вышедшаго изъ нормальныхъ предѣловъ неотверженного государственного долга посредствомъ обширныхъ операций для его консолидации, для чего послужила особая группа консолидованныхъ займовъ, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Изъ 250.842.300 ф. ст., добытыхъ въ 1793—1802 годахъ новыми консолидованными займами, приходится 17.403.386 ф. ст. на незначительные ирландскіе займы, реализованные въ Ирландіи, и 1.908.818 ф. ст. на такие же займы, реализованные въ Лондонѣ; такъ какъ эта небольшая группа никакого общаго интереса не представляетъ, то мы не будемъ входить въ подробное ея разсмотрѣніе. За симъ остальные 231.530.096 ф. ст. добыты посредствомъ 21 займа, которые были заключены въ 1793—1802 гг., и къ подробному разсмотрѣнію которыхъ мы теперь обратимся.

Собственно этими 21 займами подлежащими законами, ниже указанными, парламентъ разрешилъ правительству реализовать капиталъ въ 231.684.743 ф. ст. каковая сумма официально и считалась, по английскому обычанию „нарицательнымъ“ капиталомъ займовъ (*nominal amount of loans*). Изъ этого капитала, однако, 154.647 ф. ст. представляли сумму, доставшуюся правительству отъ подписчиковъ, которые своевременно не произвели всѣхъ, причитавшихся отъ нихъ, взносовъ по займамъ, и по бюджетамъ зачислены въ случайныя поступленія (обыкновенныхъ ресурсовъ). Въ нижеслѣдующемъ изложеніи, однако, мы будемъ слѣдовать официальному показанію и принимать реализованный капиталъ займовъ въ 231.684.743 ф. ст. Къ этой суммѣ принято въ Англіи присоединять заемъ, доставившій 4.600.000 ф. ст. и заключенный въ Лондонѣ въ 1795 г., съ гарантією англійского правительства для германскаго (австрійскаго) императора.

Такъ какъ платежи по этому займу производило английскіе правительство, наравнѣ съ платежами по прочимъ английскімъ государ-

ственнымъ долгамъ, въ составѣ коихъ онъ впослѣдствіи былъ окончательно включенъ (съ большимъ убыткомъ для Англіи), то хотя суммы по нему не вошли въ бюджетный экстраординарный поступлениія, мы его должны присоединить къ прочимъ заемамъ рассматриваемой эпохи.

За этими оговорками представляемъ общій сводъ основныхъ суммъ по 22 консолидованнымъ заемамъ, заключеннымъ въ 1793—1802 годахъ¹⁾.

¹⁾ Замыслуемъ приводимыя данныя изъ Return 1869 II, 544,546; хотя они не сходятся съ данными Report 1890 р. 72 (гдѣ видимо на основаніи иного распределенія даны лишь погодные итоги суммъ, на которыхъ были заключены заемы), о мы должны сѣдовать изданию 1869 г., потому что только оно содержитъ суммы по отдельнымъ заемамъ и допускаетъ согласование съ показаніями отчетовъ объ исполненныхъ бюджетахъ.

Годъ заема,	Погашаемые капиталы безсрочной ренты.				Годовой интересъ безсрочной ренты.
	Реализованіе изъ капитала.	3% о-нов.	4%	Итого.	
1793	4,500,000	6,250,000	—	6,250,000	187,500
1794	11,000,000	11,000,000	2,750,000	13,750,000	440,000 ¹⁾
“	1,907,451	—	—	1,926,526	96,526
1795	18,000,000 ¹⁾	18,000,000	4,000,000	24,000,000	780,000 ²⁾
“	1,490,646 ¹⁾	—	—	1,609,898	80,495
1796	18,000,000	26,095,800	—	26,095,800	782,874 ¹⁾
“	7,500,000	10,793,825	—	10,793,825	323,815 ²⁾
“	4,226,797	—	—	4,414,074	220,704
1797	18,000,000	—	—	20,124,844	1,006,242
“	14,500,000	25,375,000	2,900,000	28,275,000	877,250 ¹⁾
“	1,620,000	3,069,300	—	3,669,300	110,079
“	11,595,529	16,438,175	765,428	20,31,890	19,238,497
“	1,433,870	1,999,699	104,1	270,202	2,374,333 ²⁾
1798	17,000,000	34,000,000	—	34,000,000	1,020,000 ¹⁾
1799	3,000,000	5,624,250	—	—	5,624,250 ¹⁾
“	15,500,000	27,125,000	—	27,125,000	813,750
1800	20,500,000	32,185,000	—	32,185,000	965,550
1801	28,000,000	49,210,000	—	49,210,000	1,476,300
1802	5,910,300	2,970,150	2,970,150	1,185,075	7,125,375
“	2,970,150	1,185,075	1,185,075	742,537	3,712,687 ¹⁾
“	25,000,000	32,090,625	—	32,090,625	989,719
Итог	231,684,713	305,211,899	16,975,085	32,608,016	354,795,030
1795	4,600,000	8,833,333	—	—	115,000
Всего.	231,684,713	309,045,232	16,97	32,608,016	11
Въ томъ кѣ было:	—	—	—	—	—
Для консоли- дации	—	21,108,024	—	—	36,988,699
Всѧ	209,690,1	288,131	—	381,321,639	66 ¹⁾ 10,197,889 ²⁾

¹⁾ Кромѣ того срочный ануитетъ въ 62,792 ф. ст. на 66^{1/4} года. ²⁾ Тоже

Такимъ образомъ 22 заемами, заключенными въ 1793 — 1802 годахъ, реализованъ капиталъ въ 236.284.743 ф. ст., для чего безсрочный государственный долгъ увеличился на 358.628.363 ф. ст. (въ томъ числѣ 3%-%-ный на 309.045.242 ф. ст., 4%-%-ный на 16.975.085 ф. ст. и 5%-%-ный на 32.608.046 ф. ст.), съ уплатою по этому безсрочному долгу годовыхъ интересовъ 11.580.763 ф. ст. и съ добавленіемъ на различное число лѣтъ (до 1860 года) срочныхъ ануитетовъ въ совокупности на ежегодную сумму 550.463 ф. ст.

Условія, на которыхъ эти займы были заключены, нами сгруппированы въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Годъ заема.	Законы, разработавшіе	Капиталъ реализации.	3%-%-ной.		4%-%-ной.		5%-%-ной.		Бесконечныхъ въ казну, подписаніи получали.		Срочный ануитетъ
			Капиталъ	зарочной ренты.	Капиталъ	зарочной ренты.	Капиталъ	зарочной ренты.	Сумма.	Число лѣтъ	
1793	33 Geo III c.	28 4.500.000 138,8 ф.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1794	34 Geo III c.	111.000.000 100 ф.	—	—	—	—	—	—	11 12 ш.	66 ²	—
	с. 21	1.907.451	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1795	35 Geo III c.	14 18.000.000 100 ф.	33 ¹ ф.	101 ф.	—	—	9 ¹ / ₂	65 ¹	—	—	—
	с. 32	1.490.646	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1796	36 Geo III c.	12 18.000.000 115 ф.	—	—	—	—	—	—	6 ¹ / ₂ ш.	64 ¹	—
	с. 74	7.500.000 115 ф.	—	—	—	—	—	—	5 ¹ / ₂ ш.	63 ²	—
	с. 122	4.226.797	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1797	37 Geo III c.	10 18.000.000	—	—	—	—	105 ф. с.	—	—	—	—
	с. 57	14.500.000 175 ф.	—	—	—	—	112 ¹ ф.	—	—	—	—
	59	1.620.000 226 ¹ / ₂ ф. с.	—	—	—	—	—	—	6	62 ²	—
	9	11.595.529 176 ф.	4 ¹ / ₂ ш.	137 ф. 9 ¹ / ₂	—	—	118 ф. с.	—	—	—	—
	9	1.433.870 176 ² ф.	10 ш.	137 ¹ 2 ¹ /2	—	—	118 ¹ 2 ¹ /2 ф. 10 ш.	—	—	—	—
1798	38 Geo III c.	37 17.000.000 200 ф. с.	—	—	—	—	—	—	40 ¹ / ₂	62	—
1799	39 Geo III c.	7 3.000.000 187 ф. 9 ¹ / ₂ ш.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	с. 16	15.500.000 175 ф.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1800	39-40 Geo III c.	22 20.500.000 157 ф. с.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1801	41 Geo III c.	3 28.000.000 175 ф. с.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1802	42 G III	8 5.940.300	50	50	—	—	—	—	1	—	—
		2.970.150	50	50	—	—	—	—	1 ²	—	—
		33 25.000.000 131 ф. 19 ¹ / ₂ ш.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1795		4.600.000	3 ¹ / ₂ ф. с.	—	—	—	—	—	—	—	—

въ 85.500 ф. ст. на 65¹/₂ года. ²) Тоже въ 58.500 ф. ст. на 64¹/₂ года. ⁴) Тоже въ 20.582 ф. ст. на 63¹/₂ года. ⁵) Тоже въ 48.500 ф. ст. на 62¹/₂ года. ⁶) Тоже въ 41.792 ф. ст. на 62¹/₂ года. ⁷) Тоже въ 5.198 ф. ст. на 58 лѣтъ. ⁸) Тоже въ 2.599 ф. ст. на 58 лѣтъ. ⁹) Кромѣ того срочныхъ ануитетовъ на 920.468 ф. ст. въ годъ. ¹⁰) Кромѣ того на 25 лѣтъ срочныхъ ануитетовъ на 280.000 ф. ст. въ годъ. ¹¹) Кромѣ того срочныхъ ануитетовъ на 550.468 ф. ст. въ годъ. ¹²) Кромѣ того срочныхъ ануитетовъ на 545.265 ф. ст. въ годъ.

*) Эти условія были альтернативны: подписаніе могъ получить или на 176 ф. ст. 4¹/₂, ш. 3%-%-ной ренты, или на 137 ф. ст. 9¹/₂ ш. 4%-%-ной ренты, или на 118 ф. ст. 5%-%-ной ренты.

Какъ видно изъ этого свода, значительную частью займы были свя-
заны со „всячиною“ (omniuum), то есть, смѣшанные изъ разныхъ видовъ
бессрочной ренты, а иногда и съ добавленіемъ срочныхъ аннуитетовъ.
Поэтому сужденіе о нихъ требуетъ предварительного вычисленія сто-
имости срочныхъ аннуитетовъ и отдѣльного опредѣленія стоимости
бессрочной ренты¹). Только тогда можно прийти и къ общему за-
ключенію объ условіяхъ, на которыхъ были реализованы всѣ займы
разсматриваемой эпохи, взятые въ совокупности.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ сведены результаты нашихъ вычи-
сленій, какъ по каждому отдѣльному займу, такъ и по всѣмъ зай-
мамъ, вмѣстѣ взятымъ.

	Капиталъ	Стоимость срочного рента	Стоимость срочног аннуитета	Стоимость бессрочн ой ренты	Нарынк ная цена	Ренты	Чт.	Курсъ реализации.	
								Паритет	Ренты
1793	1,500,000			1,500,000	1,0		72,000	72,000	
1794	11,000,000	1,309,900	9,690,100	1,907,451	1,3		70,45	65,	
		1,907,451					99,010	59,406	
1795	18,000,000	1,701,940	16,298,060	31	1,78		67,5	62,84	
		1,701,940					5,406	92,	
			1,190,616	1,190,616				61,	
1796	18,000,000	1,188,760	16,811,240	1,750,000	1,6		61,	61,449	
		1,188,760					4,	65,5	
			12,815	7,076,185				65,	
				1,226,797				57,4	
1797	18,000,000			18,000,000			89,440	53,66	
		14,500,000	670,616	13,892,384			18,940	17,18	
			1,620,000	1,620,000	39	6,8	1,	43,88	
			11,595,529	11,595,529	31	4	60,21	55,613	
				1,133,870	1,133,870	3,854		71,00	55,3
1798	17,000,000	653,800	16,316,200	39	6,		18,057	18,057	
1799	3,000,000			3,000,000	39	5,62	349	53,349	
		20,500,000		20,500,000	39	4,	61,4	61,432	
1800	15,500,000			15,500,000			57,444	57,444	
1801	28,000,000			28,000,000			56,89	56,89	
1802	5,940,300	100,610	39,690	1,			78,	62,66	
		2,970,150	305	2,919,845	1,8083		78,	62,66	
				25,000,000	3,		77	75,931	
		231,684,743	6,099,716	225,584,997			6,		
			1,600,000	3,049,380	1,	50,620	10,	10,45	
Б. д.	236,284,741		19,126,227	135,617			63,		
д. д.									
		26,594,593	100,610	26,493,983			71,	57,4	
			209,690,150	9,048,516	200,041,631		62,481	59,436	

¹⁾ Для этого вычислениі мы и въ настоящемъ случаѣ пользовались данными выше формулой для смѣшанныхъ, срочныхъ - бессрочныхъ займовъ,

$$\frac{A+B}{x} = \frac{B}{x(1+x)^n} = C$$
, где А означаетъ бессрочную ренту, В означаетъ срочный

По каждому займу мы даемъ: стоимость срочнаго ануитета (если онъ входилъ въ составъ займа), стоимость безсрочной ренты, ростъ нарицательный и ростъ реализации и, наконецъ, курсы реализации: нарицательного дохода и эквивалентной (по росту реализации) трехпроцентной безсрочной ренты¹⁾.

Естественно, конечно, что въ эпоху продолжительной войны, когда денежный рынокъ становится въ высшей степени беспокойнымъ, когда известія съ театра войны, дѣйствія дипломатіи, всякаго рода слухи о близости или отдаленности мира, внутренніе беспорядки, разныя правительственные мѣропріятія, положеніе земледѣлія, промышленности и торговли (неурожай, банкротства) и множество иныхъ обстоятельствъ самого разнообразнаго рода—очень сильно обостряютъ тревожное состояніе денежнаго рынка, особенно биржи,—должна подвергаться сильнымъ колебаніямъ и стоимость капиталовъ, добываемыхъ государственными долгами. Поэтому не удивительно, что и наши вычисленія дѣйствительнаго (реализационнаго) роста, по которому заключались консолидованные займы въ 1793—1802 годахъ, также указываютъ на очень сильную неровность. Въ настоящее время было бы бесплодно доискиваться, какимъ именно обстоятельствомъ въ тотъ или иной моментъ заключенія займа опредѣлялось то или иное колебаніе въ ростѣ, по которому правительству удавалось заключить тотъ или иной отдаленный заемъ. Для насъ болѣе важенъ окончательный результатъ, какъ онъ выразился: вонервыхъ, въ распределеніи различныхъ займовъ по разнымъ категоріямъ болѣе или менѣе благопріятно заключенныхъ, а вовторыхъ, въ общесложной, по всемъ займамъ, стоимости добытыхъ займами капиталовъ. Наші вычисленія показываютъ, что въ 1793—1802 годахъ было только два займа съ ростомъ реализации въ 4—4¹/₄%; это были самые успѣшные два займа, самые дешевые, которыми реализація безсрочной ренты дала однако только 29.500.000 ф. ст.; естественно, конечно, что этими

аннуитетъ, п выражаетъ число лѣтъ срока ануитета, X ростъ реализаціи займа и С реализованный капиталъ.

¹⁾ Наши вычисления очень сильно отличаются отъ тѣхъ, которыхъ даетъ Ньюмарчъ въ своей извѣстной монографіи о займахъ, заключенныхъ Наполеономъ; это происходитъ отъ того, что Ньюмарчъ (какъ онъ и оговоривается) не добивался совершенной точности и вычислялъ реализаціонный ростъ по займамъ, какъ еслибы они были чистые безсрочные, упуская изъ виду осложненіе срочными ануитетами; наши же вычисления не упускаютъ изъ вниманія и этой особенности займовъ 1793—1802 годовъ.

двумя наилучшими займами были первый и последний, или—что они приходятся на начало и конецъ рассматриваемой эпохи, иначе говоря: они были наилучшие, потому что моменты ихъ заключенія были наиближайшіе къ миру. Затѣмъ, семь займовъ, по которымъ безсрочная рента доставила 79.135.120 ф. ст., были съ ростомъ реализаціи отъ $4\frac{1}{2}$ до 5% . Семь-же займовъ, по коимъ реализація безсрочной ренты дала 64.154.293 ф. ст., были съ ростомъ свыше 5% , до $5\frac{1}{2}\%$. Два займа, по коимъ безсрочная рента доставила 21.000.000 ф. ст., реализованы по $5,60\%$ и $5,62\%$. Три займа, по коимъ безсрочная рента доставила 31.775.584 ф. ст., реализованы по $6,24\%$, $6,34\%$ и $6,83\%$. Наконецъ, одинъ заемъ (для Австріи) на 4.600.000 ф. ст. сопровождался ужаснымъ ростомъ въ $7,42\%$ (хотя, прибавимъ кстати, это не помѣщало банкиру, чрезъ которого заемъ былъ реализованъ, разориться отъ операций по нему). Такимъ образомъ изъ 227.135.617 ф. ст., которые были добыты безсрочную рентою въ рассматриваемую эпоху, 118.500.497 ф. ст. стоили болѣе $5\frac{1}{4}\%$. 79.135.120 ф. ст. стоили $4\frac{1}{2}$ — 5% , и только 29.500.000 ф. ст. возможно было добыть за 4 — $4\frac{1}{4}\%$.

Поэтому общий результатъ всѣхъ рассмотрѣнныхъ займовъ слѣдующій. Чтобы добыть 236.284.743 ф. ст., англійское правительство въ 1793—1802 годахъ заключило безсрочныхъ государственныхъ долговъ на 358.628.363 ф. ст. (въ томъ числѣ 3% -ныхъ на 309.045.232 ф. ст., 4% -ныхъ на 16.975.085 ф. ст. и 5% -ныхъ на 32.608.046 ф. ст.), по коимъ ежегодная плата интересовъ требовала 11.580.763 ф. ст., и сверхъ того обязалось до 1860 года ежегодно уплачивать срочныхъ ануитетовъ на 550.463 ф. ст. Капитализованная стоимость этихъ ануитетовъ составляла 9.149.126 ф. ст., а за вычетомъ этой суммы изъ всего реализованного капитала 236.284.743 ф. ст., стоимость безсрочной ренты опредѣляется въ 227.135.617 ф. ст. Слѣдовательно, нарицательные интересы по всѣмъ безсрочнымъ займамъ въ общей стоимости составляли 11.580.763 ф. ст. на 358.628.363 ф. ст. или $3,229\%$: общесложный-же ростъ реализаціи всѣхъ безсрочныхъ займовъ составлялъ тѣ-же 11.580.763 ф. ст. на 227.135.617 ф. ст. или $5,098\%$. Это соотвѣтствуетъ реализаціи безсрочной 3% -ной ренты по 58.889 за сто.

Всего дороже обходились займы для консолидации неотверженныхъ государственныхъ долговъ. Для нихъ не падали жертвы и, какъ показываетъ таблица нашихъ вычисленій, по нимъ соглашались уплачивать $5,21\%$. Напротивъ, въ общей сложности, всѣ займы для реализаціи наличнаго капитала стоили $5,0845\%$.

Въ вышеизложении мы исходили изъ официальной суммы того, что въ Англіи принято называть „нарицательнымъ“ (реализованнымъ) капиталомъ займовъ: изъ тѣхъ 236.284.743 ф. ст., которые официально выражали капиталъ реализаціи, составлявшей стоимость уплачивавшихся по займамъ безсрочныхъ рентъ и срочныхъ ануитетовъ. По особенностямъ англійской государственной отчетности, капиталъ, который парламентъ ветированнымъ закономъ разрѣшалъ реализовать посредствомъ особаго займа, полностью записывался въ экстраординарныя поступленія при исполненіи бюджета. Расходы-же реализациі затѣмъ записывались въ число обычновенныхъ государственныхъ расходовъ. Очевидно, однако, что какъ разъ для рассматриваемой эпохи, когда въ короткое время было заключено много займовъ на очень значительную сумму, большой интересъ представляетъ и вопросъ о значеніи, котораго при этомъ достигали расходы реализаціи. Полная математическая точность выясненія этого вопроса требовала-бы мѣста и времени, не соотвѣтствующихъ важности предмета; поэтому мы можемъ довольствоваться приблизительнымъ решеніемъ. Для этого мы исходимъ изъ того, что, впервыхъ, по займамъ рассматриваемой эпохи почти всегда назначалось восемь сроковъ для взносовъ (4 по 10%, и 4 по 15%). и во вторыхъ, что первая уплата интересовъ производилась обыкновенно: по безсрочному долгу въ моментъ заключенія займа или (очень рѣдко) чрезъ четверть года, а по срочнымъ ануитетамъ чрезъ четверть года по заключеніи займа; чтобы не преувеличивать, мы примемъ, что выгода жуиссанса или уплата интересовъ раньше надлежащаго времени начинается чрезъ $\frac{1}{4}$ года по заключеніи займа. Сроки для восьми взносовъ не были, конечно, одинаковы при всѣхъ займахъ, но они и не очень сильно разнообразились; можно принять, что вносы производились: 10% при подпискѣ, еще 10% чрезъ 10 недѣль послѣ подписки, еще 10% чрезъ 20 недѣль послѣ подписки, еще 10% чрезъ 25 недѣль и еще 15% чрезъ 30 недѣль, потомъ 15% чрезъ 35 недѣль послѣ подписки, 15% чрезъ 40 недѣль и послѣдніе 15% чрезъ 45 недѣль послѣ подписки. Учесть за досрочные взносы составляла 3%. Чтобы сдѣлать общий расчетъ по всѣмъ займамъ рассматриваемой эпохи, мы должны принять, что изъ капитала, подлежащаго реализаціи означенными займами, въ размѣрѣ 236.284.743 ф. ст., въ четыре срока должны были взноситься по 10% или 23.628.474,3 ф. ст., а въ слѣдующие четыре срока по 15%, или 35.442.711,45 ф. ст.. на каковыя суммы и нужно начислить 3% за время ихъ досрочного взноса. Расчетъ этотъ даетъ слѣдующія суммы:

				Учетъ изъ 3°.
10%	23.628.474,3	при подписаніи		
10%.	23.628.474,3	чрезъ 10 недѣль = 70 дней	135.945 ф. ст.	
10%	23.628.474,3	20	=140	271.889
10%	23.623.474,3	25	=175	339.862
15%	35.442.711,45	30	=210	611.751
15%.	35.442.711,45	35	=245	713.572
15%	35.442.711,45	40	=280	815.668
15%	35.442.711,45	45	=315	917.627
				<u>3.806.314</u>
	<u>236.284.743</u>			

Такъ какъ годовая уплата интересовъ по безсрочному долгу составляла 11.580.763 ф. ст., а срочныхъ аннуитетовъ 550.163 ф. ст. или вмѣстѣ 12.131.926 ф. ст., то $\frac{3}{4}$ этой суммы составляли жансансъ или выгоду отъ уплаты процентовъ и аннуитетовъ за $\frac{3}{4}$ года раньше наступленія срока. Эта выгода составляла 9.098.419 ф. ст., а съ 3.806.314 ф. ст. стоимости расочки уплатить, реализационныя выгоды достигали 12.904.733 ф. ст. Чтобы вычислить значеніе этихъ выгодъ для реализаціи безсрочной ренты, мы оставимъ въ сторонѣ аннуитеты, а выгоды отъ разсрочекъ взносовъ раздѣлимъ пропорціонально между стоимостью безсрочной ренты и срочныхъ аннуитетовъ. На стоимость безсрочной ренты изъ 3.806.314 ф. ст. пропорціонально приходится 3.658.930 ф. ст., а $\frac{3}{4}$ годовой уплаты интересовъ по безсрочной рентѣ составляли 8.685.572 ф. ст., или реализаціонныя выгоды по безсрочной рентѣ составляли 12.344.502 ф. ст. Эта сумма подлежитъ вычету изъ показанной стоимости безсрочной ренты въ суммѣ 227.135.617 ф. ст. и тогда дѣйствительная стоимость безсрочной ренты опредѣляется въ 214.791.115 ф. ст., для получения коихъ и заключень безсрочный долгъ на 358.628.363 ф. ст. съ годовою уплатою по немъ интересовъ суммою 11.580.763 ф. ст. Слѣдовательно, безсрочный долгъ, по которому нарицательный интересъ составлялъ 3.229%₀, реализованъ по 59.₆₂₂ или изъ 5.₉₉₁₆%₀, что равносильно реализаціи 3%₀-ной безсрочной ренты по 55.₆₂₂ за 100, или стоимости одного фунта стерлинга ренты въ 18.₅₄₇ ф. ст. ¹⁾.

Илл. Кауфманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾) Независимо отъ изложенныхъ операций въ 1793—1802 годахъ (какъ въ 1785—1792 годахъ) продолжала сохранять свое значеніе лоттерея, какъ ресурсъ ordinarynаго бюджета отъ премій, съ которыми продавались лоттерейные билеты (слѣдовательно, вмѣ всякой связи съ займовыми операциами). Если по 8 лоттереямъ 1785—1792 года было продано за 6.027.475 ф. ст. билетовъ на нарицательную сумму 9.980.000 ф. ст. (или съ преміею въ 50%), то по 10 лоттереямъ 1792—1802 годовъ продано за 7.954.417 ф. ст. билетовъ на нарицательную сумму 6.400.000 ф. ст. или съ преміею въ 47%. Чистаго барыша за всѣми расходами казна получила: отъ 8 лоттереи 1785—1792 годовъ 1.941.187 ф. ст., а отъ 10 лоттереи 1793—1802 годовъ 2.219.521 ф. ст. См. Return 1869, II, 488.

БАЛТИЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТИЯХЪ¹⁾.

(1544—1648).

1564-й годъ былъ особенно обиленъ всякою рода дипломатическими проектами; сѣверныя события привлекали всеобщее вниманіе; Европа раздѣлилась на двѣ половины: одна стояла за Данію, другая за Швецію. Герцогиня лотарингская терялась во множествѣ представлявшихся комбинацій и не знала, какую предпочесть. на какой остановиться. Одинъ изъ ея агентовъ въ особенности рекомендовалъ ей опереться на Петра Оксе и Грумбаха. „Одно лицо, писалъ онъ Христинѣ, пользовавшееся большимъ влияніемъ въ Даніи, вступило со мною въ тайные переговоры и объявило мнѣ, что датскій король безъ всякаго повода затронулъ его честь и добroe имя, и что онъ рѣшилъ предложить свои услуги герцогинѣ. Принимая во вниманіе дипломатическую опытность этого человѣка,—онъ одно время проживалъ въ Голштінії, гдѣ занимался разнаго рода дипломатическими порученіями,—ваше королевское величество (такъ всегда титуловали Христину ея придворные льстцы и дипломаты), быть можетъ, могли бы воспользоваться его предложеніемъ и поручить ему какое-нибудь важное дипломатическое дѣло; дипломатъ онъ столь же ловкий, какъ тотъ, который въ настоящее время агитируетъ въ Германіи (то-есть. Грумбахъ)²⁾. Очень важно было бы привлечь на свою сторону другого датчанина. долгое время служившаго секретаремъ въ королевскомъ совѣтѣ и знавшаго всѣ секреты датской дипломатіи; его слѣдовало бы убѣдить вернуться въ Данію, возстановить тамъ свое положеніе и оттуда каждый мѣсяцъ доставлять герцогинѣ обстоятельный донесенія о состояніи дѣлъ въ королевствѣ.

Сверхъ того, продолжаетъ нашъ корреспондентъ. дворянство въ

¹⁾ Продолженіе. См. чартовскую книжку Ж. М. Н. Пр. текущій годъ.

Данія сильно возмущено противъ короля, ненавидить его, жалуется на небывалыя стѣсненія, говоритьъ, что король довелъ его до совершенной бѣдности: отнялъ у дворянъ для войны съ Швецией всѣ ихъ деньги, навязалъ имъ содержаніе солдатъ, воспользовался даже драгоценностями дамъ и дѣвицъ, позволялъ себѣ рѣзкие отзывы о дворянахъ, бранилъ военачальниковъ. Одинъ изъ такихъ оскорбленныхъ дворянъ теперь у вашего величества, и на его бѣгство изъ Даніи намъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на Божескій промыслъ. Обширная родственная связь въ королевствѣ, почетъ и власть, какими онъ въ немъ пользовался, оскорбленный безъ всякаго повода королемъ.— вотъ что дѣлаетъ его весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ для вашего величества. Всѣ дворяне въ Даніи возбуждены и открыто заявляютъ, что, избравши короля и оставаясь вѣрными ему, пока онъ хорошо правилъ государствомъ, они теперь въ правѣ низложить его, чему были примѣры въ истории Даніи (очевидно, намекъ на визложение Христиана II). Пусть Христина только разрѣшить воспользоваться этимъ настроениемъ дворянства, и его легко будетъ поднять противъ Фридриха и склонить на свою сторону.

Честолюбіе Христины росло съ каждымъ днемъ¹⁾; изъ-за нея началась обширная дипломатическая агитация въ Германіи, она становилась центральною личностью всѣхъ антидатскихъ и антисаксонскихъ движений; всѣ давали ей обѣщанія, всѣ сузили успѣхъ и этимъ, конечно, только усиливали ея честолюбіе.

Одинъ Гранвелла не увлекался проектами лотарингскихъ и веймарскихъ придворныхъ дипломатовъ, онъ предвидѣлъ неудачу всѣхъ плановъ—втянуть сѣверную Европу въ австро-испанскій лагерь, обсуждалъ всесторонне получаемые имъ проекты и иногда давалъ свои поясненія. Въ бумагахъ Гранвеллы сохранился одинъ обстоятельный проектъ 1564 года о вторженіи въ Голштинію и Ютландію. Авторъ проекта считаетъ его легкимъ и вполнѣ достижимымъ въ виду финансового кризиса, пережившаго Даніей; деньги въ Даніи такого низкаго свойства, что въ Германіи за нихъ ничего не даютъ. и всѣ наемники какъ одинъ человѣкъ отошли бы отъ датского короля, если бы герцогиня лотарингская обратилась къ нимъ. По мнѣнію автора нашего проекта, слѣдовало бы прежде всего обеспечить за собою ка-

¹⁾ Екатерина Медичи говорила Христиану: Voilà la plus glorieuse femme que je vis jamais. См. *Krønarp, Oplysninger om Kong Frederik den Andens Aegteskabs Forhandlingar*. 1862, 8.

кой-нибудь крѣпкій, безопасній пунктъ, который могъ бы служить резиденціей для прияцевъ и ихъ спутниковъ; затѣмъ, имѣя наготовѣ достаточное количество войска и военныхъ снарядовъ—войти въ сношенія съ Гамбургомъ и Бременомъ и убѣдить эти два города доставлять войскамъ провіантъ. Враждебное отношеніе этихъ городовъ къ Дани, по мнѣнію автора, дастъ возможность надѣяться на успѣхъ. Гамбургу слѣдуетъ указать, что Фридрихъ II, владѣя уже Зундомъ, замышляетъ утвердиться и на Эльбѣ, готовится строить новую крѣпость у Браунштетеля, въ Дитмарсенѣ; денежными субсидіями городъ ничего не добьется у датскаго узурпатора, который непремѣнно достигнетъ своего, захватить всѣ мельницы у города, присвоить себѣ право чеканить монету, судъ, пользованіе лѣсами и т. д. Кто можетъ поручиться, что Фридрихъ, сознавъ безполезность войны съ Швеціей, не примирится съ нею и не двинетъ своихъ силъ для осады Гамбурга?

Нашъ авторъ не сомнѣвается, что Гамбургъ въ концѣ концовъ примкнетъ къ союзу противъ Дании.

Бременцы въ большомъ страхѣ, ибо не знаютъ цѣли военныхъ движений въ нижней Саксоніи, и охотно отпадутъ подъ покровительство какого-нибудь сильного государя. Епископъ бременскій, администраторъ Вердена, герцоги брауншвейгскій и лунебургскій—также готовы помочь каждому предпріятію противъ Дании съ тѣхъ поръ, какъ Фридрихъ II присоединилъ себѣ землю дитмарсовъ.

Для начала войны необходимо имѣть наготовѣ отъ 40 до 50 отрядовъ пѣхоты и 5.000 конницы; въ бременской епархіи можно собрать 20 отрядовъ пѣхоты и 1.000 конницы. Еслибы Фридрихъ II обратилъ вниманіе на эти военные сборы, ему можно было бы выставить дѣло такъ, какъ будто кредиторы архиепископа бременскаго взамѣнъ денежнѣ требуютъ у него содержанія своимъ наемникамъ. Векселя на архиепископа могутъ предъявлять Мекленбургъ, Брауншвейгъ, Люнебургъ, маркграфъ бранденбургскій и герцоги померанскіе.

Самый походъ долженъ начаться съ земли дитмарсовъ. Приморская полоса дитмарсовъ должна служить складочнымъ пунктомъ провіанта, скота, военныхъ запасовъ и пр.; тутъ много овса и ржи, такъ что содержаніе конницы обеспечено, по крайней мѣрѣ, на одинъ годъ. Крестьянъ въ Дитмарсенѣ можно склонить къ участію въ войнѣ, обѣщавъ имъ свободу. Защищить Голштинію Фридрихъ можетъ только въ трехъ пунктахъ—въ Эйдерштедтѣ, Гайденѣ и Мельборнѣ. Очень важно, что эти три города на очень большомъ разстояніи другъ отъ друга; можно смѣло приступитьъ къ осадѣ одного изъ нихъ, такъ какъ

помощь датскихъ войскъ, стоящихъ въ другихъ двухъ городахъ, не подоспѣть во время. Двинуть сюда свой флотъ король также не можетъ изъ-за Швеціи. Думать, что король стинетъ главныя военныя силы къ голштинской границѣ, нельзя, опять-таки въ виду необходимости продолжать свою войну на сѣверѣ съ Швеціей; а для защиты голштинской границы королю, по крайней мѣрѣ, понадобится до 40 отрядовъ пѣхоты и 6.000 коннicy.

Закупку провіанта въ Гамбургѣ можно также скрыть, сказавши, что провіантъ этотъ предназначается для Португаліи, Фландріи и другихъ государствъ. Рядомъ съ военными приготовленіями должно подготовляться и дипломатическое сближеніе съ Нидерландами, папою и духовными князьями Имперіи.

Нидерланды отзовутся на предложеніе герцогини, такъ какъ они болѣе другихъ терпѣли отъ стѣсненій въ Зундѣ и высокихъ поборовъ, введенныхъ Фридрихомъ II въ своеемъ государствѣ для всѣхъ иностранцевъ. Если они захотятъ попрежнему пользоваться Зундомъ и Балтійскимъ моремъ, пусть они доставятъ герцогамъ нѣсколько кораблей, чѣмъ еще болѣе обезпечить успѣхъ предпріятія. Духовныхъ князей можно склонить на свою сторону, обѣщавъ имъ возстановить католицизмъ и вернуть отнятыя у нихъ земли.

Главный союзникъ герцогини, Эрикъ шведскій, долженъ одновременно съ южной диверсіей вторгнуться въ Сконе и по возможности дольше задерживать тутъ датчанъ. Очень желательнымъ союзникомъ быль бы и московскій царь. Ему можно было бы указать на тѣсныя и дружескія отношенія его отца и дѣда къ старшей линіи Ольденбургскаго дома, къ Іоанну и Христіану II, на выгоды, какія и настоящій царь можетъ извлечь изъ союза съ наследниками свергнутаго короля. Живой фантазіи автора проекта представлялось уже, какъ Данія, окруженнaя съ четырехъ сторонъ врагами, по необходимости вернетъ скипетръ законному претенденту.

Наконецъ, ослабить Данію возможно было бы, подчинивъ себѣ Любекъ. А для этого зима представляетъ самое удобное время: по льду можно подойти къ самому городу; для этого достаточно имѣть 1.200 коннicy и 12 ротъ ландскнехтовъ, да въ запасѣ тысячи двѣ. Эти силы можно было бы сгруппировать въ Potrow или Брайтенфельдѣ. Отсюда слѣдовало бы двинуться къ Стекнитцу, гдѣ городъ всего слабѣе укрѣпленъ, и къ Вакнитцу, заселенному бѣднымъ людомъ, который едва ли станетъ оказывать сопротивление. Если за городскими стѣнами услышать шумъ, то на него

не обратить вниманія, такъ какъ въ Вакнитцѣ множество сомнительныхъ домовъ, гдѣ собирается всякий сбродъ. Изъ Вакнитца легко уже захватить городъ врасплохъ и убѣдить жителей присягнуть герцогинѣ. Такъ какъ у капиталистовъ Любека большія деньги въ антверпенскомъ и другихъ фландрскихъ банкахъ, то туда можно было бы обратиться съ требованіемъ выдать ихъ и такимъ образомъ значительно обогатить свою казну.

Этотъ легкомысленный планъ былъ предложенъ для разсмотрѣнія барону Bolveyler, который въ письмѣ къ герцогинѣ изложилъ свои взгляды на него. Барону прежде всего казалось неудобнымъ присутствіе герцогини или сына ея въ данномъ предпріятіи. Гораздо лучше имъ на время войны остаться въ Клеве. Нецѣлесообразнымъ представляется ему и сближеніе съ Бременомъ, городомъ кальвинистскимъ: это возбудить неудовольствіе всего нижне-саксонскаго округа и католическихъ князей, которые могутъ оказать очень значительную помощь. Раньше, чѣмъ что нибудь предпринимать, писалъ Bolveyler, необходимо взвѣсить всѣ *pro* и *contra*. Безъ помощи Испаніи надѣяться на успѣхъ нельзя, поэтому пусть герцогиня отправить своихъ пословъ или къ самому Филиппу или къ Гранвеллѣ. Влияніе Филиппа на императора сильно, что также важно имѣть въ виду. Баронъ заявляетъ далѣе, что по его мнѣнію, войну съ Даніей не слѣдуетъ начинать раньше, чѣмъ она не окончитъ своихъ счетовъ съ Швеціей. Война двухъ скandinавскихъ государей въ конецъ раззорить ихъ; платить наемникамъ будетъ нечѣмъ, и всѣ они съ охотою перейдутъ на службу къ герцогинѣ. Начать теперь войну опасно въ виду пленадежности Швеціи: король ея легко можетъ соединиться съ Фридрихомъ противъ испанскихъ и лотарингскихъ притязаній на Данію и Балтийское море. Раньше, чѣмъ строить какія нибудь надежды на Эрика, слѣдуетъ войти съ нимъ въ переговоры, указать ему, что и для него сближеніе съ Лотарингіей и Испаніей будетъ выгодно въ торговомъ отношеніи. Разъ Эрикъ формально заключить союзъ съ герцогиней, ей уже легко будетъ утвердиться на датскомъ престолѣ, а затѣмъ вернуть къ жизни и Кальмарскую унію.

Важно, затѣмъ, сохранить весь проектъ въ тайнѣ, чтобы онъ прежде временно не былъ разглашенъ въ Германіи; поэтому необходимо и флотъ, и припасы доставлять не изъ Гамбурга, а изъ Голландіи. Предпріятіе противъ Любека также неѣть основанія откладывать до зимы; всего же лучше все съ оставить планъ о захватѣ Любека, такъ какъ онъ—имперскій городъ и понужденіе на его свободу подни-

меть противъ герцогии всѣ Ганзейскіе города, вооружить противъ нея и императора.

Баронъ не расчитываетъ на помощь духовныхъ князей Германіи, за то рекомендуетъ сближеніе съ папой, Португаліей, Венеціей. Флоренціей, Мантуйей, Феррарой, Урбино. а въ особенности съ Францией.

Для начала войны, по мнѣнію Boileveller, необходимо 25.000 пѣхоты и до 7.000 конницы; ежемѣсячно—для уплаты жалованья—потребуется 2.000 экю. Чтобы лишить Августа саксонскаго возможности помочь Даніи, необходимо предоставить Іоанну Фридриху всѣ средства для успешной борьбы съ нимъ; занятый нѣмарцами. Августъ по необходимости откажется отъ помощи Даніи.

Проектъ лотарингскихъ политиковъ подчинить себѣ Любекъ и некоторые ставили въ связь съ стремлениемъ Филиппа II испанскаго утвердиться въ Зундѣ. Это была давнишняя мечта испанскаго правительства; вспомнимъ его притязанія на Зундъ во время междоусобій, поднявшихся въ Даніи съ изгнаніемъ Христіана II, или во время известной войны съ Вулленгеверомъ¹⁾; теперь, казалось, предстоялъ еще болѣе удобный случай для осуществленія этой традиціонной мечты, такъ какъ Испанія соединялась съ Швеціей и съ недовольными Габсбургскимъ режимомъ элементами въ Германіи. Испанія и Австрія,—говорится въ одномъ донесеніи.—въ которыхъ уже начали гибнуть іезуиты, могутъ съ утвержденіемъ въ Зундѣ нанести разрушительный ударъ непокорнымъ голландцамъ, а затѣмъ осуществить проектъ Балтійского господства, подчинить себѣ Польшу, Литву, Ливонію и Пруссію. Такимъ образомъ, подъ видомъ помощи Швеціи Испанія затѣваетъ гибельные для всего скандинавскаго сѣвера, для всѣхъ Балтійскихъ государствъ проекты; для достижения своей цѣли агенты Испаніи и Лотарингіи имѣютъ въ виду поднять въ Даніи дворянство, недовольное королемъ; они привлекаютъ дворянъ на свою сторону, обѣщаю имъ большія льготы и привилегіи, какъ скоро они признаютъ наследницей престола внучку Христіана II тирана.

Автору вышеприведенного донесенія, Людвигу Нейгардену, нельзя отказать въ политической дальновидности, въ глубокомъ пониманіи австро-испанскихъ дипломатическихъ тенденцій; ему, очевидно, хорошо известны приемы габсбургской дипломатіи, онъ следилъ за ними, ничего не ускользало отъ его вниманія; изрѣдка только онъ увлекается, и не все было такъ страшно, какъ рисовалось въ его вооб-

¹⁾ Форстенъ, Борьба и пр.

раженіи. Къ счастью Августъ саксонскій, болѣе сдержанній, болѣе спокойный, имѣлъ на него благотворное вліяніе; своимъ вѣскимъ словомъ онъ въ мигъ разбивалъ рядъ преувеличенній слуховъ; всѣ ходы и комбинаціи европейской дипломатіи были для него такъ ясны, такъ несомнѣнны, что онъ могъ вести игру съ закрытыми глазами. Въ донесеніи Нейгардена союзъ Испаніи съ Лотарингіей представляется уже совершившимся фактомъ, тогда какъ онъ только еще проектировался. Что война двухъ протестантскихъ государей была на руку Испаніи, стоявшей тогда уже во главѣ католического міра, это подтверждается рядомъ донесеній и писемъ; Филиппъ II надѣялся при взаимномъ обезсиленіи сѣверныхъ королей тѣмъ легче усилить свое вліяніе на Балтийскомъ морѣ, и онъ желалъ почерпнуть изъ выгоднаго въ торговомъ отношеніи источника. Эрика XIV онъувѣрялъ въ свое къ нему расположениіи, успокаивалъ его относительно толковъ объ испанско-датскомъ сближеніи, убѣждалъ продолжать войну и не заключать мира, действительно обѣщала герцогинѣ лотарингской деньги и войска, одобрялъ планъ внезапнаго вторженія въ Данію, когда король будетъ въ кампаніи¹⁾), но активнымъ дѣятелемъ въ сѣверной войнѣ Филиппъ никогда не былъ; онъ только обѣщалъ, платилъ пенсіи, щедро сыпалъ подкупами, внимательно прислушивался къ дипломатическимъ доносамъ, спабжалъ каждое извѣстіе утомительно длинными комментаріями, иногда даже улыбался, прочитывая о пораженіяхъ своихъ религіозныхъ и политическихъ противниковъ въ соѣднѣхъ государствахъ.

Весною 1565 года неисполнимость лотарингскихъ проектовъ сдѣлалась уже для многихъ аксіомою. Ландграфъ гессенскій, напримѣръ, рѣшительно отвергалъ слухъ о согласіи, будто бы выраженномъ Эрикомъ XIV на просьбу Грумбаха доставить ему 300.000 талеровъ. Какъ человѣкъ очень подозрительный и недовѣрчивый, король никогда, по вѣрному выражению ландграфа, не потратилъ бы такой большой суммы на дѣло, исходъ котораго казался еще сомнительнымъ. Едва ли, говоритъ ландграфъ, и герцогъ лотарингскій будетъ столь легковѣренъ, чтобы безъ всякихъ гарантій доставить грумбаховцамъ 200.000 кронъ; а что „заговорщики“ въ свою пользу употребили бы всѣ эти деньги, разъ бы имъ ихъ доставили, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Рядомъ съ скептическимъ отношеніемъ къ лотарингскимъ ин-

¹⁾ *Groen van Prinseleror.* I, 182.

тригамъ мы замѣчаемъ и необыкновенное легковѣріе ко всемъ ходившимъ по Германіи слухамъ. Такъ пфальцграфъ Вольфгангъ съ полною вѣрою передавалъ Вильгельму гессенскому новые слухи о лотарингскихъ проектахъ; слухи необыкновенно варьировались. Такъ, изъ письма Вольфганга видно, что Христина лотарингская имѣла въ виду выдать свою дочь Ренату за какого-нибудь нѣмецкаго князя и предоставить послѣднему свои права на датскій престолъ. Герцогиня всего охотнѣе, будто бы, склонялась въ пользу сына Вольфганга Филиппа Людвига¹). Данія не будетъ въ состояніи оказать большаго сопротивленія претенденту, такъ какъ у нея нѣтъ денегъ, поданные недовольны королемъ, ропотъ слышится въ войскахъ; союзника Даніи, курфюрста Августа, можно занять Грумбахомъ и такимъ образомъ совершенно отвлечь его отъ Даніи. Къ союзу противъ Даніи, безъ сомнѣнія, примкнетъ и герцогъ Адольфъ голштинскій, такъ какъ имѣть виды на норвежскую корону. Къ предпріятію присоединится Померанія, если только пфальцграфъ согласится выдать одну изъ своихъ дочерей за какого-нибудь изъ герцоговъ Померанскихъ. Для денежныхъ заемовъ, какіе окажутся необходимыми, также не встрѣтится затрудненій.

Что самъ Вольфгангъ не соглашался ни на какое сближеніе съ революціонными элементами, видно изъ свиданія его съ ландграфомъ гессенскимъ, где онъ „bei seiner Seelen Seligkeit“ заявилъ, что не причастенъ ни къ какимъ замысламъ противъ Даніи²).

Что въ Германіи все еще было сильное возбужденіе умовъ, видно изъ многочисленныхъ листковъ, *Zeitungen*, ходившихъ тогда по рукамъ. Въ нихъ говорилось: ландскнехтовъ въ Германіи болѣе, чѣмъ грушъ на деревьяхъ, и все они жаждутъ двинуться въ Данію или противъ курфюрста саксонскаго. Самъ пфальцграфъ готовъ былъ биться обѣ закладъ, что не сегодня завтра возникнетъ всеобщая война; пари держались на сумму отъ 10.000 гульденовъ до 2.000. Ландграфъ тоже соглашался на пари, но онъ осторожно представлялъ закладъ; вопросъ о войнѣ ставился на игру, какъ это любятъ дѣлать въ наши дни англичане³).

Іоаннъ Фридрихъ саксонскій также не бездѣствовалъ и искалъ сближенія съ Швеціей; онъ старался дискредитировать⁴ курфюрста

¹⁾ *Orloff*, II, 264.

²⁾ Ibid., 273.

³⁾ Ibid., 275.

въ глазахъ короля, доказывалъ, что главная вина въ возникшей войнѣ Даниі со Швеціей лежить на Августѣ; онъ будто бы высказалъ мысль о необходимости для Даніи подчинить себѣ Швецію, какою бы цѣною это ни было достигнуто; самъ онъ помогалъ, сколько могъ, Фридриху II, доставляя ему денегъ, кнхтовъ и военные снаряды. Герцогъ категорически заявлялъ, что, пока курфюрстомъ останется Августъ, о мирѣ нечего помышлять, онъ немыслимъ. Чтобы ослабить вредное влияніе саксонскаго курфюрста Швеціи слѣдуетъ тѣснѣе соединиться съ Ioannomъ Фридрихомъ, помочь ему въ борьбѣ съ дрезденскимъ узурпаторомъ, ссудить денегъ для найма кнхтовъ; какъ скоро герцогъ вторгнется въ предѣлы курфюрста, и Августъ лишенъ будетъ возможности помочь Даніи, Эрикъ XIV легко утвердится въ Норвегіи, а затѣмъ и въ Датскомъ королевствѣ. Герцогъ не оставилъ оружія, пока король не добьется своего. Итакъ, союзъ Веймара съ Швеціей противъ Дрездена—вотъ новый планъ, осуществить который надѣялся Ioannъ Фридрихъ. Эрика просили прислать своихъ уполномоченныхъ въ Веймаръ, доставить герцогу 300.000 талеровъ и имѣть при герцогѣ постоянныхъ агентовъ, которые бы могли слѣдить за тѣмъ, что все идетъ честно, согласно обѣщанію.

Къ Гюлленшернѣ съ вышеизложеннымъ проектомъ отправился Dittmarsch, но онъ не встрѣтилъ въ шведскомъ агентѣ никакого сочувствія; наивность всего проекта была не во вкусѣ Эрика; напрасно готскій дворъ думалъ, что король, ради его выгоды, станетъ жертвовать сотнями тысячъ. Что у Ioanna Фридриха все вертѣлось на томъ, чтобы раздобыть денегъ, видно изъ посольства его въ Вольгаѣ, гдѣ посолъ его Justus Jonas долженъ былъ занять у вдовствующей герцогини Marii 100.000 флориновъ¹).

Сближеніе Эрика съ Веймаромъ не осуществилось, какъ и цѣлый рядъ другихъ проектовъ, фабриковавшихся при веймарскомъ дворѣ. Число проектмакеровъ, между тѣмъ, еще увеличилось однимъ новымъ. силезцомъ—Diprand von Gelhorn. Съ новымъ проектомъ шведско-саксонско-лотарингской коалиціи онъѣздилъ отъ одного германскаго кнзя къ другому, вызывая у нихъ самые различные впечатлѣнія; въ общемъ всѣ обнаружили къ нему очень мало довѣрія. Вскорѣ этотъ самозванный дипломатъ по приказанію императора былъ заключенъ въ тюрьму²).

¹⁾ Blumck, 347 и д.

²⁾ Orloff, II, 296 и д.

До практическаго осуществленія не дошелъ ни одинъ проектъ нѣмецкихъ революціонеровъ¹); императоръ старался удержать Христиану отъ сближенія съ ними, указывая, что всѣ интриги грумбаховцевъ въ основѣ своей направлены къ самообогащенію, а никакъ не къ осуществленію ея честолюбивыхъ видовъ на датскую корону.

Изъ мелкихъ нѣмецкихъ князей сторонникомъ Швеціи оставался герцогъ Францъ саксенъ-лауенбургскій, въ его владѣніяхъ набирались для Эрика XIV кнѣхты и рейтеры, что не мало безуспокоило Любекъ и заставляло его на всякий случай обеспечить себя помощью Нижне-саксонскаго округа. О готовящейся для Любека опасности его уведомлялъ и Генрихъ брауншвейгскій. До лѣта держались слухи о грандіозныхъ вербовкахъ для Швеціи, ей сочувствовалъ будто бы графъ Veldenz и померанскіе герцоги, одинъ изъ которыхъ имѣлъ въ виду жениться на дочери пфальцграфа цвейбрюкенскаго; говорили еще о сочувствіи, выраженномъ будто бы померанскими дворянами дѣлу Грумбаха. Опасность для нейтральной Помераніи становилась еще значительнѣе въ виду честолюбивыхъ плановъ, съ какими выступилъ маркграфъ Гансъ кюстринскій. Онъ предъявилъ свои притязанія на часть Шлезвигъ-Голштиніи. Исторія этихъ притязаній такова.

Сынъ курфюрста Іоанна Цицерона бранденбургскаго Іоахимъ былъ женатъ на Елизаветѣ, дочери Іоанна I датскаго; какъ вообще въ XV и XVI столѣтіи, такъ и теперь, этотъ бракъ сопровождался заключеніемъ формального обязательнаго договора, которымъ брачущіеся тѣснѣе связывались. Въ договорѣ Бранденбурга съ Даніей, подписанномъ 6-го февраля 1500 года въ Кельнѣ, постановлялось, что права на Шлезвигъ-Голштинію переходить къ Елизаветѣ и ея потомкамъ, коль скоро Іоаннъ датскій умретъ безъ мужскаго потомства. Договоръ въ такой формѣ былъ подтвержденъ и Христіаномъ II. Нужно помнить при этомъ, что Шлезвигъ еще съ XIII столѣтія былъ леномъ датской короны, а Голштинія афтерленомъ германской имперіи; съ половины XVI столѣтія императоры передавали его непосредственно въ ленъ датскимъ королямъ. По отношению къ Шлезвигу, датскіе короли были одновременно и леннымъ господами и вассалами; по отношенію же къ Голштиніи императоръ высшій сюзерень, датскіе же короли вице-oberleutniki.

¹) Ibid., 357: Die lothringischen und schwedischen Händel scheinen mehr in den Körben gespuckt zu haben, als dass ihre Realisierung nahe gelegen hätte.

По смерти Іоанна курфюрстъ бранденбургскій добился отъ императора, какъ отъ высшаго сюзерена, подтверждения за Елизаветой права наслѣдованія Голштиніи. Максимилиану I было важно заручиться дружбою Бранденбурга, въ виду предстоявшаго избрания его внука на императорскій престолъ, и этимъ главнымъ образомъ и объясняется уступчивость его, готовность служить интересамъ Бранденбурга. Въ указѣ императора отъ 1517 года говорилось, что если умретъ безъ наследниковъ и Фридрихъ голштинскій, то и его часть также должна перейти къ Бранденбургу. На аугсбургскомъ рейхстагѣ 1530 года за Іоахимомъ снова подтверждалось право наслѣдованія въ Шлезвигъ Голштиніи. Прошло 14-ть лѣтъ, заключенъ былъ известный въ исторіи сѣверной Европы шпайерскій миръ, въ силу котораго императоръ призналъ Христіана III королемъ и подтвердилъ также раздѣленіе Шлезвигъ-Голштиніи между Христіаномъ и его братьями; о Бранденбургѣ точно забыли. Новый курфюрстъ бранденбургскій Іоахимъ II говорилъ, что шпайерское постановленіе теряетъ свою силу, если вспомнить, что въ Аугсбургѣ, въ 1530 году, Карлъ V поклялся всякое свое постановленіе, которое бы шло въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ 1530 года, то-есть, было направлено противъ интересовъ Бранденбурга въ Шлезвигъ Голштинскомъ вопросѣ, считать беззаконнымъ и не имѣющимъ силы¹⁾). Ссылки на 1530 годъ не имѣли значенія для Даніи, опиравшейся на шпайерскій договоръ 1544 года. Новая династія все укрѣплялась въ Даніи; Бранденбургъ же переживалъ тяжелое время натянутыхъ отношеній къ Польшѣ, впавъ въ денежный кризисъ и долженъ былъ постоянно опасаться движений со стороны Брауншвейга.

Въ разбираемое время, когда лотарингскія интриги такъ тревожили консервативную часть нѣмецкихъ князей и Фридриха II. Бранденбургъ снова дѣлаетъ попытку осуществить свои притязанія на эльбскія герцогства; теперь носителемъ этихъ притязаній явился маркграфъ Іоаннъ. Въ 1564 году датскій король произвелъ новый раздѣлъ земель съ своими братьями; такъ какъ Магнусъ промѣнялъ свой удѣлъ на Ливонію, королю принадлежали²⁾ а Іоанну, млад-

¹⁾ Ob wir auch etwas, das dieser Confirmation und neuen Zustellung und Verleihung entgegen w re, hievor anzugeben lassen oder noch in k nftiger Zeit aufzugehen lassen w rden, in welchen wege das geschehen w re oder w rde, dem allem wollen wir hiermit g nzlich derogirt und das aufgehoben, get dtet und vernichtet haben.

шему брату его, только $\frac{1}{2}$. Отсюда территориальный перевесъ на сторонѣ младшей альтзондербургской линіи. Маркграфъ бранденбургскій Іоаннъ зналъ, что датчанъ въ Голштиніи не любятъ и желалъ воспользоваться этою разностью двухъ народовъ и спова выдвинуть свои притязанія; въ виду борьбы Дании съ Швеціей Іоаннъ не могъ выбрать лучшаго момента для осуществленія своихъ плановъ, какъ весною 1565 года. Онъ началъ съ того, что потребовалъ у Фридриха II уплаты долга, сдѣланнаго Даніей еще при Христіанѣ II: тогда Бранденбургъ ссудилъ ему большую сумму, теперь возросшую до 170.000 гульденовъ. Въ письмѣ къ королю маркграфъ указываетъ и на свои права въ эльбскихъ герцогствахъ, что подтверждается брачнымъ договоромъ Іоахима съ Елизаветой, имперскими указами и другими актами, коіи съ которыхъ онъ приславъ королю вмѣстѣ съ письмомъ.

Фридрихъ долго ничего не отвѣчалъ маркграфу; отъ Альбрехта прусскаго онъ узналъ, что маркграфа болѣе всего подстрекаютъ къ вышательству въ дѣла герцогствъ Лотарингія и Швеція, которымъ, конечно, на руку были всякия новыя замѣшательства въ Даніи. Ко роль долженъ по мнѣнию Альбрехта предупредить столкновеніе съ бранденбургскими претендентомъ и сохранить дружескія отношенія со всѣми нѣмецкими князьями. Альбрехтъ совѣтовалъ Фридриху обѣщать ежегодную пенсію, чѣмъ, вѣвъ всякаго сомнѣнія, маркграфъ и удовлетворится. Фридрихъ отвѣчалъ послу Альбрехта прусскаго, что дѣло, поднятое маркграфомъ, на столько важно, что должно быть болѣе всесторонне обсуждено, а потому на время и откладывается; ему необходимо переговорить объ этомъ съ герцогами, братомъ и двумя дядями, онъ къ тому же занять теперь войною съ Швеціей; пусть поэтому маркграфъ дождется окончанія шведской войны, отъ долга же въ 170.000 гульденовъ онъ теперь уже рѣшительно отказывался.

Брачный договоръ и обѣщанія, связанныя съ нимъ, Фридрихъ считалъ беззаконными и шедшими въ разрѣзъ съ обычаями государства.

Долгія пренія возникли у королевскихъ совѣтниковъ съ канцлеромъ и каммермайстеромъ маркграфа, явившимся въ Данію и отъ имени маркграфа требовавшимъ удовлетворенія притязаніямъ своего государя; споры эти ни къ чему не привели. То же было и съ оживленною перепиской короля съ маркграфомъ; тонъ въ письмахъ послѣдняго становился все раздражительнѣе и рѣшительнѣе, онъ грозилъ оружиемъ. Угроза должна была скоро перейти къ дѣлу: маркграфъ

сталъ готовиться къ войвѣ и имѣлъ въ виду применить къ шведской партии въ голштинской борьбѣ. Готовившуюся борьбу бранденбургскаго маркграфа съ Даніей всѣхъ энергичнѣ хотѣлъ остановить Альбрехтъ прусскій; любопытно, что онъ писалъ маркграфу: Фридриху II, замѣтивъ, что всѣ противъ него вооружаются, рѣшился обратиться къ союзу съ Филиппомъ II испанскимъ, а этоѣ не дешево продасть свою помоць; вмѣшившись въ сѣверный распри онъ добьется господства на Балтийскомъ морѣ. Альбрехтъ повсюду распространялъ объ отношеніяхъ маркграфа къ Даніи, знать обѣ этомъ, конечно, и курфюрстъ Августъ. Маркграфъ былъ очень недоволенъ вышательствомъ Альбрехта, тѣмъ, что по его винѣ сношенія его съ Даніей оглашены и сдѣмались предметомъ общихъ толковъ въ Германіи и Европѣ. Маркграфъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ: противъ его притязаній поднялась Польша, Саксонія, а главное поднялся императоръ Максимилианъ II. Враги, поднявшіеся и о旡олчивающіеся на маркграфа были такъ сильны и опасны, что онъ предпочелъ сократить свои притязанія и удалиться со сцены сложныхъ дипломатическихъ интригъ, къ которымъ такъ мало подходилъ по своимъ средствамъ. Въ 1566 году замолкаютъ притязанія маркграфа, но Бранденбургъ, какъ извѣстно, до XVIII столѣтія все еще помнилъ о своихъ правахъ на эльбскія герцогства, подтвержденныхъ за ними императорами Германіи¹).

Какие-то враждебные планы боязливые агенты Августа саксонскаго приписывали и Ганеу Альбрехту мекленбургскому; о немъ говорили, что онъ „bös dänisch“ и носится съ „какими то опасными политическими затѣями“, вербуетъ наемниковъ на нижней Эльбѣ, въ Вестфалии и др. мѣстахъ. Скоро выяснилось, однако, что Гансъ Альбрехтъ имѣлъ просто въ виду смирить непокорный Ростокъ и съ этой цѣлью дѣлалъ свои наборы, показавшіеся столь страшными агентамъ саксонскаго курфюрста. Несомнѣнно одно, что герцогъ мекленбургскій былъ расположенъ къ Швеціи, и этого было достаточно, чтобы герцоги померанскіе откращивались отъ него, какъ отъ опаснаго человѣка. Каково же было негодованіе герцоговъ, когда Гансъ Альбрехтъ назначилъ ихъ территорию сборнымъ пунктомъ для своихъ наемниковъ. Слухъ обѣ этомъ, конечно, дошелъ до всевѣдущаго Августа сак-

¹) Весь вопросъ обѣ отношеніяхъ Бранденбурга къ Даніи въ XVI столѣтіи наслѣдованъ J. Voigt'омъ по даннымъ Кенигсбергскаго архива въ его трудѣ: Die Erb-Ansprüche des Brandenburgischen Hauses an die Herzogthümer Schleswig Holstein (въ Allg. Zeitschr. für Geschichte, von Ad. Schmidt, VII, 1877).

сонского, и онъ предостерегаль померанскихъ герцоговъ отъ сближенія съ „опаснымъ“ мекленбургскимъ герцогомъ.

Осенью 1565 герцогиня лотарингская съ своими дочерьми прибыла въ Брюссель,—фактъ, обратившій на себя вниманіе всѣхъ дипломатовъ; всѣ рѣшили, что поѣздка ея къ нидерландской правительницѣ не есть случайность. Вильгельмъ гессенскій, ставшій также сторонникомъ Даніи послѣ неудавшагося проекта родственнаго сближенія со Швеціей, замѣчалъ, что герцогиня, конечно, не для того же прибыла въ Брюссель, чтобы поѣсть тамъ печеныхъ грушъ или проптанцоватъ турь гальярда, въ основаніи этой дипломатической поѣздки болѣе глубокіе мотивы, а именно „желаніе склонить нидерландское правительство къ войнѣ противъ Даніи, о чёмъ въ народѣ ходятъ самые невѣроятные слухи“ ¹⁾). Лангэ продолжалъ опасаться лотарингскихъ смутъ, пока они руководились во Франціи кардиналомъ Лотарингскимъ, пріобрѣвшимъ такое сильное влияніе на дѣла въ Шотландіи, проектировавшимъ лигу Франціи, Лотарингіи, Шотландіи и Швеціи противъ Англіи и Даніи; честолюбіе этого человѣка не имѣло границъ, умъ его былъ всеохватывающимъ, не малы были и материальные средства, какими онъ располагалъ ²⁾).

Императоръ Максимилианъ II, желавшій скорѣйшаго мира не только внутри Германіи, но и въ Европѣ вообще, писалъ къ Христинѣ лотарингской и просилъ ее прекратить дипломатические переговоры съ Швеціей противъ Даніи и Голштиніи; они, какъ видно, беспокоили и главу имперіи, такъ какъ косвенно были направлены и на его опору. на его правую руку—Августа саксонскаго ³⁾). Городскому совѣту Франкфурта императоръ писалъ, что готовится вторженіе въ Голштинскія герцогства и Данію, и предостерегаль его отъ участія въ новой антидатской, антисаксонской лигѣ ⁴⁾). Что въ Голштиніи ожидали этого вторженія, видно изъ того, что герцоги еще лѣтомъ 1565 года заключили договоръ съ Любекомъ и Гамбургомъ и просилисосѣднихъ гер-

¹⁾ Ibidem, p. 268.

²⁾ Ср. *Languet*, Парижъ, 17-го ноября 1555: quia existinem Regem Danie oportere esse intentum in Res Scoticas, quas nimium crescere non est ipai tutum. praeſertim si procedat conjugium inter Suecum et Lotharingam propter conjuncionem sanguinis, quae est inter ipsam et Reginam Scotiae; nemo enim ignorat, quan multum isti sua ambitione comprehendant, et quale sit ingenium Cardinalis Lotharingici.

³⁾ *Regesta Diplomatica*, II. 265.

⁴⁾ *Koch*, Quellen, II,

цоговъ мекленбургскаго и лауенбургскаго также оказать содѣйствіе къ сохраненію земскаго мира ¹⁾), свои владѣнія голштинскіе герцоги называли „форбургомъ“ Даніи. Герцоги мекленбургскіе не заключили формального союза съ Голштініей, но увѣряли неоднократно Фридриха II, что они не сторонники Швеціи, и что все, что говорится о сближеніи ихъ съ лотарингской партіей,—чистѣйшій вымысел; любопытно, что они съ своей стороны старались выставить въ неблаговидномъ свѣтѣ Любекъ ²⁾), можетъ быть, вообще въ силу своей вражды къ городамъ (Ростокъ и др.), или же побуждаемые къ этому Эрикомъ XIV.

Общее впечатлѣніе, какое производятъ современные донесенія за 1565 годъ, таково, какъ будто лотарингскія интриги все еще усиливаются; одинъ современникъ съ юморомъ замѣчаетъ, что въ Данію хотятъ насильно ввести невѣсту (Ренату лотарингскую) для короля ³⁾). Не было княжества, не было города въ Германіи, который бы не принималъ мѣры къ самоогражденію. „Въ Имперіи ожидается нечто небывалое. Вооруженія дѣлаются въ грандиозныхъ размѣрахъ; вооруженные силы должны сгруппироваться въ трехъ пунктахъ—въ Лауенбургѣ, въ Гроссъ Зиммерѣ и въ Мюнстерѣ“ ⁴⁾). Рядъ противорѣчивыхъ слуховъ рѣшительно сбивалъ съ толку не твердыхъ политиковъ; слухи скрещивались, иногда въ нихъ намѣренно искажались факты,—и все это, конечно, поддерживало беспокойный духъ въ Германской имперіи. Удивительно ли, что Фридрихъ II и Августъ Саксонскій съ беспокойствомъ думали о 1566 годѣ?

И Фридрихъ и Августъ поняли, что терять времени болѣе нельзя. Они рѣшились дѣйствовать одновременно и противъ Швеціи и противъ Эриестинско-грумбаховскаго движенія; на Швецію они поднимали Максимилиана, съ Ioannomъ Фридрихомъ Августъ надѣялся самъ справиться.

¹⁾ Ibid. II, 2—3.

²⁾ Копенг. арх. Menklenburg, 6. Herzog zu Meekl. an Friderich II, Rostock, 31 окт. 1565. „Dan wir das mittst gutten bestand sagen mugen, das wir nicht Schwedisch sein viel weniger vns in des schweden bestallung eingelassen Weiter geschicht vns auch mit denn betzichtigungen, als solten wir den Lottringischen Pracktiken verwant vnd anhengig sein, zw viel vnd gantz vngutlich.... Wir wissen aber das wol, was die von Lubeck mit dem teutschen Meister aller hand practick vorgehapt haben. Cp. Ortloff, II, 262 и д.

³⁾ Копенг. арх. Mekl. 8. Aus Antorff, 1565: Die Lotaringische Practica solle noch immer jm Schwanck gehen, vnd wirt mit fleiss getrieben, vnd wie ich vornehmen, so solte man die braut mit gwalt hin jn zu fuerben vorhabens sein.

⁴⁾ Ortloff, II, 253—256.

Фридрихъ, видя, что сношения Швеции съ Западной Европой не прекращаются, еще въ 1564 году рѣшился на очень энергическую мѣру, а именно на временное закрытие Зунда для всѣхъ западныхъ народовъ; онъ прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ въ виду того, что голландцы, англичане и другие народы, не смотря на запрещеніе датскаго короля, поддерживали торговыя сношения со шведами, доставляли имъ оружіе и провантъ и давали Эрику возможность съ тѣмъ большимъ упорствомъ вести войну. Обращенія Фридриха къ нидерландскому, английскому и французскому правительству не приносили никакой пользы; подданные ихъ шли на рискъ и, не смотря на всю бдительность таможенныхъ надсмотрщиковъ Фридриха II, провозили шведамъ такъ называемые запрещенные товары: соль, оружіе и т. д. Фридрихъ II рѣшился закрыть Зундъ для всѣхъ національностей безъ различія, велѣлъ поставить военные корабли и у береговъ Норвегіи, чтобы и тамъ препятствовать всяkimъ сношениямъ со шведами, такъ какъ названные народы подъ видомъ торговыхъ сношений съ Москвою заѣждаютъ въ шведскія владѣнія Финмаркена и тамъ доставляютъ шведамъ соль, оружіе и прочие предметы. Наконецъ, въ союзѣ съ Любекомъ онъ рѣшился не допускать и нарвскаго плаванія. Это, думалъ король, единственное средство побѣдить шведскаго короля. По своему обыкновенію онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи прежде всего курфюрсту Августу саксонскому¹⁾). Послѣдній, однако, не одобрилъ та-

¹⁾ Дрезд. арх. Das Siebende Denische Buch. Фридрихъ II Августу, 6-го ноября 1564 года, Ниборгъ... das wir gegen künftige vorjhär, sofern sich der Krigk zuvor nicht enden wirdt, die Segilation durch unsre Ströme hin vnd herwider gentzlich zuschliessenn im Werck sein. Wir haben solchs mittell, wiewol es vast beschwerlich aussiehet, wir auch bis dahier ungern darahn gewolt, aus dabey angezeigten ursachen endtlich nicht wol umzugehen. Dann ob wol die communication vast der gantzen ostsee dadurch behindert werden will, derhalbenn wir dann auch willich damitt nicht eylen sollen, seitn wir danoch jtzo in dem zwang gesponnen, Dho wir abn schwedenn etwas schaffen wollen, das wir ein sollichs nicht unterlassenn mugen. Wir haben an Frankreich derwegen albereit geschrieben..., vnd hat vns der legat Dantzaeus hoffnung gemacht es werde des ortes kein sonderlich bedencken geben. Mit Hispanien vnd andern, denen es zu wissen vonnöten. wollen wir so lang einhalten, bis uns E. L. bierauff beantwortten... Wir kommen jn erfahrung, das Englische, Schottische vnd Hollender vnterm Schein Moschowijtterischer handtierungk einen langen Strich, vnsers Reichs Norwegen vorbeij siegeln und abn des schwedischen herrschaft, so zwischen Norwegen vnd den Moschowitterischen grenzen des ortts heraus fehret, Finnemarck vnd Holgelandt geheissen, dem Schwedenn abn Saltz und allerhand Munition zufuhr gethan haben, auch forthan zu thun vorhabens sein sollen.

кихъ репрессивныхъ мѣръ короля и, какъ осторожный правитель, выразилъ опасеніе, какъ бы эта мѣра, являющаяся прямымъ нарушениемъ шпейерского трактата, не повлекла за собою столкновенія съ Нидерландами и Испаніей¹⁾). На этотъ разъ Фридрихъ не послушался Августа; вообще во внутренней политикѣ своей Фридрихъ действовалъ съ большою самостоятельностью; вліяніе Августа было сильнымъ лишь во внѣшнихъ, европейскихъ отношеніяхъ Даніи.

Многіе изъ государственныхъ дѣятелей Даніи энергично совѣтывали королю закрыть временно Зундъ. Такъ поступалъ, между прочимъ, и Фелингъ, извѣстный своею умною и сдержанною политикою по отношенію къ русскимъ въ Нарвѣ. Онъ решительно настаивалъ на закрытии Зунда, говоря, что Швеція только и держится иноземной помощью. Теперь въ ней сильный голодъ, писалъ онъ Фридриху II, король прибѣгааетъ къ крайнимъ средствамъ, чтобы имѣть только возможность продолжать войну, онъ набираетъ каждого третьего человѣка и сильно нуждается въ сѣбѣстныхъ припасахъ. Еслибы датскій король, хотя бы на нѣкоторое только время, закрылъ Зундъ, то шведы, не получая ни откуда помощи, поневолѣ были бы принуждены искать мира съ Даніей на какихъ бы то ни было условіяхъ. Датчанамъ эта мѣра принесла бы, такимъ образомъ, большую пользу²⁾.

Какія же основанія приводилъ Фридрихъ II, издавая свой указъ о закрытии Зунда въ навигацію 1565 года? ³⁾ Онъ прежде всего, по своему обычаю, указываетъ, что и Польша, и Любекъ, союзники его, просили его объ этой мѣрѣ. Польскій король неоднократно обращался къ нему съ просьбой не допускать плаваніе на Нарву, столь выгод-

¹⁾ Отвѣтъ Августа, 27-го ноябр. Лохай: Erstlich das wir nicht wissen ob E. K. W. solchs auch werden thun vnd ins werck richten konnen, zum andern ob sie auch ohne letzung der alten bundtnuss vortrege und freyheiten, so die k鏍igreiche Hispanien, Franckreich, Engelandt, Schottlandt, Niederlande und andere Stende und Seestedte, der freyen segillation halben auf der Ostsee villeicht mit E. K. W. vnd dem Reich Dennemarck oder sonst haben mochten f黦lich vnd billich hinzukommen m鰈gen.

²⁾ Коненг. арх. Rusl. 9 с. „Das geschrei gehett alhier das der Schwede den dritten Mann aus dem gantzen reiche aufmache vnd das im lande uberaus grosser mangell an allerlei prouiant sei, heldtt es derhalben jederman daruor Wo E. Kon. M. den Sundt nur diesen Sommer schl sse neben dem das es grossen frucht bei dem Reussen zweifels ohn geberen wurde, das es auch darzu hoch von notten sei damitt vorstehende E. K. M. Kriegsexpedition desto leichtlicher zu gewunschtem ende geratten m chte.“

³⁾ Rapport de Adam Wiznick.

ное для московского царя и, напротивъ, страшно пагубное для его подданныхъ. Любопытно, что вся польская знать была противъ закрытия Зунда и не раздѣляла взглядовъ Сигизмунда II Августа на вредъ для себя отъ нарвскаго плаванія. Все богатство вельможъ и вассаловъ короля состояло въ вывозѣ хлѣба заграницу, закрытие же Зунда лишало ихъ всѣхъ выгодъ этого вывоза; король же, говорили они, по-прежнему склоненъ требовать субсидій на московскую войну, а гдѣ ихъ взять? ¹⁾.

Любекъ, какъ и Сигизмундъ, сильно протестовалъ противъ свободнаго для всѣхъ плаванія черезъ Зундъ; тенденція его была та, чтобы, какъ въ XIV и XV столѣтіяхъ, сосредоточить всю торговлю съ востокомъ въ своихъ рукахъ и явиться посредствующимъ звеномъ въ торговыхъ сношеніяхъ сѣвера и юга, запада и востока. Любеку въ силу этой тенденціи, конечно, важно было закрыть Зундъ для иностранцевъ, но опять напрасно думалъ, что Фридрихъ II хоть на одно мгновеніе имѣлъ въ виду его выгоды; мы увидимъ, какъ по окончаніи войны со Швеціей, Фридрихъ сталъ вести себя по отношенію къ Любеку. Фридрихъ, усвоившій такъ прекрасно іезуитскія замашки своего родственника и друга Августа саксонскаго, всегда любилъ выставлять себя безкорыстнымъ, пекущимся лишь о благѣ другихъ и свято исполняющимъ договоры и трактаты. Такъ и теперь онъ указывалъ и ссылался на свои договоры съ Польшей и Любекомъ, которые заключали въ себѣ условіе, чтобы король не допускалъ свободнаго плаванія по своимъ водамъ врагамъ своихъ новыхъ союзниковъ. За этотъ пунктъ теперь и ухватился Фридрихъ, забывая, конечно, тѣ пункты шпайерскаго трактата, которые прямо отвергали возможность какихъ бы то ни было ограниченій въ Балтійскомъ плаваніи.

Изъ европейскихъ государствъ Фридрихъ опасался одной только Испаніи. Французское правительство онъ извѣщалъ о своемъ решении черезъ Данзъ, и, думалъ онъ, во Франціи эта мѣра особенного неудовольствія не вызоветъ. Августъ совѣтовалъ Фридриху дождаться отвѣтovъ какъ отъ французскаго, такъ и отъ испанскаго и англійскаго дворовъ, чтобы нѣсколько сообразоваться съ желаніями этихъ правительствъ при проведеніи своей новой экономической и политической мѣры. Августъ обращалъ также вниманіе Фридриха на то, что сношенія съ Швеціей будутъ производиться черезъ Норвегію, гдѣ королю невоз-

¹⁾ Акты, № 28. Ср. F. van der Hoeven, *Bijdrage tot de Geschiedenis van den Sonttol*. Leyden, 1855, 54.

можно будетъ по всему берегу растянуть свои военные корабли. Но Фридриха, какъ мы сказали, мало тревожила Англія, Франція и Шотландія. Имъ по дѣломъ это новое стѣсненіе, думалъ онъ, разъ они поддерживаютъ враговъ Даніи. Другое дѣло Испанія и Нидерланды. Все богатство Нидерландовъ было въ ихъ торговлѣ, лишиться ея было равносильно совершенному банкротству. Предвидя сильное неудовольствіе мадридскаго и брюссельскаго дворовъ, Фридрихъ II отправилъ къ Маргаритѣ пармской своего рейхсрата мана Люкке¹⁾. Онъ долженъ былъ указать на полное право Датскаго короля закрывать свои проливы и воды для иностраннѣй державъ, разъ съ этимъ связана судьба его королевства, разъ этого требуетъ „его собственная королевская репутація“. Люкке надлежало указать правительницѣ Нидерландъ на всѣ причины, вызывающія эту рѣшительную мѣру и сказать ей, что король предпринялъ ее не противъ союзниковъ и друзей Даніи, а исключительно противъ Швеціи. Пусть поэтому, говорилъ Люкке Маргаритѣ, испанское правительство не предпринимаетъ ничего враждебнаго противъ Даніи²⁾.

Въ мартѣ 1565 года Фридрихъ II самъ обратился съ письмомъ къ Маргаритѣ и рѣшительно заявлялъ, что его рѣшеніе закрыть Зундъ неизмѣнно, такъ какъ этою мѣрою только и возможно будетъ заставить шведскаго короля искать мира, а съ мирными исходами настоящей войны связано экономическое процвѣтаніе всѣхъ соѣдникъ государствъ. Сама справедливость требуетъ, пишетъ король, чтобы тѣ, кто въ мирное время извлекаетъ выгоды изъ плаванія на Балтийскомъ морѣ, теперь въ виду войны и затруднительного положенія Даніи, во власти которой ключъ къ этому морю, временно дѣлили съ ней и невзгоды ея.

17-го апрѣля 1565 года Фридрихъ отправилъ короткую записку Августу саксонскому, въ которой говорилъ, что какъ скоро онъ убѣдится въ дружескомъ настроеніи къ нему Испаніи, никто ему не страшенъ: ни Лотарингія, ни Грумбахъ, ни другие враги.

Фридрихъ II скоро, однако, долженъ былъ убѣдиться, что въ

¹⁾ Дрезд. Арх. Фридрихъ Августу, 17 апр. 1565 г.

²⁾ Брюссельск. арх. Ср. письмо Фридриха къ Маргаритѣ отъ 6го октября 1564: Welch dann vnser verhoffens die K. W zu Hispanien Zu vnnserm bestenn auch also ermessenn vnd vnzweifelich geneigt sein werden mit vnns jn dieser gelegenheit desfals souiel immer muglich freundlich vnd bruderlich gedult zuhaben vnd zu vnner vnd vnnerer Reiche hochstenn geferligkeit ein gerings bey denn Ihren nicht alzu hoch anzuziehen.

Нидерландахъ вовсе не желаютъ терпѣть нарушеній шпейерскаго трактата. Тамъ заговорили такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что уже черезъ годъ король вынужденъ былъ смягчить свой запретительный указъ для голландцевъ.

Слѣдствіе зундскихъ стѣсненій обнаружилось въ Голландіи прежде всего въ сильномъ повышениі цѣны на хлѣбъ. 6-го мая 1565 года Вильгельмъ Оранскій сообщалъ Маргаритѣ, что цѣна на хлѣбъ въ шесть дней возросла отъ 30 флориновъ золотомъ за ласть до 50. Къ 15-му мая цѣна на рожь поднялась уже до 52 flor. золотомъ за ласть, а на ячмень до 72 flor. Повсюду стали раздаваться жалобы на небывалую дороговизну. Правительство тогда вынуждено было издать плакаты, запрещавшіе вывозъ изъ Нидерландъ хлѣба въ сосѣднія государства¹⁾. Въ маѣ въ Зундѣ прибыло 200 голландскихъ кораблей; такъ какъ король запретилъ пускать ихъ въ датскія гавани, то при первой бурѣ имъ грозила опасность. Съ каждымъ мѣсяцемъ положеніе Нидерландъ становилось затруднительнѣе. Въ Амстердамѣ опасались народныхъ движений. Маргарита въ письмахъ къ Фридриху II указывала ему, какъ несправедливо изъ-за нѣсколькихъ частныхъ случаевъ лишать цѣлья государства и народы плаванія и торговли на Балтийскомъ морѣ; она увѣрена, что король отмѣнитъ незаконное запрещеніе и поэтому еще не снеслась по этому дѣлу съ мадридскимъ дворомъ. Этотъ „кокетливый“ дипломатический маневръ не удался. Фридрихъ снова повторялъ правительству Нидерландъ, что рѣшеніе его твердо и неизмѣнно; онъ выставлялъ прежніе мотивы къ временному закрытию Зунда и полагалъ, что дѣйствуетъ съ полной справедливостью; пусть же, говорилъ онъ, всѣ, кто въ мирное время пользовались значительными выгодами, теперь раздѣлять съ нимъ невзгоды войны и понесутъ временно нѣкоторые расходы.

Маргарита была въ большомъ затрудненіи; говорили уже, что она рѣшилась соединиться съ Лотарингіей и Эрнестинской партіей въ Германіи и объявить Давіа войну. Вильгельмъ Оранскій представлялъ ей два исхода: или вооруженною силою добиться свободнаго проѣзда черезъ Зундъ для своихъ подданныхъ, для чего необходимо выслать въ Зундъ значительный военный флотъ; или прибѣгнуть къ дипломатическимъ переговорамъ. Первый путь сопряженъ съ большими расходами; если торговыя суда придется каждый разъ сопровождать воен-

¹⁾ Gachard, Correspondance de Guillaume le Taciturne, prince d'Orange, 1847 II, 90—94.

ными, то цѣны на хлѣбъ не могутъ понизиться; объявить же Даніи войну—значить положиться на счастье; кто знаетъ, замѣчалъ Вильгельмъ, на чьей сторонѣ останется побѣда. Гораздо надежнѣе путь дипломатическихъ переговоровъ; ухудшать отношенія къ Датіи, по его мнѣнію, не слѣдуетъ; достаточно было бы на первое время добиться отъ датскаго короля пропуска въ Голландію кораблей, идущихъ изъ Данцига, Польши и Ливоніи, а затѣмъ и проѣзда черезъ Зундъ голландскихъ кораблей, нагруженныхъ балластомъ, который уже шведамъ совсѣмъ не нуженъ. Можеть быть и такъ, что за крытіе Зунда вызвано интригами нѣкоторыхъ монополистовъ, въ надеждѣ воспользоваться дороговизною хлѣба для собственныхъ выгодъ; если такъ, то правительницѣ необходимо принять противъ нихъ самыя строгія мѣры.

Маргарита приняла совѣтъ Вильгельма и съ одобреніемъ своего брата рѣшилась отправить къ Фридриху II посольство. Баронъ Баттембургъ, на которомъ Маргарита остановилась было въ своемъ выборѣ, отказался отъ возложенной на него миссіи, и во главѣ посольства стала Zegher de Groesbek, лейтенантъ графа д'Аренберга и братъ епископа ліэжскаго.

Отъ имени Филиппа и Маргариты посолъ Грѣсбекъ просилъ датскаго короля отмѣнить запрещеніе плаванія черезъ Зундъ. Онъ указывалъ королю на небывалую дороговизну, возникшую вслѣдствіе закрытія Зунда во всѣхъ провинціяхъ Нидерландъ; накопились большие запасы вина, соли, сельдей и др. товаровъ, которые голландцы обыкновенно сбывали въ восточную Европу, откуда привозили хлѣбъ. Теперь вся эта торговля стала. Данцигъ и другіе прусскіе города также не посыпаютъ въ Нидерланды своихъ торговцевъ и споншенія съ ними прекращены. Къ королю и правительницѣ не перестаютъ приходить жалобы на несправедливыя притѣсненія въ Зундѣ; однажды 300 кораблей были задержаны тамъ въ продолженіе 6 недѣль.— срокъ, въ который они могли бы безъ труда совершить два или три рейса. Транзитную пошлину датскій король также сталъ повышать; Грѣсбекъ указывалъ на случай, когда 4 корабля съ солью, направляясь въ Ригу, должны были заплатить таможеннымъ чиновникамъ въ Зундѣ 1.200 талеровъ. Сверхъ обычной подати была назначена еще специальная по $3\frac{1}{2}$ талера за каждый ласть соли. Этого мало: пошлины назначались даже съ тѣхъ кораблей, которые нагружены были одинимъ балластомъ; за 90 ласть приходилось платить 100 талеровъ. Въ 1566 году положеніе еще ухудшилось.

Нидерландскихъ купцовъ заставляли оставлять въ Данії своихъ учениковъ—*Geselle*—и опредѣляли ихъ на службу къ датскому правительству. Подати также увеличивались, стѣсненія таможенныхъ чиновниковъ стали невыносимы, и въ 1566 году голландцы убили одного изъ сборщиковъ въ Гельзингфѣ¹⁾.

Посоль затруднился бы определить общую сумму убытка, причиненного Нидерландамъ. Въ 1563 и 1564 годахъ нѣкоторымъ купцамъ приходилось противъ воли отдавать свои корабли въ распоряженіе датского правительства, которое уплатило за нихъ едва-ли пятидесятую часть ихъ стоимости. Такъ за одинъ корабль, стоявшій 27.000 талеровъ, король вѣхѣль заплатить всего 500.

Изъ этого перечня жалобъ видно, какъ широко Фридрихъ II пользовался своимъ господствомъ надъ Зундомъ.

Если Фридрихъ II январскимъ указомъ 1565 года надѣялся лишить Швецію вѣчніей, иностранной помощи, то Августъ одновременно готовилъ ей и дипломатическій ударъ, поднимая противъ нея императора Максимилиана II.

Въ первые два года своего царствованія Максимилианъ II, всецѣло поглощенный своими отношеніями къ Турціи, обращалъ мало вниманія на сѣверные события, не интересовался ими; Августъ саксонскій, сколько могъ, привлекалъ его вниманіе къ Балтійскому вопросу, неоднократно указывая ему, какъ вредно на Имперіи отразится абсолютное господство Швеціи на Скандинавскомъ сѣверѣ и Балтійскомъ морѣ: падетъ торговое значеніе Любека, вся восточная торговля сосредоточится въ рукахъ шведовъ, Балтійское море сдѣлается шведскимъ. Августъ не разъ указывалъ императору и на сближеніе Швеціи съ антигабсбургскими элементами въ Имперіи, онъ далъ императору совѣтъ — издать указъ, которымъ бы запрещались всякия сношенія представителей Германской имперіи съ подданными Эрика XIV.

Тотъ же совѣтъ далъ Максимилиану и Іоахиму бранденбургскому и онъ просилъ императора объявить Швецію въ опалѣ (*in der Acht und Oberacht ergleregen*). доказывалъ, что императоръ въправѣ это сдѣлать, впервыхъ потому, что шведскій король притѣсняетъ Любекъ, издавна имперскій городъ, пользуясь значительными привилегіями, ввторыхъ потому, что Эрикъ стремится утвердить свое господство на Балтійскомъ морѣ и захватить въ свои руки всю рус-

¹⁾ Данс. арх. IX. 17.

скую торговлю, которая раньше составляла привилегию Любека; втретыхъ, наконецъ, и потому, что отъ шведовъ терпить датский король, а онъ, какъ владѣтель Голштинія, членъ Имперіи и также надѣется на помощь и содѣйствіе себѣ императора.¹⁾.

На третій годъ войны Максимилианъ, окончивъ свои дѣла на востокѣ, могъ съ большимъ участіемъ отнестиць къ сѣвернымъ событіямъ; успѣхи шведовъ на морѣ были такъ велики, что всѣ нейтральныя государства и города стали опасаться мести Эрика за ихъ нежеланіе примкнуть къ союзу противъ Даніи. Самые сильные удары грозили Любеку, виновнику всей сѣверной войны. Изъ пассивнаго наблюдателя балтийскихъ событій Максимилианъ подъ влияніемъ, главнымъ образомъ, Саксоніи становится дѣятельнымъ сторонникомъ датско-любекскихъ интересовъ, онъ все болѣе и болѣе проникается важностью сѣверной борьбы для Имперіи и ея торговыхъ выгодъ²⁾). Максимилианъ благодарили Августа за тѣ разъясненія, какія онъ ему далъ относительно стремлений Эрика: ему понятна теперь „откровенность“ шведа³⁾, пишетъ онъ курфюрсту; „практика“ Эрика ни для кого болѣе не тайна и направлена къ захвату себѣ господства на Балтийскомъ морѣ, къ подчиненію себѣ прибрежныхъ областей его и къ присвоенію себѣ всѣхъ торговыхъ привилегій на этомъ морѣ. Священной Римской имперіи, заявляетъ Максимилианъ, грозить большая опасность отъ такихъ плановъ шведского короля. Балтийское море—имперское владѣніе, оно издавно было нѣмецкимъ. Максимилианъ рѣшилъ теперь не допускать осуществленія честолюбивыхъ замысловъ шведского короля, но медлилъ еще опубликованіемъ указа, не смотря на всѣ просьбы курфюрста Августа. Замедленіе императора было вызвано тѣмъ, что далеко не всѣ князья Имперіи одобряли предложеніе Августа, не всѣ раздѣляли взглядъ его на необходимость насильственныхъ давлений. Четыре рейнскихъ курфюрста рѣшительно

¹⁾ Любек. arch. Acta legationis Secret. M. Ioannis Engelstede ad Caesarem Maiestatem itemque Electores Saxoniae et Brandenburg. 1564. So ist der König zu Dennemark dass Herzogthumb Holstein halben ein Mitgliedt vnd Stanndt (des Reiches)—vnd Lübeck gar ein alte lobliche vnd gehorsame statt des heiligen Reichs.

²⁾ Droysen, Aus den dän. Büchern, 24: Die läbische Angelegenheit war gleichsam die Formel, welche der deutschen Kaiserkrone, handeln in die baltische Frage einzutreten, das Recht gab—welche es ihr gerade zu zur Pflicht zu machen schien.

³⁾ Archiv für österr. Geschichtsquellen, B. 31, стр. 201.

возставали противъ изданія указа; они совѣтовали императору предложить вопросъ объ указѣ на разсмотрѣніе рейхстага: пусть вѣдь выскажутъ свое мнѣніе, и тогда только императоръ въ правѣ сдѣлать какое нибудь заключеніе. Издать же указъ противъ желанія нѣкоторыхъ членовъ имперіи—ни къ чему не приведеть, надѣ императоромъ станутъ смѣяться; скажутъ, что указы, изданные не съ согласія всѣхъ представителей имперіи, теряютъ тѣмъ свою обязательную силу; многіе, не взирая на указъ, будутъ продолжать сношенія съ Швеціей.

Августъ зналъ, что многіе князья возстановлены противъ него и не хотятъ признавать рекомендованной имъ мѣры, и въ виду этого продолжалъ убѣждать императора не измѣнять своего рѣшенія, а ускорить его обнародованіе. Фридрихъ II съ своей стороны склонялъ Любекъ и Польшу обратиться къ Максимилиану съ прошкою войти въ ихъ положеніе, оградить ихъ отъ самоволія шведовъ, открыть имъ нарвское плаваніе; Любекъ, какъ подданный императору городъ, можетъ расчитывать на его заступничество. Фридрихъ вспоминалъ времена Іоанна II, когда императоръ Максимилианъ I оказалъ Данііи существенную помощь. Любекскій ратъ не находилъ лучшаго посредника въ сношеніяхъ съ императоромъ, какъ Августа саксонскаго и убѣждалъ его продолжать свое ходатайство у Максимилиана. Въ обращеніи любекскаго рата къ Августу¹⁾ говорится, что Эрикъ XIV не обнаружилъ до сихъ поръ никакого желанія начать переговоры о мирѣ съ Даніей и ея союзниками, онъ твердо идетъ къ своей цѣли и близокъ къ осуществленію своего балтійскаго господства; приморскимъ городамъ предстоитъ совершенное обѣднѣніе и разореніе, если своевременно не будетъ принято мѣръ. Настало время всѣмъ князьямъ обратить свое вниманіе на судьбы имперскихъ прибалтійскихъ городовъ. Потери, какія имъ ежедневно причиняются, страшны по своимъ размѣрамъ. Изъ ихъ рукъ уходитъ, впервыхъ, вся торговля съ русскими, которую уже захватываютъ въ свои руки другія государства Европы, доставляющія русскимъ порохъ, оружіе, военные спаряды, чѣмъ русскіе очень дорожатъ: это усиливаетъ ихъ, обеспечиваетъ за ними успѣхъ въ ливонской борьбѣ; между тѣмъ русская торговля, какъ всѣмъ известно, съ давнихъ поръ была исключительно прилегіей прибалтійскихъ, венденскихъ городовъ. Въторыхъ, какъ скоро шведскій король добьется господства на Балтійскомъ морѣ, всѣ при-

¹⁾ Акты, № 25, стр. 54—56.

балтийские города ожидаетъ полное рабство у шведской короны. Любекъ, при этомъ, вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда вся торговля Западной Европы съ восточной, южной и съ сѣверной проходила чрезъ его руки. Теперь западные и южные государства уничтожаютъ значеніе Любека на Балтийскомъ морѣ. Втретыхъ, если Швеціи удастся въ конецъ ослабить Данію и балтийские города, то некому будетъ защищать и Ливонію отъ московитовъ, которые легко утверждатся на восточномъ побережье Балтики и будутъ съ этой стороны грозить Имперіи. Успѣхи московитовъ тѣмъ возможнѣе, что они начинаютъ обзаводиться флотомъ, покупаютъ на западѣ корабли, приглашаютъ ботеманновъ; усовершенствуясь въ морскомъ дѣлѣ, русскіе явятся грозными союзниками имперіи, справиться съ ними тогда не будетъ никакой возможности. Это мнѣніе Любека, пишетъ его рать Августу, раздѣляютъ всѣ, кто сколько нибудь знакомъ съ характеромъ русского народа, съ его способностями, быстрымъ усвоеніемъ разъ видѣннаго и слышаннаго.

Августъ переслалъ императору живое обращеніе къ нему Любека и торопилъ его изданіемъ мандата. Перваго августа 1565 года онъ писалъ Максимилиану, чтобы онъ не обращалъ вниманія на несогласіе нѣсколькихъ князей имперіи, а дѣйствовалъ въ силу принадлежащей ему власти и авторитета для пользы и выгоды Имперіи. Долгъ императора заботиться о благосостояніи подданныхъ, а кому всего больше угрожаетъ абсолютное господство шведовъ на морѣ, какъ не имперскимъ городамъ и Любеку по преимуществу? Если императоръ будетъ медлить, настанетъ зима, и тогда всякий указъ, запрещающій сношенія съ Швеціей, явится запоздалымъ, а потому и лишеннымъ смысла.

Максимилианъ внялъ, наконецъ, настоятельнымъ просьбамъ Августа саксонскаго и Любека и 30-го ноября 1565 года издалъ свой указъ о запрещеніи всякихъ сношеній съ Швеціей¹⁾). Августъ имѣлъ осно-

¹⁾ Ср. Quellensammlung fü*r Schleswig-Holst. Geschichte*, II, 2, 3. Оригинальный указъ въ Берлинскомъ, копія—въ Дрезденскомъ архивѣ.—Въ Дрезденскомъ же архивѣ и инструкція Максимилиана его посламъ, отправленными къ курфюрстамъ отъ 20-го июля, Вѣна, 1565 г. Здѣсь стремленія Эрика выражены такъ: король „hat alle seine Anschlage dahin gerichtet, das er sich der ganzen Ostsee ain ain-nigen Herren machen, alle daran wohnende Stende, Land und Volcker unnder-trucken, die Comercien und freije gemaine Hanndtierung solcher Ostsee allein in seinn aintzige gewaltige hannd bringen, und also das hait. Reich Teutacher nation diser orten jn unüberwindlichen schaden fueren mochte“. Балтийское море—ein weijtt berumpten Teutschchen meer der Ostsee.

вание торжествовать; ноябрьский указъ былъ косвеннымъ ударомъ и для нѣмецкихъ князей—сторонниковъ Швеціи, съ которыми справиться представлялось уже болѣе легкимъ.

Вотъ самое краткое содержаніе императорскаго указа: Обращаюсь ко всѣмъ курфюрстамъ, духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ, ленникамъ и прочимъ представителямъ Имперіи¹⁾), Максимилианъ указываетъ на неустанныя старанія своего отца и предшественника въстановить миръ въ сѣверной Европѣ, явить посредничество воевавшимъ державамъ, изъ которыхъ только Данія отклинулась на мирный зовъ его, Швеція же—нѣтъ; когда всѣ князья собрались въ Ростокъ, одна Швеція не прислала сюда своихъ депутатовъ, и представители конгресса напрасно проходили ихъ нѣсколько мѣсяцевъ²⁾). Въ виду такого враждебнаго къ Имперіи отношенія шведскаго короля,—онъ задержалъ у себя и послы императора,—въ виду также его посиятельствъ на свободу имперскихъ городовъ, Максимилианъ снова обращался къ нему, съ просьбою отозваться на мирное посредничество его и князей, предупреждалъ его, что въ случаѣ отказа онъ, императоръ, будетъ вынужденъ прибегнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы прекратить самоволіе шведовъ³⁾). И на это свое обращеніе императоръ не получилъ отвѣта. Между тѣмъ къ нему ежедневно приходили извѣстія о новыхъ несправедливостяхъ и насилияхъ, учиняемыхъ королемъ; онъ стремился подчинить себѣ свободное Балтийское море, уничтожить торговлю и плавигацію на немъ нѣмцевъ. Любекъ сильно подавленъ этими мѣрами, ему грозить совершенное обѣднѣніе; спасить такое умаленіе своей репутаціи, своего авторитета императоръ болѣе не можетъ. Какъ глава Имперіи и христіанства, какъ Римскій король, онъ обязанъ заботиться о благѣ своихъ подданныхъ и не допускать поруганія чести Имперіи, отсюда необходимость

¹⁾ Churfürsten, Fürsten, Gaistlichen vnd Weltlichen, Prelaten, Grauen; Freyen, Herrn, Reitern, Knechten, Landssauptleuten, Landvögten, Hauptleuten, Vitzthumbern, Vögten, Pflegern, Verwesern, Ambtleuten, Landrichtern, Schultheissen, Burgermaistern, Richtern, Räthen, Burgern, Gemainden, vnd sonst allen andern. vnsern vnd des Reichs, auch vnsrer Khunigreich, Erblichen Fürstenthumb vnd Lande, vnderthanen vnd getrewen, was wierden, Stands oder Wesens die sein...

²⁾ Biss in den dritten Monat.

³⁾ das wir alssdan nach denen mitin vnd wegen, notwendiglich würden trachten müssen damit dannoch solche beschwerliche khriegssübung abgestellt, vnd in sonderheit vnsere vnd des Reichs angehörige so Recht leiden mögen... vor gwalt geschützt vnd bey friedem vnd recht bleiben vnd gehandhabt werden möchten..

рѣшательныхъ мѣръ противъ шведскихъ „практикъ“ ¹⁾). Императоръ предписываетъ каждому члену Имперіи, подъ страхомъ немилости и тяжкаго наказанія, слѣдить за тѣмъ, чтобы въ Швецію не доставлялись изъ Имперіи никакие товары, чтобы прекращены были всякия сношенія съ ней. Въ силу долга и повиновенія все члены имперіи должны задерживать всѣхъ, направляющихся въ Швецію съ купеческими товарами, провіантомъ, военными снарядами, оружиемъ и т. д. Кто, не взирая на императорскій указъ, будетъ продолжать свои торговыя сношенія съ шведами, лишится покровительства земскаго мира, будетъ подвергнутъ конфискаціи имущества, лишенъ всѣхъ правъ и привилегій, всѣхъ регалій и леновъ. Строго запрещается допускать въ своихъ земляхъ наемъ рейтеровъ или кнѣхтовъ и разрѣшать проѣздъ ихъ въ Швецію ²⁾.

Это запрещеніе имѣть силу до тѣхъ порь, пока шведскій король не удовлетворить всѣхъ требованій императора, не прекратить стѣсненій и преслѣдованій имперскихъ городовъ, не откажется отъ своихъ беззаконныхъ стремленій къ господству—dominium—на Балтийскомъ морѣ.

¹⁾ ...vns khomen auch von tag zu tag, je lenger je mer, von ansehenlichen, namhaftten Orten vnd Personen, glaubwirdige bericht, erinnerung vnd warnung ein, das vnder oftgemeltes Khünigs Namen jetzt mer, dann vor je allerhand vnrnehige Practiken vnd bewerbung im Reich... furlauffen. vnd die gantze Ostsee vnderwürfig zumachen, vnd alle darauf biss daher uebliche Nauigation, Commertien, handthierung vnd gwerb allain in seiner lieb hand zubringen, etliche vnsere vnd des heiligen Reichs angehörige an der See gesessne vnd anrainende Stende vnd Glieder, so sich der See bissher gebraucht vnd sonderlich... Lübegk, ...gantz vnd gar ausszumatten, zuuertrucken vnd vnder seines lieb gwalt zubringen.Mitlerweil, nit desto weniger die Domination in der Ost See zu affectuiren, die freie Nauigation... vnserrn vnd des heiligen Reichs angehörigen abzustricken vnd zubenemen, dieselben seiner lieb zuzuaaignen vnd also... dem ...Reich schaden vnd nachthail, zuzufügen sich vnderstehen solle, Vns auch, als Römischem Khaiser vnd obriestem Haupt des heiligen Reichs, demselben in die leng nit zuezusehen, sonder vilmer solchen des Khünigs zu Schweden vnzimlichen furnemen ...zuveruen.

²⁾ Das sich niemands auss Euch binftro vnderstehen wirdet... ainiges Kriegssuolck, zu Ross oder Fuss, im Heil. Reich zuwerben, anzunemen oder auch das selb, noch sonst ainiche Waffen oder Wehr, von Geschütz, Munition, noch ainicherley Kriegssrüstung, auch kain Prophant, noch Wahr, Kaufmanschaft oder Gätter zuezfuren vndersteh. Auch Ir die Obrigkeiten solche zufuhr, dessgleichen den Kriegssuolck ainigen musterplatz, Pass oder Durchzug noch Ewern Vnderthanen sich dem K. zu Schweden zu guetem wider des Reichs Glieder vnd Stende bestellen zulassen, nit gestatten, in kainerley weise noch wege, sonder ain jeder sich dessen gentzlich entholte. Оканчивается указъ словами: Das mainen wir ernstlich.

Указъ императора долженъ быть быть опубликованъ во всѣхъ княжествахъ, городахъ, селахъ, приморскихъ центрахъ и т. д., такъ чтобы никто не могъ сослаться на то, что ему почему либо указъ остался неизвѣстнымъ.

Любопытно, что ноябрьскій указъ 1565 г. императора Максимилиана II не произвелъ на Эрика никакого впечатлѣнія, ни мало его не обезпокоилъ. Онъ пишетъ вскорѣ по полученіи извѣстія объ указѣ одному изъ своихъ приближенныхъ, что увѣренъ, что всѣ приморскіе города, не взирая на запретительный указъ императора, по прежнему будутъ сноситься съ Швеціей, ибо „какъ у насъ въ Швеціи, такъ и на всемъ свѣтѣ запрещенный плодъ всегда особенно заманчивъ и его всего болѣе добиваются“¹⁾). Король не ошибся: помѣранскіе города не оставили своихъ выгодныхъ торговыхъ сношеній со шведами, сами прѣѣзжали въ Швецію и у себя давали приютъ шведскимъ купцамъ и агентамъ. Эрикъ теперь съ особеннюю заботливостью поддерживалъ торговыя сношенія своихъ подданныхъ съ Россіей. Русскіе привозили въ Выборгъ большие запасы провіанта, и шведы быстро все раскупали. Русскіе купцы имѣли въ виду отправиться въ самую Швецію, въ Стокгольмъ, съ коноплей и соболями, о чёмъ короля извѣщалъ Бертиль Іоренссонъ. Эрикъ отвѣчалъ ему, что русскихъ не только не слѣдуетъ не допускать въ Швецію, а напротивъ, всѣми мѣрами привлекать ихъ туда²⁾). Изъ этого мы видимъ, что Фридрихъ II съ излишнимъ оптимизмомъ относился къ увѣреніямъ московскихъ чиновниковъ въ Нарвѣ, которые обѣщали строго взыскивать съ каждого, кто бы сталъ поддерживать торговыя сношенія со шведами. 26-го августа 1566 года Фридрихъ писалъ Августу, что некоторые русскіе торговцы дѣйствительно доставили шведамъ селитру и другие товары, но что по просьбѣ его, короля, это теперь прекратится; виновники попесутъ строгое наказаніе³⁾.

¹⁾ *Silberstolpe*, 47.

²⁾ Ibid. 44. 60. Акты № 306; есть отрывокъ изъ письма къ Фридриху Августа (Дрезд. арх.): Es gelangt wol von fern ahu vns, ehr (Эрикъ) solle mit dem Muscowitzter Verstandt haben vnd sich seiner hülffe getröstten, auch damit vmbgehen, dz er — den Muscowitzter Reuel mit besondern conditionen übergebe vnd einreume, weil ehr es villeicht ohne das nicht zuerhalten vormeint. Es kumpt vns bestendige kuntschaft ein ehr habe heimlich seine gesante bey vnsrem Vettern H. Johann Friderich zu Gota gehabt, vnd daselbet mit Grumbach vnd den andern Echtern practiciren lassen.

³⁾ Курф. сакс. императору по поводу изданія мандата противъ Швеціи—Walchenstein, 1 августа 1565 г.: Wir bethen aber undertheniglich, do etzliche

Но если указъ 5-го ноября не подѣйствовалъ на Эрика, то явился гарантію успѣха въ борбѣ Августа съ веймарскимъ герцогомъ, и образовалъ широкую брешь въ шведско-лотарингскихъ „практикахъ“ и „интригахъ“¹⁾). Теперь Августъ могъ съ большою уѣтренностью повести борьбу съ своими противниками. На рейхстагѣ 1566 года онъ съ свойственною ему одному энергіей повелъ дипломатическую борьбу съ готско-веймарскими сторонниками; былъ моментъ, когда онъ находился въ такомъ „дипломатическомъ“ затрудненіи, что только съ его искусствомъ можно было рѣшить стоявшую на очереди дилемму. Дѣло въ томъ, что на рейхстагѣ 1566 года рассматривалось и дѣло курфюрста Фридриха III; съ его падениемъ былъ бы нанесенъ смертельный ударъ кальвинистамъ, гугенотамъ, съ которыми Августъ вовсе не желалъ порывать: ихъ падение содѣй-

under den Churfürsten(a именно 4 реинск. Курф. не одобряли намѣренія Имп—а) mit Irer Maist. disfals nicht einstimmen würden, wie wir dan wol erachten möchten, das darüber sonderbare bedenken gefallen würden, Ire Mt. wolle nicht desto weniger die nottuſſt diser grosswichtigen sachen für sich erwegen, vnd wan gleich von dem Churfürsten einhellige antwort derenthalben nicht gefallen solt, Iedoch dorinnen Ire Mat. autoritet und des Reichs nuts vnd wolfart fürtsetzen.

Dan ire Mat. gnedigst zu bedenken dieweil unzweifelich des Königs v. Schweden entlich fürhaben dahin stünde, der Sehe derer ortt alleine gewaltig zu werden, die handlung, gewerbe und commertien seines gefallens zu hindern, die freie Schiffart zustopfen dass daran nicht allein den benachbarten stenden sondern auch dem ganzen heiligen Römischen Reiche auch andern mehr grossen vnd hohen Potentaten zum höchsten gelegen sein wölle.

So seie es auch für sich selbst pillig das sich Ire Mat. und das Reich des Reichs angehörige glieder annehme und dieselbigen unpilliger weisse nicht vorgewaltigen und bedrängen lasse, es würde dem Reich wenig fürtragen und zu nutz und vorteil gereichen das die mandaten so langsam und zu der zeit des jhars do die Sigillation auf der Ostsee one das aufhören und des winters halben eingestellt würde, ausgehen und publicirt werden sollte.—Ждать еще отвѣта изъ Швеціи—неразумно. Императоръ извѣщаетъ Курфюрста о письмѣ, полученному имъ отъ реинск. курф., они совѣтуютъ публикацией Мандата не спѣшить, отложить вопросъ объ этомъ до будущаго рейхстага: So seind wir auch sonst von andern orten her wolmeindlich gewarnet worden, in allweg wol zuerwegen und zu bedencken, da solche Mandat nit von allen Ständen bewilligt und durch einen oder mehr der benachbarten oder anderer Stände nit exequirirt werden sollten, was solche Mandat bei Schweden würden, auch was vns vnd dem heil. Reich für Schimpf und Spott auf solchen fall daraus erfolgen würde, und deswegen mit solchen Mandaten ohne vorwissen, Rath und zuthun gemeiner des heil. Reichs Stände nicht fürzugehen.—(Archiv für Sachs. Gesch., V, 51).

¹⁾ Droysen, I, 84.

ствовало бы внутреннему единству и силѣ Франціи, чего Августъ наименѣе желалъ въ виду общихъ интересовъ, связывавшихъ Францію съ Эрнестинской линіей; стать на сторону Пфальца, поддержать на рейхстагѣ Фридриха III было, съ другой стороны, и равносильно размолакъ съ вѣнскимъ дворомъ, порывать съ которыми не входило въ политическую программу Августа; императоръ тотчасъ нарушилъ бы свои дружескія отношенія къ курфюрсту Саксонскому и тогда, где было ему искать поддержки, помочи противъ Иоанна Фридриха? Трудную дипломатическую игру, ему предстоявшую, Августъ началъ съ того, что по отношенію къ фанатическимъ, ортодоксальнымъ лютеранамъ принялъ сторону пфальцграфа; съ другой стороны, онъ передалъ императору свой голосъ за приговоръ Фридриха III, и декреть противъ послѣдняго, дѣйствительно, былъ составленъ 14-го мая. Въ награду за это императоръ издалъ строгій указъ противъ Грумбаха и давалъ три мѣсяца срока для выполненія его; кто не исполнитъ воли императора, подвергается имперской опалѣ. Какъ только Августъ достигъ желаемаго узала императора о Грумбахѣ, онъ въ самый кризисъ рейхстага „дезертировалъ“, бѣжалъ. Послы его, не имѣя отъ него никакого полномочія, не могли примкнуть ни къ одному рѣшенню партій и этимъ, помѣщали исключенію пфальцграфа изъ имперіи и лишенію его привилегій земскаго мира; этимъ предупредили они и тѣснѣшее соединеніе Фридриха III съ Иоанномъ Фридрихомъ эрнестинскимъ. Въ это именно время Грумбахъ, злой геній Иоанна Фридриха, какъ его называли, начерталъ смѣдый и своеобразный по своимъ комбинаціямъ планъ: навербовать кнектовъ на нижнемъ Рейнѣ, въ Вестфалии, Бранденбургѣ и Помераніи, и съ этими силами одновременно вторгнуться и въ франконскія епископства и въ владѣнія курфюрста саксонскаго. Среди военныхъ дѣйствій Иоаннъ Фридрихъ долженъ былъ явиться въ Виттенбергъ и тамъ возложить на себя курфюрстскую корону. Въ этомъ чисто германскомъ движеньи должны были принять участіе Франція, Швеція и Турція; онъ вторженіемъ съ запада, съ вѣра и востока должны были помочь Иоанну Фридриху побѣдоносно достичнуть Вѣны и тамъ перемѣнить курфюрстскую корону на императорскую. Итакъ, въ виду имѣлась общеевропейская коалиція въ духѣ XVII столѣтія противъ габсбургскаго и альбертинскаго домовъ.

Но вся грандиозная дипломатическая интрига Грумбаха и герцога саксонскаго разбилась о тонкій и расчетливый умъ Августа; она рухнула, какъ карточные проекты; Августъ добился у императора

опальной грамоты на Іоанна Фридриха и самъ взялся привести се въ исполненіе. Въ началѣ 1567 года подданные Іоанна были освобождены отъ при сиаги своему государю и присягнули Іоанну Вильгельму, брату Іоанна Фридриха, стороннику императора и курфюрста саксонскаго. Августъ съ желѣзною энергией взялся за борьбу съ своимъ врагомъ. 14-го апрѣля Гота пала; Іоаннъ Фридрихъ сдѣлался пленникомъ курфюрста и въ 30-ти лѣтнемъ плену окончилъ свою жизнь; Грумбахъ и его сторонники были казнены; казненъ послѣ мучительныхъ допросовъ и агентъ Іоанна Фридриха, попавшійся въ руки датчанъ и переданный Августу Дрезденъ восторжествовалъ надъ Веймаромъ. Революціонное движение въ Германіи было подавлено, авторитетъ габсбургскаго императора возродился; косвенный ударъ нанесенъ былъ и Франціи, охотно поддерживавшей разныя смуты въ имперіи; но, что важнѣе всего для насъ.—готская катастрофа, бывшая торжествомъ для дипломатіи Августа, не осталась безъ вліянія на ходъ сѣверныхъ событій. она явилась фатальнымъ ударомъ и для вѣнчайшей политики Швеціи, дала возможность Данії всесило отдаваться борьбѣ съ Эрикомъ, не бояться болѣе новыхъ враждебныхъ диверсій съ юга и смѣло углубляться въ Швецію, ища пораженіе за пораженіемъ несчастной странѣ, король которой подъ давленіемъ всѣхъ событій этого года впалъ въ умопомѣшательство.

Ноябрьскій указъ императора, закрытіе Зунда, временное запрещеніе нарвскаго плаванія, Гота и торжество Августа—все это мониты, стоявшіе въ тѣсной связи и значительно поколебавшіе положеніе Швеціи. Дѣйствительно, съ этихъ поръ и военная дѣла шведовъ шли уже не такъ удачно, какъ раньше,—мы отмѣтимъ ходъ ихъ за послѣдніе годы царствованія Эрика XIV,—съ этихъ поръ начинается и движение въ пользу плененнаго Іоанна. Энергія все еще не покидала короля: на рейхстагѣ 1566 года¹⁾ онъ обратился къ сословіямъ съ замѣчательною рѣчью, въ которой прежде всего постарался всю вину неудавшихся мирныхъ попытокъ взвалить на датчанъ. Затѣмъ онъ высказалъ мысль, давно созрѣвшую въ немъ,—что вѣчный миръ между Даніей и Швеціей возможенъ только въ томъ случаѣ, если одному народу удастся подчинить себѣ другой. Что эта мысль была справедлива, видно изъ требованій, какіяставила Данія и Швеція. Первая требовала себѣ Эльфсборга и всего Вестерготланда (Верендъ, Маркъ и Киндъ), кроме того—всего, чѣмъ

¹⁾ Nilsson, 39 и д.

шведы владѣли въ Ливоніи, и военной контрибуції. Шведскій король долженъ быть оставить датскій гербъ, датскій же король сохранилъ право носить всѣ три скандинавскихъ герба, онъ предъявлялъ притязанія на Кальмарскую унію. Самое же несообразное было требование—чтобы шведскій король безъ согласія Даніи не могъ заключать договоровъ съ иностранными державами и чтобы союзники Даніи пользовались совершенной свободою на Балтійскомъ морѣ: другими словами Швеція должна была довольствоваться второстепеннымъ значеніемъ на сѣверѣ Европы, была какъ бы въ политическомъ подчиненіи у Даніи-Норвегіи.

На эти требованія Даніи Эрикъ отвѣчалъ не менѣе дерзкими: Швеціи должны быть уступлены области Блекинге, Герьедаленъ, Іемтланть, Голландъ, Богусъ и Норвежскій заливъ и все, что она завоевала въ Ливоніи; кромѣ того, Эрикъ сохранялъ за собою притязанія на Готландъ, Норвегію и Сконе. Еслибы брачный проектъ съ Ренатою лотарингской увѣнчался успѣхомъ, она принесла бы съ собою въ приданое королю Норвегію, Сконе и Галландъ.

Рейхстагъ склонился къ мнѣнию короля, что войну съ Даніей необходимо продолжать, объщалъ помочь для увеличенія флота и войска. Такой же взглядъ высказалъ и рейхстагъ, созданный въ слѣдующемъ году. На немъ рѣшено было вступить въ отдѣльные переговоры съ Любекомъ, обѣщать ему новыя привилегіи и такимъ образомъ склонить отпасть отъ Даніи и Польши. Нарвское плаваніе король могъ разрѣшить имъ, но за извѣстную пошлину: за корабль съ грузомъ—одинъ розенобель, за корабль безъ груза—одинъ гульденъ; король выговаривалъ себѣ право дѣлать наборы кнектовъ въ Любекѣ, долженъ былъ добиться отъ этого города, чтобы онъ болѣе не заключалъ договоровъ съ врагами шведской короны, не доставлялъ имъ сѣбѣстныхъ припасовъ, оружія и пр. Нѣмцамъ разрѣшалось безпошлинико торговать въ пяти приморскихъ городахъ Швеціи, швейдамъ — въ пяти приморскихъ нѣмецкихъ городахъ; теряли, наконецъ, силу и всѣ долговыя обязательства Швеціи по отношенію къ Любеку, долги же частныхъ лицъ будуть уплачены городу. Извѣстно, что попытка склонить Любекъ къ отдѣльному миру съ Швеціей не удалась.

Въ началѣ 1566 года шведы изъ Смоланда сдѣлали вторженіе въ Сконе. Они въ третій разъ принялись осаждать пограничную съ Норвегіей крѣпость Богусъ, но и на этотъ разъ не могли взять ее, хотя, казалось, датчане должны были проиграть дѣло: своевременное при-

бытие събужихъ силъ спасло ихъ, и шведы, къ великому огорчению Эрика, должны были отступить. Лѣтомъ Рантцау побѣдоносно прошелъ чрезъ Вестерготландъ, никогда не встрѣчая серьезнаго сопротивленія; оба шведскіе генерала—Морнэ и Hѣstsко были взяты въ пленъ. Послѣдняя попытка штурмомъ занять Гальмстадъ также не удалась Эрику XIV.

Морскія дѣла не представляли за этотъ годъ ничего замѣчательнаго. Фридриху удалось въ 1566 году примириться, наконецъ, съ знаменитымъ Петромъ Оксе, нѣсколько лѣтъ проведшимъ при дворѣ Христины лотарингской; въ его лицѣ Фридрихъ пріобрѣталъ лучшаго финансового дѣльца, какого когда либо раньше имѣла Дания. Одинъ историкъ въ увлечении называлъ его датскимъ Сюлли¹⁾. Переговоры съ этимъ человѣкомъ начались въ сентябрѣ 1565 года; въ апрѣлѣ 1566 года король объявилъ амнистию знаменитому дворянину, который и при дворѣ Христины умѣлъ сохранить полную самостоятельность. Король далъ Оксе въ ленъ Вордингборгъ, а въ началѣ 1567 года назначилъ его штатгальтеромъ Копенгагенскаго замка, а вскорѣ—и рейхсгофмейстеромъ. Мѣры, къ какимъ Оксе прибѣгалъ, были тяжелыя, но онъ сумѣлъ вывести Данію изъ страшнаго кризиса, въ какомъ она находилась. Особенно тяжело приходилось дворянству²⁾. Въ Зундѣ Оксе завѣдывалъ таможнею, которая въ 1567 году дала чистаго доходу 560.000 кронъ, тогда какъ въ предыдущемъ году правительство получило всего 175.000. Новый министръ финансовъ въ Даніи далъ Фридриху возможность выстроить нѣсколько новыхъ кораблей и пополнить ряды своего войска³⁾. Въ январѣ 1567 года Эрикъ сдѣлалъ новую попытку завладѣть крѣпостями Норвегіи, онъ надѣялся теперь на успѣхъ въ виду того, что отъ одного норвежскаго перебѣгчика узналъ о возникшемъ среди норвежскаго дворянства недовольствѣ Фридрихомъ II. Но радостная для короля вѣсть оказалась ложною, и шведы также мало успѣли въ этомъ году, какъ и во всякой предыдущіе.

Въ октябрѣ 1567 года Рантцау перешелъ шведскую границу и направился къ Іѣнкенигу; движение его войска сопряжено было съ большими затрудненіями, въ лѣсахъ шведы имѣли наготовѣ блок-

¹⁾ Schlegel.

²⁾ Seeher, 300, 306, 316, 328, 329. На войну до августа 1567 года было израсходовано 89178½ тал. 18½ шил. Ioachim Platen Рантцау, Кон. арх. Lifl. 24 с.

³⁾ Vaupell, 116—117; Holdberg, D  anische Reichs Historie, 491.

гаузы, строили засады, срубали лѣсъ, завалявали дороги. Жители Іёнкепинга сами подожгли городъ и окрестность и покинули его; при приближеніи датчанъ сожжены былъ и Линкѣпингъ. Рантцау тщетно искалъ открытаго боя съ шведами: они уклонялись отъ битвы и все глубже отступали вовнутрь страны, влезанными вылазками беспокой своихъ враговъ. Весь путь отъ Линкѣпинга до Норкѣпинга былъ обозначенъ пожарами. Сильно пострадалъ отъ датчанъ Сёдеркепингъ, богатый торговый городъ, где было не мало иностранцевъ. Въ декабрѣ датчане построились лагеремъ въ одной мили отъ Линкѣпинга; не получая помощи изъ Даніи Рантцау не рѣшался дальше углубляться во вражескую страну и долженъ былъ отступить. Отступленіе Рантцау было сопряжено съ еще большими затрудненіями, чѣмъ его наступательное движеніе, и шведы говорили, что ни одинъ датчанинъ живымъ не выберется изъ Швеціи; только благодаря удивительной выдержанности, спокойствію и тактическому таланту Рантцау, ему удалось незримымъ достигнуть датской границы. 10-го февраля 1568 года. Блестящій походъ Рантцау не принесъ Даніи никакой существенной выгоды ¹⁾.

Морскія события этого года были незначительны. Лѣтомъ 1568 года Эрикъ имѣлъ въ виду лично предпринять походъ въ Сконе, но узналъ, что противъ него поднято цѣлое восстаніе его братьями Іоанномъ и Карломъ.

Неудача военныхъ дѣйствій шведовъ за 1566, 1567 и 1568 годы, казалось, должна была бы содѣйствовать скорѣйшему заключенію мира между шведами и датчанами, между тѣмъ попытки посредниковъ также были тщетны. Первый шагъ сдѣланъ былъ Доротеей, вдовствующей королевой Даніи. Эрикъ отвѣчалъ ей, что онъ своихъ условій не изменить: Фридриху подѣломъ тяжелыя условія за все то зло, какое онъ причинилъ Швецію.

Не мало усердія къ примиренію Швеціи съ Даніей приложили французскій дипломатъ Дансэ и императоръ Максимилианъ II. На извѣстномъ намъ уже рейхстагѣ въ Аугсбургѣ, созванномъ на іюнь 1566 г., рѣшено было обсудить и сѣверные события.

На немъ снова поднять былъ вопросъ о Балтійскихъ событияхъ ²⁾.

¹⁾ Ср. для военныхъ дѣйствій *Tidander*, D. Rantzaus Vinterfalttägi Sverige. 1567—1568. 1886. *Weßling*, 372 и д. *Mejborg*, Om Antallet af Skytter i Frederik den Andens Haere, Hist. Tidsskrift, 5 Række.

²⁾ На этомъ же рейхстагѣ присутствовалъ и послы герцога мекленбургскаго, требовавшіе освобожденія Христофа изъ польского изѣна. *Häberlin*, VI, 345.

Курфюрстскій совѣтъ стоялъ за то, чтобы Любеку возвращены были его прежнія привилегіи на Балтийскомъ морѣ, чтобы нараское плаваніе было свободнымъ; въ совѣтѣ же князей—почти всѣ были противъ притязаній Любека, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ Даніи и курфюрста саксонскаго, поэтому здѣсь энергично требовали отмѣны указа предыдущаго года. Союзникъ Фридриха II-го въ борьбѣ съ Швеціей, Сигизмундъ польскій раздѣлялъ взгляды курфюрстской коллегіи, пока дѣло шло о запрещеніи сношеній съ Швеціей, но онъ никакъ не могъ одобрить либеральнаго отношенія Августа и императора къ нараскому плаванію¹⁾). Сигизмундъ по отношенію къ Россіи держался твердой и опредѣленной политики и не желалъ идти ни на какие компромиссы. Ради нараского плаванія онъ рѣшился отправить къ императору послана, котораго снабдилъ тремя инструкціями. Въ первой (*praescriptum legationis*) заключались жалобы на сближеніе, возникшее между гохмайстеромъ и Москвою: они ведутъ оживленные переговоры, и императоръ долженъ былъ бы запретить гохмайстеру сноситься съ варваромъ и схизматикомъ, который съ императорскимъ именемъ и авторитетомъ обращается хуже змѣи и собаки²⁾). Если московить безъ иностранной помощи успѣть столь многаго достигнуть, то чего же можно ожидать, если ему удастся сблизиться съ Европой? Какая будущность предстоитъ Швеціи, Норвегіи и остальнымъ сосѣднимъ христіанскимъ государствамъ, если московить достигнетъ господства на всемъ сѣверѣ Европы³⁾? Во второй инструкціи, (*instructio secreta*) Красинскому,—такъ звали польского послана.—предстояло объяснить императору, что единственный мотивъ, заставившій польского короля вмѣшаться въ ливонскій событія, это—желаніе спасти христіанскій орденъ, притѣсняемый варваромъ-царемъ. На одной Польшѣ лежало все бремя борьбы съ русскими, тогда какъ шведскій король даже сближался съ ними. И Эрикъ, и московскій царь—такіе же тираны,

¹⁾ Еще въ 1564 г. венеціанскій посолъ доносилъ о дружескомъ настроеніи императора по отношенію къ московскому царю: *Con il quale S. M. ha frequente commercio en buona intelligenza.* *Fiedler*, 314.

²⁾ *Qui nomen et appellationem Romanam pejus cane et angue aversatur, sibi vero et titulum et coronam imperiale usurpat.* *H. Hjärtz*, 6 и далѣе—о миссіи Красинскаго.

³⁾ *Quid erit de Suetia, Norvegia et reliquis vicibus christianis Regnis ac Regionibus, si semel christianorum et catholicorum hominum favore ad augendam ac stabiliendam hanc jam pridem in animo suo designatam septentrionis dominacionem nisi coepere?*

и трудно решить, кто изъ нихъ жаднѣе, кто безчеловѣчнѣе¹). Швеція, действуя противъ Польши, не должна была бы забывать, что она всѣмъ обязана Польшѣ, которая одна поддерживала ея молодую династію.

Третья инструкція (*instructio privata*) заключаща въ себѣ вопросъ о наслѣдствѣ Бони и объ установленіи новыхъ границъ между Польшой и Силезіей. Послѣднее король затѣвалъ съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе императора отъ ливонскихъ дѣлъ.

Краснорѣчивыя доводы Красинскаго противъ нарвскаго плаванія не могли убѣдить Максимилиана, теперь уже помышлявшаго о томъ, какъ бы поднять значеніе имперскихъ городовъ на Балтійскомъ морѣ, какъ бы вернуть на этомъ морѣ авторитету имперіи подобающее ему значеніе. Максимилианъ находился подъ сильнымъ влияніемъ Августа саксонскаго, и польскій король напрасно строилъ надежды на дипломатической опытности своего посла. Императоръ не далъ Красинскому никакого опредѣленнаго отвѣта, самъ же снова обратился къ посредничеству между воевавшими державами. Послѣднее было наименѣе желательно Сигизмунду, который опасался, какъ бы императору не удалось ослабить влияніе Польши на шведско-датскія события; онъ хотѣлъ, чтобы только ему одному принадлежала посредническая роль въ сѣверной войнѣ. Между Максимилианомъ и Сигизмундомъ были еще свои личные счеты: императоръ съ неудовольствиемъ смотрѣлъ на несчастную роль своей сестры, на которой Сигизмундъ былъ женать и съ которой хотѣлъ развестись; Максимилианъ боялся, что съ разводомъ для него исчезнутъ всякия надежды на польскій престолъ послѣ смерти бездѣтнаго Сигизмунда. Какъ только Максимилианъ дѣлалъ давленіе на Польшу, Сигизмундъ грозилъ ему поддержкою Юанна Трансильванскаго, лелеявшаго мечты на венгерскую корону.

Нѣкоторыя основанія для вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши императоръ видѣлъ въ натянутыхъ отношеніяхъ Польши къ Пруссіи и нѣкоторымъ сѣвернымъ германскимъ князьямъ²); судьба Ливоніи, на которую посягала Польша, также оставалась небезынтересной императору. Сигизмундъ предвидѣлъ сближеніе Имперіи съ Москвою; этотъ союзъ вызывалъ у него наибольшій страхъ, и вотъ онъ старается всякими мѣрами занять императора у него же дома, то подстрекая венгровъ къ восстанію, то грозя императору турками, а чтобы вознаградить императора за потерю Ливоніи, онъ представ-

¹) *Uter avarior et immanior sit difficile statuere est.*

², *Hjärtne*, 1—5.

ляетъ ему въ будущемъ возможность занять польскій престолъ: отъ него, Сигизмунда, зависить уже теперь подготовить почву для габсбургскаго кандидата. Такимъ образомъ Сигизмундъ старался подѣйствовать на Максимилиана то угрозами, то заманчивыми обѣщаніями. Дипломатическая виртуозность его вигдѣ такъ не обнаружилась, какъ именно въ отношеніяхъ къ Имперіи, но, къ несчастію для Сигизмунда, другой дипломатъ виртуозъ пересиливалъ его вліяніе при вѣнскомъ дворѣ, и Максимилианъ дѣятельнѣе прежняго стаѣ относиться къ судьбамъ съверной Европы, въ особенности Любека.

Любопытно послѣдить за ролью померанскихъ представителей на рейхстагѣ. Нужно замѣтить, что ноябрьскій указъ императора Максимилиана былъ съ большимъ неудовольствиемъ принятъ какъ князьями, такъ и городами Помераніи, и изъ-за этого указа, главнымъ образомъ, явилась необходимость войти въ сношенія съ императоромъ и курфюрстами. Точное исполненіе императорскаго указа повлекло бы за собою совершенное объданіе Помераніи, всей ея торговлѣ нанесенъ быль бы тяжкій ударъ; затѣмъ, какъ скоро Померанія согласилась бы точно выполнить требование императора, ей пришлось бы столкнуться съ Швецией и борьба оказалась бы неравною: шведскому флоту ничего не стоило блокировать берега Помераніи. Всѣ эти соображенія должны были быть представлены императору. Еще до аугсбургскаго рейхстага въ октябрѣ 1565 года Иоаннъ Фридрихъ поѣстилъ императора въ Вѣнѣ, где, вѣроятно, поднималъ и вопросъ о сношеніяхъ съ Швецией, но о переговорахъ его здѣсь мы не имѣемъ данныхыхъ. Изъ Вѣны Иоаннъ Фридрихъ вмѣстѣ съ императоромъ отправился въ Аугсбургъ. Здѣсь долженъ былъ рѣшиться вопросъ, будетъ ли императоръ въ съверной политикѣ своей опираться на Августа саксонскаго, или онъ пойдетъ самостоятельнымъ путемъ. Мы уже знаемъ, что многие князья не одобряли враждебнаго отношенія Имперіи къ Швеціи, не раздѣляли и взглядовъ Августа на необходимость имперской оцѣлы и экзекуціи противъ Готы. Представители Помераніи должны были убѣдить и князей, и курфюрстовъ еще разъ обратиться къ мирному посредничеству для примиренія обоихъ воевавшихъ государей. Уже предварительные переговоры съ императоромъ померанскихъ представителей показали, какъ мало довѣрія къ нимъ питалъ онъ; виды на отмѣну или смягченіе ноябрьскаго указа были, поэтому, очень сомнительны. 24-го февраля императоръ обратился съ письмомъ къ герцогамъ и выражалъ неудовольствіе по поводу торговыхъ сношеній ихъ подданныхъ съ шведами, которымъ изъ Страныунда, Грайфсвальдена, Анклама и Штет-

тина доставляютъ и провантъ, и оружіе. Мало того, въ этихъ городахъ для шведовъ вербуются и наемные кнѣхты. Императоръ слышалъ, что его указъ 1565 года былъ выслушанъ съ преэрѣніемъ въ Стальзундѣ, закиданъ грязью и разорванъ на части. Герцоги должны прекратить такое отношеніе къ указамъ Императора и подвергнуть виновниковъ тяжкому наказанию.

Итакъ, раньше чѣмъ добиваться смягченія императорскаго указа, приходилось оправдываться отъ взвѣденныхъ на нихъ обвиненій въ *crimen laesae maiestatis*.

Слухъ о презрительномъ отношеніи Стальзундцевъ къ указу 5-го ноября дошелъ до Максимилиана изъ Любека, что, какъ нельзѧ лучше, характеризуетъ отношенія Любека къ померанскимъ городамъ. Бургомистръ Стальзунда еще въ Ростокѣ, при свиданіи съ императорскимъ посломъ Гессенштейномъ, опровергалъ обвиненіе, изшедшее изъ Любека. На рейхстагѣ сами герцоги взялись за это. Затѣмъ, они сдѣлали попытку склонить императора смягчить свой указъ, обращали его вниманіе на то, что владѣнія ихъ тянутся по морскому берегу на 40 миль и что защищаться отъ нападеній шведскаго флота для нихъ совершино не возможно, а они возникнуть тотчасъ, какъ скоро Помераніи придется буквально выполнить „указъ“. Если шведы высадятся на померанскомъ берегу, то герцогамъ нельзѧ будетъ справиться съ ними, и пе ихъ вина, если имъ тогда придется порвать съ Имперіей,—*пророческія слова*, сбывающіяся менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ¹⁾!

За герцогами каждый изъ померанскихъ городовъ прислали свои отдѣльные отвѣты на февральское письмо къ нимъ императора и требовалъ наказанія дерзкаго „диффаманта“. Всѣ города, затѣмъ, съ большинствомъ единодушіемъ просили императора смягчить для нихъ указъ 5-го ноября, такъ какъ его исполненіе равносильно совершенному обѣднѣнію ихъ.

Однако померанскіе герцоги и города ничего не добились у императора; онъ оставался твердъ въ своемъ рѣшеніи и требовалъ безусловнаго, толикаго исполненія указа. Онъ съ большинствомъ недовѣріемъ относился ко всѣмъ нейтральнымъ князьямъ и сторонникамъ Швеціи, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ возчикъ слухъ о сближеніи его съ Грумбахомъ и Лотарингіей.

Междудѣмъ Эрикъ XIV писалъ герцогамъ, что какъ скоро они

¹⁾ Blumcke, 376.

стануть выполнять указъ императора, они нарушать свой нейтралитетъ. Шведскій король всегда дружески относился къ герцогамъ и городамъ Помераніи, а теперь особенно сталъ ласкать ихъ; такъ, онъ пригласилъ герцоговъ на свадьбу своей сестры Софіі съ Магнусомъ саксонскимъ, городамъ обѣщалъ возвратить конфискованный товаръ ихъ купцовъ. Но рядомъ со всѣмъ этимъ король не скрывалъ, что Померанія совершенно въ его власти. Въ виду успѣховъ шведскаго флота въ 1565 году оказывалось, что указъ императора одна пустая угроза, и его никто не станетъ исполнять. Положеніе Помераніи было очень тяжелое; ее тѣсили съ двухъ сторонъ, и надо сказать, съ сѣвера сильнѣе, чѣмъ съ юга. Эрикъ при малѣшь упорствѣ городовъ грозилъ, что не выпустить изъ Швеціи ни одного померанского корабля, и напротивъ, если города будутъ продолжать сноситься съ Швеціей, онъ обѣщаетъ расширить ихъ привилегіи. Бюргеры приморскихъ городовъ Помераніи уже въ 1566 году, не смотря на недавній указъ, снабжали шведскій флотъ провіантомъ и различными товарами, когда онъ стоялъ въ Грейфсвальденскомъ фарватерѣ.

Въ началѣ 1567 года Любекъ рѣшился обратиться къ Максимилиану II съ просьбою обратить, наконецъ, вниманіе на незаконное стремленіе шведскаго короля сдѣлать Балтійское море своимъ „приватнымъ“ достояніемъ и лишить права плаванія на немъ всѣ остальные народы; силою своею авторитета императоръ могъ бы положить предѣлъ честолюбивымъ замысламъ шведовъ¹⁾.

Максимилианъ соглашался еще разъ обратиться къ воевавшимъ государямъ, призывая ихъ къ участію въ новомъ мирномъ конгрессѣ, назначенному на мартъ въ Стальзундѣ; онъ убѣждалъ и Фридриха и Эрика прекратить военные дѣйствія до окончанія переговоровъ о мирѣ. Въ Стальзундѣ съѣхались представители Любека, Брауншвейга, Люнебурга, Гамбурга, Висмары, Ростока, Данцига и Кенигсберга. Но между представителями городовъ царилъ полный разладъ, прийти къ какимъ-нибудь общимъ рѣшеніямъ они не могли, и прежде всего отъ другихъ представителей отдѣлились представители прусскихъ городовъ и Брауншвейга. Тутъ пробовали поднять и вопросъ о помощи городовъ противъ турокъ, но города не хотѣли и слышать о новыхъ турецкихъ поборахъ. Вскорѣ Максимилианъ II долженъ былъ убѣдиться, что среди городовъ не было согласія и относительно нарав-

¹⁾ Берлинскій архивъ.

скаго плаванія: тогда какъ одни требовали его свободы, другіе, какъ прусскіе города, рѣшительно возвставали противъ него. Представители Помераніи обращали вниманіе собравшихся на необходимость добиться открытия Зунда и отмѣны каперства на Балтійскомъ морѣ; затѣмъ, они представили люболытный проектъ перемирія. Вотъ его главные пункты: оба государства возвращаютъ всѣ свои завоеванія, выдаютъ захваченное оружіе и корабли, размѣняютъ пленныхъ, носить оба въ своеемъ гербѣ изображеніе трехъ коронъ; въ Ливоніи Польша, Швеція и Данія остаются при своихъ завоеваніяхъ, но должны признать себя ленниками Германской имперіи; Любеку должны быть возвращены его прежнія привилегіи, померанскіе же города вознаграждены за понесенные ими убытки въ войнѣ.

Практическихъ слѣдствій этотъ проектъ не имѣлъ. да и весь конгрессъ оказался безцѣльнымъ, такъ какъ Эрикъ не прислаѣ сюда ни одного депутата; изъ переписки его съ городами видно, что онъ все еще надѣялся возбудить города противъ Даніи, склонить ихъ къ активному союзу съ нимъ, но города этому не поддались: требованія короля были слишкомъ чрезмѣрны¹⁾.

Причина неявки шведскихъ пословъ именно и заключалась въ этихъ переговорахъ, начавшихся между Эрикомъ и ганзейскими городами при посредничествѣ Стальзунда и Штеттина²⁾. На Эрфуртскомъ крейстагѣ того же 1567 года снова поднять былъ вопросъ о необходимости мира на Скандинавскомъ сѣверѣ и Балтійскомъ морѣ. Здѣсь присутствовали представители всѣхъ округовъ, кроме бургундскаго, кур-рейнскаго, верхне-саксонскаго, австрійскаго, франконскаго, баварскаго, швабскаго, верхне-рейнскаго, нидерландскаго, вестфальскаго и нижне-саксонскаго. Императоръ обратился къ собравшимся въ Эрфуртѣ депутатамъ округовъ съ представленіемъ, какъ важно и необходимо достигнуть примиренія сѣверныхъ государей, безъ чего не можетъ быть достигнута свобода балтійского плаванія и торговли съ Московскимъ государствомъ. Вопросъ о парискомъ плаваніи и здѣсь, въ Эрфуртѣ, вызывалъ самые ожесточенные споры; достаточно вспомнить, что на крейстагѣ присутствовали и послы

¹⁾ Мюнх. архивъ. Liebenauer'у Veit Seng, 28 апрѣля и 6 мая. Письма его отъ 24 мая и 7 июня см. Акты, № 35 и 36.

²⁾ Ср. Girardet, Der Stettiner Friede, Dissert. Halle. 1886. См. Берл. арх. Abschied, so zu Stralsund anno 1567 beschlossen ist.

Сигизмунда II, чтобы понять какъ ожесточенность преній, такъ и рѣшеніе всего нарвскаго вопроса въ отрицательномъ смыслѣ¹⁾.

Не смотря на всѣ неудачи своего посредничества Максимилианъ въ февралѣ снова обратился къ Фридриху II съ предложеніемъ принять участіе въ новомъ конгрессѣ. Въ Копенгагенъ прибылъ гофратъ императора Іоахимъ фонъ-Берге, который и оставался тутъ до мая. Фридрихъ II сомнѣвался въ успѣхѣ императорскаго посредничества главнымъ образомъ потому, что отъ Эрика не получалось до сихъ поръ никакихъ опредѣленныхъ заявлений; Фридрихъ соглашался на переговоры о мирѣ только въ томъ случаѣ, если они будутъ вестись одновременно и съ его союзниками Любекомъ и Польшей. Датскій король не былъ доволенъ настойчивостью Берге, удивлялся, почему онъ неѣдетъ въ Швецию; когда фонъ-Берге сталъ склонять короля заключить временное перемирие, Фридрихъ заподозрилъ, не скрывалось ли за этимъ назойливымъ мирнымъ требованіемъ какого либо злого умысла, и поэтому рѣшительно отказался исполнить желаніе императорскаго посла²⁾. Штеттинскіе послы доносили изъ Копенгагена, что король настроенъ воинственнѣе, чѣмъ когда либо, рать повинуется ему и даетъ согласіе на новые налоги. Король сталъ особенно отважными послѣ славныхъ побѣдъ Рантцау.

Въ юнѣ 1567 года въ Любекѣ открылся ганзетагъ—съѣздъ представителей ганзейскихъ городовъ; на очереди стояло два вопроса—о нарвской торговлѣ и о примиреніи Даніи съ Швецией. Какъ и можно было ожидать, первый вопросъ долго и горячо дебатировался³⁾; какъ на съѣздѣ 1559 года, такъ и тутъ, не обошлось безъ взаимныхъ обличеній; Данцигъ и Любекъ оставались непримирами соперниками, стремясь каждый къ исключительному захвату всей балтійской торговли. На всѣ представленія Данцига депутаты Любека отвѣчали указаніемъ, что многіе изъ данцигскихъ купцовъ сами тайно приѣзжали въ Нарву и производили тамъ выгодную торговлю, да и Сигизмундъ II Августъ, такъ упорно настаивавшій на закрытіи нарвскаго плаванія, самъ не разъ за деньги давалъ паспорты желающимъ проникнуть въ заманчивое средоточіе русской торговли. Этимъ

¹⁾ Объ Эрфуртскомъ крѣстагѣ см. *Häberlin*, VII, 318 и д., 358. Почему *Girardet*, 16, называетъ это собраніе рейхстагомъ?

²⁾ *Girardet*, 17.

³⁾ Представители Данцига и Любека „haben sich in scharfse rede vnd widerrede eingelassen“.

аргументомъ Любекъ отражалъ всѣ нападки на него данцигскихъ депутатовъ.

Представители ганзетага поставили вопросъ, не лучше ли бы было, во избѣжаніе всякихъ споровъ, установить стапельный пунктъ въ Ригѣ или Данцигѣ. И говорить нечего, что это предложеніе принесло бы наибольшую выгоду Польшѣ и Данцигу, тогда какъ датчане и любекскіе торговцы оказались бы на второмъ планѣ; польское правительство сумѣло бы дать имъ почувствовать свою силу, его месть оказалась бы не по силамъ ни датскимъ, ни любекскимъ торговцамъ. Пренія о новомъ предложеніи были долги и жарки; конечно, Любекъ и вендскіе города его рѣшительно отвергнули. Послѣ этого снова перешли къ вопросу о Зундѣ и Нарвѣ. Къ концу съѣзда пришли къ такому рѣшенію, чтобы всѣ города по заключеніи міра между Данцигемъ, Любекомъ и Польшей съ Швеціей обратились къ скандинавскому и польскому королямъ съ рѣшительнымъ требованіемъ—объявить нарвское плаваніе свободнымъ и не препятствовать никому отправляться на Востокъ. Весь вопросъ былъ теперь въ томъ, какими путями добиться примиренія воевавшихъ государствъ. Представители городовъ рѣшили предложить воевавшимъ государямъ посредничество всѣхъ ганзейскихъ городовъ; въ самый разгаръ преній къ собравшимся отъ городовъ депутатамъ пришло письмо Эрика XIV, въ которомъ онъ выражаетъ готовность и согласіе возстановить въ своемъ государствѣ прежнія привилегіи городовъ, какъ только Фридрихъ II заключитъ съ нимъ миръ. Это письмо еще болѣе убѣдило города, что все будущее благо ихъ зависитъ отъ скорѣйшаго окончанія войны. Только некоторые представители усматривали въ письмѣ Эрика уловку чисто дипломатическую; онъ имѣлъ въ виду разъединить Любекъ и его союзниковъ, склонить первый на свою сторону.

Города извѣстили обоихъ королей о принятомъ на ганзетагѣ рѣшеніи и предлагали имъ свое посредничество. Фридрихъ II принялъ его но съ оговоркой,—если его примутъ Польша и Любекъ; онъ писалъ въ Любекъ, что ему предлагалъ свое посредничество и Карлъ IX французскій и предложилъ городскимъ депутатамъ соединиться съ французскимъ дипломатомъ Дансэ. Тѣ и другіе посредники, по мнѣнію короля, могутъ каждый въ отдельности дѣйствовать въ этомъ направленіи, принявъ заранѣе какую нибудь общую программу, общий планъ¹⁾.

¹⁾) Damit desfalls wahrheitlichkeit verhütet und die eine der andern kein hinderung gebehn̄en mocht.

Города твердо надѣялись на успѣхъ своего посредничества тѣмъ болѣе, что Максимилианъ II одобрялъ его и побуждалъ приступить къ переговорамъ, а изъ городовъ наибольшую энергию проявилъ Данцигъ. Но посредничество городовъ также мало имѣло успѣха, какъ и посредничество пѣрмѣцкихъ князей; въ данномъ случаѣ можно указать на два факта, замедлившие ходъ переговоровъ: впервыхъ, ничтѣмъ не мотивированный отказъ Данцига действовать за одно съ городами, ввторыхъ,—и Данцигъ, и Любекъ намѣренно меддили представлениемъ своихъ условий; въ послѣднемъ фактѣ Данцигъ видѣлъ главную причину неудачи мирныхъ переговоровъ¹⁾.

Случай захвата и задержки купцовъ, направлявшихся изъ Нарвы или въ Нарву, шведскими и ревельскими каперами, становился все чаще въ 1566 и слѣдующихъ годахъ; до насть дошелъ рядъ жалобъ нарв-

¹⁾ О ганзетагѣ 1567 года см. Данц. архивъ, *Acta Internunciiorum*, 1567, IX, vol. 18. Тамъ же *Liber Missivarum*, 1567. An den Burgermeister Klefelt vnd Hannus Schachmann. 23 juni 1567. Къ бургомистрамъ обращена была просьба: im nahmen allgemeiner Erb. Stette Ihre K. M. zum Frieden ermahnen, vnd vnterthennigste resolution pitten ob auch ihre M. noch der der Erb. Stette vnterhandlung leidenn knte... Und das so viel do mehr, weil sich albereit die K. W. zu Schweden gegenst die Erbaren Stette auf itzigen Anseetag zu Lubeck schriftlich erkleret, das Ihre W. der Stetten handelung eintzureumen wol geneiget, inn welcher erklerung allein dieses desideriret worden, das Ihre W. handelung einreumen wolten zwischen sich vnd der Stad Lubeck vnd also die anhangenden Kriegspotentaten darou trennen, der Erb. Stette meinung aber dermassen zuhandelen nie gewesen, derwegen auch ihre W. itzo aufs newe, durch die von Sund undt Stettin mit habender Instruction vmb entliche vnd volkomliche verstatung den frieden allerseits zubehandeln beschiket. So hatt sich auch K. W. zue Dennemarcken erkleret im fall da die friedeshandelung zum Sunde entstunde, das sie als dann der Erbaren Stette vnterhandelung wol leiden knte, wie dann Ihre W. auch abermals solcher vertrstung durch die Statt Hamburg vnd Luneburgk erinnert vnd vmb fernere zuneigungk ersucht worden.

Въ Данц. арх. Urk. Saml. XCV. B. 127. 22150—письмо Фридриха къ представителямъ ганзетага (21 ноября, Коленгагенъ.)

Cp. Bibl. Nat. Du S-eur Danzay au Roy, 24 Neu. 1567. De Lubech. Sire, les villes confederez de la Hanze envoient presentement leurs ambassadeurs deuer V. M. avecque telle charge que je massure quilz satisferont a ce qu'en auez espere. Aussi ils ont si expres commandement daller jusques en france quelques troubles quon dit par deca qui y soient que je suys certain quilz ne fauldront a faire leur debuoir. Lesd. villes mont tres jnstamment prie de me trouver auprez de V. M. lors que leurs ambassadeurs y seront ce que je leur ay promis suyant ce que Vre Mte mavoit mande. Aussi que si je leur eusse desine le tout ouest este remue a vne autre foys, ou il y eust euaultant ou plus de difficultez que au commencement.

скихъ нѣмцевъ на то, что ревельцы грабятъ на морѣ ихъ корабли съ товарами и не пропускаютъ ихъ на западъ для торговли съ заморскими городами. Это тѣмъ несправедливѣе, говорили нарвскіе нѣмцы, что московскій царь разрѣшилъ и ревельцамъ и шведамъ прѣѣзжать въ Нарву, где имъ немедленно давали управу во всѣхъ дѣлахъ¹⁾. Нерѣдко и московскіе воеводы обращались къ ревельскому рату; такъ однажды воевода Заболоцкій просилъ рать пропустить русскіхъ купцовъ, направлявшихся въ Висмаръ. Въ концѣ 1567 года—новая жалоба Горну на то, что шведские калеры захватили русскія суда съ товарами и отвели ихъ въ Ревель. Нерѣдко случались и побѣги нѣмецкихъ купцовъ изъ Нарвы въ Ревель, на что также жаловались воеводы²⁾. Въ 1568 году одинъ корабль съ ворванью, на пути изъ Нарвы въ Германію, былъ схваченъ по приказанію Клауса Курселя, который велѣлъ весь товаръ свезти въ Ревель. Много терпѣли и новгородскіе купцы: и ихъ товары захватывали и конфисковали. Подобные случаи стали, наконецъ, раздражать воеводъ и они грозили шведамъ войною. Иоаннъ Грозный терпѣливо повторялъ одно и то же требование, чтобы его подданнымъ давали свободный пропускъ за море въ Европу; онъ требовалъ также, чтобы его воеводъ не судили въ Ревель, такъ какъ на это у ревельского рата не было никакого права.

Ничто не помогало: столкновенія изъ-за нарвскаго плаванія и каперства шведовъ продолжались во все царствованіе Эрика. Ревельцы вслѣдствіе этого пересорились съ ганзейскими городами. Нерѣдко Эрикъ бралъ на себя роль третейскаго суды и не всегда рѣшалъ дѣла въ пользу своихъ балтійскихъ подданныхъ; такъ, напримѣръ, запрещая имъ торговать въ Нарвѣ, онъ разрѣшалъ своимъ шведскимъ и финляндскимъ подданнымъ єздить туда и вывозить всѣ нужные товары³⁾. Ревельцы иногда должны были давать королю удовлетвореніе за захваченные суда; всего больше возмущался король, когда ревельцы выдвигали свое право апелляціи къ Любеку, которому, какъ главѣ Ганзы, принадлежала высшая судебная инстанція⁴⁾.

Громкія жалобы Любека императору, заступничество за него Августа и др. курфюрстовъ—все это, какъ мы видѣли, заставило Макси-

¹⁾ Гансенъ, №№ 75, 76, 77, 78.

²⁾ Гансенъ, 79, 81 и 82.

³⁾ Wenn unsere Unterthanen Waaren von der Narve f黨ren, so erachten wir billig ihnen die Fracht zugeben.

⁴⁾ Напол., 157—258.

милана также вдуматься въ балтийскія дѣла. Габсбургскому дому представлялась возможность явиться не только могущественнымъ тер- риториальнымъ государствомъ, но и сильною морскою державою. Надо было только умѣло ухватиться за представившійся случай, связать ганзейскіе города съ Имперіей, надо было сумѣть воспользоваться и тѣмъ новымъ направленіемъ, какое съ 60-хъ годовъ стало замѣ- чаться внутри самой Имперіи по отношению къ Москвѣ¹⁾.

Если, какъ мы видѣли въ предшествовавшихъ главахъ, къ импе- ріи обращались съ воззваніями принять активное участіе въ ливон- ской борьбѣ, чтобы не дать русскимъ вдоворить на восточной Балтикѣ своего господства, то необходимо также отыѣтить обратное теченіе въ той же Германской имперіи, которое всѣми силами старалось за- держать открытый разрывъ Имперіи съ Москвою, усматривало въ царѣ естественного союзника Имперіи противъ турокъ, ледѣло себѣ небыточ- ною мечтою о возможности слянія восточной церкви съ западной, съ убѣждениемъ говорило о симпатіяхъ царя къ католичеству. Все стараніе этихъ московитофиловъ было направлено къ тому, чтобы примирить Имперію съ Москвою, чтобы въ имперскихъ городахъ сосредоточить всю восточную русскую торговлю. Кто же были эти такъ внезапно обнаружившіеся друзья Россіи? Была ли искреннею ихъ любовь, ихъ расположение къ Грозному царю? Это были представители крупныхъ купеческихъ фирмъ Германіи, закрывавшиіе глаза предъ всякой политической опасностью, исключительно имѣвшіе въ виду материальная выгода; они ни подъ какимъ видомъ не хотѣли допустить утвержде- нія иностранцевъ (шведовъ, датчанъ, поляковъ) въ Ливоніи и всѣми силами ратовали за миръ съ царемъ, за то, чтобы послѣднему была предоставлена свобода сношеній съ Германіей; за такую цѣль Гроз- ный охотно откажется отъ Ливоніи; Ливонія будетъ спасена, сохра- нена для Имперіи, вся русская торговля, какъ неизсякаемый источ- никъ доходовъ, будетъ находиться въ рукахъ немцевъ. Изъ писемъ и донесеній этихъ немецкихъ коммерсантовъ мы сейчасъ увидимъ, какъ старались они пересоздать общественное мнѣніе, склонить его въ пользу своего проекта, какъ они нерѣдко жертвовали истиной, преувеличивали, лгали, чтобы только въ самомъ выгодномъ свѣтѣ представить свои планы и проекты. Во всѣхъ тонахъ²⁾ они пропо-

¹⁾ Для исторіи этого нового направленія или курса въ Германской имперіи, мы пользовались актами Мюнхенского архива. См. наши акты, № 81, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42.

²⁾ Выраженіе Th. Schiemann'a, въ его разборѣ 1-го выпуска нашихъ писемъ и актовъ. Онъ очень вѣрно замѣтилъ неудобство данного нами своему изданію названія; лучше-бы замѣнить его словомъ „материалы“. Sybel's Hist. Zeitschrift, 1890, Band 64, стр. 381.

въдовали необходимость союза, дружбы Имперіи съ царемъ. Представители торговыхъ фирмъ, о которыхъ мы упомянули, былъ Георгъ Либенауэръ изъ Аугсбурга, Иоахимъ Крумгаузенъ изъ Нарвы, Гансъ Пеннедось, Николай Пахеръ, Германъ Бислинкъ изъ Мюнстера, Германъ Штальбрудеръ и самый дѣятельный изъ нихъ всѣхъ — Фейтъ Сенгъ изъ Нюрнберга, агентъ Альбрехта, герцога баварскаго. Крумгаузенъ пользовался большимъ значенiemъ въ Любекѣ, это былъ старожилъ, много видѣвший на своемъ вѣку, добрый центръ, подолгу жившій въ Москвѣ, воспитывавшій тамъ своихъ дѣтей, пользовавшійся особыеннымъ расположениемъ царя. Гансъ Пеннедось тоже провелъ большую часть жизни въ Россіи, хорошо соншелся съ ближайшими соvѣтниками цара.

Донесенія всѣхъ этихъ людей проникнуты одною тенденціей—во чтобы то ни стало сблизиться съ Москвою. Ихъ приемы, взгляды и улованія всего лучше выясняются изъ подробнаго ознакомленія съ самыми донесеніями ихъ.

Лѣтомъ 1567 года въ Любекѣ приѣхалъ Иоахимъ Крумгаузенъ, не бывший тутъ цѣлыхъ три года; онъ сильно негодуетъ на бездѣйствіе императора, на то, что города спокойно переносятъ это бездѣйствіе. По мнѣнію Крумгаузена, слѣдовало бы немедленно отправить къ царю посольство, дабы этимъ предупредить съ его стороны новыя враждебныя дѣйствія. Крумгаузену известно, что важность посольства къ царю сознаетъ и герцогъ баварскій. Упустить время—значить на вѣки проститься съ Балтійскимъ моремъ. Если теперь можно достигнуть мира за 20.000 талеровъ, то позже ничего не добьешься и за сто тысячъ. Пеннедось, поддерживавшій мнѣніе Крумгаузена, заявлялъ любекскому рату, что шведамъ борьба съ Москвою не по силамъ; говорить, они уступили русскимъ Виттенштейнъ и отдали имъ ключи ревельского кремля. Сообщая объ этомъ рату. Пеннедось изложилъ. Наши вѣстія, сказаль онъ, не придаютъ вѣры, пока уже не будетъ поздно. Чему бывать, того не миновать! Все, что теперь совершается въ Ливоніи,—Божье наказаніе за наши собственные преступки. Германію ожидаютъ еще болѣшія бѣды со стороны Турціи, которая, воспользовавшись уходомъ польскихъ войскъ, вторгнется безъ труда въ Польскія земли, а оттуда ей открыть путь въ Силезію и другія имперскія земли. Если вѣсть о передачѣ ревельского кремля оправдается, то Балтійское море навсегда перейдетъ во власть царя. Ревель—наиболѣе удобный пунктъ на этомъ морѣ, у него прекрасная гавань, въ которой можетъ укрѣститься множество кораблей; въ Ре-

всѣ и постройка кораблей вѣсма удобна; нужный для этого строевой лѣсъ можно закупить въ Швеціи. Изъ Ревеля русскимъ ничего не будетъ стоить водворить свое господство надъ Готландомъ и Борнгольмомъ. Въ Любекѣ всѣ еще живо помнили дѣло Шлутте и сильно опасаются мести сильной Россіи. Московскій царь при такихъ обстоятельствахъ будетъ много опаснѣе для Имперіи, нежели султанъ, такъ какъ ему изъ Балтийскихъ областей гораздо легче вторгнуться въ предѣлы Имперіи, нежели туркамъ, для защиты отъ которыхъ у имперіи рядъ сильныхъ пограничныхъ крѣпостей. За Ревелемъ Рига, Мемель и др. пункты не въ состояніи будутъ болѣе защищаться противъ русскихъ. Важно имѣть въ виду то обстоятельство, что литовцы очень недовольны польскимъ правительствомъ. они во враждѣ и съ орденомъ и готовы скорѣе предаться русскимъ, нежели находиться подъ властью Польши. Очень шатки и отношения Польши къ Пруссіи и герцогу курляндскому. Изъ Риги слышно, что польскій генераль съ своими войсками вторгнулся въ Курляндію, где произвелъ страшные опустошенія, избивъ до 5000 крестьянъ. На свои жалобы герцогъ курляндскій удовлетворенія не получилъ; король не скрываетъ того, что вторженіе въ герцогскія владѣнія было предпринято по его, короля, приказанію, такъ какъ ему известно, что герцогъ въ союзѣ съ Москвою, дѣйствуетъ противъ интересовъ Польши. Король грозилъ герцогу, писалъ ему, что его власть не будетъ продолжительна при такомъ враждебномъ отношеніи къ своему сюзерену.

Въ Пруссіи возбуждены противъ короля, назойливо требующаго себѣ денежныхъ субсидій для войны съ Москвою. Прусское дворянство стремится къ совершенной автономіи, тоже и города. Распри отдѣльныхъ сословій даютъ себя въ одинаковой степени чувствовать какъ въ Пруссіи, такъ и въ Ливоніи.

Всѣ вышеприведенные смуты, очевидно, на руку московскому царю, и есть полное основаніе думать, что его замыселъ захватить себѣ все восточно-балтийское побережье осуществится. Совсѣмъ иное будущее ожидаетъ всю Германію, а въ частности и Ливонію, если императоръ заключить съ царемъ прочный миръ, доставить послѣднему возможность войти въ торговыя сношенія съ Германіей.

Противъ сближенія съ московскимъ царемъ выставляютъ обыкновенно его варварство,упорство, жадность и т. п. Все это далеко отъ истины. Послушаемъ Писспинга: московскій царь вѣрюющій христіанинъ, писалъ онъ въ Мюнхенъ, у него самая благія намѣренія, и если ему приходится прибѣгать къ жестокимъ и крутымъ мѣрамъ, то только отъ того.

что онъ окружены дурными людьми. Стоить только установить съ царемъ дружескія отношенія, и отъ него добьешься многаго, чего и ожидать трудно. Всѣмъ известно расположение царя къ нѣмцамъ. Как пару Эберфельду онъ далъ порученіе просить у герцога Клевскаго руки его дочери для молодаго царевича; ратъ Мюнстера возсталъ противъ этого, опасаясь вредныхъ отъ этого сближенія послѣствій для его торговыхъ оборотовъ. Неоднократно слышали изъ устъ царя, что самъ онъ нѣмецкой, баварской крови. Преувеличеннотъ въ разказахъ о жестокостяхъ царя доказывается слѣдующими фактами: по взятіи Полоцка царь намѣревался двинуться на Вильну и въ Литву, но просьбы православныхъ епископовъ, подвластныхъ Польшѣ, остановили его; онъ не пожелалъ проливать христіанской крови. Съ плѣнными нѣмцами царь обращается всегда очень кротко, такъ 9000 плѣнныхъ ливонцевъ вовсе не проданы въ рабство, какъ утверждали, а разселены по разнымъ городамъ. Не ради утѣхи казнить царь, а только въ силу необходимости. Таковы были инѣнія, высказанныя Крумгаузеномъ и Писспингомъ и подтвержденные другими нѣмцами, жившими въ Москвѣ. Если оптимизмъ ихъ и наложилъ печать на все донесеніе, то все-таки всѣ эти любекскіе и другіе купцы, подолгу проживавшіе въ Москвѣ и близко знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, могли правильно, справедливѣ и безпристрастнѣе оцѣнить дѣятельность Иоанна уже въ силу того, что они не принадлежали ни къ какой партии.

Еще болѣе любопытныя данныя о „могучемъ царѣ“ находимъ мы въ донесеніяхъ и письмахъ Veit Seng'a. Онъ прожилъ весь 1567 годъ въ Любекѣ и слышалъ, что многіе изъ любекскихъ купцовъ и ратмановъ сожалѣютъ о сдѣланной ими 18 лѣтъ назадъ ошибкѣ, когда Шиллте направлялся съ своими „учителями“ въ Москву, сожалѣютъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ мѣшали сношениямъ русскихъ съ Европой; они убѣдились, что канерская система ихъ церѣдко наносила наибольшій вредъ имъ самимъ; нерѣдко усердные пираты безъ разбора захватывали всѣ на пути попадавшіеся корабли, и случалось, что отъ нихъ терпѣли дружественные державы. Такъ было въ 1566 году съ Москвою. Намѣстникъ царя въ Нарвѣ Григорій Ивановичъ Заболоцкій (Zaboletzki¹) обратился 29-го апрѣля къ любекскому рату съ жалобою на то, что одинъ купецъ Аренть фонть-Деденъ, снабженный паспортомъ царскаго намѣстника, на пути своемъ изъ Нарвы въ Лю-

¹⁾ Houelmann und Beuelhebber Grigorij Johanson Zaboletzkj.

бекъ былъ захваченъ любекскими каперами, конфисковавшими весь его товаръ. Заболоцкій требовалъ у рата вознаграждения за причиненные царскому торговому агенту убытки. Не получивъ отвѣта на первое письмо свое, Заболоцкій написалъ вмѣстѣ съ Григориемъ Васильевичемъ Путятинымъ второе письмо съ рѣшительнымъ требованиемъ освободить Дедена; они указывали рату, что любекскіе каперы самовольно захватываютъ всѣхъ торговцевъ, которыхъ они заподозривали въ торговыхъ сношеніяхъ со шведами¹). Такъ было съ Иеронимомъ Линденбергомъ, заключеннымъ потому только, что Любекъ утверждалъ, что онъ тайно провозилъ въ Швецию селитру и др. товары; и это несмотря на то, что Захарій Фелингъ, уполномоченный датского короля въ Нарвѣ, писалъ рату, что Линденбергъ вовсе не имѣлъ въ видуѣхать въ Швецию и отъ своего имени требовалъ освобождения его. Линденбергъ самъ поклялся предъ ратомъ, что у него не было намѣреніяѣхать въ Швецию. Любекскій ратъ стоялъ на своемъ, основываясь на нѣсколькихъ перехваченныхъ письмахъ Линденберга въ Страндингѣ, въ которыхъ онъ самъ говоритъ о своемъ желаніи проникнуть въ Швецию. Любекскій ратъ отвѣчалъ на этотъ разъ на мѣстникамъ царя и *mutatis mutandis* царю. Иоаннъ Грозный, узнавъ всѣ обстоятельства дѣла, потребовалъ, чтобы Линденберга, буде онъ виновенъ, судили въ Нарвѣ²).

Такой случай, какъ съ Деденомъ и Линденбергомъ и под. не могли оставаться безъ вліянія на отношенія царя къ Любеку, и мы дошли теперь до того момента, когда Любекъ самъ вызывается дать русскимъ удовлетвореніе, сожалѣя о своихъ опрометчивыхъ дѣйствіяхъ. Сенгъ съ большимъ краснорѣчіемъ и увлеченіемъ доказывалъ, что дѣло еще не потеряно, только бы императоръ заключилъ прочный миръ съ царемъ. Многіе при императорскомъ дворѣ, какъ графъ Гаррахъ и др., не сочувствовали взглядамъ Сенга, Крумгаузена и др., говорили, что то, что было возможно два десятилѣтія назадъ, теперь уже совсѣмъ не достижимо; они подвергали сильному сомнѣнію искренность царя по отношенію къ императору, не вѣрили, чтобы царь, какъ утверждалъ Сенгъ, действительно имѣть въ виду сблизиться съ императоромъ, скрѣпить свою дружбу съ нимъ договоромъ; царь—

¹⁾ Люб. арх. *Miscellaneorum Russicorum, Volumen II. Russischen Promotorialen wegen Andreas von Deden weggenommenen Schippes.* 1566.

²⁾ *Acta Hieronymi Luneburg (Lindenbergh) Burgers zu Narus Bestrickung betreffend, der sich fur einen Russischen Freibeuter ausgegeben 1566.*

тиранъ, онъ врагъ христіанъ и ждать отъ него помоця противъ турокъ—пустая мечта.

Такія возраженія, говорилъ Сенгъ любекскому рату, доказываютъ только одно,—что люди, выступающіе съ ними, и не дальновидны, и весьма неопытны.

Сенгъ желаетъ возстановить истину и представить всѣ отношенія при московскомъ дворѣ въ неискаженномъ свѣтѣ; онъ обѣщаетъ опираться на мнѣнія такихъ людей, которые уже извѣстны своею правдивостью и, кромѣ того, хорошо знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи; Сенгъ каждого изъ таковыхъ подробнѣ обѣ всемъ разспрашивать и внимательно выслушивать.

Сомнѣваться въ искреннемъ желаніи царя быть въ союзѣ съ императоромъ—нѣтъ никакихъ оснований; царь желаетъ находиться съ настоящимъ императоромъ въ такихъ же добрыхъ отношеніяхъ, въ какихъ былъ съ его отцомъ, свидѣтельствомъ чего можетъ служить письмо его къ Фердинанду отъ 1561 года. Сомнѣнія о материальныхъ средствахъ московского государя не можетъ быть никакого, такъ что выставить, напримѣръ, 30.000 человѣкъ или дать значительную денежную помоць императору никогда не затруднило бы его. Населеніе русскаго государства громадно; въ походахъ царя съ нимъ бываетъ рѣдко менѣе 200.000 человѣкъ; такъ, напримѣръ, отправляясь за Полоцкъ, воеводы имѣли два отряда конницы въ 7.000 и 12.000 человѣкъ, затѣмъ три отряда въ 12.000, 20.000 и 14.000 человѣкъ; за этими силами слѣдовала самъ царь во главѣ 40.000 кошнаго войска, такъ что въ общей сложности конница равнялась 105.000. За царскимъ войскомъ слѣдовало 26.000 стрѣлковъ и неисчислимые отряды пѣхотинцевъ. Царь везъ съ собою 250 пушекъ, изъ которыхъ нѣкоторые были небывало большихъ размѣровъ. 40.000 крестьянъ несѧ стѣнобитныя машины и мѣшки съ землею. Царь занимствовалъ эти машины изъ Саксоніи, ими Августъ осаждалъ Готу. Если царь для осады одного города поднималъ такія силы, то чѣмъ стоило ему доставить императору 30.000 человѣкъ? Необходимо также помнить, что воины московскаго царя по общему свидѣтельству прекраснѣ дисциплинированы, опыты въ бояхъ, нагляднѣйшей иллюстраціей чего могутъ служить успѣшные походы русскихъ на татаръ казанскихъ и астраханскихъ, осада Полоцка, гдѣ 40.000 литовцевъ съ 26 пушками ничего не могли съ ними подѣлать. Что касается до денежнѣхъ средствъ царя, то ихъ у него больше, чѣмъ у всѣхъ нѣмецкихъ князей вмѣстѣ взятыхъ. Достаточно вспомнить громадные торговые

обороты русскихъ съ ливонскими, прусскими, ганзейскими и любекскими купцами, чтобы составить себѣ понятіе о доходахъ русского государства; деньги съ вывозимыхъ товаровъ—сала, конопли, хлопка, мѣховъ,² кожъ сырыхъ и отдѣланныхъ, смолы, шерсти. цѣнныхъ мѣховъ (собольихъ, бобровыхъ, куницкихъ)—идутъ въ царскую казну. Другой источникъ доходовъ—это несчетное количества податей и налоговъ. Денегъ у царя большое изобилие; а громадная сокровища, скрытая въ монастыряхъ? Они одни превышаютъ сумму, какая императору требуется для турецкой войны.

Что касается до характера царя, то и Сенгъ выставляетъ его далеко не такимъ, какимъ онъ являлся въ другихъ современныхъ донесеніяхъ; царь не тиранъ, не кровопийца, ему противно проливать христианскую кровь. онъ не истителень, мягко обходится съ плѣнными, доказательствомъ чему служить его обхожденіе съ Фюрстенбергомъ: онъ далъ ему кусокъ земли, доходами съ которой тотъ могъ честно прожить остатокъ дней своихъ. А его милостивое отношеніе къ польскимъ плѣнникамъ послѣ паденія Полоцка: онъ почти всѣхъ ихъ отпустилъ домой, мало того,—онъ подарилъ имъ по вѣсёлько золотыхъ, далъ имъ соболинъ мѣха.

Далѣе слѣдуетъ самое слабое мѣсто донесенія; оно касается религиозныхъ воззрѣй Иоанна Грознаго: царь обнаруживаетъ въ религиозныхъ вопросахъ много, знанія и пониманія; человѣкъ глубоко вѣрующій, онъ много читаетъ и охотно ведетъ диспуты на догматическая и религиозныя темы; стараніями царя явился русскій переводъ библіи, и приближенные его теперь гораздо болѣе свѣдущи въ религиозныхъ таинствахъ, нежели прежде. Царь любить съ ливонскими плѣнными касаться и вопросовъ церковныхъ, разбирать различіе православія отъ католичества, *серъезно думаетъ о соединеніи церквей*.

Дали-ли Сенгъ, Крумгаузенъ, Либенауэръ и др. себѣ трудъ подумать, что ожидаетъ протестантскій міръ, какъ скоро московскій царь приметъ католичество и въ союзѣ съ Римомъ станетъ содѣйствовать успѣхамъ католической реакціи; стѣненные съ двухъ сторонъ протестанты погибли бы, борьба съ Римомъ и *вторымъ* Римомъ оказалась бы имъ не подъ силу.

А вѣдь и Сенгъ, и Крумгаузенъ, и другіе сторонники мирныхъ отношеній къ Москвѣ были почти всѣ протестанты, откуда это восторженное отношеніе къ соединенію православной церкви съ католической? И политическая, и религиозная соображенія отступали у нихъ на второй планъ передъ торговыми выгодами; какъ настоящіе коммерсанты,

представители крупныхъ торговыхъ фирмъ приносили въ жертву интесамъ чисто коммерческимъ всѣ другіе.

Въ заключеніе Сенгъ констатировалъ искреннее желаніе царя находиться въ дружбѣ со всѣми европейскими государями; царь охотно и давно оставилъ бы въ покой ливонцевъ, еслибы они сами не вызывали его на войну. Царь неоднократно праизывалъ Бога въ свидѣтели своего миролюбія и отвращенія къ кровопролитію; онъ ничего такъ не желаетъ. какъ посредничества императора въ борьбѣ его съ Польшой; самъ онъ неоднократно обращался къ Польшѣ съ заявленіями своего миролюбія, но никогда не встрѣчалъ въ королѣ сочувствія. Пытая отвращеніе къ войнамъ и кровопролитію, царь могъ бы служить примѣромъ всѣмъ католическимъ государямъ, нерѣдко безъ существенныхъ основаній начинаяющимъ между собою ссору, легко переходящую въ войну. Это, конечно, еще въ большей степени должно бы относиться къ протестантскимъ государствамъ, среди которыхъ, дѣйствительно, смуты и войны возникали изъ-за самыхъ мелкихъ вѣроисповѣдныхъ различій.

Миръ и дружба съ такимъ государемъ, какъ московскій царь, принесли бы Имперіи—какъ явствуетъ изъ всего вышеизложеннаго—великую пользу. Императоръ долженъ бы имѣть въ Москвѣ постояннаго посла, завязать съ Москвою почтовое сообщеніе, пожаловать царю орденъ, на что въ годъ потребовалось бы 1.042.262 талера, полагая послу и его свитѣ въ годъ 28.334 талера.

Ордена царь до сихъ поръ не домогался, но безъ сомнѣнія принять его съ большимъ удовольствіемъ; царь готовъ и съ своей стороны имѣть при вѣнскомъ дворѣ постояннаго посла, о чёмъ неоднократно заявлялъ иностранцамъ, жившимъ въ Москвѣ.

Посломъ царя долженъ, конечно, быть нѣмецъ, одинаково хорошо знакомый какъ съ состояніемъ и нуждами Имперіи, такъ и Московскаго государства.

Противъ учрежденія постоянной почты между своимъ государствомъ и Имперіей царь никогда не станетъ возражать. Онъ согласится также послать молодыхъ людей въ европейскія школы, что всего болѣе сблизить его подданныхъ съ западомъ, такимъ путемъ образованіе мало по малу проникнетъ во всѣ слои общества его государства и распространится быстро. Давно уже царь мечталъ породниться съ императоромъ и теперь, имѣя взрослого сына и дочь, онъ не измѣнилъ этому желанію, напротивъ,—онъ желаетъ также и дочерей своихъ бояръ выдать за иностранцевъ.

А русскія дѣвицы, кстати замѣтить, всѣхъ превосходять красотою и не имѣютъ себѣ подобныхъ.

Царю, какъ могущественному государю, тяжело быть отрѣзаннымъ отъ общенія съ западомъ и видѣть, какъ вся русская торговля сдѣлалась монополіей ливонцевъ, ганзейцевъ и пруссаковъ, вообще нѣмцевъ. Вначалѣ царь питалъ, было, къ нѣмцамъ нѣкоторый страхъ, хотѣль отъ нихъ путемъ договоровъ добиться какого-нибудь торгового пункта на Балтийскомъ морѣ, но не могъ ничего достигнуть; видя, что ливонцы ведутъ междоусобныя войны, что императоръ предоставилъ ихъ самимъ себѣ и не обращаетъ на судьбу своей колоніи никакого вниманія, что даже среди имперскихъ князей не было ни единства, ни пониманія общей пользы, что князья возстаютъ противъ своего главы, постоянно воюютъ другъ съ другомъ.—видя все это, царь уже съ пренебреженіемъ сталъ относиться къ нѣмцамъ, страхъ къ ливонцамъ смѣнился ненавистью. и онъ рѣшительно началъ войну съ ними и силою захватилъ себѣ Нарву, за которую вскорѣ палъ и Дерптъ. Четырехъ епископскихъ совѣтниковъ онъ взялъ въ плѣнъ: Каспара фонъ Эберфельда, который вскорѣ удостоился большаго довѣрія царя и присутствовалъ при всѣхъ его совѣщаніяхъ съ боярами; Адріана Кальба, также заслужившаго любовь царя, Эйлерта Краусса (Крузе) и Ганса Таубе, хорошо содержавшихся въ Москвѣ, но далеко не пользовавшихся такимъ расположениемъ царя и такимъ значеніемъ, какъ первые два. Со взятиемъ Нарвы начались торговые сношенія русскихъ съ иностранными государствами, Франціей, Нидерландами и другими. съ каждымъ днемъ выростала торговая опытность русскихъ; съ каждымъ днемъ усиливалось развитіе ихъ, расширялись свѣдѣнія; это объясняется даровитостью русскихъ, ихъ необыкновенною воспріимчивостью, тѣмъ, что они все быстро усваиваютъ. Имъ достаточно разъ показать какое-нибудь дѣло, чтобы они тотчасъ усвоили его, переняли приемы и т. д. Въ виду этого-то царь не сталъ уже болѣе искать сближенія съ нѣмцами. Настала пора, когда *нѣмцы сами должны добиваться дружбы съ русскими*. Царь не можетъ забыть оскорблений, нанесенного ему, когда изъ особеннаго расположения къ нѣмцамъ онъ обратился къ императору съ проосьбою прислать въ Россію всякихъ ученыхъ мужей и мастеровъ, которыхъ, несмотря на согласіе, данное императоромъ, задержали на пути ихъ и не пропустили въ Россію. Нѣмцы тогда забыли, что царь могъ съ такою точно проосьбою обратиться къ другимъ государямъ Европы, къ Франціи, Авгліи, Шотландіи и Нидерландамъ,—не

сдѣлалъ же этого только изъ любви къ нѣмцамъ, торговцы отъ которыхъ прѣбажали въ Россію съ солью, винами, пряностями, ливомъ, полотномъ и шелковыми тканями. Ошибку, сдѣланную нѣццами при Карлѣ V. еще можно исправить, такъ какъ въ душѣ царь до сихъ поръ остается расположеннымъ къ нѣмцамъ, продолжаетъ интересоваться ими, спрашивается у Эберфельда и другихъ объ обычаяхъ ихъ, нравахъ и пр., и весьма внимательно выслушиваетъ ихъ разказы, заключающіе въ себѣ большія похвалы нѣмецкой націи. Нѣть поэтому никакого основанія думать, чтобы царь ужъ окончательно рѣшился порвать съ нѣццами; онъ и теперь щадить ихъ, не допускаетъ надъ ними никакого насилия и, какъ извѣстно, заставилъ митрополита заплатить 60.000 рублей штрафа за то, что тотъ хотѣлъ насильно заставить одного нѣмца перейти въ православіе; царь все еще помышляетъ о родственныхъ сближеніяхъ русскихъ съ нѣмцами.

Сетешимъ сенсемъ Сенга и другихъ коммерсантовъ касалось необходимости посольства къ царю. Чтобы оно не показалось страннымъ, неожиданнымъ, можно такимъ образомъ объяснить мотивъ его: избранный въ императоры и просматривая акты предшествующаго царствованія, онъ, императоръ, напаль на слѣды дипломатическихъ сношеній его отца съ Россіей и видя, что дѣло сближенія съ Россіей осталось не выполненнымъ только по винѣ нѣкоторыхъ недоброжелателей, не смотря на великую важность его для Германіи, императоръ рѣшился для чести и пользы всего христіанства привести въ исполненіе это благое намѣреніе своего предшественника: онъ съ великимъ удовольствиемъ принимаетъ союзъ, предложенный царемъ Фердинанду I, радуется возможности дружескаго сближенія съ нимъ, предвидитъ успѣшность борьбы съ невѣрными, когда о бокъ съ имперскими войсками станутъ и стройные ряды московской конницы. Императоръ хорошо сдѣлаетъ, если съ участіемъ отнесется къ успѣхамъ московского оружія, напишетъ царю, какую радость онъ испытывалъ, когда слышалъ о великихъ побѣдахъ, дарованныхъ ему Богомъ надъ татарами и желаетъ ему въ будущемъ побѣдъ надъ невѣрными. Какъ друга и брата, просить императоръ царя открыть ему свои намѣренія относительно союза Москвы съ Имперіей, просить прислать къ нему своихъ пословъ для переговоровъ. Еслибы первое посольство не успѣло склонить царя къ участію въ анти-турецкой лигѣ, то слѣдовало бы немедленно отправить второе отъ имени императора и герцога баварскаго, котораго царь цѣнитъ больше другихъ нѣмецкихъ князей, къ нему онъ питаетъ наибольшее довѣ-

rie. Важно было бы и участіе въ посольствѣ Любека, который пользуется въ глазахъ царя большимъ значеніемъ, какъ городъ, въ своихъ исключительно рукахъ сосредоточившій всю нарскую торговлю.

Любопытны наставленія, какія Сенгъ даеть посламъ, наставленія, детально разбирающія ихъ поведеніе, поступки, рѣчи, подарки и т. д.

Посламъ прежде всего слѣдуетъ откровенно разказать о цѣли своей миссіи, иначе они дадутъ поводъ къ подозрительному къ нимъ отношенію, вызовутъ разные недѣліи слухи и т. д. Во главѣ посольства должны стоять люди свѣдущіе и знатные, достойные выполнить великую задачу, на нихъ возложенню; главному изъ нихъ, генераль-гофмейстеру, остальные должны повиноваться; все дѣло должно вестись чисто, что очень цѣнится у русскихъ и послужить на пользу репутаціи императора и герцога баварскаго. Извѣстно, что ливонцы потеряли въ глазахъ московитовъ всякое уваженіе именно вслѣдствіе своихъ дурно организованныхъ, беспорядочныхъ посольствъ. Недавно еще гохмейстеръ отиравиль въ Москву пословъ, которые шесть недѣль провели на пути изъ Нарвы въ Москву въ пьянствѣ и разгулѣ, растративъ большую сумму денегъ. Въ Россіи пьянство считается величайшимъ порокомъ и пить пиво и медь разрѣшается только въ большие праздники; не удивительно, что въ Москвѣ съ насмѣшкой говорили о рыцаряхъ, основавшихъ орденъ, пребываніе въ которомъ обусловливается обильнымъ питьемъ. Послы должны быть во всемъ осторожны и осмотрительны, не позволять себѣ насмѣшливыхъ отношений къ религиознымъ церемоніямъ русскихъ, не говорить о нихъ легкомысленно, шутливо, а если что ихъ и поразить, то обойти молчаніемъ. Къ своей одеждѣ послы также должны отнестиась внимательнѣе, позаботливѣе, запастись богатыми атласными и дамасковыми платьями, снабдить приличными одѣяніемъ слугъ; на послахъ должны быть черныя платья. Нельзя послы также не забудуть привести царю какой-нибудь цѣнныій, дотолѣ въ Москвѣ невиданный подарокъ; для совѣтниковъ царскихъ надо имѣть съ собою золотыя цѣни новой формы и образца.

Если императоръ гарантируетъ подданнымъ царя свободныя сношевія съ Западной Европой, купцамъ же его безпрепятственную торговлю безъ посредничества ливонцевъ, то вѣтъ сомнѣнія въ томъ, что царь согласится уступить ему Ливонію. Главная, основная причина гнѣва царя на ливонцевъ и заключалась въ систематическихъ преградахъ, какія они ставили сношениемъ его подданныхъ съ Европой. Это между прочимъ, за свидѣтельствовало Христофоръ Ши

ромъ, 16 лѣтъ жившимъ при ливонскомъ орденѣ; и онъ не разъ говорилъ, что еслибы только съ самого начала не препятствовали желанію царя сноситься съ Европейскими государствами, Лифляндія никогда не впала бы въ такое состояніе, въ какомъ она теперь находится.

Заключительные слова Сенга были: величайшаго наказанія заслуживаютъ тѣ государственные люди, которые до такой степени неразумны и слѣпы, что не видятъ великой пользы для Имперіи отъ сношеній съ русскими и продолжаютъ настаивать на рядѣ положений, совершенно несостоятельныхъ. Они вбили себѣ въ голову мысли (опініон), съ которыми трудно бороться.

Новый проектъ крупныхъ торговыхъ фирмъ Германіи о необходимости политического и родственного сближенія Габсбургской имперіи съ Московскимъ государствомъ долженъ быть своею новизною многихъ поразить. Если прежде во имя блага всего христіянства взывали къ оружію противъ московита, то теперь во имя того же благазываютъ къ миру съ нимъ, къ тѣснѣйшему единенію, родству. Московский царь—то тормазъ мира, то всесокрушающій гунъ, варваръ,—вдругъ преобразовывается въ мягкаго, поддающагося культурѣ монарха, все честолюбіе которого состояло въ единственномъ желаніи войти въ непосредственный сношенія съ Европой. Какой крутой поворотъ! Присматриваясь внимательнѣе къ замѣчательнымъ донесеніямъ Крумгаузена и Сенга, слѣдуетъ отмѣтить въ нихъ двѣ стороны: положительную и фантастическую. Очень великую услугу оказали авторы донесеній Европѣ, представивъ ей въ истинномъ, лишь нѣсколько оптимистическомъ, освѣщеніи какъ царя, такъ и его подданныхъ; очень мѣтко подчеркнули они всѣ выгоды сближенія съ нимъ Имперіи, указали на то, какъ остальные европейскіе государства наперерывъ одно предъ другимъ стремились утвердить съ ней торговыя сношенія и сдѣлали такимъ образомъ нѣмцевъ ненужными царю и его подданнымъ; въ ихъ проектѣ исходная мысль—миръ съ Москвою и сохраненіе ливонскаго побережья за Германіей. Фантастический элементъ разобранійныхъ донесеній вошелъ въ нихъ въ слишкомъ большой дозѣ, чтобы склонить всѣхъ принять заключавшійся въ нихъ проектъ. Прежде всего—неизбѣжный и вѣчно наружу выплывающій вопросъ о соединеніи церквей, или, вѣриѣ, о подчиненіи восточной церкви западной. Что папы и ихъ іезуитская фаланга тѣшили свою фантазію возможностью реально осуществить эту идею, еще понятно и простительно; но что протестантскіе купцы могли останавливаться на этомъ,—очень странно и объяс-

няется развѣ тѣмъ, что Іоаннъ сумѣлъ обмануть ихъ, какъ онъ впослѣдствіи сдѣлалъ съ опытнымъ іезуитомъ—отцомъ Пассевиномъ, и въ душѣ склонный къ миру съ императоромъ, высказалъ готовность къ церковной уніи, надѣясь этимъ сильнѣе повлиять на вѣнскій кабинетъ. Мечта о турецкой войнѣ также должна была быть относима къ фантастической части проекта. Уже слишкомъ дорого цѣнили Сенгъ и другіе пѣмцы свободныхъ сношенія Россіи съ Европой; за право пользоваться ими московскій царь долженъ былъ выставить противъ турокъ 30.000 конницы, дать императору значительную денежнѣю помошь и—что всего удивительнѣе—отказаться отъ Ливоніи, отъ всѣхъ своихъ завоеваній, стоявшихъ тысячи жизней и миллионовъ денегъ. Нѣть сомнѣнія въ томъ, что въ возраженіи Гарраха была своя доля истины: что было возможно 18 лѣтъ назадъ,—теперь уже стало неосуществимымъ. Если Іоаннъ Грозный, блестяще выполнивъ свою задачу на востокѣ, удовольствовался бы сначала только правомъ свободныхъ сношеній съ Европой, то теперь, когда въ его рукахъ были Нарва, Дерптъ, Феллинъ и другіе пункты Ливоніи, когда въ его нарвскую гавань приходили корабли со всѣхъ европейскихъ торговыхъ рынковъ, когда онъ былъ обеспеченъ дружбою обоихъ скандинавскихъ государей,—теперь прежняя скромность требованій сама собою исчезала; теперь Балтийское море кромѣ торгового значенія пріобрѣтало въ его глазахъ и политическое значение; вопросъ шелъ теперь не о правѣ свободныхъ сношеній съ Европой, а объ участіи въ борьбѣ изъ за „*dominium maris Baltici*“, объ утвержденіи русскаго вліянія на восточномъ побережїи этого моря. Вопросъ шелъ о томъ, быть или нѣть Россіи морскою державою.

Проектъ Сенга, Круигаузена и др. произвелъ сенсацію; онъ вызывалъ на всѣхъ „тагахъ“ толки и пересуды, онъ оживилъ вѣлыхъ нѣмецкихъ князей; теперь только и говорили о посольствѣ въ Москву.

Своей цѣли Сенгъ и его единомышленники достигли только на половину: до союза имперіи съ Москвою дѣло не дошло, за то оставлена была и мысль о войнѣ съ нею; если прежде Ливонія мало помогали, то теперь и вовсе охладѣли къ ней, что рельефнѣе выступить изъ разбора рейхстаговъ и другихъ собраній въ послѣдніе полтора десятилѣтія Ливонской борьбы.

Изъ нѣмецкихъ князей всего сочувственнѣе къ сближенію съ Россіей отнесся Альбрехтъ баварскій. Онъ писалъ императору, что находитъ весьма цѣлесообразнымъ союзъ Имперіи съ Россіей въ виду турокъ; императору, по мнѣнію Альбрехта, не слѣдуетъ обращать

вниманія на Польшу и другія государства, не одобряющія союза съ Москвою (*solches nit so gar gern sehen mochten*), а, напротивъ, поддерживать сношения съ могущественнымъ восточнымъ государемъ¹). Такого же мнѣнія былъ и Фридрихъ датскій, дѣла котораго въ Ливоніи находились въ крайнемъ положеніи; только въ союзѣ съ Россіей представлялась возможность возстановить свое значеніе на востокѣ Балтійского моря. Ни для кого сближеніе или, вѣрнѣе, примиреніе Имперіи съ Россіей не представлялось столь опаснымъ, нежелательнымъ и неестественнымъ, какъ Подышѣ и Швеціи, когда въ послѣдней воцарился Іоаннъ III, родственникъ Сигизмунда II.

Эрікъ XIV въ душѣ одобрялъ сближеніе съ Россіей: въ послѣдніе годы своего царствованія между нимъ и Грознымъ завязываются очень оживленные сношения. Имъ мы предпошлиемъ обзоръ Ливонскихъ событий съ 1564 года, намѣренно оставленныхъ нами до此刻а, когда, казалось, союзъ Москвы съ Швеціей противъ Польши изъ области мечтаній переходилъ въ дѣйствительность.

1564-й годъ не былъ счастливымъ для русскихъ въ Ливоніи; вторгнувшись въ предѣлы Ливоніи съ большими силами, въ сопровожденіи трехъ татарскихъ князей, получившихъ отъ царя право подчинить себѣ всѣ земли, какія удастся завоевать у поляковъ, русские потерпѣли два значительныхъ пораженія—при Ульѣ (26 января) и при Оршѣ (7 февраля); въ первой битвѣ у русскихъ было 40.000 человѣкъ; Шуйский, командовавшій ими, погибъ, трое остальныхъ воеводъ попались въ пленъ вмѣстѣ съ 1.000 русскими. Послѣ пораженія при Оршѣ русские бѣжали къ Смоленску; недостатокъ войска помѣшилъ Радзивиллу преслѣдовать ихъ дальше. Сигизмундъ II Августъ, узнавши о пораженіяхъ русскихъ, плакаль отъ радости и умиленія, устраивалъ религіозныя шествія и пр. Въ западную Европу вѣсти о польскихъ побѣдахъ пришли въ самой преувеличенной редакціи; такъ, въ одномъ письмѣ, адресованномъ къ Гранвелѣ, говорится, что русскихъ пало болѣе 10.000 чл., не считая тѣхъ, которые изъ страха сами утонули; въ пленъ взято было до 3.000²), главный воевода въ отчаяніи утонулъ. Нѣсколько умѣреніе были извѣстія, приходившія изъ Данцига; въ нихъ мы находимъ небольшую подробность о 3.000 воахъ съ провіантомъ и оружіемъ, отнятыхъ поляками у русскихъ³).

¹⁾ Мин. арх. Альбрехтъ Максимилиану, 21 июня 1566.

²⁾ Papiers d'etat du Card. de Granvelle, VII, 456. Cp. State Papers, For. series, 1870, №№ 606 и 654. ср. № 656.

³⁾ Данс. арх.

Вѣроятно, неудачи, понесенные русскими въ борьбѣ съ поляками, побудили Иоанна Грознаго держаться оборонительного образа дѣйствій въ продолженіе всей второй половины года¹⁾). Если припомнить, что къ этому году относится и бѣгство Курбскаго, то мы поймемъ стараніе Грознаго скрѣпить свои отношенія, по крайней мѣрѣ, съ Скандинавскими государствами. Мысль о скандинавско-московской лигѣ противъ Польши занимала не одного Иоанна; она могла бы быть осуществлена, еслибы не счеты обоихъ сѣверныхъ королей, Эрика и Фридриха II. Для Швеціи также ничего не представлялось столь желательнымъ, какъ сближеніе съ Москвою противъ Сигизмунда. Въ маѣ Эрикъ отправилъ пословъ въ Москву. Онъ желалъ заключить съ царемъ болѣе продолжительный миръ и окончательно установить границы между шведскими и русскими владѣніями въ Ливопіи. Ожидая со стороны русскихъ упрека относительно нарвской торговли и военныхъ дѣйствій противъ датчанъ (Магнуса)²⁾, Эрикъ велѣлъ своимъ посламъ на первый пунктъ отвѣтить, что король въ виду своей борьбы съ Любекомъ вынужденъ запереть его торговцамъ путь въ Нарву; относительно же Магнуса слѣдовало сказать, что шведское правительство рѣшилось вторгнуться въ его владѣнія въ отместку за то, что датчане сдѣлали нападеніе на шведскія границы.

Иоаннъ Грозный не принялъ, однако, самъ шведскихъ пословъ, а поручилъ выслушать ихъ своему новгородскому, псковскому и ливонскому воеводѣ Михаилу Морозову. Переговоры его съ шведскими послами привели къ заключенію семилѣтняго перемирия, съ 21-го ноября 1564 года по 21-е ноября 1571 года. За Швеціей признавалось право владѣнія Ревелемъ, Перновомъ, Виттенштейномъ и Каркусомъ. Шведы и русские должны были пользоваться свободою торговли, первые въ владѣніяхъ царя, вторые во владѣніяхъ шведскаго короля³⁾.

¹⁾ Совершенно особнякомъ стоятъ извѣстія изъ Кракова (Флор. арх.), отъ 31 юла: московскій царь рѣшился выстроить крѣпость на польской границѣ, для чего отправилъ туда 20.000 всадниковъ и всѣ нужные материалы. Но на встѣчу вышло 10.000 польскихъ всадниковъ, которымъ удалось сѣмѣнить на поромъ разбить московитовъ, половина коихъ пала, другая—бѣжала. Погибла пре-слѣдовали ихъ за московскія границы и все по дорогѣ предавали огню и мечу. Добыча поляковъ очень значительна.

²⁾ Въ 1564 году Эрикъ далъ Юргену Икскулю 4000 талеровъ, чтобы навербовать въ Германіи кнектовъ и съ ними вторгнуться въ владѣнія Магнуса, дабы изгнать послѣднаго изъ Вика и Эзеля. Свое содѣйствіе Эрику обѣщала Марія графиня баденская, сестра его. *Lovensis*. I. 72.

³⁾ Th. *Annerstedt*. 15; *Richter*, II, 1, 18.

Актъ ноябрьскаго перемирия остался, однако, не ратифицированнымъ; Эрикъ XIV, узнавши содержаніе его, хотѣлъ внести въ него нѣкоторыя измѣненія, вошелъ даже по этому случаю въ переписку съ царемъ. Онъ старался склонить послѣдняго къ наступательному договору противъ Польши, Даніи и Любека; затѣмъ, Эрикъ настаивалъ на исключеніи изъ перемирия акта параграфа, запрещавшаго ему дѣлать новыя завоеванія въ Ливоніи; не могъ онъ допустить и наравскаго плаванія. Въ виду нѣкотораго разногласія между обоими государствами, они черезъ два года вступаютъ въ новые переговоры, сохранивъ фактически видимо мирныя отношенія. Въ началѣ слѣдующаго, 1565 года, шведамъ принадлежали: Ревель, Виттенштейнъ, Гаррія и Іергенъ, Перновъ въ Каркусъ, Викъ, Леаль и Гансаль, другими словами— средняя и западная часть Эстляндіи и сѣверо-западный уголъ Лифляндіи. Съ востока и юго-востока эти земли были открыты русскимъ, но вслѣдствіе перемирия съ ними Швеція могла быть съ этой стороны совершенно спокойна. Перновъ служилъ на югѣ оплотомъ противъ Польши, только Каркусъ былъ открытъ для нападенія полякамъ. 1565-й годъ ознаменованъ въ Ливоніи, главнымъ образомъ, интригами шведовъ противъ датчанъ и обратно и борьбою Польши съ Швеціей. Были также и столкновенія между русскими и поляками-литовцами¹⁾, но все они были довольно незначительны; при Смоленскѣ русские разбили литовцевъ, взяли въ пленъ 3.020 человѣкъ, пожгли посадъ и многихъ побили²⁾). Кетлеръ сдѣлалъ попытку наступательного движения, но неудачно; въ декабрѣ онъ явился въ виду Дерита, но, простоявши здѣсь 50 дней, долженъ былъ отступить, „не сотворивши городомъ и людемъ государевымъ зла ничто же“; русские преслѣдовали нѣмцевъ и многихъ взяли въ пленъ³⁾). Датчане надѣялись вызвать столкновеніе русскихъ со шведами, но это имъ не удалось, несмотря на цѣлый рядъ дипломатическихъ интригъ, пущенныхъ ими въ ходъ⁴⁾). Такъ, въ Нарвѣ датчане распускали слухъ

¹⁾ Ихъ помогали татары; см. Фелингъ Фридриху II, 13 января 1565 (Акты, № 24, а): поляки вооружили противъ русскихъ татаръ; захвативъ въ пленъ сына татарскаго хана, они послали сказать хану, что отпустятъ его сына, какъ скоро онъ поможетъ имъ противъ русскихъ; въ противномъ же случаѣ они предадутъ его такой пыткѣ, о которой всѣ заговорить. Ханъ исполнилъ волюпольского короля, вторгся въ Московскіе вреды; царь бѣжакъ въ Бѣлоозеро.

²⁾ Симб. сб. XIV, 15.

³⁾ Львовъ. Лѣг., V, 305.

⁴⁾ Въ 1564 году вышла брошюра „Bellum Livonicum anno 1564“, насквозь проникнутая антишведской тенденціей. Цѣль брошюры видна изъ полнаго загла-

о русско-польскомъ сближеніи противъ Швеціи, чѣмъ надѣялись все-
лить раздоры между Эрикомъ и царемъ. Агентъ Фридриха II въ Нарвѣ,
извѣстный намъ уже Фелингъ, обнадеживалъ своего государя скорою
размолвкою Московскаго и Стокгольмскаго дворовъ; 5-го іюня онъ
писалъ королю: осеню ожидаютъ вторженія русскихъ въ шведскія
владѣнія со стороны Ивангорода; русские ставятъ шведамъ два усло-
вія, при которыхъ они только согласны заключить съ ними миръ,
1) чтобы нарвская торговля была безпрепятственно открыта всѣмъ
Европейцамъ и 2) чтобы шведы возвратили всѣ захваченные ими на
пути въ Нарвѣ корабли. Шведы терпѣть большой недостатокъ въ
селицѣ, порохѣ и оружіи и ищутъ примиренія съ русскими только
для того, чтобы получать отъ нихъ и то, и другое, и согласны за
это уступить русскимъ иѣкоторые пункты на финляндскихъ и ка-
рельскихъ границахъ. Прослышиавши объ этомъ онъ, Фелингъ, тайно
отправилъ въ Москву одного датчанина, который долженъ былъ убѣ-
дить царскихъ совѣтниковъ, какъ важно для ихъ государя продол-
жать дружескія сношенія съ Даніей, не помогать врагамъ ея и не
придавать никакой вѣры словамъ и увѣреніямъ шведскаго правитель-
ства. Посланецъ Фелинга узналъ, что царь медлилъ отвѣтомъ на
мирные предложения Эрика XIV, зная его критическое положеніе
и готовился осеню напасть на шведскія земли; что послы, отира-
вленные царемъ въ Швецію, все еще пребываютъ въ Дерптѣ. Сооб-
щая обо всемъ Фридриху II, Фелингъ опасается, иѣть-ли во
всемъ этомъ замедленіи, какъ и во всемъ поведеніи русскихъ, какихъ-
либо коварныхъ замысловъ по отношенію къ Даніи, не думаютъ ли они
нечаяннымъ вторженіемъ захватить Гарріо и Вирландъ. Русскимъ
это будетъ легко, такъ какъ они съ необыкновеннымъ мастерствомъ
умѣютъ склонять ливонцевъ на свою сторону; ищущихъ у нихъ за-
щицы они богато одариваются, подвозятъ имъ сѣстры, приласы, сло-
вомъ хитро и умѣло заманиваютъ ихъ въ свои сѣти; къ шведамъ,
напротивъ того, ливонцы, не питають никакого довѣрія, они удивля-

вія еи: Kurtzer gegrundeter und warhaftiger Bericht deren hundel und ge-
scheffte, so sich zeyt dieses werenden Moscouterischen Kriegs zwischen der K. W.
zu Schweden und dem berren Meystern zu Lyfflandt zugetragen, darauss sich
klerlichen befindet, mitt wass unfug, unbilligkeit und unrechten, auss eyteler unzim-
licher begirlichkeit ihre regirung weytt zu erstrecken, die K. W. zu Schweden den
unnottigen und algemeyner christenheit hochst gefuerlichen und vorterblichen krigk
unvorursachten unvorsehens (gegen) die K. M. zu Polen etc. jemmerlichen ange-
fangen und biss daher nicht ohne bludsturtzunge gefuret. *Hildebrand*, 67—68.

ются, что шведы помимо желания бургеворъ укрѣпляютъ Ревель, возмущаются тѣмъ, что они захватили Перновъ, сожги укрѣпленія Виттенштейна и переселили его гражданъ въ Ревель¹).

Изъ ожидавшагося датчанами разрыва Швеціи съ Россіей ничего не вышло; перемиріе соблюдалось обѣими сторонами, и Эрикъ XIV могъ направить все свое вниманіе на поляковъ.

Всѣ враждебныя дѣйствія шведовъ и поляковъ сосредоточивались у Пернова²). Въ апрѣлѣ 1565 года этотъ городъ былъ взятъ измѣюю у шведовъ рейтерами герцога курляндскаго; утвердившись здѣсь, они стали дѣлать нападенія на Ревель³), но были отбиты съ большими урономъ; вскорѣ и Перновъ былъ очищенъ отъ Кетлеровыхъ всадниковъ. Въ началѣ мая поляки приступили къ правильной осадѣ этого спорнаго пункта; шесть недѣль длилась осада, и 9-го іюня городъ сдался полякамъ. Ливонскій историкъ, при изложеніи этого событія прибавляетъ одно любопытное извѣстіе, что русскіе, прослышивавъ обѣ измѣнѣ нѣмцевъ въ Перновѣ, рѣшились выселить въ Москву всѣхъ остававшихся въ Дерптѣ нѣмцевъ.

Переходъ Пернова въ руки поляковъ—фактъ самъ по себѣ незначительный—долженъ, тѣмъ не менѣе, быть выдвинутъ, такъ какъ въ немъ враги шведовъ усматривали важнѣйший операционный пунктъ для дальнѣйшѣй вторженій въ шведскія владѣнія. Какъ таковой—Перновъ и былъ дорогъ какъ Кетлеру, такъ и польскому военачальнику Каспару Ольденбокуму; первый, стремясь изгнать шведовъ изъ всѣхъ занятыхъ ими пунктовъ въ Ливоніи, дѣйствовалъ исключительно въ видахъ и интересахъ династическихъ, второй—главнымъ образомъ изъ желанія мщенія; оба они были воодушевлены одною мыслью—образовать, создать изъ Ливоніи самостоятельное территориальное герцогство подъ польскимъ протекторатомъ⁴). Перновъ обезпечивалъ за ними тылъ, и они съ большою смѣлостью могли теперь отважиться на борьбу съ шведами. Изъ Пернова Ольденбокумъ также сдѣлалъ попытку захватить Ревель, но онъ былъ смертельно раненъ;

¹) Копенг архивъ. Наші акты и письма, № 24, в., стр. 51.

²) Ср. для военныхъ событій этого года *Chytraeus*, 623: *Hennig*, 248, *Fabricius*, 478; *Hjärt*, 258; *Tegel*, 159 и дал.; *Celsius*, 206—257: *Russow*, 136 и дал.; *Kennet*, 352.

³) Nach deme der Hertzogh zur Churlandt neben wehr Liffendern die Stadt Bernow und entlichen das Schloss auch erobert, das solch kriegs volck vortgerucht vmb Reuall zuberennen.

⁴) Ср. *Lossius*. II. 99.

съ его смертью погасла послѣдняя надежда Кетлера и польской партии, палъ послѣдний рыцарь страны, а съ нимъ сошли въ могилу и всѣ планы, всѣ честолюбивые замыслы курляндскаго герцога¹⁾.

Дальнѣйшія столкновенія шведовъ съ поляками не имѣли серьезныхъ послѣдствій. Эрикъ XIV далъ своимъ военачальникамъ приказаніе вернуть Переяславъ, но въ 1565 году всѣ попытки шведовъ были отбиты, они опустошили лишь мѣстность около Переяслава, высадились на Эзель и тамъ произвели сильная опустошенія, съ Аренсбурга взяли большую военную контрибуцію и вернулись съ значительной добычей домой. Любопытно, что два извѣстныхъ кондотьери—братья Фаренсбахъ—подписали еще въ началѣ 1565 года реверсъ, которымъ обязывались передать герцога Магнуса въ руки Шведскаго короля²⁾.

Эрику вообще удалось склонить на свою сторону не малое число такъ называемыхъ *Hofleute*,—особые отряды, ферены изъ обѣдневшихъ и разорившихся дворянъ; потерявши все, они отдались военному дѣлу, какъ наиболѣе выгодному ремеслу. Отдѣльные отряды *Hofleute* служили и у польского правительства, и у датскаго; имѣть ихъ при себѣ въ Магнусъ, но вслѣдствіе недостатка денегъ онъ не могъ такъ аккуратно выплачивать жалованье и они попадали всѣ къ шведамъ. Въ началѣ 1564 года Эрикъ издалъ особые статуты или артикулы для вѣмецкихъ гофлейтовъ, въ которыхъ имъ предписывалось соблюдать дисциплину, повиноваться начальникамъ, не дезертировать, не производить смутъ, не переходить на службу къ другимъ государямъ, не заключать съ ними договоровъ, не приносить въ лагерь ложныхъ вѣстей, покупать провіантъ только въ заранѣ для этого назначенныхъ пунктахъ, не нарушать перемирій; всѣ должны довольствоваться своимъ жалованьемъ и не требовать лишняго; за каждое нарушеніе дисциплины слѣдуетъ смертная казнь. Въ случаѣ какихъ-либо безорядковъ устраивается судъ изъ вѣмцевъ и шведовъ. По взятіи какого-нибудь города слѣдовало ожидать приказанія начальника, а безъ такового не грабить, не жечь, не убивать. Захваченное при штурмахъ оружіе, провіантъ, военные снаряды принадлежать королю; за каждого пѣшаго наемника получали особую, добавочную награду. Еслибы король оказался въ опасности, всѣ гофлейты должны были поспѣшить къ нему на помощь и не жалѣя жизни защи-

¹⁾ Ibid., II, 109.

²⁾ Ихъ звали Класъ Адеркассъ и Отто Гильденъ; ср. *Lossius*, I, 63, на основаніи „Fickel“sches Archiv

щать его. Возстающіе противъ начальства, нарушающіе свои клятвы, оскорбляющіе женщинъ—предаются смертной казни ¹⁾.

Mans IIIe съ 9 кораблями долженъ былъ со стороны моря опустошать зазельскіе и курляндскіе берега ²⁾. Въ виду слуховъ о несогласіяхъ между ревельскимъ ратомъ и Горномъ поляки не покидали мысли захватить Ревель. Шиферъ писалъ Фридриху II, что у польского воеводы Ласскаго 3.000 коннicy и 2.000 пѣхоты, и совѣтовалъ королю воспользоваться кризисомъ, наступившимъ въ городѣ ³⁾, двинуть къ рейду его свой флотъ и съ значительными военными силами высадиться въ городѣ: утвердиться въ немъ теперь легче, чымъ когда либо и вѣ будетъ стоить большихъ трудовъ. Поляками же всѣ недовольны и имъ ревельцы не отдаутся; не оказывая никому дѣятельной помощи, паемныя войска Сигизмунда II-го только жгли, грабили и уводили въ плѣнъ жителей; всего болѣе натерпѣлся отъ поляковъ Виленскій округъ ⁴⁾.

Фридрихъ II не рѣшился послѣдовать совѣту Шифера, онъ боялся разбррасывать свои силы, боялся сразу дѣйствовать на два фронта и продолжалъ держаться въ Ливоніи оборонительной политики; на цара онъ никогда не могъ съ твердостью надѣяться, такъ какъ тотъ исключительно преслѣдовалъ свои личныя выгоды и не желалъ давать перевѣса въ Ливоніи ни шведамъ, ни датчанамъ; между тѣмъ агенты короля постоянно указывали ему на Иоанна Грознаго, отношенія котораго къ Швеціи они не могли считать вполнѣ твердыми. Въ концѣ 1565 года снова пошли толки о вторженіи русскихъ въ Финляндію; царь, дѣйствительно, былъ недоволенъ тѣмъ, что въ Швеціи такъ

¹⁾ Hansen, 149—154.

²⁾ Конвѣнг. арх. Heinrich von Wulff an Herloff Trolle, 12 іюля, говорить, что владѣнія Маркуса, zur gegenwehr weinig oder gar nichts statieret.

³⁾ Das nun alle sachen mit Schweden und der Stadt Reuall in missuerstandt vnd feindlicher zuuersicht stehenn.

⁴⁾ Christoff Schiefer Фридриху II, 2 іюля 1565, Данцигъ. Ср. Vnnderthenigste Anndtwortt uff die Werburg so jme Nhamen vnd von wegen des... Konig Friderich II zu Denemark durch Zachariassenn Vheling der Rechteinn Doctorn Capitell Rethenn vnd Ritterschafftenn der Stift Ozell vnd Wick geburlicg andtwortt... Dass durch demselben Polnischenn schutz leider biss daher weinig beschafft oder fruchtbarlich ausgerichtett, sonndern dass der mehr uff Raub, Nahm vnd Verfhurung der armenn Leuth, dann das die vestenn mitt ernst gemeinet und beengstigt werden solttenn, befundenn, dann wie jemmerlich die Wieck diessenn Krieg uber, durch das Polnische kriegsuolck verwüstet, verherett, verdorbenn vnd uff diesen letztern zug jnn die etzlich hundert Personen mitt Weib vnd Kindern verfhurett wordenn.

долго задерживали его посла, не отпускали его домой; озабоченный и самъ слухами о недовольствѣ Москвы шведскимъ правительствомъ, Эрикъ XIV отправилъ въ Москву Ганса Ларссона, который отъ его, Эрика, имени долженъ былъ извиниться предъ царемъ.¹⁾ Московская гроза миновала.

Въ началѣ 1566 года (февраль) Эрикъ XIV обратился къ Горну съ цѣлью рядомъ приказаний относительно укрѣпленія Ревеля; онъ велѣлъ спѣшить окончаніемъ работъ, совѣтовалъ для этого нанять большее число рабочихъ рукъ, для уплаты за которыхъ воспользоваться податными деньгами изъ Боргосской области; пѣмѣцкихъ княхтовъ король также велѣлъ удалить, такъ какъ они своимъ дурнымъ поведеніемъ только тормозили успѣхъ шведовъ^{2).}

Зимою 1566 года, въ концѣ января, Горнъ осадилъ Перновъ, съ 700 рейтеровъ и 500 пѣхотинцевъ. Онъ позаботился прежде всего о занятіи всѣхъ дорогъ, ведущихъ въ городъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ подвозъ въ городъ съѣстныхъ припасовъ. Городъ защищался отрядомъ въ 400 рейтеровъ; къ немъ Польскій король прислалъ на помощь 2.000 человѣкъ, которые должны были отвлечь шведовъ отъ осады^{3).}

Осада Пернова продолжалась 7 недѣль, и въ концѣ концовъ шведы, вслѣдствіе неимѣнія артиллеріи должны были оставить ее. Любопытно что Эрикъ, узнавши о безуспѣшной осадѣ Пернова, обратился съ письмомъ къ Грозному, въ которомъ побуждалъ его сдѣлать вторженіе въ Рижскую область, дабы этимъ отвлечь вниманіе поляковъ отъ Эстляндіи. Это письмо короля было перехвачено поляками. Оставивъ осаду Пернова Горнъ перешель на Эзель, где шведы производили страшные опустошенія, превосходившія все, что до сихъ поръ дѣлали русскіе^{4).} Для Эзельцевъ этотъ походъ былъ тѣмъ неожиданнымъ, что они до этого просили Горна заключить съ ними перемиріе. Аренс-

¹⁾ *Silversolpe*, 6—7.

²⁾ *Silversolpe*, Kong. Kanaliets Diarium öfver ingängna skrifuelser 1566. Historiaka Handlingar, VIII, 3.

³⁾ Данцигскій архивъ, Acta Intern., IX. Vol. 17. Tegel, 248. Польша сносила въ это время ст. татарами, убѣждали Крымскаго хана вторгнуться въ Россію съ юга. Данц. арх. IX. Vol. 17.

⁴⁾ Капитулъ Эзеля Магнусу, Arnsburch, Donnerstag nach Reminisere. Консиг. арх. Liflandt, 16: hat sich dieser (шведъ) viel schwerer vntreglicher und scheidlicher dan jenner (московитъ) erzeigt. О польской дружбѣ: Sie hat uns weinich erfreulichess mit gebracht.

бургъ, иѣсколько оправившійся, благодаря заботамъ о немъ Магнуса, былъ сожженъ, при чёмъ въ пѣни взято было много дворянъ; съ большою добычей шведы отступили и заключились въ крѣпостяхъ, боясь открытой встрѣчи съ поляками, прибывшими на помощь Пернову. Перваго марта они были уже у города Лоде; число ихъ было 2.400 чел. Опустошивши область Викена, поляки отступили. Христофору фонъ-Валькендорфу удалось отнять у шведовъ островъ Дагѣ, который и оставался иѣкоторое время въ его рукахъ¹⁾. Положеніе Валькендорфа было здѣсь очень затруднительно, такъ что онъ обращался даже за помощью къ Данцигу. Шведы, говорилъ онъ въ письмѣ къ бургомистрамъ города, вѣроложеніе всей зимы дѣлали вторженія на Эзель, жгли тутъ села и деревни, грабили и убивали жителей. Такъ какъ лѣтомъ ожидается новое вторженіе ихъ, то Валькендорфъ и просилъ Данцигскій рать прислать ему стрѣлковъ и киехтовъ и позволить дѣлать наборы киехтовъ въ предѣлахъ города²⁾.

Успѣшныя дѣйствія поляковъ были парализованы смертью ихъ капитана Каспара фонъ-Ольденбокума; между остальными начальниками ихъ возникли раздоры (*unrichtigkeiten und widerwillen*) и, ничего не успѣвъ противъ шведовъ, они отступили. Шведы преслѣдовали ихъ до Пернова, страшно опустошивши всю юѣстность и сжегши попадавшіяся имъ па встрѣчу села и деревни. 19-го февраля датчане залерлись въ своихъ крѣпостяхъ, избѣгая встрѣчи со шведами. Все бѣжало отъ ихъ ярости. Весь путь шведовъ до Гансаля былъ обозначенъ трупами и останками выгорѣвшихъ деревень. Датчане писали къ своему королю, что безъ помощи отъ него они не въ силахъ будуть устоять противъ многочисленныхъ враговъ. Все воинство Аренсбурга обратилось также къ королю за помощью, раздавались жалобы на небывалую дороговизну, на недостатокъ сѣастныхъ припасовъ и т. д. Иллюстраціей ихъ донесенію служилъ перечень цѣнъ на различные сѣастные продукты, какъ масло, рыбы, сало, горохъ³⁾. Кетлеръ ожидалъ высадки шведскихъ войскъ въ Курляндіи или Пруссіи⁴⁾.

Не могли и шведы быть довольны своими дѣйствіями; среди ихъ

¹⁾ *Vissse*, 37. *Gadebusch*, II, 81.

²⁾ Данцигскій архивъ. *Urkunden Sammlung*, XCIV B. 122. 22220. Eine antzal Krieges vnd Bossleint, auch etzliche Schutzen und Bossleuthe zu bestellen.

³⁾ Конвиг. арх. Лифляндія 16. Suplication der samptlichen kriegsalente an Kon. Fr. II.

⁴⁾ *Gadebusch*, II,

войскъ начались заразные болѣзни, жертвою которыхъ пало 100 человѣкъ¹⁾). Конецъ 1566 года и начало слѣдующаго были ознаменованы рядомъ или менѣе крупныхъ стычекъ между шведами и поляками, шведами и Магнусовыми кнектами. Опустошительные набѣги поляковъ доходили до Ревеля.

Русскіе въ 1566 году заняты были опустошеніемъ мѣстностей у Вейссенштейна; они дѣйствовали за одно съ шведами противъ поляковъ, напримѣръ, когда поляки, съ Полобенцкимъ во главѣ, сдѣлали попытку захватить Каркусъ. Воевода Везенбергскій предлагалъ также помочь Генриху Классону Горну²⁾). Когда Эрикъ узналъ объ этомъ, то онъ совсѣмъ отказалъ Классону не пренебрегать этимъ предложеніемъ. Что помочь предложена искренно—король не сомнѣвается, такъ какъ въ интересахъ русскихъ какъ можно болѣе вредить полякамъ; пускать же воеводу въ шведскія крѣпости король не совсѣмъ³⁾.

Къ концу года самъ Сигизмундъ II рѣшился принять участіе въ походѣ. Изъ Маркова онъ отправился въ Любетчево. Въ его отсутствіи Магнусъ, желавшій въ виду неудачъ противъ шведовъ тѣснѣе сблизиться съ Польшей, прислали въ Польшу пословъ—просить руки Анны, сестры короля⁴⁾; въ приданое онъ требовалъ уступки себѣ всей Ливоніи. Такъ какъ короля въ Польшѣ не было, то переговоры сами собою прекратились⁵⁾. Все вооруженіе короля—съ насмѣшкою замѣчаютъ Данцигскіе послы—состояло въ ломотѣ въ правой руцѣ и ногѣ⁶⁾). Въ февралѣ 1568 года король уже вернулся, истративъ много денегъ, опустошивши страну, но не выигравши у враговъ ни одной битвы⁷⁾). Если дѣйствія поляковъ и увѣличивались когда-нибудь успѣхомъ, то этотъ успѣхъ, какъ-бы незначителенъ онъ ни былъ, праздновался съ торжественностью, подходящей только къ крупнымъ военнымъ побѣдамъ. Такъ Ходкѣвичу, одержавшему незначительную побѣду надъ шведами и везшему съ собою нѣсколько шведскихъ

¹⁾ *Silverstolpe*, 40. *Fabricius*, 47°. *Rennier*, 353.

²⁾ *Silverstolpe*, 54 и 55.

³⁾ *Silverstolpe*, 101. Московскій царь убѣждаль шведскихъ купцовъ доставлять ему всю мѣдь, идущую изъ Швеціи; въ случаѣ несогласія послѣднихъ грозилъ изгнать всѣхъ шведовъ изъ Нарвы.

⁴⁾ Das Frewlein von Poln zuhesehenn.

⁵⁾ *Busse*, 39.

⁶⁾ ...Mit aller rüstung, selber aber keine rüstung angehabt, als der die gicht in den rechten arm und schenkel wiederumb bekommen.

⁷⁾ Gross gelt hat man verthan, das land verheret, vnd nichts dabei ausgerichtet.

цѣнныхъ. устроили тріумфальную встречу на подобіе триумфовъ древне-римскихъ консуловъ. Военные силы короля были слишкомъ не-значительны, чтобы справиться и съ шведами, и съ русскими. У него не оказалось и одной трети тѣхъ силъ, о которыхъ поляки повсюду хвастали. Такъ вмѣсто 170.000 литовского войска оказалось всего 20.000; вмѣсто 200.000 польского—2.400 человѣкъ¹). Если, при такой слабости и нерѣшительности польского короля, русские не возьмутъ Вильны, пишутъ изъ Польши послы Данцига, то жители этого города должны ликовать, ибо никогда дѣла его не обстояли такъ плачевно, какъ теперь. „Поляки должны теперь убѣдиться, что на не-смазанныхъ колесахъ далеко вѣ ѿѣдешь“²). Сигизмундъ II сталъ даже сожалѣть о томъ, что началъ борьбу и съ Швеціей: два врага были ему не подъ силу. Энергія его такъ ослабѣла, что онъ готовъ былъ на всякия условія мира какъ со шведами, такъ и съ русскими, чтобы только раздѣлаться съ войною. Свидѣтели придворной польской жизни—данцигскіе послы въ своихъ донесеніяхъ пишутъ, что въ королевствѣ никто о войнѣ не думаетъ; всѣ тамъ болѣе склонны къ свадебнымъ ниршествамъ, нежели къ военнымъ дѣйствіямъ; громкихъ словъ и обѣщаній тѣмъ не менѣе не жалѣютъ, выполненія же ихъ надо безконечно долго ждать; сборы затягиваются. правительственные лица весело себѣ проживаютъ въ своихъ помѣстьяхъ или при дворѣ, а враги въ это время все дальнѣе и дальнѣе распространяютъ свои завоеванія³).

Въ продолженіе 1567 года характеръ военныхъ дѣйствій русскихъ чисто оборонительный; какъ русские, такъ и поляки вели войну уже не съ прежней рѣшительностью и страстью; въ Польшѣ—все было поглощено еще нерѣшеннымъ вопросомъ о литовской унії. въ Москвѣ, быть можетъ, опричники слишкомъ отвлекали Иоанна. Среди тогдашнихъ дипломатовъ говорили, что польскій король еще разъ намѣренъ самъ повести войска противъ русскихъ, что у него наготовѣ 50.000

¹) Ist weit von 200.000—замѣчаетъ данцигскій посолъ.

²) Wer nicht schmiret, wirdt nicht alzuweit fahren konnen.

³) Даадигскій архівъ. Missivi, 1567, IX, vol. IX. Dan dis Voick wehre viel bereiter zur hochzeit dan jn den Krieg zuziehenn. Ihr M. stellet sich wol als wehr es lauter ernst, so doch wenig oder nichts dahindenn ist“ „Nun wehrenn die wort woll gutt, wen etwas jn der that erfolgen wolt, vnd da man etwas thun wolt, wehre es hoch zeit, das man aufinge“... „Darnach machen wir uns fein seuerlich zu vnd bleibenn zu hause“.

человѣкъ, но что шляхта энергично возстаетъ противъ войны, что между польскими и литовскими вельможами крупная несогласія: послѣдніе жалуются, что вся тяжесть войны до сихъ поръ ложилась на нихъ¹⁾). Успѣхамъ Польши мѣшали и несогласія, возникшія въ Ригѣ между населеніемъ и польской администрациею. Извѣстны попытки Магнуса склонить въ виду этого Ригу на свою сторону. Въ началѣ года шведы разбивали поляковъ, но вскорѣ и сами проиграли одну значительную битву при Рунаферѣ²⁾). Сигизмундъ склонялъ Фридриха II и Магнуса къ войнѣ съ московскимъ тираномъ; онъ радовался успѣхамъ ихъ противъ шведовъ, но отъ этого ему было мало пользы, такъ какъ главный врагъ его, московский царь, для Лифляндіи былъ гораздо болѣе опасенъ нежели Эрикъ XIV³⁾). Сигизмундъ, по его словамъ, совершенно не постигалъ, какъ могли Фридрихъ и братъ его заключить съ царемъ мирный договоръ.

Въ 1567 году между Москвою и Польшой возникли переговоры о мирѣ. Русскіе послы предъявляли Польшѣ ельдущія требования—уступить Россія Вильну, Ковну и другіе города Литвы и Самогитіи, которые по смерти короля также должны отдаваться московскому царю. Королю царь согласенъ вернуть Полоцкъ со всѣмъ его богатствомъ и другіе города, покоренные имъ въ Лифляндіи, по съ условіемъ, чтобы по смерти короля и они отошли къ Москвѣ. Русскихъ пословъ очень долго задерживали въ Польшѣ; давнинскіе послы говорятъ, что главною причиной неудачныхъ переговоровъ съ царскими послами надо считать безхарактерность и нерѣшительность польского короля; что онъ не имѣлъ серьезнаго на-

¹⁾ См. Акты № 44, стр. 119. Ср. *Hauptschl. Ueber die angebliche Belagerung Riga's im 1567. Въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Est-Liv'- und Kurland,* 1890.

²⁾ *Hjärt.,* 262 и д.; ему буквально слѣдуетъ *Tetzel.,* 244. Ср. *Gadebusch*, II, 94.

³⁾ Конгр. Арх., Lifl. Responsum S. R. Mts Poloniae, Datum Illustrissimo Principi Magno Duci Holsatiae. 21 Nov. 1567. Quod bellum cum sibi non aduersus Suedum modo, sed etiam multo magis multoque acrius aduersus Moschum sit gerendum quod (?) Moscus quam Suecus infinitis gradibus potentior atque etiam Liuoniae Provinciae infestior atque atrocior hostit et existat et habeat. Illustratij autem Suae non minus quam Serenissimo ipsi Regi Daniae... foedera interim cum Moscho solennia intercedant. Idcirco nulla ratione videre potest Maiestas eius quo admodum in eo bello opera Ill-tis Suae et Duc (?) uti posset cui cum altero hoste Maiestatis ejus atque eo multo grauiore dimicare et religione foederis fas non est, cuius sane hostis tanta sibi ratione Ill. habendam esse dicit, ut ne hic quidem in hoc apparatu bellico M-tj ejus adesse voluerit, ne quis vid., in sinistra apud nos opinione incurrere videret.

мѣрія заключать мира, замѣчали и сами русскіе. Дѣйствительно, ведя переговоры съ московскими послами Сигизмундъ одновременно искалъ союзниковъ противъ Иоанна Грознаго, старался поднять противъ него прусскаго герцога и съ этой цѣлью отправилъ своихъ пословъ въ Кенигсбергъ. Герцогъ не могъ однако дать королю отвѣта, не узнавши предварительно мнѣнія сословій и только общаша созывать представителей ихъ для обсужденія предложеннаго вопроса.

Сигизмундъ снова помышлялъ о личномъ участіи въ войнѣ съ Россіей, хотя первый опытъ и оказался столь плачевнымъ, въ Польшѣ и Литвѣ приготавлялись къ новому походу противъ русскихъ.

Въ это именно время Эрикъ XIV снарядилъ посольство къ Иоанну Грозному съ тѣмъ, чтобы добиться права безпрепятственно продолжать военные дѣйствія противъ Польши, магистра и ливонцевъ и удержать въ своей власти все завоеванное, затѣмъ права дѣлать нападенія на иѣмцевъ, подъ которыми разумѣлись торговые люди Любека, и, наконецъ, права возвратить Христофу Мекленбургскому тѣ города, какими онъ владѣлъ, когда отдался Швеціи, а именно Лемаль, Трейденъ, Кремонъ, Даленъ, Роонъ, Гогроссенъ, Салисъ и Вайнсель. Шведскіе послы должны были въ самыхъ унизительныхъ и работѣнныхъ выраженіяхъ благодарить царя за честь, оказанную имъ королю, что выразилось въ допущеніи шведскихъ пословъ къ личнымъ переговорамъ съ царемъ, и сказать царю, что король выше цѣнить дружбу съ нимъ, тѣмъ съ какимъ бы то ни было другимъ христіанскимъ государемъ. Что касается до просьбы царя ¹⁾ выдать ему жену герцога Финляндскаго, то король готовъ сдѣлать по желанію царя все, что только не будетъ въ противорѣчіи съ его совѣтствомъ. Теперь же исполнить желаніе царя невозможно, потому что Иоаннъ, братъ короля, еще живъ; царь, столь свѣдущій въ священномъ писаніи, долженъ знать, что люди безсильны расторгнуть то, что Богъ соединилъ. Какъ скоро Иоаннъ умретъ, король тотчасъ исполнить желаніе царя. И теперь онъ готовъ содѣйствовать желанію царя, на сколько это будетъ согласоваться съ Божескими законами. Королю хотѣлось бы также знать, съ какою цѣлью царь добивается уступки ему Екатерины; не надѣется ли онъ этимъ путемъ

¹⁾ Любопытно, что Elofsson (Paralipomena)—современникъ этихъ событий (онъ былъ секретаремъ Эрика), говорить, что Эрикъ первый предложилъ Грозному выдать ему Екатерину „въ подарокъ“. Къ сожалѣнію ни одинъ современникъ не подтверждаетъ этого; придавать вѣру Elofsonу въ данномъ случаѣ нельзя. Онъ писалъ свои замѣтки въ 1599 году.

добиться мира у Польши, или достигнуть территориальныхъ уступокъ со стороны Сигизмунда II Августа. Король со своей стороны согласенъ, еслибы таково было желаніе царя, соединиться съ нимъ противъ Польши и начать на послѣдняго со сторонамъ моря и съ суши; онъ готовъ не заключать съ Польшой отдельнаго мира безъ желанія царя. Даље шведскимъ посламъ предписывалось довести до свѣдѣнія царя, что многие изъ феллинскихъ бояръ притѣсняютъ шведскихъ подданныхъ Каркуса и Вейссенштейна; вторгаясь въ ихъ границы они требуютъ себѣ даніи, многихъ крестьянъ уводятъ въ плѣнь и убиваютъ. Король въ виду этого просить царя приказать своимъ воеводамъ въ Феллинѣ, Дерпѣ и Везенбергѣ воздержаться отъ такихъ наслій, нарушающихъ линь добрая отношенія Швеціи къ Россіи.

Таково было содержаніе первой официальной инструкції, данной Эрикомъ своимъ посламъ и отмѣченной 22-го октября 1566 года, Свартшѣ. Эту инструкцію король отправилъ Нильсу Гюлленшернѣ съ собственноручнымъ письмомъ отъ 26-го октября, въ которой, назначая Гюлленшерну состоять во главѣ посольства къ московскому царю, онъ просить его какъ можно скорѣе тронуться въ путь; „Каждый день дорогъ“. пишетъ Эрикъ XIV, „а потому спѣшите“ Для Швеціи было бы въ высшей степени опасно, еслибы царь успѣль заключить съ Польшой миръ. поэтому и слѣдуетъ предупредить этотъ гибельный фактъ.

Уже на слѣдующій день, 27-го октября, Эрикъ шлетъ Гюлленшернѣ новое письмо и вторую инструкцію, къ которой онъ долженъ прибѣгнуть, какъ скоро убѣдится, что царь первой инструкціи не исполнить. Въ этомъ письмѣ король перечисляетъ и подарки, какіе предназначалъ царю, царицѣ и ихъ сыновьямъ¹); онъ снова торопить посля, предписываетъ ему спѣшить въ Москву, если бы даже по дорогѣ и узналъ о заключеніи мира между царемъ и Польшой.

Во второй инструкціи, данной Гюлленшернѣ, разсмотрѣны отношенія Швеціи и Россіи къ Польшѣ. Еслибы въ переговорахъ съ царемъ возникъ вопросъ о Польшѣ, Гюлленшерна долженъ быть потребовать для своего государя уступки Везенберга, Феллина, Дерпта или Нарвы и вообще дать понять царю, что король его другъ, а не слуга; Гюлленшерна долженъ быть выставить всю выгоду для Россіи отъ совмѣстныхъ со Швеціей дѣйствій въ Ливоніи, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Rydberg, IV, 2, 558.

что Швеции и России грозить войною германскій императоръ и имперскіе князья, завидующіе успѣхамъ Швеции и Россіи въ Ливонії. Относительно сношений съ Любекомъ царю слѣдовало указать, что Любекъ слишкомъ ничтожный городъ и едва ли будетъ въ состояніи доставлять могущественному государству царя все ему нужное. Заключивъ тѣсный союзъ съ Швецией, царь войдетъ въ непосредственные сношения съ Испаніей и германскими князьями, ему не придется обращаться къ тяжелому посредничеству своеокорыстнаго Любека; его подданные будутъ вести самостоятельную торговлю съ европейскими торговыми рынками. Наконецъ, въ силу этой инструкціи, Гюлленшерна долженъ былъ добиться у царя—проведенія границы между царскими и королевскими землями, такъ чтобы за Швецией оставалась вся западная Ливонія и западная же часть Курляндіи. Ригу король ни подъ какимъ видомъ не соглашался уступить царю. Еслибы царь не пожелалъ заключить нового мира съ Швецией безъ выдачи ему Екатерины, то сдѣлать уступку и дать согласіе.

Какъ видно изъ содержанія обѣихъ инструкцій, вторая отличается болѣе твердостью и болѣе гарантируетъ интересы Швеции, нежели первая.

Въ ноябрѣ 1566 года къ Эрику явился посланикъ отъ московскаго царя, который долженъ былъ передать отъ своего государя желаніе жить съ нимъ въ мире и готовность уступить ему всѣ отнятые отъ польского короля города. Въ бесѣдѣ съ табелляремъ царя король выразилъ также желаніе сродниться съ царемъ бракомъ своей старшей дочери съ сыномъ царя. 8-го декабря царскій посланецъ уѣхалъ изъ Стокгольма съ отвѣтными письмами отъ шведскаго короля. Нѣть сомнѣнія въ томъ, что прибытіе царскаго посла въ Стокгольмъ вызвало и новое, третью по счету, письмо короля къ своимъ посламъ (отъ 6-го декабря).¹⁾ Онъ пишетъ имъ о прибытіи къ нему царскаго посла и о письмахъ царя, преисполненныхъ дружескихъ чувствъ и расположения къ королю. Въ виду такого настроенія московскаго правительства къ Швеции, Эрикъ предписывалъ Гюлленшерну твердо держаться первой инструкціи отъ 22-го октября съ слѣдующими лишь видоизмѣненіями.

Такъ какъ царь чрезъ своего посла далъ королю согласіе расширять свои завоеванія въ Ливоніи, то Гюлленшерна и его товарищи должны добиться отъ царя, чтобы относительно этого вопроса составленъ

¹⁾ Rydberg. IV, 2, 563.

быть особый пунктъ, который и долженъ быть внесенъ въ окончательный договоръ, имѣющій быть скрѣпленнымъ крестнымъ цѣлованіемъ. Король съ своей стороны разрѣшаетъ и русскимъ расширять свои завоеванія насчетъ Польши. Но пусть однако русскіе, говорить король, не считаютъ своими всѣ тѣ мѣстности, по которымъ они проходили съ своей пѣхотою, какъ это иногда дѣлалось. За Швеціей царь долженъ безусловно признать всѣ города и лены по морскому берегу и, кроме того, 50 городовъ.¹⁾

Еслибы царь пожелалъ исключить изъ этихъ городовъ, напримѣръ, Ригу или какой-нибудь другой, то король уже не согласится заключить съ нимъ наступательный союзъ, не выговоривши себѣ права отдѣльного мира съ врагомъ, какъ скоро потребуютъ выгоды Швеціи. Въ случаѣ отказа царя помочь королю въ борьбѣ его съ Даніей и Любекомъ, король требуетъ себѣ права наносить имъ вредъ, гдѣ только представится случай, на морѣ или на суши.

Мирный договоръ, затѣмъ, король желалъ бы выговорить на время жизни обоихъ правителей или, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ. Наконецъ, въ виду того, что нѣмецкіе купцы, прѣѣзжающіе въ Нарву и Дерптъ, нерѣдко распространяютъ о шведахъ самыя ложныя и невыгодныя свѣдѣнія съ цѣлью внести раздоры въ отношенія шведовъ къ русскимъ,—чего они уже отчасти и достигли, такъ какъ шведскіе купцы много теряютъ отъ московскихъ воеводъ въ обоихъ названныхъ городахъ,—то послы и должны обратить на это вниманіе московскаго царя и добиться отстраненія всего, что нарушаетъ и идетъ въ разрѣзъ съ мирнымъ договоромъ, заключеннымъ между Швеціей и Россіей.

Въ февралѣ 1567 года, шведскіе послы—Нильсъ Гюлленшерна, Монсъ Йонсонъ, Эрикъ Гаконсонъ, Матіасъ Шубертъ и Бертиль Іерансонъ—прибыли въ Слободу, гдѣ тогда находился Грозный; царь далъ посламъ торжественную аудіенцію. Переговоры пословъ съ уполномоченными царя длились не долго; уже 16-го февраля они заключили между собою договоръ, который Іоаннъ самъ подтвердилъ уже

¹⁾ Гельмѣдъ, Эрмисъ, Трикатенъ, Ругинъ, Бургеникъ, Вольмаръ, Венденъ, Армисъ, Роннебургъ, Сербентъ, Небальменъ, Нитау, Шуйгенъ, Сунтцель, Роденойсъ, Зегевальтъ, Ноумуле, Дюнамюнде, Рига, Даценъ, Керкгольмъ, Митава, Баушкау, Ашераде, Зельбургъ, Сванибургъ, Добхинъ, Нюенбургъ, Фрауенбургъ, Шрунденъ, Амботенъ, Гольдингенъ, Газемподѣ, Дербенъ, Гробинъ, Виндава, Пильтенъ, Дондансъ, Альцивангенъ, Кандау, Сабель, Трайденъ, Кремонъ, Ропенъ, Мейанъ, Гохропенъ, Розенбекъ, Вайнсель, Лемсалъ и Салисъ.

въ Москвѣ. По этому договору царь и король заключаютъ между со-
бою братскій и дружескій союзъ и будуть имѣть общихъ враговъ и
друзей. За высокую дружбу и братское расположение царя король
соглашается выдать ему Екатерину, жену брата своего Иоанна,
доставить ее на русскую границу въ Нотебургъ, гдѣ ее и примѣтъ
царскій посолъ, намѣстникъ Ливоніи, князь Михаилъ Яковлевичъ Мо-
розовъ. Отъ всего приданаго Екатерины, какъ и отъ владѣній ея въ
Финляндіи, царь отказывается; онъ жалуетъ короля своими ливон-
скими владѣніями, какъ-то: Ревелемъ. Перновомъ. Вейссенштейномъ.
Каркусомъ. Гельмедомъ. Руйсономъ. Эрмисомъ. Буртикомъ. Сали-
сомъ. Пуркилемъ. Гапсалемъ и Лоде. Шведскіе и московскіе послы
должны сойтись въ Ливоніи, чтобы тамъ установить точныя границы
королевскихъ и царскихъ владѣній; если случится, что королевскія
владѣнія входять гдѣ-нибудь во владѣнія царскія или наоборотъ, то
рѣшено было ими обмѣняться; уполномоченнымъ обоихъ государей
слѣдуетъ постараться провести границы по рѣкамъ и озерамъ. Швед-
скіе послы отъ имени своего короля просили царя, чтобы онъ пожа-
ловать какими-нибудь землями и герцога Христофа Мекленбургскаго.
Царь согласился, чтобы земли, какія Эрику удастся завоевать въ
Курляндіи, были уступлены Христофи; русскимъ онъ запретить ихъ
воевать. Какъ только шведы займутъ какіе-нибудь города въ Кур-
ляндіи, король долженъ прислать своихъ пословъ къ царю и царь
черезъ нихъ передастъ ихъ Христофи; онъ готовъ помочь Эрику и
деньгами и войскомъ. Да же: шведскому королю разрѣшалось впредь
непосредственно сноситься съ московскимъ царемъ, штатгальтеры же
его съ новгородскими намѣстниками и боярами въ Стокгольмѣ или
Ревель. На границахъ рѣшено было имѣть постоянно двухъ уполномоченныхъ и съ шведской, и съ московской стороны, чтобы на слу-
чай какихъ-либо столкновеній или недоразумѣній немедленно дать
удовлетвореніе; подданнымъ того и другаго государства возбранялось
наносить другъ другу обиды или причинять убытки. Русскимъ и шве-
дамъ разрѣшалось свободно проѣзжать изъ одного города Ливоніи въ
другой, а также безпрепятственно вести торговлю. Рѣшено было за-
тѣмъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ шведовъ.

Самые любопытные пункты были слѣдующіе: ни Швеція, ни Россія не могутъ, не предупредивши другъ друга, ни съ кѣмъ заключать
отдельного мира; шведскій король обязывался не стѣснять датскихъ,
любекскихъ и др. купцовъ, приѣзжающихъ въ Нарву съ мѣдью, оло-
вомъ, свинцомъ, содою и др. предметами, за что московскій царь вы-

разить готовность склонить къ миру со Швецией и датского короля, и Любекъ. Еслибы ни Фридрихъ II, ни Любекъ не вняли царю, то онъ обѣщаетъ заключить съ Эрикомъ наступательный союзъ противъ его враговъ.—Кромѣ того царь разрѣшаетъ торговымъ людямъ Стокгольма, Выборга, Ревеля и др. городовъ свободно торговать въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и др. городахъ; имъ открыты всѣ дороги какъ рѣчные, такъ и сухопутныя. Еслибы иностранные купцы, ремесленники, врачи, ученые и другіе захотѣли чрезъ Швецию прѣѣхать въ Россію съ различными купеческими товарами, военными снарядами и пр., то Эрикъ XIV долженъ былъ обязаться не препятствовать этому и на обратномъ пути изъ Россіи также не стѣснять ихъ.

Однимъ словомъ *Юаннъ Грозный требовалъ для иностранцевъ свободного проѣзда и выѣзда изъ Россіи*. Еслибы русские торговцы по-желали чрезъ Швецию прѣѣхать въ Германію или другія европейскія государства, то король долженъ былъ давать имъ свободный проѣздъ и нигдѣ ихъ не задерживать. Посламъ обоихъ государствъ предоставляется безспрѣятственный проѣздъ какъ чрезъ Москву, такъ и чрезъ Швецию.

Послѣдніе общіе пункты касались выдачи перебѣжчиковъ и захваченныхъ ими товаровъ, а затѣмъ границъ, которая между Москвою и Швецией рѣшено оставить прежней.

Относительно Ливоніи рѣшено было, что оба государя остаются при своихъ владѣніяхъ и обязываются не воевать другъ у друга земель и не препятствовать одинъ другому дѣлать новыя завоеванія въ предѣлахъ Курляндіи или Польши. Эрикъ отдельно еще долженъ быть обязаться не воевать Риги и другихъ городовъ въ Ливоніи, принадлежащихъ московскому царю ¹⁾). Венденъ, Роннебурга, Вольмару, Дерпта, Феллина, Нарвы и т. д.

Всѣ вышеперечисленные пункты февральского договора будутъ выполнены царемъ только послѣ того, какъ Екатерина будетъ выдана одному изъ царскихъ бояръ; это—*conditio sine qua non*. Безъ этого условія договоръ не выполнимъ. Въ случаѣ смерти Екатерины—договоръ также теряетъ свою силу.

Шведскіе послы на все согласились, поцѣловали крестъ и приложили къ договору свои печати. Они сказали: какъ только московскіе бояре Иванъ Михайловичъ Воронцовъ, Василій Ивановичъ Наумовъ и дьякъ Иванъ Васильевичъ явятся въ Швецию и передадутъ королю

¹⁾ Перечень ихъ у *Rydberg'a*, IV, 2, 546.

актъ договора, король отрѣжетъ печати своихъ пословъ и замѣнить ихъ своею королевскою печатью, подкрѣпить договоръ крестнымъ цѣлованіемъ и тотчасъ возвратить его царю. Тогда же король передастъ Мих. Якова. Морозову и Екатерину, сестру польского короля Сигизмунда II Августа.

Изъ одного уже бѣлага знакомства съ февральскимъ трактатомъ видно, что онъ обозначаетъ собою рѣшительный триумфъ московской дипломатіи надъ шведской. Царь Иоаннъ не уступилъ ни одному требованію шведовъ и заставилъ пословъ искусствами переговорами дать на все свое согласіе. Въ этомъ трактатѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо сказался государственный умъ и политическое чутье Иоанна.

Какъ обстоятельно остановился онъ на вопросѣ о свободныхъ сношеніяхъ своихъ подданныхъ съ Западною Европою, какъ ясно сознавалъ онъ необходимость тѣснаго союза съ однимъ изъ европейскихъ государей, какъ осторожно шелъ онъ на уступки, могущія уронить достоинство Россіи и вредно отозваться на политической или коммерсальной самостоятельности ея! Съ этимъ февральскимъ трактатомъ, еслибы только онъ въ дѣйствительности былъ выполненъ, обозначился бы новый поворотный пунктъ въ политическомъ и территоріальномъ развитии Россіи. Чего не доставало ей? Техническихъ, военныхъ и морскихъ усовершенствованій Западной Европы. а февральскій трактатъ уничтожалъ всѣ преграды къ ознакомленію, сближенію и родству Россіи съ Европой. Ни Польшѣ, ни Курляндіи, ни даже Даніи не устоять бы было противъ шведско-московской коалиції.

Ганзейскіе города первые примкнули бы къ этой коалиціи, такъ какъ она открывала имъ доступъ въ заманчивую Нарву, въ богатую Россію. Весь вопросъ зависѣлъ теперь отъ того, захотеть ли Швеція раздѣлить съ Россіей господство на восточномъ побережье Балтики; шведы владѣли Ревелемъ, Иоаннъ Грозный требовалъ себѣ Риги. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Рига скоро затмила бы собою Ревель; этому способствовало бы и болѣе выгодное географическое положеніе при устьѣ судоходной рѣки, по которой легко достигнуть до внутреннихъ торговыхъ пунктовъ, Полоцка и др. городовъ, и близость Риги отъ ганзейскихъ городовъ прусской и мекленбургской трети. Значитъ, взаимное господство на востокѣ Балтійскаго моря рано или поздно должно было обратиться въ безусловное коммерсальное господство на немъ одной только Россіи. Цѣну Россіи нигдѣ не знали лучше, чѣмъ въ Швеціи. Уже предъ первымъ Густавомъ носился образъ могущественной восточной державы; политическій тактъ подсказывалъ

и Эрику, что въ Россіи онъ имѣть опасную соверницу! Поэтому, дѣлать ей такія обширныя уступки было равносильно политическому и торговому самоубійству Швеціи, и вотъ Эрикъ, узнавши о февральскомъ трактатѣ, самъ ужаснулся.

Точное выполненіе его равнялось какому то подчиненному положенію Швеціи къ Москвѣ; подписать его значило бы склонить голову подъ московское ярмо, а оно давало бы все сильнѣе себя чувствовать по мѣрѣ роста и развитія восточнаго государя. Да и могъ ли Эрикъ положиться на обѣщанія Грознаго? Онъ въ глазахъ Эрика и Европы варваръ, схизматикъ, тиранъ. Часто самъ давая обѣщанія съ зараннѣе принятымъ рѣшеніемъ не выполнять его, Эрикъ могъ того же ждать и отъ Иоанна.

Предпославъ эти общія замѣчанія, обратимся къ фактамъ.

18-го мая 1567 года въ Упсалу прибыло московское посольство съ тѣмъ, чтобы отъ Эрика добиться подтверждения февральскаго договора, заключенного его посломъ съ царемъ¹⁾). Московскій царь на этотъ разъ имѣлъ еще въ виду скрѣпить свои отношенія къ Швеціи брачнымъ союзомъ и искалъ для своего сына руки сестры короля Эрика; о послѣдней шла молва, что она отличалась необыкновенною красотою; по лѣтамъ они также подходили другъ къ другу, принцессѣ было 16, царевичу 18 лѣтъ. Въ приданое за принцессой царь просилъ уступить ему Ревель. Одновременно съ посольствомъ царь отправилъ къ финляндскимъ границамъ многочисленное войско: угроза воиню, еслибы Эрикъ XIV не выполнилъ обѣщаннаго²⁾!

Вѣсть о посольствѣ московскаго царя въ Стокгольмъ успѣла уже повсюду распространиться и вызывала самые разнообразныя толкованія. Въ Любекѣ утверждали, что уже въ юнѣ сестра Эрика XIV была въ Нотебургѣ на русско-шведской границѣ; она—говорили въ Любекѣ—предназначалась въ супруги или самому царю, или сыну его, или татарскому князю—зятю царя, которому съ рукою принцессы передано будетъ и штатгальтерство въ Дерптѣ³⁾). И по любекскимъ извѣстіямъ Эрикъ обѣщалъ уступить московскому царю Ревель. Лучше, сказалъ будто бы Эрикъ XIV отдать московскому

¹⁾ ПОСОЛЬСТВО съ тѣмъ изъ трехъ человѣкъ, двухъ старыхъ сѣдыхъ князей и одного секретаря. Рагалипомена *Eloffson'a*, (157), современника этого посольства. Онъ принималъ участіе въ составленіи отвѣта царю.

²⁾ *Bibliothèque Nat.* Дансъ Карлу IX, 20 сент., 1567, см. Акты, № 44.

³⁾ Aus Lubeck, 30 Iuli. Мюнх. архивъ. Акты, № 41.

царю свою сестру и жить въ вѣчномъ мирѣ съ нимъ. нежели въ войнѣ съ нимъ потерять все свое королевство.

Не успѣли московскіе послы прибыть въ Швецію, какъ тамъ начались преслѣдованія и казни выдающихся аристократическихъ фамилій; настала пора самого жестокаго правленія Эриковой „опричнинѣ“ съ Георгомъ Перссономъ во главѣ. Московскіе послы не могли добиться аудіенціи ни у короля, ни у его совѣта ¹⁾). Осеню изъ Москвы явился гонецъ Eliasatus Liuonoeffsin Rzouschoi; и его подъ разными предлогами задерживали и только въ апрѣль 1568 года онъ могъ вручить королю письмо царя, въ которомъ онъ торопилъ ратификаціей договора 16-го февраля и выдачей Екатерины. На это письмо Эрикъ еще самъ отвѣчалъ Гроздному 18-го апрѣля. Онъ извинился передъ царемъ за то, что такъ долго задерживалъ его пословъ и причиной выставлялъ свою болѣзнь; враги его—датчане—воспользовались этимъ и нанесли большой уронъ его подданнымъ. Теперь онъ совершилъ оправдание и съ открытиемъ навигаціи надѣется отпустить царскихъ пословъ. Дѣйствительно. Эрикъ тогдѣ-же собралъ рейхсрать и съ своими совѣтниками приступилъ къ разсмотрѣнію заключеннаго его послами февральскаго договора. Рейхсратманы ²⁾ подали свое мнѣніе королю 23-го июня. Они рѣшительно отвергали необходимость подтвердить договоръ 16-го февраля. „Не къ чему“, говорили они. „заключать съ Москвою новые договоры о мирѣ и дружбѣ, когда старые ни съ чьей стороны не нарушены“ Всего обстоятельнѣе члены рейхсрата остановились на вопросѣ о выдачѣ царю Екатерины. Они указывали королю, что онъ не давалъ своимъ посламъ рѣшительного полномочія относительно выдачи Екатерины и поэтому вправѣ сказать царскимъ посламъ, что его послы, бывшіе въ Москвѣ, переступили его короля полномочіе. Соглашаясь начать переговоры о выдачѣ Екатерины, король имѣлъ въ виду, съ одной стороны, тяжкую болѣзнь своего брата, а также и слухъ о разводѣ царя съ своей женой. Теперь-же, при измѣнившихся обстоятельствахъ, онъ рѣшительно не можетъ расторгнуть брака Иоанна съ Екатериной; это было бы высшей

¹⁾ Стальзундскій посолъ Штраупитцъ писалъ: die Russische Legation wirt diesen Winter über auch was pacientia haben müssen. О царѣ: zu befurchten will er (царь) vormerckt, dass sich beide konnige nahe fast untereinander aussgeruttet, das es nichts gutes, sondern viel mer vrsach zum kriege suchen wirdt.

²⁾ Графъ Перъ Брагъ, Габріель Оксеншерна, Нильсъ Гюлленшерна и Бенгтъ Гильта; съими отвѣтъ царю составлялъ и Eloffson—секретарь. Paralipomena, 158.

чесправедливостью. Если царь изъ-за этого не согласится на миръ съ королемъ, то на это Божья воля. Еслибы московскіе послы указали на крестное цѣлованіе, то, по мнѣнію ратманновъ, король могъ бы имъ возразить, что оно касалось лишь подтвержденія добрыхъ отношеній Швеціи къ Россіи, а никакъ не скрѣпляло договора цѣликомъ со всѣми его условіями. Даѣте совѣтники Эрика XIV указывали ему, что такъ какъ исполнить требованіе царя относительно Екатерины рѣшительно невозможно, то королю слѣдовало бы войти въ переговоры съ герцогомъ Ioannomъ, какъ обѣ отношеніяхъ его къ Польшѣ, такъ и обѣ отношеніяхъ къ Россіи. Пусть Ioannъ выскажетъ, соглашенья ли онъ воевать съ королемъ противъ Польши или служить королю Ливоніи съ отрядомъ кнѣхтовъ, или принять участіе въ походѣ противъ датчанъ. Если у Эрика возникнетъ война съ московитами, то Ioannъ долженъ добиться у своего родственника, Сигизмунда польскаго, обѣянія—не заключать съ Москвою отдѣльного мира, а дѣйствовать противъ русскихъ заодно съ шведами. Ioannъ долженъ также убѣдить Сигизмунда освободить изъ заключенія Христофа Мекленбургскаго и возвратить отнятые у него земли; онъ обязанъ, наконецъ, открыть королю свои дипломатическія сношенія съ иностранными дворами, показывать ему всѣ письма, получаемыя имъ отъ Европейскихъ государей и гарантировать короля отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій къ нему его, герцога, сторонниковъ. Разъ король добьется всего этого, Москва не будетъ ему страшна и герцога Ioanna можно будетъ съ полною безопасностью возстановить въ его герцогскомъ достоинствѣ и возвратить ему его ленъ.

Вотъ совѣтъ, данный королю его ратомъ. Эрикъ принялъ его къ сѣдѣнію и постарался убѣдить московскихъ пословъ въ совершенной невозможности исполнить всѣ §§ договора 16-го февраля. Послы упорно стояли на своемъ и требовали выдачи Екатерины. Не для забавы же, говорили они, государь спарядилъ ихъ въ столь далекій путь, не даромъ же они понесли и большія денежныя затраты. „Мы не дѣти“¹⁾, говорили послы, „которыхъ можно всячески проводить и обманывать“²⁾). Дѣло протянулось до осени. Не за долго до своего паденія Эрикъ далъ имъ рѣшительный отказъ уже на всѣ ихъ требованія; онъ предлагалъ въ невѣсты царевичу свою дочь Виргинію²⁾, не

¹⁾ Paralipomena, 159.

²⁾ Danzay говоритъ, что Эрикъ предложилъ царю „sa belle mere troyziesme femme dudit Roy gustave—dame fort belle agee denuo: on trente cinq ans et ses dictes deux soeurs“.

принялъ и предложенной царемъ помощи въ 10.000 человѣкъ противъ своего брата Иоанна и настоялъ на отъездѣ пословъ. 15-го сентября онъ писалъ своему штатгальтеру въ Финляндіи, Гансу Ларссону, чтобы онъ приготовился съ честью встрѣтить русскихъ пословъ, „долгое время пробывшихъ въ Швеціи и теперь получившихъ отъ насъ рѣшительный отвѣтъ“.

Извѣстно, что Георга Перссона подъ пыткою допрашивали, имѣлъ ли въ виду Эрикъ выдать московскому царю Екатерину, но и этотъ до-прось подтвердили, что у короля никогда серьезно не было этого на-мѣренія, что онъ неоднократно называлъ это требование нехристіан-скимъ, а потому и неисполнимымъ. Не смотря на это, Иоаннъ про-должалъ вѣрить въ намѣреніе Эрика расторгнуть его бракъ съ Ека-териной; онъ продолжалъ выставлять этотъ фактъ, какъ одну изъ причинъ, заставившихъ его возстать противъ брата. Опасаясь движенія со стороны своихъ братьевъ, Эрикъ еще въ 1567 году вошелъ въ переговоры съ Иоанномъ, добивавшимся освобожденія изъ Грипсгольм-ской тюрьмы. Преслѣдуемый страхомъ за свою корону и жизнь, Эрикъ въ іюль этого года далъ Иоанну рядъ обѣщаній; Иоаннъ требовалъ себѣ Финляндіи и всѣхъ шведскихъ завоеваній въ Ливоніи и предлагалъ свое посредничество къ примиренію Эрика съ Польшей. Переговоры съ Иоанномъ затянулись, король не принялъ предложеній герцога. Между тѣмъ состояніе короля все ухудшалось, онъ впалъ въ сум-мѣство; осенью 1567 года Рантцау вторгнулся въ самое сердце Швеціи, онъ дошелъ до Остерготланда и король захотѣлъ самъ стать во главѣ войска, отправленного противъ отважнаго датскаго генерала; онъ сталъ снова бодрѣе, чувствовалъ себя лучше и уже не хотѣлъ слышать объ условіяхъ примиренія, какія ему предложилъ Иоаннъ. Такъ съ Польшей онъ допускалъ возможность примиренія только въ томъ случаѣ, если польскій король уступитъ ему всѣ свои завоеванія въ Ливоніи; отъ брата онъ требовалъ, чтобы тотъ не оказывалъ по-мощи Польшѣ, отпустилъ всѣхъ своихъ слугъ и оставался въренъ Арбогскимъ постановленіямъ. Иоаннъ отвергнулъ эти требованія, чѣмъ еще болѣе возбудилъ подозрѣнія короля, давшаго штатгальтеру Стокгольма приказаніе бдительнѣе прежняго стеречь герцога и его семью. Мы знаемъ, что Иоаннъ получилъ свободу, вѣроятно, подпи-савши всѣ требованія короля¹⁾.

¹⁾). Ср. Th. Annerstedt, Resninge. 1568. En historisk studie Göteborg, 1880, стр. 41.

Опъ тогчасъ соединилсѧ съ Карломъ сѣдерманландскимъ и стала готовить восстаніе противъ короля. Все дворянство, такъ сильно униженное Эрикомъ, откликнулось на зовъ Іоанна; герцогъ извѣстилъ о начавшейся революціи своеего родственника Сигизмунда польскаго, который изъ Данцига отрядилъ нѣсколько кораблей къ Ревелю на помощь Іоанну. Въ юлѣ 1568 года Іоаннъ и Карлъ двинулись къ Вадстенѣ и Стокгольму. Іоаннъ разославъ населенію манифестъ, полный клеветъ на несчастнаго короля, имѣвшій цѣлью оправдать начавшіяся движенія противъ Эрика XIV. У Фридриха II Іоаннъ добивался временнаго перемирія до низложенія „сумасшедшаго“ короля; перемирія Фридрихъ не заключилъ, но далъ своимъ войскамъ приказаіе остановить всѣ враждебныя дѣйствія. Уступчивость Фридриха II въ данномъ случаѣ была очень странною; онъ могъ бы прекрасно воспользоваться выгодою своего положенія, окончательно ослабить и уничтожить Швецію, предупредить или замедлить сентябрьскій соур *d'état*, но вѣсть обо всѣхъ шведскихъ событияхъ пришла къ нему слишкомъ поздно: Эрикъ былъ уже пленникомъ своихъ братьевъ, Іоаннъ провозглашенъ шведскимъ королемъ.

Было что то загадочное въ быстротѣ, въ легкости, съ какой произошло сверженіе Эрика XIV! Внутреннее движеніе могло быть подавлено, оно оставалось бы безуспѣшнымъ, еслибы Эрикъ дѣйствовалъ счастливо во вѣнчихъ предпріятіяхъ своихъ. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что каждая внутренняя смута, внутренняя оппозиція, всего успѣшнѣе подавляется энергичною, ловко направленною вѣнчайшей политикой. Пока эта политика счастлива, правитель всегда справится съ внутренними движеніями, но стоитъ ему потерпѣть малѣйшую неудачу въ вѣнчихъ дѣлахъ — и смута получаетъ большую силу, большую интенсивность. Такъ и въ разбираемой катастрофѣ: неудачи въ войнѣ съ Даніей содѣйствовали успѣху восстанія, поднятаго братьями короля¹⁾.

Съ трагической катастрофою Эрика совпала и катастрофа Грумбаха и Эрнестинцевъ въ Германии: Гота пала, шведские сторонники разсѣялись и погибли. Вступленіе Іоанна III на шведскій престолъ обозначаетъ собою рѣшительный поворотъ въ Балтийской борьбѣ; оно начинаетъ собою новый, четвертый періодъ войны.

Г. Форстенъ.

(Продолженіе следуетъ).

ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ¹⁾.

§ 11. Въ Prolegomena'хъ (§ 21) Кантъ говоритъ, что выводомъ категорій изъ суждений „опредѣляются также и основоположенія a priori возможности всего опыта“ Это, очевидно, не вѣрно. Prolegomena, отожествляя необходимое и общезначающее съ объективнымъ и опредѣляя затѣмъ категоріи какъ понятія о созерцаніяхъ необходимо и общезначающее опредѣленныхъ въ отношеніи къ тому или другому моменту судящей дѣятельности, прямо приспособляютъ, какъ сказано выше, это понятіе къ сужденіямъ опыта—объективнымъ въ ихъ различіи отъ суждений восприятія—субъективныхъ, и тѣмъ самымъ устраиваютъ учение о тожествѣ предметнаго синтеза, выражаемаго категоріями, съ функциями судящей дѣятельности вообще, а следовательно устраниютъ и возможность устанавливать первыя прямо и непосредственно на послѣднихъ. И если тѣмъ не менѣе тутъ-же въ Prolegomena'хъ Кантъ, сказавъ, что мы „прежде всего должны представить то, что относится къ сужденію вообще и различные моменты въ немъ разсудка“, тотчасъ за перечнемъ видовъ сужденій представляетъ перечень категорій, давая видъ, какъ будто категоріи такимъ путемъ устанавливаются сами собою, то онъ забываетъ, что такая непосредственная установка, при данномъ опредѣленіи категорій, была бы возможна лишь на сужденияхъ, признанныхъ объективными, а не на сужденияхъ вообще, и что выдѣлить объективные сужденія изъ всѣхъ вообще суждений нельзѧ, не установивъ предварительно понятія разсудка объ объектѣ. „Критика чистаго разума“, опредѣляя категоріи общѣ, просто какъ понятія о созерцаніи, опредѣленномъ въ отношеніи къ одной изъ логическихъ функций сужденія, очевидно, приспособляетъ это понятіе къ сужденіямъ вообще, но тѣмъ самымъ лишаетъ

¹⁾) Продолженіе. С. февральскую книжку Журнала Министерства Народного Просвещенія за текущій годъ.

всякаго основанія принимаемую Кантомъ таблицу категорій, на сколько она не обнимаетъ всѣхъ видовъ синтеза, способныхъ быть выражеными въ сужденіи. И если Критика, чтобы оправдать таблицу категорій, тотчась за опредѣленіемъ понятія о нихъ, при разъясненіи этого понятія на частномъ примѣрѣ категоріи субстанціи, неожиданно и безъ всякаго мотива превращаетъ понятіе о созерцаніи, опредѣленіемъ въ отношеніи къ тому или другому изъ моментовъ судящей дѣятельности, въ понятіе о созерцаніи „на всегда“, опредѣленіемъ въ отношеніи къ тому или другому моменту судящей дѣятельности, какъ будто бы эта прибавка предполагается сама собою даннымъ опредѣленіемъ категорій, то она забываетъ, что такая прибавка была бы понятна, еслибы предметный синтезъ былъ отожествленъ не съ функціями судящей дѣятельности вообще, а съ сужденіями, отличающимися безусловно всеобщимъ характеромъ. какъ это сдѣлано въ *Prüfungswert*, и что перечень категорій, какъ скоро при немъ имѣется въ виду эта прибавка, не можетъ уже оправдываться предположеннымъ тожествомъ предметного синтеза, выраженного въ категоріяхъ, съ функціями судящей дѣятельности вообще. Понятно, что мнімый выводъ категорій въ качествѣ понятій разсудка объ объектѣ дѣйствительныхъ выводомъ ихъ не былъ и быть не могъ, даже при всѣхъ предположеніяхъ о безусловномъ значеніи традиціоннаго логическаго ученія, а слѣдовательно и „основоположенія a priori возможности всякаго опыта“, которыя „подводятъ всѣ восприятія подъ эти чистыя понятія“, опредѣляться этимъ выводомъ ни въ какомъ случаѣ не могли. Наоборотъ, самое ученіе о категоріяхъ какъ понятіяхъ мысли объ объектѣ могло основываться только на доказательствахъ этихъ основоположеній. И дѣйствительно, эти доказательства ведутся Кантомъ совершенно независимо отъ мнімаго вывода категорій, такъ что читатель имѣеть полное право совсѣмъ забыть объ этомъ выводѣ, и ничто въ самыхъ доказательствахъ основоположеній не напомнить ему о немъ. Даже перечень и смыслъ самыхъ основоположеній оказалось невозможнымъ привести въ полную гармонію съ категоріями, какъ онѣ получились путемъ такого вывода, не смотря на то, что произволь вывода все-же облегчалъ въ значительной степени возможность установить соотвѣтствіе между категоріями и основоположеніями. Если исключить основоположенія, относящіяся къ категоріи модальности, которая устанавливается только смыслъ понятій о возможности, дѣйствительности и необходимости съ точки зреянія критической философіи и которая мы не имѣемъ нужды здѣсь подвергать критическому разбору, то ока-

жется, что только основоположения, относящиеся къ категоріи отношенія, достаточно согласованы съ соотвѣтствующими имъ категоріями. Категоріи количества и качества, несмотря на то, что каждая изъ нихъ, подобно категоріямъ отношенія и модальности, представляла три момента, могли дать для системы основоположений только по одному основоположению; и кто бы могъ заранѣе догадаться, что изъ категоріи качества выйдетъ основоположеніе, требующее, чтобы всѣ явленія по своему содержанию (реальному) были интенсивными величинами? Изъ всего этого ясно, что мы можемъ приступить къ разбору Кантовъхъ доказательствъ основоположеній разсудка съ увѣренностью, что ихъ установка исключительно зависитъ отъ убѣдительности этихъ доказательствъ.

Общая точка зреінія, которая господствуетъ во всемъ отдѣлѣ Критики, посвященномъ доказательству чистыхъ синтетическихъ основоположеній разсудка, сама по себѣ не должна бы, повидимому, вызывать никакихъ недоумѣний. Кантъ въ своихъ разъясненіяхъ всюду старается показать, что въ условіяхъ, въ которыхъ поставлено человѣческое сознаніе при приобрѣтеніи матеріала для знанія, ничего не устанавливается и не можетъ быть установлено имъ въ качествѣ объективного бытія иначе какъ подъ условіемъ подведенія этого матеріала подъ известныя синтетическія понятія; хотя доказательства основоположеній, говорить онъ (176 — 177), нельзя бы было вести объективно и, наоборотъ, оно лежитъ въ основаніи всякаго объективнаго познанія. „однако это все-же не препятствуетъ тому, чтобы можно было получить доказательство изъ субъективныхъ источниковъ возможности познанія предмета вообще, даже это необходимо, такъ какъ положеніе, устанавливаемое безъ доказательства, навлекало бы на себя очень большое подозрѣніе въ томъ, что оно имѣть только минимую убѣдительность“ Такая постановка вопроса о тѣхъ очевидныхъ истинахъ, которые должны по мнѣнію Канта лежать въ основаніи всего знанія, должна, повидимому, давать разъясненію ихъ иной характеръ, искажи какоимъ имѣло разъясненіе истинъ математическихъ. Тамъ въ существѣ дѣла мы имѣли простую ссылку на границу нашей созерцательной способности по самой ея природѣ (если не принимать въ расчетъ не проведенного послѣдовательно взгляда на зависимость всего созерцательного синтеза отъ разсудка), а поэтому въ математическихъ аксиомахъ выступали передъ нами на самомъ дѣлѣ непонятные для насъ, неспособные къ дѣйствительному разумному оправданію законы, которые могли быть обнаружены лишь

на фактахъ соответствующаго имъ созерцанія. Здѣсь, наоборотъ, на первый планъ выступаетъ стремленіе разумно оправдать значеніе основоположеній изъ условій познанія, объяснить настоятельную потребность въ нихъ при всякой попыткѣ установить объектъ. Такая постановка дѣла соответствуетъ, повидимому, и болѣе широкому значенію, какое приписывается формамъ мысли въ сличеніи съ формами созерцанія. Въ то время какъ послѣднія открыто признаются случайными, которыхъ могли бы быть и иными, о формахъ разсудка по крайней мѣрѣ ясно и опредѣленно этого не утверждается. Кантъ, правда, дѣлаетъ предположеніе о созерцательномъ разсудкѣ, при которомъ мысль путемъ чистаго самосознанія развивала бы полноту содержанія. Но если это творчество не дано нашей мысли въ удѣль, если она осуждена на то, чтобы получать матеріаль для знанія отъ пассивной созерцательной силы, то все-же за ея формами признается право оставаться такимъ-же, каковы онѣ есть, какъ бы ни измѣнялись формы созерцанія; выше мы видѣли, что Кантъ говорить, что значеніе чистыхъ формъ разсудка распространяется на всякое созерцаніе, лишь бы оно не было интеллектуальнымъ. Отсюда, повидимому, слѣдовало бы заключить, что мы при оправданіи основоположеній будемъ иметь принципомъ мысль, хотя и не творческую, а получающую матеріаль для знанія отъ пассивной созерцательной способности, однако такую, какой всегда и необходимо должна оказаться эта мысль, какъ скоро она ограничена пассивнымъ созерцаніемъ, а поэтому для насъ критеріями при оправданіи основоположеній окажутся критеріи, которые должны быть признаны безусловно обязательными для подобной мысли вообще. Конечно, предполагается, что при измѣненіи формъ воспринимающей способности должны были бы измѣниться и основоположенія по своему непосредственному и ближайшему смыслу, такъ какъ они составляютъ примѣненіе общихъ требованій мысли къ матеріалу, данному въ опредѣленныхъ созерцательныхъ формахъ. Но если дѣйствительно признается безусловность требованій самой мысли, то необходимо должно допускаться безусловное значеніе основоположеній по крайней мѣрѣ при тѣхъ-же созерцательныхъ формахъ, должно допускаться, что и при другихъ формахъ, хотя и окажутся другія основоположенія, но точно также имѣющія безусловный характеръ при этихъ формахъ. Такъ можно, повидимому, толковать мысль Канта, когда онъ хочетъ и считаетъ необходимымъ доказать основоположенія изъ субъективныхъ условій познанія объекта и расширяетъ значеніе формъ мысли на матеріалъ, полученный вообще при посредствѣ какого бы

то ии было пассивнаго созерцанія. Однако мы не должны забывать, что число и виды категорій, какъ было выше указано, Кантъ называетъ осо-бенностю нашего разсудка, которая объяснена быть не можетъ. И если основоположенія должны все-же имѣть своимъ содержаніемъ эти кате-горіи, то какая же мы могли бы имѣть основанія думать, что мысль, получающая матеріаль для знанія изъ пассивнаго созерцанія, всегда и необходимо должна пользоваться этими основоположеніями? Отчего категоріи, а съ ними и основоположенія, не могли бы быть иными даже при тѣхъ-же самыхъ формахъ созерцанія? А въ такомъ случаѣ чѣмъ бы основоположенія могли быть иными кромѣ непонятныхъ далѣе роко-выхъ законовъ, которые можно констатировать какъ фактъ, но которые ни въ какомъ случаѣ нельзя разъяснить въ смыслѣ законовъ безу-словно обязательныхъ для мысли при извѣстныхъ способахъ полученія ею материала? Не должно ли выйти прямо наоборотъ, что мы дѣй-ствуемъ согласно съ ними совсѣмъ не потому, что при извѣстныхъ условіяхъ созерцанія мысль какъ мысль не можетъ искать познанія объекта иначе, какъ пользуясь этими именно положеніями, а потому что данная природа нашей мысли ограничена фактически извѣстными понятіями, которымъ ничто не препятствовало бы быть и иными и которыхъ, слѣдовательно, не выражаютъ собою чего-либо обязательного для мысли какъ мысли и способного быть вполнѣ понятными ей какъ мысли? Доказательства основоположеній разсудка не должны ли въ такомъ случаѣ быть мнимыми доказательствами и сводиться въ концѣ концовъ на иѣкоторую роковую необходимость для нашей мысли вѣ-рить извѣстнымъ положеніямъ, изъ которыхъ должны выводиться самыя основоположенія? Кантъ, приступая къ доказательству основоположеній разсудка, высказываетъ увѣренность въ томъ (183), что иѣть никакой опасности принять чисто эмпиріческія основоположенія за основоположенія чистаго разсудка, „отъ такого смышенія, говорить онъ, мо-жетъ легко предохранить та необходимость (связь) соотвѣтственно понятіямъ, которая отличаетъ послѣдня и отсутствие которой въ эмпиріческомъ положеніи, какое бы общее значение оно ни имѣло, легко воспринимается“ И если къ той же невольно воспринимаемой необходимости должны сводиться и доказательства, то не будуть ли они совсѣмъ излишни? И какъ защитить они въ такомъ случаѣ основоположенія отъ „подозрѣнія, что они имѣютъ только мнимую убѣдительность“? Эти недоумѣнія можетъ разрѣшить для насъ только обстоятельный разборъ самыхъ доказательствъ основоположеній.

12. Для насъ существенно важны собственно основоположенія,

относящіяся къ категоріямъ отношенія, такъ какъ они опредѣляли Кантову систему. Но все-же необходимо дать себѣ отчетъ и объ основоположеніяхъ количества и качества.

Основоположеніемъ, относящимся къ категоріи количества, служить у Канта положение: всѣ созерцанія суть экстенсивныя величины. Его доказательство представляетъ слѣдующій порядокъ мыслей. Всѣ явленія по своей формѣ содержать созерцаніе въ пространствѣ и времени, которое a priori лежитъ въ основаніи всѣхъ ихъ. Понятіе экстенсивной величины есть то понятіе, въ которомъ сознается синтезъ однородныхъ элементовъ созерцанія, порождающій въ эмпірическомъ сознаніи представление объ опредѣленномъ времени и пространствѣ. Ясно, что всѣ явленія неизбѣжно должны подходить подъ это понятіе.

Первая половина доказательства, если принять выводы трансцендентальной эстетики, никакому сомнѣнію подлежать не можетъ. Какъ скоро часть данныхъ намъ предметовъ, именно всѣ предметы, данные во вѣнѣшнемъ восприятіи, признаны явленіями въ пространствѣ, а всѣ въ совокупности данные предметы—явленіями во времени, они несомнѣнно должны представлять для созерцанія пространственное и временное бытіе. Другая половина доказательства можетъ возбуждать вопросъ: какая была нужда Канту разъяснить окольнымъ путемъ отношеніе понятія величины къ представлениямъ пространства и времени, когда достаточно было бы, какъ казалось бы, простой ссылки на безспорную мысль, что все пространственное и временное есть величина экстенсивная. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы легко найдемъ, если обратимъ внимание на то, что для Канта это основоположеніе, подобно основоположеніямъ причинности, субстанціальности и пр., должно быть синтетическимъ основоположеніемъ, то-есть, по принятому у него толкованію аналитическихъ и синтетическихъ сужденій, такимъ суждениемъ, въ которомъ сказуемое не заключается въ подлежащемъ, и при томъ оно должно быть основоположеніемъ разсудка, то-есть основываться на формахъ разсудочной дѣятельности. Само собою понятно, что синтетическое основоположеніе изъ аналитическихъ сужденій быть выведено не можетъ. Съ другой стороны основоположеніе разсудка не можетъ быть простымъ выводомъ изъ свойствъ созерцательной способности. Отсюда было неизбѣжно, чтобы хотя одна изъ основныхъ посылокъ, на которыхъ опирается доказательство этого основоположенія, была не только суждениемъ синтетическимъ, но и суждениемъ, не опирающимся просто на свойствахъ созерцанія. Если-же мы теперь, имѣя это въ виду, обратимся къ посылкамъ, на

которыхъ строится доказательство основоположенія количества. то увидимъ, что ихъ двѣ: одну представляеть положеніе, что все непосредственно созерцаемое пространственно и временно; другая заключается въ мысли, что все пространственное и временное есть величина экстенсивная. Первая изъ этихъ посылокъ съ точки зрењія Кантовой философіи есть безспорно сужденіе синтетическое. такъ какъ пространство и время по его учению не представляютъ единственно возможныхъ формъ созерцанія, и слѣдовательно созерцаемое могло бы быть и не пространственнымъ и не временнымъ. Но эта посылка была установлена уже трансцендентальной эстетикой: она представляетъ собою законъ нашего созерцанія и слѣдовательно не могла оправдывать собою основоположенія мысли. Испо такимъ образомъ, что, если основоположеніе количества должно считаться синтетическимъ основоположеніемъ разсудка, вторая посылка, утверждающая, что все пространственное и временное есть величина экстенсивная, должна была рассматриваться также въ качествѣ синтетического сужденія. Но если смотрѣть на нее какъ на синтетическое сужденіе, то, конечно, она не могла быть признана очевидной непосредственно изъ самыхъ понятій, въ ней заключающихся, и требовалось особое разъясненіе необходимости той связи, какая соединяетъ эти понятія. Отсюда ясно, что необходимость особаго подтвержденія второй посыпки, то-есть особое разъясненіе той мысли, что въ понятіи величины сознается синтезъ, порождающій опредѣленное пространство и опредѣленное время, предполагаетъ убѣжденіе въ томъ, что понятіе экстенсивной величины не содержитъ въ понятіи опредѣленного пространства или времени, что сужденіе, въ которомъ приписывается первое изъ этихъ понятій второму, не есть сужденіе синтетическое. Такъ долженъ разрѣшаться тотъ вопросъ, который возникалъ у насъ относительно второй половины доказательства основоположенія количества. Однако это разрѣшеніе можетъ возбуждать недоумѣніе уже болѣе серьезное.

Сущность Кантова разъясненія отношенія между понятіемъ экстенсивной величины съ одной стороны и понятіями опредѣленного пространства и времени съ другой состоить въ указаніи на то, что представление объ опредѣленномъ пространствѣ или времени можетъ возникать въ сознаніи только чрезъ послѣдовательный синтезъ, чрезъ сбираніе и присоединеніе другъ къ другу элементовъ созерцательности, и что понятіе экстенсивной величины представляетъ собою эту именно синтезъ. Чтобы не усложнять вопроса, предположимъ,

что процессъ порождения пространственныхъ и временныхъ представлений здѣсь описанъ вѣрно. Отсюда будетъ несомнѣнно слѣдоватъ, что мы имѣемъ право о всемъ пространственномъ и временномъ утверждать, что оно есть экстенсивная величина. Такъ какъ объединяющій синтезъ, выражающійся въ понятіи экстенсивной величины, будетъ входить какъ неизѣбѣжный элементъ во всякое созерцательное представление пространственного и временнаго характера, будетъ составлять саму сущность и основу этого представленія. Но отсюда же также несомнѣнно будетъ слѣдоватъ, что понятіе экстенсивной величины будетъ входить въ качествѣ необходимаго признака въ самое понятіе опредѣленного пространства или времени, и слѣдовательно сужденіе, присоединяющее понятіе величины къ понятію опредѣленного пространства или времени, будетъ сужденіемъ, съ точки зрѣнія Кантова дѣленія сужденій, аналитическимъ. Какъ безъ этого синтеза, сбирающаго элементы созерцательности и присоединяющаго ихъ другъ къ другу, останутся только самые эти элементы, самое это многообразное, которое безъ соединенія, связующаго элементы въ одно непрерывное цѣлое, не было бы опредѣленнымъ пространствомъ или временемъ, такъ и безъ понятія, выражающаго этотъ синтезъ и входящаго въ качествѣ признака въ понятіе обѣ опредѣленіемъ пространствъ или времени, было бы невозможно послѣднее понятіе, если оно хочетъ быть понятіемъ о пространствѣ и времени, а не обѣ элементахъ созерцательности, не о многообразномъ, которое само по себѣ не есть ни пространство, ни время. Понятіе должно обнимать въ себѣ сущность представленія, и если синтезъ, объединяющій однородные элементы того, что Кантъ называетъ разнообразнымъ, долженъ представлять собою иѣчто столь-же существенное въ представленик опредѣленного пространства и времени, столь-же необходимое для того, чтобы оно было представленіемъ пространства или времени, какъ существенны и необходимы въ немъ тѣ элементы, которые онъ долженъ собрать и соединить, то какимъ образомъ въ понятіе о пространствѣ и времени не войдетъ понятіе обѣ экстенсивной величинъ, выражающеъ этотъ объединительный синтезъ?

Можно предположить, что Канта вводить въ недоразумѣніе то обстоятельство, что его понятіе количества или, ближе къ данному случаю, экстенсивной величины вмѣстѣ съ другими его категоріями признано имъ синтетическимъ, связующимъ понятіемъ, и при описываемомъ иѣ процессѣ порождения представлений обѣ опредѣленіемъ пространствѣ и времени играетъ именно роль понятія, представляю-

щаго связь многообразного; а поэтому ему представляется совершенно естественнымъ видѣть синтезъ въ суждениі, въ которомъ это синтетическое понятіе оказывается сказуемымъ. Но крайней мѣрѣ на такое предположеніе естественно наводить самый его выводъ, въ которомъ какъ будто-бы особенно ставится на видъ понятія синтеза и синтетического единства. Но если это такъ, то здѣсь нельзя не видѣть простаго недоразумѣнія. Синтетический характеръ понятія не имѣть ровно никакого значенія для опредѣленія синтетичности или аналитичности сужденія, въ которомъ оно приписывается другому понятію или представлению въ качествѣ сказуемаго. Если въ самомъ содержаніи извѣстнаго понятія заключается другое понятіе, пусть и синтетическое, въ качествѣ его необходимаго признака, безъ котораго оно перестало бы быть этимъ именно понятіемъ; если, напримѣръ, составность, непрерывность положенія частей одной за другой и под., которая выражаются въ понятія экстенсивной величины, должны составлять необходимые ингредіенты въ содержаніи понятія объ опредѣленномъ пространствѣ или времени, такъ что безъ нихъ послѣднее понятіе не было бы понятіемъ объ опредѣленномъ пространствѣ или времени, то синтетичность понятія объ экстенсивной величинѣ, то есть та его особенность, по которой оно представляетъ собою не просто многообразное, а синтезъ этого многообразнаго, впервые и дѣлающій его опредѣленнымъ пространствомъ и временемъ, нисколько не помѣшаетъ ему аналитически выводиться изъ понятій о послѣднихъ и следовательно не помѣшаетъ сужденію, приписывающему этимъ послѣднимъ понятіе экстенсивной величины, быть суждениемъ аналитическимъ. Для того, чтобы оправдать право не только прилагать понятіе экстенсивной величины къ понятіямъ опредѣленного пространства и времени, но прилагать его въ качествѣ сказуемаго, не входящаго въ понятіе подлежащаго,—для этого не достаточно сослаться на то, что оно предполагается самимъ процессомъ порождения представлений о пространствѣ или времени; для этого нужно установить точное понятіе о послѣднихъ, въ которое однако не входило бы понятіе объ экстенсивной величинѣ, то-есть не входили-бы признаки о составности, непрерывности теченія частей одна за другую или вообще подобные этимъ свойства, выражаемыя понятіемъ объ экстенсивной величинѣ. Но это, конечно, невозможно.

Предполагая вѣрность Кантова описанія генесиса представлений объ опредѣленномъ пространствѣ и времени и проводя его послѣдовательно, мы дѣйствительно должны признать возможнымъ иѣкоторое

синтетическое въ Кантовомъ смыслѣ сужденіе, въ которомъ подлежащему приписывалось бы въ качествѣ сказуемаго понятіе экстенсивной величины. Но подлежащимъ въ такомъ сужденіи было бы никакъ не понятіе объ опредѣленномъ пространствѣ или времени, а понятіе о томъ многообразномъ, которое должно въ такомъ случаѣ оказаться порожденіемъ чистой созерцательности и которое должно считаться материаломъ, изъ которого сознаніе, подъ руководствомъ прирожденныхъ ему формъ синтеза, должно вырабатывать представлениія объ опредѣленномъ пространствѣ и времени. Но попытаться растолковать введенную Кантомъ въ доказательство основоположенія количества мысль о значеніи понятія величины въ порожденіи представлений опредѣленного пространства и времени въ указанномъ сейчасъ смыслѣ было бы и невозможно и совершенно бесполезно. Чтобы воспользоваться сужденіемъ, которое говорило бы, что многообразное, порождаемое чистою созерцательностью, можетъ стать предметомъ созерцанія только чрезъ синтезъ его въ понятіи величины экстенсивной, для этого все-же нужно предварительно дать какое-либо представлениѣ объ этомъ многообразномъ, которое только послѣ того, какъ пройдетъ синтезъ сознанія, можетъ сдѣлаться экстенсивной величиной (и величиной вообще), и которое, слѣдовательно, мы въ подлежащемъ имѣющаго образоваться синтетического сужденія должны мыслить безъ признака величины. Безъ опредѣленного указанія на то, чтд именно разумѣется подъ этимъ многообразнымъ, оставалось бы неизвѣстнымъ относительно подлежащаго этого сужденія, имѣть ли оно логическую состоятельность, можетъ ли оно быть реализовано въ мысли, безъ чего, конечно, о состоятельности самого сужденія не можетъ быть и рѣчи. Кантова философія оставляетъ насъ въ этомъ случаѣ безъ всякой помощи. Правда, самое название многообразного и самое ученіе о томъ, что въ понятіи величины сознается синтезъ однороднаго многообразнаго, предназначаются, повидимому, къ тому, чтобы служить указаніями на подлежащее этого предполагаемаго синтетического сужденія. Но эти указанія могутъ казаться имѣющими опредѣленный смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока остаются простыми словами, не возбуждая опредѣленныхъ представлений. Въ самомъ дѣлѣ обратимъ вниманіе хотя бы на то, что это однообразное многообразіе не должно быть ни пространствомъ, ни временемъ, ни частями того и другого, такъ какъ всякое пространство и время, а равно и всякая малѣйшая часть пространства и времени не могутъ не быть уже величинами, а между тѣмъ это многообразіе должно все-таки быть нѣкоторою множествен-

ностью и при томъ представлять въ себѣ нѣкоторыя видоразличія, и именно видоразличія, соотвѣтствующія имѣющимъ образоваться изъ него представлениемъ съ одной стороны пространства, съ другой времени, такъ какъ послѣдніхъ основаній для образованія въ одномъ случаѣ представлений пространства, въ другомъ времени, намъ съ точки зрењія Кантовой философіи, повидимому, нельзя искать ни въ чёмъ другомъ кромѣ особенностей самого этого многообразія. Естественно спросить, какъ же согласить эти требованія? Понятно, что Кантова трансцендентальная эстетика слишкомъ прямолинейна, чтобы давать намъ какое-нибудь указаніе на то, какъ выбраться изъ подобныхъ затрудненій. Вводя прямо пространство и время въ качествѣ формъ созерцанія *a priori*, она не рѣшается заглядывать впередъ на тотъ изумительный процессъ, при помощи которого трансцендентальная логика, не говоря о томъ прямо и ясно, превратила эти мнимыя формы созерцанія, разыгрывающія, повидимому, роль самостоятельныхъ формъ пассивной способности, въ порожденіе разсудка за исключеніемъ какого-то неопредѣленного остатка; не предусматривая этого процесса, трансцендентальная эстетика естественно получаетъ возможность говорить о пространствѣ и времени какъ о цѣльныхъ представлѣніяхъ, а не какъ о томъ неопредѣленномъ остаткѣ, который долженъ бы быть составлять законный предметъ ея разъясненій; а вслѣдствіе этого для разъясненія этого однообразнаго многообразія не оказалось места въ Критикѣ. Замѣчу при этомъ, что совершенно напрасно кто-нибудь сталъ бы искать выхода изъ этого затрудненія, стараясь различать пространство и время какъ формы созерцанія отъ пространства и времени какъ созерцательныхъ представлений; совершенно напрасно сталъ бы онъ настаивать на томъ, что только созерцательные представлія, а не самыя формы созерцанія требуютъ синтеза и сознанія. а слѣдовательно и единства этого синтеза въ понятіи величины; такъ какъ въ понятіе пространства и времени неизбѣжно входять признаки составности, непрерывнаго слѣдованія частей другъ за другомъ и под., то-есть входить такія черты, которыя выражаются въ понятіи экстенсивной величины, и такъ какъ, не злоупотребляя словами, мы можемъ называть пространствомъ и временемъ лишь то, что отличается этими признаками, то чистымъ формамъ созерцательности, принимаемымъ за независимыя отъ разсудка условія знанія, ничего не остается какъ потерять всякое право безъ злоупотребленія словами называть пространствомъ и временемъ и превратиться въ неопредѣленное нѣчто, которое, однако, должно быть

множественнымъ или способнымъ порождать некоторую множественность, имѣющую въ себѣ самой специфескія различія, соответствующія специфическимъ различіямъ пространства и времени. Съ другой стороны въ Кантовомъ доказательствѣ основоположенія количества совсѣмъ не случайно вводится мысль о значеніи понятія величины экстенсивной для всѣхъ явлений не самостоятельно, а при посредствѣ понятій пространства и времени. Съ точки зрѣнія Кантовой философіи существование многообразія, множественности въ данномъ можетъ быть названо для насъ а priori очевиднымъ лишь потому, что оно можетъ быть созерцаемо нами въ существующихъ а priori формахъ воспріемлющей способности. то-есть въ пространствѣ и времени, которые сами составляютъ сплошной синтезъ многообразнаго; и неизбѣжное для доказательства основоположенія количества господство формъ созерцательности надъ всѣмъ даннымъ материаломъ трансцендентальная эстетика доказывала, разумѣя подъ этими формами прямо пространство и время; она въ собственномъ смыслѣ доказывала всеобщее подчиненіе явлений пространству и времени, и ея доказательства потеряютъ всякий смыслъ, если вместо пространства и времени поставить нечто безусловно неопределеннное. Почему данное должно быть непремѣнно однообразною множественностью, почему эта множественность должна быть такова, чтобы требовать единства именно въ понятіи экстенсивной величины, а вмѣсто съ тѣмъ, почему это понятіе величины и именно экстенсивной величины необходимо стать опредѣленіемъ объекта, всѣ эти вопросы тотчасъ-же потеряютъ свои обязательные отвѣты, какъ скоро мы попытались бы забыть, если это только возможно, что дѣло идетъ о пространственныхъ и временныхъ явленіяхъ. Отсюда понятно, что Кантъ при доказательствѣ основоположенія количества могъ выходить только изъ подчиненности всѣхъ явлений понятіямъ пространства и времени, а никакъ не понятію совершенно неопределеннаго многообразія. Но если выходить изъ мысли о подчиненности явлений пространству и времени, то подчиненность ихъ понятію экстенсивной величины дѣлается простымъ аналитическимъ слѣдствиемъ этой мысли, и не оказывается никакого мѣста для введенія въ доказательство синтетического сужденія, соединяющаго понятіе о многообразіи чистаго созерцанія съ понятіемъ объ экстенсивной величинѣ.

Изъ всего сказанного ясно, что Кантово основоположеніе количества, если слѣдовать Кантову дѣлению сужденій на аналитическія и синтетическія, должно быть сочтено за простой аналитической выводъ

изъ мысли, которую должна была установить трансцендентальная эстетика, именно, что все, данное въ созерцаніи, необходимо созерцаются въ формахъ пространства и времени. Разъяснить это было для насъ важно, между прочимъ, по особой причинѣ. Основоположеніе количества занимаетъ у Канта первое мѣсто въ ряду синтетическихъ основоположеній разсудка и отличается тою очевидностью, которая должна принадлежать аналитическимъ выводамъ изъ безспорныхъ сужденій. Такъ какъ при этомъ аналитической выводъ искусно прикрыть введеніемъ учения о значеніи понятія количества лъ генесисѣ представлений объ опредѣленномъ пространствѣ и времени, то естественно особая очевидность доказательства этого основоположенія предрасполагаетъ читателя Критики въ пользу вообще Кантова ученія о синтетическихъ основоположеніяхъ разсудка. Даѣ же мы увидимъ, что и въ другомъ очень важномъ случаѣ Кантъ пользуется аналитической очевидностью связи между понятіемъ величины и понятіями пространства и времени для того, чтобы придать очевидность никакъ уже не аналитической связи категорій отношенія съ чистыми пространственно-временными отношеніями.

13. Основоположеніе количества подчиняетъ явленія понятію экстенсивной величины; основоположеніе качества подчиняетъ ихъ понятію величины интенсивной. Посредствующимъ понятіемъ при доказательствѣ основоположенія количества служить та сторона восприятія, которую Кантъ называетъ ихъ формою и отождествляеть съ пространствомъ и временемъ; посредствующимъ понятіемъ при доказательствѣ основоположенія качества служить у Канта другая сторона восприятія, ихъ содержаніе, которое отождествляеть онъ съ ощущеніями. Въ послѣднемъ случаѣ онъ старается доказать, что ощущенія должны имѣть интенсивную величину и затѣмъ переносить эту предикатъ на явленія какъ содержащія въ себѣ ощущенія. Что явленія въ качествѣ эмпирическихъ данныхъ предметовъ должны сверхъ чистыхъ созерцаній пространства и времени содержать въ себѣ эмпирическій материалъ или ощущенія, это предполагалось уже трансцендентальной эстетикой, равно какъ подразумѣвается во всей „Критикѣ чистаго разума“. Слѣдовательно въ доказательствѣ основоположенія качества вся здѣшность дѣла состоить въ обоснованіи той мысли, что ощущенія должны имѣть интенсивную величину. Этую мысль уже нельзя назвать аналитическимъ сужденіемъ подобно соотвѣтствующей ей въ доказательствѣ основоположенія количества мысли, что пространство и время суть величины экстенсивныя. Такъ какъ въ философіи Канта подъ опу-

щениемъ разумѣется только эмпирически данное, то-есть необъяснимое изъ самодѣятельности духа содержаніе воспріятія, то онъ, конечно, имѣлъ всякое право смотрѣть на сужденіе, приписывающее ощущенію интенсивную величину, какъ на синтетическое сужденіе. Отсюда понятно для насъ значение этой въ существѣ дѣла первой Кантовой попытки a priori установить значение дѣйствительно синтетического сужденія. Въ чёмъ же состоить доказательство этой мысли?

Кантъ (191) выходитъ изъ положенія, что „каждое ощущеніе способно къ уменьшенню, такъ что оно можетъ убывать и такимъ образомъ постепенно пропадать“, или, какъ онъ выражается въ добавленіи къ доказательству, сдѣланномъ во второмъ изданіи Критики, (190) „отъ эмпирическаго сознанія возможно постепенное измѣненіе къ чистому, когда реальное его совѣтъ пропадаетъ и остается просто формальное сознаніе (а ргюгі) многообразнаго въ пространствѣ и времени“ Отсюда дѣлается выводъ къ „синтезу порожденія величины ощущенія отъ его начала, чистаго созерцанія 0, до какой угодно величины его“ и изъ этого вывода устанавливается мысль объ интенсивной величинѣ ощущенія. Испо, такимъ образомъ, что существованіе въ ощущеніи (или эмпирическомъ сознаніи) экстенсивной величины выводится изъ возможности для ощущеній или способности ихъ постепенно убывать до нуля. Чтобы оцѣнить значеніе этого вывода, нужно точнѣе опредѣлить, что разумѣется подъ этой возможностію для эмпирическаго сознанія, или подъ этой способностію ощущеній убывать. Когда говорять о способности ощущеній убывать, очевидно, различаютъ два рода условій факта убыли ощущеній: однія—внѣшнія самому ощущенію, которыя служатъ только новодомъ къ возникновенію этого факта и могутъ въ разныхъ случаяхъ быть разнообразны, другія—внутреннія, принадлежащиа самимъ ощущеніямъ. Однаково необходимо для каждого факта убыли ощущенія, безъ которыхъ подобные факты вообще бы были невозможны. Подъ возможностію для ощущенія или подъ способностію ощущенія убывать могутъ разумѣться только послѣднія, внутреннія, принадлежащиа самому ощущенію условія убыли. Взятыя сами по себѣ эти условія должны состоять въ какихъ-нибудь свойствахъ или принадлежностяхъ ощущеній, безъ которыхъ убыль ихъ была бы невозможна. Слово „возможность“ или „способность“ въ такихъ случаяхъ есть, очевидно, только неопределеннное обозначеніе этихъ внутреннихъ условій; имъ не опредѣляется, въ чёмъ состоять эти условія сами по себѣ, по своему содержанію;

оно указываетъ только на отношеніе ихъ къ фактамъ убыли. характеризуетъ ихъ только какъ необходимый постулатъ этихъ фактъвъ. Отсюда ясно, что сужденіе „ощущеніе можетъ или способно убывать до нуля“ можетъ имѣть только тѣтъ смыслъ, что въ ощущеніи существуютъ свойства или принадлежности, безъ которыхъ убыль въ немъ была бы невозможна, но которымъ въ предѣлахъ этого сужденія остаются неопределѣлыми. Еслибы дѣло шло о приобрѣтаемомъ путемъ опыта убѣждениіи относительно существованія такого рода условій въ извѣстномъ ощущеніи, то не было бы никакого затрудненія предположить, что это убѣженіе можно бы было получить безъ всякаго представленія о томъ, въ чёмъ состоять эти условія сами въ себѣ; совершенно достаточно наблюдать фактъ умаленія извѣстнаго ощущенія для того, чтобы убѣдиться, что это ощущеніе можетъ или способно уменьшаться, что въ немъ существуютъ условія, необходимыя для этого процесса. хотя бы мы и не имѣли точнаго представленія о томъ, въ чёмъ именно они состоятъ. Но другое дѣло, еслибы намъ оказалась нужда на основаніи умозрительной очевидности приобрѣсть убѣженіе, что каждое ощущеніе имѣеть условія необходимыя для постепенного умаленія. Для того чтобы умозрительныи путемъ приобрѣсть это убѣженіе, нужно, конечно, поставить въ це-обходимую связь.—аналитически или синтетически, непосредственно или посредственно. это все равно,—попыткѣ ощущенія и понятіе объ этихъ условіяхъ. Но если для насъ остается вилять неизвѣстнымъ, какія-же именно условія необходимы для убыли ощущенія, то какъ же мы свяжемъ не существующее у насъ понятіе о нихъ съ понятіемъ ощущенія? У насъ будетъ, правда, признакъ этихъ условій, предполагаемая необходимость ихъ для самого факта убыли. Но этотъ признакъ самъ по себѣ указываетъ только на отношеніе ихъ къ факту, и если мы хотя бы изъ самого этого признака или какъ-нибудь иначе не опредѣлимъ, въ чёмъ они должны состоять, если для насъ и останется только извѣстнымъ, что они тѣтъ x , который предполагается при извѣстномъ фактѣ, то какъ мы можемъ догадаться о существованіи этого x въ чёмъ-нибудь иначе какъ по факту, при которомъ предполагается его существованіе? Итакъ, умозрительно убѣдиться въ существованіи въ ощущеніяхъ условій необходимыхъ для убыли ихъ нельзя, предварительно не установивъ понятія объ этихъ условіяхъ; и если сужденіе о способности ощущеній убывать есть только сужденіе о существованіи въ нихъ условій необходимыхъ для убыли безъ точнаго обозначенія этихъ условій, то, очевидно, въ качествѣ

умозрительного суждения оно можетъ быть только выводомъ изъ суждений, въ которомъ эти условія были бы опредѣлены и поставлены въ связь съ понятіемъ ощущенія. Теперь спрашивается: какія-же это свойства или какія принадлежности составляютъ необходимое условіе убыли. Есть одно свойство, которое во всякомъ случаѣ должно быть отнесено къ этимъ необходимымъ условіямъ; это свойство есть величина. Что можетъ уменьшаться или терять части, относящіяся къ своему составу, то не можетъ не быть составнымъ, не можетъ не представлять синтеза частей; что можетъ уменьшаться въ непрерывной постепенности, то не можетъ не представлять непрерывности синтеза въ своемъ составѣ, и, наоборотъ, что не представляетъ никакого синтеза однородныхъ элементовъ, тому постепенность уменьшія приписана быть не можетъ. Такимъ образомъ способность каждого ощущенія постепенно убывать не можетъ быть установлена иначе какъ чрезъ установление связи между понятіемъ ощущенія и понятіемъ величины и (—такъ какъ ощущеніе берется еще не объективированное въ пространствѣ, а во времени ограниченное лишь однимъ моментомъ—) величины именно интенсивной, потому что экспенсія только возможна въ протяженіи пространства и продолженіи времени. Изъ всего этого, я полагаю, ясно, что сдѣлать исходнымъ пунктомъ доказательства истины, признаваемой умозрительною, мысль о возможности для ощущеній постепенно убывать и отсюда уже вывести необходимость для ощущенія и содержащаго его въ себѣ явленія быть интенсивною величиною,—это значитъ запутаться въ терминахъ. Кантово доказательство основоположеній качества ничего не доказываетъ, такъ какъ основная его мысль выводится изъ положенія, которое само можетъ быть выведено только изъ нея-же.

Эта запутанность въ терминахъ у Канта ни въ какомъ случаѣ не случайна. Понятіе величины для Канта есть то понятіе, въ которомъ сознается синтезъ многообразнаго въ томъ случаѣ, если это многообразное однородно. Поэтому дать почувствовать необходимость прилагать къ чему-либо понятие величины значить дать почувствовать необходимость синтеза подобнаго многообразнаго. А для этого, конечно, необходимо, чтобы было очевидно существованіе этого многообразнаго или той множественности, которая можетъ подлежать подобному синтезу и вызывать мысль объ его необходимости. Содержаніе воспирятія, конечно, не можетъ не быть множественнымъ на столько, на сколько оно должно созерцаться въ формахъ пространства и времени. Такъ какъ сами эти формы сплошь

представляютъ синтезъ многаго. Но эта предполагаемая формами созерцательности множественность содержания восприятія есть такая множественность, о синтезѣ которой говорить уже основоположение количества. Такъ какъ теперь умозрительный, а следовательно и необходимый элементъ созерцательности предполагается у Канта вполнѣ исчерпаннымъ пространственностью и временемъ созерцанія, изъ которыхъ нельзя вывести никакого иного множества кроме множества, обнимаемаго понятіемъ экспенсивной величины, а разу докъ самъ множественности не творить и лишь даетъ единство множественности данной, то дать почувствовать необходимость существованія иной множественности, кроме обусловленной пространствомъ и временемъ, Канту можно было лишь путемъ ссылки на эмпирическіе элементы восприятія, которые съ его точки зрѣнія материала для сужденія безусловно всеобщаго и необходимаго представить ни въ какомъ случаѣ не могли. Здѣсь-то именно и сослужило свою службу убѣжденіе, что „необходимость (связи) соответственно понятіямъ“ должна „отличать основоположенія чистаго разсудка, и ея отсутствіе во всякомъ эмпирическомъ сужденіи, какое бы всеобщее значеніе оно ни имѣло, легко воспринимается“. Интенсивная величина въ качествѣ величины есть, конечно, синтезъ однороднаго, предполагающій множественность, но она, по выражению Канта, „аппрегендируется (усвояется сознаниемъ) какъ единство, и въ ней множество можетъ быть только представлено чрезъ приближеніе къ отрицанію=0“ Кантъ хочетъ этимъ сказать, что степень напряженія въ ощущеніи, по которой именно ощущеніе мыслится какъ синтезъ безко нечно малыхъ величинъ напряженія, созерцательно можетъ быть дана въ качествѣ такого синтеза лишь въ процессѣ постепенного приближенія къ нулю. Совершенно понятно поэтому, что Кантъ прибѣгасть къ мысли о постепенной убыли ощущеній для того, чтобы дать почувствовать необходимость существованія въ ощущеніи множественности особой отъ множественности, которая предполагается самыми формами созерцанія. Съ другой стороны положение, что всякое ощущеніе способно умаляться, относится къ такимъ положеніямъ, которыя способны вызывать невольное довѣріе къ себѣ сознанія, а между тѣмъ опытомъ оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдано въ качествѣ сужденія безусловно всеобщаго и необходимаго какъ по той причинѣ, что оно говорить не объ извѣстныхъ только намъ видахъ ощущеній, но о всѣхъ возможныхъ ихъ видахъ, такъ и по той, что оно предполагаетъ въ ощущеніяхъ непрерывную скаму

степеней, бесконечное число степеней все низшихъ и низшихъ сравнительно даже съ едва замѣтными для сознанія ощущеніями. Для Канта, какъ философа, стоящаго на догматической точкѣ зреінія, этихъ двухъ фактovъ, конечно, совершенно достаточно, чтобы смотрѣть на положеніе о способности ощущеній умаляться какъ на самоочевидную истину и сдѣлать его доказательствомъ существованія интенсивной величины ощущеній, а съ ними и вообще явленій, имѣющихъ своимъ содержаніемъ ощущенія. Очевидно, наимѣть никакой нужды въ отношеніи къ основоположенію качества доказывать, что здѣсь догматизмъ Канта остался не снятымъ; этотъ догматизмъ адѣль самъ обличилъ себя; онъ далъ, правда, посылку для вывода, но для такого вывода, который самъ достаточно краснорѣчиво говорить, какимъ путемъ могла быть приобрѣтена Кантомъ эта основная посылка.

Кантъ самъ чувствуетъ, что должна показаться не совсѣмъ согласно съ его общимъ взглядомъ и слишкомъ смѣлою попытка его представить въ качествѣ основоположенія разсудка такое положеніе, которое касается содержанія восприятій, имъ самимъ признанного вполнѣ эмпирическимъ и необъяснимымъ изъ независимыхъ отъ опыта условій познанія. Онъ самъ предлагаетъ себѣ подобное возраженіе. Казалось бы самъ собою опредѣлялся путь, которымъ слѣдовало идти при разрѣшении этого возраженія, если только оно разрѣшило; для этого слѣдовало пересмотрѣть посылки, изъ которыхъ выводится основоположеніе качества, и постараться устраниТЬ возможныя сомнѣнія въ умозрительности процесса убѣжденія въ этихъ посылкахъ, такъ какъ доказуемое положеніе не можетъ имѣть никакихъ другикъ правъ и никакого другого полномочія кромѣ тѣхъ, которыхъ получаетъ отъ истинъ, изъ которыхъ выводится. Кантъ, наоборотъ, хочетъ разъяснить возможность умозрительного убѣжденія въ основоположеніи качества, не ставя своего разъясненія въ прямое отношеніе къ своему доказательству этого основоположенія. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу (196—197): „качественность ощущенія всегда только эмпирична и ее совсѣмъ нельзя представить a priori (например, краски, вкусъ etc.). Но реальное, которое соответствуетъ ощущеніямъ вообще въ противоположность отрицанію 0, представляеть только нечто, понятие о чёмъ содержать въ себѣ бытіе и означаетъ только синтезъ въ эмпирическомъ сознаніи вообще. Во внутреннемъ чувствѣ эмпирическое сознаніе можетъ возвышаться отъ 0 до всякой большей степени, такъ что именно эта

самая экстенсивная величина созерцания (напримѣръ, освѣщенная поверхность) возбуждаетъ столь же большое ощущеніе, какое возбуждаетъ агрегатъ многихъ другихъ (менѣе освѣщенныхъ поверхностей) вмѣстѣ. Можно, лѣдовательно, абстрагировать отъ экстенсивной величины явленія и все же при простомъ ощущеніи въ одномъ моментѣ представить синтезъ однообразного возвышенія отъ 0 до данного эмпирическаго сознанія. Всѣ ощущенія поэтому какъ ощущенія будуть даны, правда, только *a posteriori*, но свойство ихъ, что они имѣютъ степень, можетъ быть познано *a priori*. По моему мнѣнію, все это объясненіе основано на недоразумѣніяхъ. Начинается оно противоположеніемъ между качественностью ощущенія, которую *a priori* представить нельзя, и синтезомъ (въ этой качественности), который долженъ составлять самое понятіе о реальному, соотвѣтствующемъ ощущенію, и о которомъ, конечно, предполагается, что онъ представимъ *a priori*. Это замѣчаніе въ извѣстномъ смыслѣ, конечно, вѣрно; предположить, что понятіе о синтезѣ можетъ быть составлено *a priori*, безъ сомнѣнія, несравненно удобнѣе, чѣмъ предположить, что понятіе, напримѣръ, обѣ извѣстномъ цвѣтѣ составляется *a priori*. Но дѣло идетъ не о происхожденіи понятія о синтезѣ какъ о синтезѣ, а о правѣ *a priori* предугадывать необходимость прилагать это понятіе къ реальному всѣхъ возможныхъ явленій. Чтобы въ явленіяхъ для реального, соотвѣтствующаго чистому ощущенію, то есть, ощущенію, отвлеченному отъ экстенсивной величины, обусловливаемой пространствомъ и временемъ, оказалась необходимость быть синтезомъ, для этого нужно, чтобы это чистое ощущеніе было многообразіемъ или множественностью, потому что синтезъ примѣнимъ только къ многому. Поэтому предугадывать *a priori* необходимую приложимость къ реальному, которое соотвѣтствуетъ ощущенію, во всѣхъ явленіяхъ понятіе о синтезѣ значитъ *a priori* предугадывать особую множественность во всѣхъ ощущеніяхъ кромѣ той множественности, которая предполагается двумя принятыми Кантонъ формами созерцательности. Чтобы объяснить возможность *a priori* предугадывать въ ощущеніи эту особую множественность, Канту нужно было запастись особой формой созерцательности *a priori*, которая предполагала бы множественность, соотвѣтствующую интенсивной величинѣ, и на которую онъ могъ бы сослаться, какъ онъ ссылается на пространство и время при доказательствѣ основоположенія количества. Но этой особой множественности онъ въ запасѣ не имѣть и ему приходится ссылаться прямо на понятіе разсудка о реальномъ, соотвѣтствующемъ ощущенію, какъ

о синтезѣ. Но вѣдь это именно и требовалось доказать; доказывать, что всѣ явленія по суду мысли суть интенсивны величины, — вѣдь это и значитъ доказывать, что мысль необходиимо предполагаетъ въ реальному, соотвѣтствующемъ чистому ощущенію, особый синтезъ. Если вся очевидность при объясненіи необходиимости для чистаго ощущенія быть особымъ синтезомъ заключается въ очевидности понятія разсудка о самомъ реальному, соотвѣтствующемъ ощущенію, какъ о синтезѣ, то тогда нужно бы было изъ синтетичности ощущенія доказывать синтетичность реальнаго, соотвѣтствующаго ощущенію, какъ это дѣлаетъ Кантъ. а, прямо наоборотъ, изъ необходиимой синтетичности этого реальнаго выводить синтетичность ощущенія. Но даже и выводить тогда совсѣмъ ничего не пришлось бы, такъ какъ синтетичность не ощущенія, а реальнаго, соотвѣтствующаго ощущенію, составляетъ смыслъ основоположенія качества; выѣсто доказательства мы имѣли бы тогда простую ссылку на то, что это основоположеніе есть законъ разсудка: догматизмъ предсталь бы предъ нами, какъ это и требуется научною справедливостью, въ своемъ откровенномъ видѣ. не пракрѣтъ тонкостями діалектики. Но эта ссылка оказалась бы несогласно даже со взглядомъ самого Канта на разсудокъ. Понятіе объ интенсивной величинѣ въ качествѣ разсудочнаго понятія не имѣть у него даже и того призрачнаго оправданія, на какое могли бы сослаться другія категоріи: оно не выведено изъ формъ сужденія, изъ нихъ выводилось только общее понятіе количества: но что каждый возможный видъ общаго понятія, признаннаго существующимъ аргументомъ, долженъ быть приложимъ къ каждому явленію.

этого, я полагаю, не стала бы утверждать и Кантъ. При томъ же по его теоріи разсудокъ, правда, требуетъ синтеза — но для данной ему отвѣтъ множественности и именно съ цѣлью объединенія этой множественности (въ интересахъ единства самосознанія, какъ это увидимъ далѣе); онъ требуетъ, следовательно, не множества, а наоборотъ единства, и своимъ синтезомъ многое стремится превратить въ единое. Если же это такъ, то пусть понятіе синтеза вообще будетъ чистымъ порожденiemъ разсудка; пусть понятіе интенсивной величины несомнѣнно относится къ фактически существующему у насъ понятію о реальному, соотвѣтствующемъ ощущенію; все это будетъ доказывать только, что наши ощущенія кромѣ вообще необходиимости для нихъ синтезироваться съ пространствомъ и временемъ и кромѣ синтеза, предполагаемаго необходиимостью распредѣляться въ этихъ формахъ, действительно представляютъ еще особую множественность и вызы-

ваютъ особое видоизмѣненіе чистаго разсудочнаго понятія количества, хотя бы даже и необходимое для синтеза этой множественности. Но какъ все это могло бы свидѣтельствовать намъ о чёмъ нибудь иномъ кромъ фактической принадлежности нашимъ ощущеніямъ этой особой множественности, о которой мы хорошо знаемъ и по опыту безъ особыхъ свидѣтельства разсудка? Какъ оно могло бы объяснить для насъ возможность *a priori* предугадывать это свойство вообще во всѣхъ возможныхъ ощущеніяхъ, если не возводить къ разсудку требование самой множественности въ чистыхъ ощущеніяхъ, а приписывать ему только требование синтеза въ отношеніи къ наличию данной множественности?

Кромъ указанія на синтезъ, входящій въ понятіе о реальномъ, соответствующемъ ощущенію, въ приведенномъ выше объясненіи Канта содержится описание того процесса, съ помощью которого мы можемъ составить представление о синтетичности или составности ощущенія даже въ томъ случаѣ, когда эта составность не дана непосредственному созерцанію. Кантъ, сколько я понимаю это мѣсто, хочетъ разъяснить, что для образования такого представленія нѣтъ никакого затрудненія, какъ скоро существуютъ два условия, именно 1) ощущенія одной и той же качественности при той же экстенсивной величинѣ созерцанія способны имѣть различную степень, и 2) соединеніе вмѣстѣ ощущеній болѣе слабой степени, изъ которыхъ каждое связало съ созерцаніемъ извѣстной опредѣленной величины, способно давать въ результатѣ ощущеніе болѣе значительной интенсивности. Въ такомъ случаѣ составность этого послѣдняго ощущенія мы легко можемъ перенести на ощущеніе той же степени, но получаемое при созерцаніи одной же экстенсивной величины, и такимъ образомъ можемъ приобрѣсти наглядное представление составности послѣдняго. Однако, если я вѣрно растолковалъ мысль Канта, то и здѣсь упускается имъ изъ виду, что вопросъ долженъ идти не о приобрѣтеніи представленія о такой составности ощущенія, которая непосредственно не дана въ созерцаніи, а объ объясненіи *a priori* возможности предвидѣть эту составность при какомъ угодно ощущеніи. Для того, чтобы изъ Кантовы описанія процесса происхожденія представленія о составности ощущенія объяснялась эта возможность, ему слѣдовало разъяснить возможность *a priori* убѣждаться въ тѣхъ двухъ условіяхъ, которыхъ предполагаются описываемымъ имъ процессомъ. Но у Канта объ этомъ и рѣчи не поднимается; и такимъ образомъ возможность предугадывать нѣкоторое свойство ощущеній разъясняется подъ предполо-

женіемъ такихъ условій, которыя сами нуждаются еще болѣе въ по-
добномъ же разъясненіи. И говорю „еще болѣе“ потому, что изъ
двухъ условій, предполагаемыхъ Кантовымъ объясненіемъ, первое,
правда, относится къ такимъ, которыя способны все же вызывать на-
клонность вѣрить имъ; но что касается втораго, то Кантъ только
искусственно старается возбудить наклонность вѣрить ему, приводя
для иллюстраціи своей мысли примѣръ уже слишкомъ благопріятный
для своей цѣли. Еслибы вмѣсто поверхности освѣщенной онъ взялъ
поверхность окрашенную, напримѣръ, въ красный цвѣтъ, а вмѣсто
аггрегата равныхъ ей поверхностей слабѣе освѣщенныхъ, взялъ агрега-
гатъ поверхностей, имѣющихъ подобный же, но болѣе слабый цвѣтъ.
или вмѣсто первой взялъ давленіе пальца на твердую поверхность,
а вмѣсто послѣднихъ болѣе слабое давленіе пяти пальцевъ на ту же
поверхность. то въ такомъ случаѣ никакъ не представилась бы вполнѣ
очевидной съ первого взгляда и не требующей никакихъ разъясненій
и доказательствъ возможность во всѣхъ видахъ ощущеній имѣть два
совершенно тождественные по своей интенсивной величинѣ ощущенія,
изъ которыхъ одно получалось бы при созерцаніи одной опредѣленной
экстенсивной величины, а другое при созерцаніи цѣлаго агрегата по-
dobныхъ же величинъ, способныхъ въ отдельности давать только
ощущеніе низшей степени.

Такимъ образомъ достовѣрность основоположенія качества не до-
казана Кантомъ далѣе тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ она можетъ до-
казываться опытомъ, и ни въ какомъ случаѣ не разъяснена имъ са-
мая возможность такого доказательства, даже если предположить вѣр-
ность взгляда Канта на происхожденіе понятія экстенсивной величины
и на дѣятельность разсудка.

14. Теперь мы должны обратиться къ важнѣйшимъ изъ Канто-
выхъ синтетическихъ основоположеній разсудка, къ основоположеніямъ,
которыя развиваются изъ категорій отношенія и которыя въ сущ-
ствѣ дѣла опредѣляли собою всѣ важнѣйшія концепціи Кантовой транс-
цендентальной логики.

Въ основанії доказательствъ этихъ основоположеній у Канта ле-
житъ та мысль, что порядокъ нашихъ воспріятій никакъ не тоже-
ственъ съ вырабатываемымъ изъ него нашою мыслю порядкомъ дѣй-
ствительного существованія предметовъ (какъ явлений). Все мы одинако-
во воспринимаемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, а между тѣмъ
одни изъ явлений, воспринимаемыхъ въ послѣдовательномъ порядкѣ,
мы признаемъ одновременно существующими, другія едущими и

въ дѣйствительности одно за другимъ, еще иные имѣющими постоянное бытіе; напримѣръ, части дома, которыхъ я обозрѣваю только въ послѣдовательномъ порядкѣ, и тѣмъ не менѣе признаю существующими одновременно, положенія лодки на различныхъ мѣстахъ рѣки я признаю событиями, совершающимися одно за другимъ, материо—бытіемъ, постоянно сохраняющимся при каждой смынѣ. Изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ ясно, что мы отличаемъ порядокъ нашего восприятія предметовъ отъ порядка существованія самихъ предметовъ. Но выйти изъ своего собственного сознанія для того, чтобы заглянуть во вѣшнюю дѣйствительность, какъ существуетъ она виѣ воспріятія, и сличить ея порядокъ съ порядкомъ нашего воспріятія, мы, конечно, не можемъ, хотя бы пространственные и временные предметы и существовали какимъ либо образомъ виѣ нашего сознанія. Опираясь на соображенія такого рода, Кантъ хочетъ доказать безусловное значеніе основоположеній, касающихся категорій отношенія, въ сфере нашего опыта. Съ этой цѣлію онъ принимаетъ, что установка различныхъ сторонъ объективного порядка во времени требуетъ для каждой стороны особаго условія, безъ котораго эта установка была бы совершенно невозможна, и что три категоріи отношенія представляютъ собою именно три такія условія для трехъ сторонъ объективного порядка во времени. Сказать точнѣе, онъ хочетъ доказать, что установление причинной зависимости явленія отъ извѣстнаго другого явленія служить для сознанія единственнымъ условіемъ постановки явленія въ качествѣ события, то-есть, въ качествѣ явленія, возникающаго въ опредѣленное время; установление взаимодѣйствія между двумя явленіями служить единственнымъ условіемъ для постановки въ сознаніи одновременности этихъ обоихъ явленій; существование непрерывно продолжающагося въ неизмѣнномъ видѣ бытія или субстанціи должно служить единственнымъ условіемъ для установления въ сознаніи продолжительности существованія всѣхъ другихъ явленій. Такимъ образомъ безусловное господство въ нашемъ опыте положеній причинности, субстанціальности и взаимодѣйствія надъ той стороной объективного порядка во времени, о которой говорить то или другое изъ этихъ основоположеній, обеспечивается тѣмъ, что въ сознаніи не можетъ быть дано явленія, которое было бы опредѣлено по времени съ извѣстной стороны и въ то же время не подчинено извѣстному закону, такъ какъ только чрезъ подчиненіе его этому закону сознаніе и можетъ дать ему подобную опредѣленность во времени; если, напримѣръ, сознаніе не ставить и не можетъ поставить измѣненія, въ

немъ даннаго, въ качествѣ дѣйствительнаго событія иначе какъ чрезъ установление необходимой связи его (или связи его по правилу) съ какимъ либо другимъ предшествующимъ ему измѣненіемъ. то понятно, что въ сферѣ человѣческаго опыта всякое событіе неизбѣжно должно рассматриваться какъ подчиненное закону причинности. „Такъ какъ опытъ, говоритъ Кантъ (198), есть познаніе объектовъ чрезъ восприятія, слѣдовательно въ немъ должно представляться отношеніе въ существованіи многообразнаго не какъ оно составляется во времени (то есть, не въ порядкѣ усвоенія его сознаніемъ), а какъ оно есть объективно во времени (то есть, въ порядкѣ, принадлежащемъ ему самому, какъ явлению, во времени). то опредѣленіе существованія объектовъ во времени можетъ совершаться только чрезъ соединеніе во времени вообще, то-есть透过 понятія, совокупляющія *a priori*... Три *modi* времени суть постоянство, череда и бытіе вмѣстѣ. Поэтому три правила всѣхъ отношеній явлений по времени должны предварять весь опытъ и впервые дѣлать его возможнымъ“ Эти три правила и представляютъ основоположенія субстанциальности, причинности и взаимодѣйствія.

По моему мнѣнію въ основаніи Кантовыхъ доказательствъ основоположеній отношенія лежитъ вѣрная общая мысль, что созиданіе объективнаго порядка въ нашемъ сознаніи необходимо предполагаетъ активность, самодѣятельность духа, что эта активность или самодѣятельность никакъ не начинается впервые съ возникновеніемъ рефлексіи, то-есть съ того момента, когда самодѣятельность проявляется въ сознательно переживаемыхъ нами процессахъ размышленія, но что она неразрывно переплетается съ пассивными процессами, также необходимыми для непосредственной установки объективности въ нашемъ сознаніи. Миѣ кажется совершенно вѣрной мысль, что разнообразныя связи, въ которыхъ воспринимаемое нами непосредственно дано нашему сознанію, не входятъ цѣликомъ сами собою въ нашу душу, какъ представляется то непосредственному сознанію, и никакъ не составляютъ результата совершенно пассивнаго процесса, по образцу пассивныхъ процессовъ природы, какъ принимаетъ ходячая психологія нового времени. Не ошибается, по моему мнѣнію, Кантъ и тогда, когда онъ предполагаетъ, что эти активные процессы, тѣсно и неразрывно сплетшіеся съ пассивными состояніями духа, если признавать ихъ аналогическими съ процессами сознательной рефлексіи и анализировать съ этой точки зрѣнія, окажутся такими процессами, въ которыхъ какъ бы скрыто подразумѣваются нѣкоторыя предположенія,

которыми какъ бы руководится сознаніе при активномъ усвоеніи даннаго ему матеріала. Но какъ самые эти процессы, такъ и предположенія, какъ бы скрыто подразумѣвающіяся въ нихъ, наконецъ самое гносеологическое значеніе этихъ скрытыхъ предположеній,—все это сплошь совершенно перетолковано Кантомъ съ одной стороны вслѣдствіе крайняго несовершенства его психологического анализа, съ другой подъ рѣшительнымъ вліяніемъ предвзятой тенденціи описать эти процессы такъ, чтобы отсюда получались доказательства предполагаемыхъ имъ основоположеній отношенія. Собственно здѣсь наша задача не въ разъясненіи нашего взгляда на этотъ предметъ и не въ освѣщеніи тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онъ такъ или иначе соприкасается съ Кантовыми взглядами, а исключительно въ разъясненіи совершенной несостоятельности Кантова обоснованія предполагаемыхъ имъ основоположеній разсудка; а потому опрікооснованныхъ сторонъ общаго вопроса мы можемъ касаться здѣсь лишь на столько, на сколько это должно оказаться въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ необходимымъ для достижения нашей непосредственной цѣли. Самый порядокъ нашего разсмотрѣнія Кантовыхъ взглядовъ, отличающейся отъ порядка изложенія ихъ у Канта, опредѣляется методическими удобствами. Мы начнемъ съ Кантова доказательства основоположенія взаимодѣйствія.

15. По основоположенію взаимодѣйствія всѣ вещи, одновременно существующія въ пространствѣ, должны стоять во взаимодѣйствіи одна съ другой. При доказательствѣ этого положенія Кантъ выходитъ изъ мысли, что вещи признаются вмѣстѣ существующими, когда воспріятія ихъ могутъ посмѣнно существовать въ сознаніи. За тѣмъ онъ разъясняетъ, что само по себѣ посмѣнное существование предметовъ въ воспріятіи еще не констатируетъ ни существованія ихъ въ одно и то же время, ни необходимости этого одновременнаго существования для такого посмѣнного появленія ихъ въ воспріятіи; оно констатируетъ только, что воспріятіе одной вещи существуетъ въ субъектѣ, когда воспріятіе другой иѣтъ, и наоборотъ. Отсюда онъ и выводитъ, что для познанія одновременнаго существования субстанцій необходимо понятіе взаимодѣйствія, по которому опредѣленія одной вещи были бы причинами опредѣлевшій другой и наоборотъ. Кантъ хочетъ сказать, что только подъ условіемъ взаимодѣйствія между субстанціями фактъ посмѣнного существования ихъ въ воспріятіи, на сколько онъ служитъ выраженіемъ этого взаимодѣйствія между ними, даетъ возможность нашему сознанію констатировать одновременность ихъ существования.

Итакъ Кантъ хочетъ доказать необходимость признавать взаимодѣйствіе между всѣми одновременно существующими въ пространствѣ субстанціями тѣмъ, что только чрезъ установление взаимодѣйствія между субстанціями можетъ быть установлена въ сознаніи самая одновременность ихъ существованія. Я совершенно не понимаю, какимъ образомъ Кантъ могъ опустить изъ виду, что такое доказательство не можетъ быть состоятельнымъ, потому что заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Въ самой формулѣ основоположенія взаимодѣйствія Кантъ говоритъ о субстанціяхъ въ пространствѣ, и по его общей теоріи (247) „для того чтобы дать въ созерцаніи вѣчно устойчивое соответственно понятію субстанціи (и чрезъ то представить объективную реальность этого понятія) мы нуждаемся въ созерцаніи пространства (матеріи), такъ какъ только пространство опредѣлено устойчиво, а время и слѣдовательно все, что есть во внутреннемъ чувствѣ, течетъ постоянно“ Но все пространственное (матеріальное) дѣлимо, и, слѣдовательно, всякая данная въ созерцаніи субстанція сама уже представляетъ множество сосуществующихъ субстанцій, на которыхъ можетъ быть или реально, или, по крайней мѣрѣ, мысленно, разлагаема. Отсюда слѣдуетъ неизбѣжная дилемма: оказывается необходимымъ или признать, что даже установка одной субстанціи, какъ содержащей въ себѣ всегда многое способное къ обособленному существованію, предполагаетъ уже примѣненіе основоположенія взаимодѣйствія, или отказаться отъ основной мысли, что установка одновременного существования нѣсколькихъ субстанцій невозможна иначе какъ чрезъ категорію взаимодѣйствія. Но Кантъ не говоритъ, чтобы установка каждой субстанціи въ отдѣльности нуждалась уже въ примѣненіи закона взаимодѣйствія; и это совершенно понятно: ничего подобного утверждать онъ рѣшительно не можетъ. Взаимодѣйствіе возможно только, какъ учить и Кантъ, между субстанціями, то-есть между такими реальностями, которые сохраняютъ устойчивость (хотя бы только временную, слѣдовательно только кажущуюся для ограниченного эмпирическаго сознанія), а самыя перемѣны, въ нихъ происходящія и составляющія самый процессъ взаимодѣйствія, то-есть сами смыняющія другъ друга причины и дѣйствія, не могутъ быть признаны стоящими во взаимодѣйствіи реальностями вслѣдствіе того, что каждое изъ нихъ кончается, когда начинается другое; они могутъ быть признаны лишь реальностями, смыняющими другъ друга. Поэтому всякий процессъ взаимодѣйствія для самой своей установки въ сознаніи предполагаетъ уже установку отдѣльныхъ субстанцій, и слѣ-

довательно установка отдельной субстанции не можетъ быть признана зависимою отъ установки взаимодѣйствія. А такъ какъ установка отдельной субстанции, какъ выше сказано, всегда есть установка многихъ субстанцій, то изъ всего этого ясно, что поставить въ зависимость признаніе одновременного существованія субстанцій въ пространствѣ отъ признанія взаимодѣйствія между ними значить условіе поставить въ зависимость отъ его результата, то-есть запутаться въ противорѣчіи.

Это противорѣчіе очень наглядно свидѣтельствуетъ намъ о несостоятельности мысли, которая Кантъ положена въ основаніе всѣхъ трехъ основоположеній категоріи отношенія, но которая играетъ осо-бую выдающуюся роль въ его доказательствѣ основоположенія отношенія и поэтому здѣсь повела къ ярко выраженому противорѣчію. Утверждать, что одновременное существование субстанцій можетъ быть установлено только косвеннымъ путемъ чрезъ наблюдение взаимодѣйствія ихъ,—это значитъ утверждать, что непосредственное восприятіе за разъ нѣсколькихъ вещей, способныхъ къ самостоятельному существованію, невозможно или, что все, воспринимаемое нами, воспринимается лишь въ послѣдовательномъ порядкѣ. Эта послѣдняя мысль, какъ мы видѣли, предполагается общимъ взглядомъ Канта на основоположенія отношенія; она, какъ видимъ теперь, составляетъ ближайшее предположеніе доказательства основоположенія взаимодѣйствія, и противорѣчіе этого доказательства самому себѣ указываетъ намъ на ея несостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, на чёмъ можетъ она опираться? При доказательствѣ основоположенія взаимодѣйствія для иллюстраціи своего взгляда Кантъ береть такие одновременно существующіе предметы, которые дѣйствительно не могутъ быть охвачены въ одномъ актѣ восприятія, напримѣрь, землю и луну; при доказательствѣ положенія причинности, когда ему оказывается нужнымъ разъяснить, что не событий только, но и одновременные предметы воспринимаются въ послѣдовательномъ порядкѣ. Кантъ въ примѣръ послѣднихъ береть части зданія, которые во всякомъ случаѣ часто воспринимаются нами дѣйствительно лишь въ послѣдовательномъ порядкѣ. Однако земля, луна, каждая часть дома также сами по себѣ суть уже составные предметы и могутъ разматриваться какъ агрегаты многихъ одновременно существующихъ субстанцій, а поэтому, на сколько они обнимаются однимъ актомъ восприятія, должны, повидимому, прямо доказывать возможность устанавливать одновременное существование многихъ вещей непосред-

ственno воспріятіемъ. Кантъ, конечно, хорошо это понимаетъ. Но онъ имѣть особую теорію аппрегенсіи, усвоенія сознаніемъ всего, что должно войти въ созерцаемый образъ, которая должна глубже вводить въ самый процессъ составленія сознаніемъ образовъ, кажу-щихся непосредственному сознанію единичными и данными прямо въ цѣльномъ видѣ. Эта теорія должна показать и невозможность сложному быть непосредственно даннымъ. Если при доказательствѣ основоположеній взаимодѣйствія и причинаности, онъ пользуется при-мѣрами, въ которыхъ сознаніе имѣть дѣло уже съ сложными обра-зованіями, и не устраниетъ возраженій, естественно приходящихъ при этомъ на мысль читателю, то это, конечно, потому, что здѣсь онъ хочетъ дать просто ближайшую сподручную иллюстрацію общаго взгляда, развиваемаго въ томъ или другомъ изъ доказательствъ осново-положеній, предполагая, что проницательный читатель пойметъ, что сложныя формациіи могутъ въ свою очередь быть разложены на про-стѣйшія въ духѣ его теоріи аппрегенсіи и въ результатѣ должно получиться то же самое, что наглядно представлено на сложныхъ бо-льшѣ привычныхъ непосредственному сознанію формацияхъ. Поэтому съ нашимъ вопросомъ, на чёмъ можетъ опираться мысль о совершен-ной невозможности воспринимать заразъ многое, мы должны обратиться къ Кантовой теоріи аппрегенсіи.

„Каждое созерцаніе, говорить Кантъ, содержитъ въ себѣ много-образное, которое все же и не представлялось бы многообразнымъ, еслибы душа не различала времени въ чередѣ представлений другъ за другомъ; потому что каждое представление, какъ содер-жашееся въ одномъ мгновеніи, никогда не можетъ быть ничѣмъ другимъ кромѣ абсолютного единства. Дабы изъ этого многообраз-наго сдѣлалось единство созерцанія (какъ, напримѣръ, въ представ-ніи пространства), впервыхъ, необходимо (мысленно) протечь это многообразное и потомъ собрать его; это дѣйствіе и называю синте-зомъ аппрегенсіи, потому что оно направлено прямо на созерцаніе, которое, правда, представляетъ многообразное, но никогда не можетъ содержать многообразнаго, какъ многообразнаго, и именно въ одномъ представлении, не произведя соотвѣтствующаго синтеза*. Мысль, вы-раженная въ этихъ словахъ, можетъ быть допускала бы и иное луч-шее выражение, но во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, она отно-сится къ тѣмъ глубокимъ концепціямъ, которыхъ могутъ встрѣчаться только у великихъ мыслителей. Но эта счастливая концепція, не доста-точно проанализированная, незамѣтно превращается у Канта въ другую

мысль, или, говоря точнѣе, не сознательно отожествляется въ мышлѣніи Канта съ другою мыслью, что непосредственно данными одновременно для сознанія можетъ быть только единое, или что многое можетъ быть непосредственно дано только въ послѣдовательномъ усвоеніи. Онъ, конечно, хорошо знаетъ и съ искусствомъ настоящаго мастера самъ описываетъ, какъ это многообразное, пройденное и собранное сознаніемъ, объединяется въ одномъ понятіи, представляющемъ собою единое сознаніе, и слѣдовательно облегчающемъ для этого сознанія возможность заразъхватить многое (663—664). Но онъ при этомъ тщательно оберегаетъ дорогую для него мысль, что характеръ непосредственной данности остается исключительно за описаннымъ процессомъ априоренсіи, представляющимъ чистую чедру представлений. Съ этой цѣллю онъ выпукло ставитъ на видъ синтезъ воображенія въ качествѣ необходимаго посредствующаго звена между синтезомъ априоренсіи и объединеніемъ многообразнаго въ понятіи. „Очевидно, говоритъ онъ (663), что когда я мысленно протягиваю линію или хочу мыслить время отъ полдня до другаго или даже хочу представить только известное число, я прежде долженъ въ послѣдовательномъ порядкѣ обнять въ мысляхъ одно изъ этихъ многообразныхъ представлений (то-есть, напримѣръ, частей линіи, постепенно воспроизведеныхъ въ послѣдовательномъ порядке, или частей сутокъ и пр.) вслѣдъ за другимъ. Но еслибы я (при этомъ) терялъ изъ мысли предшествующее (первая части линіи, предшествующая части времени или представляемыя одна за другой единицы) и не воспроизводилъ бы ихъ, когда перехожу къ послѣдующему, то никогда не могло бы возникнуть цѣльного представленія и ни одной изъ выше перечисленныхъ мыслей, даже не могло бы возникнуть самыхъ чистыхъ, первыхъ и основныхъ представлений о пространствѣ и времени. Слѣдовательно, такъ заключаетъ онъ эти прекрасныя соображенія, синтезъ априоренсіи неразрывно связанъ съ синтезомъ репродукціи“ (воспроизводительного воображенія). Этимъ вопросъ о непосредственной данности разрѣшаются у Канта на все дальнѣйшее изслѣдованіе. И такъ какъ адѣсь единственнымъ дополненіемъ къ синтезу априоренсіи, представляющему только послѣдовательное теченіе представлений, является лишь синтезъ воспроизводительного воображенія, то понятно, что единственнымъ представителемъ данности является въ сознаніи только синтезъ априоренсіи. Но Кантъ не обращаетъ вниманія на то, что при этомъ разъясненіи элементовъ познавательного процесса онъ, по крайней

мѣрѣ, въ приводимыхъ имъ примѣрахъ имѣть ближайшимъ образомъ дѣло съ предметами только преставляемыми, существующими только въ чистомъ созерцаніи, тогда какъ при доказательствѣ основоположеній категорій отношенія ему придется имѣть дѣло съ синтезомъ эмпирическимъ, въ которомъ при опредѣленіи данности, по его же собственной теоріи, выдающаяся роль принадлежитъ ощущеніямъ. Этимъ ощущеніямъ ничто не мѣшаетъ продолжаться при процессѣ объединенія сознаніемъ многообразного въ понятіи, когда устанавливается одновременность предметовъ. И если многообразное, тѣснящееся въ сознаніе, первоначально способно лишь къ послѣдовательному обзору, то почему охватъ его понятіемъ, когда достигается, по Канту, возможность обнять заразъ вмѣстѣ съ непосредственно даннымъ и предшествующія, по его теоріи, только воспроизведимыя представлениія, не можетъ сдѣлаться и называться прямо синтезомъ ощущеній, продолжающихся и сливающихся съ воспроизведеніями представлениіями или даже прямо соединяющихся другъ съ другомъ въ понятіи, если обозрѣваемыя сознаніемъ ощущенія продолжаются при этомъ охватѣ многообразного однімъ понятіемъ? Если действительно необходимо, чтобы субъектъ не терялъ постоянно изъ мысли предшествующаго, когда переходитъ къ послѣдующему, то развѣ есть какая-нибудь необходимость этому предшествующему быть необходимо только воспроизведеніемъ и развѣ не можетъ оно быть непосредственно воспринятымъ? Если же это возможно, тогда возможно непосредственное завѣреіе въ одновременномъ существованіи нѣсколькихъ вещей; тогда возможно непосредственное объединеніе многаго прямо въ понятіи одновременного существованія безъ всякой нужды прибѣгать къ посредству какого-либо другаго понятія, напримѣръ взаимодѣйствія; тогда, сказать иначе, самая возможность для известной череды воспринятаго содержанія сохранять во все время синтеза характеръ содержанія непосредственно воспринимаемаго прямо даетъ ему въ сознаніи ту одновременность, которой единственнымъ условиемъ Кантъ хочетъ поставить взаимодѣйствіе. Ясно такимъ образомъ, что доказательство основоположеній взаимодѣйствія, на сколько имъ предполагается совершенная невозможность непосредственного убѣжденія въ наличномъ существованіи многаго, основано на простой двусмысленности въ ученіи о синтезѣ априорізациіи и репродукції, гдѣ неизбѣжная послѣдовательность при первоначальномъ усвоеніи ощущеній прямо смыкается съ минимою невозможностью охвата ихъ въ одномъ сознаніи, какъ будто только про-

дукты воспроизведенія могутъ сохранять ту устойчивость, которая давала бы имъ возможность соединяться въ одномъ сознаніи, и какъ будто бы ощущеніе, при продолженіи существованія условій, его вызывающихъ, не можетъ длиться въ періодъ синтетического соединенія его съ другимъ, и слѣдовательно требуетъ косвенныхъ подтверждений въ его наличномъ существованіи при наличномъ существованіи онцущеній послѣдующихъ. Эта ошибка естественно и повела къ разъясненному выше противорѣчію, и даже не къ этому только одному противорѣчію. Кантъ опускаетъ изъ вниманія, что если дѣйствительно „каждое представленіе, содержащееся въ одномъ мгновеніи, никогда не можетъ быть ничѣмъ инымъ кромѣ абсолютного единства“, и только уже воспроизводительное воображеніе, присоединяя предшествующее къ настоящему, даетъ множественность, то это должно быть приложимо не къ вещамъ только, но и къ ихъ состояніямъ. И если это именно основаніе, чистая послѣдовательность априориенсіи заставляетъ думать, что одновременность вещей не можетъ сознаніемъ ставиться непосредственно, а должна для постановки своей въ сознаніи требовать особаго отъ самаго понятія одновременности понятія взаимодѣйствія, то то же самое основаніе должно быть приложимо и къ постановкѣ сознаніемъ различныхъ свойствъ и состояній вещей. Но къ нимъ, какъ разъяснено выше, понятіе о взаимодѣйствіи рѣшительно не приложимо. Правда у Канта особое основоположеніе субстанціальности должно разъяснить условія для постановки свойствъ и состояній, но оно здѣсь окажется бесполезно, такъ какъ оно уже предполагаетъ воспріятіе всего смыняющагося на неизмѣнимомъ, то-есть предполагаетъ данную въ сознаніи зарезь множественность. И какъ бы ни ставилась въ сознаніи множественность свойствъ и состояній, во всикомъ случаѣ, если она ставится безъ понятія о взаимодѣйствіи, здѣсь совершенно не приложимаго, то уже нельзя требовать во имя безусловного единства каждого момента априориенсіи, чтобы множественность субстанцій ставилась исключительно на основаніи понятія взаимодѣйствія, не разъяснивъ, почему здѣсь не былъ бы приложенъ тотъ неизвѣстный методъ установки множественности, какимъ устанавливается множественность свойствъ и состояній. Еслибы въ самомъ непосредственно данномъ не могло быть сознаніемъ констатировано множественности, и слѣдовательно не существовало бы непосредственно созерцаемаго въ данномъ образца множественности, но которому субъектъ могъ бы составлять представленіе и объ одновременномъ существованіи еще другихъ вещей, не

охваченныхъ имъ въ настоящемъ моментѣ сознанія, то я не вижу, какой бы могъ для него существовать поводъ составить самую идею одновременно существующаго многаго, какой могъ бы быть поводъ для воспроизводительного воображенія давать что-нибудь другое кроме послѣдовательного ряда и какимъ образомъ оно безъ всякаго оригинала могло бы создать самую идею одновременного существованія многаго¹).

Кантово доказательство основоположенія взаимодѣйствія въ лучшемъ случаѣ могло бы опираться только на мысль о необходимости взаимодѣйствія для установки въ сознаніи одновременного существованія лишь такихъ субстанцій, которыхъ за разъ восприняты быть не могутъ. Но въ такомъ случаѣ, конечно, безусловная всеобщность этого основоположенія исключалась бы сама собою, а слѣдовательно исключалась бы та цѣль, которая единственно имѣлась въ виду. Намъ предстоитъ въ интересахъ болѣе отчетливаго разъясненія несостоятельности общихъ предположеній, лежащихъ въ основаніи трансцендентальной логики Канта, разсмотрѣть, имѣеть ли безусловное значение основоположеніе взаимодѣйствія при установкѣ въ сознаніи одновременного существованія даже только тѣхъ субстанцій, которыхъ не могутъ быть восприняты за разъ. Но для этого намъ предварительно нужно обратиться къ разбору Кантова доказательства положенія причинности.

16. Важнѣйшая мысль въ Кантовомъ доказательствѣ закона причинности состоять въ слѣдующемъ. Въ фактической послѣдовательности воспріятій мы собственно имѣемъ и можемъ имѣть только череду явлений въ сознаніи, которая можетъ быть такою и иною, а никакъ не непосредственное сознаніе того, что въ самомъ объектѣ эти явленія чередуются. Для того, чтобы установить между послѣдовательностью воспринимаемыми состояніями отношеніе объективной послѣдовательности, нужно, чтобы послѣдовательность сознавалась нами какъ необходимая, подчиненная правилу, какъ такая, которая не можетъ давать обратнаго порядка состояній, сказать иначе, чтобы предпосыпку

¹) Во второмъ изданіи Критики трактать о трансцендентальной дедукції категорій былъ Кантомъ измененъ, и взятаго нами изъ него описанія процессомъ аппрекенціи и репродукціи во второмъ изданіи уже не оказалось. Однако доказательства основоположеній, предлагающія именно эту теорію, остались тѣ же,—только предположенія, лежащія въ ихъ основаніи, стали менѣе ясны для читателя, сдѣланы для него менѣе опредѣленными, а поэтому для него оказывается несравненно труднѣе усмотрѣть ихъ основной недостатокъ.

щее было неизмѣннымъ предиествующимъ или причиной послѣдующаго. Такъ какъ процессъ усвоенія данного всегда совершается въ послѣдовательности, все равно воспринимаемъ ли мы одновременныя или дѣйствительно смыняющія другъ друга явленія, то выдѣлить послѣднія изъ всей массы послѣдовательно воспринимаемыхъ явленій можно лишь въ томъ случаѣ, если они слѣдуютъ другъ за другомъ по правилу, то-есть если известное явленіе необходимо слѣдуетъ за известнымъ другимъ. Если я различаю рядъ перемѣнъ, происходящихъ въ моемъ сознаніи при послѣдовательномъ восприятіи различныхъ частей одного и того-же дома, отъ ряда перемѣнъ, происходящихъ при послѣдовательномъ восприятіи различныхъ положеній лодки, несущейся внизъ по течению рѣки; если въ первомъ случаѣ воспринятыя въ послѣдовательныхъ актахъ явленія, то-есть части дома я ставлю какъ предметы. одновременно существующіе, а во второмъ, наоборотъ, на послѣдовательно воспринимаемыя положенія лодки я смотрю какъ на рядъ смыняющихъ другъ друга состояній, то это дѣлается лишь потому, что въ послѣднемъ случаѣ рядъ послѣдовательныхъ состояній оказывается опредѣленнымъ съ необходимостью или подчиненнымъ опредѣленному правилу: воспріятіе лодки на нижнемъ теченіи рѣки я могу получить только послѣ воспріятія ея на верхнемъ и не могу получить обратного порядка воспріятій; здесь порядокъ воспріятія оказывается таковъ, что за А необходимо слѣдуетъ В, а никакъ не наоборотъ, тогда какъ при послѣдовательномъ восприятіи частей дома. порядокъ воспріятія можетъ измѣняться произвольно, идти отъ А къ В и опять отъ В къ А¹). Если само время нельзя воспринять для того, чтобы

¹⁾ Конечно, при этомъ не предполагается, что при всякой установкѣ объективной послѣдовательности въ эмпирическомъ сознаніи уже вѣрно устанавливается причина событія: эмпирическое сознаніе при установкѣ необходимой послѣдовательности руководится ассоціаціями, въ основаніи которыхъ въ концѣ концовъ лежатъ, правда, законы явленій, но которыхъ не выражаютъ ихъ точно и потому могутъ вести и къ ошибкамъ. „Могу ли я сознать многообразное эмпирическое какъ существующее вмѣстѣ или другъ за другомъ, говорить Кантъ (144—145), это зависитъ отъ обстоятельствъ или эмпирическихъ условій. Поэтому эмпирическое единство сознанія, чрезъ ассоціацію представлений, само касается явленія и вполнѣ случайно.... Эмпирическое единство апперцепціи, которое выводится только изъ первого (трансцендентальнаго) подъ данными условиями іn concreto, имѣть только субъективную значимость. Одинъ соединяетъ представление известнаго слова съ одною вещью, другой съ другою; и единство сознанія въ томъ, что эмпирически, не необходимо и не имѣть всеобщаго значенія въ отношеніи къ тому, что дано“.

на немъ какъ бы эмпирически отличить предшествующее отъ послѣдующаго, то явленія сами должны опредѣлять другъ другу мѣсто во времени, слѣдя послѣдовательности, подчиненной правилу, для того, чтобы давать сознанію возможность представить изъ нихъ такой же связный и опредѣленный въ своей послѣдовательности порядокъ теченія, какой представляеть само время, полагаемое въ основаніи этого теченія. Въ общемъ результатѣ всѣхъ этихъ соображеній должно выходить, что (217) „если воспріятіе должно содержать познаніе проишествія, гдѣ именно иѣчто дѣйствительно совершается, то оно должно быть эмпирическимъ сужденіемъ, въ которомъ мыслить себѣ, что переходъ къ послѣдующему (*die Folge*) опредѣленъ, то-есть, что онъ предполагаетъ другое, предшествующее явленіе, за которымъ онъ необходимо или по правилу слѣдуетъ“.

Итакъ всеобщее значеніе закона причинности должно обеспечиваться тѣмъ, что сознаніе необходимой связи явленія съ извѣстнымъ, ему предшествующимъ, явленіемъ составляетъ единственное условіе самой постановки его въ качествѣ событія. Но подобно доказательству основоположенія взаимодѣйствія и это доказательство закона причинности, уже при простой попыткѣ послѣдовательно провести его основную мысль, встрѣчается съ серьезнымъ чисто логическимъ затрудненіемъ. Я спрашиваю, какъ сознаніе должно смотрѣть на то предшествующее явленіе, связь съ которымъ должна впервые давать ему право установить объективность перемѣны послѣдующей? Скажемъ ли мы, что оно уже заранѣе должно смотрѣть на него какъ на объективную перемѣну? Но такъ какъ доказательствомъ предполагается, что ни одна объективная перемѣна не можетъ быть сознаніемъ установленна иначе какъ чрезъ установку—будетъ ли то дѣйствительной или только кажущейся, это все равно, — необходимой связи ея съ перемѣнной, ей предшествующей, то потребуется предварительная установка этой послѣдней, а для установки ея установка предшествующей ей и т. д., такъ что въ результатѣ окажется, что ни одно событие фактически не можетъ быть — не говорю, твердо, а хотя бы только призрачнымъ образомъ — установлено безъ установки пѣлаго безконечнаго ряда событій; а это значило бы, конечно, что ни одно событіе вовсе не можетъ быть установлено сознаніемъ въ качествѣ объективного событія. Скажемъ ли мы, что установка связи извѣстной перемѣны съ перемѣнной, ей предшествующей, за разъ даетъ объективность не только ей самой, но и этой предшествующей ей перемѣнѣ, такъ что сознаніе не нуждается ни въ какихъ другихъ осново-

ванияхъ для признания объективности послѣдней? Но это было бы прямымъ противорѣчіемъ основному предположенію, что объективность событія можетъ сознаніемъ устанавливаться только чрезъ познаніе необходимой связи его съ предшествующимъ ему событіемъ; всеобщаго значенія закона причинности въ такомъ случаѣ уже нельзя бы было доказывать изъ условій установки событій въ сознаніи, потому что тогда предшествующему событію, признанному объективнымъ, вмѣстѣ съ послѣдующимъ единственно на основаніи связи между ними, не было бы, очевидно, уже никакой необходимости самому имѣть причину для состоявшейся и безъ того установки его въ сознаніи въ качествѣ объективнаго событія. Скажемъ ли, наконецъ, что, устанавливая объективность перемѣны путемъ усмотрѣнія необходимой связи ея съ предшествующей ей перемѣной, сознаніе не имѣть никакой нужды смотрѣть на эту послѣднюю перемѣну какъ на перемѣну объективную, какъ на дѣйствительное событіе, и можетъ оставаться при убѣждении, что это перемѣна есть простая перемѣна въ восприятіи? Но въ такомъ случаѣ Кантовыи доказательство закону причинности доказывалось бы не то, что онъ хочетъ, не законъ причинности, не положеніе, что всякое событіе должно имѣть своимъ предшествующимъ другое событіе, за которымъ оно слѣдуетъ по правилу; имъ доказывалось бы положеніе, что всякое событіе должно имѣть своимъ предшествующимъ перемѣну въ сознаніи, которая по правилу ему предшествуетъ, но которая сама можетъ не имѣть никакого притязанія на объективность. Такое положеніе, конечно, никто не рѣшился бы назвать тѣмъ закономъ, который лежить въ основаніи естествознанія, и Кантъ рѣшился бы на это даже менѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, такъ какъ, по его взгляду, особое значеніе необходимой связи перемѣны съ предшествующей ей перемѣной при опредѣленіи объективности перемѣны въ томъ и должно состоять, что событія чрезъ эту именно связь становятся какъ-бы независимыми отъ эмпирическаго сознанія и сами опредѣляютъ другъ другу мѣсто; но это прямо отрицалось бы, еслибы открыто признана была возможность для событій опредѣляться простыми, не имѣющими объективнаго значенія перемѣнами въ сознаніи. Объ ученіи, которое при своемъ послѣдовательномъ развитіи неизбѣжно должно запутываться въ подобное логическое затрудненіе, конечно, заранѣе можно утверждать, что въ немъ не все обстоитъ такъ благополучно, какъ это можно бы казаться съ первого взгляда. Вникнемъ же въ сущность дѣла внимательнѣе.

§ 17. Кто высказываетъ рѣшительное убѣжденіе, что „мы никогда

даже въ опытѣ не приписываемъ объекту череды (въ смыслѣ возникновенія событія, когда нѣчто случается, чего прежде не было) и не отличаемъ ее отъ субъективной нашей аппрегенсіи иначе какъ подъ условіемъ, что въ основаніи лежитъ правило, которое заставляетъ насъ этоѣ порядокъ восприятія наблюдать скорѣе, чѣмъ другой, даже собственно это принужденіе впервые дѣлаетъ возможнымъ представление послѣдовательности въ объектѣ" (213 — 214). тутъ несомнѣнно тѣмъ самымъ формулируется общий законъ жизни сознанія, который долженъ обнять всю психическую жизнь и который, поэтому, непремѣнно долженъ предполагать опредѣленный взглядъ на ея исходные пункты. Основной мотивъ, который руководить Кантою въ установкѣ его взгляда и который неоднократно и въ различныхъ формахъ повторяется имъ при доказательствѣ положенія причинности, состоять въ той мысли, что „многообразное представлениѣ въ синтезѣ явленій всегда слѣдуетъ другъ за другомъ, но чрезъ это вовсе никакого объекта не представляется, потому что ничто не отличается другъ отъ друга чрезъ такую череду, которая обща всѣмъ аппрегенсіямъ“ Выше мы уже видѣли, какую ошибку допускаетъ Кантъ въ толкованіи аппрегенсіи. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на совершенно другой моментъ во взглядѣ Канта на синтезъ этой же аппрегенсіи. Чтобы сознаніе имѣло вслѣдствіе того, что самымъ теченіемъ въ немъ представлений совсѣмъ не опредѣляется для него объективный ихъ порядокъ, было поставлено въ необходимости искать особыхъ условій для установки этой объективности, для этого нужно, конечно, чтобы это теченіе имъ самимъ разсматривалось какъ не опредѣляющее этой объективности, то есть чтобы оно принималось имъ за простую череду въ немъ самому. И если предполагается, что сознаніе никогда не ставить объективной смысли иначе, какъ подъ условіемъ соблюденія правильности череды представлений, что эта правильность впервые даетъ самое представление о смысли объективной, то вмѣстѣ съ этимъ неизбѣжно также должно предполагаться, что для сознанія искони, съ самого первоначального его состоянія смысна представлений кажется неспособною сама по себѣ опредѣлять объективной смысли, что она искони признается имъ за смысъ только въ немъ самомъ. Для Канта это такъ и есть дѣйствительно. Мы уже имѣли случай привести его слова изъ Proleg. § 18. что сначала все наши сужденія имѣютъ только значеніе для насъ, для нашего субъекта, и лишь впослѣдствіи мы придаемъ имъ значеніе для объекта. Итакъ сознаніе въ исходномъ пунктѣ своего развитія, когда однако же передъ нимъ предполагается уже

данной череда не ощущеній, а представлений, имѣющіхъ своимъ содѣржаніемъ ощущеній, то-есть тѣхъ состояній, которыя называются воспріятіями, должно смотрѣть на эту череду, какъ на череду субъективную. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: какъ же должно смотрѣть сознаніе на самыя эти представлія, имѣющія своимъ содѣржаніемъ ощущенія? Должно-ли оно придавать имъ объективное значеніе и только самой чередѣ ихъ какъ чередѣ не приписывать объективного значенія, или и на нихъ самихъ должно смотрѣть какъ на простыи, не имѣющія объективности, представлія?

Когда Кантъ, съ точки зрењія своей философіи, объясняетъ понятія возможности, дѣйствительности и необходимости, онъ говоритъ (234): „постулатъ познавать дѣйствительность вещей требуетъ воспріятія. слѣдовательно достигающаго до сознанія ощущенія, правда не (непремѣнно требуетъ онъ ощущенія) прямо и непосредственно отъ того самого предмета, существованіе котораго должно быть познано, но (и въ тѣхъ случаяхъ, когда такого ощущенія отъ самого предмета, составляющаго цѣль познанія, нѣтъ) все-же (этотъ постулатъ требуетъ) связи этого предмета съ какимъ-либо воспріятіемъ по аналогіямъ опыта (такъ Кантъ называетъ основоположенія отношенія), которая вообще представляютъ всякое реальное совокупленіе въ опыта“ Мысль Канта въ сейчасъ приведенныхъ словахъ выражена такъ неясно и неправильно, что мы должны были въ словахъ, поставленныхъ въ скобкахъ, придать ей определенный смыслъ. Но въ дальнѣйшемъ ея раскрытии у самого Канта ейдается такое разъясненіе, которое не оставляетъ никакого мѣста колебаніямъ въ ея толкованіи. Чрезъ нѣсколько строкъ Кантъ говоритъ (234—235): „воспріятіе, которое даетъ матеріалъ для понятія, есть единственная характеристическая черта дѣйствительности. Правда, можно до воспріятія вещи и слѣдовательно въ извѣстномъ смыслѣ аргументѣ познать ея существованіе, если оно связывается съ нѣкоторыми воспріятіями по основоположеніямъ эмпирическаго совокупленія ихъ (аналогіямъ). Но это потому, что въ такомъ случаѣ все-же существованіе вещи связывается съ дѣйствительными воспріятіями въ возможномъ опыта, и мы можемъ по нити тѣхъ аналогій дойти отъ нашего дѣйствительного воспріятія до этой вещи въ ряду возможныхъ воспріятій“. Здѣсь, по-видимому, очень прямо и ясно единственной характеристической чертой дѣйствительности, существованія вещи ставится воспріятіе, а основоположеніямъ, относящимъ къ категоріямъ отношенія (аналогіямъ опыта), приписывается право устанавливать дѣйствительность не вос-

пріятій, а представлений въ собственномъ смыслѣ и при томъ въ той лишь мѣрѣ, въ какой при ихъ посредствѣ можетъ быть установлена необходимая связь представляемаго съ воспринятымъ, такъ что послѣднимъ условиемъ установки дѣйствительности, къ которому сводится и дѣйствительность, устанавливаемая основоположеніями отношенія, оказывается восприятіе. На этой-же мысли опирается и отрицательное отношеніе Канта къ метафизикѣ; въ его критикѣ онтологического доказательства бытія Божія читаемъ (482); „при предметахъ чувствъ дѣлается это (признаніе существованія предмета) чрезъ связь съ какимъ-нибудь изъ моихъ восприятій по эмпирическимъ законамъ;“ ц вообщѣ для сознанія всякаго существованія оно знаетъ здѣсь лишь дилемму: „сознаніе непосредственно чрезъ восприятія или чрезъ заключенія, который совокупляютъ нечто съ восприятіемъ“. Отличая эмпирическія понятія отъ чистыхъ (100) и указывая на то, что эмпирическія понятія содержать въ себѣ ощущенія, онъ также при этомъ ощущеніи прямо называетъ „предполагающими дѣйствительное существование предмета“ Слѣдуетъ, съ другой стороны, обратить вниманіе и на то обстоятельство, что Кантовы основоположенія отношенія, какъ это совершенно ясно изъ Кантова доказательства общаго принципа ихъ (197), имѣютъ дѣло съ совокупленіемъ восприятій другъ съ другомъ, съ синтезомъ ихъ. слѣдовательно предполагаютъ уже восприятія, и своимъ общимъ мотивомъ имѣютъ не какое-либо недоумѣніе въ постановкѣ предметности资料 самого восприятія, а невозможность безъ нихъ установить предметный порядокъ воспринимаемаго, который долженъ отличаться отъ субъективнаго синтеза аппрегенсіи. Имѣи въ виду все это, мы, повидимому, не должны были сомнѣваться въ томъ, что, по взгляду Канта, самыя представлениія, имѣющія своимъ содержаніемъ ощущенія, или самыя восприятія, наблюденіе надъ чередою которыхъ впервые должно устанавливать для сознанія объективность этой череды, должны сами быть запечатлены для сознанія характеромъ объективности. Но еслибы въ этомъ именно смыслѣ мы стали толковать мысль Канта, тогда рѣшительная несостоятельность ея была-бы слишкомъ очевидна. Признаніе первоначальнымъ сознаніемъ смѣны въ восприятіи за субъективную смѣну тогда нельзя бы было, конечно, толковать въ томъ смыслѣ, что сознаніе смотрѣть на изчезнувшее изъ него и смѣнившееся другимъ бытіемъ реальное какъ на продолжающее существовать въ томъ-же неизмѣнномъ видѣ и послѣ этого исчезновенія изъ восприятія. Толковать въ этомъ смыслѣ признаніе смѣны за смѣну субъективную было-бы невозможно уже

потому, что признать реальное, смынившееся въ восприятіи другимъ, за продолжающее существовать это значило-бы признать одновременное существование его съ этимъ другимъ бытіемъ; а для этого, съ точки зрѣнія Канта, необходимо особое условіе, наблюденіе взаимодѣйствія между предметами, и вообще это означало-бы уже установление объективнаго порядка (научно состоятельное или несостоятельное, это все равно), а следовательно нельзя бы было утверждать, что смына восприятій представляетъ для первоначального сознанія только субъективную смыну и что лишь наблюденіе особыхъ характерныхъ признаковъ различныхъ сторонъ объективнаго порядка впервые даеть представление о такомъ порядкѣ. Субъективность смыны для первоначального сознанія, принимающаго воспріемлемое за реальное, могла-бы означать только, что для сознанія остается неопределенный, считать-ли смыну за смыну въ самомъ реальномъ или за простую смыну въ своемъ восприятіи реальнаго. Но и такой взглядъ на процессы, происходящіе въ первоначальномъ сознаніи, былъ-бы также несомнѣнно несостоятеленъ. Предполагая даже, что при чистой послѣдовательности априориенсіи дѣйствительно ничто не отличается отъ другаго, мы должны бы были, правда, выводить отсюда, что пока для сознанія не выдѣлились на самомъ наблюденіи смыны тѣ признаки, которые, при дальнѣйшемъ его развитіи, будуть различать для него объективную смыну отъ простой смыны въ восприятіи, до тѣхъ поръ всѣ перемѣны будутъ имѣть для него одинаковое значеніе, что оно будетъ придавать одинаковый смыслъ какъ тѣль перемѣнамъ въ восприятіи, которыхъ съ точки зрѣнія развитаго сознанія должны быть признаны за объективныя перемѣны, такъ и тѣль, которыхъ съ той же точки зрѣнія должны быть признаны за перемѣны не принадлежащія объекту. Но значитъ-ли это, что предъ сознаніемъ при каждомъ случаѣ смыны въ восприятіи должна возникать дилемма, придавать или не придавать произошедшей смынѣ объективное значеніе, и что оно должно останавливаться въ нерѣшительности при разрѣшеніи этой дилеммы? Второй членъ этой дилеммы, отрицаніе за смынѣй объективнаго значенія, какъ скоро воспринимаемое ставится въ качествѣ реальнаго, дѣйствительнаго бытія, могъ-бы означать только, что исчезнувшему изъ восприятія бытію приписывается тѣль не менѣе продолженіе существованія. Но для такого представленія бытія, продолжающагося за предѣлами сознанія одновременно съ бытіемъ, смынившимъ его въ восприятіи, нагляднаго, созерцательного образца въ самомъ восприятіи, конечно, не предполагается, тогда какъ постановка объ-

ективной смысли имѣть въ самой смысли воспріятій наглядный, созерцательный образецъ, съ которымъ прямо и непосредственно она можетъ отожествиться; и чтобы отступить отъ этого образца, чтобы замѣнить его представлениемъ, не имѣющимъ такой наглядной ясности,— для этого, конечно, нуженъ особый поводъ, нужно ощутить какое-либо затрудненіе примѣнить его къ дѣлу въ опредѣленіиъ данномъ случаѣ. Если воспринимаемое принимается первоначальнымъ сознаніемъ за реальное, то въ исходномъ пунктѣ развитія должно отсутствовать самое представление, которое соотвѣтствовало бы второму члену предполагаемой дилеммы. Если о реальномъ сознаніе узнаетъ прямо изъ непосредственного эмпирическаго созерцанія его (воспріятія), изъ факта наличной его данности предъ сознаніемъ, то реальность должна отожествляться для него съ этой наличной данностью, съ этимъ присутствиемъ передъ сознаніемъ, такъ что эта данность должна слитно и нераздѣльно существовать въ самомъ представлениі о реальномъ; а между тѣмъ представление о второмъ членѣ дилеммы, о продолженіи существованія реального послѣ замѣны его въ воспріятіи другимъ реальнымъ, требуетъ болѣе отвлеченного представленія о реальности, съ которымъ не сливалось бы до безразличія его наличное присутствіе передъ сознаніемъ: оно требуетъ, следовательно, процесса абстракціи отъ послѣдняго признака. Но вызвать этотъ процессъ абстракціи можетъ только потребность ставить реальное безъ этого признака или вообще какое-нибудь затрудненіе, происходящее отъ отожествленія реальности съ наличной данностью. Отсюда ясно, что такое представление о реальности, которое необходимо для того, чтобы для сознанія возникла самая возможность сомнѣнія, ставить или не ставить происшедшую въ воспріятіи смысли въ качествѣ смысли объективной, ни въ какомъ случаѣ не можетъ существовать въ исходномъ пунктѣ жизни сознанія, если предположить, что сознаніе самимъ воспріятіемъ придаетъ характеръ объективности. Въ силу самого отожествленія реальности съ наличной данностью, самая данность смысли иренно и непосредственно должна сама собою заставлять сознаніе ставить смысли въ качествѣ смысли объективной до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится затрудненій къ такой постановкѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ не явится потребности отвлечь отъ представления реальности признакъ наличной данности его передъ сознаніемъ. Поэтому при послѣдовательномъ развитіи Кантова взгляда на значеніе воспріятій говорить, что только наблюденіе правильности въ смысли воспріятій превращаетъ смысли ихъ изъ смысли субъективной въ смысли объективную и впервые дѣлаетъ возможнымъ самое представление о

послѣдней, значило бы утверждать нечто совершенно невозможное. При томъ же такъ какъ самое то представление о реальности, при которомъ единственно было бы возможно нерѣшительное колебаніе сознанія въ толкованіи смѣни въ воспріятіи, могло бы возникнуть только вслѣдствіе затрудненія придать извѣстной смѣни объективный характеръ. вслѣдствіе настоятельной потребности вѣрить продолженію существованія реальнаго, исчезнувшаго изъ сознанія, то самая эта предполагаемая возможность для сознанія при смѣни останавливаться въ нерѣшительности относительно толкованія смѣни, еслибы она когда-либо и существовала въ жизни духа, предполагала бы позади себя въ качествѣ своихъ неизбѣжныхъ историческихъ прецедентовъ не только такое состояніе сознанія, въ которомъ смѣна въ воспріятіи прямо и непосредственно ставилась бы какъ смѣна объективная, но и такие, по крайней мѣрѣ, частные отдѣльные случаи, гдѣ сознаніе уже было вынуждено отказать смѣни въ объективномъ значеніи, поставить исчезнувшее изъ сознанія и смѣнившееся другимъ реальное въ качествѣ бытія, продолжающаго существовать одновременно съ этимъ другимъ, такъ какъ только такимъ путемъ сознаніе могло расширить свое понятіе о реальномъ. Слѣдовательно, если предположить, что воспріятіе само по себѣ запечатлѣно для сознанія характеромъ объективности, то совершенно невозможно будетъ утверждать, что нерѣшительное колебаніе сознанія при смѣни въ воспріятіи составляетъ исходный пунктъ сознанія; прямо наоборотъ нужно будетъ признать, что постановка смѣни въ качествѣ смѣни объективной и по крайней мѣрѣ, частные случаи утвержденія одновременности бытія, за разъ не данного въ сознаніи, должны предшествовать самой возможности этого колебательного состоянія, не говоря уже о томъ, что тогда потребуетъ особаго доказательства даже и та мысль, что вообще когда-либо есть періодъ въ жизни духа, когда это состояніе дѣлается господствующимъ и требуетъ особыхъ условій для выхода изъ него. Неудивительно поэтому, что при доказательствѣ закона причинности мы встрѣчаемся у Канта съ другой точкой зрѣнія на постановку объективности самого воспріятія.

„Мы имѣемъ въ себѣ представленія, говорить Кантъ, при доказательствѣ закона причинности (214), которыхъ можемъ даже и сознавать. Но пусть это сознаніе будетъ сколько угодно, широкимъ, точнымъ и отчетливымъ, все-же это будутъ только представленія, то-есть внутреннія опредѣленія нашей души въ извѣстныхъ отношеніяхъ времени. Но какъ мы приходимъ къ тому, чтобы поставить для этихъ

представленій объектъ, или сверхъ ихъ субъективной значимости, какъ модификацій (силы представляющей?) приспать имъ. я не знаю какую еще, объективную реальность"? Объяснивъ затѣмъ, что эта объективная реальность не можетъ состоять въ отнесеніи ихъ на какое нибудь другое представление. о которомъ въ такомъ случаѣ должны бы быть подняться этотъ-же вопросъ, Кантъ продолжаетъ:

„Если мы изслѣдуемъ, какое же новое свойство дается нашимъ представленіямъ этимъ отнесеніемъ ихъ къ объекту и въ чёмъ состоитъ то достоинство, какое они чрезъ то получаютъ, то мы находимъ, что оно ничѣмъ инымъ не сопровождается кроме того, что дѣлаетъ въ извѣстномъ родѣ необходимой связь представленій и подчиняетъ ихъ правилу, и, наоборотъ, только чрезъ то и придается имъ объективное значение, что извѣстный порядокъ во временныхъ отношеніяхъ необходимъ"¹⁾. Выходитъ такимъ образомъ, что установление необходимой связи между представленіями въ широкомъ смыслѣ, въ которомъ они обнимаются и воспріятія, нужно не для установления только объективнаго порядка въ томъ, что представляется, въ различие отъ порядка субъективнаго, но и для установления объективности самыхъ представленій, что установление объективнаго порядка во времени есть даже единственное условіе постановки объективности самыхъ представленій въ сознаніи, наконецъ даже, что эта посѣдняя объективность ровно ничего болѣе и не означаетъ, кроме необходимой связи представленій и подчиненія ихъ правилу. Однако-же, если объективность самихъ представленій дѣйствительно ничего болѣе не означаетъ кроме этой связи и этой подчиненности правилу, то что же можетъ разумѣтъся подъ тою дѣйствительностью, которая ставится въ неразрывную связь съ воспріятіемъ и свидѣтельствуется ощущеніями? Если представленіямъ можно придать объективность „только чрезъ то, что извѣстный порядокъ во временныхъ отношеніяхъ необходимъ“, то

¹⁾ Менѣе определенно подобная же мысль выражается Кантомъ въ трансцендентальной дедукціи категорій въ первомъ заданіи Критики (667 — 668), только здѣсь объективность не связана прямо съ необходимостію порядка во временныхъ отношеніяхъ, а съ синтезомъ и единствомъ, выражаемыми въ понятии объекта вообще, при чёмъ для читателя не исключается вполнѣ возможности мыслить здѣсь въ понятіи объекта и категорію дѣйствительности, которая требуетъ воспріятія, то-есть, синтеза ощущенія съ формальными условіями созерцательности вообще. Но при свѣтѣ вышеприведенныхъ словъ изъ доказательства причинности какъ это мѣсто изъ трансцендентальной дедукціи категорій, такъ и еще менѣе определеннымъ другія мѣста могутъ, конечно, получить соответственное толкованіе.

какимъ образомъ воспріятія, которыхъ существование уже предполагается какъ неизбѣжное предварительное условіе самой возможности устанавливать этотъ порядокъ, могутъ называться единственою характеристическою чертою дѣйствительности? Можетъ быть мысль Канта нужно понимать такъ, что необходимый порядокъ впервые представлениія превращаетъ въ воспріятія, впервые изъ того, что сознаніемъ принимается за простые образы, дѣлаетъ какъ бы независимую отъ него реальность? Но, въ такомъ случаѣ, какимъ же образомъ, при разъясненіи категоріи дѣйствительности, можно было учить, что связь между представлениіями по аналогіямъ опыта тогда только не воспринятоу даетъ значеніе дѣйствительности, когда исходнымъ пунктомъ этой связующей цѣли служить воспріятіе? Я не вижу, какимъ образомъ во всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ разсужденіяхъ можно свести концы съ концами.

Но пусть дѣйствительнымъ взглядомъ Канта будеть тотъ взглядъ, который выраженъ въ выписанныхъ сейчасъ словахъ его изъ доказательства основоположенія причинности; пусть не объективный только порядокъ представлениій во времени, но и объективность самыхъ представлениій, по его мнѣнію, впервые должна ставиться сознаніемъ чрезъ установку необходимыхъ связей между ними во временныхъ ихъ отношеніяхъ. Въ такомъ случаѣ не будетъ, конечно, никакихъ затрудненій признать, что первоначальное сознаніе должно принимать переду воспріятій за простую переду своихъ представлений, такъ какъ вѣдь на то, что чередуется, оно будетъ тогда смотрѣть только какъ на свои представлениія. Однако можно ли допустить саму эту мысль, что первоначальное сознаніе на ощущенія, превращенные уже въ созерцанія, то-есть, сдѣлавшіяся уже содержаніемъ представлениій (въ широкомъ смыслѣ), можетъ смотрѣть какъ на чистыя представлениія, не придавая имъ никакой реальности? При такомъ пониманіи первоначальному сознанію усвоется такой взглядъ на воспріятія, который въ существѣ дѣла очень напоминаетъ тотъ взглядъ на нихъ до кото-раго доходитъ поверхностная философская рефлексія, которая также смотрѣть на воспріятія какъ на представлениія только или какъ на наши образы предметовъ, съ тѣмъ, конечно, различиемъ, что и при философской рефлексіи они остаются для непосредственного сознанія поставленными иль качествами вѣнѣніи сознанію, независимой отъ него дѣйствительности, а не образовъ только ея. тогда какъ и при первоначальномъ сознаніи они прямо оставались бы съ тѣмъ же значеніемъ, какое имъ приписывается. то есть съ значеніемъ простыхъ представлений. Какъ мало это вѣроятно,

объ этомъ можно судить уже по тому факту, что, когда философская мысль убѣждается, что поставленное въ воспріятіи само по себѣ есть только представлѣніе и не можетъ само быть реальнымъ, дѣйствительнымъ бытіемъ, то доводы ея, какъ бы они убѣдительны ни казались, никогда не въ состояніи переворотить фактъ непосредственнаго сознанія, заставить его свои ощущенія, составляющія содержаніе воспріятій, ставить лишь какъ образы или знаки виѣшняго бытія, а не какъ само виѣшнее бытіе, самую независящую отъ духа реальность. Но еслибы исходною точкой сознанія была иѣкоторая подобная постановка, еслибы превращеніе ощущеній въ созерцаніе способно бы было образовывать изъ нихъ простыя представлѣнія и не существовало въ самихъ ощущеніяхъ необходимости образовывать изъ нихъ воспріятія, то-есть, ставить ихъ какъ дѣйствительную реальность, то почему бы для философской рефлексіи могло оказаться совершенно невозможнымъ, при соотвѣтствующихъ усиліяхъ воли и послѣдовательномъ стремленіи къ развитію нужныхъ для этой цѣли навыковъ, поставить непосредственное сознаніе на свою точку зрѣнія, на которой оно уже стояло и которая, слѣдовательно, висколько не противорѣчить его природѣ? Однако, это едва-ли кто признаетъ возможнымъ. Миѣ кажется, что, предполагая въ первоначальной жизни сознанія череду представлений, имѣющихъ своимъ содержаніемъ ощущенія и принимаемыхъ сознаніемъ за простыя модификаціи силы представлений, забываютъ тотъ капитальный фактъ, что само ощущеніе есть живое, непосредственно переживаемое состояніе, которое при этомъ свойствѣ непосредственной переживаемости никогда не можетъ быть простымъ образомъ, содержаніемъ чистаго представлениія, а можетъ ставиться только какъ наличная дѣйствительность. А поэтому вся трудность вопроса объ объективности воспринимаемаго состоянія вовсе не въ томъ, какъ мы приписываемъ дѣйствительность тому, что можетъ существовать лишь въ нашемъ же созерцательномъ актѣ: ощущеніе какъ дѣйствительное, непосредственно переживаемое и испытываемое нами во всей своей жизненности состояніе и не можетъ въ моменты самого этого переживанія быть поставлено иначе, какъ живая дѣйствительность. Сущность вопроса должна заключаться въ томъ, какимъ образомъ при сознаніи этой дѣйствительности мы переносимъ ее съ самихъ себя на виѣшний предметъ. Кто говорить о чередѣ представлений, кто предполагаетъ какъ совершившійся уже фактъ постановку ощущеній въ сознаніи въ качествѣ содержанія, обособленного отъ самого сознанія и противопоставленного имъ себѣ самому, и ищетъ при этомъ

разъясненія „какой то“ объективности какъ нѣкотораго нового свойства, которое послѣ всѣхъ этихъ процессовъ должно еще быть придано представлению, тутъ забываетъ, что этотъ предикатъ въ нихъ уже есть, на сколько содержаніемъ этихъ представлений служить непосредственно переживаемые субъектомъ процессы. Кантъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ мы приходимъ къ тому, чтобы нашимъ представленіямъ прилагать сверхъ субъективной еще какую то объективную реальность, и онъ не находитъ никакого другаго отвѣта на этотъ вопросъ кромѣ ссылки на установку необходимаго порядка между ними. Но его недоумѣнію слѣдовало бы по справедливости быть радикальнѣе. Слѣдовало бы ему возбудить вопросъ: какимъ образомъ мы приходимъ къ тому, чтобы превращать свои ощущенія въ самыя представленія. Нужно думать, попытки разрѣшить этотъ предварительный вопросъ устранили бы или, по крайней мѣрѣ, существенно измѣнили бы смыслъ вопроса, предлагаемаго имъ. Конечно, можно, повидимому, за ощущеніями отрицать право называться живыми, реальными состояніями духа, можно, повидимому, предположить, что содержаніе представлений въ первоначальномъ сознаніи никакъ не отличается тою жизнестностью и энергией, какими въ нашемъ развитомъ сознаніи отличается содержаніе воспріятій, и что эти свойства наличной реальности являются въ представленіяхъ лишь вслѣдствіе совершившихся надъ ними интеллектуальныхъ процессовъ. Но такъ ли это дѣйствительно? Еслибы наше первоначальное сознаніе, превращая ощущенія въ представленія, то-есть, ставя передъ собою эти ощущенія въ качествѣ созерцаемаго содержанія, не ставило вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ какъ дѣйствительную реальность, а смотрѣло на нихъ какъ на мелькающіе предь чинъ образы, можетъ быть существующаго, а можетъ быть и не существующаго бытія, тогда какой бы нашелся особый, не зависимый отъ этого превращенія процессъ, который быль бы въ состояніи не убѣдить только сознаніе въ соотвѣтствіи этого образа съ нѣкоторою дѣйствительностью, а превратить его самого въ живую дѣйствительность, непосредственно созерцаемую сознаніемъ? Предположимъ, что прослѣживаніе связи этихъ образовъ какъ связи необходимой и вслѣдствіе этой именно необходимости признаваемой за независимую отъ сознанія, могло бы ввести въ сознаніе убѣжденіе, что эти образы не суть произвольные и пустые образы, а отображаютъ нѣкоторую дѣйствительность, существующую виѣ сознанія, независимую отъ него и какимъ-то чудеснымъ образомъ отражающуюся въ сознаніи. Но по какой причинѣ оно превратило бы самые эти образы для сознанія

въ наличио данную ему дѣйствительность, если сознаніе не чувствуетъ непосредственно переживаемой въ нихъ дѣйствительности, если сами по себѣ они для него только образы? Вся необходимая связь между ними развѣ не разъяснялась бы легко и понятно, при такомъ непосредственномъ сознаніи ихъ какъ образовъ, тѣмъ предположениемъ, что они представляютъ результатъ воздействиа, на сознаніе соответствующей имъ дѣйствительности, безъ всякой нужды превращать иллюзорно въ фактическую реальность то, что такой реальности не имѣть и что непосредственнымъ сознаніемъ само по себѣ не становится какъ такая реальность? Вѣдь вся необходимая связь, какую находимъ мы въ томъ, что сейчасъ не воспринимается нами, а только представляется, вся происходящая отсюда вѣра въ дѣйствительное существованіе этого сейчасъ не данного, а представляемаго только бытія всегда и остаются только этою связью и этою вѣрою и не творять особыхъ чертъ въ самомъ содержаніи представляемаго. Интеллектуальный процессъ не можетъ творить особыхъ чертъ въ содержаніи представлениія по той простой причинѣ, что это содержаніе само не есть дѣло разсудка, а дѣло чисто пассивной чувственности. Оно можетъ сопровождаться лишь усилиями воображенія подражать реальности, непосредственно сознаваемой, слѣдовательно уже предполагаетъ данность этой реальности. Изъ факта убѣжденія въ дѣйствительномъ существованіи многаго, сейчасъ не воспринимаемаго, для настъ непосредственно ясно, что чувственный оригиналъ созерцаемаго есть не содержаніе представлениія, а содержаніе воспріятія, что представляемое содержаніе всегда есть только бессильная попытка подражать непосредственно данному, то-есть, бессильная попытка воображенія ту дѣйствительность, которая непосредственно переживается при воспріятіи, поставить, не имѣя фактической ея наличности, непосредственнаго ея переживанія. Правда, при иллюзіяхъ, галлюцинаціяхъ, болѣзненныхъ грезахъ человѣкъ ставить, новидимому, въ качествѣ реальности чистые образы своей фантазіи. Но вѣдь все это возможно только въ такой психической жизни, которая знаетъ уже ощущенія и воспріятія, и все это возможно лишь на столько, на сколько подъ вліяніемъ развившейся и усложнившейся жизни сознанія содержаніе воспріятій уже не ограничивается одними наличными ощущеніями, а добавляется запасомъ пережитаго опыта, который получаетъ самъ особую живость, органически соединяясь съ наличными ощущеніями; при томъ же все это возможно никакъ не вслѣдствіе какой либо особой необходимой связи между образами. принимаемыми за дѣйствительные предметы:

никакой особой связи совсѣмъ неѣть во всякаго рода призрачныхъ видѣніяхъ; это совершается благодаря совершенно особымъ условіямъ, напримѣръ ненормальному состоянію организма, при которомъ даже пессоатѣтствующее виѣшнее впечатлѣніе можетъ произвестъ раздраженіе, способное вызывать состояніе подобное ощущенію, тогда какъ это раздраженіе должно вызываться при нормальномъ состояніи организма отъ иныхъ виѣшнихъ впечатлѣній, или напримѣръ благодаря чрезмѣрной силѣ чувствованій, подъ влияніемъ которыхъ совершается процессъ дополненія наличныхъ ощущеній опытами прошлаго при слабости и ограниченности контроля сознанія, которымъ долженъ регулироваться этотъ процессъ и пр. п. Что же касается нашихъ обыкновенныхъ сновидѣній, то не смотря на всю вѣру спящаго человѣка въ наличное существование воображаемыхъ имъ предметовъ и въ непосредственное дѣйствіе этихъ предметовъ на его органы воспріятія, не смотря на всю энергию воображенія, возбуждаемаго этой вѣрой, не смотря, следовательно, на наличность всѣхъ условій, при которыхъ въ представленіи должны бы были порождаться мыслю особья свойства воспріятія, еслибы они дѣйствительно могли порождаться мыслю, не смотря даже на дѣйствительныя чувствованія, страхъ, надежду, радость, печаль, которая чирѣдко возбуждаются этими воображаемыми и принимаемыми за дѣйствительность предметами, не смотря, наконецъ, на дѣйствительная органическія ощущенія, которая, соединяясь съ мнимыми воспріятіями, все же способны ихъ оживлять,—не смотря на все это сновидѣнія никакъ не уравниваются воспріятіемъ; какъ скоро мы сличаемъ ихъ съ послѣдними и беремъ во вниманіе не силу чувствованій, дѣйствительно переживаемыхъ нами отъ видѣній во снѣ предметовъ, и не степень вѣры въ наличное существование послѣднихъ, а живость и энергию самого содержанія воображаемаго бытія, то тотчасъ же видимъ, что оно только блѣдное подражаніе наличної и переживаемой въ воспріятіи дѣйствительности. Одинъ этотъ фактъ достаточно доказываетъ первоначальность свойствъ содержанія воспріятія, не производность ихъ отъ интеллектуальныхъ процессовъ. Въ необходимости и именио причинной связи между воспріятіями Кантъ хочетъ видѣть какъ бы особый знакъ независимости ихъ отъ произвола сознанія. Но возникновеніе каждого воспріятія порознь запечатлѣно еще болѣе очевидно независимостью ихъ отъ произвола субъекта въ томъ первоначальномъ сознаніи, которое лишено всякаго представленія о какихъ бы то ни было субъективныхъ условіяхъ воспріятія. Воспріятіе во всякомъ

случаѣ пассивное состояніе субъекта, и предположивъ, что ощущеніе стало уже предметомъ созерцанія, мы нашли бы въ этой пассивности субъекта во всякомъ случаѣ никакъ не менѣе дѣйствительный стимулъ ставить созерцаемое въ качествѣ полноправной реальности, чѣмъ въ необходимой связи, соединяющей созерцаемое. На чѣмъ бы это ни основывалось, но мы дѣйствительно затрудняемся представить пассивное состояніе, испытываемое субъектомъ сознанія, не предполагая вѣшнихъ ему реальныхъ условій, производящихъ это состояніе своимъ вліяніемъ на него. И если появленіе каждого изъ представлений въ отдѣльности въ нашемъ сознаніи, совершенно независимое отъ произвола сознанія, не ожиданное для него и непредвидимое имъ, не въ состояніи возбудить въ представляемомъ, какъ предполагается, энергіи воспринимаемаго, то какимъ образомъ та или другая правильность череды этихъ представлений въ состояніи будетъ представленія превратить въ созерцаемую дѣйствительность?

Выше мы видѣли, что признать наблюденіе надъ правильною чередой представлений за единственное условіе постановки въ сознаніи объективной смѣны совершенно невозможно, если предположить, что объективность самыхъ представлений можетъ устанавливаться для сознанія независимо отъ наблюденія правильности череды ихъ и предваряетъ самое это наблюденіе. Теперь мы видимъ, что поставить объективность самыхъ представлений вмѣстѣ съ объективностью ихъ череды въ зависимость отъ наблюденія правильной связи между ними значить дать совершенно невозможное представленіе о восприятіяхъ въ первоначальной жизни духа. Удержать мысль Канта о значеніи наблюденія правильной смѣны какъ единственнно возможного условія для установки въ сознаніи объективной череды оставалось бы только одно средство, именно понимать подъ представлѣніями, череда которыхъ должна наблюдаваться сознаніемъ, не представленія, а самыя ощущенія какъ внутреннія состоянія самого духа, которымъ и созерцаются именно въ качествѣ этихъ состояній, а объективность ихъ понимать въ качествѣ обособляемаго отъ духа и противопоставляемаго ему дѣйствительнаго или только возможнаго вѣшнаго бытія. Но для Кантовой философіи такое представленіе дѣла было бы совершенно невозможнымъ, хотя онъ довольно двусмысленно въ выше-выписаныхъ словахъ изъ доказательства причинности и называетъ представленія внутренними опредѣленіями нашей души въ томъ или другомъ отношеніи по времени, а въ другомъ мѣстѣ (661) даже модификаціями души. Отожествить представленія съ самыми ощуще-

иаими какъ внутренними состояніями души значить сознаніе череды ихъ превратить во внутреннее чувство; но, по взгляду Канта, распорядокъ по времени нашихъ внутреннихъ состояній мы всегда должны заимствовать изъ того, что представляютъ на мъ измѣнчиваго вѣшний венецъ (155), и вообще, по его учению, непосредственъ въ собственномъ смыслѣ только опытъ вѣшний, внутренний же опытъ, опредѣленіе нашего существованія во времени, посредствуется вѣшнимъ, возможенъ только чрезъ посредство вѣшняго (236—237). При томъ же, если подъ сознаваемой и наблюдаемой чередой представленій понимать сознаніе и наблюденіе череды внутреннихъ состояній, то мы имѣли бы въ ней череду дѣйствительныхъ психическихъ событий, непосредственно сознаваемую и съдовательно не нуждающуюся для установки своей объективности въ примѣненіи закона причинности, въ которомъ мы нуждались бы лишь для извлечения изъ этой череды внутреннихъ событий объективной череды событий вѣшнихъ. О безусловномъ значеніи закона причинности въ такомъ случаѣ говорить было бы невозможно, опираясь на Кантово доказательство этого закона.

Изъ всего сказанаго, мы кажется, достаточно видно, что признать установку объективной смыслины всегда и исключительно зависимой отъ установки законосообразности череды представленій нельзя, не сдѣлавъ исходнымъ пунктомъ душевной жизни чистыхъ представлений, принимаемыхъ и сознаниемъ за простыя представлія; а чтобы сдѣлать это, нужно забыть объ особомъ характерѣ ощущеній, а съ ними и восприятій, въ которыхъ непосредственно дана сознанію наличная дѣйствительность. Кантово доказательство причинности было возможно исключительно благодаря шаткости понятія объективности, которая позволяла забыть, что къ нему должно относиться и понятіе дѣйствительности съ его характеристическою чертою — ощущеніемъ и восприятиемъ; отсюда получалась возможность, смотря по удобствамъ, и противополагать восприятія представліемъ какъ непосредственное свидѣтельство дѣйствительности и трактовать ихъ на ряду съ простыми представліями какъ не имѣющее никакого объективнаго значенія независимаго отъ связи представлій по категоріямъ отношенія.

М. Каринскій.

(Продолженіе следуетъ).

КРИТИКА И БИБЛIOГРАФИЯ.

Ещ Гомеровскому вопросу.

I.

P. Джеббъ, Гомеръ. Введение къ Илладѣ и Одиссею. Съ англ. перев. съ согласія автора *А. Ф. Семеновъ*. С.-Пб. 1892.

Въ западной литературѣ Гомеровский вопросъ успѣль образовать особый, довольно значительный отдѣлъ классической филологии, въ которомъ руководящая роль принадлежить безспорно германской филологии еще со времени знаменитаго предисловія Вольфа. Французскіе ученыe до послѣдняго времени оставались почти совсѣмъ въ сторонѣ отъ этого движенія въ смыслѣ самостоятельныхъ изысканій и оригинальныхъ гипотезъ: извѣстный Эжe еще въ сороковыхъ годахъ заключилъ курсъ своихъ чтеній въ Сорбоннѣ лекціей, въ которой рѣшительно примкнулъ къ покинутой теперь всѣми гипотезѣ Лахмана (*Mémoires de littér. ancienne*, раг *E. Egger*. Paris. 1862, р. 96—109). Въ новѣйшемъ французскомъ курсѣ греческой литературы двухъ братьевъ Круазе, вышедшемъ пока въ 3 томахъ (*Histoire de la littér. grecque*, Paris, 1887. 90. 91), мы находимъ также повтореніе методовъ и маѣній, извѣстныхъ уже раньше изъ литературы нѣмецкой. Въ русской литературѣ высказаны были мнѣнія по тому же вопросу *П. М. Леонтьевымъ* въ „Пропилеяхъ“, который упрекалъ Грота въ недостаткѣ лахманизма, проф. *Ф. Ф. Соколовымъ*, который въ прекрасной монографіи „Гомеровский вопросъ“ (*Журн. Мин. Нар. Пром.*, 1868 г.) смѣло выступилъ противъ критиковъ-раздробителей, и въ послѣднее время *С. П. Шестаковымъ*, рѣшительно примкнувшимъ къ атомисти-

ческому направлению въ вопросѣ о происхождении поэмъ Гомера (вып. I: „Происхождение Одиссеи“, Казань. 1892). Въ англійской литературѣ не замѣчается особеннаго увлечения нѣмецкою критикой, и англійскіе ученые стараются сохранить за собою независимое положеніе въ решеніи вопроса. Однако и здѣсь раздробительная критика со временеми Грота сдѣлала большия успѣхи, какъ видно изъ сочиненій Магафи, на словахъ (лѣтъ) весьма не одобряющаго усилий нѣмецкихъ ученыхъ, а на дѣлѣ (ѣрѣ) слѣдующаго во многомъ указавшемъ этихъ самыхъ ученыхъ, а также изъ названной въ заголовкѣ монографіи Джебба. Напротивъ, строго уюнистическая тенденція Мьюра в Гладстона даже не подвергаются серьезной критикѣ. Англійской литературѣ принадлежитъ гипотеза, будто Гомеровскія поэмы—произведенія временъ Пелопоннесской войны (Пели).

Перенесеніе въ нашу литературу монографіи Джебба по Гомеровскому вопросу могло быть только весьма желательно: впервыхъ, мы очень бѣдны относящимися къ этому вопросу сочиненіями; во вторыхъ, Гомеровский вопросъ долженъ разъяснить намъ начальный періодъ не одной греческой, но и прочихъ европейскихъ литературъ; втретыхъ, имя Джебба пользуется значеніемъ и въ нѣмецкой филологической критикѣ: не полемизируя въ рѣзкомъ тонѣ съ нѣмецкими филологами, ему хорошо известными, онъ менѣе зависитъ отъ нихъ въ своихъ сужденіяхъ, нежели Магафи. И настоящій трудъ автора, вышедший уже третьимъ изданіемъ (1888), встрѣченъ былъ во французской и нѣмецкой критикѣ весьма сочувственно. Задача автора—помочь приступающимъ къ изученію Гомера ориентироваться въ его произведеніяхъ, а для этого опредѣлить общий характеръ поэмъ его и ихъ положеніе въ исторіи литературы, показать вліяніе поэмъ на древній міръ, важность ихъ для возстановленія древнѣйшей культуры эллиновъ и познакомить читателя съ критикою Иліады и Одиссеи въ древности и въ новое время. Согласно съ такою задачей сочиненіе дѣлится на 4 главы: общая литературная характеристика поэмъ; Гомеровскій міръ; Гомеръ въ древности; Гомеровский вопросъ. Интересны также приложения, изъ коихъ первое знакомить съ открытымъ раскопками Шлимана домомъ въ Тиринѣ и содергть въ себѣ вѣскія возраженія противъ отождествленія этого сооруженія съ ахейскимъ домомъ, но скольку этотъ послѣдній можетъ быть возстановленъ по Одиссѣю; 2-ое—отличія греческаго языка у Гомера отъ позднѣйшей классической рѣчи; 3-ье—отличіе языка *Иліады* отъ языка *Одиссеи*; 4-ое—Гомеровскія слова, сохранившія слѣды дигаммы; 5-ое—

Гомеровская метрика. Въ заключеніе данъ списокъ важнѣйшихъ сочиненій о Гомерѣ, англійскихъ и иныхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшая изъ главъ (стр. 118—203) посвящена такъ называемому Гомеровскому вопросу и предлагает читателю, кромѣ обычного исторического очерка мнѣній, начиная съ древности, противъ усвоенія одному поэту обѣихъ поэмъ и противъ единства плана и развитія сюжета въ каждой изъ нихъ, кромѣ собственныхъ заключительныхъ сужденій по этому вопросу, еще и вѣкоторыя соображенія о топографії Трои и о степени исторической достовѣрности Гомеровскихъ описаній и извѣстій. Это, кажется, самый поздній очеркъ Гомеровского вопроса, и читатель найдетъ въ немъ достаточно обстоятельное изложеніе гипотезы Христа объ Иліадѣ и теорію Фика о первоначальномъ золизмѣ поэмъ: по смыслу этой послѣдней золійскія поэмы переведены были на юнійскій языкъ не раньше, какъ между 530—500 гг. до Р. Х. Теорію Фика авторъ отвергаетъ безусловно. Съ болѣшимъ нѣсколько сочувствіемъ относится Джеббъ къ попыткѣ Христа, продолжающаго Германа, возстановить первичную Иліаду и прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ дальнѣйшія раепространенія, прибавки и вставки, благодаря коимъ Иліада въ VIII—VII вѣкахъ приняла теперешній видъ. Отечественнымъ филологамъ, Гроту и Джедсу, оказано достаточное вниманіе. Самъ авторъ рѣшаетъ важнѣйшія части вопроса такъ: болѣе обстоятельный свѣдѣнія географическая (стр. 49 сл.), болѣе отвлеченные представленія о богахъ и болѣе развитыя понятія нравственности (стр. 50 сл.), нѣкоторыя измѣненія въ общественномъ строѣ Одиссеи по сравненію съ Иліадой (стр. 56), нѣкоторыя особенности языка (стр. 62, 159 сл., 214 сл.) заставляютъ автора относить образование Одиссеи къ позднѣйшему времени сравнительно съ Иліадой, по крайней мѣрѣ, съ древнѣйшими частями сей послѣдней. Однако Джеббъ не рѣшается утверждать, будто не возможно было составленіе обѣихъ поэмъ однимъ и тѣмъ же лицомъ (стр. 145, 159 сл., 180, 200 сл. и др.). Что касается каждой поэмы въ отдѣльности, то авторъ останавливается преимущественно на Иліадѣ, какъ болѣе простой по конструкціи, болѣе поддающейся расчлененію на составныя части, содержащей въ себѣ большее число указаній на процессъ образования подобныхъ произведеній въ глубокой древности.

Въ настоящее время господствующею въ Гомеровскомъ вопросѣ можно считать гипотезу постепенного и продолжительного нарастанія поэмы изъ первичнаго небольшаго весьма древняго произведенія;

это—гипотеза „зерна“, или „кристаллизаций“, какъ опредѣляютъ ее нѣмецкие авторы. Нашъ авторъ присоединяется къ ней всесѣло, распространяя ее одинаково на обѣ поэмы (стр. 202); въ частностяхъ рѣшевія вопроса авторъ допускаетъ большое разногласіе въ мнѣніяхъ и питаетъ слабую надежду на соглашеніе разнорѣчивыхъ догадокъ (стр. 203). Иліада была Иліадой, а не одной Ахиллеидой, съ самаго начала; въ первичный составъ ея, пріурочиваемый къ XI вѣку до Р. Х., входили нынѣшнія пѣсни I, XI и XVI — XXII; первичная Иліада расширена добавленіемъ пѣсень II—VII и XII—15; вторичнымъ добавленіемъ были пѣсни VIII, IX, XIII до 256 стиха и XXIV. Всѣ эти части раньше 850—800 года. Вставкою X пѣсни и большими интерполяціями, относящимися къ 750—600 г., завершился ростъ поэмы. Имя Гомера принадлежитъ сочинителю только первичной Иліады; въ составленіи прочихъ пѣсень участвовали въ разное время разные поэты. Относительно Одиссеи авторъ принимаетъ въ существенномъ гипотезу Кирхгофа (стр. 183 — 202). На стр. 135 авторъ возводить такое рѣшеніе вопроса къ самому Вольфу, а на стр. 181 говорится о необходимости устранить изъ обсужденія вопроса взглядъ Лахмана съ одной стороны и господствовавшее до Вольфа убѣжденіе въ томъ, что Иліада есть такое же созданіе одного поэта Гомера, какъ Энеида—Виргилія.

Къ отождествленію открытыхъ на Гиссарликѣ развалинъ съ Гомеровской Троей авторъ относится весьма скептически, полагая, что съ Гомеровскимъ описаніемъ обширной и высокой Трои виолѣ совпадаетъ на Троянской равнинѣ только положеніе деревни Бунарабашы (171 сл.).

Первая глава независимо отъ особеннаго интереса для англичанъ, такъ какъ авторъ для уясненія предмета обращается къ английскімъ поэтамъ, преимущественно къ Вальтеру-Скотту, представляетъ немало поучительного и для иностраннаго читателя: въ ней содержится много вѣрныхъ замѣчаній о достоинствахъ Гомеровскихъ поэмъ, о Гомеровскихъ характерахъ, о сравненіяхъ у Гомера и проч. Для иллюстраціи замѣчаній о Гомеровской поэзіи Джеббъ предлагаетъ анализъ XXII пѣсни *Иліады* (стр. 37—41). Въ III главѣ монографіи, посвященной судьбѣ Гомера въ древности, авторъ слѣдуетъ за нѣмецкими авторитетами: Лерсомъ, Людвіхомъ и Ла-Рошемъ. Реальною, или бытовой, стороной поэмы занята II глава, при чёмъ материалъ для картины извлекается одинаково изъ обѣихъ поэмъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями. Наибольше останавливается авторъ на Го-

меровскомъ домѣ, схематическое изображеніе котораго находится на стр. 66. Мимоходомъ (стр. 79) упоминается о письменности, такъ какъ обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса находится ниже (стр. 126—131). Авторъ приходитъ къ заключенію, что Гомеровскія поэмы были первоначально записаны поэтомъ (или поэтами), что публика долгое время узнавала ихъ изъ устной передачи рапсодовъ, но эти послѣдніе имѣли въ своемъ распоряженіи писанные экземпляры. Во II-ой же главѣ читатель найдетъ свѣдѣній о Гомеровскомъ государствѣ, о религіи того времени, о пластическомъ искусствѣ и проч. Вездѣ чувствуется рука знатока и мастера, любовь къ предмету и большое желаніе помочь другому разобраться въ сложныхъ подробностяхъ вопроса. Всячески авторъ воздерживается отъ субъективныхъ догадокъ, стараясь дать читателю по возможности фактическое, достовѣрное или наиболѣе вѣроятное. Въ этомъ главное достоинство труда Джебба.

Однако намъ кажется Джеббъ недостаточно послѣдователенъ, когда составленіе нашей Иліады онъ растягиваетъ чуть не на пять вѣковъ, отъ XI до конца VII, и тотъ же общій періодъ времени принимаетъ для Одиссеи (стр. 202), и въ то же время признаетъ возможнымъ безъ дальнихъ объясненій черпать матеріалъ для построенія картины Гомеровскаго общества безразлично изъ обѣихъ поэмъ и изъ разновременныхъ частей каждой изъ нихъ одинаково. Вообще, вопросъ о происхожденіи Одиссеи и обѣ отношеніи ея по времени къ Иліадѣ только, можно сказать, намѣченъ авторомъ, но вовсе не разработанъ. И посему Одиссея то въ первичномъ составѣ пріурочивается къ XI вѣку до Р. Х., и составленіе ея продолжается, какъ и Иліады, до конца VII вѣка, съ участіемъ, конечно, многихъ поэтовъ, то она значительно новѣе Иліады и имѣть „поразительное сходство“ только съ самыми поздними частями сей послѣдней, то она произведеніе одного поэта, по крайней мѣрѣ, въ своемъ теперешнемъ видѣ и проч.

Не совсѣмъ убѣдительными кажутся намъ и выводы относительно Иліады, такъ какъ основной приемъ автора—оцѣнка древнѣйшаго изъ литературныхъ памятниковъ Европы съ точки зрѣнія собственныхъ понятій автора о поэтическомъ образцѣ эпоса. Гадательно выдѣливъ первичную Иліаду (*Urilias* у нѣмецкихъ ученыхъ), которая заключала въ себѣ „общее описание той борьбы между греками и троянцами, въ которой временное отсутствіе Ахиллеса причинило только новое усложненіе“ (184), Джеббъ продолжаетъ: „Теперь можно поставить вопросъ, какъ бы взглянуль на эту первичную Иліаду пер-

ный поэтъ или одинъ изъ послѣдующихъ, пожелавъ расширить ее, не измѣнилъ основнаго плана"? (185). Засимъ производится опытъ послѣдовательного возстановленія всѣхъ частей поэмы. Откуда авторъ нашъ знаетъ, отъ какого замысла или плана исходилъ великий поэтъ за 3.000 лѣтъ до нашего времени, чѣмъ руководились поэты, отдѣленные отъ насъ 2.500, 2.000 лѣтъ и проч., и проч.. когда они желали расширить первоначальное геніальное произведеніе? На чёмъ основана гипотеза о длинномъ рядѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ гениевъ-зниковъ, которые къ тому же въ своемъ творчествѣ слѣдовали тѣмъ самыми будто бы правилами, которымъ слѣдуютъ наши современные поэты? Еллинскіе писатели сравнительно поздняго времени, подвигавшіеся въ разныхъ видахъ литературы, создавали геніальные произведенія, мало отвѣчающія новымъ образцамъ тѣхъ же видовъ. тѣмъ не менѣе геніальный и несомнѣнно принадлежавшій цѣликомъ опредѣленнымъ личностямъ. Неужели мыслимы въ настоящее время лирическія произведенія, которая содержали бы въ себѣ, какъ оды величайшаго еллинскаго лирика, цѣльная родословная и поэмы? Мыслимы ли у насъ драмы съ такими эпизодами чисто эпической свойства, какъ, напримѣръ, „Семь“ Эсхила или „Антигона“ Еврипида? А древняя комедія? А историческое сочиненіе „отца исторіи“, въ которомъ, напримѣръ, за нѣсколькими строками II книги, продолжающими непосредственно I-ю, идеть въ видѣ эпизода, по нашему, подробное описание Египта во всѣхъ отношеніяхъ? Или въ IV книгѣ подробнѣйшіе раз cntы о Скиѳии и Ливіи вставлены въ гораздо болѣе краткое историческое сообщеніе о походахъ въ Скиѳию и Ливію? и проч., и проч. Намъ все-таки представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что какъ были отецъ исторіи, отецъ трагедіи, отецъ философіи, бiографіи которыхъ тоже весьма мало намъ извѣстны, такъ существовалъ и „отецъ поэзіи“ вообще. „Поэтъ“, какъ называли еллины одного Гомера, которому принадлежитъ геніальная попытка создать на основе раннѣе существовавшихъ многихъ пѣсень, пространныхъ и короткихъ, рядъ поэтическихъ образовъ и картинъ съ массою бытовыхъ точныхъ подробностей, съ неподражаемыми образцами душевнаго анализа, объединенныхъ въ цѣльное обширное произведеніе. На взглядъ позднѣйшихъ поколѣній и въ особенности передъ лицомъ новыхъ. намъ современныхъ критиковъ и глубокихъ знатоковъ и филологіи, и новыхъ поэтическихъ произведеній, многое въ Гомеровской поэмѣ представляется и лишнимъ, и ослабляющимъ силу впечатлѣнія, и противорѣчіемъ, и несообразностью и т. д., а

т. д.; но изъ этого не слѣдуетъ, что мы вправѣ считать обязательными тѣ же понятія и вкусы для древнѣйшаго поэта и для древнѣйшей публики. И поэтъ, и его публика свято вѣрили въ правду повѣствованій о богахъ и герояхъ, не столько восхищаясь, впрочемъ, самимъ поэтомъ, сколько благоговѣя передъ божествами, внушившими эту правдивую повѣсть любимцу-пѣвцу. Разъ въ теченіе многихъ вѣковъ слушатели и читатели воспринимали Иліаду и Одиссею, какъ произведенія цѣльныя, построенные по извѣстному плану, согласованные въ своихъ частяхъ, разъ думала такъ не одна публика, но и величайшии умы древности, каковы Аристотель, Платонъ или Аристархъ, какъ же возможно отрицать составленіе Иліады или Одиссеи однимъ лицомъ во времена несравненно менѣе критическія, менѣе требовательныя въ нашемъ смыслѣ?

Англійскій ученый смотрить на свой трудъ, какъ на вступленіе къ занятіямъ Гомеровскими поэмами, и, навѣрное, всякой прочтеть сочиненіе Джебба съ интересомъ и пользою. Съ своей стороны мы желали ввести въ разъясненіе вопроса точки зренія, не принимаемыя вп вниманіе какъ Джеббомъ, такъ и многими другими филологами, и опредостеречь занимающихся Гомеровскимъ вопросомъ отъ увлеченія субъективными пріемами.

Русскій переводъ сочиненія оставляетъ кое-что желать. Прежде всего отмѣченныя переводчикомъ опечатки далеко не исчерпываются корректурныхъ недочетовъ, въ числѣ коихъ есть, напримѣръ, такие: *Ludurg* (стр. 225) вмѣсто *Ludwich*, къ седьмому столѣтію (основаніе юнійскихъ колоній) вмѣсто *одиннадцатому* (192); *представить* вопросъ вмѣсто *поставить* вопросъ (185); *Weliker, Epic Cycle* (стр. 180) и мн. др. Потомъ, почему-то переводчикъ называетъ вездѣ поэму „Разгромъ Иліона“ *Іліо тѣрс*; словами: *Іліу Персисъ*; Евгамонъ изъ Киренея названъ Евгаменомъ (179); *отношенія къ Иліадѣ* вмѣсто *отношенія Одиссеи къ Иліадѣ* (201); тутъ же: *примирить* вмѣсто *оправдать*; пишетъ по-русски *Кипрію* о Кипрской поэмѣ (177, 139); выражение: „діалектъ аттическій достичъ зрѣлой формы въ греческой литературѣ“ (157); *Scholium* почему-то оставляется безъ перевода въ русскомъ текстѣ (131) и др. Греческія цитаты далеко не безукоризнены, а ихъ не мало, напримѣръ, 12 *переодѣваніями* Одиссея вмѣсто превращеніями. Начало книги переведено вообще довольно слабо. Это все тѣмъ сожалительне, что „Гомеръ“ Джебба заслуживалъ вниманія и старанія со стороны переводчика, да и переводчикъ, повидимому, не чуждъ эллинскихъ студій.

II.

О происхождении поэмъ Гомера. Вып. I. О происхождении Одиссеи. Издание С. Шестакова. Казань. 1892.

Сочинение г. Шестакова представляет первую въ русской литературѣ попытку анализировать Одиссею въ ея составныхъ частяхъ и выяснить существо процесса, въ результатѣ коего получилась одна изъ Гомеровскихъ поэмъ въ ея настоящемъ видѣ. Гомеровскій вопросъ во всей его цѣлости автору кажется рѣшеннымъ окончательно въ смыслѣ гипотезы, господствующей теперь въ западной филологической литературѣ и именуемой довольно выразительнымъ терминомъ „теоріи зерна“ или „теоріи кристаллизациі“. Не изъ малыхъ пѣсень путемъ механическаго сцѣпленія составились Иліада и Одиссея однимъ или нѣсколькими редакторами въ сравнительно весьма позднее время; не явились они заразъ, пѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ мы имѣемъ ихъ теперь, плодомъ вдохновенія единой геніальной личности. „Теорія зерна“ предполагаетъ, что въ глубокой древности, приблизительно въ XI—X вѣкѣ до Р. Х., на основѣ ранѣе сложившихся пѣсень и скапзій составлены были однимъ или двумя геніальными поэтами двѣ небольшія по объему поэмы, которая черезъ присоединеніе новыхъ сценъ и введеніе новыхъ дѣйствующихъ лицъ въ продолженіе многихъ поколѣній усилиями многихъ поэтовъ и редакторовъ разрослись въ обширныя произведения, носящія название Гомеровскихъ.

Съ одной стороны возможность выдѣлить изъ Иліады и Одиссеи такія части, которые и передъ судомъ новыхъ критиковъ обладаютъ единствомъ плана, больше прочихъ отличаются характеромъ древности и способны къ дальнѣйшему распространенію и осложненію, а съ другой наблюдаемая критиками наличность разнаго рода недочетовъ въ построениі цѣлаго и въ отдѣльныхъ мѣстахъ, каковы: противорѣчія въ изложеніи фабулы, ослабляющія впечатлѣніе повторенія, длинноты въ одномъ мѣстѣ, пробѣлы въ другомъ, эпизодичность и т. п., —таковы основанія гипотезы, посредствующей между античной традиціей и теоріей Лахмана.

Нашъ авторъ не находитъ даже нужнымъ выяснить читателю тѣ руководящіе взгляды на различные элементы и устои Гомеровскаго вопроса, которые помогали ему разбираться въ безконечномъ множествѣ сужденій новыхъ и древнихъ критиковъ объ особенностяхъ эпического стиля и построенія. о томъ, допустимы ли были въ древнемъ эпосѣ, и если допустимы, то до какого предѣла, противорѣчія, повторенія, заимствованія, подражанія, рѣдкія реченія и т. п., о томъ,

что составляет норму древне-эпического стиля, и что будеть уклоненіемъ отъ нормы, до какой степени и въ какихъ случаяхъ обязательны для насъ заключенія древнихъ грамматиковъ, въ какой мѣрѣ приложимы къ древнѣйшимъ образцамъ эпоса современныя намъ понятія соотвѣтствующихъ видовъ поэзіи и проч., и проч. Если несомнѣнную заслугу автора составляетъ рѣшимость его дать русскому читателю собственный образчикъ нѣмецкой филологической критики по одному изъ вѣчно юныхъ вопросовъ, то важнѣйшимъ недостаткомъ настоящаго опыта должно считать отсутствіе въ немъ опредѣленныхъ указаний на руководящіе приемы критики и на усвоенные авторомъ общіе взгляды въ трактуемомъ вопросѣ. Вводная глава въ сочиненіи г. Шестакова (стр. III—XIII) посвящена краткимъ замѣчаніямъ о построеніи Иліады, и очень многія соображенія автора объ эпосѣ и его стилѣ, о правилахъ эпического творчества, о достоинствахъ и слабостяхъ древняго эпического произведения оказывается по необходимости субъективными и случайными. Едва ли чтонибудь говорять читателю такія выраженія: „художественные приемы эпическихъ поэтовъ“, „обычный стиль и манера эпоса“, „точная эстетическая оценка“, „неясность сценировки дѣйствія“ 19-я пѣсни Иліады носить на себѣ „характеръ позднѣйшей поэзіи“, „единство и свободное развитіе поэтическаго замысла“, „наивный эпический языкъ“ „весьма удачная черта поэтическаго мыслѣа“ и проч.. и проч. Неужели подобнымъ выраженіямъ можно придавать хоть малѣйшую научную цѣльность? Осторожность въ пользованіи подобными терминами тѣмъ обязательнѣе для нашего автора, что данные объективныя и болѣе надежныя, каковы свидѣтельства языка и метрики, занимаютъ послѣднее мѣсто въ его изслѣдованіи: они какъ бы только вкралиены тамъ и сямъ въ видѣ попутныхъ замѣчаній; вся сила аргументаціи держится на соображеніяхъ стилистическихъ и эстетическихъ въ широкомъ смыслѣ слова. Убѣдительность выводовъ, полученныхыхъ изъ материала такого рода, весьма относительна; посему довольно странное впечатлѣніе производить употребляемыя авторомъ во множествѣ черезчуръ категорическія выраженія: „несомнѣнно“, „очевидно“, „совершенно очевидно“ „ вполнѣ основательно“, „вполнѣ непринужденно“, „вполнѣ естественно“. „вполнѣ опредѣляется“, „вполнѣ обусловленъ“ и т. п. Съ другой стороны, читатель не разъ останавливается въ недоумѣніи, что должны означать такія выраженія, какъ „повидимому“ (безъ всякаго указанія на существо дѣла), „мало пригодна ситуация“, „довольно слабо мотивированъ“, „иногда допускается“, „здѣсь она (игра) не такъ умѣстна“, „менѣе умѣстна“, „слабая связь“ и т. д.. и т. д. Изъ статьи

Виламовица авторъ заимствуетъ терминъ „парсимологія“, но употребляетъ его неправильно (стр. 21); тоже изъ Виламовица и тоже безъ указанія источника взято выраженіе єпі тѣ півніштєров (22).

Вообще, литературная сторона изслѣдованія оставляетъ желать многаго; корректурные недочеты тоже весьма многочисленны и нерѣдко существенны. Впрочемъ, ясности изложенія вредить больше всего то обстоятельство, что у автора идутъ параллельно, или смѣшились, обѣ части изслѣдованія—аналитическая, или критическая, и конструктивная, положительная, благодаря чему трудно свести воедино результаты анализа и въ то же время уяснить себѣ тѣ прѣдѣлы, какіе желаетъ дать авторъ составнымъ частямъ нашей поэмы, и ходъ развитія темы въ каждой изъ этихъ частей.

Одиссея позднѣе Иліады со всѣми распространеніями этой послѣдней, за исключеніемъ развѣ Долоніи; въ Одиссеѣ можно различать элементы двухъ самостоятельныхъ первоначально поэмъ: Одиссеи и Телемахіи; авторъ первичной Одиссеи самъ распространялъ ее привнесеніемъ пѣсень о Калипсо и о Киркѣ и разказъ свой о приключеніяхъ Одиссея вложилъ въ уста самому герою; эта же Одиссея по-заимствовалась сценою узнанія героя изъ нашей XIX п.; Телемахію должны были составлять разказы поэта о путешествіяхъ молодаго героя въ Пиль и Спарту, о возвращеніи его на Итаку, о встрѣчѣ съ отцомъ въ хижинѣ свинопаса, при чемъ, однако, Одиссеѣ не открывался сыну, а главной сообщницей его въ расправѣ съ женами была Пенелопа, а не Телемахъ, какъ въ нашей Одиссеѣ. Третья часть нашей поэмы, заключительная (XXI—XXIV п.),—сборного происхожденія: въ нее вошли отдѣльныя части древней Одиссеи и Телемахіи. Все это связано было въ одно цѣлое особымъ лицомъ, редакторомъ, который въ цѣляхъ редакціи вынужденъ былъ сокращать или вовсе устраивать одно, вставлять или перерабатывать другое и проч. Онъ же сочинилъ и вступительную главу ко всей поэмѣ, нашу 1-ю пѣснь Одиссеи. Если мы къ этому прибавимъ, что г. Шестаковъ старается возстановить вѣкоторые удаленные части болѣе древнихъ пѣсент или болѣе древнія версіи на мѣсто существующихъ въ тенерешней Одиссеѣ, то уже и отсюда ясно, какія трудности предстояло преодолѣвать нашему автору, сколь неизбѣжны всевозможныя догадки и предположенія при разрѣшеніи подобной задачи. Убѣдительность выводовъ въ подобномъ изысканіи можетъ быть лишь весьма относительная, и автору обязательно только стремиться, чтобы въ трудахъ его отведено было возможно меныше мѣста гадательному и случайному.

Г. Шестаковъ не вводить въ разсмотрѣніе предмета какого либо нового матеріала или новыхъ пріемовъ, и потому онъ долженъ тѣснѣйшимъ образомъ примкнуть къ имѣющимъ уже трудамъ авторитетныхъ ученыхъ: Кирхгофа, Бергка, Христа, Виламовицъ-Меллендорфа. Авторъ совершенно не касается тѣхъ особенныхъ условій поэтическаго творчества, которымъ имѣли мѣсто за 3.000 лѣтъ до нашего времени, и не принимаетъ во вниманіе огромной разницы между нашимъ и тѣмъ далекимъ временемъ въ требованіяхъ, какія предъявлялись публикою къ поэту и его произведению. Мы знаемъ, что древность сравнительно поздняя и критическая признавала единство и планомѣрность построенія въ Иліадѣ и Одиссеѣ, съ этой стороны совсѣмъ не удовлетворяющія новыхъ критиковъ. Понятно, публика гораздо болѣе древняя, первые лушатели Гомера, стояла еще дальше отъ нашихъ вкусовъ и понятій, нежели Аристотель или александрийскіе грамматики. Для этой публики, а не для насъ, составлялись Гомеровскія поэмы, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что тѣ очень древніе слушатели отнеслись бы съ рѣшительнымъ неодобреніемъ къ тому, что рекомендуется новыми критиками, какъ образцовое и единственно отвѣчающее эстетическимъ понятіямъ. Нашъ авторъ въ двухъ мѣстахъ отмѣчаетъ въ выраженіяхъ достаточно рѣзкихъ склонность такъ называемыхъ „унитаріевъ“ въ модернизациіи правовъ и характеровъ Гомеровскаго эпоса (стр. 74, прим. 109). Разумѣется, унитаріи въ этомъ отношеніи не безгрѣшны; но едва ли „раздробители“ менѣе повинны въ поновленіи Гомеровскаго общества, его эстетическихъ вкусовъ и требованій. Вся атомистическая критика запечатлѣна тенденціей возстановить первичныя поэмы Гомера въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они отвѣчали бы наиболѣе новѣйшимъ образцамъ эпического творчества. Напримеръ, что могутъ доказывать такія выраженія нашего автора: „Въ этихъ стихахъ (1 пѣснь 269—296 ст.) не слышится живая рѣчь мудраго совѣтника неопытному юношѣ, но въ уста Аенины вложена лишь виѣшняя схема дѣйствія“ (стр. 2). „Еще большая поверхностиость въ отношеніи къ источнику проявляется у автора первой пѣсни въ совѣтѣ Аенины предложить“ и проч. (стр. 4). Противъ стиховъ 1-й пѣсни 374—380 со времени Кирхгофа дѣлается замѣчаніе, что въ нихъ „Телемахъ прежде времени раскрывается женихамъ свои намѣренія; ни съ поэтической, ни съ психологической стороны этотъ поступокъ не мотивированъ“ и проч. (стр. 7). Еслибы г. Шестаковъ или Кирхгофъ доказали, что отмѣчаемая ими черта 1-й пѣсни Одиссеи смущала своюю несообразностью не ихъ, а древнихъ грековъ,

которые впервые услыхали о ней отъ поэта, тогда можно было бы пользоваться этимъ признакомъ преждевременности, какъ свидѣтельствомъ противъ подлинности стиховъ. Намъ же, напротивъ, въ точности извѣстно, что не только Гомеровская древность, но и болѣе позднее время видали до самого Кирхгофа не замѣчали въ отвергаемыхъ стихахъ никакой несообразности. Почему же они не могли принадлежать гениальному поэту, отдѣленному отъ Кирхгофа цѣлыми тысячелѣтіями, если мы восхищались многіе гениальные читатели въ теченіе долгаго времени? Потомъ, почему „Телемаху не пристало сидѣть съ играющими женихами“? (стр. 9). На слѣдующей страницѣ: „Явленіе Пенелопы въ самой началѣ поэмы преждевременно и не имѣть похода, она могла бы выразить свое желаніе Телемаху черезъ служанку“. Или: „Растроганность одинокой супруги подъ вліяніемъ воспоминаній, вызванныхъ пѣснью Фемія, черта высокопоэтическая. Зачѣмъ отнимать ее у автора а“? (стр. 12. Срви. 16). Сравненіе Телемаха съ Орестомъ въ 1-й п. нашъ авторъ находитъ несамостоятельнымъ, по-затмствованымъ изъ 3-й п., гдѣ „это сопоставленіе возникаетъ вполнѣ естественно тогда, когда старикъ въ своемъ разказѣ доходитъ до судьбы Атрида“ (стр. 14). На слѣдующей стран. ст. 255 сл. считаются подражаніемъ стиховъ 342—346 четвертой пѣсни на томъ основаніи, что вооруженіе Одиссея и участіе героя въ пиршествѣ, двѣ ситуаціи, мало подходящія одна къ другой, соединены въ словахъ Аѳины. Положеніе Пенелопы среди жениховъ въ 1 п. „довольно слабо мотивировано“ и вставлено сюда только изъ подражанія подобнымъ же сценамъ въ другихъ частяхъ поэмы (стр. 16—17). Читатель ясно видитъ, что мы не выискиваемъ примѣровъ, но беремъ ихъ подъ-рядъ, чуть не съ каждой страницы сочиненія, которое все преисполнено такого рода „доказательствъ“. Эти и подобныя доказательства кажутся автору „довольно убѣдительными“ (стр. 20) и приводятъ его къ заключенію, что первая пѣсня Одиссеи создалась позднѣе всѣхъ прочихъ пѣсень и на основаніи сихъ послѣднихъ (*ibid*). Мы же симѣемъ думать, что подобная аргументація, если она проводится самостоятельно и послѣдовательно, можетъ свидѣтельствовать о находчивости, остроуміи и другихъ достоинствахъ критика, но совершенно безсильна убѣдить кого либо въ научной состоятельности получаемыхъ такихъ путемъ выводовъ. На стр. 173 авторъ по поводу разсужденій критики объ Антиноѣ замѣчаетъ: „Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ одинъ изъ примѣровъ излишней требовательности и нѣсколько поверхностнаго отношенія къ тексту“. Къ со-

жальнию. то же самое замѣчаніе примѣнено съ одинаковыи правомъ къ огромному числу суждений новой Гомеровской критики какъ универсаго, такъ и раздробительнаго направлениія.

Авторъ не безъ удовольствія отмѣчаетъ мѣста поэмы, противъ которыхъ высказывались уже древніе критики: Аристофанъ, Аристархъ и др. (стр. 14, 70, 79, 102, 122, 123, 148, 171 и др.). По общему правилу, сомнѣніе древнихъ—вѣскій доводъ противъ отдѣльныхъ стиховъ или даже цѣлыхъ пѣсень. Но правило это допускаетъ и многія исключенія, какъ можно видѣть на указанныхъ выше страницахъ нашего сочиненія. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: въ сужденіяхъ древнихъ было много субъективнаго или мотивированнаго только вкусами и требованиями ихъ собственныхъ современниковъ. Въ сочиненіи г. Шестакова читатель не находить никакихъ разъясненій относительно того, когда же и почему мнѣнія древнихъ грамматиковъ должны быть или приняты новой критикой къ руководству, или совсѣмъ отвергнуты. Дѣло въ томъ, что общими усилиями александрийцевъ найдено было въ обѣихъ поэмахъ сомнительныхъ или не-Гомеровскихъ стиховъ всего 1.160 почти на 28.000 (15.693—Иліада, 12.110—Одиссея); все прочее не возбуждало сомнѣній, менѣе всего индивидуальность творца Иліады или Одиссея. Если признается критическая способность древнихъ въ одномъ направлениіи, отрицательномъ, то требуются особенные основанія для того, чтобы вовсе не считаться съ сужденіями тѣхъ же древнихъ въ другомъ направлениіи, положительномъ.

Далѣе, созданиемъ Гомеровскихъ поэмъ завершался длинный періодъ опытовъ поэтическаго творчества, когда складывались во множествѣ пѣсни бытowego и исторического содержанія на основаніи разказовъ современниковъ, наблюдений очевидцевъ или освященныхъ давностью преданій. Въ троянскомъ циклѣ сагъ и поэзіи существовали рядомъ многочисленные варианты на однѣ и тѣ же темы; варианты не только принадлежали различнымъ авторамъ и были неодинакового художественного достоинства, но и бывали отдѣлены одинъ отъ другаго по времени происхожденія значительными промежутками; не всегда пѣсни, следовавшія одна за другую по содержанию, были согласны между собою въ подробностяхъ, а иногда и въ существенныхъ чертахъ бытowychъ, религіозныхъ, историческихъ; не всегда предпочтеніемъ передъ другими пользовались въ народѣ и у отдѣльныхъ личностей тѣ варианты, которые отличались наибольшими поэтическими достоинствами; во многихъ случаяхъ предпочтеніе или популярность опредѣлялись иными условіями и особенностями, которыхъ далеко не все мол-

гуть быть установлены нами или даже приблизительно угаданы. Наконецъ, пѣсни троянского цикла должны были отличаться большимъ разнообразіемъ по характеру и основнымъ мотивамъ: однѣ были ближе къ лирикѣ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова, чѣмъ къ эпосу, другія обладали чертами высокаго драматизма; въ однѣхъ преобладало настроение серьезное, трагическое, другія выражали сторону событія комическую, шуточную; авторы однѣхъ пѣсень съ наибольшимъ вниманіемъ останавливались на вѣнѣшней, такъ сказать, фактической сторонѣ событія, другіе авторы особенно охотно разрабатывали психологические мотивы и т. д., и т. д. Расчлененія поэзіи на особые виды, какъ существовали они впослѣдствіи, тогда не было; не было даже разграничія между поэзіей и прозой: древній, до-исторический елинъ облекалъ въ форму эпическихъ произведеній всю свою житейскую чудрость, свою исторію, умозрѣніе, свои эстетические запросы.

Именемъ Гомера обозначается попытка генія создать грандиозную новѣсть о вѣкоторыхъ событіяхъ прошлаго на основѣ сложившихся раньше пѣсень и ходившихъ въ народѣ сказаний, при чемъ отдельные событія должны были объединяться общимъ мотивомъ. Съ полною увѣренностью можно утверждать, что первый творецъ обширной поэмы, въ подборѣ материала, въ развитіи положеній и обрисовкѣ характеровъ, наконецъ, въ расположениіи частей руководствовался не одними эстетическими требованіями; даже больше: этого рода требованія отступали далеко назадъ передъ другими побужденіями, внушавшими поэту самую мысль о творчествѣ. Въ числѣ таковыхъ было прежде всего желаніе повѣдать правду о богахъ и людяхъ, научить слушателей доблестямъ, преподать уроки морали и т. п. Тѣ самыя произведения, которые разматриваются теперешними критиками, какъ непреложные образцы эпического творчества, могли содержать въ себѣ съ этой послѣдней точки зрѣнія различные недочеты, но они должны были удовлетворять болѣе серьезнымъ и настоятельнымъ требованіямъ и поэта, и его слушателей; значеніе образцовъ эпоса они получили не раньше времени Аристотеля, ибо Платонъ еще относится къ нимъ иначе. Понятно, что мы заранѣе обрекаемъ себя на множество ошибочныхъ толкованій, когда къ Иліадѣ или Одиссеѣ прилагаемъ мѣру требованій и понятій, совершенно ить чуждыхъ, воспитанныхъ на другихъ образцахъ и въ другой сфере возврѣній. Понятно также, что многія на нашъ взглядъ погрѣшности противъ единства и планомѣрности въ построеніи Иліады или Одиссеи должны быть относимы къ самому Гомеру, а не къ его продолжателямъ или къ интерполяторамъ; тому

же первоначальному поэту гомеровскія поэмы обязаны тѣмъ единствомъ языка и обрисовки характеровъ, которого не отрицаютъ ни одинъ изъ новыхъ критиковъ. При разрѣшении Гомеровскаго вопроса гораздо большую силу доказательности должны имѣть признаки происхожденія той или другой изъ поэмъ отъ одного лица по одному плану, нежели несогласія въ составныхъ частяхъ, слабость связи между ними, эпизодичность и другія черты раннаго состоянія эпоса до обособленія его отъ прочихъ видовъ литературного творчества. Въ сочиненіи г. Шестакова чуть не совсѣмъ отсутствуютъ приемы и соображенія, отличающія историческую точку зрѣнія на предметъ.

Во вступительной главѣ авторъ обѣщаетъ сдѣлать во второмъ выпускѣ своего труда подробный обзоръ анализа Иліады (стр. VI. примѣч.). аналогичный, конечно, тому обзору, какой мы имѣемъ въ настоящемъ выпускѣ. Просимъ заранѣе извиненія у молодаго нашего коллеги, если ниже следующее сужденіе наше покажется ему неумѣстнымъ или притязательнымъ; но мы не можемъ не желать успѣховъ молодому ученому въ избранной имъ области классической филологии и не можемъ не высказать того, что, по нашему убѣждѣнію, способно облегчить разрѣшеніе преслѣдуемыхъ поченнымъ авторомъ задачъ. Гомеровскій вопросъ представляетъ собою богатый запасъ темъ, все еще не пытавшихъ интереса, надъ которыми съ успѣхомъ могутъ поработать и русскіе филологи-классики, не теряясь въ субъективныхъ догадкахъ, въ натянутыхъ сближеніяхъ и въ гипотетическихъ построенияхъ. Необходимо только ставить себѣ такія задачи, въ предѣлахъ коихъ весь относящейся матеріалъ находился бы въ самостоятельномъ распоряженіи изслѣдователя, въ основу изысканій положены были бы определенные общія воззрѣнія, а приемы критики и заключенія не сводились бы къ сознательнымъ и безсознательнымъ сближеніямъ съ литературными явленіями нашего времени. Уже само по себѣ немалое заблужденіе— считать Гомеровскій вопросъ разрѣшеннымъ въ томъ или иномъ направлениіи, въ чемъ убѣждаютъ читателя и не малочисленные недочеты труда г. Шестакова, пристекающіе прежде всего изъ самой постановки вопроса. Гомеровскій вопросъ держится на многихъ устояхъ, и русскому изслѣдователю лучше всего заниматься критически, самостоятельно каждымъ изъ этихъ устоевъ отдельно, и только послѣ ряда частныхъ работъ предложить собственный опытъ общаго разрѣшенія вопроса. Еслибы, напримѣръ, нашъ авторъ занялся вопросомъ о древнихъ критикахъ Иліады и Одиссеи или даже одной изъ этихъ поэмъ, выяснилъ бы руководящія начала античной критики,

степень состоятельности этихъ началъ и добытыхъ при помоши ихъ выводовъ, то павѣрное трудъ его былъ бы весьма желаннымъ и цѣннымъ вкладомъ въ русскую науку. Точно также могутъ и должны быть рассматриваемы вопросы о противорѣчіяхъ въ Гомеровскихъ поэмахъ, о повтореніяхъ, подражаніяхъ, заимствованіяхъ, о такъ называемыхъ центонахъ, объ эпизодичности повѣствованія, о пробѣлахъ въ развитіи отдѣльныхъ мотивовъ и проч.. и проч. Старательное разыясненіе этихъ и подобныхъ вопросовъ интересныхъ не для однихъ филологъ-классиковъ, гораздо вѣрѣ и скорѣе, нежели самыя уточненія построенія поэтическихъ древнихъ произведеній не-поэтами нашего времени, приведутъ насъ къ пониманію того, какимъ способомъ и съ какими цѣлями создавались въ еллинской до-исторической древности Гомеровскія поэмы.

Ф. Мишленко.

Стихотворенія А. В. Кольцова. Первое полное собрание подъ редакціей П. В. Быкова, съ биографическимъ очеркомъ, критическими статьями, примѣчаніями, портретомъ и 39-ю рисунками и виньетками. С.-Пб. 1892.

Исполнившееся 29-го октября 1892 года пятидесятилѣтіе со дnia смерти А. В. Кольцова, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало цѣлый рядъ изданій его стихотвореній. Почти всѣ они представляютъ перепечатку изданія г. Солдатенкова, повторившаго первое посмертное изданіе 1846 г. Лучшее изъ нихъ редактировано Арс. И. Введенскимъ (Сборникъ *Нива*. ноябрь 1892 г., и отдельно), который внесъ стихотворенія, не появившіяся въ посмертномъ изданіи, а также произведенія изъ черновыхъ тетрадей Кольцова, напечатанныя Малыхинымъ—въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1867 г.¹). Въ концѣ декабря прошлаго года вышло еще изданіе, въ приложеніи къ журналу *Всемирная Иллюстрація*, подъ редакціей П. В. Быкова, названное „первымъ полнымъ собраниемъ стихотвореній Кольцова“. Такое наименование съ первого раза поставило насъ въ недоумѣніе, такъ какъ и изданіе 1846 г., и изданіе г. Введенского тоже названы „полными собраниями“ и имѣютъ на то несомнѣнное право. Въ первомъ изъ нихъ были со-

¹) Изданіе разрѣшено цензурою 14 го октября и вышло 1-го ноября, такъ что упрекъ Истомина (*Русск. Филолог. Вѣстк.* 1892, № 4) въ новой ошибкѣ г. Введенского, то-есть, въ невѣрной датировкѣ дnia рождения и смерти Кольцова, несостоятеленъ. Ошибка указана была только 24-го октября, и г. Введенскій не могъ уже исправить ее.

бранны стихотворенія, разбросанныя по журналамъ и сборникамъ, дополненныя цѣльмъ рядомъ произведеній, напечатанныхъ прямо съ рукописей, въ послѣднее же было внесено почти все опущенное первыми редакторами или имъ неизвѣстное.

Подробное разсмотрѣніе и сличеніе изданія г. Быкова съ предшествующею ему работой г. Введенского привело насъ къ нѣкоторымъ неожиданнымъ результатамъ. Оставивъ въ сторонѣ виѣшность изданія, мы ограничимся главнымъ образомъ разборомъ текста произведеній Кольцова, данного г. Быковымъ, и примѣчаніями. Сознаемся, что многія изъ нашихъ замѣчаній носятъ слишкомъ мелочной характеръ, но для выясненія достоинствъ и недостатковъ изданія они существенно необходимы.

Въ предисловіи г. Быкова ни слова не говорить о томъ, извѣстно ли ему изданіе г. Введенского. Судя, однако, по тому, что въ примѣчаніяхъ не разъ повторяется фраза: „стихотвореніе въ настоящемъ собраніи появляется впервые“, можно съ увѣренностью предполагать, что г. Быковъ сознается въ своемъ незнаніиѣ съ предшествующею работой. Такое незнаніе могло бы быть поставлено ему въ вину.

Отличіе изданія г. Быкова отъ изданія его предшественника состоить прежде всего въ томъ, что у первого стихотворенія Кольцова расположены въ хронологическомъ порядкѣ (впрочемъ, какъ укажемъ ниже, плохо выдержанномъ), г. же Введенскій оставилъ принятое въ изданіи 1846 г. дѣленіе стихотвореній на три группы.

Новаго въ разсматриваемомъ трудѣ, въ сравненіи съ изданіемъ г. Введенского очень немного. Г. Быковымъ указано, что піеса „Красавицѣ“ появилась въ первый разъ въ *Пантеонѣ* 1840 г. (только не въ III ч., а въ IV стр. 25), указаны ничтожные варианты „Божьяго міра“ (128, срвн. Введенского 89), „Неразгаданной Истины“ (128, срвн. Введенского 90). Г. Быкову принадлежитъ также домыселъ, высказанный, впрочемъ, очень увѣренно, о томъ, что стихъ „Проходи, *полз*, баринъ“ (пзд. 1846) въ піесѣ „Какъ здоровъ, да молодъ“ измѣненъ, въ силу цензурныхъ условій, въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1843 г. такъ: „Проходи самъ баринъ“. Домыселъ этотъ, однако, не имѣть за собою твердыхъ оснований, уже въ виду того, что приведенные варианты явились всего на разстояніи трехъ лѣтъ. Въ рукописяхъ Кольцова изъ собранія П. Я. Дацкова, которыми мы пользовались, есть два списка этого стихотворенія. Первый въ тетради 1840—42 гг. читается: „Проходи понъ, баринъ“, написанная же сбоку строка: „Проходи самъ баринъ“

зачеркнута. Въ собственоручныхъ рукописяхъ Кольцова, находившихся въ бумагахъ Бѣлинского и снабженныхъ любопытными замѣчаніями автора, эта строка также читается: „Проходи, попъ, баринъ“: при чемъ, подъ стихотвореніемъ приписано: „Если нельзя напечатать: Проходи, попъ, баринъ, то можно замѣнить: Проходи самъ баринъ или: черта, дьявола. Какъ найдете лучше, такъ и поставьте“. Знакомымъ съ рукописями Кольцова, который посыпалась имъ Бѣлинскому, известно, что нашъ поэтъ нерѣдко выбирать того или иного варианта предоставляемъ знаменитому критику, вполне полагаясь на его поэтическое чутье. Итакъ, здѣсь не цензурная замѣна, а оба варианта принадлежать Кольцову.

На 138 стр. читаемъ у г. Быкова слѣдующее, несомнѣмъ ясное, примѣчаніе: „Стихотвореніе *Еще старая пѣсня* взято изъ *Русскаго Архива* 1871 г. Эта пьеса по складу и по всему (?) очень мало напоминаетъ Кольцова“ Рукопись „Еще старой пѣсни“ (объ Иванѣ Грозномъ) сохранилась въ бумагахъ Бѣлинского, равно какъ и рукопись другой „Старой пѣсни“ (также объ Иванѣ Грозномъ), напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1843 г. и у г. Быкова (стр. 83) безъ всякихъ замѣнъ.

Мы вполнѣ соглашаемся съ высказаннымъ г. Быковымъ сомнѣніемъ (стр. 138) въ принадлежности Кольцову двухъ пѣсень „Вянеть травка осеню“ и „Пламенѣя, горя“ напечатанныхъ въ первый разъ въ *Литературной Газете* 1848 г. Слѣдовало бы эти пѣсни не печатать рядомъ съ несомнѣнными Кольцовскими стихотвореніями, а отнести ихъ въ конецъ книги, къ разряду приписываемыхъ. Не знаемъ, почему именно г. Введенскій въ своемъ изданіи полагаетъ время ихъ написанія въ 1842 г. (стр. 86). Къ сожалѣнію, г. Быковъ вовсе не остановился на вопросѣ о принадлежности Кольцову пѣкоторыхъ думъ. вопросъ любопытнъ и важнъ. Г. Введенскій посвятилъ ему всего нѣсколько словъ. Жаль, что оба редактора не сослались на брошюру Сталинского „Кольцовъ и Сребрянскій“ (Воронежъ 1868 г., изъ газеты *Дома*)¹⁾.

¹⁾ Кстати, не мѣшало бы, наконецъ, установить правильное написаніе фамилии земляка Кольцова. По документамъ, онъ — Сребрянскій. Такъ пишутъ и настаиваютъ на этомъ Сталинский (стр. 6), Звѣревъ („Бесѣдникъ“, соч. А. Сребрянского. Воронежъ. 1892), Вейнбергъ (*Истор. Вѣстн.* 1893. № 1, 196 стр.). Та же подпись стоитъ въ черновой тетради № 6. (Срвн. Описание Де-Шуле *Рус. Арх.* 1864 г., стр. 13). Тѣмъ не менѣе Бѣлинскій, Де-Шуле, Малыхинъ, а за ними почти всѣ другіе биографы, пишутъ ошибочно *Серебрянскій*.

Интересны также два стихотворения, напечатанные въ *Сынъ Отчества* 1839 г., съ подписью *Льсника*: „Эхъ не во время тучи мрачныя“, „Не булатный ножъ рѣжетъ грудь мою“ Г. Быковъ выразился о нихъ довольно глухо: „Взяли мы и двѣ русскія пѣсни, помѣщенные въ *Сынъ Отчества* за подписью *Льсника*, несомнѣнно принадлежащиа ему (то-есть, Кольцову), такъ какъ эти самыя пѣсни находятся и въ черновыхъ тетрадяхъ поэта“. Кроме этихъ неопределенныхъ словъ, во всемъ изданіи нѣтъ ни одного указанія на то, какія именно это стихотворенія. Между тѣмъ, сравнительно съ черновыми тетрадями Кольцова (*Отечественные Записки* 1867 г.), текстъ этихъ стихотвореній имѣть въ *Сынъ Отчества* не безынтересные варианты. Можно предполагать, что текстъ въ *Сынъ Отчества* былъ подправленъ, не всегда, впрочемъ, удачно. Такъ, въ третьей строкѣ втораго изъ названныхъ стихотвореній исправлено:

Забралась ли туда злодѣйка-грусть—
вмѣсто:

Забралась туда лиходѣйка-грусть.

Приведенными немногими указаніями изданіе г. Быкова полнѣе работы г. Введенского. Обращаясь къ тексту и примѣчаніямъ, даннѣмъ г. Быковымъ, мы находимъ, что изданіе въ этомъ отношеніи отличается порядочною небрежностью. Прежде всего, мы не понимаемъ, почему редакторъ ввелъ произвольныя измѣненія въ текстъ. Въ пьесѣ „Урожай“ мы у г. Быкова (стр. 33) читаемъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли.

Въ *Современникъ* 1836 г.:

Дремлетъ колосомъ.

То же въ изданіи 1846 г.: только и послѣднемъ стихѣ, очевидно, вслѣдствіе опечатки, читается: „до земли“ вмѣсто народнаго „до земи“. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ ошибочно исправлено:

Дремлетъ колосомъ.

Ошибка повторилъ и г. Быковъ. Между тѣмъ, при этой поправкѣ фраза становится безмыслиемъ. Какъ рожь *дремлетъ* колосомъ до земли? *Дремлетъ*—народное выраженіе—означаетъ: качается и снова выпрямляется.

Другой примѣръ. Совершенно напрасно г. Быковъ замѣняетъ „Всѧкому свой таланъ“ на талантъ (стр. 77). Что разумѣть подъ выражениемъ:

Было кромѣ много дѣвушекъ
И хорошихъ и талантливыхъ—?

Таланъ въ народномъ языке означаетъ счастье, удачу; *талантливый*—*счастливаю, удачливаю*.

Въ стихотвореніи „Перепутье“ Кольцовъ отъ лица своего героя противополагаетъ прожитую имъ бурную жизнь жизни спокойной, наполненной мелкими интересами. Вотъ характеристика послѣдней:

Сидѣть дома, болѣть, стариться,
Съ старикомъ отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйствовать,
Ребятишкамъ сказки сказывать.

Болѣть въ народномъ языке значить: толстеть, полнѣть, добрѣть. *Болѣть* читаемъ въ автографѣ Кольцова, въ собраніи рукописей П. Я. Дашкова, въ изданіи 1846 г., напечатанномъ съ рукописей поэта, въ изданіи г. Введенскаго (стр. 72); то же чтеніе удерживается и въ позднѣйшихъ изданіяхъ г. Солдатенкова. Между тѣмъ, г. Быковъ внесъ произвольную поправку: *болѣть* вмѣсто *боготь*. *Боготь* вовсе не вяжется съ контекстомъ.

Рядомъ съ этими поправками стоять, быть можетъ, чтеніе: *по мылому дружку* (стр. 135) вмѣсто: *по милу дружку*. Къ такого же рода небрежностямъ относится чтеніе: „*Въ нихъ головка моя*“ вмѣсто: „*Въ миа*“ (стр. 133) и тому подобная мелкая неточности и ошибки, перечислять которыхъ мы не станемъ.

Что касается распределенія стихотвореній, то, по заявлению г. Быкова, они размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ; въ конецъ отнесены пьесы безъ означенія года и тѣ, которая отыскались по отпечатаніи первыхъ листовъ. Но хронологическій порядокъ нарушенъ внесеніемъ въ рядъ съ пьесами 1839 г. стихотворенія 1837 г. „Ура“. Тринадцать стихотвореній, появленіе которыхъ отнесено къ 1838—1840 гг., напечатаны послѣ стихотвореній 1842 г. Всѣ они, впрочемъ, попадаютъ въ конецъ не потому, что были отысканы позже, а просто по небрежности, такъ какъ почти всѣ они взяты изъ черновыхъ рукописей, напечатанныхъ Малыхинымъ, изъ коихъ нѣкоторые стихотворенія помѣщены г. Быковымъ на свое мѣсто. Но и при обозначеніи хронологии не обошлось безъ ошибокъ. Такъ, ошибочно отнесены: „Старая пѣсня“ къ 1840 вмѣсто 1841 (срвн. изд. Введенскаго, 83), „А. П.

Сребрянскому" къ 1840 вмѣсто 1829. „Не булатный ножъ" къ 1838 вмѣсто 1839, „Письмо къ Кашкину" къ 1838 вмѣсто 1829, „Мѣщанская любовь" къ 1838 вмѣсто 1829, „Пѣснь русалки" къ 1838 вмѣсто 1829, Пѣсня „Эхъ не во время" къ 1838 вмѣсто 1839, „Рыцарь" къ 1839 вмѣсто 1827, „Теремъ" къ 1839 вмѣсто 1829, „Не мѣ винимать" къ 1839 вмѣсто 1829, „Мщеніе" къ 1839 вмѣсто 1829, „По надѣ Дономъ" къ 1839 вмѣсто 1829. Къ небрежности и вытекающей отсюда невыдержанности плана изданія мы относимъ помѣщеніе г. Быковымъ въ текстъ слабыхъ начальныхъ опытовъ Кольцова, какъ „Тоска о милой", „Рыцарь". тогда какъ другія стихотворенія изъ тетради первыхъ опытовъ Кольцова (1825—1827 гг.) отнесены къ приложеніямъ. Изъ пяти напечатанныхъ послѣдними стихотвореній (стр. 101—103), безъ означенія дать, можно „Еще старую пѣсню" отнести къ 1841, по аналогіи съ первой „Старою Пѣснью". „Эпитафія" же относится несомнѣнно къ концу 1841 г., такъ какъ два стиха изъ нея находятся въ письмѣ Кольцова къ Малышову 1841 г.¹⁾.

Интересенъ фактъ появленія стихотворенія 1837 г. „Ура" между пьесами 1839 г. Въ примѣчаніи (стр. 132) читаемъ: „Ура во всѣхъ изданіяхъ выброшено. Въ настоящемъ же изданіи является впервые". Откуда же оно является—неизвѣстно. Отмѣтимъ, что это стихотвореніе отыскано въ *Литературныхъ Прибавленияхъ* г. Введенскимъ (Его изд., стр. 48).

Въ общемъ, г. Быковъ не пошелъ дальше г. Введенского въ своихъ изысканіяхъ. Такъ, ему остались неизвѣстными письма Кольцова къ Краевскому, напечатанныя въ *Древней и Новой Россіи* (1879. № 3), и что всего удивительнѣе—подлинники которыхъ хранятся рядомъ съ рукописями Кольцова въ бумагахъ Краевскаго, на которыхъ г. Быковъ ссылается. Къ одному изъ этихъ писемъ приложенъ списокъ стихотвореній (до 1836 г.), составленный самимъ Кользовымъ, съ обозначеніемъ времени ихъ написанія. Съ помощью этого списка точнѣе опредѣляются даты цѣлаго ряда стихотвореній Кольцова. Даѣте, вмѣстѣ съ г. Введенскимъ, г. Быковъ не отыскалъ въ старыхъ журналахъ: пѣсни „Если встрѣчуясь съ тобой" (*Московскій Наблюдатель* 1839, т. II). „Къ N" (*Листокъ* 1831, стр. 82). „Въ полѣ вѣтеръ вѣтеть" (*Московскій Наблюдатель* 1839, I). „Деревенская бѣда" (*Ibid.*); не указалъ, что въ *Русскомъ Архивѣ* 1875, (т. III) напечатаны изъ бумагъ Бѣлинскаго, съ нѣкоторыми вариантами, стихотворенія: „Грусть дѣ-

¹⁾ Воронежская бесѣда 1861, стр. 421

вушка", „Шекспиръ", „Гдѣ вы, дни мои", „Жалоба", „Много есть у меня" и „Ночь"; не привель варіантовъ къ „Вздоху на могилѣ Веневитинова", къ стихотвореню: „Не время ль намъ оставить" и даты „Мира музыки".

Что касается датъ другихъ стихотвореній, то интересно отыскать, что г. Быковъ повторилъ некоторые случайные ошибки, сделанныя г. Введенскимъ. Такъ, у того и у другого ошибочны даты: 1) „Тоски по волѣ"—5 сентября 1839 г. вмѣсто 2 сентября, 2) „Что ты спишишь, мужичекъ"—5 сентября 1839 г.—вмѣсто 25 сентября, 3) „Перепутья"—14 августа 1840 г. вмѣсто 11 июля 1840 г.. 4) „Расчета съ жизнью"—8 декабря 1840 г. вмѣсто 9 декабря 1840 г. Оба редактора ссылаются на *Отечественные Записки*, где помѣщены всѣ эти стихотворенія; но если у г. Введенского тутъ ошибка, недосмотръ, то у г. Быкова—занимствованіе у г. Введенского, безъ означенія источника. Какъ иначе объяснить и тотъ фактъ, что „Эпитафія" (стр. 103) напечатана съ пунктуацией г. Введенского (стр. 150), а не *Библиографическихъ Записокъ*, где она явилась впервые? Почему этому экспромту дано въ рассматриваемомъ изданіи то же заглавіе, что и г. Введенскимъ?

Что г. Быковъ пользовался, и очень усердно, работой своего предшественника, не сославшись на нее ни разу, для насъ не подлежитъ сомнѣнію. За это говорить то, что нового у г. Быкова очень мало. что онъ повторилъ ошибки, принадлежащи исключительно г. Введенскому; но главнымъ образомъ, противъ него свидѣтельствуютъ Кольцовскія рукописи.

Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ его изданіи *описанія* всѣхъ тѣхъ рукописей, на которыхъ есть ссылки. У г. Быкова *ни одной* болѣе точной ссылки на рукописи, чѣмъ у г. Введенской. Послѣдній далъ краткое описание тетради изъ бумагъ Жуковскаго; оно словно повторяется г. Быковымъ. Что касается стихотвореній Кольцова изъ бумагъ Краевскаго, то тутъ у г. Быкова глухія ссылки точно такія же, какъ и у его предшественника, хотя можно было бы дать болѣе точныхъ указаний. Напримеръ, „Осень" и „Разувѣреніе". вмѣстѣ съ пьесой „Что значу я" написаны на большой четверкѣ, въ сборникѣ писемъ къ Краевскому. Удивительно, какъ это г. Быковъ не пользовался рукописью „Что значу я", зная о рукописяхъ „Осени" и „Разувѣреніе" (стр. 118, 119, 15, 124), хотя первое стихотвореніе стоитъ въ рукописи раньше двухъ послѣднихъ. Что касается рукописи „Разувѣренія" то вслѣдъ за г. Введенскимъ, и г. Быковъ ни-

чего не говорить о *характерѣ поправки* стиха „Совѣтъ не то, какъ прежде снілось“ На стр. 128, въ примѣчаніяхъ, читаемъ: „*Великое Слово*. Въ другомъ спискѣ на одномъ листкѣ съ цвесами *Могила. Молитва* читается“¹⁾). Между тѣмъ, въ Импер. Публ. Библіотекѣ всѣ три стихотворенія находятся на отдельныхъ листкахъ, разныхъ форматовъ. Ошибка же г. Быкова произошла отъ непониманія слѣдующаго примѣчанія г. Введенскаго (стр. 156): „Вторая рукопись на отдельномъ листкѣ, *также какъ* и стихотворенія „*Могила*“ и „*Молитва*“. Стихотвореніе „*Послѣдняя борьба*“ въ рукописи безъ даты, равно какъ и всѣ стихотворенія въ тетради Жуковскаго. Дата же г. Введенскимъ взята изъ *Отечественныхъ Записокъ* 1841 г. но съ ссылкою на рукопись (стр. 132); ту же неточность допускаеть и г. Быковъ.

Еще яснѣе его заимствованія въ приведеніи варіантовъ „Лѣса“ („О чѣмъ шумить, сосновый лѣсъ“, изд. Введенскаго, 100 стр.; изданіе Быкова 133). Дѣло въ томъ, что г. Введенскій, приводя варіанты по двумъ рукописямъ, въ концѣ должно быть, по недосмотру перепуталъ ихъ. То же и у г. Быкова. Текстъ *первой* рукописи (при письмѣ къ Жуковскому) былъ уже известенъ въ печати (*Русский Архивъ* 1871, № 2). Другой же варіантъ—въ тетради стихотвореній Кольцова, принадлежавшей В. А. Жуковскому. Главное отличіе второй рукописи—то, что третья строфа въ ней занимаетъ мѣсто второй и обратно. Ссылка на рукопись „Лѣса“ у г. Быкова самая неопределѣленная.

Еще два примѣра усерднаго подражанія г. Быковымъ своему предшественнику, при чѣмъ повторены неточности послѣдняго. Въ рукописи восьмая строка стихотворенія „Не разливай волшебныхъ звуковъ“ читается: „Въ твоихъ видѣньяхъ разовѣютъ“ (вмѣсто: разольютъ). Въ стихотвореніи „Такъ и рвется душа“ (изданіе Быкова, стр. 134. Введенскаго, стр. 69) пропущенный въ печатномъ изданіи куплетъ по счету пятый, а не четвертый.

Не останавливаясь на другихъ неточностяхъ, происшедшихъ отъ пользованія рукописными текстами Кольцова только по указаніямъ г. Введенскаго, мы думаемъ, что и приведенныхъ примѣровъ достаточно для ознакомленія съ приемами г. Быкова. Укажемъ еще одну любопытнѣйшую ссылку г. Быкова на рукопись „Божьяго мїра“ (стр. 128): „Въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки напечатано.... и т. д.; послѣ стиха.... напечатано“ Не служить ли этотъ *lapsus calami* доказательствомъ тому, что г. Быковъ не пользовался

¹⁾ Срв. также примѣчаніе къ двумъ послѣднимъ стихотвореніямъ.

рукописями Императорской Публичной Библиотеки, а просто заимствовали указания на нихъ изъ издания г. Введенского?

Мы указали выше на ошибки г. Быкова въ хронологическомъ распределении стихотворений, въ приведеніи вариантовъ. Можно отмѣтить еще, что перепутанъ порядокъ примѣчаний (стр. 120—121), не указано кое-что отмѣченное у г. Введенского, именно, что пьеса „Аль, зачѣмъ меня замужъ выдали“ появилась въ *Московскомъ Наблюдателе* 1838 г., „Старая пѣсня“ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1843 г. и т. п.

Что касается биографии Кольцова, то она составлена по Де-Пуле. Всѣдѣль за биографией перепечатаны статьи о Кольцовѣ Бѣлинского и Вал. Н. Майкова.

А. Линецкій.

Ѣ вопросу о покореніи Сибири.

Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и материаловъ преимущественно Пермскомъ краѣ. Александра Дмитриева. Выпукъ IV: Строгановы и Ермакъ. Издание автора. Пермь. 1892. XIV+194+II.

Главный интересъ этого тома „Пермской старинѣ“ заключается въ разрѣшеніи вопроса о покореніи Сибири. Покорилъ ли Сибирь самъ Ермакъ безъ всякой посторонней поддержки, или ему помогали въ этомъ дѣлѣ Строгановы? и если помогали, то добровольно, или по принужденію Ериака? Для каждого изъ этихъ трехъ предположеній можно найти данные въ источникахъ для начальной исторіи Сибири, и въ ученой литературѣ по этому вопросу есть сторонники всѣхъ трехъ взглядовъ, но ни одинъ изъ этихъ взглядовъ не можетъ считаться окончательно рѣшающимъ вопросъ. Это можно заключить хотя бы ужъ изъ того, что послѣ С. М. Соловьевъ, приписывавшаго всю честь покоренія Строгановы и сдѣлавшаго вѣскія возраженія противъ другихъ взглядовъ, все-таки подымались голоса, противорѣчившіе знаменитому историку. Такъ Д. И. Иловайскій въ своей „Исторіи Россіи“ нашелъ возможнымъ утверждать, что въ дѣлѣ покоренія Сибири „починъ былъ об юдный, но со стороны казаковъ болѣе добровольный, а со стороны Строгановыхъ болѣе вынужденный обстоятельствами“¹⁾. А въ прошломъ году г. Новокрещенныхъ выступилъ съ

¹⁾ „Исторія Россіи“, т. III, стр. 388—389.

брошюрою, въ которой отрицаетъ какое-бы то ни было „участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движениі Русскаго государства на Востокъ“¹). Разъ возможны такія противорѣчивыя мнѣнія, то ясно, что вопросъ требуетъ кореннаго пересмотра. Что-же дѣлаетъ г. Дмитриевъ? Онъ подробно излагаетъ мнѣнія всѣхъ ученыхъ, говорившихъ о покореніи Сибири, и затѣмъ заявляетъ, что самъ онъ становится на сторону Карамзина, Соловьева и Л. Н. Майкова, которые считаютъ достовѣрѣйшимъ источникомъ лѣтопись Строгановскую и, слѣдовательно, именитыхъ солеваровъ инициаторами въ предприятіи Ермака.

Но изъ простаго пересказа мнѣній никакъ нельзя сдѣлать такого вывода. Если подумать о томъ, на какихъ основаніяхъ зиждутся всѣ три теоріи, то станетъ ясно, что эти основанія крайне шатки и не даютъ возможности примкнуть къ той или другой группѣ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, отецъ сибирской исторіографіи, Герардъ Фридрихъ Миллеръ, и отчасти Д. И. Иловайскій придерживаются того мнѣнія, что Строгановы помогали Ермаку, но единственно въ виду насилия со стороны казаковъ. Такъ изложено дѣло въ Ремезовской лѣтописи. Почему-же названные историки отдали пріоритетъ этому источнику? Миллеру трудъ Семена Ремезова понравился исключительно своею подробностью, а Д. И. Иловайскій не приводить никакихъ доводовъ въ пользу своего источника. Но если ни Миллеръ, ни Иловайскій не привели доказательствъ достовѣрности Ремезовской лѣтописи, то изъ этого еще нельзя вывести, что названный источникъ не заслуживаетъ довѣрія. Нѣтъ, но онъ еще не оцѣненъ, какъ слѣдуетъ. Хотя Ремезовъ и писалъ въ Нетровскую эпоху, онъ могъ однако пользоваться для своего труда хорошими источниками. Л. Н. Майковъ, тщательно изучившій сибирскія лѣтописи, утверждаетъ, что въ рукахъ Ремезова были какіе-то „особые источники, неизвѣстные другимъ лѣтописцамъ“²). Надо, слѣдовательно, отыскать эти „неизвѣстные источники“, и только тогда возможна будетъ правильная оцѣнка Ремезовской лѣтописи и мнѣнія, основанного на ней.

Что покореніе Сибири есть дѣло рукъ Строгановыхъ, снарядившихъ и отправившихъ Ермака за Ураль по собственной инициативѣ,

¹) Материалы къ изученію Пермскаго края. Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движениі Русскаго государства на Востокъ въ XVI столѣтіи. Н. Новокрещеныхъ. Цернь. 1892.

²) „Хронологическая сиравка по поводу трехсотѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ“ статья въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1881 г., сентябрь, стр. 27.

это мнѣніе высказалъ Карамзинъ, опираясь на Строгановскую лѣтопись, которую онъ считалъ „достовѣрнѣе всѣхъ иныхъ и сочиненію, какъ вѣроятно, около 1600 году“ ¹). Но и Карамзинъ не привелъ никакихъ доводовъ въ пользу древности и достовѣрности Строгановской лѣтописи. Небольсинъ, типичнѣйший представитель треть资料а инѣнія, выступилъ со специальнымъ изслѣдованиемъ о, покореніи Сибири, выяснилъ бездоказательность мнѣнія Карамзина и, опираясь на Осиповскую (или, какъ ее обыкновенно называютъ, Есиповскую) лѣтопись ²), пришелъ къ тому выводу, что „дѣло обошлось проще, безъ всякаго знанія со стороны Строгановыхъ: Ермакъ, прибывъ на Чусовую, могъ своей рукой властной, безъ излишней и несвойственной ему деликатности, обобрать чусовскихъ крестьянъ и скрыться такъ, что его и слѣдъ простылъ.“ ³) Противъ Небольсина и въ защиту Карамзина выступилъ Соловьевъ ⁴), который попытался разбить доводы первого и дать обоснованіе мнѣнію втораго. Совмѣстное разсмотрѣніе книги Небольсина и возраженій Соловьева въ значительной мѣрѣ облегчить намъ задачу выясненія основаній, на которыхъ держатся мнѣнія сторонниковъ Строгановской лѣтописи и ея противниковъ.

Доводы Небольсина въ пользу большей достовѣрности Осиповской лѣтописи сводятся къ слѣдующему: „Лѣтопись Есипова, не смотря на реторику и фразерство, кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость, безъ особыхъ увлечений въ чью либо личную пользу; она заключаетъ въ себѣ обсто-

¹) *Карамзинъ*, И. Г. Р., т. IX, глава VI и примѣч. 644.

²) Мы пишемъ „Осиповъ“, и „Осиповская лѣтопись“, а не „Есиповъ“ и „Есиповская лѣтопись“, какъ приято. Первая мысль о возможности начертанія „Осиповъ“ явилась у насъ, когда мы увидали его въ предисловіи къ Строгановской лѣтописи. Это написаніе стало намъ казаться болѣе правильнымъ, когда мы убѣдились, что, составляя предисловіе къ Строгановской лѣтописи, Спасскій имѣлъ въ виду болѣе хороший списокъ, чѣмъ присланный Беркомъ. Роль *experimenti cucus* въ этомъ недоумѣніи сыграла для насъ слѣдующее соображеніе. Въ послѣдователіи въ печатной редакціи Осиповской лѣтописи имя автора изображено числительными буквами, при чемъ первая буква „отчны“ обозначена такъ: „первая буква *трубамъ*, еже есть *Е*“. Но *Е*—звукъ мягкий, а соответствующій ему „грубый“ есть *О*. Значить, тутъ мы имѣемъ дѣло съ ошибкой переписчика. Итакъ—Савва „Осиповъ“, а не „Есиповъ“

³) Покореніе Сибири. Историческое изслѣдованіе *Павла Небольсина*. С.-Пб. 1849, стр. 73—74.

⁴) Исторія Россіи и д., т. VI, Дополненія. I. Замѣтка относительно за-воеванія Сибири.

ятельства, которые служили поводомъ къ ея осуществленію, поименовываетъ автора, указываетъ время составленія и не скрываетъ, что лѣтописецъ распространилъ свой подлинникъ, который онъ самъ руководствовался". Далѣе Небольсинъ нападаетъ на Строгановскую лѣтопись: „Другая лѣтопись неизвѣстнаго автора. Она повторяетъ многое, что есть у Осипова, но еще болѣе округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложениями, всюду блеститъ цвѣтами краснорѣчія, употребляя обороты и выраженія, которые обличаютъ составленіе ея въ позднѣйшее время... Всѣ эти обстоятельства заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ лѣтопись Осипова, а кое-какія особенности усугубляютъ это недовѣrie и заставляютъ подвергнуть ее строгой критикѣ... Авторъ выводить событія, не подтверждаемыи никакими офиціальными актами, и прибавляетъ, гдѣ только возможно, то, что можетъ дать ложный блескъ имени Строгановыхъ". Далѣе Небольсинъ доказываетъ невозможность предположенія Карамзина, будто бы Строгановская лѣтопись составлена около 1600 года: „она въ самомъ началѣ говорить о Сибирской архіепископіи, тогда какъ первая архіепископія учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, а въ самомъ концѣ говорить о строеніи городовъ и церквей, объ очищениіи „всехъ сибирскія земли“, о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири и о распространеніи христіанства между инородцами, что и заставляетъ насъ относить эту лѣтопись по крайней мѣрѣ ко второй половинѣ XVII столѣтія; можетъ быть, она и еще позже составлена" ¹⁾.

Приведемъ теперь возраженія М. С. Соловьевъ ²⁾. Прежде всего онъ говоритъ, что изложеніе Осипова нельзя назвать простымъ и внятнымъ: „Стонть только заглянуть въ главы III, VI, VIII.... Неужели это не претензія на ученость, говоря о Сибири, толковать объ Италии, говоря о Кучумѣ, наполнять цѣлую главу толками о Моисѣѣ? И можно ли найти что-либо подобное въ Строгановской лѣтописи?" Противъ того, что Осиповская лѣтопись указываетъ свои источники и время составленія, Соловьевъ ничего не возражаетъ; это—фактъ, и фактъ очень важный, такъ какъ онъ облегчаетъ оцѣнку самой лѣтописи. Далѣе Соловьевъ обвиняетъ Осипова въ томъ, что онъ „обнаживаетъ явное пристрастіе къ своему герою, Ермаку, для чего умалчиваетъ о призваніи его Строгановыми". (Небольсинъ же обвиняетъ

¹⁾ Небольсинъ, стр. 7—8.

²⁾ Въ дополненіи къ VI тому „Исторіи Россіи“.

другую лѣтопись въ пристрастіи къ Строгановымъ, потому что она говорить объ этомъ призванії! Но вѣдь въ томъ то и дѣло, чтобы выяснить, призывали Строгановы Ермака, или нѣтъ, а пока этотъ фактъ не установленъ, имъ нельзя пользоваться, какъ опорнымъ пунктомъ, при критикѣ лѣтописей. Соловьевъ находилъ возможнымъ считать призваніе Ермака фактомъ несомнѣннымъ, потому что о немъ упоминается въ одной изъ царскихъ грамотъ къ Строгановымъ. Однако достаточно разказать обстоятельства, при которыхъ появилась эта грамота, чтобы усомниться въ достовѣрности сообщаемыхъ ею фактовъ. Въ тотъ самый день, когда Ермакъ пошелъ противъ Кучума, целимскій князекъ напалъ на Пермскую землю, страшно разорилъ Чердынское воеводство, не получивъ никакого отпора со стороны воеводы Василия Пелепелицина, и безнаказанно ушелъ домой. Воевода, боясь царского гнѣва, послалъ въ Москву отписку, въ которой всю вину сваливалъ на Строгановыхъ и, обвиняя ихъ въ разныхъ преступленіяхъ, старался грозу опалы направить со своей головы на голову именитыхъ солеваровъ. И это удалось. Царь повѣрилъ воеводской отпискѣ и послалъ Строгановымъ опальную грамоту, въ которой по обычаямъ приказанаго языка, цѣликомъ повторяется отписка Пелепелицына. Грамота эта обвиняетъ Строгановыхъ въ томъ, что Целимское разореніесталось ихъ измѣнною. Они де вогуличей, и вотяковъ, и целимцевъ отъ царского жалованья отвели, задирали ихъ, войною на нихъ ходили, да задоромъ своимъ ссорили царя съ сибирскимъ салтаномъ, а потомъ еще, призвавъ къ себѣ волжскихъ атамановъ-воровъ, наняли въ ост Rogi. Эти атаманы и казаки и прежде ссорили царя съ ногайскою ордою, пословъ ногайскихъ на волжскихъ перевозахъ избивали, ардо-базарцевъ грабили и убивали, русскимъ людямъ много грабежей и убытковъ причиняли.—и вотъ теперь, вмѣсто того чтобы покрыть свою вину и оберегать Пермь, они вмѣстѣ со Строгановыми стали воровать, какъ и прежде, на Волгѣ. Въ тотъ самый день, въ который къ Чердыни пришли вогуличи, въ тотъ же день Ермакъ съ товарищами пошли изъ Строгановскихъ остроговъ воевать вогуличей, а Перми ничѣмъ не пособили; „и то все сталося вашимъ воровствомъ и измѣнною“ Показаніе воеводы, заинтересованного въ томъ, чтобы представить Строгановыхъ ворами и измѣнниками, едва ли можетъ считаться незыблемою опорой для исследователя. Далѣе Соловьевъ опровергаетъ мнѣніе Небольсина относительно времени составленія Строгановской лѣтописи: „объ архіепископіи говорится не въ началь лѣтописи, а въ заглавіи ея, которое, исконно, написано не со-

ставителемъ ея, а позднейшимъ переписчикомъ. Что-же касается до извѣстія о распространеніи евангельского ученія во всѣхъ концахъ Сибирской земли, то это очень можно было сказать въ началѣ XVII вѣка: подъ Сибирскою землею разумѣлось не то, что мы теперь называемъ Сибирью, пространство отъ Уральскихъ горъ до Восточного океана, но Сибирь въ тѣсномъ смыслѣ, царство Кучумово.⁴⁾ Допустимъ, что дѣйствительно заглавіе принадлежитъ позднейшему переписчику и что мнѣніе Небольсина опровергнуто. Но вѣдь и въ пользу мнѣнія Ка-рамзина не дано ни одного довода. Слѣдовательно, нельзя утверждать, что Строгоновская лѣтопись поздняго происхожденія, но нельзя сказать и того, что она написана около 1600 года. Вопросъ остается открытымъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Небольсинъ пытался указать на нѣкоторыя фактическія несообразности („капитальную ложь“, какъ онъ выражается) въ Строгановской лѣтописи, но Соловьевъ прекрасно объяснилъ, что всѣ эти несообразности только кажущіяся, и поэтому мы на нихъ останавливаться не будемъ. Одно только возраженіе Небольсина осталось не опровергнутымъ, а между тѣмъ это возраженіе довольно вѣкое: дѣло въ томъ, что „еслибы Строгановы посыпали Ермака воевать Сибирь,—они послали бы его туда въ надлежащую пору, при началѣ лѣта, а не осенью, какъ это въ самомъ дѣлѣ случилось, когда не было разумной цѣли посыпать туда людей на зиму и самою природою препятствовать исполненію собственныхъ плановъ... 1-го сентября 1581 года Ермакъ не могъ идти въ Сибирь съ цѣлью покорить ее: онъ могъ бѣжать туда съ цѣлью грабить татаръ“¹⁾.

Мы привели главныя доказательства въ пользу Строгановской и Осиповской лѣтописей и полагаемъ, что изъ нашего краткаго разбора ясно, на сколько шатки основанія обоихъ антагонистовъ. До сихъ поръ не опредѣлено, которая изъ двухъ лѣтописей древнѣе, до сихъ поръ не выяснена достовѣрность источниковъ той и другой. А между тѣмъ кое-что въ этомъ отношеніи можно сдѣлать.

Разсмотрѣніе сибирскихъ лѣтописей всего удобнѣе будетъ начать съ лѣтописи Саввы Осипова. Она напечатана была Григоріемъ Спас-скимъ въ издававшемся имъ *Сибирскомъ Вѣстникѣ*, въ первой части за 1824 годъ, по рукописи, доставленной въ редакцію В. Н. Берхомъ. Савва Осиповъ былъ дьякомъ Сибирскаго архіепископа и окончилъ свою лѣтопись, какъ видно изъ послѣдовія къ ней. 1-го сентября

¹⁾ Небольсинъ 71.

7145 (1636) года. Но списокъ Берхъ позднѣйшій и относится по крайней мѣрѣ къ серединѣ XVII столѣтія, такъ какъ въ немъ упоминается о прїѣздѣ въ Тобольскъ архіепископа Герасима, бывшемъ въ 1641 году. Уже изъ этого упоминанія вытекаетъ то, что переписчикъ не ограничился точнымъ копированіемъ лѣтописи Осипова, а сдѣлалъ къ ней кое-какія добавленія. Но можно доказать и то, что переписчикъ даволилъ себѣ и пропуски, такъ что рукопись Берхъ представляетъ не просто списокъ Осиповской лѣтописи, а скорѣе позднѣйшую редакцію ея. Дѣло въ томъ, что тотъ же Г. Спасскій въ 1821 году выпустилъ отдѣльной книжкой другую сибирскую лѣтопись, за которую въ наукѣ утвердилось название Строгановской, и въ предисловіи къ этому изданію сказалъ нѣсколько словъ объ Осиповской лѣтописи, при чёмъ сдѣлалъ изъ нея слѣдующую выдержку: „Самъ Осиповъ изъясняется о своемъ труде слѣдующими словами: Содѣльшался во дни и роды наши и о прочихъ венцахъ кіаждо изложихъ по словамъ, да не трудомъ вся обрящутся. О царствѣ же Сибирскомъ и о княженіяхъ написахъ изъ лѣтописца Татарскаго, достовѣрно изъпытахъ, еже добрѣ!”¹⁾ Ничего подобнаго мы не находимъ въ лѣтописи, напечатанной въ 1824 году. Очевидно, что въ 1821 году въ рукахъ Спасскаго была другая редакція Осиповской лѣтописи, въ которой находились эти строки. Эту потерянную редакцію надо считать болѣе близкою къ подлинной рукописи тобольского дьяка, чѣмъ напечатанную впослѣдствіи, потому что, если виолѣ понятіе пропускъ со стороны позднѣйшаго переписчика, то нельзѧ сказать того-же о позднѣйшей вставкѣ подобнаго характера: въ самомъ дѣлѣ, для чего было переписчику вносить въ число источниковъ Осипова такія лѣтописи, о которыхъ самъ Осиповъ ничего не говорить. Другой пропускъ обнаруживается изъ сопоставленія Осиповской лѣтописи съ Ремезовской (Кунгурской). На этой послѣдней мы подробнѣе остановимся нѣсколько ниже, а теперь укажемъ только на то, что Ремезовъ несомнѣнно въ самой толковой части своего труда пользовался лѣтописью Саввы Осипова или общимъ съ нею источникомъ. Для доказательства этого достаточно будетъ, какъ намъ кажется, слѣдующаго сопоставленія:

¹⁾ „Лѣтопись Сибирская, содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли Русскими, при царѣ Ioannѣ Васильевичѣ Грозномъ, съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событий. Издана съ рукописи XVII вѣка. С.-Пб. 1821“ Стр. VI.

Осиповская лѣтопись.

Глава ХХIII. Того-же лѣта во время великаго поста прииде Каравча со многими воинскими людьми и облегша градъ Сибирь обозомъ и табары поставиша. Самъ же Каравча ста въ пѣкоемъ мѣстѣ, иже зовомъ Саусканъ, отъ града яко три поприща, многую тѣсноту граждакомъ чиниша, и тако стояще до пролѣтія, еще тогда-же бысть мѣсяцъ іюнь, въ тоже время изыдаша казаки изъ града въ тай и придоша къ станамъ Каравинимъ въ Саусканъ и нападша иношю, они же спище безъ всякаго опасенія, и побиша множество нечестивыхъ татаръ; двухъ сыновъ Каравинихъ убира, прочие-же Татара разбѣгощася врознь. Каравча-же и съ нимъ немнозіи за езеро убѣгша.

Достаточно прочесть эти отрывки, чтобы убѣдиться, что оба автора рассказываютъ не только про одно и то же событие, но и въ близкихъ выраженияхъ. Подобную стилистическую близость нельзя объяснить, конечно, исключительно какъ заимствование. Но такъ какъ Ремезовъ писалъ уже въ Петровскую эпоху, следовательно, гораздо позже Осипова, то должно заключить, что Ремезовъ въ данномъ случаѣ отнюдь не могъ служить образцомъ для Осиповской лѣтописи; скорѣе—напротивъ.

Заручившись этимъ выводомъ, пойдемъ дальше и сдѣлаемъ еще одно сопоставление, для которого возьмемъ главу, следующую за вышеупомянутой.

Осиповская лѣтопись.

Глава ХХIV Въ лѣто 7092 посланиемъ Божіимъ уготовася часть и придоша на воинскихъ людей смерть. Придоша вѣстницы въ Сибирь къ Ермаку съ товарищи и повѣдаша имъ, яко царь Кучумъ не пропустилъ въ Сибирь Бухарцовъ; Ермакъ же не со многими воинскими людьми пойде на встрѣчу ихъ по рѣкѣ Иртышу на стругахъ, доехше до рѣки Вагай Бухарцовъ не обрѣте, и паки шель по Вагаю вверхъ, до мѣста зовомъ

Ремезовская лѣтопись.

Статья 94. Того-же 99 году, марта въ 12 день въ великой посты пришедъ Каравча подъ Сибирь со многими вои и облаже градъ обозами и табарами. Самъ же ста въ Саусканской лукѣ, отъ града 3 поприща, и стоя до пролѣтія, и многую гибельную проруху козакомъ нанесе гибельно.

Ст. 95. Того-же 92, маія въ 9 день, моляся Ермакъ и козаки Богу и святителя Николу чудотворца на помощь призыва, изыдаша изъ града тайно и доехши до станамъ Каравинимъ, и нападша на нихъ иношю; онѣмъ же жившимъ безъ всякаго опасенія, и 2 сына Каравинихъ убира, овіи-же врознь разбѣгощася и Каравча съ тремя человѣки за езеро убѣгаль.

Ремезовская лѣтопись.

Статья 98. По попущенію Божію въ лѣто 7092, авгуستа въ 1 день, вѣстницы изъ степи придоша, яко-же Кучумъ Бухарцовъ не пропустить въ Сибирь. Ермакъ-же вскорѣ возставъ съ 50 человѣки, и пойде вверхъ по Иртышу на стрѣчу Бухарцовъ въ стругахъ, и въ Ачитской луки черезъ селокъ перекла учники; и до усть Вагая рѣки доехъ, а Бухарцовъ не обрѣТЬ, и вверхъ по Вагаю до Атбашу доиде, и оттой возвратиша

Атбашъ, и не обрѣте, и оттолѣ возвратися; пришедши же иноци, ко-
заки же утрудишасть отъ многаго пути,
доидоша-жъ до перекопа и ту обначе-
вшася и поставиша стани своя, стра-
жи же крѣпко не утвердиша и ослабѣ-
ша умы своими, яко приходить смерт-
ный часъ. Царь уарѣ ихъ и повелѣ
тоя иноци крѣпко стрещи, и многихъ
татаръ по многимъ мѣстамъ разсла.

Въ данномъ случаѣ, какъ въ предыдущемъ, мы видимъ полную стили-
стическую близость Ремезова отъ Осипова, быть можетъ, даже и замы-
ствование первого у втораго. Но если обратить вниманіе на подчеркнуту-
тую въ текстѣ Ремезова фразу, то станетъ ясно, что она положительно
необходима въ контекстѣ, такъ какъ безъ нея совершенно не понятно,
про какую „перекопъ“ говорится въ дальнѣйшемъ изложеніи. Между
тѣмъ ее у Осипова нѣтъ, а находить мы ее лишь у Ремезова, и
объяснить это обстоятельство возможно только такимъ образомъ, что
въ первоначальной редакціи Осиповской лѣтописи, или въ общемъ
первоисточникѣ обѣихъ лѣтописей, подчеркнутая фраза существовала,
но въ рукописи Берха выпущена, а Ремезовъ, пользуясь болѣе
неправильнымъ текстомъ, сохранилъ намъ ее.

Итакъ, все вышесказанное даетъ намъ возможность утверждать,
что печатный текстъ Осиповской лѣтописи не воспроизводить вполнѣ
первоисточника: въ печатномъ текстѣ есть вставки и пропуски. Эти
послѣдніе очень характерны: переписчикъ выбрасываетъ мѣста очень
цѣнныя, следовательно, онъ не можетъ считаться особенно толковымъ
человѣкомъ. Все это послужить намъ точкою опоры въ дальнѣйшемъ
изложеніи.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса объ источникахъ Оси-
повской лѣтописи.

Въ послѣдовавшемъ къ нечатному тексту мы читаемъ слѣдующія строки:
„Иное написахъ съ писанія прежде мене списавша ильчто, и стѣ-
нило ильчто бѣ рѣчю; азъ-же распространихъ, бесѣдуя къ вашей
любви, иже будеть изволивый прочитати лѣтописи сея. Ино-же отъ
достовѣрныхъ мужей испытахъ, иже очима своимъ видѣша и быша
въ та лѣта“ ¹⁾). А приведенная выше выписка изъ предисловія къ
Строгановской лѣтописи прибавляется къ этимъ двумъ источникамъ
еще третій: „О царствѣ же сибирскомъ и о княженіяхъ написахъ отъ

¹⁾ Сибирскій Вѣстникъ 1824 г., I, стр. 173—174.

лѣтописца татарскаго, достовѣрно испытахъ, еже добрѣ¹⁾). Какой именно татарской лѣтописью пользовался Осиповъ, для насъ не важно. Гораздо интереснѣе разрѣшить вопросъ о томъ, что надо разумѣть подъ тѣмъ краткимъ лѣтописцемъ, который Осиповъ распространилъ и положилъ въ основу своего повѣствованія. Ученые авторитеты, Карамзинъ, Соловьевъ, а впослѣдствіи Л. Н. Майковъ, полагаютъ, что Осиповская лѣтопись есть передѣлка Строгановской. Но, если сличимъ эти двѣ лѣтописи, то увидимъ, что въ Строгановскомъ лѣтописи есть глава о Сибирскихъ царяхъ до Ермака, похожая, какъ двѣ капли воды, на соотвѣтствующую главу Осиповской лѣтописи, слѣдовательно, Осиповъ нѣвѣрно сказалъ, что пользовался татарскою лѣтописью: онъ взялъ это изъ Строгановской. Точно также остается непонятнымъ, что именно взято изъ преданій о походѣ Ермака: всѣ сообщенные имъ факты есть и въ Строгановской лѣтописи. И тутъ, стало быть, Осиповъ сказалъ неправду. Наконецъ, согаль онъ и въ томъ, что распространилъ свой оригиналъ: Осиповская лѣтопись отнюдь не можетъ считаться распространениемъ Строгановской. Итакъ, мнѣніе Карамзина и его защитниковъ можно признать справедливымъ только въ томъ случаѣ, когда мы рѣшимся все послѣ слово Осиповской лѣтописи счесть ложью. Но прежде чѣмъ положить такое пятно на память архиепископскаго дьяка, попробуемъ, нельзя ли какимъ нибудь другимъ образомъ рѣшить вопросъ объ источникахъ Осиповской лѣтописи.

Вѣмъ, занимавшимся исторіей Сибири, извѣстно, что начало сибирскому лѣтописанію положено первымъ тобольскимъ архиепископомъ Кипріаномъ, который повелѣлъ разспросить соратниковъ Ермака, какъ они пришли въ Сибирь, гдѣ у нихъ были битвы съ „ногаинами“, и кто изъ ихъ отряда палъ въ этихъ бояхъ. Когда всѣ требуемыя свѣдѣнія были доставлены, Кипріанъ распорядился записать имена убитыхъ въ соборный синодикъ и возглашать въ недѣлю Православія. Обо всемъ этомъ сообщаетъ намъ Савва Осиповъ. Но разъ существовала запись Кипріана, и при томъ существовала въ Тобольскомъ соборѣ, то удивимся ли мы, если дьякъ сибирского архиепископа воспользовался этой записью для составленія своей лѣтописи?

Но въ какой же части его лѣтописи слѣдуетъ искать слѣды Кипріановой записи?

Трудъ Саввы Осипова, раздѣленный на 40 главъ, не есть собственно лѣтопись, то-есть, простое погодное изложеніе событий безъ

¹⁾ „Лѣтопись Сибирская“, стр. VI.

всякой внутренней связи; это — совершенно цѣльное произведеніе съ опредѣленіемъ фабулой и цѣлью. Авторъ хотѣлъ разказать, какимъ образомъ страна, подчиненная бусурманскому царю и служащая идоламъ, перешла во власть царя православнаго и просвѣтилась Христовыми ученіемъ. Свою повѣсть Савва Осиповъ начинаетъ съ описанія Сибири и ея судѣй до пришествія Ермака (главы I—IV), далѣе разказываетъ о походѣ казаковъ до смерти ихъ вождя (главы VII—XXIV), послѣ которой всѣ завоеванія были утрачены, и казаки вернулись назадъ (глава XXV), а татары снова заняли Сибирь (глава XXVI). Но тутъ приходятъ московские воеводы и снова прогоняютъ татаръ. Борьба продолжалась еще нѣсколько времени, но русскіе уже прочно утвердились за Ураломъ: построили города, смирили икородцевъ, начали распространять христіанство (главы XXVII—XXXIII). Со смертью Кучума (глава XXXIV) присоединеніе Сибири можетъ считаться свершившимся фактомъ: некому уже больше оспаривать ее у русскихъ. И вотъ въ XXXV, заключительной, главѣ Осиповъ описываетъ послѣдствія присоединенія Сибири, именно, что „солнце евангельское землю Сибирскую осія и исаломскій громъ огласи“. Задача лѣтописца исполнена. Картина получается совершенно цѣльная. Больше ему не о чёмъ говорить. И онъ самъ это чувствуетъ. Слѣдующая, XXXVI глава, заключаетъ въ себѣ такія строки: „Имѣюще помочь, и исправляше лѣтописи сія, еже бо взятіе Сибири и о побѣдѣ сице в.... Сентября 1 день“. Эти слова должны бы служить заключительными. а между тѣмъ послѣ нихъ идутъ еще 4 главы. Что-же заключается въ этихъ добавочныхъ главахъ? для чего онѣ прибавлены?

Вотъ начало первой изъ нихъ: „Въ лѣто 7129¹⁾ Божіимъ изволеніемъ. повелѣніемъ и т. д.... поставленъ бысть въ Сибирь, въ Тобольскъ первый архіепископъ Кипріанъ. бывшій прежде ва Хутынѣ архимандритомъ. и во второе лѣто первопрестольства своего возпомяну атамана Ермака Тимофеева сына съ дружиною, и повелѣ разспросити Ермаковыхъ казаковъ, како они пріодоша въ Сибирь, и гдѣ съ погаными были бои, и кого гдѣ убили погани на браніи. Козаки же пріесоша къ нему писаніе сіе, како пріодоша въ Сибирь, и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и гдѣ козаковъ и ково именно у нихъ убила. Онъ-же добрый пастырь, попечепіе имѣя о нихъ. и повелѣ убитыхъ имена написати въ церкви Софіи Премудрости Божіей, въ соборной церкви синодикъ, и въ православную недѣлю кликати повелѣ съ про-

¹⁾ Годъ показанъ ошибочно: Кипріанъ назначенъ въ 7125 году.

чими пострадавшими за православие вѣчную память, а имена ихъ въ синодикѣ написаны“¹⁾.

Далѣе идеть перечисление послѣдующихъ епископовъ, совершенно начиная не связанное ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, наоборотъ, прерывающее связь повѣствованія. Въ виду этого мы считаемъ этуть перечень позднѣйшою вставкой, тѣмъ болѣе что какъ разъ въ немъ и встрѣчается архіепископъ Герасимъ, о которомъ мы говорили выше.

Непосредственно за этой вставкою слѣдуетъ краткій разказъ о томъ, какъ казаки пришли въ Сибирь и гдѣ сражались съ непріятелями. Послѣ каждой битвы указано, что павшимъ въ ней слѣдуетъ возглашать вѣчную память большую, или малую, или среднюю. Заключительная фраза гласитъ: „и имена ихъ въ синодикѣ написаны, гдѣ которые убіени; здѣ же о семъ оставихъ, я се написахъ къ своему измѣненію“²⁾.

Этути краткій разказъ и есть, по нашему мнѣнію, запись Кипріана, составленная на основаніи казацкихъ „сказокъ“ и занесенная въ Софійскій синодикъ. Мы уже выше показали, что было-бы удивительно, еслибы Осиповъ не зналъ записи Кипріана, съдовательно, вполнѣ естественно встрѣтить ее въ его лѣтописи. Съ другой стороны, самый ходъ мысли въ добавочныхъ главахъ подтверждаетъ наше предположеніе. Въ самоиѣ дѣлѣ, Осиповъ, уже окончивъ свое произведеніе, сообщаетъ, что въ 1622 году прѣхалъ архіепископъ Кипріанъ, вспомнивъ про Ермака, велѣлъ узнать отъ уцѣлѣвшихъ его соратниковъ, какъ они покорили Сибирь, и собранныя такимъ путемъ свѣдѣнія занесъ въ синодикъ,—и затѣмъ Осиповъ приводить самую запись цѣликомъ, не выбрасывая изъ нея даже указаний, кому какую вѣчную память возглашать. Наконецъ, эта запись какъ разъ выполняетъ всю программу, поставленную Кипріаномъ; нѣтъ только именъ убитыхъ, но и эти имена, очевидно, пропущены Осиповымъ умышленно, о чёмъ онъ и самъ говорить: „а имена ихъ въ синодикѣ написаны“. Фраза эта драгоцѣнна. Въ ней можно видѣть прямое указаніе на то, что дополнительные главы взяты цѣликомъ изъ синодика.

Теперь отвѣтимъ и на второй вопросъ, для чего Осиповъ прибавилъ къ своей лѣтописи послѣднія 4 главы. Дѣло въ томъ, что запись Кипріана была основнымъ источникомъ для Осипова. Онъ цѣликомъ

¹⁾ Сибирскій Вѣстникъ, стр. 167—168.

²⁾ Сибирскій Вѣстникъ, стр. 173.

внесъ ее въ свой трудъ и сдѣлалъ изъ нея канву, въ которую вплѣлъ разказы татарской лѣтописи и современниковъ Ермака. Для доказательства сопоставимъ текстъ записи Кирилана съ соответствующими мѣстами Осиповской лѣтописи.

Запись Кирилана.

Въ лѣто 7089 при державѣ Благочестиваго Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича Всея Россіи Самодержца, избра Богъ и послъ не отъ славныхъ мужъ, ни царска повелѣнія воеводъ очистити мѣсто святыни и побѣдить бусурманскаго царя Кучума и разорити богомерзкай и нечестиваяхъ капища, идѣже быша возгнезденіе звѣремъ и водвореніе сириновъ, но на тѣхъ мѣстахъ поставиша гради и воздвигоша святыхъ Божіихъ церкви, въ прибѣжїиѣ православныи христіанамъ и въ славословіи Отца и Сына и Святаго Духа; ио отъ простыхъ людей избра Богъ и вооружи славою и ратоборствомъ и вольностю атамана Ермака Тимофеева сына Новольского со единомыслиемъ и прелюбезною дружиною, храбровавшою; забыша бо свѣта сего всю честь и славу, и плотскую сладость, и смерть въ животъ преложиша, и восприимши щатъ истинныи вѣры, и утвердившося мужественно, и показавше храбрость свою предъ нечестивыми и вси глаголюще: достоинъ умрети за Святыхъ Божіихъ церкви и за истину вѣру пострадати и благочестивому Царю послужити, яко не отъ многихъ воиновъ побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога; можетъ бо и безнomoицными помощи не противляющихся Агарянъ; и вся сія совершишася Божіими промысломъ. И пріодоша сіи воини въ Сибирскую землю безстрашии, въ ихъ нечестивые улусы, и противніи собрашеся въ уреченному мѣстѣ у рѣки Иргыша на берегу подъ Чувашевымъ и насьшеся множество ихъ, яко трави сельни, и бысть съ

Лѣтопись Осипова.

Глава VII. Лѣта 7089 въ державѣ Благочестиваго Государа Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича Всея Россіи Самодержца, (Гл. VIII) послъ Богъ очистить мѣсто и побѣдить бусурманскаго царя Кучума и раззорити нечестивая и богомерзкай капища, о еже быша возгнезденіе звѣрей и водвореніе сириновъ; избра бичъ не отъ славныхъ мужъ, ни царскаго повелѣнія воеводъ

и вооружи славою и ратоборствомъ атамана Ермака Тимофеева сына и съ нимъ 540 человѣкъ,

забыша бо сія свѣта сего честь и славу, и смерть въ животъ преложиша и возпріемши щатъ истинныи вѣры, и утвердившося мужественно, и показавши храбрость передъ нечестивыми... и вси глаголюще: достойно умереть за истину вѣру и пострадать за православіе и благочестивому Царю послужити, не отъ многихъ бо вой побѣда бываетъ, но отъ Бога свыше (мы взяли изъ VII-ой главы только фразы, слово въ слово повторяющія записи Кирилана, и выпустили всѣ риторическія прікрасы Осипова).

(Битва подъ Чувашевымъ съ большими подробностями разказана Осиповымъ въ VIII главѣ)

ними бой великий октября въ 23 день, и взявшемъ православное воинство нечестивыхъ Божію помощьюъ, якоже класы. На томъ мѣстѣ убіеннымъ вѣчна память большая.

То же зими Ермаковѣ дружинѣ безъ опасенія идущимъ къ рыбной ловлѣ подъ Ябалакъ, внезапу на стани ихъ нападоша ионцію и побиша. На томъ дѣлѣ убіеннымъ вѣчна память меньшая.

Во второе лѣто по Ермаковѣ убіенії¹⁾, по сибирскому взятіи храбровавшему Ермаку со своею дружиною, и обнажиша мечи своя на нечестивъ и воеваша по рѣкѣ Иртышу и по великой Оби, и Назимской городокъ Остянской взяша, и со княземъ ихъ и со многими Остяки. На томъ дѣлѣ убіеннымъ вѣчна память средняя.

Въ третіе лѣто по Сибирскому взятіи прислали Караба думчай царевъ пословъ своихъ Ермаку и товарищи по люди, оборонити его отъ казачьи орды, и Ермакъ по совѣту своего товарства поѣдиша ихъ нечестивому и безбожному шерствованію, пустиша къ нему, Караби, атамана Колыца да съ нимъ 40 человѣкъ, и сіи сами предашася въ руки нечестивымъ и тамо вси избіени быша. И на томъ дѣлѣ убіеннымъ вѣчна память большая.

Въ четвертое лѣто по Сибирскому взятіи августа... день придоша вѣстницы къ Ермаку съ товарищи отъ Бухарцовъ торговыхъ людей, что де ихъ царь Кучумъ не пропустить, и Ермакъ на встрѣчу бухарцамъ пойде и доидоша до рѣки Вагая и обличевшася на переколи, поганіемъ надсмотриша ихъ и нападоша на стани ихъ ионцію, но посланіемъ Божіимъ уготовися часъ и приде на воиновъ

Глава XV. Ермаковѣ дружинѣ безъ опасенія идущимъ къ рыбной ловлѣ къ иѣкоему уроціцу, иже именуется Ябалакъ, поставиша станъ свой и почина безъ стражи. Царевичъ же Маметкуль, пришедъ на нихъ,.. поби ихъ.

Глава ХІХ. Храбровавшу Ермаку съ дружиною своею по всей сибирской землѣ... (далѣе риторическая вставка) многіе городки и улусы по рѣкѣ Иртышу и по великой Оби и Назимской городокъ взяния Остянской со княземъ ихъ и со всѣмъ богатствомъ...

Глава XXII... придоша къ Ермаку отъ Караби послы и просили людей отъ обороны для Казачьи орды; даша же на томъ шерствованіе по своей вѣрѣ, что никакова зла не мыслить. Ермакъ же съ товарищи пословѣтова и поѣдиша ихъ безбожному и лукавому шерствованію и отпустиша къ нему атамана именемъ Ивана Колыцива и съ нимъ 40 человѣкъ. И егда придоша сіи къ нечестивому Карабѣ, и внезапу избіени быша отъ нечестиваго Караби.

Въ лѣто 7092... придоша вѣстницы въ Сибирь къ Ермаку съ товарищи и поѣдиша имъ, яко царь Кучумъ не пропустилъ въ Сибирь Бухарцовъ. Ермакъ же не со многими воинскими людьми пойдѣ на встрѣчу ихъ по рѣкѣ Иртышу... обличавшеся. Царь узрѣ ихъ... нападоша на нихъ... Божіими судьбами приде на воиновъ смерть..

¹⁾ Должно быть „пришествія“

смерть, и тамо все избієни быша, и на томъ дѣлъ убіенныи и Ермаку, иже изволи имъ Богъ животъ скончати, вѣчная память, возгластъ больши. И имена ихъ въ синодикѣ написаны, гдѣ которые убіени.

Убіеніе-жъ бысть мѣсяца августа въ 5 день.

Простаго сопоставленія достаточно, чтобы убѣдиться, что именно Кипріанова запись и есть то „писаніе прежде писавшаго иѣчто и стѣсняемо иѣчто рѣчью“, о которомъ говорить Осиповъ въ послѣсловіи. Принимая этотъ выводъ, мы снимаемъ съ Осипова обвиненіе въ лживости, и все послѣ словіе объясняется вполнѣ удовлетворительно: въ основу своей лѣтописи Осиповъ положилъ запись Кипріана, дѣйствительно расширивъ ее цвѣтами собственного краснорѣчія; затѣмъ, вступительные главы (I—VI) написаны по татарской лѣтописи. Все остальное собрано самимъ Осиповымъ отъ участниковъ завоеванія Сибири, которые могли дожить до 1636 года. Нѣть ничего невѣроятнаго и въ томъ предположеніи, что Осиповъ сталъ собирать разказы у казаковъ задолго еще до окончанія своей лѣтописи.

Чтобы покончить съ Осиповскою лѣтописью, мы отмѣтимъ еще основную точку зреїнія его на покореніе Сибири. По его разказу. Ермакъ самъ пришелъ съ Волги, самъ задумалъ покорить Сибирь и безо всякой посторонней поддержки, со своими 540 казаками исполнилъ это предпріятіе. Но затѣмъ, чувствуя свою слабость, послалъ нѣсколькихъ товарищѣй прямо въ Москву и передаль новое завоеваніе въ руки царя, войска котораго и покончили дѣло, начатое Ермакомъ.

Ядро Строгановской лѣтописи совершенно тождественно съ лѣтописью Саввы Осипова. Но Осиповъ—сибирякъ, и его интересуетъ одна только Сибирь; авторъ же Строгановской лѣтописи живеть на рубежѣ Европы и Азіи, въ пермскихъ вотчинахъ именитыхъ солеваровъ, и его интересъ раздваивается: для него важно не только покореніе Сибири, но и судьбы Строгановыхъ, которыхъ онъ считаетъ главными инициаторами въ дѣлѣ покоренія Сибири. Поэтому Строгановская лѣтопись начинается съ разказа о томъ, какъ Строгановы утвердились въ бассейнѣ р. Камы; затѣмъ идутъ свѣдѣнія о борьбѣ ихъ съ окрестными инородцами, далѣе—извѣстіе о призваніи съ Волги Ермака и о его двухлѣтнемъ пребываніи въ Пермскомъ краю. Только послѣ этихъ предварительныхъ главъ (1—10) лѣтописецъ сообщаетъ объ отправкѣ Ермака въ Сибирь, но тутъ же опять возвращается къ берегамъ Чусовой и разказываетъ, какъ въ одинъ день съ выступленіемъ Ермака

Шелымский князь разгромил и Чердынское воеводство и Строгановскую вотчины. Такимъ образомъ, событиямъ по сю сторону Урала въ Строгановской лѣтописи отведено болѣе $\frac{1}{3}$ всего числа страницъ (26 изъ 69). Но вотъ Ермакъ въ Сибири. Тутъ начинается полное сходство съ Осиповской лѣтописью, продолжающееся включительно до предпослѣдней главы, которая близка къ заключительной (XXXV) главѣ Осиповской лѣтописи. Но какъ въ Осиповской лѣтописи есть добавочные главы, такъ и въ Строгановской вслѣдъ за заключительную главою помѣщена еще одна (37-я), озаглавленная „о ясачномъ сборѣ“ Въ ней авторъ опять возвращается къ Строгановымъ и пишетъ имъ панегирикъ за услуги, оказанныя правительству въ дѣлѣ присоединенія инородцевъ, а кромѣ того сообщаетъ, что Строгановы иѣкоторое время завѣдывали сборомъ ясака со вновь поступившихъ въ московское подданство племенъ. Такимъ образомъ, первая и послѣдняя страницы посвящены Строгановымъ, и, если къ этому прибавить чѣста въ серединѣ лѣтописи, говорящія тоже объ именитыхъ людяхъ, то выйдетъ, что имъ посвящена цѣлая половина Строгановской лѣтописи. Это и естественно, такъ какъ авторъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что Строгановы и Камскій бассейнъ заселили, Строгановы и восточную границу государства отъ инородцевъ обороили, Строгановы и Ермака призвали и въ походъ его спарадили, давъ ему въ подмогу 300 человѣкъ „своихъ ратныхъ людей ливы и нѣмецъ, и татарь, и русскихъ людей буйственныхъ и храбрыхъ предобрыхъ воиновъ“ да кромѣ того „удоволиша ихъ (то-есть, идущихъ въ Сибирь) мздою, и одѣяніемъ украсиша ихъ, и оружіемъ огненнымъ: пушечки и скорострѣльными пищали семинядмыми, и запасы многими... и вожевъ, иѣдущихъ туть Сибирскій путь, и толмачевъ бусурменскаго языка имъ даша“¹⁾). Понятно, въ виду всего этого, почему Ермакъ, занявъ Сибирь, прежде всего извѣшаетъ объ этомъ Строгановыхъ, а тѣ докладываютъ объ этомъ царю и получаютъ отъ него въ награду „городы Соль Большую, еже есть на Волгѣ, и Соль Малую“, да кромѣ того милостивую грамоту „за красною печатью, за приписью посольского дѣлака Андрея Щолканова“²⁾). Понятно также, что вся честь покоренія Сибири принадлежитъ Строгановымъ. Такова точка зрѣнія Строгановской лѣтописи. Но замѣтимъ, что Осиповъ не даетъ ни одного факта, подтверждающаго ея правильность, и даже наоборотъ, въ одномъ пункѣ,

¹⁾ „Лѣтопись Сибирская“, стр. 17—18.

²⁾ Ibid., стр. 45—46

и пунктъ очень важномъ, противорѣчить ей. Именно, Осиповъ упоминаетъ, что съ Ермакомъ въ Сибирь пришло 540 человѣкъ, а по Строгановской лѣтописи именно такое количество казаковъ привез Ермакъ съ Волги, а Строгановы дали ему еще 300 человѣкъ, такъ что въ общемъ Ермакъ отправился въ Сибирь съ 840 воинами. Которая изъ лѣтописей заслуживаетъ большаго довѣрія, мы постараемся разобрать ниже, а теперь разсмотримъ, какими источниками располагалъ составитель Строгановской лѣтописи.

На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить царскія грамоты именитыми солеварами, которая авторъ нашелъ въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ. Большинство грамотъ этихъ было неоднократно напечатано, и никто не сомнѣвается въ томъ, что авторъ Строгановской лѣтописи пользовался ими, такъ что мы, не останавливаясь на доказательствахъ этого факта, ограничимся только перечисленіемъ тѣхъ главъ разбираемой лѣтописи, которая составлены на основаніи царскихъ грамотъ. Это будутъ, вонервыхъ, главы, говорящія о получении Строгановыми правъ на земли по среднему теченію Камы и по ея притокамъ, на бассейнъ Чусовой и на область Тобоза. Изъ грамотъ же почерпнутъ фактъ призыва Ермака, упоминаемый въ гибнѣніи посланіи Іоанна Грознаго къ Строгановымъ по поводу набѣга Пелымскаго князя. Изъ этого же посланія взяты фактъ и дата Пелымскаго вторженія и выступленія Ермака въ Сибирь. Пожалованіе Строгановыми Соли Большой и Соли Малой также упоминается въ одной изъ царскихъ грамотъ. Затѣмъ, подробности борьбы Строгановыхъ съ инородцами и отношений между Ермакомъ и именитыми солеварами почерпнуты изъ неизвѣстного намъ источника. Можетъ быть, онѣ написаны по преданіямъ, сохранившимся въ Пермскомъ краѣ, а можетъ быть, тутъ мы имѣемъ дѣло съ домыслами автора. Которое изъ этихъ предположеній вѣроятнѣе, скажемъ опять-таки ниже, когда будемъ решать вопросъ о томъ, по чьей инициативѣ былъ предприняты походъ Ермака въ Сибирь. Для опредѣленія треть资料а источника необходимо сдѣлать сопоставленіе между Строгановской и Осиповской лѣтописями. Возьмемъ наиболѣе рельефный примѣръ—рассказъ „о бѣгствѣ Кучума изъ града Сибири“.

Осиповская лѣтній съ.

Царь Кучумъ, стоя на горѣ высокѣ, юже именовахъ и прежде, видѣхъ своихъ паденіе, повелѣтъ мулламъ своимъ кликати скверную свою молитву и при-

Строгановская альбомность.

Царь Кучумъ, стояще на высотѣ
мѣстѣ и, видѣвъ своихъ татаръ па-
дение и сына своего Маметкула уяз-
вленіе и бѣгство скоро, повелѣ мѣд-

зывать на помощь скверные свои боги; и не быть имъ помощи отъ нихъ, ни послѣшнія. Въ тоже время князцы Остяцкіе отъидаша каждо во свояси. Царь же Кучумъ, видя царства своего лишеніе, рече сущимъ съ нимъ: побѣжимъ не медливше, сами видите всего лишеніе, силыни изнемогота, храбріи избіени быша. О горе, о злете миѣ! Увы, Увы! Что сотворю, камо побѣжу? Покры срамота лице мое. Кто ми побѣди, напрасно ми изъ царства изгна? Отъ простыхъ людей Ермакъ не со многими вои пришедъ и толико зла сотвори, воя моя изби и посрами. А то беззакониче не вѣсть, яко чадъ родитель своихъ ради страждеть, ово гладомъ и наготою, ово по грѣхомъ и отъ завѣръ скоту снѣдену. За твою, беззакониче, скверну Богъ вся видя и обратися болѣзнь чужая на главу твою, неправда же твоя на тя снide. Такожь и онъ самъ на ся рекъ, къ сену же глагола: азъ побѣдихъ во градѣ Сибири царя Етигера и Бекбулата и многая богатства пріобрѣтъхъ, придохъ и побѣдихъ и отъ кого-жъ послать, корысти ради и величія.

Прибѣже во градъ царь Кучумъ и взя мало нѣчто отъ сокровищъ своихъ, и вдашася невозвратному бѣгству со всѣми вои своими и градъ же свой Сибирь оставилши пустъ.

дамъ своимъ кликати свою скверную бусурменскую молитву; и начаша призывать къ себѣ на помощь скверные свои боги и не быть имъ ни мало помощи. И въ то время князи Остяцкіи отъидаша съ своими людьми каждо во свояси. Царь же Кучумъ видѣ свою погибель и царства своего и богатства лишеніе рече ко всѣмъ своимъ съ горькимъ плачемъ: о, мурзы и уланове! Побѣжимъ, не медлимъ, сами бо видите царства своего лишеніе. сильніи наши изнемогота, и храбріи воини всеи побѣдены быша. О, горе миѣ! Что сотворю, или камо побѣжу? Покры срамота лице мое. Кто ми побѣди и царства моего лишихъ? Простыхъ бо людей *послаша на мя Строганова изъ своихъ острожсковъ, свои миѣ житити собыи, атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи, не со многими своими людьми*, и той насть нашедъ побѣди, толико намъ зла сотвори, воинство мое избиша и сына моего узвиша, еле жива отъ нихъ уведоша, и мене самого посрами и отъ царства моего отва. Обратися болѣзнь моя на главу мою и неправда моя снide на мя; азъ бо чужая съ радостю пріяхъ, русскую землю *воевалъ, Перъ Великую и Строгановыя острожки, а нынѣ* всего своего лишенъ быхъ, и самъ побѣженъ бысть; нѣсть бо тоя радости на земли, иже не примѣнится на жалость.

И прибѣже оконный во градъ Сибирь и взя мало нѣчто отъ сокровищъ своихъ, и вдашася невозвратному бѣгству, а градъ Сибирь оставилши пустъ.

Стилистическое сходство обоихъ отрывковъ положительно бѣть въ глаза. Замѣствованіе несомнѣнно. Но мы уже выяснили, что среди источниковъ Осипова нѣть мѣста для Строгановской лѣтописи; следовательно, очевидно, что авторъ Строгановской лѣтописи пользовался очень широко Осиповской. Подобная сопоставленія мы могли бы сдѣлать въ большомъ количествѣ, но ограничимся однимъ приведеннымъ и сдѣлаемъ по поводу его еще нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего мы находимъ тутъ прекрасное подтверждение того, что Осиповская лѣтопись не можетъ считаться распространениемъ Строгановской, скорѣе—наоборотъ. Съ другой стороны, подчеркнутыя выраженія даютъ прекрасный образчикъ того, какъ авторъ Строгановской лѣтописи старается кстати и некстати вставить нѣсколько строкъ о Строгановыхъ. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, нравственная точка зрѣнія Осиповской лѣтописи гораздо шире, чѣмъ въ Строгановской, но авторъ послѣдней не гонится за моралью, лишь бы лишній разъ упомянуть о пермскихъ богачахъ. Любопытно также, какъ близко оба текста сходятся въ этомъ мѣстѣ въ выраженіяхъ и какъ тѣмъ не менѣе далека Осиповская лѣтопись отъ малѣйшаго подозрѣнія о существованіи Строгановыхъ. Еслибы дѣйствительно Осиповъ передѣльвалъ Строгановскую лѣтопись, то надо было бы удивляться той споровкѣ, съ которой онъ, сохранивъ почти цѣлкомъ свой оригиналъ, сумѣлъ выбросить изъ него всѣ намеки на Строгановыхъ и *ихъ помощь* и замѣнить совершенно инымъ смысломъ.

Итакъ, третьимъ источникомъ Строгановской лѣтописи былъ трудъ Саввы Осипова. Но мы знаемъ, что текстъ Осиповской лѣтописи существовалъ въ двухъ редакціяхъ. Которую же пользовался авторъ Строгановскаго лѣтописца? Несомнѣнно, древнѣйшую. Это доказывается тѣмъ, что въ тѣхъ частяхъ Строгановской лѣтописи, которая заимствована изъ Осиповской, мы встрѣчаемъ извѣстія, не заключающіяся въ печатномъ текстѣ послѣдней, но во всѣхъ этихъ случаяхъ можно указать доводы въ пользу того, что эти пропуски лежать всецѣло на переписчикѣ Берковской рукописи.

Первый такой пропускъ мы находимъ въ главѣ „О храбrosti Ермаковѣ и о взятіи Назима Остяцкаго городка“. Вотъ какъ читается конецъ этой главы

въ Строгановской лѣтописи:

Повоеваша многіе городки и улусы татарскіе по рѣкѣ Иртишу по великой Обѣ и Назимской градѣ Остяцкой взяша со княземъ ихъ и въ томъ хожденіи поганіи убиша подъ городки своими на приступѣ атамана Никиту Пана съ его дружиною. Ермакъ же съ вои возвратиша во градъ Сибирь. („Лѣтопись Сибирская“, стр. 44).

у Осипова:

По воеваніи же многіе городки и улусы по рѣкѣ Иртишу и по великой Обѣ и Назимской городокъ взяша Остяцкой со княземъ ихъ и со всѣмъ богатствомъ; возвратиша во градъ Сибирь съ радостію велий и съ корыстью. (Глава XIX).

Что въ первоначальной редакціи Осиповской лѣтописи было сказано объ убієніи Пана, это станетъ ясно, когда мы вспомнимъ, что XIX глава взята изъ записи Кипріана, которая повелѣваетъ убітымъ подъ Назимскимъ городкомъ возглажать вѣчную память среднюю, а между тѣмъ въ печатной редакціи Осиповской лѣтописи на словомъ не упомянуто, что во время этого похода погибла часть казаковъ.

Такому же объясненію поддается и слѣдующій пропускъ касательно смерти другого атамана Якова Михайлова (Осип.. XXII; Строг.. стр. 53).

Простымъ недосмотромъ переписчика надо считать пропускъ въ датѣ битвы съ Карабею подъ стѣнами Сибири: Строг. даетъ 12-го июня (стр. 54), а Осип.—просто юнь.

Не представлять особыхъ затрудненій и слѣдующій случай: Строгановская лѣтопись разказываетъ, что послѣ смерти Ермака оставшіеся въ живыхъ казаки рѣшили отправиться изъ Сибири на родину, но по дорогѣ встрѣтились съ шедшимъ къ нимъ на подмогу воеводой Мансуровымъ и вернулись съ нимъ въ Сибирь, гдѣ и перезимовали у устья Тобола. Осиповская лѣтопись говоритъ и объ удаленіи казаковъ и о присутствіи ихъ на замокѣ, а о встрѣчѣ съ Мансуровымъ молчитъ¹⁾. Пропускъ въ позднейшей редакціи очевиденъ.

Если мы припомнимъ важные пропуски въ Берховой рукописи, раскрытые нами въ началѣ разсмотрѣнія сибирскихъ лѣтописей, то не особенно будутъ удивительны и еще два уклоненія, которыхъ мы отмѣтили теперь. Первое касается разказа о смерти Ермака. По Строгановской лѣтописи дѣло происходило такъ: Кучумъ напалъ ночью на спящихъ казаковъ и избилъ ихъ всѣхъ; спасся только одинъ. „А велеумный и храбрый риторъ Ермакъ убіенъ бысть. Послѣди же ильци глаголютъ отъ языка о томъ яко воспрянувъ ту храбрый вашъ волкъ Ермакъ отъ сна своего и видѣ дружину свою отъ насъ побиваемыхъ, и ни коемъ надежды можно имѣти ему животу своему, и побѣже въ стругѣ, и не може доити своихъ си, ионеже бо вдали разстояніе; и туто ввержеся въ рѣку и утоне“²⁾). Печатная лѣтопись Осипова сообщаетъ только то, что говорили „языцы“ Но, если мы зададимъ себѣ вопросъ, кто могъ скорѣе знать обѣ версіи:

¹⁾ Строг., стр. 59—61; Осип., стр. 155 и 157.

²⁾ Строг., стр. 56—58.

сибирскій-ли дѣякъ, имѣвшій возможность говорить и съ казаками, и съ туземцами, или житель Пермскаго края, который не могъ разспрашивать ни тѣхъ, ни другихъ,—то конечно, можемъ признать, что обѣ версіи сообщены имъ, но первая пропущена позднѣйшимъ переписчикомъ, которому, повидимому, поизволила вторая своей затѣйливостью.

Второй фактъ, подходящій подъ эту же категорію,—рассказъ о взятии въ пленъ воеводою Даниломъ Чулковымъ татарскаго князя Сейдека, киргизскаго Солтана и „думаго царя Кучума“ Караби. Строгановская лѣтопись (стр. 64—65) говоритъ, что всѣ они были взяты во время битвы. Осиповская (гл. XXXII) сообщаетъ по этому поводу совершенно легендарный разказъ, будто бы Чулковъ привлѣкъ Сейдека и другихъ къ себѣ на пиръ и тутъ предложилъ имъ выпить, но каждый изъ нихъ поперхнулся при этомъ. Тогда Чулковъ узналъ по этому знаменію, что его гости злоумышляютъ противъ русскихъ, и вѣзѣль схватить ихъ. Мы думаемъ, что въ тутъ позднѣйшая редакція прельстилась вѣшнимъ интересомъ легенды, и замѣнила ею безыскусственный, но правдивый разказъ самого Осипова.

Итакъ, разсмотрѣніе тѣхъ фактъ, которые находятся въ Строгановской лѣтописи и пропущены въ печатномъ текстѣ Осиповской, не дало намъ возможности считать первую болѣе древней. Наоборотъ, при помощи Строгановской лѣтописи мы можемъ внести въ Осиповскую еще нѣсколько поправокъ, которая приблизятъ печатную редакцію къ ея первообразу.

Теперь мы должны приступитьъ къ наиболѣе запутанной и въ то же время крайне любопытной Сибирской лѣтописи—къ лѣтописи Семена Ремезова, написанной уже въ Петровскую эпоху и издѣліи факсимиле корреспондентомъ Археографической комиссіи А. Зостомъ въ 1880 году въ Петербургѣ подъ заглавиемъ: „Краткая Сибирская лѣтопись (Кунгурская) съ 154-мя рисунками“ Интересъ этой лѣтописи обусловливается оригинальнымъ взглядомъ на личность Ермака и обилиемъ такихъ фактическихъ данныхъ, какихъ мы не находимъ ни въ одной изъ разобранныхъ уже лѣтописей. Запутанность Ремезовскаго труда зависитъ отъ бессистемности изложенія и невѣроятной хронологіи, съ одной стороны, и невозможности опредѣлить источники Ремезова, съ другой. Однако попробуемъ разобраться во всемъ этомъ, на сколько позволяетъ современное состояніе сибирской исторіографіи.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ объ обиліи фактическаго материала въ Ремезовской лѣтописи. Оно даетъ себя чувствовать съ

первых же страницъ. Послѣ небольшихъ четырехъ вступительныхъ статей (лѣтопись раздѣлена на 157 статей), Ремезовъ начинаетъ появленіе съ разкза о разбояхъ Ермака на Волгѣ, откуда Ермакъ бѣжитъ въ Сибирь, спасаясь отъ преслѣдованія воеводы Мурашкина. Но въ Камскомъ бассейнѣ казаки заблудились и принуждены были зазимовать въ Строгановскихъ вотчинахъ. Всю зиму они занимаются набѣгами на сосѣднихъ ногуличей и, кромѣ того, заставляютъ Максима Строганова кормить ихъ. На слѣдующую весну они опять собираются въ Сибирь и обращаются къ Строганову съ требованіемъ снабдить ихъ сѣйствными и боевыми припасами. Онъ отказывается. Тогда казаки прибѣгаютъ къ насилию, и Строгановъ принужденъ имъ уступить. Попавъ, наконецъ, за Ураль, казаки ужасаются передъ предстоящими имъ трудностями и подумываютъ уже обѣ отступленіи, но обстоятельства складываются такъ, что имъ только и остается, что двигаться впередъ. Ничего подобного ни въ Строгановской, ни въ Осиповской лѣтописи нѣтъ, недостаетъ въ нихъ также и многихъ подробностей о сшибкахъ казаковъ съ сибирцами, которыхъ въ изобиліи разсыпаны по всей Ремезовской лѣтописи. Что касается до личности Ермака, то онъ является у Ремезова настоящимъ разбойникомъ и на Волгѣ, и у Строгановыхъ, и въ Сибири. Только случайное стеченіе обстоятельствъ выдвигаетъ его изъ среды подобныхъ ему атамановъ и заставляетъ совершить дѣло міровой важности.

На хронологіи Ремезова мы не будемъ останавливаться: несообразность ея слишкомъ ясна. Но о спутанности фактическихъ данныхъ стоить поговорить. Удобнѣе всего причины этой спутанности выяснить въ связи съ разсмотрѣніемъ источниковъ, которыми пользовался Семенъ Ремезовъ. Одинъ изъ его источниковъ уже названъ нами; это—лѣтопись Саввы Осипова. Этотъ пунктъ мы считаемъ достаточно уже выясненнымъ раньше и потому ограничимся перечисленіемъ въ примѣчаніяхъ статей, сходныхъ со статьями Осиповскаго лѣтописца¹⁾.

Изъ этого перечисленія можно видеть, что Осиповская лѣтопись

¹⁾ Ст. 22 (о пришествіи царя Кучума въ Сибирь—О. V), ст. 42—43 (битва подъ Чувашевымъ—О. VIII), ст. 59 (о взятіи городка мурамы Атика—О. X), ст. 63 (пораженіе Маметкула—О. XI), ст. 64—65, 68 (бѣгство Кучума изъ Сибири—О. XII), ст. 69 (вступленіе Ермака въ Сибирь—О. XIII), ст. 71 (прибытие въ Сибирь Остяцкаго князя Бояра—О. XIV), ст. 72 (избѣженіе казаковъ подъ Яблаковымъ—О. XV), ст. 84—85 (посольство къ Грозному—О XVI), ст. 87, 89 (взятіе въ пленъ Маметкула—О. XVII), ст. 89 (конецъ) (походъ Сейдика—О. XVIII), ст. 90 (взятіе Назима—О. XIX), с. 92 (прибытие московскихъ воеводъ—О. XX).

почти цѣликомъ вошла въ составъ Ремезовской. Помимо того Ремезовъ пользовался народными предаціями, которыя яснѣе всего про-глдываются въ разказахъ о чудесахъ отъ могилы и оружія Ермака (статьи 109—118). Наконецъ, у Ремезова были еще какихъ-то двѣ лѣтописи, неизвѣстныя намъ, которая въ иѣкоторыхъ мѣстахъ расходились не только съ Осиповскою (Строгановской Ремезовъ, очевидно, не зналъ), но и между собою. Въ такихъ случаяхъ Ремезовъ прибѣгалъ къ довольно своеобразному приему: онъ выписывалъ оба противорѣчивыхъ разказа одинъ вслѣдъ за другимъ, что и внесло въ его лѣтопись повторенія и большую спутанность. Яснѣе всего доказывается такой приемъ Ремезова въ двухъ мѣстахъ — въ разказахъ о судьбахъ Ермака до прихода въ Сибирь и о погибели его. Въ первомъ случаѣ онъ даетъ сначала (статьи 5—9) подробный разказъ, резюмированный нами выше, а вслѣдъ за нимъ (статьи 10—11) повторяетъ то же, но въ очень краткомъ и скомканномъ видѣ. Тутъ, очевидно, дѣло было такъ: не находя ничего обѣ Ермакѣ до его пришествія въ Сибирь въ Осиповской лѣтописи, Ремезовъ обратился къ двумъ другимъ и, вида въ нихъ два не совсѣмъ одинаковыхъ разказа, не пожелалъ, или не сумѣль скомпилировать ихъ, а просто помѣстилъ оба. О смерти Ермака Ремезовъ начинаетъ разказывать по Осиповской лѣтописи (это мѣсто было выписано нами выше), но потомъ обрывается разказъ посрединѣ и дѣлаетъ вставку изъ другаго лѣтописца. Вставка эта отличается массою подробностей, а начинается опять-таки съ бухарского посольства. Получается повторение и иѣкоторая путаница.

Вотъ все, что можно сказать теперь обѣ источникахъ Ремезовской лѣтописи. Если же поставить вопросъ о томъ, на сколько заслуживаетъ она довѣрія, то отвѣта на это при современномъ состояніи сибирскихъ лѣтописей дать нельзя. Она можетъ быть дань только тогда, когда мы откроемъ этихъ двухъ таинственныхъ лѣтописцевъ.

ст. 91 (отправление Маметкула въ Москву—О. XXI), 93 (убієніе Ивана Кольца—О. XXII), ст. 94—96 (нападеніе Караби—О. XXIII), ст. 98, 104—106 (смерть Ермака—О. XXIV), ст. 107 (бѣгство казаковъ—О. XXV), ст. 108 (возвращеніе татаръ въ Сибирь—О. XXVI), ст. 119 (приход Мансурова—О. XXVII) ст. 120 (нападеніе остатковъ—О. XXVIII и XXIX), съ 121 (построеніе Тобольска—О. XXX), ст. 122 (продолженіе предыдущей—О. XXXI), ст. 123—125 (взятіе къ пѣнѣ Сейдика, Солтана и Караби—О. XXXII), ст. 126 (отправление ихъ въ Москву—О. XXXIII), ст. 127 и сл. (смерть Кучума—О. XXXIV), ст. 114 и 135 (обѣ архиепископѣ Киприанѣ—О. XXXVII—XLV).

Итакъ разсмотрѣніе сибирскихъ лѣтописей привело насъ къ слѣдующимъ выводамъ: Первая свѣдѣнія о покореніи Сибири записаны архіепископомъ Кипріаномъ въ 1624 году по разказамъ участниковъ похода. Въ 1636 году составлена лѣтопись Саввы Осипова, который, кромѣ записи Кипріана, пользовался еще татарскимъ лѣтописцемъ и разказами казаковъ. Впослѣдствіи Осиповская лѣтопись измѣнялась переписчиками и въ такомъ видѣ напечатана Спасскимъ. Слѣдующая по времени—Строгановская лѣтопись, авторъ которой имѣлъ въ рукахъ трудъ Осипова въ первоначальной редакціи, царскія грамоты Строгановы и, кромѣ того, внесъ въ свою работу нѣсколько фактovъ, не находимыхъ въ этихъ его источникахъ. Наконецъ, Ремезовская лѣтопись относится уже къ Петровской эпохѣ и составлена на основаніи Осиповской лѣтописи, народныхъ преданій и еще какихъ-то двухъ неизвѣстныхъ намъ лѣтописей.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію основнаго вопроса, поставленнаго нами еще въ первыхъ строкахъ настоящей рецензіи: принимали-ли Строгановы участіе въ покореніи Сибири? Мы уже видѣли, что два древнѣйшихъ источника — запись Кипріана и Осиповская лѣтопись — ни словомъ не упоминаютъ пермскихъ солеваровъ; Строгановы появляются въ Строгановской лѣтописи. Какъ объяснить такое разногласіе? Предположимъ, что участіе Строгановыхъ могло быть не извѣстно сибирякамъ, но житель Пермского края, казалось-бы, долженъ былъ лучше знать роль своихъ земляковъ въ покореніи Сибири. Это предположеніе однако не выдерживаетъ критики: и Кипріанъ и Осиповъ почерпали свои сбѣдѣнія изъ устъ самихъ участниковъ похода, и было-бы совершенно не вѣроятно, еслибы ни одинъ изъ этихъ участниковъ не упомянулъ о двухъ лѣтнемъ пребываніи Ермака въ Чусовскихъ городкахъ и о солидной поддержкѣ, оказанной Строгановыми волжскимъ атаманамъ, когда эти послѣдователи отправились въ Сибирь. Слѣдовательно, если начальные главы Строгановской лѣтописи справедливы, то придется Кипріана и Осипова обвинить въ умышленномъ замалчиваніи важныхъ фактovъ. Но для чего они могли-бы это дѣлать? Соловьевъ говорить, что Осиповъ не упоминаетъ о Строгановыхъ изъ пристрастія къ Ермаку. Однако мы уже видѣли, что такое утвержденіе Соловьева рѣшительно ни на чёмъ не основано. Еще менѣе можно подозрѣвать въ такомъ пристрастіи Кипріана. Замѣтимъ еще, что по Осиповской лѣтописи Ермакъ привелъ въ Сибирь 540 человѣкъ, а по Строгановской точно такою же цифрою выражалась численность первоначальной дружинъ Ермака, пришедшей стъ нимъ

съ Волги, но Строгановы прибавили къ ней 300 человѣкъ своихъ воиновъ, такъ что въ Сибирь Ермакъ повелъ 840 человѣкъ. Выходитъ, что Осиновъ такъ тщательно умалчивалъ о Строгоновыхъ, что даже исключилъ изъ Ермаковой дружины Строгановскихъ людей. Получается нечто невѣроятное. Такимъ образомъ желаніе отстоять справедливость Строгановской лѣтописи приводить настъ къ цѣлому ряду недоумѣній. Посмотримъ поэтому, дѣйствительно ли достовѣрность названного источника такъ велика, какъ полагали Карамзинъ и Соловьевъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, кто такой былъ составитель Строгановской лѣтописи. Онъ былъ не только жителемъ Пермскаго края, но и близкимъ человѣкомъ Строгановыхъ,—иначе не возможно объяснить появленія въ его рукахъ документовъ изъ фамильного архива Строгановыхъ. Разъ это такъ, то Строгановы должны знать о его работѣ, слѣдить за ней, такъ какъ она касалась ихъ предковъ, и несомнѣнно отъ нихъ сообщались автору взглѣды на покореніе Сибири, утвердившіеся въ ихъ семье. Не удивительно также, если авторъ лѣтописи несколько и увлекся въ ихъ пользу. Какъ бы то ни было, мы все-таки ясно видимъ въ Строгановской лѣтописи нескрываемую симпатію къ именитымъ промышленникамъ: авторъ начинаетъ свой трудъ ими, кончаетъ тоже ими, да и въ серединѣ, гдѣ только возможно, спѣшить вставить въ трудъ Осинова тирады, напоминающія читателю про Строгановыхъ и ихъ могущество (образчикъ такой тирады былъ уже данъ нами). Всѣ эти соображенія общаго характера могутъ въ значительной мѣрѣ поколебать наше довѣріе къ Строгановской лѣтописи. Но, можетъ быть, авторъ, симпатизируя Строгановымъ, все-таки не принесъ въ жертву своимъ симпатіямъ исторической правды? Мы имѣемъ некоторыя основанія утверждать противное. Вспомнимъ приведенное нами только-что подозрительное свидѣтельство Строгановской лѣтописи о помоцѣ къ 300 человѣкъ, данной Строгановыми Ермаку. То обстоятельство, что ни Кипріанъ, ни Осиновъ не знаютъ объ этомъ всномогательномъ отрядѣ, уже само по себѣ можетъ заставить насъ усомниться въ его существованіи. Но наше сомнѣніе перейдетъ въ увѣренность, когда мы сопоставимъ это извѣстіе съ писцовыми книгами Ивана Яхонтова, относящимися къ 1579 году¹⁾, то есть, составленными за 3 года до похода Ермака. По этимъ книгамъ все населеніе громадныхъ Строгановскихъ вотчинъ

¹⁾ Эти писцовые книги напечатаны въ предыдущемъ томѣ „Пермской старинѣ“.

въ 1579 году едва превышало цифру въ 300 человѣкъ мужскаго пола. Мыслимо-ли, чтобы при такомъ скучномъ населеніи Строгановы могли дать Ермаку 300 человѣкъ, да еще и у себя оставить достаточное количество воинскихъ людей, съ которыми они могли бы мужественно и неустрашимо стоять противъ Печорского князька, пребравшагося въ ихъ вотчины съ громаднымъ скопищемъ инородцевъ, того князька, съ которымъ не могъ сладить Чердынскій воевода¹⁾). Подобная несообразность заставляетъ насъ прийти къ тому заключенію, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ вымысломъ, расчитаннымъ на увеличеніе значенія Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири. А вотъ и другая несообразность. Всѣ лѣтописи, въ томъ числѣ и Строгановская, говорятъ, что, занявъ Сибирь, Ермакъ послалъ въ Москву Ивана Кольцо, чтобы ударить челою Ioannu и просить его принять новопокоренную страну подъ свою высокую руку. А Строгановская лѣтопись, кроме того, сообщаетъ еще и о посольствѣ Ермака къ Строгановымъ съ извѣстіемъ о покореніи Сибири. Рядомъ оба эти посольства существовать не могли. Одно изъ двухъ: либо Ермакъ, наемникъ Строгановыхъ, исполнивъ ихъ порученіе, послалъ къ нимъ извѣстіе объ этомъ и этимъ ограничился, либо Ермакъ, дѣйствовавший на свой страхъ, созналъ невозможность собственными силами покончить свой подвигъ и обратиться за помощью въ Москву. Но посольства къ царю не отвергаетъ и Строгановская лѣтопись, следовательно—посольство къ Строгановымъ есть опять-таки вымыселъ, направленный опять-таки къ прославленію пермскихъ солеваровъ. Строгановская лѣтопись сообщаетъ еще, что, получивъ вѣсть отъ Ермака, Строгановы отирались въ Москву, сообщили царю обѣ успѣхѣ предприятія и въ награду за свою службу получили жалованную грамоту на города Соль Большую и Соль Малую. Но удивительно: въ Строгановскомъ архивѣ сохранились всѣ грамоты, въ этой въ немъ какъ разъ и не оказывается. какъ видно изъ описи документовъ Строгановского архива, приложенной къ книгѣ Устрялова: „Именитые люди Строгановы“ Было бы въ высшей степени поразительной случайностью, еслибы изъ всего архива исчезла именно та грамота, которая необходима намъ въ данномъ случаѣ.

Указавъ на два частныхъ случая, въ которыхъ Строгановская лѣтопись извратила факты въ угоду именитымъ промышленникамъ, мы зададимся вопросомъ: не погрѣшилъ ли анонимный авторъ я въ

¹⁾) „Лѣтопись Сибирская“, стр. 19—26.

освѣщеніи главныхъ событій? Мы уже показали, что офиціальный документъ, на который опирался Соловьевъ, доказывая правдивость Строгановской лѣтописи, не исключаетъ возможности сомнѣнія въ твоей достовѣрности. Тутъ мы прибавимъ къ прежнимъ доводамъ еще о обстоятельство, что Строгановы не платили податей со своихъ) вотчинъ въ царскую казну и пользовались правомъ судить населеніе этихъ земель помимо воевода. Такимъ образомъ, отъ Строгановскихъ привилегій кормленіе Чердынского воевода сильно страдало, и это обстоятельство также должно было служить одной изъ причинъ нерасположенія Василія Пелепилицына къ Строгановымъ. Но есть факты, прямо указывающіе на то, что Ермакъ не могъ состоять на службѣ у Строгановыхъ. Дѣйствительно, еслибы это было такъ, то какъ объяснить слѣдующее обстоятельство: въ самый день выступленія Ермака противъ Кучума въ Пермскій край вторгается Пельмѣскій князекъ; Ермакъ не возвращается обратно, чтобы защитить владѣнія Строгановыхъ отъ врага, а идетъ все-таки въ Сибирь. Сирашиается, какъ Строгановы могли допустить это, отчего они не вернули Ермака? Отвѣта нѣтъ и быть не можетъ. Затѣмъ припомнимъ и возраженіе Небольсина: „Еслибы Строгановы посыпали Ермака воевать Сибирь, они послали бы его туда въ надлежащую пору, при началѣ лѣта, а не осенью, какъ это въ самомъ дѣлѣ случилось, когда не было разумной цѣли посыпать туда людей на зиму и самою природою препятствовать исполненію собственныхъ плановъ“. Возраженіе—очень вѣское и, хотя оно высказано въ 1849 году, его до сихъ поръ никто еще не опровергъ. Наконецъ, какъ могъ Ермакъ бить членъ государю страною, покореною имъ по волѣ и при поддержкѣ Строгановыхъ? Всѣ эти факты объяснямы только въ томъ случаѣ, если Ермакъ *дѣйствовалъ по собственной инициативѣ и совершенно независимо отъ Строгановыхъ*.

Это мнѣніе мы и считаемъ справедливымъ, потому что оно согласно съ древнѣйшими и лучшими источниками и наиболѣе удовлетворительно объясняетъ всѣ факты покоренія Сибири. Слѣдовательно, общая картина Ермакова похода будетъ слѣдующая. Наглость казацкихъ грабежей на Волгѣ дошла до такихъ предѣловъ, что московское правительство вынуждено было отправить противъ казацкихъ шаекъ военную силу. Грабители разбрѣжались въ разныя стороны. Одна изъ бандъ подъ предводительствомъ Ермака укрылась въ полупустынномъ Камскомъ бассейнѣ. Не находя себѣ достаточной ложи въ бѣдной странѣ, изъ которой только промышленная пред-

примечивость Строгановыхъ умѣла извлекать выгоды, казаки, узнавъ отъ тамошнихъ жителей о богатствѣ Зауралья, рѣшили двинуться туда. Долго-ли Ермакъ пробылъ въ Строгановскихъ земляхъ, чтѣ онъ тамъ дѣлалъ, заставилъ-ли дѣйствительно Строгановыхъ снабдить его шайку сѣбѣстными и боевыми припасами, или иначе добылъ себѣ все необходимое,—эти вопросы будуть решены только тогда, когда будетъ надлежащимъ образомъ опѣнена Ремезовская лѣтопись; но и теперь уже мы можемъ съ достаточнouю достовѣрностью утверждать, что воля Строгановыхъ никакой роли въ предприятіи Ермака не играла,—онъ бросился въ Сибирь на свой страхъ. Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ Кучумомъ и занявъ Сибирь, Ермакъ ясно увидѣлъ, что попалъ въ такое дѣло, которое ему одному до конца не довести, и поступилъ точно такъ же, какъ донскіе казаки, захватившіе въ царствованіе Михаила Феодоровича Азовъ,—отдалъ свое завоеваніе подъ высокую руку царя московскаго и вселїя Русіи. Мы знаемъ, что царская помощь не послѣла во времени: Ермакъ и большая часть его казаковъ погибли въ Сибири, а жалкіе остатки его дружины бѣжали домой. Въ Сибирь опять возвратились прежніе владѣтели, завоеваніе Ермака было утрачено, его походъ оказался безплоднымъ. Только цѣлый рядъ усилий московскаго правительства превратилъ зауральскія земли въ русское воеводство.

Наша задача, собственно говоря, исполнена; несостоительность мнѣнія, къ которому примкнуль г. Дмитріевъ, думаемъ, показана; доводы, заставляющіе насъ стать на сторону иныхъ воззрѣній, приведены. Но намъ кажется, что и послѣ всего вышесказанного остается еще одинъ недоумѣній вопросъ: какъ возникла тенденція Строгановской лѣтописи, и откуда почерпнуты всѣ факты, которыми лѣтописецъ сумѣлъ такъ извратить истину, что заставилъ стать на свою сторону Карамзина и Соловьевъ, освятившихъ, такъ сказать, своими авторитетами его тенденціозность? Первый камень въ эту постройку положилъ Пелепелицынъ, который, желая навлечь царскую опалу на Строгановыхъ, обвинилъ ихъ въ прizvaniіи воровъ казаковъ и въ заидраніи Сибирскаго салтана. Но когда походъ Ермака оказался удачнымъ, обстоятельства перемѣнились и то, что сначала возбудило гневъ Иоанна противъ Строгановыхъ, впослѣдствіи могло послужить только къ увеличенію царской благосклонности къ нимъ,—Строгановы этимъ и воспользовались тѣмъ съ большою охотою, что инициатива въ предприятіи Ермака могла послужить для нихъ прекраснымъ опорнымъ пунктомъ въ ихъ просыбахъ о пожалованіи имъ бассейна Тобола.

Что Строгановы действительно питали подобный вожделѣнія въ течenie всего XVII вѣка, ясно хотя бы изъ просьбы Александра Строганова, поданной имъ Петру I и приведенной у г. Новокрещенныхъ¹). Для придания Строгановымъ еще большаго значенія въ дѣлѣ покоренія Сибири, мнѣ о посыпкѣ Ермака противъ Кучума усложнился еще добавкою о помощи, якобы данной ему Строгановыми,—и вотъ въ результатѣ появилась та самая легенда, которую пермскіе солевары сообщили автору Строгановской лѣтописи, а тотъ увѣковѣчилъ въ своемъ трудѣ.

С. Адриановъ

Александръ Невзоровъ. Опека надъ несовершеннолѣтними. Исторический очеркъ института и положеніе его въ действующемъ русскомъ законодательствѣ. Ревель. 1892.

Едва ли можетъ подлежать спору, что изъ всѣхъ гуманитарныхъ наукъ наименѣе процвѣтаетъ у насъ юриспруденція. Наши юридические факультеты переполнены студентами, у насъ существуетъ огромный персоналъ судебнаго вѣдомства, слѣдовательно, казалось бы, у насъ должны быть и интеллигентные читатели съ юридическою подготовкой. Но факты говорятъ противное: въ концѣ прошлаго года прекратили свое существование два юридическихъ органа, а третій и послѣдній—взять свое существованіе при полномъ къ нему равнодушіи со стороны публики. Чѣмъ же объяснить это печальное явленіе? Намъ кажется, причина этого явленія кроется въ несоответствіи вкусовъ и требованій публики съ тѣмъ материаломъ, какимъ наполнились обѣ безвременно погибшіе журналы.

Наша публика, получившая юридическое образованіе, слишкомъ мало подготовлена къ чтенію теоретическихъ юридическихъ произведеній. Въ этой неподготовленности виновны отчасти и наши университеты. У насъ нѣтъ юридической школы. Наши юристы-теоретики приныкаютъ къ той или иной юридической школѣ на Западѣ; но принадлежность нашихъ профессоровъ-юристовъ къ школамъ и направлѣніямъ Запада является, такъ сказать, принадлежностью индивидуальной; у себя дома юристы-теоретики не заботятся о распространеніи признаваемаго ими направлѣнія. Лица, получающія юридические дипломы, лишены всякой подготовки къ продолженію само-

¹) *Н. Новокрещеныхъ*, оп. сіт., стр. 17—23.

стоятельныхъ занятій правомъ. Извѣстно, что наша юридическая, въ особенности цивилистическая, литература существует и поддерживается диссертациами на ученыхъ степени,—и вотъ за этихъ-то диссертацияхъ и обнаруживается отсутствіе школы. все неумѣніе начинаяющихъ, правда, авторовъ относиться методически къ своему материацу. Винить однихъ только (начинаящихъ) авторовъ было бы несправедливо; чѣмъ въ самомъ дѣлѣ виноваты они, что ихъ не научили работать какъ слѣдуетъ?

Предъ нами диссертациѣ г. А. Невзорова „Опека надъ несовершеннолѣтними. Исторический очеркъ института и положеніе его въ действующемъ русскомъ законодательствѣ“ (Ревель, 1892). Мы называемъ эту книгу диссертациѣ въ виду собственного заявленія автора: „Предметомъ нашего изложенія мы избрали институтъ опеки надъ несовершеннолѣтними“ (стр. 3).

Безъ сомнѣнія, тема любопытна и благодарна, какъ, впрочемъ, и всякая иная тема, для нашей скучной юридической литературы. Но какое неумѣніе воспользоваться материаломъ, какое отсутствіе способности мыслить юридически, какая неосвѣдомленность въ самыхъ элементарныхъ юридическихъ положеніяхъ обнаруживаются авторомъ на всемъ протяженіи его работы! Видно, что авторъ трудился надъ собираемъ матеріала, но трудился, „аки пчела“, и благодаря такому характеру труда, работа г. Невзорова отличается эклектизмомъ, представляя собою неудачную компиляцію изъ не всегда понятыхъ авторомъ сочиненій, касающихся опеки. Но хуже всего то, что авторъ старается прикрыть скучное содержаніемъ изложеніе напыщенными фразами и широковѣщательными описательными оборотами. Къ чему, напримѣръ, ведутъ такія фразы: „Теорія, не желающая витать въ областяхъ заоблачныхъ и отрѣшаться отъ жизни, конечно, отзовется на призывъ о помощи. Практика, какъ менѣе развитой собратъ, съ жадностью прислушивается къ голосу младшаго, но несравненно болѣе сильного брата. Но горе практикѣ, если теорія неправильно поставить вопросъ, ошибется въ выясненіи природы института и дастъ несостоятельное опредѣленіе существа явленія! Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ. Роковая послѣдствія неправильной постановки вопроса и разрѣшенія его скоро скажутся,—и жизнь застонетъ отъ избытка зла!“ (стр. 3). Не очевидно ли, что вся приведенная тирада вовсе не уместна въ сочиненіи, претендующемъ на ученость? А между тѣмъ подобныя же пышныя фразы и претенціозныя выраженія попадаются почти на каждой страницѣ: „Мы не будемъ начинать ab ovo,

не пойдемъ въ глубь исторіи Китая или древняго Египта", — говоритъ г. Невзоровъ на стр. 4. Мы ни минуты не сомнѣваемся, что не только „въ глубь исторіи" этихъ темныхъ странъ не пойдетъ г. Невзоровъ, но даже не станетъ онъ скользить и по поверхности исторіи сихъ странъ; да и къ чому же, когда „историческій очеркъ русскаго законодательства объ опекѣ выяснить намъ природу института „лучше всіхъ метафизическихъ построеній?" (стр. 5).

„Виѣсто введенія" (стр. 7) авторъ излагаетъ опеку 1) по римскому праву и 2) по „западно-европейскому" праву. Послѣдній терминъ предстаетъ, очевидно, результатомъ недоразумѣнія. Для изложенія римскаго права опеки авторъ не пользуется монографіями по данному вопросу (а таковыхъ въ нѣмецкой юридической литературѣ существуетъ не одна), но ограничивается только лишь наиболѣе распространенными краткими учебниками. Изложеніемъ римскаго права начинаетъ г. Невзоровъ свою работу единственно только въ виду установленнаго шаблона юридическихъ диссертаций: положеніями, нормирующими опеку въ римскомъ правѣ. г. Невзоровъ не воспользовался ни разу для сравненія ихъ съ опекой въ новѣйшихъ системахъ права. Благодаря этому, компилиативное изложение римской опеки является совершенно ненужнымъ привѣскомъ, каковыми въ силу тѣхъ же оснований является и изложеніе „западно-европейской" опеки. Между тѣмъ сравненіе римскаго права опеки съ отечественнымъ представлять уже само по себѣ обширную, любопытную и благодарную тему. Еслибы еще изложеніе римскаго права, хотя и компилиативное, отличалось новизною взглядовъ и соотвѣтствовало бы источникамъ и развившейся на ихъ почвѣ новѣйшей доктринѣ, то оно могло бы найти себѣ хотя какое либо оправданіе. Къ сожалѣнію, мы должны констатировать цѣлый рядъ непростительныхъ ошибокъ, свидѣтельствующихъ о полномъ незнаніиствѣ автора съ источниками и литературою того предмета, о которомъ онъ берется говорить. Такъ г. Невзоровъ говоритъ: „Извѣстно, что еще во времена Гая существовалъ горячій споръ между Прокульянцами и Сабиніанцами" (стр. 8), между тѣмъ какъ въ дѣйствительности „извѣстно" (то-есть, такъ думаютъ авторитетные представители исторической школы), что Гай былъ запоздалымъ и послѣднимъ представителемъ Сабиніанцевъ, и что онъ нерѣдко упоминаетъ о спорахъ, раздѣлявшихъ прежнихъ сторонниковъ двухъ противоположныхъ направлений въ юриспруденціи. Свѣдѣнія г. Невзорова о юристѣ Гаѣ, какъ видно, вообще очень сбивчивы и смутны: такъ, на стр. 234, г. Невзоровъ въ институціяхъ Гая встрѣчаетъ опредѣленіе опеки юриста

Павла. „Извѣстно“ однако, что Павелъ жилъ иѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ Гая, такъ что послѣдній ужъ никоимъ образомъ не могъ ссылаться на Павла. Даѣе г. Невзоровъ заявляетъ, что (римскіе) родичи были „связаны круговою порукой, взаимною отвѣтственностью“ (стр. 11). Вѣдь это—цѣлое открытие! Авторъ вообще любить щеголять латинскими терминами, которые тутъ же, по возможности, старается передать и по-русски. Но за это стремленіе щеголять знаніемъ терминовъ г. Невзоровъ жестоко поплатился на стр. 162, гдѣ мы читаемъ: „*lascum cessans* (хотя бы и въ формѣ будущаго наслѣдства) менѣе энергичный стимулъ къ дѣятельности въ сравненіи съ *dannum infectum!*“ Авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду *dannum emergens*, но перепуталъ термины, быть можетъ, и не сознавая различія между тѣмъ и другимъ. Что „*infectum*“ не простая опечатка, это видно изъ того, что въ спискѣ опечатокъ неправильно напечатанное на стр. 162 *infectum* исправлено авторомъ въ *infectum*. Быть можетъ, всего курьезиѣ въ книгѣ г. Невзорова то, что авторъ, говоря объ опекѣ, не сознаетъ разницы между несовершеннолѣтними и малолѣтними. Собственно говоря, авторъ пишетъ все время о малолѣтнихъ. „*qui даже fagi non possunt*“ (стр. 9), между тѣмъ утверждѣнъ, что рѣшааетъ вопросъ объ опекѣ надъ несовершеннолѣтними.. Мы пропускаемъ небольшой отдѣлъ (всего 24 страницы), посвященный авторомъ „западно-европейскому“ праву, потому что здѣсь пришлось бы повторить сказанное объ изложеніи римскаго права. Но какъ римская, такъ и „западно-европейская“ опека служить для г. Невзорова только „виѣсто введенія“ для изложенія „института опеки въ отечественномъ правѣ“ (стр. 59—243). На этомъ главномъ отдѣлѣ работы должно оправдаться изреченіе г. Невзорова: „исторический очеркъ русскаго законодательства объ опекѣ выяснить намъ природу института лучше всякихъ метафизическихъ построений“. Что разумѣеться авторъ подъ „всакими метафизическими построеніями“ мы не знаемъ; какое примѣненіе могутъ имѣть „всякія метафизическая построения“ къ институту опеки, мы не понимаемъ; да едва ли знать и понимаѣтъ это и г. Невзоровъ. Какъ бы то ни было, но на отечественномъ правѣ опеки сосредоточено авторомъ главное его вниманіе. Отдѣлъ, посвященный русскому праву, открывается перечнемъ пособій въ алфавитномъ порядке имёнъ авторовъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ названія работъ, не только говорящихъ *ex professo* объ опекѣ, но также и такихъ сочиненій по исторіи русскаго права, которыхъ касаются опеки случайно. Любопытнѣй перечень №№ газетъ, на которые авторъ въ

дальнѣйшемъ изложеніи вовсе и не ссылается. Особенности своеобразныхъ приемовъ сочинительства, указанныя выше въ отдѣлѣ, посвященномъ римскому праву, повторяются и въ отдѣлѣ отечественного права. И здесь мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ лирическихъ отступленій, ссылки на непонятныя авторомъ мѣста изъ цитируемыхъ имъ авторитетовъ, неумѣлое отношеніе къ материалу и, увы! своеобразное отношеніе къ „литературнымъ пособіямъ“ выражающееся въ заимствованіяхъ безъ соответствующей ссылки на источникъ этихъ заимствованій.

Авторъ начинаетъ изложеніе исторіи опеки въ отечественномъ правѣ (стр. 63) констатированіемъ скудости свѣдѣній, то-есть, вѣроятно, хотѣль сказать авторъ—историческихъ данныхъ, ибо иначе выраженіе г. Невзорова можетъ быть истолковано въ смыслѣ *testimonium paupertatis*, и собственное признаніе автора едва ли могло бы вызвать у читателей сомнѣнія, въ виду всего послѣдующаго изложенія. Хотя авторъ ставить своею задачей изложеніе исторического развитія законодательства *объ опекѣ*, но, держась правила: *de multis rebus et de nonnullis aliis*, онъ считаетъ „необходимымъ“ ознакомиться съ общественнымъ бытомъ древнѣйшей эпохи (стр. 64). Было бы, разумѣется, похвально, еслибы г. Невзоровъ дѣйствительно ознакомился съ этимъ бытомъ, и ознакомился на основаніи источниковъ, а не изъ вторыхъ рукъ. Тогда бы, не сомнѣваемся, г. Невзоровъ не сказалъ: „о родовомъ бытѣ славянъ свидѣтельствуютъ Прокопій, Константина Багрянородный, Маврикій, Кралеворская рукопись и другие“ (стр. 64); но тогда бы также мы были лишены идеалическаго изображенія отношеній между родичами, между членами семьи (стр. 64, 65), равно какъ для насъ были бы потеряны глубокомысленные разсужденія автора о „магической силѣ соединенія и солидарности“ (стр. 66), замѣчаніе

тому, что въ рецепціи византійскаго (римскаго) права Россіей „нѣть ничего иредосудительнаго“ (стр. 67). Хотя г. Невзоровъ и объщаетъ прослѣдить *постигненный ходъ развитія законодательства объ опекѣ*, но для него ничего не стоитъ перескочить съ момента, „когда Русь, пораженная торжественностью греческаго богослуженія, занимствуетъ у грековъ религию“ и „когда представители духовной власти и на совѣтахъ (кияжескихъ) оставались восторженными поклонниками византійского законодательства“ — прямо къ тому моменту, когда „звергній преобразователь Россіи первый прорубилъ окно въ Европу“ (стр. 69). Неосвѣдомленность автора въ теоретическихъ вопросахъ права обнаруживается и въ этомъ отдѣлѣ, ибо какое же объясненіе

можно придумать для следующего загадочного выражения: „Вещныхъ опекунскихъ отношений и быть не могло; поэтому (?) и не могло быть никакой платы за опекунство, и никакого отчета въ отношении къ управлению“ (стр. 72). Еслибы г. Невзоровъ строго держался памѣченной имъ цѣли—изложения исторіи опеки, то ему незачѣмъ было бы говорить о различныхъ, вовсе не относящихся къ дѣлу, явленіяхъ „сѣйдѣй старины“ (стр. 70, 92), и онъ бы не договорился до того, что „малолѣтніе не могли безъ согласія опекуна вступить въ бракъ“ (стр. 92). (Здѣсь мы опять наталкиваемся на прискорбное явленіе, отмѣченное уже выше, что авторъ не знаетъ различія между малолѣтними и несовершеннолѣтними). Въ устахъ юриста, или мнящаго себя таковымъ, вовсе не умѣсто слѣдующее сбивчивое опредѣленіе опекуна: „Опекунъ не представитель интересовъ опекаемаго, а скорѣе почти собственникъ, или, по крайней мѣрѣ, временный владѣлецъ, но владѣлецъ, облеченный почти безграничными полномочіями собственника“ (стр. 94). Здѣсь столько „почти“ и столько „безграничнаго“, что нужно быть очень ограниченнымъ юристомъ и мыслителемъ, чтобы дать такое опредѣленіе, полное contradictiones in adjecto! Вообще всякий разъ, когда г. Невзорову приходится коснуться вопроса чисто юридического, онъ обнаруживаетъ полное непониманіе того, о чѣмъ онъ говоритъ: напримѣръ, на стр. 99 г. Невзоровъ объявляетъ: „искъ (подопечныхъ) былъ венчнымъ, а потому (?) могъ быть вчинаемъ въ противъ наследниковъ опекуна“. какъ будто бы личный искъ не подлежитъ активному и пассивному наследованію! Неужели г. Невзоровъ не могъ назвать императрицу Екатерину II ея собственнымъ именемъ, что прибѣгнулъ къ выражению: „Лучшіе люди этой комиссіи откликнулись на призывъ великой, мудрой и матери отечества“ (стр. 105)? Неужели нельзя было избѣжать такого странного, чтобы не сказать болѣе, выраженія, какъ „примѣръ Екатерины Великой, начавшей свое царствованіе учрежденіемъ отдельныхъ видовъ опекъ. оказался заранѣеннымъ“ (стр. 112)?

Перечень всѣхъ „странностей“, которыми наполнена работа г. Невзорова, завѣль бы насть слишкомъ далеко: намъ пришлось бы перепечатать почти цѣликомъ всю разбираемую нами книжку. Ограничиваюсь поэтому приведенными уже выписками, мы позволимъ себѣ указать еще на одинъ не совсѣмъ добросовѣстный приемъ молодаго ученаго. Если читатель потрудится сравнить пѣкоторыя страницы работы г. Невзорова съ „Объяснительной запиской къ проекту устава объ опекахъ“ (С.-Іб., 1891 г.), то ему бросится въ глаза буквальное то-

ждество цѣлыхъ отрывковъ въ книгѣ г. Невзорова и въ „объяснительной запискѣ“. Такъ, стр. 127 г. Невзорова—стр. 6,7 „Объясн. записки“; па стр. 129 два позаимствованія изъ „Объясн. записки“—стр. 12,13; стр. 14 и 15 „Объясн. записки“ экспериментированы г. Невзоровымъ на его стр. 130, 131, 132; на стр. 134 мы встрѣчаемъ выписку изъ стр. 16 „Объясн. записки“. Мы не имѣли бы права указывать на эти мѣста, еслибы г. Невзоровъ указалъ источникъ своихъ заимствованій. Но онъ этого не сдѣлалъ...

„Что же такое опека?“—спрашиваетъ г. Невзоровъ (стр. 231) и, желая, очевидно, еще нѣкоторое время потешить читателя разрѣшеніемъ загадки, заявляетъ: „Мы намѣренны оставить этотъ вопросъ къ концу нашего изложения!“ Читатель уже горить нетерпѣніемъ воспріять опредѣленіе опеки, но г. Невзоровъ, прежде чѣмъ опредѣлить опеку, считаетъ нужнымъ сказать, что значитъ „опредѣлить“, и съ этою цѣлью дѣлаетъ выписку изъ Логики Милля. Мы позволили бы себѣ посовѣтовать г. Невзорову не прибѣгать къ тѣмъ пріемамъ, какіе примѣнялъ онъ при составленіи своей компилиативной книжки. Зачѣмъ здѣсь ссылка на Милля? Дѣло не въ Логикѣ Милля, а въ авторской логикѣ и, если авторъ хочетъ быть юристомъ.—то въ способности къ юридическому мышленію.

Poetae nascuntur, oratores fiunt, fiunt и „юристы“. и вообще „ученые“, если только, разумѣется, у тѣхъ и у другихъ есть дѣйствительно задатки къ тому, чтобы стать тѣмъ, за что они хотятъ себя выдавать.

А. Гулакъ.

Griechische Gottterebdale in ihren Formen erlautert von Heinrich Brunn.
Munchen 1893. 8° VIII+110.

Извѣстный археологъ, профессоръ Мюнхенскаго университета Генрихъ Бруннъ, праздновавшій годъ тому назадъ свой семидесятилѣтній юбилей, недавно подарили археологию упомянутую выше книжкою. Книжка эта состоитъ изъ ряда статей, написанныхъ въ различное время, но объединенныхъ одною идеею—идеею выясненія идеала какого-либо божества, на основаніе единственно критического разбора художественнаго произведения.

Изъ девяти статей, вошедшихъ въ составъ данного труда, четыре были напечатаны на итальянскомъ языкѣ въ *Annali dell' Instituto* за годы 1863, 1864 и 1888; три—представляютъ собою повтореніе сооб-

щелей. читанныхъ на собраниі филологовъ въ Инсбрукѣ (29-ое). Дессау (87-ое) и Мюнхенѣ (41-ое); одна статья появилась въ периодическомъ журнале *Westermanns Illustrierte Deutsche Monatshefte*, December 1885; наконецъ, девятая впервые помѣщена на страницахъ данной книжки.

Я не задаюсь цѣлью представить здѣсь подробный разборъ статей, а хочу только обратить вниманіе на этотъ, если такъ можно выразиться, сборникъ, обнимающій періодъ въ 50 лѣтъ ученой дѣятельности. Методъ, выработанный Бруннъ, выраженъ ясно и пропведенъ послѣдовательно, но, правда, въ виду того, что большая часть статей представляетъ собою произнесенные по различнымъ поводамъ рѣчи, сюда вошедшая въ неизмѣнномъ видѣ, — во всѣхъ нихъ повторяются нѣкоторыя общія разсужденія и положенія, необходимыя, конечно, при каждомъ произнесеніи, но дѣйствующія нѣсколько утомительно на того, кто прочитываетъ всѣ статьи подрядъ.

Весьма интересно предисловіе, въ которомъ Бруннъ пишетъ, какъ онъ, будучи еще весьма молодымъ человѣкомъ, во время своего пребыванія въ Италии, не удовлетворяясь „поэтико-реторическими“ описаніями греческихъ изваяній, задумалъ создать себѣ болѣе основательный и положительный методъ для выясненія характера созерцаемаго божества. Ему представлялось (стр. III), „что внутреннее впечатлѣніе, производимое на насъ пластическимъ произведениемъ, не можетъ быть понято и опредѣлено, какъ нравственное или метафизическое качество, совершенно помимо тѣлеснаго образа, но что оно намъ можетъ стать понятнымъ лишь только при посредствѣ осознательныхъ пластическихъ формъ, какъ носительницъ внутреннаго выраженія“. Свое введение Бруннъ заканчиваетъ словами: „На первыхъ порахъ для меня было важно лишь доказательство положенія, что внутреннее пониманіе идеальныхъ художественныхъ произведеній достижимо только на основаніи тщательного анализа формы“.

Не стану останавливаться на содержаніи прежнихъ статей, скажу только, что, съ моей точки зреянія, выясненіе разницы типа Ифеста и Одиссея мнѣ кажется особенно убѣдительнымъ, а разборъ бога сна, отличается изумительной тонкостью наблюденія. Что касается такъ называемой *Medusa-Ludovisi*, то я долженъ отказатьться признать въ этомъ горельефѣ голову горгоны-Медузы (вѣроятнѣе, мнѣ кажется, высказанное молодымъ археологомъ мнѣніе, что это спящая Еринія); какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, я выношу впечатлѣніе, которое, навѣрно, раздѣлять со мной многіе дру-

гіе, что авторъ, такъ сказать, перетонялъ тонкость своихъ наблюдений. Въ послѣдней статьѣ Бруннъ разбираетъ пресловутый бюстъ Зевса-Otricoli и прекрасную голову, найденную на островѣ Милосѣ и поступившую въ Британскій музей. Какъ известно, мнѣнія ученыхъ относительно втораго памятника расходятся: одни считаютъ этотъ чудесный образецъ еллинской скульптуры головою Зевса, другіе — головою Асклепія. Исходнымъ пунктомъ для выясненія типа Зевса Брунну служить выше упомянутый знаменитый бюстъ; въ немъ онъ находитъ нѣкоторыя существенные черты, которыя, по его мнѣнію, воплощены были въ хризелефантинной статуѣ Фидія, которая и стала каноническимъ идеаломъ всѣхъ послѣдующихъ произведений. Авторъ цитируетъ известные стихи Иліады (I):

514. Νημερτές μὲν δῆ μοι ὑπόσχεο καὶ κατάνευσον,
ἡ ἀπόειπ·.

528. Ἡ, κοκκέων ἐπ' ὄφρύστι νεῦσε Κρονίων·
ἀμφρόσιαι δ' ἄρα χαῖται ἐπερρώσαντο ἄνακτος
κρατὸς ἀπ' ἀθανάτῳ· μέγαν δ' ἐλέξεν "Ολυμπον·.

которые будто-бы вдохновили знаменитаго скульптора, и находить, что Зевсу Otricoli придано выраженіе божества, милостию соглашающагося исполнить мольбу просителя. Не трудно убѣдиться, что авторъ пошелъ слишкомъ далеко, ставя подобного рода выраженіе необходимою принадлежностью типа Зевса вообще. Это выраженіе весьма подходитъ для изображенія верховнаго божества, владыки надъ богами и людьми, спокойно возсѣдающаго на тронѣ и смотрящаго на людей. приближающихся къ нему съ молитвою, было бы совершенно не пригодно для Зевса, изображаемаго въ видѣ карателя людей или истребителя Тифона и гигантовъ. Если принять критерій Брунна, то пришлось бы исключить изъ числа изображеній Зевса рядъ бюстовъ, несомнѣнно представляющихъ этого бога (например, бюстъ въ Неаполѣ, см. Mus. Borbon. V, 9 у Overbek'a, Atlas, II, 3).

Что касается милосской головы, то новѣйшія изслѣдованія блестяще оправдали разсужденія Брунна, который, какъ упомянуто, всегда считалъ ее за голову не дошедшую до насъ статуи Асклепія. Вольтеръ сопоставилъ милосскую голову съ головою статуэтки, найденной въ 1886 году близъ храма Асклепія въ Эпидаврѣ (см. *Mittheil. d. kais. deutsch. arch. Instituts Athen*, 1892, стр. 1 и слѣдующія, таблицы II и III). Съ одной стороны, сходство между головами на столько разительно, что нѣть никакого сомнѣнія, что оба изваянія предста-

вляютъ собою повтореніе одного и того же типа, пользовавшагося осо-
бенною распространенностью; съ другой стороны, статуэтка, сохра-
нившаяся съ атрибутами Асклепія, не допускаетъ никакого коле-
банія въ толкованії. Вольтеръ насчитываетъ еще цѣлый рядъ ре-
ликв., изъ которыхъ укажу только на мраморный торсъ съ головою,
найденный въ 1888 г. въ Пирэѣ.

Въ заключеніе скажу, что книжка Брунна, представляя собою
рядъ тонкихъ описаний, правда, не лишенныхъ иѣкоторой субъек-
тивности, можетъ усердно быть рекомендуема каждому, кто интере-
суется развитиемъ типовъ въ греческой мифологіи. Прибавлю еще,
что изданіе украшено десятю прекрасными фототипическими табли-
цами и рядомъ хорошихъ цинкографій.

В. Мельчбергъ.

Дохмій. Глава изъ греческой метрики. Изслѣдованіе Я. Денисова. Москва 1892.

Изслѣдованіе г. Денисова объ одномъ изъ наиболѣе важныхъ и
вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе загадочныхъ явленій греческой метрики
распадается на двѣ части: въ первой (стр. 1—56) онъ разбираетъ
теоріи древнихъ писателей о дохміѣ, во второй—теоріи, выставленныя
въ новѣйшее время. Въ обѣихъ частяхъ г. Денисовыи собраны и
изслѣдованы достаточно богатые и полные материалы: въ особенности
вторая часть является очень полезнымъ *repertorium* новѣйшей лите-
ратуры о дохміѣ, представители которой разбираются авторомъ по оче-
реди, въ систематическомъ порядкѣ; такъ какъ въ составъ этой ли-
тературы вошли отчасти малодоступныя статьи и диссертациі, то фи-
лологъ долженъ быть благодарнымъ г. Денисову за его трудъ. Свой
собственный взглядъ на дохмій авторъ высказываетъ на стр. 56; какъ
и слѣдовало ожидать, онъ видѣть въ дохміѣ одну стопу, „арамъ“
которой состоитъ изъ трехъ, а „тезисъ“ изъ пяти моръ. Замѣчу
кстати, что авторъ совершенно напрасно, на мой взглядъ, подражая
Вестфалю, слѣдуетъ терминологіи древнихъ ритмиковъ, а не общепринятой нынѣ; это вдвойнѣ неудобно въ изслѣдованіи не столько
конструктивного характера (подобно сочиненіямъ Вестфала), сколько
критического и полемического; разбирая сочиненія ученыхъ, слѣдую-
щихъ метрической терминологіи, г. Денисовъ самъ невольно под-
дается имъ влиянію (ср. стр. 58). такъ что приходится подчасъ
догадываться, которой изъ двухъ терминологій онъ слѣдуетъ въ дан-
номъ мѣстѣ.

Не смотря на свой сравнительно большой объемъ (179 стр.), работа не исчерпываетъ темы; произошло это оттого, что авторъ становится слишкомъ исключительно на теоретическую точку зреінія. Я не говорю, чтобы онъ совсѣмъ пренебрегалъ практическою метрикой, но, воверхъ. онъ обращается къ ней только изрѣдка, полемизуя со своими предшественниками, а вслѣдствіе этого его работа по части практической метрики имѣть характеръ отрывочный и случайный. Въ результатѣ выходитъ, что уже по своимъ внутреннимъ условіямъ изслѣдованіе г. Денисова мало пригодно для тѣхъ, кто интересуется практическою метрикой; совершенно непригодно оно по виѣшимъ условіямъ—именно потому, что въ немъ вѣтъ index'a. Допустимъ, что я хочу узнать, признаетъ ли г. Денисовъ слѣдующую форму дохмія — — — —, или неѣтъ; онъ могъ коснуться этого вопроса только мимоходомъ, но чтобы узнать, гдѣ именно,—для этого остается только прочесть лишній разъ его работу отъ начала до конца. Вовторыхъ, тѣ мѣста, которые посвящены практической метрикѣ, принадлежать къ наименѣе удовлетворительнымъ мѣстамъ его изслѣдованія. Возьмемъ ради примѣра стр. 118 сл., гдѣ онъ полемизуетъ съ Гольдманомъ: „Три примѣра чередованія одного изъ дохміевъ, составляющихъ диаметръ въ строфѣ, съ ямбической триподіей въ антистрофѣ основаны на невѣрномъ чтеніи рукописей, которое исправляется при помощи самыхъ незначительныхъ измѣненій. Такъ то слѣдуетъ читать О. Р. 1360 ѿв д' Ѹвое^с меч' єїц' вмѣсто рукописнаго ѿв д' Ѹвое^с меч' єїц', хотя можно было бы удержать даже рукописное чтеніе считая Ѹвое^с за трибрахъ; ів. 1365, который въ L читается такъ єфо какою какою исправленъ Германомъ слѣдующимъ образомъ єти какою какою; Ant. 1340 єхѡу катектановъ слѣдуетъ измѣнить вмѣстѣ съ Мусграве (!) въ єхѡу єхтаю“. Выходитъ настоящій cicusius: вѣдь все эти измѣненія введены для того, чтобы избѣгнуть соответствія между дохміемъ и ямбическою триподіей (что чтенія рукописей въ остальныхъ отношеніяхъ правильны, въ этомъ согласенъ самъ г. Денисовъ, предлагающій оставить О. Р. 1360 Ѹвое^с, считая его за трибрахъ); Гольдманъ признаетъ это соответствіе законнымъ; какъ же можетъ г. Денисовъ упрекать его въ томъ, что онъ ссылается на неправильныя чтенія? Если теорія Гольдмана избавляетъ насъ отъ необходимости измѣнить рукописное чтеніе, то это является для нея лишь рекомендацией. Предложеніе же г. Денисова „удержать даже рукописное чтеніе въ О. Р. 1360, считая Ѹвое^с за трибрахъ“, не выдерживаетъ критики; вѣдь въ Ѹвое^с

(отъ ἀθλος—ἀθλος) а отъ природы долгое. Другой примѣръ такого же *circulus'* а мы читаемъ на стр. 89 по поводу Soph. El. 1239 sqq.

Изслѣдованіе г. Денисова несомнѣнно выиграло бы, еслибы онъ повелъ его не только дедуктивнымъ, но и индуктивнымъ путемъ; а для этого ему слѣдовало бы подвергнуть разбору не только дохміи, какъ отдѣльные стихи, но и дохмическія строфы, приблизительно такимъ же образомъ, какъ это для юническихъ строфъ было сдѣлано Вильямовицемъ въ его книгѣ объ Исилѣ. Конечно. Вильямовицъ впадаетъ въ другую крайность, основываясь исключительно на эмпиріческихъ данныхъ; и здѣсь примѣнено ученіе о *virtus in medio*. О дохмическихъ строфахъ онъ самъ высказалъ свое мнѣніе въ своемъ изданіи Геракла II 188 сл.; оно было приведено въ систему, хотя и вкратцѣ, его ученикомъ Вайн'омъ въ изданіи Вакханокъ (послѣднимъ г. Денисовъ не могъ пользоваться). Вопросъ о патологіи дохмія, будучи едва ли не самимъ важнымъ для практической метрики, не безынтересенъ и для метрической теоріи; еслибы г. Денисовъ занялся имъ, то его изслѣдованіе дало бы, безъ сомнѣнія, больше самостоятельныхъ результатовъ.

Слогъ г. Денисова, къ сожалѣнію, довольно небрежень; непріятно поражаетъ глаза сплошь и рядомъ встрѣчающійся нелогическій оборотъ „замѣнить что-либо посредствомъ чего-либо“; странное впечатлѣніе производитъ фраза: „сколько ударений слышали въ дохміѣ древніе, мы не знаемъ и потому должны решить этотъ вопросъ самостоятельно“. (стр. 49); совсѣмъ некрасива фраза: „какъ Германъ, такъ и Зейдлеръ въ своемъ объясненіи ритмического значенія дохмія дѣлаютъ двѣ ошибки, которые общія у нихъ, несмотря на нѣкоторое разногласіе между собой (стр. 100)“

Тѣмъ не менѣе изслѣдованіе г. Денисова слѣдуетъ признать добросовѣтно составленною и полезною по высказаннымъ выше соображеніямъ „главою“ если не изъ „греческой метрика“, то хоть изъ метрической теоріи. Просимъ его только въ его собственныхъ интересахъ снабдить свою слѣдующую диссертацию индексомъ, если онъ хочетъ, чтобы она нашла читателей не въ однихъ только оппонентахъ.

Ф. Эльпицкій.

По поводу статьи С. Р—ского „Идеалистическое направление въ славянской наукѣ“.

(Письмо къ Редактору).

Въ отчетъ о дистутѣ проф. И. М. Собѣтіанскаго, составленный мною по желанію заинтересованныхъ въ томъ лицъ и напечатанный въ пятомъ томѣ „Историческаго Обозрѣнія“, по недосмотру корректора вкрадлось нѣсколько грубыхъ и искажающихъ смыслъ опечатокъ. Одна изъ нихъ перешла и на страницы *Журнала Министерства Народного Просвещенія* вмѣстѣ съ выдержкою изъ моего отчета, приводимою г. С. Р—скимъ въ его статьѣ „Идеалистическое направление въ славянской наукѣ“ (въ марговской книжкѣ означенного журнала за текущій годъ). Въ виду этого и во избѣженіе дальнѣйшихъ случаевъ воспроизведенія неправильнаго текста считаю необходимымъ обратить вниманіе читателей редактируемаго Вами почтеннаго органа печати какъ на эту, такъ и на другія опечатки, попавшія въ мой отчетъ. Вотъ онѣ:

Истор. Обозр. V, стр. 182, строка 7 сверху напечатано „объясненіямъ“ вм. „обвиненіямъ“; тамъ же, строка 15 сверху: „Ich habe das meinem Plan Passende“ вм. „Ich habe das in meinen Plan Passende“; стр. 184, строка 3 сверху „опредѣляющимъ“ вм. „отрезвляющимъ“; стр. 186 строка 13 сверху „Собретіанскій“ вм. „Собѣтіанскій“; стр. 190, строка 9 сверху „въ противовѣсъ“ вм. „въ противовѣсь“; тамъ же, строка 4 снизу „точностей“ вм. „неточностей“.

Добровольно взятая мною на себя обязанность протоколиста налагаетъ на меня ответственность за точность передачи чужихъ словъ и мыслей, и я надѣюсь, что Вы не откажете помочь возстановленію правильнаго текста, помѣстивъ это мое заявленіе въ ближайшей книжкѣ *Журнала Министерства Народного Просвещенія*.

А. Деревенщій.

Книжные новости.

Въ течениѣ марта мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНЫХЪ ГУБЕРНИЙ РОССІИ, СОБРАННЫЕ И ИЗДАННЫЕ ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ НА ВЫСОЧАЙШИХЪ ДАРОВАННЫХЪ СРЕДСТВАХЪ. Выпускъ I. ПРИУРАЛЬСКИЙ КРАЙ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РОЗЫСКАНІЯ О ДРЕВНѦЙШИХЪ ОВИТАТКАХЪ Вятской ГУБЕРНИИ. А. А. Смирнова. Москва.

МОЖАЙСКИЕ АКТЫ. 1506—1775. (СII выпускъ. Памятники Древней Письменности, издаваемыхъ Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности). 1892.

Н. Карлеевъ. История Западной Европы въ новое время. Томъ III. Восьмнадцатый векъ и французская революция.

— КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѦТКА ОВЪ ИЗДАНИЯХЪ И ИССЛЕДОВАНІЯХЪ ПО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ЗА 1892 ГОДЪ. П. В. Владимирова. Киевъ.

Б. Тураевъ. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФИННІЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ. С.-Пб.

Архієпископъ Никаноръ, какъ педагогъ. А. Крылова. Новочеркасскъ.

— Мишель Бреаль. ДРЕВНІЕ ЯЗЫКИ ВЪ СРЕДНЕМЪ ОБРАЗОВАНИИ. Лекціи, читанные студентамъ-филологамъ Сорбонны въ 1891 году. Перевелъ Н. Сперанскій. Москва. 1892.

— Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзии, еврейской и русской. Изслѣдованіе И. Созоновича. Варшава.

Н. С. Суворовъ. Къ вопросу о западномъ влияніи на древне-русское право. Ярославль.

ОЧЕРКЪ КОММЕРЧЕСКОЙ ГИОГРАФІИ И ХОЗІЙСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ РОССІИ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ДРУГІМИ ГОСУДАРСТВАМИ. Составилъ Д. Д. Моревъ. Изданіе третье. С.-Пб.

— ЗАИНСКА ОВЪ УЧРЕЖДЕНИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА СОДѦСТВІЯ ФІЗИЧЕСКОМУ ВОСПІТАНИЮ ДВТЕЙ. С.-Пб.

Историческая записка овъ Орловскомъ городскомъ училищѣ съ 1808 по 1893 годъ. Орелъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Иллюстрированное собрание греческих и римских классиков подъ редакцией *Льва Георгиевского* и *Сергия Манищевского*. Царское Село.

- 1) *Гомера. Одиссея*. Часть II. Съ введениемъ, примѣчаніями и 12 рисунками. Объяснилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназии. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. 1891, въ 8 д. л., стр. 106.
- 2) *Гомера. Одиссея*. Часть VI. Съ введеніемъ, примѣчаніями и 12 рисунками объяснилъ *Н. А. Счастливцевъ*, преподаватель Виленской 1-й гимназіи. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. 1892, въ 8-ю д. л., стр. 99.
- 3) *Геродота. Сказки и походъ Дары на скиѳовъ* (кн. IV, гл. 1—140), съ введеніемъ, примѣчаніями, 24 рисунками и географическими картами. Объяснилъ *Г. фон Гаге*, преподаватель Одесской 2-й гимназии. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. 1892, въ 8-ю д. л., стр. 154.
- 4) *Ксенофонтъ. Воспоминанія о Сократѣ*. Книга I, съ введеніемъ, примѣчаніями и 3 рисунками. Объяснилъ *К. В. Гибелъ*, преподаватель С.-Петербургской 7-й гимназіи. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. 1891, въ 8-ю д. л., стр. 91.

Какъ вышедшиe раньше въ свѣтъ выпуска означенного собрания классиковъ, такъ и явившіеся нынѣ составлены по общему плану какъ изложения, такъ и вѣшнаго устройства. Во всѣхъ выпускахъ греческий текстъ, отличающійся типографскою вѣрностью и изяществомъ шрифта, отдѣленъ отъ комментарія; эти двѣ части выпуска являются то одною, то двумя книжками. Каждому комментарію, снабженному иллюстрациями, предписано введеніе, которое повторяется въ каждомъ выпускѣ, посвященномъ одному и тому же классику, какъ напримѣръ, № 1 и № 2, равно какъ въ выпускѣ, содержащемъ

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства наро дного просвѣщенія.

жащемъ въ себѣ первую книгу Одиссеи. Составители же комментариевъ иѣняются до такой степени, что даже пѣсни одной и той же Одиссеи комментируются разными лицами, что не можетъ поглѣть на единство духа толкованія. Хотя комментаторы № 1 и № 2, С. Радецкій и Н. А. Счастливцевъ,—ученые, показавшіе себя уже раньше на поченныхъ трудахъ,—совершенно удачно изволели дѣло и въ подлежащихъ разсмотрѣнію книгахъ, однако же въ комментаріяхъ къ II и IV книгамъ Одиссеи нельзя не замѣтить различія индивидуальности въ ущербъ единству взгляда и приемовъ; первый имѣлъ въ виду преимущественно всестороннее пониманіе смысла текста, относительно языка довольствующійся указаніями, помѣщенными въ отдѣль введенія обь іоническомъ діалектѣ, тогда какъ второй останавливается на этимологическихъ объясненіяхъ Гомерическихъ формъ и вводить въ свое толкованіе элементъ сравнительного языкоznанія.

№ 3 производить особенно благопріятное впечатлѣніе. Не только предметъ IV книги Геродотовой Исторіи, то-есть, разказъ о самой ранней обстановкѣ странъ, вынѣ входящихъ въ составъ нашего отечества, возбуждаетъ самъ по себѣ интересъ учащагося, но и богатый материалъ, добытый составителемъ изъ раскопокъ, произведенныхъ на югѣ Россіи, яркимъ свѣтомъ озаряющій повѣствованіе греческаго историка-путешественника. Прочія объясненія текста, на основавшіи лучшихъ источниковъ, какъ напримѣръ, издания Гейнриха Штейна: Herodot. Berlin (Weidmannsche Buchhandlung) и др., весьма дѣльны и соответствуютъ своему назначенію по грамматикѣ, исторіи, географіи и этнографіи. Предшествующее комментарію введеніе, заключая въ себѣ отдѣлы: I. Геродотъ, II. Исторія Геродота, его предшественники (логографы), и III. Обь іоническомъ діалектѣ Геродота, исчерпываетъ все то, что необходимо знать ученику для полнаго пониманія предлагаемаго греческаго текста.

№ 4. Во главѣ комментарія къ Воспоминаніямъ Ксенофonta о Сократѣ, по общему выше упомянутому плану, помѣщено введеніе, въ которомъ краткими, но весьма наглядными очеркомъ, точно и ясно излагается: I) Исторія греческой философіи до Сократа; II) Биографія Сократа и его ученіе; III) Биографія Ксенофonta и его сочиненія. Самыя же объяснительныя примѣчанія составлены г. Гибелемъ, между прочимъ, подъ руководствомъ издания Людвига Брайтенбаха: Xenophons Memoiren (Sammlung griechischer und lateinischer Schriftsteller mit deutschen Anmerkungen. Weidmann). Но составитель русскаго изданія, самостоятельно воспользовавшись своими

источниками, успѣхъ применить свои основательные филологическія сведения къ потребностямъ русской школы и особенно удачно поставилъ себѣ задачею наводить учениковъ на точный и вѣрный перевѣдь греческаго текста, указывая на духъ русской рѣчи или посредствомъ краткихъ намековъ, или примѣрными оборотами. Не менѣе цѣлесообразны его синтаксическія примѣчанія и указанія на логическую связь между мыслями писателя и на значение частицъ, выражающихъ эту связь. Комментарій г. Гибеля, безъ сомнѣнія, можетъ быть призванъ весьма полезнымъ.

Э. Вейсенборнъ. Сборникъ статей для перевода съ русскаго на греческій. Курсъ V класса гимназій. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Счастливцева, преподавателя Виленской 1-ой гимназіи. Вильна. 1892. въ 8 д. стр. 85. П. 40 к.

Г. Счастливцевъ называетъ свой трудъ переводомъ съ нѣмецкаго, предпринятымъ, по словамъ предисловія, съ согласія составителя подлинника, Э. Вейсенборна, который подъ заглавиемъ: *Aufgabenammlung zum Uebersetzen ins Griechische im Anschluss an die Lectüre von Xenophons Anabasis für die mittleren Klassen der Gymnasien von Dr. Ednund Weissenborn, Lehrer am Gymnasium zu Mühlhausen in Thüringen (Leipzig. 1880)* первый сдѣлалъ ошть предложить учащемуся юношеству для перевода на греческій языкъ заимствованныя изъ текста читаемыхъ въ гимназіяхъ греческихъ авторовъ статьи. Но по сличенію сборника г. Счастливцева съ трудомъ Вейсенборна усматривается, что русскій учебникъ не столько переводъ, сколько самостоятельная обработка одной лишь части предлагаемаго нѣмецкимъ педагогомъ материала, болѣе или менѣе отступающая отъ нѣмецкой книги. Въ составъ разбираемаго сборника вошли первая глава первого (24 §§) и нѣсколько статей втораго отдѣла Вейсенборнова учебника. Принимая въ соображеніе сокращенное по новымъ программамъ число уроковъ, назначенныхъ для грамматическихъ упражненій, г. Счастливцевъ не счѣлъ возможнымъ воспользоваться всѣмъ материаломъ нѣмецкой книги, возникшій при другихъ условіяхъ гимназического преподаванія по греческому языку. За то взятый у Вейсенборна материалъ у г. Счастливцева иложенъ въ нѣсколько измѣненной формѣ и дополненъ новыми статьями. Параграфы распределены по классамъ глаголовъ, (глаголы на *μειν* и глаголы V. VI. VII. VIII классовъ); примѣчанія и словарь, по примѣру Вейсенборна, помѣщены въ видѣ приложенийъ, для того чтобы поставить ученика въ необходимость домашнимъ трудомъ основательно готовиться къ перевѣду.

воду заданной для классныхъ упражненій статьи. Синтаксическая правила, находящіяся у Вейсенборна во главѣ каждой группы примѣчаний, у г. Счастливцева замѣнены краткими указаниями, вошедшими въ самый составъ комментарія, а самыи указанія облечены въ такую форму, что они посредствомъ аналогичныхъ оборотовъ болѣе обращаются къ самостоятельному мышленію ученика, чѣмъ положительное правило. Благодаря источнику, содержаніе статей не можетъ не интересовать ученика; дидактическая послѣдовательность въ грамматическомъ строѣ повѣствовательного текста обнаруживаетъ педагогическую опытность нѣмецкаго ученаго, а порукой за удачное приспособленіе заимствованнаго материала къ потребностямъ нашей школы, къ чему мы относимъ и приложенные таблицы глаголовъ, можетъ служить имя русскаго составителя, который обнаружилъ знаніе дѣла уже раньше другимъ изданіемъ: *Бахоффъ. Сборникъ статей для перевода съ греческаго на русскій и съ русскаго на греческій. Курсы III и IV классовъ гимназій. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1888.*

Рѣчи Демосѳена противъ Филиппа. Для учениковъ гимназій объясняніе Лосмѣръ Добіашъ. Выпускъ 1. Введеніе, первая рѣчь противъ Филиппа и три Олиническія рѣчи. Киевъ. 1892, стр. XXX+152. Цѣна 1 р.

Трудъ г. Добіаша основывается на нѣмецкихъ изданіяхъ вышеизначенныхъ четырехъ рѣчей Демосѳена противъ Филиппа, преимущественно на изданіяхъ А. Вестермана (*Ausgewählte Reden des Demosthenes. Erstes Bändchen*), К. Реданца (*Demosthenes neun Philippische Reden. Erstes Heft*) и Германна Зауппе (*Demosthenis orationes selectae. vol. primum въ Bibliotheca graeca etc. cur. Fr. Jacobs et V. Chr. Rost.*). Введеніе, заимствованное, по содержанію, отъ Реданца, на 30 страницахъ знакомить читателя съ политической обстановкою Греціи, вызвавшею трактуемыхъ рѣчи, и съ биографіею Демосѳена. Оно составлено дѣльно и ясно. Греческій текстъ воспроизводить установившуюся со временемъ И. Беккера, на основаніи рукописи X столѣтія, редакцію. Кроме показанныхъ въ приложенномъ спискѣ опечатокъ, отъ вниманія корректора ускользнули слѣдующія типографскія погрѣшности: Страница 18 строка 2: ὄμηροις вм. ὄμηροῖσται, стр. 67 строк. 1: ἐρωμένος вм. ἐρφωμένος, стр. 77 строк. 2: Λογισμένους вм. Λογιζμένους, стр. 81 строк. 5: πεκολίτευμένου вм. πεκολιτευμένου, стр. 125 строк. 7: ἔχεισι вм. ἔχουσι, стр. 133 строк. 6: μῆλοι вм. μᾶλλοι и т. д.

Что касается до комментария, помещенного непосредственно подъ греческимъ текстомъ и составленного, большою частью, по вышеупомянутымъ немецкимъ изданиямъ, то нельзя не пожалѣть о томъ, что книга г. Добіаша явилась безъ предисловія, въ которомъ бы были сообщены планъ труда, цріемы вложеія и источники, которые легли въ основание комментарія. Безъ такого предисловія трудно понять ссылки, обозначенные римскими и арабскими цифрами, какъ напримѣръ, XVIII, 279, IX, 21; L, 15 и д. Вѣроятно, ссылки относятся къ разнымъ рѣчамъ того-же Демосеена, который, впрочемъ, пока еще не существуютъ въ русскихъ изданіяхъ и поэтому недоступны для учениковъ нашихъ гимназій, хоть и основательно занимающихся предметомъ; потому читатель затрудняется отсутствіемъ указаний на изданія классиковъ, къ которымъ относятся другія ссылки; а наконецъ, нельзя себѣ объяснить, почему г. Добіашъ счелъ нужнымъ испестрять русский комментарій латинскими примѣчаніями, которыхъ подъ конецъ едва ли не чередуются съ русскими. Мы не говоримъ о латинскихъ цитатахъ, которая, по существу дѣла, не могутъ быть приводимы иначе, какъ на языкѣ подлинника; но мы имѣемъ въ виду объясненія, какъ формальныя, такъ и вещественныя, которыхъ составитель, по большей части заимствовалъ изъ латинского комментарія Заупле, могъ бы перевести на русский языкъ; въ такомъ случаѣ онъ сохранилъ бы однообразіе сообщаемаго относительно языка и въ то же время не поставилъ бы ученика гимназіи, для котораго назначенъ комментарій, въ необходимости рѣшать трудности одного чужаго языка, можетъ быть, не легкимъ для него разборомъ другаго, и при томъ безъ всякой надобности.

Впрочемъ, всѣ сообщаемыя г. Добіашемъ объяснительныя примѣчанія, какъ русскія, такъ и латинскія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, научно и дидактически совершенно соответствуютъ своему назначенію, представляя ученику полную возможность, при помощи грамматики и общаго греко-русскаго словаря, вникать въ смыслъ и духъ читаемаго образца греческаго краснорѣчія.

Введение къ чтенію Гомера. Составилъ С. Радецкій, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи. Москва. 1892. Стр. VII+35. Цѣна 35 коп.

Означенная книга по своему содержанію распадается на три части, изъ которыхъ первая (отд. I—IV вкл.) заключаетъ въ себѣ историко-

литературное введение, во второй (отд. V) рассматривается стихосложение у Гомера, а въ третьей (отд. VI) указаны особенности гомеровскаго діалекта. Въ краткомъ, ясномъ, при томъ довольно полномъ и доступномъ ученикамъ старшихъ классовъ изложениі, авторъ на 12-ти страницахъ знакомитъ читателя съ происхожденiemъ Иліады и Одиссеи, при чёмъ онъ касается и гомеровскаго вопроса, съ исторіею текста гомеровскихъ поэмъ и съ значенiemъ этой поэзіи какъ для древнаго міра, такъ и для современаго образования. Затѣмъ слѣдуетъ подробная передача, по отдельнымъ пѣснямъ, содержанія Одиссеи и Иліады и краткій разборъ этихъ произведений и ихъ типовъ. Все это написано весьма дѣльно и съ большимъ оживленiemъ, такъ что эта часть книги представляетъ чрезвычайно интересное и полезное чтеніе для всякаго, кто приступаетъ къ занятіямъ гомеровскими пѣснями. Во второй части книги авторъ даетъ общіи понятія о стихосложеніи древнихъ, а затѣмъ уже знакомитъ учащихся въ подробностяхъ съ гекзаметромъ Гомера, и при томъ сравнительно съ гекзаметромъ латинскимъ, такъ какъ учащіеся одновременно съ чтенiemъ Гомера приступаютъ и къ изученію Овидія. Желая объяснить разницу стихосложения древнихъ отъ нашего тонического, авторъ на стр. 47 говорить слѣдующее: „въ древне-греческомъ и латинскомъ (языкахъ) ритмическое ударение совпадаетъ съ долготой слова, такъ какъ долгіе слоги, требуя для своего произношенія большей силы, притягивали къ себѣ ритмическое ударение“ и въ выносѣ подъ текстомъ продолжаетъ свое объясненіе такимъ образомъ: „греческое ударение состояло не въ усиленіи голоса, какъ наше русское, а въ протяженіи, повышеніи голоса, вслѣдствіе чего греки называли свое ударение *κροσφбіа* (припѣвъ). Не удивительно поэтому, что въ греческой метрикѣ, какъ и въ латинской, ритмическое ударение, состоявшее именно въ большемъ усиленіи голоса, могло не совпадать съ прозаическимъ ударениемъ“. Это не вполнѣ ясно: впервыхъ, непонятно, почему долгіе слоги требуютъ для своего произношенія большей силы, и вовторыхъ, также непонятно, чѣмъ отличается прозаическое ударение отъ ритмического, если, по словамъ автора, первое состоять не только въ повышениіи (тономъ), но также въ протяженіи голоса. Если при этомъ удареніи протягивается голосъ, то ударяемый слогъ произносится протяжно, онъ дѣлается долгимъ, а долгіе слоги, какъ учитъ авторъ, притягиваются къ себѣ ритмическое ударение. Изъ этого *circulus vitiosus* не выйтіи ученику и прочитавъ объясненіе автора, онъ не будетъ имѣть никакого яснаго представления о дѣлѣ. Лучше было бы или все объяснять, или же для объясненія

странныго на первый взглядъ для русскаго ученика явленія, что въ стихѣ значеніе имѣть долгій, а не удараемый слогъ, указать на тѣсную связь греческой метрики съ музыкою. На 49 страницѣ желательно было бы найти объясненіе выражений мужская и женская позура, а также переводъ и объясненіе терминовъ топѣ гефтициарѣс, хатѣ тритонъ трохатонъ и трефтициарѣс. Не понятно бывъ объясненія для учениковъ, что такое буколическіе поэты. На стр. 52, говоря о зіавіи (*hiatus*) и элизіи, авторъ приводить примѣры слишкомъ сложные, то есть, приводимые имъ въ подтвержденіе даваемаго правила стихи представляютъ, кромѣ примѣра на правило, одновременно и другія явленія, для объясненія которыхъ надо примѣнить другое правило. Вообще за этими подробными правилами о томъ, когда у Гомера долгій слогъ сокращается и когда онъ остается долгимъ, можно признать лишь весьма мало практическаго значенія: какъ же ученику при бѣгломъ чтеніи стиха при каждомъ слогѣ припомнить всю эту массу правилъ, изъ которыхъ, вдѣбавокъ, бываетъ масса исключений. Подобный упрекъ въ слишкомъ большой подробности отчасти можно сдѣлать и послѣднему отдѣлу книги, трактующему обѣ особенности гомеровскаго діалекта и занимающему 30 страницъ. Если проходить учение о гомеровскомъ діалектѣ въ предлагаемомъ авторомъ объемѣ, то первое полугодіе, назначенное на чтеніе Гомера, все уйдетъ на изученіе діалекта его твореній. Если же книга назначена служить для справокъ, то авторъ значительно облегчилъ бы пользованіе ею, еслибы приложилъ подробній указатель. Не считаемъ нужнымъ останавливаться на мелкихъ промахахъ и опечаткахъ въ родѣ того, что на стр. 55, какъ примѣръ вставки согласного μ , приводится слово $\delta\mu(\beta)\rho\sigma\varsigma$, или на стр. 57 слово $\ddot{\alpha}\lambda\varsigma$ переводится черезъ латинское *sol*, будучи увѣрены, что авторъ, несомнѣнно хорошо знающій свое дѣло, при новомъ изданіи книги замѣтить и исправить эти мелкие и немногочисленные недостатки.

Въ общемъ, нельзя не признать труда автора хорошую книгою, могущую содѣствовать въ облегченіи учениковъ при чтеніи Гомера и заставить ихъ полюбить этого автора.

Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ И. Сиг. Часть II. Синтаксисъ. Москва 1891. Стр. IV+190. Ц. 80 коп.

Предлагаемая вторая часть составленнаго г. Сигомъ учебника нѣмецкаго языка состоять изъ систематического курса нѣмецкаго синтаксиса и изъ сборника для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій.

Синтаксический курсъ разбитъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) части предложений и согласование ихъ §§ 1—28, 2) употребление падежей, предлоговъ и члена §§ 29—97, 3) глаголъ §§ 98—138 и 4) сложное предложение §§ 139—159. Распределеніе материала, какъ видно, обычное. Отдѣльные правила изложены ясно и опредѣленно, иногда даже довольно удачно, какъ, напримѣръ, § 102: объясненіе значенія перфекта и различіе его отъ имперфекта. Обращено вниманіе главнымъ образомъ на тѣ явленія нѣмецкаго языка, которыхъ различаются отъ соответствующихъ русскихъ. Вообще курсъ синтаксиса составленъ удовлетворительно; въ отдѣльности слѣдующія мѣста вызываютъ замѣчанія: § 6 примѣръ: „градомъ побило хлѣбъ“ переведенъ „der Hagel hat das Getreide zerstrt“. Этотъ переводъ неточенъ и неправиленъ; слѣдовало сказать *zerschlagen*. § 10 также неточно переведена фраза „du bist von Sinnen“ черезъ „ты безумецъ“. § 18 правило: „въ среднемъ родѣ (прилагат.) единств. числа И. и В. часто опускается окончаніе es“—въ такомъ общемъ видѣ не вѣрно. § 30 Xenophonts Arabasis можетъ быть опечатка вместо Xenophonts Anabasis. § 33 „Er bekommt 30 Rubel monatlichen Gehalt“—Слово Gehalt въ значеніи жалованья правильнѣе употреблять въ среднемъ родѣ, хотя мужской родъ встрѣчается. § 34 примѣръ: „Rein Gewissen ist reiner Sprache beflossen“ безъ перевода и толкова-вія не понятенъ ученикамъ.—*Ibid.* 3 примѣчаніе „при wert опредѣлен-ная цѣна ставится въ В., das ist 2 Rubel wert“ примѣръ неудачный, такъ какъ въ немъ винительный падежъ неясенъ; лучше: *das ist einen Rubel wert*. *Ibid.* 4 примѣчаніе въ концѣ: „ich bin es mde“ приводится какъ примѣръ того, что при mde стоять винительный падежъ: но es здѣсь родительный. Указанные до сихъ поръ мѣста относятся къ мелочамъ; въ учениіи же о наклоненіяхъ встрѣчаются положительныя и болѣе серьезныя ошибки. § 108 „Ich hoffe dass er kommt, kommt werde, gekommen sei“—въ этомъ примѣрѣ упот-ребленіе сослагательного *praesentis, futuri* и *perfecti* ошибочно; только и можно поставить изъявительное. Точно также неправильно сослагательное наклоненіе въ примѣрѣ § 112, 2, „der Feldherr griff die Feinde an bevor sie Verstrkung bekmen“ — это по-латыни, а не по-нѣмецки. Сомнительна также правильность фразы § 114 „die Athener schickten den Aristides in die Verbannung, weil er dem Staat gefhrlich sei“. Правило § 115, что „изъявительное *imperf.*, *perf.* и *plusquamperfecti* примой рѣчи безразлично замѣняется перфектомъ въ косвенной рѣчи“—не вѣрно, тѣмъ болѣе, что не обращено вниманія на время, въ которомъ стоять управляющій косвенной рѣчию

глаголь dicendi. Подобные выражения, какъ помѣщенные въ § 116 „Hätte ich Geld, gäbe ich dir или hätte ich Geld gehabt, hätte ich dir gegeben“ едва ли могутъ предлагаться въ учебникѣ синтаксиса, какъ образцового. Далѣе, значение описательной формы сослагательного наклоненія черезъ глаголь sollen и неопределеннное наклоненіе не выяснено; слѣдовало указать, что, выражаясь такъ: „sollte er kein Geld haben, so kann ich ihm geben“, говорящій высказываетъ сомнѣніе въ собственномъ предположеніи. § 117 „alle Menschen müssen sterben“ никакимъ образомъ нельзя признать за новелльное наклоненіе, какъ это предлагается авторъ. Въ § 124 предложеніе „nach seinen Aussagen zu urteilen (судя, если судить), hat er viel erlebt“ невѣрно рассматривается, какъ предложеніе цѣли. § 128: „прилагательныя, какъ стоячій, горючій, ученый и т. д. нѣсколько отличаются въ формѣ отъ соответствующихъ причастій: стоячій, горячій, ученый, въ нѣмецкомъ же такого отличія нѣтъ“. Это замѣчаніе, по своей неопределеннности, для учениковъ никакого не имѣть значенія, а кроме того и не вѣрно: горячій значить brennend, а горючій—brennbar.

Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ даются отдѣльныя, присовѣленныя къ правиламъ синтаксиса фразы и легкія связанные статьи, во второмъ—помѣщены краткія жизнеописанія нѣмецкихъ писателей, въ третьемъ—тексты изъ русскихъ образцовыхъ прозаиковъ: Карамзина, Толстого и Пушкина. Изъ „Писемъ русскаго путешественника“ выбрано сравнительно много (12 писемъ), какъ ради легкой для перевода на нѣмецкій языкъ прозы этихъ писемъ, такъ и ради единства содержанія. Слова и выраженія, неизвѣстныя ученикамъ, помѣщены въ концѣ каждой отдѣльной статьи. Этотъ отдѣлъ книги вообще соответствуетъ своему назначенію, хотя, конечно, въ мужскихъ гимназіяхъ въ виду необходимости въ нихъ переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, этотъ сборникъ можетъ имѣть только весьма ограниченное примѣненіе.

Краткая нѣмецкая грамматика для русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній
Въ двухъ частяхъ. Ч. I Этимологія.—Ч. II Синтаксисъ. Составилъ
Э. Аромета. СПб. 1892. Стр. 80+96.

Онаученная книга поражаетъ читателя прекрасной вѣшнностью—она печатана въ типографіи Императорской Академіи Наукъ на хорошей бумагѣ, крупнымъ, четкимъ и красивымъ шрифтомъ, различными размѣрами котораго авторъ воспользовался весьма искусно для

того, чтобы вредить предлагаемымъ правиламъ большую ясность и наглядность. Самы правила формулированы ясно и определено и по содержанию только въ весьма немногихъ случаяхъ могутъ дать по-воду къ сомнѣнію въ ихъ вѣрности и состоятельности. Что касается материала, вошедшаго въ этотъ курсъ грамматики, и его распределенія, то относительно этимологіи авторъ ограничился дѣйствительно необходимыми свѣдѣніями и распредѣлилъ ихъ удачно; относительно же синтаксиса, интересующаго, повидимому, автора въ значительно высшей степени, можно бы желать большей сдержанности въ сообщеніи, хотя и весьма интересныхъ и любопытныхъ, но не крайне необходимыхъ данныхъ. Это замѣчаніе относится не столько къ обстоятельному изложенію правилъ о порядке словъ въ предложenіи, за коими нельзя не признать, вмѣстѣ съ авторомъ, большаго значенія для пониманія связной вѣмецкой рѣчи, сколько къ тѣмъ подробностямъ, которыхъ помѣщены въ книжкѣ, начиная съ § 116 второй части. Весь этотъ отдѣль, по нашему мнѣнію, лѣшній, за исключеніемъ нѣкоторыхъ правилъ, какъ, напримѣръ, § 125 о мѣстоименіи *es*, § 136 о способѣ обозначенія времени годами, § 137 о винительномъ падежѣ при словахъ *alt*, *gross*, *lang*, *breit* и такъ далѣе. Впрочемъ, пригодность книги для употребленія въ средневъ-учебныхъ заведеніяхъ весьма мало страдаетъ отъ указанного излишества по той причинѣ, что всѣ венужные подробности не разбросаны по разнымъ мѣстамъ учебника, но сгруппированы въ концѣ его въ видѣ особаго приложения, которому недостаетъ только этого названія. Для прохожденія этого приложения въ классѣ едва-ли гдѣ либо окажется достаточно времени и силъ; обыкновенно будутъ останавливаться на страницѣ 50-й, то-есть, на половинѣ всей части, посвященной синтаксису; но эта половина составляетъ въ своемъ родѣ совершенно законченное цѣлое. Сообщаемое въ приложеніи годится скорѣе для справокъ, а потому жаль, что авторъ для облегченія пользованія его книгою не прибавилъ указателя, безъ которого не легко найти желаемую справку. Какъ на достоинство книги слѣдуетъ указать и на то, что грамматика вѣмецкаго языка изложена съ точки зрѣнія русскаго языка, что особенно проявляется въ синтаксисѣ; пропущено все то, что извѣстно ученику изъ прохожденія грамматики отечественнаго языка.

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать на нѣкоторыя замѣчанныя нами неточности, недомолвки и тому подобное: въ отдѣльныхъ правилахъ § 4 примѣчаніе „*Sz* пишется вмѣсто двухъ съ концѣ слова и передъ согласною, въ другихъ случаяхъ по большей части упо-

требляется ss[“]. Слѣдовало указать, что ss пишется послѣ долгой гласной, а ss послѣ краткой.—§ 56. „Сильное склонение прилагательныхъ состоитъ въ томъ, что прилагательное принимаетъ окончаніе то слабаго, то сильного склоненія“ Хотя и въ поимѣнной въ этомъ § парадигмы и видно, въ какихъ падежахъ окончанія слабаго и въ какихъ—сильного склоненія, но все-таки не мѣшало указать въ самомъ правилѣ, что лишь именительные падежи мужскаго и среднаго рода и винительный падежъ среднаго рода имѣютъ окончанія сильного склоненія, вмѣсто того чтобы говорить, что прилагательные принимаютъ то одни, то другія окончанія.—§ 60. „Въ русскомъ языкѣ всѣ степени сравненія имѣютъ особыя формы: опредѣлительную и сказуемую; въ немецкомъ же языке существуетъ только одна форма, которая какъ опредѣлительная склоняется, а какъ сказуемая нѣть“. Значить — и въ немецкомъ не одна, а разныя формы, смотря по употребленію прилагательного въ видѣ опредѣленія или сказуемаго.—§ 100 въ спискѣ окончаній Praesentis Indicativi въ 3-мъ лицѣ рядомъ съ окончаніемъ t въ скобкахъ поимѣщено d. Единственный случай, когда эта послѣдняя буква является на концѣ формы 3 лица ед. числа Ind. Praes.—это wird отъ gl. werden; но тутъ d явно принадлежитъ основѣ и не можетъ рассматриваться, какъ окончаніе, то-есть, какъ личное окончаніе. Неское различеніе окончанія отъ основы проявляется и въ правилѣ, поимѣнномъ въ томъ же §: „Времена, кроме Präs. Ind. и сложныхъ съ пятью временемъ, имѣютъ въ 1 лицѣ ед. ч. различныя окончанія“ и такъ далѣе. Слѣдовало сказать, что Ind. Imperf. въ 1 лицѣ вообще не имѣтъ личнаго окончанія; относительно же формъ сослагательного наклоненія, подразумѣваемаго здѣсь также подъ выражениемъ „времена“, данное составителемъ правило не вѣрно, и самъ онъ, въ § 109, 2 говорить, что: „Imperfectum Coniunctiv неправильныхъ (то-есть, сильныхъ) глаголовъ образуется изъ Imperf. Ind. посредствомъ прибавленія окончанія e“. — § 111 въ числѣ примѣтъ глаголовъ сильного спряженія некстати указана и приставка ge, принимаемая ими въ причастіи прошедшаго времени, потому что и глаголы слабаго спряженія также принимаютъ эту приставку.—Въ спискѣ сильныхъ глаголовъ, § 114, не къ чему было поимѣшать такія по меньшей мѣрѣ сомнительныя формы, какъ: sönne, börge, gölte.—§ 115, II а, формулированъ неясно: „глаголы, въ которыхъ коренная гласная можетъ измѣняться и не измѣняться, при чемъ значение глагола отъ этого не измѣняется“. Въ число этихъ глаголовъ попали и глаголы fechten и flechten, спрягающіеся исключительно только по сильному спра-

женію, а формы *wog, gewogen* относятся не къ помѣщенному здѣсь глаголу *wiegen*, но къ глаголу *wiegen*, какъ и правильно указано въ томъ же § b).—§ 123: „Въ сложныхъ формахъ вспомогательныхъ глаголовъ наклоненіе прошедшаго причастія обыкновенно замѣняется неопределенныймъ наклоненіемъ“. Это дѣлается не „обыкновенно“, но лишь въ случаяхъ, указанныхъ самимъ составителемъ во II ч. § 79.—Въ главѣ о нарѣчіяхъ § 138 сл. ни слова не сказано про нарѣчія мѣста, времени и образа дѣйствія.—§ 140. Прим.:—„Форма *eher* не всегда употребляется, такъ, напримѣръ, вместо *schreibe mir eher* слѣдуетъ сказать *schreibe mir recht bald*“. Да это двѣ совершенно разныя вещи.

Въ синтаксисѣ мы отмѣтили слѣдующее: § 11 прям. „Въ русскихъ придаточныхъ предложенияхъ *ли* часто опускается и такъ далѣе“. Не во всѣхъ придаточныхъ предложенияхъ, но лишь въ двойномъ косвенномъ вопросѣ. На той-же б-й стравицѣ въ примѣчаніи подъ текстомъ составитель, хотя довольно нерѣшительно, утверждаетъ, будто бы „фразѣ: *niemand war nicht zu Hause* собственно можно присыпывать только значеніе: *jemand war zu Hause*“. Ни въ какомъ случаѣ эта фраза, конечно, такого значенія имѣть не можетъ. Въ народномъ языкѣ она значитъ то же, что *niemand war zu Hause*, а въ литературномъ развѣ только — *alle waren zu Hause*.—Въ § 71 и далѣе встрѣчается въ примѣрахъ *Infin. Praeteriti*, во о значеніи этой формы, не имѣющей ничего соответствующаго ей въ русскомъ языкѣ, ясно не сказано въ синтаксисѣ г-на Аронета. Но эти и подобные частные промахи не могутъ значительно умалять достоинства книги.

Извѣнніе вѣмецкихъ писателей для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ Ф. К. Андерсона:

- 1) Мирна фонъ Баригельмъ, или солдатское счастіе, *Лессинга*. С.-Пб. 1892. Стр. 151. Цѣна 35 к., въ папкѣ 45 к. и
- 2) Вальгельмъ Телль *Шиллера*. Съ приложеніемъ карты. С.-Пб. 1892, Стр. 200. Цѣна 40 к., въ папкѣ 50 к.

Планъ предпринятаго г. Андерсономъ изданія избранныхъ вѣмецкихъ писателей, первыми двумя выпусками котораго являются означенныя выше книжки, наложенъ составителемъ въ предисловіи. Каждая книжка снабжена двумя словарями: построчнымъ и алфавитнымъ; каждому произведенію предпосыпается введеніе, объясняющее его значеніе. Особенности въ значеніи словъ отнесены не въ примѣчаніи, а въ построчный словарь; примѣчанія касаются главнымъ

образомъ содержанія произведеній и имѣть назначеніе—заставлять учащихся поглубже вникать въ смыслъ произведенія; съ подобной же цѣлью помѣщены вопросы въ концѣ каждой главы или дѣйствія. Этотъ планъ самъ по себѣ заслуживаетъ одобренія; отвесеніе всего того, что собственно касается пониманія текста въ грамматическомъ и лексическомъ смыслѣ, къ словарю, помѣщаемому въ концѣ книжки, отдѣльно отъ текста, имѣть большія практическія преимущества, заставляя ученика заранѣе приготовить урокъ и не позволяя ученику пользоваться этимъ пособиемъ въ классѣ во время урока. Кроме того всѣдѣствіе такого приема вниманіе читающаго не отвлекается такъ часто отъ текста помѣщаемыми въ немъ цифрами, указывающими на соответствующее примѣчаніе подъ текстомъ. Двойная система словарей даетъ ученику возможность всегда безъ труда отыскать неизвѣстное ему слово; онъ, конечно, обыкновенно будетъ пользоваться построчнымъ словаремъ; въ алфавитному же онъ будетъ обращаться въ томъ случаѣ, когда не найдетъ данного слова въ построчномъ, въ которомъ оно не помѣщено либо потому, что предполагается извѣстными для среднаго ученика, либо потому, что оно уже раньше объяснено въ другомъ мѣстѣ. Для большаго удобства мы посовѣтовали бы составителю брошюровать словари отдѣльно отъ текста—такъ это дѣлается въ изданіяхъ произведеній нѣмецкихъ и французскихъ писателей С. А. Маштейна,—потому что для пониманія связи предложеній весьма важно, чтобы ученикъ, приготовленный урокъ, могъ имѣть текстъ постоянно передъ глазами и не быть принужденъ постоянно перелистывать книгу. Предлагаемый въ словаряхъ значенія нѣмецкихъ словъ и оборотовъ большей частью подобраны весьма удачно и показываютъ, между прочимъ, что составитель хорошо знаетъ русскій языкъ. Намъ пришлось замѣтить лишь немногое, и то неважныхъ, неточностей въ словарѣ къ комедіи Минна фонъ Баригельми, въ родѣ: стр. 110 eigräumen—очистить, стр. 111 die Handschrift вексель, zur Sache thun—относиться къ дѣлу, стр. 112 krepieren—умарать вм. околѣть, стр. 113 die Haut—кожа вм. шкура, стр. 114 das Schulzengericht—волостной судъ, die Haltung der Kapitulation—сдача на капитуляцію, стр. 115 entgelten отплатить, стр. 116 verzogen сокращенный (мы предложили бы выразить der verzogene Name черезъ вензель), стр. 121 die Gefährlichkeit—опасность, представляемая кѣмъ либо (не совсѣмъ понятно), стр. 123 zu Schanden gehauen sein—быть драхмой, стр. 124 Grillen machen мечтать, стр. 131 das Handschreiben бумага вм. грамота, стр. 135 ausreden произносить и т. п.

Введенія, какъ въ той, такъ и въ другой книжкѣ, относятся исключительно только къ самому произведению и не касаются биографіи авторовъ, потому что составитель, по его заявлению въ предисловіи, намѣренъ, какъ бы въ видѣ дополненія къ этому своему издаванію, издать отдельно биографіи нѣкоторыхъ писателей въ объемѣ, удобномъ для класснаго чтенія. Введенія содержать любопытныя данія, относящіяся къ составленію сочиненій авторами и къ оцѣнкѣ ихъ значенія публикой и известными критиками.

По отношенію къ драмѣ Вильгельмъ Телль Шиллера составитель, къ сожалѣнію, не ограничился введеніемъ для критическихъ замѣтокъ, но отвелъ этимъ замѣткамъ довольно много места въ примѣчаніяхъ; это сдѣлано, конечно, съ благомъ намѣреніемъ заинтересовать учениковъ и обратить ихъ вниманіе на планъ всей драмы и на характеристику отдельныхъ дѣйствующихъ лицъ, но едва ли умѣстны и полезны въ учебной книжкѣ такие примѣчанія, какъ помѣщаемое на стр. 91 слл., гдѣ составитель вдается въ обстоятельную полемику съ Берне по поводу поведенія Телля въ сценѣ, гдѣ онъ стрѣлаетъ въ яблоко. Эти примѣчанія, какъ и введеніе, написаны съ одушевленіемъ; въ одномъ случаѣ это одушевленіе увлекло составителя за предѣлы строгой логики: на стр. 125 мы читаемъ: „веселая свадебная музыка звала, представляющая рѣзкій контрастъ съ этой кровавой сценой (убийствомъ Геслера) и потому такъ непріятно поражающая нашъ слухъ, особенно, когда она по приказанію Р. Гарраса мгновенно прерывается“ въ т. д. По существу дѣла—составитель правъ, но выражена его мысль не совсѣмъ точно.—Приложенная къ драмѣ Шиллера карта Фирвальдштетскаго озера и его окрестностей значительно помогаетъ читателямъ разобраться въ изображаемыхъ въ драмѣ событіяхъ и живѣе представить себѣ мѣстность, въ которой они происходятъ. Вопросы, помѣщенные въ концѣ отдельныхъ дѣйствій (которые составитель почему то предпочитаетъ называть актами) и въ концѣ всего произведенія, также способствуютъ уразумѣнію связи между отдельными частями драмы и ясному представленію о характерѣ дѣйствующихъ лицъ.

Изъ всего этого видно, что составитель правильно смотритъ на чтеніе классическихъ произведеній нѣмецкой литературы, не только какъ на упражненіе въ нѣмецкомъ языкѣ, но признаетъ за таковыи занятіемъ большое значение для развитія эстетического вкуса и нравственнаго роста учащихся.

Chevalier, Muntz, Villedenil, Jaquier. PROBLÈMES DE PHYSIQUE. Сборникъ физическихъ задачъ. Переводъ В. К. Вальтера. Часть первая. Воронежъ. 1892, 96 стр. Цена 50 коп.

Задачи, вошедши въ составъ этой книги, заимствованы переводчикомъ изъ двухъ французскихъ сборниковъ Chevalier и Muntz'a и Jaquier. Превосходное собрание задачъ по физикѣ Chevalier и Muntz'a (второе издание пересмотрено и дополнено Villedenil'омъ) состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть содержитъ 122 задачи, относящіяся къ ученію о влияніи силы тяжести на тѣла твердые, жидкіе и газообразныя, къ ученію объ удельныхъ вѣсахъ и объ упругости газовъ и 4 задачи, относящіяся къ сферометру и дѣлительной машинѣ. Эта-то первая часть и вошла цѣлакомъ въ переводъ г-на Вальтера. Разница между оригиналомъ и переводомъ заключается, однако, въ томъ, что въ первомъ подробное рѣшеніе каждой задачи помѣщено вслѣдъ за нею, между тѣмъ какъ въ переводѣ сперва идутъ задачи (стр. 9—35), а затѣмъ ихъ рѣшенія (стр. 37—80). Противъ такой перестановки, впрочемъ, ничего сказать нельзя.

Находя, что отсутствіе вопросовъ для самостоятельныхъ упражнений учащихся составляетъ существенный недостатокъ сборника Chevalier и Muntz'a, г. Вальтеръ прибавилъ еще 72 задачи изъ сборника Jaquier. Эта книга скорѣе всего можетъ быть названа учебникомъ элементарной теоретической физики. Въ ней на 245-и страницахъ подробно разобраны теоретические вопросы физики (а также нѣкоторые вопросы космографіи и химіи), которые решаются приемами элементарной математики. Здѣсь преобладаетъ алгебра. Численные примѣры, ведущіе къ ариѳметическимъ выкладкамъ, составляютъ исключения. Въ концѣ книги помѣщены, въ видѣ добавленія, мелкимъ шрифтомъ, 171 задача, при чемъ ни ходъ рѣшенія, ни даже окончательный результатъ не указаны. Г. Вальтеръ взялъ отсюда большинство, 77 задачъ, относящихся къ ученію о движении и къ гидростатикѣ, и прибавилъ еще нѣсколько задачъ, взятыхъ изъ первой, главной части книги.

Обращаемся сперва къ 122 задачамъ, взятымъ изъ сборника Chevalier и Muntz'a.

Въ общемъ задачи переведены вѣрно; исключение составляютъ три задачи, переводъ которыхъ нельзя называть правильнымъ. Эти задачи слѣдующія:

Zадача 6 (стр. 5 оригинала). „On soumet un mobile, en l'état de repos, à l'action d'une force“... переведено: „Неподвижное тѣло подвергаютъ дѣйствію... силы“...

„Неподвижное тѣло“ есть тѣло не подвижное, то-есть, такое, которое не можетъ быть приведено въ движение (не обладающее ни одной изъ шести степеней свободы). Слѣдовало сказать „Тѣло, находящееся въ покой“.

Задача 78 (стр. 53 оригинала). Рѣчь идетъ о соединенныхъ между собою пробковомъ шарѣ и золотомъ шарикѣ такихъ размѣровъ, что вся система „se tienne en équilibre au milieu de l’alcool“, то-есть, остается въ покой внутри спирта. Г. Вальтеръ неправильно переводить „она, при погружениіи въ спиртъ, находится въ равновѣсіи про всякому положеніи“. Очевидно, золотой шарикъ всегда помѣстится подъ пробковымъ.

Задача 91 (стр. 66 оригинала). Въ задачѣ сказано, что головка винта сферометра была повернута на 310° , а въ переводѣ говорится о 310 -мъ дѣленіи головки винта. Это не одно и то-же, такъ какъ головка почти всегда дѣлится не на 360 , а на 500 дѣленій.

Въ задачахъ 2, 3 и 17 неудачно спрашивается, какова будетъ начальная скорость, время движенія и т. д., если принебречь сопротивленіемъ воздуха". Элементы движенія не зависятъ отъ того, какъ поступаетъ вычислитель. Въ оригиналѣ отдельно поставлена фраза „on négligera la résistance de l’air“ или даже прямо „on seignez au frottement de l’air“.

Въ задачѣ 55 слѣдовало бы объяснить мало известное название „десимъ“ десяти сантимовъ.

Въ задачѣ 52 цѣны почему-то переведены отъ франковъ къ рублеймъ, при чемъ г. Вальтеръ принялъ франкъ равнымъ 50 коп.!

На стр. 35 переводчикъ, повидимому отъ себя, прибавилъ нѣсколько строкъ о способѣ измѣренія высоты горъ помошью барометра. Обращаемся къ задачамъ, взятымъ изъ сборника Jaquier. Мы не могли найти въ оригиналѣ задачъ № 17—21 и задачу № 54.

При решеніи задачи № 52 (какъ и въ № 102 первой части) приходится пользоваться бинономъ расширениія газовъ, такъ что ее не слѣдовало бы помѣщать въ этой части сборника. Какъ уже было упомянуто, 72 задачи не сопровождаются даже указаніемъ результата решения. Какъ сказано въ предисловіи, предоставляется „учащимся самимъ убѣждаться, путемъ изслѣдованія и повторки, въ правдивости получаемаго ими результата“. Это мысль врядъ ли удачная и совершенно необходимо помѣстить въ концѣ сборника списокъ окончательныхъ решений. Безъ этого задачи останутся лишнимъ балластомъ и никакого интереса въ учащихся не возбудятъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА¹⁾.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ СТРОИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ И АРХИТЕКТУРѢ, рекомендованное въ программахъ испытаний на званіе техника путемъ сообщенія. Составили военные инженеры *Л. Бронишъ* и *В. Фишеръ*. Выпускъ I. Материалы и работы, съ 18 листами чертежей. Издание 2-ое, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1891 года.—Выпускъ II. С.-Пб. 1886.

При составлении означенного руководства, авторы имѣли въ виду, — какъ они объясняютъ въ предисловіи, — доставить учащимся сборникъ свѣдѣній по части строительного искусства, разбросанныхъ въ печатныхъ сочиненіяхъ, журнальныхъ статьяхъ и литографированныхъ запискахъ. Эти свѣдѣнія сгруппированы въ рассматриваемомъ руководствѣ въ три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ трактуется о строительныхъ материалахъ, во второмъ—о строительныхъ работахъ, а въ третьемъ—объ устройствѣ разныхъ частей зданій въ отдельности, при чемъ сообщаются вѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся ученія обѣ архитектурныхъ формахъ. Такую группировку содержанія нельзя признать цѣлесообразною. Подъ названіемъ „строительного искусства“ подразумѣвается обыкновенно: 1) ученіе о строительныхъ материалахъ и 2) ученіе о строительныхъ работахъ, при чемъ въ составъ первого отдѣла должны входить всѣ свѣдѣнія относительно строительныхъ материаловъ, а въ составъ второго отдѣла должны входить всѣ свѣдѣнія относительно производства всѣхъ строительныхъ работъ со всѣми подробностями; ученіе же обѣ архитектурныхъ деталяхъ, какъ напримѣръ, колоннахъ, карнизахъ, наличникахъ и т. п., составляетъ особый отдѣлъ архитектуры, съ которымъ ознакомляются учащіе

¹⁾ Помѣщенный здѣсь рецензія имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народного просвѣщенія.

на особыхъ лекціяхъ, отдельно отъ лекцій строительного искусства. И въ рассматриваемомъ руководствѣ не слѣдовало-бы перемѣшивать свѣдѣнія объ архитектурныхъ формахъ со свѣдѣніями относительно устройства разныхъ частей зданій. Точно также не слѣдовало-бы, по нашему мнѣнію, отдѣлять описание устройства разныхъ частей зданій отъ описанія техническаго производства строительныхъ работъ, какъ это дѣлаютъ авторы въ рассматриваемомъ руководствѣ, вслѣдствіе чего свѣдѣнія, относящіяся къ одной и той-же категоріи работъ, разбросаны по разнымъ отдѣламъ руководства, что препятствуетъ ясному изложению, въ послѣдовательной связи, всѣхъ относящихся къ одной и той-же работѣ свѣдѣній, по части конструкціи ихъ, и что должно, несомнѣнно, затруднить пользованіе рассматриваемымъ руководствомъ на дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, желая познакомиться со способами правильной кладки каменныхъ столбовъ, или арокъ, или какого нибудь известной формы свода, мы открываемъ въ рассматриваемомъ руководствѣ самую подходящую, какъ можно полагать, главу „о каменныхъ работахъ“, но, кроме самыхъ общихъ свѣдѣній относительно производства этихъ работъ, не находимъ, къ сожалѣнію, въ этой главѣ желаемыхъ указаний относительно кладки разнаго рода каменныхъ столбовъ, арокъ или сводовъ. Хотя въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы найдемъ эти предметы упомянутыми между описаніями отдѣльныхъ частей зданій, но и тамъ сообщаются не способы сооруженія этихъ частей зданій, какъ этого можно-бы ожидать отъ руководства строительного искусства, а только свѣдѣнія, касающіяся болѣе вѣтшаго ихъ вида, нежели ихъ конструкціи въ техническомъ отношеніи.

Въ руководствѣ Гг. Брониша и Фишера встрѣчаются свѣдѣнія, относящіяся къ самымъ разнообразнымъ специальнымъ отдѣламъ строительного искусства: такъ напримѣръ, встрѣчаются свѣдѣнія о фортификаціонныхъ земляныхъ работахъ, могущія интересовать военнаго инженера, объ архитектурныхъ ордерахъ и вообще объ архитектурныхъ деталяхъ, имѣющія интерес преимущественно для архитектора и т. д. Вслѣдствіе этого обстоятельства становится не вполнѣ яснымъ, для какой именно категоріи техниковъ-строителей предназначается это руководство,—для военныхъ-ли или для гражданскихъ инженеровъ, для архитекторовъ, или-же для техниковъ путей сообщенія?

О послѣднихъ техникахъ приходится вспомнить потому, что на обложкѣ I-го выпуска руководства помянуто, что оно рекомендовано въ программахъ испытаний на званіе техниковъ путей сообщенія. Между

тѣмъ изъ строительныхъ работъ, которыхъ имѣютъ особенное значеніе для техниковъ путемъ сообщенія, болѣе обстоятельно описываются только земляные работы и устройство оснований; объ остальныхъ-же работахъ, какъ напримѣръ, объ устройствѣ дорогъ, мостовъ, плотинъ, набережныхъ и друг. работахъ, имѣющихъ такое-же важное значеніе для названныхъ техниковъ, какъ и производство земляныхъ работъ и устройство оснований, упоминается только поверхности или даже вовсе не упоминается, такъ что рассматриваемое сочиненіе едва-ли можетъ служить руководствомъ для техниковъ путемъ сообщенія. Точно также едва-ли рассматриваемое руководство можетъ быть признано пригоднымъ для военныхъ инженеровъ по одной только вышеупомянутой статьѣ о фортификаціонныхъ земляныхъ работахъ, имѣющей значеніе для этого рода техниковъ-строителей. Что-же касается архитекторовъ и гражданскихъ инженеровъ, то и для нихъ рассматриваемое сочиненіе не можетъ служить пригоднымъ руководствомъ по той причинѣ, что въ немъ трактуется о такихъ важныхъ работахъ, какъ, напримѣръ каменныхъ, весьма поверхности, и потому еще, что въ немъ пропущено описание многихъ работъ, имѣющихъ весьма важное значеніе въ строительной практикѣ архитектора или гражданского инженера. Такъ, напримѣръ, вовсе не упоминается объ устройствѣ отопленія, вентиляціи, освѣщенія и водоснабженія зданий; объ устройствѣ ретирадныхъ мѣстъ, отводѣ нечистотъ и т. под. весьма важныхъ въ практическомъ отношеніи работахъ.

Пригодность рассматриваемаго руководства, по нашему мнѣнію, несомнѣнно увеличилась-бы, еслибы почтенные авторы, при составленіи этого руководства, имѣли въ виду какую нибудь опредѣленную специальность строительной техники и ограничились-бы основательнымъ изложеніемъ строительного искусства для нуждъ техниковъ известной опредѣленной специальности строительного дѣла, выѣсто того чтобы сообщать массу стривочныхъ и неполныхъ сведѣній, касающихся всевозможныхъ строительныхъ специальностей.

Что касается самого содержанія руководства, то, въ частности, можно слѣдить слѣдующія замѣчанія.

При перечисленіи естественныхъ камней, употребляемыхъ въ строительномъ дѣлѣ, слѣдовало-бы также упомянуть о разныхъ за-граничныхъ камняхъ, какъ, напримѣръ, разнаго рода мраморѣ, песчаникѣ и проч. камняхъ, весьма часто употребляемыхъ у насъ въ строительномъ дѣлѣ, которые привозить изъ заграницы представляется, по настоящее время, болѣе выгоднымъ, чѣмъ добывать ихъ строителю у

насть въ Россіи, что происходит отъ неимѣнія въ Россіи надлежаще устроенныхъ каменоломенъ и удобныхъ путей сообщенія, соединяющіхъ мѣста нахожденія этихъ каменныхъ породъ съ главными городами имперіи. Такъ упоминается въ руководствѣ, что для облицовки стѣнъ Исаакиевскаго собора въ С.-Петербургѣ употребленъ такъ называемый финляндскій мраморъ, добываемый въ деревни Руссекала, близъ Ладожскаго озера, что вполнѣ вѣрно; но слѣдуетъ замѣтить, что для реставраціи этой облицовки нужно было употреблять итальянскій мраморъ, потому, что изъ заброшенныхъ Руссекальскихъ ломокъ нельзя было добыть ни одного годнаго куска мрамора, несмотря на предлагаемую правительствомъ весьма высокую плату за выломку его. Взамѣнъ финляндскаго, пришлось употребить итальянскій мраморъ, который обошелся правительству въ половину дешевле, чѣмъ Руссекальскій, несмотря на то, что онъ лучшаго качества, то-есть гораздо прочнѣе, чѣмъ финляндскій мраморъ, и несмотря даже на значительную отдаленность мѣста добыванія его, въ Италии.

Подобныхъ примѣровъ относительно строительныхъ материаловъ можно было бы привести еще много.

На стр. 7, гдѣ приводятся условія прочности естественныхъ замѣй, было-бы не лишнее упомянуть объ общемъ признакѣ прочности камней кварцевыхъ породъ, то-есть, упомянуть о томъ, что прочность камня находится въ прямой зависимости отъ количества содержащаго въ немъ кварца, или, другими словами, чѣмъ больше кварца содержитъ камень—тѣмъ онъ прочнѣе, чѣмъ больше онъ содержитъ слюды,—тѣмъ онъ становится слабѣе и менѣе пригоднымъ для употребленія въ строительномъ дѣлѣ.

Въ статьѣ объ искусственныхъ камняхъ было-бы желательно дополнить замѣтку объ огнеупорномъ кирпичѣ болѣе подробными свѣдѣніями, напримѣръ, о самомъ материалѣ, изъ которого онъ приготавливается, и т. п.

Предь описаніемъ приготовленія щебня, на стр. 37, поставленъ заголовокъ: „Искусственный щебень“. Слово „искусственный“ представляется здѣсь лишнимъ, такъ какъ въ строительномъ дѣлѣ употребляется обыкновенно щебень, приготовленный посредствомъ раздробленія булыжника или другихъ болѣе твердыхъ породъ камней, или-же искусственного камня, напримѣръ кирпича.

На стр. 45 сказано, что Пуццоланъ называютъ лаву, вытекшую изъ кратеровъ вулкановъ, сѣраго или темно-бураго цвѣта. Пуццоланъ, действительно, вулканическаго происходженія, но не есть лава, а землянистый туфъ, который представляетъ собою легко растираемую,

то черную, то съюю, то бурую массу, которая состоит изъ кремнезема, глиновезма, извести, магнезии, калия, натра, окиси желѣза и титана, и воды.

На стр. 51 сказано, что альбастр есть продуктъ обжига гипсовыхъ камней. Это не точно. Альбастромъ называется кристалловидный гипсъ, чистѣйшій и лучшій изъ гипсовыхъ породъ, и употребляется онъ для изготоенія предметовъ роскоши.

Въ замѣткѣ о замазкахъ не упомянуты употребительнѣйшия замазки для камня, желѣза и т. п.; также не упомянуто между второстепенными материалами водное стекло.

Во второмъ отдѣлѣ, въ которомъ описываются разныя строительные работы, одна изъ важнѣйшихъ въ строительномъ дѣлѣ работы, кирпичная кладка, описывается недостаточно полно и основательно, какъ бы того требовало важное значеніе кирпичной кладки въ строительномъ дѣлѣ. Описание кирпичной кладки страдаетъ не только упомянутыми недостатками, но и такими указаніями, которые не должны бы находить себѣ мѣста въ руководствѣ строительного искусства, въ которомъ должны быть преподаваемы лишь наилучшіе способы производства строительныхъ работъ, а не дурные, какъ напримѣръ, употребленіе половника и несоблюденіе правильной перевязи внутри стѣнъ (см. стр. 147 Руководства). Кроме того, относящіеся къ кирпичной кладкѣ пояснительные чертежи исполнены небрежно и не даютъ яснаго представленія о правильной кирпичной кладкѣ стѣнъ арокъ, перемычекъ и разнаго рода сводовъ.

Такъ же поверхности трактуется, въ рассматриваемомъ руководствѣ, о печныхъ работахъ; сообщаются о нихъ только самыя краткія свѣдѣнія и вовсе не описывается самое устройство печей, кухонныхъ плитъ, каминовъ и т. д.

Къ печнымъ работамъ относено устройство набивныхъ и глиновитныхъ стѣнъ; было-бы правильнѣе отнести ихъ къ бетоннымъ работамъ.

При описаніи штукатурныхъ работъ, сказано, что дрань приивается трехдюймовыми штукатурными гвоздями. Это не вѣрно. Дрань приивается обыкновенно, если подъ нее кладется войлокъ, штукатурными гвоздями, длиною $1-1\frac{1}{2}$ дюйма. Так же не вѣрно опредѣлена длина шпилекъ въ $\frac{1}{8}$ дюйма, которыми прикрѣпляются стекла въ оконныхъ рамкахъ; они должны быть, по крайней мѣрѣ, длиною въ 1 дюймъ; а для укрѣпленія стеколъ въ оконныхъ рамахъ берутъ просто кусокъ проволоки, и, согнувъ его конецъ подъ прямымъ угломъ, приблизительно длиною въ 1 дюймъ, забиваютъ этотъ согнутый конецъ

въ раму и отламываютъ его затѣмъ отъ остальной длиной части нѣсколькими движеніями по противоположнымъ направленіямъ.

Относительно устройства отдѣльныхъ частей зданія, болѣе пространно описывается устройство основаній, но и здѣсь встрѣчаются неясности и недомолвки; такъ напримѣръ, на стр. 233, описание нидерландскаго способа спиливанія свай подъ водою для всѣхъ незнакомыхъ съ этимъ способомъ останется непонятнымъ, не только по прочтеніи описанія этого способа, но и по разсмотрѣніи соответствующаго 64-го чертежа атласа.

Точно также замѣтка о песчанныхъ сваяхъ слишкомъ кратка для того, чтобы возможно было руководствоваться ею при примѣненіи подобныхъ свай на дѣлѣ. Между тѣмъ встрѣчаются,—и весьма часто,—болѣе или менѣе длинныя изложенія въ общихъ словахъ, которыя можно было значительно яснѣе выразить нѣсколькими опредѣленными указаніями. Такъ напримѣръ, при описаніи накидной кладки, на стр. 244, сказано: „чтобы сопротивляться химическому дѣйствію воды, камни должны состоять изъ веществъ, наразрушаемыхъ морской водою и т. д.“ Это только общее указаніе; было-бы несравненно полезнѣе прямо указать, изъ какихъ имѣю веществъ должны состоять камни, чтобы они не подвергались разрушенію отъ дѣйствія на нихъ морской воды, и назвать: какие это именно камни и т. д. Тамъ-же сказано, что весьма полезно употреблять для накидной кладки искусственные камни, но не сказано, какие именно искусственные камни пригодны для этой цѣли. Затѣмъ, тамъ-же сказано, что откосы на кидныхъ основаній изъ искусственныхъ камней лѣмлются круче, чѣмъ при употребленіи естественныхъ камней, но на сколько они должны быть круче,—опять не сказано. Между тѣмъ подобныя неподобныя сѣдѣнія и указанія очевидно, недостаточны для практическаго примѣненія.

При описаніи кладки фундаментовъ изъ бутовой плиты, сказано, что „кладку надо вести слоями, выравнивая каждый слой и употребляя, по возможности, для каждого слоя камни одинакового размѣра“. Тутъ слѣдовало-бы сказать: камни одинаковой толщины, а не одинакового размѣра. Слѣдовало-бы здѣсь упомянуть, что швы между камнями разщебениваются мелкими камнями.

На стран. 271 сказано: „Нижняя выступающая часть стѣны сверхъ горизонта земли, называется цоколемъ“. Тутъ неправильно употреблено слово: „горизонтъ“, подъ которымъ здѣсь, вѣроятно, подразумѣвается поверхность земли. Горизонтъ земли—понятіе совершенное другое, чѣмъ поверхность земли.

На стр. 272 (на 5 строкѣ сверху) послѣ словъ „при покатой

мѣстности высота цоколя дѣлается уступами" непонятны слова „и тогда строеніе состоитъ изъ отдельныхъ частей, пониженній соотвѣтственно мѣстному уклону“

На стран. 284, на 10 строкѣ снизу, слѣдуетъ замѣнить слово „землебитный“ словомъ „глинибитный“.

На стран. 287, на 12 строкѣ сверху, сказано, что при оштукатуркѣ фахверковыхъ стѣнъ надо обращать вниманіе, чтобы штукатурка не отставала отъ деревянныхъ частей скелета, но не сказано какимъ именно способомъ можно достичь этого.

Черченіе архитектурныхъ профилей посредствомъ циркуля, какъ это предлагается авторами на 289 стр., нельзя одобрить; ихъ слѣдуетъ рисовать отъ руки.

Относительно изображенныхъ на 28 таблицѣ разныхъ карнизовъ можно высказать иѣкоторое сомнѣніе въ устойчивости конструкціи иѣкоторыхъ изъ нихъ; такъ, напримѣръ, фиг. 151 представляется весьма опасною конструкциєю, равно какъ и изображенная въ фиг. 164 конструкція карниза, который во время вѣдки весьма легко можетъ обрушиться.

На стран. 291, на 9 строкѣ сверху, сказано, что оштукатурка кирничныхъ карнизовъ производится по шаблонамъ, профили которыхъ составляются преимущественно изъ прямыхъ линій. Это бываетъ весьма рѣдко. Профили составляются изъ прямыхъ и разныхъ кривыхъ линій, какъ того потребуетъ стиль самого зданія.

На стран. 295, на 2 строкѣ сверху, сказано: „при высотѣ покрытия антаблемана“. Здѣсь, очевидно, слѣдуетъ вставить между словами „покрытия“ и „антаблемента“ слова „то-есть“, а то выраженіе „покрытие антаблемента“ не имѣть никакого смысла.

На стран. 297, на 4 строкѣ сверху, упоминается о двухъ видахъ базы юнической, то-есть, аттическо-юнической и малоазіатско-юнической, различіе которыхъ остается для читателя непонятнымъ по отсутствію обстоятельныхъ чертежей.

На стран. 298, на 7 строкѣ снизу, говорится о нормальныхъ коринѣскихъ капителяхъ. Какія именно капители коринѣскаго ордера авторъ называетъ нормальными,—намъ неизвѣстно, и въ рассматриваемомъ руководствѣ это не объясняется.

На стран. 298, послѣдней строкѣ, сказано, что высота деревянныхъ подпоръ можетъ быть въ 20 разъ болѣе почерченаго сѣченія. Какъ это понять? высота—это мѣра длины, а сѣченіе—плоскость. Точно также можно-бы сказать: одинъ аршинъ длине въ 20 или 30 разъ зеребрянаго рубля. Такіе промахи встрѣчаются еще иѣсколько разъ.

На стран. 300 изобрѣтеніе сводовъ приписывается этрурцамъ. Утверждать это аподиетически нельзя въ настоящее время, когда стало извѣстно, что и другими народами древняго міра сооружались сводчатыя постройки самостоительно, не подъ влияніемъ Этруріи.

На той-же 300 страницѣ, на 13 строкѣ снизу, приводятся два наклонныхъ камни, упирающіеся другъ на друга, какъ примѣръ для участія дѣйствующихъ въ сводѣ силъ. Лучше было бы взять разрѣзъ какого нибудь свода, чѣмъ изображеніе двухъ камней, какъ они показаны въ фиг. 2 на 30 табл. атласа. Вообще, это объясненіе слишкомъ кратко и потому не можетъ дать яснаго понятія объ этихъ силахъ, изложеніе которыхъ вообще не относится къ курсу строительного искусства, а къ курсу строительной механики.

На стран. 302 сказано, что при выборѣ направляющей сводъ слѣдуетъ руководствоваться, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, чтобы форма направляющей приближалась къ кривой внутрен资料 давленія свода.

Но что это за линія внутренняго давленія свода, не сказано; нельзя признать объясненіе силы R , на 300 стр., достаточнымъ объясненіемъ этой линіи.

На стран. 303, на 14 строкѣ сверху, сказано невѣрно, что высота пиластръ съ ихъ базами должна равняться высотѣ арочнаго просвѣта, если эти пиластры украшаютъ устои или столбы, на которыхъ упираются арки. Въ такомъ случаѣ и при горизонтальномъ архитравѣ, высота пиластръ должна быть больше, чѣмъ высота арочнаго просвѣта.

Чтобы начертить разрѣзку крестового свода, авторы исходить, на стран. 306, отъ линіи діагональнаго сѣченія свода. Это неправильно. Крестовый сводъ означается обыкновенно на вертикальныхъ плоскостяхъ направляющими цилиндровъ, отъ сѣченія которыхъ онъ происходит. Для черченія діагональныхъ кружалъ нельзя исходить отъ діагонали, а, напротивъ, нужно находить діагонали изъ данныхъ направляющихъ.

На стран. 308, на 12 строкѣ сверху, сказано, что въ многоугольномъ пространствѣ, какъ фиг. 24, на 31 табл., точка пересѣченія діагонали избирается въ центръ фигуры. Такія неправильныя фигуры, какъ изображеныныи здѣсь, не имѣютъ центра; въ такихъ случаяхъ берется центръ тяжести.

Обыкновенные дымовые трубы достаточно удалать отъ потолочныхъ балокъ на 6 вершковъ; соблюдение разстоянія въ 9 вершк., какъ это требуется на 321 страницѣ руководства, можетъ оказаться весьма затруднительнымъ при конструкціи потолковъ.

Задѣлка балокъ въ стѣны на 3 вершка, какъ сказано на 323 стран., на 9 строкѣ снизу, не достаточна; потолочные балки слѣдуетъ задѣлывать въ стѣны на 6 вершковъ.

Изображенное въ фиг. 87 скрѣпленіе желѣзныхъ балокъ между собою нельзя рекомендовать: оно не прочно, потому что весь грузъ лежитъ только на заклепкахъ.

Изображенная въ 105 фиг. конструкція потолковъ изъ волнистаго желѣза не годна. Волнистое желѣзо не должно быть расположено своими волнами параллельно потолочными балкамъ; оно должно быть расположено подъ прямымъ угломъ къ нимъ. Сопротивленіе волнистаго желѣза вдоль волнъ самое ничтожное.

Для устройства фундамента подъ мозаичные полы не слѣдуетъ употреблять известкту, какъ сказано на 336 стран.; известка пучится и вслѣдствіе сего подымается, иѣстами, самый полъ.

При устройствѣ асфальтовыхъ работъ достаточно употреблять двѣ деревянныхъ рейки для опредѣленія толщины слоя асфальта, и нѣть надобности въ устройствѣ клинокъ, составленныхъ изъ деревянныхъ горизонтальныхъ реекъ, какъ сказано на 337 страницѣ.

На стран. 339, на 14 строкѣ сверху, сказано, что паркеты и штуцные полы приводятся въ правильную плоскость оструганіемъ ихъ особымъ стругомъ, оставляющимъ мелкія бороздки; послѣднія дѣлаются съ тою цѣлью, чтобы клей лучше держалъ фанерки. Это не понятно. Когда паркетины приводятся въ правильную плоскость, то они уже оклеены фанерками, и мелкія бороздки, которыми дѣлаются на нижней сторонѣ фанерокъ, до оклейки ими паркетинъ не имѣли бы смысла.

На стран. 341, на 3 строкѣ снизу, сказано, что стропила обыкновенно производить распоръ на стѣны, поддерживающія нижніе концы стропилъ. При хорошей конструкціи этого не должно быть. Желательно было бы дополнить чертежи нѣсколькими хорошими конструкціями односкатныхъ крышъ.

Описанная на стран. 349 конструкція крыши съ употребленіемъ кирпичныхъ столбовъ не хороша, потому что трудно связать ихъ съ деревянными частями крыши. Употребленіе деревянныхъ стоекъ для этой цѣли—несравненно практичеѣ.

Изображенная въ фиг. 144 конструкція стропилъ устарѣла и не устойчивая, а изображенная въ 145 фиг. конструкція въ общемъ хороша и не можетъ измѣнить вида, какъ это сказано на 351 стран., на 14 строкѣ сверху, нужно только ее тщательно исполнить.

Конструкція стропилъ, показанный въ фиг. 148 и 149, непонятны.

Изображенные въ фиг. 151 и 152 соединенія стропилъ съ бабою не хороши безъ желѣзныхъ башмаковъ или хомутовъ.

Срѣзывать закраины у двутавроваго желѣза для укрѣпленія трехъ струнъ, какъ это показано на 165 фиг. и объяснено на 353 стран., нельзя признать хорошимъ способомъ. Гораздо лучше—сдѣлать соединеніе посредствомъ накладки изъ котельного желѣза, положенной на закраины двутавроваго желѣза, съ прокладкою между ними подкладкой. Но лучше всего—избѣгать употребленія двутавроваго желѣза для строеній и брать или однотавровое желѣзо или — образное желѣзо.

Фигура 172 небрежно начерчена: подкосы дѣлять стропила на неравныя части, что неправильно.

На стран. 360, на 14 строкѣ снизу, сказано: „непосредственная настилка кровли поверхъ потолка“; это не вполнѣ понятно безъ чертежа.

На стран. 363 сказано, что для иѣкоторыхъ родовъ кровель, выѣсто обрѣшетки, необходима сплошная досчатая настилка. Слѣдовало бы сказать, для какихъ именно кровель.

Исполненіе винтовой лѣстницы съ столбомъ въ срединѣ и перемычками изъ кирпича для каждой ступени отдельно, какъ сказано на 373 стран.,—работа сложная и весьма трудно исполнимая.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о большомъ количествѣ опечатокъ, которыя испещряютъ руководство гг. Брониша и Фишера. Даже въ перечѣ опечатокъ встрѣчаются опять ошибки.

COURS ÉLÉMENTAIRE DE LANGUE FRANÇAISE par. J. B. Hildebrand. [Элементарный курсъ французскаго языка. Составилъ И. Б. Гильдебрандъ]. С.-Пб. 1890—1892. Часть I, стр. 70. Цѣна 30 к. Часть II, стр. 176. Цѣна 70 к.

Элементарный учебникъ французскаго языка, составленный г. Гильдебрандомъ, назначенъ для втораго, третьаго и четвертаго классовъ реальныхъ училищъ, къ программѣ которыхъ авторъ старался привѣтствовать свой трудъ. Первая часть, судя по ея содержанию и объему, назначается для первого года обученія языку; она состоитъ изъ двадцати параграфовъ, изъ которыхъ одинъ дѣлается на три другие и на четыре части, могущія составить столько же урочныхъ заданий. Текстъ состоитъ преимущественно изъ отдѣльныхъ фразъ изъ области обыденнаго разговорнаго языка и приспособленъ къ сообщенію учащимся грамматическихъ свѣдѣній, составляющихъ теоретическую задачу первого курса. Каждый параграфъ, начиная съ третьаго, заключаетъ два отдѣла для перевода съ французскаго языка на русскій и одинъ съ русскаго на французскій, для повѣрии изученій

лексики и примѣненія объясненныхъ учащимся правилъ; четвертый отдѣлъ параграфовъ, начиная съ одиннадцатаго, составляетъ легкія недлинныя статьки, чередующіяся съ небольшими стихотвореніями. Весь этотъ текстъ составленъ хорошо, умѣло и вполнѣ соответствіемъ возрасту учащихся. Къ тексту, кромѣ вocabуль, помѣщенныхъ въ концѣ книжки, дано двѣнадцать параграфовъ, заключающихъ въ себѣ „замѣтки по произношенію“ и относящихся къ первымъ двѣнадцати параграфамъ методической части учебника. Затѣмъ въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „грамматическая замѣтка“, помѣщены обстоятельныйныя къ каждому параграфу упражненія теоретической объясненія. Система расположения лексического и грамматического материала составлена г. Гильдебрандомъ хорошо, съ соблюдениемъ послѣдовательности и связи въ составныхъ ея частяхъ. Грамматическая замѣтка изложены правильно и удобопонятно; только въ § 19 (стр. 57) членъ *des* неправильно включенъ въ число формъ частичнаго члена, который по сущности своего значенія не можетъ имѣть формы множественнаго числа, такъ какъ выражаетъ только некоторую частицу предметовъ вещественныхъ, способныхъ дробиться на части, не изменяя своего названія. Но о грамматическихъ замѣткахъ г. Гильдебранда можно сказать вообще, что онѣ совокупностью своею составляютъ достаточно тяжелый курсъ для начинающихъ учащихся: авторъ, кажется намъ, значительно увлекся, проводя синтаксисъ параллельно съ этимологіей. Конечно, и въ самомъ началѣ некоторыхъ синтаксическихъ свѣдѣній необходимы для разумнаго изученія этимологическихъ формъ, но синтаксическая частности даются очень трудно начинающимъ ученикамъ: уже съ пятаго параграфа г. Гильдебрандъ вводитъ личныхъ мѣстоименія въ качествѣ дополненій, что сильно затруднить учащимся практическія упражненія, такъ какъ правильное употребление и постановка мѣстоименій дополненій въ различныхъ оборотахъ рѣчи даются весьма не легко и требуютъ большаго навыка. Кромѣ того, г. Гильдебрандъ даетъ грамматикѣ слишкомъ большое развитіе въ своемъ учебнику, и каждый его параграфъ является слишкомъ сложнымъ въ теоретическомъ отношеніи, особенно въ началѣ изученія; такъ, въ томъ же б-мъ параграфѣ, кромѣ формъ мѣстоименій личныхъ въ качествѣ дополненій, съ относящимися къ нимъ двумя примѣчаніями, тутъ же даются два правила образованія множественнаго числа въ прилагательныхъ и пять правилъ образованія въ нихъ формы женскаго рода: на первыхъ порахъ этого слишкомъ много для одного параграфа. Тринадцатый параграфъ заклю-

чаетъ всѣ особенности глаголовъ перваго спражженія, безъ чего начальный курсъ свободно могъ бы обойдтисъ. Параграфъ 20-й заключаетъ въ себѣ числительныя количественныя, съ относящимися къ нимъ тремя правилами и тремя примѣчаніями, числительныя порядковыя, съ двумя къ нимъ правилами, и, наконецъ, относительныя же-стоименія *qui* и *que*: всего этого также, кажется намъ, много для одного параграфа.

Вторая часть учебника г. Гильдебранда заключаетъ 33 крупныхъ параграфа. Составъ этой части совершенно такой же, какъ и первой, и такая же исправность въ научномъ отношеніи; система распределенія учебнаго материала и подборъ соответственнаго текста для упражненій заслуживаютъ одобренія. Но и въ этой части также, какъ въ первой, а, можетъ быть, даже и въ большей степени, видно излишнее увлечеіе г. Гильдебранда грамматикой. Подчиняясь указаніямъ примѣрныхъ программъ относительно распределенія этиологическихъ формъ въ трехъ элементарныхъ классахъ, составитель не пожелалъ ограничиться только главнейшими положеніями синтаксиса, къ нимъ относящимися, но включилъ и все то, что программы относятъ къ курсамъ 5-го и 6-го классовъ. Если съ одной стороны учебникъ г. Гильдебранда выигрываетъ въ томъ отношеніи, что въ немъ каждая форма является съ полнымъ опредѣленіемъ ея роли въ составѣ рѣчи и тѣми особенностями, которыми она отличается въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, то съ другой проигрываетъ успѣхъ преподаванія, такъ какъ онъ неминуемо долженъ замедляться трудностью усвоенія учениками синтаксическихъ подробностей и даже тонкостей, не соответствующихъ элементарной ступени изученія языка. Учебникъ г. Гильдебранда сдѣланъ въ цѣломъ такъ хорошо, что при употреблении его въ качествѣ руководства успѣхъ могъ бы быть значительный, еслибы возможно было растянуть изученіе его на пять классовъ; но доводить учащихся до чтенія цѣльныхъ сочиненій въ 5-мъ и 6-мъ классахъ реальныхъ училищъ безъ знанія всѣхъ формъ полного спражженія и неправильныхъ глаголовъ, конечно, не представляется возможнымъ. Поэтому рассматриваемый учебникъ долженъ быть законченъ въ элементарномъ курсѣ и здѣсь онъ потребуетъ большихъ усилий отъ учащихся, а отъ учащиковъ большей умѣлости вести дѣло и обходить лишнія въ данное время трудности и подробности; при такихъ условіяхъ трудъ г. Гильдебранда можетъ быть полезнымъ руководствомъ.

ССЕРАЗІК ФРАНЦУЗСКІХ АВТОРОВЪ ДЛЯ ШКОЛЬНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ И ДЛЯ САМООБУЧЕНИЯ, ИЗДАНІЕ А. А. АЛЕКСѢЕВА. „Le Village“ par Octave Feuillet. Съ примѣчаніями и словаремъ составилъ А. Алексѣевъ, преподаватель Царскосельской Александровской гимназіи и Альбертъ Русси, преподаватель 5-й Киево-Печерской гимназіи. Выпукъ седьмой. С.-Петербургъ. 1892. Стр. 94 въ 16-ю д. л. Цѣна 30 к.

Седьмой выпускъ издания г. А. Алексѣева, подобно всѣмъ предшествовавшимъ выпускамъ, заключаетъ краткую біографію избранного автора, изложеніе содержанія предлагаемаго сочиненія, комментаріи къ тексту въ видѣ выносокъ внизу страницы и алфавитный словарь. Выпукъ этотъ г. Алексѣевъ обработалъ въ сотрудничествѣ съ г. Альбертомъ Русси. Одноактная комедія Octave'a Feuillet *Le village* одна изъ тѣхъ немногихъ комедій новѣйшаго времени, которые могутъ быть, по содержанію своему, допущены къ чтенію въ учебныхъ заведеніяхъ безъ всякихъ сокращеній; по небольшому объему, богатству и изяществу языка, а также по отсутствію вульгарныхъ выражений сочиненіе это весьма удобно для класснаго употребленія въ качествѣ учебнаго пособія по французскому языку: въ новыхъ программахъ оно указано въ числѣ сочиненій, рекомендуемыхъ для чтенія въ двухъ старшихъ классахъ (7-мъ и 8-мъ). Текстъ этого выпуска напечатанъ удовлетворительно, съ надлежащей типографской исправностью; объясненія въ выноскахъ сдѣланы хорошо, не вызываютъ никакихъ замѣчаній, кроме развѣ сожалѣнія о томъ, что нѣкоторые выраженія, которыми вообще такъ богатъ языкъ Octave'a Feuillet, не нашли места ни въ выноскахъ, ни въ словарѣ: для примиѣра укажемъ на слѣдующія: *s'aider de qch.* (въ значеніи пользоваться чламъ-нибудь), *se défaire de qch.* (отдѣляться отъ чего, отвыкнуть), *faire campagne* (*cas*, *attention à..*, *voici*, *bonneur à qn.* *de qch.*, *voile*, *mal*, *tort*), *jouer un sot personnage*, *porter un toast*, *donner sur...* и нѣкоторые другія. Въ изданіяхъ г. Алексѣева, появившихся въ печати до настоящаго времени, словари оказывались вообще не вполнѣ удовлетворительными, но однако ни одинъ изъ нихъ не былъ до такой степени нерадиво составленъ, какъ словарь къ сочиненію *Le Village*. Замѣтилъ по нѣсколькоимъ повѣркамъ на удачу, что въ словарѣ не оказывается даже рѣдко встрѣчающихся словъ, мы дали себѣ трудъ пропроверить его съ начала до конца, чтобы имѣть ясное понятіе о томъ, въ какой степени онъ можетъ служить пособіемъ при чтеніи предлагаемаго сочиненія: оказалось, что всѣхъ

пропущенныхъ словъ болѣе 220, большинство изъ которыхъ далеко не могутъ считаться общезвестными учащимся, какъ напримѣръ, *un abandonné* (въ значеніи отверженецъ), *amertume, authentique, bouru, la brise, la coupe, exalter, filer, flétrir, il importe, liqueur, le raper, la mule* (туфля), *parfois, porcelaine, pot-au-feu, reliquaire* и многія другія. Однимъ словомъ въ вocabulariѣ гг. Алексѣева и Русси нѣтъ ни одной буквы алфавита свободной отъ пропусковъ. Но кромѣ пропусковъ, не мало встрѣчается въ словарѣ и невѣрныхъ или неточныхъ переводовъ; на стр. 63-й *absolument* переведено *во все*, совершенно; на стр. 64-й *afronter* = подвергаться; на стр. 66-й *bercer* мачить; на стр. 69-й *coquet* = красный; на стр. 77-й *gentil* = хороший, чистый, добрый; *par hasard* = можетъ быть. по крайней мѣрѣ; на стр. 78-й *ignoble* = подлый; на стр. 81-й *mattoiou* = английскій болѣзнь; *matrone (ridicule)* важная барыня; на стр. 85-й *pirogue* = пиронъ (можетъ быть, опечатка); на стр. 86-й *rourop* = трубный, дутскій; на стр. 90-й *scrupule* = сомнѣніе; на стр. 91-й *subalterne* = начальникъ, посредственный и тѣк. друг.

Избранные произведения немецкихъ и французскихъ писателей. Molier. „Le Bourgeois Gentilhomme“, Comédie - ballet, текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ Ю. Лefрансуа. Издание С. А. Манштейна. С.-Петербургъ. 1892, стр. 116, 20, въ 16-ю д. л. Цѣна 40 коп.

С. А. Манштейнъ предпринялъ издание избранныхъ произведений немецкихъ и французскихъ писателей для классного и домашнаго чтенія. Издатель намѣренъ въ скоромъ времени обогатить нашу учебную литературу по иностраннымъ языкамъ цѣлымъ рядомъ немецкихъ и французскихъ сочиненій, указанныхъ въ перечинѣ, приложенномъ къ программамъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Въ первыхъ двухъ французскихъ выпускахъ этого собранія, появившихся въ печати, г. Манштейнъ далъ *Le Bourgeois Gentilhomme* Мольера и *Histoire de la Conquête de l'Angleterre par les Normands* Огюстена Тьери.

Сочиненіе Мольера *Le Bourgeois Gentilhomme* въ приспособленіи его г. Лefрансуа для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ заключаетъ, кромѣ текста, введеніе, объясненія въ выноскахъ и алфавитный словарь. Во введеніи обстоятельно рассказана біографія Мольера, затѣмъ дана общая характеристика его сочиненій съ указаніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ въ каждой изъ трехъ категорій, на которыхъ они подраздѣляются, и болѣе подробно изложены содержаніе и цѣль

предложенной для чтения комедии. Въ выноскахъ даны объясненія оборотовъ или чисто французскихъ, могущихъ представить затрудненіе для точнаго пониманія мысли и вѣрнаго перевода на русскій языкъ, или мало употребительныхъ въ современномъ языкѣ; при этомъ предложены и необходимы указанія на грамматическія особенности языка XVII вѣка, на сколько его обороты разнятся отъ оборотовъ современной французской рѣчи. Все это сдѣлано старательно, по надежнымъ источникамъ и не вызываетъ никакихъ замѣчаній.

Въ словарѣ, приложенномъ къ вышенназванному сочиненію, мы не нашли только словъ *longtemps, chanteur, paixure, homme, musique, philosophie*, которая можно считать общезвестными ученикамъ старшаго классовъ и которая въ этомъ предположеніи, вѣроятно, нарочно пропущены.

Издание г. Маштейна имѣть щеголеватую вѣшность, напечатано на отличной бумагѣ весьма четко, повидимому, совершиенно свѣжими не сбитыми шрифтомъ, и съ полной корректурной исправностью. Что касается до текста, то мы полагали бы, что лучше бы закончить его тамъ, где начинается послѣдній балетъ, представляющій буффонаду, не имѣющую никакого значенія для комедіи и никакой съ нею связи, тѣмъ болѣе, что чтеніе стиховъ на исповерканномъ языкѣ гасконца и швейцарца, а также вычурныхъ стиховъ на испанскомъ и итальянскомъ языкахъ, даже при данномъ въ выноскахъ полномъ ихъ переводѣ, едва ли можетъ принести пользу учащимся и возбудить ихъ интересъ.

ИЗВРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НѢМЕЦКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Augustin Thierry: *HISTOIRE DE LA CONQUÊTE DE L' ANGLETERRE PAR LES NORMANDS.* Объясненіе В. С. Ишатовича. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Издание С. А. Маштейна. С.-Пб. 1892, въ 16 д. л. стр. 100—42.

Предлагаемое „извлеченіе“, изданное С. А. Маштейномъ, представляетъ въ иѣкоторомъ сокращеніи текстъ III-й и IV-й книги четырехтомнаго сочиненія Тьери.

Во введеніи (на русскомъ языкѣ) даются: 1) краткія біографическія свѣдѣнія, обрисовывающія замѣчательно упорную и горячую ученую дѣятельность слѣпаго Тьери; 2) краткая исторія Англіи до ея за- воеванія норманнами, знакомящая съ данными, необходимыми для полнаго пониманія разказанныхъ во французскомъ текстѣ событий.

Текстъ занимаетъ 88 страницъ не утомляющей глазъ печати. Не смотря на сокращеніе оригинала, картинность разказа нигдѣ не пострадала.

Переводъ облегчается 1) примѣчаніями, помѣщеннымъ мелкимъ шрифтомъ внизу каждой страницы, и 2) весьма полнымъ, не смотря на небольшой объемъ (42 стран.), отдельно сброшюрованнымъ словаремъ.

Примѣчанія касаются правильнаго, наиболѣе удобнаго въ данномъ мѣстѣ перевода трудно передаваемыхъ французскихъ выражений, произношенія именъ собственныхъ (англійскихъ), и другихъ, рѣдко встрѣчаемыхъ словъ, географическихъ и историческихъ данныхъ и, наконецъ, грамматическихъ разъясненій. Послѣднія, повидимому, предназначены для учениковъ VI-го класса, хотя, конечно, и въ двухъ слѣдующихъ классахъ полезнымъ будетъ возобновленіе въ память затронутыхъ въ примѣчаніяхъ особенностей французской грамматики. Лишними мы находимъ примѣчанія относительно *dont* (стр. 14), *у* (стр. 15), *imparf. du Subjonctif* (стр. 26), *ne-que* (стр. 26), *plus-que-parfait du Subj.* (стр. 39). Но вообще примѣчанія надобно признать весьма дѣльными, обращающими вниманіе на все существенное. Съ помощью ихъ и словаря даже мало опытный въ переводѣ съ французскаго ученикъ легко въ короткое время справится съ текстомъ.

Словарь на столько полонъ и точенъ, что отыскивая въ немъ всѣ не совсѣмъ обыкновенные слова, болѣе чѣмъ на двадцати страницахъ текста, мы не нашли ни одного не помѣщеннаго, или невѣрно переведенного.

Цѣннымы приложеніемъ служатъ еще девъ географическія карты, одна Нормандіи, другая Англіи.

Книжка издана прекрасно. Цѣна, 40 коп., назначена недорогая.

Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей: *Wilhelm Hauff. Ausgewählte Märchen.* (Избранные сказки Гауффа). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ Н. Г. Розенбергъ, преподаватель Императорской Николаевской гимназіи. Изданіе С. А. Манштейна. Царское Село. 1892. Въ 16-ю д. 1. стр. 85+33. Цѣна со словаремъ 40 коп.

Описанная книга представляетъ собою одинъ изъ выпускъ изданія, предпринятаго г-мъ Манштейномъ подъ заглавиемъ „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей“. „Это изданіе, по словамъ издателя, имѣть цѣлью: 1) доставить учащимся тщательно-

провѣренные, согласно съ требованиями школьнай гигиены чисто и четко напечатанные тексты выдающихся произведений немецкой и французской литературы, и 2) облегчить имъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ здравою педагогикой, какъ пониманіе этихъ произведеній, такъ и переводъ ихъ на русскій языкъ". Рассматриваемый выпускъ коллекціи вполнѣ соотвѣтствуетъ указанной издателемъ цѣли. Печать четкая и чистая, корректура тщательная. Что касается примѣчаній къ тексту, имѣющихъ назначеніе облегчить его пониманіе и переводъ, то въ этомъ отношеніи составитель удовольствовался краткими указавшими на особенности слога автора и объясненіями или переводами такихъ оборотовъ рѣчи, которые представляютъ собою германизмы и не могутъ быть дословно переданы по-русски. За скромность размѣровъ и числа примѣчаній слѣдуетъ похвалить составителя: онъ даетъ только необходимое, а больше и не нужно для того, чтобы съ помощью приложенного отдельно, приложеніемъ, словаря понять текстъ автора.

Краткий учебникъ русской истории въ биографическихъ очеркахъ (Курсъ младшаго возраста). Составилъ А. Н. Сальниковъ. С.-Пб. 1892. Стр. 138.

Учебникъ г. Сальникова и по своему содержанію и по расположению материала приворовленъ къ нынѣ дѣйствующимъ примѣрнымъ программамъ для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Краткость и въ то же время систематичность изложенія составляютъ его достоинства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у автора не замѣтно близкаго знакомства ни съ ученою литературою русской исторіи, ни съ практикою преподаванія. Нѣкоторая неполнота специальныхъ познаній изобличается какъ фактическими ошибками, такъ и неправильностями въ употреблении терминовъ. Напримеръ, на первой же страницѣ племена русскихъ славянъ авторъ называетъ „разноплеменными вародностями“. На стр. 1—2 находится лишенная точнаго смысла фраза: „племя жило отдельными семействами.... главою семьи считался старший въ родѣ“, и въ то же время авторъ вовсе не объясняетъ, кого онъ считаетъ „старшинами“, изъ которыхъ составлялось вѣче и изъ которыхъ происходили князья (?). На стр. 2-й дружина авторъ называется „кружакомъ приближенныхъ лицъ“, забывая о такъ называемой „дружинѣ молодшей“. На стр. 12-й ятваги опредѣляются почему то, какъ „народъ латышского племени“ На стр. 34-й неправильно говорится, что Владимира Мономаха „князья единодушно избрали“ на великокняжеский столъ. На стр. 37-й выходитъ такъ, какъ будто

Полоцкое княжество было не на Западной Двинѣ, а только на Двѣрѣ, а за стр. 91-й Нарва помѣщена, какъ кажется, въ Лифляндіи. Подобныхъ неточностей и обмоловокъ можно привести значительное количество, хотя и слѣдуетъ оговориться, что всѣ подобные недосмотры имѣютъ вообще частный характеръ, а иногда составляютъ одну лишь литературную оплошность. Существенное тѣ недостатки книги, которые являются слѣдствиемъ педагогической неопытности ее составителя. Авторъ очень щедро вводить въ свое изложеніе совсѣмъ ненужныхъ подробности, напримѣръ, перечень литовско-русскихъ земель (на стр. 60—61) или перечень преобразовательныхъ мѣръ Петра Великаго (на стр. 98), затѣмъ—частныя указанія неважныхъ годовъ и лишнихъ географическихъ названій. Поэтому изложеніе его, вообще краткое по количеству фразъ, будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, обременительнымъ для памяти ученика по количеству фактическихъ данныхъ. Наконецъ, желаніе дать округленную литературную обработку труду ведетъ автора къ неумѣстнымъ въ учебникѣ искусственнымъ оборотамъ рѣчи. Такъ, напримѣръ, чтобы какъ-нибудь связать два параграфа, авторъ составляетъ бесодержательную переходную фразу, и такимъ-то образомъ возникаютъ у него курьезныя заявленія, что „въ годъ смерти Ермака умеръ и Иоаннъ Грозный“ (стр. 60) или что Грозный измѣнился, сталъ подозрительнымъ и жестокимъ, „не смотря на счастливыя завоеванія“ (стр. 54—55). И вообще языкъ учебника требуетъ, по нашему мнѣнію, тщательнаго исправленія.

Однако и въ настоящемъ своемъ видѣ разбираемый учебникъ отнюдь не заключаетъ въ себѣ столь грубыхъ историческихъ или литературныхъ погрѣшностей, чтобы необходимо было вовраніе употребленіе его въ школѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

НАШІ УЧЕБНІ ЗАВЕДЕНИЯ.

СРЕДНІЯ И НИЗШІЯ ШКОЛЫ ВЪ КІЕВСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ
ВЪ 1891 ГОДУ.

Въ 1891 году всѣхъ гімназій и прогимназій состояло въ Кіевскомъ округѣ 23, какъ и въ прошломъ, въ томъ числѣ 17 гімназій, 2 шестиклассныя и 4 четырехклассныя прогимназіи, при чёмъ въ отчетномъ году достигли полнаго восьмиклассного состава гімназіи Кіево-Печерская и Бѣлоцерковская. Пансиони состоять при четырехъ гімназіяхъ: Кіевской 1-й, Лубенской, Златопольской и въ Житомирѣ. Послѣдній пансионъ открытъ въ отчетномъ году, помѣщается въ зданіи прогимназіи и находится въ завѣдываніи ее инспектора, но въ него принимаются ученики какъ прогимназіи, такъ и гімназіи. Кроме того при Кіевской 2-й гімназіи состоится общая квартира и при Острожской прогимназіи — общежитіе крестьянскихъ дѣтей. Общее число нормальныхъ, приготовительныхъ и параллельныхъ классовъ было во второй половинѣ отчетнаго года — 233, какъ и въ прошломъ году¹⁾). Параллелей къ концу отчетнаго года было 50 и распредѣлялись онѣ между 10 гімназіями округа слѣдующимъ образомъ: Кіевская 1, Кіевская 2 и Житомирская — по 8, Кіевская 3 и Каменець-Подольская — 6, Немировская — 5, Кіевская 4—3, Черниговская, Полтавская и Бѣлоцерковская по 2. Въ сравненіи съ прошлымъ годомъ число параллельныхъ классовъ уменьшилось на 3. При-

¹⁾ См. февральскую книжку *Журнала Мин. Нар. Пр.* за 1892 г. Современная літопись, стр. 82.

готовительные классы состоять при 14 гимназіяхъ и 5 прогимназіяхъ, при чмъ въ Стародубской прогимназіи приготовительный классъ открытъ въ отчетномъ году.

Въ фундаментальныхъ библіотекахъ всѣхъ гимназій и прогимназій округа состояло къ концу отчетного года 81.470 названій при 187.809 томахъ; а въ библіотекахъ ученическихъ 18.777 названій при 38.765 томахъ. На пополненіе первыхъ израсходовано 10.187 р. 16 к. на пополненіе вторыхъ — 2.792 р. 22 к. Наиболѣе богатыя числомъ книгъ фундаментальная библіотеки принадлежать гимназіямъ: Житомирской (7.441 названіе при 17.209 томахъ), Новгородсѣверской (6.270 названій при 14.514 томахъ) и Полтавской (5.192 названія при 14.148 томахъ). Наиболѣе богатыя ученическія библіотеки находятся при гимназіяхъ: Кіевской 2 (1.644 названія при 4.616 томахъ), Житомирской (1.997 названій при 3.205 томахъ) и Нѣжинской (1.284 названія при 3.046 томахъ). Далѣе слѣдуютъ гимназіи Полтавская и Златопольская, библіотеки которыхъ заключаютъ выше 1.000 названій. Въ физическихъ кабинетахъ гимназій и обѣихъ шестиклассныхъ прогимназій состояло къ концу отчетного года инструментовъ и приборовъ 4.809, изъ коихъ 210, на сумму 4.489 р. 95 к., приобрѣтены въ теченіе отчетного года. Кабинеты естественныхъ наукъ имѣются въ 13 гимназіяхъ, и общее число предметовъ и пособій, находящихся въ нихъ, было къ концу года 12.872, то-есть, на 168 болѣе, чмъ въ прошломъ году. Прочихъ учебныхъ пособій по всѣмъ заведеніямъ числилось 13.625, изъ нихъ 1.420 приобрѣтены вновь.

На содержаніе всѣхъ 23 гимназій и прогимназій поступило въ отчетномъ году 1.038.497 р. 10 к., то-есть, на 9.217 р. 91 к. болѣе, чмъ въ предшествующемъ. Главные источники поступленій были слѣдующіе: изъ суммы государственного казначейства 510.877 р. 7 к., то-есть, 45,2%, общей суммы поступленій; сумма сбора за ученіе—280.897 р. 84 к., то-есть, 27%; и сумма сбора за содержаніе пансионеровъ—96.393 р. 35 к., то-есть, 9%. На средства земствъ и городскихъ обществъ (49.436 р. 63 к.), съ пособіемъ отъ казны (63.270 р. 59 к.), содержатся гимназіи: Лубенская, Прилуцкая и Глуховская, прогимназіи: Черкасская, Стародубская и Суражская. Наибольшая цифра назначенія изъ суммы государственного казначейства приходится на Нѣжинскую гимназію — 36.825 р. 80 к., вслѣдствіе существующихъ въ ней стипендій Его Величества Государя Императора и казенныхъ. Общая сумма расходовъ за отчетный годъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ составляетъ 1.044.417 р. 61 к.,

болѣе чѣмъ въ прошломъ году на 43.325 р. 15 к. Наиболѣе крупные расходы суть: содержаніе личнаго состава — 576.797 р. 94 к., то-есть 55,23%, расходы на наемъ помѣщений, ремонтъ зданій и содержаніе ихъ — 10,4% общей суммы, содержаніе параллельныхъ классовъ — 9,6%. Затѣмъ 14,7%, то-есть 153.502 р. 84 к., состоялась изъ разнаго рода единовременныхъ затратъ и суммъ, перечисленныхъ въ доходы казны, Министерства и Учебного округа, а также и расходы переходящихъ суммъ. Тринадцать гимназій и Житомирская прогимназія имѣютъ свои церкви. Расходы по этой статьѣ составляли въ очередномъ году 9.850 р. 73 к., на 3.575 р. 29 к. болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Эта послѣдняя сумма приходится почти цѣликомъ на Житомирскую прогимназію, въ которой церковь сооружена въ отчетномъ году.

Средняя стоимость обученія одного ученика была въ отчетномъ году 117 р. 8 к. (на 2 р. 39 к. ниже прошлаго года); въ отдѣльности въ гимназіяхъ она равна 110 р. 75 к., а въ прогимназіяхъ 171 р. 55 к. Плата за обученіе взималась въ отчетномъ году въ такихъ же размѣрахъ, какъ и прошломъ¹⁾. Сумма сбора во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ была въ отчетномъ году 280.897 р. 89 к., то-есть, на 4.884 р. 22 к. менѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Размѣры ежегодной платы въ пансионахъ остались прежніе²⁾. Въ Житомирскомъ пансионѣ установлена плата 300 р. въ годъ и единовременно 50 р. Общая сумма сбора за содержаніе пансионеровъ была въ отчетномъ году 96.393 р. 35 к.

Спеціальные средства гимназій и прогимназій съ остатками содержанія состояли къ 1 января 1892 г. изъ 538.041 р. 56 $\frac{1}{4}$ к. Болѣе $\frac{3}{5}$ этой суммы составляютъ пожертвованіе разными общественными учрежденіями и частными лицами капитали — 349.465 р. 1 $\frac{1}{2}$ к. Сюда же входятъ сбереженія изъ суммы сбора за обученіе 129.328 р. 79 $\frac{1}{4}$ к., а также и неизрасходованные суммы изъ назначеній государственного казначейства 21.172 р. 11 к. Важнѣйшая пожертвованія въ 1891 году были слѣдующія: почетный попечитель бывшой церковской гимназіи, графъ Браницкій, содержалъ на свои средства общую квартиру, на которой проживало 26 учениковъ, и пожертвовалъ 1.500 р. на ремонтъ церкви. На сооруженіе нового зданія Златопольской гимназіи пожертвовано г. П. Бродскимъ 10.000 р. и го-

¹⁾ См. февральскую книжку *Журнала Мин. Нар. Пр.* за 1892 г. Современная эпоха, стр. 84—86.

²⁾ Тамъ-же, стр. 86.

родскимъ обществомъ 1.500 р. Почетный попечитель Златопольской гимназіи и Черкасской прогимназіи, графъ Бобринскій, пожертвовалъ по 300 рублей на нужды сихъ заведеній. Въ Умани на строительныя надобности прогимназіи пожертвовано было 3.500 р. отъ г. Датрика и по 1.000 р. отъ графини Шуваловой и князя Святополкъ-Четвертинского. Почетные попечители гимназій: Киевской 2-й Θ. А. Терещенко, Киевской 3-й — А. Н. Терещенко, Киевской 4-й — С. Г. Мацневъ и Киево-Печерской М. Θ. Мерингъ пожертвовали по 1.000 р. на нужды сихъ заведеній. Киевская 2-я гимназія кроме того получила отъ своего попечителя 500 р. для устройства оркестра. Въ церковь Лубенской гимназіи преподаватель Кузьменко пожертвовалъ на 800 р. церковной утвари. Въ церковь Житомирской прогимназіи Θ. А. Терещенко пожертвовалъ утвари на 1.500 р. Почетный попечитель Глуховской гимназіи Н. А. Терещенко пожертвовалъ 800 р. для физического кабинета оной. Полтавская городская управа, по примеру прежнихъ лѣтъ, внесла 500 р. за учение 10 учениковъ. Почетный попечитель Стародубской прогимназіи, С. А. Ширай, внесъ 400 р. въ пользу бѣднѣйшихъ учениковъ.

Общества вслопомоществованія нуждающимся ученикамъ существуютъ почти при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Деятельность ихъ выражается преимущественно въ уплатѣ за право учения, иногда въ снабженіи бѣднѣйшихъ учениковъ книгами и одеждой. Средства и расходы отдельныхъ обществъ различны. Болѣе всего въ теченіе отчетнаго года израсходовано въ Киевской 2-й гимназіи — 1.197 р. 28 к.; менѣе всего въ Черкасской прогимназіи — 218 р.

Изъ 17 гимназій округа собственнаго зданія не имѣть только Киевская 4-я гимназія, которая помѣщается въ каменномъ домѣ съ платою по 5.300 р. въ годъ. Остальная гимназіи владѣютъ болѣе или менѣе удобными зданіями, за исключеніемъ Златопольской. Но 12-го мая отчетнаго года въ присутствіи г. попечителя округа было заложено новое каменное зданіе для этой гимназіи, и можно надѣяться, что съ началомъ 1892—93 года постройка будетъ покончена. Въ теченіе отчетнаго года улучшено было зданіе Лубенской гимназіи: на средства уѣзднаго земства построенъ былъ флигель для помѣщенія служителей и подъ квартиру одного изъ воспитателей пансиона. На сооруженіе флигеля было отпущено 1.500 р. Прогимназіи Уманской, Житомирской, Стародубской и Суражской помѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ. Острожская прогимназія, за неимѣніемъ другихъ подходящихъ зданій въ городѣ, временно помѣщается въ третьемъ

этажѣ зданія Учительскаго института. Временное помѣщеніе занимаетъ и Черкасская прогимназія, но въ отчетномъ году городъ Черкасы, послѣ долгихъ проволочекъ, приступилъ къ выполненію взятаго имъ на себя при открытии прогимназіи обязательства относительно сооруженія зданія для этого учебнаго заведенія, такъ что къ началу 1892—93 учебнаго года прогимназія будетъ иметь вполнѣ удобное помѣщеніе. Ученическихъ квартиръ состояло въ округѣ свыше 300. Лишь въ немногихъ гимназіяхъ на частныхъ квартирахъ живетъ значительное число учениковъ (болѣе всего въ Немировѣ 218 учениковъ, то-есть, 47,7%). Лучшая и самая большая квартира состоитъ при Бѣлоцерковской гимназіи; ее содержать на свои средства графъ Браницкій, и въ 1891 г. въ ней помѣщалось 26 человѣкъ. Нѣкоторое число учениковъ имѣется почти во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ у учителей, или у лицъ, привадлежащихъ къ штату гимназіи; плата съ такихъ питомцевъ взимается нѣсколько выше, нежели съ проживающихъ на частныхъ квартирахъ. Кромѣ того имѣются 3 пансиона, общая квартира при Кіевской 2-й гимназіи и общежитіе при Острожской прогимназіи. Пансионы и общая квартира содержатся на суммы сбора съ воспитанниковъ; Острожское общежитіе на средства крестьянского сословія Острожского уѣзда.

Въ отчетномъ году г. попечителемъ были посыпаны и обревизованы, кромѣ Кіевскихъ гимназій, еще слѣдующія: Бѣлоцерковская, Житомирская, Черниговская и прогимназіи: Острожская, Житомирская и Черкасская. Помощникъ г. попечителя посыпалъ неоднократно Кіевскія гимназіи и произвелъ ревизію Полтавской, Черниговской, Каменецъ-Подольской и Немировской. Внезапныя ревизіи суммъ были произведены членами Кіевской Контрольной Чалаты въ гимназіяхъ Житомирской и Златопольской. Ученическія квартиры находятся подъ непосредственнымъ надзоромъ директоровъ, инспекторовъ и классныхъ наставниковъ. Директора гимназій Глуховской, Прилуцкой и Полтавской свидѣтельствуютъ въ отчетномъ году, какъ и въ прошлые, о лучшей выдержкѣ и большей успѣшности учениковъ, живущихъ на частныхъ квартирахъ, сравнительно съ тѣми, которые живутъ у родителей.

Особыми событиями въ жизни учащихся въ 1891 году были слѣдующія. Въ день исполнившагося 25-лѣтія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государи Императора и Государыни Императрицы 28-го октября во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа совершено было торжественное молебствіе, и учащиеся, согласно рас-

пораженію господина министра народнаго просвѣщенія, освобождены были отъ занатій на 3 дни. Въ началѣ мая мѣсяца, послѣ полученія извѣстія объ избавлениі отъ опасности Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, совершены были во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ благодарственныя молебствія. Горжественнымъ событіемъ въ жизни Житомирской прогимназіи было освященіе церкви въ память св. Ioanna Богослова, совершенное Волынскимъ епископомъ Модестомъ и его викаріемъ епископомъ Паисиемъ 26 сентября въ присутствіи г. попечителя. Въ гимназіи Златопольской заложено было 12-го мая новое зданіе также въ присутствіи г. Попечителя. Во многихъ гимназіяхъ совершаются были весною и осенью военные прогулки въ окрестности подъ командой преподавателя гимнастики, съ участіемъ гимназическаго начальства и преподавателей. Въ Златопольской гимназіи 26-го мая была устроена прогулка на средства почетнаго попечителя графа А. А. Бобринскаго. Въ гимназіяхъ: Киево-Печерской, Новгородсѣверской, Черниговской, Прилуцкой и Глуховской устраиваемы были литературно-музыкальные вечера по утвержденной г. попечителемъ программѣ.

Къ 1-му января 1892 г. число лицъ, состоящихъ на службѣ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа, было 555 (на 12 болѣе чѣмъ въ прошломъ году), въ томъ числѣ: почетныхъ попечителей 15, директоровъ 19, инспекторовъ 20, законоучителей 46, учителей наукъ и языковъ 283, учителей чистописанія и рисованія 24, помощниковъ классныхъ наставниковъ 50, воспитателей и надзирателей 11, другихъ должностныхъ лицъ 87. Перемѣщеній служащихъ лицъ изъ одного заведенія въ другое было 31, новыхъ назначеній 13. Въ составѣ директоровъ произошли слѣдующія перемѣнны: въ Лубенскую гимназію, за выходомъ въ отставку директора Ронталера, переведенъ былъ директоръ Златопольской гимназіи Крутковъ, въ Златопольскую гимназію переведенъ директоръ Уманской прогимназіи Турчаковскій, въ Уманскую прогимназію назначенъ былъ директоромъ инспекторъ Киевской 2-й гимназіи Карсунскій. Въ двухъ гимназіяхъ назначены были инспекторы, а именно: въ Киевской 2-й и Киево-Печерской. Въ преподавательскомъ составѣ сдѣлано было 30 перемѣнений и 14 новыхъ назначеній. Эти послѣднія распредѣляются по предметамъ слѣдующимъ образомъ: 5 законоучителей, 1 учитель древнихъ языковъ, 1 — математики и физики, 2 — исторіи и географіи, 1 — искусствъ и 1 — новыхъ языковъ. Въ теченіе учебнаго года открывалось 18 вакансій, 9 которыхъ и были замѣщаемы въ самомъ непродолжительномъ

времени, за исключениемъ двухъ: учителей русскаго и французскаго языковъ въ Глуховской гимназіи. Вторая была замѣщена по найму, какъ и въ прошлые годы, г. Веселымъ, первая замѣщена наличнымъ составомъ. Изъ общаго числа 19 директоровъ 10 въ первомъ полугодіи и 8 во второмъ, кромѣ того 3 изъ четырехъ инспекторовъ четырехклассныхъ прогимназій. преподавали древніе языки, 1 — во второмъ полугодіи древніе языки въ соединеніи съ другими предметами, 4 — русскій языкъ, 4 въ первомъ и 3 во второмъ полугодіи — исторію и географію, 1 въ первомъ и 2 во второмъ — математику и физику, 1 инспекторъ прогимназіи — исторію и географію. Кромѣ того всѣ 19 директоровъ и 20 инспекторовъ состояли классными наставниками.

Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ выражается въ отчетномъ году цифрою 9.968, то-есть, на 1.949 болѣе прошлогодняго. По болѣзніи пропущено 7.348 уроковъ; по другимъ уважительнымъ причинамъ — 2.504, безъ уважительныхъ причинъ 116 (послѣдніе случаи имѣли мѣсто лишь въ Киево-Печерской гимназіи и Стародубской прогимназіи). Въ большинствѣ гимназій и прогимназій было проявлено стараніе замѣщать тѣмъ или инымъ способомъ пропущенные уроки.

Педагогическіе совѣты всѣхъ гимназій и прогимназій имѣли въ 1891 г. 2.113 засѣданій, въ томъ числѣ: общихъ — 666, засѣданій предметныхъ комиссій 61, классныхъ комиссій 453, хозяйственныхъ комитетовъ 933. Предметомъ общихъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ были текущіе вопросы административной, учебной и воспитательной части жизни учебныхъ заведеній.

Общее число учащихся къ 1-му января 1891 года было 7.210 (болѣе чѣмъ въ прошломъ году на 38), изъ нихъ въ гимназіяхъ 6.455, а въ прогимназіяхъ — 755. Воспитанниковъ пансионовъ и общихъ квартиръ къ концу отчетнаго года было 392, то-есть, на 54 болѣе чѣмъ въ прошломъ году. Самая многолюдная гимназія Житомирская — 705, Киевская 1 — 695, Киевская 2-я — 671; изъ прогимназій наибольшее число учениковъ въ шестиклассной Уманской — 208, четырехклассной Житомирской — 195. Наименьшее число учениковъ имѣютъ гимназіи: Лубенская — 161, Прилукская 185 и Глуховская 190 и прогимназіи: Суражская — 43 и Стародубская — 67. Пансионеровъ болѣе всего при Киевской 2-й гимназіи — 153 и при Киевской 1-й — 98, менѣе всего въ Острогѣ 20 и Лубнахъ 29.

По вѣроисповѣданіямъ учащіе распредѣляются такъ: православ-

ныхъ — 4.768, то-есть 66,1%, римско-католиковъ — 1.574, то-есть 21,8%, іудеевъ — 694, то-есть 9,6%, лютеранъ 140, то-есть 1,92%, магометанъ 8, прочихъ исповѣданій 26. Въ учебныхъ заведеніяхъ на правомъ берегу Днѣпра число католиковъ гораздо болѣе, нежели на лѣвомъ. Въ двухъ гимназіяхъ численно преобладаютъ католики: въ Бѣлоцерковской (207 католиковъ при 108 православныхъ) и Немировской (214 при 198). Въ Житомирской гимназіи 294 католика и 303 православныхъ. Наибольшее число учениковъ іудейскаго вѣроисповѣданія имѣть гимназія Киево-Печерская, а именно 60, то-есть 17,3%; далѣе слѣдуютъ: Златопольская — 31, то-есть 14,1%; Житомирская — 84, то-есть 11,9%; Новгородсѣверская — 26, то-есть 11,9%. По сословіямъ учащихся распредѣляются слѣдующимъ образомъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ — 4.292, то-есть 59,5%, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи — 240, то-есть 3,3%, духовнаго званія — 444, то-есть 6,1%, мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи и ремесленниковъ — 1.644, то-есть 22,8%, крестьянъ — 353, то-есть 4,8%, казачаго сословія 59, то-есть 0,8%, иностранцевъ 178 (2,4%). Наибольшее число дѣтей крестьянскаго сословія учится въ Немировской гимназіи — 44 (10%). Наибольшее число иностранцевъ учится въ Киевской 1-й гимназіи (29 чл.); далѣе слѣдуютъ: Киевская 2-я и Бѣлоцерковская — по 21, Каменецъ-Подольская — 15.

Распределеніе учащихся по отдѣльнымъ классамъ къ концу отчетнаго года было таково: въ приготовительномъ — 592, въ I — 1.065, во II — 964, III — 938, въ IV — 918, въ V — 816, въ VI — 729, въ VII — 610, въ VIII — 578.

Всѣхъ подававшихъ прошенія о допущеніи къ экзамену и приемъ было въ отчетномъ году 1.980, то-есть на 74 менѣе, чѣмъ въ прошломъ; изъ нихъ было принято 74,8%, то-есть 1.487 (1.113 выдержавшихъ испытаніе и 374 на основаніи § 27 устава гимназій). Не явилось на испытаніе 123, не выдержало его 285, не было принято за комплектомъ 92.

Въ отчетномъ году выбыло по окончаніи курса въ гимназіяхъ 425 учениковъ, то-есть 5,95% общаго числа учениковъ всѣхъ гимназій и прогимназій ко времени начала выпускныхъ экзаменовъ 1891 г. (7,138). Изъ прогимназій выбыло по окончаніи курса 69, то-есть 10% общаго числа учениковъ въ 6 прогимназіяхъ къ тому-же сроку (691). Число учениковъ, выбывшихъ до окончанія курса, во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ было 946 (13,25%). По отдѣльнымъ классамъ распределеніе таково: въ IV — 16,59%, въ V — 14,58%, во II — 14,48%, въ

I—13,74%, въ III—12,36%, въ VI—11,1%, въ VII—7,5%, въ приготов.—7,22%, въ VIII—2,85%. Болѣе половины числа выѣвшихъ до окончанія курса предполагали поступить въ другія учебныя заведенія—505 человѣкъ, то-есть 53,3%. Для поступленія на службу выѣбло 156 учениковъ (10%), но разныиъ причинамъ—217, умерло 18.

Успѣхъ учащихся были слѣдующіе: къ концу втораго полугодія истекшаго учебнаго года изъ числа 7.138 учениковъ переводныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ имѣли 5.167 учениковъ, то-есть 72,38% всѣхъ переведенныхъ въ высшіе классы и удостоенныхъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса прогимназій и аттестатовъ зрѣлости было 5.773, то-есть 78,07%. Въ отдѣльности процентъ первыхъ въ гимназіяхъ былъ 72,48%, вторыхъ 78,05%; въ прогимназіяхъ первыхъ 71,6%, вторыхъ 78,29%. Такимъ образомъ существовавшее прежде различіе въ успѣшности между гимназіями и прогимназіями почти совсѣмъ устранилось въ отчетномъ году. Во второй половинѣ отчетнаго года число учениковъ, имѣвшихъ удовлетворительные отмѣтки по всѣмъ предметамъ было 4.252, то-есть 58,9%. Въ отдѣльности по гимназіямъ число имѣвшихъ удовлетворительные отмѣтки составляетъ 59,2%, а въ прогимназіяхъ—57%. По проценту успѣшности гимназіи числится въ слѣдующемъ порядке: 1) Киевская 4—82,7%, 2) Житомирская—78%, 3) Новгородсьверская—70,5%, 4) Глуховская—64,21%, 5) Златопольская 63%, 6) Прилукская—62,7%, 7) Киевская 2—61,5%, 8) Лубенская—55,2%, 9) Киевская 1—55%, 10) Бѣлоцерковская—55%, 11) Нѣжинская—53,3%, 12) Киево-Печерская—52,1, 13) Черниговская—52,1; 14) Каменець-Подольская—50,6%, 15) Киевская 3—50%, 16) Шолтавская—49%, 17) Немировская—44,6%. Прогимназіи: 1) Стародубская—79,1%, 2) Суражская—76,7%, 3) Черкасская—71,2, 4) Уманская—58,6%, 5) Острожская—59,9%, 6) Житомирская—41%. Между пансионерами успѣхи были лучше всего въ Острожской прогимназіи (90%) и гимназіяхъ Златопольской (83,6%) и Киевской 2 (82%), хуже всѣхъ—въ Лубенской—73%. Число учениковъ, имѣвшихъ удовлетворительные отмѣтки по главнымъ предметамъ въ теченіе втораго полугодія отчетнаго года, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: Русский яз.—81,6%, латинский яз.—72,7%, греческий яз.—75,1%, математика—76%, а успѣхи пансионеровъ были таковы: русский яз.—83,6%, латинский яз.—75,1%, греческий яз.—77,7%, математика—80,6%.

Экзамены на аттестать зрѣлости начались въ отчетномъ году 29-го апреля и были закончены къ 13-му іюня. Всѣхъ учениковъ VIII класса

къ началу экзаменовъ было 482, заявили желаніе подвергнуться испытанию 477; изъ нихъ 22 не были допущены по малоуспѣшности; четыремъ испытание было отсрочено на годъ по болѣзни, одному по п. 1 § 55. Изъ 452 подвергавшихся испытанию выдержали 423 (88, 17% общаго числа учениковъ VIII кл.); не выдержали 28, наконецъ 2 допущены, съ разрѣшеніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, къ экзамену послѣ лѣтнихъ вакацій. Изъ 20 постороннихъ лицъ, допущенныхъ къ испытанию съ учениками VIII кл., выдержали 10. Медалями награждены были 46 учениковъ: 21 золотыми и 25 серебряными. Изъ числа удостоенныхъ аттестатовъ зреѣстости выражали желаніе поступить на историко-филологический факультетъ—8,2%, на юридический—35,7% на физико-математический—27,5%, на медицинскій—28,7% и 6 человѣкъ на факультетъ восточныхъ языковъ. Изъ остальныхъ 5,5% большинство предназначало себя къ поступленію въ высшія специальныя училища, а 9 человѣкъ на службу.

Въ отчетномъ году за малоуспѣшность уволено было 135, то-есть 1,87% общаго числа учениковъ. По отдѣльнымъ классамъ число это распредѣляется слѣдующимъ образомъ: VI—20%, IV—17%, V—15,5%, III—12,5%, II—11,1%, I и VII—6,6%, приготовит.—5,1%; VIII—4,4%. Наибольшее число уволенныхъ приходится на гимназии: Бѣлоцерковскую—15 чел., Киевскую 2 и Киево-Печерскую по 13, Черниговскую—12, Киевская 1-я и 3-я—по 10. На основаніи § 34 устава гимназій уволенъ былъ 121 ученикъ, то-есть 1 66% общаго числа учащихся. Изъ нихъ по латинскому языку не оказалось успѣховъ 69, по математикѣ 68, по греческому—56, по русскому—54, по исторіи и географіи 40, по Закону Божию 10. Наибольшее число уволенныхъ этой категоріи принадлежитъ гимназіямъ: Бѣлоцерковской—15, Киевской 2-й—11, Киевской 1 и Черниговской по 10.

Изъ необязательныхъ предметовъ обоимъ новымъ языкамъ обучалось 1.345 учениковъ, то-есть 23, 4% общаго числа учащихся тѣхъ классовъ, въ которыхъ положено преподованіе этихъ предметовъ. Одному немецкому обучалось 2.466 (42,9%), одному французскому—1.933 (33,6%). Рисованію обучалось 2.908, то-есть 42,9% общаго числа учащихся—на 931 болѣе прошлогодняго. Увеличеніе это объясняется тѣмъ, что въ отчетномъ году рисованіе введено во всемъ округѣ какъ обязательный предметъ въ приготовительномъ, I и II классахъ. Іїю обучалось 2.257 учениковъ, то-есть 31,3%. Наибольшій процентъ падаетъ на гимназіи: Глуховскую (78,4%), Нѣжинскую (77%) и Житомирскую прогимназію (69%). Гимназические хоры существуютъ во всѣхъ гимна-

зіяхъ и прогимназіяхъ, въ которыхъ есть свои церкви. Къ прежнимъ 5 гимназическимъ оркестрамъ въ отчетномъ году прибавилось еще 4 въ гимназіяхъ: Киевской 2, Киевопечерской, Златопольской и Глуховской. Положено начало оркестру и въ Житомирской прогимназии. Гимнастика введена въ число обязательныхъ предметовъ.

Поведеніе учащихся въ 1891 году было вполнѣ удовлетворительно. Въ первомъ полугодіи балль 2 за поведеніе былъ поставленъ 11 ученикамъ, во второмъ—3. Балль 3 получили 67 учениковъ въ первомъ полугодіи и 74 во второмъ; балль 4 имѣло около 8%, въ первомъ полугодіи и около 10%, во второмъ. Поведеніе остальныхъ 90% было аттестовано отмѣткой 5. Изъ пансионеровъ балль 3 получили въ первомъ полугодіи и во второмъ 2, балль 4 имѣло 5% въ первомъ и 10% во второмъ полугодіи, остальные имѣли 5. Всѣхъ взысканий въ 1891 году произведено 17.633 (между пансионерами 943). Изъ нихъ на младшіе классы падаетъ 12.945 (731 панс.), на старшіе—4.679 (212 панс.). Наибольшую группу взысканий составляетъ оставление въ гимназіи на часть послѣ уроковъ (7.211 въ младшихъ и 1.948 въ старшихъ классахъ). Случаевъ удаленія ученика изъ гимназіи съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія было 3. Безъ права поступленія въ другія гимназіи удаленъ одинъ ученикъ Немировской гимназии; исключено съ лишеніемъ права поступать въ какое либо учебное заведеніе 2 ученика (Киевская 2-я и Киево-печерская гимназіи).

Состояніе здоровья учащихся было въ 1891 году вѣсколько хуже, нежели въ предыдущемъ, такъ какъ осенью юго-западный край былъ вновь посѣщенъ эпидеміей острого гриппа (инфлюэнца). Въ отчетномъ году было пропущено 358.156 уроковъ (на 16.355 больше прошлогодняго), то-есть среднимъ числомъ 49—50 уроковъ на каждого ученика. Пансионеры пропустили 14.646 уроковъ, то-есть 39—40 уроковъ на человѣка. Смертныхъ случаевъ было 18 (изъ нихъ 1 въ пансионѣ).

Всѣхъ реальныхъ училищъ къ концу отчетнаго года было 7. Изъ нихъ 3 (Киевское, Кременчугское, Новозыбковское) состояли изъ 6 классовъ основнаго отдѣленія, V и VI классовъ коммерческаго и VII дополнительного класса; (Ровенское и Полтавское) изъ 6 классовъ основнаго отдѣленія и 7-го дополнительного; 2 (Роменское и Винницкое) изъ 6 классовъ основнаго отдѣленія. Кромѣ того при Кременчугскомъ, Роменскомъ и Винницкомъ училищахъ были приготовительные классы. Дополнительные классы въ Киевѣ и Полтавѣ состояли изъ механико-техническихъ отдѣленій, а при прочихъ

училищахъ изъ общаго отдѣленія. Такимъ образомъ во всѣхъ реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1892 г. состоить 3 приготовительныхъ класса, 42 класса основнаго отдѣленія, 6 коммерческаго, 2 механико-техническихъ отдѣленій и 3 общихъ отдѣленія дополнительного класса. Параллельныя отдѣленія имѣютъ училища: Кіевское при всѣхъ классахъ основнаго отдѣленія и Кременчугское при I и II классахъ основнаго отдѣленія.

Къ 1-му января 1892 года въ фундаментальныхъ библіотекахъ реальныхъ училищъ числилось 19.203 названія при 40.757 томахъ, а въ ученическихъ 4.715 названій при 9.120 томахъ. Самая большая фундаментальная библіотека принадлежитъ Ровенскому училищу (6.155 названій при 14.488 томахъ); бѣднѣе всѣхъ другихъ библіотека Винницкаго училища (770 названій при 1.714 томахъ). На пополненіе фундаментальныхъ библіотекъ въ отчетномъ году потрачено 2.707 р. 95 к. Для ученическихъ библіотекъ пріобрѣтено книгъ на 859 р. 50 к. По числу книгъ первое мѣсто принадлежитъ библіотекѣ Кіевскаго училища (2.446 томовъ при 886 названіяхъ), затѣмъ Полтавскаго (1.720 томовъ при 1.038 названіяхъ). Меньше всѣхъ библіотека въ Винницѣ (767 томовъ при 502 названіяхъ). Изъ учебныхъ кабинетовъ физическихъ и естественныхъ наукъ имѣютъ всѣ 7 училищъ, и въ первыхъ находится 3.044 прибора, изъ коихъ 32 вновь пріобрѣтенныхъ, во вторыхъ—3.765, изъ коихъ новыхъ 35. Кабинеты механическихъ и геодезическихъ остались въ прежнемъ составѣ¹⁾. Изъ химическихъ лабораторій только Кременчугская пріобрѣла 1 новый приборъ стоимостью въ 5 р. Учебныхъ пособій по черченію, рисованію, исторіи и географіи, моделированію, технологіи и строительному искусству, пѣнью и музикѣ къ 1-му января 1892 г. числится 5.672 предмета, изъ коихъ 134 на сумму 724 р. 45 к. пріобрѣтены въ отчетномъ году. Болѣе другихъ снабженъ отдѣль пособій по черченію и рисованію (3.081 предметъ); за нимъ слѣдуетъ отдѣль исторіи и географіи (1.040 предметовъ).

Источники содержанія реальныхъ училищъ въ отчетномъ году остались прежніе—общая сумма поступлений 274.341 р. 90 к. Изъ суммы государственного казначейства ассигновано 129.218 р. 63 к. (47% всѣхъ поступлений), земствомъ и городами отпущено 61.590 р. (23%), сборъ за учение даъ 76.502 р. 70 к. (27%). Прочія поступления составляютъ 3% общей суммы доходовъ. Всѣхъ расходовъ по учили-

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Пр. 1892 г. февраль, стр. 98.

щамъ въ 1891 г. было 240.922 р. $61\frac{1}{2}$ к., то-есть на 6.694 р. $51\frac{1}{2}$ к. менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ. Самый значительный расходъ составляетъ содержаніе личнаго состава—160.451 р. 44 к. (66%). Далѣе идетъ расходъ на ремонтъ и содержаніе помѣщеній—25.035 р. 1 к. (10%) и на учебныя пособія—7.211 р. 21 к. (3%). Остальные расходы слѣдующіе: жалованье низшимъ служителямъ (8.414 р. 67 к.), содержаніе канцелярій—5.378 р. 55 к., выдача пособій ученикамъ—3.665 р. 51 к., содержаніе церквей—3.431 р. 16 к., пособія служащимъ—3.226 р. 68 к., жалованье врачамъ—2.245 р. 35 к. Значительную статью расходовъ представляетъ рубрика другихъ непоименованныхъ расходовъ—21.823 р. $3\frac{1}{2}$ к. (10%), куда относится перечисленія изъ средствъ училища въ доходы другихъ учрежденій и разные экстраординарные расходы. На параллельныя отдѣленія тратится 18.067 р. 92 к. (8%).

Остатки денежныхъ суммъ къ 1 января 1892 г. составили 82.903 р. $40\frac{1}{2}$ к. Остатки эти имѣлись во всѣхъ училищахъ округа и особенно значительны въ Кременчугскомъ (38.076 р. 22 к.).

Средняя стоимость обученія одного ученика въ отчетномъ году составляла 145 р. 39 к., то-есть, на 6 р. 89 к. дешевле прошлогодняго. Плата за право обученія осталась прежняя ¹⁾.

Въ отчетномъ году, кромѣ вносимыхъ ежегодно въ нѣкоторыхъ училищахъ почетными попечителями суммъ, почетный попечитель Киевскаго реального училища И. Н. Терещенко пожертвовалъ 3.000 р. и д. с. с. Н. А. Терещенко 1.000 р. на устройство въ училищѣ церкви и директоромъ училища статскимъ совѣтникомъ Гольдерекеромъ пожертвовано 500 р. на приобрѣтеніе церковной утвари. При многихъ училищахъ существуютъ общества для пособія бѣднѣйшимъ ученикамъ, дѣятельность которыхъ выражается помощью учащимся на плату за обученіе, на снабженіе книгами, одеждой и т. п.

Всѣ реальнныя училища помѣщаются въ собственныхъ домахъ. Въ отчетномъ году для Винницкаго училища произведена достройка вчернѣ недоставшей трети зданія, которое и будетъ вполнѣ окончено въ 1892 году, недостаетъ только квартиры для директора и служащихъ; въ Киевскомъ училищѣ устроена домовая церковь. Пансионовъ при училищахъ нѣть. Ученики живутъ въ домахъ родителей и родственниковъ, или на ученическихъ квартирахъ, которыхъ въ отчетномъ году было 78 (болѣе всего въ Кременчугѣ—21). Болѣе

¹⁾ Ibid., стр. 99—100.

всего учениковъ, живущихъ на квартирахъ, въ Ровно—105 (43,7%, всѣхъ учениковъ училища). Изъ 78 квартиръ 31 содержится преподавателями и помощниками классныхъ наставниковъ; на этихъ квартирахъ живутъ 80 учениковъ или 23,25%, всѣхъ живущихъ на квартирахъ. На всѣхъ квартирахъ живутъ 344 ученика (20,4%, общаго числа учащихся). Плата за содержаніе воспитанника колеблется отъ 700 до 150 р. въ годъ. Высшая плата взимается преимущественно на квартирахъ, содержимыхъ учителами, что объясняется лучшей материальной обстановкой и усиленнымъ надзоромъ за воспитаніемъ и ученикомъ. Для наблюденія за порядкомъ на частныхъ ученическихъ квартирахъ въ помощь квартиро-содержателямъ назначаются училищными начальствомъ старшіе изъ лучшихъ учениковъ высшихъ классовъ, которые обыкновенно бываютъ и репетиторами младшихъ учениковъ. Надзоръ за квартирами порученъ вообще всему учебно-воспитательному персоналу.

Къ числу особыхъ событий въ жизни реальныхъ училищъ слѣдуетъ отнести устройство и освященіе въ Киевскомъ училищѣ домовой церкви. Почти во всѣхъ училищахъ устраивались по примѣру прежнихъ лѣтъ литературно-музыкальные вечера, на которыхъ воспитанники, подъ руководствомъ наставниковъ, читали литературные образцы и исполняли музыкальныя пьесы. Въ нѣкоторыхъ училищахъ были устраиваемы военные прогулки.

Въ отчетномъ году г. попечитель осмотрѣлъ 4 училища: Новозыбковское, Ровенское, Киевское и Винницкое, помощникъ попечителя 4: Киевское, Полтавское, Кременчугское и Винницкое; окружной инспекторъ, кроме совмѣстнаго съ г. попечителемъ осмотра училищъ, осмотрѣлъ отдельно Ровенское училище. Кроме того начальникъ края графъ А. П. Игнатьевъ посѣтилъ Винницкое училище.

Всѣхъ должностныхъ лицъ въ училищахъ къ 1-му января 1892 г. было 143, въ томъ числѣ 5 почетныхъ попечителей, 7 директоровъ, 7 исполняющихъ обязанности инспектора, 13 законоучителей, 84 учителя наукъ и языковъ, 11—чистописанія и рисованія, 16 помощниковъ классныхъ наставниковъ и 20 другихъ должностныхъ лицъ. Въ личномъ составѣ произошли слѣдующія перемѣны: директоръ Новозыбковскаго училища дѣйствительный статскій советникъ Радкевичъ перемѣщенъ въ Ровенское училище, на его мѣсто назначенъ учитель Киевской 2 гимназіи статскій советникъ Жукъ; директоръ Полтавскаго училища статскій советникъ Водолагинъ перемѣщенъ на службу въ Варшавскій округъ, а на его мѣсто назначенъ препо-

даватель С.-Петербургского учительского института статский советник Новопашенный. Въ Винницкомъ училищѣ учитель математики Завистовскій назначенъ исп. об. инспектора. Въ отчетномъ году было 1 перемѣщеніе преподавателей, 8 новыхъ назначеній, 2 преподавателя оставлены за штатомъ и 1 уволенъ со службы. Вакантныхъ учительскихъ должностей было 3: 2 учителей французского языка и 1 немецкаго.

Всѣ директора и исправляющіе обязанности инспектора состояли классными наставниками; кроме того въ первомъ полугодіи было еще 48 классныхъ наставниковъ, а во второмъ—47. Директоры въ отчетномъ году преподавали: химию въ 1 училищѣ, русскій языкъ—въ 1, математику—въ 2, физику — въ 2, черченіе въ 1. Исполняющіе обязанности инспектора преподавали математику въ 4 училищахъ и естественную исторію въ 3. Уроковъ въ теченіе 1891 г. пропущено было преподавателями 3.002 (на 285 менѣе прошлаго года), въ томъ числѣ по болѣзни 2.062 ($68\frac{1}{2}\%$) и по другимъ уважительнымъ причинамъ 940 ($31\frac{1}{2}\%$). Болѣе всего пропущено уроковъ въ Киевскомъ училищѣ (991), въ Кременчугскомъ (480) и Новозыбковскомъ (402); менѣе всего въ Полтавскомъ (208). Засѣданій педагогическихъ совѣтовъ въполномъ ихъ составѣ было 198, классныхъ и предметныхъ комиссій было 52, хозяйственнаго комитета—213. Предметомъ особаго вниманія педагогическихъ совѣтовъ было поднятіе успѣшности учащихся и поддержаніе необходимой въ школѣ дисциплины и добрыхъ нравовъ.

Всѣхъ учащихся къ 1 января 1892 г. было 1.663, на 9 учениковъ болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. По числу учащихся первое мѣсто занимаетъ Киевское училище (482); затѣмъ слѣдуютъ: Кременчугское (286), Ровенское (240), Полтавское (208), Винницкое (187), Новозыбковское (132), Роменское (128). По вѣроисповѣданіямъ ученики распредѣляются такъ: православныхъ 1.039 (65,5%), католиковъ 390— $23,5\%$, лютеранъ 69— 4% , евреевъ 148— $8,9\%$ и прочихъ исповѣданій 16. Католиковъ больше всего въ Винницкомъ училищѣ (55%) и въ Ровенскомъ (50%); наибольшій процентъ евреевъ въ Кременчугскомъ училищѣ (44%), затѣмъ въ Новозыбковскомъ (11%). Распредѣленіе учениковъ по сословіямъ слѣдующее: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 54% , мѣщанъ, купцовъ 2 гильдій и ремесленниковъ $31,6\%$, крестьянъ и иностранцевъ по 5% , почетныхъ гражданъ въ купцовъ 1-й гильдіи $2,7\%$, казаковъ и духовнаго званія менѣе 1% . Дѣтей лицъ духовнаго званія совсѣмъ нѣть въ Киевскомъ училищѣ, а въ Кременчугскомъ число ихъ доходитъ до $1,75\%$; дѣтей крестьянъ

болѣе всего въ Роменскомъ (7%), Киевскомъ ($6,5\%$) и Роменскомъ (6%) училищахъ; дѣтей казацкаго сословія болѣе всего въ Кременчугѣ (около 3%) и совсѣмъ нѣть въ Киевскомъ, Ровенскомъ, Новозыбковскомъ и Винницкомъ училищахъ; иностранцевъ болѣе всего въ Винницкомъ училищѣ (9%), а менѣе всего въ Роменскомъ ($1,5\%$).

По классамъ учащіе распредѣляются такъ: въ I—348, во II—308, въ III—258, въ IV—197, въ V осн. отд.—169, въ VI осн. отд.—151, въ приготовительномъ 89, въ механико-техническомъ отд. VII—52, въ общемъ отд. VII—46, въ V коммерч. отд.—25, въ VI коммерч. отд.—20.

Изъ 639 подавшихъ прошенія о поступлениі въ реальнія училища округа принято 487, изъ нихъ 411 послѣ испытанія и 76 безъ испытанія изъ другихъ училищъ; не принято 152, изъ нихъ 29 не явились на испытаніе, 106 не выдержали оного и 17 не приняты за комплектомъ. Поступленія были во всѣ классы кромѣ VI кл. коммерческаго отдѣленія.

Въ теченіе отчетнаго года выбыло 462 ученика (въ томъ числѣ получившіе аттестаты изъ VI класса и поступившіе въ VII кл. своего же училища), изъ нихъ по окончаніи VI и VII классовъ 183 и 279 до окончанія курса; послѣднихъ болѣе всего было въ училищахъ: Киевскомъ (83) и Полтавскомъ (51). Изъ числа выбывшихъ этой категоріи $27,5\%$ перешли въ другія реальнія училища, $15,5\%$ поступили въ другія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, $9,5\%$ поступили въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, 14% на службу, 32% выбыли по разнымъ причинамъ и $1,5\%$ умерли.

Переводныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ въ концѣ 1890—91 учебн. года имѣли 841 ученикъ, то-есть $52,75\%$ общаго числа учениковъ. Удостоено перевода въ высшіе классы, а также аттестатовъ и свидѣтельствъ объ окончаніи VI и VII классовъ 1.136, или 71% . Получили аттестаты объ окончаніи шести классовъ основнаго отдѣленія 119 учениковъ, коммерческаго отдѣленія 10 и свидѣтельствъ объ окончаніи VII кл. въ общемъ отдѣленіи 20, въ механико-техническомъ — 63. Такимъ образомъ окончили курсъ реальныхъ училищъ 212 учениковъ ($13,3\%$). Кроме того при реальныхъ училищахъ въ отчетномъ году подвергались постороннія лица испытаніямъ изъ курса 6 классовъ—11 и изъ курса VII класса—3 чл.; изъ первыхъ выдержали экзаменъ 6, изъ вторыхъ 2. Всѣхъ учениковъ, имѣвшихъ во второй половинѣ отчетнаго года удовлетворительные отмѣтки по всѣмъ

предметамъ, было 847 (50.9%), а имѣвшихъ таковыя только по главнымъ предметамъ 977 (58.6%).

За безуспѣшность уволено было въ 1891 г. 43 ученика, на 5 менѣе чѣмъ въ прошломъ году. Уволенныѣ этой категоріи не было совсѣмъ въ приготовительномъ, въ V классѣ коммерческаго отд. и въ VII кл. Болѣе всего уволено изъ III и IV классовъ (по 14), далѣе идутъ I—6, II—5, VI осн. отд.—2, V осн. отд. и VI комм. отд.—по 1. Наибольшее число увольненій было въ Киевскомъ училищѣ—13, затѣмъ въ Кременчугскомъ—11, Ровенскомъ и Полтавскомъ—по 6, Винницкомъ—5, Новозыбковскомъ—2, въ Роменскомъ—ни одного.

Поведеніе учащихся въ отчетномъ году можно признать удовлетворительнымъ. Всѣхъ взысканій было произведено 6.560, на 508 менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году. Чаще другихъ назначался арестъ на часть послѣ уроковъ (4.088 разъ, 62%). Удаленіе изъ училища безъ права поступленія въ учебныя заведенія того же города было примѣнено одинъ разъ въ Новозыбковскомъ училищѣ. Получившихъ за поведеніе отмѣтки 5 и 4 было въ 1-мъ полугодіи 1.591 или 99.5%, а во второмъ—1.640 или 98.6%; неудовлетворительные отмѣтки 3 и 2 въ первомъ полугодіи выставлены въ 8 случаяхъ, во второмъ—въ 23. Пропущено учениками уроковъ въ 1891 году было 81.255, на 4.220 уроковъ менѣе, чѣмъ въ прошломъ. По неуважительнымъ причинамъ пропущено было 289 уроковъ (на 159 менѣе прошлогодняго); наибольшее количество пропусковъ этой категоріи надаетъ на Киевское училище (105), наименьшее—на Новозыбковское (8); въ Винницкомъ такого пропуска уроковъ вовсе не было.

Преобладающими болѣзнями между учениками въ отчетномъ году были лихорадки, катарральныя воспаленія горла и дыхательныхъ путей, а также желудка, глазныя болѣзни и проч.; въ нѣкоторыхъ училищахъ были случаи тифа и дифтерита. Смертныхъ случаевъ было 4: по одному въ Ровенскомъ и Кременчугскомъ и 2 въ Полтавскомъ училищѣ.

Женскихъ среднеучебныхъ заведеній въ отчетномъ году было 24: 13 гимназій, 10 прогимназій и Острожское женское графа Д. Н. Блудова училище. Всѣхъ учащихся въ гимназіяхъ къ 1-му января 1892 г. было 3.124, въ прогимназіяхъ 929, въ Острожскомъ училищѣ 129, а всего 4.182 ученицы, то-есть на 73 болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Цифра учащихся достигала наибольшаго количества въ гимназіяхъ: Полтавской—521, Киевской 467, Черниговской—356, Кременчугской—335 и Роменской—226 ученицъ; наименьшаго—въ гимназіяхъ

Новозыбковской—121, Прилукской—104 и Новгородсъверской—88. Изъ прогимназій больше всего ученицъ въ Немировской и Глуховской—по 139, Зѣньковской—107 и Кролевецкой—105; меньше другихъ: въ Золотоношской—67, Златопольской—66 и Сосницкой—56 ученицъ.

Учащіяся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 3.041 (болѣе 75%), римско-католичекъ—261 (6,4%), лютеранокъ—98 (2,1%), юдейской вѣры—638 (15,7%), прочихъ исповѣданій 15 (0,5%). Въ частности въ Кременчугской гимназіи евреекъ болѣе 30%, въ Бѣлоцерковской—25%, въ Новозыбковской—20%, а изъ прогимназій болѣе всего евреекъ въ Златопольской 30%, далѣе идутъ: Глуховская—29%, Немировская—25%, Кобелякская—23%, Золотоножская—22%, Кролевецкая—21%; б) по сословіямъ: потомственныхъ дворянокъ—658 (16,3%), личныхъ дворянокъ 1.564 (38,6%), духовного званія—234 (5,8%), купеческаго сословія—515 (12,7%), мѣщанскаго сословія—828 (20,4%), крестьянокъ—182 (4,5%), иностранокъ—62 (1,5%), непомнившихъ родства—10 (0,2%). Такія данныя свидѣтельствуютъ, что циркулярное предложеніе министерства народного просвѣщенія отъ 18-го іюня 1887 г. объ улучшеніи состава учащихся и отъ 10 іюля объ ограниченіи приема евреекъ не успѣли еще дать осознательныхъ результатовъ.

За отчетное время во всѣ заведенія поступило 1.171 воспитанница (на 7 болѣе, чѣмъ въ прошломъ году). Изъ этого числа 383 ученицы (32,7% всѣхъ поступившихъ) приходится на приготовительный классъ, 328 (29%) поступили въ I классъ, 136 (11,6%)—во II, 78 (7%)—въ III; въ VIII классъ поступило 125 ученицъ, считая какъ переведенныхъ въ этотъ классъ, такъ и перешедшихъ изъ другихъ гимназій.

Выбыло въ 1891 году изъ всѣхъ заведеній 1.111 ученицъ; изъ нихъ окончили курсъ гимназій и прогимназій 516 (12,5% общаго числа воспитанницъ), въ томъ числѣ 59 со званіемъ домашней учительницы. Наставницы и 210 со званіемъ домашней учительницы. До окончанія курса выбыло 573 ученицы, или 13,5% общаго числа обучавшихъ. Наибольшая цифра выбывшихъ приходилась на I, II, III и IV классы. Это заставляетъ думать, что курсъ женскихъ гимназій по объему и направленію не вполнѣ соответствуетъ способностямъ учащихся, а также потребностямъ и средствамъ ихъ родителей или родственниковъ.

Число переведенныхъ въ высшіе классы выѣстъ съ окончившими курсъ достигало 3.214 дѣвицъ, то-есть около 80% общаго числа

воспитанницъ къ 1 января 1892 г. Въ частности число переведенныхъ составило 83%, въ гимназияхъ и 69%, въ прогимназияхъ. По классамъ количество переведенныхъ распредѣлялось такъ: въ VIII — 90%, окончившихъ курсъ; въ VI переведенныхъ 98%, въ IV—90%, въ V—83%, въ VII—80%, во II—80%, въ III—78%, въ I—77%, въ приготов. 70%, всѣхъ обучавшихся въ классахъ.

Средній годовой балль по всѣмъ предметамъ былъ въ отчетномъ году для гимназій 3,8, для прогимназій 3,7, въ Острожскомъ училищѣ — 3,7. Высшій годовой балль былъ въ Ірилукской гимназіи — 4,4; далѣе шли гимназіи: г-жи Бейтель — 4,2, Нѣжинская — 3,9, Лубенская, Кіевская и Бѣлоцерковская по 3,8, Новгородсѣверская, Роменская, Черниговская и г-жи Ващенко-Захарченко — 3,7, Кременчугская и Новозыбковская — 3,5. Прогимназіи располагаются въ такомъ порядкѣ: Кобелякская — 3,9, Златопольская и Зѣньковская — 3,7, Золотоношская, Кролевецкая, Сосницкая — 3,6, Немировская, Переяславская и Глуховская — 3,5, Хорольская — 3,1. По классамъ высшіе средніе годовые баллы приходятся на старшіе: въ VIII — 4,3, VII — 4, VI и V — 3,9; слабѣе шли занятія въ средніхъ классахъ гимназій: въ IV — 3,8, въ III и приготовит. — 3,7, во II и I — 3,6. Въ прогимназіяхъ средніе годовые баллы составляютъ для II, III и IV классовъ — 3,6, для I и приготовит. — 3,5.

Поведеніе воспитанницъ въ отчетномъ году было весьма удовлетворительно: средній годовой балль за поведеніе былъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 4,99, а въ Острожскомъ училищѣ графа Д. Н. Блудова — 5. Взысканій на ученицъ наложено было 809, изъ коихъ 632 приходится на I — V классы, и только 177 на высшіе и приготовительный. Въ гимназіяхъ Ващенко-Захарченко и Бейтель, а также въ прогимназіяхъ Золотоношской, Зѣньковской, Сосницкой и Переяславской не было произведено ни одного взысканія.

Личный составъ къ 1 января 1892 года состоялъ изъ 558 лицъ, въ томъ числѣ 381 въ гимназіяхъ, 151 въ прогимназіяхъ и 26 въ Острожскомъ училищѣ графа Блудова. Изъ общаго числа служащихъ было 4 начальника, 20 предсѣдателей педагогического совѣта, 20 попечительницъ, 4 начальницы, 20 главныхъ надзирательницъ, 46 законоучителей, 143 учителя наукъ, 95 учительницъ наукъ, 41 преподаватель искусствъ, 51 преподавательница искусствъ, 101 надзирательница и 23 прочихъ должностныхъ лица (изъ нихъ 14 мужскихъ и 9 женскихъ).

Въ отчетномъ году было пропущено гг. преподавателями и препо-

давательницами во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ 6.978 уроковъ, то-есть около 6% общаго числа; въ частности въ гимназіяхъ—6.7%, въ прогимназіяхъ—4.6%, и въ Острожскомъ училищѣ 2%. Наименьшее число пропущенныхъ уроковъ приходится на приготовительные классы. Это объясняется тѣмъ, что лица, приглашенныя къ преподаванію въ остальныхъ классахъ, большей частью преподаватели мужскихъ среднеучебныхъ заведеній, по своимъ служебнымъ и другимъ обязанностямъ чаще вынуждены бываютъ пропускать, чѣмъ преподавательницы приготовительныхъ классовъ. Главный надзоръ за воспитанницами лежитъ на классныхъ надзирательницахъ, а въ приготовительныхъ классахъ на преподавательницахъ. Тѣ и другія внимательно слѣдили за поведеніемъ ученицъ и употребляли мѣры къ укрѣплению въ нихъ нравственности; съ другой стороны они наблюдали за успѣхами ученицъ и принимали мѣры къ исправному посвѣщенію ими уроковъ.

Изъ 13 женскихъ гимназій 7 помѣщались въ собственныхъ домахъ, довольно удобныхъ, за исключеніемъ Черниговской. Проція шесть гимназій помѣщались въ частныхъ домахъ, на наемъ которыхъ издержано въ отчетномъ году 24.600 р. Не смотря на значительную арендную плату, нѣкоторыя изъ гимназій много терпѣли отъ неудобства своихъ помѣщеній. Въ Киевской гимназіи въ отчетномъ году заложена пристройка въ зданію, отведенному подъ ея помѣщеніе въ усадьбѣ Киевской 1 мужской гимназіи, и къ началу 1892—93 учебнаго года представится возможность Киевской женской гимназіи перейти въ собственное помѣщеніе. Затѣмъ, ходатайство Понечительного совѣта Лубенской гимназіи передъ губернскимъ земствомъ о выдачѣ 15.000 р. на постройку зданія для этой гимназіи увѣнчалось успѣхомъ. Зданіе Черниговской гимназіи въ 1891 году, съ закрытіемъ трехъ параллельныхъ классовъ, приведено въ нѣсколько лучшее состояніе противъ прошлаго года. Изъ 10 прогимназій 8 помѣщались въ собственныхъ зданіяхъ и только 2 (Хорольская и Золотоношская) въ частныхъ домахъ, на что издержано было въ отчетномъ году 1.100 р. Большинство помѣщеній было удовлетворительно, только зданіе Немировской прогимназіи крайне тѣсно и неудобно. Острожское женское графа Д. Н. Блудова училище имѣло собственное помѣщеніе вполнѣ достаточное и удобное.

Въ библіотекахъ всѣхъ 24 заведеній къ 1-му января 1892 г. состояло 19.213 названій при 38.893 томахъ на сумму 54.180 р. 7 к., въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣто 1.282 названія при

2.643 томахъ на 3.014 р. 90 к. Первое място принадлежитъ библиотекѣ Кіевской гимназіи, въ которой заключается 2.654 названія при 5.250 томахъ на 7.496 р. 65 к. Самыя бѣдныя библиотеки находятся въ Прилукахъ и Лубнахъ. Первая имѣеть 85 названій при 303 томахъ, вторая 161 название при 410 томахъ. Сравнительно большеполнотою отличались библиотеки прогимназій, изъ коихъ Златопольская, Немировская и Переяславская стоимостью находящихся въ нихъ изданій превосходили библиотеки многихъ гимназій. Физические кабинеты женскихъ гимназій были крайне небогаты, вслѣдствіе чего ощущался недостатокъ въ необходимыхъ приборахъ для выполненія опытовъ, требуемыхъ программою. Только Кіевская гимназія и гимназія, содержимая Ващенко-Захарченко, снабжены были достаточнымъ количествомъ приборовъ. Всѣхъ предметовъ по всѣмъ кабинетамъ насчитывается 1.123 на сумму 11.301 р. 81 к., въ томъ числѣ на 2 прогимназіи (Кобелякскую и Сосницкую) приходится 16 приборовъ на сумму 76 р. 26 к. Прочія прогимназіи кабинетовъ не имѣютъ, равно какъ и Острожское училище и Бѣлоцерковская гимназія. Въ Новозыбковской гимназіи не было также кабинета, но въ отчетномъ году приобрѣтенъ 1 приборъ на неизвѣстную сумму. Кабинеты естественныхъ наукъ при 11 гимназіяхъ и 6 прогимназіяхъ также небогаты и обладаютъ 1.721 предметомъ на сумму 4.861 р. 54 к. Лучшій кабинетъ принадлежитъ гимназіи Ващенко-Захарченко (628 № на 1.635 р.). Гимназія Прилукская и Черниговская владѣютъ каждая всего 1 №. Прочихъ учебныхъ пособій по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ было 4.013 на сумму 15.215 р. 29 к., при чемъ вновь приобрѣтено на 1.339 р. 61 к. Всѣхъ приобрѣтений на пополненіе кабинетовъ и на прочія учебные пособія сдѣлано въ 1891 году въ женскихъ гимназіяхъ на 910 р. 81 к., въ прогимназіяхъ на 1.148 р. 54 к. и въ Острожскомъ училищѣ на 66 р. 61 к.; а во всѣхъ учрежденіяхъ вмѣстѣ на 2.125 р. 96 к.

Общий итогъ прихода суммъ по женскимъ учебнымъ заведеніямъ вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года въ отчетный періодъ доходилъ до 432.385 р. 82¹ к. и складывался изъ слѣдующихъ суммъ: изъ государственного казначейства 70.542 р. 61 к. (16,2%), сборъ за ученіе 157.586 р. 84 к. (36,4%), поступленія отъ городскихъ обществъ 30.681 р. 7 к. (7,1%), отъ земствъ 37.145 р. (8,6%), доходъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 7.548 р. 36 к. (1,7%), изъ разныхъ источниковъ 30.095 р. 81 к. (7,4%), остатковъ отъ прошлаго года 95.365 р. 16 к. (22%).

Всѣ расходы по гимназіямъ, прогимназіямъ и Острожскому училищу графа Д. Н. Блудова въ отчетномъ году достигали 316.188 р. 2 к. Изъ нихъ на гимназіи было израсходовано 236.372 р., 43 к., на прогимназіи 56.888 р. 70 к., на Острожское училище 22.926 р. 89 к. Наибольшаго расхода требовало по всѣмъ заведеніямъ содержаніе учебнаго персонала — 212.934 р. 84 к., то-есть 67,9% всѣхъ расходовъ; прочіе расходы были: наемъ помѣщений 8% (25.550 р.), содержаніе помѣщепій 10% (31.492 р. 26 к.), учебныя пособія 2% (6.179 р. 29 к.), стипендіи и пособія учащимся 1% (3.246 р. 30 к.), прочія потребности 11% (35.428 р. 4 к.). Къ 1-му января 1892 года оставалось суммъ по всѣмъ заведеніямъ 116.197 р. 80 $\frac{1}{4}$ к. Въ теченіе 1891 года г. попечителемъ были посыпаны и осмотрѣны слѣдующія женскія гимназіи: Киевская, Бѣлоцерковская, Черниговская, Новозыбковская и Нѣжинская и кромѣ того Златопольская прогимназія; помощникомъ г. попечителя были посыпаны Киевская инженерская гимназія, гимназіи г-жи Вандеко-Захарченко и г-жи Бейтель, где неоднократно присутствовалъ онъ на урокахъ и экзаменахъ. Затѣмъ имъ были посыпаны гимназіи: Бѣлоцерковская, Кременчугская, Нѣжинская, Роменская, Черниговская, Полтавская и прогимназіи: Немировская, Золотонішская и Кобеляцкая.

Учителскій институтъ въ г. Глуховѣ. Черниговской губерніи, состоящий изъ трехъ классовъ, и находящееся при немъ образцовое двухклассное городское училище помѣщаются: первый въ собственномъ домѣ, а второе—въ наемномъ, съ платою по 600 р. въ годъ. Кромѣ того панимается особое помѣщеніе для обученія воспитанниковъ ручному труду за 300 р. въ годъ. Крупные недостатки означенныхъ помѣщений, указанные и въ прошлогоднемъ отчетѣ, не могли быть устранены и въ 1891 году по неимѣнію въ городѣ другаго, болѣе удобнаго зданія.

Библіотека института и городскаго училища въ началѣ отчетнаго года состояла изъ 1.798 названій при 5.330 томахъ на сумму 10.762 р. 45 к. Въ теченіе года приобрѣто 67 названій при 350 томахъ на 508 р. 33 к. Выдано окончившимъ курсъ воспитанникамъ 51 название при 102 томахъ на 112 р. 74 к. Затѣмъ къ 1-му января 1892 года числится 1.814 названій при 5.578 томахъ на 11.158 р. 45 к. При институтѣ находятся кабинеты—физический, естественныхъ наукъ и отдѣль прочихъ учебныхъ пособій, въ коихъ заключается 617 нумеровъ.

На содержаніе обоихъ учрежденій въ отчетномъ году поступило:

изъ государственного казначейства 27.806 р., платы отъ своеоколгныхъ воспитанниковъ 275 р., сбора за учение въ училищѣ 330 р. остатковъ отъ специальныхъ средствъ 1890 г. 375 р. 83 к., другихъ источниковъ 69 р. а всего 28.855 р. 83 к. Израсходовано на содержание института и училища 28.335 р. 94 к., въ томъ числѣ: на жалованье служащимъ 13.021 р., наемъ и содержание всѣхъ помѣщений 5.883 р. 11 к., канцелярскія пособія и библіотеку 560 р. 79 к., содержаніе пансионеровъ 7.425 р., прочія потребности 1.446 р. 4 к.

На обученіе ручному труду въ 1891 г. поступило изъ Высочайше разрѣшеннаго дополнительнаго кредита 1.600 р., изъ которыхъ израсходовано 1.598 р. 75 к., а остальные 1 р. 25 к. подлежать къ отчисленію въ свободныя ресурсы казны.

Въ отчетномъ году институтъ продовольствовалъ пищею и одеждой 49 воспитанниковъ въ первое полугодіе и 52 во второе. Продовольствованіе пищею обошлось въ 4.123 р. 32 к. или по 80 р. 85 к. въ годъ на каждого воспитанника (въ предыдущемъ году 81 р. 28 к.). За эту сумму ученики имѣли обѣдъ изъ 2 блюда съ 1 фунтомъ говядины, въ большиіе праздники—изъ 3 блюдъ; завтракъ изъ 1 блюда и 2 раза чай съ $\frac{1}{2}$ ф. бѣлаго хлѣба къ каждому. Полное содержаніе всѣхъ воспитанниковъ обошлось въ 7.425 р., то-есть около 150 р. на каждого.

Всѣхъ служащихъ въ институтѣ и училищѣ къ 1-му января 1892 года состояло 15, въ томъ числѣ 1 директоръ, 1 законоучитель, 6 учителей, 3 преподавателя искусствъ, 1 помощникъ учителя и 3 другихъ служащихъ. Уроковъ пропущено преподавателями института 60, преподавателями училища 154. Причины пропусковъ были вполнѣ уважительны. Вакантными оставались, какъ и въ прошломъ году, должности почетнаго попечителя института и почетнаго попечителя училища.

Въ отчетномъ году было 8 засѣданій педагогическаго совѣта; изъ нихъ 4 были посвящены разсмотрѣнію двухмѣсячныхъ отмѣтокъ воспитанниковъ по успѣхамъ и поведенію; 2 на обсужденіе результатовъ приемныхъ и переводныхъ экзаменовъ, 2 на разсмотрѣніе сѣмѣти доходовъ и расходовъ по институту. Кроме того еженедѣльно по субботнимъ вечерамъ происходили конференціи для обсужденія пробныхъ уроковъ воспитанниковъ 3 класса въ городскомъ училищѣ.

Всѣхъ учащихся въ институтѣ въ началѣ отчетнаго года было 49. Изъ нихъ въ юніи выпущено было съ званіемъ учителей городскаго училища 12, уволено изъ I класса 2 (1 приходящій и 1 свое-

коштный пансионеръ), — оба по прошению; следовательно, въ теченіе отчетнаго года было 14. Изъ авившихся на экзаменѣ въ августѣ мѣсяцѣ приято было по конкурсу въ I классъ 18, изъ нихъ 14 казен-коштными, 1 своеиздѣлными и 3 приходящими. Такимъ образомъ къ 1-му января 1892 г. въ институтѣ состоять 53 воспитанника: въ I классѣ—23, во II—18, въ III—12. Изъ нихъ казен-коштныхъ 49, своеиздѣлныхъ пансионеровъ 2 и приходящихъ 2. Оставлено было на повторительный курсъ въ I классѣ 7 воспитанниковъ. Всѣ 53 воспитанника института были православнаго вѣроисповѣданія и распредѣлялись: а) по происхожденію: дѣтей дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія 13, купеческаго и мѣщанскаго сословія 18, крестьянъ и казаковъ 24; б) по образованію: изъ гимназій 3, изъ учительскихъ семинарій 13, городскихъ и уѣздныхъ училищъ 38, домашнаго воспитанія 1. Средній возрастъ воспитанниковъ института—20 лѣтъ.

Всѣхъ учащихся въ городскомъ училищѣ при институтѣ въ началѣ отчетнаго года было 135. Изъ нихъ окончило курсъ ученикъ 13, выбыло во вновь открытое на средства Ф. А. Терещенко училище 63, уволено по желанію родителей 7. На мѣсто выбывшихъ вновь поступило 25 учениковъ: въ 1-ю группу 9, во 2-ю 5, въ 3-ю 5, въ 4-ю въ 5-ю 2 и въ 6-ю 2. Такимъ образомъ къ 1-му января 1892 г. въ городскомъ училищѣ числится 77 учащихся, кои распредѣляются: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 60, католиковъ 1, евреевъ 16; б) по сословіямъ: дѣтей дворянъ 20, духовныхъ 4, купцовъ 4, мѣщанъ 31, крестьянъ 17, иностранцевъ 1.

Успѣхи воспитанниковъ института характеризуются слѣдующими цифрами: уволенныхъ за безусиѣшность 2 (въ 1890 г.—2), оставленныхъ въ томъ же классѣ на повторительный курсъ 7 (въ 1890 г.—5), средній балль за успѣхи всѣхъ учащихся—4 (въ 1890 г.—3,9). Успѣхи учащихся въ городскомъ училищѣ опредѣляются слѣдующими данными: средній годовой балль 3,8; перешло въ высшія группы и окончило курсъ 100 (74%), окончило курсъ 13 (9,6%).

Воспитательная часть поставлена въ институтѣ удовлетворительно. Въ свободные часы одни воспитанники института занимаются музыкой, другіе пѣніемъ или ручнымъ трудомъ, читаютъ книги, преимущественно по методикѣ разныхъ предметовъ городского училища, равно какъ и статьи изъ педагогическихъ журналовъ и дѣтской литературы. На молодыхъ учениковъ изъ городскихъ училищъ большое вліяніе имѣютъ въ институтѣ зрѣлые уже воспитанники изъ учительскихъ семинарій. Занятія въ городскомъ училищѣ подъ руководствомъ опыт-

ныхъ учителей также действуютъ благотворно: воспитанники постепенно входятъ въ роль учителей и пріучаются держать себя съ достоинствомъ. Значительное влияніе принадлежитъ и институтской церкви, посвящаемой воспитанниками съ любовью. Вообще преподаватели и классные наставники отзываются о поведеніи воспитанниковъ съ похвалой. Записей въ книгу поведенія не было. Отметка за поведеніе не имѣла воспитанникамъ бывала 5.

Въ городскомъ училищѣ при институтѣ главными воспитательными средствами служили обученіе и школьная дисциплина. Обученіе не ограничивалось сообщеніемъ ученику знаній и развитіемъ его умственныхъ способностей, но стремилось благотворно влиять и на его нравственные силы, что достигалось мѣрами, указанными въ отчетѣ за предыдущій годъ¹⁾. Школьная дисциплина обнимала всѣ стороны школьнай жизни и имѣла въ виду пріучить ученика къ порядку, приличию, аккуратному исполненію своихъ обязанностей, разумному пользованію своимъ временемъ и вообще къ правильному образу жизни. Средній балль за поведеніе былъ 5. Взысканій было 27.

Ручной трудъ въ институтѣ преподается какъ предметъ необязательный. Въ 1891 году въ занятіяхъ ручнымъ трудомъ участвовали: 32 воспитанника института, 24 ученика городского училища, 2 учителя училища Ф. А. Терещенко, 1 учитель сельского училища и 2 ученика мѣстной гимназіи. Занятія ручнымъ трудомъ происходили въ послѣобъденное время, отъ $3\frac{1}{2}$ до $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера ежедневно. Для удобства всѣ работающіе раздѣлены на 4 группы, и каждая группа посвящаетъ мастерскую 3 раза въ недѣлю, каждый разъ на 2 часа. Выборъ времени для занятій предоставляется самому работающему. Въ отчетномъ году учащіеся занимались работами по дереву: столлярными, токарными, ложкарными, рѣзными и ажурными. Не преслѣдуя утилитарныхъ цѣлей, занятія ручнымъ трудомъ стремятся дать удовлетвореніе стремленіямъ къ дѣятельности и творчеству, развитіе воли, глаза, руки и вообще внѣшнихъ чувствъ, любви и охоты къ физической работе. Въ отчетномъ году найдено болѣе удобнымъ раздѣлить коллекцію, служащую курсомъ ручного труда, на основную и дополнительную. Первая обнимаетъ рядъ издѣлій, начиная съ грабельного зубца и кончая шкатулкой, а вторая состоитъ изъ болѣе сложныхъ предметовъ (табуретъ, шкаликъ, рама багетная и т. п.). Каждую задачу ученики исполняютъ по чертежамъ и моделямъ, начиная съ

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1892 г., мартъ, отд. IV, стр. 12—13.

простыхъ и небольшихъ и кончая крупными и сложными. Такая-же послѣдовательность соблюдается и по отношенію къ формамъ. Изготовленіе каждой модели идетъ строго послѣдовательно, но самостоятельно. Нѣкоторые изъ учениковъ изготавливаютъ сами оригиналные рисунки токарныхъ, рѣзныхъ и ажурныхъ издѣлій и по нимъ изготавливаютъ модели.

Въ 1891 году среди воспитанниковъ института было 41 случаевъ заболѣваний, вынудившихъ заболѣвшихъ пользоваться больничными леченьемъ. Изъ общаго числа болѣвшихъ по 1 разу болѣло 27, по 3 раза 1 и по 4—1. Въ общей сложности всѣ болѣвшіе провели въ больницахъ 209 дней, что составить въ среднемъ на каждого болѣвшаго 5,1 дня. Смертныхъ случаевъ не было.

Учительскихъ семинарій въ Округѣ состояло въ 1891 году днѣ: въ м. Коростышевѣ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, и въ г. Острогѣ, Волынской губерніи. При каждой изъ нихъ имѣется начальное училище для практическихъ занятій воспитанниковъ въ преподаваніи.

Всѣхъ книгъ въ библіотекахъ семинарій состояло 12.294 тома на сумму 14.187 р. 12 к., въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣто 267 томовъ на сумму 354 р. 70 к. Учебныхъ пособій по естествовѣдѣнію къ 1 января 1892 года осталось прежнее количество: 1.126 на сумму 3.134 р. 75 к. Прочихъ учебныхъ пособій къ тому-же сроку состояло 4.322 на 6.244 р. 36 к., въ томъ числѣ вновь приобрѣто 185 предметовъ на 145 р. 50 к.

Обѣ учительскія семинаріи содержатся на суммы, отпускаемыя изъ государственного казначейства, которыхъ въ 1891 году поступило въ Коростышевскую семинарію 17.133 р. 75 к. и Острожскую 14.683 р. 75 к. Кроме того средства семинарій составляли: а) остатокъ отъ предыдущаго года,—въ Коростышевской 6.269 р. 56 к. (въ томъ числѣ: на хозяйственныя надобности 177 р., на постройку бани 4.000 р., стипендіальчаго капитала имени Силакова 2.000 р. и % на этотъ капиталъ 92 р. 56 к.); б) % съ того-же капитала за отчетный годъ 103 р. 78 к. и въ Острожской семинаріи—непривосновенаго капитала специальныхъ средствъ въ % бумагахъ 3.000 р. и наличныхъ 7 р. 37 к. Въ общей сложности учительскія семинаріи располагали въ отчетномъ году суммой 41.198 р. 21 к.

Изъ этой суммы израсходовано 35.630 р. 71 к., въ томъ числѣ: на содержаніе помѣщений 3.062 р. 93 к., жалованье служащимъ 15.845 р. 50 к., содержаніе воспитанниковъ 9.081 р. 6 к., учебныя

пособія 1.098 р. 47 к., и на другіе расходы 6.542 р. 75 к. Къ 1-му января 1892 г. осталось 5.567 р. 50 к., въ томъ числѣ: по Коростышевской семинаріи 2.428 р. 43 к., а по Острожской — 3.139 р. 7 к.

Объ учительскій семинарії помѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ. Въ отчетномъ году удалось устранить нѣкоторыя неудобства въ по-мѣщеніи Коростышевской семинаріи: построена каменная баня, на что было отпущено изъ строительного кредита Учебнаго округа 5.000 р., и на ту же сумму устроенъ въ коридорѣ главнаго зданія новый дубовый поль; на средства семинаріи капитальнымъ образомъ ремонтирована ограда по лицевой линіи зданія и устроены каменный тротуаръ. Но холодные продольные коридоры между классами и жи-лыми комнатами остались въ прежнемъ положеніи ввиду значитель-ности затратъ, необходимыхъ для устраненія этого существеннаго неудобства. Не хватило у Коростышевской семинаріи средствъ и на то, чтобы застраховать свои постройки отъ огня. Острожская семи-нарія имѣть вполнѣ удовлетворительное зданіе, но стѣснена тѣмъ, что въ ея помѣщеніи находится и Острожская прогимназія, зданіе которой сгорѣло въ 1888 году. Средствъ выстроить новое зданіе для прогимназіи нѣтъ, а вѣскія соображенія мѣшаютъ перевести ее въ другой городъ. Въ виду этого г. попечитель полагаетъ, что помѣщеніе семинаріи слѣдуетъ уступить прогимназіи, а семинарію перевести въ Великіе Дедаркалы, Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи, гдѣ означеннай семинаріи можетъ быть съ удобствомъ помѣщена въ зданіяхъ упраздненнаго римско-католическаго монастыря. По настоящему предмету г. попечитель обратился съ представленіями въ министер-ство народнаго просвѣщенія и вошелъ въ сношеніе съ г. Киевскимъ Подольскимъ и Волынскимъ генераль-губернаторомъ.

Въ 1891 году г. попечителемъ были обревизованы объ семинаріи: Коростышевская 28-го сентября и Острожская 14-го октября.

Личный составъ семинаріи достигаъ въ отчетномъ году 16 лицъ,, въ томъ числѣ: 2 директора, 2 законоучителя, 6 наставниковъ, 2 учителя начальныхъ училищъ, 2 учителя пѣнія, 1 учитель гимна-стики и переплетнаго мастерства (въ Коростышевѣ) и 1 фельдшеръ (тамъ же). Должности почетныхъ попечителей въ обѣихъ семинаріяхъ и почетныхъ блистителей въ начальныхъ училищахъ вакантны. Пере-мѣнъ въ личномъ составѣ было въ Коростышевской семинаріи 2, въ Острожской совсѣмъ не было.

Изъ 5.653 положенныхъ уроковъ въ отчетномъ году пропущено преподавателями 400 (311 въ Коростышевской семинаріи и 89 въ

Острожской); пропущенные уроки занимались другими наилучшими преподавателями.

Предметомъ обсуждений педагогическихъ совѣтовъ учительскихъ семинарій были: приемъ учащихся, оцѣнка успѣховъ и поведенія воспитанниковъ въ концѣ каждой четверти учебного года, выниска учебниковъ, производство переводныхъ и окончательныхъ испытаний, выдача свидѣтельствъ на званіе сельского начального учителя, свидѣтельствованіе строительныхъ работъ и материальныхъ приобрѣтеній по хозяйству, библиотекамъ, собраніямъ учебныхъ пособій, а также текущіе вопросы по учебно-воспитательной части.

Учебно-воспитательная дѣятельность семинарій и въ отчетномъ году утверждалась на тѣхъ же основаніяхъ и слѣдовала по тому же пути, какъ и въ цѣломъ рядъ предшествовавшихъ лѣтъ, согласно положенію объ учительскихъ семинаріяхъ, инструкції для нихъ и изданійшихъ постановленій и распоряженій Министра Народного Просвѣщенія. Въ характерѣ педагогической жизни семинарій въ отчетномъ году никакихъ измѣненій не послѣдовало.

Число учащихся въ 1-му января 1892 года было 141, на 3 человѣка больше, чѣмъ въ прошломъ году. Изъ нихъ въ Коростышевской семинаріи было 102, въ Острожской 39. Столь значительная разница зависитъ отъ того, что въ первой существуютъ частные стипендиаты и своеокоштные воспитанники, а во второй вѣтъ ви тѣхъ, ни другихъ; кромѣ того в. Коростышевъ представляетъ большія удобства жизни для бѣдныхъ, чѣмъ г. Острогъ. Въ начальныхъ училищахъ при семинаріяхъ къ тому же сроку состояло 122 учащихся, въ томъ числѣ: въ Коростышевѣ 84 мальчика и 10 дѣвочекъ, въ Острогѣ 28 мальчиковъ.

Всѣ учащіеся въ семинаріяхъ православнаго вѣроисповѣданія, а въ начальныхъ училищахъ православныхъ 112, католиковъ 8, лютеранъ 2. По сословіямъ воспитанники семинарій распредѣляются слѣдующимъ образомъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 6, почетныхъ гражданъ 1, духовнаго званія 13, мѣщанъ 16, крестьянъ 76, солдатскихъ дѣтей 29. Такимъ образомъ и въ 1891 году, какъ и въ предшествовавшіе, крестьянское сословіе было преобладающимъ. Между учащимися въ начальныхъ училищахъ также преобладалъ крестьянскій элементъ, а именно: крестьянъ 69, мѣщанъ 48, духовнаго званія 4 и 1 дворянинъ. Въ обѣихъ семинаріяхъ числится казенныхъ стипендиатовъ 79 (въ томъ числѣ 39 въ Острожской), частныхъ 5, своеокоштныхъ воспитанниковъ 57.

Успѣхи воспитанниковъ семинарій въ теченіе 1891 года выра-

жаются по всѣмъ предметамъ среднимъ балломъ 3,65. Лучшии успѣхи оказали ученики II и III классовъ (средній баллъ 3,69), а по предметамъ наилучшии отмѣтки ученики всѣхъ классовъ имѣли изъ математики (137 хорошихъ и отличныхъ отмѣтокъ). Успѣхи учащихся, судя по годичнымъ экзаменамъ, дали въ 1891 году слѣдующіе результаты: изъ 45 воспитанниковъ I класса переведено въ слѣдующій 36, осталось на повторительный курсъ 4, выбыло 5; изъ 57 воспитанниковъ II класса переведено 50, оставлено 7; изъ 36 воспитанниковъ III класса всѣ окончили курсъ. Къ 1-му января 1892 года состояло воспитанниковъ въ I классѣ — 48, во II — 43, въ III — 50. Изъ учиившихся въ начальныхъ школахъ при семинарияхъ окончило курсъ 11 мальчиковъ, а выбыло 23 мальчика и 2 девочки, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій семейнаго и хозяйственнаго крестьянскаго быта, требующихъ домашней работы и отъ дѣтей самаго раннаго школьнаго возраста. Успѣхи учащихся въ начальныхъ училицахъ были вообще удовлетворительны.

Кромѣ научныхъ предметовъ воспитанники обучались ремесламъ: переплетному, столярному и токарному. Въ обѣихъ семинарияхъ организованы хоры изъ воспитанниковъ; въ Коростышевской семинаріи ученики съ охотой занимаются музыкой, и семинарія имѣеть свой собственный оркестръ подъ управлениемъ воспитанника же. Оркестръ этотъ исполняетъ съ успѣхомъ пьесы на литературно-музыкальныхъ вечерахъ, устраиваемыхъ въ семинаріи въ высокоторжественные дни и день храмового праздника. Устроенная въ 1883 году въ той же семинаріи метеорологическая станція давала возможность подготовить и воспитанниковъ къ введенію метеорологическихъ наблюдений и устройству станцій при народныхъ училицахъ. Наконецъ, одинъ урокъ гимнастики въ III классѣ былъ обращенъ въ практическій, съ теоретической къ нему подготовкѣ практикантовъ, съ цѣлью приготовить семинаристовъ къ обученію гимнастикѣ въ школахъ.

Средній баллъ по поведенію для воспитанниковъ семинарій былъ 4,83. Число взысканій было 118, изъ нихъ 94 мелкихъ и 24 болѣе тяжкихъ. Классы посыпались воспитанниками исправно.

Состояніе здоровья воспитанниковъ Острожской семинаріи было удовлетворительно, а въ Коростышевской изъ 28 заболѣваній одно окончилось смертью.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

НАШІ УЧЕБНІЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

СРЕДНІЯ И НИЗШІЯ ШКОЛЫ ВЪ КІЕВСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГЪ
ВЪ 1891 ГОДУ ¹⁾.

Всѣхъ народныхъ училищъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ къ 1-му января 1892 года состояло 2.017, и въ нихъ обучалось 153.488 дѣтей; въ томъ числѣ въ Юго-Западномъ краѣ (губерніи: Кіевская, Волынская и Подольская) было 779 училищъ при 55.863 учащихся, а въ губерніяхъ: Черниговской и Полтавской 1.238 училищъ при 97.625 учащихся. Въ Юго-Западномъ краѣ къ 1-му января 1891 года было 778 училищъ и при нѣкоторыхъ изъ нихъ классовъ ремесленныхъ и рукодѣльныхъ 105 и классовъ для взрослыхъ 82. Въ теченіе года было открыто вновь 5 сельскихъ училищъ (2 двухклассныхъ и 3 одноклассныхъ), ремесленныхъ и рукодѣльныхъ классовъ 5 и классовъ для взрослыхъ 3; въ то же время закрыто было 4 училища, 6 ремесленныхъ и рукодѣльныхъ классовъ и 5 классовъ для взрослыхъ. Такимъ образомъ къ концу отчетнаго года въ Юго-Западномъ краѣ было:
а) городскихъ двухклассныхъ училищъ: мужскіхъ 35 и женскіхъ 34;
б) сельскихъ двухклассныхъ 24; в) городскихъ одноклассныхъ приходскихъ 53; г) сельскихъ одноклассныхъ 632; д) 1-е Кіевское Александровское ремесленное училище. Ремесленныхъ и рукодѣльныхъ классовъ было 104, классовъ для взрослыхъ 80. Приготовительные классы существуютъ при всѣхъ городскихъ двухклассныхъ училищахъ,

¹⁾ Ожоччаніе. См. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

кромѣ Киевскаго мужскаго. Параллельныхъ отдѣлений было къ концу отчетнаго года 16, въ томъ числѣ по 1 отдѣлению приготовительнаго класса при Радомысьльскомъ, Васильковскомъ, Бердичевскомъ и Уманскомъ мужскихъ училищахъ, по 2 отдѣлениямъ того-же класса при Черкасскихъ мужскомъ и женскомъ училищахъ, 1 отдѣление того-же класса при Уманскомъ женскомъ училищѣ, по 1 отдѣлению I и II классовъ при Киевскомъ мужскомъ училищѣ. Кромѣ означенныхъ училищъ въ Юго-Западномъ краѣ, и въ особенности въ Волынской губерніи имѣется весьма значительное число школъ въ поселкахъ нѣмецкихъ колонистовъ.

По числу народныхъ училищъ губерніи Юго-Западнаго края слѣдуютъ въ такомъ порядке: Волынская — 298, Подольская — 277 и Киевская 204. Число училищъ по отдѣльнымъ уѣздамъ названныхъ губерній распредѣляется крайне неравномѣрно: болѣе всего ихъ въ Киевской уѣздѣ (54), затѣмъ идутъ уѣзда Подольской губерніи: Новоушицкій, Балтскій и Каменецкій, и 2 уѣзда Волынской: Житомирскій и Луцкій, изъ коихъ каждый имѣть по 35 — 32 народныхъ училища. Въ 14 уѣздахъ число народныхъ училищъ превышаетъ 20, въ 6 — по 19 — 16, въ 3 — по 13, въ 2 — по 12, въ 2 — по 11; менѣ всего училищъ въ 3 уѣздахъ Киевской губерніи: Сквирскомъ (9), Таращанскомъ (8) и Уманскомъ (7). Ясно, что такое количество училищъ для 8-мимилліоннаго и при томъ смѣшаннаго Юго-Западнаго края является совершенно недостаточнымъ. Но еще болѣе очевидна будетъ неравномѣрность распредѣленія училищъ и ихъ недостаточность, въ особенности для сельскаго населенія, если изъ общаго числа училищъ исключить городскія. Сельскихъ министерскихъ училищъ въ Волынской губерніи 275, въ Подольской — 244, въ Киевской 137. Кромѣ того уѣзденныхъ города (Ровно и Острогъ) вовсе не имѣть двухклассныхъ училищъ, такъ что мѣстное городское населеніе, состоящее главнымъ образомъ изъ мѣщанъ, лишено возможности дать соответствующее образованіе своимъ дѣтямъ. Вообще, недостаточность школъ въ Юго-Западномъ краѣ приводить къ тому, что многія дѣти или должны остаться безграмотными, или имъ приходится посѣщать тайныя польскія школы, борясь съ которыми административными мѣрами невозможно, такъ какъ онѣ имѣютъ характеръ частнаго обучения на дому, противодѣйствовать же дальнѣйшему ихъ развитію можно только устройствомъ правильно организованной правительственной школы. Необходимость такого противодѣйствія ясно показывается исключительнымъ положеніемъ Юго-Западнаго края, расположеннаго

въ пограничной части Империи, гдѣ, благодаря разнородности элементовъ населения, легко распространяется съ одной стороны римско-католическая пропаганда, а съ другой еврейская и иѣмецкая обособленность. Въ виду всего этого является крайняя и безотлагательная необходимость въ поддержкѣ отъ казны на устройство въ пограничныхъ уѣздахъ Волынской и въ особенности Подольской губерніи начальныхъ училищъ министерства народного просвѣщенія. Къ сожалѣнію, отчетный годъ не можетъ быть отмѣченъ ничѣмъ отраднымъ въ отношеніи открытия въ этихъ мѣстностяхъ новыхъ народныхъ училищъ, такъ какъ скучность состоявшихъ въ распоряженіи министерства народного просвѣщенія средствъ на нужды начального народного образованія не позволяла оказать поддержку въ столь важномъ для Юго-Западнаго края дѣлѣ.

Изъ общаго числа народныхъ училищъ Юго-Западнаго края, 695 помѣщаются въ собственныхъ и 84 въ наемныхъ зданіяхъ. Собственныя помѣщенія имѣютъ: 21 мужское и 20 женскихъ двухклассныхъ городскихъ училищъ, 23 сельскихъ двухклассныхъ, 10 городскихъ приходскихъ, 620 сельскихъ одноклассныхъ и Александровское ремесленное училище въ Киевѣ. Въ наемныхъ домахъ помѣщаются: 14 мужскихъ и 14 женскихъ двухклассныхъ городскихъ училищъ, 1 сельское двухклассное, 43 городскихъ приходскихъ и 12 сельскихъ одноклассныхъ училищъ. Большинство городскихъ школъ располагаетъ довольно удовлетворительными помѣщеніями, но некоторые двухклассные городскія училища, помѣщающіяся въ наемныхъ домахъ, не смотря на высокую арендную плату, должны довольствоваться помѣщеніями, крайне неудобными какъ въ гигиеническомъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Достигнуть вполнѣ удобныхъ помѣщеній для сельскихъ училищъ весьма трудно какъ по недостатку средствъ у многихъ крестьянскихъ обществъ, такъ и по равнодушію ихъ къ благоустройности школъ. Ремонтъ собственныхъ училищныхъ помѣщеній производился въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, въ городскихъ училищахъ на счетъ ихъ специальныхъ средствъ, а въ сельскихъ — на счетъ опредѣленныхъ штатныхъ суммъ, отпускаемыхъ на этотъ предметъ, въ размѣрѣ отъ 10 до 15 рублей въ годъ для каждого училища, или на счетъ сверхштатныхъ ассигнованій, въ томъ случаѣ, когда предстояль въ какомъ либо училищѣ капитальный ремонтъ. Изъ числа вновь отстроенныхъ и капитальноремонтированныхъ въ отчетномъ году училищныхъ помѣщеній слѣдуетъ отмѣтить: въ Киевской губерніи выстроено новое каменное

здание для Радомыльского мужского двухклассного городского училища; въ Подольской губерніи — построены новые, вполнѣ удобные дома, стоимостью свыше 3.000 р. каждый, для Качановского и Торзинского сельскихъ одноклассныхъ училищъ, и совершенно перестроены помѣщенія Пархамовецкаго, Шпичинецкаго и Ступчинецкаго сельскихъ одноклассныхъ училищъ, а также улучшены въ значительной мѣрѣ помѣщенія еще 9 училищъ; въ Волынской губерніи — выстроены новыя зданія для Червонскаго двухклассного сельского народнаго училища на средства мѣстнаго землевладѣльца дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ф. А. Терещенка, и для Пулинскаго одноклассного сельского училища на средства крестьянъ; въ Луцкомъ уѣздѣ отстроено новое зданіе для Лавровскаго одноклассного училища и произведена капитальная ремонтировка въ помѣщеніи Рожищскаго ароднаго училища.

На содержаніе народныхъ училищъ Юго-Западнаго края поступило въ отчетномъ году всего изъ разныхъ источниковъ 819.096 р. 77 $\frac{1}{4}$ к., въ томъ числѣ: изъ суммъ государственного казначейства 261.951 р. 69 к., отъ городскихъ обществъ 130.951 р. 97 к., отъ сельскихъ обществъ 209.443 р. 43 $\frac{1}{4}$ к., отъ удѣльного вѣдомства 4.186 р. 79 к., отъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ 23.766 р. 78 к., платы за право учениія 52.172 р. 96 к., пожертвованій и фундушей 117.573 р. 44 к., % съ капиталовъ 19.049 р. 71 к. Изъ этихъ суммъ израсходовано было всего 691.892 р. 7 к. Затѣмъ въ общемъ остаткѣ получилось 127.264 р. 70 $\frac{1}{4}$ к. Въ частности, распределеніе суммъ въ отчетномъ году по каждому типу училищъ было слѣдующее:

Училища:	Приходъ:	Расходъ:	Остатокъ:
1. Двухклассный городскій.	320.142 р. 12 к.	205.574 р. 34 к.	114.567 р. 78 к.
2. Сельскій двухклассный.	52.028 57	45.630 , 3 "	6.398 , 54
3. Городскій приходскій.	79.514 , 29	73.803 , 79 "	710 , 50
4. Сельскій одноклассный	341.469 , 79 $\frac{1}{4}$,	335.881 , 91 "	5.587 , 88 $\frac{1}{4}$,
5. Александровское ремесленное	25.942 ,	25.942	

Самая значительная сумма остатковъ получилась въ городскіхъ двухклассныхъ училищахъ, что объясняется тѣмъ, что въ эту сумму вошли специальные средства сихъ училищъ, образовавшіяся изъ денежныхъ пожертвованій разныхъ лицъ, взносовъ почетныхъ смотрителей, платы за учение и проч. Остатки въ сельскихъ училищахъ образовались отъ разныхъ поступлений изъ мѣстныхъ источниковъ, дохода

съ общественныхъ статей, предназначенныхъ въ пользу училищъ, а также изъ суммъ, ассигнуемыхъ на ремонтъ зданій, который производится не каждый годъ, а лишь по мѣрѣ надобности. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ училищахъ имѣются запасные капиталы, образовавшіеся изъ изъ нажертованій и остатковъ за предыдущіе годы.

Во всѣхъ народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края къ 1-му января 1892 года состояло книгъ и брошюръ 594.489 томовъ и разныхъ пособій 116.399 экземпляровъ; въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣто книгъ и брошюръ 47.189 томовъ, на сумму 17.932 р. 86 к. и учебныхъ пособій 7.807 экземпляровъ. Въ частности, при библиотекахъ народныхъ училищъ Юго-Западнаго края къ концу отчетнаго года состояло: при 35 городскихъ двухклассныхъ мужскихъ училищахъ¹⁾ книгъ и брошюръ 77.646 томовъ и 8.869 экземпляровъ учебныхъ пособій; при 24 сельскихъ двухклассныхъ училищахъ 29.414 томовъ и пособій 6.370; при 58 городскихъ приходскихъ училищахъ 29.748 томовъ и пособій 5.860; при 632 сельскихъ училищахъ 456.458 томовъ и пособій 95.192. Въ двухклассныхъ городскихъ училищахъ библиотеки состоять изъ двухъ отдѣловъ: учительскаго (фундаментальнаго) и ученическаго. Фундаментальные отдѣлы могутъ считаться достаточными и находятся въ удовлетворительномъ состояніи. Они ежегодно пополняются на счетъ положенной на этотъ предметъ суммы (по 90 р. на училище), а отчасти на специальныя средства училищъ, или на счетъ остатковъ отъ хозяйственныхъ суммъ. Ученические отдѣлы уступаютъ фундаментальнымъ, такъ какъ на пополненіе ихъ по штату ничего не полагается, но благодаря тому, что они могутъ быть пополнены изъ остатковъ отъ сѣмѣнъ ассигнованій на содержаніе училищъ или на специальныя училищныя средства, да и большую частью уже снабжены книгами, они даютъ возможность учащимся пользоваться сочиненіями, пригодными при изученіи преподаваемыхъ въ училищѣ предметовъ. Учебныхъ пособій имѣется также вполнѣ достаточное количество. Библиотеки двухклассныхъ сельскихъ училищъ обладаютъ также почти всѣми необходимыми книгами и пополняются на счетъ суммы, назначеннай для этого предмета по штату. Въ библиотекахъ городскихъ приходскихъ училищъ находятся почти исключительно учебники, но учебныхъ пособій въ нихъ достаточно. Приходскія училища г. Киева имѣютъ достаточно

¹⁾ Женскія двухклассныя городскія училища не имѣютъ самостоятельныхъ библиотекъ и пользуются библиотеками мужскихъ училищъ.

книгъ и пособій, такъ какъ городское общество, при открытии каждого училища, снабжаетъ его всѣми необходимыми книгами и пособіями; въ отчетномъ году городскимъ обществомъ ассигновано 900 р. 76 к. на пополненіе училищныхъ библиотекъ. Такимъ образомъ каждое Киевское городское приходское училище весьма удовлетворительно обставлено въ учебномъ отношеніи. Кромѣ того для преподавателей этихъ училищъ устроена центральная учительская библиотека, въ которой находятся книги по всѣмъ отраслямъ знанія. Библиотеки сельскихъ одноклассныхъ училищъ далеко неравномерно снажены книгами и учебными пособіями и, въ общемъ, опушаютъ сильный недостатокъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ; этотъ недостатокъ не можетъ быть устраненъ при 20—26 р., которые отпускаются на каждое училище, при чёмъ на означенную сумму надо имѣть учебники, учебные пособія и письменныя принадлежности на всѣхъ учениковъ. При некоторыхъ сельскихъ училищахъ, къ сожалѣнію весьма немногихъ, имѣются библиотеки для взрослыхъ, книги изъ которыхъ весьма охотно берутся грамотными крестьянами.

Въ Юго-Западномъ краѣ существуетъ одно ремесленное училище. Александровское, въ г. Киевѣ, содержимое на средства города. Прохожденіе курса по общеобразовательнымъ предметамъ въ первомъ полугодіи велось въ I классѣ согласно учебному плану устава 1890 года, а во II, III и IV классахъ согласно таковому же плану устава 1879 года. Практическія занятія учениковъ въ мастерскихъ происходили въ свободное отъ классныхъ занятій предобѣднное время, до $2\frac{1}{2}$ часовъ пополудни, при чёмъ пансионеры и приходящіе ученики, пользовавшіеся училищнымъ столомъ, занимались въ мастерскихъ и въ теченіе еще двухъ послѣобѣдненныхъ часовъ. Во 2-мъ полугодіи дѣйствіе устава 1890 года рас пространилось и на II классъ, въ которомъ въ числѣ общеобразовательныхъ предметовъ вошло начальное черченіе, съ 8 недѣльными уроками. Кромѣ того съ декабря мѣсяца ученики обучались военной гимнастикѣ, съ 3-мя недѣльными уроками. По постановленію совѣта училища въ засѣданіи 2-го октября, время обѣда пансионеровъ перенесено на 1 часть полудни, а на практическія занятія въ мастерскихъ назначено все послѣобѣднное время до 6 часовъ вечера, съ полу часовымъ отдыхомъ послѣ обѣда и перерывомъ на $\frac{1}{4}$ часа въ остальное время. Приходящіе ученики, живущіе на окраинахъ города, пользовались правомъ оканчивать занятія въ мастерскихъ въ 5 и $5\frac{1}{2}$ часовъ пополудни.

Переводнымъ и выпускнымъ экзаменамъ по общеобразовательнымъ

предметами подвергалось 143 ученика, изъ коихъ выдержало 122. Выпущено съ аттестатами объ удовлетворительномъ окончаніи училища: по ремеслу слесарному 14 учениковъ, по столярному 9, токарному 3, шорному 3 и по сапожному 1 ученикъ, а всего 30. На об-заведеніе мастерскими совѣтомъ училища выдано въ отчетномъ году пособіе двумъ бывшимъ ученикамъ: одному 250 р. на слесарную, другому 220 р. на столярную.

Въ первомъ полугодіи отчетнаго года въ пансіонѣ училища было платныхъ пансіонеровъ 14, полуපансіонеровъ 16, стипендіатовъ раз-выхъ наименованій 40, а во 2-мъ полугодіи: платныхъ пансіонеровъ 13, полуപансіонеровъ 14 и стипендіатовъ 35. Какъ стипендіаты, такъ и своекоштные интерны пользовались отъ училища полнымъ содер-жаніемъ. Для медицинской помощи совѣтъ постановилъ пріобрѣсти необходимые медицинские приборы на 150 р., за счетъ платныхъ пансіонеровъ. Сверхъ содержанія интерновъ училище давало пріютъ, столъ, одежду и учебныя пособія нѣкоторымъ бѣднѣйшимъ изъ прихо-дающихъ учениковъ.

Для практическаго обученія ремесламъ при училищѣ состояло 5 мастерскихъ: слесарная, столярная, токарная, сапожная и шорная. Годичный оборотъ этихъ мастерскихъ слѣдующій: продано работъ на 5.676 р. 77 к., израсходовано на инструменты, материалы и другія надобности 5.292 р. 85 к. чистой выручки получено 493 р. 56 к.

Изъ 104 ремесленныхъ классовъ и отдѣленій при народныхъ учи-лищахъ большинство не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, какъ по недостатку средствъ, такъ и по отсутствію лицъ, удовлетворяю-щихъ требованиямъ преподаванія ремесль за скромное вознагражденіе. Изъ болѣе выдающихся по правильной организаціи и постановкѣ обученія отмѣтимъ слѣдующія ремесленныя отдѣленія и классы: 1) При Бердичевскомъ двухклассномъ училищѣ (слесарно-кузничный и столярно-токарный классы); сюда принимаются предпочтительно ученики упомянутаго училища, достигшіе 12 лѣтъ, а изъ постороннихъ—лишь окончившіе курсъ въ заведеніяхъ, дающихъ право на льготу 4-го раз-ряда при отбываніи воинской повинности. 2) При Проскуровскомъ двухклассномъ училищѣ (столярный). Обучалось въ отчетномъ году 8 учениковъ училища. Материалы и инструменты пріобрѣтаются ча-стично на деньги, вырученныя отъ продажи изгѣлій, а частью на остатки отъ хозяйственныхъ суммъ училища. 3) При Таганческомъ двухклассномъ училищѣ (столярный и сапожный). Обучалось въ от-четномъ году 32 ученика столярному ремеслу и 22 сапожному. 4) При

Мурфскомъ двухклассномъ училищѣ ремесленное отдѣленіе экипажное и кузнечное со вспомогательными ремеслами, столярнымъ и слесарнымъ. Обучалось въ отчетномъ году 18 мальчиковъ. 5) При Житомирскомъ двухклассномъ училищѣ (столярный) и при Житомирскомъ одноклассномъ (слесарно-кузнечный) ремесленные классы содержатся на средства города. Обучалось 14 учениковъ столярному ремеслу и столько же слесарно кузнечному. 6) При Ободнянскомъ одноклассномъ сельскомъ училищѣ — сапожное ремесленное отдѣленіе. Обучалось въ отчетномъ году 12 мальчиковъ.

Обученіе ручному труду въ народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края существуетъ пока при немногихъ училищахъ: распространѣю его препятствуетъ отсутствіе надлежаще подготовленныхъ учителей.

Такъ какъ въ большей части сельскихъ народныхъ училищъ имѣются земельные участки, то учителямъ сихъ училищъ вмѣнено въ обязанность заниматься садоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ; некоторые разводить тутовые деревья и дѣлаютъ попытки разводить шелковичныхъ червей.

Классовъ для взрослыхъ при народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края состояло въ отчетномъ году 80. Въ городахъ же классы не встречаются совсѣмъ, но въ тѣхъ мѣстахъ, где народъ понимаетъ ихъ значеніе, вліяніе ихъ не замедлило отразиться. Народъ сталъ съ большими довѣріемъ и любовью относиться къ школѣ, появился церковные хоры изъ крестьянъ, латино-польская пропаганда натолкнулась въ лицѣ классовъ для взрослыхъ на стойкаго противника.

Важнѣйшія дѣла по управлению народными училищами, какъ и въ предыдущіе годы, решались въ совѣтѣ инспекціи, который состоитъ подъ предсѣдательствомъ г. попечителя или его помощника, изъ всѣхъ наличныхъ инспекторовъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній. Въ отчетномъ году, какъ и въ прежнемъ, было две сессіи инспекціи Юго-Западнаго края — августовская и декабрьская, на которыхъ происходили заслѣдія очередными обычными дѣлами.

Всѣ лица, состоящія почетными смотрителями, блюстителями и блюстительницами жертвуютъ на нужды училищъ отъ 100 до 400 рѣвъ годъ и, кроме того, часто оказываютъ единовременные пособія. Но, къ сожалѣнію, число почетныхъ служащихъ при народныхъ училищахъ весьма незначительно.

Личный составъ преподавателей состоялъ изъ 2.236 лицъ съ жалованьемъ отъ 500 до 50 р. и менѣе. Наиболѣе обеспечены преподаватели двухклассныхъ городскихъ училищъ и городскихъ приходскихъ

училищъ г. Києва. Преподаватели сельскихъ двухклассныхъ училищъ, получающіе не менѣе 300 р. въ годъ и пользующіеся училищной землей, также находятся въ довольно хорошемъ положеніи. Учителя приходскихъ училищъ въ рѣдкихъ случаяхъ получаютъ болѣе 150 р. и бываютъ иногда поставлены въ крайне затруднительное материальное положеніе, помочь которому не представляется возможности по недостатку училищныхъ средствъ. Въ одноклассныхъ сельскихъ училищахъ материальная обеспеченность учителей, за немногими исключеніями, болѣе или менѣе удовлетворительна, при содержаніи въ 150—200 р. въ годъ они пользуются еще училищной землей, которой бываетъ не менѣе 1 десятины, но есть училища, гдѣ въ пользованіи учителя находятся отъ 18 до 30 и болѣе десятинъ.

Къ 1-му января 1891 года всѣхъ учащихся состояло 54.284 (44.935 мальчиковъ и 9.349 дѣвочекъ); въ теченіе 1891 года поступило 19.212 (15.202 мальчика и 4.010 дѣвочекъ); выбыло до окончанія курса 11.337 (8.626 мальчиковъ и 2.711 дѣвочекъ) и окончило курсъ 6.296 (5.414 мальчиковъ и 882 дѣвочки). За сімъ къ 1-му января 1892 года осталось 55.863 (46.097 мальчиковъ и 9.766 дѣвочекъ), то-есть, на 1.571 учащихся болѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

Изъ 5.414 мальчиковъ, окончившихъ курсъ, юлостено свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности: 3-го разряда 838 и 4-го разряда 4.599.

Наличное число учащихся къ 1-му января 1892 года распредѣляется по училищамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) въ двухклассныхъ городскихъ мужскихъ училищахъ 4.769 и въ женскихъ 2.681, а всего 7.450; 2) въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ—мальчиковъ 3.073 и дѣвочекъ 596, а всего 3.669; 3) въ городскихъ приходскихъ—мальчиковъ 2.219 и дѣвочекъ 1.199, а всего 3.418; 4) въ сельскихъ одноклассныхъ—мальчиковъ 35.915 и дѣвочекъ 5.290, а всего 41.205; 5) въ Кіевскомъ Александровскомъ ремесленномъ училищѣ 121 мальчикъ.

Учащіе распредѣлялись: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 49.390, католиковъ 3.714, протестантовъ 157, евреевъ 2.476, прочихъ исповѣданій 126; б) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 1.737, духовного званія 874, городскихъ сословій 9.250, сельскихъ сословій 43.490 и прочихъ сословій 512. Такимъ образомъ преобладающее число учащихся въ народныхъ училищахъ Юго-Западного края составляютъ православные сельского населенія.

Изъ числа учащихся къ 1-му января 1892 года среднимъ числомъ

на каждое училище приходилось по 71 человѣку, а въ частности болѣе всего на сельскія двухклассныя (152), менѣе всего на городскія приходскія (64) и сельскія одноклассныя (65). Что же касается до распределенія учениковъ по группамъ и классамъ, то наибольшее число было въ младшихъ группахъ и классахъ, а въ старшихъ выпускныхъ оно было очень невелико. Это объясняется тѣмъ, что родители часто забираютъ дѣтей изъ школъ, не давши имъ окончить курса. Относительно начала и конца учебного года въ народныхъ училищахъ должно замѣтить, что въ городскихъ училищахъ учебный годъ начинается 16-го августа и оканчивается 10-го июня, а въ сельскихъ это зависитъ отъ разныхъ причинъ и условій въ каждой отдельной мѣстности¹⁾. Для облегченія посѣщенія уроковъ при нѣкоторыхъ сельскихъ училищахъ существуютъ общежитія для учениковъ приходящихъ изъ другихъ сель. Но, съ учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ, число такихъ общежитій съ каждымъ годомъ сокращается и въ недалекомъ будущемъ совершенно уничтожится.

Воспитательная дѣятельность преподавателей народныхъ училищъ въ отчетномъ году, какъ и въ предшествовавшіе, была направлена къ тому, чтобы учащіеся воспитывались въ чувствахъ благоговѣйнаго отношенія и преданности къ православной вѣрѣ и церкви, Государю и отечеству. Точно также внушается дѣтямъ, чтобы они съ уваженіемъ относились къ родителямъ и вообще къ старшимъ, а равно къ равнымъ себѣ и къ младшимъ. Всѣ учителя и учительницы народныхъ училищъ Юго-Западнаго края, за рѣдкими исключеніями, старательно относились къ своимъ обязанностямъ. Успѣхи учащихся въ отчетномъ году могутъ быть признаны удовлетворительными, но дурные примѣры, замѣчаемые дѣтьми дома, вносятъ дурные задатки и въ школьнную жизнь. Однако учащіе упорно борются съ этими недостатками.

Въ отчетномъ году г. попечителемъ были посыпаны и обревизованы слѣдующія народныя училища: городскія училища въ Черкасахъ и Бердичевѣ, въ мѣстечкахъ Златополѣ и Бѣлой Церкви, а также въ городахъ: Житомирѣ, Острогѣ, Новоградволынскѣ, Ровно, Дубно, мѣстечкѣ Корецѣ, въ селѣ Гощѣ (Волынскай губ.); въ городахъ Прокурорѣ, Винницѣ и Балтѣ и въ нѣкоторыхъ селахъ, лежащихъ на пути между означенными городами. Помощникъ г. попечителя посы

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Мин. Нар. Пр.* за 1892 г., отд. IV стр. 36—37.

тиль, между прочимъ, городскія училища въ г. Каменцѣ-Подольскомъ и приходское училище въ мѣстечкѣ Немировѣ.

Всѣхъ народныхъ училищъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской къ началу отчетнаго года состояло 1.224; ремесленныхъ и рукодѣльныхъ классовъ 30, классовъ для взрослыхъ 12; въ теченіе 1891 года открыто 35 новыхъ училищъ, 1 ремесленный классъ, въ то же время закрыто 21 училище, 3 ремесленныхъ и рукодѣльныхъ класса и 5 классовъ для взрослыхъ. Такимъ образомъ къ 1-му января 1892 года состояло 1.238 училищъ и при нихъ 28 ремесленныхъ и рукодѣльныхъ классовъ и 7 классовъ для взрослыхъ. Изъ училищъ состояли: а) въ непосредственномъ вѣдѣніи Министерства народного просвѣщенія: городскихъ одноклассныхъ 1, двухклассныхъ 21, трехклассныхъ 5, уѣзденныхъ трехклассныхъ 4, городскихъ приходскихъ двухклассныхъ 1, сельскихъ двухклассныхъ 39, одноклассныхъ 18; б) въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ: городскихъ одноклассныхъ 67, сельскихъ одноклассныхъ 1.080; в) ремесленныхъ училищъ 2.

По числу народныхъ училищъ первое мѣсто занимаетъ Полтавская губернія (677 школъ), второе — Черниговская (561). Въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи числится 70 училищъ и въ другихъ 6 уѣздахъ той же губерніи находится по 56—52 училища, а въ Черниговской губерніи наибольшее число школъ въ Глуховскомъ уѣздѣ — 51. Наименьшее число училищъ въ Полтавской губерніи — въ Лубенскомъ уѣздѣ (27), а въ Черниговской — въ Суражскомъ (22).

Изъ 1.238 училищъ въ собственныхъ зданіяхъ помѣщалось 1.172, въ томъ числѣ 356 въ Черниговской губерніи и 636 въ Полтавской, а въ наемныхъ — 66 (въ Черниговской губерніи 25 и Полтавской 41). Изъ городскихъ училищъ Черниговской губерніи болѣе удобными помѣщеніями располагаютъ училища: Черниговское, Борзенское, Стадорубское, Новгородсѣверское и Погарское. Неудовлетворительны помѣщенія училищъ: Городницкаго, Конотопскаго, Нѣжинскаго и Козелецкаго; въ первыхъ двухъ зданія тѣсны и совершенно не приспособлены для школы, Нѣжинское требуетъ капитального ремонта, а Козелецкое надо必不可少но совершенно перестроить. Помѣщенія уѣзденныхъ училищъ въ общемъ совершенно удовлетворительны. Сельскія министерскія школы почти всѣ имѣютъ просторныя и удобныя помѣщенія; исключенія составляютъ только нѣкоторыя училища Конотопскаго уѣзда. Изъ городскихъ одноклассныхъ училищъ большинство располагаетъ удовлетворительными помѣщеніями. Особенно хорошо зданіе приходскаго

училища въ г. Глуховѣ, устроенное на средства д. с. с. Ф. А. Терещенко. Неудобны помѣщения приходскихъ училищъ въ гг. Глуховѣ, Острѣ, Кролевицѣ и Борзны, а также женского приходского училища въ Козельцѣ. Помѣщенія сельскихъ начальныхъ училищъ представляютъ значительное разнообразіе: среди ихъ есть зданія, приспособленные къ потребностямъ школы, но встрѣчаются, хотя рѣдко, и такія, которыми ничѣмъ почти не отличаются отъ простой крестьянской хаты. Однако число удовлетворительныхъ школьніхъ домовъ съ каждымъ годомъ увеличивается: ихъ воздвигаютъ сельскія общества съ значительными затратами, часто даже путемъ займа. Въ Полтавской губерніи 2 городскихъ училища (Покровское трехклассное и Зѣньковское двухклассное) помѣщаются въ совершенно непригодныхъ для школы зданіяхъ; не совсѣмъ удовлетворительно и зданіе Роменского трехклассного училища. Помѣщенія прочихъ городскихъ училищъ слѣдуетъ признать удовлетворительными, равно какъ и помѣщенія училищъ уѣздныхъ. Сельскія министерскія училища располагаются также въ большинствѣ случаевъ удобными зданіями, кромѣ школъ въ уѣздахъ Миргородскомъ и Кобелякскомъ. Городскія одноклассныя начальные училища пользуются вообще болѣе или менѣе удовлетворительными помѣщеніями, относительно же сельскихъ начальныхъ училищъ приходится повторить то, что сказано о такихъ же школахъ Черниговской губерніи.

Большинство сельскихъ обществъ и нѣкоторыя земства усердно поддерживаютъ дѣло народнаго образованія. Особенно крупныя затраты слѣдуетъ въ отчетномъ году обществами: Смѣлянскимъ, Роменского уѣзда (8.000 р.), Диканьскимъ, Полтавского уѣзда (6.000 р.) и Репетиловскимъ, того же уѣзда (5.000 р.). Кромѣ того есть немало и частныхъ жертвователей преимущественно изъ мѣстныхъ дворянъ; такъ, князь С. В. Кочубей пожертвовалъ 2.000 р. на постройку дома для Диканьского училища и сверхъ того ежегодно отпускаетъ на нужды училища по 200 р., Карловская вотчинная контора Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны отпускаетъ на содержание 11 сельскихъ училищъ 2.895 р., дочь статского совѣтника Друиковская устроила училищное зданіе для Федоровскаго 2-го училища и выдаетъ на содержаніе преподавателей 1.100 р., свѣтлѣйшій князь Горчаковъ жертвуетъ ежегодно на содержаніе Ташаньскаго училища 600 р. и т. д. Что касается городскихъ обществъ, то они вообще мало оказываютъ содѣйствія дѣлу народнаго образованія.

На содержание народныхъ училищъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ поступило въ отчетномъ году 771.172 р. 70 $\frac{1}{2}$ к. (въ Черниговской — 343.330 р. 14 $\frac{1}{2}$ к., въ Полтавской — 427.842 р. 56 к.), въ томъ числѣ: изъ суммъ государственного казначейства 105.269 р. 10 к., отъ городскихъ обществъ 55.144 р. 95 к., отъ сельскихъ обществъ 99.453 р. 64 $\frac{1}{2}$ к., отъ земствъ 423.545 р. 28 к., платы за право ученія 47.697 р. 90 $\frac{3}{4}$ к., разныхъ пожертвованій 32.907 р. 30 $\frac{3}{4}$ к., % съ капиталовъ 7.154 р. 51 $\frac{1}{2}$ к. Израсходовано изъ этой суммы 730.797 р. 78 $\frac{1}{2}$ к. (въ Черниговской губерніи — 323.854 р. 71 $\frac{1}{2}$ к., въ Полтавской 406.943 р. 7 к.). Въ остаткѣ всего 40.374 р. 92 к. (по Черниговской губ. 19.475 р. 43 к., по Полтавской — 20.899 р. 49 к.) Изъ этихъ общихъ суммъ приходится:

а) на министерскія училища:	Приходъ:	Расходъ:	Остатокъ:
Городскія	107.973 р. 52 $\frac{1}{2}$ к.	87.807 р. 64 к.	20.165 р. 88 $\frac{1}{2}$ к.
Уѣздныя	16.316 „ 81	13.469 „ 41	2.847 40
Приходскія	1.462 „ —	1.462 „	—
Сельскія двухклассныя	58.034 68	52.760 „ 58	5.274 „ 10
„ одновклассныя.	12.422 90	11.782 „ 80	640 „ 10
б) на училища, состоящія въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ:			
Городскія одновклассныя.	66.503 „ 69	64.795 „ 80	1.707 89
Сельскія	477.301 42	467.561 „ 87 $\frac{1}{2}$ „	9.739 „ 54 $\frac{1}{2}$ „
в) на ремесленныя учи- лицы.	31.157 „ 68	31.157 „ 68	

Показанные въ этой таблицѣ остатки образовались главнымъ образомъ отъ специальныхъ средствъ училищъ, какъ то: суммы сбора за ученіе, разныхъ пожертвованій и % съ училищныхъ капиталовъ, а также отъ невыполненія въ нѣкоторыхъ училищахъ строительныхъ работъ, на которыхъ ассигнованы болѣе или менѣе значительныя суммы.

Во всѣхъ народныхъ училищахъ Черниговской и Полтавской губерній къ 1-му января 1892 года состояло книгъ и брошюры 681.594 тома, въ томъ числѣ приобрѣтено въ 1892 г. 53.337 томовъ на сумму 20.391 р. 20 к., и учебныхъ пособій 91.744 экземпляра, въ томъ числѣ вновь приобрѣтенныхъ 12.888 экземпляровъ. Изъ этого количества книгъ и пособій въ министерскихъ школахъ находилось 175.082 тома и учебныхъ пособій 20.220, а въ прочихъ школахъ — 506.512 томовъ и учебныхъ пособій 71.524. Въ частности о состояніи библиотекъ и учебныхъ пособій въ училищахъ разныхъ категорій надо

сказать слѣдующее: 1) въ городскихъ училищахъ, (кромѣ одноклассныхъ) и въ уѣздныхъ библиотеки состоять изъ двухъ отдѣловъ — учительскаго (фундаментальнаго) и ученическаго. Фундаментальные отдѣлы вездѣ болѣе или менѣе снабжены необходимыми книгами, наоборотъ ученическіе отдѣлы довольно бѣдны книгами, по неимѣнію опредѣленныхъ суммъ на ихъ пополненіе. Въ числѣ учебныхъ пособій имѣются глобусы, географическія карты, коллекціи минераловъ, зоологическіе и ботаническіе атласы и т. п.; 2) въ сельскихъ училищахъ министерства народного просвѣщенія также имѣются два отдѣла — учительскій и ученическій, но первый во всѣхъ училищахъ значительно бѣднѣе втораго. Это объясняется тѣмъ, что большая часть средствъ, отпускаемыхъ на библиотеки сихъ училищъ, идетъ на приобрѣтеніе учебниковъ, учебныхъ пособій и письменныхъ принадлежностей для выдачи учащимся; 3) въ городскихъ и сельскихъ одноклассныхъ училищахъ библиотеки состоять преимущественно изъ учебниковъ; книги же для вѣнѣкласнаго чтенія хотя и имѣются, но въ весьма незначительномъ количествѣ. Недостаточность подобныхъ книгъ ведетъ къ тому, что дѣти, которыхъ охотно берутъ и читаютъ книги, часто не имѣютъ возможности удовлетворить эту похвальную склонность.

Черниговское ремесленное училище приготовляетъ ремесленниковъ по кузнечно-слесарной и столярно-токарной части, а изъ общеобразовательныхъ предметовъ въ немъ преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, исторія, географія, физика, механика, рисованіе и чистописаніе. Классныя занятія въ училищѣ идутъ съ 1-го сентябрь по 1-е іюня, занятія же въ мастерскихъ ведутся въ теченіе цѣлаго года. Въ 1891 году, въ училищѣ было 35 воспитанниковъ. Дегтеревское ремесленное училище находится въ с. Дегтеряхъ, Прилуцкаго уѣзда, и помѣщается въ усадьбѣ, пожертвованной для этой цѣли т. с. Г. И. Галаганомъ. Училище имѣть свои мастерскія: столярную, слесарную, кузнечную и литеиную; преподаются также малярное и модельное ремесло. Обучалось въ отчетномъ году въ училищѣ 114 воспитанниковъ, въ томъ числѣ 91 интернъ. Общеобразовательные предметы, проходимые въ Дегтеревскомъ училищѣ, а также и время занятій тѣ же, что и въ Черниговскомъ.

Ремесленныхъ и руководѣльныхъ классовъ въ Черниговской губерніи всего 2: столярный классъ при Сваромскомъ училищѣ въ Остерскомъ уѣздѣ и руководѣльный классъ при одномъ изъ городскихъ одноклассенныхъ начальныхъ училищъ. Въ Полтавской же губерніи 4 ремес-

ленихъ отдѣлений и 23 рукодѣльныхъ класса. Въ трехъ ремесленныхъ отдѣленахъ преподаются портижное ремесло, а въ одномъ — столярное. Преподаваніе ведется практическимъ способомъ. Въ рукодѣльныхъ женскихъ классахъ преподаваніе ведется въ большинствѣ случаевъ мѣстными учительницами предметовъ и только при нѣкоторыхъ имѣются особыя учительницы рукодѣлія. Предметами занятій служатъ: шитье, брошка, вязанье и вышиванье. Окончивающія курсъ училищъ приобрѣтаютъ достаточный навыкъ въ рукодѣльныхъ, примѣнительно къ ихъ домашнему быту.

Классовъ для взрослыхъ къ 1-му января 1892 года состояло 7 — въ Черниговской губерніи 5 и въ Полтавской — 2. Они посѣщались преимущественно окончившими курсъ начальныхъ училищъ. По возрасту учащіе бывають отъ 14 до 20 лѣтъ, но встречаются и болѣе взрослые. Такъ какъ народъ весьма охотно читаетъ религіозно-нравственная литература, то, чтобы удовлетворить этой потребности, даются учащимся на дому книги, болѣе доступныя ихъ пониманію, и во время уроковъ требуется отъ нихъ отчетъ въ усвоеніи прочитанного. Не смотря на значительную пользу, какую приносятъ классы для взрослыхъ, существование ихъ подвержено случайностямъ и зависить отъ доброй воли учителя и законоучителя, чѣмъ и объясняется весьма ограниченное число этихъ классовъ, а также и постоянное уменьшеніе этого числа.

Завѣдываніе училищами городскими, по положенію 31-го мая 1872 г., уѣздными и сельскими министерства народнаго просвѣщенія принадлежать исключительно чинамъ сего министерства, прочія же училища состоять въ совмѣстномъ вѣдѣніи учебной администраціи и училищныхъ совѣтовъ. Учебная администрація состоитъ: въ Черниговской губерніи изъ 1 директора и 5 инспекторовъ, а въ Полтавской изъ 1 директора и 7 инспекторовъ. Почетные смотрители состояли въ отчетномъ году только при нѣкоторыхъ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ (при 8 въ Черниговской губерніи и при 5 въ Полтавской), почетные блюстители и блюстительницы были при большей части сельскихъ народныхъ министерскихъ училищахъ, а попечители и попечительницы состояли почти при всѣхъ одноклассныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ. Пожертвованія поступали отъ почетныхъ служащихъ изъ лицъ интеллигентныхъ, дѣятельность же попечителей изъ крестьянского сословія ничѣмъ замѣтнымъ не обнаружилась. Личный составъ преподавателей состоялъ изъ 3.095 лицъ. Учебно-воспитательная часть въ народныхъ училищахъ Черниговской и Полтавской губерній въ отчетномъ году

находилась вообще въ удовлетворительномъ состояніи, что слѣдуетъ отнести къ той заботливости, съ какою почти всѣ учащіе вели взятія на себя обязанности.

Всѣхъ учащихся въ народныхъ училищахъ обѣихъ губерній къ началу 1891 года состояло 93.913 (въ томъ числѣ 83.377 мальчиковъ и 10.536 дѣвочекъ); въ теченіе отчетнаго года поступило 32.940 (27.930 мальчиковъ и 5.010 дѣвочекъ), выбыло до окончанія курса 21.011 (17.527 мальчиковъ и 3.484 дѣвочки), окончило курсъ 8.217 (7.396 мальчиковъ и 821 дѣвочка). За симъ къ 1-му января 1892 г. осталось 97.625 учащихся (86.384 мальчика и 11.241 дѣвочка). Такимъ образомъ число учащихся увеличилось на 3.712 дѣтей. Изъ 7.396 окончившихъ курсъ мальчиковъ удостоено свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности: 3-го разряда 601 и 4-го разряда 6.847.

Наличное число учащихся въ начальныхъ училищахъ (97.625) распредѣлялось: а) по училищамъ: въ городскихъ одноклассныхъ 67 мальчиковъ, двухклассныхъ 1.871 мальчикъ, трехклассныхъ — 608 мальчиковъ, въ уѣздныхъ трехклассныхъ — 330 мальчиковъ, въ городскихъ приходскихъ двухклассныхъ — 85 дѣвочекъ, въ сельскихъ министерскихъ двухклассныхъ — 4.912 мальчиковъ и 874 дѣвочки, а всего 5.786, одноклассныхъ 1.459 мальчиковъ и 107 дѣвочекъ, а всего 1.566, въ городскихъ начальныхъ — 4.002 мальчика и 2.005 дѣвочекъ, а всего 6.007, въ сельскихъ начальныхъ — 72.979 мальчиковъ и 8.170 дѣвочекъ, а всего 81.149 учащихся, въ ремесленныхъ училищахъ 156 мальчиковъ; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 95.450, католиковъ 74, протестантовъ 140, евреевъ 1.400, прочихъ исповѣданій 561; в) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 1.807, духовнаго званія 1.123, городскаго сословія 7.997, сельскаго сословія 86.528 и прочихъ сословій 170.

Въ отчетномъ году наибольшее среднее число учащихся было въ сельскихъ двухклассныхъ (148) и городскихъ трехклассныхъ (121) училищахъ, а наименьшее — въ уѣздныхъ трехклассныхъ (66 или по 22 ученика на классъ). Число окончившихъ курсъ въ сельскихъ училищахъ весьма незначительно и это объясняется тѣмъ, что родители часто берутъ своихъ дѣтей изъ школы для сельскихъ работъ. Учебные занятія въ городскихъ училищахъ обыкновенно начинаются 16-го августа и кончаются 10-го июня; въ сельскихъ же школахъ начало и конецъ занятій всецѣло обусловливаются ранней или поздней осенюю и весной, такъ какъ сельское земледѣльческое населеніе нуждается

въ самой незначительной рабочей силѣ для своего хозяйства. По успѣхамъ учащихся, равно и по ихъ поведенію, отчетный годъ можетъ считаться удовлетворительнымъ. Въ отчетномъ году г. попечитель обревизовалъ народныя училища въ городахъ: Черниговѣ, Нѣжинѣ, Конотопѣ, Новозыбковѣ, Козельцѣ и Острѣ и въ посадѣ Клинцахъ, а помощникъ г. попечителя — въ Полтавѣ, Ромнахъ, Кобелляхъ, Прилукахъ, Золотонопѣ, Кременчугѣ, Черниговѣ и Нѣжинѣ.

Всѣхъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Киевскомъ округѣ къ началу отчетнаго года было 69, въ теченіе года открыто еще 6 училищъ и закрыто 4, такъ что къ 1-му января 1892 года было 71 учебное заведеніе, въ томъ числѣ: I разрада — 4 женскихъ, II — 2 мужскихъ и 8 женскихъ, III — 5 мужскихъ, 9 женскихъ и 43 обоего пола. По губерніямъ эти училища располагались такъ: въ Киевской — 31, въ томъ числѣ I разрада — 4, II — 4 (2 мужскихъ и 2 женскихъ), III — 23 (2 мужскихъ, 2 женскихъ, 19 общихъ); въ Подольской — 5, въ томъ числѣ II разрада — 3 женскихъ и III — 2 общихъ; въ Волынской 6, II разрада 1 женское и III — 5 (3 женскихъ, 2 общихъ); въ Черниговской — 14, всѣ III разрада (1 мужское, 4 женскихъ, 9 общихъ); въ Полтавской — 13, — II разрада 2 женскихъ и III — 11 (2 мужскихъ, 1 женское и 8 обоего пола). Пансионы существовали при 26 училищахъ, а именно: 2 при женскихъ I разрада, 7 при женскихъ II разрада, 4 при мужскихъ III разрада, 1 при женскомъ III разрада, 12 при училищахъ для дѣтей обоего пола.

Ремесленыхъ отдѣлений въ отчетномъ году существовало 2: 1 при частномъ женскомъ училищѣ I разрада и 1 при такомъ же училищѣ III разрада, но заслуживаетъ вниманія лишь послѣднее, учрежденное въ г. Киевѣ женою заслуженного профессора Киевскаго университета Гогоцкаго и содержимое нынѣ г-жею Кулицкою. Училище это раздѣляется на 3 группы, а ремесленое отдѣление — на 4 класса. Главная задача и значеніе этого училища въ профессиональномъ образованіи. Уже въ начальной школѣ начинается обученіе дѣтей рукодѣльными работами, для чего отводится ежедневно въ 1-й группѣ 30—40 минутъ, во 2-й — 40, въ 3-й 1 часъ. Послѣ прохожденія въ начальной школѣ разныхъ видовъ женскихъ работъ и приобрѣтенія въ нихъ навыка, дѣти, переходя въ ремесленные классы, приступаютъ къ изученію ремеселъ по специальностямъ; здѣсь изучаются бѣлошвейное, портняжное и модное мастерство, визуальная и вышивальная работы, при чемъ преподаваніе сопровождается черченіемъ и

сообщениемъ правиль кройки. Ученицы старшихъ отдѣлений занимаются при этомъ веденiemъ домашнаго хозяйства по мастерской и кухнѣ, ведутъ, по дежурству, приходорасходныя книги, участвуютъ въ приготовлении обѣда, заготавливаютъ на зиму овощи и фрукты, и вообще знакомятся съ кулинарнымъ искусствомъ. Въ послѣднемъ практическомъ классѣ ученицы выполняютъ вполнѣ самостоятельные работы по извѣстнымъ фасонамъ и рисункамъ. Занятія продолжаются не менѣе 5-ти часовъ въ день. Окончательные экзамены по руководствомъ производятся въ присутствіи члена Кіевской ремесленной управы, и болѣе достойныя ученицы выпускаются со свидѣтельствомъ мастерицъ.

Всѣхъ содержателей и содержательницъ, а также преподающихъ въ частныхъ училищахъ къ началу отчетнаго года было 253, а къ 1-му января 1892 года это число возрасло до 264 (111 мужскаго и 153 женскаго пола). Всѣ частныя училища Кіевскаго округа имѣютъ цѣлью подготовить дѣтей къ поступленію въ разныя учебныя заведенія, а потому строго опредѣленныхъ программъ въ этихъ училищахъ найдти нельзя. Тѣль не менѣе учебная часть въ нихъ поставлена удовлетворительно, частныя училища достигаютъ, по мѣрѣ возможностей, цѣли и приносить свою долю пользы.

Къ 1-му января 1892 года во всѣхъ частныхъ училищахъ было 2 167 учащихся (на 117 менѣе, чѣмъ въ прошломъ году), а именно: въ училищахъ I разряда 209, II мужскихъ 344, женскихъ 246, III разряда — мужскихъ 79, женскихъ 515, обоего пола — 358 мальчиковъ и 416 девочекъ.

Число учащихся распредѣлялось: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 1.717, католиковъ 165, протестантовъ 37, евреевъ 227, прочихъ вѣроисповѣданій 21; б) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 632, духовнаго званія 92, городскаго сословія 1.024; сельскаго сословія 419.

Ерейскія училища въ Кіевскомъ учебномъ округѣ существуютъ двухъ типовъ: а) начальные и частные и б) талмудъ-торы и хедеры.

Всѣхъ училищъ первого типа къ 1-му января 1892 года состояло 70 (на 5 болѣе, чѣмъ въ прошломъ году), изъ нихъ начальныхъ училищъ 16, (одноклассныхъ 13 и двухклассныхъ 3), частныхъ 54 (мужскихъ 26, женскихъ 27, обоего пола 1); при 6 школахъ существовали ремесленныя отдѣления и при 1 частномъ женскому училищѣ руководильный классъ. По губерніямъ училища распредѣлялись такъ: въ Кіевской — 2 начальныхъ одноклассныхъ, 1 двухклассное, 6 частныхъ мужскихъ и 4 женскихъ; въ Подольской — 3 начальныхъ одно-

классныхъ, 1 двухклассное, 5 частныхъ мужскихъ и 6 женскихъ; въ Волынской — 6 начальныхъ одноклассныхъ, 1 двухклассное, 5 частныхъ мужскихъ и 6 женскихъ; въ Черниговской — 1 начальное одноклассное, 1 частное женское и 1 для дѣтей обоего пола; въ Полтавской — 1 начальное одноклассное, 10 частныхъ мужскихъ и 10 женскихъ. Ремесленныя отдѣленія существуютъ при слѣдующихъ училищахъ: въ Киевской губерніи — при Радомысьскомъ столярное съ 9 учениками и Звенигородскомъ столярно-токарное съ 12 учениками; въ Подольской губерніи — при Могилевскомъ слесарно-кузнечное (18 учениковъ) и столярное (10), при Балтскомъ столярное съ 7 учениками; въ Волынской губерніи — при Ровенскомъ столярно-токарное (12 учениковъ) и переплетное (13), при Бердичевскомъ столярно-токарное съ 24 учениками; послѣднее ремесленное отдѣление открыто въ отчетномъ году. На содержаніе свое ремесленныя отдѣленія получаютъ по штату 100 р. въ годъ и кромѣ того имѣютъ пособія изъ другихъ источниковъ, а именно: жертвованіяхъ — Радомыськое отдѣление, въ размѣрѣ 200 р. отъ почетного блистителя своего училища, Ноткина, изъ коробочного съ евреевъ сбора Звенигородское (300 р.), Балтское, Ровенское, Бердичевское (400 р.) и Могилевское, изъ фонда для распространенія ремесленного образования среди евреевъ — Могилевское и Бердичевское. Къ сожалѣнію суммы, отпускаемыя на содержаніе еврейскихъ училищъ и ремесленныхъ при нихъ отдѣленій, поступаютъ крайне неаккуратно, запаздывая на 8—9 мѣсяцевъ, вслѣдствіе чего училища находятся постоянно въ стѣсненіи материальномъ положенія, а ремесленныя отдѣленія принуждены содержать себя сами изъ сбыта своихъ произведений. Для наблюденія за хозяйственной частью въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ существуютъ особые хозяйственныя комитеты, состоящіе, подъ предсѣдательствомъ завѣдывающаго училищемъ, изъ членовъ отъ училища и 3 членовъ отъ города. Послѣдніе участвуютъ во всѣхъ засѣданіяхъ комитета съ правомъ голоса по всѣмъ дѣламъ, касающимся ремесленного отдѣленія, и заботятся о благосостояніи этого отдѣленія.

На содержаніе начальныхъ еврейскихъ училищъ въ отчетномъ году было отпущено изъ сѣчного съ евреевъ сбора 52.528 р. 25 к. Частные же училища содержались на сборъ за обученіе, взимаемый по соглашенію съ родителями учащихся, за исключеніемъ женского училища съ руководствомъ классомъ, содержимаго въ Ровно Ротовской, на которое отпускается по 250 р. въ годъ изъ комитета распространенія среди евреевъ просвѣщенія и ремесленного труда.

Всѣ начальныя еврейскія училища помѣщаются въ наемныхъ домахъ, за немногими исключеніями, вполнѣ удовлетворяющихъ своему назначенію. Хотя при всѣхъ этихъ училищахъ есть библіотеки, состоящія изъ книгъ для чтенія и учебныхъ пособій, но не всѣ училища снабжены ими равномѣрно и достаточно. Лучше другихъ библіотеки училищъ Бердичевскаго, Винницкаго и Староконстантиновскаго, меныше всего книгъ имѣютъ училища Житомирское и Могилевское, что, впрочемъ, легко объясняется недавнимъ основаніемъ этихъ школъ.

Всѣхъ преподавателей въ еврейскихъ училищахъ къ 1-му января 1892 года состояло 179, въ томъ числѣ 137 мужскаго и 42 женскаго пола. По училищамъ этотъ составъ распредѣлялся такъ: а) въ начальныхъ училищахъ одноклассныхъ 45 преподавателей, двухклассныхъ 16; б) въ частныхъ училищахъ мужскихъ 26 преподавателей, женскихъ 49 преподавателей и 41 преподавательница, обоего пола — 1 преподаватель и 1 преподавательница. Учебно-воспитательная часть этихъ училищъ вообще находится въ удовлетворительномъ состояніи. Всѣ преподаватели получили специальную образовательную подготовку, отличаются хорошей выдержанкой и съ усердіемъ относятся къ исполненію своихъ обязанностей, вслѣдствіе чего и успѣхи учащихся по всѣмъ предметамъ достигаютъ удовлетворительныхъ результатовъ. Въ воспитательномъ отношеніи еврейскія училища заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобы путемъ разумныхъ доводовъ и разъяснений привить въ учащихся правила строгой нравственности, выражющейся въ искорененіи разныхъ религіозныхъ и бытовыхъ предразсудковъ и пороковъ; пресмыкается также всякое уклоненіе отъ школьнной дисциплины.

Всѣхъ учащихся въ начальныхъ въ частныхъ училищахъ округа къ началу отчетнаго года было 3.137, въ томъ числѣ 2.334 мальчика и 803 дѣвочки. Въ теченіе отчетнаго года убыло 911 учащихся и прибыло 1.286, такъ что къ 1-му января 1892 года состояло всѣхъ учащихся 3.472, въ томъ числѣ 2.520 мальчиковъ и 952 дѣвочки. Въ частности числилось: а) въ начальныхъ училищахъ одноклассныхъ 1.289 мальчиковъ, двухклассныхъ 473 мальчика, б) въ частныхъ училищахъ мужскихъ — 750, женскихъ — 942, обоего пола — 8 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Въ общемъ число учащихся увеличилось въ 1891 году на 335 (186 мальчиковъ и 149 дѣвочекъ). Всѣ учащіеся юроисполѣданія іудейскаго и принадлежать къ городскому сословію, кромѣ 12 изъ числа сельскихъ жителей — евреевъ.

Въ отчетномъ году г. попечитель обревизовалъ слѣдующія еврейскія училища: одноклассныя начальныя въ гг. Бердичевѣ, Радомыслѣ, Винницѣ, Балтѣ, Житомирѣ, Острогѣ, Ровно, Новградволынскѣ и Владимиръ-Волынскѣ, а также частное училище Ротовской въ Ровно.

Талмудъ-торы и хедеры руководствуются до сихъ поръ временными правилами, изданными министерствомъ народного просвѣщенія въ 1844 году, и находятся подъ надзоромъ еврейскихъ училищныхъ комиссій. Такъ какъ эти комиссіи не оправдывали своего назначенія, то г. попечитель принялъ мѣры, чтобы онѣ имѣли тщательное наблюденіе и надзоръ за частными еврейскими учителями и строго выполнили возложенные на нихъ обязанности, при чемъ, въ особомъ по округу циркулярѣ, подробно разъяснено, въ чёмъ именно состоятъ эти обязанности.

Въ отчетномъ году въ Киевскомъ округѣ состояло 14 талмудъ-торъ въ Киевской губерніи, 4 въ Волынской, 3 въ Полтавской и по 1 въ Подольской и Черниговской. Преподавателей въ нихъ было 72, а учащихся 1.776. Всѣхъ хедеровъ числилось 1.176 — въ Подольской губерніи 446, въ Киевской 332, въ Волынской 188, въ Полтавской 187 и въ Черниговской 23. Учащихся въ хедерахъ было 11.278. Но показанное число хедеровъ, надо полагать, ниже дѣйствительнаго; нѣть сомнѣнія, что есть много хедеровъ тайныхъ, гдѣ преподаются меламды, не имѣющіе установленныхъ свидѣтельствъ, но они ускользаютъ отъ вниманія полиціи и училищныхъ комиссій. По заявлению инспекторовъ народныхъ училищъ, хедеры обыкновенно помѣщаются въ квартирахъ меламдовъ. Помѣщенія эти тѣсны, грязны и вообще невозможны въ гигієническомъ отношеніи; во многихъ хедерахъ число учащихся выше установленной нормы, то-есть, болѣе 10 человѣкъ, а въ некоторыхъ обучается даже отъ 20 до 30 дѣтей; сами меламды, занимающіеся обученіемъ въ хедерахъ невѣжественны и вообще безграмотны.

Въ хедерахъ обучаются дѣти въ возрастѣ отъ 4 до 15 лѣтъ. Плата за ученіе взимается по соглашенію съ родителями и колеблется отъ 80 рублей въ годъ до 10 р. и даже меньше.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ 1889 ГОДУ

Императорская Публичная Библиотека имѣеть такое важное значение въ общемъ ходѣ нашего просвѣщенія, что внутренняя жизнь этого учрежденія всегда представляетъ большой интересъ. 1889 годъ не ознаменовался для Библиотеки ничѣмъ особеннымъ: скромный бюджетъ ея остался безъ измѣненія; не подвинулся къ разрѣшению существенный вопросъ о расширеніи ея помѣщенія,—въ чёмъ давно опущается необходимость. Но даже не смотря на эти неблагоприятныя условія, и въ 1889 году обогащеніе Библиотеки продолжало возрастать безпрерывно, а вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше развивалось пользованіе ея богатствами.

Только что вышедший въ свѣтъ отчетъ Библиотеки за 1889 годъ содержитъ въ себѣ любопытныя и подробныя свѣдѣнія о внутреннемъ развитіи Библиотеки въ данный періодъ времени. Считаемъ полезнымъ познакомить читателей съ важнѣйшими фактами, изложенными въ этомъ отчетѣ.

Пріобрѣтенія Библиотеки состояли въ 1889 году, какъ изъ цѣлыхъ, болѣе или менѣе обширныхъ коллекцій, такъ и изъ отдѣльныхъ поступлений.

Въ видѣ цѣлымъ коллекцій въ Библиотеку поступили слѣдующія собранія печатныхъ книгъ и рукописей:

I) Переданное попечителемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскимъ, согласно желанию генераль-адъютанта графа Александра Григорьевича Строганова, небольшое, но весьма цѣнное собраніе рукописей и рѣдкихъ печатныхъ изданій, оказавшихся въ Библиотекѣ, пожертвованной графомъ Строгановыимъ Томскому университету, для котораго эти рукописи и біографическія рѣдкости не могли

имѣть такого важнаго значенія, какъ для Императорской Публичной Библиотеки. Рукописей въ этомъ собраніи двадцать-шесть; изъ нихъ восемнадцать, на языкахъ латинскомъ, французскомъ и чешскомъ, писаны на пергаментѣ, а остальная восемь, на языкахъ арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ,—на бумагѣ. Пергаменные рукописи коллекціи представляютъ особенную цѣнность въ художественномъ отношеніи, такъ какъ большинство ихъ украшено миніатюрами и орнаментомъ. Оригиналька во всѣхъ рукописяхъ превосходна, миніатюры тоже прекрасной работы. Какъ орнаменты, такъ и миніатюры, въ большинствѣ рукописей, французской школы. Нѣкоторыя рукописи переплетены въ богатые, тисненые золотомъ переплеты.

Въ числѣ латинскихъ рукописей этого собранія должно отмѣтить слѣдующія: Библію, писанную скорописью XI—XII вѣка, съ красиво нарисованными красками и золотомъ заглавными буквами; Новый Завѣтъ, XIII—XIV вѣка; нѣсколько Часослововъ (Ногае) XIII, XIV и XV вѣковъ, съ миніатюрами и заставками, въ томъ числѣ одинъ Часословъ XV вѣка, на 127 листахъ, въ коемъ красивыя заглавные буквы обведены по бокамъ страницъ бордюромъ, рисованымъ золотомъ и красками, и кромѣ того, имѣется 17 миніатюръ, либо занимающихъ цѣлую страницу, либо помѣщенныхъ въ текстѣ, и наконецъ, Исторію о взятіи Трои, составленную Гвидономъ Колумной въ 1327 году, рукопись XV—XVI вѣковъ, украшенную 55 миніатюрами и прекрасно исполненными заглавными буквами, писанными золотомъ и красками. Изъ манускриптовъ французскихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ *Le Herbier*, Травникъ, великолѣпная рукопись XV вѣка, исполненная для французского короля Карла VII и его супруги Маріи, дочери Людовика Анжуйскаго, и украшенная 446 рисунками, главнымъ образомъ изображающими травы и деревья, употребляемыя противъ различныхъ болѣзней.

Изъ печатныхъ книгъ коллекціи графа Строганова слѣдуетъ отмѣтить: экземпляръ извѣстнаго сочиненія А. Н. Радищева: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. С.-Пб. 1790, принадлежавшій А. С. Пушкину, которымъ сдѣлана на внутренней сторонѣ переплета слѣдующая собственноручная надпись: „Экземпляръ бывшій въ тайной канцеляріи. Заплачено двести рублей. А. Пушкинъ“; нѣсколько весьма рѣдкихъ изданій XV и XVI вѣковъ, въ томъ числѣ: *Histoire de l'Israile* de Rousme, то-есть, Часословъ, изданный въ 1512 году, съ 16 рисунками, раскрашенными отъ руки, и съ очень изящными инициалами, помѣщенными въ низу каждой страницы; *Pjsne Duchownej Ewangelie*.

listské, роскошное и рѣдкое изданіе духовныхъ гуситскихъ пѣсень, 1576 года, съ нотами, въ коемъ страницы украшены красивыми рамками и множествомъ большихъ и малыхъ заставокъ, рѣзанныхъ на деревѣ и раскрашенныхъ разноцвѣтными красками и золотомъ; наконецъ, собраніе отпечатанныхъ на атласѣ гравюръ англійского гравера XVIII вѣка Томаса Уорлиджа (Thomas Worlidge), составляющее необычайную биографическую рѣдкость и въ высокой степени замѣчательное какъ въ художественномъ, такъ и въ техническомъ и историческомъ отношеніяхъ.

II) Переданное Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ небольшое собраніе рукописей, приобрѣтенныхъ членомъ-сотрудникомъ этого общества Ф. М. Истоминымъ въ 1886 году во время его путешествія по Олонецкой и Архангельской губерніямъ. Въ составъ этого собранія входятъ, между прочимъ, два сборника XVII вѣка, изъ коихъ въ одномъ нашелся текстъ билины о Михаилѣ Потоцкѣ, къ сожалѣнію, неполный, а въ другомъ—неизвестный дотолѣ русскій литературный памятникъ XIV вѣка—Бесѣда между царемъ и епископомъ о святыняхъ и древностахъ Цареграда.

III) Принесенное въ даръ библиотекаремъ Ф. И. Кеппеномъ небольшое собраніе рукописей, принадлежавшихъ его дѣду Ф. П. Аделунгу. Въ собраніе это, между прочими, входитъ: снятый въ различныхъ библиотекахъ западной Европы копіи съ реляцій о Россіи, составленныхъ итальянскими и нѣмецкими путешественниками въ XVI и XVII вѣкахъ; сборникъ копій съ хранящихся въ Вѣнскомъ государственномъ архивѣ документовъ, касающихся русской исторіи за 1496—1699 годы; копіи, на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ съ четырехъ договоровъ Венеціанской республики съ Ордынскими ханами Узбекомъ, Чанибекомъ и Бердикбекомъ, относящихся къ 1333, 1347 и 1358 годамъ, и наконецъ, рукописи курса исторіи искусства, читаннаго Ф. П. Аделунгомъ императрицѣ Марії Феодоровнѣ и великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ въ 1812 году.

IV) Переданное послѣ смерти Андреемъ Александровичемъ Краевскимъ затѣмъ его В. А. Бильбасовымъ собраніе бумагъ А. А. Краевскаго. Въ составъ этого собранія входитъ: болѣе трехъ тысячъ писемъ отъ разныхъ лицъ—государственныхъ дѣятелей, писателей, художниковъ и пр.—къ Краевскому; статьи, предназначавшіяся для редактированныхъ имъ изданій, но въ печать не поставшія, въ рукописяхъ и корректурныхъ листахъ; автографы разныхъ писателей, въ томъ числѣ: князя П. А. Вяземскаго, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоѣдова, В. А.

Жуковскаго, А. В. Кольцова, И. А. Крылова, И. И. Лажечникова, М. Ю. Лермонтова, П. И. Мельникова, кназа В. Ф. Одоевскаго, А. С. Пушкина, О. И. Сенковскаго, И. С. Тургенева, Н. Ф. Щербины и Н. М. Языкова; вообще разные материалы по редакціи *Отечественныхъ Записокъ*, *Голоса*, и другихъ периодическихъ изданій, выходившихъ при участі Краевскаго, и наконецъ, нѣсколько старинныхъ рукописей, преимущественно историческаго содержанія. Подробное перечисленіе состава этой обширной коллекціи было бы здесь не возможно по самому ея объему; но нельзя не замѣтить, что по своему богатству и разнообразію, по обширности сношевій Краевскаго и по тщательности, съ которой онъ хранилъ поступавши къ нему бумаги, это собраніе представляетъ весьма значительный интересъ для исторіи нашей литературы, журналистики и частію общества, начиная съ тридцатыхъ годовъ¹⁾.

V) Купленное Библіотекою собраніе бумагъ А. Т. и Н. А. Болотовыхъ, именно: журналы Андрея Тимофеевича Болотова, въ черновой, не обработанной редакціи, за годы: 1770, 1790, 1803—1812, 1815—1823, 1825, 1827 и 1829; отпуски его писемъ изъ Кенигсберга, 1760 г.; 61 письмо его же къ сыну его Навлу Андреевичу за 1801, 1808, 1813 и 1814 годы; письма Навла Андреевича Болотова къ его отцу, числомъ 191, за 1801, 1810—1812 и 1814—1816 годы, и къ своей женѣ Маріи Федоровнѣ, числомъ 122, относящіяся къ 1804—1806, 1808—1810, 1814, 1816, 1830 и 1833 годамъ; затѣмъ письма, числомъ 139, къ Н. А. Болотову отъ его пріятеля, масона Василия Васильевича Артемьева за 1811—1821 и 1831—1834 годы, представляющія интересъ для исторіи масонства въ Россіи, и 16 писемъ къ Н. А. Болотову другихъ лицъ; наконецъ, „Избранныя мѣста изъ Псалтири“, расположенный въ LII главахъ, автографъ Н. А. Болотова, и сдѣланны имъ же переводъ повѣсти г-жи де-Вассъ, подъ заглавіемъ: „Шлатоническое супружество, или рѣдкая добродѣтель и великодушіе“.

VI) Пріобрѣтенные покупкою: переписка членовъ семейства Дивовыхъ, обнимающая собою цѣлое столѣтіе, съ 1764 по 1866 годъ; записки Е. Н. Дивовой (рожденной графини Бутурлиной), на французскомъ языкѣ, о пребываніи ея въ Парижѣ съ января 1802 по апрель

¹⁾ Въ приложениахъ къ печатному Отчету Библіотеки за 1889 годъ помѣщены: списки лицъ, письма которыхъ къ Краевскому хранятся въ составѣ этого собранія, перечень писемъ, адресованныхъ не къ Краевскому, но найденныхъ въ его бумагахъ, и полный текстъ писемъ В. Г. Бѣлинскаго и В. Н. Боткина къ Краевскому.

1804 года и журналъ обратнаго путешествія ея въ Россію, и четырнадцать писемъ извѣстной г-жи Жанлисъ (de Genlis) къ графу Н. П. Румянцову, относящіяся къ 1787—1789 годамъ.

VII) Принесенное въ даръ М. К. Цебриковою собраніе сочиненій и переводовъ ея дѣда, дѣйствительнаго статскаго советника Романа Максимовича Цебрикова (р. 1762 † 1817). Р. М. Цебриковъ слушалъ университетскія лекціи въ Лейпцигѣ, потомъ служилъ въ коллегіи иностраннаго дѣла и въ походной канцеляріи князя Потемкина въ продолженіе Турецкой войны 1787—1791 годовъ, при чмъ былъ при взятіи Очакова, Аккермана, Бендеръ и другихъ городовъ; затѣмъ до 1810 года Цебриковъ служилъ опять въ коллегіи иностраннаго дѣла и въ то же время занимался литературой, между прочимъ въ 1806 году получилъ орденъ св. Владимира 4-й степени за переводъ (съ нѣмецкаго) „Шведской исторіи“ Олафа Далина, который былъ возложенъ на него императрицею Екатериной II; съ 1810 года по самую смерть онъ находился въ комиссіи составленія законовъ. Большая часть многочисленныхъ сочиненій и переводовъ Цебрикова касаются юриспруденціи и воспитанія; значительная доля ихъ осталась не напечатанными; но наибольшій интересъ между бумагами Цебрикова представляютъ его дневники за 1785, 1787 и 1788 годы и описание его поѣздки изъ Петербурга въ Харьковъ въ 1813—1814 годахъ, въ формѣ письма къ другу. Къ этимъ литературнымъ трудамъ Цебрикова приложены нѣкоторые собранные имъ исторические документы о Турецкой войнѣ, которой онъ былъ свидѣтелемъ.

VIII) Принесенное въ даръ свиты Его Величества генералъ-майоръ Н. К. Шильдеромъ небольшое собраніе бумагъ военнаго историка А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Бумаги, послѣ него оставшися, распродавались въ разныя руки и разновременно; нѣкоторая доля ихъ была приобрѣтена и Библіотекой прежде сего; та же ихъ часть, которая пожертвована Библіотекѣ въ 1889 году генераломъ Шильдеромъ, заключаетъ въ себѣ: журналъ путешествія Михайловскаго-Данилевскаго за-границу въ 1808 году; путешествіе его по Гарцу въ октябрѣ 1809 году; отрывочные листы изъ его журнала за 1826 годъ; вторая, при томъ большая часть составленной имъ біографіи князя Кутузова-Смоленскаго, и письма разныхъ лицъ къ Михайловскому-Данилевскому за 1815 и 1827 годы.

IX) Принесенное Библіотекѣ въ даръ Андреемъ Ивановичемъ Соловьевымъ собраніе писемъ академика-нейзажиста Сильвестра Федосѣевича Щедрина († 1830) къ скульптору Самуилу Ивановичу Гальбергу.

Письма эти, числомъ 91, всѣ писаны изъ Италии и относятся къ 1818—1830 годамъ.

X) Принесенное въ даръ библиотекаремъ В. В. Стасовымъ собраніе 93 писемъ и музыкальныхъ произведеній извѣстнаго композитора и профессора А. П. Бородина, съ приложеніемъ къ нимъ воспоминаній А. П. Бородина о композиторѣ М. П. Мусоргскомъ и воспоминаній Е. С. Бородиной объ ея мужѣ. Большая часть этихъ документовъ вошла въ изданную въ 1889 году А. С. Суворинымъ подъ редакціей В. В. Стасова книгу: „Александъръ Порфириевичъ Бородинъ. Его жизнь, переписка и музыкальныя статьи“ Кромѣ музыкальныхъ рукописей А. П. Бородина, въ этой же коллекціи находится полная оркестровая партитура его оперы „Князь Игорь“, законченная Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ и А. К. Глазуновымъ.

XI) Принесенное въ даръ библиотекаремъ В. В. Стасовымъ собраніе 136 писемъ извѣстнаго художника И. Н. Крамскаго за 1862—1887 годы. Всѣхъ писемъ въ собраніи имѣется 136, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ его статей, стихотвореній, а также составленныхъ разными лицами материаловъ для биографіи И. Н. Крамскаго. Большинство этихъ писемъ вошло въ изданную А. С. Суворинымъ подъ редакціей В. В. Стасова книгу: „Иванъ Николаевичъ Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи“ (С.-Пб. 1888).

XII) Собрание записокъ частныхъ лицъ и официальныхъ документовъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ царствованія въ Божі почившаго императора Александра II и первымъ годамъ царствованія государя императора Александра Александровича, принесенное въ даръ дѣйствительнымъ тайнымъ советникомъ К. П. Побѣдоносцевымъ. Собрание это, состоящее преимущественно изъ материаловъ рукописныхъ, частью же изъ материаловъ печатныхъ и литографированныхъ, по желанию дарителя, не можетъ быть выдаваемо въ настоящее время для пользованія публики.

Въ заключеніе этого перечня цѣлыхъ коллекцій, поступившихъ въ Библиотеку въ 1889 году, слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что въ теченіе этого года продолжали пополняться слѣдующія, находящіяся въ Библиотекѣ, специальные собранія: а) собраніе книгъ о Палестинѣ, обогатившееся въ теченіе 1889 года какъ вновь изданными сочиненіями по этому предмету, такъ и нѣсколькими старинными сочиненіями, отсутствовавшими въ этой коллекціи; б) собраніе изданій и переводовъ сочиненій Горация и трудовъ, посвященныхъ изученію этого поэта; в) присылаемая въ даръ англійскимъ правительствомъ коллек-

ція патентовъ и привилегій на техніческія изобрѣтенія, выдаваемыхъ въ Лондонѣ, обогатившаяся 98 томами, и г) присылаемая германскимъ правительствомъ въ даръ Библіотекѣ коллекція выдаваемыхъ имъ патентовъ и привилегій на разныя изобрѣтенія, умножившаяся 4136 томами.

Отдѣльные приобрѣтенія Библіотеки въ теченіе 1889 года относятся также къ произведеніямъ печати и къ рукописямъ.

Согласно закону Библіотека, какъ и въ предшествующіе годы, продолжала получать всѣ печатаемыя въ предѣлахъ имперіи книги, брошюры, современныя изданія, ноты, географическія карты, гравюры, хромолитографіи и пр., которыхъ доставлялись цензурнымъ вѣдомствомъ, а равно и другими правительственными учрежденіями, имѣющими права печатать книги подъ собственою отвѣтственностью. Книги иностранные, печатаемыя въ Россіи, частью были получаемы въ даръ отъ иностранныхъ правительствъ, ученыхъ учрежденій и частныхъ лицъ, главнымъ же образомъ приобрѣтались покупкою. Къ покупкѣ же приходилось Библіотекѣ прибегать и для пополненія русскаго отдѣла старинными книгами (прошлаго вѣка и начала нынѣшняго столѣтія), такъ какъ она ставить себѣ цѣлью сосредоточить въ своемъ русскомъ отдѣлѣ все печатанное когда-либо на русскомъ языкѣ. Въ 1889 году куплено 1248 сочиненій въ 1432 томахъ на русскомъ языкѣ.

Изъ числа приношеній со стороны разныхъ учрежденій и частныхъ лицъ значительнейшия были: отъ правительства Великобританскаго (658 тт.) и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (362 тт.), отъ почетнаго члена Библіотеки Г. К. Рѣпинскаго (259 тт.), почетнаго корреспондента ея въ Лейпцигѣ Л. Креля (214 тт.), почетнаго члена графа И. Д. Деланова (179 тт.), Эрлангенскаго университета (169 тт.), Итальянской комиссіи по международному обмѣну изданій (152 тт.), и университетовъ Фрейбургскаго (127 тт.) и Геттингенскаго (103 тт.).

Перечисленіе всѣхъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ приобрѣтеній Библіотеки по части печатныхъ книгъ представляется рѣшительно невозможнымъ; въ этомъ отношеніи здѣсь слѣдуетъ ограничиться лишь нѣсколькими, самыми крупными примѣрами. Такъ, въ 1889 году ей удалось приобрѣсти: 9 недоставшихъ въ ней книгъ церковной печати XVII и XVIII вѣковъ; 16 рѣдкихъ русскихъ книгъ гражданской печати, преимущественно прошлаго вѣка, каковы изданія масонскія, или рѣдкія изданія Н. А. Струйскаго, печатанныя въ его собственной типографіи въ с. Рузѣ.

евкъ, Пензенской губерніи; 5 вѣсма рѣдкихъ голландскихъ брошюре XVII вѣка, касающихся торговыхъ сношеній Московіи съ Генеральными Штатами. По иностраннымъ отдѣленіямъ Библиотека также успѣла пополнить нѣкоторые свои пробѣлы по старой ученой литературѣ покупкой книгъ отъ иностранныхъ антикваровъ. Изъ сочиненій новѣйшей иностранной литературы Библиотека приобрѣтаетъ только книги научнаго содѣржанія по разнымъ отраслямъ знанія, и при томъ руководствуется тѣмъ правиломъ, чтобы запасаться преимущественно сочиненіями фундаментальнаго достоинства, изданіями рѣдкими, объемистными серіями ученыхъ сборниковъ и журналовъ, и наконецъ, такими сочиненіями, которыя, кроме качествъ внутреннаго содѣржанія, отличаются еще обилиемъ рисунковъ, снимковъ, плановъ и картъ и потому по своей цѣнности мало доступны для частныхъ лицъ. Въ преимуществахъ такой системы Библиотека убѣдилась опытомъ многихъ лѣтъ и, благодаря ей, дѣйствительно имѣла возможность оказать существенные услуги научной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ.

Отдѣльные приобрѣтенія рукописнаго отдѣла Библиотеки, какъ чрезъ принесеніе въ даръ, такъ и путемъ покупки, представляются въ 1889 году также весьма значительными.

Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше пожаловать Библиотекѣ слѣдующую рукопись, поднесенную Его Величеству мастерскимъ археологомъ И. А. Голышевымъ: „Родословіе отъ Адама до нынѣшихъ временъ съ краткимъ лѣтосчислениемъ и описаніемъ какъ любопытныхъ дѣяній тѣхъ временъ, такъ и дѣлъ великихъ князей и царей россійскихъ, согласно повѣствованію извѣстныхъ писателей въ порядокъ приведенное и сокращено предложенное трудами придворного собора сакелларія и кавалера Сергія Федорова. 1804 года“. Рукопись эта, 58 листовъ, въ большой листъ, оканчивающаяся событиями царствованія императора Павла Петровича, посвящена авторомъ императору Александру I.

По Высочайшему повелѣнію, согласно духовному завѣщанію управлявшаго морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютанта адмирала И. А. Шестакова, переданы въ Библиотеку собственноручными его записки о его жизни и о современныхъ ему событияхъ, съ изложеніемъ личныхъ наблюдений и впечатлѣній, въ семи книгахъ. Эти записки оканчиваются 1881 годомъ. Относительно этихъ записокъ, помѣщенныхъ въ особомъ дубовомъ ларцѣ, въ духовномъ завѣщаніи генералъ-адъютанта Шестакова содержалось слѣдующее распоряженіе: „Записки мои, посвященные памяти первой жены моей, передать въ Импера-

торскую Цубличную Библиотеку, съ тѣмъ, чтобы ихъ издали, по смерти моей, вполнѣ или въ измѣненіяхъ. Своевременность, выполненіе требованій приличія относительно упоминаемыхъ въ запискахъ лицъ и самый способъ изданія зависятъ совершенно отъ управляющаго Библиотекою. Вырученныя деньги прошу употребить на стипендіи для приходящихъ въ московскія женскія гимназіи и назвать эти стипендіи именемъ жены адмирала Надежды Алексѣевны Шестаковой¹. По заявлению вдовы генераль-адъютанта Шестакова, М. И. Шестаковой, покойный ея супругъ неоднократно высказывалъ ей желаніе, чтобы рукописи эти не были оглашаемы ранѣе пятидесяти лѣтъ послѣ его смерти. Сверхъ того, въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ адмирала Шестакова и осмотрѣнныхъ по особому Высочайшему повелѣнію, оказались собственноручныя его замѣтки, изложенные въ видѣ дневника, въ восьми книгахъ, за 1882—1888 годы. Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть передать и означенный дневникъ, о которомъ въ завѣщаніи покойнаго адмирала не содержалось никакихъ указаній, въ Императорскую Цубличную Библиотеку для совмѣстнаго съ помянутыми его записками храненія, съ тѣмъ, чтобы какъ записи, такъ и этотъ дневникъ не были оглашаемы ранѣе пятидесяти лѣтъ со дня кончины адмирала Шестакова, послѣдовавшей 21-го ноября 1888 года.

Изъ другихъ рукописей, поступившихъ въ Библиотеку въ 1889 году, отмѣтившися слѣдующія: нѣсколько сборниковъ, XVII—XIX вѣковъ, со статьями богословскаго, нравоучительнаго, историческаго и литературнаго содерянія, въ томъ числѣ шесть сборниковъ, составленныхъ раскольниками; приходо-расходную книгу Кандалацкаго монастыря, 1680 и 1681 годовъ; сборникъ конца прошлаго вѣка, въ которомъ помѣщенъ переводъ на русскій языкъ „Слова о полку Игоревѣ”, сдѣланный ранѣе первого изданія этого знаменитаго памятника древней русской словесности и принадлежащей, по всему вѣроятію, А. Ф. Малиновскому; записи Семена Богдановича Броневскаго, бывшаго въ 1834—1837 годахъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири и умершаго въ 1858 году, въ копіи В. Н. Мамышева; „Разныя записи”, автографъ А. С. Шишкова, содержащий въ себѣ нѣсколько его стихотвореній и замѣтокъ филологическаго и историческаго содерянія; автографы нѣкоторыхъ сочиненій Н. Я. Данилевскаго и не изданной поэмы И. С. Тургенева „Попъ”; шестнадцать документовъ конца XVI и начала XVII вѣковъ, касающихся Сибири; автографы С. Т. Ак-

сакова, Н. А. Дуровой, В. А. Жуковскаго, Б. И. Красова, Н. В. Кукольника, Д. А. Милютина, С. И. Надсона, О. И. Сенковскаго и пр.

Въ заключение обзора приобрѣтений Библіотеки въ 1889 году слѣдуетъ упомянуть, что ей принесенъ въ даръ статскимъ советникомъ В. А. Бильбасовымъ портретъ В. К. Тредіаковскаго, принадлежавшій А. А. Краевскому. Портретъ этотъ пойсной, въ натуральную величину, писанъ масляными красками. Онъ помѣщенъ въ залѣ императора Александра I среди другихъ портретовъ русскихъ писателей и государственныхъ деятелей.

Въ общемъ выводѣ, въ теченіе 1889 года въ Библіотеку поступило:

а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 29.251 сочиненіе въ 33.382 томахъ; въ томъ числѣ:

по закону цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено въ двухъ экземплярахъ	13.947	соч. въ 14.943 тт.
по распоряженіямъ разныхъ учрежденій	4.003	4.083
частныхъ приношеній отъ 219 лицъ и		
учрежденій въ Россіи и за границей	7.291	7.972
куплено самою Библіотекою.	4.010	, , 6.384 ,
б) рукописей, автографовъ и актовъ	6.101;	въ томъ числѣ:
по Высочайшему повелѣнію	9	
частныхъ приношеній отъ 26 лицъ и 1		
учрежденія.	4.210	
куплено самою Библіотекою	1.882	
в) эстамповъ и фотографій (въ томъ числѣ		
19 приношеній отъ 8 лицъ и 1 учрежденія).	1.406	
г) картъ и плановъ (въ томъ числѣ 126		
приношеній отъ 4 лицъ)	285	
д) нотъ.	1.000	

Поступившіе въ Библіотеку въ теченіе 1889 года книги, рукописи, эстампы, карты, ноты и проч. требовали размѣщенія и каталогизаціи; эти работы производились во всѣхъ отдѣленіяхъ безостановочно. Въ рукописномъ отдѣленіи особенно значительныхъ трудовъ потребовало обширное собраніе бумагъ А. А. Краевскаго; только часть этого собранія поступила въ Библіотеку въ приведенномъ въ порядокъ видѣ; но и ее оказалось необходимымъ прорѣзть и затѣмъ описать, равно какъ всѣ остальные отдѣлы этого собранія. Продолжаемы были также работы по описанію еврейскихъ рукописей изъ второй коллекціи Фирковичей. Начатое въ 1888 году описание принадлежащихъ къ этой

коллекціи фрагментовъ еврейской Біблії, написанныхъ на бумагѣ, приведено къ окончанию. Въ числѣ этихъ отрывковъ найдено много любопытныхъ въ томъ или другомъ отношеніи; такъ, нѣкоторые отрывки представляютъ своеобразную пунктуацію, въ другихъ заключается Таргумъ (калдейскій переводъ Оннелоса), иные содержать въ себѣ арабскій переводъ, а другіе—масору (критическая замѣчанія о разночтеніяхъ въ текстѣ). Оказалось также нѣсколько фрагментовъ замѣчательныхъ въ палеографическомъ отношеніи; наконецъ, въ шести отрывкахъ найдены приписки, изъ коихъ датированными относятся къ 1309, 1604 и 1647 годамъ по Р. Х. Вообще описание бумажныхъ рукописей изъ втораго собранія Фирковичей показало, что они предстаиваютъ значительный интересъ; между прочимъ обнаружилось, что одна изъ этихъ рукописей, относившаяся, по всей вѣроятности, къ концу X столѣтія по Р. Х. и написанная египетскимъ письмомъ Самуиломъ б. Яковъ, есть вообще древнѣйшая рукопись на бумагѣ, хранившаяся въ Императорской Публичной Бібліотекѣ. Рукопись эта, кромѣ того, имѣть большое значеніе для возстановленія подлиннаго арабскаго перевода Пятикнижія Саади Аль-Файюми, ибо она написана лишь чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ кончины составителя названнаго перевода (942 по Р. Х.), и при томъ на его родинѣ, въ Египтѣ.

Въ отдѣленіяхъ, содержащихъ въ себѣ печатныя книги, кроме каталогизаціи вновь поступающихъ сочиненій, производилась опись книгъ, остававшихся доселѣ не внесенными почему-либо въ каталоги, а также дѣлалась повѣрка по инвентарямъ и, въ случаѣ надобности, перестановка книгъ для большаго удобства.

О пользованіи Бібліотекой въ 1889 году можно судить по слѣдующимъ статистическимъ даннымъ:

Билетовъ для занатій въ Бібліотекѣ выдано было 11.356 (въ 1888 г. 11.127), въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 1.662 (въ 1888 г. 1569). Читателей было въ общей читальной залѣ 103.236 (въ 1888 г. 102.538).

Вы требовало книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ 133 тома (въ 1888 г. 146 томовъ), на русскомъ языкѣ 37.415 томовъ (въ 1888 г. 39.191 томъ) и на иностраннѣхъ языкахъ 16.146 томовъ (въ 1888 г. 17.524 тома); изъ бібліотеки при читальной залѣ 129.236 томовъ (въ 1888 г. 128.153 тома), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 119.360 томовъ (въ 1888 г. 115.402 тома) и на иностраннѣхъ языкахъ 9.876 томовъ (въ 1888 г. 12.751 томъ).

Общее число взятыхъ посѣтителями для чтенія книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ библиотекѣ при читальной залѣ, было 182.930 томовъ (въ 1888 г. 185.014 томовъ), повременныхъ изданій 48.821 номеръ (въ 1888 г. 54.563 номера), а всего 231.751 томъ и номеръ (въ 1888 г. 239.577 томовъ и номеровъ).

Въ теченіе 1889 года было отказано въ отдѣленіяхъ по 10.485 требованіямъ (въ 1888 г. по 10.740 требованіямъ), въ томъ числѣ: въ отдѣлении старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языке и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гражданскимъ шрифтомъ, по 53 требованіямъ (въ 1888 г. по 54 требованіямъ); въ отдѣлении русскихъ книгъ по 4.427 требованіямъ (въ 1888 г. по 4.743 требованіямъ); въ иностраннѣхъ отдѣленіяхъ по 6.005 требованіямъ (въ 1888 г. по 5.943 требованіямъ); изъ библиотеки при читальной залѣ по 10.428 требованіямъ (въ 1888 г. по 11.088 требованіямъ), въ томъ числѣ по 5.907 требованіямъ повременныхъ изданій (въ 1888 г. по 6.744 требованіямъ), и изъ нихъ по 5.129 требованіямъ русскихъ (въ 1888 г. по 5.929 требованіямъ) и по 778 требованіямъ иностраннѣхъ (въ 1888 г. по 815 требованіямъ) периодическихъ изданій. Значительное количество отказовъ по выдачѣ русскихъ периодическихъ изданій объясняется позднимъ поступлениемъ ихъ изъ иногородныхъ цензурныхъ учрежденій, а также одновременнымъ заявлениемъ нѣсколькоихъ требованій на одни и тѣ же изданія.

Изъ отдѣленій было отказано: за неимѣніемъ сочиненій въ Библиотекѣ и за неполученіемъ книгъ въ моментъ ихъ требованія изъ цензурныхъ установленій по 4.181 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣлении русскихъ книгъ по 413 требованіямъ (въ 1888 г. по 4.208 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣлении русскихъ книгъ по 325 требованіямъ); по случаю требованія одной и той же книги по 842 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣлении русскихъ книгъ по 509 требованіямъ (въ 1888 г. по 970 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣлении русскихъ книгъ по 702 требованіямъ); за выдачею требуемыхъ сочиненій въ чтеніе другимъ посѣтителямъ по 3.004 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣлении русскихъ книгъ по 2.036 требованіямъ (въ 1888 г. по 3.103 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣлении русскихъ книгъ по 2.290 требованіямъ), за отдачею книгъ въ переплетъ по 452 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣлении русскихъ книгъ по 268 требованіямъ (въ 1888 г. по 469 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣлении русскихъ книгъ по 297 требованіямъ); по случаю

требованія книгъ запрещенныхъ и особенно рѣдкихъ по 357 требованіямъ (въ 1888 г. по 359 требованіямъ); за неполученiemъ сочинений, заказанныхъ за границею, по 135 требованіямъ (въ 1888 г. по 189 требованіямъ); по разнымъ причинамъ (например, требование сочинений, никогда не появлявшихся въ печати, романовъ, не выдаваемыхъ въ членіе по уставу Библіотеки, требование неопределенные, неточные, неразборчивыя, за нахожденiemъ въ библіотекѣ при читальней залѣ, и т. д.) по 1.461 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣлениіи русскихъ книгъ по 1.041 требованію (въ 1888 г. по 1.387 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣлениіи русскихъ книгъ по 982 требованіямъ).

Изъ 536 повременныхъ изданій на русскомъ языке, находящихся въ читальней залѣ, въ членіе были выдаваемы 444, а изъ имѣющихся тамъ же 222 иноязычныхъ журналовъ и газетъ требованы въ членія 156.

Съ Высочайшаго соизволенія были высылаемы изъ Библіотеки рукописи пяти ученымъ учрежденіямъ, а печатными книгами, принадлежащими Библіотекѣ, пользовались виѣ ея восемь ученыхъ и административныхъ учрежденій.

Въ 1889 году посѣтили Библіотеку Бухарское посольство, Японскій посланикъ при Императорскомъ дворѣ и члены VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей. Вообще же обозрѣвали Библіотеку въ 1889 году 2.419 лицъ (въ 1888 году 2.875 лицъ).

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Февраль 1893 года.

I.

Вследствіе политическихъ событій, вамъ извѣстныхъ, г. Буржуа оставилъ министерство народного просвѣщенія и получилъ портфель министра юстиціи. Въ министерствѣ народного просвѣщенія его замѣнилъ г. Шарль Дюпюи. Г. Дюпюи, какъ мы называемъ во Франціи,— университетскій; каррьера его есть всецѣло каррьера преподавателя; началъ онъ ее учителемъ, затѣмъ сдѣлался профессоромъ философіи и инспекторомъ учебнаго округа въ Ааччю въ Корсикѣ. Выбранный въ депутаты въ 1885 году, онъ обнаружилъ въ палатѣ свою опытность въ дѣлахъ учебной администраціи. Какъ членъ бюджетной комиссіи, онъ былъ назначенъ въ 1891 и 1892 годахъ докладчикомъ бюджета министерства народного просвѣщенія. Талантливая его дѣятельность заставила президента республики остановить свой выборъ на немъ, и назначеніе это было принято съ живымъ сочувствіемъ всѣмъ нашимъ учебнымъ сословіемъ.

Увидѣть ли министерство Дюпюи разрѣшеніе важнаго университетскаго вопроса? Этого не смѣю вамъ объѣщать. Палаты поглощены разрѣшеніемъ множества политическихъ задачъ, не оставляющихъ имъ свободнаго времени для занятія этимъ вопросомъ. А пока нѣкоторые города дѣйствуютъ, какъ настоящіе университетскіе центры. Парижъ стоитъ, конечно, во главѣ ихъ. Объ этомъ можно судить по отчету, только что напечатанному общимъ совѣтомъ Парижскихъ факультетовъ за 1891—1892 учебный годъ. Я сдѣлаю нѣсколько извлеченій изъ него, которыя, надѣюсь, будутъ небезинтересны для нашихъ читателей.

Основано иѣсколько новыхъ каѳедръ: 1) на юридическомъ факультетѣ—каѳедры статистики, морскаго торгового и сравнительного торгового права, общественного права; 2) на факультете естественныхъ наукъ—каѳедра по развитію органическихъ существъ. Рядомъ съ этими каѳедрами объявлено объ открытии иѣсколькоихъ новыхъ курсовъ: на факультете естественныхъ наукъ—два курса для приготовленія къ экзамену на адъюнкты-профессора математическихъ наукъ; на словесномъ факультете—курсы сравнительной греческой и латинской грамматики и древней исторіи Востока; сверхъ того, основаны два дополнительные курса на медицинскомъ факультете. Кромѣ этихъ курсовъ, оплачиваемыхъ государствомъ, разрѣшены иѣкоторые *свободные курсы* безмездные или оплачиваемые прямо студентами: 1 курсъ на факультете протестантскаго богословія, 4 на физико-математическомъ факультете, 5 на словесномъ, 7 на медицинскомъ и 1 въ фармацевтической школѣ.

Число студентовъ еще болѣе увеличилось; оно достигло до 10.522 (на однихъ факультетахъ, не считая, разумѣется, специальныхъ школъ). На юридическомъ факультете ихъ насчитываются до 4.111, на словесномъ до 1.185, на медицинскомъ до 4.250. Фармацевтическая школа имѣеть 1.547 студентовъ, физико-математический факультетъ 655. Студентовъ иностранцевъ болѣе $\frac{1}{10}$, всѣхъ ихъ 255 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и женщинъ. Женщинъ-студентокъ 171, въ томъ числѣ 10 изъ Германіи, 10 изъ Англіи, 133 изъ Россіи (изъ Россіи болѣе частію евреики).

Отчеты декановъ свидѣтельствуютъ, что занятія на различныхъ факультетахъ идутъ вообще удовлетворительно, но всѣ они жалуются на недостатокъ помѣщенія и на скучность библіотекъ. Многіе изъ декановъ требуютъ новыхъ еще каѳедръ. Для пополненія Сорбоннской библіотеки требуется 150.000 франковъ. При настоящемъ состояніи нашихъ финансъ едва ли найдется столь значительная сумма.

Въ общемъ, общій совѣтъ факультетовъ требуетъ основаній семи новыхъ каѳедръ: 1) аналитической химіи и высшей фармацевтической школѣ; 2) математики на физико-математическомъ факультете; 3) астрофизики на томъ же факультете; 4) гистологіи тамъ же; 5) палеонтологіи тамъ же; 6) логики на словесномъ факультете; 7) частнаго международнаго права на юридическомъ факультете.

Весь бюджетъ парижскихъ факультетовъ за 1892—1893 годы опредѣляется въ 2.631.270 франковъ.

Въ области среднаго преподаванія состоялось въ послѣднее время только одно нововведеніе: въ текущемъ году впервые ввели въ вѣдь

опытъ преподаваніе русскаго языка въ лицейхъ. Тремъ лицамъ, одному французу и двумъ русскимъ евреямъ, препоручено это преподаваніе. Курсъ не обязательный; изучать русскій языкъ сначала изъявили желаніе многіе, но вскорѣ большая часть ихъ пришла въ смущеніе отъ трудности грамматики, и теперь число упорствующихъ въ изученіи русскаго языка не велико. Не знаю, чтѣ выйдетъ изъ этой попытки, но я отношусь къ ней нѣсколько скептически: наши гимназисты выходятъ обыкновенно изъ лицея безъ особенныхъ знаній греческаго и немецкаго языковъ; русскій языкъ окажется также труденъ для французовъ, какъ и оба эти языка, и мнѣ кажется, что изученіе его не пойдетъ успѣшно.

II.

Наша литература обогатилась недавно нѣсколькими сочиненіями по исторіи и теоріи педагогики. Прежде всего укажу на книгу Лео Кларси: „Современный университетъ“ (*L'Université Moderne*, въ vol. iv 4). Лео Кларси не должно смѣшивать съ его дядей Жюлемъ Кларси, членомъ Французской академіи, директоромъ Французской комедіи, авторомъ многихъ романовъ и нѣсколькихъ сочиненій по политической исторіи XVIII и XIX вѣка. Л. Кларси—молодой человѣкъ, недавно вышедший изъ Нормальной школы, нѣкоторое время преподававшій въ провинціи, а затѣмъ прѣѣхавшій въ Парижъ и посвятившій себя литературѣ. Онъ уже напечаталъ любопытный эпизодъ: „Лессажъ какъ романістъ“ (*Lessage considéré comme romancier*). Новая книга его не есть дидактическое сочиненіе. Авторъ разумѣеть слово „университетъ“ въ томъ смыслѣ, какъ оно употребляется во Франціи, то-есть, какъ сословіе учащихъ и учащихся. Автору особенно хотѣлось описать общій строй нашего общественнааго преподаванія, жизнь профессоровъ и студентовъ. Въ цѣломъ рядъ главъ, написанныхъ легко и изящно, онъ говоритъ послѣдовательно о народныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, описываетъ жизнь нашихъ лицействовъ. ихъ праздники и ихъ игры. Затѣмъ онъ говоритъ о высшемъ преподаваніи въ факультетахъ словесномъ, физико-математическомъ, юридическомъ и медицинскомъ, дѣлая при томъ характеристики главныхъ профессоровъ и сообщая любопытныя или комическія подробности о нравахъ студентовъ. Кроме того, въ книгѣ его есть интересная сѣдѣнія о естественно-историческомъ музѣ, о школѣ фармацевтовъ и о высшей нормальной школѣ, о Французской коллегіи, о

школъ высшихъ знанийъ, о школѣ хартий, о школѣ живыхъ восточныхъ языковъ, наконецъ, о студенческой корпораціи, играющей большую роль на всѣхъ ученыхъ торжествахъ. Сочиненіе это не претендуетъ быть дидактическимъ; оно чисто литературнаго характера и особенно интересно для иностранцевъ, мало знакомыхъ съ нашими учебными учрежденіями. Предисловіе къ этой книгѣ написано Греаромъ, знаменитымъ ректоромъ Парижскаго учебнаго округа. Какъ вы знаете, Греаръ—выдающійся педагогъ; въ своей статьѣ онъ сообщаетъ свѣдѣнія объ успѣхахъ по всѣмъ степенямъ преподаванія, сдѣланныхъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Сочиненіе болѣе серьезное и весьма любопытное для исторіи высшаго образованія во Франціи со времени эпохи Возрожденія издано въ свѣтъ Абелемъ Лефраномъ, подъ заглавиемъ „Исторія Французской коллегіи отъ начала ея до конца первой имперіи“ (*Histoire du Collège de France depuis ses origines jusqu'à la fin du premier Empire*, un vol. in 8). Абель Лефранъ, одинъ изъ хранителей въ Национальномъ архивѣ, принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ молодыхъ историковъ. Дважды увѣнчанный Французскою академіей и Академіей надписей, онъ обработалъ исторію Французской коллегіи не только по печатнымъ, но и по не изданнымъ документамъ. Не появлялось еще ни одного столь значительного труда по исторіи этого знаменитаго учрежденія со времени сочиненія аббата Гойе: „Историческая и литературныя замѣтки о королевской Французской коллегії“, вышедшаго въ 1758 году. Основавъ Французскую коллегію, Францискъ I желалъ противопоставить ее начиненій сколастикою Сорбоннѣ, какъ учрежденіе, въ которомъ преобладалъ бы духъ свободнаго изслѣдованія. Лефранъ даетъ любопытныя подробности о малоизвѣстномъ возникновеніи этого учрежденія, о бѣдствіяхъ, которыя терпѣли его профессора, и объ ихъ преподаваніи. Книга снабжена весьма любопытными приложеніями. Только здѣсь можно найти хронологическій перечень всѣхъ профессоровъ коллегіи отъ начала ея до нашихъ дней. Въ нынѣшнемъ году Французская коллегія могла располагать суммой въ 3.000 франковъ, доставшейся ей по духовному завѣщанію одного умершаго врача. Сумму эту она назначила Лефрану.

Въ книгѣ, подъ заглавиемъ „Воспитаніе въ университетѣ“ (*L'éducation dans l'Université*), Анри Маріонъ, профессоръ Парижскаго словеснаго факультета, изложилъ способъ университетскаго преподаванія, которое самъ онъ ведѣть съ 1890 года въ видѣ практическихъ педагогическихъ конференцій. Книга Маріона—сочиненіе практическое

ское и, вмѣстѣ съ тѣмъ, теоретическое. Она начинается изложеніемъ общаго устройства университета съ точки зрења среднаго преподаванія. Сперва объясняется личный учебный составъ и опредѣляется значеніе окружнаго учебнаго совѣта и высшаго совѣта народнаго просвѣщенія; затѣмъ говорится, какимъ образомъ распредѣляется преподаваніе по тремъ степенямъ его—начальному, среднему и высшему. Авторъ ведеть рѣчъ только о среднемъ образованіи, о томъ, какъ составляется его персоналъ, въ какихъ отношеніяхъ находится лицей къ вицѣциальному миру, каково его внутреннее устройство, каковы обязанности и дѣятельность профессоровъ и репетиторовъ. Послѣдняя часть сочиненія посвящена учащимся. Маріонъ объясняетъ, какого усиленія требуетъ воспитаніе воли и образованіе характера учащихся; онъ входитъ въ мельчайшія подробности, говоры о средствахъ поддержать въ средѣ ихъ соревнованіе, обѣ ихъ играхъ, о физическихъ упражненіяхъ, о дисциплинѣ и классныхъ занятіяхъ. Маріонъ—изъ числа людей, стремящихся къ уничтоженію наказанія, къ воспитанію силой одного убѣжденія. Его доктрины въ большомъ ходу въ нашей средней школѣ. Учитникамъ эта система, конечно, нравится, но старые преподаватели критикуютъ ее, какъ доктрину, уничтожающую дисциплину и поощряющую развитіе лѣни. Но что бы ни говорили эти критики, нельзя оспаривать ни таланта Маріона, ни его глубокаго знанія дѣтской психологіи, ни вѣрности его педагогическихъ пріемовъ.

Подобно Маріону, Конпере—одинъ изъ лучшихъ нашихъ педагоговъ. Его „Критическая исторія доктрина воспитанія во Франціи съ XVI вѣка“ (*Histoire critique des doctrines de l'éducation en France depuis le XVIe siècle*) достигла уже пятаго изданія иувѣнчана преміей Французской академіи и Академіи нравственныхъ наукъ. Недавно онъ издалъ большое сочиненіе „Объ умственномъ и нравственномъ развитіи дѣтей“ (*L'Evolution intellectuelle et morale de l'Enfant*). На этотъ разъ онъ занимается преимущественно психологіей, а не педагогикой; онъ послѣдовательно изучаетъ первыя проявленія дѣятельности у новорожденныхъ, развитіе у нихъ зрења, слуха, вкуса, обонянія и осознанія, первыя душевныя движения и ихъ выраженіе, память дѣтей до и послѣ приобрѣтенія способности говорить, разныя формы воображенія, ассоціацію идей: подражаніе, любопытство, сужденіе и разсужденіе, способъ, при помощи которого дитя учится говорить, его игры, развитіе его нравственнаго смысла, недостатки и добрыя качества, дѣтское безуміе, сознаніе собственнаго я и своей

личности. По мнѣнію Коннере, дитя уже въ четыре года вполнѣ владѣеть своимъ сознаніемъ, и въ этомъ возрастѣ всѣ орудія сознанія способны уже къ отправленію. Въ четыре года весь механизмъ готовъ, остается только привести его въ дѣйствіе. Эта труда, полный осторожныхъ психологическихъ наблюденій, любопытенъ въ равной степени для философовъ и для педагоговъ.

Собраніе монографій о великихъ французскихъ писателяхъ, издаваемое Гашеттомъ, обогатилось книгою Артура Шюка о Жанѣ Жакѣ Руссо. Шюкъ известенъ быть до сихъ поръ своими превосходными трудами о нѣмецкой литературѣ и о войнахъ временъ революціи. Онъ особенно много занимался XVIII вѣкомъ въ Германіи. Его книга о Руссо доказываетъ, что онъ знаетъ Францію не менѣе Германіи; онъ оканчиваетъ свое сочиненіе словами Фридриха II: „Вы спрашиваете меня“, пишетъ Фридрихъ къ Больтеру,— „что я думаю о Руссо: надо уважать несчастныхъ, только злые души удручаютъ ихъ“ Шюкъ не скрываетъ ошибокъ въ жизни Руссо, но указываетъ на обстоятельства, смягчающія его проступки. Талантъ свой Руссо всегда приносилъ въ жертву своему воображенію; онъ былъ искрененъ даже во лжи и не говорилъ противнаго тому, что думалъ; судить онъ о вещахъ добросовѣстно, находи ихъ не тѣмъ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, а лишь такими, какими онъ казалась ему.

Въ той же Гашетовской коллекціи появится въ скоромъ времени монографія о Монтанѣ. А пока я укажу вамъ на книгу Поля Бонфуа: „Монтанъ; человѣкъ и его дѣло“ (Montaigne, l'homme et l'oeuvre. 1 томъ. Бордо). Уроженецъ Бордо, Бонфуа состоять библиотекаремъ Арсенальной библиотеки. Онъ занимается преимущественно писателями юго-западной Франціи и обладаетъ достоинствами настоящаго ученаго и писателя. Онъ только что издалъ въ свѣтъ собраніе твореній Этьена де-ла Босси. Монтанъ—также уроженецъ Бордо, и потому Бонфуа изучалъ его съ особою любовью. Онъ написалъ его біографію, гораздо болѣе подробную, чѣмъ всѣ прежнія. Книга издана роскошно, и въ ней приложено множество иллюстрацій, взятыхъ изъ документовъ XVI вѣка. Бонфуа изучилъ особенно тщательно первое изданіе „Опытовъ“ и почерпнулъ въ немъ весьма любопытныя указанія. Онъ окончательно останавливается на біографическихъ подробностяхъ, чѣмъ на литературной критикѣ. Бонфуа еще молодой человѣкъ. Его книга подаетъ надежду, что изъ него выработается замѣчательный писатель.

III.

Перейду теперь къ новымъ произведеніямъ нашей исторической литературы. Книжная фирма Армана Колена начинаетъ печатаніе обширнаго сочиненія, имѣющаго составить не менѣе 12 томовъ въ 8-ку. Это „Всеобщая история отъ IV вѣка до нашихъ дней“ (*L'histoire générale depuis le IV siècle jusqu'à nos jours*). Она издается подъ наблюденіемъ Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо. Оба историка хорошо вамъ извѣстны. Въ трудахъ ихъ принимаютъ участіе нѣкоторые специалисты, руководящіе каждый отдельнымъ періодомъ; одинъ томъ можетъ, смотря по надобности, заключать въ себѣ главы, составленныя пятью или шестью различными лицами. Такимъ образомъ первый томъ, идущій отъ IV до VIII вѣка, содержитъ въ себѣ статьи, написанныя Байе (авторомъ сочиненій о Византійской имперіи), Бомономъ, А. Бертело, Эрнестомъ Дени, Шарлемъ Ланглуа, Эрнестомъ Лависсомъ, Люшеромъ и Морисомъ Ваалемъ. Съ ноября мѣсяца сочиненіе это выходитъ каждыхъ двѣ недѣли въ видѣ книжки въ 100 страницъ. Къ каждой главѣ приложенъ весьма полный библіографический указатель источниковъ и перечень сочиненій французскихъ и иностраннѣхъ, относящихся къ изучаемому періоду. Издание очень роскошно, хотя не снабжено ни картами, ни гравюрами. Цѣна каждой книжки 1 франкъ, цѣна тома 10 франковъ. Ежегодно издавать будутъ по два тома.

„Иллюстрированная историческая библіотека“ издаваемая поль руконодствомъ Зелле и Ваала (фирма Кантена) увеличилась новымъ томомъ: „Флорентійская цивилизациѣ отъ XIII до XVI вѣка“ (*La Civilisation florentine du XIII au XVI siècle*); эта книга написана Перрансомъ, членомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Перрансъ написалъ „Исторію Флоренціи“ въ 9 томахъ, считаемую теперь классическимъ произведеніемъ; я сообщилъ вамъ о ней въ свое время. Сами итальянцы признаютъ, что на ихъ языкахъ не существуетъ болѣе полнаго труда. Это обширное сочиненіе не всѣмъ доступно, да и вѣ всѣ интересуются политическою борьбой различныхъ флорентійскихъ партій. Напротивъ того, всѣхъ интересуетъ выдающееся значеніе этихъ Аеній Италии въ исторіи цивилизациї. Настоящій томъ Перранса содержитъ въ себѣ очеркъ политическихъ и экономическихъ учрежденій Флоренціи, ея правовъ, ея значенія въ исторіи литературы.

и искусства. Легко можно судить, какъ любопытна подобная монографія, написанная специалистомъ флорентійской исторіи. Иллюстраціи хотя и не роскошны, но даютъ довольно вѣрное понятіе о людяхъ и предметахъ; они дѣлаются эту книгу еще болѣе любопытною; ей несомнѣнно суждено имѣть болѣй успѣхъ.

Альбертъ Вандаль издалъ въ свѣтъ второй томъ своего труда: „Наполеонъ и Александръ I“; въ немъ говорится о распаденіи союза, заключенного послѣ договора въ Тильзитѣ. Добросовѣтный историкъ и умѣлый писатель, Вандаль употребилъ не менѣе трехъ лѣтъ на свою работу, для которой собралъ много не изданныхъ документовъ. Онъ излагаетъ политику двухъ державъ въ моментъ заключенія мира въ Вѣнѣ, сношевія Франціи съ Россіей, когда Наполеонъ помышлялъ о женитьбѣ на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, затѣмъ его сношения съ мелкими нѣмецкими дворами и вѣнскими дворомъ, окончившіяся бракомъ съ Маріей-Луизой. Вандаль излагаетъ эти щекотливые переговоры съ совершенно новыми подробностями и показываетъ, какъ этотъ австрійскій бракъ былъ началомъ охлажденія, возникшаго между двумя государями. До конца 1810 года отвопенія между ними сохранились еще наружное добродуше, хотя уже съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ. По тщательности изысканій и достоинствамъ изложенія, сочиненіе Вандала несомнѣнно одно изъ наиболѣе любопытныхъ и замѣчательныхъ между появившимися за послѣдніе годы.

Ученый русскій іезуїтъ Пирлингъ продолжаетъ свои изысканія о сношенияхъ Россіи съ иностранными государствами. Онъ только что издалъ въ свѣтъ новую небольшую книжку: „Италия и Россія въ XVI вѣкѣ“ (*L'Italie et la Russie au XVI siècle*). Въ ней онъ описываетъ поѣздки Паолетто Чентуріоне въ Москву, Димитрія Герасимова въ Римъ и Джiana-Франческо Читуса въ Москву. Онъ воспользовался нѣкоторыми не изданными документами и особенно старался освѣтить поведеніе царя относительно великихъ князей Московскихъ. Царемъ хотѣлось заставить ихъ согласиться на соединеніе церквей и на военный союзъ противъ турокъ. Бирочемъ, между Ватиканомъ и Москвой беззастанцно являлись то авантюристы, то искренне, во смишкомъ наивные люди, увѣрившіе царя, что великий князь домогается королевской короны, или же, что онъ желаетъ соединенія церквей; цари не разъ вводимы были въ обманъ такими посредниками.

Появился въ свѣтъ еще одинъ томъ сочиненій Фюстеля-де-Куланжа, на этотъ разъ решительно послѣдній изъ подлежавшихъ печатанію.

Заглавие его— „Исторические вопросы“ (*Questions historiques*); онъ пересмотрѣнъ и пополненъ по замѣткамъ автора Камиллемъ Жюлланомъ, издателемъ послѣднихъ томовъ. Въ немъ заключаются слѣдующія статьи: „О способахъ писать исторію во Франціи и въ Германіи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ“ (вышло въ свѣтъ въ 1872 году, въ *Revue des Deux Mondes*); „Вопросъ о происхожденіи поземельной собственности“, „Полівій или Греція, завоеванная римлянами“ (это перепечатка диссертациіи Фюстеля на степень доктора; издатель вставилъ въ нее замѣтки, сдѣланныя авторомъ на принадлежавшемъ ему экземплярѣ); „Записка объ островѣ Хіосѣ“ (сочиненіе, написанное въ 1856 году, когда авторъ его былъ ученикомъ Аѳинской школы); „Римскіе вопросы“ (здесь авторъ трактуетъ о различныхъ сторонахъ римской исторіи); „Современные вопросы“ (заключаютъ въ себѣ замѣтки полемического характера по поводу войны съ Германіей). Полное собраніе сочиненій Фюстеля-де-Куланжа составляетъ всего 10 томовъ.

Изъ новыхъ историческихъ изданій и долженъ еще назвать книгу „Историческихъ чтеній о частной и политической жизни римлянъ“ Поля Гиро, профессора Нормальной школы (*Lectures historiques sur la vie privée et politique des Romains*, in vol. Paris). Эта сборникъ вошелъ въ серію „Историческихъ чтеній“, уже много разъ мною рекомендованную. „Испанія при Фердинандѣ и Изабеллѣ“ (*L'Espagne sous Ferdinand et Isabelle*) Маріежола составляетъ 4-й томъ „Иллюстрированной исторической библіотеки“. Эта книга, написанная по испанскимъ источникамъ, даетъ полное понятіе объ Испаніи конца XV вѣка. Наконецъ, упомяну 2-й томъ сборника Германна Дитца: „Иностранныя литературы“ (*Les Littératures étrangères*). Онъ посвященъ Италии и Испаніи и заключаетъ въ себѣ общее введеніе, замѣтки біографическіе и критическіе и отрывки изъ произведеній обѣихъ литературъ, весьма хорошо подобранные.

15-й томъ „Большой Энциклопедіи“, вышедший въ октябрѣ, особенно важенъ въ педагогическомъ отношеніи. Онъ заключаетъ въ себѣ часть буквы Е и именно двѣ весьма значительныя статьи: „Ecole“ и „Enseignement“. Статья о школахъ занимаетъ не менѣе 110 страницъ и заключаетъ въ себѣ общій перечень школъ Франціи, главу о школьній архитектурѣ, главу о начальныхъ школахъ во Франціи и въ иностраннѣхъ государствахъ; затѣмъ идутъ нормальные школы (семинаріи), и большія специальнѣе школы, во Франціи; здѣсь сообщаются о нихъ свѣдѣнія, неизмѣримо болѣе полныя, чѣмъ тѣ, которыя по-

мѣщены въ „Педагогическомъ Словарѣ“ Бюиссона, рассматривающемъ только начальное преподаваніе. Статья о преподаваніи занимаетъ со бою 60 страницъ и редактирована большою частью Маріономъ. Она заключаетъ въ себѣ исторію различныхъ системъ преподаванія въ разныхъ государствахъ; къ ней приложено огромное число статистическихъ таблицъ. Въ томъ же томѣ находятся и еще другія весьма замѣчательныя статьи „Eau“ (нѣсколько сотрудниковъ), „Echecs“ (Даниеля Бертело), „Eclairage“ (его же), „Egypte“, (нѣсколькихъ сотрудниковъ, между прочимъ, Бабелона; къ ней приложена значительная библиографія), „Electricitѣ“, „Encyclop die“, „Enfant“ и т. д. Этотъ томъ оправдываетъ успѣхъ колоссальнаго изданія, имѣющаго уже теперь болѣе 5.000 подписчиковъ.

Шестнадцатый томъ „Энциклопедіи“ заключаетъ въ себѣ конецъ буквы Е и начало буквы F. Въ числѣ важныхъ статей находатса: „Epigraphie“ Канья, профессора во Французской коллегіи, „Ege“ Бабелона, „Espagne“ (нѣсколькихъ сотрудниковъ) „Etat“, „Etat-Majore“, „Etats Unis“ (А. Миаро), „Europe“ (Левассера). Очень важны статьи: „Facult es“ Лиара, состоящаго директоромъ высшаго преподаванія, по министерству народнаго просвѣщенія, и „Famille“ (нѣсколькихъ сотрудниковъ). Полагаютъ, что полное изданіе „Большой Энциклопедіи“ составить около тридцати томовъ. На послѣднія буквы французской азбуки приходится менѣе словъ.

„Словарь греческихъ и римскихъ древностей“ Даранбера и Сальо, выходящій въ свѣтъ медленнѣе „Энциклопедического Словаря“, достичъ XVII-го своего выпуска, составляющаго собою конецъ втораго тома. Главнѣйшия статьи его слѣдующія: „Exegitus“ Монсо и Канья, „Exsiliium“ Лекривена и Юмбера, „Fallsum“ Глотца и Юмбера, „Familia“ Бодри, „Fanum“ Буша Леклерка, „Fasti“ его же. Въ матеріальномъ отношеніи это изданіе прекрасно, иллюстраціи его превосходны.

Появился еще 8-й выпускъ „Общаго словаря французскаго языка“ Гатцфельда и Дармстеттера, начинающій букву Д. Со смерти Арсена Дармстеттера изданіемъ этого словаря завѣдуетъ Автуанъ Тома, читающій лекціи романской филологии въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ.

Французская коллегія понесла потерю въ лицѣ Ренана, администратора этого учрежденія. Его замѣститель Гастонъ Буасье, профессоръ латинской литературы и членъ Академіи надписей и Француз-

ской академіи. Уже послѣ кончины Ренана умерли еще два профессора коллегіи—Д'Ерве де-Сенъ-Дени и Гильомъ Гизо. Д'Ерве-де-Сенъ-Дени былъ отличный синологъ; онъ замѣститель Станислава Жюльена на его каѳедрѣ и оставилъ послѣ себѣ замѣчательныя работы по истории и этнографіи Китая. Гильомъ Гизо, сынъ знаменитаго государственно-человѣка, преподавалъ англійскую литературу. Въ академіи надписей Ренана замѣнилъ Филиппъ Берже, занимающійся преимущественно печатаніемъ „Corpus inscriptionum semiticarum“, а Д'Ерве замѣститель Бартъ, авторъ важныхъ трудовъ о религіяхъ и надписяхъ Индіи.

Л. Л-ръ.

НЕКРОЛОГЪ.

Юлій Эдуардович Янсонъ.

(† 31 января 1893 г.).

Внезапная кончина профессора Янсона чрезвычайно поразила и огорчила всѣхъ его знавшихъ и даже не знавшихъ лично, но знакомыхъ съ его трудами.

Когда умираетъ человѣкъ, достигнувъ глубокой старости, уже утративъ или почти утративъ способность и силу быть полезнымъ обществу, можно сожалѣть о немъ, какъ о хорошемъ и достойномъ человѣкѣ; но сожалѣніе о потерѣ умѣршаго сознаніемъ, что человѣкъ этотъ пожилъ для себя и для общества довольно и сдѣлалъ достаточно. Юлій Эдуардовичъ Янсонъ сдѣлалъ много, но умеръ, хотя не молодымъ (онъ родился въ 1835 г.), однако совершенно бодрымъ и крѣпкимъ для продолженія своихъ работъ. Его здоровый видъ и неустанный энергія давали полное основаніе ожидать отъ него еще многаго въ дополненіе къ сдѣланному.

Профессоръ Янсонъ составилъ себѣ крупное имя въ области статистики. Онъ поднялъ научную разработку статистики въ Россіи на одинъ уровень съ обработкой ея въ Западной Европѣ, на сколько, разумѣется, позволяли это наши отечественные данные; онъ трудился, можно сказать, не покладая рукъ надъ разработкой отечественной статистики и указалъ прочныя основы для ея дальнѣйшаго преуспѣянія. Интересно прослѣдить какимъ же образомъ выработался изъ него такой преданный своему дѣлу, такой глубоко-свѣдущій статистикъ? И почему эта отрасль народовѣдѣнія стала его излюбленнымъ предметомъ? Трудно однако дать категорический отвѣтъ на эти вопросы.

съ: никакой не вель никакихъ замѣтокъ о своей жизни и дѣятельности.

Извѣстно, что въ опредѣлѣніи рода нашихъ занятій, помимо природнаго влечениія къ той или другой области знаній, не мало значать и случайныя, внѣшнія обстоятельства. Самъ Янсонъ приписывалъ свою склонность къ занятію статистикой тому, что въ 1861 году приглашенъ былъ для преподаванія ея и политической экономіи въ Горыгорецкомъ землемѣрческомъ институтѣ. Я, какъ сослуживецъ Юлія Эдуардовича, почти одновременно съ нимъ занившій каѳедру въ С.-Петербургскомъ университетѣ, могу прибавить къ этому и то случайное обстоятельство, повидимому окончательно побудившее его отдаться статистикѣ, что въ половинѣ 60-хъ годовъ преподаваніе по каѳедрѣ политической экономіи и статистики въ С.-Петербургскомъ университетѣ распредѣлилось между тремя лицами, при чемъ Юлій Эдуардовичъ, имѣя уже, толькъ сказать, статистические задатки, и сталъ читать исключительно статистику обоимъ разрядамъ юридического факультета, юридическому и административному.

Официальная данныя о его дѣятельности скучны и сухи; тѣмъ не менѣе мы узнаемъ изъ нихъ, что не сразу онъ сдѣлался статистикомъ. Уже съ школьнай скамы можно было предугадать въ чёмъ недюжинного человѣка: съ золотою медалью окончилъ онъ курсъ въ Киевской гимназіи и въ Кіевскомъ университетѣ; но въ выборѣ специальности онъ колебался: поступивъ сначала на медицинскій факультетъ, онъ вскорѣ перешелъ на историко-филологический, на которомъ и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1855 г., съ получениемъ золотой медали за разсужденіе на тему: „Историческое обозрѣніе воспитанія и обученія въ Россіи до конца XVIII вѣка“ Казалось-бы, это-ли предвестники будущаго статистика? Но въ тѣ времена на историко-филологическомъ факультетѣ читалась политическая экономія, наука, для которой статистика—необходимая спутница и опора. Она-то и опредѣлила истинное призваніе Юлія Эдуардовича. Начало его служебной дѣятельности было педагогическое: служба его началась въ должности младшаго учителя 1-й Кіевской гимназіи, съ переименованіемъ вскорѣ въ старшіе учителя русской словесности; а черезъ два года (въ 1860 г.) онъ избравъ уже въ руководители кандидатовъ педагогическихъ курсовъ, открытыхъ въ Кіевѣ. Но менѣе, чѣмъ черезъ полгода (въ февралѣ 1861 г.), онъ переходитъ уже въ Горыгорецкій землемѣрческій институтъ, по приглашенію его директора,

добавочнымъ адъюнктомъ по кафедрѣ сельско-хозяйственной статистики и политической экономіи. А съ осени 1864 г., за упраздненіемъ Горыгорецкаго института, онъ переводится въ С.-Петербургскій землемѣрческій институтъ доцентомъ по политической экономіи и статистикѣ. Переѣщеніе въ столицу, въ центръ умственной и административной дѣятельности, весьма естественно должно было оказаться стимуломъ къ дальнѣйшей научной работѣ, которая началась еще раньше, по всей вѣроятности въ Горкахъ, при чёмъ, можетъ быть, ближайшимъ толчкомъ къ ней послужило завѣданіе Ясона библиотекой института, давшее непосредственную и широкую возможность молодому ученому знакомиться съ литературой своего предмета. И вотъ уже зимою 1864 года онъ прѣѣзжаетъ въ Петербургъ и сдастъ экзаменъ на магистра политической экономіи (тогда довольно многосложный, такъ какъ приходилось экзаменоваться не только изъ политической экономіи и статистики, но еще изъ международного права и изъ всеобщей исторіи; сверхъ того требовалось 2 письменныхъ отвѣта: по политической экономіи и по статистикѣ).

Всѣдѣ затѣмъ онъ представляетъ диссертацию, и только по случаю обстоятельству диспутъ, назначенный въ маѣ, былъ отложенъ до октября. По защитѣ диссертациіи подъ заглавіемъ: „Значеніе теоріи ренты Рикардо въ наукѣ политической экономіи“, Ясонъ удостоивается „историко-филологическимъ факультетомъ“ (тогда политическая экономія не была еще передана въ юридический факультетъ) степени магистра политической экономіи. Профессоръ Горловъ, въ отзывѣ своемъ объ этой работѣ, представленной факультету, указывалъ на нѣкоторые пропуски, недомолвки и т. п., заключающіе, что „она задумана по обширному плану, расположена въ правильномъ систематическомъ порядке и содержитъ въ себѣ начала, принимаемыя наукой и ея современнымъ состояніемъ.“

Всѣдѣ затѣмъ быстро расширяется кругъ научной и преподавательской дѣятельности Юлія Эдуардовича: съ 1-го ноября 1864 года онъ состоить уже преподавателемъ политической экономіи и статистики въ Институтѣ инженеровъ путей сообщеній,—годъ спустя и въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ въ званіи приватъ-доцента по предмету статистики, а съ мая 1868 г. сдѣланъ штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Къ этому времени относится его второй печатный трудъ: „Краткій курсъ политической экономіи, пособіе для слушающихъ лекціи по этому предмету“, изданій безъ имени составителя, въ 1865—1866 гг. въ 2 выпускахъ.

Позднѣе мы видимъ его еще преподавателемъ статистики и политической экономіи въ Пажескомъ корпусѣ, въ Горномъ институтѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ (политическая экономія) и съ 1880 г. въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣ (статистика). Въ январь 1866 г. онъ уже избранъ въ действительные члены Императорскаго русскаго географическаго общества. Вскорѣ затѣмъ представился случай и къ приложению на практикѣ запаса научнаго знанія: въ 1868—1869 гг. Императорское вольно-экономическое общество, совмѣстно съ русскимъ географическимъ, предприняло обширное изслѣдованіе состоянія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи. Работа эта была раздѣлена между нѣсколькими лицами, при чемъ на долю Юлія Эдуардовича,—вскорѣ сдѣлавшагося и членомъ Императорскаго вольно-экономического общества (съ 19-го декабря 1869 г.), досталось изслѣдованіе въ юго-западной Россіи, на что и было имъ употреблено лѣтнее время 1867—1868 гг. Результатомъ его изысканій были два большия тома въ „Трудахъ“ этой экспедиціи, вышедшия въ 1869 и 1870 гг. и содержащіе въ себѣ слѣдующія работы: „Нивскѣй и его районъ“, „Хлѣбная торговля на Волынѣ“ и „на самовозныхъ рынкахъ“, „Крымъ, его хлѣбопашество и хлѣбная торговля“, „Статистическое изслѣдованіе о хлѣбной торговлѣ въ Одесскомъ районѣ“

Каждая изъ этихъ работъ составляетъ весьма подробное, обстоятельное изслѣдованіе, съ множествомъ таблицъ и графическихъ изображений. Эти изслѣдованія прекрасно освѣтили положеніе нашего хлѣбнаго дѣла 20 лѣтъ тому назадъ и упрочили за профессоромъ Янсономъ славу статистика проницательнаго и самостоятельнаго, знакомящагося съ дѣломъ на мѣстѣ, а не основывающаго своихъ изслѣдованій на свѣдѣніяхъ, добываемыхъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Основательность работы сразу обнаружила въ ея авторѣ изъ ряда выходащее статистическое дарование. Съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ въ эти почти 25 лѣтъ, протекшія со времени этихъ изслѣдованій, съ обмеленіемъ рѣкъ и съ развитіемъ крестьянского земледѣлія, во многихъ мѣстностяхъ смѣнившаго собою помѣщичье,—многое измѣнилось въ характерѣ нашей хлѣбной торговли; собранныя комиссіей данныя и сдѣланніе ею выводы, по всейѣ вѣроятности, могутъ считаться уже устарѣвшими; но самые приемы работы, умѣніе и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу — остаются навсегда образцомъ для будущихъ изслѣдованій нашего жизненнаго вопроса, вопроса о главномъ источникѣ нашего государственного богатства.

Изслѣдованіе это доставило Юлію Эдуардовичу золотую медаль

Императорского русского географического общества, и вѣроятно оно же побудило Императорское Московское общество сельского хозяйства избрать его въ действительные члены. Въ 1876 г. онъ избранъ въ почетные члены Нижегородского статистического комитета.

Вторично къ участію въ изслѣдованіи вопроса государственной важности Янсонъ былъ приглашенъ въ 1877 году для участія въ засѣданіяхъ (Барановской) комиссіи для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи.

Занимаясь изслѣдованіемъ о хлѣбной торговлѣ Ю. Э. Янсонъ дѣлалъ попутно замѣтки и о другихъ, соприкасающихся отрасляхъ сельского хозяйства. Такъ, весьма интересный очеркъ даетъ его брошюра: „Изъ путевыхъ замѣтокъ—о свекловичномъ хозяйствѣ малороссійскихъ и западныхъ губерній (1867—68 года)“. Во время разѣздовъ своихъ по юго-западу Россіи автору часто приходилось наталкиваться на свѣдѣнія о свекловичномъ хозяйствѣ и о свекловичныхъ заводахъ; свѣдѣніями этими онъ и воспользовался для своего очерка. Названная брошюра прекрасно для того времени освѣщаетъ вопросъ о значеніи свеклосахарного производства и бытовую сторону рабочаго люда, занятаго при производствѣ свекловицы.

Интересна и общая характеристика мѣстности, посвѣщенной Юлемъ Эдуардовичемъ лѣтомъ въ 1868 году, подлежащей его изслѣдованію, какъ члена экспедиціи. Характеристика эта помѣщена въ „Краткомъ отчетѣ о поѣздкѣ въ теченіи лѣта 1868 г.“ Къ этому же роду работы относится докладъ „о влияніи реформы 1861 г. на сельское хозяйство и хлѣбную торговлю въ Юго-западныхъ губерніяхъ“, читанный въ торжественномъ собраниі Императорскаго вольно-экономическаго общества 31-го октября 1868 года. (Напечатанъ въ Трудахъ Вольно-экономического общества, 1868 г. томъ IV).

Сводка собранныхъ данныхъ по сельскому хозяйству потребовала отъ Юлія Эдуардовича громаднаго труда; тѣмъ не менѣе, только что окончивъ эту работу въ 1870 г., онъ въ началѣ 1871 г. уже защищаетъ свою докторскую диссертацию: „Направленіе въ научной обработкѣ нравственной статистики. Введение въ сравнительную статистику. Выпускъ 1-й, Кетлэ-Вагнеръ. Дюфо-Герри“.—Весьма интересное изслѣдованіе это ограничилось, къ сожалѣнію, только однимъ первымъ выпускомъ, въ которомъ разсмотрены критически школы нравственной статистики — соціально-физическая и аналитическая. Третью школу — соціально-этическую авторъ предполагалъ разсматривать во 2-мъ выпускѣ. Профессоръ Горловъ, въ отчетѣ объ этой

диссертациі, представленномъ въ юридической факультетъ,—сдѣлавъ подробный обзоръ содерянія книги, заключаетъ, что авторъ „вполнѣ показалъ знакомство съ статистическою литературою, особенно съ ея новѣйшими произведеніями, умѣніе ясно и систематически излагать ученія и отличать въ нихъ главные вопросы,—и независимость въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ“.

Вскорѣ послѣ приобрѣтенія степени доктора политической экономіи и статистики—Ясонъ возводится въ званіе экстраординарного, а въ концѣ 1871 г. въ званіе ординарного профессора по кафедрѣ политической экономіи и статистики, продолжая однако заниматься специально преподаваніемъ и руководствомъ студентами, желающими практическіи знакомиться съ статистическими пріемами.

Независимо отъ этихъ занятій, въ 1872 г. Юлій Эдуардовичъ принимаетъ дѣятельное участіе въ организаціи международнаго статистического конгресса, собравшагося, въ августѣ того года, въ С.-Петербургѣ.

Въ трудахъ этого конгресса, онъ выступилъ съ докладомъ о регистраціи и публикації фактъ по предмету движенія населенія (*Enregistrement et publication des faits relatifs au mouvement de la population*). Докладъ былъ одобренъ конгрессомъ, почти безъ замѣчаній, и напечатанъ въ его *Compte rendu*.

Конгрессъ этотъ имѣлъ несомнѣнно благотворные результаты, какъ для статистики вообще, такъ и для нашей отечественной. И въ то же время онъ расширилъ кругозоръ нашихъ экономистовъ, статистиковъ, юристовъ и др. ученыхъ, познакомивъ ихъ лицомъ къ лицу съ знаменитѣйшими представителями статистики въ Западной Европѣ.

Въ профессоръ Ясонъ конгрессъ этотъ возбудилъ, повидимому, между прочимъ, желаніе ознакомиться на мѣстѣ съ пріемами европейской статистики и—онъ добываетъ себѣ командировку, съ ученую цѣлью, за-границу, на лѣтнее время 1873 г. Вскорѣ его познанія обратили на себя вниманіе министерства народнаго просвѣщенія, которое и назначило его членомъ отъ министерства въ комиссію при Русскомъ географическомъ обществѣ, для устройства русскаго отдѣла Парижской географической выставки на Парижскомъ международномъ географическомъ конгрессѣ, куда и командировало его на лѣто 1875 г.

За дѣятельность свою на этомъ конгрессѣ Юлій Эдуардовичъ былъ избранъ въ члены—корреспонденты Парижского статистического общества (*Associé de la société de statistique de Paris*) и награжденъ отъ французскаго правительства званіемъ *Officier d'Academie*. Вскорѣ

затѣмъ онъ назначенъ членомъ отъ С.-Петербургскаго университета въ статистической Совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Командировки за границу повторялись потомъ: въ 1876 г. для участія въ статистическомъ конгрессѣ въ Пештѣ, гдѣ имъ прочитанъ былъ докладъ о преподаваніи статистики въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (*La statistique comme l'objet de l'enseignement primaire, secondaire et supérieur*, напечатанъ въ *Compte rendu* этого конгресса); далѣе—въ 1877, 78 и 86 годахъ—съ ученою цѣлью,—въ сентябрѣ 1887 г.—на конгрессъ гигиены и демографіи въ Вѣнѣ;—въ сентябрѣ 1891 г. туда же на засѣданія международнаго статистического института (*Institut international de statistique* учрежденъ въ 1885 г.) по званію члена онаго, полученному въ 1885 г. за дѣятельное участіе въ предшествовавшихъ статистическихъ съѣздахъ. Если припомнить, что, помимо преподавательскихъ занятій въ университетѣ и другихъ заведеніяхъ, покойный съмѣшъ трехъ 3-лѣтій (1876—1887 г.), несъ на себѣ хлопотливыя обязанности декана юридического факультета и не разъ исправлялъ должность ректора, какъ избранный совѣтомъ университета для замѣщенія ректора въ случаѣ его отсутствія и, наконецъ, что онъ продолжительное время, съ 1881 г. до кончины, стоялъ во главѣ и главнымъ работникомъ статистического отдѣленія С.-Петербургской городской управы, то невольно бретть удивленіе, какъ онъ находилъ еще время для обработки разныхъ ученыхъ трудовъ?

Дѣйствительно, и въ этой области дѣятельность его не прерывалась, несмотря на то, что все, кажется, складывалось къ тому, чтобы отвлечь его отъ кабинетной работы.

Уже вскорѣ послѣ докторской диссертациіи, въ 1873 г., появляется рядъ его сравнительно-статистическихъ этюдовъ въ разныхъ журналахъ.—А именно: въ журналѣ „Знаніе“: I. „Русскія данные о рождаемости (по материаламъ статистического кабинета С.-Петербургскаго университета)“; II. „Русскія данные о смертности“; III. „Русскія данные о бракахъ“.—„Смертность петербургскаго населенія по причинамъ смертей“ „Наши желѣзныя дороги въ сравненіи съ западноевропейскими“ Въ *Вѣстнике Европы* 1875 г.: „Населеніе Петербурга и его экономический и соціальный составъ по переписи 1869 г.“ —1881 г.: „Промыслы петербургскаго населенія“ Интереснымъ этюдамъ этимъ и самъ покойный придавалъ большое значеніе.

Къ этого-же рода работамъ принадлежитъ и позднѣйшая: „Но- выя данные о распределеніи половъ въ различныхъ странахъ зем-

ного шара", напечатанная въ „Журнале Русскаго Общества Охраненія Народнаго Здравія" (1891, январь), членомъ котораго Янсонъ состоялъ въ послѣднее время.

По существующему въ нашихъ университетахъ обычью каждый новый ординарный профессоръ приготовляетъ къ университетскому акту рѣчь или отчетъ. Юлю Эдуардовичу пришлось исполнить эту обязанность 8 февраля 1877 г. Рѣчь его „Очеркъ населенія европейскихъ государствъ", небольшая, но весьма интересная монографія. Сперва онъ взялъ было темою вопросъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ послѣ реформы 1861 г. Но тема эта при разработкѣ авторомъ оказалась не совсѣмъ удобною для торжественной рѣчи, по своей обширности и по самому характеру выводовъ. Она однако была напечатана уже въ январѣ 1877 г., подъ заглавиемъ: „Опытъ статистического изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ". Изслѣдованіе это оказалось на столько интереснымъ и поучительнымъ (какъ разъясненіе причинъ труднаго положенія крестьянъ послѣ значительной реформы, осуществившей, казалось, быстро поднять ихъ благосостояніе), — что понадобилось новое его изданіе, которое однако ему удалось выпустить въ свѣтъ только въ 1881 году. Это изданіе вышло въ увеличенномъ объемѣ, съ дополненіями по даннымъ нѣкоторыхъ новыхъ изслѣдованій и съ приложениемъ „очерка правительственныйыхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19-го февраля 1861 г.". Очеркъ этотъ первоначально былъ помещенъ въ журналъ „Русская Рѣчъ" (1880 г., книга I).

Этотъ „Опытъ" былъ крупнымъ вкладомъ въ нашу экономическую статистику. Предполагавшаяся торжественная рѣчь явилась во всемъ уборѣ серьезнаго научнаго изслѣдованія, основанного на неопровергнутыхъ, официально удостоѣренныхъ фактахъ. Такого изслѣдованія, впрочемъ, публика и erwѣ была ожидать отъ человѣка, уже столь блестательнымъ образомъ зарекомендовавшаго себя въ области статистическихъ изслѣдований своими трудами о хлѣбной промышленности¹⁾.

Въ изслѣдованіи о „Надѣлахъ" авторъ основывается на данныхъ, обнародованныхъ Комиссіями: податною и (Валуевской) для изслѣ-

¹⁾ Прекрасная оцѣнка изслѣдованій покойнаго о земледѣліи и крестьянствѣ содержится въ посвященіи ему одного изъ земскихъ изданий: „Профессору Юлю Эдуардовичу Янсону. Ваши труды по выясненію экономического положенія крестьянъ ждутъ благодарности многомилліоннаго, въ настоящее время слѣпого народа". „Благодарный крестьянинъ" (Издание Херсонской губ. земской управы: „Щербаковская волость, Елизаветградскаго уѣзда Херсонской губ. 1891 г.").

дованія сельского хозяйства. Матеріали этихъ комиссій, хотя и не составляли сокрета, но, какъ матеріалъ довольно сырой, мало интересовали общество. Надо было обработать ихъ научнымъ образомъ, заставить говорить вѣши цифры, — что и сдѣлано профессоромъ Янсономъ съ чрезвычайнымъ усвѣхомъ.

Выяснилось много печального и нежелательного. И не удивительны, поэтому, рѣзкие нападки на автора съ разныхъ сторонъ. Такъ, ставилась этой работѣ къ упреку вѣкоторая тенденціозность; на это, между прочимъ, указывалъ Самаринъ въ „Руси“. Говорилось, что авторъ слишкомъ категорически высказываетъ положеніе, что, освобождая крестьянъ, правительство намѣreno было надѣлить ихъ такимъ поземельнымъ надѣломъ, который не только обезпечивалъ бы ихъ быть, но и давалъ бы имъ полную возможность выполнять свои обязанности къ помѣщику и государству. Тогда какъ-де правительство исходило изъ положенія что „помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю“ Указывали, что авторъ упустилъ будто-бы изъ вида и то, что принято было за правило опредѣлять надѣлы по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ, на чемъ и остановились Редакціонныя Комміссіи въ принципѣ, то-есть, на существующихъ надѣлахъ съ вѣкоторыми поправками, какъ это и выражено въ Положеніи 19 февраля 1861 г.

Самаринъ упрекалъ Янсона еще за то, что онъ, доказавъ неопровергимо недостаточность надѣловъ, приходитъ къ выводу о необходимости ихъ удвоенія, безъ чего, говорить онъ, „всѣ другія попытки улучшения крестьянскаго хозяйства будутъ бессильны“. А между тѣмъ Янсонъ, опираясь все на то же убѣженіе къ недостаточности надѣловъ, совершенно рационально требуетъ пониженія крестьянскихъ платежей до уровня ихъ платежной способности, систематического выселенія ихъ изъ густо населенныхъ губерній въ менѣе населенный, — дешеваго кредита крестьянамъ для покупки земель, пересмотръ выкупной операции для пониженія выкупныхъ платежей и наконецъ — реформы по-датной системы.

Это были такие научные требования, къ которымъ должны бы, казалось, примкнуть всѣ благомыслиѧ люди. И сравнительно не вдольгъ послѣдствія оправдали выводы профессора Янсона, и само правительство стало принимать мѣры къ увеличенію надѣловъ содѣйствіемъ крестьянамъ къ покупкѣ земель, учрежденіемъ крестьянскаго банка и пр. и, наконецъ, содѣйствіемъ къ переселеній.

Не вина автора, что идея полной достаточности надѣловъ, кате-

горично выраженная въ Высочайшемъ реескрипте Назимову, оказалась потомъ не вполнѣ выполнимой.

Задачею автора, какъ онъ самъ объясняетъ въ предисловіи ко 2-му изданію, было „обобщить возможно большее количество фактовъ изъ хозяйственной жизни народа, хотя бы въ смыслѣ возбужденія вопросъ и направлениія вниманія на тѣ или другія стороны жизни“. Задача эта выполнена прекрасно и не вина автора, что обобщеніе это привело его именно къ печальнымъ, а не къ радостнымъ заключеніямъ.

Въ 1879 г. вышла подъ редакціей профессора Янсона „Исторія и теорія статистики“ въ переводѣ монографій Вагнера, Рюмелина, Эттингера и Швабе. Это пособіе для занимающихся статистикой—не случайный сборникъ: статьи, выбранные для перевода, подобраны такъ, что въ цѣломъ сборникъ можетъ служить руководствомъ по исторіи и теоріи статистики; а выборъ авторовъ таковъ, что вполнѣ обеспечиваетъ доброкачественность работы. Гдѣ было нужно—редакторомъ сдѣланы дополненія и поясненія для русской публики.

И въ то же самое время Юлій Эдуардовичъ работалъ надъ курсомъ „Сравнительной статистики Россіи и западно-европейскихъ государствъ“ 1-й томъ которой (Территорія и населеніе) вышелъ уже въ 1878 г. Затѣмъ въ 1880 г. вышелъ 2-й томъ: Промышленность и торговля. Отдѣль I: статистика сельского хозяйства“ ¹⁾.

Для нашего отечества статистика сельского хозяйства существенная часть статистическихъ изслѣдований. Систематической обработкой этого отдѣла Янсонъ положилъ основаніе для всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по этой отрасли нашей статистики. Да и иностранному изслѣдователю работа эта даетъ много интереснаго для выводовъ и сопоставленій.

Это сочиненіе тоже не простая сводка матеріала или компиляція. Особенно пополненіе русскаго матеріала потребовало много архивной работы. Такимъ образомъ 1-й выпускъ 2-го тома разросся въ большой томъ. 2-й выпускъ—„статистика производства торговыхъ растений“, „статистика лѣсного хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности“; 3-й—пути сообщенія и торговля“ готовились авторомъ къ печати. Еслибы ему довелось закончить это сочиненіе, то

¹⁾ Къ этому же времени относится очень обстоятельный обзоръ литературы по русской хозяйственной статистикѣ за 20 лѣтъ (1861—81 г.), составленный Янсономъ для Прусского Статистического Бюро. Онъ напечатанъ въ *Zeitschrift des K. Preuss. stat. Bureau's*, 1881 г. въ переводѣ Тун'a.

получился бы такой трудъ по сравнительной статистикѣ, какого нѣтъ еще и въ западной литературѣ. Въ предисловіи къ 1-му изданію авторъ справедливо оговаривался, что труда этотъ задуманъ быть можетъ слишкомъ смѣло при настоящемъ (70-хъ гг.) положеніи статистики—не только русской, но и западно-европейской. Задачу свою онъ, тѣмъ не менѣе, въ томъ, что издано, выполнилъ прекрасно.

Новое изданіе 1-го тома начато въ 1892 г. и почти окончено въ настоящее время печатаніемъ—въ приложениі къ „Журналу общества охраненія народнаго здравія“. По всей вѣроятности, докончить это сочиненіе авторъ предполагалъ послѣ обработки другаго своего сочиненія—„Теорія статистики“, какъ необходимаго руководства для университетскихъ слушателей. Первое изданіе „теоріи“ было отпечатано въ 1885 г., въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, исключительно для студентовъ университета и скоро разошлось по рукамъ. Въ предисловіи къ значительно переработанному 2-му изданію 1887 г., проф. Янсонъ весьма основательно заключаетъ, что потребность въ такой книжѣ — у насъ весьма значительна. Второе изданіе отличается отъ 1-го, между прочимъ, приложеніемъ образцовъ картограмъ и диаграммъ.

Авторъ скромно замѣчаетъ, что, при отсутствіи на русскомъ языкѣ достаточно полнаго руководства къ теоріи статистики,—книга его будетъ встрѣчена *sine ira et studio*. Но—ее встрѣтили конечно съ рас простертыми объятіями всѣ, мало малярски интересующіеся статистикой, не говоря уже объ имѣющихъ дѣло съ обработкой статистического материала¹⁾).

Въ три года изданіе это разошлось, а между тѣмъ наконилось не мало измѣненій и нововведеній въ области устройства статистическихъ учрежденій и наблюденій. Поэтому, предпринявъ 3-е изданіе, авторъ выпустилъ его въ новой переработкѣ въ 1889 году. Это послѣднее изданіе было увѣнчано отъ Императорской академіи наукъ, 19-го декабря 1892 г., золотою медалью въ 300 руб. и полной преміей, учрежденной въ память графа Дм. Акс. Толстаго, (въ 800 р.), съ изведеніемъ автора въ званіе члена—корреспондента Академіи наукъ. Эта была послѣдняя награда въ жизни нашего статистика и, конечно, самая цѣнная для ученаго. Полагаемъ, не будетъ лишнимъ привести небольшую выдержку изъ доклада объ этомъ сочиненіи, читан-

¹⁾ Съ этого изданія сдѣланъ переводъ на сербскій языкъ Милошевичемъ въ 1891 г. (Теоретика и практическая статистика. Преведо и допущено Райса Милошевичу Београду).

наго академикомъ К. С. Веселовскимъ въ историко-филологическомъ отдѣлении Академіи наукъ 25-го ноября 1892 года.

„Теорія статистики изложена г. Янсономъ весьма основательно, говоритъ г. Веселовскій, въ пяти большихъ отдѣлахъ, органически связанныхъ между собою строго обдуманною постановкою основной мысли о сущности и задачахъ статистики, какъ науки“ Определеніе статистики г. Янсономъ, какъ изученія тѣхъ явлений жизни общества которые могутъ быть предметомъ массового наблюденія и изслѣдованіе которыхъ требуетъ численнаго метода, а слѣдовательно—приложение математическихъ пріемовъ, г. Веселовскій вполнѣ одобряетъ, какъ имѣющее за собой несомнѣнное преимущество большей опредѣлительности въ сравненіи съ другими определеніями. „Будущіе успѣхи статистики, какъ науки наблюдательной, замѣчаетъ далѣе рецензентъ, вполнѣ зависятъ отъ усовершенствованія практики статистического наблюденія и вся „теорія“ г. Янсона имѣтъ собственно цѣлью содѣстновать этому именно усовершенствованію“. Далѣе—„самостоятельно относясь къ трудамъ главныхъ дѣятелей, способствовавшихъ развитію науки, авторъ не довольствуется простымъ изложеніемъ ихъ, но вездѣ сопровождаетъ свое изложеніе критическими, съ своей точки зрѣнія, замѣчаніями, который служить къ еще лучшему съ разныхъ сторонъ разясненію его собственного взгляда“.

Рецензентъ упрекаетъ, впрочемъ, автора, что онъ не упоминаетъ о трудахъ русскихъ ученыхъ по статистикѣ,—и называетъ иѣсколькихъ авторовъ, сочиненія которыхъ хотя „не участвовали и не могли участвовать въ выработкѣ взглядовъ на статистическую науку въ европейской литературѣ, но въ исторіи этой науки, назначенной для русскихъ читателей, было бы несправедливо обойти ихъ молчаніемъ“ Нѣкоторые недочеты, впрочемъ, онъ не ставитъ автору въ вину, находя, что они съ избытокомъ покрываются достоинствами его работы и замѣчаетъ далѣе: „ясное, строго логическое, идущее вглубь предмета, изложеніе основныхъ понатій о методахъ наблюденія и въ особенности статистического—даетъ отчетливое представлѣніе объ основаніи, на которомъ зиждется вся наука“.—„Изображеніе и разборъ нынѣшняго состоянія статистическихъ учрежденій въ европейскихъ государствахъ—большую частью основаны у г. Янсона на непосредственномъ изученіи первоисточниковъ“. Въ заключеніе рецензіи академикъ Веселовскій говоритъ: „это есть трудъ вполнѣ самостоятельный и оригиналъный, основанный на многолѣтнемъ изученіи первоисточниковъ, каковыми для него были—наблюденія надъ самой жизнью.“

„Сочинение представляет не только теорию, но и практику статистики въ такомъ объемѣ и въ такой полнотѣ, какой мы бы напрасно стали искать въ какомъ либо другомъ сочиненіи, не говоря о русской, но даже и въ болѣе богатыхъ иностранныхъ литературахъ.“ Это „необходимое надежное руководство и настольная книга для всѣхъ, служащихъ по статистической части во всѣхъ тѣхъ вѣдомствахъ, между которыми разчленена наша административная статистика.“

Г. Япсонъ своимъ ученикомъ, изложенными въ его „Теоріи статистики“ стремился возбудить въ своихъ слушателяхъ любовь къ изученію общественныхъ явлений, указать имъ высокій интересъ практической въ этомъ изученіи, ознакомить ихъ съ правильными методами познанія соціальныхъ явлений.“ Наконецъ, рекомендуй наградить автора первой золотою медалью и денежной наградой, г. Веселовскій заключаетъ, что „такое совмѣщеніе было бы для академіи средствомъ, не только воздать должное труду, принадлежащему къ числу самыхъ выдающихся явлений русской науки послѣдняго времени, но и выразить свое уваженіе почтенному ученому, неустанно трудившемуся цѣлую жизнь на пользу столь важной и нужной намъ науки и оказавшему ей несомнѣно большія услуги“.

Дѣятельность Юлия Эдуардовича въ званіи завѣдующаго, его стараніями устроеннымъ, статистическимъ отдѣленіемъ С.-Пб. городской управы, началась съ самого учрежденія этого отдѣленія въ 1881 г. „Здѣсь, какъ говорить академикъ Веселовскій, онъ осуществилъ на практикѣ указанія своего долголѣтнаго изученія постановки дѣла административной статистики. Петербургское бюро, по организаціи работы и правильности приемовъ статистического наблюденія, представлять собою учрежденіе образцовое“ По этому образцу устроены уже статистическое бюро въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ. Изъ разныхъ городовъ стекались къ нему запросы объ организаціи статистическихъ бюро и наблюденій. Чтобы отвѣтить на эти запросы онъ напечаталъ образцовое „ положеніе обѣ устройствѣ и дѣятельности городскихъ статистическихъ бюро“ и „обѣ устройствѣ переписей въ городахъ“.—Уже съ 1882 г. началось изданіе составляемаго по мысли и подъ руководствомъ неутомимаго профессора „Статистического Ежегодника С.-Петербург“ Это была первая и, можно сказать, блистательная попытка такого изданія въ Россіи. Изданія эти—систематические сборники материаловъ, чрезвычайно полезные и нужные для органовъ городского самоуправления, добросовѣстно относящихся къ своему дѣлу; ибо для правильной постановки ихъ дѣятельности они должны знать населеніе, для

и среди которого имъ приходится действовать, условия его жизни и что ему болѣе нужно. Выѣтъ съ тѣмъ Ежегодникъ даетъ материалъ для научнаго изученія жизненныхъ отиравленій этого крупнаго общественнаго союза, именуемаго Петербургомъ. Достаточно взглянуть на содержаніе 1-го выпуска, чтобы убѣдиться, что это не простая канцелярская работа. Тутъ вы найдете обстоятельно, научно обработанныя свѣдѣнія о пространствѣ города и его частей, о численности населенія и его физической годности, о его болѣзnenности, о несчастныхъ случаяхъ съ людьми, о движеніи населения, о промышленности и торговлѣ, о подвозѣ главныхъ предметовъ потребленія, о начальныхъ училищахъ, наконецъ объ извозномъ промыслѣ и о конно-желѣзныхъ дорогахъ.

Много лѣтъ состоялъ профессоръ Янсонъ также товарищемъ предсѣдателя С.-Петербургскаго губернскаго статистическаго комитета и ввѣль здѣсь нѣсколько существенныхъ улучшений, между прочимъ — карточную систему записей рождающихся и умершихъ. Одновременно съ Ежегодникомъ (съ 1884 г.) выходилъ подъ редакціей профессора Янсона „Сборникъ справочныхъ и статистическихъ свѣдѣній о благотворительности въ С.-Петербургѣ“.

Руководя дѣятельностью городскаго статистическаго отдѣленія, издавая и готовя къ печати новыя сочиненія и этюды¹⁾, онъ въ то же время неустанно работалъ надъ громаднѣйшимъ трудомъ по переписи нашей столицы.

Плодомъ этой работы были издапія: 1) „С.-Петербургъ по переписи 15-го декабря 1881 г.“ — 2 тома въ 7-ми выпускахъ gr. in folio. Главнейшіе выводы изъ этой переписи были сообщены Янсономъ въ собраниі Думы 18-го октября 1884 г. Докладъ этотъ напечатанъ отдѣльной брошюрою. Здѣсь, указавъ свои общіе выводы, авторъ, съ полнымъ основаніемъ замѣчаетъ, что „они не исчерпываютъ и ничтожной доли того, что найдеть исследователь въ 7 фоліантахъ изданія переписи“ 2) „С.-Петербургъ по переписи 15-го декабря 1890 г.“, 4 части in 4°, съ приложениемъ картограммъ. Это послѣднее изданіе окончено въ 1892 г. За перепись 1890 г. профессоръ Янсонъ удостоенъ Высочайшей благодарности.

Надъ переписями Юлій Эдуардовичъ работалъ, повидимому, съ

¹⁾ Какъ напримѣръ: „Несчастные случаи съ людьми (въ Сиб.) въ 1880 г.“; Смертность въ Петербургѣ за 1889 г., „Вліяніе эпидеміи гриппа на осенне вспышение смертности“ Сиб. 1890 г. (въ журналѣ „Врачъ“ 1890 г.).

особеннымъ увлечениемъ, справедливо сознавая, что знаніе числа населенія, его распределенія по территоріи и по роду занятій составляетъ первѣйшія условія для большинства государственныхъ мѣропріятій. Оборудовавъ перепись населенія столицы, онъ душою желалъ побудить и другіе города къ производству переписей, какъ объ этомъ можно заключить по статьямъ его: „О техникѣ переписей населенія въ примѣненіи къ русскимъ городамъ“ (помѣщены въ „Сѣверномъ Вѣстнике“ 1891 г.), дающими краткое и ясное руководство для такихъ переписей. И думаю не ошибусь, если скажу, что производство всеобщей народной переписи,—необходимость въ которой съ каждымъ годомъ больше и больше чувствуется—составляло завѣтную мечту нашего глубоко-ученаго статистика, и совершение ея было бы величайшимъ его торжествомъ, послѣ которого онъ съ спокойнымъ сердцемъ могъ-бы сказать себѣ: „нынѣ отпущаеш“ Но не такъ судила судьба!

Остается утѣшаться тѣмъ, что въ трудахъ, оставленныхъ покойнымъ, будущіе работники по статистикѣ всегда найдутъ прекрасное руководство для своихъ работъ и для разрѣшенія возникающихъ недоразумѣній¹⁾.

Будущему историку текущаго втораго 50-лѣтія нашего университета придется, помнить имена отошедшихъ въ вѣчность его дѣятелей, не разъ помянуть профессора Яисона, и не только какъ профессора, но и какъ долговременнаго участника въ административной и хозяйственной жизни университета. Рѣдко кому приходилось такъ долго быть деканомъ и столь часто исполнять обязанности ректора. Неоднократное переизбрание его факультетомъ на должность декана служитъ доказательствомъ, что факультетъ видѣлъ въ немъ лицо, не только вполнѣ способное вести обязанности декана, но и нести ихъ не тяготясь и безъ упущеній, не смотря на массу другихъ занятій.

Это было, повидимому, принято въ соображеніе и высшимъ начальствомъ: когда съ введеніемъ новаго устава университетовъ, деканы выборные замѣнены были деканами по назначению начальства, то Юлій Эдуардовичъ былъ оставляемъ въ этомъ званіи. Но опу-

¹⁾ Въ теоріи статистики послѣ разбора съ теоретической практической стороны производства переписей въ большинствѣ государствъ Западной Европы и разбора нашихъ „ревизій“, Яисонъ даетъ и проектъ будущей переписи для Россіи, въ упомянаніи, что когда-нибудь и у насъ будетъ произведена настоящая общая перепись, по всѣмъ правиламъ, выработаннымъ для этого дѣла наукой и практикой.

тительная перемѣна во внутренней жизни университета, происшедшая въ 1887 г., заставила его просить увольненія отъ должности декана. Не случись этого обстоятельства, онъ, вѣроятно, и умеръ бы деканомъ.

Характеръ Юлия Эдуардовича былъ честный и прямой: онъ не обижаясь высказывать свое мнѣніе, можетъ быть не всякому и не всегда приятное. Но при этомъ и несогласные съ нимъ не могли не сознавать, что онъ выражаетъ свой истинный взглядъ за дѣло, говорить по внутреннему убѣждѣнію, безъ всякой задней мысли.

Можетъ быть, въ дѣлахъ факультетскихъ онъ былъ иногда слишкомъ прямолинеенъ, слишкомъ настаивалъ на проведеніи своего мнѣнія; но и тутъ всѣ видѣли, что мнѣніе это онъ искренно считаетъ наиболѣе вѣрнымъ и предлагаемую мѣру наиболѣе ведущую къ цѣли.

То же можно сказать и объ отношеніяхъ его къ студентамъ: онъ былъ къ нимъ строго справедливъ, что не всегда всѣмъ нравится. И действительно, иные были имъ недовольны; учащаяся молодежь любить, чтобы къ ней были снисходительны; но по не заглохшему еще въ ней чувству правды, она въ то же время сознаетъ въ душѣ, справедливо ли или несправедливо ей въ томъ или другомъ отка-зываются. Изъ отношеній Юлия Эдуардовича къ студентамъ из-вѣсты факты, что подъ сурою иногда варужностью у него билось теплое сердце и что, на сколько позволяло соблюденіе справедливости, онъ дѣлалъ все возможное.

Обращаясь, наконецъ, къ дѣятельности Юлия Эдуардовича какъ профессора, можно видѣть уже изъ вышесказанного, что дѣятельность эта была въ высокой степени плодотворна. Не довольствуясь теоретическимъ преподаваніемъ съ кафедры, онъ старался давать слушателямъ своимъ практическое знакомство съ дѣломъ, для чего и учредилъ при университѣтѣ статистической семинарій, въ которомъ подъ руководствомъ его разрабатывались статистические материалы. Участіе въ этихъ занятіяхъ сдѣлало было для студентовъ бывшаго административного разряда обязательнымъ; для юридического разряда занятія хотя и не были обязательны, но всегда оказывались желающіе работать.

Для удобства этихъ занятій юридический факультетъ, по представленію профессора Янсона, исходатайствовалъ уже въ 1871 году дозвolenіе на учрежденіе особаго статистического кабинета, съ обширной при немъ статистической библіотекой и помѣщеніемъ для занятій студентовъ. И, конечно, кабинетъ этотъ подготовилъ уже не мало лицъ, умѣющихъ понимать и обрабатывать статистическія данные, читать ихъ внутренній смыслъ.

Стараніями Юлія Эдуардовича нашъ статистіческій кабинетъ поставленъ такъ, какъ едва-ли поставлены подобныя учрежденія и въ заграничныхъ университетахъ. Постоянно заботясь объ обогащеніи библіотеки кабинета, онъ ревниво хлопоталъ о назначеніи ему постоянной суммы на приобрѣтеніе новыхъ изданій, списывался съ разными учрежденіями и лицами, въ Россіи и за границей, о даровой высылкѣ ихъ изданій и, наконецъ, въ 1887 году принесъ въ даръ значительную часть своей обширной статистической библіотеки, съ заявлениемъ, что и все книжное богатство, какое послѣ него останется, онъ завѣщаетъ университету же¹⁾.

Можно смѣло сказать, что труды профессора Иисона въ области избранной имъ науки еще долгое и долгое время будутъ служить руководствомъ будущимъ дѣятелямъ нашей статистики. А университетъ нашъ, конечно, никогда не забудетъ плодотворной дѣятельности своего „заслуженного“ профессора и будетъ читать его память.

И надо надѣяться, что не встрѣтится препятствій къ удовлетворенію единодушнаго желанія юридического факультета украсить посвѣщеніе статистического кабинета портретомъ его основателя.

В. Лебедевъ.

¹⁾ Книги эти уже и переданы кабинету семействомъ Юлія Эдуардовича.

ЗАМѢТКИ КЪ ДВУМЪ АМИКЛЕЙСКИМЪ НАДПИСЯМЪ.

По порученію Аеинскаго Археологическаго Общества, производи-
лись въ 1890 году, подъ руководствомъ эфора Цунды, раскопки на
мѣстѣ древней святыни Аполлона Амиклейскаго, на восточной сторонѣ
холма τῆς ἀγίας Κυριακῆς, лежащаго къ югу отъ Спарты, въ разстояніи
одного часа пути отъ нея, по направлению къ Гиѳию. Результаты
этихъ раскопокъ изложены въ статьѣ Цунды: 'Ἐκ τοῦ Ἀμικλαίου, по-
мѣщенной въ первой тетради Ἐφημερίδος Ἀρχαιολογικῆς за 1892 годъ,
на стр. 1—26. Тамъ же, на стр. 19 сл., издано 8 новыхъ надписей.
Къ двумъ изъ нихъ я и позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ.

I.

'Ἐφημ. Ἀρχαιολ. 1892. р. 19. № 1.
Ἡ πόλις

Πομπηίαν Πόλλαν Θε-
οξένου, τὴν ἀρχηῖδα καὶ
θεωρὸν διὰ βίου τοῦ σεμνο-
τάτου ἀγῶνος τῷ Ὑακυνθί-
ων, εωφροσύνης τε καὶ σε-
μνότητος καὶ τῆς ἀλλης πά-
σῃς πρετῆς τῆς ἐν γυναιξὶν
ἔνεκα, προσδέξαμένων τὸ ἀ-
νάλωμα Τιβερίου Κλαυδίου
Αἰλίου Πρατολέου τοῦ καὶ Δα-
μοκρατίδεως καὶ Κλαυδίας Δα-
μοσθενείας, τῷ ἐκγόνῳν.

По характеру письма, эта надпись не древнеѣ I вѣка до Р. Хр. Въ примѣчаніи къ ней, Цунда замѣчаетъ: ἐν τῇ ἐπιγραφῇ νέοι εἶναι οἱ τίτλοι ἀρχητὶς καὶ θεωρὸς διὰ βίου τοῦ ἀγῶνος τῶν Ὑακινθίων χορίος εἴπειν καὶ οὗτοι δέν εἶναι νέοι, διότι ἐν C. I. G. 1440 εὑρηται ἡ αὐτὴ ἀκριβῆς φράσις, χολοφὴ δρός· ο δὲ Boeckh διστιστῶν φαίνεται εἰς τὸ ἀντίγραφον (тоб Fourmont) δέν παρέλαβεν αὐτὴν εἰς τὴν μεταγραφὴν οὐδὲ ἡμιτύπεσσεν. Амиклейская надпись C. I. G. 1440, по своему содержанию, вполне тождественна съ разбираемою: она представляетъ постановление въ честь Мемміи Ксено克ратіи, дочери Дексимаха, жрицы хаты γένος. На строкахъ 5—6 эпиграфической копіи читается: ΑΡΧΗΙΔΑ ΚΑΙΓΟΝΙΑΤΙΟΥ τοῦ σερινούτατοο ἀγῶνος τῶν Ὑακινθίων и т. д. По сравненію съ разбираемою надписью, въ этихъ строкахъ должно, вѣроятно, читать: ἀρχητὶδα καὶ θεωρὸν διὰ βίου и т. д. вместо испорченаго ΓΟΝΙΑΤΙΟΥ¹⁾.

Τι σημαίνει ἡ λέξις ἀρχητὶς ἀγωνῶν, замѣчаетъ Цунда. Слово ἀρχητὶς новое, его неѣть въ „Thesaurus Linguae graecae“ Стефана, не попадается оно, насколько мнѣ известно, и въ надписяхъ²⁾). Какъ греческій титулъ, его слѣдуетъ, думается мнѣ, сопоставлять, по его значенію, съ известными намъ дельфійскимъ греческимъ титуломъ ἀρχητῆς. Въ Дельфахъ совершался чрезъ каждые два года праздникъ въ честь Диониса, гробница которого, по преданію, находилась въ здѣствѣ Аполлонова храма. Во время этого праздника совершалось таинственное жертвоприношеніе на гробницѣ Диониса, а дельфійскія и аттическія женщины выходили съ факелами на Парнасъ и здѣсь совершали оргіи въ честь Диониса. Женщины эти назывались δοιάδες и имѣли особую предводительницу ἡ τῶν θυσάδων ἀρχητῆς³⁾). Вспомнимъ, что и въ амиклейской святынѣ, подъ „трономъ“ Аполлона, находилась, по преданію, могила Іакинеа, любимца Аполлона, убитаго имъ случайно при игрѣ въ диски⁴⁾; тамъ совершиались, во время праздника Іакинеї, какія то ночные торжества (Евріп. Елен. 1470)⁵⁾. Очень

¹⁾ Бѣкъ примѣчаетъ къ надписи: Vs. Οὐαὶ (Syll. II, 28, p. 272) vult ἀρχητὶδα, non recte opinor. Vs. 6 init. licet litterae non addicant, vix tamen aliud latere potest, quam ἀγωνοδέτιν, ut. n. 1444, 15.

²⁾ Образовано оно по образцу ἴερητὶς. Ср. C. Insor. Gr. Graec. Septentr. I, 113.

³⁾ Ср. В. В. Латышевъ, Очеркъ греческихъ древностей, ч. 2, С.-Пб. 1889, стр. 161.

⁴⁾ Объ этомъ мнѣ см. Roscher, Ausf\u00fchrlches Lexikon der griech u. r\u00f6m. Mythologie, I, Sp. 2759.

⁵⁾ Объ Іакинеїахъ см. P. Stengel, Griechische Kultusaltert\u00fclmer въ Handbuch der klass. Altertums-Wissenschaft Ивана Миллера, V, 3, S. 173 сл.

можетъ быть, что и во время этого праздника спартанскія и амиклейскія женщины принимали участіе въ чествованіи Іакинеа, выражавшееся въ какихъ-нибудь особыхъ, намъ неизвѣстныхъ формахъ. Предводительница этихъ женщинъ и носила титулъ ἀρχής.

Оеорама назывались священные посы отъ разныхъ эллинскихъ государствъ, принимавшіе участіе въ праздникахъ. До сихъ поръ не было извѣстно, что оеоры бывали пожизненные и притомъ женщины. Въ нашей надписи подъ θεωρὸς дѣлъ βίοο, я думаю, должно разумѣть спартанскую жительницу. Спарта, вѣроятно, имѣла предсѣдательство на Іакинеяхъ; у нея былъ пожизненный оеоръ на этихъ праздникахъ.

Изъ числа ранѣе извѣстныхъ амиклейскихъ надписей, многія, подобно разбираемой, содержать почетныя постановленія въ честь женщинъ: С. I. G. 1434—1440, 1443 1446, 1449. 1451, 1456 (ср. новую надпись 'Εφημ. 'Αρχιοл. 1892 р. 25, № 8). Всѣ онѣ хвалятся за ревностное исполненіе различныхъ, относящихся къ культу, обязанностей. Несомнѣнно, что въ религіозной жизни Амикль и близкой къ нимъ Спарты женщины играли далеко не послѣднюю роль.

Что касается заключительной формулы разбираемой надписи: προσδѣκμένου τὸ ἀνάλωμα и т. д., то она встрѣчалась не разъ и раньше въ амиклейскихъ надписяхъ: С. I. G. 1402, 1403, 1435—1437, 1443—1446, 1449. Ср. 'Εφημ. 'Αρχιοл. 1892 р. 19, № 2; р. 25, № 8. Обыкновенно „такія издержки принимаются на себя“ близкие родственники чествуемой: мужъ, отецъ, мать, сынъ и т. п.; въ одной надписи С. I. G. 1449 упоминается, въ качествѣ проѣдѣξиа́нѣи, τὸ ἀνάλωμα, бабушка, η τῆθη.

II.

'Εφημ. 'Αρχιολ. 1892. р. 19—20, № [Н πόλις]

Τιθέμενον Κλαύδιον Πρατόλαφον]
 Βρασιδον ἀγοραν....
 ἐπὶ τὰς ὁδοὺς ἐ....
 ἀνυπερβλήτω π[ερὶ τὴν]
 ἀρχὴν καὶ λιτοργή[ιαν φι].
 λοτειμία Η προσδε[ξα]-
 μένων τὸ ἀνάλωμα Τι-
 θερίου Κλαύδιου Αἰλίου
 Πρατολάου τοῦ καὶ Δρυ-

χριτίδου ιερέως κατὰ τὴν
νοῦ Καρνείου Βοικέτα
καὶ Καρνείου Δρομάτου καὶ
Ποσειδῶνος Δωριατεῖτα
καὶ Ἐραχλέους Γενάρχα
καὶ Κόρας καὶ Τεμενίου
τῶν ἐν τῷ "Ἐλεῖ καὶ τῶν συν-
καθειδρούμενων θεῶν
ἐν τοῖς προγενεραμμέ-
νοις ἴσροις καὶ Κλαυδίαις
Δαροσθενείτης τῶν

ταῖδων. (Помѣщенная въ нашей коліи дополненія
принадлежать Цундѣ).

Упоминаемый въ этой надписи Тив. Клавдій Протолай—сынъ Врасида
и Помпей Поллы, въ честь которой составлена была выше разобранная
надпись. Въ 3 и 4 строкахъ надписи Цундѣ предлагаетъ возстановленія:
ἀγορανόμον καὶ ἐπὶ τας ὁδούς ἐ[πὶ]... Прежде всего, думаю, въ концѣ
4-ой строки, послѣ ἐπὶ, надо еще вставить τῆς: иначе строка выходитъ
слишкомъ коротко по сравненію съ другими. Даѣтъ можно усъ-
мниться въ правильности возстановленія Цундѣ: ἀγορανόμον καὶ ἐπὶ¹⁾
τας ὁδούς. Насколько мнѣ извѣстно, въ надписяхъ не встрѣчается
соединеніе ἀγορανόμον καὶ ἐπὶ τας ὁδούς. Можно было бы примиряться
съ возстановленіемъ Цундѣ, если бы была возможность вставить
между καὶ и ἐπὶ τας ὁδούς-τόу. Но въ такомъ случаѣ. 3-я строка на-
дписи выйдетъ непомѣрно длинною сравнительно съ остальными (24
буквы, тогда какъ самая длинная изъ сохранившихся вполнѣ строки
надписи—13-я—содержитъ 22 буквы, да и тамъ дѣй послѣднія буквы
AI меньше другихъ; въ остальныхъ строкахъ число сохранившихся
буквъ колеблется между 16—20). Мнѣ думается, что союза καὶ между
словами: ἀγορανόμον и ἐπὶ τας ὁδούς вставлять не надо (тогда число
буквъ въ 3-й строкѣ будетъ 18). Остается пояснить: возможно ли
соединеніе ἀγορανόμον ἐπὶ τας ὁδούς?

Обязанность греческихъ агораномовъ заключалась въ надзорѣ
за рынками; собственно надзоръ за городомъ, а слѣдовательно и
за дорогами принадлежалъ особымъ чиновникамъ астиномамъ¹⁾. Но

¹⁾ Въ Аѳинахъ упоминаются особые чиновники, числомъ пять, надзирающие
за дорогами — ὁδοτοιοι Aristot. Αθην. πολ., 54. Ср. G. Busolt, Die griechi-
schen Staats- und Rechtsaltertumser, 2 изд., S. 245 (Lud. Müller, Handbuch der

иногда обязанности астиномовъ передавались агорономамъ. Это намъ до куиентально засвидѣтельствовано, по крайней мѣрѣ, относительно афинского государства пирейской надписью^{320/319} г. до Р. Хр. *Dittenberger, Sylloge inscriptionum graecarum* 337, II. 18 сл.: ἐπειδὴ δὲ καὶ ἡ τῶν ἀστονόμων ἐπιμέλεια προστέτακται τοῖς ἀγορανόμοις, ἐπιμεληθῆναι τοὺς ἀγορανόμους; τῶν ὅδων τῶν πλαταιῶν и т. д.¹⁾). Можно думать, что и въ Амиклахъ, подобно тому какъ въ Пиреѣ, обязанности астиномовъ были въ рукахъ агорономовъ, которые и подѣлили между собою свои обязанности въ томъ смыслѣ, что одни надзирали специально за рынкомъ, другіе за дорогами и т. д. Отсюда и въ разбираемой надписи, вѣроятно, можно читать: ἀγορανόμοι ἐπὶ ταῖς ὁδοῖς.

Отмѣчу, какъ рѣдко встрѣчающійся въ надписяхъ, знакъ раздѣленія — И въ 7-й строкѣ нашей надписи²⁾.

Что касается упоминаемыхъ въ нашей надписи божествъ, то они встрѣчались уже въ раїѣ известной амиклейской надписи С. I. G. 1446 въ честь упоминаемой въ нашей надписи Клавдіи Дамосееніи, дочери Гиверія Клавдія Протолая, которая, подобно своему отцу, была юриса кататеус тѣхъ же божествъ. Послѣднія упоминаются также въ одной новой амиклейской надписи въ честь какой-то женщины (имя ея не сохранилось): 'Εφρ. 'Αρχαιολ. 1892, р. 25, № 8.

Карунеос, который въ разбираемой надписи является съ эпитетами Волеатес (или Οἰχάτες) и Дромаїос³⁾, было древнее божество, которое позже отожествлялось съ Аполлономъ⁴⁾. По замѣчанію Höfer'a (Roscher, Lexikon d. gr. u. röm. Myth. Lief. 23, Sp. 965), кульпт Карнія былъ, вѣроятно, распространенъ у Ахейцевъ до вторженія въ

klass. Altertums Wissenschaft. IV, 1, 1). Въ Спарѣ, подъ непосредственномъ властью которыхъ находились Амиклы (С. I. G. 1338 упоминаетъ объ особомъ ἐπιμελѣтѣ Арихлѣнѣ), было 8 агорономовъ. Ср. Busolt, с., S. 117 и сводъ эпиграфическихъ данныхъ у R. Häderli, Die hellenischen Astynomen und Agoranomen vornehmlich im alten Athen. Jahrbücher für klass. Philologie. XV Supplementband (1887), 52.

¹⁾ Ср. также примѣчаніе Диттенбергера къ этому мѣсту, р. 444.

²⁾ До сихъ порь этотъ знакъ попался одинъ разъ въ афинской надписи С. I. A. III. 768. Ср. Larfeld, Griechische Epigraphik: Iw. Müller, Handbuch P. S. 551.

³⁾ Δρομαῖον видѣто предложенного Бѣкомъ восстановленія Δρομᾶ[έρ]о; должно читать въ С. I. G. 1446.

⁴⁾ Ср. статью *Vige Karmios* въ „Лексиконѣ“ Рощера, Lief. 23. Sp. 961, где перечисляются известныя до сихъ порь мѣста культа Карнія.

Пелопоннисъ дорянъ. Интересно отмѣтить, въ данномъ случаѣ, то, что въ Амиклахъ, которая, какъ известно, были средоточиемъ ахейскаго населения въ Пелопоннисѣ до пришествія дорянъ (ср. K. O. Müller, *Orchomenos und die Mynter*², Breslau 1844, S. 310 сл.), культь Карнія сохранился и въ послѣдующее время, когда городъ потерялъ свою независимость.

О культь въ Спартѣ Посидона Доматита, гдѣ у него было свое ісрѡу, упоминаетъ Павсаній III. 14. 7.

Существование въ Амиклахъ культа злевсинскихъ богинь заświadдательствовано не одною амиклейской надписью. Ср. C. I. G. 1435, 1436, 1446, 1449. 'Ефру. 'Археол. 1892. р. 23, № 6).

Въ разбираемой надписи 'вмѣстѣ съ Корою упоминается Теменій о которомъ намъ ничего неизвѣстно. Цунда, въ объясненіи данной надписи, указывая на текстъ Павсанія III. 13, 2 думаетъ видѣть въ Теменіи Орфея или Аварида. Вѣроятнѣе всего, что Теменій былъ какимъ-нибудь мѣстнымъ героемъ¹).

Относительно выраженія тѣу єв "Елеа", ср. замѣчаніе Бѣка къ C. I. G. 1444: "Ело; non oppidum est quod dicitur Helotum. sed vicus vel suburbanum Spartae.

С. Жебелевъ.

¹⁾ Sam. Wide, *Lakonische Kulte*, Leipzig 1893, S. 296 сл., соглашалась съ Пундою относительно Теменія, замѣчаетъ: Τεμένος ist „der Stifter oder Hütter eines Τέμανος“ oder „der ἐν τῷ τεμένει begrabene, verehrte“. Seine Verbindung mit Kore spricht dafür, dass wir hier mit einer der mannigfachen Hadesbezeichnungen zu thun haben“.

ЧЕТЫРЕ ЭПИНИКІЯ ПІНДАРА ВЪ ЧЕСТЬ ІЕРОНА СИРАКУЗ- СКАГО И ЭТНЕЙСКАГО ¹⁾.

І-й Олімпійскій эпиникій Іерону Сиракузскому, въ честь его
побѣды на скачкѣ.

Всего прекраснѣе вода ¹⁾; золото, какъ пылающій ночью огонь.
занимаетъ первое мѣсто среди гордаго богатства ²⁾; если же ты,
милое сердце, стремишсь воспѣвать побѣды на играхъ, то не взирая
на другое блестящее свѣтило, которое сквозь пустынныи ³⁾ эозиръ
могло бы днемъ изливать болѣе теплые лучи, чѣмъ солнце: такъ и
намъ никогда не придется воспѣвать состязанія, славнейшия Олім-
пійскихъ. Ими внушенный ⁴⁾ многославный гимнъ вѣначаетъ мысли
поэтовъ, и они славятъ сына Крона, приходя къ обильному, благо-
словенному очагу Іерона, который бледеть жезль правосудія въ
обильной стадами Сициліи, срывая цвѣты со всѣхъ добродѣтелей ⁵⁾.
Онъ же услаждаетъ свой слухъ цвѣтами поэзіи—тѣми пѣснями, ко-
торыя мы часто шутя ⁶⁾ поемъ за его гостепріимныи столомъ. Но
пора снять со стѣнъ Дорійскую лиру ⁷⁾, если только слава Пизы
и Ференика ⁸⁾ воодушевили, пѣвецъ, твою душу сладкини думами,
когда этотъ конь на берегахъ Алфея пронесся на ристалищѣ и, не
требуя шпоръ, пріобщилъ къ побѣдѣ своего господина, Сиракузскаго
славнаго конями царя; и снять его слава въ многолюдномъ поселен-
іи Лидійца Пелопа, котораго возлюбилъ многомощный содержатель
земли Посидонъ уже въ то время, когда Клото принесла его изъ чи-
стой купели съ плечомъ, блиставшимъ подобно слоновой кости ⁹⁾.
Конечно, есть много на свѣтѣ чудесъ, но рѣчи смертныхъ часто
вопреки истинному смыслу преданія вводятъ насъ въ обманъ своею

¹⁾ Продолженіе. См. январскую книжку Журн. Мѣн. Нар. Пр. за текущій
годъ.

пестрою ложью ¹⁰). Харита, которой одною живеть все сладостное для смертныхъ, очень часто благодаря своему вліянию дѣлаетъ правдоподобнымъ даже то, чему не слѣдуетъ вѣрить. Но грядущіе дни суть мудрѣшіе свидѣтели. Человѣку же приличествуетъ 'о божествахъ говорить лишь прекрасное: его вина будетъ меныше ¹¹). О сынъ Тантала, мой разказъ о тебѣ будетъ противорѣчить моимъ предшественникамъ ¹²).

Когда твой отецъ пригласилъ боговъ на честный пиръ ¹³) въ своей любезныи Синиль, предлагая имъ въ свой чередъ ¹⁴) гостепріимство, тогда-то богъ съ блестящимъ трезубцомъ, воспылавъ страстью любовью, похитилъ тебя на золотыхъ коняхъ, и ты переселился въ высокіе чертоги широкочтимаго Зевса, куда въ послѣдующее время былъ вознесенъ и Ганимедъ для такого-же служенія Зевсу ¹⁵). Когда же ты сдѣлался невидимымъ (для смертныхъ), и слуги, посаѣ долгихъ поисковоъ, не привели тебя къ матери,—тотчасъ кто-то изъ завистливыхъ сосѣдей втихомолку распустилъ слухъ, что тебя можно разрубили на куски и бросили въ ключомъ кипящую воду, и потому, вокругъ столовъ, раздѣлили послѣдніе куски мяса и съѣли ¹⁶).

Но мнѣ невозможно обвинить кого нибудь изъ блаженныхъ въ чревоугодіи. Прочь отъ меня черныя мысли ¹⁷!). Злая участъ не разъ была удѣломъ злорѣчивыхъ ¹⁸). Нѣть, если только кто изъ смертныхъ былъ возвеличенъ стражами Олимпа,—то былъ Танталь. Но не смогъ онъ выѣстить великое благо; пресыщенный имъ, онъ ввергъ себя въ неслыханную бѣду: его отецъ водрузилъ надъ нимъ висящій громадный камень ¹⁹), и Танталь, вѣчно стремясь свергнуть его съ головы, стала далекъ отъ полнаго счастья. И онъ влечитъ такую жизнь, полную неиспѣлимыхъ бѣствий, полную мукъ, четвертую казнь выѣстъ съ тремя другими ²⁰), за то, что, укравъ у боговъ нектаръ и амброзію, которыми они сдѣлали его бессмертнымъ, Танталь предложилъ ихъ на пиру своимъ друзьямъ. Велика ошибка того, кто надѣется скрыть свои дѣла отъ бога!

За это бессмертные возвратили ему сына обратно къ кратковѣчному племени людскому.

Когда-же вступивъ въ цвѣтущиі возрасты, Пелопъ увидѣлъ, что его подбородокъ покрывается чериющими пухомъ, герой замыслилъ ²¹) попытаться добыть себѣ въ жены въ Пизѣ у отца славную Ипподамію. Близко подойдя къ покрытому чѣною морю, одинъ во мракѣ ночи онъ сталъ призывать тяжко-шумящаго бога, вооруженнаго трезубцемъ. И богъ явился у самыхъ его ногъ ²²). Пелопъ сказалъ ему:

„О Посидонъ, если сладкие дары Киприды когда нибудь служили тебѣ усадою, — то отврати отъ меня мѣдное копье Иномая и на быстрой колесницѣ пронеси меня въ Элиду и даруй мнѣ побѣду. Затѣбивъ уже тринацать жениховъ Иномай каждый разъ откладываетъ бракъ дочери. Великая опасность не манить къ себѣ лишь безсильнаго труса; но тѣмъ, кто знаетъ, что смерть неизбѣжна, зачѣмъ бесполезно во мракѣ влачить безъименную старость, чуждаясь всего прекраснаго ²³⁾? Я избралъ для себя богатырскій подвигъ, ты же даруй мнѣ желанный исходъ“

Такъ говорилъ Пелопъ, и его просьбы не были напрасны: окружая его славою, богъ даровалъ ему золотую колесницу и незнающихъ усталости крылатыхъ коней. Пелопъ одолѣлъ силу Иномая и овладѣлъ дѣвою; ставъ его супругою, она родила ему шесть царственныхъ сыновъ, твердыхъ въ добродѣтели. Въ наши дни прахъ героя у потока Алфея чтится блестящими жертвоприношеніями, и его могильный холмъ съ его жертвеникомъ часто посѣщаются чужеземцы изъ разныхъ странъ.

Слава Олимпійскихъ игръ издалека сіяетъ на ристалищахъ Пелопа, гдѣ спорять и быстрота ногъ, и силы могучаго тѣла, а побѣдитель во все грядущее время наслаждается сладостнымъ вѣдромъ за свои подвиги. Вѣчное, неизмѣнное, ежедневное благо есть высшее, чего можетъ достигнуть смертный. Но мнѣ должно увѣнчать Іерона исадническою нѣсенью на Эолійскій ладъ ²⁴⁾), и я увѣренъ, что мнѣ не придется прославлять славными строфами гимновъ другаго гостя, столь-же искуснаго въ прекрасныхъ дѣлахъ и болѣе могущественнаго въ своей власти—среди всѣхъ нынѣ живущихъ ²⁵⁾). Богъ, твой покровитель, исполняетъ твои надежды, Іеронъ, принимая ихъ близко къ сердцу, и если онъ внезапно тебя не покинетъ, то я надѣюсь прославить еще болѣе сладкую побѣду ²⁶⁾— побѣду на быстрой колесницѣ,—и найти для нея подобающей путь словъ, прида къ далеко видному Кронію. Муза питаетъ мою могучую стрѣлу силою ²⁷⁾; другіе велики въ другомъ; вершина величия—удѣль царей: не устремляй же своихъ взоровъ далѣе. Итакъ, да будетъ твоимъ удѣломъ все время жизни идти на высотѣ, а мнѣ да будетъ дано столь-же долго ²⁸⁾ сливать свою пѣснь съ побѣдоносными мужами и славиться даромъ нѣсень повсюду у грековъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) "Аркетон мѣнѣ бѣшор. Это изреченіе Пиндара уже въ древности получило большую популярность. Схоласти въ этихъ словахъ поэта видѣли намекъ на четыре стихіи,—сравниваемыя поэтомъ съ четырьмя общественными играми грековъ: 'Επειδὴ τέσσαρές εἰσιν ἀγάνες, 'Ολύμπια, Νέμaea, Τεῦθրια καὶ Πόθια, οἱ μὲν τρεῖς δὲ Ψελοποννήσου, δὲ τὸν Πυθีον ἐν Δελφοῖς τινόβιον... ἔστι δὲ καὶ τέσσαρες στοχεῖα τὰ τὸ πᾶν συνιεῖσθαι, πῦρ, ἄρη, θῦμος, γῆ. Вѣроятно, на основаніи такого толкованія схолаистовъ, Г. Германъ счелъ эти слова за „ein Philosophem Pindars“; хотя со свойственнымъ ему чутью, признать въ нихъ слишкомъ „общее выраженіе“ (*Allgemeinheit des Ausdrucks*). Дѣйствительно, было бы слишкомъ смѣло приписывать Пиндару желаніе въ этихъ словахъ выразить свое сочувствіе къ той философіи, которая учила о водѣ, какъ о первоначальной творческой силѣ природы. Такому заключенію мѣшаетъ и приведенный нами текстъ схолаиста, который въ числѣ четырехъ стихій отводить водѣ лишь третье мѣсто. Во всякомъ случаѣ то-же сопоставленіе воды съ золотомъ, и при томъ безъ посредства „огня“, мы находимъ въ Ol. III 42: δὲ ἄριστες μὲν θῦμος, κτεάνων δὲ χρῶος αἰδοῖστατον. Упоминаніе воды, золота огня и солнца, какъ кажется, вполнѣ вѣрно приведено въ связь съ тремя богами, покровителями Олимпійскихъ игръ. См. Böhmer, 60: Das Wasser ist das Element des Poseidon (брюстъ; Ody, 13, 142); das ewigströmende Feuer eignet dem Zeus (P. 1, 6),—das Gold ist ein Ausfluss von ihm (Fragm. 222, Ol. VII, 50, P. XII, 17, Isthm., VII. 5), von seinem Feuer; Sonnengott ist Apollon. Посидону здесь отведено первое мѣсто, такъ какъ въ центральномъ пункѣ оды (օρφαλός) разказывается миѳъ о Пелопѣ, где главную роль играеть именаѳ этотъ богъ. Такимъ образомъ изъ четырехъ приводимыхъ схолаистомъ стихій Пиндарь съ намѣреніемъ на первое мѣсто поставилъ воду, какъ стихію Посидона. Не рѣшай вопроса, позволяющій себѣ указать на аналогичное мѣсто русскаго писателя, глубокаго знатока и почитателя природы: „Все хорошо въ природѣ, но вода—красота всей природы“ (Аксаковъ, т. VI, стр. 111).

2) μεγάνορος ἔσσος πλούτου—обычный способъ выраженія древнихъ поэтовъ: quod quae res superbova magnificosque reddit, poetica translatione ipsa superbit (Boeckh). Припомнить и „pallida шогъ“ римскихъ поэтовъ.

3) ἑράς δὲ αἰθέρος, κτѣл. Смысла всего мѣста таковъ: какъ вода есть краса природы, какъ золото превосходить всѣ другія сокровища, какъ солнце своимъ свѣтотъ застилаетъ другія свѣтила, такъ Олимпійскіи игры—выше всѣхъ другихъ, и поэту невозможно найти болѣе блестательный предметъ для восхваленія. Отъ Олимпійскихъ игръ (θεοвъ) поэтъ переходитъ къ тому, что одержалъ на нихъ побѣду, то-есть, къ Ерону, который достигъ „вершинъ всѣхъ доблестей“ и въ то-же время находитъ удовольствіе и въ „цвѣтахъ музыки“, собирая вокругъ своего стола „лучшихъ поэтовъ и ученыхъ Греціи“

4) θεοὶ δὲ πολὺφοτος φυροὶ φυριβάλτεται σοφῶν μητίσοι, κελαδὲν Κρονοῦ ποιεῖς διφερὸν ἵκερνον μάκαρον Τέρφωνο; ἔστιν—мѣсто затруднительное для пониманія. Глаголъ ἀριζόσθλοу у Пиндара, кроме нашего мѣста, встрѣчается еще только одинъ разъ: P. V, 30 sq.: ἀλλ' ἄριστάρχοτον θεῖται Κροταλίας ζευκεῖσις τέρψ-

ἀμφέραλε τετάσιν κόμας. По словам схолиаста—и метафора́ ἀπὸ τῶν στεφάνων. Das Lied schlingt sich um den Geist der Sänger. Der Dichter kommt mit dem Liede begränzt zu Hieron, um dann dem Sieger den Kranz zu übergeben (Mezger). Böhmer ссылается на II. II, 41: ἔγρατο δ' ἐξ ὅπου, θεῖη δέ μιν ἀμφέροτ' αμφὶ Ι. X, 535: ἵππων μ' ὄχικοδών ἀμφὶ κτύος οὐσατε βάλλει. Да же, рукописи даются три чтения: ικομένους, ικομένοις и ικομένοις—объ этом см. Т. Mommsen Annotationes criticae supplementum ad Pindari Olympias, p. 1 sq. Келадеи—то есть, шоте κελαδεῖν cf. Р. I, 68—διακρίνειν ἔτυμον λόγου συθρόπων. Полуфатос—multum celebratus—ср. N. VII, 81: Διὸς δὲ μερυμένος ἀμφὶ Νερέα πολύφατον (полупатов) θρόνον δύνει ἀσυχῆ; Р. XI, 47: 'Ολυμπίᾳ ἀγώνον πολύφατων ἔσχον θάνατον. Поэтому едва ли можно принять объяснение Böhmer'a—wortreich, von Vielen in Worte gefasst. Die vielen Lieder auf Einen Sieg sind nur mannigfache Gestaltungen Eines Hymnos.

5) Начав съ похвалы Олимпийскимъ играмъ, поэзъ искусно переходитъ къ Иерону и прославлению его Олимпийской победы. Иеронъ, по вѣрному замѣчанию Мецгера—Фризе, срываетъ со всѣхъ доблестей ихъ вершину, то есть, лучшій цвѣтъ: δρέπων μὲν κορυφὴς ἀρετῶν ἀπὸ ταῦτα; иначе толкуютъ эти слова Диссенъ, а за нимъ Buchholz: die vorzüglichsten unter den Tugenden rückend, что едва ли вѣрно. Параллельно съ этою мыслью надо понимать и слова δύλαιστα: δὲ καὶ μοισχάς εἰς ἀώτῳ, то есть, Иеронъ усаждаетъ свой слухъ цвѣтомъ музыки, то есть, имѣть возможность слушать пѣсни лучшихъ пѣвцовъ и поэтовъ Элады, которыхъ онъ собралъ вокругъ своего гостепримного стола.

6) οἵα πάζομεν φίλαν ἁνδρες ἀμφὶ θύρᾳ τρίπεζαν. Πάζειν von Musik und Orchestrik Hymn. Hom. auf. Apoll. 201, 206; hier die musischen πάζειν der ἁνδρες gegenüber dem Siegeshymnos zur Dorischen Phorminx. Die Phorminx greift wohl erst mit der Epode ein, mit der Erzählung des Mythos (Böhmer).

7) Въ концѣ оды самъ поэтъ называетъ ритмы оды золівскими: ἐμὲ στεφανισσαὶ καίνον ἴππική γέμισι Αἰόληδι: μολπῷ χρῆ. Это противорѣчие съ „Дорійскою“ лирою объясняютъ различно. Бѣкъ примиряетъ эти свидѣтельства тѣмъ, что акомнинментъ лиры былъ въ Дорійскомъ стилѣ, а самое пѣніе (следовательно, и ритмы) было Золівское. См. De metris Pindari, lib. III, c. 10, p. 256 sq. c. XV, 276: cantum odae huius fuisse Aeolensem, eitharam Doriam. При этомъ Бѣкъ опровергаетъ мнѣніе Г. Германа, (De dial. Pindari observationes Opusc. I, 262 sq.), который пытался доказать, что „Doriam eitharam ideo ibi appellari, quod Hypodoria sit, Hypodoria autem nihil differat ab Aeolensi“. Хотя Бѣкъ доказалъ, что такого подраздѣленія на ритмы подъ—дорійскій, подъ—фригійскій, подъ—лидійскій во время Пиндара не могло быть (см. De metris Р., lib. III, c. VIII), однако это не помѣшило въ наши дни de Jongh'у повторить мнѣніе Германа (см. Мецгеръ, p. 89). Едва ли также удачно объясненіе Шнейдевина: Fortasse tamquam poeta simpliciter Doricam dixit, ut qua rex Doriensis in occo saecelebraretur. Такъ почти понимаетъ и Böhmer: Dorische Phorminx, da es dem für alles Dorische eingemessen Herscher gilt. Лично намъ кажется всего правдоподобнѣе объясненіе того же Готфр. Германа. Въ выносѣ къ указанному мѣсту своихъ замѣтокъ о диалектѣ Пиндара, Германъ говорить: Praestabit, opinor, Δωρῖαν φόρμιττα de

poessi Doria, non de modis musicis intelligi. Еще рѣшительнѣе объ этомъ онъ высказался въ рецензіи Диссеновскаго изданія Пиндара (Opusc. VI, 50): Wer sieht nicht, dass der Dichter, wenn er sagt: „nimm die Dorische Cither“, nichts anderes meint, als: „so will ich nun ein erhabnes Lied singen“. Такъ понимали и некоторые сколасти, ссылаясь на слова самого поэта: ὅτι Διηρεστὶ συντέταχται ἐπικύνιος περὶ δὲ τῆς Διηρεστὶ ἀρμονία; εἴρηται γάρ Παιάσιν, ὅτι Δόριον μέλος αρμονίας ἔστι (другихъ указаній на цитируемый сколаистомъ позывъ до насъ не дошло).

8) еї тѣ то: Πισσ; тѣ και Ференіху χάρις υδονѣ ѿно гдѣ уложитѣся єнѣже фронтіи. Сопоставленіе словъ Пісса (мѣсто игръ) и Ференіху (кона, одержавшаго побѣду) нѣсколько странно для насъ, но въ духѣ Пиндара. Ференикъ тотъ же скакунъ, который упоминается въ III Піеійскомъ эпиникіи.

9) Этими словами Пиндарь приготавляетъ своихъ слушателей къ тѣмъ перемѣнамъ, которыя онъ намѣревается сдѣлать въ миѳѣ о Пелопѣ. Герой уже отъ рожденія имѣлъ блеставшее бѣлизною плечо, чтѣ и вызвало любовь Посидона. По свидѣтельству холіаста, и всѣ потомки Пелопа отличались тою же пріимѣтою.

10) Η θαυματὰ πολλὰ και βροτῶν φάτις; ὑπερ τὸν ἀλαθὴ λόγου δεδα: διλέμενοι φεύδεται: ποικίλοις ἔξαπτασθυ: δῖθι. Scribendum: καὶ ποὺ τι και βροτῶν λόγου υπερ τὸν ἀλαθὴ φάτις δεδαδιλέμενω φεύδεται: ποικίλοις ἔξαπτασθυ: μύθῳ, h. e. saepe etiam hominum fama (sive fabulae) sermone speciosis mendaciis supra veritatem exornato fallit: poetas enim culpat, qui antiquam famam non ut populii ore fertur memoriam produnt, sed suopte ingenio figurantis exornant et amplificant (Bergk, 50); иначе tolкуетъ Мешгеръ: ставя точку посль лόгоу, онъ переводить такъ: „Ja, es gibt viel Wunderbares; aber bisweilen geht (zu fatis hat, man ort erganzen) das Gerede der Menschen sogar noch uber den wahren Sachverhalt hinaus; es tanschen die mit bunten Dichtungen geschmackten Mythen“... Der Dichter beteuert also an dieser Stelle seinen Glauben an Wunder, figt aber sogleich bei, dass man deswegen noch nicht alles zu glauben brauche, was die Leute sagen, da in den Mythen manches uber die Wirklichkeit hinaus ausgehmkckt werde“. Это объясненіе принялъ и Вѣхмеръ.

11) єстъ: δ' φύδρι φάμεν δοκιδῷ: ἀμφὶ διαμόνων καλά: μείων γέρε αἰσθία, то-есть, если уже импровизировать миѳы о богахъ, то человѣкъ долженъ стараться, чтобы миѳы эти были лестны для боговъ: если онъ и впадетъ въ ошибку, скажетъ что-либо лишнее, то вина его не такъ велика, какъ того, который присочинитъ позорящую бога подробность.

12) Υὲ Ταντάλο, οὐδὲ δ' ἄντια προτέρων φύέζομα: своимъ предшественниками Пиндарь называетъ поэта, ранѣе его затронувшихъ миѳъ о Пелопѣ.

13) ὁπότ' ἐκάλεσε πατήρ τὸν γόνομότατον ἐς ἑρανον φίλαν τε Σίπιολον. Эпитетъ γόνομόтатоս указываетъ на ту сторону Пелопова миѳа, которая особенно противна возврѣніямъ поэта, то-есть, на святотатственное прирѣство, предложенное богамъ отцомъ Пелопа Танталомъ. Многіе комментаторы не безъ основанія видѣть подобный же намѣръ и въ предшествовавшихъ словахъ ἐπι: νῦν καθαρὸς λέρθος ἐξελε Κλωѳѡ.

14) ἀροιζῆται δεῖκνα—въ отплату за приглашеніе къ столу боговъ.

15) Ζηνὶ τωδὲ' єтѣ χρέօс—напрасно Диссенъ старался объяснить эти слова съ точки зреія христіанской нравственности. Пиндарь, какъ ни возвышенны

были его возвращения на боговъ, все былъ грекомъ. На истинный смыслъ этихъ словъ указываютъ непосредственно съдующія: διερέντι φένας ἴμερφ, а раньше: μεγαθενής ἐράσσωτο Γαιόχος Ποσειδᾶν. Ср. Hermann, Opusc., VI, 54 и 56.

16) τρ πέπαιοι τ' ἀμφὶ δεύτατα κρεῶν αἴδεν διεδάσκατο καὶ φάγον. Рукописи даютъ два чтенія: δεύтата и δεύтата. Boeckh и Дессенъ признали послѣднее. Мы следовали толкованию Böhrmer'a Tantalos habe sein Kind geopfert. Es sei zum zweiten Mal herumgereicht (δεύтата) und dann noch der Rest (δεύтата), so dass gar nichts übriggeblieben. Auch die Götter hätten mitgegessen. Nachher erzählte man, nur Demeter habe etwas gegessen, ein Schulterstück, daher die Götter, die alshald den Pelops wieder herstellten, die Schulter durch Elfenbein ersetzten.

17) ἐρὶ δ' ἀπορεί γαστριμαργον μακάρων τοι' εἰπεῖν ἀφίσταμαι. Варварскія подробности святотатственнаго пира повергають поэта въ ужасъ, такъ какъ такія вещи разказываютъ про боговъ „Kein Wunder, справедливо замѣчаетъ Менгеръ, wenn er sich plötzlich erschreckt von solch widerwärtigem Bilde abwendet und die Rede abbricht“.

18) ἀκέρδει λελογχεν θαμνιτικαγόρο;—ср. Р. II: εἰς δὲ χρέων φεύγειν δύχος; ινόν κακαγόρου;

19) κόρων ἔλεν ἄταν ὑπέροπλον, αν πατήρ κρέμασε τερόυ λιθον—ср. Р. II: δόλον κατῷ θέσαν Σηνὸς παλάμαι, καλὸν πῆμα.

20) ἄρει ἄπλι βίον τοῦτον ἐμβέδομοχον, мета троицу τέταρτον πόνον. Послѣднія слова вызвали много догадокъ у схолиастовъ, см. Boeckh, II, 37—38. Въ настоящее время вполнѣ отвергнуто объясненіе Бѣка и Раухенштейна рѣтѣ троицъ ἀνδρῶν, то-есть, что Танталъ свою казнь увеличилъ число троицъ преступниковъ—Титія, Исхіона и Сизифа. По недопускающему сомнѣнію Германа послѣ троицу можно подразумѣвать лишь πόνον: Diesen scheint denen beizutreten, welche πόνων suppliren, was unstreitig die richtige Erklrung ist, da sie nicht nur ganz natrlich und fast nothwendig in den Worten liegt, sondern sich auch auf den Homer sttzt, dessen Zeugniß fr das ganze Alterthum die bewahrteste Quelle ist (Op. VI, 60). Такимъ образомъ вопросъ сводится къ тому, чтъ Пиндарь подразумѣваетъ подъ «четвертою казнью». Голодъ, жажды и висящій надъ головою камень—вотъ три наказанія, соотвѣтствующія преступленіямъ Тантала: наслажденіе нектаромъ и амвросіемъ смыслина головъ и жажду; вѣчный страхъ, причиняемый постоянно угрожающимъ паденiemъ камня—прежнюю беззаботную жизнь (*εὐφρότοντος ἄλλατα*). Схолиасты къ голоду и жаждѣ присоединяютъ въ видѣ третьаго наказанія усталость, такъ какъ Танталъ осужденъ постоянно стоять на ногахъ; следовательно, четвертою казнью является именно висящій надъ его головою камень. Ногѣйшіе комментаторы (Comparatti и Böhrmer), отвергая третью казнь (усталость) признаютъ за три первыя голодъ, жажду и камень; въ четвертой же видѣть бессмертие, которое Танталъ получилъ за столомъ бессмертныхъ: такимъ образомъ онъ лишенъ надежды на то, что его муки когда-нибудь прекратятся; наконецъ Менгеръ принимаетъ толкованіе итальянскаго ученаго Камарды, который четвертою казнью считаетъ то, что боги, послѣ преступленія Тантала, удалили съ Олимпа его сына, вернувъ

его къ людамъ и лишивъ бессмертия: тойчеха проѣжденіи сіо ѿмѣніи
метѣ тѣ траубѣтъ аѣтс ачѣршъ єѳнос.

21) єтоімоион анефронтисев таюон—єпсі пасі паѳегенто: ѿѳло; үзр үн тѣ чикѡнти
(Schol.). Мы затруднились дословно перевести эпитетъ єтоімои, такъ какъ пе-
реводъ „всѣмъ доступный, открытый для всѣхъ бракъ“ могъ бы повести къ
двусмыслию.

22) Вся эта прекрасная картина, очевидно, наставлена подобною же сце-
ною въ Илiadѣ, I, 348 sq.

23) Ср. Pyth. IV, 185: μή τινα λεπόμανον τὰν ἀκίνδυνον παρά ματρὶ μένει
αιῶνα πέσσοντ' ἀλλ' ἐπὶ καὶ θανάτῳ φέρματον καλλιστὸν ἔσταις ἀρετᾶς ἀλιξιν εὐρέαθα:
сѹн ѕлло;.

24) κείνον іпкі үбмф—пѣснию, подобающею всаднику. Аіоліїді молкѣ см.
примѣч. 7-е.

25) πέποιθα δὲ ξένον μή τιν' ὄφρότερος καλῶν τε Ἱόριν ἀλλὰ καὶ δύναμιν χωρί-
терον τῶν γε νῦν κλυταῖς διδιδαλωσμένων ὅρνων πτυχαῖς. Иеронъ называетъ Ѿенос, какъ
гость на Олимпийскихъ играхъ. Многихъ толкователей смущало сопостав-
ление положительной степени καλῶν те Ἱόριν и сравнительной δύναμιν χωρίтеров,
откуда и конъктура Бергка, принятая Гартунгомъ ѿѣллонъ ѹори: ѣ; мы не вид-
имъ настоятельной надобности менять текстъ этого мѣста. "Үруновъ птыхаи;—
всѣ изгибы, модуляціи размѣра и музыки.

26) Побѣда на колесницаѣ считалась высшою честью.

27) 'Ероі μὲν ὁ Μόδος ςартерѡтатов ѿѣлос ѕлкѣ трѣфа. Намъ кажется, что
эта метафора заимствована отъ стрѣль, напитанныхъ ядомъ. Мы уже разъ-
видѣли, что Пиндарь любить сравнивать свои стихи со стрѣлами.

28) єрѣ Ѯе таозѣ чихафօроис ѿилакін. Мы передали таозѣ соответственно
предшествовавшему табтою ѿрону. Германъ понимаетъ въ смыслѣ „аскій
разъ“, какъ Иеронъ одерживаетъ побѣду.

Анализъ.

Для того, чтобы определить основную поэтическую идею переведенныхъ нами эпиникіевъ Пиндара въ честь побѣдъ Иерона Сиракузскаго, чтобы выяснить ихъ основную мысль, необходимо сопоставить эти эпиникіи между собою, найти между ними общую связь, указать ихъ сходство или отличие, какъ въ главныхъ составныхъ частяхъ эпиникія, такъ и въ отдѣльныхъ мысляхъ или образахъ поэта. Этимъ путемъ сравнительного анализа 4-хъ эпиникіевъ, посвященныхъ Иерону, мы надѣемся, съ одной стороны, установить надлежащую точку зре-
ния на отношеніе Пиндара къ Иерону, какъ къ наиболѣе видному
представителю той категории правителей отдѣльныхъ греческихъ
общинъ, которую принято называть тираннами, то-есть полнов-
ластными распорядителями политическихъ и экономическихъ отно-
шений и условій данного города или общинъ. Установивъ эту точку

зрѣнія на отношеніе поэта къ Ерону, мы облегчимъ себѣ въ общихъ чертахъ нашу послѣдующую задачу относительно опредѣленія взгля-
довъ Пиндара на другихъ сильныхъ міра, каковы Фиронъ Агригент-
скій или Аркесилай Киринскій, и избавимъ себя отъ необходимости
въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей работы останавливаться слишкомъ по-
дробно на аналогичныхъ фактахъ въ поэтической дѣятельности на-
шего поэта.

Съ другой стороны нашъ сравнительный анализъ имѣть въ виду,
помимо политическихъ возврѣній Пиндара, выяснить и общіе приемы
его поэтическаго творчества въ области эпиникія. Какъ мы отчасти
видѣли, вопросъ этотъ различными толкователями еиванскаго поэта
разсматривается различно и съ разныхъ точекъ зренія. Сравненіе
переведенныхъ нами четырехъ эпиникіевъ въ значительной степени
облегчить пониманіе всѣхъ послѣдующихъ, такъ какъ во всѣхъ
ихъ поэтъ, за немногими исключеніями, слѣдуетъ тѣмъ же приемамъ.
используется тѣми же поэтическими средствами, тѣмъ же общимъ пла-
номъ, руководящимъ его въ слаганіи побѣдныхъ пѣсенъ.

Нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что центральный
пунктъ „мифа“ Пиндаровыхъ эпиникіевъ составляетъ та ихъ часть,
въ которой разказывается міеъ. Эта міенческая часть почти всегда
занимаетъ середину стихотворенія и наполняетъ собою значительней-
шее количество строкъ.

Вотъ какъ въ общихъ чертахъ характеризуетъ структуру эпиникіевъ Пиндара Круазе въ своемъ прекрасномъ трудѣ, на который
намъ уже приходилось и еще не разъ придется ссылаться: „Общий
планъ оды Пиндара можетъ быть сведенъ приблизительно къ слѣ-
дующему типу: въ началѣ мы находимъ упоминаніе объ одержанной
побѣдѣ и болѣе или менѣе бѣглое указаніе на содержаніе оды. то-
есть на ту точку зренія, съ которой поэтъ съ своей стороны смотрѣть
на побѣду своего героя. Далѣе, въ центральной части слѣдуетъ раз-
витіе этого содержанія, почти всегда на почвѣ міеа. Наконецъ, въ
послѣдней части поэтъ обращается съ новыми хвалами къ побѣдителю
часто сопровождая ихъ пожеланіями и увѣщаніями“¹⁾. Что касается
отношенія этихъ трехъ частей къ раздѣленію эпиникія на тріады, то
слѣдуетъ замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ наиболѣе распро-
странена часть міенческая. Въ большинствѣ одь приступъ занимаетъ
одну тріаду, міеъ—двѣ; или три, и заключеніе одну послѣднюю“¹⁾.

¹⁾ Croiset, La poésie de Pindare et les lois du lyrisme grec, Р 1880, p. 361.

Слѣдя этому общему плану структуры Пиндарова эпиникия, мы начнемъ нашъ сравнительный анализъ Иероновыхъ одѣ сличеніемъ ихъ центральныхъ частей, то-есть тѣхъ миѳовъ, которые поэтъ положилъ въ ихъ основу. Въ этомъ отношеніи вниманіе изслѣдователя прежде всего невольно останавливается на замѣчательномъ единствеѣ нравственной идеи, лежащей въ разказываемыхъ поэтомъ миѳахъ. Во всѣхъ 4-хъ эпиникияхъ, посвященныхъ побѣдамъ Іерона, рѣчь идетъ о смертныхъ людяхъ, удостоенныхъ особаго благоволенія боговъ, но не умѣвшихъ остаться въ предѣлахъ дарованнаго имъ свыше необычнаго счастья. Такъ во II Пиѳ. эпиникіи Пиндаръ повѣствуетъ намъ объ Иксіонѣ, который, совершивъ преступленіе, удостоился особой милости Зевса. Владыка боговъ очистивъ его отъ преступленія, допустилъ Иксіона въ свои черготы и къ столу бессмертныхъ. За такія благодѣянія Иксіонъ отплатилъ Зевсу святотатственнымъ покушеніемъ на его супругу. Танталъ (Ол. I), удостоенный отъ боговъ такими-же милостями, такъ-же оказался не на высотѣ дарованнаго ему счастія и беззаконно подѣлился дающими бессмертіе яствами блаженныхъ со своими друзьями. И про того, и про другаго Пиндарь, опредѣляя ихъ проступокъ, выражается почти тождественными словами: Р II, 26 μακρὸν οὐχ ὀπέμεναν βλέψον Ol. I, 55 ἀλλὰ γὰρ καταπέφατ μετανά
βλέψον οὐχ ἀδυνάσθη. Равнымъ образомъ и Хиронъ (Р III), которому даровали искусство лечить болѣзни людей, прензопелъ мѣру, дозволенную его смертной природѣ и дерзнуль употребить во зло дарованное ему знаніе попытко вызвать къ жизни уже умершаго. Въ той-же одѣ Коронида презрѣла любовь бога, осквернивъ ее беззаконною связью съ чужестранцемъ.

За такія святотатства, сущность которыхъ, по ясно выраженому воззрѣнію поэта, заключается въ преступленіи той границы, которая неукоснительно отдѣляетъ смертныхъ отъ блаженныхъ, боги нещадно караютъ виновника: Иксіонъ прикованъ къ четыремъ сициамъ вѣчно врачающагося колеса; Танталъ находится подъ вѣчнымъ страхомъ висящей надъ нимъ скалы; Тифонъ¹⁾ низверженъ подъ подавляющую громаду Эты; Коронида поражена стрѣлою Артемиды; Хиронъ лишенъ жизни въ самый моментъ беззаконнаго опыта. Такимъ образомъ, общій выводъ, мораль басни (миѳа) не можетъ, по нашему мнѣнію,

¹⁾ Тифонъ (Пиѳ. I) въ разбираемыхъ эпиникияхъ есть единственнымъ преступникъ, захвѣтаніе которого недостаточно опредѣлено поэтомъ. Но и онъ „супротивникъ боговъ“.

подлежать сомнѣнію. Всѣ миѳы въ 4-хъ эпиникіяхъ, посвященныхъ Іерону, ясно говорить: „Человѣкъ долженъ сознавать, что онъ не болѣе, какъ смертное существо. Всякая попытка переступить черезъ тотъ порогъ, который отдѣляетъ человѣка отъ бога, влечетъ къ неизбѣжной и неумолимой карѣ“. Этотъ невольно напрашивающейся выводъ изъ сравненія идеи, лежащей въ основѣ разказанныхъ поэтомъ миѳовъ, приводить насъ къ заключенію, что подборъ этихъ миѳовъ не случайный; что поэтъ въ выборѣ миѳовъ руководился извѣстною опредѣленною идеюю. Но какъ-же согласить такой предостерегающей и суровый смыслъ эпиникіевъ, посвященныхъ Іерону съ ихъ назначениемъ—прославить его побѣды? Быть можетъ, при нашей точкѣ зрѣнія, современному читателю покажется страннымъ, что въ стихотвореніяхъ, цѣль которыхъ заключается въ прославлении побѣдителя, мы встрѣчаемъ черты, которая при первомъ взглядѣ не служать предположенной поэтомъ цѣли, а напротивъ, заключаютъ въ себѣ горькія истины, которая едва-ли было пріятно слышать побѣдителю отъ того поэта, которому поручено было воспѣть одержанную имъ побѣду. Но это-то видимое противорѣчіе болѣе всего знакомить насъ съ независимостью поэтическаго дара Пиндара, переносить насъ въ сферу свободныхъ отношеній поэта къ воспѣваемому имъ герою, а главное, вполнѣ снимаетъ съ Пиндара ту вину, которую ему навязали многие изъ современныхъ критиковъ. Очень часто приходилось слышать такое обвиненіе, тяготѣвшее надъ еиванскимъ поэтомъ: Пиндарь пѣвецъ продажный; онъ сочинялъ свои эпиники за извѣстную заранѣе условленную плату, воспѣвая лишь тѣхъ побѣдителей, которые могли заплатить ему болѣе солидную сумму; такимъ образомъ, изъ сферы чистаго, поэтическаго творчества онъ перенесъ свою музу на базарь. Другими словами, этотъ поэтъ первый размѣнялъ свое дарование на ходячую монету. Въ этомъ обвиненіи есть доля истины, но лишь въ томъ смыслѣ, что еиванскій поэтъ бралъ плату за свои произведения; но обвинять его въ низкопоклонствѣ, грубой лести, было-бы такъ-же несправедливо, какъ обвинять современныхъ поэтовъ за получаемый ими гонораръ. Если-бы Пиндарь, получая вознагражденіе за свои эпиники, въ томъ или другомъ отношеніи становился рабомъ получаемой имъ платы, то, безъ сомнѣнія, онъ сумѣлъ бы подобрать болѣе подходящіе миѳы, въ которыхъ воспѣваемый имъ герой-побѣдитель не нашелъ бы ничего оскорбляющаго его честолюбіе.

Таково общее заключеніе, къ которому приводятъ насъ идеи, лежащія въ основѣ миѳовъ Іероновыхъ оды. Намъ слѣдуетъ теперь

обратиться къ вопросу, каково отношеніе этихъ миѳовъ къ самой личности Герона и фактамъ его жизни, о которыхъ мы говорили въ нашемъ введеніи. Но прежде чѣмъ затронуть эту сторону значенія разбираемыхъ эпиникіевъ, мы считаемъ необходимымъ остановиться на иномъ элементѣ этого рода стихотвореній, который, не составляя самъ по себѣ отдельной, самостоятельной части, тѣмъ не менѣе является неизбѣжнымъ признакомъ каждого эпиникія. Мы говоримъ о тѣхъ афоризмахъ, въ которыхъ поэтъ высказываетъ свои этическія воззрѣнія, придавая имъ прозербіальную форму, а иногда и прямо пользуясь уже готовыми, находящимися въ устахъ народа пословицами. Такими афоризмами поэтъ очень часто отмѣчаетъ переходъ отъ одной части стихотворенія къ другой или отъ одной мысли къ новой, но главное значеніе этихъ гномическихъ фразъ заключается въ томъ, что при помошіи ихъ поэтъ опредѣляетъ свою личную точку зрѣнія на аллегорическое значеніе разсказанныго миѳа и, следовательно, помогаетъ своимъ слушателямъ уловить его дидактический смыслъ, дать возможность самому герою торжества читать между строками хвалебнаго гимна самыя задушевныя мысли поэта.

Относительно тѣхъ афоризмовъ, которые тамъ и сямъ разсѣяны въ разбираемыхъ одахъ, нельзя не признать ихъ полного соответствія съ тѣмъ нравоученіемъ, которое вытекаетъ изъ содержанія миѳовъ. Мысли объ ограниченности человѣческой природы, объ обязанности человѣка дорожить дарованнымъ свыше счастьемъ и не стремиться переступить роковую ступень, за которую человѣческое счастье превращается въ источникъ неотвратимыхъ страданій—вотъ тѣ увѣщанія, которыхъ поэтъ не перестаетъ повторять во всѣхъ 4-хъ Героновыхъ эпиникіяхъ. Приведемъ самые знаменательныя изъ этихъ афоризмовъ: Р. III, 19 ἀλλὰ τοι Ἱράτῳ (про Корониду) τῶν ἀπεόντων οὐκ̄ καὶ πολλοὶ πάθον. "Ἐστι δὲ φῦλον ἐν ἀνθρώποις ματαίσταυ, δῆτι αἰσχύνουν ἐπιγρίωτα πάπταινε τὰ πόρσω, μεταρώντα θηρέων ἀκράντοις ἐλπίσιν. Ol. I, 113 τὸ δ' ἔσχατον κορυφοῖται βασιλεῖσι, μηχέτῃ πάπταινε πόρσιον. P. III, 54. ἀλλὰ κέρδει καὶ σοφία δέδεται. Ibid. v. 61 μὴ, φῦλα φῦχα, βίον ἀδάνατον ὀπεῦδε, τὰν δ' ἐμπρακτον ἀντλεῖ μαχαίν. Ibid. v. 103 εἰ δὲ νόφ τις ἔχει θυντῶν ἀλαθείας ὁδὸν, γρή πρὸς μαχάρων τούχανοντ' εὖ πασχέμεν, ἀλλοτε δ' ἀλλοῖαι πνοαι ὑφίπετῶν ἀνέμων (ср. Ol. I, 103 ἐπ' ἄλλοιαι δ' ἄλλοι μεγάλοι) ¹⁾). Οὐδέος οὐκ̄ ἐσκρήτων ἀνθρῶν

¹⁾ P. II, 88: χρή δὲ πρὸς θεὸν οὐκ̄ ἐρίζει: ἀνέχει τότε μὲν τὰ κείνων, τότε αὖθις ἑτέροις ἔδωκεν μέτα κῦδος. (Ср. Ibid. v. 52: καὶ ὑψηφρόνων ἔκαμψε (θεός) βροτῶν, Ἐτέροισι δὲ κῦδος ἀγήρασον παρέδωκε).

έρχεται, ἢ πολὺς εὐτ' ἀν ἐπιβρίσας ἔπηται κτλ. P. II. 17. ἄγει δὲ χάρις φίλων ποί τινος ἀντὶ ἔργων ὁπλομένα; ibid. v. 24... τὸν εὐεργέταν ἀγαναῖς ἀμοιβᾶς ἐποιχομένους τίνεοθαι. Ol. I. 55. ἀλλὰ γὰρ καταπέφαι μέγαν δλβον οὐκ ἐδονάσθη (ср. P. 26 μακρὸν οὐχ ὑπέμεινεν δλβον) κόρφῳ δὲ ἐλευθεροπλον. Pyth. I, 13 δοσα δὲ μὴ πεφίληκε Ζεύς... ibid. εἰη, Ζεῦ, τίν εἶτη ἀνδάνει.... 41 ἐξ θεῶν γὰρ μαχαναὶ πᾶσαι βροτέας ἀρεταῖς.

Имъя въ виду это общее направление эпиникіевъ, посвященныхъ Иерону, мы можемъ теперь обратиться и къ болѣе детальному анализу каждого эпиникія въ отдельности. Начнемъ съ II Ииейскаго. Внолѣ обстоятельный и болѣе или менѣе полный обзоръ разнообразныхъ взглядовъ на эту оду и ея внутренний смыслъ, сдѣланный Мецгеромъ¹⁾, избавляетъ насъ отъ необходимости касаться этой стороны вопроса. Позволяемъ себѣ только выразить сожалѣніе что пѣменцкій ученый недостаточно обратилъ вниманія на статью A. Croiset²⁾), которая указываетъ на единственно вѣрный методъ решенія вопроса, то-есть на необходимость рассматривать оды Пиндара, посвященные одному лицу, въ ихъ общей связи. Болѣе близкое знакомство со статьею, вѣроятно, удержало-бы Мецгера отъ нѣсколько опрометчиваго вывода, стоящаго въ совершенномъ противорѣчіи съ мнѣніемъ почти всѣхъ толкователей этой оды. „Объясненіе оды, говорить Мецгеръ, сопряжено съ совершенно особыми затрудненіями; поэтому неудивительно, что мнѣнія толкователей относительно этой оды расходятся другъ съ другомъ болѣе, чѣмъ въ другихъ вопросахъ. Лишь въ томъ вѣсѣ они согласны, что ода эта представляетъ собою рядъ предостережений и увѣщаній, которымъ поэтъ со свойственнымъ ему свободомысліемъ обращаетъ по адресу владыки, склоннаго къ злоупотребленію своею властью. Именно это предположеніе и вызываетъ невольная сомнѣнія (Und gerade dies anzunehmen ist sehr bedenklich). Весьма мало вѣроятія имѣеть за собою предположеніе, что владѣтельное лицо, да еще съ гордостью Иерона, могло подчиниться необходимости въ день торжества и въ присутствіи многихъ тысячъ поданныхъ выслушать иницію изъ устъ поэта. и за это его щедро вознаградить. Иеронъ требовалъ отъ Пиндара хвалебныхъ поблагодаръ

¹⁾ Pindars Siegeslieder, erklart v. Friedrich Mezger, Leipz. 1880,

²⁾ Въ Ann. de l'ass. p. l'enc. des études gr. 1876, p. 83—96. Впрочемъ Мецгеръ самъ признается, что статья эта извѣстна ему лишь изъ рецензіи Отто Шредерса (Jahresbericht des Berliner phil. Vereins (1879, 52)).

пъсни и Пиндаръ сочинялъ для него именно хвалебныхъ и побѣдныхъ пъсни¹⁾.

Возражение Менцера имѣло бы значение, еслибы II Пиѳейской эпиникій былъ единственной хвалебной оды, дошедшою до насъ. Смотри на вещи съ современной точки зрѣнія, еще, быть можетъ, не совсѣмъ отрѣшившись отъ возврѣній лириковъ-хвалителей XVIII вѣка, мы естественно должны были бы встать въ тупикъ передъ свободной рѣчью греческаго лирика и, не допуская возможной такую свободу въ отношеніяхъ пѣвца къ могущественному царю, искать ея объясненія въ различныхъ софистическихъ ухищреніяхъ²⁾). Но вѣдь мы имѣемъ возможность составить себѣ представление о греческомъ эпиникіи на основаніи цѣлаго ряда этого рода стихотвореній, и вотъ это-то изученіе ихъ совокупности невольно приводить насъ къ заключенію, что Пиндаръ, опираясь на свою всѣми признанную славу первого поэта Эллады, позволялъ себѣ вплетать въ лавровый вѣнецъ, которымъ онъ вѣничалъ побѣдителя, и острые шипы терновника, иногда болѣзнико коловѣпіе побѣдоносное чено. Скажемъ болѣе: чѣмъ могущественнѣе и высокомѣрнѣе былъ побѣдитель, тѣмъ сильнѣе и свободнѣе обращался къ нему пѣвецъ. Именно въ одахъ къ Иерону Сиракузскому и къ Аркесилаю Киринскому такихъ шиповъ встрѣчается болѣе всего; тогда какъ въ одахъ къ другимъ сильнымъ міра, но съ болѣе кроткимъ характеромъ, каковы Фиронъ Агригентскій, Хромій Этийскій или Агисей изъ рода Іамидовъ, рѣчь поэта становится мягче и теплѣе, и нравственные сентенціи теряютъ свой предостерегающій характеръ.

Возвращаясь къ II Пиѳейской одѣ, опредѣлимъ логическій ходъ мысли поэта и сгруппируемъ ея содержаніе. Чтобы по возможности не быть субъективными въ дѣленіи оды Пиндара на части, выдѣлимъ прежде всего миѳическое повѣствованіе. Это послѣднее начинается со словъ *θεῶν δ' ἀφετησάς Ίκίονα φαντὶ ταῦτα βροτοῖς λέγειν* (v. 21) и безъ перерыва идетъ до словъ *θεός ἄπαν ἐπὶ ἐλπίδεσσι τέχμαρ ἀνύεται* (v. 49). Такимъ образомъ разказъ объ Иксіонѣ несомнѣнно составляетъ одну изъ составныхъ частей оды, занимая 28 стиховъ изъ 96-ти. Что касается предшествующихъ миѳовъ 20-ти стиховъ, то въ нихъ, послѣ прославленія Сиракузъ, въ которомъ го-

¹⁾ Mezger, op. cit., 50.

²⁾ Ср. напримѣръ толкованіе того-же Менцера, отъ которого онъ впослѣдствіи отказался, но тоже по причинамъ совсѣмъ неубѣдительнымъ (Phil. 35, 430—444 и op. cit. 54 sq.).

ворится объ ихъ воинственномъ характерѣ и вспомицкомъ искусствѣ, поэтъ упоминаетъ о побѣдѣ Іерона и обращается къ тремъ божествамъ: Артемидѣ, Эрмію и Посидону Первое упоминается, какъ мѣстное, вторыя,—какъ покровительствующія коннымъ состязаніямъ. Даѣе поэтъ упоминаетъ объ обычаяхъ въ пѣсняхъ величать героевъ и какъ на примѣръ этого обыкновенія указываетъ на жреца Афродиты, Кинира, о которомъ поютъ кипрійцы, и на самого Іерона, котораго воспѣваетъ Локрійская дѣва. Въ слѣдующихъ за ми-
номъ стихахъ, мы находимъ такія мысли: богъ есть верховное и
властное начало, которому доступно все; въ рукахъ его судьба лю-
дей—онъ можетъ возвысить однихъ, ниспревергнуть другихъ. Итакъ,
мы, какъ человѣку, не подобаетъ быть злорѣчивымъ¹⁾. Назида-
ніемъ служить печальная участія Архилоха. Пойми мое умодчаніе и,
будучи великимъ и сильнымъ, какъ государь въ своихъ дѣйствіяхъ,
слѣдуй моему примѣру, примѣру поэта, осторожному въ словахъ.

Пиндарь съ необыкновеннымъ тактомъ непосредственно за этимъ предостереженіемъ переходитъ къ восхваленію Іерона (v. 58 εἰ δέ
τις — v. 67 χαρε). Но за сімъ онъ опять возвращается къ болѣе суровой рѣчи. Послѣ слова: τόδε μὲν κατὰ Φοίνισσαν ἐμπολὰν Μέλος ὥπερ πολιάς ἀλλὸς πέριπτας τὸ Καστόρειον δ' ἐν Αἰολίδεσσι χορδαῖς θέλων "Αθρητον χάριν ἐπταχτόποιο Φόρμιγγος ἀυτόμενος. Слова эти, сами по себѣ неясныя, у всѣхъ комментаторовъ Пиндара вызвали объясненія до такой степени противорѣчивыя, что трудно разобраться въ этой глубокой путаницѣ. Прежде всего слова τὸ μὲν—τὸ δέ заставляютъ думать, что Пиндарь рѣзко различаетъ двѣ части своего стихотворенія, или даже намекаетъ на два отдѣльныхъ стихотворенія, одновременно посланныхъ Іерону. Главнымъ виновникомъ этого затрудненія является сколіасть Пиндара, который въ высшей степени оригинально понялъ сравненіе эпиникія съ фанікійскимъ товаромъ и свое пониманіе данного мѣста подтвердилъ довольно вѣскими цитатами. Къ словамъ Пиндара τόδε μὲν κατὰ Φοίνισσαν ἐμπολὰν въ сколіяхъ у Бѣка читаемъ слѣдующія знаменательныя слова: οἷον ἐπὶ
χέρδει καὶ πρᾶσει γάρ Φοίνικες παλιγχάπτηλοι καὶ Σοφοκλῆς²⁾

'Ωντην ἔθου καὶ πρᾶσιν ώς Φοίνικες ἀνήρ
Σιδώνιος κάπηλος.

¹⁾ Ol. I ἔστι δ' ἀνδρὶ φάμεν ἁστικὸς ἀμφὶ δαιμόνων καλά· μείων γαρ αἵτις.

²⁾ Fragm. 823.

καὶ Κωμικός·

εὖθὺς δὲ Φοῖνιξ γίγνομαι·
τῷ μὲν δίδωμι χειρὶ, τῷ δὲ λαμβάνω ¹⁾).

Смыслъ сравненія, употребленнаго Пиндаромъ, тотъ же сколиасть объясняетъ такъ: тоѣто дѣ вѣтвь о Піндарос, паросовъ наѣ місѳю сунтѣ-тахъ тѣ єгихъмъеон тѣ Тѣрновы, єоти дѣ дѣ лѣгей тоюдтоуъ тоѣто мѣнъ тѣ мѣ-лосъ хай тоѣтоу тонъ єпинікіон хатѣ тѣнъ тонъ Фоінікѡн ємпоріан, ѿнти тої лафѡнъ парѣ сою місѳю, діа тѣ; леухѣсъ ѡдаласстъсъ паратекітомаі соі. Та-кимъ образомъ по мнѣнию сколиаста, слова поэта тѣбѣ мѣнъ мѣлосъ означаютъ стихотворение, заказанное и уложеннѣе заранѣе. Взамѣнъ платы, поэть посыаетъ свой товаръ. Логически ясно и слѣдующее за симъ объясненіе сколиаста относительно антитеты къ „тѣбѣ мѣнъ мѣлосъ тѣ дѣ мѣнъ мѣлосъ“ „тѣ Кастроепіон дѣ єу Аіолідессаи хордаїс“

Валеріанъ Майковъ.

(Окончаніе следуетъ).

¹⁾ Cf. Hemsterh. ad Aristoph. Iut. 447

ЗАБЫТЫЯ ГРЕЧЕСКИЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ московской синодальной библиотеки, XV вѣка,—тому самому, въ которомъ В. Г. Васильевскій напечаталъ свои столь интересные „Совѣты и разказы византійского боярина XI вѣка“, именно въ № 298 (по каталогу Маттеи 285)—сохранилось между прочимъ (fol. 530 г.—531 г.) небольшое собраніе греческихъ пословицъ, не лишенное интереса и мало извѣстное. Изданное въ первый разъ въ *Rheinisches Museum* старой серіи, т. V (1837 года), стр. 381 сл., по копіи дерптскаго профессора Клоссіуса (*Clossius, in Universitate Dorpatensi Antecessor clarissimus*), это собраніе новѣйшимъ пареміологамъ осталось, по видимому, неизвѣстнымъ вслѣдствіе того, что редакторъ II тома Геттингенскаго *Coprus Ragoemio-graphorum Graecorum* (гдѣ на стр. 228 сл. перепечатано аналогичное, по заглавію и слишкомъ вдвое меньшее по объему собраніе: *Пароціа Аїофтоу*) въ свое время о немъ позабылъ и не воспользовался имъ¹⁾). Теперь, когда, въ видахъ составленія нового „корпуса“ дѣятельно разыскиваются въ рукописныхъ библиотекахъ и изучаются всякие сборники греческихъ пословицъ, своевременно будетъ напомнить и о московскомъ собраніи, не представляющемъ, правда, данныхъ по вопросу о филіаціи византійскихъ сборниковъ, но содержащемъ зато нѣсколько новыхъ пословицъ и подтверждающемъ, что Планудовъ сборникъ вовсе не есть „сумма пареміографическихъ штудій въ Византии“, какъ потерпѣлся провозгласить отличный знатокъ этой области

¹⁾ Въ I-мъ томѣ оно цитуется въ примѣчаніяхъ (стр. 236 „Æsopis“, 392 „Welcker“, 397 „Cod. Mosquena.“). Извѣстно наше собраніе кроме того Помпітису: *Ἀττικὸν Ἰμερολόγιον τοῦ ἑτοις 1882, ὅπο Εἰρηναῖο Ασωπίου, Ἀθήνησιν 1881.* стр. 362.

Крузіусъ. Копія Клоссіуса, въ томъ видѣ, въ какомъ она сообщена въ журналѣ Велькера и Нэке, очень неудовлетворительна (достаточно сказать, что 6 пословицъ изъ 40 опущены), а издатель, по праву editoris principis, ничего или почти ничего не сдѣлалъ для толкованія своего *аннотоу*; почему мы и считаемъ не лишнимъ снова напечатать весь небольшой текстъ, съ объясненіями, какія удалось придумать. въ съ параллелями, какія случилось припомнить или прискать. Существенную помощь при этой работе оказали намъ Г. С. Дестунисъ и А. И. Нападопуло-Керамевъ, снабдившіе насъ изданіями новогреческихъ пословицъ, въ томъ числѣ иѣкоторыми обыкновенно недоступными виѣ предѣловъ греческаго Востока.

Fol. 530 г.

+ αἰσωπὸς εἶπεν κοσμικᾶς κωμῳδίας
χ(α)τα ἀλφάθητον·

1. Ἀρχὴ ἀσιδίας, χάρε φαλακρέ·.
2. Ασπόρος αγρός, ἀμέριμνος οικονόμος·—
3. Αργῶ μαζευρω. πάντα ἔχεστα·.
4. Αργός εκλάσθη· καὶ εἰπεν αἱ ευχαὶ μου ἐπληρώθησαν·
5. Αργός ἐργάτης, δρέπανον ἀλάσσει·.
6. Βαλανεῖον ἔχω καὶ οὐ λούει·—

Ει είχεν ἔλονεν·.

7. Γῦψ χοραχα σγγάται·—
8. Γεροντα μοι ειπας, κακόν μοι είπας·
9. Γραιά ιδοῦσα θορυβον εἶπεν, ἄνδρα μοι δότε·.
10. Δειλοῦ γυνή οὐ κλαίει, αλλ ουδε καὶ χέρει.

11. Δώρα καὶ θεοὺς ἔπειτα·.

12. Ε ειπὲ ἡ θέλησ· καὶ ἀκουσησ α μη θελεις.
13. Ε ευτυχούντας μη εμπόδιζε· τὰς γὰρ ωρας, απόλεσάς·
14. Ζήσον πρώτον, ειθούτως ζήτησον:

fol. 530 ν.

15. Τὰ λαλοῦντα στρουθία, πολοῦ πωλεῖται·—
16. Τῶ τράγω ὁ ἔριφος ἐλεγεν· ὥ π(άτ)ερ μου· οι μάγευροι ἵπεθανεν κακεῖνος εἰπεν: οὐαὶ σοι τέχνον ὅτι εἰσ ιδιώτου χειρας μέλλει εμπίπτειν:
17. Τὰ μὴ ὄντα σὰ, μὴ χάρις
18. Τίς ποτὲ ίδον παλάτιον· τὸν εαυτοῦ οίχον ἐνέπρισεν·—
19. Τίς ποτὲ ἔξανάγκης τὰ ίδια τέχνα ἐπώλησεν· καὶ ἄλλος ταῦτα ἐν πίστει ἡγόρασεν.

20. Τὸ ταχὺ καὶ χάριν ἔχει:—
 21. Τίς ἑαυτῷ κακὰ επίσταται:
 22. αλακρός καθήμενος ἀπέναντι(;) χρόουσα ἐνύστατε:
 23. Τοι τρέχοντος, τὸ σκέλισμα βλέπε.
 24. Τὰ μεγάλα κέρδη(η) μεγαλας ζημιας προξενοῦσιν.:
 25. Γέρων ἔρωτα λύει: —
 26. Γέρων ἴσταμενον δῖη: —
 27. Φάγει με λεωνικαὶ μὴ ἀλώπηξ:—
 28. Φαλακρὲ πᾶς χ(α)τα τρίχα εμαδίοθης: —
 29. Φίλος βλάπτων, οὐδὲ διαφερει ευθροος:—
 30. Φίλος καὶ ἵππος ἐναναγκῇ δοκιμάζονται:—
 31. Φάγει με ἡ διαφορὰ, καὶ μὴ αλλότριος: —
 fol. 531 г.
 32. Φίλουσα κτίζει καὶ μὴ χρήματα:
 33. Χολῶ παροικίσασ, ύποσκάζειν μαθήσῃ:—
 34. Χρεώστης νεῦρα οὐκ ἔχει:—
 35. Χωρικοῦ ἐνθύμησισ ἐνιαυτου ζῆτημα:—
 36. Χωρικὸν ευρικώς, δῖος πότισον:—
 37. Χορεία κυνὸς, δνομα λέοντος:—
 38. 39. Ω καὶρ διατί οὐκ αὐλεῖσ φρόνι μαλεμοί:—
 40. Θρασ μᾶσ ἐρτον, ενιαυτοῦ μάρψινα εἰς πυρετός, καὶ τα πάντα
 κ(ά)τω:—

Кинварь замѣнена нами разрядко (въ заглавіи) или уставною формою буквъ; затѣмъ мы не позволили себѣ никакого отступления отъ рукописнаго преданія, если не считать прибавленія цифръ и иѣ-которыхъ буквъ, подразумѣваемыхъ въ принтомъ писцомъ сокращеніемъ написаніи извѣстныхъ словъ. Въ № 22 кинварщикъ (по всей вѣроятности, одно лицо съ писцомъ) не поставилъ въ началѣ буквы Ф, замѣтивъ, что по порядку требуется Т, а по смыслу другая буква; въ №№ 12 и 13 онъ прибавилъ спереди красный ε, не смотря на то, что начальная буква въ обоихъ слукаяхъ уже была написана черными чернилами. За исключениемъ № 22, алфавитный порядокъ (κατὰ ἀλφαρίτην) выдержанъ, но при этомъ только первая буква принита послѣдовательно въ расчѣтъ, какъ это бываетъ и въ другихъ подобныхъ слукаяхъ. № 6 не составляеть исключения, такъ какъ слова εἰ εἴχει, ἔλοουσ относятся къ предыдущей пословицѣ и только по недоразумѣнію писца обособлены. О № 40, гдѣ слова εἰς πυρετός καὶ τα πάντα κάτω могли бы быть приняты за отдѣльную пословицу, скажемъ ниже.

Послѣ № 14, очевидно, большой пропускъ: недостаетъ. быть можетъ, иѣсколькихъ пословицъ на Ζ и на Τ и во всякомъ случаѣ всѣхъ, начинавшихся съ Η до Σ включительно. Пропускъ совпадаетъ съ переходомъ отъ лицевой стороны л. 530 къ обороту того же листа, изъ чего однако нельзя вывести никакого заключенія относительно количества утраченныхъ пословицъ или хотя бы относительно того, вслѣдствіе чего произошелъ пропускъ. Несомнѣнно, что собиратель пословицъ и переписчикъ не одно и то-же лицо; это явствуетъ не столько изъ помянутаго пропуска, сколько изъ недоразумѣній въ № 6 въ №№ 38—39, гдѣ двѣ пословицы слиты въ одну, причемъ вторая ($\varphi\mu\delta\cdot\alpha\lambda'\epsilon\mu\delta\cdot\alpha$) вдобавокъ искажена ошибкою, которую могъ допустить только человѣкъ, совершенно не вникавшій въ смыслъ пословицъ.

Изъ другихъ сборниковъ известны, отчасти въ иѣсколько другой формѣ, семь пословицъ нашего собранія, съ которыхъ мы и начнемъ. ограничиваясь въ большинствѣ этихъ случаевъ сводомъ вариантовъ

7. Γὺψ κόραχα ἐγγοῦται. Paroem. Gott. I p. 392 (App. Vat. I 57. App. Bodl. 318)=II p. 21 (Diogen. Vind. 126).

10. Δειλοῦ γονή οὐ κλαίει, ἀλλ' οὐδὲ καὶ χαίρει. Древнюю форму этой пословицы мы имѣемъ у Макарія 223 (Paroem. Gott. II 155) Δειλοῦ μῆτρη οὐ κλαίει; ср. Корнелія Непота Thrasyb. 2, 3: neque sine causa dici matrem timidi flere non solege. Макарій называетъ эту пословицу δημώδης. Въ Планудовомъ сборнике она гласитъ такъ (144 по Крузіусу)¹⁾: Δειλοῦ μῆτρη οὐκ ἐχάρη, съ чѣмъ Э. Куртцъ (Dio Sprichwörtersammlung des Max. Planudes, Leipz. 1886, p. 32) сравниваетъ новогреческое: Τοῦ φοβιτούρ' ή μάνη δὲν κλαίγ' οὐτε τελέψῃ (у Венизела, Пароціи: δημώδεις, 2-ое изд., Эрмуполь 1867. 323; Τοῦ φοβιτούρ' ή μάνη μήτε κλαίει μήτε γελά). Если оставимъ въ сторонѣ случайное, можно сказать, искаженіе γονή вмѣсто μῆτρη, то редакція нашего кодекса составляетъ какъ бы промежуточную станцію между древнею формою пословицы и остальными формами, съ одной стороны новѣйшими, съ другой—Планудовой.

11. Δῶρα καὶ θεοῖς ἔπεισε. Прототипомъ приходится считать стихъ, приписываемый Гесіоду (fr. CLXXX Götl.-Fl.): δῶρα θεοῖς καίθει, δῶρ' αἰδοίους βασιλῆας. Онъ цитируется пареміографами (Діогеніаномъ, Григоріемъ Кипр.: Апостоліемъ) и Свидою въ такой формѣ: δῶρα θεοῖς πείθει καὶ αἰδοίους βασιλῆας, только у Макарія 243

¹⁾ В्�неin Mus. N. F XLII (1887).

(Paroem. Gott. II 159) мы находимъ *δῶρα καὶ θεοὺς πείθει*, а въ Коналеневомъ кодексѣ 177 (Paroem. Gaisf. p. 132) къ обычной у паремиографовъ редакціи прибавлено: *δῶρον τὸ δῶρα καὶ σοφὸς* (*supraser. γρ. θεοὺς παρήπατεν* (*Trag. graec. fr. adesp. 434 N²*)), съ чѣмъ можно сопоставить отрывокъ изъ *Νόστοι* (fr. 8 p. 56 Kinkel) *δῶρα γὰρ ἀθανάτων νόον ἡπαφεν ἥδε καὶ ἔργα*, исправляемый Наукомъ *Mélanges t. IV* p. 381 такимъ образомъ: *δῶρα γὰρ ἀθανάτων νόον ἡπαφεν ἥδ' ἀνθρώπων*. Ср. Овидія *Ars amat.* 3, 653: *Misera, crede mihi, capiunt homines quo deosque,* а Евріпіда *Мед.* 964: *πείθειν δῶρα καὶ θεοὺς λόγος*¹).

12. *Εἰπὲ ἡ θέλεις, καὶ ἀκούσῃς* (или *ἀκούσεις*) *ἢ μὴ θέλεις*. Въ Appendix Coisl. 133 (Paroem. Gaisf. 133 Paroem. Gott. I p. 397). *Εἰπὼν ἡ θέλεις ἀντάχους ἢ μὴ θέλεις*, у Макарія 249 (Paroem. Gott. II p. 160): *Εἰπὼν ἡ θέλεις ἀκούεις καὶ ἢ μὴ θέλεις*. Оставляя въ сторовѣ мѣста Гомера, Гесіода и другихъ греческихъ авторовъ, только болѣе или менѣе похожія, укажемъ на отрывокъ Алкея 83 Bgk.², у которого та же мысль выражена дѣйствительно въ той же формеъ („Кто говорить, что хочетъ, услышитъ чего и не хочетъ“, Снегирень Русск. нар. послов. и притчи, М. 1848): *αἴ κ' εἴπῃς τὰ θέλεις, (ιδος; add. Bergk) ἀκούσαις κε τά κ' οὐ θέλοις*²).

27. *Φάγη με λέων καὶ μὴ ἀλώπηξ*. Proverb. Aesopri 15 (Paroem. Gott. II p. 230): *Φαγέτω με λέων καὶ μὴ ἀλώπηξ*. Proverb. Palat. I 70 (Philol. N. F I p. 200): *Φαγέτω λέων καὶ μὴ ἀλώπηξ*. Въ виду того, что въ № 31 тоже читается *φάγει*, мы не рѣшаемся оба раза переправить *φάγει* на *φαγέτω*. Обѣ пословицы заимствованы, полагаемъ, изъ устъ народа, который говорить: *ᾶς με φά(γη)* или *νά με φά(γη)*, и нашъ клижникъ ограничился, по видимому, тѣмъ, что откинуль компрометирующую частицу. Совершенно тождественной по-

¹) Эта пословица въ христіанскомъ мірѣ удерживаться въ такой формѣ не могла, но она должна была возродиться въ новыхъ формахъ. Венизельт p. 125: *Καὶ τὰ δόσα, καὶ τὰ δόσια τὸν Χριστὸν ἐκαραδόσαν* (*Χιστή*), Янинарики (*Αἰσθατος Κρητικός*, Leipzig 1876) p. 310: *Τὰ δόσια τοῦ Χριστοῦ ἐκαραδόκαν*, Канеллакі (*Χιστά διάλεκτα*, Аенины 1890) p. 309: *Τὰ τρόσια τὸ Χριστὸν ἐκαραδόσαν*. Колоритнѣе и ближе къ древней слѣдующая Хіосская пословица у того-же Канеллакі p. 231: *Βάλε 'ς τὴν αστραχιὰν φλεορίζ, νά κάμης τούς ἄγγέλους κλίψτας*.

²) Латинскій параллели у Otto Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Römer (Leipzig 1890) p. 45 sq., другія у Вандера Deutsches Sprichwörter-Lexikon, т. III (Leipzig 1873) p. 1564 n. 262. Мѣста греческихъ авторовъ собраны у (Шнейдеринъ-) Лейча Paroem. I p. 397 и у Шнейдеринъ-Наука къ Соф. Занту 1085.

словицы (νά με φὰ τὸ λιοντάρι καὶ μήν ἡ ἀλεποῦ) намъ, правда, не удалось найти, но есть схожая: Παρὰ νὰ μὲ φά' ἡ ἀλεποῦ κάλλι¹ ἂς μὲ φά' ὁ λόκος (Канеллаки р. 288), Κάλδια νὰ μὲ φάγη τὸ βουβάλι παρὰ τὸ τσαχάλι (Венизель р. 130). Παρὰ νὰ χρυφτῆς 'ς τῆς ἀλεποῦς τὸν ἴσχιο. κάλλιο νὰ σὲ φὰ τὸ λιοντάρι (ibid. p. 250)¹.

33. Χωλῷ παροικήσας ὑποσκάζειν μαθήσῃ. Apostol. 194 (Paroem. Gott. II 286): "Ἄν χωλῷ παροικήσῃς, ὑποσκάζειν μαθήσῃ, Macar. 590 (ib. 200): Παρὰ χωλὸν οἰκῶν κἀν („scribe καθότος“ Leutsch) ἐπισκάζειν μαθήσῃ („scribe μάθοις“ Leutsch). Лейчъ къ мѣсту Макарія (впрочемъ уже Эразмъ Adag. p. 340 ed. Basili. 1559) приводитъ схол. на Пиндара Nem. VII 127: ὕστερ ἡ παροικία ἔχει χωλῷ παροικῆς κἀν εἴνι σκάζειν μάθοις („scribe: χ. παροικῶν κἀν ἐπισκάζειν μάθοις“ Leutsch, см. Kock, Com. Att. fr. adesp. 610 и Наука Bemerkungen zu Kock, Mélanges t. VI p. 163 сл.) и Платона de lib. educ. 6 p. 4 A: καὶ οἱ παροικίσθρενοι δὲ φασὶν οὐκ ἀπὸ τρόπου λέγοντες διε: "Ἄν χωλῷ παροικήσῃς, ὑποσκάζειν μαθήσῃ. Ср. у Венизела р. 13: "Ἄν γειτονέψῃς μὲ κουτσὸ, θὰ μάθης νὰ κουτσαίνῃς (стихъ) и р. 210: "Οποιος ἔχει γείτονα κουτσὸ, θὰ μάθῃ νὰ κουτσαίνῃ. Откуда Венизель взялъ цитируемую имъ редакцію: Σκάζοντι ὄφιλῶν, καὶ αὐτὸς σκάζειν μαθήσῃ?

40. "Ωρας μιᾶς ἔργου, ἐνιαυτοῦ μέριμνας" εἰς πορετὸς, καὶ τὰ πάντα κάτω. Первую часть этого номера мы находимъ у Плануда 274: ώρας ἔργου, ἐνιαυτοῦ μελέτη. Смыслъ тотъ же, что въ Псевдо-Исократовомъ (I 34): βούλεου μὲν βραδέως, ἐπιτέλει δὲ ταχέως τὰ δόξαντα, или въ русской пословицѣ „Долго разсуждай, да скоро дѣлай“ (Снегиревъ), только безъ наставленія. Ср. Венизела р. 340: χρόνου μελέτη, ώρας κάμψια, Канеллаки р. 317: χρόνου μελέτημα, ώρας κάμψια. Зограф. пам.²) р. 363: χρόνου μελέτημα, ώρας καροσί(δι): (островъ Карпазъ), Сакелларія Копр. II р. 288: 'νοῦ χρόνου μελέτημαν, μιᾶς ώροῦς δουλειά. Неправильный порядокъ частей пословицы у Плануда и въ нашемъ собраніи легко можетъ возбудить недоразумѣнія и дѣйствительно возбудилъ таковыя:

¹) Не мысли довольно близокъ съ нашимъ пословицею отрывокъ, принисываемый Менандру (688 К.): ἀδικεῖτο με (ἐμὲ δὲ ἀδικεῖτο Grotius, ἀδικησάτο με Мейнеке, ὅριζέτω με Узнеръ) πλούσιος καὶ μὴ ἔρον φέρειν γὰρ κρειττόνων τορανίδα. Но Порсонъ не безъ основанія сомнѣвался въ принадлежности его Менандру. Во всякомъ случаѣ мы не должны были цитировать это мѣсто въ „Порфири. отрывкахъ“ р. 215.

²) „Зографовскими памятниками“ мы для краткости будемъ называть изданіе Константинопольского Синклагоса подъ заглавиемъ: Ζωγράφος αὐγῶν ἤτοι μνημεῖα τῆς αρχαιότητος ζωντ εν τῷ νῦν ελληνικῷ λαφ. Тор. а. Кавист. 1891.

Крузіусъ, хотя онъ, по примѣру Куртца, и цитуетъ Венизела, однако совершиенно иначе понимаетъ Планудову пословицу,¹⁾ а редакція нашего собранія ввела, по видимому, въ заблужденіе того, кому принадлежитъ прибавка: *εἰς πορετὸς καὶ τὰ πάντα κάτω*, „одинъ припадокъ лихорадки, и все па даетъ (наступаетъ полный упадокъ силъ)“ Съ такимъ же, пожалуй, правомъ можно было бы толковать слова *φρας μιᾶς ἔργου, ἐνίκατοι μέριμνα* въ смыслѣ русской пословицы (Даль стр. 803, по изд. 1862 г.): „Часть честиться, да годъ пыхтѣть“ (ср. *ἡμέρας χαρὰ, χρόνου λόπη*, Венизель р. 101) или „на часть покличутъ, да на вѣкъ каломъ отычутъ“ Едва-ли впрочемъ слова *εἰς πορετὸς καὶ τὰ πάντα κάτω* должно признать за ученое толкованіе составителя сборника или одного изъ переписчиковъ; такія прибавки дѣлаются въ жизни, что не мѣшаютъ имъ быть болѣе или менѣе неудачными; ср. выше № 6: *δειλοῦ γυνῆ (μῆτηρ) οὐ κλαίει, ἀλλ' οὐδὲ καὶ χαίρει*.

Всѣ другія пословицы нашего собранія новы, то-есть или вовсе неизвѣстны изъ другихъ источниковъ, или не встрѣчаются по крайней мѣрѣ въ изданнѣхъ доселѣ сборникахъ древнегреческихъ или византійскихъ пословицъ.

1. *'Αρχὴ δειδίας χαίρε, φαλακρέ.* „Начало уродства: здравствуй, плѣшивый“. Такъ какъ на правописаніе этой рукописи совершенно нельзя положиться, то мы имѣемъ право принимать *δειδίας* и за *ἀτηδίας*, отъ чего получился-бы такой смыслъ: „начало непріятности“ и т. д., то-есть, непріятная пора жизни наступаетъ тогда, когда человѣку можно говорить: „здравствуй, плѣшивый“ Ср. № 8: *γέροντά μοι εἴπας, κακόν μοι εἴπας*. Замѣтимъ кстати, что словомъ *ἀρχὴ* нерѣдко—и, думается, не только оттого, что первая буква этого слова альфа—начинаются сгруппированныя въ алфавитномъ порядкѣ собранія гномъ, какъ напримѣръ Гнѣмас моностихъ Григорія Богослова: *'Αρχὴν ἀπάντων καὶ τέλος ποιοῦ Θεόν*, „сентенціи“ Нила (Orelli Opusc. sentent. I р. 320): *'Αρχὴ φωτηρίας ἡ ἑαυτοῦ κατάγνωσις*, и одинъ гномологій, заключающейся въ томъ-же московскомъ кодексѣ, откуда мы заимствуемъ наши пословицы, f. 247 г.:

'Αρχὴ ἀνδρείας· δικαιοσύνην φιλει,
μὴ μόνον ὅπλοις τὴν νίκην επιγράφου·
χαίρε γάρ ἀμέτοχοι δικαιοσύνης
ἄνανδρον δεικνύουσι τὸν στρατιώτην.

¹⁾ Rh. Mus. XLII p. 424: „vgl. ebd. (т. е. у Венизела) S. 295 τὰ φέρν' ή ὥρα, οἱ χρόνος δέν τὰ φέρνει. Frischlin bei Strauss „Frischlin“ S. 354: „es möcht' eine Stund' bringen, was ein Jahr nicht brachte“.

Примѣромъ до яѣкоторой степени могли служить Притчи Соломо-новы, въ которыхъ, послѣ вступленія, образуемаго собственно распро-страненіемъ заглавіемъ, самыя наставлениа начинаются, какъ извѣстно, словами: 'Αρχὴ σοφίας φόβος Θεοῦ. Но, вѣроятно, и значеніе слова ἀρχὴ играетъ при этомъ яѣкоторую роль.

2. "Αστορος ἀγρός, ἀμέριμνος οἰκονόμος „Не засѣяно поле, безъ заботъ хозяинъ“. Поставленный на второмъ мѣстѣ, слова ἀμέριμνος указываютъ, какъ всего естественнѣе думать, не на причину, а на послѣдствіе того, что „незасѣяно поле“. Ср. ἐναντίον ἀστορος, πάντες χρόνοις ἑργημος (Канеллаки р. 238) или ἐναντίον χρόνου ἀσπετρος, πάντες χρόνοις ἀξομος (Νεοελληνικὴ Ἀνάλεξα, τόμ. α, фуллайд. 'Αθῆν. 1871, р. 155). Пословица содержитъ, такимъ образомъ, такую-же ироническую похвалу лѣни, признаніе преимущества лѣни, какъ, напримѣръ, русская пословица (Даль р. 554): „у непрядохъ ленъ цѣль“ Пикантность усиливается двусмысленностью слова ἀμέρι-мнос („безпечный“ въ „лишенный заботъ“) и возможностью принять ἀμέριμνος оѣкономос за объясненіе причины предыдущаго.

3. 'Αργὸς μαγείρῳ πάντα ἔχεστα. „У нерадиваго повара все выкинашь“

4. 'Αργὸς ἔχλασθη, καὶ εἶπεν· αἱ εὐχαὶ μου ἐπληρώθησαν. „Лѣ-нивый убился (расшибся) и сказалъ: желанія мои исполнились“. Сходство съ Плануд. 160 о旣хъ єѣдіօссау ѿѣтѣ, ѿмѹсев ѿѣ ѿ Ѹѣлѡ, съ Эзоповой басней 163 (по изд. Гальма). гдѣ охотникъ кричить всаднику, похитившему у него зайца: ἀπιθὲ λοιπόν· ἐγὼ γὰρ ἦδη τὸν λαγωὸν ἐδωρησάμην σοι, наконецъ съ извѣстной басней о лисице и виноградѣ, болѣе или менѣе слабое. Лѣнивый дѣйствительно радъ всякому препятствію къ работѣ и въ этомъ отношеніи, разумѣется не безусловно, готовъ помириться и съ серьезнымъ ушибомъ. Пословицу эту можно отнести къ разряду такъ называемыхъ эпилогическихъ, о которыхъ, послѣ М. Гаунта (Index lect. Berol. 1868=Opusc. II 395 слл.) и другихъ, трактовалъ К. Бюргеръ въ Hermes XVII (1892) стр. 359.

5. 'Αργὸς ἄργατης δρέπανον ἀλλάσσει. „Лѣнивый работникъ косу (собственно, серпъ) меняетъ“, то-есть у лѣниваго косаря коса виновата, что работа не подвигается. Ср. Вандера, Deutsches Sprichwörterlexikon. т. I р. 262: Einem faulen Bauer ist kein Pflug gut genug, Al tristo zappatore ogni zappa è peggiore; р. 263: Faule Bauern finden keinen guten Acker, Cattivo lavoratore non trova mai buona terra.

6. Βαλαναῖον ἔχω καὶ οὐ λόβει· εἰ εἴχειν, ἔλοειν. „Есть у меня баня, да не моетъ. Если бы была, такъ и мыла бы.“ Ср. Philogel. 23

(130): *Σχολαστικὸς κατὰ πρώτην ἀνοικίν τοῦ βαλανείου εἰσελθῶν καὶ μῆδ'* єна єврѡн єсѡ лéгai πròs тòν δoблoν aвtob· єк ѿн вléptw, μή oύ λouei тò βaλaнeиoн. Смысль пословицы въ томъ, что бана сама собою не моетъ; кто желаетъ умыться въ своей банѣ, долженъ позаботиться о томъ, чтобы все было къ этому приготовлено. Можно отчасти сравнить на-примѣръ: *Τάπτέλι θέλ' ἀμπελούρῳ, τὸ σπίτι νοσκούρι, καὶ τὸ καράβι 'ς τὸ γυαλὸ θέλει καραβούρι* (Пападопуло-Керамевъ, 'Ανέκδοτοι δημόδαις παροιάι, въ Смирнскомъ журнale 'Ανατολική 'Επιθεώρησι т. I, 1873, р. 561. Та-же пословица, въ менѣе полномъ видѣ, есть и у другихъ). Совершенно не такъ, конечно, понималъ пословицу тотъ, кто прибавилъ: *εἰ είχεν, ἔλογον*. Но хотя бы это толкованіе и было вѣрно, трудно допустить, чтобы толкованіе входило въ составъ пословицы.

8. *Γέροντά μοι εἴπας, κακόν μοι εἶπας*. „Старика ты мнѣ сказаъ, торе ты мнѣ сказаъ“ То-есть, старость не радость“. Ср. Кратита fr. 3 N. (TGFГ. р. 810—Антифант fr. 238 Kock): *φνειδοάς μοι τῆρας φς κακὸν μέγα*. Другія параллели приводить нѣтъ надобности, а также—объяснить, почему вмѣсто первого *είπας* не должно писать *είπας*.

9. *Γραῖα ἰδοῦσα θόρυζον εἴκαν· ἀνδρα μοι δότε*. „Старуха, уви-дѣвъ толпу народа, сказала: мужа мнѣ дайте“. Иллюстрація къ афоризму: *τονὴ γέρα σὺδέν σύδε πλήν ἡ βούλεται* (Meu. monest. 85). Ср. „Наши дѣвки испужались, всѣ замужъ побросались“ (Даль 840). Греки въ своихъ пословицахъ не любятъ касаться дѣвицъ, но за то тѣмъ усерднѣе, во примѣру и предковъ, издѣваются надъ „старухами“. Вѣдь даже Пе-риклъ „Олимпіецъ“, по преданію (Платонъ Periclit. 28), послѣ самоской надгробной рѣчи, на колкую тираду Эльпиники, сестры Кимона, не поцеремонился отвѣтить стихомъ Архилоха:

οὐ καῦ μόροισι γραῦς ἐοῦσᾱ ἡλείφεο; ¹⁾

на что комментаріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти возраженіемъ могли бы служить слова Влѣпира въ „Экклісіазусахъ“ 525: *Τί δ'; οὐχὶ βι-εῖται τονὴ κάνει μόροι;* Характерна народная пѣсня, записанная какъ на Хiosѣ (Канеллакі р. 200 сл.: *Η ἔμωρχμένη*), такъ и на Карпаѣ (Зограф. пам. р. 289), о томъ, какъ вышелъ однажды приказать всѣмъ старухамъ замужъ выходить и какъ одна изъ нихъ по этому поводу воскликнула (слѣдуемъ хиосской редакціи, отъ которой впрочемъ другая не отличается существенно):

¹⁾ Такъ, кажется, гласитъ этотъ стихъ, по крайней мѣрѣ въ устахъ Нерикія. Относительно рукописныхъ членій см. Бергка PLG. I р. 392, 31.

Ἄστε με καὶ μόνα δεῖ
ένα γέρο κ' ἔνα νηὸς,
τὸν νηὸν θέλω γι' ἀγκαλιά
καὶ τὸ γέρο γιὰ δουλειά.

Ср. Пападопуло р. 50: Καλομοῆρα ποῦ 'μ' ἔγώ, ποῦ "χασ" ἔνα κ' ηρά διο, Кавадія ('Ο Πρακτικός Λόγος ἡ Σολλογή 10,000 παροιμιῶν, γνωμικῶν καὶ ἄλλων εὐφορῶν καὶ γλαφυρῶν φράσεων τῆς ἀλληγορίης καθομιλούμενης γλωσσῆς, ὃπος Γεωργίου Καβαδία, Κέρκυρα 1876. Напечатаны только 72 страницы. 647 №№) р. 70 (Вениз. 81): 'Απὸ τὸ χτές 'ε τὰ στήμερα πάει ἄνδρας μου 'ε τὸ μῦλο, Πέστε μου μπρὲ γειτόνεσσις, νὰ παντρεψτῷ ἡ νὰ μάινω, и т. д. Именно наша пословица чрезвычайно популярна въ теперешней Греции. Ограничиваются впрочемъ однимъ возгласомъ старухи, варируямыи на разные лады, а о поводѣ къ возгласу умалчиваются: "Αντρα θέλω, τώρα τὸν θέλω (Вениз. р. 21), "Ανδρα θέλω, 'πόφε τὸθ θέλω (Кавад. р. 55, Канелл. р. 222), "Αντρα θέλω, κι ἀς εἰν' και κούτσουρο (Вениз. ibid.), "Αντρας κι ἀς ἥν' και κερένιος (id. Παράρτ.), "Ανδρας νᾶν' και ἀς ἥναι και ἀχερένιος (Кавад. ibid.), "Ανδρας νᾶν' κι ἀς ἥν' και γάτος (ibid.), "Αντρα θέλω 'γώ τὸ βράδο, κι ἀς μὴν ἔχ' ὁ λόχνος λάδι (Вениз. ibid.), "Ανδρα θέλει κάθε βράδο, και ἀς κομάται τὸ σκοτάδι (Кавад. ibid.). Нѣкоторые формы пословицы, болѣе кратки, употребляются уже просто для характеристики комичнаго нeterпѣнія или для комического выраженія нeterпѣнія. Слова ἰδούσα θόρυβον εἴπεν ἄνδρα μοι δέτε образуютъ триметръ, такъ что эта пословица могла бы быть заимствованной изъ Комедіи, но на такомъ предположеніи настаивать нѣтъ. разумѣется, основанія.

13. Εὔτοχοῦντας μὴ ἐμπόδιζε· τὰς γὰρ ὥρας ἀπολέσεις. „Если кому везеть, не препятствуй: (только) время потеряешь“. Stultitiae inseparabili quem dī diligunt (PublII. Syr. 621), Contra felicem (Spengel: infelicem) vix deus vires habet (id. 120). Нѣкоторое сходство имѣеть и русская пословица: „Кто въ радости живеть, того и кручиня не береть“ (Снег).

14. Ζῆσον πρῶτον, εἴθ' οὕτως ζήτησον. „Поживи сначала, затѣмъ поищи (помудрствуй).“ Primum vivere, tum philosophari! Созывучие Ζῆσον и ζήτησον, понятно, не случайно.

15. Τὰ λαλοῦντα στρουθία πολλοῦ πωλεῖται. „Говорящихъ воробьевъ купить дорого“ Врядъ ли „говорящіе воробы“ этой пословицы принадлежали къ „панамской“ породѣ; вѣроятнѣе, что пословица служила отвѣтомъ на обѣщаніе или требование чего нибудь осо-

спискѣ притановъ С. I. A. III 1019 онятъ рядомъ: col. II Δαρπτραις (v. 3), Παμφωτάδης (v. 17), Ἀναγυράταις (v. 24) и тутъ же одинъ Σοβεῖδης (v. 30); [Εὖ]γυρεῖς (v. 3 col. I) отдѣлены здѣсь отъ прочихъ димовъ той же триттии для того, чтобы дать въ спискѣ притановъ первое мѣсто ихъ казначею, одному изъ евонимейцевъ; и такимъ образомъ они попали въ одинъ столбецъ съ [Κηφισί]еis (col. I v. 7) и Φηγούός (v. 27). Наконецъ, и въ С. I. A. III 1020 онятъ вмѣстѣ составляютъ II-ой столбецъ: Δαρπτραις (v. 9), Εὐωνυμ(ε)ίς (v. 19), Ἀναγυράταις (v. 22), I-ый же столбецъ составляютъ Κηφισίеis¹⁾.

Естественные границы триттии, въ которой мы помѣщаемъ такимъ образомъ димы: 'Αναγυροῦς, Δαρπτραι καθ. и ὄπεν., Εὐωνυμου, Κηδοῖ, Παμφωτάδης, составляли, вѣроятно, на западѣ южная часть Имитта, на сѣверѣ отдѣляющіяся отъ Имитта на востокѣ горы Κέδρας, и на востокѣ рядъ возвышеностей съ горою Δερειβοῦ и западнымъ краемъ Ναύι, отдѣлавшій область этой триттии въ сѣверной части отъ долины Καλόβιа, въ южной части отъ долины между хребтомъ Ναύι и горою Ολυμποῦ (или Σχόρδη).

Эта послѣдняя долина съ ея расширениемъ на востокѣ между Олимпомъ и Лаврійскими горами и прилегающимъ къ ней берегомъ моря какъ у подошвы Олимпа, такъ и, вѣроятно, вдоль западнаго склона Лаврія, занята была триттией Αντίοхиды.

Пр. X б. Эту триттию составляли называемые Страбономъ димы Θοραι (Θοραιεis)—вѣроятно, въ западной части названной долины, имѣющей скатъ къ морю, а также и далѣе на югъ вдоль берега моря у западной и южной подошвы подступающихъ здѣсь къ самому берегу горъ до мыса "Αγ. Νεκόδας" ("Αστοπάλαια")²⁾; Αἰγιλία (Αἰγιλιεis)—должно быть, къ востоку отъ предшествующаго дима въ восточной части долины между Ναύι и Олимпомъ, отдѣленной отъ собственной

¹⁾ Интересно такимъ образомъ отмѣтить относительно филы Эрекеенды, что вплоть до конца I-го вѣка по Р. Хр. (надпись п. 1020 Диттенбергеръ относитъ къ 90—100 гг.) въ ея спискахъ собирается порядокъ въ перечислении димовъ, по которому кифисийцы или кифисийцы и фигутиане никогда не вмѣшиваются въ рядъ прочихъ димовъ. Городская триттия этой филы съ отдачей дима Θηδαχός въ Итолосаиду и Αγρολή въ Атталаиду, кажется, совсѣмъ уничтожилась.

²⁾ Центръ дима, вѣроятно, въ мѣстности Φινικία (или Θινικία) у юго-восточной подошвы Ναύι, где значительные схѣды древняго поселенія (Мильх. Karten III—VI р. 19).

долинъ Анафлиста рядомъ холмовъ¹); 'Αναφλόστος ('Αναφλόστοι)—въ значительно большей долинѣ между юго-восточной подошвой Паві и Олимпомъ съ одной стороны и западнымъ склономъ Лаврійскихъ горъ съ другой²). Наконецъ, къ югу или къ востоку отъ Анафлиста долженъ быть помѣщенъ согласно Страбону димъ 'Ατήνη ('Ατηνе), название которого ('Ατηне) мы возстановляемъ въ текстѣ Страбона вмѣсто рукописнаго 'Ατηνεіс и читавшагося до сихъ поръ въ изданіяхъ 'Ατηнеіс³). Кромѣ этихъ четырехъ димовъ еще два могутъ быть отнесены совершенно безошибочно въ ту же триттию: Βῆσσа и 'Αμφιτρόπη, которые и другими учеными уже давно отнесены въ окрестности Анафлиста и Лаврійскихъ горъ. Βῆσσа, по Исею (π. τ. Πόρρος κλήρ. 22) лежащій въ области горнозаводской дѣятельности, а по Ксенофонту (π. πόρων IV 44) по срединѣ между Анафлистомъ и Форикомъ, долженъ быть помѣщенъ въ горахъ Лаврія, вѣроятно, въ сколько къ сѣверо-востоку отъ Анафлиста, гдѣ должна была проходить дорога въ Форикъ⁴). 'Αμφιτρόπη, также одинъ изъ димовъ горнозаводской области (С. I. A. II 780, vv. 14 sq.) помѣщаются обыкновенно въ маленькой долинѣ между самыми восточными отрогомъ Кератейскихъ горъ (Паві) и сѣверной частью Лаврія, на дорогѣ изъ области Анафлиста въ Кератейскую долину: здѣсь сохранившееся название мѣстечка Ματροπία, есть можетъ быть отголосокъ древняго 'Αμφιτρόπη⁵). Хотя имѣя склонъ къ долинѣ Кератеи, эта мѣстность

¹) Этому диму, вѣроятно, принадлежать описываемые Мильхеферомъ (*ibid.*) развалины въ окрестностяхъ деревни 'Ελαιρό, восточнѣе (*Phériza*) и сѣверо-западнѣе (*Trapuria*= 'Αγ. Δημήτριος).

²) Мильх. (*ibid.* p. 20 sq.) помѣщаетъ часть дима въ верхней части на восточномъ склонѣ Σχόρδη (*Vigla*, *Velaturrei*), часть же въ сѣверо-вост. углу бухты.

³) Въ обоихъ направлениихъ мы не находимъ однако въ описанияхъ мѣстности подходящихъ слѣдовъ для этого дима (Леончі, куда помѣщали Азинію, находится уже въ области слѣдующей триттии). Можетъ быть, гавань Анафлиста составляла отдѣльный димъ 'Ατήνη?

⁴) Мильх., (*ibid.* p. 25) считаетъ виѣ сомнѣніе что Βῆσσа находилась въ нынѣшней Καμаресѣ, занимающей центральное мѣсто въ области рудниковъ; мы предполагаемъ передвинуть этотъ димъ иѣсколько сѣвернѣе къ Δερδոλѣхі или Πλάκа, гдѣ Мильх. также находитъ слѣды древнихъ центровъ населенія; противорѣчія извѣстію Ксенофона при этомъ не будетъ, а Камареза должна быть отведена еще къ триттии IV в. (*Sunnia*), которая иначе была бы слишкомъ стѣснена.

⁵) Сюда помѣщаются этотъ димъ уже Стюартъ, также Линъ, Россъ и др.; Мильхеферъ (p. 24) также согласенъ, хотя сообщаетъ, что слѣды древности здѣсь незначительны.

удобище могла бы быть отнесена къ области Форика (триттии V в.), но можетъ быть, граница между обѣими триттиями проходила здѣсь нѣсколько сѣверо-восточнѣе водораздѣла между обѣими областями, или же название нѣсколько передвинулось сюда съ запада¹⁾.

Отраженіе триттии X в. въ надписяхъ мы можемъ прослѣдить нравда только въ двухъ случаяхъ, но зато вполнѣ: вообще же синскими фамилии Антіохиды мы не богаты. На обѣ надписи С. I. A. II 944 и 869 мы уже указывали по поводу димы 'Атѣнѣ. Въ первой изъ этихъ надписей (п. 944 col. IV) димы данной триттии слѣдуютъ за 'Аллакахѣв (v. 3), изъ триттии городской, въ слѣдующемъ порядкѣ: Форас[и]е[с] (v. 12), А[и]т[и]л[и]е[с] (v. 17), 'А[т]ын[и]е[с] (v. 22), 'Анафлѣстіо (v. 27), Вѣгас[и]е[с] (v. 36); далѣе идутъ димы срединной триттии. Въ п. 869 пританы береговой триттии занимаютъ изъ трехъ столбцовъ весь первый и верхнюю часть II-го, такъ какъ число ихъ (27) превышаетъ норму (16—17) и увеличено на счесть триттий городской (10) и отчасти срединной (13), которая, очевидно, не могли выставить достаточнаго числа притановъ. Верхнюю часть третьяго столбца занимаютъ имена притановъ изъ димы 'Аллакахѣ, представляющаго городскую триттию; имена же притановъ срединной триттии помѣщены въ нижней части втораго и третьяго столбцовъ, при чмъ отмѣчено, что обѣ эти части списка составляютъ одну группу и не должны быть тѣснѣе связываемы съ верхнимъ частями тѣхъ же столбцовъ: именно первые димы этой триттии въ обоихъ столбцахъ помѣщены на одной строкѣ (v. 13), такъ что въ III-мъ столбцѣ вслѣдствіе этого оставлена одна строка пустою, обстоятельство, которое иначе, кажется, должно бы остаться необъясненнымъ. Итакъ димы береговой триттии перечисляются здѣсь слѣдующимъ образомъ: col. I v. 1—'Анафлѣстіо, v. 12—'Адриатопака[с], v. 15—Вѣгас[и]е[с], v. 18—'Атѣнѣ, col. II v. 1—Аїмл[и]е[с], v. 8—Форас[и]е[с].

Границами триттии X в., конечно, была на сѣверѣ гора Пахі, западной подошвой почти упирающаяся въ море; съ одного изъ ея восточныхъ концовъ восточная граница переходила на центральную часть Лаврійского хребта, а затѣмъ по водораздѣльной линіи около Барбалаки на западный изъ его составныхъ хребтовъ, съ которымъ и оканчивалась или мысомъ, противолежащимъ "Аї. Никола[с] у Анафлистской бухты, или южнѣе, противъ острова Натрокла.

¹⁾ Можегь быть, и димъ 'Ергас[и]е[с], встречающійся только 3 раза въ надписяхъ около времени Адріана, находился также въ этой области єрзантуріон. (Сравн. именѣши. 'Ергас[и]е[с]).

Тр. IV в. Изъ ея димовъ Страбонъ называетъ Σούνιον и Ποταμός (Стр. IX 22 р. 398). Что касается до первого, то тождество его имени съ именемъ мыса, мѣстонахожденіе котораго не подлежитъ со мнѣнію, даетъ ему опредѣленное мѣсто на самой южной оконечности Аттики и именно, по Страбону, въ ея восточной части¹⁾). Димъ же Ποταμός называется Страбономъ не сейчастъ же за Сунiemъ, а такимъ образомъ, что между ними вставленъ Θερικός, димъсосѣдней триттии (V в.); тѣмъ самымъ обнаруживается, какъ мы иѣли уже случай замѣтить, что димъ этотъ не находился на берегу, а болѣе внутри страны за береговою полосой, занятойсосѣдними димами Сунiemъ и Θεριкомъ: область триттии IV в. опиралась на восточный берегъ Аттики только на небольшомъ пространствѣ, но заходила гораздо далѣе на сѣверъ своею западною частью, лежавшию въ горахъ. Ея граница со слѣдующею триттией V в. шла, вѣроятно, въ направлении сѣверо-западномъ, слѣдя здѣсь направлению горныхъ отроговъ и долинъ, и такимъ образомъ какой-нибудь димъ, лежавший въ этой части триттии, могъ приходиться даже сѣвернѣе прибрежнаго дима слѣдующей триттии. Димъ Ποταμός мы будемъ искать слѣдовательно во внутренней части южной оконечности Аттики; непремѣннымъ условиемъ при выборѣ мѣстности, въ которую можно бы было помѣстить этотъ димъ, должна быть, конечно, рѣка, или начало рѣки—сильный источникъ. Въ Греціи рѣки гораздо явственнѣе, гораздо замѣтнѣе въ своихъ верховьяхъ, въ нижнемъ же теченіи своеемъ онѣ, лишенныя воды орошеніемъ полей или виноградниковъ, представляютъ по большей части одно сухое русло; и въ новой Греціи мы встрѣчаемъ названія Ποταμός или образованыя отъ Ποτаμός часто какъ разъ для мѣстностей, лежащихъ въ горахъ²⁾). Въ мѣстности, о которой идетъ здѣсь рѣчь, сильный ручей, по свидѣтельству Мильхгесфера называемый теперь прямо Ποτάμη, вытекаетъ изъ горъ у большаго селенія Κερտія; здѣсь Ликъ, а за пимъ другіе, помѣстили димъ Ποταμός, руководясь, правда, другими соображеніями. Впрочемъ, въ Кератью помѣ

¹⁾ I. с. Κάμψατη δὲ (очевидно, съ запада) τὴν κατὰ τὸ Σούνιον ἀκράγανθον οὐδὲ Σούνιον; согласно съ этимъ, центръ дима Σούνιοн мы должны искать непремѣнно къ сѣверу отъ мыса на восточномъ берегу Аттики или нѣсколько въ глубь страны; на берегу бухты прилегающей съ запада съ мысу, гдѣ Ликъ (р. 54 нѣн. перевода) помѣщается димъ Суній, находилась только, второстепенная гавань и крѣпость.

²⁾ Ποταμουνіа и Αλμυρопотацо во внутренней части Евбей, Ποτάμі около древняго Тризина и др.

щаются Потамо́с хаджокарвев, димъ же, который называеть Страбонъ, считается обязательнымъ искать на берегу моря и потому его признаютъ за Потамо́с ёкнэврөв, и отводятъ подъ него мѣстность около пустынной нынѣ бухты Даосхалю́, гдѣ уже никакой рѣки нѣть ¹). Кёлеръ²), замѣчая, пожалуй, справедливо, что димъ Потамо́с вовсе не былъ такимъ большиымъ, какимъ его себѣ почему-то представляли Ликъ, Россъ и другіе, переносить оба дима Потамо́и и еще третій, имъ открытый, Потамо́и Даирадіотбу, въ мѣстность Даосхалю́ ³). Мы же показали выше, что димъ Потамо́с, дѣлящійся на верхній и нижній, принадлежитъ триттію городского округа и лежалъ около Алимунта; къ разбираемой здѣсь триттію относится только димъ Потамо́с, котораго жители назывались Потамо́и Даирадіотаи, и этотъ димъ называеть Страбонъ. Но помѣстить нашъ димъ въ Кератью мы не рѣшаемся, хотя этому и благопріятствовало бы то обстоятельство, что здѣсь найдены двѣ надписи Дирадіотовъ, то-есть изъ дима сосѣдняго съ Потамо́с: С. I. A. II 1981 (=Мильхг. Antikenb. 212) и Мильхг. Antikenb. 207. Долина, по которой протекаетъ рѣчка, имѣющая свое начало у Кератыи и впадающа въ море у Форика, вѣроятно вся принадлежала триттію Va, и въ Кератѣ Кёлеръ справедливо помѣщаетъ димъ Кефалѣ: 3 найденныхъ здѣсь надгробныхъ надписи 5-ти Кефалейцевъ подтверждаютъ вполнѣ это предположеніе (Мильхг. Antikenb. 210, 211a, 211b); къ тому же область триттію Сунія была бы, пожалуй, слишкомъ растянута и слишкомъ трудно опредѣлмы ея границы съ триттіемъ Форика, если бы мы включали въ первую и область Кератыи. Поэтому мы предлагаемъ для дима Потамо́с верховья другой рѣчки, вытекающей южнѣ Кератыи изъ горъ Лаврійскихъ и впадающей въ море къ западу отъ мыса Сунія, рѣчки Даиррача, приблизительно около нынѣшней деревни Кацарѣса или Сунтеріи. Даирадіес, горные хребты, для дима, носящаго это имя и несомнѣннососѣдняго съ Потамо́с, легко найти и здѣсь, какъ Кёлеръ нашелъ ихъ у Даосхалю́. Наконецъ, четвертый димъ, который долженъ быть отнесенъ въ эту триттію на основаніи приведенного нами уже при разборѣ городской триттіи той

¹) Ликъ р. 61 (пѣм. пер.). Россъ (р. 91) и другіе. Ликъ на своей картѣ обозначили (ради этого) значительную рѣку, впадающую у Даосхалю́ въ море.

²) Mitt. d. d. a. I. X p. 105 sq.

³) Мильхг. (III—VI р. 25—28) помѣщаетъ разбросанныя селенія Потамо́и-цемъ отчасти въ долину нижнаго теченія Потамо́и къ сѣв. отъ Форика, отчасти на крестныя высоты.

же филы неоспоримаго, кажется, согласнаго свидѣтельства двухъ списковъ притановъ С. I. A. II 864 и Mittheil. X p. 105 sqq,—это Фреа́ррио. Точнѣе опредѣлить положеніе этого дима мы не можемъ, но самое название несомнѣнно произведено отъ слова фрѣата—шахты, которыми была покрыта эта мѣстность¹). Надгробныхъ надписей Фреа́ррио въ этой мѣстности не найдено, только похороненная въ мѣстности Керати жена одного кефалейца была дочь Фреа́ррио, то-есть, слѣдовательно, изъ сосѣдней мѣстности, и на надгробной урнѣ изъ Сунія (Мильг. Antikenb. 264) можно возстановить [Фреа́р]юс. Такимъ образомъ мы полагаемъ, что димы, поименованные во II столбѣ надписи С. I. A. II 864, представляютъ триттію IV b.; это в. 3—Фреа́ррио (9 лицъ), в. 22—Σονικѣ (4 лица), в. 31—Δειρδѣттai (2 лица), в. 36—Ποτа́мio (2 лица). Тотъ же составъ триттіи мы возстановляемъ вмѣстѣ съ Келеромъ (который только не призналъ адѣсь триттіи) и въ надписи, изданной нимъ въ Mittheil. X p. 105 sqq: предположивъ адѣсь 3 строки въ обломанной сверху части камня и помѣстивъ въ 1-й изъ нихъ [Фреа́ррио] будемъ имѣть девять именъ, дающе в. 8 (изъ сохранившихся)—Σονικѣ; (4 лица), в. 13—Ποτа́мio[ι Δ]ειρδѣттai (2 лица), в. 16 [Δειρδїш]ттai—[2 лица]. Изъ другихъ списковъ филы Леониды только въ СIA II 943 встречаются вмѣстѣ три изъ относимыхъ нами въ береговую триттію димовъ; вообще въ этой надписи сосѣдство димовъ не наблюдается, но въ данномъ случаѣ имѣемъ подъ рядъ соI. III в. 3—Δειρδѣттai, в. 7—Φρеа́ррио, в. 10 Σον[у]ιεi; впрочемъ, вставлена эта группа между димами городской триттіи.

Граница триттіи IV b. направляется отъ срединной точки вершины Лаврія Мікро Рицарі (съвернѣе Камарезы) на юго-западъ въ указанномъ нами направлениі (она раздѣляетъ адѣсь эту триттію и тр. X b.) и на востокъ въ прямомъ направлениі къ морю: она шла адѣсь, очевидно, по хребту одного изъ отроговъ, упирающагося въ море у Котраку, и отдѣляла на съверѣ область триттіи V b.

Тр. V b. Съ димомъ Θορіко, называемымъ Страбономъ вслѣдъ за Σούνιо и лежавшимъ въ мѣстности, носящей и теперь название Θερіо, на берегу глубокой бухты, представляющей хорошую гавань,

¹) Область къ юго-востоку отъ Камарезы: Bergéko, Nòrgia и Suréza, представляющая, по свидѣтельству Мильхефера (р. 28), наиболѣе разрабатывавшуюся въ древности часть горнозаводскаго округа, еще въ нашемъ распоряженіи: адѣсь, вѣроятно, и нужно помѣстить область Фреа́рриевъ, обладавшихъ, можетъ быть въ гаванию въ нынѣшнемъ Ергастѣ и Котраку.

уже именческими преданіями связать димъ Кефалѣ¹). Съ другой стороны, какъ мы сказали выше, найденными въ достаточномъ количествѣ у деревни Кератіа надгробными надписями кефалейцевъ вполнѣ прочно опредѣляется положеніе этого дима въ ближайшихъ окрестностяхъ Керати, гдѣ и сохранились еще слѣды двухъ группъ древнихъ селеній²). Такимъ образомъ, долина рѣчки, берущей начало изъ Кератейскихъ горъ и впадающей въ море у Форика, несомнѣнно вся принадлежала триттіи V b, также, вѣроятно, и берегъ къ сѣверу отъ Форика, по большей части скалистый и мало доступный. Но какіе еще димы входили въ составъ этой триттіи, мы не можемъ опредѣлить, такъ какъ съ одной стороны не имѣемъ никакихъ данныхъ для отнесенія въ указанную мѣстность нѣкоторыхъ остающихся свободными димовъ филы Акамантиды, каковы Кортейса, Кикониа, Нѣрос; съ другой стороны для филы Акамантиды мы не имѣемъ вовсе сколько нибудь цѣльныхъ и порядочныхъ списковъ должностныхъ лицъ, въ которыхъ бы могли, какъ мы это дѣлали по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ филамъ, искать слѣдовъ группировки димовъ по триттіямъ, кромѣ части списка въ надписи С. I. A. II 991, сохранившей только имена димовъ городской триттіи и двухъ — вѣроятно, срединной.

Найденная у Керати же (въ сѣверо-западной группѣ развалинъ) база дара Асклипію отъ 16-ти проспальцевъ С. I. A. II 940 свидѣтельствуетъ, что по близости отсюда находился и димъ Прѣскакта; а 2 надгробныхъ надписи 3-хъ проспальцевъ изъ окрестностей деревушки Калубіа Коофарѣ къ западу отъ Керати: С. I. A. II 2512, 2515 (см. Мильтг. Antikenb. 182, 183), а можетъ быть, третья оттуда же Мильтг. Antikenb. 187: КАД[ЛІ]—ПРО{ΣΠΑΛΤІОΣ} указываютъ несомнѣнно на долину Каливи какъ на мѣстность, принадлежащую

¹⁾ Въ Форикѣ царствуетъ Кефалѣ (Apollod. Bibl. 2, 4, 7, 3), а это, конечно, герой-эпонимъ дима Кефалѣ, не въ томъ смыслѣ, конечно, что по имени героя названъ димъ, а что изъ имени дима или вообще мѣстности образовано имя героя, являющагося представителемъ данной мѣстности. Эпонимомъ Кефалѣ (однимъ изъ „ста“ героевъ-эпонимовъ) считаетъ его и Тенферъ Altische Genealogie, p. 255.

²⁾ Къ сѣверо-западу отъ Керати у потока главного ручья „хат’ єѣохѣн Ротами“ (Мильтг. III—VI p. 10, 12) и къ сѣверо-востоку у истоковъ сѣверного притока „Ротами“ (id. p. 13). Которая изъ двухъ группъ должна быть отведена подъ Кефалѣ, трудно сказать; но очевидно, самое название означаетъ источники рѣчки (ср. Герод. IV 91: Τεῖροι ποταμῶι κεφαλαι), какъ и въ настоящее время въ Греціи каждый большой источникъ называется κεφαλᾶρι.

этому дому¹). Но этимъ еще не решается вопросъ, къ какой триттіи принадлежалъ димъ Прóстакліхъ, такъ какъ съ съверо-запада къ мѣстности Каливіи примыкаетъ область еще одного дима той же фізы 'Агундос, помѣщаемаго теперь на основавіи эпиграфического материала въ окрестности деревни Мархоктооло²). Распространить триттію береговой полосы и на этотъ округъ неудобно, такъ какъ получается слишкомъ большое пространство, занятое одной триттіей, къ тому же мы считаемъ возможнымъ помѣстить къ западу отъ Мархоктооло еще одинъ димъ Акамантиды, Σφυττός, который вмѣстѣ съ Агунтомъ объединяется въ триттію срединной полосы філы Акамантиды. Обѣ триттіи этой філы сходились такимъ образомъ или между Каливіей и Марконуло, или между Кератьей и Каливіей, смотря по тому, отнесемъ ли мы димъ Прóстакла къ береговой или срединной триттіи. Намъ кажется, что географическая условія благопріятствуютъ скорѣе послѣднему, другихъ же данныхъ для решения этого вопроса у насъ неѣтъ пока.

Пр. III б. Всѣдѣ за димомъ Потгрѣс Страбонъ называетъ (IX. р. 399) два дима Пандіониды Πανδίονι, Στειρά, затѣмъ городъ Вравронъ не составлявшій дима, но или принадлежавшій къ области какого-нибудь другого дима, или, вѣроятнѣе, дѣлившійся на 2 или нѣсколько димовъ (какъ городъ Аенины), далѣе несомнѣнно вѣрно возстановляется Ηλаі 'Арафтуїдес, въ которомъ называется святилище 'Артешідос таурополос³) и, наконецъ, опять два дима Пандіониды Μορριούς и Προβάλιούς. Всѣ четыре приводимыхъ Страбономъ дима Пандіониды мы не можемъ не соединить въ одну триттію⁴), при чёмъ прибѣгаемъ къ практиковавшемуся нами уже два раза способу объясненія подобныхъ вставокъ среди димовъ одной філы и триттія димовъ другой: мы полагаемъ, что Μορριούς и Προβάλιούς потому названы послѣ Враврона⁵) и Аль, что авторъ хотѣлъ перечислить сначала димы, лежавшіе

¹) Кёлеръ I. c. помѣщаетъ его an einer Ruinenstätte zwischen Kuvara und Kaluvia-Kuvara; но скорѣе въ западной части равнины Каливіи въ мѣстности 'Евнія Порго, гдѣ найдены надгробныхъ надписи проспектійцевъ и болѣе значительные слѣды дима (см. Мильхг. ibid. p. 12).

²) Мильхг. ibid. p. 11.

³) Святилище Артемиды (Таурополос) въ Алахъ Арафинидскихъ упоминаетъ еще Каллимахъ Нушп. in Dian. v. 173, Европ. Ифиг. Тавр. vv. 1450 вѣ.

⁴) Но диму Μορριούς вся триттія называлась Μορριούσіон триттіс — Dittenberger Sylloge 301.

⁵) О томъ, что димы, составившіе Вравронъ, принадлежали, вѣроятно, тоже къ філѣ Эгемедѣ, какъ и 'Алаі, см. ниже.

на берегу моря на извѣстномъ протяженіи и затѣмъ обратился на-
задъ къ этимъ двумъ димамъ, лежавшимъ въ отдаленіи отъ берега.
Что древнія Праскі и Стейрі находились по обѣ стороны большой и
прекрасной бухты Порто 'Рафтѣ значительно къ сѣверу отъ Форика,
въ этомъ нечего сомнѣваться ¹⁾). Относительно Мирринунта справед-
ливость нашего предположенія тоже не подлежитъ сомнѣнію, такъ
какъ найденные въ разрушенной деревнѣ Меренда на западъ отъ об-
ласти названныхъ выше двухъ приморскихъ димовъ, недалеко отъ
деревни Мархопоулос: 1) постановление Мирринунтцевъ (С. I. A. II 575),
2) контрактъ фратріи Дослѣон (у которой оба фратріарха мири-
нунтцы) съ пѣкіемъ миринунтцемъ о сдачѣ въ аренду мѣстечка въ
Мирринунтѣ (С. I. A. II 600). 3) алтарь, посвященный почитавшейся
въ Мирринунтѣ 'Арфенѣ]бл. Кола[н.]бл. безспорно доказываютъ, что
здѣсь, то-есть на мѣстѣ Меренды, поющалялся этотъ димъ ²⁾, отда-
ленный съ юга возвышенностью Меренда; и съ востока, со стороны
моря, цѣлью холмовъ. И когда такимъ образомъ оказалось, что Ми-
ринунтъ не находится на берегу, ученые, желавши спасти принципъ,
что Страбонъ называетъ только береговые димы, пытались подставить
въ текстѣ Страбона вмѣсто Морроубос—Морроубота ³⁾, димъ, котораго
иѣстонахожденіе мы не знаемъ и который, слѣдовательно, можно по-
мѣщать куда угодно. Но нужды въ этомъ нѣть, такъ какъ мы уже
видѣли, что и въ другихъ случаяхъ несомнѣнно Страбонъ называетъ
не въ очередь димы, отдѣленные отъ берега моря. Труднѣе при-
строить димъ Пробалондос. По видимому, полнымъ подтвержденіемъ тому,
что Провалинѣ находился пососѣдству съ Мараеномъ, который
сейчасъ же за нимъ называется Страбонъ (слѣдовательно, далеко отъ
нашей группы Праскі, Стейрі, Морроубос), служить и то обстоятель-
ство, что Провалинѣ принадлежалъ къ Мараенской тетрапольс, и то,
что надписи провалинѣцевъ найдены у южнаго входа въ Мараен-
скую равнину: надгробная надпись 3-хъ пробалинѣцевъ — Bull. do
corr. hell. III р. 200 — противъ юго-восточной подошвы Аргиелики,
хребта запирающаго Мараенскую равнину съ юга, при дорогѣ въ

¹⁾ См. особенно Лоддинга въ *Mitth. d. d. A. I. in Athen IV* p. 351 sqq.,
Мидхгеберъ къ *Karten III—VI* р. 9.

²⁾ Такъ уже К. О. Миллеръ (*„Attika“* въ Энциклоп. Эрша и Грубера, VI)
исправилъ Лиха, который въ 1-омъ изд. (р. 61 пѣм. пер.) помѣщалъ Морроубос
между Ахами и Мараен.; и самъ Лихъ во II изд. (р. 78).

³⁾ Кипергъ *Neuer Atlas v. Hell. Text zu Taf. VI* р. 3.—Лоддингъ I. с. р. 353.

Мараеонъ; обломокъ надгробной же, вѣроятно, надписи [Проф] аліос — изъ Финлея у *Lika Demi of Attica*² р. 88 — у сѣверной подошвы той же горы; пограничный камень участка, заложенного пробалиненцу — у селенія Мтѣ́ц въ срединѣ Мараеонской равнины¹). Согласно со всѣмъ этимъ ученые помышлаютъ Превалинъ или въ теперешнее селеніе *Βραύα*²) къ сѣверу отъ Агреллики (такъ онъ обозначается на нѣмецкой карте Аттики и у Мильхгебера, обыкновенно же Аргалики), или въ *Ξελοκέρισα*, къ югу отъ него³), или у его восточной подошвы⁴). Это колебаніе зависитъ главнымъ образомъ отъ того, куда помышлаютъ разные ученые димъ Мараеонъ; но связь Превалина съ Агреллики уже прочно установилась. Тѣмъ не менѣе она вовсе не обязательна. Признаніе Превалина въ указанной мѣстности почти должно привести насъ къ отрицанію дѣленія на триттіи, такъ какъ димъ этотъ окажется одинаково отдаленнымъ отъ центровъ всѣхъ трехъ триттій Пандіониды, димовъ *Κυδαθұсіоу*, *Μορρούбіс*, *Παναγіа*. Впрочемъ, тотъ, кто предпочель бы устроить компромиссъ, можетъ еще предположить для триттія III в. узкую полосу, примыкающую съ запада къ области триттія II в. съ димами *Αραρήν*, *Άλαι*, *Αραφұмбес* и соединяющую обѣ приморскія части триттія Пандіониды *Πρασіа*, *Στειρά* и *Прөзліумбос*. Мы же считаемъ возможнымъ перенести Превалинъ значительно южнѣе и нѣсколько въ глубь страны, хотя и не можемъ отвести здѣсь подъ него опредѣленной мѣстности. Союзъ четырехъ городовъ, центромъ которого былъ Мараеонъ, образовался во времена глубокой древности. Тогда несомнѣнно всѣ города, входившіе въ его составъ, соприкасались своими областями и составляли одно географическое цѣлое; но съ течениемъ времени, когда союзъ потерялъ свою политическую силу, новыя поселенія въ области прежде властновавшихъ здѣсь городовъ могли образовать новые димы, или старыя поселенія выдѣльться въ самостоятельные димы, а когда ихъ самостоятельность была закрѣплена реформою Клиссена, прежде соприкасавшіеся области Превалина и Мараеона могли оказаться разделенными цѣлымъ рядомъ новыхъ димовъ. Димы эти принадлежали, вѣроятно, триттію II в. (триттію Арафина), отчасти, можетъ быть, IX в.

¹⁾ С. I. A. II 1135 (Мильхг. Antikenb. 345).

²⁾ Доллингъ Mittb. d. d. A. I. in Athen I р. 68 sqq. Иванъ Миллеръ Handb. d. kl. Alterth. III р. 119.

³⁾ Мильхг. Text zu d. Karten III—VI р. 40.

⁴⁾ Ликъ р. 74 (нѣм. пер.), Россъ, р. 92.

(Мараэона); Страбонъ ихъ не называетъ¹⁾), и такимъ образомъ случайно Провалинъ является у него рядомъ съ Мараэономъ. Что же касается до надписей пробалинѣцевъ, то, хотя найденная на мѣстѣ погребенія надгробная надпись съ именемъ еще нѣсколькихъ лицъ одного дима хотя бы изъ одной семьи (какъ въ надписи Bull. III p. 200) и имѣть значеніе, но въ данномъ случаѣ присутствіе всѣхъ ихъ вдали отъ собственной области пробалинѣцевъ легко объясняется культовыми, а потому и другими связями съ богатой Мараэонской областью, въ которой находилось общее святилище тетраполитовъ: вдоль дороги къ нему, вѣроятно, охотно хоронили своихъ покойниковъ принадлежавшіе къ этому религиозному союзу, подобно тому, какъ это дѣлали вообще всѣ асіаны по всей Элевсинской дорогѣ²⁾). Гдѣ слѣдуетъ помѣстить Провалинъ, мы, какъ уже сказали, точно опредѣлить не можемъ; но считаемъ подходящею для дима, который могъ быть достойнымъ представителемъ на югѣ Мараэонского союза, мѣстность, находящуюся, напримѣръ, у юго-восточной подошвы отроговъ Пентелика, тамъ, гдѣ два большихъ ручья, сливаясь, протекаютъ по спускающейся къ морю долинѣ между послѣдними отрогами Пентелика и сѣвернымъ краемъ невысокаго кряжа холмовъ, отдѣляющихъ здѣсь съ запада полосу берега. Селеніе, расположеннное здѣсь на одной изъ группъ холмовъ, спускающихся сюда съ сѣверо-запада, или на противолежащемъ имъ холмѣ Періфолакі, или на находящемся между обоими, омываемомъ двумя соединяющимися у его сѣверо-востока подошвы, "Етоси, могло отлично господствовать и надъ долиною ведущую къ морю, по которой пролегаетъ и самый удобный путь въ Мараэонскую равнину, и надъ окрестными полями къ западу и къ югу. Финлей говорить о слѣдахъ двухъ древнихъ городовъ въ этой мѣстности (между Пикерми и Рафин). Ликъ упоминаетъ объ остаткахъ древнихъ строеній на Этоси; если же Мильхгѳерь нашелъ здѣсь только незначительные слѣды древнихъ селеній³⁾), то разница въ показаніяхъ можетъ

¹⁾ Какъ онъ пропустилъ несомнѣнно и димы 'Арафѣнъ, 'Отроунъ, вѣроятно и Фуїаіа—см. ниже.

²⁾ Объ остаткахъ могилъ и значительномъ числѣ могильныхъ вазъ вблизи предполагаемаго святилища тетраполитовъ—см. Мильхг. Text zu d. Karten p. 48. До сихъ поръ въ окрестностяхъ Широ: а дѣлаются значительныя археологическія находки (терракоты, разнородныя вазы и т. п.). У сѣверо-восточной подошвы Агріанки карта нѣмецк. археолог. института отмѣчаетъ „ubergang mit Bauresten und Stücken v. Grabsteinen“: вдали здѣсь были похоронены все мараэонцы, къ области которыхъ принадлежитъ указанная мѣстность.

³⁾ Text zu d. Karten III—VI p. 39.

быть объяснена не столько неточностью прежнихъ исследователей, не всегда умѣвшихъ различать новое отъ древняго, сколько быстрымъ разрушенiemъ слѣдовъ древности въ мѣстностяхъ населенныхъ и обрабатываемыхъ. Во всякомъ случаѣ необходимо помѣстить Провалиноѣ гдѣ-нибудь къ сѣверу отъ Мирринунта (при томъ возможно дальше отъ него по направлению къ Мараону) и къ западу отъ полосы берега, занятой триттіемъ II b.

Между Мирринунтомъ и Провалиноемъ, вѣроятно, помѣстятся димы 'Аггелѣ и Фукаїа. Относительно первого изъ нихъ весьма вѣроятно предположеніе Мильхгера, что онъ находился въ мѣстности, сохранившей еще вѣроятно свое древнєе название и содержащей слѣды древняго поселенія. 'Аггеліо (= 'Аггелѣ?). нѣсколько къ сѣверу отъ Меренды¹⁾). Еще болѣе къ сѣверу, можетъ быть въ окрестностяхъ теперешняго Исаюѣ Врѣшна, можетъ быть еще нѣсколько сѣвернѣе, мы предполагаемъ димъ Фукаїа. Онъ лежалъ, вѣроятно, по сосѣдству съ димомъ того же названія филы Эгейды въ одной съ нимъ мѣстности, изобиловавшей особымъ родомъ букой фукаїс и раздѣленной, при учрежденіи триттій, между триттіями двухъ различныхъ филъ (II b. и III b.). То-же название мѣстности сохранилось и теперь на албанскомъ языкѣ Velanidëza, отъ velanidjä фукаїс²⁾). Такъ называется теперь восточный, обращенный къ морю склонъ холмовъ, о которыхъ мы говорили выше, ограничивающихъ съ западной стороны полосу берега на протяженіи отъ древняго Враврона до Арафина. Но въ этой Веланидѣзѣ могла бы помѣститься развѣ только Фукаїа Эгейды; Фукаїа Пандіониды, вѣроятно, помѣщалась на западномъ склонѣ тѣхъ же холмовъ, то-есть именно въ той полосѣ триттія III b., въ сѣверной части которой мы помѣщаемъ Провалиноѣ³⁾). Здѣсь же пососѣдству съ Фукаїа можно бы помѣстить и димъ "О": 3 надгробныхъ памятника 5-ти лицъ изъ этого дима ("Оаїсу), принадлежавшихъ несомнѣнно къ одному семейству, найдены вблизи деревушки Вѣлачѣбъ, а въ указанной выше мѣстности съ тѣмъ же названіемъ⁴⁾); и въ спискѣ димовъ С. I. A. II 991, какъ мы сейчасъ увидимъ, димъ "Оаїс" является въ концѣ ряда димовъ береговой триттіи. Но на основаніи мѣста, за-

¹⁾ Ibid. p. 11.

²⁾ Мильхг. ibid. p. 6; также уже Сурмелисъ и Кастроменосъ.

³⁾ Можетъ быть, въ мѣстности Мерхойр, то-есть въ юго-западномъ проходѣ черезъ краjkу названныхъ холмовъ, къ югу отъ нынѣшней Веланидѣзы. Мильхг. называетъ здѣсь несомнѣнныемъ слѣды древняго дима (ibid. p. 6).

⁴⁾ CIA II, 2678, 79, 82, см. Мильхг. ibid.

нимаемаго димами "Оз и Коуболт (надгробный памятникъ дочери одного коницейца С. I. A. II 2217 найденъ также къ востоку отъ Спата) ¹⁾ въ спискахъ притановъ С. I. A. II 865 и 875, мы предпочтаемъ оба эти дима отнести въ срединную триттю (*Πλανέαν*), соприкасавшуюся впрочемъ, вѣроятно, съ триттей береговой (*Μορριούσιον*) на нѣкоторомъ протяженіи ся западной границы.

Изъ надписей, которыя мы могли бы привлечь къ изслѣдованию вопроса о триттіяхъ Пандіониды, хорошо известная намъ уже надпись С. I. A. II 991 заключаеть, къ сожалѣнію, только 5 именъ димовъ; было ли ихъ больше въ цѣльномъ камнѣ и насколько больше, этого теперь нельзя рѣшить, такъ какъ сохранившееся находится въ верхней части II столбца: внизу и въ предыдущихъ сохранившагося спискахъ полонъ, вверху недостаетъ трехъ строкъ, но если мы двѣ верхнія, какъ мы сочли это удобнымъ для I-го столбца, отведемъ подъ общіе прескрипты, остается одна строка, которая должна быть занята названіемъ фили [*Πανδιονίδος*], если списокъ начинался только въ этомъ столбцѣ; если же начало списка ладало еще на первый столбецъ, то число поименованныхъ въ утраченной нижней части камня димовъ не можетъ быть опредѣлено. Сохранившаяся часть списка димовъ Пандіониды читается:

[Про]βά[λιθος]
Στειρ[εις]
Φηγατείς
Γραῆς
5. Ὁατ̄ς

Въ 1-й строкѣ Кѣлеръ возстановляетъ Прοβά[λιθος] (Россъ читалъ ПРА]ΣΙΑ[1]), въ настоящее время мы могли различить только слѣды буквъ ВЛ, причемъ остатокъ В, который можно принять и за К, приходится надъ буквами РI слѣдующей строки, то-есть нѣсколько дальше пятой буквы слѣдующихъ строкъ. Тѣмъ не менѣе возстановленіе Кѣлера не можетъ быть замѣнено другимъ, и должно, слѣдовательно, признать, что 1-я строка была написана значительно шире (какъ, вѣроятно, и въ первомъ столбцѣ). или, можетъ быть, конецъ первой строки первого столбца [*Ἄγρολὴ καθόπερθεν*] заходилъ въ начало 1-й строки 2-го столбца и такимъ образомъ отодвинулъ вправо начало слова Прοβά[λιθος]. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь

¹⁾ Мильхг. ibid. p. Antikenbericht № 43.

дима береговой триттии: Προβάλινθος, Στειρεῖς, Φηγαίεις. Но и следующий, 4-й, по нашему мнению, тоже известный димъ той же триттии. Гραῦс (v. 4) читается на камнѣ вполнѣ ясно, и поверхность камня здѣсь стерта весьма мало. Россъ¹⁾ впервые издавший разбираемую надпись, сопоставив Граῦс нашей надписи съ Граїκή γῆ — возстановляемымъ въ текстѣ Фукидида (II 28) на основаніи цитаты Стефана Византійскаго²⁾, предположилъ единственный разъ встрѣчающейся, именно только въ нашей надписи, димъ Граῦс Оропской области; и съ тѣхъ поръ новый димъ признается въ наукѣ. Но 1) области Оропа, Платеи, Элевсина, Саламина, не составляли особыхъ димовъ³⁾, но при присоединеніи къ Аттике жители ихъ, на которыхъ распространялись права гражданства, распредѣлялись между существующими уже димами⁴⁾; 2) димъ Граῦс и послѣ Росса, когда мы имѣемъ уже достаточное количество однихъ надгробныхъ надписей каждого дима Аттики, не попадается ни въ одной надписи; 3) если неименованный въ нашей надписи димъ относится къ Оропской области, то онъ долженъ быть признанъ лежащимъ особо отъ всѣхъ трехъ триттий своей филы, чего мы для 10-ти клиссеоновскихъ филъ допустить не можемъ. Все это наскѣ приводить къ убѣждѣнію, что загадочное ГРАНΣ есть результатъ, вѣроятно, двойной ошибки рѣзчика, позабывшаго сдѣлать вторую вертикальную черту II⁵⁾) и выпустившаго слогъ ΣΙ (или списавшаго окончаніе со слѣдующаго слова оригинала ΟΑΗΣ): въ ГРАНΣ скрывается искаженное такимъ образомъ {Π]ΡΑ[ΣΙ]ΗΣ, название дима, принадлежащаго, какъ и пред-

¹⁾ Demos p. 6 вqq.

²⁾ Исправленное мѣсто Фукидида гласитъ: (οἱ Πελοποννήσιοι ἀνεγόρησαν ἐκ τῆς Ἀττικῆς) διὰ Βοιωτῶν, οὐχ ἡκεὶ ἐσέβαλον. παριούτες δὲ Ὁφρωπόν, τὴν γῆν τὴν Γραικήν καλοσμένην, ἦν ἄνοιξτα: Ὁφρωπόν: Λθραίων ὑπήρκοσι, ἐδήσασαν. Оропцы, поданные аенинны, — конечно не аенинне и, сдѣдовательно, не могли составлять аенинского дима, по крайней мѣрѣ во времена Фукидида. Аристотель, Страбонъ и др. (см. Росса I. с.) то же говорятъ только, что Оропъ или какая-нибудь мѣстность около Оропа называлась Греѧ.

³⁾ С. I. A. IV 2 в. 446а въ числѣ павшихъ въ битвахъ аенинны называетъ въ одного изъ Элевсина, но онъ не подведенъ ни подъ дну изъ филъ, а названъ въ концѣ списка 'Ελευθερᾶν v. 48. О Саламинѣ Hegmann Staatsalterth. § 117, 4 вq.

⁴⁾ Демос. к. Νεῖσι 104.

⁵⁾ Какъ изъ примѣръ такого Г вм. II можемъ указать на прекрасно сохранившуюся и аккуратно вырезанную надпись С. I. A. II 864, где в. 22 на камнѣ ясно читается ΓΑΙΟΝΙΔΑΙ (вертикальной 2-й черты у первой буквы здѣсь не было), хотя оба издателя, Кумандусъ и Кѣлеръ, не указываютъ на это.

шествующюю 3, къ береговой триттии, 5-ый димъ разбираемаго списка Οατῆς, какъ мы говорили, скорѣе принадлежитъ срединной триттии, изъ которой въ такомъ случаѣ былъ названъ въ нашей надписи только одинъ димъ (такъ какъ дальше v. 6 слѣдуетъ Δεοντίδος и т. д.). подобно тому какъ между димами Эрехеены не было. вѣроятно, вовсе названъ димъ Κτριφσά¹⁾).

Изъ списковъ притановъ Пандіониды мы имѣемъ отъ IV вѣка три. Изъ нихъ С. I. A. II 871 важень тѣмъ, что имѣлъ надъ каждымъ изъ трехъ столбцовъ обозначеніе триттии, которое въ другихъ подобныхъ надписяхъ только подразумѣвалось; къ сожалѣнію, отъ этой надписи сохранилось очень немного: Col. I v. 6 Παιανέων триттός, v. 7. Παιανῆς καθόπερθε, v. 9. [Παιανῆς ὥπ[έ]υρθε; col. II v. 6. Κ[υδαθηναίων τριττός]²⁾ и col. III v. 6 несомнѣнно было [Μυρρινουσίων τριττός]. Больше сохранилось въ надписи С. I. A. II 865 (затерявшейся и извѣстной только по изданію Куманудиса); здѣсь, кроме первой строки, дающей въ обратномъ порядкѣ названія тѣхъ же трехъ димовъ, которые въ предшествующей надписи также были названы въ 1-й строкѣ, но въ обозначеніи триттий: v. 1 col. I [Μυρρινουσίων]³⁾ col. II Κυδαθηναῖς, col. III—Παιανῆς, сохранился довольно хорошо еще весь 3-й столбецъ, содержавшій, очевидно, димы срединной триттии: v. 1 Παιανῆς, v. 13 Παιανῆς καθ.. v. 15. [Κ]ονθυλίδ[α], v. 17. Θ[ε]τῆς. Въ 1-мъ столбцѣ можно еще различить v. 4. вѣроятно, ΑΓΓ]ΕΔ[Ε]ΕΣ или, можетъ быть, ΦΗΓ]ΑΙΕΣ; дальше слѣдовали другие димы береговой триттии и продолжался списокъ ихъ, можетъ быть, въ концѣ II столбца, гдѣ v. 14 Келерь предлагаетъ чтеніе [Пр]ο[β]α[λίσ]ιο[ι]: число притановъ изъ береговой триттии было, очевидно, уве-

¹⁾ Варочемъ, мы не отрицаемъ безусловно, что Οατ и Κονθύλη были димами береговой триттии. Какъ мы сейчасъ увидимъ, въ спискахъ притановъ оба они называются въ нижней части столбца, верхняя часть котораго занята димами срединной триттии (2 Νεαпії), и возможно, что они были помѣщены туда, такъ какъ число притановъ триттии Мирринунта значительно увекишилось насчетъ двухъ другихъ триттий, а между тѣмъ имъ отводилась по крайней мѣрѣ верхняя часть отдѣльныхъ столбцовъ. Тогда димы городской триттии (Κολαθ.) и срединной (Παιαν., и, вѣроятно, Κυδηρος) были въ С. I. A. II 991 помѣщены въ утраченной части надписи (внизу II-го столбца).

²⁾ Такъ какъ Κυδαθηνаῖων единственный димъ городской триттии, то мы не сомнѣваемся, что въ данномъ мѣстѣ должно возстановлять название этой триттии: Κυδαθηνаῖων τριττός.

³⁾ Название дима здѣсь непремѣнно стояло и предлагаемое нами возстановленіе единственно подходящее къ тѣмъ слѣдамъ, которые отмѣчаетъ Куманудисъ.

личен нао счетъ городской триттіи, въ которой мы знаемъ всего только одинъ димъ Кубафұнасю.—СIA II 873 извѣстна только по копии Spon'a; Кѣлеръ справедливо сомнѣвается, чтобы содержаніе надписи было расположено въ ней въ томъ видѣ, въ какомъ даетъ намъ его копія Spon'a¹⁾). Въ I-мъ изъ двухъ столбцевъ (въ надписи необходимо долженъ быть быть и III-й) имѣемъ тѣ же три димы, что и въ III-мъ столбцѣ предшествующей надписи: v. 1.—Пасачеѣс, v. 29. К]оуфуліда[, v. 32 "Оада"; далѣе v. 37 димъ береговой триттіи Пра-
сасеѣс (можетъ быть, перенесенъ сюда въ копіи изъ конца II-го столбца). Col. II димы береговой триттіи: v. 1.—Аүзелѣс, v. 10.—Морри-
ноисю, v. 21.—Стаиреѣс, v. 28—процусъ, нужно предположить здѣсь
название одного изъ двухъ не названныхъ еще димовъ той же трит-
тіи Фұғасеѣс или Пробалісю; для col. III остаются, сѣдовательно,
опять Кубафұнасю, Пробалісю или Фұғасеїс²⁾.

Tr. II b. 'Алай 'Архфундес, единственный называемый Страбономъ димъ триттіи, которая вся лежала довольно узкой полосой вдоль берега моря. Мѣстность, где находился этотъ димъ, опредѣляется довольно точно и на основаніи нѣсколькихъ данныхъ³⁾), и такимъ образомъ этотъ димъ является для насъ центромъ, вокругъ которого найдутъ себѣ мѣсто нѣкоторые другие димы данной триттіи. Вообще же изученіе триттіи Эгейды затрудняется въ значительной степени какъ обилиемъ по большей части все мелкихъ димовъ (по числу двадцати—20—это наибольшая изъ филъ), такъ еще и тѣмъ, что двѣ триттіи этой филы, береговая и срединная, соприкасались, кажется, на довольно значительномъ разстояніи, отчасти же раздѣлялись только узкой полосой предшествующей триттіи (III b.). И послѣднее обстоятельство отразилось, кажется, уже въ древности на томъ, что границы триттіи для самихъ древнихъ нѣсколько стушевывались и димы, принадлежавшие къ одной триттіи, не представляли уже такихъ проч-

¹⁾ 1) Продолженіе верхніхъ двухъ строкъ помѣщено внизу надписи, 2) въ каждомъ столбцѣ отмѣчено по 15-ти именъ (читаемыхъ и пропущенныхъ), тогда какъ должно быть по 17, или 17 и 16. Для нашей цѣли имѣеть значение обратить вниманіе на эту неточность копіи въ томъ случаѣ, если "Оа и Коуфулі не принадлежали вмѣстѣ съ слѣдующими за ними по копіи Spon'a Прасасеїс къ береговой триттіи.

²⁾ Димъ Кубафұрос, который, какъ кажется, принадлежалъ къ срединной триттіи, не имѣть своихъ представителей въ фоолі ни по одной надписи.

³⁾ См. особенно Saal, De demorum Atticae per tribus distributione, part. II deos tribus Aegeidis tenens, 1867 г., р. 7—10.

ныхъ группъ, какъ въ другихъ случаяхъ. По крайней мѣрѣ мы при этомъ предположеніи легче можемъ себѣ объяснить, почему въ списахъ притановъ Эгейды (мы имѣемъ ихъ 2 отъ IV в. и 1 отъ III в.), какъ мы раньше замѣтили и относительно списковъ Инеиды, у которой также соприкасались дѣлъ, а можетъ быть и всѣ три триттія, димы несомнѣнно разныхъ триттій перепутаны между собой.

Димъ 'Алай 'Арафѣюс около большаго солянаго озера, давшаго ему название 'Алай (теперь 'Аліх) у подошвы холмовъ Веланидезы, выдающихся здѣсь мысомъ того же имени: здѣсь сохранились и слѣды древняго поселенія ¹⁾). Къ сѣверу отсюда при выходѣ къ морю долины большаго ручья Никерми (въ среднемъ теченіи котораго мы помѣщаемъ предположительно Провалинъ) уже давно помѣщаются 'Арафѣу, название котораго сохранилось въ имени хутора, лежащаго иѣсколько ниже, въ устьѣ того-же ручья, 'Рафѣу ²⁾). Къ сѣверу же отъ 'Алай долженъ быть и димъ Фѣгаса (филии Эгейды, вѣроятно) ибо Стефанъ Византійскій (с. v. 'Алай) опредѣляетъ положеніе дима 'Алай такимъ образомъ: єсти бѣ ὁ δῆμος τῆς Ἀράφηνός; ³⁾ μεταῦ Φῆγεως (т. е. δῆμου) тобѣ прѣ; Μαραθῶνι καὶ Βρυτῶνις. Здѣсь Φῆγεως (вмѣсто Φῆγαιος Φῆγεως, какъ Θορεус вмѣсто Θοραιοс, Πειρεус вмѣсто Πειραιеус и Νειρεус, 'Алеус; вмѣсто 'Алазеус и т. п., см. списокъ димовъ у Гельцера и Index къ CIA III) употреблено, конечно, какъ прилагательное: Φῆγ(αι)εως δῆμος ⁴⁾ вмѣсто Φѣгаса, именно въ виду послѣдующаго опредѣленія, при которомъ авторъ, относя его къ подразумѣваемому δῆμοс, не хотѣлъ ставить члена женскаго рода.—Такъ какъ Вравронъ лежаль несомнѣнно къ югу отъ 'Алай, то Φѣгаса долженъ быть хоть иѣсколько сѣвернѣе ихъ. Мы говорили, что название Веланидеза-Фѣгаса носить весь обращенный къ морю склонъ холмовъ,

¹⁾ Мильхгѳеръ Text za d. Karten III—VI р. 6; надписи Алайцевъ главнымъ образомъ у Като Вратчъ—id. Antikenb. 234, 235.

²⁾ Отъ Лика (р. 64 иѣм. пер.; на картахъ онъ слишкомъ приближенъ Рафину къ Вравронской бухтѣ) до Мильхгѳера (ibid. p. 39).

³⁾ Существительное, которое нужно подразумѣвать въ тѣс 'Арафѣюс, но нашему иѣнїю, есть—триттіо, такъ что мы имѣемъ здѣсь название триттіи II в. также какъ для триттіи, въ которой находился димъ 'Алай Аїшвиюс мы предположили выше название Аїшвишъ триттіо.

⁴⁾ Такжѣ ἐν 'Ελαῖαι или 'Ελαιѣ (CIA I 164 v. 6; 170 v. 7; 173 v. 4); 'Ελαιءъ (δῆμοс) вмѣ, обыкновенно употребляемаго 'Елаюс; аналогично и название Νειρεус (δῆμοс). Воостановлять у Стефана Виз. Φѣгаса; иѣть надобности, такъ какъ и стяженныя формы въ позднѣйшее время употребительны; но несомнѣнно, Φѣгас не равносильно здѣсь съ Φѣгобунос.

окаймляющихъ берегъ, въ съверной части которого лежалъ димъ 'Алай: еще нѣсколько съвернѣе по ту сторону ручья Пикерми, у крайнихъ юго-восточныхъ отроговъ Пентелика, повторяется это название въ формѣ *Velanidiá*: здѣсь Мильхеферъ (*ibid.* p. 39) отмѣчаетъ нѣсколько очень старыхъ деревьевъ этой породы. Эта мѣстность по своему положенію къ съверу отъ 'Алай, на поворотѣ дороги въ Мараонъ и къ тому же несомнѣнно въ предѣлахъ еще области триттіи II в.. вполнѣ соотвѣтствовала бы диму, о которомъ говорить Стефанъ Византійскій; но такъ какъ въ ней другихъ слѣдовъ древняго поселенія не отмѣчаются ни Мильхеферъ, ни другіе, далѣе же на съверъ распрастраниять буковую полосу нѣть основанія, то мы склонны предположить, что развалины, относимыя обыкновенно къ Арафипу, у юго-восточной подошвы этой *Velanidiá*, и суть остатки дима Фуғаіа, Арафинъ же можно перенести въ сосѣдство съ деревней Веланидеза, гдѣ, 2½ килом. къ западу отъ 'Алай, сохранились также слѣды древняго дима и множество могильныхъ кургановъ по дорогѣ отсюда къ морю¹⁾). Здѣсь 'Арафіу будетъ тѣснѣе связанъ съ Алами, приходящимися у подошвы холмовъ, на которыхъ онъ былъ расположенъ, и бывшихъ, вѣроятно, первоначально его предмѣстьемъ; название 'Рафіуа могло передвинуться въ позднѣйшія времена.

Врауру, по Страбону и Стефану Византійскому, долженъ находиться къ югу отъ 'Алай, и несомнѣнно, что его нужно искать въ мѣстности, гдѣ на обоихъ ручаяхъ, образующихъ рѣчку, носившую въ древности название 'Ерасіон, расположены нынѣ селенія 'Епавш (или Палай) и Като Врауна (изъ Врауфонас), хотя оба эти селенія, особенно 1-е, расположены, вѣроятно, значительно дальше отъ моря, чѣмъ древній городъ. Къ какой триттіи принадлежали димы, составлявшіе этотъ городъ, и даже какие димы составляли его, этого мы хорощинко не знаемъ. Съ нѣкоторою достовѣрностью можно сказать, что димъ Філайда, эпонимъ котораго Філайос, сынъ Эанта, переселился съ Саламина во Вравронъ, былъ однимъ изъ этихъ димовъ²⁾). Можетъ быть, еще одинъ или нѣсколько неопределимыхъ точнѣе мелкихъ димовъ Эгейды же ('Еріхеа, Кобаутіда, 'Іоніда) входили также въ составъ города или окрестные сельскіе димы охватывали также часть городской территории (можетъ быть, Мирринооза, 'Отроун или 'Алай),

¹⁾ Мильх. *ibid.* p. 6.

²⁾ О Філайѣ см. Илут. біогр. Солона 10; въ остальномъ см. Росса *Demeen* p. Зааль I. p. 40, 42.

или наконецъ даже часть Бравронской территории могла быть отдельна въ сосѣдию триттю филы Пандіониды: къ ея области по крайней мѣрѣ слѣдуетъ, по всей вѣроятности, отнести мѣстность, на которой теперь находятся оба выше названныя селенія, сохранившія древнее название Браврона. Но самыи городъ помѣщался, вѣроятно, у самаго устья Эрасина. Почва здѣсь, правда, теперь болотистая, но, можетъ быть, не была таковою въ то время, когда здѣсь жили и занимались о стокѣ воды. Здѣсь же на одинокой скалѣ около самаго устья Мильхгеберъ¹⁾ описываетъ маленький акрополь, у подошвы которого можно предполагать и святилище Артемиды. Кругомъ, на скалистой подошвѣ окружающихъ эту маленькую низменность горъ, особенно на сѣверо-востокѣ отъ названнаго акрополя, сохранились обильные слѣды древнихъ жилищъ, цистернъ, укрѣплений и дорогъ. Съ юга эту маленькую низменность ограничиваютъ горы Перати, главная часть которыхъ образуетъ большой скалистый выступъ берега между Браонскою бухтою и Порто Рѣфти (Стирия и Прасія). Граница между двумя триттіями II b. и III b. шла въ этомъ мѣстѣ, можетъ быть, не по указанному выше главному отрогу Перати, а по болѣе южному Каливезу. Маленькая долина между обоими, открывавшимися на сѣверо-западъ въ долину Эрасина и хранящая также слѣды древняго дима²⁾, можетъ быть отведена подъ димъ Морроубс, который придется тогда по сосѣдству съ димомъ Морроубс триттіи III b.—У западной подошвы Каливезы граница между триттіями II b. и III b. должна была поворачивать на сѣверъ, переходя здѣсь черезъ долину Эрасина на высоты Веланидезы.

На берегу моря между Алай и Браорфу или сѣвернѣе дима Фтукага должна быть помѣщена димъ Отрбунт, на томъ основаніи, что это несомнѣнно прибрежный димъ и, следовательно, можетъ быть отнесенъ только къ береговой триттіи филы Эгейды³⁾.

Мы набрали достаточно димовъ для береговой триттіи Эгейды, изъ остальныхъ 6 мы раньше уже опредѣлили въ городскую триттію (изъ

¹⁾ Ibid. p. 7; см. также *Rosca Archäol. Auf.* I p. 223 *sqq.* Нѣмногочисленные остатки древностей изъ Браврона см. Мильхг. *Antikenb.* 230—236.

²⁾ Мильхг. *Text zu d. Karten III—VI* p. 8.

³⁾ Антифанс комикъ (въ цитатѣ Аениея VII p. 309 d=Com. Att. II p. 100 K.) противопоставляетъ Фалирскую рыбу одной мелкой породы (*κυρδός*) Отринейской. Интересно, что и теперь въ зимнее время ежедневно толпы рыбаковъ приносятъ и привозятъ въ городъ ту же рыбку *γύπτα* именемъ изъ Рафіны, и продаютъ ее городѣ за Фалирскую: гдѣ нибудь окото нынѣшней Рафіны лежатъ *Οτρόντ*.

нахъ 'Εστίαῖς и Βατέῖ—только предположительно), и 4 или 5 должны быть отнесены къ срединной триттии (Γαρυγγός, 'Ερχιά, 'Ικαρία, Πλώθεια, можетъ быть и 'Ιωνίδαι), остаются два: Κυδαυτίδαι и 'Ερίκεια, которые никуда пока не могутъ быть присоединены.—Но оправдать нашу группу димовъ береговой триттии надиксиями, какъ мы это пытались дѣлать въ другихъ случаяхъ, мы не можемъ. Списокъ димовъ С. I. A. II 991 содержитъ только часть димовъ Эгейды и кромѣ 6-ти димовъ, отнесенныхъ нами въ городскую триттию и имѣющихся здѣсь на лицо (vv. 16—23), сохранились далѣе (v. 24—26) только названія трехъ еще димовъ: 'Ερίκει[α], 'Οτρόνη и Γαρυγγό[ς]. Если, слѣдовательно, и этотъ списокъ не зараженъ общимъ недугомъ списковъ должностныхъ лицъ Эгейды, изъ которыхъ ни одинъ не соблюдаетъ дѣленія димовъ на триттии, то димъ 'Ερίκειа долженъ быть отнесенъ или вмѣстѣ съ предшествующими къ городской триттии, или вмѣстѣ съ слѣдующимъ 'Οτρόнѣ къ береговой, изъ которой такимъ образомъ названъ только одинъ или два дима; съ дима Γαρυγγός начиналась тогда срединная триттия.

Изъ списковъ притановъ—С. I. A. II 872—^{341/0} г. до Р. Хр. сохранился вполнѣ; порядокъ перечисленія димовъ по тремъ столбцамъ слѣдующій:

v. 4. 'Ερχιεῖς	v. 4. 'Ικαριεῖς	v. 4. 'Αλαιεῖς;
v. 11. Γαργγήττοι	v. 10. 'Εστιαῖς	v. 10. Τειθράσιοι
v. 16. Φλαΐδαι	v. 12. Βατεῖς	v. 15. Φηγαιεῖς
v. 20. Κυδαυτίδαι	v. 14. 'Εχ Κολωνοῦ	v. 19. 'Αραφήγιοι
v. 23. 'Ιωνίδαι	v. 17. Κολλυτεῖς	v. 22. 'Εχ Μυρρινούττης
	v. 21. Πλώθεῖς	v. 24. 'Αγκυλῆθεν
	v. 23. 'Οτρονεῖς	v. 26. Διομειεῖς
	v. 26. 'Ερικεῖς	v. 28. 'Αγκυλῆθεν

Здѣсь, слѣдовательно, только мѣстами попадаются группы изъ димовъ, составлявшихъ одну триттию и, пожалуй, можно выдѣлить 3 главные группы по одной въ каждомъ столбцѣ, но между ними вставлены по небрежности разрозненные димы разныхъ триттий: такъ въ I-мъ столбцѣ 'Ερχιεῖς и Γαργγήττοι—срединной триттии, во II-омъ группа отнесенныхъ нами къ городской триттии 'Εστιαῖς, Βατεῖς, єх Κολωνοῦ, Κολλυτεῖς, въ III-емъ большая группа береговой триттии (если къ ней можно причислить и Τειθρας): 'Αλαιεῖς, Τειθράσιοι, Φηγαιεῖς, 'Αραφήγιοι, єх Μυρρινούττης. Вообще же это каталогъ *satis negligenter incisus* (Кблеръ) и небрежно составленный: имена притановъ

съ ихъ димами, помѣщенныя въ концѣ III-го столбца, вѣроятно приписаны позже, а одного имени совсѣмъ нѣтъ (хотя надпись нигдѣ не представляетъ пропуска).

С. I. A. II 870 извѣстенъ только по копіи Фурмана, къ тому же несомнѣнно обломанъ и притомъ сверху¹⁾, такъ что въ первыхъ отмѣченныхъ въ копіи строкахъ столбцовъ (въ каждой изъ нихъ только по нѣскольку буквъ) мы не имѣемъ никакого основанія искать непремѣнно названія димовъ; отмѣчаемъ поэтому по столбцамъ только несомнѣнныя названія димовъ.

v. 8 'Δλ]αῑες	v. 4 Κοδαντίδαι	v. 6 Κολλ[υ]τέες
v. 14 Φη]γαῑες	v. 6 'Εκ Κολω[ν]οῦ	v. 10 Πλωθέης
	v. 9 Βατῆς	
	v. 13 'Αφαφ[η]μοι	

Но и на основаніи имѣющагося можно съ увѣренностью сказать, что и въ этой надписи димы разныхъ триттій были перепутаны, хотя встречаются и группы col. I 'Αλαῑες, Φη]γαῑες; col. II: єхъ Κολωνοῦ, Βατῆς, которая, можетъ быть, болѣе прочнымъ возстановленіемъ названій димовъ верхней части могли бы быть увеличены.

Наконецъ, С. I. A. II 329, извѣстный также только изъ довольно плохой копіи (Рососк'я)²⁾.

¹⁾ Столбецъ II-ой внизу законченъ, слѣдовательно сверху недостаетъ, надъ v. 2, еще 7-ми или 8-ми именъ; сообразно съ этимъ нужно дополнить сверху и столбцы I и III. Намъ кажется поэтому возстановленіе Бѣка для v. I col. II и Келлера для v. I всѣхъ трехъ столбцовъ (названія димовъ) недостаточно мотивированы, во всѣхъ трехъ случаяхъ мы можемъ точно также видѣть въ переданныхъ намъ буквахъ остатки именъ притановъ col. II, напримѣръ, Θου]χοδ[ιδης], col. III θεῖγια — ют[ρ]իօս или что-нибудь подобное.

²⁾ Надпись эта несомнѣнно изъ эпохи не только 12-ти фил., какъ замѣтилъ Бѣль въ примѣчаніи къ этой надписи (С. I. G. 115), но изъ эпохи существованія Антигониды, въ которую было взято Гаргуттос, въ нашей надписи въ числѣ 3-хъ другихъ димовъ отсутствующій (5 именъ притановъ не поименовано или же ихъ было въ данное время только 4): можетъ быть 11 фил.? въ числѣ пропущенныхъ не могутъ считаться Гаргуттос, такъ какъ въ одномъ столбцѣ такой большой пропускъ нельзя предполагать). А такъ какъ надпись наша датирована именемъ архонта Евнула, который по А. Н. Шукареву (Изслѣдованія въ области каталога Афинскихъ архонтовъ, стр. 170 сл.) долженъ быть отнесенъ къ концу Хремонидовской войны (приблизительно 265 г.), то мы имѣемъ, слѣдовательно, несомнѣнное свидѣтельство, что до этихъ поръ продолжала существовать фила Антигонида (можетъ быть, и Димитріада).

v. 19 'Αγχο[λ]εῖς;	v. 19 'Αλαιτεῖς	v. 19 'Ιωνίδαι
v. 21 Τειθράσιοι;	v. 28 Κολλυτεῖς	v. 21 Πλωθεῖς
v. 26 'Ερχετεῖς;	v. 33 Φυγ]ε[ι]εῖς или В]χτεῖς	v. 24 'Εκ Κολωνοῦ
v. 37 'Οτρυνεῖς	v. 37 Φιλα[[β]]αι	v. 27 'Εστιαιόθεν
		v. 29 Κυδαντι[δαι]
		v. 31 'Ερικεῖς
		v. 34 'Αραφήμιοι
		v. 37 'Εκ Μορρινούττης

Опять путаница между димами очевидна, хотя есть и группы (*Κολλυτεῖς*-*Βατεῖς*, *'Εκ Κολωνοῦ*-*'Εστιαιόθεν*), особенно въ концѣ III ст. группа димовъ береговой триттии, съ которой, можетъ быть, связаны и димы *'Οτρυνεῖς* и *Φιλαΐδαι*, помѣщенные въ концѣ I-го и II-го столбца. но на одной строкѣ. Путаница отчасти проишашла отъ того, что намѣренно помѣщены впередъ два дима, изъ которыхъ были оба главныхъ должностныхъ лица пританія, удостоившіеся особенной похвалы (*ταμίας*-*'Αγχολήθεν*, *γραμματεύς*-*Τειθράσιος*).

Другіе catalogi и fragmenta catalogorum Эгейды не стоять приводить: ии въ одномъ изъ нихъ группировка димовъ по триттиямъ не выдержана.

Пр. IX в. Группа димовъ, составлявшихъ эту триттию, была уже давно признана не только во всемъ своемъ составѣ, но даже еще въ сложеніи со второй группой этой филы, триттией срединной, соприкасавшейся съ данной на юго-западѣ. Всѣ димы Эантиды, за исключениемъ *Φάλυρου*, составлявшаго городскую триттию, и неизвѣстнаго почти *Κόκαλа*, лежали несомнѣнно вмѣстѣ; но мы можемъ различить между ними ясно двѣ группы димовъ, сосредоточивающихся около Афидны и около Мараенона; жребіемъ обѣ рядомъ лежащія триттии были опредѣлены въ одну филу и такимъ образомъ, по видимому, составили одинъ округъ. Группа Мараенонская, то-есть составлявшая триттию береговую IX в., выдѣляется легко; всѣ димы ся могутъ быть довольно точно опредѣлены топографически. Это прежде всего 3 города Мараенонской тетраполіи: *Μαραθών*, *Οἰνόη*, *Τριχόροθος*. О мѣстоположеніи Мараенона много спорили; но, кажется, можно опять вернуться къ мнѣнію Лика ¹⁾), послѣ того, какъ его исходный пунктъ, несмотря на опроверженіе новыхъ топографовъ, оказался вѣрнымъ: зорѣ послѣ послѣднихъ, отчасти продолжающихся еще, раскопокъ греческаго археологического общества оказался могильнымъ курганомъ Мараенонам-

¹⁾ Demen p. 67 sq.

ховъ. Согласно съ Ликомъ, следовательно, Мараенъ долженъ быть помѣщенъ въ селеніе Брана въ южной части Мараенской равнины¹⁾. Οἰνόη въ нынѣшнемъ Νεότ и Трихорфос въ нынѣшнемъ Κάτω Σοῦл: находятся всѣми исследователями единогласно; они занимали, такимъ образомъ, среднюю и сѣверную часть Мараенской равнины. Далѣе, къ триттіи IX в. принадлежить Ραμφοс въ нынѣшнемъ Οφριохастро и Ψαφіс, димъ возникшій, должно быть, только уже въ римское время, часть Оропской области²⁾). Изъ димовъ этой триттіи Страбонъ такимъ образомъ называлъ всѣ, кроме Οἰνόη.

Изъ надписей кромѣ С. I. A. II 844, въ которой послѣ Фалуреіс (т. 3) и Αφιδναιοс (т. 16) имѣемъ димы триттіи IX в. Οἰνάιοс (т. 29), Μαραθонос (т. 34), Τριχο[ρό]уос (т. 39) и Ραμφοбос (т. 44), другихъ подходящихъ для нашей цѣли мы не имѣемъ, но по счастію и не нуждаемся въ нихъ: отдѣленіе³⁾ отъ этой области, которая до сихъ порь считалась центромъ Диакріи, главнымъ очагомъ партіи Писистрата, значительной части въ Паралію не подлежитъ сомнѣнію для того, что разъ призналь существованіе Клиссееновскихъ триттій. Но мы имѣемъ и документальное свидѣтельство. Мильхгеберомъ найдена въ области Рамнунта посвятительная надпись (*Antikenber.* п. 407), гдѣ посвящающей, по несомнѣнному возстановленію Мильхгебера, названъ στρατηγος [χαιρο]ото[ν]ηθеіс єпі Ραμ[уоб]ута και την Παραλιαν χώραν⁴⁾). Στρατηγοс єпі тѣу Παραλиаν χώραν встрѣчается еще въ такой же надписи, найденной въ той же приблизительно мѣстности (*Каламо*)—(*Ibid.* п. 410); но изъ первой изъ этихъ двухъ несомнѣнно яствуетъ, что Рамнунтъ находился въ Параліи. Такимъ образомъ на двухъ концахъ въ святилищахъ при двухъ наиболѣе важныхъ пунктахъ непрерывной восточной части береговой полосы, въ Рамнунтѣ, какъ и въ Суніи (С. I. A. II 1195), оставили по себѣ память полководцы, назначавшиеся для охраны этой открытой для враговъ части Аттики.

Установить триттіи *срединной* полосы (τѣс μεσογεіс), сравнительно, труднѣе. Границы ихъ здѣсь не обрисовываются столь ярко; положеніе самыхъ димовъ въ рѣдкихъ случаяхъ можно опредѣлить точно;

¹⁾ Обстоятельный разборъ, на основаніи данныхъ послѣднихъ раскопокъ, мнѣніе о могильномъ курганѣ на Мараенскомъ полѣ даетъ С. А. Селивановъ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за октябрь 1890 г.

²⁾ Вероятно, того же мнѣнія держится и Мильхгеберь *Text. zu d. Karten III—VI* р. 42. См. у него же разборъ построеній театра дѣйствій Мараенского сраженія *ibid.* р. 51 вѣ.

³⁾ О мѣстоположеніи Ψαφіс см. Лоллинга въ *Mittheilungen X* 357.

и число димовъ, которые съ полной увѣренностью можно отнести въ одну группу, во многихъ случаяхъ довольно ограниченно. Для этой, если не самой большой, то во всякомъ случаѣ самой широкой, по-лосы Аттики мы не имѣемъ ни столькихъ упоминаний объ лежавшихъ здѣсь димахъ, какъ для городского округа, ни столь цѣнного перечисленія главнѣйшихъ ея димовъ, какъ Страбоновское для Паралии. Тѣмъ не менѣе отъ каждой изъ десяти филъ мы имѣемъ и здѣсь, если не нѣсколько, то по крайней мѣрѣ одинъ димъ, который непремѣнно долженъ быть отнесенъ въ предѣлы, установленные нами раньше для этой полосы.

Пр. IX с. Такъ сказать, бокъ о бокъ съ береговой триптичей филы Эантиды и къ западу отъ нея лежала срединная триптичия той же филы. Центръ ея *Афидна* удачно помѣщены уже Финлеемъ въ со-хранившемъ слѣды древней крѣпости Котроны на лѣвомъ берегу сред-няго течения большаго ручья, *Харадра*, на которомъ ниже лежать древ-няя *Oinôt* и нынѣшний *Мараѳонъ*¹⁾). Отсюда этотъ укрѣпленный центръ господствовалъ надъ довольно обширной возвышенной равни-ной, къ которой принадлежать теперь области деревень *Катакубріп*, *Mâcî*, *Кюорхъ*²⁾ и *Ліосіз*³⁾). Вся эта избѣгаемость, составляющая бас-сейнъ средняго течевія Харадры (Ново-Мараѳонскаго ручья), входила, вѣроятно, въ составъ триптичія Афидны. Естественная граница ея мо-жетъ быть проведена на сѣверѣ и востокѣ по хребту высотъ, сѣвер-ный и восточный склонъ которыхъ обращены къ морю и которая от-дѣлаютъ ее отъ области Псафиды и сѣверной части IX-й триптичіи бе-реговой полосы. Непосредственно къ западу отъ *Oinôt* (нынѣ *Niôt*) высоты эти съуживаются долину Харадры: здѣсь граница, вѣроятно, переходила на противолежащія высоты Вредобъя, поворачивая на за-падъ приблизительно по прямому направлению къ юго-восточной по-дошви Парниеа, отѣзывала къ этой области избѣгаемость, лежащую на сѣверо-востокѣ отъ горнаго прохода *Катифорі*. Отсюда западная гра-

¹⁾ G. Finlay, Remarks on the topography of Oropia and Diacria, Athens. 1838, стр. 24 сл., особенно же стр. 36—37. Съ Финлеемъ согласны относи-тельно Афидны и позднѣйшіе исследователи: см. между прочимъ Мильхгеберъ Text zu d. Karten v. Attika Hft. III—VI стр. 60.

²⁾ Такъ у Сурмели I. I. и на картѣ Греціи Коккиди: *Хáртұс* тобъ *Βασιλείου* тѣс. *Ελλáдос* (1:300.000). *Εχáράχθη* καὶ ἐτοπóθν ἐν τ. Καισ. Στρατ. Γεωγρ. Ιαττι-τoπr. ἐν Βáννη, 1884. Мильхгеберъ пишетъ *Tsiurka*, *Finley*—*Tschurka*, *Лиъ—Tzurka*.

³⁾ См. Мильхгеберъ I. с. стр. 59.

ница должна была идти по восточному хребту Парниоса, пересекая верхнее течение Хаадры, переходила, въроятно, на лежащую къ сѣверу отъ него гору *Мелетъс*, поворачивая отъ нея къ сѣверо-востоку далѣе къ востоку въ вышеуказанномъ направлениі.

Хотя въ указанныхъ предѣлахъ мы имѣемъ нѣсколько несомнѣнныхъ остатковъ древнихъ поселеній, но мы не имѣемъ никакой возможності вполнѣ опредѣленно пріурочить ихъ къ какому-либо диму. Тѣмъ не менѣе въ томъ, какие димы лежали въ этой области, составляя одну триттю съ Афидною, не можетъ быть сомнѣнія. Димы эти: *Перріда*, *Тітакіда*, *Форгуніда*: въ и Ликъ¹⁾) и все послѣдующіе изслѣдователи помѣщаются въ соображеніи съ Афидною. Перриды Исаихій (с. 7.) называетъ тѣсн. 'Аттическій дѣмъ' въ Афидна. Название 'Афіда' встрѣчается во множественномъ числѣ и у Гродота, Плутарха и употребленіе это засвидѣтельствовано и Страбономъ²⁾). Весьма возможно, что, какъ въ цитованномъ мѣстѣ Исаихія, множественное число 'Афіда' обозначало (въ обыденной рѣчи, по крайней мѣрѣ) не столько отдаленный димъ, сколько весь округъ, гдѣ лежалъ этотъ димъ, то-есть триттю Афидны. Такъ мы видѣли, что у Страбона IX 21 р. 398³⁾) обозначеніе *Аїконеїс* обнимаетъ и область дима 'Алай Аїконіда', и также, по всей вѣроятности, относится къ области всей триттіи.

Что димъ Тітакіда лежалъ въ соображеніи съ Афидною, явствуетъ изъ того, что его герой эпонимъ Тітакос измѣняетъ афиднинамъ въ войнѣ съ ними изъ-за Елены Диоскуровъ, которымъ помогаютъ декелейцы и Марафос⁴⁾). Димы Тітакіда и Перріда, равно какъ и Форгуніда, въ надписяхъ, по крайней мѣрѣ до конца III вѣка, насколько намъ извѣстно, не встрѣчаются, а съ этихъ поръ принадлежать уже не Эантидѣ, а Птолемаидѣ. Что они раньше принадлежали Эантидѣ, обѣ этомъ имѣется свидѣтельство только у Арпократіона⁵⁾), и такъ

¹⁾ Demi² стр. 122.

²⁾ IX 1 р. 397: 'Αφίδνα (λέγοντι δὲ καὶ πληθυντικῶς; 'Αφίδνας).

³⁾ μακρὰ ἀπὸ πρώτη μετὰ τοὺς Αἰκωνέας Ζωστὴρ, и нѣсколько далѣе: μετὰ τοὺς Αἰκωνέας νῆσος Υδροῦσσα; см. выше.

⁴⁾ Герод. IX 73, Плут. ж. Оисея 31 sq.; см. также Лика стр. 20.

⁵⁾ в. в. Форгуніда—Нікакіда; δ Θυατειρηνός ἐν τῇ περὶ τῶν δήμων μετετάθεναι φρεῖν, εἰς Αἰαντίδος 'Αφίδναιος: Перріда: Тітакіда: Форгуніда. Cf. id. s. v. Тітакіда. Если Россу (Дешен стр. 73) доводъ этотъ, впервые выставленный Ликомъ (Demi² стр. 122) относительно Форгуніда, казался слишкомъ слабымъ, то теперь, съ установлениемъ триттій, онъ конечно выигрываетъ.

какъ 3 дима, перенесенные изъ Эантиды въ Птолеманду, находились вмѣстѣ (*Αφίδνη, Περρίδαι, Τίτανιδαι*). то весьма вѣроятно предположеніе, что и четвертый изъ нихъ. *Θυρώνιδαι*, если онъ вообще существовалъ до образования Птолеманды, лежалъ тамъ же, въ одной триттіи съ первыми тремя.

Изъ надписей, въ которыхъ мы могли бы искать подтвержденіе нашего распределенія димовъ по триттіямъ, для филы Эантиды мы имѣемъ только С. I. A. II 944; но въ ней называются, кроме четырехъ димовъ береговой триттіи (col. III v. 29 sqq.) и одного городской (v. 3), только одинъ димъ срединной триттіи *Αφίδναιος* (v. 14). помѣщенный между обѣими группами двухъ другихъ триттій.

Пр. VIII с. Враги афиднинъ въ разыгравшейся на почвѣ Аттики войнѣ за Елену являются во главѣ двухъ сосѣднихъ съ Афидною триттій: какъ на юго-востокѣ Мараонъ, такъ на западѣ Декелія¹⁾. Димъ *Δέκαλεια*, какъ съ полной очевидностью явствуетъ и изъ событий Декелійской войны и изъ эпиграфическихъ находокъ, находился въ мѣстности нынѣшняго Татої, въ роскошной горной долинѣ между главною массой Парниа и его восточную частью, представляющею особый хребетъ. Долина эта служить горнымъ проходомъ изъ равнины верхняго Кифиса по направлению къ Оропу и Танагрѣ. Это южная часть области декелійской триттіи, ибо сосѣдній съ Декеліей на югѣ димъ долженъ, какъ мы увидимъ, принадлежать уже къ срединной триттіи филы Леонтиды; а потому главная часть ея должна была лежать за Парниоемъ на сѣверѣ. Въ нее необходимо входила восточная половина иоросшей лѣсомъ горной области Парниа между главнымъ хребтомъ и параллельными ему сѣверными *'Αρμάνη* и *Διόπεια* и горою *Μπέλεια* на востокѣ. Отъ сѣверной подошвы *Μπέλεια* открывается на сѣверо-западъ небольшая равнина, простирающаяся между *Διόπεια* и группой береговыхъ холмовъ, прорѣзываемая однимъ изъ притоковъ віотійского Асона, и представляющая начало большой Танагрской равнины. Гора Котрѣи къ сѣверо-западу отъ *Διόπεια* отдѣляетъ эту маленькую равнину отъ Танагрской и составляетъ. вѣроятно, здѣсь границу между Аттикой и Віотіей. Послѣдняя переходила на Котрѣи съ береговыхъ высотъ, отдѣляющихъ отъ нашей области на сѣверѣ область Оропа, на сѣверо-востокѣ—Исафида, и слѣдовала далѣе въ юго-западномъ на-

¹⁾ Герой *Δέκαλειος*, по Геродоту (I. c.), указываетъ *Διόσκουρα* мѣсто, гдѣ скрыта была Фисеемъ Елена.

правлениі на Филу. Въ долинѣ у подошвы Мтѣлеса и "Αγ. Μερχό-
ριος, гдѣ нынѣ деревня Μαλαχάσ, опять-таки уже Ликомъ¹⁾), на основа-
ніи сообщенія Геродота объ отступленіи Мардонія²⁾), помѣщенъ
димъ Σφενδάλη той же филы и, очевидно, той же триттіи, что и димъ
Δεκέλεια.

Другихъ димовъ этой триттіи мы не знаемъ: можетъ быть, изъ
прочихъ димовъ Иппоѳонтиды еще димъ 'Αναχαιή долженъ быть отне-
сены къ срединной триттіи, если его название имѣеть связь съ выше
указаннымъ миѳомъ, по которому за Διօσκυροвъ (оі "Αυτχες) рато-
вали Декелейцы въ войнѣ съ царемъ Афидномъ, вѣрвымъ союзникомъ
Оисея, укрывавшаго у него похищенную сестру Διօσκυρовъ Елену.

Надписи, содержащія списки лицъ Иппоѳонтиды, опять не пред-
ставляютъ намъ возможности присоединить новые димы и къ этой
триттіи. Важная для нашихъ цѣлей надпись С. I. A. II 944 содер-
житъ, судя по единственной копіи Чандлера, только два дима средин-
ной триттіи: Δεκέλει; (col. III v. 36) и, вѣроятно, [Σ]φ[εν]δ[αλεῖς],
какъ мы возстановляемъ строку 45-ую (столб. III)³⁾.

Надпись С. I. A. II 1006 В содержитъ списокъ лицъ филы Иппо-
ѳонтиды половины IV-го вѣка, отнесенный Келеромъ къ группѣ Ca-
talogi generis incerti. Здѣсь мы имѣемъ:

- v. 1 Π]πκοθωντί[δος]
- v. 2 Αζηνής
- v. 5 Αναχαιῆς
- v. 9 Δε]κελεῆς
- v. 14 'Ελαι]ρόσιος
- v. 16 'Αρεξ]αυτειε[ς]

Здѣсь, слѣдовательно, Αναχαιῆς являются рядомъ съ Δεκελεῆς, и
если эта надпись соблюдаетъ порядокъ распределенія димовъ по
триттіямъ, то, можетъ быть, и Αζηνή, изгнанная нами изъ южной
оконечности Аттики, найдетъ себѣ мѣсто въ горахъ Парниа. Тогда
и димъ Αραβάνται можетъ быть отнесенъ къ одной триттіи съ димомъ
'Ελαιοῦ, то-есть къ Элевсинской, если мы справедливо, руково-
водясь условіями Декелійской мѣстности, отдалили въ надписи п.
944 'Ελαιοῦ отъ Декелии и присоединили его къ Οἰνόη.

¹⁾ Demi² стр. 123; Финлей I. I. p. 38 и др.

²⁾ Герод. IX 15.

³⁾ См. Жур. Мик. Нар. Просв., отд. класс. филол., за дек. 1891 г. стр. 104.

Что касается до другихъ подобныхъ надписей, то въ С. I. A. II 943 и 1013 димы разныхъ триттій замѣтно перепутаны; изъ надписей же притановъ этой филы мы имѣемъ только одну очень позднюю, С. I. A. III 1031¹).

Тр. VI с.: Западная часть горной области Парниа должна составлять срединную триттій филы Инейды, при чёмъ въ нее войдутъ какъ горное пространство между главнымъ хребтомъ Парниа и его длиннымъ западнымъ отрогомъ, такъ и южный склонъ главного хребта съ

¹) Кромѣ того, изъ числа catalogi generis incerti въ С. I. A. II филѣ Ипронтидѣ принадлежитъ и столб. I небольшаго обломка п. 996, ошибочно относимый Келеромъ къ Акамантидѣ. Здѣсь изъ 18-ти сохранившихся строкъ 13 были заняты именами собственными лицъ всякий разъ вмѣстѣ съ именемъ отца, 4 (v. 2, 6, 10, 14) названиемъ димовъ, и одна верхняя строка, судя по единственно сохранившемуся здѣсь окончанию ΟΣ (за которымъ не слѣдовала больше ни одной буквы), называниемъ филы. Въ возстановлении названий димовъ и филы Келерь исходить изъ v. 10, гдѣ она читаеть ГΙΟΙ и, принимая первую сохранившуюся букву за Т, предлагаетъ единственно возможное въ такомъ случаѣ возстановление [Σφήτ]ιοι, такъ какъ надпись написана вполнѣ послѣдовательно столбомъ. Согласно съ этимъ, въ v. 1 она возстановляетъ имя филы, которой принадлежитъ димъ Στρυτός—[Αχαραντίδ]ος, вполнѣ подходящее по числу недостающихъ буквъ. Изъ другихъ названий димовъ отъ первого (v. 2) ничего не сохранилось; второе же (v. 6) легко можетъ быть возстановлено какъ название также одного изъ димовъ Акамантиды [Ειρεσίδαι—(Келерь.), но въ стр. 14 сохранившееся (ΑΙΗΣ можетъ быть окончаниемъ названий только двухъ известныхъ димовъ [*Ανα]χαι[ης* (филы *Ιπποθ.*) или [*Ερι]χαι[ης* (филы *Αιγ.*). Однако ученые до того привыкли считать, что одинъ и тотъ же димъ могъ въ разное время принадлежать разныи филамъ (см. особенно список Гельциера I. с.), что великии знатокъ Афинскихъ древностей не стѣсняется увеличить еще однимъ числомъ случаевъ кажущагося перехода димовъ изъ одной филы въ другую и готовъ констатировать фактъ, что димъ *'Εριχαι* или *'Αναχαι* въ первой половинѣ IV-го вѣка принадлежалъ къ Акамантидѣ. Между тѣмъ въ стр. 1 несомнѣнно должно быть возстановлено [*Ικ-*ποδωντίδ]ος, имя филы, къ которой всегда принадлежалъ димъ *'Αναχαι*. Возстановление это требуетъ одной буквой больше, чѣмъ сколько даютъ послѣдующи строки, но название филы можетъ выдаваться одной буквой за край другихъ строкъ, какъ въ С. I. A. II 991, нѣроятно 960, 1006, и какъ въ еще большемъ числѣ случаевъ названия димовъ: димы, названные въ нашей надписи тогда будуть:

- v. 2
6 *Κειριάδαι*
10 *Κόπρε]ιοι*
14 *'Ανα]χτής*

И дѣйствительно, въ стр. 10 на камиѣ ясно видно, что первая изъ сохранившихся буквъ не можетъ быть Т: горизонтальная черта даѣтъ вертикальной наѣзду не продолжается; напротивъ, можно различить слѣды нижней горизонтальной черты отъ Е

долиной деревни Хасиа и юго-восточный, обращенный къ верхне-кифисской равнинѣ. На хребетъ западного отрога переходитъ съ 'Армѣи граница віотійская, которая и слѣдуетъ далѣе по направлению его на западъ до самыхъ Элевоерь. Въ единственномъ проходѣ чрезъ этотъ хребеть, къ которому ведеть мимо южной подошвы Парниеа главная дорога изъ Аенія въ Фивы, лежить крѣпость и димъ Фолѣ. Обширная лѣсистая горная мѣстность, прилегающая къ сѣверо-западному склону Парниеа и его южный и юго-западный склоны, до значительной высоты засѣянные или засаженные виноградомъ, должны считаться областью дима Ахарнѣ. Это былъ, по Фукидиду (II 19), самый большой изъ димовъ Аттики, богатый угольями и не только, какъ говорить сколасть на Аристофановы 'Ахарнѣ' (т. 34), не нуждавшійся въ нихъ, но вѣроятно и снабжавшій городъ этимъ главнымъ топливомъ въ Греціи. По крайней мѣрѣ въ настоящее время Аениы получаютъ главные запасы угля изъ Меніда, большой деревни у юго-западной подошвы Парниеа, заступившей мѣсто древнихъ Ахарнъ. Что этотъ димъ лежалъ приблизительно въ мѣстности нынѣшняго Меніда, явствуетъ изъ событий первого года Пелопоннисской войны и компаний тридцати противъ Фрасибула¹⁾, такъ и изъ эпиграфическихъ находокъ въ Меніде²⁾. Что же касается до болѣе точного опредѣленія положенія населеннаго центра, то ученые, начиная съ Лика и кончая Мильхгеберомъ, несмотря на достаточное количество имѣющихся у насъ для этого данныхъ, далеко не высказываются съ тою увѣренностью, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, гдѣ, казалось бы, есть болѣе оснований сомнѣваться. Дѣло въ томъ, что въ углу верхне-кифисской равнины, заключенномъ между южною подошвой Парниеа и сѣверною Эгалея, съ нынѣшними деревнями Меніда и 'Егаки Аїоса', приходится помѣстить 3 дима. Теперь къ этому еще присоединяется то, что эти 3 дима принадлежать двумъ разнымъ триттіямъ. А такъ какъ Ахарнѣ извѣсты намъ за самый большой димъ Аттики, то предполагалось, что селеніе это, окруженнное полями и виноградниками, занимало большую часть небольшой равнинѣ; и оба другихъ дима, которые должны, по нашему распределѣнію, принадлежать одной триттіи, приходилось помѣщать слишкомъ далеко одинъ отъ другаго у

¹⁾ См. Ликъ Demi² стр. 36—38. Фукидида (II 21) опредѣляеть и разстояніе (60 стадій) дима Ахарнѣ отъ Аени.

²⁾ См. Мильхгеберъ Antikenbericht nn. 518, 527—534 (Mittb. d. d. Arch. Inst. in Athen XIII р. 340 sqq.).

противоположныхъ краевъ предполагавшейся области Ахарнъ: это димы Леонтиды Πλευρίδαι и Κρωπίδαι. Первый изъ нихъ находился если не на мѣстѣ, то вблизи нынѣшняго Μενίδη, название которого есть нѣсколько искаженное древнее Παιονίδαι¹⁾: что онъ находился на юго-восточномъ склонѣ или у подошвы Парциоса, слѣдуетъ и изъ сопоставленія Геродотова опредѣленія положенія крѣпости Λειφόδρου съ Аристотелевскимъ. Первый называетъ его τὸ ὅπερ Παιονίτης (Герод. V 62), второй — τὸ ὅπερ Πάρνυθος (ΑΘην. πολ. гл. 19)²⁾. Димъ же Κρωπίδαι (или Κρωπία) на основаніи Θукидида разказа о походѣ Архидама въ 421 году должны мы искать на дорогѣ изъ Θriасійской равнины къ Ахарнамъ³⁾. Κρωπідai и Παιονідai принадлежать одной, срединной триттіи фімы Леонтиды, такъ какъ обѣ остальныхъ ея триттіи не могли касаться этой мѣстности. Слѣдовательно, область дима Κρωπідai должна находиться еще къ сѣверо-востоку отъ прохода между Парнисомъ и Эгалеемъ, въ самомъ западномъ углу верхне-кифиской равнины, и должна быть соединена непосредственно или посредствомъ области какихъ-нибудь другихъ димовъ той же фімы съ мѣстностью къ сѣверо-востоку отъ Μενίδη, куда, какъ мы увидимъ, простиравась остальная часть срединной триттіи Леонтиды (IV с.). Поэтому, предполагая полосу этой триттіи вдоль сѣверной подошвы Эгалея, мы отодвигаемъ отъ нея область Ахарнъ и триттіи VI с., опирающейся, какъ мы сказали, на противулежащій склонъ

¹⁾ Ср. Μενιδᾶ—Παιονίτη.

²⁾ Такжѣ сходасть на Аристоф. Лис. 666: Λειφόδρου—χωρίου τῆς Ἀττικῆς ερι τὴν Πάρνυθον.

³⁾ Θук. II 19: «τὰ (ἀπὸ τῶν Ρειτῶν) πριγχόρουν ἐν δεξιᾷ ἔχοντες τὸ Αἰγαῖον δρός διὰ Κρωπίδες ἔως ἀφίκοντο ἐς Αγαρνόν.» — Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читаются Κεκρопідai или Κεκροπідai, что въ старыхъ изданіяхъ исправляли на Κεκροπідai (см. примѣч. къ эт. мѣсту Е. Fr. Poppe въ его изд. Θукидида Pars II, vol. II р. 42). Эту вульгату защищаетъ и Ликъ р. 37, отрицая, что дѣло идетъ обѣ димы Κρωπідai; ее склоненіе признать опять и Мильхгерферъ (Text zu den Karten v. Attika Heft II р. 40); но у насъ нѣтъ достаточныхъ осво-ваній здѣсь для насильственного измѣненія текста.—Правильно помѣщаются димы Κρωπідai Киперта, Atlas von Hellas³ tab. V (и Vorbericht zum Neuen Atlas стр. 3). Бурзанъ Geographie von Griechenland I стр. 335; Кастроменосъ I. с. р. 84. Нантріот (I. с. стр. 44) предполагаетъ, подобно Лику, невѣроятный переходъ Архидама черезъ проходъ Дафни (за Эгалей онъ считаетъ только южную часть хребта который весь называется Кородаллосъ) и помѣщаетъ согласно съ этимъ димъ Κρωпt на сѣверо-западномъ краю нижне-кифиской равнины къ востоку отъ сѣверной части хребта Эгалея.

Парниа. Ревма, стекающее мимо 'Επάνω Διόσια изъ долины Хасии и отдѣляющее область Парниа отъ области Эгалея, можетъ быть, со-ставляло и границу обѣихъ триттій VI с. и IV с. Впрочемъ, около его поворота на югъ граница должна была покидать его, поднимаясь въ обратномъ почти направлениіи сначала на сѣверо-востокъ, а потомъ и на сѣверъ къ хребту Парниа. Населенный центръ Ахарнъ несомнѣнно долженъ былъ находиться чуть-ли не на самомъ краю области этого дима и всей триттіи: къ нему должны быть отнесены довольно слабые слѣды древняго поселенія между Μενιδѣ и 'Επάνω Διόσια, идущіе къ югу отъ холма "Αγ. Ἡλίας до лѣваго берега вышепоименованного ручья ¹⁾), если только разстояніе въ 60 стадій Θукидидъ считаетъ до самаго селенія Ахарнъ, а не до ближайшихъ его предѣловъ только.

Какіе димы кромѣ Ахарнъ лежали въ области триттіи VI с., для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣть пока никакихъ средствъ. Списокъ притановъ Инеиды С. I. A. II 868 сохранился вполнѣ и заключаетъ въ себѣ имена представителей 12-ти димовъ этой филы, всѣхъ кромѣ Τυραιдѣ, но размѣщаетъ ихъ, явно не соблюдая дѣленія ихъ на 3 группы по триттіямъ. Другіе же имѣющіеся у насъ каталоги или обломки каталоговъ, относящіеся къ этой филѣ, заключаютъ всего по 3 дима и уже поэтому самому не имѣютъ для насъ значенія (С. I. A. II 943, 997, 1018).

Такимъ образомъ, даже относительно дима Φολѣ мы не можемъ съ увѣренностью утверждать, что онъ принадлежитъ къ одной триттіи съ Ахарнами. Такъ какъ узкая долина Филы, какъ и иѣкоторыя другія болѣе мелкія долины между развѣтвленіями западнаго отрога Парниа, открывается на югъ къ Оріасійской равнинѣ, то возможно предположеніе, что димъ Φολѣ принадлежалъ къ одной области съ Θріей, то-есть къ береговой триттіи Инеиды, которая во всякомъ случаѣ соприкасалась на сѣверѣ съ ея срединной триттіей. Φολѣ точно также

¹⁾ Слѣды древняго поселенія здѣсь точиѣ всего изслѣдовали Мильхгеберомъ (тамъ же II стр. 42 сл.). Ионѣщатъ Ахарны южнѣ или восточнѣ указанной границы невозможно именно вслѣдствіе того, что иначе порывается связь между Кронидами и Пеонидами (за которыми слѣдуютъ на сѣверъ еще другіе димы той же триттіи). Лицѣ (ibid. p. 37 sq., ср. приложенную карту), Киперть (ibid.) и Мильхгеберъ (ibid. стр. 43 сл.) совершенно напрасно передвигаютъ Ахарны на югъ до Κοραտерѣ, также какъ Hanriot (p. 58) и Бурзантъ (p. 334) въ самое Μενιδѣ. Всѣ они руководятся желаніемъ помѣстить этотъ димъ среди широкой равнинны, можно заключая изъ Лукіана Икаромен. 18 о плодородіи этого дима.

могла принадлежать къ Ориасийской триттии, какъ Ою́т, къ Элевсинской¹).

Пр. IV с. Для определенія положенія этой триттии мы имѣемъ три или четыре до некоторой степени прочныхъ пункта. Связанные вмѣстѣ, они даютъ для срединной триттии Леонтиды довольно растянутую область. Но значительно и число димовъ, которые на основаніи списка притановъ С. И. А. II 864 могутъ быть съ полной достовѣрностью определены, какъ входящіе въ составъ этой триттии.

Димъ Крофідат, какъ мы видѣли, долженъ быть помѣщенъ въ самомъ юго-западномъ углу верхне-кифисской равнины, на юго-западномъ же краѣ триттии. Димъ Пасоніда, оставившій по себѣ слѣдъ въ названіи нынѣшней деревни Мевід, занималь, вѣроятно, приблизительно средину западной части верхне-кифисской равнины (между Кафисомъ и Парниоемъ), къ востоку отъ Ахаріи. На мѣстѣ нынѣшней деревни нѣть никакихъ слѣдовъ древняго поселенія, и, слѣдовательно, самое селеніе Пасоніда лежало въ окрестности, вѣроятно, ближе къ краю равнины, къ сѣверу отъ Мевід, при подошвѣ горъ. Еще далѣе на сѣверъ вблизи Декеліи долженъ быть находиться димъ Ою́т этой филы, Ою́т Декелейхон²), получившій свое название, вѣроятно, отъ сосѣдства съ Декеліей. На основаніи этой связи съ Декеліей ближайшіе къ этой послѣдней слѣды древняго поселенія, находящіеся нѣсколько къ юго-западу отъ Таттіи, на юго-восточномъ склонѣ Парниа, отнесены Ликомъ къ диму Ою́т Декелейхон³). То обстоятельство, что эта мѣстность дѣйствительно удобно можетъ быть отнесена къ одной области съ Пасонідат-Мевід (и черезъ посредство этого дима съ Крофідат) можетъ

¹⁾ Сходство имени древняго дима Иненды Алоосіа съ названіемъ нынѣшней деревни ('Епач-Лібса), лежащей во всякомъ случаѣ въ области срединной триттии Иненды, заставило насъ предположить, что димъ этотъ также принадлежалъ еще къ одной триттии съ Ахарнами. Но такъ какъ название Алоосіа (несчитая Кѣтв-Алоосіа, къ югу отъ 'Епач-Лібса) повторяется еще на другомъ концѣ Парниа и, по словамъ Сурмели ('Аттика р. 98), слово Алоосіс албанскаго происхожденія (оно встрѣчается и какъ фамилия), то соображенія о происхожденіи названія деревни Алоосіа изъ имени древняго дима должны быть оставлены.

²⁾ О томъ, что філъ Леонтиды принадлежать диму Ою́т Декелейхон, а не Ою́т Керакеихон, какъ сообщаеть Арпократіонъ и Свіда, см. выше (*Жур. Мик. Нар. Пробл.*, класс. отд. Дек. 1891 г., стр. 100 слл.).

³⁾ Demi² p. 40.—Hanniot (l. c. p. 120), отрица существование какихъ-либо скѣдовъ древняго поселенія въ указанномъ Ликомъ мѣстѣ, помѣщаетъ Ою́т дѣк. къ юго-востоку отъ Таттіи, что въ сущности безразлично. пока не найдены положительные слѣды этого дима.

служить новымъ ручательствомъ, что въ своемъ определеніи дима Оюу Дехедаиху Ликъ не ошибся.

Восточнѣе Оюу, въ мѣстности между восточнымъ концомъ Парниа и главнымъ сѣверо-восточнымъ притокомъ Кифиса, раздѣляющимъ здѣсь области Парниа и Пентелика, нужно искать и димъ 'Ехѣлѣ. Единственное основаніе для топографического определенія этого дима имѣемъ мы въ миѳѣ объ 'Ехѣлѣ, сохранившемся въ разсказѣ Плутарха (въ жизнеописаніи Оисея, гл. 14), заимствованномъ изъ Филохора. 'Ехѣлѣ гостепріимно принимаетъ Оисея, отправляющагося на борьбу съ Мараонскимъ быкомъ, и молится за него Зевсу, обѣщаю богу жертву въ случаѣ благополучнаго окончанія предпріятія. Но возвращаясь послѣ совершенія подвига, Оисей уже не застаетъ ее въ живыхъ и устраиваетъ въ честь ея праздникъ Аи 'Ехѣлѣ, который и справлялся впослѣдствіи подъ названіемъ 'Ехѣлѣю окрестными димами. Естественно дѣлать отсюда заключеніе, что димъ 'Ехѣлѣ находился по сосѣдству съ Мараонской тетраполіс. Трудно согласиться съ Ликомъ¹⁾ и Кастроменомъ²⁾, которые ищутъ его къ сѣверу отъ тетраполіс. Правильнѣе, казалось бы, заключеніе Росса³⁾, что димъ 'Ехѣлѣ долженъ находиться на дорогѣ изъ Аенизъ въ Мараонъ, вслѣдствіе чего Hanriot⁴⁾, съ которымъ согласно большинству другихъ изслѣдователей, и помѣщаетъ его въ нынѣшней Старатѣ (къ сѣверу отъ западной подошвы Пентелика), а американецъ Виси⁵⁾—иѣсколько къ сѣверу отъ нея въ мѣстности 'Амоудалѣса.⁶⁾ Но помѣщенный

¹⁾ I. c. p. 122 (Грамматико деревня).

²⁾ I. c. p. 81 (селеніе Калентца).

³⁾ Demen p. 67; здѣсь указаны и всѣ отрывочные упоминанія о 'Ехѣлѣ у древнихъ авторовъ.

⁴⁾ I. c. p. 167.

⁵⁾ The American Journal of Archaeology V (1889 г.): Discoveries in the Attic deme of Icaria in 1888, стр. 163.

⁶⁾ Новаго взгляда относительно положенія этого дима держится Мильхгеберь (Text zu d. Kart. v. Att. III—VI стр. 37), который, признавая мнѣніе, высказанное однимъ греческимъ юристомъ Паунтасѣс о тождественности имени дима 'Ехѣлѣ (праздникъ 'Ехѣлѣса) съ названіемъ маленькаго селенія Калѣсса на высокой долинѣ съ южной стороны главнаго хребта Пентелика, помѣщаетъ сюда этотъ димъ, который такимъ образомъ придется на другой дорогѣ изъ Аенизъ въ Мараонъ, на горной тропинкѣ, обходящей Пентеликъ съ юга: доводы эти были бы, пожалуй, убѣдительны (за то разсказы о какой-то женщинѣ, владѣвшей тамъ всей землей и обѣ бѣлки той вазилѣсѣ едва ли имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ миѳу объ 'Ехѣлѣ.). Но здѣсь димъ 'Ехѣлѣ оказался бы совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ остальныхъ димовъ фили.

здѣсь, этотъ димъ находился бы уже среди области срединной триттіи Эгейды (II с.), отдѣленный отъ триттіи Леонтиды той же полосы (IV с.) областю срединной же триттіи Эрехеоиды. А мы имѣемъ теперь для топографическихъ опредѣленій одно, кажется, уже несомнѣнное, положеніе: каждый димъ долженъ находиться въ одной изъ трехъ группъ димовъ той же филы. Область срединной триттіи Леонтиды¹⁾ со стороны, ближайшей къ области Мараѳонской триттіи, едва ли простиралась на сѣверъ далѣ южного склона восточной части Парнисского хребта, на востокѣ едва ли переходила на лѣвый берегъ крайняго изъ горныхъ ручьевъ, стекающихъ съ восточной подошвы Парниса и сливающихся въ главный сѣверо-восточный притокъ Кифиса. Слѣдовательно, димъ 'Ехѣлѣ' лежалъ нѣсколько въ сторонѣ отъ прямой дороги изъ Аѳинъ въ Мараѳонъ (или вообще Мараѳонскую тетраполіс). Да миѳологическая данная и не могутъ одни служить прочной точкой отправленія для топографическихъ заключеній: нельзя по несвязаннымъ упоминаніямъ въ миѳахъ возстановлять путь, которымъ долженъ былъ идти герой, и прежде всего нельзя предполагать, что путь этотъ долженъ быть прямой, и что именно мѣстности, лежащія на такомъ пути, должны и въ миѳѣ оказаться на пути изъ одного мѣста въ другое. Наоборотъ, въ угоду различнымъ мѣстнымъ миѳамъ путь, которымъ шелъ герой, часто, можетъ быть, долженъ уклоняться въ сторону и даже по различнымъ варіантамъ миѳа можетъ оказаться различнымъ. Вѣдь не совершаѣ же Оисей на самомъ дѣлѣ пути изъ Аѳинъ въ Мараѳонъ черезъ 'Ехѣлѣ', и не оттого же вошелъ разказъ объ 'Ехѣлѣ' въ составъ миѳа объ убієніи Мараѳонскаго быка, что димъ лежалъ на дорогѣ, которую долженъ былъ пройти герой. Основаніе для этого разказа корениится, конечно, въ миѳическомъ характерѣ героини однонименного съ нею дима, а сплетеніе этого разказа съ миѳомъ о Мараѳонскомъ быкѣ предполагаетъ только въ самомъ широкомъ смыслѣ возможность зайти по дорогѣ къ Мараѳону въ 'Ехѣлѣ'. Этимологически имя героини 'Ехѣлѣ' безъ сомнѣнія связано съ 'Ехатѣ' и 'Ехатос' ('Απόλλων'). 'Ехѣртос' и 'Ехѣртѣ', 'Ехѣртолос'; и по значению своему філобѣаинъ; 'Ехѣлѣ'²⁾. безъ сомнѣнія, та же Эката, ласковая къ путникамъ богиня дорогъ, первоначально богиня освѣщающей путь

¹⁾ Въ обѣихъ другихъ триттіяхъ, конечно, нельзя исключать дима 'Ехѣлѣ', который къ тому же и по надписи С. И. А. II 864 принадлежать именно къ срединной триттіи.

²⁾ Энгриамма Крианагора Anth. Pal. IX, 545 v. 3.

луны, богиня, которая по Исходу, сопутствует во всякихъ начинаніяхъ¹⁾ и обезпечиваетъ успѣхъ молитвы, обращенной къ другимъ богамъ²⁾, подобно тому какъ Экала сама молится за благополучный исходъ Фисеева предпріятія. Святилище или мѣсто чествованія такой древней богини путей (и вскихъ начинаній), снizzoшедшей здѣсь до степени героини, и димъ названный ея именемъ естественнѣе всего искать на важномъ пунктѣ дорогъ, можетъ быть при входѣ въ горы, у важного прохода Катифорі, или при главномъ переходѣ черезъ Кифисъ, русло которого въ верхнемъ теченіи глубоко врѣзывается въ почву, или же вообще на перекресткѣ важныхъ путей. Конечно, проходившая черезъ него дорога должна была привести и въ Мараонъ или вообще въ тетраполь, и кроме того мы всегда будемъ болѣе склонны искать этотъ димъ какъ можно ближе къ Мараону. то-есть въ сѣверо-восточной части триттіи IV с.

Въ концѣ концовъ мы получаемъ для срединной триттіи Леонтиды область, спускающуюся съ южного склона восточной половины Парниона и простирающуюся довольно длинной полосою въ юго-западномъ направлении до сѣверной подошвы Эгалея, поперекъ всей верхне-кифисской равнины, занимая почти всю западную часть ея, между Кифисомъ и его сѣвернымъ притокомъ (*ρεῦμις Ἀδάμη*) и Парниономъ: только западная окраина ея принадлежала, какъ мы видѣли, диму Акарнамъ триттіи VI с. Въ южной части триттіи IV с., въ сосѣдствѣ съ димомъ Крофідаси, должны быть помѣщены и два другихъ дима той же филы, называвшіеся, по свидѣтельству Стефана Византійскаго, вмѣстѣ съ Кроидами *τρίχωροι*: это Еѣпорідаси

¹⁾ Исходъ Феог. 404—452; особенно интересны для насъ стихи 431—433 и 435 сл.

ἐσθλὴ δ' αὐθὸν ὑπότ' ἀνδρες ἀγῶνις ἐπελέυσοι
ἔνθα Ήσι καὶ τοῖς παραγίνεται τὸ δὲ ὄντης.

Ср. комментарій Шеманнія въ данному мѣсту (*Hesiodische Theogonie, ausgelegt und beurtheilt v. G. F. Schoemann, 1868 г.* стр. 185 сл. и изъ статьи объ Экатѣ въ *Ausf\u00fchrlches Lexikon der griechischen u. r\u00fcmischen Mythologie, hrsg. v. Roscher* на стр. 1892 пункта 2.

²⁾ Исходъ Феог. vv. 416—419.

καὶ τῷ νῦν, ὅτε ποὺ τις ἐπιχθονίου ἀνθρώπων
ἔρδων ἵερί καλὰ κατὰ νῦνον ἔλασκτα,
κικλήσκει· Ἐκάτην πολλὴ τέ οἱ ὑπετετο τιμῇ
ρεῖα μᾶλλ' οὐ πρόφρων γε θεὰ ὑποδέξεται εὑχές.

Ср. Ровера Lexikon I. p. 1891 г., пунктъ б. 1.

и Πήληκες¹⁾). Они могли находиться только къ востоку отъ Кропѣдіа, вѣроятно на южномъ склонѣ сѣверо-восточного окончанія Эгалея, гдѣ нынѣ селенія Коултарб, одинъ изъ нихъ, другой же, можетъ быть, еще далѣе на востокѣ, среди холмовъ, соединяющихъ сѣверные подошвы Эгалея и Турко-вуни и образующихъ здѣсь замѣтную границу между верхне-кифисской и нижне-кифисской долиной, срединною полосой и городскими окрестами.

Относительно этихъ дѣмовъ трактироуетъ уже Ликъ (стр. 43 сл.), основываясь на именахъ ихъ, заключаетъ, что они занимались особенно выдѣлкою металлическихъ издѣлій, кузнецкимъ мастерствомъ²⁾, но руководясь обманчивымъ созвучиемъ именъ дима Кропѣдіа и теперешней большой деревни Коропѣ, помѣщаетъ ихъ на мѣстѣ этой посѣдѣніи къ востоку отъ Имитта. Мильтхгеберъ, справедливо отказавшись отъ Ликовскаго понѣщенія этихъ димовъ въ нынѣшней Месогіи, переносить ихъ въ верхне-кифисскую равнину³⁾, гдѣ опять-таки уже Ликомъ (стр. 42) собрана другая группа димовъ, относительно которыхъ можно предполагать, что они такъ или иначе были связаны или съ культомъ Ифеста и Прометея, или прямо производствою металлическихъ (или глиняныхъ) издѣлій. У Мильтхгебера получается уже цѣлая сплошная область производства металлическихъ и глиняныхъ издѣлій къ сѣверу отъ Аениъ по юго-западному, западному и сѣверному склонамъ Турко-вуни. Эту область составляютъ у Мильтхгебера кромѣ названныхъ трехъ еще димы: Аївалідіа, принадлежащий также філѣ Леонтидѣ, Коломѣс *ἴπτιος*; и Оюв Керарахѣкъ, которые онъ также считаетъ оба за димы Леонтиды, Керарахѣс и Іфиста-

¹⁾ Steph. a. v. Εὐπορίδαι—*τριχώμους δὲ τούτους ἔχασσον, Εὐπορίδας, Κρωπίδας, Πήληκες*. Въ рукописяхъ здѣсь читается, правда, Κεхропідас или Кропѣдіас, но такъ какъ рядомъ съ Εὐπορідас и Πήληκес ожидается и третіе название дима, з о димѣ Κεхропідас нѣть никакого упоминанія, то уже Elmsley'емъ (*ad Aigist. Acharn., v. 234*) справедливо восстановлено и теперь всѣми безспорно принято название дима Кропѣдіас.

²⁾ Название Еупорідас, отъ тѣр, *Etymologicum Magn. s.* объясняетъ тѣмъ, что здѣсь будто-бы впервые изобрѣтенъ огонь. Имена двухъ другихъ димовъ приводятъ въ связь съ πήλης—шамъ и κρώπτιον—серпъ.

³⁾ Text zu d. Karten. II стр. 39. Также уже раньше Стюартъ *Antiquities of Athens* III p. XII, Hanriot (стр. 41 сл.), Киперть (*Atlas v. Hell. taf. V*) и другие. Всѣ они исходить изъ отождествленія Πήληκес съ теперешнею мѣстностью Мѣлѣкас, Киперть при этомъ отдѣляеть совершенно Кропиды отъ двухъ другихъ димовъ тракторовъ.—Ближе къ нашему размѣщенію подходятъ Бурзіанъ (стр. 335 прим. 2) и Кастроменъ (стр. 84).

дас (или 'Ифиста́да') Акамантиды, и Διδαλίδαι (къ которому Ликъ присоединяет еще почему-то и 'Афроноу, приводя вѣроятно его имя въ связь съ глаголомъ αἴθω)—Кекрониды. Но если о каждомъ изъ этихъ димовъ въ отдельности, за исключениемъ 'Ифиста́да' и Οἰού¹), и можно предполагать съ нѣкоторою вѣроятностью, что жители ихъ еще въ древнійшія времена занимались издѣліями изъ металла или глины²), то о смежности всѣхъ этихъ димовъ нельзя сказать ничего положительного, и область промышленныхъ димовъ существуетъ болѣе въ воображеніи ученыхъ, чѣмъ можетъ быть доказана на самомъ дѣлѣ³). Изъ всего ряда перечисленныхъ выше димовъ только Аїдалі-

¹⁾ Что касается до промышленного характера дима 'Ифиста́да', то его выводятъ изъ другой формы этого имени, 'Ифаиста́да', производя такимъ образомъ название этого дима вѣдѣтъ со Стефаномъ Византійскимъ отъ имени бога Ифеста (Ликъ неправильно считалъ 'Ифаиста́да' и 'Ифиста́да' за два различныхъ дима). Но название 'Ифаиста́да' никогда не могло бы обратиться въ 'Ифиста́да', напротивъ, послѣднее есть непреимѣнно первоначальное название дима, и сами Ифиста́ды считали себя происходящими отъ героя 'Ифиста́с' (Исихій в. в.); только сравнительно поздно, отчасти вслѣдствіе легкаго звукового смыкенія, отчасти подъ влияніемъ ложной этимологіи, выступаетъ и форма 'Ифаиста́да', встрѣчающаяся въ надписяхъ, насколько наимѣетъ, только римского времени, и въ рукописяхъ. Димъ же Οἰού Керамеікоу попалъ въ разрядъ промышленныхъ только вслѣдствіе своего сосѣдства съ Керамеікосъ и такъ какъ по Архократіону онъ принадлежитъ также филѣ Леонтиды, то-есть, той же, которой и большинство другихъ изъ промышленныхъ димовъ: не надо забывать, что Мильхеферъ проводить мысль о территоріальной связи между димами одной филы; такимъ образомъ димы Леонтиды (къ которымъ онъ уже совершенно безъ всякихъ основаній причисляется) ради этого и Колаюсъ 'Іппіос' составляютъ въ его промышленномъ окружѣ центральную группу, къ которой примыкаютъ и нѣкоторые димы сосѣднихъ филъ.

²⁾ Прямыхъ извѣстія относительно этого имѣнья мы только для дима Колаюсъ 'Іппіос' (см. Мильхг. I. с., Ликъ I. с.); для всѣхъ остальныхъ димовъ можемъ основываться только на ихъ названіяхъ.

³⁾ Конструируется эта область учеными слѣдующимъ образомъ: въ одномъ мѣстѣ Платоновскаго завѣщанія у Диог. Лаэрт. (III 41—см. выше Журн. Мин. Нар. Пром., отд. вл. фил. Дек. 1891 г. стр. 94) усматриваются достаточные данныя для отождествленія мѣстности дима 'Ифиста́да' (или 'Ифаиста́да') съ 'нынѣшнимъ Араклѣ къ сѣверу отъ сѣверной подошвы Турко-вуны, объясняя название 'Араклѣ' изъ 'Нѣрѣдаю' въ 'Ифиста́ду'. Нѣсколько къ востоку отъ него въ ближайшемъ сосѣдствіи съ 'Нѣрѣдой' 'Афроноу' въ мѣстности Мѣдѣкас помѣщаются димы 'Пурлукес', къ которому затѣмъ предположительно въ южномъ направлѣніи, по сѣверной и западной подошвамъ Турко-вуны, примыкаютъ остальные три дима той же филы: Кекрониды, Епторіда, Аїдаліда; восточнѣе въ сосѣдствіи съ димами Кекрониды 'Афроноу' фіса, принадлежащий къ Кекронидѣ же димъ Δαιδаліда. На югѣ группа про-

да, димъ несомнѣнно принадлежалъ (какъ ясно видно изъ приводимыхъ ниже надписей) къ одной триттии съ бѣмою трапію, и по этимологіи своего имени подходящій къ нимъ. можетъ быть непосредственно граничилъ съ ними. Мы не знаемъ, на сколько справедливо предположеніе Мильтгера, что именно Турко-вуни содержала въ себѣ металлическія жилы, разрабатывавшіяся димами металлическаго производства. Теперь разрушенная деревня Халкоратадес (Мѣдники) на сѣверо-западномъ склонѣ этого хребта можетъ служить свидѣтельствомъ того, что еще въ сравнительно недавнее время здѣсь существовала та же промышленность ¹⁾). Если Халкоратадес лежали на мѣстѣ одного изъ древнихъ димовъ металлическаго производства Кропіда, Ейторіда, Пѣлухас или Аїдаліда, то придется предположить, что область срединной триттии Леонтиды переходила въ южной своей части и на лѣвый берегъ Кифиса, занимая здѣсь все пространство отъ сѣверной подошвы Эгалея до сѣверо-западной Турко-вуни. Сѣвериѣ она суживалась между нынѣшнимъ Менідѣ и Кифисомъ, такъ какъ лежащая напротивъ Менідѣ на лѣвомъ берегу Кифиса деревня Коукубаоус, и мѣстность нѣсколько къ югу отъ нея принад-

мышленныхъ димовъ Леонтиды заканчивается димами яко-бы той же фрактіи Кола-
косъ "Іплюс и Оловъ Керамикѣ" и наконецъ соединимъ съ послѣднимъ Керамикѣ. Но помимо того, что "Іплюс" ничего общаго съ Ифестомъ и металлическими производствами не имѣютъ, помѣщеніе этого дима при 'Арахѣ, и вообще въ верхне-клифской равнинѣ вполнѣ произвольно и при установлѣніи триттий удержано быть не можетъ. Таже и назнаніе Мѣлухас не можетъ быть произведено изъ Пѣлухас, вслѣдствіе своего въ первомъ слогѣ, и имѣть, вѣроятно, только случайное созвучіе. Мѣстность Мѣлухас лежитъ въ тому же въ области триттии VII. Напротивъ, цитованное выше мѣсто Фукидида указываетъ на другое мѣсто для бѣрою трапіи). Что касается до Аїдаліда, то этотъ димъ дѣйствительно могъ бы прилегать къ той мѣстности, куда помѣщаются Ифистіады и Нилики, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы утверждать, что этотъ димъ принадлежалъ именно срединной триттии Кекропиды. Димы Колакосъ "Іплюс и Керамикѣ" лежать совершенно отдельно отъ всѣхъ выше названныхъ.

¹⁾ Единственными свидѣтельствами, можетъ быть, заключающими въ Турко-вуни металлическихъ богатствъ могутъ служить незначительная доля желѣза, входящая, по изысканіямъ одного химика, въ составъ каменной массы хребта, и еще болѣе слабая примѣсь золота въ слояхъ глины, лежащихъ у его сѣверной подошвы; то и другое смыкаль и отъ владѣтеля имѣнія Калобреса при сѣверо-восточной подошвѣ Турко-вуни, Ейтре. Хойдѣ.—Но никакихъ слѣдовъ разработки древними металлами на склонахъ этой горы, насколько намъ известно, пока не найдено.

лежать уже, какъ мы сейчасъ увидимъ, къ области триттія VII с. ¹⁾). Далѣе на съверъ она простиралась, какъ сказано, между Кифисомъ съ его съверо-восточнымъ притокомъ и Парниономъ.

Въ указанныхъ предѣлахъ должны помѣститься, кромѣ перечисленныхъ уже 7-ми димовъ: Пасонідаи, Оіоу (*Δεκαεικόν*), Ехалп, Кро-
підаи, Еўпорідаи, Пѣлѣхес и Аїфлідаи, еще Гѣдас и Колауос. Именно,
всѣ эти 9 димовъ вмѣстѣ составляютъ особый третій столбецъ
списка притановъ СIA. II 864, на значеніе котораго для отысканія
триттій филы Леонтиды мы уже не разъ указывали; и за исключеніемъ
Аїфлідаи, отошедшаго въ это время уже къ Итолемаидѣ. и Ехалп, который
могъ быть названъ въ лакунахъ или въ концѣ столбца или въ
серединѣ, непосредственно передъ Пасонідаи, всѣ остальные семь слѣ-
дуютъ непрерывнымъ рядомъ одинъ за другимъ, отдельно отъ димовъ
двухъ другихъ триттій въ спискѣ димовъ СIA. II 991. Въ первой
изъ этихъ двухъ надписей имѣемъ:

Col. III: v. 3 ²⁾)	Пѣлѣхес
v. 8	Гѣдас
v. 13	еѣ Оіо
v. 16	Ехалеїчс
v. 19	Кро- підаи
v. 22	[П]асонідаи
v. 29	Еўпорідаи
v. 34	Аїфлідаи
v. 39	Колауос.

Въ надписи СIA II 991 col. II за шестью названіями димовъ
городского округа (vv. 10—15) и тремя совершенно стершимися
(vv. 16—18) слѣдуютъ:

	Пасонідаи
v. 20	Гѣдас
	Пѣлѣхес

¹⁾ Впрочемъ, если мы откажемся отъ отождествленія мѣстности Халкоратадес съ однимъ изъ димовъ Леонтиды, то и эта мѣстность отойдетъ къ области триттія VII и юго-западную границу триттія IV составить, на всѣмъ протяженіи до ея южной границы, русло Кифиса. Если вообще въ Халкоратадес нужно видѣть сохранившееся воспоминаніе о бывшемъ здѣсь промышленномъ димѣ, и изъ димовъ Кекропиды (VII ф.) можетъ быть помѣщено здѣсь димъ Аїфлідаи.

²⁾ Перечисленіе именъ притановъ по димамъ начинается съ 3-й строки,
тотъ образомъ есть первая строка отдельныхъ столбцовъ.

Кρωπίδαι
Εύπορίδαι
Κολωνεῖς
25 Ο[[ον]]¹⁾.

Пр. I с. На востокъ отъ сѣверной части триттии IV с., у западной подошвы Пентелика, лежала область срединной триттии Эрехеиды. Здѣсь въ роскошной, обильной источниками и растительностью мѣстности на берегахъ верхняго Кифиса и при одномъ изъ его истоковъ находился димъ Кѣфиса, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь находится большая деревня и лучшая изъ дачныхъ мѣстностей Аения, носящая свое древнее имя²⁾. Кроме этого хорошо известного намъ дима самостоятельно можетъ быть опредѣленъ, какъ принадлежащий къ срединной же триттии Эрехеиды, димъ Пергасѣ, дѣлившійся на Пергасѣ хадотерѳен и ѿпенерѳен. Именно, изъ одного мѣста Аристофана — Гипп.; v. 321—до сихъ поръ заключали только, что димъ Пергасѣ, упоминающійся здѣсь, находился близко отъ города³⁾; но мы усматриваемъ здѣсь не столько указаніе на абсолютную близость этого дима къ городу, сколько на направление въ которомъ онъ находился.

Рабъ А, въ лицѣ котораго поэтъ выводить полководца Демосеена, сына Алкисоенова, жалуется на Клеона, что онъ доставляетъ гнилую кожу на обувь; не успѣль онъ, Демосеень, дойти до Пергасій, какъ уже плаваль въ своихъ саногахъ, такъ что служилъ посыщицемъ для своихъ земляковъ (димотовъ) и друзей:

¹⁾ На мѣстѣ первой буквы, гдѣ Россъ читалъ Λ (A), Кѣлеръ Ο, теперь, какъ видно—въ недавнее время, отломился кусокъ камня, такъ, что всѣ слѣды ея пропали; на третьемъ мѣстѣ и Россъ и Кѣлеръ читаютъ Α, тѣмъ не менѣе при восстановленіи имени дима первый предлагаетъ Ο, второй Ο. Но на камнѣ еще виденъ несомнѣнныи, хотя слабый, слѣдъ лѣвой половины Ο; наклонная же прямая черта, которая значительно замѣтнѣе и отчасти совпадаетъ съ слѣдами Ο, и которую принимали, очевидно, за лѣвую часть А, не можетъ быть понята такимъ образомъ, ибо слишкомъ наклонна къ линіи строки и очевидно случайного происхожденія.

²⁾ См. Линъ (I. с., стр. 40), Мильхгейферъ Text zu d. Karten v. Att. II, стр. 38.

³⁾ Такъ впервые кажется Россъ Die Domen v. Att. стр. 90; см. также между прочимъ, примѣчаніе В. Риббека къ данному мѣсту Аристофана (Die Ritter des Aristophanes griech. u. deutach n. kritisch. u. erklarend. Anmerkungen стр. 250).

v. 319 κάμε τοῦτ' ἔδρασε ταῦτὸν νῆ Δί' ϕωτε κατάγελων
κάρπολον τοῖς δημόταις καὶ φίλοις παραχύθειν,
πρὶν γὰρ εἶναι Περγασῆσιν, ἔνεον ἐν ταῖς ἐμβάσιν.

Если слово *δημόται* и употребляется иногда въ значеніи людей изъ народа вообще, въ данномъ случаѣ оно *δημόται*, и притомъ рядомъ съ *φίλοι*, несомнѣнно обозначаетъ членовъ одного дима съ говорящимъ, собратьсяевъ по диму, земляковъ; и на этомъ мы дѣлаемъ ударение: подвергнуться насмѣшкамъ со стороны своихъ димотовъ и друзей Демосеенъ могъ только, прия въ рваныхъ салогахъ въ среду ихъ, тоесть, конечно, въ свой димъ¹⁾). Мы должны себѣ представить, съдовательно, эпизодъ этотъ въ такомъ видѣ: Демосеенъ покупаетъ, ко нечно, въ городѣ, новые салоги и отправляется въ нихъ домой, въ свое селеніе (димъ); но салоги отказываются служить, скажемъ—на половинѣ дороги; и шлепая по дождю въ рваныхъ салогахъ, приходитъ онъ домой, возбуждая смѣхъ среди встречающихся ему въ родной деревнѣ знакомыхъ. Димъ же Демосеена, какъ мы теперь знаемъ изъ надписи CIA. I 273 v. 18 и какъ хорошо, конечно, знала афинская публика,—Афидна. Находясь близъ Кифисіи, немного къ западу или къ ѿверу отъ нея, димъ *Περγασό* долженъ быть приходиться на ближайшей дорогѣ изъ Аѳинъ въ Афидну (черезъ проходъ *Κατιφόρι*), приблизительно на полъ-пути, и какъ-разъ передъ вступлениемъ въ горную область. Такимъ образомъ, поиѣщеніе дима *Περγασό* въ срединную трипти не только придаетъ живость и хороший смыслъ разбираемому мѣсту Аристофана, но, кажется, и безусловно требуется

¹⁾ Мы настаиваемъ на собственномъ значеніи слова *δημόται*: въ разбираемомъ мѣстѣ: Haussoullier (*La vie municipale en Attique*, p. 5 note) приводить иѣ сколько мѣстъ изъ аттической комедіи, гдѣ по его мнѣнію слово *δημόται* утратило уже свое значеніе и почти равносильно слову *φίλοι*, обозначаю вообще людей близкихъ. Въ числѣ цитуемыхъ имъ четырехъ мѣстъ Аристофана и одного отрывка Сусаріона (*Comic Attic. fragm.* I p. 3) находится и наше мѣсто, гдѣ слово *δημόται*, какъ и во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ изъ Аристофана (*Plut. v. 254, Sub. 1209—1210, 1323*) соопоставлено съ *φίλοι*, разъ съ *χαίτοις*: καὶ ξυγγενεῖς. Но ни въ одномъ изъ указанныхъ мѣстъ не представляется затрудненій для пониманія *δημόται* въ обычномъ значеніи членовъ одного дима: рядомъ съ прочими друзьями прежде всего обращается вниманіе на димотовъ, они призываются на ряду съ друзьями, сосѣдами и родственниками. Менѣе всего утратило свое значеніе это слово въ приписываемомъ Сусаріону отрывкѣ, изъ втораго Haussoullier, кажется, исходитъ: здѣсь поэть въ началѣ комедіи обращается именно къ диматамъ, согласно съ преданіемъ, что комедія Сусаріона давалась только въ димѣ *Ιχερіз*.

имъ. На основаніи дѣленія дима на верхній и нижній мы склонны помѣстить его ближе къ горамъ, то-есть, къ съверу отъ Кифисіи, у самой западной подошвы Пентелика, или еще съвернѣе у холмовъ, соединяющихъ горы массы Пентелика и Парниоса.

Границы триттіи мы можемъ приблизительно опредѣлить изъ положенія болѣе извѣстныхъ намъ димовъ окрестныхъ триттій. На съверо-западѣ, какъ мы сказали, она отдѣлялась отъ триттіи IV с., вѣроятно, русломъ главного съверо-восточного притока Кифиса (рѣчи 'Адамп); но не достигая верховьевъ его, приблизительно въ томъ мѣстѣ, где онъ поворачиваеть съ запада на юго-западъ, граница переходила, вѣроятно, на цѣль холмовъ, на юго-западномъ склонѣ которыхъ лежитъ Мокура, и отсюда повернула на югъ, отрѣзывая западный конецъ съвернаго склона Пентелика съ истоками выше упоминутаго большаго притока Кифиса. Спустившись по хребту Пентелика къ его западной подошвѣ, граница переходила черезъ русло самого Кифиса въ его верхнемъ теченіи восточнѣ Кифисіи и, слѣдя линію холмовъ, отдѣляющихся отъ Пентелика между Кифисіей и Маробс и сопровождающихся южнымъ (лѣвымъ) берегомъ верхняго Кифиса, образовывала южную границу триттіи. Послѣдняя упиралась на западномъ концѣ въ Кифисъ нѣсколько ниже его поворота на юго-западъ и сліянія съ нѣсколько разъ упоминавшимся съверо-восточнымъ притокомъ его, съвернѣе деревни Коукобаунас.

Въ этихъ, приблизительно, предѣлахъ должны мы кромѣ димовъ Кифисіи и двойнаго Пергаса помѣстить еще два дима той же філы. Именно, имѣя теперь уже 2 дима срединной триттіи Эрехеониды, мы на основаніи, главнымъ образомъ, надписи СIA II 991 можемъ въ должности отнести къ ней еще димы Софріда и Фигобс: оба эти дима называны въ указанной, не разъ уже нами цитованной надписи всѣдѣ за Пергаса въ концѣ столбца димовъ Эрехеониды:

v. 11 Π]εργασ[η χαθўпер(θεν)

Περγασ[η ὑπένερθ(εν)

Σ]οφρίδαι

v. 15 Φηγοβ[ε]ς¹).

Кромѣ того Фигобсы называются рядомъ съ Кифисіей и отдельно отъ другихъ димовъ еще въ двухъ спискахъ: въ спискѣ діэтитовъ

¹) Раньше называны всѣ димы сначала городской, затѣмъ береговой триттій (см. въ своемъ мѣстѣ); димъ же Кифисія въ этомъ перечинѣ димовъ по неизвѣстной намъ причинѣ вовсе не быть названъ.

CIA II 943 на концѣ списка (послѣ четырехъ изъ димовъ береговой триттія):

v. 17 [Κη]φισεῖς

v. 20 Φηγούόεις;

и въ спискѣ притановъ приблизительно времени Августа. CIA III 1019, въ первомъ изъ двухъ столбцовъ:

v. 7 [Κηφισ]εῖς

v. 27 Φηγούόεις.

Въ томъ же столбцѣ этой надписи названы еще, но не на свое мѣстѣ, только Еѡнореїс (v. 3), поставленные здѣсь впереди всѣхъ димовъ по особой причинѣ, такъ какъ изъ среды ихъ былъ казначей притановъ. Но въ надписи этой имѣется и другое отступленіе отъ правильнаго распределенія димовъ по триттіямъ: одинъ Σωφρίδηс названъ въ концѣ втораго столбца, заключающаго димы береговой триттіи, слѣдовательно отдалено отъ двухъ другихъ димовъ одной съ нимъ триттіи; впрочемъ надпись сравнительно поздня.

Что касается до дима Φηγοўс, то название его предполагаетъ обиліе въ немъ особой породы бука, которую не трудно найти имено въ сосѣдствѣ съ Кифисіей, одной изъ немногихъ въ Аттикѣ мѣстностей, богатыхъ большими тѣнистыми деревьями¹⁾.

P. Леперъ.

(Окончаніе следуетъ).

¹⁾ Такъ какъ и въ принадлежности Σωφρίδηс въ триттія I с. вѣтъ причинъ соинѣваться, то, можетъ быть, и для загадочнаго Syverus Atticae flumen, который называется всего одинъ разъ въ древней литературѣ Plin. Hist. Nat. XXXVII 35, найдется теперь иѣсто. Napriot (I. l. p. 218), какъ мы уже имѣли случай замѣтить, можетъ быть справедливо указалъ на связь имени дима Σωφρіда: съ именемъ этой рѣчки, въ которой тогда мы должны видѣть одинъ изъ сѣверныхъ притоковъ Кифиса и, можетъ быть именно, тотъ главный сѣверо-восточный притокъ его, берущій начало на сѣверномъ склонѣ Центеліка, который обыкновенно неправильно принимаютъ за самыи Кифисъ.—Не стоять ли въ связи съ древнимъ Σωφρідос упоминаемое Ликомъ (I. l. стр. 7 и 123) название мѣстности въ верховьяхъ этого ручья: Φασідapo?

КЪ ЛИКУРГУ ОРАТОРУ.

Предлагаемъ нижеслѣдующія поправки къ тексту рѣчи противъ Леократа для краткости въ видѣ тезисовъ, безъ мотивировкы, которая въ случаѣ надобности будетъ представлена впослѣдствіи.

§ 6. Πολіτου γáρ єєті δικаіou μὴ διá таc іδіас; єхъфрас eis таc κοινàς христіаніи хеѳистаіи тоu; тѣn польн мѣдев адиходуиіас, алла тоu eis тѣn патріда ти параномоіюиіас ідіоус єхъфроu; eїнаi νομізев хai тa κoинa тaн адиқтимаtawu хaинaс хai тaс профaоeи єхъев тѣs прoс aвtoиs дiафорaи. Должно быть: iхaинaс профaоeи и т. д. Кcинaс и хai тaс—различныя, хотя одинаково неудачныи, попытки осмыслить хaинaс, то-есть, то, что осталось отъ iхaинaс, когда въ немъ успѣла стереться первая буква.

§ 46. Πεрi ḍn, ḍn ἀνδρeи, мiхрф плeіw вoôlomai дiаlmei, хai ȳмeи акоіoсаi бeоmaи хai μὴ νoмiзeи аllotrioue eїnaи тоu тоioуtoиs тaн бη-μoсiw агѡnac. Читай: тоu тоioуtoиs тaн (λóγωи) бη-μoсiou агѡnoc. Разъ выпало λógyи послѣ тaн ,остальная искаженія текста почти неминуемо должны были послѣдовать.

§ 93. Δeіnōn γáр ḍn eit̄ eи тaнtа oηmeia тоiс eиsгbеiс хai тоiс хaибrоiс фaiноntai. Eηmeia произошло изъ oηtήria, вслѣдствiе сокращеннаго написанiя этого слова. Кроме того. принимаемъ поправку Реданца фaiноnt' бутa ви. фaiноntai.

В. Ерштедтъ.

ЕЩЕ О ГРЕЧЕСКОМЪ ПРОИЗНОШЕНИИ.

Возвращаюсь къ вопросу о греческомъ произношениі. Поднятый мною осенью въ 1890 г. въ историко-филологическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета, сдѣлавшійся затѣмъ (не по моей винѣ) предметомъ публичнаго состязанія въ Одесскомъ историко-филологическомъ обществѣ, поставленный, наконецъ, печатно передъ русскими филологами, какъ вопросъ, стоющій вниманія, статьей моей въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* (мартъ, 1891), онъ съ тѣхъ порь, пасколько мнѣ известно, не сдѣлалъ впередъ въ нашей печати ни шагу. Отъ чего такое равнодушіе къ вопросу, для нашей школы вовсе не безразличному? Или наши филологи, обыкновенно получающіе свои задачи и ихъ решеніе изъ Германіи, ждутъ, когда тамъ съ большою рѣшительностью заговорятъ о возвращеніи къ „Рейхлинову“ произношенію въ своемъ отечествѣ? Или они и въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что для нашей школы всего больше идеть именно „немецкое произношение“, какъ безъ всякой церемоніи, хотя и съ полнымъ основаніемъ, выражается проф. Бласъ¹⁾ о существующемъ теперь въ нашихъ гимназіяхъ греческомъ произношениі? Я говорю—съ полнымъ основаніемъ, такъ какъ изъ конца въ конецъ нашей обширной земли раздаются на греческихъ урокахъ: зома, базилѣсъ, Ойропѣ, айнай и тому подобная прелести верхненѣмецкаго выговора въ языкѣ Платона и Демосѳена.

Мы, конечно, народъ, еще довольно слабый въ наукѣ, и намъ приходится учиться у другихъ очень многому такому, чему было бы гораздо лучше учиться по своимъ книгамъ и у своихъ ученыхъ. Но

¹⁾ Ueber die Aussprache des Griechischen, Berlin 1888, 3-е изд., р. 5: „nachdem auch in Russland die deutsche Aussprache angenommen“...

всѣ-таки греческому произношению намъ учиться у нѣмцевъ иѣть никакого основанія. Не говоря уже о томъ, что нѣмцы вообще плохіе учителя произношенію, и во всякой языку, даже живой, вносятъ цѣлкомъ особенности своего національного выговора,—слѣдуетъ прежде всего помнить тотъ фактъ, что мы стали читать по-гречески пятью столѣтіями раньше нѣмцевъ и приняли почти тысячу лѣтъ назадъ произношеніе греческаго языка непосредственно отъ грековъ, съ которыми находились въ живомъ непрерывномъ общеніи съ самыемъ первыхъ шаговъ нашей исторіи, отъ которыхъ приняли христіанство и начатки европейской образованности. Поэтому, хорошо ли, худо ли мы произносили по-гречески, научившись этому произношенню у самихъ грековъ, нельзѧ ни вычеркнуть, ни ослабить того факта, что недавно покинутое нашей средней (свѣтской) школой и сохраненное лишь въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ греческое произношеніе есть произношеніе, имѣющее въ нашей странѣ тысяче лѣтнюю исторію, что оно есть, слѣдовательно, наше національное произношеніе и въ силу этого имѣющее несравненно больше права на уваженіе и на сохраненіе, чѣмъ произношеніе чужое, нѣмецкое, національно-нѣмецкое въ полномъ смыслѣ этого слова.

Для чего же намъ нужно это нѣмецкое произношеніе греческаго языка? Въ чемъ его привилегія передъ французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ или другимъ національнымъ произношеніемъ самого благозвучнаго и самого высокаго языка. какимъ когда-либо говорили люди на нашей планетѣ?

Нѣмецкое произношеніе намъ ни для чего не нужно, и никакого преимущества оно передъ французскимъ, итальянскимъ и англійскимъ не имѣть. Напротивъ, оно очень грубо и не даетъ ровно никакого представленія о звукахъ „божественной эллинской рѣчи“. Послѣдний оборванецъ-поденьщикъ въ Нирейской гавани ставить насъ въ этомъ отношеніи несравненно ближе къ языку Гомера и Софокла, чѣмъ самый прославленный профессоръ берлинскаго или лейпцигскаго университета. Я не стану утверждать, что кембриджскій, парижскій или болонскій профессоръ, если они слѣдуютъ, подъ именемъ Эразмовскаго, своему національному произношенню, имѣютъ въ этомъ отношеніи преимущество передъ германскимъ профессоромъ, но считаю себя вправѣ заявить, что самое небрежное семинарское произношеніе въ Россіи звучитъ гораздо больше по-гречески, чѣмъ самое старательное произношеніе нѣмецкихъ гимназистовъ. Доказательство на лицо. Русскихъ, прѣезжающихъ съ семинарскимъ произношеннемъ въ Грецию,

тамъ понимаютъ, а германскіе филологи съ своими *айнай* и *базилейсъ* остаются совершенно непонятными. Поэтому, какъ ни стоять нѣмцы за свое произношеніе греческаго языка у себя на родинѣ, въ Греціи они не только переучиваются произносить по-гречески, но и становятся принципиальными противниками отечественнаго, на искусственной Эразмовской основѣ построенного, произношенія, прямо заявляя, что, при всѣхъ своихъ познаніяхъ въ греческомъ языкѣ, они „не въ состояніи произнести правильно ни единаго греческаго слова“¹⁾. Такъ именно заявлялось въ составленій въ концѣ 1890 г. петиціи проживающихъ въ Аѳинахъ нѣмцевъ къ германскому императору объ отмѣнѣ Эразмовскаго произношенія въ германскихъ школахъ въ пользу новогреческаго. Въ этой интересной для насъ петиціи, почти совершенно совпадающей съ движениемъ вопроса о греческомъ произношеніи въ Одессѣ и, новидимому, непосредственно за нимъ слѣдовавшей¹⁾, между прочимъ заявлялось, что „для членовъ германскаго археологическаго института въ Аѳинахъ, послѣ того какъ они съ величайшимъ усиленіемъ въ теченіе многихъ лѣтъ изучали греческій языкъ въ Германии, представляетъ большой трудъ переучиваться этому языку еще разъ въ Аѳинахъ, такъ какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ почти всякое греческое слово выговариваются иначе (*in abweichender Form*)“²⁾.

Если, такимъ образомъ, неудобства такъ называемаго Эразмовскаго или, правильнѣе, чисто нѣмецкаго произношенія греческаго языка такъ сильно чувствуются самими нѣмцами при первомъ столкновеніи съ живымъ греческимъ языкомъ и при прикосновеніи къ действительной греческой почвѣ, то какой смыслъ это совсѣмъ не греческое произношеніе имѣть у насъ, и что мы выиграли, промѣнявши свое исконное греческое произношеніе, принятое нами отъ самихъ грековъ непосредственно изъ устъ въ уста, на произношеніе чуждое одинаково какъ греческому, такъ и русскому языку?

Проиграли много, но ничего не выиграли. Наиболѣе благоразумные защитники основаннаго на искусственной Эразмовской системѣ

¹⁾ Первые свѣдѣнія о составленіи этой петиціи были сообщены въ лейпцигскомъ журнальѣ „Zeitung für das höhere Unterrichtswesen Deutschlands“ 1891, № 2 (9-го января), стр. 15.

²⁾ См. тамъ-же. Намъ приятно также было узнать, что въ этой петиціи аѳинскіе нѣмцы, какъ и мы сами раньше ихъ, называютъ эразмовское произношеніе „совершенно произвольнымъ“ (*eine ganz willkürliche*), ни какимъ образомъ не соответствующимъ тому, какое было въ употреблении въ классическое время эллинизма“

произношениі выставляютъ впередъ ту выгоду послѣдняго, что оно своимъ раздѣльнымъ произношениемъ гласныхъ въ дифтонгахъ, то есть своими ай, эй, ой, равно какъ усвоенiemъ каждой гласной особеннаго, ей принадлежащаго звука, облегчаетъ преподаваніе греческаго языка. Въ этомъ есть своя доля правды; по крайней мѣрѣ такъ кажется. Но кто мѣшаетъ при преподаваніи, когда нужно, прибѣгать къ этому искусственному средству произношениія гласныхъ, колѣ скоро къ такимъ средствамъ прибѣгаютъ и при преподаваніи новыхъ языковъ, когда требуется указать, какъ именно произносимое слово пишется? Иное дѣло—искусственные приемы преподаванія и иное дѣло—произношеніе языка при чтеніи. Если нельзѣо и сѣмъно произносить по-французски, по-англійски, по-нѣмецки, по-русски такъ, какъ пишется, въ противность дѣйствительному произношению, то странно произносить искусственнымъ образомъ и греческія слова, особенно когда существуетъ еще живой народъ, которому этотъ языкъ принадлежитъ и къ которому нынѣ существующее произношеніе перешло такъ-же преемственно, какъ къ намъ перешло наше нынѣшнее произношеніе, а къ французамъ французское. И мы, и французы, и другіе народы, уча дѣтей читать, указываемъ имъ, что известное сочетаніе буквъ произносится въ живомъ языкѣ не такъ, какъ это пишется. Греческій языкъ въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія: и въ немъ, какъ и по отношенію къ другому языку, слѣдуетъ при преподаваніи указывать, какъ пишется и какъ произносится. Но для этого нѣть ни малѣйшей нужды въ искусственномъ чтеніи, если даже имѣть въ виду чистое Эразмовское чтеніе, котораго впрочемъ ни въ какой странѣ не держатся, и уже совсѣмъ безсмысленно придерживаться того изуродованного по верхне-нѣмецкому выговору чтенія, которое масса учителей практикуетъ въ русскихъ гимназіяхъ.

Но бѣда въ томъ, что учительскій міръ и въ Россіи и въ Германіи въ большинствѣ своемъ пребываетъ въ наивномъ убѣждениі, что такъ называемое Эразмовское чтеніе, чистое-ли, искаженное-ли, есть чтеніе научное. Несостоятельность этого, по истинѣ нельзѣаго, взгляда, дѣлающагося очевидвѣ съ каждымъ днемъ, благодаря все новому и новому матеріалу, который представляютъ намъ постоянно открываемыя надписи, надѣюсь, была уже достаточно разъяснена мною въ упомянутой статьѣ „Вопросъ о греческомъ произношениі“. Но человѣкъ такъ устроенъ, что онъ гораздо легче усваиваетъ заблужденія, чѣмъ отказывается отъ нихъ. И въ наукѣ, какъ и въ жизни, людей, самотоюльно мыслящихъ, мало; и тамъ, какъ и здѣсь, масса идетъ на

буксирѣ у болѣе дѣятельныхъ личностей, или просто держится за принятыя раньше мнѣнія. У насъ, напримѣръ, достаточно было на каѳедрѣ греческаго языка въ Петербургѣ появиться прибывшему къ намъ еще въ 1810 г. энергическому ученику Готфрида Германа, Грефе, и заговорить тономъ научнаго авторитета, которымъ не могли тогда говорить русскіе филологи, чтобы и въ Россіи пошло въ ходъ Эразмовское чтеніе, только что введенное, благодаря усиленіямъ Фр. Августа Вольфа и того-же Готфрида Германа въ германскихъ школахъ. Къ чести русскихъ филологовъ прежняго времени надобно сказать, что имъ глубоко не нравилось это нововведеніе, какъ не имѣвшее для себя никакой точки опоры въ нашихъ литературныхъ преданіяхъ, и наиболѣе авторитетные изъ нихъ, какъ извѣстный переводчикъ съ древнихъ языковъ И. И. Мартыновъ, не скрывали своего неудовольствія по этому поводу¹⁾). Но потомъ, мало-по-малу, русскіе филологи не только привыкли къ Эразмовскому чтенію, но и были недовольны, когда оно, въ министерство кн. Ширинского-Шихматова, было въ 1852 г. отмѣнено, и снова ухватились за него, какъ только къ тому представился случай въ запросѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, обращеннаго къ историко-филологическимъ факультетамъ русскихъ университетовъ весной 1867 года. Только одинъ Новороссийскій университетъ, за два года передъ тѣмъ основанный на террито-ріи древне-греческихъ колоній, не раздѣлялъ тогда этого общаго теченія, направленнаго къ вторичному введенію въ наши гимназіи нѣмецкаго произношенія языка древнихъ эллиновъ. Большинство нашихъ тогдашнихъ филологовъ этимъ показали, что оно въ филологическихъ вопросахъ, даже въ такихъ, въ которыхъ замѣшана наша национальная исторія и до извѣстной степени наше достоинство, чуждо всякой самостоятельности. Въ Германіи читаются по Эразму: значитъ, это и правильнѣе, и удобнѣе въ педагогическомъ отношеніи. Такимъ

¹⁾ См. въ *Журнале Департамента Нар. Прис.* 1822 г., I, его статью подъ заглавиемъ „Совѣтъ Россійскому юношеству о произношеніи нѣкоторыхъ греческихъ буквъ“, стр. 5—77. Въ заключеніи своей статьи Мартыновъ говоритъ: „Заключаю сіе разсужденіе обращеніемъ совѣта русскому юношеству—не слѣдоватъ въ произношеніи рассматривавшихъ (читай: разсмотрѣнныхъ) нами здѣсь греческихъ буквъ произношенію, каковое иностранцы недавно ввели у насъ въ употребленіе. Оно безобразитъ сей прекрасный языкъ, умножаетъ затрудненія въ выговорѣ словъ языка, и безъ того весьма труднаго, и дѣлаетъ насъ непонятными какъ для природныхъ грековъ, такъ и для всѣхъ обучавшихся и нынѣ обучающихся оному по принятому издавна у насъ произношенію“.

соображениями многое, очень многое, рѣшилось у насъ въ вопросахъ, касающихся постановки нашего школьнаго дѣла.

Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы въ Германіи греческія слова коверкали на верхне-нѣмецкій манеръ по Эразмовскому методу. У нѣмцевъ не было тѣхъ частыхъ и исконныхъ сношений съ греками, какія выпали на долю русскимъ, и, кроме того, это—домашнее дѣло нѣмецкой педагогики. Но мы не можемъ оставаться вполнѣ равнодушными къ заявленіямъ, что Эразмовское произношеніе есть *научное*¹⁾. Никогда не было заявленія болѣе произвольного и, если будетъ позволено такъ выразиться, болѣе дерзакаго. Ибо, если нѣкоторыя стороны „чистаго ученія эразмистовъ“ и имѣютъ *теоретическое основаніе*, то, существованіе такого произношенія въ дѣйствительности ни малѣйшимъ образомъ не доказано ни для одного періода греческаго языка, ни для одного его нарѣчія, ни для одной греческой народности. Все, что намъ даютъ въ этомъ отношеніи надписи, писатели, грамматики, переходъ греческихъ словъ въ другіе языки, равно какъ и передача греками чужихъ словъ, все это болѣе или менѣе полно, болѣе или менѣе ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что Эразмовское произношеніе есть произношеніе произвольное и придуманное, тогда какъ всюду разсѣяны доказательства въ пользу того, что произношеніе нынѣшихъ грековъ хотя во всей своей цѣлости и не вполнѣ тождественно съ произношеніемъ классическаго времени греческой литературы, но въ то же время почти во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ относится ко временамъ классической древности, коренясь въ народномъ говорѣ разныхъ діалектовъ и окончательно сформировавшись въ эпоху Римской имперіи.

Противники традиціоннаго произношенія, будучи не въ состояніи, въ виду массы эпиграфическихъ данныхъ, оспаривать рапнаго произношенія дифтонговъ *αι* и *ει*, какъ эн и і въ беотійскомъ нарѣчіи, натыкались на разные, противорѣчашіе Эразмовской теоріи, факты произношенія дифтонговъ въ нарѣчіяхъ золійскомъ и дорическомъ, обыкновенно укрываются за аттическое нарѣчіе, какъ за такое, въ которомъ чистота произношенія, защищаемая высоко развитой литературой, сохранилась лучше и дольше, и въ которомъ поэтому произношеніе нынѣшихъ грековъ находитъ наименѣе данныхъ для своего применения, особенно когда рѣчь идетъ о чтеніи писателей классическаго

¹⁾) *Blass, Ueber die Aussprache des Griechischen*, 3-е изд., р. 6: „Dagegen die echte Lehre der Erasmianer ist wirklich wissenschaftlich“.

периода литературы. Не имѣя никакихъ доказательствъ въ подтверждение того, что аенияне временъ Перикла произносили не только дифтонги по Эразму (ай, эй, ой), но даже и тѣ какъ э, они тѣмъ не менѣе тономъ полнѣйшей увѣренности заявляютъ, что утвердившееся внослѣдствіи греческое произношеніе совсѣмъ непримѣнно къ языку классического вѣка греческой литературы и уже по тому самому должно считаться вообще негоднымъ для школьнаго употребленія.

Что нынѣшнее греческое произношеніе, унаследованное греками отъ времени, когда древнія нарѣчія слились въ общемъ языкѣ (*κοινὴ διάλεκτος*), не во всѣхъ пунктахъ отвѣтаетъ аттическому произношению вѣка Перикла, это понятно само по себѣ, и никто никогда не думалъ утверждать противное; но что въ народномъ говорѣ аттическое произношеніе уже въ 5-мъ и 6-мъ ст. до Р. Х., то-есть и въ самое классическое время было очень близко къ тому, которое въ македонское время стало общегреческимъ, а также и къ позднѣйшему, то-есть къ новогреческому произношенію, вышедшему именно изъ *κοινὴ διάλεκτος*, на это имѣются достаточно вразумительныя доказательства. Въ прежней своей статьѣ о греческомъ произношении, напечатанной въ *Журн. Мин. Нар. Проеv.* (мартъ, 1891), я приводилъ эпиграфическія данныя 5-го и 4-го ст., указывающія на произношеніе и въ Аттицѣ, напримѣръ, дифтонга *αι* какъ долгаго и широкаго э, а какъ долгаго і, въ самое цвѣтущее время греческой литературы. Но на это имѣются не одни эпиграфическія данныя, но и данныя самой литературы 5-го и 4-го вѣка. О нихъ напоминаетъ намъ новая работа г. Пападимитракопуло, автора того капитального труда по вопросу о греческомъ произношении (*Βάσανος τὸν περὶ τῆς ἀληθικῆς προφορᾶς Ἐρασμικὸν ἀποδείξαντα*, Аѳіны, 1889), передъ которымъ Блассово произведеніе „Ueber die Aussprache des Griechischen“ можетъ показаться не больше, какъ слабымъ упражненiemъ начинающаго ученаго.

Любезно присланный намъ авторомъ новый трудъ почтеннаго аенискаго ученаго носить заглавіе: „Le poète Aristophane et les partisans d'Erasmus“ (Leide, 1892). Онъ, какъ и не разъ указанная нами въ прежней статьѣ работа подъ заглавіемъ: „Nouveaux documents épigraphiques démontrant l'antiquité de la prononciation des Grecs modernes“ (Leid., 1890), появился первоначально на страницахъ издаваемаго въ Лейденѣ филолинскаго журнала *'Ελλάς* (т. IV) и вслѣдъ затѣмъ вышелъ въ видѣ отдѣльной брошюры. Мы видѣли начало этого труда у автора еще въ бытность нашу прошлой весной въ Аѳінахъ, неоднократно бесѣдовали съ нимъ на эту тему и дали ему обѣщаніе позна-

ЕЩЕ О ГРЕЧЕСКОМЪ ПРОИЗНОШЕНИИ.

комить съ новымъ его трудомъ русскихъ филологовъ. Сущность этой работы уже заключалась въ объемистомъ „*Βάσανος*“, гдѣ разсмотрѣны всѣ вопросы, касающіеся греческаго произношенія, но многое здѣсь и ново, какъ и слѣдовало ожидать отъ работы, специализированной на Аристофанѣ. Искать живыхъ слѣдовъ давнаго произношенія у комического поэта какъ нельзя болѣе естественно: но кто могъ выполнить эту задачу съ большей удачей и даже — да простятъ мнѣ эту „ересь“ германскіе филологи! — съ большимъ авторитетомъ, чѣмъ человѣкъ, обладающій, кроме огромной и солиднѣйшей филологической учености, еще тѣмъ незамѣнимымъ преимуществомъ, что для него великая эллинская литература есть своя, родная литература, съ которой онъ сросся, свыкся во всѣхъ мелочахъ ея, и которая для него составляетъ и „жизнь, и дыханіе, и вся“. Новая брошюра его не велика (всего 70 страницъ), но чрезвычайно содержательна. Было бы очень желательно, чтобы съ ней познакомились русскіе филологи, интересующіеся вопросомъ о греческомъ произношеніи, самостотельно. Такъ какъ я, въ предѣлахъ небольшой статьи, могу коснуться лишь нѣкоторыхъ пунктовъ ея, имѣя въ виду данные Аристофана, касающіяся произношенія буквы η и трехъ главныхъ дифтонговъ: αι, ει и οι.

Въ новогреческомъ чтеніи, сильномъ своей исторіей, своей тысячелѣтней давностью, есть, какъ и во всемъ на свѣтѣ, уязвимые пункты. Но ни въ одномъ изъ нихъ противники этого произношенія не казались болѣе имѣющими основавія для нападеній, какъ по отношенію къ буквѣ Η, которая, будучи долгое время знакомъ густаго приданія, перешла въ общій для всѣхъ грековъ Эвклидовъ алфавитъ (403 до Р.Х.) изъ юническаго, именно въ качествѣ знака долгаго э (ē). Что писавшіяся съ этой буквой слова не всегда въ древнемъ аттическомъ діалектѣ заключали въ себѣ звукъ ε, это намъ было достаточно извѣстно изъ одного Платонова диалога, гдѣ Сократъ напоминаетъ своему собесѣднику, что въ старину въ Аттицѣ употребляли ε тамъ, гдѣ потомъ стали писать ε или η, и приводить въ примѣръ слово ἡμέρα, которое зеиняне въ древнѣйшее время (*οἱ ἀρχαῖοτατοί*) выговаривали ἰμέρα, а другіе писали ἑμέρα или, какъ теперешніе (*εἰδὲ γε* убъ), ἡμέρα¹). Мѣсто это очень важно, хотя у Бласа о немъ и не упоминается; важно тѣмъ, что оно указываетъ на нѣкоторый дуализмъ по отношенію къ η еще въ до-Эвклидовское время. Но оно не стоитъ одиноко. Г. Нападимитракопуло, разсмотрѣвшій вопросъ о произноше-

¹⁾ Cratyl. 418 B.

ній тъ съ большою подробностью въ своемъ „Вѣсанос“ (р. 516—548), обращаеть теперь наше вниманіе особенно на игру словъ въ комедіяхъ Аристофана, на игру словъ, основанную единственно на созвучіи гласныхъ и тѣмъ самымъ несомнѣнно дающую основаніе заключать объ ихъ произношениіи посѣщавшему театръ зеинскою публикой.

На первый планъ здѣсь выступаютъ слѣдующіе стихи изъ *Мира*, гдѣ Трагей ведетъ бойкій разговоръ съ хоромъ о жертвоприношениі (ст. 923 слл.):

- Tr.* Τі δ' ἄλλο γ' ἡ ταύτην χύτραις ἴδροτέον;
Хор. Χύτραισιν, ὥσπερ μεμφόμενον Ἐριήδιον;
Tr. Τί δαὶ δοκεῖ; βούλασθε λαρινῷ φοῖ;
Хор. Βοῖ? Μηδαμῶ;, ἵνα μὴ βοηθεῖν ποι δέγ;
Tr. 'Αλλ' οὐ παχεία καὶ μεγάλῃ; *Хор.* Μὴ, μὴ. *Tr.* Τιή?
Хор. 'Ινα μὴ τένηται Θεαγένους ὑηνία.
Tr. Τῷ δὴ δοκεῖ σοι δῆτα τῶν λοιπῶν; *Хор.* 'Οι.
Tr. 'Οι; *Хор.* Ναὶ μὲ Δῖ. *Tr.* 'Αλλὰ τοῦτο γ' ἔστι 'Ιωνικὸν
τὸ φῆμ'. *Хор.* 'Επιτηδέας γ' ἦν' δταν ἐν τῆκκλησίᾳ
ώς χρὴ πολεμεῖν λέγη τις οἱ καθήμενοι
ὑπὸ τοῦ δέους λέγωσ' 'Ιωνικῶς δὲ¹).

При малѣйшемъ вниманіи къ дѣлу, вельзя не согласиться съ г. Пападимитракопуло, что вся грація этихъ стиховъ и сила аргументовъ, приводимыхъ хоромъ въ пользу установленія мира посредствомъ жертвъ, вытекаетъ изъ созвучій, какія намъ даются въ словахъ φοῖ, βοηθεῖν. οὐ, ὑηνία, δὲ, „гдѣ совершенно разныи идеи перемѣшиваются одна съ другой, въ силу одного лишь сходства звуковъ, самымъ комическимъ образомъ“. И въ самомъ дѣлѣ, хоръ не хочетъ, чтобы приносился въ жертву быкъ, лишь потому, что слово φοῖ (вои) даетъ ему возможность съострить посредствомъ двусмыслиаго употребленія слова βοηθεῖν (бѣжать на помошь) какъ однозначную съ выражениемъ φοῖ θεῖν (бѣжать на быка, въ смыслѣ отнимать быка, какъ это можно заключить изъ *Ахарніа*, 2021 слѣд.). Г. Пападимитракопуло совершенно правъ, когда говорить, что „вся грація этой игры словъ совершенно пропадаетъ, если вмѣсто дат. φοῖ поставить родительный φοῖς, или вмѣсто аттической формы βοηθεῖν употребить дорическую βοαθῆν или βοαθεῖν, или же если произнести слово βοηθεῖν по Эразмовскому βοēθεῖν“²). А если это такъ, то-есть если

¹) Мѣсто это приведено мною по изданію Диандорфа 1840 года.

²) Le poète Aristophane etc., 2—3 (брюшюры).

весь комический эффектъ этого мѣста основывается дѣйствительно на созвучіи, производимомъ на протяженіи цѣлаго ряда стиховъ икрою звука *ι*, то отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что *ε* въ словѣ *βοι* и *τ*, въ словѣ *βοηθεῖν* должны были звучать если не вполнѣ одинаково, то во всякомъ случаѣ очень близко другъ къ другу; иначе эффектъ, который имѣлъ въ виду поэтъ, не могъ быть достигнутъ.

Нельзя сказать, чтобы приверженцы Эразмовскаго чтенія не замѣчали этого важнаго аргумента въ пользу традиціи новогреческаго чтенія. Однако они, которые никогда не упускаютъ случая указывать на благопріятное для нихъ выражение у комика Кратина блеянія овецъ посредствомъ *βῆ*, *βῆ*, обыкновенно проходять эту неблагопріятную для ихъ теоріи игру словъ у Аристофана полнымъ молчаніемъ¹⁾. Была, впрочемъ, попытка измѣнить самый текстъ Аристофана, чтобы устранить выводъ, истекающій изъ указанной игры звуковъ для произношенія *τ* въ эпоху Аристофана; но попытка эта, сдѣланная Векклейномъ²⁾, оказалась крайне неудачною. Выбѣто *βοηθεῖν* оно ставить въ данномъ мѣстѣ *βοηθεῖν*. Оправдая по всѣмъ пунктаамъ затѣю нѣмецкаго филолога, г. Пападимитракопуло не безъ справедливой ироніи замѣчаетъ, что тотъ же самыи Векклейнъ, если-бы дѣло касалось произношенія *ετ*, не задумался бы въ томъ же случаѣ выкинуть *ε*, лишь бы не дать греческому поэту повода стать въ противорѣчіе съ Эразмовской теоріей. Такая-же игра словъ несомнѣнна въ 927 и въ 928 стихахъ, въ словахъ *όη* и *όηνια*. Какъ тамъ хоръ не желаетъ принесенія въ жертву быка, чтобы не пришлось бы гдѣ-нибудь помочь и жертвовать своими водами *βοηθεῖν* и *βοηθεῖν*, такъ здѣсь онъ не хочетъ слышать и о закланіи тучной и большой свиньи, чтобы не породить свинства со стороны Феагена. Что здѣсь *τ* въ словѣ *όηνια* для произведенія вытекающаго изъ созвучія эффекта должна была произноситься созвучнымъ съ *ε* въ *όη* образомъ, это также само-собою бросается въ глаза, и г. Пападимитракопуло правъ, когда говорить, что это легко понять, стоитъ только на мѣсто дательного *όη* поставить родительный *όης* или винительный *όη*. Какую важную

¹⁾ Само собою разумѣется, что и Блассъ, который съ особыннымъ ударениемъ приводить овечій аргументъ въ пользу своей теоріи (стр. 26 3-го изд.), не дѣлаетъ даже никакого намека на приведенное нами мѣсто Аристофана. И это тѣмъ болѣе непростительно, что на игру созвучія въ благопріятномъ новогреческому произношенію смыслъ указываетъ и сколіасть Аристофана.

²⁾ *Circae epigraphicae*, Lips. 1869, p. 47.

роль въ этихъ стихахъ играеть звукъ *i*, видно и изъ непосредственно слѣдующихъ затѣмъ пяти стиховъ, гдѣ трижды ударяется на слово *ōē*, при чёмъ поэтъ нарочно пользуется юнической формой для того, чтобы вышла игра дательного падежа слова *ōē*, овца, съ междометіемъ страха, чтобъ, замѣтимъ мимоходомъ, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе и о произношениі азиницами дифтонга *oi*, какъ единогласнаго, а не какъ двугласнаго звука.

Очень интересную игру словъ у Аристофана въ пользу произношениія азиницами Периклова вѣка *т* какъ *т* г. Пападимитракопулъ находитъ въ другой его комедіи, въ *Птицахъ*, ст. 1203—1204. Пиѳетэръ спрашивается явившуюся въ какомъ-то странномъ костюмѣ въ птичий городъ вѣстницу боговъ Ириду, какъ ее зовутъ,—кораблемъ, или дорожной шляпой (*χουῆ?*)²⁾ Та отвѣчаетъ: *'Ιρις ταχεῖα* (быстрая Ирида). Пиѳетэръ, полагая, что она называетъ себя однимъ изъ двухъ казенныхъ азинскихъ кораблей, употреблявшихся для государственныхъ и религіозныхъ надобностей (перевозки оеорій на о. Делось, для отправленія пословъ въ иностранныя государства и т. п.), спрашивается, который же она изъ этихъ двухъ кораблей: *Πάραλος ἡ Σαλαμίνια*, Парамійская, или Саламинская галера? Вопросъ этотъ можетъ быть понятенъ только въ томъ случаѣ, если Пиѳетэръ дѣйствительно слышался, думая, что богиня, походившая своимъ костюмомъ на судно, назвала себя не *'Ιρις*, а *τριτύρης*, словомъ, которое и дѣйствительно подразумѣвается какъ существительное при *Πάραλος* и *Σαλαμίνια*. Не ожидавшая такого странного вопроса Ирида, въ недоумѣніи спрашивается: это чѣмъ такое (*τι δὲ τοῦτο?*)? Такимъ, образомъ благодаря игрѣ словъ, основанной на со-звучії, происходитъ комическая картина, которая представляется совершенно ясною только тогда, когда мы знаемъ, что поэтъ дѣлаетъ возможнымъ для актёра принять слово *'Ιρις* за *τριτύρης*, а это могло имѣть мѣсто только при сходствѣ въ живой рѣчи звуковъ, выражаемыхъ посредствомъ *т* съ звуками, выражаемыми ятою. Думать же, какъ это принято у нѣмецкихъ комментаторовъ, что Пиѳетэръ понялъ *'Ιρις* какъ название судна, значитъ не только ослабить комический эффектъ сцены, но и сдѣлать отнесение словъ *Πάραλος ἡ Σαλαμίνια* къ *'Ιρις*, какъ названію судна, трудно объяснимымъ. Развѣ эти государственные галеры, и та и другая, носили специальное название *'Ιρις*? А безъ этого странного предположенія нельзя обойдтись, коль скоро

²⁾ Такую шляпу носили въ путешествіи для защиты отъ солнца. а также и дожда.

Пиоетэръ спрашиваетъ: какая *Ирида* (!). Паралійская, или Саламинская? Очевидно, онъ спрашиваетъ не какая *Ирида*, а какая *трирема* (судно, корабль, галера), тщѣртс. Но такъ какъ богиня себя называетъ своимъ именемъ Иридой, а Пиоетэръ, ослышавшись, думаетъ о государственной быстроходной афинской триремѣ, то и понятно недоумѣніе Ириды, уже отрекомендовавшей себя (ст. 1202) прямо посланицей Олимпійскихъ боговъ,—недоумѣніе, выражающееся въ вопросѣ: тѣ бѣ тобо. Понятно также и то, почему ни одинъ нѣмецкій комментаторъ не пришелъ къ комбинаціи, которая явилась такъ естественно у г. Пападимитракопуло. При Эразмовскомъ чтеніи такая счастливая комбинація и не могла прийти въ голову. Заблужденіе, какъ мы видимъ, наказываетъ само себя.

Такимъ образомъ, благодаря искусной комбинаціи, явившейся у г. Пападимитракопуло при чтеніи Аристофана, мы пріобрѣтаемъ не одинъ важный фактъ въ подтвержденіе того, что афинская публика еще въ пятомъ столѣтіи до Р. Х. относилась къ тѣ какъ къ буквѣ, выражавшей тотъ же или почти тотъ же звукъ, какой выражала съ: иначе разумное объясненіе приведенныхъ мѣстъ изъ *Мира* и *Птицы* невозможно. Что тѣ еще раньше произносилась въ известныхъ слу чаяхъ у Аенианъ какъ съ, это мы знаемъ изъ пояснительного свидѣтельства Платона о произношеніи слова *тнрѣз* какъ *тнрса*. Этого было бы достаточно для того, чтобы сбить съ позиціи эразмистовъ въ единственномъ пункѣ относительно произношенія гласныхъ и дву гласныхъ звуковъ, где они еще имѣли нѣкоторую точку опоры въ своихъ вылазкахъ противъ новогреческаго произношенія. Но у насъ есть цѣлый рядъ документальныхъ данныхъ въ доказательство того, что въ живомъ аттическомъ языке произношеніе тѣ и съ смѣшивалось, такъ что тѣ звучало какъ съ въ афинскомъ народѣ уже въ классической періодѣ греческой литературы. Мы имѣемъ рядъ надписей отъ 4-го вѣка, вѣка Платона, Ксенофonta и великихъ афинскихъ ораторовъ—Исократа, Иперида, Эсхина и Демосѳена. Эти данные ни Бласу, ни его послѣдователю Мейстергансу разумѣется не известны, несмотря на то что этотъ послѣдній посвятилъ специальный трудъ аттическимъ надписямъ подъ заглавиемъ: „Grammatik der attischen Inschriften“ (2-е изд., Берлинъ 1888). Но словамъ этого специалиста въ знакомствѣ съ аттическими надписями, въ надписяхъ этихъ встрѣчаются, да и то лишь отдельные, случаи смѣшения тѣ съ съ только съ 150 по Р. Х. ¹⁾). хотя онъ и признаетъ, что пере

¹⁾ См. р. 15: „*t* wird seit 150 n. Chr. vereinzelt mit *s* vermischt.“

ходъ тѣ въ і совершился уже къ 250 по Р. Х.¹⁾. Чѣм же касается Бласа, то онъ, убѣжденный, что еще въ 4 ст. по Р. Х. тѣ вполнѣ удерживало свое значение долгаго e. не только не знаетъ никакихъ аттическихъ надписей, противорѣчащихъ его заявленію, но и совершенно закрываетъ глаза на всю ту массу греческихъ надписей изъ всѣхъ странъ греческаго міра, которая указываетъ на несомнѣнныи переворотъ въ произношениі тѣ задолго до 4-го столѣтія христіанской эры. Вмѣсто многихъ надписей такого рода,²⁾ онъ знаетъ лишь нѣсколько (*einzelne*), о которыхъ говорить съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ о такихъ, которые едва ли въ состояніи выдержать критическую по-вѣрку. Да наконецъ, прибавляетъ онъ, если противъ надписей и нечего было бы сказать, то все-таки онѣ свидѣтельствовали бы только въ пользу народнаго произношенія (*nur f眉r Volksaussprache*), а не въ пользу всеобщаго произношенія (*nicht f眉r allgemeine Aussprache*)³⁾. Эти разсужденія профессора Бласа могутъ служить хорошимъ образцомъ научности его пріемовъ въ разработкѣ вопроса о греческомъ произношениі. Все, что можетъ говорить въ пользу его теоріи, хотя бы оно совсѣмъ не шло къ дѣлу, каковы напр. теоретическія разсужденія латинскихъ грамматиковъ позднѣйшаго времени, онъ принимаетъ какъ важныя доказательства, все же, чѣмъ говорить противъ нея, хотя бы это были важные факты надписей, самые неподкупные и самые живые свидѣтели въ пользу древней основы нынѣшняго греческаго произношенія, устраивается имъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, какъ бы онъ находился не въ роли ученаго, который обязанъ все взвѣшивать строго и беспристрастно, а въ роли адвоката, которому нужно вѣро чѣто то ни стало защищить клиента. Сказать, что противорѣчащие его теоріи факты въ надписяхъ не всегда въ состояніи вы-

¹⁾ ibid.

²⁾ Больше десятка, въ видѣ примѣра, было приведено мною въ статьѣ „Вопросъ о греческомъ произношениі“ (*Журн. Мим. Нар. Пробл.*, мартъ, 1890, стр. 112; въ отдельномъ оттискѣ стр. 18—19).

³⁾ Вотъ это мѣсто въ подлиннике: *Gegenfiber diesen Zeugnissen* (рѣчь идетъ у него объ употреблении едва передача тѣ въ латинскомъ письмѣ и такой же транскрипціи въ большинствѣ (?) случаевъ въ готскомъ переводѣ Библіи Ульфими) *vermogen einzelne Beispiele von vertauschten η и ε, die man aus Inschriften der Kaiserzeit oder einer noch fr黨eren anf眉hrt, um so weniger ein Gewicht abzugeben, als diese Beispiele einer kritischen Pr膄fung manchmal schlecht Stand halten. Und auch wenn sie noch so feststehen, sind sie doch gegenfiber jenen allgemeinen Aussagen immer nur f眉r Volksaussprache, nicht f眉r allgemeine Aussprache beweisend* (Ueber die Aussprache etc. p. 37 8-го изд.).

держать критическую повѣрку и не привести при этомъ ни одного слова въ подтверждение своего подозрѣнія— развѣ это похоже на научное разсужденіе? Сказать, даѣте, что если бы факты эти и стояли твердо, то это указывало бы только на народное произношеніе, а не на общее (?) произношеніе — значить ли такимъ разсужденіемъ решать вопросъ о живомъ греческомъ произношеніи? Признаться, мы даже не совсѣмъ понимаемъ, что разумѣть проф. Блasse подъ „общимъ произношеніемъ“, въ противоположность народному. Если онъ подъ общимъ произношеніемъ разумѣеть произношеніе всѣхъ греческихъ странъ, то такого общаго произношенія, то-есть совершенно одинакового всюду, разумѣется, никогда не было, да и быть не могло, какъ его нѣтъ и теперь ни для какого языка въ мірѣ. Если же подъ общимъ произношеніемъ онъ подразумѣваетъ то, которымъ обладаетъ въ большей или меньшей степени классъ людей образованныхъ, писателей, ученыхъ, то употребленное имъ выраженіе не вѣрно. Да и откуда мы можемъ знать, что народное произношеніе въ данномъ словѣ не было произношеніемъ и образованнаго общества? Извѣстно правописаніе? Да правописаніе во всѣхъ языкахъ, какъ это было и въ греческомъ, слѣдуетъ теоріи, которая продолжаетъ жить столѣтія и даже тысячетѣтия, какъ это именно случилось съ греческимъ языкомъ, а произношеніе во многихъ случаяхъ уже давнымъ давно не имѣть съ нимъ ничего общаго. Наконецъ, въ произношеніи именно и важно знать, какъ произносить народъ, который въ такой странѣ, какъ Аттика, былъ и публикой. А мы уже знаемъ, что этой публикѣ, слушавшей въ театрѣ пьесы Аристофана, иногда предлагалась поэтомъ игра словъ, прямо основанная на созвучіи между т и т. Если афинская публика эту игру понимала,—а думать противное нѣть основанія,—то только потому, что таково было ея произношеніе. А что она смѣшивалась въ произношеніи т и т, объ этомъ говорять намъ между прочимъ и нѣсколько дошедшихъ до насъ аттическихъ надписей 4-го столѣтія до Р. Х., которыхъ не замѣтили ни Блasse, ни Мейстергансъ, не замѣтили, быть можетъ потому, что, замѣтивши, они не знали бы, чѣмъ съ ними дѣлать.

Г. Пападимитракопулъ не приводить ни этихъ надписей, ни даже ссылокъ на нихъ въ томъ этюдѣ, который послужилъ поводомъ къ настоящей нашей статьѣ, но онъ говорить о нихъ въ своемъ большомъ трудѣ „Βάσανος τῶν περὶ τῆς ἀλληγορίας προφορᾶς Ἐρασμίου ἀποδιξεων“ на который мы уже столько разъ указывали. Вотъ факты изъ аттическихъ надписей, приведенные въ „Βάσανος“ (р. 535) и иною про-

вѣренные по *Copius Inscriptionum Atticarum* берлинской академіи. Во II томѣ С. I. А. въ двухъ надписяхъ (754, 13 и 755, 7) встрѣчается правописаніе Θωάνѣ вмѣсто Θωάնη. Надписи, въ которыхъ находится это слово, относятся къ 108 олимпіадѣ, то-есть къ половинѣ IV вѣка по Р. Х. Кѣльеръ въ транскрипціи надписей въ томъ и другомъ случаѣ вмѣсто : поставилъ ; впрочемъ, поставилъ ее въ скобкахъ. Такого же рода правописаніе θερμαστѣ вмѣсто θερμαστὴ, встрѣчающееся въ тѣхъ-же двухъ надписяхъ¹⁾; θλѣ вмѣсто θλῆ въ надписи 114 олимпіады (321 до Р. Х.)²⁾, наконецъ, ἀρετѣ вмѣсто ἀρετὴ въ надписи 118 олимпіады (304 до Р. Х.)³⁾. Болѣе позднихъ надписей, равно какъ и надписей изъ другихъ мѣстъ Греціи, гдѣ : замѣняетъ η, мы не приводимъ, такъ какъ наша цѣль здѣсь была только доказать, что даже въ Аттицѣ, и притомъ въ классическое время, въ живой рѣчи звуки η и : если не вездѣ, то во многихъ случаяхъ, совпадали. Эти описки рѣщика и при томъ неоднократный въ одномъ и томъ же случаѣ, или даже сознательное употребленіе : тамъ, гдѣ по grammatischen правиламъ должна была стоять непремѣнно η, были возможны только потому, что онъ слѣдовала произношенію, забывая о grammatischer теоріи. Когда пишутъ *хлебъ* вмѣсто *хлѣбъ*, то это происходить отъ того, что произношеніе ε и η въ нашемъ языкѣ теперь одинаково.

Г. Пападимитракопулъ полагаетъ, что η вообще не имѣла въ Эвклидовомъ алфавитѣ чистаго звука открытаго ε, но приближалась все болѣе и болѣе къ звуку i. Этимъ онъ объясняетъ то, что золяне писали Αἰσίδος. вм. Νοϊόδος, αἴσιος вм. ἡμίοδος, αἴσιος, а не ἡμίονος⁴⁾), хотя мы должны замѣтить, что въ Беотіи, наоборотъ, вслѣдъ за принятіемъ Эвклидова алфавита η стала замѣнять именно тотъ звукъ, который въ другихъ мѣстахъ стали стремиться выражать посредствомъ :⁵⁾). Но такъ какъ у юніанъ η продолжала выражать собой открытое долгое

¹⁾ С. I. А. II, 754, 29 и 755, 21. Въ книгѣ г. Пападимитракопулъ ссылки на эту надпись указаны не вѣрно (очевидныя опечатки).

²⁾ С. I. А. II, 1069, 9: τὴν δὲ θλῖν καὶ τὴν γῆν.

³⁾ С. I. А. II, 258, 16: ἀρετѣ[ς] ἔνεκα καὶ [δεκα]ασύνης. Впрочемъ, такъ какъ окончаніе слова ἀρετѣ попорчено, желающіе могутъ оспаривать присутствіе здѣсь иоты.

⁴⁾ Herodian., ed. Lentz., 521, 7; *Collitz, Sammlung der griech. Dialekt-Inscriptionsen*, 218, 9. 11.

⁵⁾ См. обѣ этомъ въ моей статьѣ: Вопросъ о греческомъ чтеніи (*Журн. Мин. Нар. Прое.*, 1890, марта, стр. 104; въ отд. оттиск. стр. 10).

въ общихъ съ ними словахъ и аенияне могли держаться этого произношения, какъ напримѣръ, въ словѣ λήθαργος, чтоб Аристофанъ ясно даетъ понять, когда пишетъ это слово во *Всадникахъ* (ст. 1068) λαίθαργος. Что аенияне въ эпоху Аристофана пользовались и буквой η для выражения долгаго открытаго ε. г. Пападимитракопулъ этого не отвергаетъ¹⁾.

Мы нарочно остановились дольше на буквѣ η, такъ какъ произношение этой буквы, какъ было замѣчено раньше, составляетъ наиболѣе сильный пунктъ эразмовской теоріи. Если пунктъ этотъ, раньше ослабленный по отношенію къ разныемъ странамъ греческаго міра и явно несостоятельный по отношенію къ произношению христіанской эпохи, теперь поколебленъ и по отношенію къ Аттицѣ, даже въ классической періодъ ея литературы, то для Эразмовскаго произношения нѣть болѣе никакой точки опоры, такъ какъ все остальное въ этой теоріи, за нѣкоторымъ исключеніемъ относительно буквы φ, совершенно произвольно или слишкомъ мелко и опровергается безъ малѣйшаго труда.

Отлагая до другаго случая приведеніе имѣющихся въ нашемъ распоряженіи новыхъ и важныхъ данныхъ въ пользу произношенія ει какъ долгаго и открытаго ε перейдемъ къ другимъ дифтонгамъ. Но относительно произношенія дифтонга ει, какъ ι, намъ нечего распространяться: такъ много эпиграфическихъ данныхъ со всѣхъ мѣстъ Греціи говорятъ о раннемъ употреблении этого дифтонга, какъ долгаго ι. Чтобъ же касается Аттики, которую мы специально имѣемъ теперь въ виду, то въ прежней статьѣ у насъ были приведены двѣ надписи—одна половины 5-го столѣтія до Р. Х., а другая отъ 4-го столѣтія, какъ свидѣтельства о произношеніи ει, какъ ι, въ Аттицѣ уже въ классическое время греческой литературы²⁾. Въ доказательство, что въ это время дифтонгъ ει имѣлъ звукъ простой, а не сложный. г. Пападимитракопулъ очень удачно приводить изъ *Птицы* шутку Аристофана, который въ насмѣшку надъ парикмахеромъ Споргиономъ превращаетъ птицу κτερόλος въ καιρύλος (κείρω, стригу). Этую простоту звука ει еще болѣе доказываютъ у Аристофана выводимые имъ

¹⁾ Онъ между прочимъ говоритъ: „Qu'à l'époque d'Aristophane et d'Euripide on fit usage de l'ι, dans les écrits particuliers, cela ressort clairement d'un fragment de la tragédie d'Euripide, Θησές, qui est perdue (№ 385). См. *Le poète Aristophane etc.* р. 5—6, отд. оттиска.

²⁾ Это надписи: Διός Μιλέχο (изъ 'Εφέμερίς ἀρχαιολογική 1889, р. 51) и Μιλέχιψ Διί рядомъ съ Μελιγιψ Διί (изъ *Bullet. de corresp. hellénique* 1883, р. 507—509).

варвары, персы Псевдартава въ *Ахарната* (1001) и скієнь полицейской (τοξότης) въ *Фесмоборіазусах* (1001 слд), когда имъ у поэта виѣсто ει подставляется ι, какъ людямъ, которые не различаютъ долгихъ и короткихъ слоговъ въ греческомъ языке. Г. Пападимитракопуло по этому поводу не безъ основательной ироніи замѣчаетъ, что варвары въ этихъ случаяхъ ни разу не произносятъ ει виѣсто ι, какъ это для нихъ было бы легко, если бы они слышали въ греческихъ устахъ произношеніе ει по Эразму (эй), а всегда одну ι. То, что варвары дѣлали по желанию поэта, какъ люди, которымъ чужды были тонкие оттенки звуковъ звѣзда, выражавшіеся слогами долгими и короткими, въ послѣднія столѣтія до Р. Х. и въ послѣдующее время стало общимъ для малообразованныхъ грековъ всѣхъ странъ, не исключая Аттики, именно: они стали терять просодическую разницу между долгимъ звукомъ, выраженнымъ черезъ ει, и короткимъ, выраженнымъ черезъ ι, и безразлично употреблять одно за другое. Особенно часто стало употребляться ει виѣсто ι безъ всякаго различенія долготы и краткости. Такимъ образомъ, употребляясь съ древнѣйшихъ порь въ разныхъ діалектахъ и въ частности въ аттическомъ какъ долгое ι, ει превратилась со временемъ безразлично въ звукъ ι, въ аттическихъ надписяхъ по крайней за 100 лѣтъ до Р. Х.¹). При этомъ можно мимоходомъ отмѣтить два характерныхъ факта. Въ Беотіи, послѣ скілидовой реформы греческаго алфавита, ει стала замѣнять собой ει, а ει стала писаться виѣсто η, которая, въ свою очередь, стала употребляться виѣсто ει. Въ аттическихъ надписяхъ первого столѣтія до Р. Х., когда уже ει сплошь да рядомъ писалась виѣсто ι, даже короткой, мы видимъ обратное явленіе: η стала нерѣдко писаться виѣсто ει, именно: въ окончаніяхъ прилагательныхъ и существительныхъ на εια и ειος²). Но это явленіе не продолжалось дольше времени Нерона. Заключать отъ этого правописанія, которое и Мейстергансу кажется „eine eigentümliche Erscheinung“, къ выговору дифтонга ει въ это время ореографической путаницы нѣть основаній, хотя Мейстергансъ³) и Блассъ⁴) и стараются этими данными выиграть что-

¹⁾ См. многочисленные примѣры этого превращенія у Мейстерганса: Grammatik der attischen Inschriften, p. 38 2-го изд.

²⁾ См. примѣры у Мейстерганса, Grammatik etc., p. 37, 2-го изд. Между ними можно отмѣтить: εὐεργέτης, θεράπητα, ἑρτη, Галатѣа, Геруаніхѣа, Αρηος πάγος, Αργυρος, Λόχηρος, Μήδηρος.

³⁾ Ibid. p. 38.

⁴⁾ Уебер die Aussprache etc., p. 59.

небудь въ пользу звука *ε* въ дифтонгѣ *ει*. Во-первыхъ, тутъ идетъ рѣчь о слогахъ, изъ которыхъ многія раньше писались съ окончаниями *ει* (какъ напримѣръ, Μηδέα, ιέρεα, Ἡδέα) и *εος* ("Αρεος πάγος"¹). и потому замѣна короткой гласной долгою гласною въ замѣнѣ обычнаго въ это время дифтонга казалась иѣкоторымъ грамотѣямъ цѣлесообразною; во-вторыхъ, произношеніе *η* въ первомъ вѣкѣ до и по Р. Х., какъ видно изъ вышеприведеннаго, не могло быть въ видѣ звука *ε*, а въ третьихъ, значеніе *ει*, какъ звука одновзвучнаго съ *ι*, до того было въ это время всеобще и безспорно, что, какъ мы приводили въ прежней статьѣ, латинскій грамматикъ Нигидій Фигулъ, современикъ и другъ Цицерона, человѣкъ обширной учености, выражая недоумѣніе по тому поводу, что греки ввели въ употребленіе дифтонгъ *ει*, когда нѣмъ (при существованіи *ι*) не было никакой необходимости ²).

Но мы не должны уклоняться отъ Аристофана. Мы знаемъ, что онъ даетъ намъ противъ Эразмовской теоріи произношенія *η* и *ει*. Что же онъ даетъ намъ по отношенію къ произношенію *οι*?

Онъ даетъ намъ прямо понять, что звукъ *οι* былъ близокъ къ *ι*, когда онъ нарочно употребляетъ въ *Мирѣ* (ст. 929) іоническую форму дательного падежа въ словѣ *οι* вместо аттической *οῖ*, такъ какъ только первая, будучи рѣзко отличена по произношенію отъ послѣдней ³), могла быть прямо принята и за междометіе страха ⁴). Близость этихъ звуковъ, исключающая возможность двугласнаго произношенія въ Аристофановскую эпоху дифтонга *οι*, засвидѣтельствована по отношенію къ аттическому нарѣчію Θукидидомъ, рассказывающимъ ⁵) о спорѣ, возникшемъ во второй годь Пелопонесской войны между афинянами по поводу словъ оракула, предсказавшаго Пелопонесскую войну вмѣстѣ съ моровой язвой (*λοιφός*), или, какъ иѣкоторые думали, съ голодомъ (*λιψός*). Возможность этого спора ясно показываетъ, что во всякомъ случаѣ афиняне въ самую классическую пору своей литературы, въ вѣкѣ Перикла, не произносили дифтонга *οι* на манеръ эразмистовъ. Конечно, у Бласа нѣтъ упоминанія не только объ игрѣ словъ у Аристофана, но и о свидѣтельствѣ Θукидіда. Такіе

¹) См. у Мѣйстерганса, р. 32—35.

²) Gell. *Noct. Att.*, XIX, 14 въ концѣ.

³) По Эразмовскому произношенію та и другая звучали бы одинаково, и потому не было бы для поэта надобности прибѣгать для афинскихъ гражданъ къ іонической формѣ.

⁴) Τυ' οι καθίμενοι ὅπο τοῦ δέους λέγωσα' ιωνικῶς οἱ (ст. 931—933).

⁵) II, 54,

факты не удобны для его тенденциозного трактата о произношении въ греческомъ языке.

Но дифтонгъ *oi* не былъ въ вѣкъ Перикла выражениемъ :: его звукъ лишь подходилъ къ этому звуку. Онъ вышло изъ *o*. На это намъ прямо указываютъ древнѣйшая беотійскія надписи ¹⁾; да сльды такого правописанія сохранились и изъ Аттики, какъ показываетъ форма *Кроёс* на одной аттической вазѣ ²⁾), указываемая и Бласомъ, хотя и въ выносѣ. Если же это такъ, то о звукѣ *oi* въ *oi* не можетъ быть рѣчи. Какой же тутъ былъ звукъ на самомъ дѣлѣ? На этотъ вопросъ прежде всего даетъ отвѣтъ беотійская замѣна въ половинѣ III столѣтія до Р. Х. *o* посредствомъ *o*, замѣна, которая, какъ видно изъ примѣровъ, приводимыхъ мною въ прежней статьѣ ³⁾), была не чужда и другимъ странамъ греческаго міра (острову Криту, Черноморскому колоніямъ), не исключая самой Аттики. изъ послѣднихъ надписей которой Мейстергансь приводить многочисленные случаи замѣны *o* посредствомъ *o* ⁴⁾). Это значитъ, что дифтонгъ *oi* въ по-Эвклидовскомъ алфавитѣ имѣлъ звукъ близкій къ французскому *u*. Но съ другой стороны мы знаемъ, что еще Менандръ, выступившій на литературную арену въ послѣдней четверти IV столѣтія до Р. Х., то-есть по смерти Александра Македонскаго, писалъ въ своихъ комедіяхъ *oikos* вместо *oikos*: аттическія надписи также даютъ намъ примѣры подобной замѣны *o* посредствомъ *ai* (*boi*, *toi*; *loiktei*) ⁵⁾). Отсюда уже ясно, что дифтонгъ *oi* въ Аттике прямо напоминаетъ собой звукъ *i*. Звукъ, который съ одной стороны замѣняется посредствомъ *o*, съ другой—посредствомъ *ai*, есть (теоретически говоря) тотъ средній звукъ, который заключается въ нѣмецкомъ *ü*, произносимомъ одними скорѣе какъ *ю* (Мюллеръ), другими скорѣе какъ *i* (Миллеръ). Но это *oi*, въ своей стариинной формѣ *oe*, было

¹⁾ Формы *Πολιαράτος*, *Μοέρχος*, *Κοέρανος*, *Χοερίλος*, приведены нами въ прежней статьѣ по сборнику Рѣха, I. G. A. 154 и 157

²⁾ С. I. G. 7756.

³⁾ Ueber die Aussprache etc. p. 56.

⁴⁾ Журн. *Мин. Нар. Прогр.*, мартъ, 1890, стр. 111; отд. класс. фил.); отдельнымъ оттискѣ стр. 17.

⁵⁾ Grammatk. etc., p. 46: *ἀνύξε* въ *ἀνοίξαι*, *ἐνύξας*, *κυρητέριον*, *κυρητίριον* и *κυρητίριον* (26 разъ), *όχετήριον* (всѣ изъ III т. С. I. A.); между случаями обратной замѣны черезъ *o* имъ отмѣчены: *Ποιανψιῶνα*, *οἰαλᾶ* (также изъ III С. I. A.).

⁶⁾ См. ссылки въ моей прежней статьѣ, ibid.

перенесено и въ римское правописаніе для обозначенія именительного множественного 2-го склоненія. Такъ, до насъ дошли, приводимыя изъ Салійскаго гимна, формы: *r̄iūm̄p̄oē pop̄oē*¹⁾), равно какъ форма *fescenīnōe*²⁾), а потомъ въ подражаніе этому правописанію писалось заглавіе переведенной съ греческаго комедіи Теренція *Adelph̄i*: *Adelphoē*. Какъ эта латинская орѳографія стариннаго времени, взятая съ греческаго, для обозначенія звука, выражавшагося потомъ прямо черезъ *i*, такъ и замѣна греческаго *o* въ древнѣйшее время посредствомъ *oe*, а потомъ черезъ *o* и *eu*. ясно показываютъ, что въ основѣ *o* лежалъ звукъ *i* съ тѣмъ или другимъ оттѣнкомъ, не заключавшій въ себѣ никакого подобія тому произношенію, которое, подъ именемъ Эразмовскаго, принято въ нашихъ гимназіяхъ и университетахъ.

На этомъ мы пока и остановимся.

В. Медестовъ.

¹⁾ Fest., p. 205 M.

²⁾ Paul. Diac., p. 86 M.

СОДЕРЖАНИЕ
ДВЕСТИ-ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.
(мартъ и апрѣль 1893 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Высочайшие повеления.

СТРАН.

1. (16-го ноября 1892 года). Объ учреждениі въ московскихъ мѣщанскихъ училищахъ, на проценты стъ пожертвованнаго мѣстными трактиродержателями капитала, двухъ стипендій, въ память чудеснаго спасенія Его Императорскаго Величества и Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 года.

3

2. (3-го декабря 1892 года). О временномъ допущеніи свидѣтельствованія документовъ, выдаваемыхъ изъ Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, однимъ изъ членовъ Виленской археологической комиссии

—

3. (10-го декабря 1892 года). О подчиненіи училищъ, состоящихъ при римско-католическихъ церквяхъ въ Имперіи, вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія

4

4. (1-го января 1893 года). О подчиненіи учебной части Баутренней киргизской орды вѣдѣнію Казанскаго учебнаго округа

—

5. (1-го января 1893 года). Объ учреждениі С.-Петербургскаго математического общества

—

Высочайшия награды по министерству народнаго просвѣщенія.

19

Высочайшия приказы по министерству народнаго просвѣщенія.

27-го февраля 1893 года

19

МИНИСТЕРСКИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

1. (19-го января 1893 года). Положение о стипендіи имени тайного советника Аракина въ университѣтѣ Св. Владимира	5
2. (19-го января 1893 года). Циркулярное предложение гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о внесении въ формулярные списки учителей уѣздныхъ училищъ надлежащихъ отмѣтокъ объ усердномъ веденіи ими метеорологическихъ наблюдений	6
3. (23-го января 1893 года). Положение о стипендіи имени вдовы контр-адмирала Маріи Алексѣевны Стройниковой при Севастопольской женской гимназіи.	—
4. (29-го января 1893 года). Положение о стипендіи имени покойного тайного советника Владимира Григорьевича Трирогова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ.	7
5. (31-го января 1893 года). Циркулярное предложение гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о передачѣ всѣхъ училищъ при римско-католическихъ церквяхъ въ Имперіи вѣдомству министерства народного просвѣщенія	8
6. (11-го февраля 1893 года). Положение о стипендіи имени дѣйствительного статского советника Владимира Ильича Грибанова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ	—
7. (11-го февраля 1893 года). Положение о двухъ стипендіяхъ, при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ рублей, завѣщанного потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Николаемъ Сергеевичемъ Мазуринымъ и заключающагося въ 12 облигаций 3-го восточного займа по 1.000 р. каждая за №№ 266195, 266196, 266197, 266198, 266199, 266200, 266201, 266202, 266203, 266204, 266205 и 266206 съ 17-ю купонами при каждой.	10
8. (19-го февраля 1893 года). Положение о стипендіи имени умершей вдовы тайного советника Ольги Николаевны Фаль-деръ-Флить при Псковской Марининской женской гимназіи	21
9. (23-го февраля 1893 года). Положение о стипендіи имени умершаго статского советника Владимира Бенедиктова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ	22
ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.	
21-го февраля 1893 года	24
ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ	
	11 и 30
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ	
	32
Открытіе училищъ	15
Официальные извѣщенія	33

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. Н. Веселовскій. Боккаччо о мифологии и поэзии	1 и 269
В. К. Мальмбергъ. По поводу метоновъ, найденныхъ въ Сен-Леонръ въ 1891 году	60
Ф. И. Леонтьевъ. Очерки истории литовско-русского права	69
Е. В. Пѣтуховъ. Болгарские литературные дѣятели древнейшей эпохи на русской почвѣ	298
Илл. И. Кауфманъ. Государственный долгъ Англии съ 1688 года до настоящаго времени (продолженіе)	323
Г. В. Форстенъ. Балтийский вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (продолженіе)	136 и 369
М. И. Каринскій. Объ истинахъ самоочевидныхъ (продолженіе).	450

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. Р—скій. Идеалистическое направление въ славянской наукѣ.	182
А. А. Васильевъ. Житіе иже во святыхъ отца нашего Феодора архіепископа Едесскаго. Изданіе И. Помяловскій. С.-Пб. 1892	201
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Археологическая извѣстія и заметки. Подъ редакціей А. В. Орловникова. 1893.	211
Д. В. Цвѣтаевъ. Отвѣтъ критику	213
А. И. Киричниковъ. О письмахъ монаха Іакова	261
Ф. Г. Мищенко. Къ Гомеровскому вопросу.	499
А. И. Лященко. Стихотворенія А. В. Кольцова. Подъ редакціей П. В. Быкова. С.-Пб. 1892	514
С. А. Адриановъ. Къ вопросу о покореніи Сибири	522
А. М. Гуляевъ. Александръ Невзоровъ. Опека надъ несовершеннолѣтними. Ревель. 1892	550
В. К. Мальмбергъ. Griechische Götterideale in Formen erläutert von Heinrich Brunn. München. 1893	556
Ф. Ф. Зѣлинскій. Дохмій. Глава изъ греческой метрики. Изданіе Я. Денисова. Москва. 1892	559
А. Н. Деревицкій. По поводу статьи С. Р—скаго „Идеалистическое направление въ славянской наукѣ“	562
Книжныя новости	263 и 563

ОТДѢЛЪ НЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература (разборъ 19 книгъ)

1 и 17

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

Наши учебные заведения: Среднія и низшія школы въ Киевскомъ	
учебномъ округѣ въ 1891 году	1 и 31
Императорская Цубличная Библиотека въ 1889 году	52
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	65
В. А. Лебедевъ. Юлій Эдуардович Ясонъ (<i>некрологъ</i>)	76

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Р. Х. Ленеръ. Къ вопросу о димахъ Аттики (<i>продолженіе</i>)	97
В. К. Ериштедтъ. Къ Ликургу оратору.	140
В. И. Модестовъ. Еще о греческомъ произношениі	141
С. А. Жебелевъ. Замѣтки къ двумъ Амиклейскимъ надписямъ.	1
Вал. В. Майковъ. Четыре эпиникия Пиндара въ честь Герона	
Сиракузского и Этнейского (<i>продолженіе</i>)	7
В. К. Ериштедтъ. Забытые греческія пословицы	23

